

СОВѢТЪ НАРОДНЫХЪ
Комиссаровъ

Петроградъ
10 - Марта 1918 г.
№ 744

ГЛАВНОМУ КОМИССАРУ ВСѢХЪ ВОЕННЫХЪ УЧЕБНЫХЪ
ЗАВЕДЕНІЙ.

/ Копія Господину Начальнику Академіи Генеральнаго
Штаба/.

В виду того, что ликвидація Военной Академіи или же преобро-
зованіе ея в высшее учебное заведеніе гражданскаго типа совершен-
но не соотвѣтствует ни видам правительства, ни потребностям време-
ни, Вам предлагается немедленно же задержать Ваше распоряженіе от
9-го сего марта за № 2735 на имя Начальника Николаевской Военной
Академіи и предварительно представить в Совнарком Ваш проект реор-
ганизаціи Николаевской Военной Академіи.

О выполненіи сего довести до свѣдѣнія Предсѣдателя Совѣта
Народныхъ Комиссаровъ.

Предсѣдатель Совѣта Народныхъ Комиссаровъ

Управ. ввп Сов. Нар. Ком.
за секретаря Совѣта

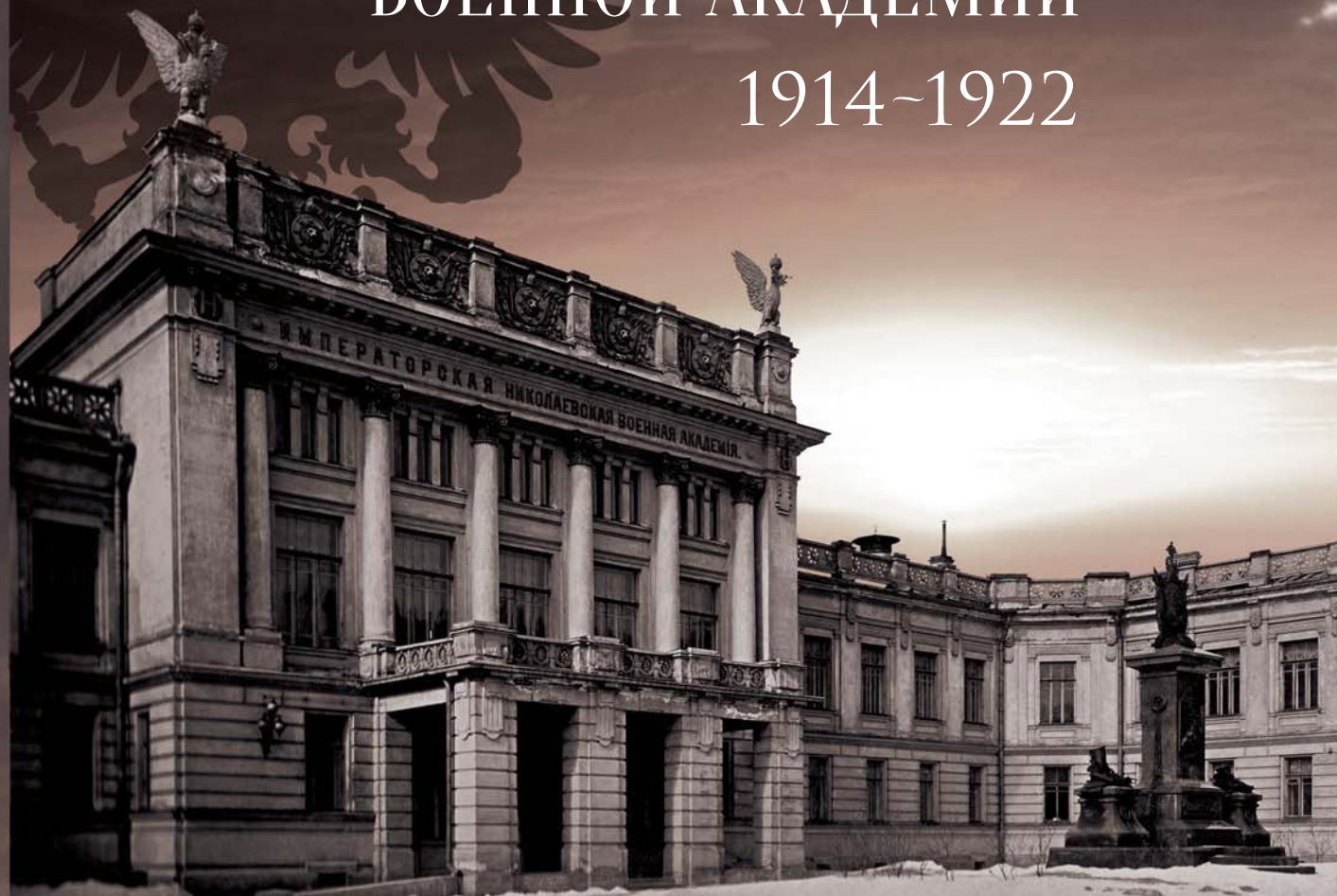
В. В. Ганин
Н. С. Ганин

ЗАКАТЪ НИКОЛАЕВСКОЙ
ВОЕННОЙ АКАДЕМІИ
1914 1922

А.В. Ганин

А.В. Ганин

ЗАКАТЪ
НИКОЛАЕВСКОЙ
ВОЕННОЙ АКАДЕМІИ
1914-1922

А.В. Ганин

ЗАКАТ
НИКОЛАЕВСКОЙ
ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ
1914–1922

Москва
Книжница 2014

УДК 94(47)
ББК 68.49 (2)
Г 192

ISBN 978-5-903081-24-0

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Рецензенты:

П.А. Новиков,

д.и.н., доцент, проф. кафедры истории и философии
Иркутского государственного технического университета (Иркутск)

А.А. Хисамутдинов,

д.и.н., ведущий библиограф Центральной научной библиотеки
Дальневосточного отделения РАН (Владивосток)

*Исследование осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258a2
«Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)»*

*На фронтисписе — фрагмент фотографии выпуска академии 1911 г.
НА ИРИ РАН. Публикуется впервые*

Ганин, А.В.

Г 192 **Закат Николаевской военной академии 1914–1922 / Андрей Ганин.** — М. : Книжница, 2014. — 768 с. : ил.

ISBN 978-5-903081-24-0

Монография известного военного историка, доктора исторических наук А.В. Ганина посвящена последнему периоду существования главного высшего военно-учебного заведения Российской империи — Императорской Николаевской военной академии. В эпоху Первой мировой и Гражданской войн в ней осуществлялась ускоренная подготовка офицеров на курсах военного времени. В 1918–1922 гг. академия эвакуировалась из Петрограда в Екатеринбург и Казань, затем в Томск и Владивосток, а после Гражданской войны была возвращена в Москву. В эти годы академия прошла через драматические испытания, побывала в противоборствующих лагерях, стала самостоятельной силой в военно-политической борьбе в белой Сибири. История академии, ее постоянного и переменного состава, судьбы этих людей в переломный для истории нашей страны период представляют значительный интерес. Не менее интересны деятельность связанных с этим высшим военно-учебным заведением антибольшевистских подпольных организаций и роль слушателей в попытках спасти семью последнего российского императора. Работа основана на изучении всех архивов академии, сохранившихся в России и за рубежом, материалы которых в основном впервые вводятся в научный оборот. Издание предназначено для всех интересующихся историей России в эпоху войн и революционных потрясений.

УДК 94(47)
ББК 68.49 (2)

© А.В. Ганин, 2014
© «Книжница», 2014

ВВЕДЕНИЕ

Главной военной академии старой России, Николаевской, история отвела очень символический, но непродолжительный временной отрезок. Основанная в ноябре 1832 г. в Санкт-Петербурге, она под разными наименованиями просуществовала ровно 90 лет до ноября 1922 г. События Первой мировой и Гражданской войн завершили историю академии, хотя ее библиотеки и архивы сохранились до наших дней.

Академия была подлинной кузницей кадров военной элиты дореволюционной России. Через горнило этого высшего военно-учебного заведения прошли тысячи офицеров. Некоторые из них стали выдающимися военными и государственными деятелями, внесли существенный вклад в развитие отечественной науки и культуры. Имена таких знаковых фигур, как генералы П.Н. Врангель, А.И. Деникин, М.И. Драгомиров, А.Н. Куропаткин, Д.А. Милютин, Н.Н. Обручев, Н.М. Пржевальский, А.А. Свечин, М.Д. Скобелев, А.Е. Снесарев, М.Г. Черняев, Б.М. Шапошников, Н.Н. Юденич, навечно вписаны в историю нашей страны.

Куда менее известны имена основной массы офицеров-генштабистов, составивших «черное войско», как в Русской императорской армии порой иронично именовали корпус офицеров Генерального штаба из-за цвета приборного сукна. Однако есть все основания считать этих офицеров проводниками военных знаний в толще русской армии, инициаторами и реализаторами военных реформ и, собственно, руководителями армии, ответственными за ее успехи и неудачи. И готовила эти кадры Императорская Николаевская военная академия.

Журнал исходящих бумаг академии за 1914 г. предварялся газетной вырезкой, на которой яркими красными буквами была выведена символическая надпись: «Бог в помощь!»¹ Безвестный составитель, конечно, не предполагал, что четырнадцатый год открывает эпоху, которая поглотит не только академию, но и саму Российскую империю.

Жизнь академии в годы войн и драматических революционных потрясений ничуть не менее интересна, чем ее «золотой век», относившийся к довоенному времени. При этом по насыщенности событиями период 1914–1922 гг. оставляет предшествующую эпоху далеко позади. Тем более что 1917 г. резко политизировал жизнь академии, а в событиях Гражданской войны на Востоке России академия, ее преподаватели и слушатели сыграли значимую военно-политическую роль. История академии в это время полна удивительных приключений, интереснейших событий, проявлений как жертвенности и героизма, так и интриг, предательства, коварства и подковерной борьбы. Наконец, нуждается в специальном разъяснении вопрос о том, попала ли академия в плен или сдалась антибольшевистским силам добровольно.

Первый период истории академии (до 1882 г.) получил глубокое освещение в классической работе выпускника академии генерал-майора Н.П. Глиноецкого, скрупулезно проанализировавшего зарождение и становление академии². Последующая эпоха академической истории до Первой мировой войны так или иначе описывается в ряде трудов³.

¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1528. Л. 2.

² *Глиноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882.

³ *Изонов В.В.* Подготовка военных кадров в России (XIX – начало XX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1998; *Машкин Н.А.* Высшая военная школа Российской империи XIX – начала XX века. М., 1997; *Steinberg J.W.* All

Однако последние годы существования академии, ее путь через две войны (мировую и Гражданскую) и две революции пока не стали предметом специального монографического исследования. Историография вопроса сравнительно невелика и ограничивается лишь рядом статей и небольшими фрагментами монографических работ обзорного характера, либо посвященных частным аспектам истории академии и связанных с ней сюжетов (особый интерес традиционно вызывает роль академии в попытках спасения семьи Романовых в Екатеринбурге, хотя многочисленные авторы порой лишь воспроизводят одни и те же сведения на этот счет)⁴.

К сожалению, отдельные работы, касающиеся частных аспектов истории академии этого времени не свободны от ошибок. Далеко не все публикации могут быть отнесены к оргинальным архивным исследованиям. Встречаются непрофессиональные публикации и даже явные компиляции, пересказывающие ранее известные сведения или тиражирующие мифы об академии. Недостаточное освещение темы создало поле и для осознанных спекуляций отдельных недобросовестных авторов, не владеющих фактическим материалом и осуществляющих произвольный отбор источников⁵.

the Tsar's Men: Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914. Washington, DC; Baltimore, 2010; *Брунук Н.Ю.* Преподаватели и слушатели Императорской Николаевской военной академии накануне Первой мировой войны // Под сенью Чесменского дворца: Россия в XVIII – начале XXI в. СПб., 2012. С. 26–34; и др.

⁴ *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 70–72, 83–88, 181–186; *Михайлов В. [Войнов В.]* Из истории Николаевской... // Урал. 1992. № 3. С. 163–164; *Войнов В.М.* Николаевская академия Генерального штаба в Екатеринбурге // Уральская старина. 1994. Вып. 1. С. 9–17; *Константинов С.И.* Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург, 1997. С. 177–179; *Плотников И.Ф.* Екатеринбургский этап деятельности академии Генерального штаба (Николаевской) и его финал // Национальная культура и защита Отечества. Кострома, 1998. С. 37–40; *Лосунов А.М.* «Дело» генерала А.И. Андогского // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея (Омск). 1999. № 7. С. 193–200; *Бушин А.Ю.* Академия Генерального штаба в гражданской войне 1918–1922 гг. // Проблемы отечественной и всеобщей истории: сб. науч. тр. Усурийск, 2001. С. 169–173; *Кавтарадзе А.Г.* «Скорее пополнить действующую армию... офицерами, ознакомленными со службой Генерального штаба» // Военно-исторический журнал. 2002. № 1. С. 48–55; *он же.* Николаевская военная академия при Временном правительстве // Военно-исторический журнал. 2002. № 9. С. 40–43; *он же.* «Советское рабоче-крестьянское правительство... признало необходимым и учреждение... высшего военно-учебного заведения» // Военно-исторический журнал. 2002. № 10. С. 32–40; *Авдеев В.В.* Издательская деятельность Николаевской военной академии на территории «белой» Сибири // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Кемерово, 2002. С. 98–100; *Плотников И.Ф.* Правда истории. Гибель Царской Семьи. Екатеринбург, 2003. С. 124–132; *Кручинин А.М.* Надежды восемнадцатого года: страницы истории екатеринбургского антибольшевистского подполья 1918 г. // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2004. № 14. С. 13–26; *Волков Е.В.* Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 75–78; *Патков С.* В тупике: Последние дни академии Генштаба и белой армии на Востоке России в описании генерала Антоновича // Голоса Сибири. Литературный альманах. Кемерово, 2006. Вып. 3. С. 375–381; *Плотников И.Ф.* Гражданская война на Урале (1917–1922 гг.). Энциклопедия и библиография: в 3 т. Екатеринбург, 2007. Т. 1. С. 20–21; *Ларьков Н.* Академия Генерального штаба в Томске // Сибирская старина. Краеведческий альманах (Томск). 2010. № 26. С. 11–13; *Жук Ю.А.* Вопросительные знаки в «Царском деле». СПб., 2013. С. 303–311; *Тимофеев А.Н.* Из истории академии Генерального штаба и ее ускоренных курсов военного времени (лето–осень 1918 г.) // Индикатор (Ижевск). 2014. № 1 (18). С. 29–43; *Шевченко В.* Русский преподаватель для Хирохито (генерал Андогский) // Голос эпохи. Литературно-общественный журнал (Москва). 2014. Вып. 2. С. 215–219; и др.

⁵ Сомнительную репутацию в связи с постоянным искажением сложного исторического материала приобрел зарубежный автор В.В. Каминский, создавший далекую от исторической действительности картину событий вокруг академии (*Каминский В.В.* А.И. Андогский в дни «русской смуты» в 1917–1919 гг. // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 91–99; *он же.* Некоторые обстоятельства «путешествия» Николаевской академии Генерального штаба из Екатеринбурга в Казань 23–24 июля 1918 г. (ч. I) // Новейшая история России (Санкт-Петербург). 2012. № 1 (3). С. 116–

Фактические ошибки, кочующие из издания в издание, отнюдь не способствуют созданию объективной картины событий, происходивших вокруг академии в годы Первой мировой и Гражданской войн. Так, в официальном юбилейном издании к 170-летию академии Генерального штаба утверждалось, например, что в белой Сибири якобы было осуществлено 2–3 выпуска из академии, в том числе последний в 1921 г. на Русском острове⁶. Подобное утверждение свидетельствует о слабом знании на официальном уровне истории академии тех лет, так как в действительности академия в Сибири осуществила лишь единственный ускоренный выпуск младшего класса 4-й очереди в мае 1919 г. Далее миф о подготовке офицеров на Дальнем Востоке был растиражирован и в других публикациях. Даже в работах такого крупного специалиста по истории русского офицерского корпуса, каким был А.Г. Кавтарадзе, применительно к этой теме также встречаются отдельные неточности⁷.

131; и др.). Даже название статьи Каминского об академии представляет собой искажение фактов, так как академия выехала из Екатеринбурга 24 июля, а прибыла в Казань 1 августа. Перепутав старую Николаевскую академию и созданную после ее перехода к белым в Советской России новую академию Генерального штаба РККА, Каминский заявил, что эвакуированная в Екатеринбург академия... продолжала одновременно работать в Петрограде и Москве (*Каминский В.В.* Некоторые обстоятельства «путешествия» Николаевской академии Генерального штаба из Екатеринбурга в Казань 23–24 июля 1918 г. (Ч. II) // Новейшая история России. 2012. № 3 (5). С. 30). За этим последовал «анализ» биографий преподавателей двух никак не связанных между собой военно-учебных заведений, ошибочно принятых Каминским за одну академию. На основе того, что преподаватели академии получали жалованье, Каминский каким-то образом заключил, что персонал академии добросовестно трудился по подготовке командного состава Красной армии (*Каминский В.В.* Некоторые обстоятельства... (Ч. I). С. 118). Об антибольшевистском подполье в академии он не знает (Там же. С. 117), зато пишет о неких «социально-бытовых настроениях» персонала академии (Там же. С. 118) и о том, что у русских генштабистов начала XX в., включая период Гражданской войны, отсутствовали политические настроения (Там же. С. 122). Таким образом, участие офицеров в Февральской революции, в выступлении генерала Л.Г. Корнилова, в Гражданской войне предопределяется, по Каминскому, видимо, вопросами своевременной выплаты им жалованья, что абсурдно. Схожие примитивные рассуждения содержатся и в других публикациях. Например, о том, как преподаватель академии Б.П. Богословский, назначенный командующим 3-й армией, изменил красным, поскольку ему якобы больше нравилось отсиживаться в академии, чем выносить тяготы полевой службы (на самом деле после перехода в антибольшевистский лагерь как раз служил в войсковых штабах), и что «забота о личном материальном и служебном благополучии... помогла генерал-майору Богословскому сделать на “белом” Востоке вполне приличную карьеру» (*Каминский В.В.* Почему Генштаба полковник Б.П. Богословский не захотел командовать 3-й армией «красного» Восточного фронта (июль 1918 г.)? // История белой Сибири: материалы 6-й междунар. науч. конф. (7–8 февраля 2005 г.). Кемерово, 2005. С. 98). Очевидное отсутствие профессиональной научной экспертизы и приводит к тиражированию наукообразных, но бессмысленных по содержанию текстов этого автора, не выдерживающих какой-либо критики.

⁶ Академия Генерального штаба. 170 лет. М., 2002. С. 94.

⁷ В монографии А.Г. Кавтарадзе (*Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988) истории академии уделено лишь 15 страниц, но там приведены ошибочные данные относительно распределения слушателей академии по штабам в 1918 г., выбора слушателями того или иного лагеря летом 1918 г. (например, А.Г. Кавтарадзе ошибочно утверждал, что все слушатели ускоренного курса летом 1918 г. сохранили верность советской власти), встречаются неточности и в данных о преподавателях академии. К сожалению, поздние работы Кавтарадзе об академии в 1914–1918 гг., опубликованные в «Военно-историческом журнале» в 2002 г., также содержат некоторые неточности. В статье об академии при Временном правительстве А.Г. Кавтарадзе опубликовал обширную таблицу о замещении выпускниками ускоренных курсов должностей в действующей армии к 30 ноября 1917 г. Указано, что таблица составлена, прежде всего, по документам РГВИА (Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1584). Однако дело по этой ссылке включает лишь четыре листа объявлений штаба Верховного главнокомандующего за ноябрь–декабрь 1917 г., в основном касающихся поиска детей, бежавших на театр военных действий, и не имеет отношения к теме статьи (*Кавтарадзе А.Г.* Николаевская военная академия при Временном правительстве. С. 43). При этом следует отдать должное огромной работе, проделанной А.Г. Кавтарадзе, его вкладу в глубокую разработку этой темы и отметить, что в период написания им книги сбор и уточнение данных были предельно затруднены.

Итак, история академии последних лет ее существования, по сути, остается ненаписанной. Систематическим изучением архивов академии (прежде всего, фонда 544 РГВИА и фонда 33892 РГВА) до сих пор никто из исследователей не занимался. К сожалению, ведение поисков в российских архивах сейчас сопряжено с колоссальными трудностями и резко контрастирует с аналогичной работой за рубежом, где нет необходимости постоянно преодолевать всевозможные запреты и ограничения. Более того, в последние годы условия труда исследователей в отечественных архивах и библиотеках стали более тяжелыми, что, конечно, отрицательно сказывается и на научных результатах.

Пытаясь исправить сложившуюся ситуацию в отношении истории академии, автор этих строк посвятил более десяти лет своей жизни изучению всех архивов академии, сохранившихся в России и за рубежом. Основу книги составили материалы семнадцати архивов России, Украины, Польши, Чехии, Франции и США, включая архивы спецслужб, а также материалы частных собраний.

Крайне важны для реконструкции истории академии периода Первой мировой войны материалы фонда Ставки Верховного главнокомандующего (фонд 2003) в РГВИА. За минувшее десятилетие стали доступны и новые важные документальные источники. Например, трудно переоценить научную значимость сформированного в РГВИА только в 2006 г.⁸ личного фонда начальника академии А.И. Андогского (фонд 977), сплошной просмотр которого был осуществлен при подготовке исследования.

Большую ценность имеют материалы ГАРФ, где хранятся документы расследования академического дела в 1919 г., компрометирующие материалы, собиравшиеся генералом Н.Г. Володченко на А.И. Андогского, и другие важные свидетельства. Некоторая часть академического архива (Ф. 52. Оп. 110/9; в основном финансовые документы) была обнаружена нами и в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге. Там же сохранился уникальный дневник выпускника ускоренных курсов академии штабс-капитана В.М. Цейтлина (Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2), проливающий свет на повседневность и взгляды слушателей академии в 1917–1918 гг. При подготовке исследования активно использовались и материалы периодической печати, прежде всего, газеты, издававшиеся в 1918–1919 гг. на Востоке России, поиск и выявление отдельных номеров которых также серьезно затруднены.

Не все источники по истории академии сохранились до наших дней. Можно понять, когда документы гибнут вследствие войн, стихийных бедствий и катастроф. Сознательное же уничтожение документов иначе как варварством названо быть не может. К сожалению, это коснулось части академического архива, которая была целенаправленно уничтожена советскими архивистами во второй половине XX в. Среди уничтоженных материалов — дело о слушателях ускоренного курса академии, эвакуировавшихся в Казань и ходатайствовавших о продолжении службы в антибольшевистском лагере, приказы, списки, домовые книги и хозяйственные документы⁹. Еще в Гражданскую войну бесследно исчезли следственные дела о причастности академии к большевизму, составленные в 1919 г. Далеко не все уцелело и в эмиграции. К примеру, не сохранились мемуары начальника академии генерала А.И. Андогского, которые имеют эксклюзивный характер для освещения истории академии. В Гуверов-

⁸ Российский государственный военно-исторический архив. Путеводитель: в 4 т. М., 2009. Т. 4. С. 51.

⁹ Перечень уничтоженных дел см.: РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 118.

ском архиве нам довелось обнаружить лишь содержание воспоминаний с разметкой страниц¹⁰, сами же мемуары в архив так и не поступили. Автору этих строк среди архивных документов встречались отсылки и к дневнику Андогского¹¹, судьба которого также неизвестна.

Тем не менее при сопоставлении документации академии с документами других учреждений того же периода нельзя не отметить, что уцелевший документальный массив настолько значим, обширен и информативен, что позволяет восстановить историю академии с высокой степенью детализации.

Результаты архивных изысканий нашли отражение в серии статей и докладов автора на различных научных конференциях в период 2004–2014 гг.¹², и наконец собранный материал позволил подготовить эту монографию.

Целью работы стала основанная на историко-генетическом методе исследования максимально полная позитивистская реконструкция истории академии (в двух ипостасях — как учреждения и как коллектива преподавателей, служащих и слушателей) в последний период ее существования, в 1914–1922 гг., а предметом исследования являются процессы трансформации академии в военные и революционные годы. Чтобы понять, чем жили академия и ее люди на изломе эпох, следует глубоко погрузиться в труды и дни ее постоянного и переменного состава. Для этого необходимо проанализировать те серьезные изменения, которые привнесли в жизнь академии Первая мировая война, революционный 1917 г. и Гражданская война, оценить уровень подготовки выпускников ускоренных курсов военного времени, изменивших облик российского Генерального штаба, дать оценку настроениям преподава-

¹⁰ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives, Stanford University). Russian Subject Collection. Box 30. Folder 14 (см. Приложение). Изучавшая комплектование Гуверовского архива документами из стран Тихоокеанского бассейна П. Полански отмечает, что воспоминаниями Андогского в начале 1930-х гг. стали спекулировать в Харбине некие лица, купившие их у вдовы генерала. В итоге Гуверовский архив отказался их приобретать по завышенной цене, и уникальные мемуары были, по всей видимости, утрачены (*Polansky P. Pacific Rim Russian Librarianship: Forgotten Collectors for the Hoover Institution on Manchuria // Slavic & East European Information Resources. 2006. Vol. 7. Issue 4. P. 83–84.*)

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 211. Л. 25об.

¹² *Ганин А.В.* Вожди антибольшевистского движения оренбургского казачества в Николаевской академии Генерального штаба, 1901–1914 гг.: Опыт историко-психологического исследования // Русский сборник. Исследования по истории России XIX–XX вв. М., 2004. Т. 1. С. 152–196; *он же.* Сохранение реликвий русской военной истории в академии Генерального штаба в годы революции и Гражданской войны // Суворов в Измаиле: 220 лет: материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2011. С. 166–184; *он же.* Несостоявшееся назначение генерала А.И. Андогского // История белой Сибири: сб. науч. тр. / под ред. С.П. Звягина. Кемерово, 2011. С. 138–144; *он же.* Всероссийская военная академия на Дальнем Востоке в 1920–1922 гг. // 1922 год в судьбах России и Европейского Севера: сб. материалов междунар. науч. конф. Архангельск, 2012. С. 171–175; *он же.* Попытки советизации Военной академии на Дальнем Востоке в 1920–1921 гг. // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.): сб. науч. ст. Хабаровск, 2013. Вып. 6. С. 79–108; *он же.* Военная академия на Дальнем Востоке в 1920–1922 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2013. Т. 14. С. 352–414; *он же.* Переход Военной академии на сторону антибольшевистских сил в Екатеринбурге и Казани (июль–август 1918 г.) // Известия Лаборатории древних технологий (Иркутск). 2014. № 2 (11). С. 54–79; *он же.* «Недоноски»? Выпускники ускоренных курсов Императорской Николаевской военной академии в годы Первой мировой войны // Родина. 2014. № 8. С. 62–66; *он же.* Генштаб и предвыборные технологии. Как выбирали начальника Военной академии в 1917 году // Родина. 2014. № 11. С. 70–74. Доклады на конференциях: Сохранение реликвий русской военной истории в академии Генерального штаба в годы революции и Гражданской войны // Междунар. науч.-практ. конф. «Суворов в Измаиле: 220 лет» (г. Измаил, 10–12 декабря 2010 г.); Казанский период истории академии Генерального штаба. 1918 г. // Науч. конф. «Казань в истории белогвардейского движения в годы Гражданской войны: события и имена» (г. Казань, 6 июня 2012 г.); Всероссийская военная академия на Дальнем Востоке в 1920–1922 гг. // Междунар. науч. конф. «1922 год в судьбах России и Европейского Севера» (г. Архангельск, 11 октября 2012 г.).

телей и слушателей, подтолкнувшим академию к переходу в антибольшевистский лагерь, исследовать взаимоотношения представителей академии с политическим руководством тех режимов, при которых академия функционировала, и рассмотреть роль представителей академии в борьбе различных военно-политических группировок.

Реализация поставленных задач выводит нас на новые горизонты осмысления истории Первой мировой войны, революций 1917 г. и Гражданской войны. Во всех этих процессах академия сыграла свою роль.

Особенностью авторского подхода является существенное внимание к историческим деталям, что позволяет проследить происходившие процессы во всей их сложности и многофакторности, дает пищу для размышлений и наблюдений по многим смежным темам. Этим же обусловлено и широкое цитирование архивных источников, позволяющее создать наиболее точное представление об эпохе и событиях. Ведь даже через тяжеловесный и велеречивый стиль документов, составленных офицерами-генштабистами столетие назад, можно лучше понять дух того времени и характер столкновения старого и нового.

Документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Общепринятые сокращения сохранены (также см. Список сокращений, аббревиатур и условных обозначений). Специальные сокращения восстановлены в прямых скобках. Не оговариваемые в примечаниях выделения в цитатах сделаны их авторами. В цитатах сохраняется стиль документов, за исключением написания прописных букв, с которых (а порой и полностью ими) в рассматриваемый период писались практически все наименования титулов, чинов и должностей, учреждений, воинских частей и даже названия месяцев. К сожалению, не всегда существовала возможность идентифицировать упоминаемые в документах персоналии, в связи с чем в ряде случаев они указаны без инициалов.

На основе архивных данных были подготовлены помещенные в Приложения биографические справки на 58 преподавателей и служащих академии периода 1918–1922 гг., что существенно расширило информационную насыщенность работы. Возник замысел включить в книгу в качестве приложений важнейшие источники по истории академии (тем более что в последние годы практика комплексного издания исследований и источников приобретает все большую популярность). Прежде всего, это корпус мемуарных свидетельств (профессора П.Ф. Рябикова, слушателей ускоренных курсов Е.Э. Месснера и К.В. Семчевского и других участников событий), извлеченных из архивов России и США¹³, документы об открытии ускоренных курсов академии, различные проекты и положения, характеристики слушателей. Все даты до февраля 1918 г. приведены по старому стилю.

Выражаю глубокую благодарность моим друзьям и коллегам, оказавшим содействие при подготовке монографии: кандидатам исторических наук О.Р. Айрапетову, Ф.А. Гушину, К.С. Дроздову, В.Б. Каширину, Н.А. Кузнецову (Москва), А.С. Пученкову (Санкт-Петербург) и А.А. Симонову (Саратов), а также А.М. Кручинину (Екатеринбург), Т.Г. Чеботаревой (Нью-Йорк) и участникам семинара на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, высказавшим ценные замечания при обсуждении рукописи.

Отзывы и замечания по книге можно присылать на электронный адрес автора: andrey_ganin@mail.ru.

¹³ Воспоминания профессора М.А. Иностранцева, хранящиеся в ГАРФ, представляют собой наиболее объемный мемуарный труд по истории академии в Гражданскую войну и в настоящее время готовятся к печати отдельным изданием.

Г Л А В А 1.

ИМПЕРАТОРСКАЯ НИКОЛАЕВСКАЯ ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Академия Генерального штаба открылась в Санкт-Петербурге 26 ноября 1832 г. В разработке проекта ее открытия принимал активное участие генерал швейцарского происхождения А.-А. Жомини. С 1855 г. в память императора Николая I академия стала именоваться Николаевской, с 4 августа 1909 г. — Императорской Николаевской военной академией (в связи с тем, что академия должна была давать высшее военное образование¹⁴). Академия находилась в подчинении генерал-квартирмейстера Главного штаба, а с 1906 г. — ГУГШ.

Реформы военного министра Д.А. Милютина сыграли большую роль в профессионализации отечественного Генерального штаба. По мнению некоторых исследователей, академия стала восприниматься как важнейшее военно-учебное заведение империи после победы русских войск в войне с Турцией 1877–1878 гг., доказавшей руководящую роль Генштаба в по-реформенной армии¹⁵. Проблема заключалась лишь в том, что академия так и не смогла стать по-настоящему авторитетным военно-научным центром и центром разработки единой военной доктрины для Вооруженных сил страны.

Окончание академии практически гарантировало быструю и успешную военную карьеру, но, чтобы поступить в это высшее военно-учебное заведение и успешно его окончить, требовалось незаурядное старание. За время обучения в академии выявлялись способности слушателей академии, их склонность к тем или иным предметам, особенности характера. В период обучения формировались взгляды будущих генштабистов, их взаимоотношения. В конце концов, от результатов, полученных в академии, в жизни слушателей зависело очень многое. Чем выше был средний балл выпускника, тем больше у него оказывалось шансов быть причисленным к Генеральному штабу, получить хорошую вакансию и следующий чин, сравнительно быстро сделать удачную карьеру.

Годы учебы являлись серьезным испытанием для слушателей академии, учебный курс которой был достаточно труден, а программа, по мнению многих выпускников, перегружена¹⁶. Однако это, на наш взгляд, являлось оправданным, ведь от полученных слушателями навыков зависели жизни людей и исход боевых действий. Для того чтобы попасть в академию, в начале XX в. офицеру необходимо было прослужить в строю не менее трех лет и принять участие как минимум в двух лагерных сборах¹⁷. В академию не допускались «офицеры косноязычные, заикающиеся, страдающие глухотой и одержимые вообще физическими недостатками, а равно

¹⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 15. Л. 18.

¹⁵ *Steinberg J.W.* All the Tsar's Men: Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914. Washington, DC; Baltimore, 2010. P. 73.

¹⁶ *Гурко Д.И.* Воспоминания генерала // Гершельман Ф.К., Гурко Д.И. Генералами рождаются. Воспоминания русских военачальников XIX — начала XX веков. М., 2002. С. 256; *Деникин А.И.* Путь русского офицера: Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. М., 2006. С. 116.

¹⁷ *Дружинин К.И.* Императорская Николаевская военная академия // Военная энциклопедия: в 18 т. СПб., 1912. Т. 10. С. 601.

офицеры, вовсе не умеющие ездить верхом»¹⁸. В академии существовали общее и геодезическое отделения. Накануне Первой мировой войны численность слушателей академии составляла 314 офицеров¹⁹, при этом на геодезическом отделении обучалось не более 7 человек.

Поступление в академию проходило в два этапа: сначала письменные экзамены при штабах военных округов (тактика, политическая история, география, русский язык; экзаменовалась и верховая езда), а затем уже устные вступительные испытания непосредственно при академии в Санкт-Петербурге (строевые уставы, артиллерия, фортификация, математика (арифметика, начальная алгебра, геометрия, прямолинейная тригонометрия), военная администрация, политическая история, география, топографическое черчение, русский и иностранный языки).

Как вспоминал генерал-майор В.А. Замбрицкий, «в царское время, до революции, попасть в академию Генерального штаба было не легко. Надо было пройти 2 искуса, 2 фильтра, взять, так сказать, 2 барьера. Первый — это был предварительный экзамен при штабах округов, причем это были исключительно письменные экзамены. Темы для экзаменов присылались во все округа из академии одинаковые и запечатанные в пакеты сургучными печатями. Эти пакеты вскрывались в присутствии экзаменующихся офицеров, так что никто не мог заранее узнать, какие темы присланы, и никакие шахер-махеры тут были невозможны. Затем каждому офицеру раздавались пронумерованные листы с отрывным, тоже пронумерованным купоном наверху. Эти купоны с фамилией офицера отрывались и оставались в штабе округа, а анонимные листы с номерами (но без фамилий и без подписи) после заполнения их темой отправлялись в академию на просмотр и оценку профессуре. А так как работы были анонимны, то и оценка их была вполне беспристрастна, ибо никто из профессоров не знал имени автора. Профессор выставлял балл (по 12-балльной системе), и затем эти баллы под соответствующим номером сообщались в штабы округов, где и устанавливалось, кто какую оценку получил.

Как можно видеть, все было сделано для того, чтобы добиться полной объективности оценки и избежать протекции и всяких иных посторонних влияний. Получался действительный отбор наиболее подготовленных и способных офицеров, имея в виду, что спрашивался полный курс средних учебных заведений и военных училищ.

Но экзамены при округах были лишь предварительные, т.е. первый фильтр, через который пропускались офицеры. Они давали право на поездку в Петербург и держание вступительных экзаменов при академии только тем, кто успешно выдержал экзамен при округах. А затем предстоял второй фильтр или барьер, уже в самой академии, где конкурсные экзамены по всем предметам (предварительные — по пяти главным) были устные. Они длились с половины августа до 1 октября, т.е. 1 1/2 месяца.

В 1908 году, в год поступления в академию автора сих строк, желающих держать экзамены записалось во всей России 1000 офицеров; из них при округах провалилось 750, т.е. 3/4, и только 1/4, т.е. 250 офицеров, поехали в Петербург. На вторичных экзаменах отсеялась еще половина, т.е. было принято всего 125; из них на старший курс перешло 100, на дополнительный — 81, а окончило с правом службы в Генеральном штабе только 61»²⁰.

¹⁸ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 25. Л. 4.

¹⁹ Положение об Императорской Николаевской военной академии // Сборник законоположений и распоряжений по службе личного состава корпуса офицеров Генерального штаба. С приложением Положения об Императорской Николаевской военной академии. СПб., 1914. С. 176; *Дружинин К.И.* Императорская Николаевская военная академия. С. 601; *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 181.

²⁰ BAR. Zambrzhitskii collection. Vox 1. Замбрицкий В.А. Военная подготовка СССР. Командный состав.

На подготовку и сдачу вступительных экзаменов у офицеров, как правило, уходил год напряженного труда²¹. Менее трудны экзамены были для тех офицеров, кто ранее овладел военно-техническими специальностями — артиллеристов, инженеров — либо обучался в гражданских учебных заведениях технического профиля (например, будущий генерал П.Н. Врангель, окончивший до академии Горный институт). Будущий преподаватель академии В.Н. Касаткин вспоминал: «Для меня, прошедшего курс наук в Инженерном училище, которые заложили во мне основу трудоспособности, развили во мне хорошую память и умение коротко и четко конспектировать свои мысли, — эти экзамены не были трудными»²². Вместе с тем велик был элемент случайности, а причины, по которым офицер мог не попасть в академию, являлись порой совершенно абсурдными. Тот же Касаткин едва не оказался среди не поступивших, так как на экзамене по военной администрации не смог назвать одно из казачьих войск (Семиреченское) и цвет его приборного сукна. Лишь решением конференции академии (ее коллегиального руководящего органа) он был зачислен в связи с высокими баллами по остальным экзаменам.

В целом процент отсева поступающих, даже на этапе предварительных испытаний, был довольно велик (см. табл. 1).

Таблица 1

Итоги предварительных испытаний поступающих в Императорскую Николаевскую военную академию по военным округам (1909–1910 гг.)²³

Военный округ	Всего держало		Не выдержало		Выдержало		% выдержавших	
	1909	1910	1909	1910	1909	1910	1909	1910
Петербургский	96	101	41	44	55	57	57	56
Варшавский	48	75	22	32	26	43	54	57
Московский	43	49	21	25	22	24	51	49
Омский	3	4	3	3	0	1	0	25
Киевский	66	79	41	43	25	36	38	46
Виленский	51	52	25	33	26	19	51	37
Казанский	9	10	9	10	0	0	0	0
Одесский	43	37	22	28	21	9	49	24
Туркестанский	10	13	7	12	3	1	30	8
Кавказский	46	39	22	16	24	23	52	59
Иркутский	10	19	3	10	7	9	70	47
Приамурский	24	27	13	20	11	7	46	26
Итого	449	505	229	276	220	229	49	45

²¹ Алексеева-Борель В.М. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000. С. 16–17.

²² BAR. V.N. Kasatkin Memoirs. Folder 1.

²³ Наш расчет по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1397.

В последний предвоенный год удалось провести только предварительные письменные испытания в академию при штабах военных округов. Их итоги были следующими (табл. 2).

Таблица 2

Итоги предварительных испытаний в Императорскую Николаевскую военную академию в 1914 г.²⁴

Округ	Держало	Не окончило	Не выдержало	Выдержало	% выдержавших
Петербургский	119	1	58	60	50
Варшавский	89	1	46	42	47
Московский	113		56	57	50
Омский	16		8	8	50
Киевский	132	2	77	53	40
Виленский	76	4	12	60	79
Казанский	42		22	20	48
Одесский	62	3	29	30	48
Туркестанский	13		5	8	62
Кавказский	68	1	31	36	53
Иркутский	31	2	17	12	39
Приамурский	62		28	34	55
Итого	823 (в том числе 26 на геодезическое от- деление)	14	389	420 (в том числе 17 на геодезическое отделение)	51

Основной курс обучения в академии был разделен на два годичных класса (младший и старший) и состоял из теоретических и практических занятий. Главными предметами являлись тактика, стратегия, военная администрация, военная история, военная статистика, геодезия; вспомогательными — русский язык, сведения по части артиллерийской и инженерной, политическая история, иностранные языки. Что касается иностранных языков, то изучение как минимум одного из них являлось обязательным, два других языка можно было изучать по желанию. Преподаватели академии обладали достаточной квалификацией, а кроме того, некоторые из них совмещали преподавание с работой на должностях делопроизводителей и помощников делопроизводителей ГУГШ²⁵. В летний период после младшего

²⁴ Сост. по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1546. Л. 47.

²⁵ Данные выявлены по: Общий список офицерским чинам Русской императорской армии по 1-е января 1908 г. СПб., 1908.

класса проходили съемки местности (полуинструментальные и верховые глазомерные) в окрестностях Петербурга, дававшие слушателям и некоторый отдых на природе²⁶. После младшего класса летом проводились полевые поездки в окрестностях столицы, в ходе которых выполнялось решение тех или иных задач на бригаду, после старшего класса — на дивизию и корпус²⁷.

Обучение в академии одного офицера обходилось государству в 40 000 руб.²⁸ Оценки за сдачу предметов выставлялись по двенадцатибалльной шкале: отлично — 12 баллов, весьма хорошо — 10–11 баллов, хорошо — 8–9 баллов, удовлетворительно — 6–7 баллов, посредственно — 4–5 баллов, слабо — 1–3 балла. Летом слушатели участвовали в топографических съемках и практических занятиях по тактике. Для перехода в старший класс необходимо было получить в среднем не менее 9 баллов, но по каждому предмету не менее 7. В геодезическом отделении требования были теми же, что и в общем, однако по специальным предметам (теоретическая астрономия, практическая астрономия, картография, высшая геодезия, низшая геодезия со съемкой и черчением) нужно было иметь не менее 8 баллов. Те же критерии использовались при оценке учебы в старшем классе, кроме того, в расчет принималась успеваемость по тем предметам младшего класса, которые в старшем классе уже не повторялись. Офицеры, получившие по окончании старшего класса в среднем не менее 10 баллов и не имевшие неудовлетворительных оценок, считались окончившими курс по 1-му разряду и зачислялись на дополнительный курс. Те, кто получил менее 10 баллов, считались окончившими академию по 2-му разряду и отчислялись в свои части. Большая часть слушателей обучалась в академии, по данным на 1903 и 1908 гг., в возрасте от 26 до 30 лет²⁹.

Дополнительный курс был учрежден в 1869 г. для совершенствования практических навыков будущих генштабистов и первоначально длился шесть месяцев³⁰. В 1909 г. его продолжительность была увеличена до девяти месяцев. До 1897 г. к Генеральному штабу причисляли всех офицеров, окончивших дополнительный курс, и лишь позднее стали отбирать лучших. На дополнительном курсе слушатели самостоятельно разрабатывали три темы: по военной истории, по военному искусству и по стратегии. По итогам разработки тем слушатели делали краткие доклады перед специальной комиссией, после которых получали итоговые баллы как за письменную тему, так и за устный доклад. Стремясь понра-

²⁶ Необходимость упражнений в съемке местности была связана с тем, что офицер Генерального штаба должен был уметь начертить схему местности в боевой обстановке. Полуинструментальная съемка проводилась следующим образом. Сначала слушатели знакомились с участком местности для съемки. Затем целый день уходил на расстановку вех — заготовленных местными крестьянами трехметровых шестов. К шестам привязывались также заготовленные крестьянами соломенные венки на высоте кипрегеля — инструмента для измерения горизонтальных и вертикальных углов. За основу съемки бралась линия не менее полуверсты длиной на ровной местности — базис. На концах базиса устанавливались вехи, базис несколько раз тщательно вымеряли измерительной цепью и брали среднее арифметическое измерений. После этого базис откладывали на планшете. Далее от базиса измерялись углы на соседние вехи и длины базовых сторон. В результате на планшете получалась сеть треугольников (триангуляция), по которым чертились детали местности.

²⁷ Полевые поездки представляли собой решение тактических задач по пехоте, кавалерии и артиллерии на местности, в ходе них отрабатывалось умение управлять войсками в бою.

²⁸ Деревянко И.В. Мозг армии (Корпус офицеров Генерального штаба к началу XX столетия) // Военно-исторический журнал. 1989. № 10. С. 79.

²⁹ Машкин Н.А. Высшая военная школа Российской империи XIX – начала XX века. М., 1997. С. 295.

³⁰ Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 287.

виться преподавателям, слушатели в разработке тем учитывали взгляды и предпочтения преподавателей.

Между слушателями академии существовала острая конкуренция, связанная с рейтинговой системой оценок при выпуске. Отбор кандидатов в Генеральный штаб был многоступенчатым и практически исключал доступ туда случайных людей. Достаточно отметить, что в процессе обучения от академии в начале XX в. отчислялось не менее 40% зачисленных в младший класс офицеров³¹. Нередко отсеивание происходило из-за случайного стечения обстоятельств, например, по причине болезни слушателя.

Слушатели, имевшие по итогам дополнительного курса не менее 10 баллов в среднем, а также не менее 7 баллов по каждому из предметов, считались окончившими академию по 1-му разряду, получали право ношения серебряного академического нагрудного знака и четырехмесячный отпуск. Выпускники распределялись по военным округам для прохождения штабного ценза, причем первые десять офицеров в выпуске имели право назначения на вакансии в Петербургском военном округе. За каждый год обучения выпускники должны были прослужить полтора года в военном ведомстве³². Исходя из наличия вакансий, определенное количество окончивших академию по 1-му разряду причислялось к Генеральному штабу при выпуске, а позднее (после испытаний в штабах военных округов, а также ценового командования ротой, эскадроном или сотней) по мере открытия вакансий переводилось в него. Получившие в среднем менее 10 баллов, но не менее 7 по каждому предмету — считались окончившими по 2-му разряду. Прочие отчислялись от академии.

Выпускники, имевшие самые высокие баллы в выпуске, награждались медалями: золотой (при наличии полного числа баллов (12) по всем предметам); большой серебряной (при наличии полных баллов по всем предметам, кроме политической истории, военно-морского дела, иностранных языков, а по этим предметам — не менее 11), малой серебряной (при наличии не менее 11 баллов по всем предметам, кроме политической истории, военно-морского дела, иностранных языков, а по этим предметам — не менее 10), а имена лучших офицеров выпуска заносились на почетные доски. Медалями были отмечены несколько десятков выпускников. Золотую медаль за всю историю академии получили только два офицера — будущие генералы М.И. Драгомиров и М.Р. Шидловский. Будущие генералы — участники Гражданской войны Л.Г. Корнилов, А.Ф. Редигер, А.М. и В.М. Драгомировы, В.Ф. и Е.Ф. Новицкие были награждены малой серебряной медалью.

За успехи в учебе выдавались денежные премии: с капитала, собранного в память генерал-лейтенанта А.Н. Леонтьева, — офицеру дополнительного курса, наилучшим образом исполнившему стратегическую задачу (третью письменную тему); с капитала имени генерал-лейтенанта Г.А. Леера, пожалованного в ознаменование 35-летия его профессорской деятельности великим князем Николаем Константиновичем, — в пособие одному из первых учеников академии на поездку за границу для усовершенствования научного образования, а если в поездке надобности не встречается, то за лучшее сочинение по военным наукам; с капитала имени генерал-адъютанта Н.Н. Обручева — офицеру дополнительного курса, оказавшемуся вторым по достоинству выполнения стратегической задачи; с капи-

³¹ *Машкин Н.А.* Высшая военная школа... С. 180.

³² Положение об Императорской Николаевской военной академии. С. 193.

тала имени генерал-майора А.А. Зейфарта — офицеру дополнительного курса за лучшие по верности и выразительности съемки и кроки³³, исполненные в старшем классе³⁴.

Успех или неудача в академии много значили в карьере и жизни офицера, предопределяли всю дальнейшую службу, круто меняли характер человека, его жизненные установки. Как писал генерал А.И. Деникин: «Для непривилегированного офицерства иначе как через узкие ворота “Генерального штаба” выйти на широкую дорогу военной карьеры в мирное время было почти невозможно»³⁵. Множество выпускников академии не служили на должностях Генерального штаба, а пользовались полученным статусом для продвижения на высшие командные посты — от командира корпуса и выше³⁶. В.Н. Касаткин вспоминал, что время сразу после окончания академии в период службы в штабе Петербургского военного округа и цензового командования ротой в Москве казалось ему настоящим праздником жизни, он был молод и ожидал будущей блестящей карьеры офицера Генерального штаба³⁷.

Однако офицеры, «не попавшие в Генеральный штаб, быть может, благодаря только нехватке какой-нибудь маленькой дроби в выпускном балле, возвращались в строй с подавленной психикой, с печатью неудачника в глазах строевых офицеров и с совершенно туманными перспективами будущего»³⁸. Последствия академических неудач отражались на их службе еще долгое время. Сами генштабисты отмечали, что система обучения в академии с ее перегрузками, постоянной неуверенностью в перспективах учебы и дальнейшей службы не способствовала душевному здоровью. Мемуаристы отмечали случаи смерти слушателей от переутомления³⁹. В германском справочнике по русской армии якобы даже говорилось, что большинство русских генштабистов имели расстроенную нервную систему⁴⁰. Примеры болезненного отношения бывших выпускников к вопросу о неудачном окончании ими академии, даже спустя многие годы, служат тому доказательством⁴¹. При этом стремление к блестящей военной карьере у неудачно окончивших академию амбициозных офицеров порой было заметно выше, чем у тех из их однокашников, кто окончил академию благополучно.

Подполковник В.Д. Космин (Космин), окончивший академию в 1911 г., но отчисленный тогда в свою часть, писал в июле 1916 г. в Ставку: «Очень часто, и мне приходится это слышать, меня принимают за не соответствующего, очень часто задают вопрос, почему, несмотря на то, что я штаб-офицер, тем не менее, занимаю обер-офицерскую должность; и мне приходится каждый раз повествовать о первоначальном крахе при выпуске из академии, крахе, в котором я был виновен менее всего, но очень часто, видимо, этому даже не верят. Все эти разговоры в общем дурно отражаются на настроении... Промахи в академии ощутительно сказываются до сих пор, и я позволяю себе надеяться, что Ваше превосходительство

³³ Кроки (от *фр.* croquis — набросок) — чертеж важнейших элементов участка местности, выполненный приемами глазомерной съемки.

³⁴ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 25. Л. 12–12об.

³⁵ Деникин А.И. Путь русского офицера... С. 61.

³⁶ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты... С. 183–184.

³⁷ VAR. V.N. Kasatkin Memoirs. Folder 1.

³⁸ Деникин А.И. Путь русского офицера... С. 61.

³⁹ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни: в 2 т. Париж, 1969. Т. 1. С. 148.

⁴⁰ Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны // «...Хорошо забытое старое»: сб. ст. М., 1991. С. 43; Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982. С. 147.

⁴¹ См., напр.: Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006. С. 54–56.

найдете возможным их забыть за два года войны, из коих один в службе Генерального штаба, причем и ранен я был в должности офицера Генерального штаба, производя разведку»⁴².

Курс обучения в академии, в особенности до Русско-японской войны, характеризовался оторванностью от практической службы, сугубо теоретическим характером и схоластичностью. Учебная программа превышала нормальные возможности восприятия такого объема информации человеком. В учебном процессе широко практиковалось бессмысленное зазубривание огромного массива ненужных данных, тогда как самостоятельное, оригинальное мышление не поощрялось. «Притчей во языцех» были так называемые «рыбьи слова» — формулировки, которые слушателям нужно было воспроизвести слово в слово на экзамене. О таком крайне важном способе тактической подготовки, как военная игра, слушатели не имели представления. Как вспоминал генерал А.С. Лукомский, окончивший академию в 1897 г., «выходя в Генеральный штаб, мы, в сущности говоря, почти ничего не знали собственно о службе Генерального штаба»⁴³.

После неудачной Русско-японской войны офицеры-генштабисты были среди главных сторонников преобразования армии. Позорное поражение побудило ряд педагогов академии к поиску новых форм обучения, внесению корректив в учебные курсы и приближению их к нуждам армии и задачам, которые предстоит решать выпускникам в мирное и военное время. Впрочем, нововведения приживались крайне медленно. Решительный пересмотр учебных курсов произошел лишь в 1910 г.⁴⁴ В.Н. Касаткин, обучавшийся в переходный период 1908–1911 гг., отмечал, что «преподавание в академии носило тусклый сумеречный характер»⁴⁵. Исключение составляли блестящие лекции профессора Санкт-Петербургского университета, выдающегося историка С.Ф. Платонова.

Основным идеологом реформирования учебного курса выступил молодой преподаватель академии, профессор полковник Н.Н. Головин, получивший поддержку начальника академии генерала Д.Г. Щербачева и великого князя Николая Николаевича-младшего. Ранее Головин побывал во Франции, откуда возвратился с идеей перенесения опыта французской Высшей военной школы (École Supérieure de Guerre) на русскую почву. Головин стал горячим сторонником прикладного метода обучения, пересмотра учебных программ и их приближения к нуждам армии. В прикладном методе основной упор делался на решение тактических и стратегических задач на картах. Группа слушателей делилась на две части, между которыми и происходила военная игра. Отрабатывались задачи по наступлению, обороне, преследованию, отступлению. Проверялась организация службы разведки, связи, снабжения. В каждом «лагере» слушатели исполняли функции командира, начальника штаба, начальников оперативного, разведывательного, общего отделений, начальника снабжений. Примеры часто брались из сражений Русско-японской войны. «Начальник штаба» составлял докладную записку, в которой предлагалось решение по операции. «Начальник отряда» принимал решение. «Начальник оперативного отделения» составлял боевой приказ. Прочие «начальники» составляли всю документацию, какая полагалась в боевой обстановке, отдавали распоряжения по организации разведки, связи, снабжения. В ходе игры давались дополнительные вводные. Так отрабатывалось реальное взаимодействие штабного коллек-

⁴² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1334. Л. 48об.–49.

⁴³ Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 81.

⁴⁴ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. С. 130.

⁴⁵ BAR. V.N. Kasatkin Memoirs. Folder 1.

тива в боевой обстановке. После окончания игры проводился разбор принятых решений, и руководитель высказывал свое мнение.

Именно Головин стал лидером неформального кружка борцов с традиционализмом и бюрократизмом в старой академии. В состав кружка накануне Первой мировой войны входили молодые профессора и преподаватели академии: сам Головин, А.И. Андогский, А.А. Балтийский, Б.В. Геруа, П.И. Измestьев, А.К. Келчевский, А.Ф. Матковский, А.А. Незнамов, В.З. Савельев, В.А. Черемисов, Н.Л. Юнаков. Немаловажно, что Головин, Келчевский, Измestьев и Незнамов были однокашниками по академии (выпуск 1900 г.).

Специальная дисциплина под названием «Служба Генерального штаба» начала преподаваться в академии лишь в 1911/12 учебном году, незадолго до Первой мировой войны. Целью курса было приближение академической программы к практике службы генштабистов. Большого эффекта это нововведение в оставшиеся два предвоенных года не возымело. Соответственно не было последовательности и в проводившихся преобразованиях⁴⁶.

Группа Головина столкнулась с противодействием со стороны старых профессоров академии во главе с А.К. Байовым и их сторонников, причем противники Головина в итоге взяли верх. В частности, интригами против группы Головина «прославился» М.Д. Бонч-Бруевич, связанный с военным министром В.А. Сухомлиновым. Бонч-Бруевич распускал слухи о том, что участники кружка плетут заговор, и даже назвал их «младотурками» (по наименованию группы турецких офицеров, организовавшей в 1908 г. вооруженный переворот в Османской империи). В результате участники кружка оказались изгнаны из академии накануне Первой мировой войны, был снят с должности и генерал Щербачев. Между тем никакой политической составляющей в деятельности этого кружка не было. Последователи Головина в целом хорошо проявили себя на фронтах Первой мировой войны.

По оценке генерала А.П. Будберга, «академия давала армии таких офицеров Генерального штаба, которые были чрезвычайно слабо подготовлены по отделу полевой и военной службы на тех ответственных штабных должностях, к замещению которых они предназначались».

В добавление к этому вся академическая обстановка была буквально убийственной для развития и поощрения разумной инициативы и для закалки сильной воли и твердого, не вялющего характера, т.е. тех качеств, которые прежде и больше всего нужны военному и в особенности на войне»⁴⁷.

В 1901 г. академия расположилась в спроектированном архитектором А.И. фон Гогеном прекрасном новом здании на Суворовском проспекте. Рядом возник целый академический городок — Суворовский музей (также проект фон Гогена), деревянная Суворовская церковь во имя св. Александра Невского, перевезенная из села Кончанское и заключенная для сохранности в специальный каменный футляр (разобрана в 1925 г.)⁴⁸, сооружения академического полуполка (казарма, конюшни, манеж), дом для служащих академии, прачечная, ледник⁴⁹. 2 сентября 1909 г. перед зданием был открыт красивый памятник «Питомцам академии, павшим жертвою служебного долга», представлявший три коричневые мраморные

⁴⁶ *Калнин Э.Х.* Генеральный штаб и его специальность. Одесса, 1909. С. 11–19, 79.

⁴⁷ *Будберг А.П.* Наша неготовность к войне // МРК. Коллекция А.П. Будберга.

⁴⁸ Подробнее см.: *Пономарев И.А.* К столетию открытия Суворовского музея // История Петербурга. 2004. № 5 (21). С. 38–52.

⁴⁹ Изображения большинства зданий в процессе их постройки см.: РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 82. Л. 1–20.

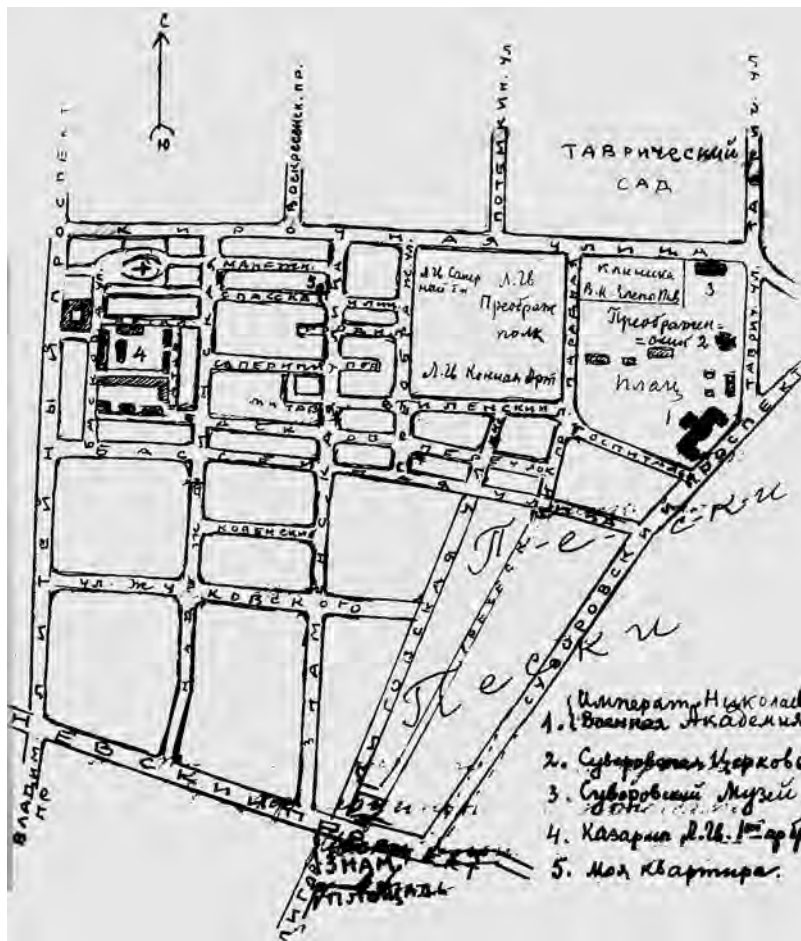

Схема зданий академии в Санкт-Петербурге. Рис. Д.Н. Тихобразова. VAR.
 Публикуется впервые

тумбы, центральную из которых, с бронзовым барельефом погибающего генштабиста, венчали лавровый венок, знак академии и двуглавый орел над перекрещенными знаменами и прочей воинской атрибутикой. Памятник был снесен после 1917 г.

При всех недостатках учебного процесса Николаевскую академию Генерального штаба без преувеличения можно считать элитным и наиболее престижным высшим военно-учебным заведением России, слушатели которого не только получали основательную военно-теоретическую и практическую подготовку, но и приобретали достаточно широкий кругозор. Слушатели исследовали все области военного управления, совершенствовали знание иностранных языков, углубленно изучали военную историю, что давало пищу для сопоставлений и анализа текущих военных событий. Окончить академию было непросто даже способному офицеру.

После Русско-японской войны академия стала меняться. В результате сложных и длительных изменений накануне Первой мировой войны учебная программа была приближена к практическим нуждам армии. В ней появился курс службы Генерального штаба. Несмотря на то что обучение по новой программе успели пройти немногие слушатели, эти изменения благотворно повлияли на качество подготовки кадров Генерального штаба накануне войны.

Г Л А В А 2.

ВОЕННОЕ ВРЕМЯ. ВОЗОБНОВЛЕНИЕ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА И УСКОРЕННАЯ ПОДГОТОВКА КАДРОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

В годы Первой мировой войны занятия в академии длительное время не велись. В связи с общей мобилизацией академия прекратила работу, слушатели были отчислены в свои части, отправились на фронт и многие преподаватели. Впоследствии прекращение учебного процесса в академии в военных кругах было признано большой ошибкой⁵⁰.

Еще 15 июля 1914 г. в докладе по ГУГШ были изложены основания для мобилизации академии. Офицеры старшего класса отчислялись в свои части, причем считалось, что все работы для перехода на дополнительный курс они выполнили и в течение двух лет по окончании войны имели право зачисления на него без экзаменов. Офицеры младшего класса отчислялись по окончании съездов на тех же условиях, касавшихся зачисления в старший класс⁵¹. Приказом по академии № 199 от 18 июля 1914 г. занятия были прекращены ввиду общей мобилизации.

Учебно-административный состав академии из офицеров Генштаба отчислялся на должности по военному времени не позднее чем через неделю по отчислении офицеров младшего класса⁵². Формировалось временное управление академии из лиц учебно-административного состава: временно исполняющий должность начальника, заведующий хозяйством и канцелярией, столоначальник по строевой и учебной части, столоначальник по хозяйственной части, библиотекарь и его помощник, священник, псаломщик, фельдфебель, архитектор. Негенштабисты также откомандировывались на должности военного времени. Все имели право на возвращение в академию на прежние должности после войны. Проект подготовил сам начальник академии генерал-лейтенант князь П.Н. Енгальчев.

Временное управление зданиями академии, имуществом и сокращенным личным составом было возложено на старшего из оставшихся генералов. Временно исполняющим должность начальника академии стал 79-летний генерал-лейтенант А.А. Зейфарт, прослуживший в академии 57 лет. Помимо него в состав управления входили: заведующий хозяйством и канцелярией полковник В.В. Попов, столоначальник по строевой части коллежский советник Ф.А. Мартынов и столоначальник по хозяйственной части коллежский советник Иванов⁵³. Однако ввиду болезни Зейфарта академию вместо него возглавлял следующий по старшинству генерал-лейтенант В.В. Витковский⁵⁴. Полуэскадрон академии, включавший 3 офицеров и 80 нижних чинов, был предназначен для усиления Офицерской кавалерийской школы при развертывании на ее базе четырехэскадронного полка⁵⁵. Кроме того, для потреб-

⁵⁰ См., напр.: ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 45. Л. 5об.

⁵¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4799. Л. 1.

⁵² Там же. Л. 1об.

⁵³ Там же. Л. 2об.

⁵⁴ *Витковский В.В.* Пережитое. Вып. 1–3. Л., 1930. Вып. 3. С. 356.

⁵⁵ *Кавтарадзе А.Г.* «Скорее пополнить действующую армию... офицерами, ознакомленными со службой Генерального штаба» // Военно-исторический журнал. 2002. № 1. С. 48.

ностей эвакуационного госпиталя имени наследника цесаревича Алексея Николаевича академия освобождала всю правую половину здания, залы конференции и аудитории младшего класса⁵⁶.

19 июля 1914 г. слушатели получили предписания об отправке по местам службы⁵⁷. Генерал М.А. Иностранцев вспоминал в эмиграции о кануне войны в академии: «Полевые поездки академии были внезапно прекращены... Весь учебный состав академии был экстренно собран и ему было объявлено, что обучающиеся в академии офицеры откомандировываются к своим частям, академия закрывается, а весь учебный ее состав, за исключением лишь наиболее престарелых профессоров, получит назначения в армию.

На вопрос, заданный многими из нас правителю дел академии генералу Байову, какого рода назначения ждут нас, последний отвечал, что относительно этого он уже обращался в Главное управление Генерального штаба, но там ему ответили, что об этом еще не думали и что, вероятно, придется устраиваться самим.

На решении, принятом относительно академии, и на ответе, данном относительно слушающих в ней, необходимо остановить внимание читателя, как на явлениях, в достаточной мере характеризующих наш высший и центральный военный орган перед войною.

Откомандирование от академии обучающихся офицеров было бы вполне понятным, если бы они были назначены во вновь формируемые штабы или вообще использованы как офицеры Генерального штаба, тем более что это все были прекрасные кадровые офицеры, прошедшие самым основательным образом два класса академии и испытывавшие весь искос, требовавшийся в мирное время для поступления в академию. Между тем их откомандировывали в полки на прежние роли обыкновенных строевых офицеров и, таким образом, совершенно не использовав их весьма солидную подготовку к штабной службе. Хотя затем, уже после открытия кампании, через несколько месяцев, ввиду недостатка офицеров Генерального штаба, их и стали поголовно назначать на штабные должности, но значительная часть их успела уже лечь на поле чести, выполнив свой долг как доблестные офицеры, но будучи совершенно не использованными по специальности, к которой они были вполне подготовлены, и совершенно не будучи вознагражденными за тот громадный труд, который они положили в академии.

Закрытие академии с точки зрения государственной было громадною ошибкой. Хотя эта ошибка была в то время всем учебным персоналом встречена с восторгом, т.к. если бы ее не было совершено, то всем нам грозило бы не принять участие в войне, по крайней мере в самом начале, но, повторяю, закрытие академии было крупною ошибкой. Вместо того чтобы усилить подготовку и давать хотя бы ускоренные выпуски, как было сделано во Франции, и, если не ошибаюсь, и в Германии, академия совершенно прекратила подготовку штабных работников, что повело, да и должно было повести, в связи с непрерывным уходом офицеров Генерального штаба на должности командиров полков, к постепенному уменьшению числа их, уменьшению настолько грозному, что в 1915 году потребовалась уже такая насильственная и нелепая мера, как назначение начальниками штабов дивизий офицеров Генерального штаба, уже откомандовавших полками, что, в свою очередь, вызвало у них неудовольствие и желание, так или иначе, уклониться от этого назначения, как не соответствовавшего преж-

⁵⁶ Там же. С. 54.

⁵⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1528. Л. 257.

ним представлениям о иерархии, а затем в 1916 году вызвало необходимость открытия академии. Однако два года были уже потеряны, и создался серьезный некомплект офицеров Генерального штаба.

Наконец, особенно характерным представляется то, что в Главном управлении Генерального штаба, видимо, забыли о том, что следует делать с академией в случае мобилизации, т.е. забыли, что в Петрограде существует высшее военно-учебное заведение, силы которого являются, казалось бы, не дурными, раз они привлечены к такой первоклассной по важности и значению работе. Предложение устраиваться самим также было прекрасным примером отношения к представителям военной науки и притом перед войною.

И вот, в то время как в Германии и Франции состав служащих в военных академиях получил почетные и важные назначения, соответствующие их подготовке и способностям, и имел возможность принести соответственную пользу, учебный состав нашей академии, после неоднократного напоминания самой академии, был использован так: все чины ниже генеральского получили назначения начальников штабов второочередных дивизий, а чинам генеральским было все-таки предоставлено устраиваться самим.

В результате пишущий эти строки, как и его товарищи, имея возможность получить штаб дивизии уже года за три до войны и притом как служивший в Петроградском округе имевший возможность получить штаб гвардейской дивизии, но отказавшийся от этого ввиду посвящения себя научной деятельности, теперь, на три года позже, был как бы наказан за пристрастие к науке и принужден принять штаб армейской дивизии, да еще второочередной, т.е. значительно слабейшей по подготовке.

Однако время было такое, что самолюбие должно было отойти на второй план и выбирать не приходилось...»⁵⁸

По свидетельству Иностранцева, «каждому бывшему в то время в академии, думается, памятен последний напутственный молебен, отслуженный в конференц-зале академии в присутствии всего учебного, административного и переменного состава академии, перед принадлежавшим великому Суворову образом св. великомученика и Победоносца Георгия, и сказанная настоятелем Суворовской церкви проповедь, до глубины души взволновавшие всех молившихся.

Действительно, скольким из них пришлось тут в последний раз молиться в стенах академии, чтобы затем запечатлеть свою службу смертью на поле брани...»⁵⁹

Прощание с академией запомнилось не только Иностранцеву. Бывший тогда молодым слушателем, а впоследствии полковник П.К. Ясевич в докладе к столетию академии, прочитанном в Софии 11 декабря 1932 г., вспоминал: «Памятен день общей мобилизации — 18-го июля (по ст[арому] ст[иллю]), когда начальник академии генерал князь Енгальчев собрал весь состав академии и объявил, что он только что представлялся государю императору, академия закрывается, все офицеры направляются в свои части, преподавательский персонал получает назначение в армию, он же лично и полуэскадрон академии назначается в распоряжение его величества.

Начальник академии заявил, что он доложил государю императору о чувствах преданности и жертвенной готовности [служить] Престолу и Отечеству всего состава академии,

⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 7. Л. 4-6.

⁵⁹ Там же. Л. 8.

готового на ратные подвиги. Его величеству благоугодно было через начальника академии передать слушателям академии, а через них в армию, куда направлялись эти слушатели, что “он уверен, что долг своей армия и ее офицеры выполнят”, но что его величество “просит офицеров беречь себя для будущей России и, полюбив походную боевую жизнь, вернуться отсюда с боевыми наградами”.

Энтузиазм всего состава академии не поддается описанию, и все спешили в тот же день получить все расчеты в академии, дабы срочно отправиться в свои части, которые уже мобилизовались⁶⁰. Итак, академия временно прекратила свое существование как военное учебное заведение.

* * *

Как жила академия в 1914–1916 гг.? Судя по приказам, в это время оставшиеся немногочисленные сотрудники академии вели минимальное делопроизводство по хозяйственным вопросам, иногда по запросам ГУГШ и Ставки готовили различные справки о слушателях прежних лет⁶¹ и по разнообразным военным вопросам⁶². По воспоминаниям временно руководившего академией профессора генерал-лейтенанта В.В. Витковского, «вся деятельность канцелярии сводилась тогда... почти исключительно к составлению ведомостей на обычное содержание и неурочные выдачи наградных... Получался какой-то заколдованный круг: бухгалтерские исчисления и составление ведомостей на наградные деньги требовали известного труда, за который просились награды; но самые эти награды, по существу дела, вызывали числовые выкладки, за производство которых надо опять награждать и т.д. до бесконечности»⁶³. Работа Витковского осложнялась требованиями служащих выдать им рождественскую премию ввиду возможного сокращения финансирования в военное время⁶⁴. Как ни парадоксально, смета сокращенной академии сохранялась, если верить воспоминаниям Витковского, в предвоенном размере, чем стремились воспользоваться оставшиеся служащие. Витковский считал подобное поощрение тунеядства самым настоящим развратом. Тем более что все сметы проходили через руки писарей, видевших, какие суммы расходуются на вознаграждения служащих по сути закрытого учреждения. Профессор вспоминал о том, что даже собирался уйти в отставку, поскольку «академия без лекций мне опостылела; надежда на скорое выздоровление генерала Зейфарта, по доходившим до меня сведениям об его недугах, постепенно угасала, а жажда к наградам у чинов канцелярии скоро проявилась с новой силой»⁶⁵.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 361. Л. 14.

⁶¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1532. Л. 3.

⁶² Например, в ноябре 1916 г. в связи с введением во французской армии нового устава кавалерийской службы начальник французской военной миссии при ГУГШ ходатайствовал о предоставлении ему материалов о подготовке и тактике конницы по опыту текущей войны. В связи с этим делался запрос в академию (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1548. Л. 55).

⁶³ *Витковский В.В.* Пережитое. Вып. 3. С. 358.

⁶⁴ Там же. С. 356–357.

⁶⁵ Там же. С. 358. В обнаруженной нами денежной приходно-расходной книге казначейства академии на 1914 г. отмечено, что по 1 сентября 1914 г. в приходе академии было 116 442 руб. 98 коп., в остатке — 21 125 руб. 64 коп. (АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/9. Д. 5. Л. 33). Показатели менялись каждый месяц. Казначейство штаба армии Петроградского военного округа (позднее — 6-я армия), а также главное казначейство помимо содержания обеспечивали академию средствами на такие расходы, как добавочное содержание чинам академии и служащим, за особо возложенные занятия, пособия, подъемные и прогонные деньги чинам академии, командированным на театр военных действий, чайное довольствие и довольствие углем фельдшеру и писарям академии, закупка мыла для

Положение Витковского еще более усугубилось с отъездом осенью 1914 г. в действующую армию исполняющего должность правителя дел профессора Д.Д. Сергиевского и заведующего хозяйством полковника В.В. Попова. С отъездом Попова его место попытался заполучить столоначальник академии коллежский советник Мартынов, по предположению Витковского, в целях увеличения жалованья⁶⁶. В результате уволился со службы бухгалтер академии Иванов, претендовавший на этот пост по старшинству, но в качестве бухгалтера в академию вернулся бывший его помощник И.А. Смирнов, попавший по мобилизации смотрителем в один из военных госпиталей. Новый бухгалтер, к смущению пожилого Витковского, повел борьбу за обеспечение служащих суточными деньгами, которые получали преподаватели военных училищ и связанных с ними академий. Как справедливо отмечал Витковский, «мы не несли никаких тягостей походов, не расставались с близкими, не тратились на быстро изнашивающееся в передвижениях обмундирование»⁶⁷. Но никакие увещания начальника академии не помогали.

Более того, гражданский персонал академии ради достижения своей цели даже переоделся в военную форму. Витковский писал: «Прямо смешно стало смотреть на канцеляристов, по существу службы прикованных к письменным столам, щеголяющих в походных рубашках и штанах защитного цвета, высоких сапогах с гремящими шпорами и вооруженных остро отточенными шашками на толстых ременных португепях. Я хотел прекратить этот забавный маскарад и даже набросал проект приказа о запрещении своим подчиненным носить форму, приличную лишь на позициях, ввиду неприятеля, но потом подумал, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало — и махнул рукою. Однако боевой наряд имел целью не одну потеху: совершенно непроизводительные расходы на военные доспехи с чисто ребяческой наивностью, но и с нескрываемою наглостью выставлялись мне как оправдание в необходимости получать все те же вожделенные суточные деньги»⁶⁸.

Давление на начальника академии дошло до того, что, по его словам, «при каждом приезде в академию я вступал в свой служебный кабинет с невыразимую тоскою и в подавленном настроении, всякий раз ожидая преподнесения мне свежих измышлений коварного крючкотворства... настойчивая и непрерывная травля меня моими ненасытными подчиненными страшно истрепала мои нервы, я потерял сон и лишился способности заниматься делом. Доставляемые новые научные журналы оставались у меня неделями неразрезанными»⁶⁹. В академии прогрессировало разложение, присущее любым бездействующим учреждениям.

Унылая академическая повседневность первых военных лет несколько разнообразилась тем, что в библиотеку присылали различные описания боевых действий, наставления, карты

нижних чинов, улучшение пищи писарям и служителям (Там же. Л. 39, 41–41об.). От разных источников поступали и ежегодные выплаты, например, в Суворовский капитал (Там же. Л. 38об., 100об.). Любопытно, что в июле 1914 г. поступила плата и от выпускников академии 1914 г. за не сданные в библиотеку книги и учебники (Там же. Л. 29об.). На июль 1914 г. ежемесячное содержание чинов академии обходилось казне в 12 622 руб. 85 коп. (Там же. Л. 27об.). На октябрь 1914 г., т.е. уже в период войны, содержание чинов академии и семей чинов, командированных на войну, жалованье писарям и служителям составляли 10 786 руб. 96 коп. (Там же. Л. 36). 23 декабря 1914 г. были выплачены добавочное содержание чинам академии и служителям, а также плата лицам за особо возложенные занятия и на улучшение пищи писарям и служителям в размере 3630 руб. (Там же. Л. 108об.).

⁶⁶ *Витковский В.В.* Пережитое. Вып. 3. С. 360.

⁶⁷ Там же. С. 364.

⁶⁸ Там же. С. 365.

⁶⁹ Там же. С. 366–367.

и схемы⁷⁰. Назначались ежедневные наряды по академии, иногда отмечались торжественные события. Например, 6 мая 1915 г. в Суворовской церкви прошло благодарственное молебствие по случаю дня рождения императора, весь административный состав академии должен был присутствовать в форме военного времени при орденах⁷¹. Старые профессора жили достаточно спокойно. К примеру, Б.М. Колубакин даже проводил отпуск в Крыму⁷², как будто и не было войны. На январь 1915 г. временно исполняющим обязанности начальника академии был генерал-лейтенант В.В. Витковский (в этой должности он официально считался с 22 февраля 1915 г.), за правителя дел значился генерал-лейтенант Г.Г. Христиани⁷³.

Уйти в отставку по состоянию здоровья Витковскому, однако, не удалось. Медицинская комиссия летом 1915 г. нашла его в целом здоровым и просила не бежать с поля сражения⁷⁴. Лишь осенью 1915 г. после нового нажима на него со стороны служащих Витковский смог оставить свой пост. Подводя итог своей деятельности в 1914–1915 гг., он отмечал: «Итак, не перечисляя забот, тоже не совсем приятных, по ремонту зданий, заготовке топлива и т.п., вся моя деятельность на посту исправляющего должность начальника академии заключалась почти исключительно в непрерывной и горячей борьбе с самыми низменными и назойливыми требованиями со стороны канцелярских чиновников денег, денег и денег. К стыду своему я вынужден сознаться, что борьбы этой я не выдержал и вынужден был уйти с поста... Для одоления гнусных покушений на казенный кошелек здесь надо быть не человеком, а собакой... Искренно желал я, чтобы преемник мой оказался счастливее»⁷⁵. Корень зла и причину невиданной алчности чиновников академии Витковский видел в том, что им полагались достаточно обширные и роскошные, «сверхгенеральские» квартиры, требовавшие расхода не менее 2500 руб. в год, в то время как квартирные деньги составляли лишь четверть содержания служащих. Однако требуемой для покрытия квартирных расходов суммы чиновники не получали даже с добавлением всех возможных выплат. Из такого рода бытовых мелочей и складывалась академическая жизнь в первые годы войны.

* * *

Накануне войны руководство русской армии не предполагало, что в военное время может возникнуть дефицит кадров Генерального штаба. Тем более что существовал определенный резерв подготовленных офицеров, включавший преподавателей военных училищ и самой академии, служащих центральных учреждений и следующий выпуск академии. Острейший недостаток офицеров Генерального штаба стал ощущаться в действующей армии уже в 1914 г. Генерал-квартирмейстер Ставки генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов писал 16 декабря 1914 г. в докладе по штабу Верховного главнокомандующего: «В настоящее время в штабах действующих армий ощущается недостаток в офицерах Генерального штаба, который с каждым днем возрастает, вследствие значительно большего числа назначений офицеров Генерального штаба на высшие командные должности, а в особенности на должности командиров полков, чем в мирное время.

⁷⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1539. Л. 5–21.

⁷¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1530. Л. 130–130об.

⁷² Там же. Л. 270.

⁷³ Там же. Л. 1.

⁷⁴ *Витковский В.В.* Пережитое. Вып. 3. С. 367.

⁷⁵ Там же. С. 370.

Офицеры, причисленные к Генеральному штабу, выпуска из Императорской Николаевской военной академии 1912 года, являвшиеся ближайшим источником пополнения корпуса офицеров Генерального штаба в текущем году и подлежащие переводу в Генеральный штаб 1-го января 1915 года, уже переведены в Генеральный штаб высочайшим приказом 16-го ноября сего года.

Следующим источником пополнения корпуса офицеров Генерального штаба являются офицеры, причисленные к Генеральному штабу, выпуска из Императорской Николаевской военной академии 1913 года, подлежащие переводу в Генеральный штаб 1-го января 1916 года.

Так как означенные офицеры исправляют в настоящее время вакантные обер-офицерские должности Генерального штаба на театре войны, то, в случае удостоения по боевой их службе ближайшим начальством, полагалось бы также их теперь же перевести их в Генеральный штаб»⁷⁶.

В чрезвычайных условиях военного времени командование не могло в полной мере следовать многочисленным предвоенным бюрократическим требованиям, какие необходимо было соблюсти для перевода офицеров в Генеральный штаб. Выпуск 1913 г. император разрешил перевести в Генеральный штаб в январе 1915 г. (47 офицеров)⁷⁷, причем положенные цензы офицеры должны были отбыть после войны. К Пасхе 1915 г. в Генеральный штаб перевели уже и выпуск 1914 г. (61 офицер), подлежащий в обычных условиях переводу в Генштаб только в начале 1917 г.⁷⁸

После этого полноценных выпусков мирного времени из академии, не переведенных в Генштаб, уже не оставалось, а дефицит кадров так и не был ликвидирован. Тогда командование стало проявлять чудеса бюрократической изобретательности в кадровой политике. В мае 1915 г. на штабную службу было разрешено переходить офицерам, выдержавшим предварительные экзамены в академию в мирное время⁷⁹. 31 мая 1915 г. было разрешено причисление к Генеральному штабу обер-офицеров, окончивших академию в 1912–1914 гг. по 2-му разряду (39 офицеров). До 1912 г. это тоже разрешалось, но в исключительных случаях и по особым ходатайствам⁸⁰. Затем причисленные были переведены в Генеральный штаб. Кроме того, были причислены к Генеральному штабу обер-офицеры, переведенные на дополнительный курс академии в 1914 г. (т.е. окончившие в 1914 г. два класса академии считались выпуском 1915 г.)⁸¹. Обязательное для штаб-офицеров Генерального штаба двухгодичное командование полком сокращено до годовичного. В феврале 1916 г. появился приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего о том, что причисленные и переведенные в Генштаб офицеры, окончившие два класса академии, должны были в первый год после войны прикомандировываться к академии для выполнения тем дополнительного курса⁸².

⁷⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1276. Л. 2а.

⁷⁷ Там же. Л. 6, 9.

⁷⁸ Там же. Л. 98.

⁷⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1555. Л. 504.

⁸⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1251. Л. 12.

⁸¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1280. Л. 18, 39. Офицеры, окончившие два класса геодезического отделения академии, считались в звании геодезиста с 1916 г. в случае успешного окончания ими подготовки при Николаевской главной астрономической обсерватории (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1545. Л. 6).

⁸² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1251. Л. 17.

Своеобразным показателем предела имевшихся без подготовки новых кадров резервов для пополнения кадров Генштаба стал прецедент со штабс-капитаном И.А. Ринком⁸³. В порядке исключения в декабре 1916 г. он был причислен к Генеральному штабу, хотя ранее его отчислили от академии за неудовлетворительный балл по военной статистике иностранных государств, а кроме того, он сдал менее половины переходных экзаменов. Создался негативный прецедент, в результате которого другие такие же офицеры стали возбуждать ходатайства о причислении их к Генштабу. Все это породило целую переписку между Ставкой и ГУГШ о том, нужны ли такие офицеры в Генштабе. В итоге все подобные ходатайства были отклонены⁸⁴.

Итак, в связи с прекращением в 1914 г. подготовки кадров Генерального штаба в Императорской Николаевской военной академии, развертыванием армии, чинопроизводством и назначениями генштабистов командирами полков, а также потерями возник серьезный некомплект кадров Генерального штаба.

Масштабы некомплекта видны из сохранившихся документов. Начальник штаба 10-й армии генерал-майор И.И. Попов писал исполняющему должность генерал-квартирмейстера Ставки генерал-майору М.С. Пустовойтенко 13 февраля 1916 г.: «Недостаток же офицеров Генерального штаба настолько ощутителен, что теперь пришлось для этой ответственной и нелегкой службы привлекать офицеров, только понохавших академии, что, конечно, не разрешает этого острого вопроса...»⁸⁵ В мае 1916 г. уже около 50% должностей старших адъютантов дивизионных штабов замещали негенштабисты (известны случаи назначения на эти должности офицеров военного времени, вообще не имевших отношения к службе в армии до войны), начальниками штабов дивизий становились капитаны, не пробывшие в обер-офицерских чинах достаточно времени. Постепенно генштабистов не оставалось и на обер-офицерских должностях в корпусном звене.

С фронтов в Ставку поступали тревожные телеграммы. Например, начальник штаба Западного фронта генерал-лейтенант М.Ф. Квезинский телеграфировал генерал-квартирмейстеру Ставки 24 декабря 1916 г.: «Во всех младших штабах ощущается крайний недостаток офицеров Генерального штаба. Из 13 штабов корпусов лишь 4 имеют по 2 офицера Генерального штаба (штаб-офицер и старший адъютант), из 36 дивизий 10 вовсе не имеют офицеров Генерального штаба, кроме начальников штабов. Эти обстоятельства приводят к необходимости теперь же вернуть для службы [в] Генеральном штабе командиров полков, сократив для сего обязательный годичный командный ценз. Этим, конечно, не будет достигнуто коренное решение этого вопроса, но указанная мера составит известную помощь в трудном деле формирования новых штабов»⁸⁶. При этом в декабре 1916 г. было принято решение о формировании 57 новых дивизий⁸⁷, для которых где-то нужно было брать кадры квалифицированных штабных работников.

К началу 1917 г. ситуация стала уже довольно серьезной. Представление о замещении должностей Генштаба к этому времени дает таблица 3.

⁸³ В 1919–1920 гг. некоторое время исполнял обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего эстонских Вооруженных сил.

⁸⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1545. Л. 70об., 76, 80, 81.

⁸⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1354. Л. 38.

⁸⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1368. Л. 460–461.

⁸⁷ Там же. Л. 462.

Распределение генштабистов по штатным должностям действующей армии (начало 1917 г.)⁸⁸

Штатные должности		Замещены офицерами Генштаба и причисленными к Генштабу	Офицеров Генштаба не хватает для замещения, процент некомплекта от штата, в прямых скобках некомплект офицеров Генштаба и причисленных
Генеральские	367	284	123 – 33% [83]
Штаб-офицерские	407	296	211 – 52% [111]
Обер-офицерские	555	185	370 – 67% [370]

Из этих данных следует, что к началу 1917 г. армия нуждалась в 1329 офицерах Генерального штаба, тогда как генштабистов и причисленных насчитывалось только 765. Некомплект составлял 564 офицера, или 42,4%. Впрочем, по данным таблицы 3, непосредственно офицеров Генштаба требовалось больше — 704 офицера.

В результате некомплекта к началу июля 1917 г. офицеры, окончившие академию до 1912 г., занимали уже старшие должности в штабах фронтов и армий, а на должности начальников штабов дивизий стали назначать окончивших академию в 1914 г.⁸⁹ 3 августа 1917 г. в Ставке констатировали: «Нужда в офицерах Генерального штаба ощущается более или менее на всех фронтах одинаково»⁹⁰. К осени 1917 г. кандидатами на должности начальников дивизионных штабов уже числились и выпускники 1915 г.⁹¹ Назрел вопрос возобновления подготовки кадров в академии.

* * *

Понимание того, что необходимы полный отказ от былых условностей и экстренный выпуск сотен генштабистов, пусть и по сокращенной программе, пришло к военному руководству империи не сразу. В докладе по штабу Верховного главнокомандующего от 16 апреля 1916 г. отмечалось, что офицерами Генерального штаба замещены только 50% положенных должностей, еще 30% замещали причисленные к Генштабу и 20% — офицеры без должной подготовки — лишь выдержавшие экзамены для поступления в академию⁹². Ставка признавала, что офицеры последней категории обладали недостаточной теоретической подготовкой. В то же время практика службы по Генштабу, которую они приобрели в ходе войны, в сочетании с ускоренной теоретической подготовкой могла дать хороший результат применительно к обер-офицерским должностям Генштаба. В докладе отмечалось, что для открытия академии не требовалось ослаблять действующую армию, поскольку в Петрограде оставались профессора В.В. Витковский, Б.М. Колобакин, Н.П. Михневич, А.З. Мышлаевский, Г.Г. Христиани. При этом считалось, что академию должен был возглавить непременно генерал — участник войны⁹³. Так родилась идея открытия академических курсов военного времени. В докладе отмечалось, что курсы не будут полноценной академией, а смогут лишь дать право их выпускникам в будущем поступить в академию без экзаменов. Позднее, одна-

⁸⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1251. Л. 61.

⁸⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1253. Л. 11.

⁹⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1265. Л. 49.

⁹¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1253. Л. 197.

⁹² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1358. Л. 1. В штабах корпусов было 38 офицеров Генерального штаба, 23 причисленных, 2 геодезиста и 6 слушателей младшего класса. В штабах дивизий и бригад — 92 офицера Генерального штаба, 54 причисленных и 24 слушателя младшего класса.

⁹³ Там же. Л. 1об.

ко, эти принципы были изменены. Уже тогда автор доклада считал необходимым окончивших младший класс академии в 1914 г. привлечь в старший класс курсов.

На повестке дня стояли два варианта подготовки кадров — в академии в Петрограде или в особых школах на театре военных действий (этот вариант предлагал генерал Н.Н. Головин, чтобы генштабисты-фронтовики не отвлекались от фронта)⁹⁴.

Таким образом, Ставка весной 1916 г. запустила механизм подготовки к открытию академии. Материалы доклада Ставки 18 апреля были доложены начальником штаба Верховного главнокомандующего генерал-адъютантом М.В. Алексеевым в письме военному министру, в результате был поставлен вопрос об открытии академии⁹⁵. Военный министр генерал от инфантерии Д.С. Шуваев присоединился к мнению Алексеева. Начальнику Генерального штаба генералу от инфантерии М.А. Беляеву было поручено представить соображения по проекту. Разработка положения по распоряжению ГУГШ была возложена на исполняющего должность начальника академии генерал-майора В.Н. Петерса (с осени 1916 г. — Камнева). С мая 1916 г. академия постепенно стала активизировать свою работу, что видно по журналу исходящих бумаг⁹⁶. Летом же началась спешная подготовка к возобновлению учебы.

Первоначальный проект академических курсов военного времени был составлен генерал-майором В.Н. Петерсом 8 июля 1916 г. Военный министр одобрил проект, и 12 июля он был лично доложен Петерсом начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу М.В. Алексееву, который также высказал свое одобрение и приказал приступить к вызову офицеров⁹⁷.

Петерсом был разработан следующий предварительный учебный план сокращенной подготовки генштабистов (табл. 4).

Таблица 4

Предварительный недельный учебный план занятий на ускоренных курсах Императорской Николаевской военной академии (часов в неделю)⁹⁸

Предмет	Старший класс		Младший класс	
	Теория	Практика	Теория	Практика
Стратегия	4	—	—	—
Тактика	8	6	8	6
Военная история	3	—	—	—
История военного искусства	—	—	2	—
Военная администрация	6	1	5	—
Военная статистика	4	—	6	—
Сведения по артиллерии	2	—	2	—
Сведения по инженерной части	3	2	2	—
Военно-морское дело	—	—	2	—
Теория съемки	—	—	3	2
Верховая езда	—	3	—	2
Всего в неделю	30	12	30	10
На репетиции ⁹⁹	—	6	—	8

⁹⁴ Там же. Л. 6.

⁹⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1546. Л. 2.

⁹⁶ См.: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1573.

⁹⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1363. Л. 84.

⁹⁸ Там же. Л. 90.

⁹⁹ В старой России под словом «репетиция» подразумевался экзамен по какой-либо части предмета, т.е. в современном понимании – зачет.

Расписание намечалось следующее: с 9 до 12 часов проходили три лекции, затем с 12 до 13 был перерыв, а с 13 до 15 часов — еще две лекции, после чего с 15 до 18 часов велись практические занятия или репетиции¹⁰⁰.

Квоты на зачисление в академию постоянно менялись. По одному из первоначальных проектов на курсы должны были прибыть все слушатели младшего класса 1913/14 г. (таковых к июню 1916 г. оставалось не более 79 человек, кроме того, в течение трех предвоенных лет младший класс прошли, а затем были отчислены из старшего 9 офицеров) и 30 (затем 50) офицеров из числа выдержавших предварительные письменные экзамены при военных округах в 1914 г. (из 826 сдававших тогда экзамены их выдержали 420 человек)¹⁰¹. По 30 офицеров ожидалось от фронтов Европейской России и 20 от Кавказского фронта¹⁰². Всего принимали не более 110 офицеров. Каждый класс должен был длиться пять месяцев, и затем в течение двух месяцев предполагалась практика. За два года работы курсов планировалось подготовить 400 офицеров.

К этому времени обер-офицерских должностей Генштаба насчитывалось 453, вакантны были 40. Из этих должностей 318 подлежали замещению офицерами Генштаба (из них 224 замещены обер-офицерами Генштаба, 30 — слушателями младшего класса, 17 — выдержавшими предварительные испытания в академию в 1914 г., 3 — выдержавшими экзамены в академию в 1913 г., 10 — прочими и 24 — вакантны; не учтены 10 офицеров) и 135 должностей, которые могли быть замещены генштабистами (из них 10 замещены обер-офицерами Генштаба, 22 — слушателями младшего класса, 67 — выдержавшими предварительные испытания в академию в 1914 г., 6 — выдержавшими экзамены в академию в 1913 г., 14 — прочими и 16 вакантны). Прикомандированы к штабам 76 офицеров (1 слушатель младшего класса, 67 выдержавших предварительные испытания в академию в 1914 г., 6 выдержавших экзамены в академию в 1913 г., 2 прочих)¹⁰³.

На курсы планировали направлять тех, кто выдержал в 1914 г. предварительные письменные испытания при окружных штабах или приемные экзамены в академию 1913 г., но не был принят по конкурсу¹⁰⁴. Предлагалось командировать и слушателей геодезического отделения, окончивших два класса академии в 1914 г.¹⁰⁵ На курсы принимались лица со стажем в офицерских чинах не менее двух лет¹⁰⁶.

¹⁰⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1358. Л. 90.

¹⁰¹ Там же. Л. 74, 77, 428об. Разумным шагом было бы вместо прекращения работы академии в 1914 г. принять 420 офицеров, выдержавших экзамены, в академию в начале войны и готовить их по сокращенной программе уже тогда, однако это сделано не было. В военное время порядка 75 офицеров из сдавших экзамены выбыли из строя (*Кавтарадзе А.Г.* «Скорее пополнить действующую армию...». С. 55).

¹⁰² С фронтов были присланы списки офицеров, подлежащих командированию в академию. Юго-Западный фронт направлял в старший класс 31 офицера (15 исполняющих должность старших адъютантов штабов дивизий, 6 исполняющих должность обер-офицеров для поручений при штабах корпусов, двух офицеров из штабов 6-й и 7-й армий, четверых состоящих в прикомандировании к штабам дивизий, троих из строя, одного геодезиста), на подготовительные курсы 50 офицеров (двух офицеров из штабов 6-й и 7-й армий, 13 исполняющих должности обер-офицеров для поручений при штабах корпусов, 18 прикомандированных к штабам дивизий, 17 из строя). Западный фронт направлял в старший класс 22 офицера, на подготовительные курсы — 33 офицера. Северный фронт направлял в старший класс 16 офицеров, на подготовительные курсы — 20 офицеров (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1358. Л. 433).

¹⁰³ Там же. Л. 434.

¹⁰⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1549. Л. 38.

¹⁰⁵ Там же. Л. 2.

¹⁰⁶ Там же. Л. 341.

Открытие академических курсов военного времени готовилось в спешке и было намечено на 1 августа 1916 г. Для слушателей предполагалось устроить общежитие на 100 человек, а всем желающим им воспользоваться требовалось взять походные кровати¹⁰⁷.

По первоначальному замыслу выпуск предполагался 1 января 1917 г., а к 1 августа 1918 г. намечалось выпустить 400 офицеров, которые после войны должны были сдать темы дополнительного курса¹⁰⁸.

Сведения просачивались на фронт. Будущий курсовик штабс-капитан В.М. Цейтлин записал в дневнике 15 июля 1916 г.: «Из числа выдержавших предварительный экзамен в академию требуют 50 человек от нашего фронта достойнейших, вот тут и разберись, кто же должен аттестацию и где будет выбор и отбор. Нет, конечно, никаких оснований, чтобы мне не попасть, но если это случится, то, конечно, надо ставить ребром, пускай дают старшинство и уйти совсем, получится удивительная несправедливость: взяли из строя, лишили права строевого офицера, а в академию не приняли, но ведь кто-нибудь должен же не ехать. Главная задержка может получиться в том, что из штаба корпуса уезжает сразу [пропуск в тексте] офицера и как раз во время решительной операции»¹⁰⁹.

С 4 августа на основании высочайшего приказа от 20 июля генерал Петерс официально возглавил Военную академию на время войны¹¹⁰. 23 июля 1916 г. в Петроград начали съезжаться слушатели, но Алексеев к этому времени переменял свое мнение и посчитал, что открытие курсов в августе ничего не даст штабной службе в сравнении с ноябрем, но отнимет около 170 работников¹¹¹. По прямому проводу он направил запрос временно управляющему Военным министерством генералу от инфантерии П.А. Фролову, не лучше ли отложить открытие курсов до 1 ноября, поскольку по заявлению штаба Юго-Западного фронта отвлечение значительного числа офицеров в период интенсивных боев могло привести к серьезным затруднениям на фронте, а к 1 ноября ожидалось наступление относительного затишья. Документ этот был следующим: «Командирование на академические курсы военного времени к 1 августа значительного числа офицеров, по мнению начальника штаба Юго-Западного фронта, является существенным ущербом для штабной службы в самое горячее время развития боев, заместить убывающих положительно нечем. Ввиду изложенного названный начальник штаба ходатайствует о перенесении начала занятий курсов на первое ноября, когда наступит на фронте затишье. Принимая во внимание указанные причины, не найдете ли возможным отложить открытие курсов до 1-го ноября»¹¹².

¹⁰⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1358. Л. 75.

¹⁰⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1251. Л. 22.

¹⁰⁹ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 137. В Гражданскую войну В.М. Цейтлин, как и многие его сокурсники, оказался в Красной армии в качестве военного специалиста, а впоследствии получил известность как крупный теоретик и практик военной связи. Рукопись дневника Цейтлина, по всей видимости, утрачена. Дневник представляет собой машинописный набор рукописи с большим количеством пропусков вследствие неразборчивости рукописного текста, поскольку автор часто прибегал к стенографированию. Встречаются при машинописном наборе и ошибки. Вместе с тем есть некоторые основания считать машинописный набор дневника авторизованным, т.к. на отдельных страницах присутствует рукописная правка. Кроме того, из материалов архива Цейтлина следует, что в 1920-е гг. военспец изучал исторические источники для корректуры дневника (в частности, «Очерки русской смуты» генерала А.И. Деникина). В этой связи, возможно, дневник содержит и какие-то последующие правки, о чем косвенно свидетельствует высокая степень зрелости суждений автора дневника.

¹¹⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1550. Л. 3.

¹¹¹ Там же. Л. 1.

¹¹² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1549. Л. 51.

На это Алексееву был дан ответ, что упускать время нежелательно и обучение следует начать не позднее 15 августа, хотя бы и без офицеров с Юго-Западного фронта, которых можно было бы привлечь к обучению в следующую очередь¹¹³. Начальник мобилизационного отдела ГУГШ генерал-лейтенант П.И. Аверьянов сообщал Алексееву: «Имея в виду заявленную необходимость скорейшего пополнения огромного некомплекта в офицерах Генерального штаба, полагал бы желательным не отлагать начало занятий академических курсов до ноября месяца, если бы предоставилась возможность командировать ко времени их открытия хотя бы около половины намеченного числа слушателей, то есть, например, по 50–60 человек на каждый курс, а всего до 100–120. Так как интенсивные операции происходят лишь на Юго-Западном фронте, а на остальных относительное затишье, то означенное количество, быть может, возможно назначить по преимуществу от этих последних фронтов и Кавказской армии с тем, чтобы в следующий прием на младший курс, намеченный на 1 января, был бы пополнен по преимуществу офицерами Юго-Западного фронта. Имея конечной целью дать армии первый выпуск офицеров Генерального штаба не позже января будущего года, полагал бы возможным при изложенных условиях срок начала занятий курсов не относить далее 15 августа. Если же начало занятий придется отнести до первого ноября, то соответственно сему будут отложены на три месяца и выпуски офицеров. Прошу телеграфировать окончательное решение Вашего высокопревосходительства»¹¹⁴.

Отголоском этой переписки стало свидетельство из дневника будущего слушателя ускоренных курсов штабс-капитана В.М. Цейтлина, так или иначе посвященного в детали происходящего. 29 июля Цейтлин, командированный в не открывшуюся тогда академию, записал: «Брусиллов... против открытия академии сейчас, т.к. в самое время развития операций у нас из штабов отымают всех офицеров, многих, говорят, и не пустили совсем. Откроется ли академия, так и неизвестно, сейчас идет обмен телеграммами. Вчера сказали, что надо прожить еще дня 3»¹¹⁵.

Курсы намечались трехмесячные. 28 июля, за четыре дня до открытия курсов, Алексеев ответил телеграммой о переносе открытия курсов на 1 ноября, чтобы фронт не лишился в горячее время 170 работников, отправлявшихся на курсы: «Открытие академических курсов в августе ничего не даст штабной службе по сравнению с открытием в ноябре, а между тем сразу лишит в горячее время около 170 работников. Почему полагалось бы открытие курсов перенести на первое ноября»¹¹⁶. Напрасно прибывшие в академию слушатели были вынуждены возвращаться в свои части¹¹⁷. При этом многие из них в результате перестановок не попали в академию осенью, а смогли поступить лишь на курсы 2-й очереди уже в 1917 г.¹¹⁸ Тех, кто еще только собирался приехать, задержали телеграммами¹¹⁹.

¹¹³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1363. Л. 84об.

¹¹⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1549. Л. 52.

¹¹⁵ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 140–141.

¹¹⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1358. Л. 192.

¹¹⁷ С этой командировкой были сопряжены немалые проблемы для слушателей. К примеру, подполковник 80-го пехотного Кабардинского полка Н.Я. Забегалов перевозил в Петроград свою лошадь, которую отправляли следом. Когда курсы были отложены, офицер должен был вернуться в часть, а лошадь еще даже не прибыла в Петроград (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1550. Л. 231). Позднее Забегалов, не попав на курсы 1-й очереди, прошел обучение на курсах 2-й очереди.

¹¹⁸ Там же. Л. 4об.–5.

¹¹⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1358. Л. 194.

На некоторое время вопрос об открытии курсов был отложен. 9 августа начальник академии сообщил командующему 2-й Финляндской стрелковой дивизией, что первый набор намечен на 1 ноября, причем без экзаменов будут приняты офицеры, выдержавшие предварительные письменные испытания при окружных штабах в 1914 г. и не попавшие в академию по конкурсу в 1913 г. Согласно этому письму, второй набор намечался на 1 апреля 1917 г. и последующие приемы предполагались через каждые пять месяцев по облегченным конкурсным экзаменам¹²⁰. Продолжительность курсов в августе 1916 г. намечалась в пять месяцев для каждого класса и два месяца полевых практических занятий¹²¹. Обсуждалась возможность командировать на курсы прапорщиков запаса, но Ставка решила к этой мере не прибегать¹²². К 4 августа 1916 г. фронты уже предназначили своих кандидатов на 110 вакансий будущих курсов¹²³. К концу октября академия ожидала прибытия слушателей¹²⁴. Следует отметить, что в годы войны были отменены некоторые прежние ограничения на поступление в академию. Так, приказом по военному ведомству от 6 сентября 1915 г. было отменено ранее существовавшее ограничение на зачисление в военные академии католиков¹²⁵. Это изменение не замедлило отразиться на составе слушателей.

К сентябрю 1916 г. вокруг вопроса поступления на курсы наблюдался определенный ажиотаж. На 110 вакансий 1-й очереди и столько же 2-й очереди уже было 460 кандидатов, выдержавших перед войной экзамен в академию¹²⁶. Назначения выдавали фронтовые штабы. Академические истории некоторых офицеров, стремившихся на курсы и вынужденных преодолевать бюрократические препоны, были удивительны. К примеру, история штабс-капитана, артиллериста И.А. Чернявского. Этот офицер в 1910–1912 гг. обучался в академии, однако по болезни был оставлен в старшем классе на второй год и вторично его прослушал в 1912/1913 учебном году, затем в 1913 г. он был отчислен от академии как не выдержавший экзамен по иностранной статистике с правом поступления в старший класс. Весной 1914 г. Чернявский держал переводные экзамены в старший класс, причем ему были зачтены прежние баллы за полевые поездки. Попытку восстановиться прервала война. Чернявский участвовал в боевых действиях и был награжден несколькими орденами. Лишь в 1917 г. ему довелось попасть в старший класс уже ускоренных курсов академии (не без сложностей, так как к этому времени офицер служил на преподавательской должности, а на курсы набирали офицеров с фронта), после чего Чернявский был причислен к Генштабу и переведен в него. Таким образом, академический путь растянулся у офицера на долгих семь лет¹²⁷.

Офицеры, стремившиеся в академию, горячо переживали происходящее. В.М. Цейтлин записал в дневнике 29 сентября 1916 г.: «Самое неприятное то, что распространилась весть о том, что академия снова будто бы не открывается, и, судя по полученной вчера телеграмме,

¹²⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1549. Л. 146.

¹²¹ Там же. Л. 156.

¹²² Там же. Л. 157.

¹²³ Там же. Л. 163.

¹²⁴ Там же. Л. 181.

¹²⁵ Там же. Л. 303.

¹²⁶ Там же. Л. 303–303об.

¹²⁷ Там же. Л. 316–317об.; Д. 1562. Л. 129–129об., 141–142.

это весьма возможно. Это, конечно, очень печально и рушит сейчас все то светлое, что было впереди и ради чего можно было терпеть эту обстановку»¹²⁸.

30 сентября Алексеев вернулся к вопросу о программе курсов и сообщил военному министру о необходимости переработать проект курсов и открыть их 1 ноября. По его мнению, для младших должностей Генштаба «не требуется той широкой образовательной программы, которую наметил проект Военного министерства»¹²⁹. При этом Алексеев был вполне согласен с идеей «скорее пополнить действующую армию офицерами, ознакомленными со службой Генерального штаба и подготовленными только к занятию младших должностей по Генеральному штабу»¹³⁰.

К письму Алексеева прилагался проект, составленный 26 августа 1916 г. бывшим начальником академии генерал-адъютантом Д.Г. Щербачевым, участвовавшим в пересоставлении учебных программ академии в 1910–1911 гг. Проект Щербачева поддержали ранее преподававшие в академии генералы Н.Н. Головин, А.К. Келчевский, А.А. Незнамов и В.А. Черемисов. Также прилагалась сводка дополнений и изменений к этому проекту, подготовленная штабами фронтов и Кавказской армии¹³¹. Щербачев считал, что проект курсов получился неудачным в силу своей двойственности. С одной стороны, годичного курса было недостаточно для общего развития слушателей, с другой стороны, он был избыточен для экстренной подготовки офицеров на младшие должности Генштаба. Тем более что обер-офицерские должности Генштаба в значительной степени занимали строевые офицеры, не имевшие специальной подготовки. Следует отметить, что во Франции аналогичные курсы по подготовке офицеров на младшие должности Генштаба длились четыре недели.

Проект курсов предусматривал обучение офицеров, прошедших младший класс академии либо выдержавших предварительные экзамены 1914 г. или вступительный экзамен 1913 г., но не попавших в академию по конкурсу. Однако эти офицеры почти все уже работали в штабах, и их возвращение в армию после курсов не ликвидировало некомплект, а, наоборот, усугубляло его на период пребывания офицеров на курсах. Лишь к 1 января 1918 г. можно было рассчитывать на некоторое уменьшение некомплекта, поскольку тогда курсы должны были окончить офицеры, поступившие из строя. Однако к этому времени могла завершиться война.

Щербачев считал необходимым включить в программу обучения лишь безусловно необходимые предметы для работы офицеров в штабе корпуса. Он выступал за четырехмесячную подготовку без разделения на старший и младший классы. По проекту Щербачева учебный план должен был включать 50 часов лекций и 150 часов практических занятий по тактике, 10 часов лекций по курсу сведений по артиллерии, 15 часов лекций и 20 часов практических занятий по курсу сведений по инженерной части, 25 часов лекций и 30 часов практических занятий по курсу службы Генерального штаба и всех служб снабжений и тыла, 5 часов лекций по военной администрации, 5 часов лекций и 18 часов практических занятий по топографической разведке и чтению иностранных карт, 20 часов лекций по курсу изучения операций текущей войны. Всего проект Щербачева предусматривал 348 часов занятий в течение трех месяцев (по 29 в неделю, или 5 часов в день, что было необремени-

¹²⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 167.

¹²⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1363. Л. 94.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же. Л. 85. Письмо Д.Г. Щербачева см. в Приложениях.

тельно и давало время подготовиться дома). Четвертый месяц учебы посвящался поездкам на фронты для ознакомления с работой офицеров Генерального штаба и осмотра позиций. Экзаменов и репетиций предлагалось не производить, а знания оценивать по итогам практических занятий.

Вместе с тем для преподавания на курсах требовались отличные преподаватели со строевым опытом, так как слушатели уже будут иметь опыт командования ротами и даже батальонами, участия в штыковых атаках, будут иметь ранения. Преподаватель без опыта не имел бы в их глазах никакого авторитета. В то же время хорошие офицеры, очевидно, не стремились в тыл, а принудительное назначение преподавателей на курсы не могло быть эффективным. Как следствие, Щербачев предлагал открыть курсы при одной из армий, чтобы направлять на них преподавателей в форме кратковременных командировок. Щербачев предлагал сразу привлечь на курсы строевых офицеров, чтобы не расходовать дефицитный ресурс тех, кто занимал должности по Генштабу и совершенствовался на практике. В дальнейшем курсовиков можно было бы уравнивать в правах с прослушавшими год в академии или выдержавшими вступительные экзамены и занимающими должности по Генштабу¹³².

В связи с проектом Щербачева высказался и генерал-майор В.Г. Болдырев, направивший свои соображения 26 сентября генерал-квартирмейстеру Ставки. Болдырев поддержал идею курсов при штабах армий, а также четырехмесячный срок обучения. По мнению Болдырева, необходимо было набирать офицеров не с должностей Генштаба, а из строя, тогда как тех, кто окончил младший класс академии в мирное время и два года прослужил в штабах на войне, причислить при наличии отличных аттестаций к Генштабу¹³³.

Главкомандующий Кавказской армией великий князь Николай Николаевич-младший предлагал сократить курсы и не давать выпускникам причисления к Генштабу. Как сообщал в Ставку 17 сентября 1916 г. генерал-майор Л.М. Болховитинов, «Августейший главнокомандующий находит проект генерал-адъютанта Щербачева более отвечающим обстановке и высказался за сохранение курса. При этом великий князь полагает, что окончившим курс офицерам не должно даваться каких-либо прав на причисление к Генеральному штабу и, конечно, на перевод в Генеральный штаб. Несущих там обязанности офицеров Генерального штаба из числа бывших слушателей и выдержавших экзамен в академию в 1913 году, но не попавших по конкурсу оставить на ныне занимаемых должностях, а на курсы командировать из дивизий других офицеров с предупреждением, что эти самые офицеры по окончании курсов попадут в те же дивизии, которые их командировали. Если будет решено организовать курсы на фронтах, то на Кавказском фронте это выполнить нельзя»¹³⁴.

Дополнения и изменения к предложению Щербачева подготовил исполняющий должность генерал-квартирмейстера Ставки генерал-майор М.С. Пустовойтенко, выступивший за необходимость проведения экзаменов и против поездок слушателей на фронт, поскольку они и так обладали боевым опытом. Курсы должны были быть только в Петрограде, и привлекать на них намечалось лиц, «так или иначе причастных в прошлом к академии»¹³⁵. Предлагалось привлекать как прошедших, так и не прошедших экзамены, а также тех, кто

¹³² Там же. Л. 97.

¹³³ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1107. Л. 279об.

¹³⁴ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 373. Л. 71.

¹³⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1363. Л. 98.

окончил один курс академии в 1914 г. В будущем курсовики должны были приниматься в академию без экзаменов. Курсовикам выделяли содержание на офицера, лошадь и на денщика, сохранялось содержание, получавшееся ими в строевых частях, преподаватели и штаб-офицеры получали денежное довольствие по академическим штатам со значительной надбавкой из специальной суммы¹³⁶.

Алексеев был согласен с мнением Щербачева о том, что можно не готовить слушателей, а только «натаскать». Широкий кругозор выпускников был недостижим в короткие сроки, а подготовка к конкретной работе вполне реальна¹³⁷.

3 октября исполняющий должность начальника академии подал письменный доклад исполняющему должность начальника Генерального штаба об организации курсов. В докладе предлагалось с 1 ноября открыть двухмесячные курсы для строевых офицеров, которые бы завершились 1 января 1917 г., а затем с 1 января 1917 г. открыть курсы с разделением на младший и старший классы для периодичности выпусков. При таком подходе фронту не наносился ущерб, что беспокоило генерала Щербачева. Теперь одни офицеры по завершении обучения возвращались на фронт, а взамен прибывали другие.

Затем Петерс (Камнев) отправился в Ставку для немедленного доклада. Генерал М.В. Алексеев после его доклада высказал опасение, что двух месяцев для обучения слишком мало. Эта же мысль была выражена и в письме Алексеева военному министру от 10 октября 1916 г. за № 5481. Генерал рекомендовал организовать курс продолжительностью три месяца «или около этого»¹³⁸. Дополнительный месяц на полевые поездки на позиции не требовался. Открытие старшего класса и подготовительных курсов 2-й очереди предлагалось отложить, поскольку старший класс Алексеев представлял себе основательным и продолжительным, без какой-либо спешки.

Пока шло обсуждение, будущие слушатели питались различными слухами. Так, штабс-капитан В.М. Цейтлин записал в дневнике 8 октября 1916 г.: «Пришло очень неприятное известие, я получил телеграмму из Ставки, что академия открывается 1 января, а с 1 ноября курсы каких-то временных заместителей до 1 января. До официальной телеграммы [понять] трудно, но смысл такой, что сначала хотят приготовить заместителей, а потом уже взять в академию, но в общем говорить трудно что-либо, прежде чем не будет известно окончательно»¹³⁹.

К 9 октября обсуждалась идея четырехмесячных курсов. 12 октября Алексеев изложил свои взгляды на будущие курсы и их слушателей. Целью курсов было дать заместителей на младшие обер-офицерские должности Генштаба. Условия приема отражают запутанные бюрократические реалии жизни старой России. Требовалось командировать на курсы желающих обер-офицеров, пробывших в офицерских чинах не менее двух лет, имевших образование в пределах полного курса военных училищ по программе мирного времени. Принимать следовало исключительно состоящих в строевых частях действующей армии, выдержавших экзамены в академию, но не попавших в нее по конкурсу в 1913 г., либо выдержавших письменные испытания при военных округах в 1914 г., не прикомандированных еще к полевым штабам для исполнения вакантных должностей Генштаба, не принадлежащих к этим кате-

¹³⁶ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 373. Л. 78.

¹³⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1358. Л. 404.

¹³⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1363. Л. 86.

¹³⁹ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 173.

гориям, но по вступительным экзаменам в академию или по бытности в ней в прежние годы причастных к академии. Исключение можно было сделать лишь для тех, кто ушел из строя по ранению или увечью на войне. Также можно было зачислять и строевых офицеров, не имевших отношения к академии. Предпочтение следовало отдавать георгиевским кавалерам и раненым. При этом кандидаты должны были удовлетворять требованиям по здоровью (раненые — пригодны к полевой службе в младших полевых штабах в условиях военного времени). На курсы по предложению Алексеева следовало зачислять по пять человек от каждого гвардейского и кавалерийского корпуса и по два человека от армейского корпуса¹⁴⁰. От фронта зачислялись по 10 человек, а от Кавказской армии — 6 офицеров из строевых частей, не входящих в состав корпусов. Всего 220 человек, которые должны были прибыть к 29 октября вместе с денщиками¹⁴¹.

В академию также можно было направлять отчисленных из младшего класса в 1914 г. в связи с мобилизацией и признанных достойными перевода в старший класс; выдержавших весной 1914 г. переходные экзамены в старший класс; успешно окончивших два класса геодезического отделения, хотя бы и без летних практических занятий старшего класса; отчисленных до 1914 г. включительно из старшего класса или с дополнительного курса по разным причинам (кроме отчисления по распоряжению начальства, по терминологии того времени, «за неодобрительные поступки»); отчисленных от академии при переходе из младшего класса в старший до 1914 г. включительно по невыдержанию переходных экзаменов по предварительному разрешению начальника академии о каждом из них. Во 2-ю очередь предполагалось направлять прикомандированных к полевым штабам и исполняющих должности Генштаба, кои выдержали экзамен в академию в 1913 г. и письменные испытания при округах в 1914 г. Большое количество кандидатов делало возможным открытие старшего класса 2-й очереди¹⁴².

Поступивший на подготовительные курсы 1-й очереди штабс-ротмистр Ю.А. Слезкин вспоминал, что командировались в академию по собственному желанию, для чего нужно было подать заявление. Офицер рассуждал о мотивах своего решения: «Конечно, перспектива прожить несколько месяцев в Петербурге¹⁴³ улыбалась многим, так что в записавшихся в каждом полку недостатка не было. Последнее слово при отборе кандидата принадлежало командиру корпуса (у нас — генералу графу Келлеру). Будучи “фанатиком строя”, мне раньше никогда не приходила мысль поступления в академию Генерального штаба, но соблазн отдохнуть в Петербурге побудил и меня заявить о своем желании быть командированным в академию. Выбор графа Келлера пал на меня, а потому 6-го октября 1916 года, как выбранный от полков 10-й кавалерийской дивизии, я был командирован в Петербург для прохождения сокращенного курса академии Генерального штаба. В это время мои родители находились в Петербурге, что делало для меня эту командировку еще ценнее»¹⁴⁴.

¹⁴⁰ Дискутировался вопрос об увеличении квот для корпусов, тем более что в их составе могли быть дивизии, действовавшие отдельно и нуждавшиеся в пополнении своих штабов квалифицированными кадрами (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1360. Л. 125).

¹⁴¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1551. Л. 6–6об.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Здесь и далее правильно: в *Петрограде*.

¹⁴⁴ *Слезкин Ю.А.* Летопись пережитых годов. Буэнос-Айрес, 1975. С. 68.

К октябрю 1916 г. уже не хватало 85 обер-офицеров на должностях Генштаба и 125 обер-офицеров на должностях, которые могли быть замещены генштабистами. Итого кадровый дефицит составлял 210 обер-офицеров¹⁴⁵.

В связи с тем, что многие выдержавшие экзамены в академию занимали должности не по Генеральному штабу, Алексеев направил в ГУГШ, начальникам штабов фронтов, в Кавказскую армию и по ряду других адресов следующую телеграмму: «Из переписки об учреждении и открытии академических курсов обнаружилось, что многие офицеры из числа выдержавших вступительные экзамены в академию в 1913 году и письменные испытания в 1914 году занимают как вне действующей армии, так равно и в таковой различные должности, не относящиеся по характеру деятельности к подготовительным для службы в Генеральном штабе. Между тем некомплект офицеров Генерального штаба вынудил привлекать к исправлению обязанностей офицеров Генерального штаба офицеров из строя наряду с тем, что многие из числа указанных выше офицеров заявляли желание поступить на академические курсы, т.е. желают нести в будущем службу Генерального штаба. Ввиду изложенного представляется необходимым теперь же поставить в известность офицеров помянутых категорий как о тех преимуществах, коими они могут воспользоваться на основании приказа по воен[ному] вед[омству] сего года за № 379, так и о том, что в будущем при поступлении в академию без экзамена дано будет преимущество тем офицерам из числа названных категорий, кои будут нести службу Генерального штаба в действующей армии до конца войны. Кроме того, привлекать к несению службы Генерального штаба строевых офицеров, не причастных к академии, необходимо делать¹⁴⁶ только при полной невозможности найти желающих из числа выдержавших экзамены в 1913 году и письменные испытания в 1914 году»¹⁴⁷.

В результате обсуждения были установлены новые сроки работы курсов. Для подготовительных курсов 1-й очереди — два с половиной месяца с 1 ноября 1916 г. по 15 января 1917 г., для подготовительных курсов 2-й очереди и дальнейших — трехмесячный срок, для старшего класса — пять месяцев, позднее была установлена продолжительность в семь месяцев (в проекте говорилось о том, что теоретическая подготовка длилась пять месяцев, а полевые практические занятия и экзамены — два месяца). И лишь 18 февраля 1917 г. особым повелением курс старшего класса 1-й очереди был сокращен с семи до пяти месяцев.

В двадцатых числах октября слушатели уже отправились в академию со своих мест службы. В.М. Цейтлин записал в дневнике 25 октября: «Курсы с ноября открылись, уехал[и] от нашего корпуса Кирьяков и Попов, открытие же академии в январе, вернее после, что меня очень смущает»¹⁴⁸.

27 октября Военный совет утвердил «Положение об ускоренной подготовке офицеров в Николаевской военной академии в течение настоящей войны», высочайше утвержденное 30 октября 1916 г. и объявленное в приказе по военному ведомству № 627 от 10 ноября 1916 г.¹⁴⁹

Намечалось открытие 2,5-месячных подготовительных курсов 1-й очереди, 3-месячных подготовительных курсов 2-й очереди и, если понадобится, 3-й очереди, а также старшего

¹⁴⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1358. Л. 324.

¹⁴⁶ Так в документе.

¹⁴⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1552. Л. 2–2об.

¹⁴⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 181.

¹⁴⁹ См. Приложения.

№ 18229
ГЛАВНАЯ
Военная Библиотека
Р. К. В. А.

ПОЛОЖЕНІЕ

объ ускоренной подготовкѣ офицеровъ въ
ИМПЕРАТОРСКОЙ Николаевской Военной
Академіи въ теченіе настоящей войны.

ПЕТРОГРАДЪ.

Тип. Императорской Ник. Воен. Акад. Суворовскій пр., 32-б.

1916.

класса каждой из трех очередей. Подготовительные курсы открывались в целях ускоренной подготовки некоторого количества строевых обер-офицеров к выполнению обязанностей офицеров Генерального штаба на младших должностях в полевых штабах действующих армий¹⁵⁰. Успешно окончившими подготовительный курс считались офицеры со средней отметкой 8 (и не менее 6 по каждому предмету). Предполагалось проведение выпускных экзаменов. Вольнослушатели не допускались (позднее, однако, это положение было изменено). В программу курсов включались «лишь те предметы и занятия, какие необходимы для твердого усвоения техники службы Генерального штаба и для расширения тактического кругозора офицеров настолько, чтобы они могли правильно оценить обстановку в пределах корпуса, понять оперативную идею своего начальника и разработать ее для передачи к исполнению войскам»¹⁵¹. По окончании подготовительных курсов 1-й очереди офицеры отправлялись в армию на замену уезжавших в академию на подготовительные курсы 2-й очереди и в старший класс 1-й очереди.

Старший класс открывался в целях завершения обучения офицеров, прошедших в мирное время подготовку в младшем классе академии (старший класс 1-й очереди) и прошедших через подготовительные курсы в военное время (старший класс 2-й и 3-й очередей). Окончание курсов давало право на академический знак, причисление к Генштабу, а затем и перевод в него.

«Положение» было отпечатано тиражом 1200 экземпляров и разослано в войска в ноябре 1916 г. Рассылкой занимались Ставка и лично генерал-квартирмейстер Ставки генерал М.С. Пустовойтенко, получивший 21 ноября тираж от начальника академии для рассылки по штабам фронтов, армий, корпусов, дивизий и других учреждений действующей армии¹⁵². Программу для поступления на курсы и правила неоднократно запрашивали и желающие попасть в академию офицеры¹⁵³. Обращались в академию даже офицеры из дисциплинарных частей¹⁵⁴. Экземпляр «Положения» стоил 20 коп. Многие думали, что для поступления придется сдавать экзамены, между тем на академические курсы слушателей принимали без экзаменов и по выбору строевого начальства.

«Положением» заинтересовались иностранные военные представители. В частности, экземпляр документа был передан итальянскому военному атташе вместе с программами по общей тактике, по тактике пехоты, конницы, артиллерии, технических войск и воздушных средств борьбы, по военной администрации, службе Генерального штаба (отделы разведки и техники отдачи приказаний), сведениям по инженерному искусству, сведениям по артиллерийской части, по военно-топографической разведке и по теории съемки¹⁵⁵. Дополнительно академия должна была предоставить и программы старшего класса.

Письма некоторых стремившихся к знаниям офицеров заставляют сопереживать их авторам. Так, 30 октября 1916 г. в канцелярию академии обратился капитан 168-го пехотного

¹⁵⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2184. Л. 117об.

¹⁵¹ Положение об ускоренной подготовке офицеров в Императорской Николаевской военной академии в течение настоящей войны. Пг., 1916. С. 5.

¹⁵² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1547. Л. 4. Например, в Кавказскую армию было направлено 200 экземпляров «Положения» (РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 373. Л. 292).

¹⁵³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1547. Л. 15, 16.

¹⁵⁴ Там же. Л. 110.

¹⁵⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1548. Л. 63–63об.

Миргородского полка Клиопа, который писал: «До начала войны я усиленно готовился к экзамену, но держать таковой имел право только в 1915 году, т.к. выпущен из училища в 1912 г. И теперь, несмотря на трудные условия окопной жизни, я продолжаю заниматься»¹⁵⁶. К сожалению, усердный Клиопа так и не попал в академию, поскольку начальник дивизии не хотел отпускать кадрового офицера.

Не обходилось и без протекции. Так, например, член Военного совета генерал от инфантерии П.А. Гейсман (Гейсманс) 1 октября 1916 г. писал исполняющему должность генерал-квартирмейстера ГУГШ генерал-майору М.И. Занкевичу:

«Милостивый государь Михаил Ипполитович!

Во время моего командования 16^м армейским корпусом в качестве председателя казанского отдела Императорского Русского военно-исторического общества я обратил внимание на члена этого общества и отдела, офицера Казанского военного училища, ныне капитана Колесникова, который уже в то время разрабатывал и издавал труды, хотя и небольшие, но свидетельствовавшие о его замечательной жажде знания, любви к работе, усидчивости, настойчивости и вообще всех тех качествах, которые одинаково необходимы как для офицера Генерального штаба, так и для военного писателя.

В 1910 году он держал экзамен при Московском военном округе и не мог быть допущен к испытанию при академии только по той причине, что по русскому языку вместо 9 получил 8.

В настоящее время он автор девяти трудов, не считая мелких статей. Труды его я вместе с сим препровождаю для Вашего сведения. К трудам его, как начинающего писателя, я отношусь не слишком строго и обращаю внимание не на то, что он дал в настоящем, а на то, что он обещает дать в будущем.

С этой точки зрения мне представляется, что преграждать ему доступ в академию из-за случайного недополучения одного балла на экзамене нежелательно, а потому прошу Ваше превосходительство не отказать рассмотреть этот вопрос. Если бы Вы пожелали его видеть, он Вам представится теперь же, ибо находится теперь в Петрограде. Быть может, Вы признаете сообразным с пользою дела службы оказать содействие принятию капитана Колесникова в Императорскую Николаевскую военную академию при предстоящем приеме 1 ноября с.г., невзирая на то, что он не подходит под условия приема в эту академию.

Уважающий Вас П. Гейсманс»¹⁵⁷.

Речь шла о действительно способном офицере Н.В. Колесникове, проявившем себя как крупный военный ученый уже в эмиграции¹⁵⁸. Однако академическое руководство решило проявить непреклонность. Начальник академии 27 октября сообщал: «Капитан Колесников принят быть не может, так как он служит в училище и не входит в состав строевых частей»¹⁵⁹. Бюрократизм на какое-то время возобладал над здравым смыслом. После вторичного ходатайства Гейсмана 27 января 1917 г. в результате личных переговоров начальник академии дал согласие на зачисление офицера¹⁶⁰, и Колесников поступил на подготовительные курсы 2-й очереди.

¹⁵⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1547. Л. 26об.

¹⁵⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1549. Л. 443–443об.

¹⁵⁸ Подробнее о нем см.: *Гашин А.В., Семенов В.Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007. С. 282–283.

¹⁵⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1549. Л. 444.

¹⁶⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1553. Л. 177–178.

Осенью 1916 г. переговоры по зачисленным на курсы офицерам с правителем дел академии А.И. Андогским от Ставки вел Г.Т. Киященко. Как разъяснял в октябре 1916 г. сам Андогский, на подготовительные курсы 1-й очереди распоряжением Ставки были командированы 220 офицеров из строевых частей действующей армии по выбору и под ответственность начальников дивизий. Командировались по два офицера от каждого армейского корпуса и по пять — от каждого гвардейского и кавалерийского корпуса. На курсы 2-й очереди, открывавшиеся с 1 февраля 1917 г., намечалось командировать 125 желающих офицеров из числа привлеченных к исполнению вакантных должностей Генштаба в полевых штабах действующей армии при условии выдержания ими в мирное время предварительных испытаний в академию в 1914 г. или конкурсных экзаменов в 1911–1913 гг. При этом желающих было больше нормы¹⁶¹. Основной задачей курсов было влить в полевые штабы выпускников старшего класса к 1 июля 1917 г., когда намечался период активных операций. Преподавателей на время летнего перерыва в занятиях до 1 сентября планировали также отправить в полевые штабы.

* * *

Двум начальникам академии, повлиявшим на ее развитие в 1916–1922 гг., необходимо дать подробную характеристику¹⁶². Исполняющим должность начальника академии в 1916 г. был назначен генерал-майор Владимир Николаевич Петерс (Камнев; 11 августа 1864 – 8 января 1938), выпускник академии 1894 г.¹⁶³ По слухам, назначение его состоялось по протекции распутинских кругов. Осенью 1916 г. Петерс сменил свою немецкую фамилию на «Камнев» (имя Петр в переводе с греческого означает камень), хотя такая практика многими осуждалась¹⁶⁴.

По свидетельству П.С. Махрова, Петерс «известен был как хороший преподаватель тактики, отличный строевой офицер-администратор»¹⁶⁵.

Профессор М.А. Иностранцев вспоминал о своей поездке с Петерсом в Ставку в конце 1916 г.: «Когда мы разместились в купе, Петерс обратился ко мне и сказал: “Вы можете поздравить меня, я уже не Петерс, а Камнев. Высочайше мне разрешено переменить фамилию”. Я, конечно, поздравил генерала, но в душе изумился этому ходатайству о перемене фамилии, ставшему во время войны как бы модным — заменять немецкую

¹⁶¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1549. Л. 500об.

¹⁶² Подробнее о профессорско-преподавательском составе см. гл. 8.

¹⁶³ Петерс позднее стал тестем создателя легендарной «Катюши» выдающегося военного инженера Г.Э. Лангемака, замужем за которым была дочь генерала Елена.

¹⁶⁴ К примеру, генерал Е.К. Миллер придерживался противоположного взгляда на перемену фамилии и отмечал в 1917 г.: «Тех лиц, которые ради популярности или страха ради иудейска меняют фамилии своего отца и деда, я уважаю немножко меньше, чем раньше до перемены фамилии, и их примеру следовать не предполагаю.

Седанскую капитуляцию подписали генерал Вимпфен и полковник Верди-дю-Вернуа. Первый был француз, а второй — немец; тому и другому, наверное, никогда и в голову мысль не приходила, что для славы немецкого и французского оружия соотечественники ожидают, чтобы они взаимно обменялись фамилиями» (НИА. Evgenii Miller Papers. Box 1. Folder 1. Показания Е.К. Миллера. Л. 63). В письме генералу М.В. Алексееву от 8 мая 1917 г. Миллер прямо заявил: «Я своему сыну могу завещать в наследство лишь свою “немецкую” фамилию, которую я ни теперь, ни впредь не изменю ради угодничества перед толпой, и мое честное имя» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1311. Л. 16–16об.).

¹⁶⁵ BAR. P.S. Makhrov Papers. Box 2. Махров П. Продолжение моих воспоминаний об академии Генерального штаба и об академии военной, преобразованной в таковую в 1908 году, и альбом фотографий начальников академии и высших административных лиц с 1830 года и до конца царствования императора Николая II. С. 45.

фамилию на русскую. Какою-то искусственностью и, более того, подхалимством веяло на меня от этих просьб.

Разве нельзя быть русским патриотом, оставаясь с немецкой фамилией? Разве Брюсы, Минихи, Барклаи де Толли, Фонвизины и другие не были русскими людьми? Кроме того, по моему мнению, ведь это перекрашивание равносильно отрешению от всего прошлого и в том числе, шутка сказать, от своих предков. И это все во имя лишь грядущего момента — очень уж по-молчалински.

За время поездки я еще более присмотрелся к Петерсу, ставшему теперь Камневым. По существу, он был не дурной, не глупый и доброжелательный человек, но несколько легкомысленный и, повторяю, весьма мало осведомленный об академической работе и целях»¹⁶⁶.

Петерс как начальник академии находился не на своем месте. Ранее он занимал пост начальника Елисаветградского кавалерийского училища. Соответственно, методы училища он пытался перенести на академическую почву, что было абсурдно. Профессор М.А. Иностранцев вспоминал о попытке Петерса предложить ему для улучшения качества лекций заставлять слушателей прямо на лекции повторить ранее сказанное лектором¹⁶⁷. Такой подход был бы оскорбителен для слушателей, которые являлись состоявшимися офицерами и обладали боевым опытом.

Вторым по значимости лицом в академии стал исполняющий должность правителя дел полковник Александр Иванович Андогский (25 июля 1876 – 25 февраля 1931). Как оказалось позднее, это была ключевая фигура для истории академии последнего периода ее существования. Его назначение самым решающим образом повлияло на судьбу академии в годы Гражданской войны.

Андогский происходил из потомственных дворян Новгородской губернии, родился в семье действительного статского советника. По меркам того времени Андогский был высокообразованным человеком, очевидно, обладавшим широким кругозором и гибкостью мышления. Достаточно отметить, что до академии он окончил гимназию, юридический факультет Петербургского университета и сдал экзамен на офицерский чин при Павловском военном училище. Свою военную службу Андогский начал в рядах лейб-гвардии Московского полка. Академию он окончил в 1905 г. первым в своем выпуске и был удостоен премии генерала А.Н. Леонтьева на военно-научную командировку за границу и премии генерала Г.А. Леера за лучшую третью (стратегическую) тему.

Андогский был не только гвардейским офицером и штатным преподавателем академии перед войной, он был близок к дому Романовых, поскольку преподавал военные науки князьям императорской крови Олегу и Игорю Константиновичам. Определенную известность получили работы Андогского «Военно-географическое исследование Афганистана как района наступательных операций русской армии» (СПб., 1908) и «Служба связи в бою пехотного полка» (СПб., 1908; 1909; 1911), причем последняя с 1909 г. была включена в приемную программу академии в качестве пособия для чтения¹⁶⁸.

¹⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 36–37.

¹⁶⁷ Там же. Л. 9.

¹⁶⁸ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

С начала Первой мировой войны Андогский занимал пост старшего адъютанта оперативного отделения штаба 2-й армии, участвовал в Восточно-Прусской операции. Злые языки возлагали ответственность за разгром армии на ошибочный доклад Андогского начальнику штаба армии с критикой плана операции¹⁶⁹.

О том, что почва для обвинений присутствовала, писал генерал В.В. Чернавин в черновых записях о штабе 2-й армии: «Есть основания предполагать, что помимо случайного подбора офицеров Ген. штаба, вошедших в состав штаба этой армии, были и другие обстоятельства, сказывавшиеся чрезвычайно неблагоприятно на деятельности штаба.

Ген. штаба г[енерал]-м[айор] Замбржицкий в своих воспоминаниях о начале войны¹⁷⁰ рассказывает, что когда П Сиб[ирский] к[орпус], в штабе которого он состоял, прибыл вскоре после отхода остатков 2-й армии из В[осточной] Пруссии в состав этой армии, то он слышал откровенные признания одного из офицеров Ген. штаба штаба этой армии, своего сотоварища по В[оенной] академии капитана Слижикова, об обстоятельствах, приведших армию к катастрофе.

Одним из таких обстоятельств якобы было влияние на операцию группы молодых офицеров Ген. штаба, во главе которой стоял подп[олковник] Андогский (пом[ощник] ст[аршего] адъютанта оперативного отделения). Из других офицеров этой группы ген. Замбржицкий упоминает кап[итанов] Слижикова и Нечволодова. Судя по рассказу кап[итана] Слижикова, который в откровенном разговоре с ген. Замбржицким признавал и свою вину, эта группа оказывала сильное давление на ген. Самсонова, который был под ее влиянием.

Андогский и его сотоварищи проводили идею решительного наступления во что бы то ни стало, считая, что этим мы подчиним противника своей воле. Даже тогда, когда уже выяснился неблагоприятный оборот событий на флангах, они действовали на Самсонова в смысле необходимости с тем большей настойчивостью продолжать выполнение основного плана, сводившегося к прорыву нем[ецкого] центра XV и XIII корпусами. Это упорство в преследовании недостижимой цели и привело к гибели центральных корпусов 2-й армии. С этим показанием ген. Замбржицкого может быть сопоставлено другое. Ген. Иностранцев (б[ывший] профессор В[оенной] академии) рассказывал мне, что от ген. Мартоса¹⁷¹ он слышал о крайне вредной деятельности в штабе 2-й армии Андогского, который сумел приобрести влияние на н[ачальни]ка штаба ген. Постовского и интриговал против своего прямого начальника, ст[аршего] адъютанта оперативного отделения полк[овника] Вялова, выдающегося офицера Ген. штаба»¹⁷².

Косвенное подтверждение подобных оценок содержит детальное исследование генерала А.А. Зальфа, который резко критически отзывался о деятельности штабных работников 2-й армии. По утверждению Зальфа, старшие адъютанты штаба армии (подполковник Андогский, полковник С.Е. Вялов и капитан Д.А. Лебедев) «совершенно не справлялись со своими задачами, и это было причиной всех неудач второй армии и причиной самоубий-

¹⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 11; Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 12об.

¹⁷⁰ Были предложены Русск[ому] загр[аничному] истор[ическому] архиву в Праге, но не были им приобретены (примеч. В.В. Чернавина).

¹⁷¹ Ген. Мартос и ген. Иностранцев жили оба после отъезда из России в одном и том же городе [Загребе] (примеч. В.В. Чернавина).

¹⁷² ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 42. Л. 2–3.

ства командующего армией... виновником разгрома второй армии был не генерал Самсонов, а бездействие службы Генерального штаба и бездействие тех лиц, которые должны были организовать и направлять эту службу»¹⁷³. Как бы то ни было, на карьеру Андогского этот эпизод не повлиял.

Затем Андогский служил начальником штаба 3-й гвардейской пехотной дивизии и командовал 151-м пехотным Пятигорским полком.

Еще до войны Андогский готовил диссертацию на тему «Встречный бой» (конференция утвердила диссертацию 26 марта 1913 г., представлена она должна была быть не позднее 25 апреля 1914 г., однако защиту отложили¹⁷⁴). Позднее он немного дополнил свой труд по опыту войны и защитил диссертацию в 1917 г. (книга по диссертации вышла в Петрограде в мае 1918 г.). Помимо академии Андогский преподавал во Владимирском военном училище, вел курсы тактики, топографии, службы Генштаба. В академии он читал лекции по службе Генштаба и руководил практическими занятиями по инженерному делу. По мнению начальника академии, Андогский работал с выдающимся успехом¹⁷⁵.

По аттестации, данной 9 мая 1916 г. начальником 3-й гвардейской пехотной дивизии, «полковник Андогский владеет большими способностями и блестящей подготовкой к полевой и штабной службе офицера Генерального штаба.

Образцовый начальник штаба дивизии.

Работает продуманно и талантливо. На труд его можно смело положиться. Тактическую обстановку схватывает быстро и верно оценивает ее. Выводы его всегда вески.

Неизменно спокоен и уравновешен. Спокойствие не покидает его и под неприятельским огнем, где он проявляет полное самообладание и выдающееся мужество. Характер твердый и настойчивый.

В обращении с начальником и подчиненными корректен и тактичен.

Физически здоров и вынослив.

Отличный. Достоин выдвижения на должность командира полка вне очереди»¹⁷⁶.

По характеристике близко его знавшего (хотя и находившегося с ним в конфликте) профессора М.А. Иностранцева, «это был человек умный, хитрый и очень ловкий, обладавший громадным честолюбием и очень большой семьей, ибо женился на разведенной, имевшей уже несколько детей, и прижил с нею еще детей»¹⁷⁷. По мнению журналиста Л.В. Арнольдова, Андогский «умный, хитрый, дальновидный» человек¹⁷⁸.

По характеристике учившегося с Андогским в академии П.С. Махрова, «выше среднего роста, предрасположенный к полноте, но не грузный, с иголочки всегда одетый в мундир л[ейб-]гв[ардии] Московского полка, украшенный университетским значком, деликатный и приветливый, он производил очень хорошее впечатление на своих сослужив-

¹⁷³ Зальф А. Научная тактика. Основной закон и принципы вооруженной борьбы. Танненбергская катастрофа и ее виновники. Таллин, 1932. С. 167 (выражаю благодарность к.и.н. Ф.А. Гушину за предоставленные сведения).

¹⁷⁴ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

¹⁷⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1559. Л. 212об.–213.

¹⁷⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 8. Л. 21.

¹⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.

¹⁷⁸ Арнольдов Л.В. Жизнь и революция. Шанхай, 1935. С. 181.

цев — слушателей в академии»¹⁷⁹. В другом месте Махров отметил, что Андогский «был человек высокой морали, чести и честности»¹⁸⁰.

Б.В. Геруа составил вполне достоверный (насколько можно судить, изучив документальное наследие академии и Андогского) портрет этого человека: «Этот молодой оппортунист состоял перед войной в числе насадителей прикладного метода... Это был круглый, аккуратный, отчетливый человек, совсем как его изумительный почерк. Никакая спешка или настроение духа не влияли на печатную красоту и закругленность этих крупных стоячих букв. Такою же медлительною уравновешенностью отличались его характер и его идеи. Как профессор он никогда бы не блистал, но все у него было бы в образцовом порядке и в приличном согласии с модным течением.

Как администратор, призванный к этому по должности начальника академии в такое исключительно неустойчивое время, Андогский был на месте: никто не был способен лучше него держаться равноденствующей линии и лавировать между революционной властью и старой консервативной инерцией академии»¹⁸¹.

Недоброжелатель Андогского генерал Н.Г. Володченко впоследствии писал: «В общем нельзя не признать последнего начальника академии высоко образованным, способным и даже талантливым, обладавшим большой выдержкой и хладнокровием; но жажда денег, неразборчивость в средствах к добыванию их и отсутствие твердых нравственных устоев сделали его человеком, не заслуживающим доверия и даже опасным, что выразилось в его “извилистой политике” и неоднократных “перелетах” из красного лагеря в белый и обратно»¹⁸². Представляется, что корыстолюбие Андогского здесь явно преувеличено и в целом предпринята попытка выдать желаемое за действительное.

В академии Андогский официально числился с 7 декабря 1916 г., т.е. существенно позднее начала работы курсов. Тем не менее он быстро завоевал популярность у слушателей, а его дипломатические способности и изворотливость впоследствии не раз спасали академию при красных и белых. При том, что его предшественник Петерс-Камнев на посту начальника академии не обладал необходимой компетенцией, бразды правления постепенно сосредоточились в руках Андогского. Последний оказался компромиссной фигурой для различных групп профессорско-преподавательского состава. С одной стороны, он ранее преподавал в академии и был достаточно современным военным ученым, чтобы разделять взгляды кружка Н.Н. Головина. С другой, был приемлем и для группы старых профессоров академии, поскольку, в отличие от Головина, насколько можно судить по имеющимся источникам, не вел активной борьбы с академическими устоями и старой профессурой. Кроме того, Андогский был связан с А.И. Гучковым еще с Русско-японской войны¹⁸³, а позднее сумел войти в доверие к А.Ф. Керенскому. К этому можно добавить,

¹⁷⁹ BAR. P.S. Makhrov Papers. Box 2. Махров П. Предания и воспоминания об академии Генерального штаба, переименованной в 1907 г. в академию военную. С. 1224.

¹⁸⁰ Ibid. Махров П. Продолжение моих воспоминаний об академии Генерального штаба и об академии военной, преобразованной в таковую в 1908 году, и альбомом фотографий начальников академии и высших административных лиц с 1830 года и до конца царствования императора Николая II. С. 41.

¹⁸¹ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни: в 2 т. Париж, 1969. Т. 1. С. 274.

¹⁸² ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 120б.

¹⁸³ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 64–65.

что современники считали Андогского беспринципным оппортунистом¹⁸⁴, что, однако, в итоге пошло на пользу академии.

* * *

Итак, с конца 1916 г. для нужд фронта академия начала подготовку кадров Генерального штаба на ускоренных курсах по сокращенной программе. В 1916–1919 гг. функционировали четыре очереди ускоренных курсов, в каждой из которых, за исключением последней 4-й, было организовано по два класса — подготовительный курс и старший класс. Формой одежды, принятой на курсах, были походный мундир при старшем ордене и высокие сапоги¹⁸⁵.

На 31 октября 1916 г. был намечен молебен перед началом занятий¹⁸⁶. К 1 ноября в академию были командированы 235 офицеров¹⁸⁷. Случались и отказы. В этом случае кандидат заменялся офицером из того же корпуса или дивизии. Например, ротмистр 1-го гусарского Сумского полка Никольский отказался от командирования по изменившимся обстоятельствам, и вместо него был командирован штабс-ротмистр 1-го лейб-драгунского Московского полка Беляев¹⁸⁸.

При выборе кандидатов на курсы предпочтение отдавалось георгиевским кавалерам и раненым. Направлялись в академию по 5 офицеров от каждого гвардейского и кавалерийского корпуса, по 2 — от армейского корпуса, по 10 — от фронта, по 6 — от Кавказской армии из строевых частей, не входивших в состав корпусов¹⁸⁹.

На курсы распоряжением Ставки был командирован 241 строевой офицер, среди слушателей находился и флигель-адъютант, полковник лейб-гвардии Гусарского его величества полка (произведен в два чина за время обучения в академии) 29-летний князь императорской крови Гавриил Константинович (3 июля 1887 — 28 февраля 1955)¹⁹⁰. В течение курса по собственному желанию отчислились два слушателя, еще трое были отчислены в период репетиций¹⁹¹, успешно окончили курсы 237 человек.

Состав 240 слушателей, доучившихся до экзаменов был следующим (табл. 5).

¹⁸⁴ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 39.

¹⁸⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1509. Л. 69.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1552. Л. 20об.

¹⁸⁸ Там же. Л. 23.

¹⁸⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 15. Л. 6.

¹⁹⁰ Князь Гавриил Константинович участвовал в Первой мировой войне и блестяще проявил себя на фронте, 22 октября 1914 г. был награжден Георгиевским оружием. После того как в сентябре 1914 г. на фронте от ран скончался брат Гавриила Константиновича князь Олег Константинович, представители дома Романовых были отозваны с передовой. Как следствие, Гавриил Константинович страдал от вынужденного бездействия и был рад возможности расширить свои военные знания в высшем военно-учебном заведении.

¹⁹¹ По документам об отчислении исключенных офицеров больше. Возможно, расхождения обусловлены различным статусом офицеров на курсах или заменами. Штабс-ротмистр лейб-гвардии Уланского его величества полка Г. Лопухин был откомандирован от академии в распоряжение принца А.П. Ольденбургского в конце 1916 г., штабс-капитан 222-го пехотного Красносельского полка М.П. Базыленок был отчислен по собственному желанию, штабс-капитан 271-го пехотного Красносельского полка Кошелев был отчислен за поздним прибытием, по собственному желанию в связи с домашними обстоятельствами отчислился штабс-капитан Выборгского крепостного артиллерийского полка Кутигонский, по собственному желанию из-за болезни — штабс-капитан 260-го пехотного Брацлавского полка Сивулицкий, и как получивший неудовлетворительный балл на репетиции по тактике технических войск был отчислен штабс-капитан лейб-гвардии Конной артиллерии фон Мевес (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1554. Л. 3, 6, 7, 15, 17, 20; Д. 1575. Л. 4).

**Состав офицеров – слушателей подготовительных курсов 1-й очереди
Императорской Николаевской военной академии¹⁹²**

Род войск / Из каких частей		Количество	Всего	Процент
Гвардия	Пехота	7	20	8,32
	Стрелки	2		
	Конница	5		
	Пешая артиллерия	3		
	Конная артиллерия	2		
	Штаб Кавказского корпуса	1		
Армейская пехота и стрелки	Армейская пехота	71	100	41,67
	Армейские стрелки	26		
	12-й и 14-й особые пехотные полки	3		
Конница	Драгуны	14	55	22,90
	Уланы	6		
	Гусары	10		
	Кзаки	23		
	Прибалтийский конный полк	1		
	Пограничная стража	1		
Артиллерия	Пешие бригады	16	34	14,16
	Мортирные части	2		
	Осадная артиллерия	1		
	Конные и казачьи батареи	7		
	Крепостная артиллерия	4		
	Конно-горные дивизионы	2		
	Парковые артиллерийские дивизионы	2		
Технические войска, прочие части, штабы	Саперные части	6	31	12,95
	Телеграфные части	2		
	Автомобильные части	2		
	Броневые автомобильные части	2		
	Радиотелеграфные части	2		
	Самокатные части	2		
	Воздухоплавательные части	2		
	Летчики-наблюдатели	1		
	Военные топографы	1		
	Польский стрелковый батальон	1		
	Штабы дивизий	6		
	Штабы армий	4		
Итого		240	240	100
Имеют орден Св. Георгия			24	10
Имеют Георгиевское оружие			37	15
Итого			61	25

¹⁹² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1552. Л. 72. Впрочем, сохранились и несколько отличающиеся данные, согласно которым армию представляли 220 человек (101 пехотинец, 55 кавалеристов, 34 артиллериста, 20 инженеров, 10 штабных работников) — 91,68% от общего числа. 20 офицеров представляли гвардию (9 пехотинцев, по 5 кавалеристов и артиллеристов, один штабной работник), что составляло 8,32% слушателей (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1556. Л. 122.).

Первые 40 слушателей могли бесплатно разместиться в двух свободных залах академии, 160 последующих должны были селиться по двое в 80 реквизируемых номерах петроградских гостиниц за плату, еще 20 имели оседлость в Петрограде. Денщиков размещали в зданиях академии¹⁹³. Для обеспечения жильем преподавателей срочно освобождались казенные квартиры, заселенные семьями бывших преподавателей и служащих. Так, 22 октября 1916 г. семьям генерал-майоров А.А. Незнамова и В.З. Савельева, полковников А.А. Балтийского и В.В. Попова было предписано выселиться из занимаемых помещений в двухнедельный срок¹⁹⁴.

К 1 января 1917 г. денежные суммы академии составляли 26 116 руб. 10 коп., включая 7074 руб. 35 коп. деньгами, 11 891 руб. 75 коп. документами и 7150 руб. процентными бумагами¹⁹⁵.

Курсовик П.В. Колтышев отмечал, что «уклад жизни и службы в[о] вновь открытой... академии сохранился таким, каким он являлся при генерале, князе Енгальцеве.

В это время академия уже потеряла свой облик “святости” храма науки, в котором проповедывалась ненарушимость законов стратегии и тактики, установленных Леером и Драгомировым»¹⁹⁶. На улучшение качества подготовки слушателей, приближение ее к практике, несомненно, влияло появление в академии настоящих боевых офицеров (например, талантливого военачальника С.Л. Маркова, который обладал обширным боевым опытом и читал курс общей тактики, хотя, как отмечали, без особого энтузиазма¹⁹⁷). При сравнении других преподавателей тактики — А.П. Слижикова и А.Д. Сыромятникова — в лучшую сторону выделялся первый.

В ноябре–декабре на курсах читались лекции, проводились практические занятия¹⁹⁸. В период со 2 по 20 января прошли репетиции (зачеты). Профессор М.А. Иностранцев отмечал: «Хотя работа была и очень большая и спешная, в то же время и чрезвычайно интересная»¹⁹⁹. По свидетельству слушателя Ю.А. Слезкина, «ввиду срочности вопроса пополнения армии недостающим числом младших офицеров Генерального штаба, занятия с нами шли форсированным темпом и мы просиживали на лекциях по 8-ми часов в день, с небольшим перерывом на завтрак, который можно было получать в столовой академии.

Сперва поневоле, а после втянувшись, я с интересом слушал лекции, в большинстве прекрасных наших профессоров, из которых увлекательнее всего были лекции по общей тактике, Генерального штаба генерала С.Л. Маркова (в дальнейшем — героя Гражданской вой-

¹⁹³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1559. Л. 112; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1358. Л. 375; Ф. 2100. Оп. 1. Д. 373. Л. 165.

¹⁹⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1546. Л. 136.

¹⁹⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1575. Л. 36.

¹⁹⁶ BAR. P.S. Makhrov Papers. Vox 2. Махров П. Предания и воспоминания об академии Генерального штаба, переименованной в 1907 г. в академию военную. С. 1196.

¹⁹⁷ Ibid. С. 1198. Это противоречит свидетельствам о преподавательской деятельности Маркова перед войной. По утверждению одного из слушателей, «преподавая, Марков положительно “горел”» (BAR. D.N. Tikhobrazov Papers. Vox 4. Тихобразов Д.Н. Воспоминания. Очерк пятый. В академиях. Л. 63).

¹⁹⁸ Были прочитаны лекции: общая тактика (26 часов), тактика пехоты (25 часов), тактика конницы (20 часов), тактика артиллерии (16 часов), тактика технических войск (16 часов), военная администрация (25 часов), сведения по артиллерийской части (34 часа), теория съемки (18 часов), военная топографическая разведка (15 часов), очерк событий текущей войны (6 часов). Итого 247 часов. Практические занятия проводились по тактике (60 часов), военной администрации (42 часа), теории съемки (12 часов), инженерному искусству (16 часов). Итого 130 часов (см.: *Кавтарадзе А.Г.* «Скорее пополнить действующую армию...». С. 55).

¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.

ны). Интересны также были лекции Генерального штаба полковника Андогского по службе Генерального штаба.

Система занятий в академии была лекционная, с периодической сдачей репетиций (зачетов).

Как мы ни были загружены занятиями, все же оставалось немного времени и для личной жизни, и я полностью использовал несколько месяцев пребывания в Петербурге²⁰⁰, пользуясь всеми его соблазнами, столь ценными после двух с лишним лет фронтовой жизни.

В октябре 1916 года, уже находясь в академии, я был произведен за боевые отличия в чин штабс-ротмистра. Быстро пролетели эти 5 месяцев пребывания в академии, и в январе 1917 года были произведены выпускные экзамены со сдачей всех предметов курса. Для меня эти экзамены прошли более чем благополучно, и почти по всем предметам я получил хорошую оценку (за исключением геодезии и технической стороны артиллерии)²⁰¹.

Лекции по службе Генерального штаба на курсах читал А.И. Андогский, стремившийся доходчиво разъяснять слушателям принципы их будущей службы, порой при помощи примеров из собственного опыта Первой мировой войны²⁰². Курс предусматривал следующие составляющие: творческая и техническая сторона управления, взаимоотношения между ними; назначение штабов, принцип организации, круг деятельности Генерального штаба; разработка решения, объем участия Генерального штаба в ней; полнота и единство разработки решения; отдача распоряжений; техника и содержание приказаний; место штабов в бою²⁰³. Андогский же разрабатывал и читал курс тактики конницы.

О поступлении в академию Гавриил Константинович вспоминал: «К большой моей радости я узнал, что открываются подготовительные курсы первой очереди военного времени при Императорской Николаевской военной академии, и решил, с высочайшего разрешения, на них поступить. Перед поступлением на курсы я явился к исполняющему должность начальника академии генералу Петерсу. Во время моего учения в академии он из Петерса превратился в Каменева, должно быть, потому, что Петр значит “камень”. Во время войны 1914–1918 гг. у нас в России было стремление переделывать немецкие фамилии на русский лад. Я считаю, что те люди, которые таким образом перекрашивались, не уважали своего прошлого»²⁰⁴.

Начало обучения описано Гавриилом Константиновичем следующим образом: «В октябре, в день открытия курсов академии, в академической церкви был молебен. Поехал я в академию в сопровождении барона Э.Ф. Менда, который в то время управлял делами моих братьев Константина и Игоря и моими. Я волновался. На молебен собралось много офицеров, поступавших на курсы, и профессоров, которым предстояло нас просвещать в военных науках.

По окончании молебна мы пошли завтракать в здание академии и расселись в столовой за большими столами, как в училище или корпусе. Рядом со мной сел штабс-капитан [А.А.] Иконников, лейб-гвардии Финляндского полка, георгиевский кавалер. Он предложил, чтобы офицеры гвардии сидели вместе, и просил меня поддержать его, что, к сожалению, я

²⁰⁰ Правильно: в *Петрограде*.

²⁰¹ *Слезкин Ю.А.* Летопись пережитых годов. С. 68–69.

²⁰² Лекции Андогского сохранились (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2016).

²⁰³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1548. Л. 75–75об.

²⁰⁴ *Гавриил Константинович, вел. кн.* В Мраморном дворце. М., 2001. С. 283.

сделал. Я говорю “к сожалению”, потому что в академии не было обычая делать различие между офицерами гвардии и армии, что во всех отношениях было совершенно правильно.

Между всеми нами сразу установились товарищеские отношения.

Я был счастлив поступить на курсы, потому что очень скучал без дела и тяготился, что не нахожусь на фронте. Каждый день я ездил на лекции в академию, которые начинались в 9 часов. В это время на улицах едва светало. Лекции происходили в большом, светлом зале младшего курса академии. В переменах между лекциями мы выходили в большой коридор или в столовую. К завтраку я возвращался домой и после завтрака снова ехал в академию. Занятия заканчивались около пяти часов»²⁰⁵.

Гавриил Константинович сохранил теплые воспоминания об однокашниках и преподавателях академических курсов: «Фамилии некоторых офицеров, учившихся вместе со мной, я запомнил, а именно: штабс-капитаны [М.К.] Мунтянов и [Б.К.] Верховский. Мунтянов был крайне симпатичный, и я был с ним в хороших отношениях. Мы снова встретились с ним в Париже в 1922 году. Он был в то время вдовцом, его первая жена, бывшая сестрой милосердия, умерла еще в России. Впоследствии он женился на Вуич и жил с ней в Финляндии, где и умер от последствия ранения, полученного на войне 1941 г.²⁰⁶ Он мне писал из Финляндии, и я его вспоминаю с теплым чувством.

Бывший паж Верховский был очень старательный, но физически слабый и болезненный.

Я уже упоминал об Иконникове. Он был веселый и милый, но лентяй и провалился на экзаменах. После революции он оказался в Холливуде, и я слышал, что он там и умер.

Вспоминаю с теплым чувством гвардейской конной артиллерии штабс-капитана [В.Д.] Гершельмана и многих других, фамилии которых, к сожалению, забыл.

Хочется также вспомнить наших профессоров. Всех, к сожалению, я не помню. Общую тактику читал генерал [С.Л.] Марков, впоследствии герой Белой армии. Он был талантливым и энергичный. Его лекции были чрезвычайно интересны. Ему можно было задавать вопросы, на которые он охотно отвечал.

Службу Генерального штаба читал полковник [А.И.] Андогский. Тактику кавалерии читал сам начальник академии генерал [В.Н.] Петерс-Каменев, которого я сразу же невзлюбил. Он очень хотел казаться строевым офицером, каковым совсем не был. Я думаю, что для войны он мало годился, командуя бригадой в 14-й кавалерийской дивизии.

Полковник [Ю.Н.] Плющевский-Плющик читал нам тактику артиллерии. Он хорошо преподавал, и мы его любили. Я как-то его встретил, уже в эмиграции, на одном вечере в Париже и был очень рад его видеть. Вскоре после этого он умер. До этого мы встретились однажды весной 1917 г. в Петрограде, на Дворцовой набережной, и с большой симпатией друг друга приветствовали. Я спросил его, что происходит на фронте. Он мне печально ответил, что наша армия разлагается. Я в то время еще верил, что, несмотря на революцию, наша армия выдержит. Слова Плющевского-Плющика произвели на меня в ту минуту тяжелое впечатление, и я их запомнил до сих пор.

Полковник В.[Н.] Поляков, бывший офицер лейб-гвардии 3-го стрелкового полка, читал администрацию. Он был бравый на вид, и на его большой шашке висел Анненский темляк.

²⁰⁵ Там же. С. 283–284.

²⁰⁶ Так в документе. Вероятно, 1914 г. По нашим данным, М.К. Мунтянов умер в 1926 г.

Читал он ясно и толково. Я с ним несколько раз потом встречался в Бельгии, где он поселился после революции.

В академии служил с незапамятных времен генерал [А.А.] Даниловский. Он преподавал в академии топографию. Нам же он топографию не преподавал, а заставлял чертить палочки, которыми на картах обозначаются возвышенности. Это было совершенно ненужное занятие, и непонятно было, почему нас заставляли терять время на такую чепуху. Это только доказывало неспособность начальника академии генерала Петерса-Каменева организовать дело»²⁰⁷.

Гавриил Константинович свидетельствовал: «С большим удовольствием продолжал свои занятия в академии и вспоминаю это время как одно из счастливейших в моей жизни. Я надеялся быть зачисленным в списки Генерального штаба, где бы здоровье позволило мне служить»²⁰⁸.

Учебников на курсах не хватало, и их выдавали по одному на троих. Занятия проводились с 9 утра и до 18.30²⁰⁹.

Об экзаменах князь вспоминал: «В начале 1917 года в академии были экзамены. Страшная, но вместе с тем приятная пора. Я сдал экзамены четвертым. Первым сдал лейб-егерь Верховский. Гершельман в самый разгар экзаменов заболел гриппом, но так как он был прекрасным слушателем, ему поставили хорошие баллы, даже и по тем предметам, по которым он экзаменов не сдавал по болезни.

Не совсем удачно прошел у меня экзамен по фортификации, хотя я и хорошо к нему подготовился. Но на экзамене я что-то забыл и потому не получил полного балла, а лишь десять. Очень удачно прошел мой экзамен по войсковой разведке, потому что во время ответа я прибавил от себя о Петре Великом во время Полтавского боя, должно быть, об укреплениях, что не входило в наш курс, и полковник Гушин поставил мне полный балл. Во время экзамена по тактике кавалерии произошло недоразумение: спрашивал сам начальник академии генерал Петерс-Каменев, мнивший себя знатоком кавалерийского дела. Предмет я знал хорошо, но когда я, стоя у доски, начал отвечать, оказалось, что я отвечаю не по билету, так как с ним произошла какая-то путаница. Генерал это заметил, недоразумение было сразу же выяснено, я так же смело и решительно продолжал отвечать по другому билету и получил полный балл»²¹⁰.

По итогам экзаменов Гавриил Константинович получил средний балл 11,45, став четвертым в выпуске по баллам после штабс-капитанов Б.К. Верховского, Соколовского и Н.И. Белоцерковского²¹¹.

Обучение завершилось репетиционными экзаменами в январе 1917 г., после чего 237 выпускников отбыли в действующую армию для занятия младших должностей Генштаба в полевых штабах как заместители тех офицеров, которых направили в академию во 2-ю очередь к 1 февраля 1917 г.

²⁰⁷ Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. С. 284–285.

²⁰⁸ Там же. С. 287.

²⁰⁹ Расписание менялось. Один из вариантов был следующим: 9.00–9.50, 10.00–10.50, 11.10–12.00, 13.00–13.50, 14.30–15.00, 15.30–18.30 (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1557. Л. 104об.–105).

²¹⁰ Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. С. 296.

²¹¹ Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 485.

Выпускники подготовительных курсов 1-й очереди получили право быть призванными без экзамена в старший класс 3-й очереди, если война затянется, или поступить, если этого не произойдет, в младший класс академии без экзамена в течение двух лет со времени открытия занятий²¹².

После экзаменов, 22 января состоялся прощальный товарищеский завтрак²¹³, слушатели получили свидетельства об окончании курсов, а 23 января 1917 г. выпускники представились императору. В 14.30 в Александровском дворце Царского Села император Николай II принял уже бывших слушателей курсов 1-й очереди академии, отправлявшихся в действующую армию. В Царское Село в особом поезде по императорской ветке прибыли офицеры во главе с временно исполняющим должность начальника Генерального штаба генерал-майором М.И. Занкевичем, исполняющим должность начальника академии генерал-майором В.Н. Камневым, правителем дел и штаб-офицерами, заведующими учебными отделениями. Офицеры были выстроены в залах дворца в ожидании императора.

К офицерам вышли император, императрица и великие княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны. Император поприветствовал офицеров и обошел строй, задавая вопросы каждому о боевой службе и ранениях. Императрица шла вслед за императором и передавала каждому образок в благословение на предстоящую службу. Церемония продолжалась с 14.30 до 16.40. По окончании обхода император вышел на середину зала и сказал: «Благодарю вас, господа, за доблестную боевую службу и от всей души желаю, чтобы все те сведения, которые вы приобрели в академии, особенно же в связи с вашим боевым опытом, вы применили на пользу нашим доблестным армиям для окончательной победы над врагом, в которой я совершенно не сомневаюсь»²¹⁴.

Около 16.50 император с семьей удалились во внутренние покои. Офицерам был предложен завтрак в Большом Царскосельском дворце, после чего в поезде по императорской ветке они возвратились в Петроград.

Князь Гавриил Константинович так описал это событие: «24²¹⁵ января все окончившие ускоренный курс академии являлись государю в Царском Селе в Александровском дворце. В этот день был страшный мороз. Мы все приехали на Царскосельский вокзал на царскую ветку, где нам был подан экстренный поезд. Во дворце мы разместились в двух или трех залах. Нам пришлось очень долго ждать государя, потому что он принимал французского генерала де Кастельно, который, идя к государю, прошел мимо нас.

Наконец, вышел государь с государыней и великими княжнами. Государь был в череске Пластунского батальона, шефом которого он назначил себя во время войны. Государь стал нас обходить и каждому из нас говорил несколько слов. Когда государь кончал говорить со стоящим в передней шеренге, последний делал шаг вправо, а стоявший ему в затылок становился на его место. Когда очередь дошла до меня, я смутился и вперед не встал, а остался стоять на своем месте, несмотря на то, что начальник академии сделал мне знак. Государь посмотрел на меня, улыбнулся и обратился к следующему. Увы, таким образом государь со мной не поговорил. Мне тем более досадно, что в этот день я видел его в последний раз в жизни.

²¹² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2184. Л. 124.

²¹³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 13. Л. 66об.

²¹⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1556. Л. 120.

²¹⁵ Так в документе, правильно: 23.

Уезжая из Александровского дворца обратно в Петроград, мог ли я думать, что через несколько недель будет революция и что государь со всем своим семейством будет арестован в этом самом дворце!»²¹⁶

²¹⁶ *Гавриил Константинович, вел. кн.* В Мраморном дворце. С. 296–297. Сохранилось описание этого события, оставленное анонимным комментатором воспоминаний профессора М.А. Иностранцева: «По оконч[ании] курса все офицеры академии во главе с н[ачальни]ком — ген. Камневым и профессорами представлялись государю в Александр[овском] дворце в Царском Селе. Вместе с государем к нам вышли: государыня и все четыре великих княжны; три из них, впрочем, не пошли вместе с родителями по фронту представлявшихся, а остались при входе в зал на левом фланге построившихся офицеров.

Если память мне не изменяет, мы построились в двух смежных залах вот таким образом, как показано (схема не публикуется. — *А.Г.*). Стояли мы по старшинству балов, и на правом фланге, помнится, 4-м по порядку баллов, стоял в задней шеренге кн[язь] Гавриил Константинович. Государь поздоровался с начальн[иком] академии, отдавшим государю рапорт, с профессорами, а затем двинулся по фронту. Он останавливался против каждого офицера, и каждый из них представлялся государю, говоря: “Поручик л[ейб]-гв[ардии] Финл[яндского] полка такой-то имеет счастье представиться вашему императорскому величеству” и т.д., называя каждый свою часть, чин, фамилию и т.д. Каждого государь о чем-либо спрашивал. Государыня, идя за государем, давала каждому малый серебряный образок, а офицер, принимая его, целовал государыне руку. Вел[икая] княжна Ольга Николаевна подавала эти образки матери, вынимая их из серебряной сетчатой сумочки. Так они обошли весь строй 237 слушателей курсов 1-й очереди, и это представление продолжалось около 2 1/2 часов. В заключение государь обратился к нам со словом, поздравив нас с окончанием курса наук младшего класса академии, пожелал нам счастливой службы на новых местах в должности по Генеральному штабу и высказал уверенность в успехах русского оружия и в конечной победе.

Но дело, о котором я упомянул в начале, заключалось не в этом, а вот в чем: Как только государь, приняв рапорт н[ачальни]ка академии, начал говорить с офицерами курсов, с каждым по очереди, — он через двух или трех офицеров дошел до кн[язя] Гавриила Константиновича и, не приняв от него рапорта (содержание сказано выше), продвинулся к следующему. Н[ачальни]к академии, видимо, растерялся и, решив, очевидно, что произошла просто ошибка по рассеянности государя, буквально за рукав выдвинул кн[язя] Гавриила Константиновича в переднюю шеренгу (мы стояли в две шеренги, и кн[язь] Гавр[иил] Конст[антинович] стоял в задней шеренге), но каково же было наше удивление, когда и на этот раз государь обошел кн[язя] Гавр[иила] Конст[антиновича] и стал разговаривать со следующим офицером, не удостоив несчастного князя, страшно сконфузившегося и густо покрасневшего, даже простым приветствием. То же сделала и государыня. Мы, близко стоявшие и все это с величайшим вниманием наблюдавшие, были поражены виденным и не могли понять, как это можно было сделать на виду у такого количества офицеров, собирающихся к тому же на другой день разъехаться по своим местам в действующую армию. Ну пусть интриги при дворе и могущие быть неудовольствия на глазах близких ко двору — в тесном кругу слуг государя! Но тут... Говорили потом, что в это самое время у царской семьи была размолвка с семьей вел[икого] кн[язя] Конст[антина] Константиновича.

Помню также при этом сказанное кем-то из офицеров, когда государь, государыня и в[еликая] кн[язна] Ольга Николаевна прошли уже во второй зал, по поводу раздаваемых иконок: “Гришкина выдумка”. Сказано это было довольно явственно, т[ак] что я это слышал совершенно отчетливо...

Забавный разговор произошел во время долгого обхода государя у великих княжон — младших, оставшихся ждать конца церемонии на левом фланге нашего строя, с офицерами, стоявшими на самом левом фланге и, следовательно, имевшими наименьшие баллы за успехи. За столь долгое стояние в строю случился обморок с двумя или тремя офицерами, стоявшими на правом фланге. Девчата — великие княжны не могли не обратить на это внимания и спросили у близ стоящих офицеров левого фланга — почему это офицеры так ослабели, и получили в ответ, что ослабели потому, что зубрили, а “вот мы (стояли, как сказано, по старшинству баллов, и на левом фланге поэтому стояли офицеры, не обременявшие себя зубрежкой. — *Примеч. мемуариста*) так не упадем”... Вел[икие] княжны очень смеялись этому... И вообще эти милые дети не важничали, а коротали скучное для них время (2 1/2 часа) в разговорах с офицерами — их соседями. Видно было, как они то и дело с чем-нибудь обращались к офицерам, и те их, очевидно, забавляли, т[ак] что улыбки не сходили с лица вел[иких] княжон» (ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 56об.–59об.).

Штабс-ротмистр Ю.А. Слезкин вспоминал о том же приеме: «В конце учебного года слушатели академии дали свой выпускной бал, который прошел очень оживленно и на котором присутствовало много высокопоставленных

Из 237 выпускников двое продолжили обучение в академии, а 235 отбыли в действующую армию для занятия младших (обер-офицерских) должностей Генштаба в полевых

лиц и (что еще приятнее) много интересных петербургских дам, так что последнее впечатление от Петербурга осталось самое приятное. И в голову не приходило тогда, что это был для меня “последний бал в Императорской России”.

В день последнего экзамена, 25 января 1917 года, начальник академии — генерал Камнев (в прошлом — мой начальник Елисаветградского кавалерийского училища, носивший тогда фамилию Петерс) объявил нам, что государю императору угодно было выразить желание, чтобы ему был представлен наш выпуск, для чего нам надлежало прибыть 27-го января в Царское село, где в то время находился приехавший из Ставки государь (правильно: 23 января. — *А.Г.*).

С сильным волнением приняли мы это сообщение, ведь некоторым из нас предстояло в первый раз увидеть государя вблизи.

Специальным поездом в назначенный день мы прибыли в Царское Село, где у вокзала нас ожидала целая колонна карет и саней дворцового ведомства. В большом, величественном Екатерининском зале Царскосельского дворца в ожидании высочайшего выхода были построены в порядке старшинства выпускного балла 240 новоиспеченных офицеров Генерального штаба (до окончания старшего класса, причисления к Генеральному штабу и перевода в него офицеры таковыми не считались. — *А.Г.*) в походной форме при орденах. На правом фланге стоял первый по рангу — капитан лейб-гвардии Преображенского полка, фамилию которого я не помню, вторым — князь Гавриил Константинович (ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка), а крайний “левый фланг” занимал лихой ротмистр Кабардинского конного полка (кавказец), окончивший курс последним (мое место было приблизительно сороковым с правого фланга). Ровно в 9 часов утра два “сорохода” распахнули двери из внутренних покоев и в них показался государь император в форме “стрелков императорской фамилии”. Его сопровождал[и] государыня императрица Александра Феодоровна и все четыре великие княжны в скромных домашних серо-голубых платьях (наследник цесаревич, будучи в то время болен, на приеме не присутствовал). За ними шел министр двора — граф Фредерикс и другие лица государевой свиты.

Начальник академии встретил государя рапортом, после чего государь начал обход строя, останавливаясь, чтобы принять рапорт и сказать несколько слов каждому офицеру выпуска. За государем следовала государыня императрица, а за ней великая княжна Татьяна Николаевна неслась поднос с серебряными образками, которые мы получали из рук государыни, целуя ей при этом руку. Остальные великие княжны остановились у входной двери, недалеко от “левого фланга” выпуска. При подходе государя каждый офицер должен был рапортовать ему, называя свой полк, чин и фамилию, после чего государь задавал несколько вопросов, вспоминая, где и когда видел данный полк, проявляя исключительную, присущую лишь ему, память.

Со все возрастающим вниманием и волнением следил за приближавшимся ко мне государем... Сердце готово было выпрыгнуть из груди от переполнявшего меня чувства радостного ожидания. Вот, наконец, государь поравнялся со мной, и его чудные глаза остановились на мне... Какое-то неизъяснимое чувство восторга, преданности, почти влюбленности, — подобно так гениально описанным Львом Толстым в романе “Война и мир” переживаниям Николая Ростова, — охватил[о] меня... От сильного волнения несколько мгновений я не мог произнести ни слова... Ласковые глаза государя спокойно и ободряюще смотрели на меня.

Оправившись, я произнес уставную форму рапорта:

“Ваше императорское величество, 10-го гусарского Ингерманландского полка штабс-ротмистр Слезкин имеет счастье представляться вашему императорскому величеству!”

Заметив мой георгиевский темляк, государь спросил меня, за какое дело я получил Георгиевское оружие, и, указав на нашивки на моем левом рукаве, обозначавшие число ранений, спросил, когда и куда я был ранен и остались ли последствия от ранений. Вспомнил он также мой полк, который смотрел в 1916 году на Юго-Западном фронте.

При обходе государем выпускного строя произошел маленький инцидент, который развеселил стоящих у двери великих княжон: когда государь, поговорив с первым по рангу капитаном-преображенцем, прошел дальше, то у капитана от волнения или переутомления закружилась голова, и он покачнулся, но был поддержан своими соседями по строю. Заметившие это великие княжны встревоженно спросили стоявшего вблизи них ротмистра-кабардинца, находившегося на “левом фланге”:

— Что это с капитаном, отчего ему дурно?

штабах как заместители тех офицеров, которых направили в академию во 2-ю очередь к 1 февраля 1917 г. 235 отправившихся на фронт курсовиков получили следующие назначения: 71 – на Юго-Западный фронт, 34 – на Северный фронт, 46 – на Западный фронт, 50 – на Румынский фронт, 29 – в Кавказскую армию, 3 – в штаб командующего Балтийским флотом, 2 – в штаб командующего Черноморским флотом²¹⁷. Выпускники становились исполняющими должность старших адъютантов штабов дивизий или корпусов либо обер-офицерами для поручений при штабах корпусов.

Выпускники, отправившиеся в Кавказскую армию, 7 февраля 1917 г. телеграфировали из штаба армии правителю дел академии А.И. Андогскому: «Разъезжаясь на фронт и помня Ваши заветы единения и дружбы, кавказцы поднимают бокал за Ваше здоровье как высоко-го вдохновителя этой идеи и в Вашем лице шлют свой привет родной академии во главе с ее начальником. Кавказцы»²¹⁸.

Выпускники тепло отзывались об академии. Так, командующий 14-й ротой 160-го пехотного Абхазского полка И.П. Каплун писал 14 февраля 1917 г. в академию: «Находясь 2 1/2 месяца во вверенной Вашему превосходительству Императорской Николаевской военной академии и пользуясь особым вниманием как со стороны Вашего превосходительства, а также профессоров и преподавателей к своим кратковременным питомцам, мы ушли из академии на фронт с самыми приятными воспоминаниями о тех часах и минутах, которые нам посчастливилось провести в стенах академии»²¹⁹.

Лихой ротмистр, сам за время курса довольно мало уделявший внимания наукам, предпочитая им более веселое времяпрепровождение в полном соблазнов Петербурге (правильно: *Петрограде*. — А.Г.), — успокоительно ответил со своим характерным кавказским акцентом:

— Э, ничего, ваше императорское высочество, он просто перекурил немного!

Великие княжны от души рассмеялись ответу находчивого ротмистра.

Обойдя строй, государь обратился к нам с приветственным словом, поздравив с окончанием курса и поблагодарив за службу. При этом государь отметил исключительность нашего выпуска, более чем наполовину состоявшего из георгиевских кавалеров, и напомнил нам, что еще ждет от нас Россия!

Чувство горячей любви к государю, к России, готовность самую жизнь отдать за них, охватило нас. Никому и в голову не приходила мысль, что уже через месяц, оставленный и преданный всеми, кому он так доверял и безгранично верил, кого осыпал своими милостями, непонятый своим народом, — взойдет на свою Голгофу монарх величайшей империи!..

После окончания представления государь император и государыня императрица пригласили нас откусать их “хлеб-соль”, и мы перешли в другой зал, где для нас был сервирован обильный завтрак с традиционной “кулебякой”, а из вин — лишь наши национальные вина удельного ведомства.

Пробыв с нами несколько минут, государь и государыня удалились во внутренние покои. Бросалось в глаза грустное, болезненное выражение лица императрицы.

После ухода государя мы, оживленно обмениваясь впечатлениями дня, отдали дань угощению наших царственных хозяев.

Этот ласковый прием, когда мы — офицеры из всех частей русской армии — почувствовали себя “в гостях” у своего царя и царицы, это интуитивное чувство духовной связи с верховным вождем армии, связь, о которой не может и мечтать ни один глава самой демократической страны в мире, — останутся навсегда в моей памяти» (*Слезкин Ю.А. Летопись пережитых годов. С. 69–72*).

²¹⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1556. Л. 61об.

²¹⁸ Там же. Л. 408. Происходили и отдельные инциденты. Так, при отъезде у штабс-капитана И.С. Бадзина уже 24–25 января 1917 г. в Москве на Брянском вокзале украли чемодан с удостоверением выпускника (Там же. Л. 406).

²¹⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1581. Л. 15.

1 февраля открывались подготовительные курсы 2-й очереди и старший класс 1-й очереди. Обучаться в нем остались два офицера из 237 выпускников подготовительных курсов 1-й очереди. В их числе был и Гавриил Константинович, который продолжил заниматься в академии и в феврале 1917 г., в старшем классе ускоренных курсов 1-й очереди²²⁰.

К 1 февраля 1917 г. в академию прибыли 86 офицеров в старший класс 1-й очереди (как правило, по распоряжениям Ставки) и 253 – на трехмесячные подготовительные курсы 2-й очереди²²¹. В основном это были строевые офицеры, имевшие отношение к академии еще в мирное время. В старший класс 1-й очереди зачисляли прошедших младший класс академии до войны (большинство имели двухлетний стаж службы на должностях Генштаба в военное время²²²), а на подготовительные курсы 2-й очереди принимали тех, кто до войны выдержал конкурсные 1911–1913 гг., либо предварительные 1914 г. экзамены в академию. В годы войны вследствие нехватки офицеров Генштаба их привлекали к исполнению обер-офицерских должностей Генштаба. Исключения из этих правил был полномочен допускать только начальник штаба Верховного главнокомандующего по ходатайствам строевого начальства²²³. Шла война, и некоторые из офицеров, рекомендованных к приему на курсы, погибли еще до начала занятий²²⁴.

Как и в старшем классе 1-й очереди, среди обучавшихся на подготовительных курсах 2-й очереди встречались отдельные высокопоставленные слушатели. Например, флигель-адъ-

²²⁰ В академии князя Гавриила Константиновича застали революционные события в Петрограде. Будущая супруга князя балерина А.Р. Нестеровская предупредила его о необходимости убрать с автомобиля везель, однако князь этого не сделал. Несколько дней он отсиживался дома, после чего вновь явился в академию, причем отмечал: «Товарищи встретили меня по-старому» (*Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. С. 298*). Однокашники даже поздравляли Гавриила Константиновича со вступлением в брак. «Вскоре должны были начаться экзамены. Я был совершенно уверен, что их выдержу, и решил перейти на службу в Генеральный штаб. Однако судьба решила по-иному. Революция развивалась, и положение в стране становилось все хуже и хуже. Доблестная императорская армия, покрывавшая себя неуязвимой славой со времен Петра Великого и до наших дней, распалась. При таких условиях я решил не держать выпускных экзаменов в академии и уйти в отставку... В академии атмосфера стала сильно портиться. В ней даже был устроен большой завтрак, на котором присутствовал старый анархист князь Кропоткин, бывший когда-то в Пажеском корпусе фельдфебелем и, следовательно, пажом государя императора. За этим завтраком штабс-капитан Гербель (среди слушателей и выпускников академии такой офицер не обнаружен. — *А.Г.*) произнес речь в духе революции. Значительно позже я узнал, что он погиб где-то на востоке в какой-то командировке» (Там же. С. 302–303). В апреле 1917 г. князю пришлось оставить военную службу, а его имя в прямом смысле оказалось вычеркнуто из списков слушателей академических курсов (*Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 493*). Революционные события не дали возможности Гавриилу Константиновичу завершить высшее военное образование, хотя бы в форме краткосрочных курсов. Даже несмотря на потребность в специалистах Генштаба, его фигура как представителя династии Романовых была слишком одиозной для революционной армии, поэтому ни близкий новому военному министру А.И. Гучкову генерал А.А. Поливанов, ни сам Гучков не возражали против увольнения князя с военной службы (*Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. С. 302*). Судьба оказалась к нему благосклонной. Несмотря на арест в 1918 г. в Петрограде, ему удалось освободиться и выехать за границу, уже в эмиграции от великого князя Владимира Кирилловича он получил титул великого князя, умер в Париже и был похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

²²¹ В приказе Императорской Николаевской военной академии № 33 от 2 февраля 1917 г. указаны 83 и 234 прибывших соответственно (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1575. Л. 20об., 23об.).

²²² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1362. Л. 13.

²²³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1595. Л. 586об.

²²⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1361. Л. 28, 89.

ютант персидского шаха, подполковник Персидской казачьей бригады, персидский принц Аман-Улла Мирза-Каджар — впоследствии председатель Общества ирано-советской дружбы.

Штаб-офицерами, заведующими обучающимися (на академическом жаргоне «классными дамами») в старшем классе 1-й очереди стали: 1-е отделение — полковник П.Ф. Рябиков, 2-е отделение — полковник Д.К. Лебедев. На подготовительных курсах штаб-офицерами, заведующими обучающимися офицерами, стали: 1-е отделение — полковник Л.П. Дюсиметьер (временно — капитан Г.В. Солдатов), 2-е отделение — полковник А.П. Слижигов, 3-е отделение — подполковник А.Ф. Гущин, 4-е отделение — подполковник И.И. Смелов, 5-е отделение — полковник Ю.Н. Плюшевский-Плющик (уже 9 февраля его сменил капитан А.Д. Сыромятников). Распределение учебных занятий с 1 февраля 1917 г. было следующим. Старший класс: 9.00–9.50 — 1-я лекция, 10.00–10.50 — 2-я лекция, 10.50–11.30 — большая перемена, 11.30–14.00 — практические занятия, 14.30–15.20 — 3-я лекция, 15.30–16.20 — 4-я лекция. Подготовительные курсы: 9.00–9.50 — 1-я лекция, 10.00–10.50 — 2-я лекция, 11.00–11.50 — 3-я лекция, 11.50–12.40 — большая перемена, 12.40–13.30 — 4-я лекция, 13.40–14.30 — 5-я лекция, 14.45–17.15 — практические занятия. С 1 марта 1917 г. в старшем классе добавлялись уроки верховой езды (по одной партии 8.00–8.50, 16.45–17.45 по дополнительному расписанию)²²⁵.

Старшими отделений и их помощниками были: в старшем классе старший 1-го отделения — подполковник М.А. Загородний, помощник — капитан С.Е. Вагин; старший 2-го отделения — подполковник И.А. Троицкий, помощник — капитан С.И. Храпко; на подготовительных курсах: старший 1-го отделения — подполковник Н.Н. Долинский, помощник — подполковник А.Н. Виноградов; старший 2-го отделения — подполковник Н.Я. Забегалов, помощник — капитан А.Ф. Ефремов; старший 3-го отделения — подполковник М.В. Молочанов, помощник — подполковник М.И. Матьянов; старший 4-го отделения — подполковник Г.Б. Салимов, помощник — подполковник В.Ф. Ржечицкий; старший 5-го отделения — подполковник В.Э. Томме, помощник — капитан Тарасов²²⁶.

В начале 1917 г. шло обсуждение и уточнение прав и преимуществ слушателей. Редактировалось прежнее «Положение» об ускоренной подготовке офицеров. В результате обсуждения решено было включить в статью 3 новой редакции «Положения» дополнение о том, что все офицеры, командируемые в академию, сохраняют за время пребывания в ней те преимущества, коими могли бы воспользоваться по службе в части или штабе, в которых находились непосредственно перед поступлением²²⁷. По окончании курсов офицеры были обязаны нести службу в полевых штабах на должностях Генштаба. Отдельные офицеры, отказывавшиеся от этого, лишались преимуществ производства в следующий чин²²⁸. Актуальным был вопрос о том, учитывалось ли время учебы в академии в сроках, установленных для получения льготного старшинства в чине²²⁹. Условия для курсовиков оставляли желать лучшего. В частности, выпускникам подготовительных курсов 2-й очереди было лишь позволено в течение двух лет после заключения мира поступать без экзамена в младший класс академии. По «Положению» об ускоренной подготовке, на курсы 2-й очереди намечалось

²²⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1575. Л. 14об.

²²⁶ Там же. Л. 29.

²²⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1581. Л. 1об.

²²⁸ Там же. Л. 3.

²²⁹ Там же. Л. 7.

принять 125 человек. С окончанием работы подготовительных курсов 1-й очереди в январе 1917 г. Ставке стало ясно, что набор необходимо увеличить. Император изъявил свое согласие²³⁰.

Программы подготовительных курсов 1-й и 2-й очереди были в целом идентичны. На курсах 2-й очереди две дополнительные недели должны были использоваться для подтягивания тех разделов курса, которые не были достаточно разъяснены. Учебное время на подготовительных курсах 1-й очереди составляло 377 часов, на подготовительных курсах 2-й очереди — 378 часов. Произошло перераспределение часов по предметам — возросло количество лекций (добавлены лекции по тактике воздушных средств борьбы и инженерному искусству) и сократилось число практических занятий. Комплектование подготовительных курсов 2-й очереди имело свои особенности. На курсы принимали выдержавших предварительные экзамены при округах в 1914 г. и не принятых в академию обер-офицеров по конкурсам 1911–1913 гг. Кроме того, император 21 ноября 1916 г. даровал георгиевским кавалерам преимущества при поступлении в военно-учебные заведения, в том числе 5% вакансий вне конкурса в академию²³¹. Однако наметившаяся к началу 1917 г. тенденция свидетельствовала, что в будущем академия могла перейти к набору уже просто желающих строевых офицеров, не имевших ранее никакого отношения к академии²³².

Помещения академии могли вместить до 240 офицеров на подготовительных курсах (предел вместимости аудитории младшего класса составлял 245 человек) и до 150 – в старшем классе. Денщиков должны были размещать сами слушатели. По данным на январь 1917 г., проблема заключалась лишь в нехватке руководителей практических занятий²³³. Вообще же в старший класс 1-й очереди намечалось принять 79 офицеров, а на подготовительные курсы 2-й очереди — 194 офицера по правилам и 42 офицера в исключение из правил (не удовлетворяющих статье 19 правил о выдержании экзаменов до войны)²³⁴. Император 13 января санкционировал прием тех, кто не сдавал экзаменов²³⁵. В итоге на подготовительные курсы прибыло больше офицеров, чем могли вместить аудитории. В сентябре 1917 г. ожидался вызов слушателей в старший класс 2-й очереди.

Некоторые офицеры так же, как и в случае с курсами 1-й очереди, пытались добиться зачисления по протекции. Например, так на курсы попал штабс-капитан лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады Б.С. Тимашев, принятый в изъятие из правил и сверх штата на основании высочайшего соизволения от 28 ноября 1916 г. За Тимашева ходатайствовали его отец — член Государственного совета и статс-секретарь С.И. Тимашев, а также его тесть — тоже член Государственного совета, сенатор А.А. Хвостов. Оба ходатая 11 ноября 1916 г. обратились к военному министру генералу от инфантерии Д.С. Шуваеву, а тот — к императору²³⁶. Между тем кандидат не имел отношения ни к академии, ни к экзаменам в нее, не служил по Генеральному штабу, а лишь окончил Санкт-Петербургский университет и в бытность студентом ездил в Болгарию на Первую Балканскую войну. Тимашев был награжден

²³⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1595. Л. 593.

²³¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1553. Л. 50.

²³² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1361. Л. 239.

²³³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1553. Л. 83, 125об.

²³⁴ Там же. Л. 126.

²³⁵ Там же. Л. 129.

²³⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1581. Л. 21.

ден Георгиевским оружием, орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, ранен и контужен под Холмом²³⁷.

Правитель дел А.И. Андогский был в ярости. В докладе начальнику академии 16 ноября 1916 г. он отмечал, что зачисление Тимашева будет осуществлено «в нарушение интересов свыше 400 человек офицеров»²³⁸. Подобное допущение, по мнению Андогского, «безусловно даст полное нравственное право домогаться принятия в академию всем офицерам, не имеющим, как и он, на то право, но пуская в ход протекцию и прочие способы в обход закона и установленных правил»²³⁹. Однако начальник академии наложил резолюцию, что сверх комплекта офицера принять можно. Высочайшее соизволение окончательно решило вопрос. Впрочем, в списках слушателей курсов 2-й очереди Тимашев в 1917 г. не фигурирует.

Зачислен на курсы был и пасынок генерала В.Н. Клембовского — штабс-капитан лейб-гвардии 1-го стрелкового полка Райковский, служивший личным адъютантом при генерале²⁴⁰. Имело место ходатайство о приеме на курсы безногого инвалида сотника Писаренко, передвигавшегося на костылях и протезах²⁴¹.

Утром 21 февраля из-за болезни застрелился слушатель подготовительного курса штабс-капитан Михайловской крепостной артиллерии П.Г. Геннинг, приехавший в академию с Кавказа. На следующий день по нему в Суворовской церкви была отслужена панихида, офицера похоронили на академическом участке Преображенского военного кладбища в Петрограде²⁴². Супруга офицера осталась без средств к существованию²⁴³. Однако количество желающих попасть в академию было таково, что уже в тот же день вместо Геннинга в академию просили зачислить штабс-капитана П.П. Слицкоухова²⁴⁴, что и было сделано. Впрочем, случившаяся через несколько дней Февральская революция заслонила этот инцидент.

* * *

Революционные события в Петрограде затронули и академию. В столице перестали ходить трамваи, снег на улицах не убирали. Профессору М.А. Иностранцеву приходилось добираться в академию 7 км пешком с Васильевского острова, что требовало около двух часов в одну сторону. Чтобы успеть к 9 утра на лекцию, он выходил в 7, когда на улицах было еще темно²⁴⁵.

В городе появились толпы солдат, творившие насилие над офицерами. Показаться на улице офицеру становилось небезопасно. В дни революции, в феврале – начале марта 1917 г., пропал без вести слушатель старшего класса штабс-капитан 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка С.И. Матвеев-Рогов²⁴⁶. До конца апреля поиски ни к чему не привели²⁴⁷. Преподаватели, по долгу службы пришедшие в академию, были вынуждены ночевать в ней

²³⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1553. Л. 13–13об.

²³⁸ Там же. Л. 9. Подчеркнуто Андогским.

²³⁹ Там же. Л. 9об.

²⁴⁰ Там же. Л. 125, 133.

²⁴¹ Там же. Л. 31–31об.

²⁴² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1535. Л. 48об., 54, 58.

²⁴³ Там же. Л. 195об.

²⁴⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1359. Л. 298.

²⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 53.

²⁴⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2056. Л. 41.

²⁴⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1535. Л. 66.

либо на квартирах у коллег, проживавших поблизости. Так, 27 февраля 1917 г., когда Петроград был охвачен революционными беспорядками, опасаясь возвращаться из академии по городу, профессор М.А. Иностранцев заночевал на квартире своего сослуживца полковника Д.К. Лебедева, а на следующий день при попытке вернуться домой попал под пулеметный обстрел. Чтобы не подвергать преподавателей и слушателей риску, занятия были прерваны на две недели, с 27 февраля по 12 марта (позднее пропущенный период добавлен к учебному курсу, который завершился не 1-го, а 15 мая²⁴⁸).

Небезопасно стало офицерам находиться и у себя на квартирах. Многие преподаватели и слушатели пострадали вследствие беспорядков и обысков с изъятием оружия. В апреле 1917 г. в академию поступили рапорты ряда слушателей о пропаже у них оружия в период революции. Штабс-капитан П.А. Мей сообщил, что толпа отняла у него револьвер, у капитана Л.Г. Колмакова из квартиры похитили два револьвера²⁴⁹. Оружие и снаряжение пропало у С.А. Меженинова, были отобраны револьверы у слушателей Л.С. Безладнова, А.С. Беличенко, Э.И. Кесслера²⁵⁰. Полковник А.П. Слижиков также свидетельствовал о том, что в период февральских событий у офицеров в Петрограде толпы отнимали оружие²⁵¹. У штабс-капитана С.Н. Голубева были отобраны бинокль, пистолет и шашка, у подполковника В.Е. Соллогуба явившимися на квартиру солдатами отобраны шашка, снаряжение (поясной и плечевые ремни, кобура и бинокль), револьвер браунинг, у капитана Ф.Н. Гришина толпа солдат похитила 28 февраля шашку и два револьвера, у капитана А.А. Брошейта в тот же день неизвестными на квартире в его отсутствие были взяты револьвер, патроны и кобура с ремнем, а также бинокль, у подполковника А.В. Бернова отняли пистолет парабеллум²⁵².

²⁴⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1363. Л. 87об.

²⁴⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1610. Л. 112, 113.

²⁵⁰ Там же. Л. 134, 184, 224, 232.

²⁵¹ Там же. Л. 224.

²⁵² Там же. Л. 227–228, 230, 234, 236, 307, 429. Пропажи оружия у слушателей происходили и позднее. Так, у есаула М.Т. Чернявского револьвер украли в вагоне при возвращении из отпуска уже во второй половине 1917 г. (Там же. Л. 684). Профессор М.А. Иностранцев вспоминал об изъятии оружия: «В одно мартовское утро в мою квартиру позвонили, и прислуга доложила, что солдаты пришли требовать от меня сдачи оружия. Оружия у меня имелось довольно много, но все оно имело скорее исторический характер. Имелись две старые винтовки Бердана: пехотного и кавалерийского образца, имелись ружья: германское и австрийское, привезенные с фронта, имелись наши шашки и сабли германской и австрийской армии. Все это оружие вместе с моею трехлинейною винтовкой с германскими касками нескольких образцов, также привезенными с фронта, с кепи и эполетами французского стрелка 10-го стрелкового батальона, к которому я был прикомандирован в 1902 г., подаренными мне во Франции, было помещено на стене моего кабинета в виде довольно красивого “панопли”».

Револьверов у меня имелось три: старый офицерский Смит и Вессон, помещенный также на стене, маленький, чрезвычайно метко бивший, Штейер и привезенный с фронта немецкий Маузер.

Последние два ввиду слухов об обысках я решил не выдавать и припрятал их, поместив их в разных местах за книгами моей обширной библиотеки, помещавшейся в пяти книжных шкафах.

Прислуге я приказал впустить пришедших с обыском, и они вошли в мой кабинет. Их было четверо: трое солдат и матрос. Один из солдат, видимо, старший, был унтер-офицером, и я не без огорчения увидел на его шинели черные клапаны моего родного л[ейб-]гв[ардии] Финляндского полка.

“Ну, не судьба ли? — сказал я, — что обыск у меня будет производить мой же однополчанин”.

Унтер-офицер с недоумением посмотрел на меня, и я должен был объяснить ему, что служил в его полку и десять лет носил мундир полка.

Чувство принадлежности к одной части, видимо, польстило и революционному солдату, ибо он сочувственно улынулся и с этой минуты, по-видимому, решил взять меня под свою протекцию.

— Мы насчет оружия, г[осподин] генерал, — сказал он, — приказано отбирать оружие, у кого оно есть.

Начальник академии в сложившихся обстоятельствах оказался в растерянности²⁵³. Среди курсовиков, как представителей более демократической группы офицерства в сравнении с полноценными офицерами Генерального штаба довоенных выпусков, наблюдались и некоторые революционные симпатии²⁵⁴. Нашлись даже те, кто активно поддержал февральские события. Семь слушателей ускоренных курсов 27 февраля 1917 г. отправились в расположенный в непосредственной близости от академии Таврический дворец, где изъявили желание работать вместе с представителями Государственной думы и поступили в распоряжение полковника Б.А. Энгельгардта²⁵⁵, вошедшего в состав Временного комитета Государственной думы. Курсовик И.А. Антипин, в частности, стал ведать столом учета воинских частей, перешедших на сторону Государственной думы. Участвовали в этой работе также курсовики В.И. Боголепов²⁵⁶ и И.А. Войтына, причем последний даже занимался организацией обороны Варшавского вокзала на случай прибытия правительственных войск под командованием генерала Н.И. Иванова²⁵⁷. О настроениях слушателей свидетельствовал курсовик И.Д. Чинтулов в показаниях по делу «Весна»: «Когда я в феврале 1917 г. очутился в Петербурге²⁵⁸, в Военной академии, куда я был вызван для продолжения военного образования, и оказался свидетелем Февральской революции, мне не показалось трудным нарушить присягу. Я видел вокруг себя только единомышленников. Академия казалась целиком на стороне восставших. Во всяком случае никто не взялся за оружие, чтобы бороться за царизм. Последующие

“Пожалуйста”, — отвечал я, показывая на стену, — “вот все мое оружие — берите что хотите”.

Солдатка стала осматривать “панопли”, повертела в руках Смита и Вессона и повесила обратно на стену и забрала всего лишь трехлинейную винтовку, да и то, извинившись. Матрос все время что-то искал на стене и на столах и, видимо, не находил. Наконец, он обратился ко мне:

— А разве у вас нет револьвера, г[осподин] генерал?

“Вот же револьвер”, — сказал я, указывая на Смит и Вессона.

— Да это старый, у вас, наверное, есть новый.

“Здесь нет. Я, уезжая с фронта, оставил мои револьверы в полку, считая, что они мне здесь не нужны”.

Матрос с недоверием взглянул на меня и сказал:

— А не спрятаны ли они у вас где-нибудь?

Я решил ответить нахальством и предложил им обыскать мои комнаты.

“Пожалуйста, обыщите, — сказал я. — Но я предупреждаю вас, что вы даром потеряете время, т.к. револьверов, кроме этого, что на стене, у меня нет”.

— Нет, — сказал унтер-офицер, — раз генерал говорит, что нет, значит, и нет.

— Ну как же так? — продолжал неугомонный матрос, — чтобы у генерала да не было бы револьвера?

— Что ж. Генералы разные бывают, — отвечал мой покровитель, причем я так и не понял, что заключалось в его словах — похвала ли мне или осуждение.

После этого обыскивавшие ушли и, видимо, по привычке, уходя даже сказали: “Счастливо оставаться”. В общем, они вели себя по отношению меня совершенно прилично и не только издевательств, но и непочтения я с их стороны не видел. Видимо, в это время разложение людей еще не дошло до будущего предела» (ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 80–82).

²⁵³ Там же. Л. 162.

²⁵⁴ Среди курсовиков встречались отдельные приверженцы политических партий, что в принципе было не характерно для кадрового офицерства. Например, штабс-ротмистр А.И. Геккер был членом РСДРП(б) с сентября 1917 г. (РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 44. Л. 27), а, если верить его автобиографии, работал с большевиками уже с февраля 1917 г. (Там же. Л. 34).

²⁵⁵ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 151 (207). Л. 72.

²⁵⁶ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3031 (3648). Л. 6об.

²⁵⁷ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3036 (3653). Л. 17об.

²⁵⁸ Правильно: в Петрограде.

события в Питере до июня месяца протекали на моих глазах. Множество партий не давало возможности, за делом, приглядеться к ним пристальнее. Шумели больше всех кадеты и большевики. На мой взгляд, события не сулили умиротворения. Большевики грозили разложением и упразднением армии, но было ясно, что им без вооруженной силы не обойтись»²⁵⁹.

Революционная смута во многом была смутой в головах, что порождало порой неожиданные заявления. Так, штабс-капитан Т.Д. Кругликов 20 марта 1917 г. подал прошение об отчислении от академии со следующими словами: «Как очевидец и участник великих событий, происшедших в Петрограде с 27го февраля по сей день, могу принести существенную пользу на фронте своим живым словом к войскам»²⁶⁰. Были и другие причины отчислений. Штабс-капитан 79-го пехотного Куринского полка М.С. Стадников 19 марта 1917 г. застрелился²⁶¹ и был исключен из списков. Генерал П.Н. Краснов потребовал отчисления есаула Карнеева за растрату казенных средств в своей дивизии²⁶². Был отчислен капитан Кавказского конно-горного артиллерийского дивизиона Хеллен, позднее обвиненный в хищении 8000 руб. из казначейства²⁶³. Вообще отчисления с курсов не были редкостью. С подготовительных курсов 2-й очереди были отчислены не менее 20 офицеров²⁶⁴, многие уходили по собственному желанию в силу разных причин (для лечения, в связи со стремлением заниматься другим делом и т.д.). Вместо некоторой части отчисленных принимались новые слушатели. Из старшего класса 1-й очереди отчислились два офицера.

Академия, как и вся армия, приняла революцию. Администрация постаралась продемонстрировать лояльность новым властям. Пригодилось знакомство правителя дел А.И. Андогского с А.И. Гучковым, ставшим военным и морским министром Временного правительства. Преподавателей академии стали привлекать к работе по реформированию армии. Что касается политических взглядов преподавателей и лично Андогского, то, если верить свидетельству М.А. Иностранцева, Андогский считал генерала Л.Г. Корнилова необходимым для страны будущим диктатором²⁶⁵.

18 марта конференция академии обсудила возможность еще большего сокращения теоретического курса без ущерба для полноты занятий. Эта мера была санкционирована военным министром. Старший класс 1-й очереди был сокращен с семи месяцев до пяти, причем к 1 июля должны были завершиться как сами занятия, так и экзамены²⁶⁶. Фактический же срок обучения сократился еще сильнее. Тем более что подготовка на курсах унаследовала от довоенной академии некоторую оторванность от практики (к примеру, по статистике на экзаменах старшего класса встречался вопрос о внешней торговле Австро-Венгрии²⁶⁷, что представлялось неактуальным в военное время).

²⁵⁹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3207 (32). Л. 6–6об. Публикацию документа см.: *Ганин А.В.* Болгары — выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России // *Славянский альманах* 2012. М., 2013. С. 450–467.

²⁶⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2056. Л. 31.

²⁶¹ Утром покончил с собой на лестнице дома 11 по Таврической улице, у входа в квартиру товарища, слушателя академии капитана Шило (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1535. Л. 60).

²⁶² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2056. Л. 51.

²⁶³ Там же. Л. 66, 67, 72.

²⁶⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1583. Л. 42–46об.; Д. 1595. Л. 588; Д. 2056. Л. 1–5об., 41, 66, 67.

²⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 117.

²⁶⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1583. Л. 3.

²⁶⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1363. Л. 161.

Весной 1917 г. академию затронула охватившая всю русскую армию разрушительная лихорадка создания разного рода комитетов. На основании «Положения о ротных, полковых и армейских комитетах и дисциплинарных судах» в академии должны были быть образованы полуэскадронный комитет, комитет писарской команды, комитет нештатной рабочей команды и один академический комитет (на правах полкового).

В академическом комитете должны были числиться 8 человек — по 2 от полуэскадрона, писарской команды и рабочей команды и два от общества офицеров. Председателем академического комитета стал прикомандированный к типографии академии ратник Н.А. Гущин (в конце Гражданской войны он, будучи бухгалтером академической типографии, возглавил оппозицию академическому начальству), товарищем председателя стал писарь (затем старший писарь) Г. Летин. Оба представляли командный комитет. Членами — гусары И. Дубинин и П. Голопятов от полуэскадронного комитета. Секретарем — столоначальник канцелярии академии статский советник Е.Л. Высогорец, представлявший общество офицеров и чиновников академии²⁶⁸.

Полуэскадронный комитет обладал правами ротного комитета. Его председателем стал гусар Т. Стадник, товарищем председателя — гусар П. Голопятов, секретарем — старший писарь К. Киселев, членами — И. Дубинин, С. Ежов и Д. Кукушкин, запасными членами — В. Бородько и А. Стрельчук.

Командный комитет на правах ротного комитета возглавил ратник Н.А. Гущин, товарищем председателя стал ефрейтор К. Якуш, секретарем — старший писарь Г. Летин, членами — унтер-офицер Т. Литвиненко, ратники Н. Веселовский, Я. Козлов, кандидатами в члены — старшие писари А. Денисов и Н. Наумов, ратник А. Афанасьев. Комитет вольнонаемных служащих возглавил старший писарь Д. Шайкин при секретаре И. Петрове и членах Н. Львова и М. Родионове²⁶⁹.

Кроме того, практиковалось направление делегатов в различные советы и комитеты. Так, в августе 1917 г. Н.А. Гущин был делегирован от командного комитета в Совет рабочих и солдатских депутатов, он же был делегирован от академического комитета в хозяйственный. Помимо Гущина туда же делегировались статский советник Е.Л. Высогорец и гусар И. Дубинин. От комитета вольнонаемных служащих в хозяйственный комитет делегировался старший писарь Д. Шайкин²⁷⁰. 15 мая собранием 105 офицеров делегатом курсов на Всероссийский съезд офицерских депутатов армии и флота был избран штабс-капитан К.С. Хитрово. Наказ ему составил А.Л. Симонов²⁷¹.

Создавались дисциплинарные суды — полуэскадронный (председатель — ротмистр Б.А. Вуич, члены — ветеринарный фельдшер А. Деревянкин, ефрейтор Г. Смирнов, запасные члены — подполковник В.Ф. Менжинский, гусары А. Дешин и А. Акишев), писарской команды²⁷², рабочей команды, академический. Выборы от общества офицеров должны были

²⁶⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1575. Л. 118об.

²⁶⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 76–76об.; РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1575. Л. 119.

²⁷⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1575. Л. 119об.

²⁷¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1583. Л. 299.

²⁷² В одном из приказов по академии за август 1917 г. упоминается командный суд. Вероятно, речь идет о писарской команде, но, к сожалению, установить точно, о каком именно из судов идет речь, не удалось. Председателем его был штабс-ротмистр В.Г. Рихтер, членами — унтер-офицер А. Корников и старший писарь А. Фирсов, запасными членами — титулярный советник Ф.С. Саук, ратник А. Горохов, солдат И. Васильев (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1575. Л. 119об.).

состояться 6 мая 1917 г.²⁷³ Сроки полномочий членов комитетов определялись в три месяца, членов дисциплинарных судов — в шесть месяцев.

Позднее появились и комитеты слушателей. Существовали комитет офицеров старшего класса 2-й очереди (председатель — штабс-капитан А.Л. Симонов, товарищ председателя — капитан Н.П. Величкин, секретарь — штабс-капитан С.Н. Голубев, казначей — подьесаул И.А. Смирнов, члены — подполковник М.В. Молкочанов, капитаны Е.М. Гарабурда, Н.Н. Доможиров, Г.И. Теодори, И.Д. Чинтулов, штабс-капитан К.С. Хитрово, штабс-ротмистр В.Н. Маслов, подьесаул Г.Я. Кутырев; запасные члены — подполковник Г.Б. Салимов, капитан М.А. Поликарпов, штабс-ротмистр Ф.Н. Боровский) и комитет офицеров подготовительных курсов 3-й очереди (председатель — подполковник И.М. Витоль, товарищ председателя — есаул И.М. Богацкий, секретарь — капитан П.А. Федоров, помощник секретаря — капитан Кизельбаш, члены — штабс-капитаны Д.П. Артынов, М.П. Базыленок, К.И. Клуге, капитаны И.И. Глудин, Г.Б. Карягин, Л.К. Лихтарович, Н.О. Масыгин, Р.Д. Мергин, Н.Н. Нелавицкий, А.Ф. Низиенко, И.С. Петров-Денисов, А.С. Петровский, Н.Н. Рыбалтовский и поручик князь Эрстов)²⁷⁴.

В период с 26 апреля по 22 мая 1917 г. прошли экзамены, а 23 мая состоялся выпуск 233 офицеров подготовительных курсов 2-й очереди. Выпускники в соответствии с постановлением конференции академии получали свидетельства трех категорий: 1) удостоенные конференцией по учебному цензу, имевшие строевой и боевой опыт, выдержавшие в мирное время 1911–1914 гг. конкурсные или предварительные экзамены и состоявшие перед командированием в академию на штатных должностях Генштаба; 2) удостоенные конференцией по учебному цензу, имевшие строевой и боевой опыт, выдержавшие в мирное время 1911–1914 гг. конкурсные или предварительные экзамены и состоявшие перед командированием в академию в строю или в прикомандировании к штабам действующей армии — не на штатных должностях Генштаба; 3) офицеры, не удовлетворяющие условиям, не державшие или не выдержавшие экзаменов и состоявшие в строю или в прикомандировании к штабам²⁷⁵. Свидетельства 1-й категории получили 159 человек, 2-й — 40, 3-й — 34²⁷⁶. Затем выпуск отправился на фронт. 15 офицерам были выданы свидетельства 1-й категории, содержавшие оговорку о недостаточности их строевого и боевого опыта²⁷⁷. Некоторые офицеры получили свидетельства 2-й категории с похожими оговорками²⁷⁸. Свидетельства были выписаны членами исполнительного комитета подготовительных курсов 2-й очереди под председательством штабс-капитана А.Л. Симонова.

В свидетельствах 1-й категории было указано, что офицер «подлежит возвращению для исправления вакантной младшей должности Генерального штаба в одном из полевых шта-

²⁷³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

²⁷⁴ Там же. Л. 149. После выпуска курсов 2-й очереди комитет с 12 марта 1918 г. именовался комитетом старшего класса.

²⁷⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2057. Л. 16, 24.

²⁷⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1583. Л. 153; Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2184. Л. 124об.

²⁷⁷ В.И. Бибиков, И.Р. Гетманцев, И.П. Доготарь, Я.К. Ивасиов, Е.П. Ильин, А.К. Климовецкий, Коленцев, А.Ф. Легин, Лейн, И.Д. Мараев-Ферулев, А.Н. Николаев, М.Н. Третьяков, К.С. Хитрово, Б.М. Черниговский-Сокол, Н.А. Штюрмер (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1583. Л. 146, 147).

²⁷⁸ Н.В. Громов (затем выдано свидетельство 1-й категории), И.А. Морозевич, В.К. Свицерский; геодезисты П.М. Бедарев, Берг, С.К. Сидоровнин (Там же. Л. 146).

бов действующей армии, с коей был командирован в академию»²⁷⁹. В свидетельствах 2-й категории отмечалось, что офицер «подлежит командированию в один из штабов фронтов действующей армии по указанию начальника штаба Верховного главнокомандующего для назначения в один из полевых штабов для исполнения обязанностей офицера Генерального штаба»²⁸⁰. Обладатели этих свидетельств могли поступать в старший класс академии без экзамена в том случае, если война затянется. Свидетельства 3-й категории содержали ту же формулировку, что и 2-й, но их обладатели могли без экзамена поступить в младший класс академии в мирное время в течение двух лет со времени открытия правильных занятий²⁸¹. Формулировки были утверждены конференцией академии 24 апреля 1917 г. Таким образом выделялись офицеры с боевым опытом. По некоторым данным, инициатором деления на категории выступал исполком курсов 2-й очереди, в результате чего сами слушатели позднее и пострадали²⁸².

Часть офицеров получили свидетельства 2-й категории «с оговоркой», не дававшие права поступления в старший класс в ближайшее время. Однако Андогский полагал, что в течение лета 1917 г. такие офицеры могли приобрести необходимый боевой опыт и заслужить свидетельства другой категории. Поскольку летом 1917 г. боевые действия не отличались большой активностью, некоторые слушатели стали требовать допуска их в старший класс²⁸³. Сам Андогский осенью 1917 г. предлагал Ставке отменить требование службы офицеров на штатных должностях Генштаба как условие зачисления в старший класс²⁸⁴, однако ничего не добился.

По окончании курсов слушатели откомандировывались в свои части и штабы. Существовала проблема с кратковременностью откомандирования от академии офицеров с удаленных фронтов. Так, например, 54 офицера отправлялись в конце мая на Румынский фронт, а уже к 1 сентября должны были прибыть в старший класс²⁸⁵. Отдельные офицеры, служившие в удаленных районах, и вовсе просили не откомандировывать их к месту службы. Например, капитан Е.М. Гарабурда просил не отправлять его в штаб дивизии в Месопотамию, а направить в Киев в школу офицеров-наблюдателей воздушного флота²⁸⁶. По его мнению, дорога занимала много времени, летом же из-за жары операций на фронте не ожидалось, а намечалась только канцелярская работа²⁸⁷.

19 мая 1917 г. состоялось общее заседание слушателей подготовительных курсов 2-й очереди, на котором обсуждались предстоящие действия в связи с отъездом из академии. Председательствовал подполковник Г.Б. Салимов (затем его сменил подполковник В.Э. Томме) при секретаре штабс-ротмистре С.А. Скрябине. Отъезд состоялся в период с 27 по 29 мая. При этом слушатели решили создать свой исполнительный комитет, который бы действовал и в дальнейшем, являясь центральным органом связи после того, как слушатели разъедутся

²⁷⁹ Там же. Л. 166.

²⁸⁰ Там же. Л. 170.

²⁸¹ Там же. Л. 172.

²⁸² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2057. Л. 269.

²⁸³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1555. Л. 99об.

²⁸⁴ Там же. Л. 476.

²⁸⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1359. Л. 312.

²⁸⁶ Ряд выпускников академии окончили ускоренный курс этой школы в 1917 г. (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1343. Л. 162, 224).

²⁸⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1583. Л. 241.

СВИДѢТЕЛЬСТВО № 31.

Дано сіе 59 Артиллерійской бригады
Штабелъ Каштану Цейтлину

въ томъ, что онъ успѣшно окончилъ 3-хъ месячные подготовительные курсы второй очереди военного времени въ Николаевской военной академіи (съ 1-го февраля по 1-е мая 1917 года), получивъ окончательную среднюю отмѣтку одинадцать и вѣдущая (11,19) и подлежить возвращенію для исправленія вакантной младшей должности Генеральнаго Штаба въ одномъ изъ полевыхъ штабовъ дѣйствующей арміи, съ коей былъ командированъ въ академію. Какъ удовлетворяющій всѣмъ условіямъ, указаннымъ въ статьѣ 19-ой «Положенія объ ускоренной подготовкѣ офицеровъ въ Николаевской военной академіи въ теченіе настоящей войны», онъ: а) получаетъ право, если война затянется, быть призваннымъ безъ экзамена въ старшій классъ 2-й очереди военного времени, предложенный къ открытію съ 1-го сентября 1917 года, если открытіе этого класса тогда будетъ признано нужнымъ; б) если война окончится до этого времени или открытіе старшаго класса 2-й очереди военного времени будетъ признано ненужнымъ, получаетъ право по «Положенію» поступить безъ экзамена въ младшій классъ академіи въ мирное время въ теченіе двухъ лѣтъ со времени открытія правильныхъ занятій въ ней по нормальной программѣ или по ходатайству конференціи академіи, на основаніи ея постановленія отъ 24-го апрѣля 1917 года, — въ старшій классъ въ мирное время, если указанное постановленіе конференціи получить утвержденіе Военнаго Министра. Изложенное подписями съ приложеніемъ казенной печати свидѣтельствуется.

Справка: § 21-й «Положенія объ ускоренной подготовкѣ офицеровъ въ Николаевской военной академіи въ теченіе настоящей войны», объявленнаго имъ приказомъ во воен. вѣд. 1916 г. № 627.

Гор. Петроградъ, «25» мая 1917 года № 6586.

Исполнительнаго
военной академіи
Генераль-Майоръ

Правитель дѣлъ академіи,
Генеральнаго Штаба Подполковникъ

Каштанъ
Цейтлинъ

Категорія № 1

Свидетельство В.М. Цейтлина об окончании им подготовительных курсов 2-й очереди академии. 1917 г. АВИМАИВиВС. Публикуется впервые

по стране. Председателем исполкома был избран лидер выпуска штабс-капитан А.Л. Симонов — исполняющий должность старшего адъютанта штаба 120-й пехотной дивизии. Ему слушатели сообщали свои адреса для рассылки новостей²⁸⁸.

Слушатели наметили организацию прощального обеда, для чего была создана комиссия в составе подполковника Г.Б. Салимова, капитанов И.И. Максутова и И.И. Фалилеева, штабс-капитана Н.Д. Либуса и поручика В.К. Свидерского. Обед намечался на 23 мая, причем должен был пройти с музыкой, но без вина. Также перед отъездом слушатели должны были сделать общий снимок.

Исполком слушателей взял на себя контролирующие функции. Помимо организации выдачи свидетельств различных категорий этот орган в мае 1917 г. занялся проверкой послужных списков слушателей на предмет законности их зачисления в академию²⁸⁹. Подобные действия, выходявшие далеко за рамки общественной деятельности и представлявшие серьезное вмешательство в учебные вопросы, не могли не вызывать протестов отдельных слушателей. Так, поручик Е.П. Ильин, получивший свидетельство 1-й категории «с оговоркой», высказался против вмешательства исполкома курса в итоги обучения. Офицер считал несправедливым, что он по этой причине лишился права быть зачисленным в старший класс²⁹⁰.

В период с 5 мая по 7 июня 1917 г. прошли экзамены²⁹¹, и 13 июня состоялся выпуск старшего класса 1-й очереди (84 офицера). Все они были причислены к Генеральному штабу (как выпуск 1916 г.) с назначением в штабы фронтов с правом на перевод в Генеральный штаб на тех же условиях, какие установлены для окончивших два класса академии в 1914 г., с обязательством сдать темы дополнительного класса после войны. Слушатели ходатайствовали о выдаче им академических знаков по примеру выпуска 1915 г.²⁹²

10 июня в здании академии состоялся выпускной банкет в честь представителей Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов, а также других организаций (Союза казачьих войск, Всероссийского крестьянского съезда) и конференции академии. По предположению М.А. Иностранцева, идея проведения банкета была связана с требованием министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского, чтобы академия выявила свое политическое лицо²⁹³. Сам Керенский прибыть не смог. Вместо него должен был присутствовать начальник Генерального штаба генерал Ю.Д. Романовский (по воспоминаниям Иностранцева, Романовского заменял генерал В.В. Марушевский). Кроме того, в банкете участвовали многие представители петроградской политической сцены того времени — министр почт и телеграфов меньшевик И.Г. Церетели, председатель Временного комитета Государственной думы М.В. Родзянко, председатель Крестьянского съезда правый эсер Н.Д. Авксентьев, идеолог анархизма, «дедушка русской революции» П.А. Кропоткин, один

²⁸⁸ Там же. Л. 299.

²⁸⁹ Там же. Л. 323об.

²⁹⁰ Там же. Л. 322об.

²⁹¹ Общая тактика, стратегия, служба Генерального штаба, военно-морское дело, тактика технических войск, военная статистика иностранных государств, тактика воздушных средств борьбы, сведения по инженерному искусству, военная администрация, военная статистика России (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1557. Л. 104об.–105).

²⁹² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1362. Л. 13. Кроме того, знаки по высочайшему соизволению от 1 апреля 1916 г. были выданы семи офицерам, окончившим в 1914 г. два класса геодезического отделения академии (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1545. Л. 1).

²⁹³ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 154.

из лидеров Союза казачьих войск войсковой старшина А.И. Дутов. Конференция академии присутствовала в полном составе, включая генералов П.А. Гейсмана, Б.М. Колюбакина и Н.П. Михневича.

Иностранцев писал впоследствии: «По моему глубокому убеждению, политического банкета в академии устраивать не следовало уже по одному тому, что армия должна быть аполитична. Академия, как и вся армия, приняла факт революции, и на этом и следовало остановиться. Дальнейшее афиширование своих убеждений и проявление якобы своего “политического лица” было и ненужно, и фальшиво, т.к. очень прозрачно наводило на мысль о неискренности такого шага и о желании лишь подслужиться к новому начальству и угодить ему.

Однако же высказать свою мысль о нежелательности банкета я, как и некоторые другие мои сотоварищи, одинаково со мной мыслившие, не мог, т.к. вопрос об устройстве банкета был решен Камневым, или, вернее, Андогским, без участия конференции академии как вопрос чисто административный и хозяйственный, а не учебный»²⁹⁴.

С приветственной речью от организаторов банкета выступил председатель исполнительного комитета офицеров академии капитан В.Д. Песоцкий. Среди прочего он заявил: «Генеральный штаб, куда мы вступаем, не каста — вовсе нет, — а доверенная трудовая артель, объединенная специальной работой и круговой порукой»²⁹⁵. Затем выступали гости со словами напутствия офицерам. Кроме того, вновь выступил Песоцкий с благодарностью гостям, выступил начальник академии, а также окончивший курсы первым по успехам капитан Е.А. Шиловский (впоследствии генерал-лейтенант Красной армии), приветствовавший конференцию и всех чинов академии.

Наконец, выступили члены конференции. Примечательно, что профессор Б.М. Колюбакин заявил: «Беспримерная в истории мира война дала офицерам опыт, начиная от боевых цепей и кончая штабами, и опыт такой беспримерной войны определил курс военной науки на весь наш век. Величайшая революция дала редкий политический опыт»²⁹⁶. По мнению Колюбакина, выпуск «заслуживает особого внимания, как выпуск современных офицеров Генерального штаба, безусловно, необходимых и важных для армии, Генерального штаба и правительства»²⁹⁷. От гостей выступили в стиле митинговых речей Авксентьев, Дутов, Кропоткин, Родзянко и Церетели.

Выпускники старшего класса 1-й очереди на основании статьи 34 «Положения» об ускоренной подготовке были причислены к Генштабу приказом по Генеральному штабу № 24 от 28 июня 1917 г. и переведены в Генштаб приказом армии и флоту 14 сентября 1917 г. (переведены были 3 штаб-офицера и 78 обер-офицеров)²⁹⁸.

* * *

Прогрессировавший развал армии у государственно мыслящих людей не мог вызывать восторга. 12 июля штаб-капитан А.Л. Симонов из штаба 120-й пехотной дивизии направил министру-председателю Временного правительства резкую телеграмму: «Поездки по фрон-

²⁹⁴ Там же. Л. 154–155.

²⁹⁵ Выпуск офицеров Военной академии // Русский инвалид (Петроград). 1917. 10 июня. № 134. С. 3 (выражаю благодарность А.Г. Горчакову (Рига) за предоставленный материал).

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ Публикацию приказа см.: *Кавтарадзе А.Г.* «Скорее пополнить действующую армию...». С. 52–54.

ту убедили Вас, что даже Вашими словами зажечь можно только немногих. Последние бои Вам показали, что цвет армии и народа — офицеры, над которыми всячески надругались в дни переворота, и лучшие из солдат гибнут. Ради чего? Чтобы жить, осталось самое скверное и преступное. Теперь Вы увидели, что разрушать легко. Безответственные группы, или увлеченные неосуществимыми идеями, или подкупленные Вильгельмом, одинаково преступные, по какому бы они побуждению ни действовали, очутившись на свободе, которую совершенно не понимали, и они сами и народ, они сумели в короткий срок разрушить опору Государства, они сделали больше, чем мог мечтать сам Вильгельм. 300 лет создавалась Русская армия, которая дала Родине славу и величие, перед которой трепетал весь мир. Орлы Суворова умели побеждать. Где они? Где дисциплина? В [19]15 году у нас ничего не было, и армия сумела спасти Россию; теперь у нас все есть, однако немцы гонят войска пузырями. Зачем Вы позволили преступникам всадить нож в спину армии, из которой Вы сделали толпу взбунтовавшихся рабов, опасную для Родины? Почему Вы начали перешивать все в армии, не узнав ее душу[?] Почему называют армию революционной? Армия может быть только Русской, никакой революционной армии и быть не должно. Армия вне политики. Кто думает иначе, тот не понимает смысла существования вооруженных сил в Государстве. Почему Временное правительство называет себя Правительством Спасения революции, а не Родины, или о последней забыли? Почему оно сейчас решило воспользоваться всей полнотой власти, разве оно ее не имело или не хотело? Довольно слов, пора, наконец, за дело. Довольно опытов над армией — их можно проделывать в мирное время. Только армия может спасти Россию. Нужны немедленные крутые меры. Нужно вернуть дисциплинарную власть начальникам, смертную казнь. Последнюю без проволочки приводят в исполнение на месте, для чего вернуть полевые суды и право начальника его²⁹⁹ назначать. Ведь эти меры нужны будут только против преступников. Временно лишить армию самоуправления. Все это тяжело, но необходимо, иначе Вы сознательно приведете Родину к гибели. 12 июля. Действующая армия. [№] 637. 3 Сибирской стр[елковой] артиллерийской бригады штабс-капитан Симонов³⁰⁰. По всей видимости, это был индивидуальный демарш слушателя, однако настроения курсовиков из этого документа вполне видны. Отношение курсовиков к Керенскому прослеживается и по дневнику однокашника Симонова штабс-капитана В.М. Цейтлина. В связи с выступлением большевиков в Петрограде Цейтлин 6 июля записал в дневнике: «Самое главное, что, может быть, этот истеричный адвокат поймет, что с большевиками шутить не приходится, а надо действовать очень энергично. Но вряд ли поймет»³⁰¹. Цейтлин, испытывавший к Керенскому отвращение, не стеснялся в выражениях, называл его прохвостом и фигляром³⁰². В дни Корниловского выступления, 29 августа, Цейтлин записал: «Своих взглядов я не скрывал, Керенского презирал и открыто это высказывал в офицерской среде»³⁰³. Вместе с тем офицер признавал недостатки старой армии³⁰⁴.

Узнав о том, что лидеры большевиков попали в Россию через территорию Германии, по которой ехали в запломбированных вагонах, Цейтлин 8 июля записал: «Это сообщение

²⁹⁹ Так в документе. Вероятно, их — т.е. суды.

³⁰⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2057. Л. 219.

³⁰¹ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 199.

³⁰² Там же. Л. 213, 260.

³⁰³ Там же. Л. 226.

³⁰⁴ Там же Л. 216.

просто придавило своей тяжестью, мне до сих пор не верится, чтобы Ленин мог быть агентом герман[ского] Ген. штаба, они его могут использовать в своих целях, он, может быть, оказался игрушкой в руках германской активной контрразведки. Но не за деньги же, и не на немецкие деньги.

Что тут замешаны агенты германского Генерального штаба — нет сомнений, и много немецких шпионов работает под флагом большевиков, есть, вероятно, среди них негодяи, в этом нет сомнений. Также нет сомнения, что в смысле агитации даже самым идейным большевикам по одному пути с герман[ским] Ген. штабом. И тем и другим нужен хаос в тылу, кабак на фронте и свержение Временного правительства.

Надо будет внимательно прочесть, когда дойдут газеты, да там, вероятно, всего не напишут»³⁰⁵.

14 июля Цейтлин рассуждал в дневнике о тяжелом положении офицерства: «Временное правительство могут ругать все кто угодно и как угодно, и требования предъявлять какие угодно. Но достаточно, чтобы требования исходили от офицеров, и начинается сразу: контрреволюция... да как они смеют... и т.д. Какие-то бесправные отщепенцы с массой обязанностей.

А если разобраться начистоту, то масса армейского офицерства крайне демократична, и если с кадетских лет и была воспитана “самодержавнейшим и благочестивейшим”, то Русско-японская война, революция 1904–05 года³⁰⁶, распутинщина и разгромы в течение нынешней войны, особенно отход [19]15-го года, заставили многих призадуматься. Только необходимость продолжения войны, абсолютная необходимость сохранить фронт давят сверху, сдерживая от личных выступлений.

Не будь войны, надо думать, многие из офицеров сами активно выступили бы за Госуд[арственную] думу, за ответственное министерство и за республику.

Ведь в сущности, чем армейский офицер, получающий гроши и не имевший никаких привилегий, был связан с царской властью и чем ему было бы хуже при другом образе правления... Только лучше.

Но революция сразу приказом № 1 озлобила офицерство, натравила на него солдатскую массу. Офицеры растерялись, потеряли почву под ногами, особенно когда к революции стали подыгрываться такие генералы, как Брусилов и другие.

Самое интересное, что чаще всего “революционерами” стали гвардейцы, т.е. наиболее привилегированные, пользовавшиеся массой льгот, получавшие чины, оклады, принятые при дворе и пресмыкавшиеся перед царем. Сейчас часть таких карьеристов всю льнет к каждой новой власти, стараясь подчас предугадать, чья возьмет. Им все равно, кто барин, лишь бы устроиться получше у государственного пирога.

Видимо, это уже профессиональная привычка, выработанная службой в гвардии...

Я убежден, что если бы когда-либо большевики взяли власть (надо думать, этого не будет), то легче всего и прежде всех к ним пойдут на службу гвардейцы»³⁰⁷.

Эти свидетельства вполне характеризуют настроения слушателей, которые были настроены как против большевиков, так и против разрушавшего страну Временного правительства.

³⁰⁵ Там же. Л. 204.

³⁰⁶ Так в документе.

³⁰⁷ Там же. Л. 208–209.

Интересны размышления Цейтлина о солдатах и их восприятии войны. 13 августа в дневнике записано: «Как странно, большинство солдат думает, что война надоела им одним, а для остальных это какой-то праздник и сплошное удовольствие»³⁰⁸. По мнению Цейтлина, в новых условиях «вся тяжесть ложится на плечи офицерства»³⁰⁹.

Однако после выступления генерала Л.Г. Корнилова отношение солдат к офицерам резко обострилось. В дневниковой записи от 2 сентября 1917 г. это прослеживается: «Армия до Корниловского выступления уже дошла до предела развала и держалась по инерции на плечах офицеров, а сейчас и эта последняя опора выбита.

Надо сознаться, что настал физический конец войне, воевать с немцами никто больше не будет, нет такой силы, которая бы заставила солдат идти на смерть и гибнуть. За что?... За кого?...

Надо заставить союзников мириться, пока мы все же числимся армией с таким-то количеством корпусов, чем дальше, тем будет хуже»³¹⁰. Интересно, что офицер-курсовик высказался в пользу заключения сепаратного мира, что вызывало тогда отторжение у многих его сослуживцев.

* * *

Весной–летом 1917 г. шло активное обсуждение дальнейших путей работы академии и служебного статуса выпускников ускоренных курсов. Обсуждалась возможность причисления курсовиков 1-й очереди к Генеральному штабу. Курсовики имели отличные боевые аттестации и около двух лет стажа службы на штатных вакантных должностях Генштаба³¹¹, занимали должности обер-офицеров для поручений и исполняющих должности старших адъютантов, а также их помощников.

Генерал-квартирмейстер штаба Особой армии 22 мая 1917 г. писал правителю дел академии о нехватке офицеров Генштаба. В армии из 37 штаб-офицерских должностей Генштаба были вакантны 6, из 45 обер-офицерских должностей 6 были замещены офицерами Генштаба, 24 – выпускниками подготовительных курсов и 15 вакантны или замещены строевыми офицерами без специального образования. Многие выпускники подготовительных курсов месяцами исполняли обязанности начальников дивизионных штабов и штаб-офицеров для поручений в корпусных штабах. Ввиду нехватки кадров надеялись на пополнение из выпускников старшего класса 1-й очереди³¹².

Практика показала, что условия приема в академию, разработанные в 1916 г. и основанные на принципах старшинства, не способствовали выдвижению талантливых офицеров. Тем более что сам факт выдержания экзаменов в мирное время ни о чем не говорил. По мнению генерал-квартирмейстера, на курсах 1-й очереди «офицеры, державшие в мирное время испытания, не только не выделались по знаниям и успехам, но зачастую занимались слабее, нежели офицеры, не державшие указанных испытаний»³¹³. Таким образом, назревал вопрос перемены критериев отбора на курсы.

³⁰⁸ Там же. Л. 213.

³⁰⁹ Там же. Л. 214.

³¹⁰ Там же. Л. 229.

³¹¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1384. Л. 1.

³¹² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1555. Л. 49.

³¹³ Там же. Л. 49об.

В 1914–1916 гг. академия длительное время существовала в полужакрытом виде, лишь весной 1916 г. в связи с острейшим дефицитом кадров Генштаба было принято решение о возобновлении подготовки кадров по сокращенной программе. После этого академия активизировала свою деятельность. Боевая обстановка, наступление на Юго-Западном фронте не позволили начать учебный процесс летом 1916 г., хотя часть слушателей уже успели прибыть в Петроград. Открытие курсов было отложено до осенне-зимнего затишья. В итоге учебный процесс открылся в ноябре 1916 г. и продолжался практически без перерывов до лета 1917 г. За это время были осуществлены выпуски ускоренных курсов 1-й очереди и подготовительного курса 2-й очереди, что позволило значительно сократить дефицит подготовленных кадров на младших штабных должностях. Академия приняла Февральскую революцию, хотя целый ряд слушателей пострадали в результате беспорядков в Петрограде. Постепенно революционные нововведения в форме различных комитетов проникли в академию, руководство которой стремилось продемонстрировать свою лояльность новым властям.

ВЫБОРЫ НАЧАЛЬНИКА АКАДЕМИИ

Весной–летом 1917 г. в академии произошла беспрецедентная по своему характеру смена руководства. Начальник академии генерал В.Н. Камнев (Петерс), связанный, по слухам, с распутинским окружением, оказался скомпрометирован³¹⁴. К тому же один из писарей академии написал на него донос, обвинив в хозяйственных злоупотреблениях и излишне дорогом ремонте казенной квартиры. Работала следственная комиссия, нашедшая лишь незначительные хозяйственные упущения в связи с неточным выполнением параграфов сметы, приобретением не положенного по штату автомобиля³¹⁵.

Тем не менее возник вопрос о назначении нового начальника академии. На фоне бурных перемен, произошедших в России в революционном 1917 г., как-то затерялось событие, которое при иных обстоятельствах и в более спокойное время должно было иметь существенно больший общественно-политический резонанс. Речь идет о выборах начальника Военной академии, проходивших летом 1917 г. Несмотря на свою значимость, этот сюжет до сих пор не привлекал внимание исследователей. Обнаружение уникальных документов в архивах России и США позволяет осветить эту историю в полной мере.

Если ранее офицеры на должность начальника академии назначались, то при Временном правительстве и здесь был распространен принцип выборности, популярный тогда в стране и в армии. Как отмечал профессор М.А. Иностранцев, «первоначально это казалось диким и даже невозможным, как всякое применение выборного начала в военных организациях. Однако же наличие выборного начала в выборе ректоров высших учебных заведений во всем мире и существование его по старому университетскому уставу и для русских университетов, лишь отмененное при императоре Александре III, несколько примиряло с этой идеей.

³¹⁴ По свидетельству профессора М.А. Иностранцева, глава большого семейства Петерс, в бытность начальником Елисаветградского кавалерийского училища, имел связь с супругой училищного офицера, который стал его шантажировать и, пользуясь безнаказанностью, осуществлять хозяйственные махинации. Позднее Петерс был вынужден взять этого штаб-офицера с собой в академию и назначить заведующим хозяйством там, однако, ввиду кратковременности пребывания Петерса в академии, серьезных злоупотреблений не случилось (ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 9–10). Проверка по спискам офицеров по старшинству косвенно подтвердила это свидетельство. Действительно, заведующим хозяйством академии при Петерсе (Камневе) стал бывший командир эскадрона Елисаветградского кавалерийского училища полковник В.А. Берников, позднее отчисленный от должности в результате расследования. С началом Гражданской войны Камнев добровольно поступил в РККА, где продолжал заниматься военно-педагогической деятельностью. 8 января 1938 г. он был расстрелян.

³¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 111об.; Д. 45. Л. 7–7об. По данным доклада начальника Генерального штаба военному министру, в результате расследования хозяйственной деятельности академии были обнаружены неправомерности в хозяйстве академии и в отчетности по нему, заведующий хозяйством полковник В.А. Берников был отчислен от должности, бухгалтер надворный советник И.А. Смирнов арестован на три недели с содержанием на гауптвахте, а временно исполняющий должность заведующего хозяйством статский советник Ф.А. Мартынов получил выговор (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1575. Л. 119об.–120).

Однако все думали, что эти выборы начальника академии будут произведены только профессорами академии и притом только из наличных или же бывших профессоров академии, подобно тому как ректора выбираются профессорами и только из профессоров университетов и других высших учебных заведений.

Между тем вскоре же стало известным, что по совету [генерала А.А.] Поливанова Керенский решил произвести выборы начальника академии всеми офицерами Генерального штаба и притом из всех офицеров Генерального штаба, а не только из профессоров.

Подобного рода выборы едва ли могли гарантировать удачные результаты, так как всякому понятно, что можно быть прекрасным офицером Генерального штаба, но все же стоять далеко от военной науки, не работать в ее области и не быть педагогом.

В особенности это известие встревожило наших двух старейших профессоров: историка генерала Б.М. Колюбакина и географа и статистика генерала Г.Г. Христиани. Оба они, конечно, по своим различным качествам в начальники академии не годились, но оба как старейшие профессора, естественно, рассчитывали при выборах начальника из профессоров выставить свою кандидатуру.

Мой учитель, а затем и со товарищ по кафедре истории военного искусства до начала мировой войны Б.М. Колюбакин выразил мне свои суждения по этому поводу, и я посоветовал ему поговорить с Поливановым на эту тему.

Беседа эта, однако, успеха не имела, и Поливанов ответил Колюбакину, что Керенский уже определенно решил произвести выборы начальника академии всеми офицерами Генерального штаба и не только из профессоров. При этом Поливанов добавил, что эту точку зрения разделяет и он сам, т.к. в случае выбора начальника академии лишь из профессоров он боялся бы, чтобы, по его подлинным словам, “академия не варилась бы в собственном соку” и, таким образом, не отставала бы от жизни и практики»³¹⁶.

Выборы начальника академии были необычным нововведением, а их результат оказался совершенно не предсказуемым и повлиял на последующие события истории академии и всего корпуса офицеров Генерального штаба периода революции и Гражданской войны. Неизбежная при введении выборного начала политизация Генерального штаба порождала конфликты, корпорация утрачивала свою сплоченность. Итоги выборов оказали влияние и на дальнейшие взаимоотношения между соперниками.

Идея выборов начальника академии вызвала в кругах офицеров-генштабистов нешуточные страсти. Для офицерства, традиционно стоявшего вне политики, выборы казались невиданным прежде развлечением. Развернулась ожесточенная борьба и беззастенчивая агитация, публиковались призывы голосовать за того или иного кандидата, протесты против призывов и т.п. Если бы вопрос стоял только о замещении конкретной должности начальника одного из высших военно-учебных заведений, история выборов начальника академии не была бы столь интересной и значимой. На самом деле на повестке дня были более широкие вопросы о будущем русского Генерального штаба, о дальнейших путях его модернизации. За них и развернулась основная борьба. Голосование должно было определить, кто из генштабистов считался наиболее авторитетным и квалифицированным внутри корпорации, а также кто мог стать потенциальным лидером корпуса офицеров Генерального штаба и выразителем интересов большинства. Результаты голосования обрисовали фактическое отсут-

³¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 162–163.

ствии единства русского Генерального штаба и наличие в нем нескольких противоборствующих группировок³¹⁷.

Идея выборов принадлежала еще военному министру А.И. Гучкову, который 26 марта 1917 г. письмом № 1304 уведомил исполняющего должность начальника академии генерал-майора В.Н. Камнева о допустимости и желательности применения выборного начала при избрании и назначении начальника академии³¹⁸. На основании письма Гучкова конференция академии в заседаниях 15 и 19 апреля выработала правила, которые были дополнены и утверждены помощником военного министра генерал-лейтенантом В.Ф. Новицким.

Предполагалось, что баллотироваться на пост будут лица «из числа генералов и полковников Генштаба, как профессоров, так и не профессоров, пользующихся в военном мире известностью, имеющих высокий моральный и военно-научный авторитет и непременно получивших боевой опыт в текущую войну в строю по командованию или полком, или дивизией»³¹⁹. Выборщиками на пост начальника академии оказались все офицеры Генерального штаба и даже те выпускники академии, которые временно перешли в строй (проходили командный ценз в полках и бригадах). Выборы проходили по «четырёххвостке» — были всеобщими, равными, тайными и прямыми. Планировалось избрать начальника академии на основании простого большинства голосов, однако вскоре правила игры были изменены по личному распоряжению нового военного министра А.Ф. Керенского, который решил назначить кандидата самостоятельно из десяти лидеров голосования³²⁰. Позднее список был сокращен до четырех лидеров. Разумеется, такой подход был несправедливым и не мог не породить недовольства.

Идея голосования по вопросу о начальнике академии воспринималась в среде генштабистов неоднозначно. Опытные генштабисты, как, например, генерал-майор П.Ф. Рябиков, отнесли к выборному началу как к одному из революционных веяний³²¹. Генерал-майор Б.В. Геруа впоследствии назвал голосование «революционно-вздорным»³²².

С критикой выборов в печати выступил один из возможных кандидатов на пост начальника академии и недавний участник разработки правил выборов генерал-лейтенант В.Ф. Новицкий. Он считал, что без предвыборной агитации голоса офицеров могут делиться между множеством кандидатов, каждый из которых наберет всего несколько голосов, а победитель будет из-за этого нелегитимным и неавторитетным. Кроме того, он выступил против несправедливого нарушения принципа простого большинства голосов по личному решению министра, поскольку получалось, что никакой демократии нет, так как господствует прежний принцип назначения. Свою статью Новицкий заканчивал отказом от участия в подобных выборах³²³ (вопреки желанию Новицкого, на выборах его кандидатура впоследствии получила несколько голосов).

Старт избирательной кампании был дан по приказанию военного министра, изложеному в телеграмме начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта П.И. Аверьянова от

³¹⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1331. Л. 4.

³¹⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2184. Л. 126об.

³¹⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1385. Л. 1.

³²⁰ К выборам начальника Военной академии // Русский инвалид (Петроград). 1917. 16 июня. № 139. С. 3.

³²¹ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 109об.

³²² Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни: в 2 т. Париж, 1969. Т. 1. С. 274.

³²³ НИА. Russia. Posol'stvo U.S. Box 10. Folder 2.

Обложка папки с документами Н.Н. Головина о выборах начальника военной академии.
НИА. Публикуется впервые

30 мая 1917 г.³²⁴ Впрочем, о предстоящих выборах стало известно заранее, и предвыборная борьба началась существенно раньше.

Одним из наиболее авторитетных военных ученых и наиболее квалифицированных генштабистов был генерал-майор Николай Николаевич Головин, занимавший ответственную должность начальника штаба Румынского фронта. Головин был наиболее вероятным претендентом на пост начальника академии в случае голосования, поскольку его труды были широко известны в среде генштабистов, а многие офицеры были его учениками в академии. Головин олицетворял оппозицию старым генштабистам, будучи одним из реформаторов учебного курса академии, сторонником прикладного метода обучения и лидером неформального кружка борцов с традиционализмом и обскурантизмом в старой академии.

В своем письме Андогскому от 7 апреля 1917 г. Головин интересовался жизнью академии: «Что поделявают у нас в академии? Вспоминают ли обо мне теперь, в эпоху полного обновления нашей государственной и общественной жизни?»³²⁵ Академия притягивала Головина. Не удивительно, что вскоре он стал одним из наиболее вероятных претендентов на руководство этим высшим военно-учебным заведением. В том же письме Головин приглашал Андогского занять должность генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии (Головин тогда еще был начальником штаба армии), которая должна была освободиться летом.

27 мая 1917 г. кандидатуру Головина в начальники академии предложил выдвинуть его старый соратник, видный военный ученый, начальник штаба 7-й армии генерал-майор А.А. Незнамов. Он подготовил обширное письмо по этому вопросу, адресатом которого был, вероятно, начальник штаба 11-й армии генерал-майор Б.В. Геруа (во всяком случае с резолюцией последнего это письмо, отпечатанное типографским способом, рассылалось в дальнейшем всем офицерам Генерального штаба 11-й армии). В этом документе, который необходимо привести в полном объеме, Незнамов подробно остановился на проблеме подготовки кадров Генштаба в России и на значимости предстоявших выборов:

«Милостивый государь. Выборы будущего начальника нашей родной академии — единственного органа, способного стать во главе и военной мысли, и военной школы, намечены очень широко. Выбирать будут все офицеры Генерального штаба.

Опыт последних двух лет перед войною, когда шли горячие споры о старых, новых и “новейших” системах и методах обучения в академии, рельефно показал, что военные круги мало интересовались и мало знали о происходившем, а значит, не будет ошибочным предположить, что еще меньше знают они о той роли, которую играли те или другие лица в жизни академии и в исповедуемых последними взглядах на приемы ведения современной войны и на способы обучения.

Жизнь может, конечно, выдвинуть на должность выборного начальника академии лицо, к академии и не принадлежавшее; я не собираюсь предрешать этого вопроса. Но полагаю, что наша обязанность заблаговременно обменяться взглядами, чтобы не предоставить результата выборов слепому случаю. Без предварительного сговора при указанном выше условии будут “обозначенные” выборы, и результат их может быть самый неожиданный. С[о] своей стороны, как близко стоявший к жизни академии, могу для общей ориентировки сообщить следующее:

³²⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2184. Л. 126об.

³²⁵ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 56. Л. 1об.

Вопрос о необходимости бросить схоластику (и “заоблачную стратегию” по определению Пузыревского) и подойти ближе к жизни выдвинут во весь рост в бытность начальником академии генерала Щербачева.

На первое место поставлено “умение”; уменьшено число часов лекций (в буквальном смысле слова) и значительно прибавлено число практических занятий совместно с руководителем (это тоже лекции, но уже на определенном частном примере, с обменом мнениями); вместо единой кафедры “военного искусства”, когда одно и то же лицо читало раньше и конницу, и пехоту, и артиллерию, и эпоху Александра Македонского, и “тактику массовых армий”, и вело практические занятия и по тактике, и [по] статистике, и [по] администрации; а профессора статистики и администрации были руководителями по тактике и на планах, и в поле — введена специализация: введены должности профессоров тактики пехоты, тактики кавалерии, тактики артиллерии, общей тактики (армия, корпус, дивизия), но с обязательством слушать лекции друг друга и т.д. Вместо изучения одних принципов стала изучаться и техника вождения [войск].

До минимума сокращены курсы истории военного искусства; центр тяжести военной истории перенесен на эпоху Наполеона, [18]70 и [1]904 гг.

С назначением г[енерала] Янушкевича ему было предуказано “вернуть академию на утраченный ею путь”.

Опять заговорили, что “офицер Генерального штаба должен знать все и руководить всем”. Положение это, может быть, верное в отношении к школам прапорщиков и занятиям в частях войск, было само собою нелепо в отношении преподавательского и профессорского состава академии, где дилетантство и схоластика опаснее всего, но... так было.

Началось выжимание работников “новой” системы, ушли Юнаков и Головин, получили предложения полков Черемисов и Незнамов; читать тактику предназначены новые лица... но началась война.

О курсах во время войны говорить не стоит; скажу лишь, что и здесь понадобилось вмешательство генерала Щербачева, чтобы несколько перестроить программу: в ней было в старшем классе назначено опять 10 часов в неделю статистики.

Этот очерк по необходимости очень краток, но все имевшие дело с молодыми офицерами Генерального штаба имели возможность лично убедиться в пользе реформ ген. Щербачева.

Самое простое решение вопроса о выборном начальнике было бы избрать ген. Щербачева, но это, конечно, возможно только при условии подчинения его (и то после войны) непосредственно военному министру; вторым кандидатом я с[о] своей стороны называю ген[ерал-]майора Головина, который был главным его сотрудником и по изучению постановки этого дела во Франции (целый год провел во французской академии), и по реорганизации нашей академии; первый же был “освобожден” от должности профессора “службы Генерального штаба” с назначением командиром полка.

Ему, я бы сказал, принадлежит наибольшее право и по преданности прикладному методу, и по имеющейся у него подготовке к проведению его в жизнь.

Моя просьба к Вам ознакомить с этим письмом всех, имеющих участвовать в выборах.

Могу к этому прибавить, что по имеющимся у меня положительным данным и Щербачев, и Головин в принципе против избрания их ничего иметь не будут и согласились бы вести родное дело после войны, а до ее окончания библиотеки и склады карт покараулить может лицо и без полномочий всей корпорации Генерального штаба.

Полагаю, что быстрым обменом мнений мы легче других можем установить истинного кандидата и обеспечить его избрание. Выборы начальника академии, повторяю, — эпоха в деле направления русской военной мысли, и предоставлять их случаю было бы с нашей стороны преступлением.

Мнение г.г. выборщиков Вашей армии благоволите сообщить мне, а я оповещу остальных. Уважающий Вас А. Незнамов»³²⁶.

Представители военной науки попытались взять вопрос о выборах под свой контроль. Однако они не учли тот факт, что Керенский обратил эту проблему в политическую плоскость.

Начальник штаба 11-й армии генерал-майор Б.В. Геруа добавил к этому письму свою приписку, в которой отметил, что был убежденным сторонником Головина при переустройстве академии до войны, но тогда верх одержал «злой гений русской армии» В.А. Сухомлинов. В результате академия оказалась в руках Н.Н. Янушкевича, обратившегося к сотрудникам при вступлении в должность со словами, что он совершенно не подготовлен к предстоящей работе, но сделает все, что прикажут военный министр и начальник Генерального штаба. Подводя итог, Геруа предлагал теперь, «когда русской жизни предстоит вступить на путь свободного творчества», избрать идейного и опытного начальника академии.

О том, что инициатором его выдвижения был А.А. Незнамов, сообщал и сам Головин, причем в письме своему сопернику Андогскому накануне начала избирательной гонки: «Дорогой Александр Иванович! Только что получил телеграмму Незнамова, в которой он пишет, что 20 мая будут производиться выборы начальника академии, и просил разрешения выставить меня кандидатом. Я дал ему согласие и в то же время по старой дружбе прошу тебя, если ты сочувствуешь этому, агитировать в мою пользу.

Уверен, что Балтийский и многие другие (Черемисов, Измestьев, Савельев и др.) подадут за меня.

Могут быть выставлены формальные препятствия — что я ушел. Но вспомним, как было — меня при старом режиме выбросили из академии. Хотя я занимаю ныне должность начальника штаба Румынского фронта — все-таки на должность нач[альни]ка академии пойду. Слишком много у меня в этой области планов и убеждения.

Крепко жму твою руку
твой Н. Головин

P.S. Не откажи черкануть ответ»³²⁷.

Можно представить удивление Головина, когда вскоре выяснилось, что Андогский ему не только не друг, не единомышленник и не агитатор, а наиболее опасный конкурент. Еще до официального начала избирательной кампании Головин должен был считаться с мощным противодействием своему выдвижению со стороны преподавателей и слушателей академии, видимо, считавших вопрос о начальнике академии своим внутренним делом. Немало врагов оставалось у Головина и со времен его лидерства в кружке «младотурок» в бытность профессором академии. Работники академии в Петрограде имели больше рычагов воздействия на Керенского, чем далекий от столичной подковерной борьбы Головин, находившийся на Румынском фронте. Кроме того, заинтересованные в выдвижении кандидата от академии лица в дальнейшем должны были вести подсчет голосов.

³²⁶ НИА. Russia. Posol'stvo U.S. Box 10. Folder 2.

³²⁷ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 56. Л. 3–4.

Старый профессорско-преподавательский состав академии во главе с генерал-лейтенантом Б.М. Коллюбакиным развернул мощную пропаганду назначения кандидата из своей среды. Кандидатом от академии был полковник А.И. Андогский. Эта кандидатура у многих вызывала удивление, так как Андогский не был ни генералом, ни профессором академии, а лишь писал диссертацию³²⁸, был сравнительно молод (в период выборов ему было 40 лет)³²⁹. Знавшие его сослуживцы считали Андогского молодым оппортунистом³³⁰. Такая оценка во многом обоснованна, поскольку Андогский отличался невероятной политической гибкостью. Тем не менее Коллюбакин организовал сбор подписей в его поддержку и типографским способом (вероятно, в типографии академии, работавшей, таким образом, на одного из кандидатов) издал несколько коллективных воззваний от академии. Текст обращения преподавательского состава был следующим:

«На очереди вопрос об избрании начальника Николаевской военной академии путем голосования.

В результате конференцией академии должно быть представлено военному министру 10 кандидатов с наибольшим числом голосов для выбора и назначения одного из них на пост начальника академии.

Начальником академии предложено избрать лицо, обладающее высокими моральными качествами, имеющее военно-научный авторитет, боевой опыт настоящей войны и пользующееся в военном мире известностью.

Частное совещание профессоров, преподавателей, штаб-офицеров и лекторов Военной академии, заслушав вопрос о возможных кандидатах на пост начальника академии и оценив выдающуюся деятельность многих заслуженных и видных офицеров Генерального штаба, предлагает выдвинуть на пост начальника академии кандидатуру нынешнего правителя дел ее, **полковника Генерального штаба Александра Ивановича Андогского**³³¹, характеристика которого в общем сводится к нижеследующему:

1. Высокие нравственные качества Александра Ивановича **Андогского**, ясный и строго систематический ум, твердый и устойчивый характер создали ему тот моральный облик и то почтенное имя, которые столь необходимы для руководителя высшей военной школы.

2. Капитальный труд полковника **Андогского** “**Встречный бой**”, рассмотренный особой комиссией профессоров академии, признан “выдающимся”, как по методу, ясности изложения, так и по практическому его значению для армии.

Кроме этого труда, диссертации, за Александром Ивановичем **Андогским** значатся другие самостоятельные литературные работы и много военно-научных обзоров и статей в периодической печати.

Талантливый лектор по тактике и службе Генерального штаба, он с исключительным умением осуществляет трудную методику ведения практических занятий в академических стенах.

Идейные стремления Александра Ивановича **Андогского** слить в академии чистую науку с прикладным методом в одно гармоничное целое устраняют вредный раскол военной мысли, обнаружившийся в последние годы перед войной, и восстановят пошатнувшееся единство в Генеральном штабе.

³²⁸ Стал экстраординарным профессором 15 сентября 1917 г. (РГВИА. Ф. 409. П/с 155-435. 1917 г. Л. 3об.).

³²⁹ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 3. Л. 175.

³³⁰ *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни. Т. 1. С. 274.

³³¹ Здесь и далее — выделено в документе.

Убежденный сторонник необходимости широко открыть двери академии для поднятия общего уровня военного образования в армии в связи с настойчивым стремлением привлечь к академическим кафедрам накопившиеся в недрах армии таланты, Александр Иванович **Андогский** тем самым намечает верный путь для расцвета боевой мощи армии.

Все изложенное свидетельствует о дарованиях выдвигаемого кандидата, что в условиях указанной характеристики и наряду с высшим военным и широким общим образованием (университетский диплом) обеспечивает за ним в будущем твердое, авторитетное и правильное руководство постановкою и развитием научного дела в академии.

3. Полковник **Андогский** имеет боевой опыт Русско-японской и текущей войн; в последней занимал следующие должности: а) старшего адъютанта оперативного отделения штаба 2-й армии, б) начальника штаба 3-й гвардейской пехотной дивизии и в) командира 151-го Пятигорского полка.

Свою боевую в строю и в штабах службу он составил себе имя популярного офицера Генерального штаба; причем, в частности, чином штаба самсоновской армии хорошо известно мужественное его поведение в тяжелый период Нейденбургской операции.

Все это лучшее свидетельство несомненно выдающейся боевой репутации.

4. Призванный ныне к академической работе, в течение последних 2–3-х месяцев он получил ряд многочисленных лестных предложений (семь предложений), начиная от командных строевых должностей до должности дежурного генерала Главного штаба включительно. Однако сознание долга перед Родиной и армией, напряженно ожидающих прилива на фронт молодых сил из академических стен, глубокая преданность военно-научному делу заставили полковника **Андогского**, в связи с наступившим затишьем на фронте, отказаться от блестящих служебных перспектив, и он остался на скромном посту правителя дел академии с полной решимостью довести до конца учебный период, несмотря на все трудности политического момента.

5. В период первых дней революции академия очутилась в чрезвычайно трудном положении, из которого вышла с честью, без эксцессов и потрясений только благодаря решимости, твердости и такту полковника **Андогского**.

Учитывая требования, предъявляемые избираемому начальнику академии, с достоинствами в моральном, военно-научном, боевом и политическом отношениях, необходимо признать, что крупная фигура Александра Ивановича **Андогского** представляет наиболее благоприятнейшие сочетания. Своей исключительно выдающейся деятельностью в прошлом и в настоящем он снискал себе известность не только в военной среде, но и в широких общественных кругах.

Подавая свой голос за полковника **Андогского**, Вы тем самым дадите академии идейного начальника и человека долга, искренно преданного науке, что обеспечит армии правильную постановку высшей военной школы и твердое ею руководство.

При сем предлагается постановление офицеров старшего класса Николаевской военной академии, имеющих право на голосование, как причисляемых к Генеральному штабу, единогласно выдвигающих на пост начальника академии популярную личность Александра Ивановича **Андогского**.

Кроме того, офицеры подготовительных курсов, не располагающие формальным правом подачи голоса, но связанные с академией своею будущею в ней работою, предложили вниманию конференции академии постановление их общего собрания, свидетельствующее о

наиболее желательном кандидате Александре Ивановиче **Андогском**, как лице, пользующемся громадным уважением и авторитетом не только в стенах академии, но и вне ее»³³². Далее разъяснялся порядок голосования и следовали подписи почетных членов, профессоров и преподавателей академии.

Сама по себе эта листовка носила анекдотический характер, поскольку Андогский вовсе не обладал таким авторитетом, какой ему приписывали лоббировавшие его кандидатуру. Однако опора на многочисленных выпускников ускоренных курсов (курсовиков), размывавших кастовость Генерального штаба, обеспечивала ему массовую поддержку. При том что курсовики не были полноценными офицерами-генштабистами.

В дневнике бывшего начальника академии генерала от инфантерии В.Г. Глазова сохранились свидетельства того, какие усилия прилагала профессура академии, чтобы пролоббировать кандидатуру Андогского. 8 июня 1917 г. Глазов записал: «Получил пакет от Коллюбакина с предложением об избрании нач[альником] академии Андогского, состоящего правителем дел. Ответ надо послать в академию к 15 июля»³³³. 11 июня далеко не молодой Коллюбакин звонил Глазову по этому поводу и собирался зайти на следующий день³³⁴. 12 июня он побывал у Глазова, чтобы напомнить о голосовании, последний записал, что Коллюбакин — «интересный собеседник, хотя и с некоторой самовлюбленностью»³³⁵. Генерал Глазов, видимо, был достаточно спокойным человеком и беспристрастно фиксировал непрекращавшиеся напоминания из академии. Так, по поручению Коллюбакина через некоторое время из академии спрашивали, находится ли Глазов в Петрограде³³⁶. 5 июля Коллюбакин вновь напомнил Глазову о необходимости подать записку³³⁷. Наконец, Глазов сдался и 6 июля «в 6-м часу написал заявление в конф[еренцию] акад[емии] о выборе мною Андогского, запечатав секретный конверт и вложив в другой, на имя Коллюбакина, к[ото]рый снесут завтра»³³⁸. Сложно сказать, велась ли такая настойчивая агитация по отношению к другим офицерам Генерального штаба, но свидетельство вполне наглядное.

Большую помощь Андогскому оказывал слушатель курсов штабс-капитан А.Л. Симонов, позднее сыгравший определенную роль в истории академии как один из лидеров антибольшевистски настроенных курсовиков. Этот офицер тиражировал письма в поддержку Андогского по многим адресам однокурсников. Симонова Андогский именовал «дорогой сотоварищ и помощник»³³⁹. В начале августа Андогский выразил общую благодарность курсовикам: «Душевно благодарю вас и всех г.г. офицеров, морально поддерживавших мою кандидатуру своим общим постановлением. Оно сыграло большую и важную роль, как последняя гирия на моей чашке весов»³⁴⁰.

Листовки Коллюбакин отправил даже сопернику Андогского Головину. Не удивительно, что экземпляр Головина был испещрен ехидными замечаниями последнего: «Эти штуки уже у нас есть!», «Явное передергивание. Нужно посмотреть мои печатанные труды;

³³² НИА. Russia. Posol'stvo U.S. Box 10. Folder 2; То же: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4777. Л. 11–11об.

³³³ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 22. Л. 160–160об.

³³⁴ Там же. Л. 163.

³³⁵ Там же. Л. 164.

³³⁶ Там же. Л. 179об.

³³⁷ Там же. Л. 187об.

³³⁸ Там же. Л. 188об.

³³⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2057. Л. 41.

³⁴⁰ Там же. Л. 41–41об.

Эти шутки уже
у нас есть!

Многоуважаемый

Николай Николаевич.

На очереди вопрос об избрании Начальника Николаевской Военной Академии путем голосования.

В результате Конференция Академии должна быть представлена Военному Министру 10 кандидатами, с наибольшим числом голосов, для выбора и назначения одного из них на пост Начальника Академии.

Начальником Академии предложено избрать лицо, обладающее высокими моральными качествами, вообще военно-научный авторитет, боевой опыт настоящей войны и пользующееся в военном мире известностью.

Частное совещание профессоров, преподавателей, штаб-офицеров и лекторов Военной Академии, послушавшее вопрос о возможных кандидатах на пост Начальника Академии и оценившее выдающуюся деятельность многих заслуженных и видных офицеров Генерального Штаба, — предлагает выдвинуть на пост Начальника Академии кандидатуру вышестоящего Правителя Двора, **ПОЛКОВНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА АНДОГСКОГО**, характеристика которого, в общем, сводится к нижеследующему:

1. Высокие нравственные качества Александра Ивановича Андогского, а также и строго систематический ум, твердый и устойчивый характер, — создали ему тот моральный облик и то почтенное имя, которые столь необходимы для руководителя высшей военной школы.

2. Капитальный труд Полковника Андогского „**ВСТРЕЧНЫЙ БОЙ**“, рассмотренный особой комиссией профессоров Академии, признан „выдающимся“, как по методу, ясности изложения, так и по практическому его значению для армии.

Кроме этого труда, диссертации, за Александром Ивановичем Андогским значатся другие самостоятельные литературные работы и много военно-научных обзоров и статей в периодической печати.

Талантливый лектор по Тактике и Службам Генерального Штаба, он с исключительным умением осуществлять трудную методику ведения практических занятий в академических стенах.

Идейная стремления Александра Ивановича Андогского свести в Академию чистую науку с прикладными методами в одно гармоничное целое, устранить вредный раскол военной мысли, облагодетельствовав в последние годы перед войной и восстановить пошатнувшееся единство в Генеральном Штабе.

Убежденный сторонник необходимости широко открыть двери Академии для получения общего уровня военного образования в армии, в связи с настоятельным стремлением привлечь к академическим кафедрам накопившиеся в недрах армии таланты, — Александр Иванович Андогский тем самым намечает верный путь для расцвета боевой мысли армии.

Все вышесказанное свидетельствует о дарованиях выдаваемого кандидата, что, в условиях указанной характеристики и наряду с высоким военным и широким общим образованием (университетский диплом), — обеспечивает за ним в будущем твердое, авторитетное и правильное руководство постановкою и развитием научного дела в Академии.

3. Полковник Андогский имеет боевой опыт Русско-Японской и текущей войны; в последние занимал следующие должности: а) Старшего Альтеранга Оперативного Отделения Штаба 2-й армии, б) Начальника Штаба 3-й Гвардейской пехотной дивизии и в) Командира 181-го Пятигорского полка.

Своею боевою в строю и в штабах службой он составлял себя из полководца офицера Генерального Штаба; причем, в частности, чинами Штаба Самсоновской армии хорошо известно мужественное его поведение в тяжелый период Нейденбургской операции.

Все это лучшее свидетельство несомненно выдающегося боевой репутации.

4. Привлеченный к академической работе, в течение последних 2—3-х месяцев он получил ряд многочисленных, лестных предложений (семь предложений), начиная от командных строевых должностей до должности Дежурного Генерала Главного Штаба исключительно. Однако сознание долга перед Родиной и Армией, напряженно ожидающих призыва на фронт молодых сил из академических стен, глубокая преданность военно-научному делу, заставила Полковника Андогского, в связи с наступившим затишьем на фронте, — отозваться от блестящих служебных перспектив и он остался на скромном посту Правителя Двора Академии с полным решением довести до конца учебный период, несмотря на все трудности политического момента.

5. В период первых дней революции Академия очутилась в чрезвычайно трудном положении, в котором вышла с честью, без ущерба и потрясений только благодаря решимости, твердости и такту Полковника Андогского.

1917
Иван Головин
Кандидатура
А.И. Андогского
на пост
Начальника
Академии
1917

Обращение профессорско-преподавательского состава военной академии к Н.Н. Головину с призывом поддержать кандидатуру А.И. Андогского и рукописными пометками Головина. НИА. Публикуется впервые

мы протестовали против схоластики, а не против мысли!» (напротив тезиса о предвоенном расколе военной мысли). Головин даже подчеркнул фамилии некоторых подписантов (генерала от кавалерии Н.Н. Сухотина, генералов от инфантерии А.Ф. Редигера, Н.П. Михневича, П.О. Щербова-Нефедовича³⁴¹, П.А. Гейсмана, генерал-лейтенантов Б.М. Коллюбакина, В.В. Витковского, Г.Г. Христиани, Д.В. Филатьева, Э.М. Лисенко), добавив на полях, что это сторонники старой школы³⁴². Таким образом, противники Головина, сохранявшиеся в академии с довоенных времен, предприняли попытку продвинуть в руководство академии своего кандидата, прикрываясь заимствованными у самого Головина идеями. Назначение опального профессора было бы для стариков худшим вариантом, поэтому они делали ставку на более покладистого Андогского.

К этому документу прилагалось отпечатанное типографским способом коллективное заявление офицеров старшего класса 1-й очереди академии: «Офицеры старшего курса Военной академии на общем собрании 22-го мая, обсудив вопрос о выборе начальника академии, *единогласно* постановили высказать следующее пожелание:

Определенно и ясно представляя себе всю важность личности начальника академии в условиях нынешнего военного и политического момента и учитывая идейные, деловые и формальные данные, обуславливающие выбор достойного лица, офицеры старшего курса академии по долгу совести считают выдающимся кандидатом **полковника Александра Ивановича Андогского**.

Отдавая дань уважения многим из видных деятелей на поприще службы Генерального штаба, — офицеры академии, безусловно, близкие к вопросу назначения начальника академии, считают кандидатуру полковника **Андогского** вполне отвечающей Военной академии как источнику верных и жизненных военных начал и как питомнику новых офицеров Генерального штаба, а также отвечающей идее и практике службы Генерального штаба, о чем офицеры старшего курса полагают своим нравственным долгом объявить с полным сознанием и пониманием ответственности в этом выборе перед лицом академии, корпуса офицеров Генерального штаба и всей армии.

Кроме того, офицеры старшего курса считают необходимым добавить, что в лице полковника **Андогского** они видят обеспечение дружной, широкой плодотворной работы в стенах академии и залог нормальной учебной жизни академии в тяжелых условиях нынешнего времени и особенно в условиях сложной петроградской обстановки»³⁴³. Документ подписали 83 офицера.

Это и другие воззвания, как за Андогского, так и в поддержку других кандидатов, публиковались на страницах газеты «Русский инвалид»³⁴⁴. В связи с письмом курсовиков генштабисты штаба 10-й армии выступили против участия в голосовании курсовиков как мало служивших по Генеральному штабу и малокомпетентных³⁴⁵. Выборы стали грозить расколом Генерального штаба.

³⁴¹ Щербов-Нефедович отмечен Головиным пунктиром, так как, несмотря на то, что не разделял взгляды («младотурок»), все же имел силы поддерживать их. Так же поступал и Сухотин (ГАРФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 9. Л. 10).

³⁴² НИА. Russia. Posol'stvo U.S. Box 10. Folder 2.

³⁴³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4777. Л. 12.

³⁴⁴ См., напр.: К выборам начальника Николаевской военной академии // Русский инвалид (Петроград). 1917. 18 июня. № 141. С. 3–4; 21 июня. № 143. С. 3; и др.

³⁴⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1385. Л. 87.

29 мая с личным конфиденциальным письмом к Головину обратился сам Андогский, который писал: «Дорогой Николай Николаевич. Не сердись за мою смелость. Дело в том, что вопрос о выборе и назначении начальника Николаевской военной академии чрезвычайно сложен во многих отношениях. Недостаточно получить много голосов, чтобы иметь уверенность, что военный министр утвердит в должности начальника академии. Вот поэтому-то он установил, что ему будут представлены 10 кандидатов из числа получивших наибольшее количество голосов, а он оставляет за собою право второй степени выбора и утверждения³⁴⁶.

При таких условиях может случиться, что, если тебя он не утвердит, академическое дело попадет в совершенно непривычные руки и опять будет искать новых путей для своего развития и обоснования.

Вот соображения, на почве которых я после долгих колебаний и сомнений во всех отношениях, а в частности после большой душевной борьбы ввиду моих к тебе дружеских отношений, — все же не счел себя вправе не выставлять и свою кандидатуру, дабы во всяком случае постановка высшего военного образования и при твоём не утверждении (если бы это случилось) осталась на тех устоях, которые ты так крепко заложил в 1910–1914 г.г. в академии.

Кроме того, я слышал, что ты имеешь большие шансы после демобилизации занять крупный пост вроде командующего войсками³⁴⁷ округа. Это тоже может отвлечь тебя от академии и создать для нее опасность попасть в большую ломку и уклониться от наметившегося при твоём участии желательного пути ее развития и дальнейшего совершенствования.

Я никогда не отрекусь, что в академическом деле я твой ученик и вполне разделяю проводимые нами всеми взгляды на постановку высшего военного образования.

Итак, вот те основания, в силу которых я после тяжелой и долгой борьбы остановился на мысли выставить свою кандидатуру, получив некоторую поддержку среди офицеров Генерального штаба и боясь, что в случае не утверждения тебя академия может попасть в чужие руки, не родственные пройденной нами с тобою системе преподавания в высшей военной школе.

Верь искренности моих слов, равно как и тому, что вопрос об утверждении кого-либо из избранных кандидатов чрезвычайно сложен в современной обстановке. Искренно тебе преданный Алекс[андр] Андогский»³⁴⁸.

Своим письмом Андогский пытался продемонстрировать сопернику дружественные намерения и показать, что он выдвигает свою кандидатуру после долгих сомнений, руководствуясь лучшими побуждениями блага для академии и лишь для подстраховки основного претендента — Головина, последователем которого Андогский старался себя изобразить.

Кандидатура Головина нашла массу сторонников на фронте. Его активно поддержали сослуживцы — работники штаба Румынского фронта голосовали за Головина единогласно. Коллективное письмо в его поддержку составили офицеры Генерального штаба 12-й армии, которые писали: «Считая генерала Головина идейным борцом [в] деле переустройства родной академии, смелым проповедником идей, блестяще подтвержденных³⁴⁹ переживаемой войной, решительным противником схоластического направления профессоров старой школы, выдающимся боевым офицером Генштаба и всесторонне образованным человеком, мы,

³⁴⁶ Подчеркнуто Н.Н. Головиным, на полях, напротив фразы о десяти кандидатах, три восклицательных знака.

³⁴⁷ Подчеркнуто Н.Н. Головиным, на полях вопросительный и восклицательный знаки.

³⁴⁸ НИА. Russia. Posol'stvo U.S. Box 10. Folder 2.

³⁴⁹ В документе ошибочно: *идеи, блестяще подтвержденным*.

29 мая 1917.

Холмогорскому.

Дорогой

Николай Николаевич.

Не сердись за мою слабость. Дело
во всем, что касается о выборах к ка-
зарским казачьим Николаевской Во-
енной Академии чрезвычайно сложное
во многих отношениях. Недостаточ-
но получить много голосов, чтобы
иметь уверенность, что военный ми-
нистерство утвердит в должности ка-
зарьика Академии. Вот поэтому-
!!! то мы настаивали, что ему будут
представлены 10 кандидатов чис-
ленно получивших наибольшее ко-
личество голосов, а мы оставляем
за собой право второй ступени выбо-
ра и утверждения.

При таких условиях может

офицеры Генштаба 12 армии, призываем весь Генштаб голосовать за него, как за достойного кандидата на должность выборного начальника академии»³⁵⁰.

Председатель исполнительного комитета Генштаба 12-й армии генерал-майор П.И. Измесьев вступил в открытую борьбу с оппонентами Головина. В частности, он телеграфировал самому претенденту, что «послал агитационную телеграмму по армии с протестом против возвания старой школы во главе с Колюбакиным, призывая голосовать за Головина, имею уже много голосов, а затем печатаю и разошлю коллективное обращение по всему Северному и Западному фронтам»³⁵¹. Из этого следует, что сам Головин был осведомлен об агитации за свою кандидатуру и, очевидно, не возражал.

Измесьев выпустил отпечатанную типографским способом листовку «Головин — начальник академии», в которой были выдвинуты прямые обвинения в адрес соперников Головина: «Предвыборная агитация по избранию начальника академии привела к выдвигению целого ряда кандидатов, частью совершенно непричастных к тем взглядам, которые проводила наша академия в последние годы перед войной и которые схоластическое направление заоблачных стратегов резко осуждало и даже считает вредным расколом военной мысли, как говорит профессор Колюбакин в своем обращении. Колюбакин считает, что выдвигаемый старой школой кандидат устранил этот раскол и сольет чистую науку с прикладным методом. Как будто бы профессорский состав новой школы отрицал значение чистой науки. Не науку, а искусство все высшие военные школы изучают прикладным методом, и в свое время сторонниками этого были Рюстов, Вернуа и Пузыревский»³⁵². Не отвергая заслуг в военной науке такой крупной величины, как Леер, мы, тем не менее, не можем не констатировать факта, что техническая сторона дела стояла в старой академии не на высоте своего назначения, так как руководили ею оторванные от жизни и доказавшие свою слабую подготовленность Баскаковы, Гейсманы, Орловы³⁵³ и другие, когда очутились лицом к лицу с боевой действительностью.

Старая школа при поддержке высшей власти того времени за смелое и настойчивое проведение новых идей изъехала из академии их сторонников.

Старая школа отвергала колоссальное значение техники и огня, не признавая за ними решающего значения.

Группа молодых сил во главе с Головиным решительно заявила, что огонь дает решение, что сущность управления заключается в правильной постановке задач, что резервы в современном бою служат не для затыкания дырок, а роль их маневренная и как средство — влиять на решение боя в руках начальника, что инициатива в руках того, кто ставит себе определенную цель, чего он хочет достигнуть, а не начинает с решения задачи за противника.

Вот основные взгляды тех, во главе с первым их проповедником Головиным, которых старая школа назвала младотурками и начала изгонять из академии как вредный элемент. Нужна была галицийская неудача, чтобы доказать правильность взглядов на всесокрушаю-

³⁵⁰ Там же.

³⁵¹ Там же.

³⁵² Рюстов Фридрих Вильгельм (25.05.1821–14.08.1878) — германо-швейцарский военный ученый; фон Верди ди Вернуа Юлий (19.07.1832–30.09.1910) — прусский военный ученый, пионер прикладного метода обучения; Пузыревский Александр Казимирович (03.02.1845–10.05.1904) — русский военный историк и теоретик.

³⁵³ Имеются в виду профессора Николаевской военной академии Вениамин Иванович Баскаков (25.03.1861–11.02.1941), Платон Александрович Гейсман (20.02.1853–27.01.1919) и Николай Александрович Орлов (08.04.1855–1917?), которые в период Русско-японской и Первой мировой войн в боевой обстановке показали себя неудачно.

Головинъ—Начальникъ Академіи.

Предвыборная агитация по избранію Начальника Академіи привела къ выдвигенію цѣлаго ряда кандидатовъ, частью совершенно непричастныхъ къ тѣмъ взглядамъ, которые проводила наша академія въ послѣдніе годы перелѣт войны и которые схоластическое направленіе заоблачныхъ стратеговъ рѣзко осуждало и даже считало вреднымъ расколомъ военной мысли, какъ говоритъ профессоръ Колубакинъ въ своемъ обращеніи. Колубакинъ считаетъ, что выдвигаемый старой школой кандидатъ устранить этотъ расколъ и сольетъ чистую науку съ прикладнымъ методомъ. Какъ будто бы профессорскій составъ новой школы отрицалъ значеніе чистой науки. Не науку, а искусство всѣ высшія военныя школы изучаютъ прикладнымъ методомъ—и въ свое время сторонниками этого были Рюстовъ, Вернуа и Пузыревскій. Не отвергая заслугъ въ военной наукѣ такой крупной величины, какъ Лееръ, мы тѣмъ не менѣе не можемъ не констатировать факта, что техническая сторона дѣла стояла въ старой академіи не на высотѣ своего назначенія, такъ какъ руководили ею оторванные отъ жизни и доказавшіе свою слабую подготовленность Баскаковы, Гейсманы, Орловы и другіе, когда очутились лицомъ къ лицу съ боевой дѣйствительностью.

Старая школа при поддержкѣ высшей власти того времени за смѣлое и настойчивое проведеніе новыхъ идей изыкала изъ академіи ихъ сторонниковъ.

Старая школа отвергала колоссальное значеніе техники и огня, не признавая за ними рѣшающаго значенія.

Группа молодыхъ силъ во главѣ съ Головинимъ рѣшительно заявила, что огонь даетъ рѣшеніе, что сущность управленія заключается въ правильной постановкѣ задачъ, что резервы въ современномъ бою служатъ не для затыканія дырокъ, а роль ихъ маневренная и какъ средство—влиять на рѣшеніе боя въ рукахъ начальника, что инициатива въ рукахъ того, кто ставитъ себѣ опредѣленную цѣль, чего онъ хочетъ достигнуть, а не начинается съ рѣшенія задачи за противника.

Вотъ основные взгляды тѣхъ, во главѣ съ первымъ ихъ проповѣдникомъ Головинимъ, которыхъ старая школа назвала младотурками и начала изгонять изъ академіи, какъ вредный элементъ. Нужна была галиційская неудача, чтобы доказать правильность взглядовъ на всеокрушающее значеніе огня, нужны были колоссальные успѣхи союзниковъ, чтобы доказать рѣшающее значеніе огня. И теперь вновь начинается травля старой школой тѣхъ, кто идейной своей работой старается добиться оздоровленія обветшалой военной доктрины.

Мы предлагаемъ исключительно кандидатуру Головина, какъ передового человека, какъ талантливейшаго офицера, какъ дѣятеля въ боевой обстановкѣ въ роли командира полка, Генварма 9, Наштарма 7 и теперь Наштарума. Его широкое образованіе, настойчивость характера, громадный тактъ—даютъ ему тотъ обликъ, который нуженъ выборному начальнику академіи.

П. И. Измествевъ

шее значение огня, нужны были колоссальные успехи союзников, чтобы доказать решающее значение огня. И теперь вновь начинается травля старой школой тех, кто идейной своей работой старается добиться оздоровления обветшалой военной доктрины.

Мы предлагаем исключительно кандидатуру Головина как передового человека, как талантливейшего офицера, как деятеля в боевой обстановке в роли командира полка, генкварма 9, наштарма 7 и теперь наштарума³⁵⁴. Его широкое образование, настойчивость характера, громадный такт дают ему тот облик, который нужен выборному начальнику академии»³⁵⁵.

Штаб Юго-Западного фронта 11 июня также высказался за Головина. Причины выбора были следующими: «Офицеры Генштаба шта[ба] Ю[го-]З[ападного фронта] считают, что начальником академии должно быть избрано лицо высоко (военно) образованное, известное в военной литературе, лицо, применившее свои знания [в] текущую войну [в] роли строевого начальника и начальника штаба, лицо, боровшееся за переход академического преподавания на жизненный путь практического изучения слушателями приемов управления войсками»³⁵⁶. Всеми этими качествами, по мнению офицеров штаба фронта, обладал Головин.

Сторонники Головина присылали ему частные письма со словами поддержки. 17 июня такое письмо написал его старый товарищ, генерал-майор А.А. Балтийский. По словам последнего, некоторые сторонники Головина не знали, в какой степени он сам стремился к руководству академией. Головин, по всей видимости, сообщил о том, что всецело желает этого. Тогда Балтийский, служивший в штабе 12-й армии, обещал взять на себя рассылку телеграмм во все армии фронта и в газеты. По данным Балтийского, 5-я армия высказалась в поддержку М.В. Алексеева, к тому же «Андогский умело настроил “давно бывших людей”, которые в глубочайшем тылу сидя, смело свидетельствуют о великих боевых доблестях Андогского (особенно в армии Самсонова! — мне кажется это иронией). Изумительно странная реклама»³⁵⁷. Балтийский был одним из соратников Головина по академии. Предвкусывая победу Головина, он говорил о своем стремлении вернуться в академию: «Я с удовольствием вновь бы занялся в академии совместно с памятной тактической шайкой... Вновь охотно со всеми вами, как бы сначала — с должности штаб-офицера, но с опытом другим. Как смело будем мы теперь говорить о тех вопросах, которые затрагивали ошупью... Ну вот и замечтался. Живо всколыхнулось в памяти наше академическое содружество, центром которого был ты — со своим жизненным, живым взглядом на искусство войны»³⁵⁸. Мечтам Балтийского, однако, не суждено было сбыться.

23 июня 1917 г. датирована телеграмма о коллективном решении генштабистов 3-й армии: «Прошу не отказать срочно поставить [в] известность всех офицеров Генерального штаба, служащих [в] штабах, управлениях, заведениях, военных училищах и прочих установлениях военного ведомства, что собрание офицеров Генерал[ьного] штаба третьей армии в составе ген[ерал]-майоров Лебедева и Носкова, полковников Баскова, Дьякова и Бурлина, подполковников Замбрицкого (Виктора), Болецкого, Виттекопфа, Коленковского и Гатовского и капитанов Грецова, Яковлева, Лебедева, Новицкого и Корелова, обсудив 17 июня

³⁵⁴ Телеграфные сокращения: генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии, начальника штаба 7-й армии, начальника штаба Румынского фронта соответственно.

³⁵⁵ НИА. Russia. Posol'stvo U.S. Box 10. Folder 2.

³⁵⁶ Ibid.

³⁵⁷ Ibid.

³⁵⁸ Ibid.

вопрос о кандидатах на должность начальника Военной академии, большинством [в] 12 голосов высказались за желательность наметить кандидатом генерала Головина, о чем уведомить всех офицеров Генштаба. К мнению собрания присоединились не бывшие на собрании офицеры Генштаба третьей армии: генералы Квецинский, Одишелидзе, Кадомский, Чусов, Власьев, Богданович, полковники: Волков, и Климович, и Соболевский и капитан Желенский. [№] 13826. И.д. генкварм 3 ген[ерал-]майор Носков»³⁵⁹. Таким образом, из 15 участвовавших в обсуждении Головина поддержали 12. Подобные коллективные телеграммы должны были служить мощным средством убеждения тех штабов, которые не вынесли солидарного решения по кандидатуре начальника академии.

Коллективное постановление выпустили и генштабисты штаба 4-й армии: «Офицеры Генерального штаба штаба 4-й армии, собравшись 8 июня 1917 года для обсуждения вопроса о выборе начальника Николаевской военной академии, постановили: 1) Решение военного министра применить выборное начало приветствовать как акт признания академической зрелости и единства корпуса офицеров Генерального штаба, горячо желающих иметь в лице Военной академии свет широкого военного образования на основе прикладного метода преподавания. Корпус офицеров Генерального штаба настолько многочисленен и служба настолько подвижна, что большинство офицеров знают друг друга, что гарантирует от случайного или недостаточно продуманного результата предстоящих выборов. Тем менее понятным является умаление впервые данных избирательных академических прав офицеров Генерального штаба в виде предположенного назначения начальника академии военным министром из числа получивших наибольшее число голосов десяти кандидатов, избранных всеми офицерами Генерального штаба на началах четырехчленной формулы. Мы считаем, что голос всех офицеров Генерального штаба может быть для военного министра достаточно авторитетным, и доводим по команде до сведения военного министра наше пожелание провести в чистом виде выборное начало и принцип академической свободы, считать и назначить начальником академии лицо, получившее большинство голосов при выборах, а в случае отказа избранного следующее лицо по числу голосов. 2) Начальником академии должно быть авторитетное лицо, известное всей военно-образованной России в области военной мысли отстаиванием и борьбой за начала академической свободы, применением доктрины и теории на практике и в мелкой роли строевого начальника. Таким лицом является всем известный профессор Военной академии генерал Николай Николаевич Головин — первый смелый и стойкий поборник начал академической свободы и академического равноправия, проповедник прикладного метода преподавания, блестяще подтвердивший на войне справедливость своих идей и в скромной роли командира полка, и в ответственной должности начальника штаба армии. 3) Настоящее постановление довести до сведения всех офицеров Генерального штаба, а первую часть постановления представить по команде военному министру»³⁶⁰.

Штаб Особой армии 8 июня продемонстрировал успешное владение избирательными технологиями. Телеграмма от штаба рекламировала Головина как «горячего проповедника единства русской военной доктрины, борца с[о] схоластикой, личным усмотрением и дисциплинарным режимом». Далее авторы документа переходили к лозунгам: «Поручим на-

³⁵⁹ Ibid. И.д. генкварм 3 – исполняющий должность генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии.

³⁶⁰ НИА. Russia. Posol'stvo U.S. Box 10. Folder 2.

чавшему довершить дело оздоровления нашей высшей школы. Имя Николая Головина объединит большинство. Офицеры Генерального штаба — выбирайте Николая Головина»³⁶¹. За Головина высказались и генштабисты Гвардейского кавалерийского корпуса.

Генштабисты 7-й армии, начальником штаба которой ранее был Головин, еще 8 июня высказались за него и просили «солидарной поддержки» его кандидатуры. Более того, в штабе армии образовалась инициативная группа офицеров, агитировавшая за Головина. В частности, от ее имени за подписями генерал-майора Н.В. Запольского и капитана В.С. Махрова по штабам фронтов, армий, корпусов и дивизий рассылалась телеграмма с призывом «голосовать за профессора Николая Николаевича Головина, известного всем офицерам Генштаба своей живой работой в военном деле»³⁶². Штаб 7-й армии проявил в плане агитации недюжинную активность. Известно не менее четырех циркулярных телеграмм из этого штаба в поддержку Головина. Все они датированы 7–8 июня. В одной из телеграмм отмечалось, что «офицеры Генштаба 7 армии голосуют [за] одного ген. Головина как наиболее яркого представителя прикладного метода преподавания [в] академии, метода, показавшего свое преимущество работой молодых офицеров Генштаба на войне. Просим поставить в известность выборщиков и их солидарности, дабы обеспечить действительное большинство Головину, дробление голосов может дать неожиданные результаты»³⁶³. В других обращениях, которые рассылал штаб этой армии, акцентировалось внимание на том, что метод Головина использовался во французской и немецкой армиях, что Головин лично ознакомился с преподаванием во французской военной академии, так как целый год там находился. Отмечалось, что Головин является тем звеном, которое может связать академию с «наиболее яркими выразителями прикладного метода в военной литературе последних лет» генералами В.А. Черемисовым, А.А. Незнамовым, А.К. Келчевским, Б.В. Геруа, военным инженером, полковником В.Н. Полянским, полковником В.Ф. Киреем и др. Причем выдвигалось предположение, что указанные лица с приходом в руководство академией Головина составят новый штат академии. Воззвание было отпечатано типографским способом. Это был резкий вызов профессорско-преподавательскому составу, уже состоявшему в академии, который, видимо, с приходом в академию Головина должен был потерять свои места. Стороны в предстоявшей борьбе выкристаллизовались.

В других армиях и на других фронтах мнения разделились. На общем собрании офицеров Генерального штаба Северного фронта были намечены следующие кандидатуры: А.И. Андогский, А.И. Деникин, А.М. Драгомиров, Л.Г. Корнилов, Н.А. Морозов, А.А. Свечин, Н.Н. Стогов, Я.К. Цихович, В.А. Черемисов, Н.Л. Юнаков³⁶⁴. Непосредственно в штабе Северного фронта большинство было за Головина, один офицер за В.Ф. Новицкого, двое воздержались³⁶⁵. На собрании офицеров-генштабистов 1-й армии семь человек голосовали за Головина и двое за генерала М.В. Алексеева³⁶⁶. Голоса разделились и в 6-й армии, где также прошло общее собрание генштабистов по этому вопросу, по итогам которого было принято решение «дабы не разбивать голосов, наметить несколько кандидатов на указанную

³⁶¹ Ibid.

³⁶² Ibid.

³⁶³ Ibid.

³⁶⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4736. Л. 15.

³⁶⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1385. Л. 82.

³⁶⁶ НИА. Russia. Posol'stvo U.S. Box 10. Folder 2.

должность и предложить их своим коллегам. На собрании намечены: генералы Головин и Василий Новицкий. Генерал Головин — профессор академии, борющийся за введение нового метода преподавания, труды которого дали свои положительные результаты, сказавшиеся в практической работе на войне его слушателей, генерал Василий Новицкий — представитель Генерального штаба из строя, известный своими трудами и в свое время думавший занять профессорскую кафедру в академии, но разошедшийся с бывшими там профессорами старой школы по несходству в[о] мнениях. Назначение генерала Новицкого, совершенно чуждого былым порядкам в академии, дает надежду, что дело подготовки будущих офицеров Генерального штаба будет изменено коренным образом и что в его дело будет внесена, несомненно, новая струя» (телеграммы от 2 и 6 июня)³⁶⁷. В качестве весомого аргумента в поддержку Головина делался акцент на его борьбе со старым режимом в академии. В 9-й армии к 16 июня большинство генштабистов высказались за Головина, но один офицер поддержал кандидатуру А.И. Андогского и двое воздержались.

Офицеры-генштабисты 7-й Туркестанской стрелковой дивизии подготовили собственное воззвание ко всем выборщикам. Воззвание начиналось довольно забористо: «Господа. Нам предлагают выборы начальника академии, того человека, который должен вытащить всех нас из чернилницы, из изучения всяких книг весом каждая [в] пуд, к полевой подготовке, ибо, в числе прочих причин, закрепостивших нас бумаге, была та нелепая подготовка, которую нам давали в академии»³⁶⁸. Измученные бюрократией офицеры ратовали за человека, который выведет их «из бездны рыбьих слов и формул»³⁶⁹. Далее перечислялись кандидаты с указанием их заслуг и личных качеств. Помимо Головина и Андогского (названного последователем Головина, человеком мягким, уживчивым и выдающегося спокойствия) были указаны А.М. Драгомиров (боевой офицер, но без научных трудов), В.Ф. Новицкий, Б.В. Геруа и А.А. Незнамов. Не выступая за какого-то одного кандидата, авторы возвания предлагали обсудить достоинства всех.

Профессор А.Ф. Матковский писал Андогскому: «Читал про твою кандидатуру... Моего кандидата ты знаешь... Несомненно, он является и твоим. Но если состоится твоё назначение, то для меня оно по многим причинам явится тоже желательным и работать под твоим руководством в академии буду с удовольствием»³⁷⁰. По всей видимости, речь шла о кандидатуре Н.Н. Головина.

По воспоминаниям Б.В. Геруа, генерал-майором С.Л. Марковым была выдвинута кандидатура генерала от инфантерии М.В. Алексеева³⁷¹. Однако, скорее всего, кандидатура популярного генерала была одновременно выдвинута в разных штабах, что подтверждается документами³⁷². В качестве возможных кандидатов говорили также о генерал-лейтенантах В.Е. Борисове и В.Г. Болдыреве. Генерал Борисов в связи со своим выдвижением 2 июня

³⁶⁷ Ibid.

³⁶⁸ Ibid.

³⁶⁹ «Рыбьи слова» — на академическом жаргоне наименование определений, точного воспроизведения которых требовал от слушателей профессор Б.М. Колобакин (*Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. С. 135–136*). Использовались они и другими преподавателями (ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843 (2) (4). Носович А.Л. Тени (пережитое). С. 178).

³⁷⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1559. Л. 355.

³⁷¹ *Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. С. 274.*

³⁷² К выборам начальника Николаевской военной академии // *Русский инвалид* (Петроград). 1917. 18 июня. № 141. С. 3.

1917 г. отмечал: «Вполне согласен с осмотрительным решением моих товарищей и очень благодарю, что они, введя мою фамилию, поверили, что я не откажусь. Признаюсь, я не вижу никакой связи между условием “непременно получивших боевой опыт в текущую войну в строю по командованию или полком, или дивизией” и между качествами для начальника академии. Но это уже наша всегдашняя ошибка: выбирать механически, а не по существу дела. Как будто текущая война что-то особое, что-то искусное. Еще Фукидид сказал, что “люди пока воюют, считают каждую современную войну важнейшею, а по окончании ее снова больше восхищаются стариною”. Создастся внутри Европы сильная духом военная держава Германо-Австрия, и мы увидим, насколько наше искусство было близко в период 1792–1795 г. Я, посвященный в тайны высшего водительства за эти три года, говорю, что изучать в нынешней войне нечего, кроме того, как не надо делать. Будущая война, веденная полководцем с подготовленной армиею, не даст развиваться позиционной войне и будет войною громовою, как наполеоновские. А теперь — у нас есть солдаты, но нет артиллерии; у французов есть артиллерия, нет солдат; англичане — новобранцы; германцы действительно ослабли, взяв на себя войну со всей Европой и в состоянии окружения.

Я верю в будущие войны и опасуюсь, что выбранный не по существу дела, а по мастьм начальник академии заложит ложный фундамент под наш многострадальный от экспериментов неотвественных людей Генеральный штаб»³⁷³.

Фаворитами избирательной гонки считались А.И. Андогский, Б.В. Геруа, Н.Н. Головин, А.М. Драгомиров, М.А. Иностранцев, В.А. Черемисов и Н.Л. Юнаков. Интересно, что все они, кроме Андогского, были генералами³⁷⁴. Порядок голосования был следующим. Выборщики подавали голос с указанием чина и фамилии одного кандидата в запечатанном конверте с надписью «Секретно. В конференцию Николаевской военной академии от... Вскрыть в конференции в заседании выбора начальника академии». Пакеты от офицеров с фронтов должны были доставляться через полевые штабы генерал-квартирмейстерам фронтов к 10 июля, чтобы с нарочным они поступили правителю дел академии к 15 июля. К этому же числу требовалось прислать пакеты от офицеров Ставки и центральных учреждений. При этом правителем дел академии был человек, предельно заинтересованный в результатах, — сам А.И. Андогский. После 15 июля голоса не принимались. 18 июля конференция академии избрала счетную комиссию из трех старейших профессоров для вскрытия конвертов совместно с тремя представителями от Военного министерства, Ставки и Главного управления Генерального штаба. Необходимо было определить четырех лидеров голосования.

По армиям голосование прошло не совсем так, как следовало из предвыборных резолюций. Так, в Особой армии, высказавшейся до выборов в поддержку Головина, голоса разделились, причем победил М.В. Алексеев, набравший 21 голос (35%), на втором месте был Головин — 13 голосов (23%) и на третьем — Андогский — 9 голосов (15%)³⁷⁵.

Общие итоги выборов оказались следующими: Н.Н. Головин получил 410 голосов, А.И. Андогский — 373, М.В. Алексеев — 76, А.М. Драгомиров — 36, В.А. Черемисов — 20, Н.Л. Юнаков — 17, В.Ф. Новицкий — 16, А.А. Незнамов — 5, А.К. Келчевский — 3³⁷⁶. Всего, таким образом, проголосовали 956 генштабистов. Большинство лидеров голосования

³⁷³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1385. Л. 13об.–14.

³⁷⁴ Там же. Л. 12.

³⁷⁵ Там же. Л. 141.

³⁷⁶ Там же. Л. 128–129, 135.

были выходцами из кружка «младотурок». Солидный отрыв Головина и Андогского от всех остальных свидетельствует о значительном влиянии предвыборной агитации на офицеров. Фигура Головина как реформатора и новатора была популярной. Менее популярный Андогский получил голоса курсовиков и преподавателей академии, равно как и протестный электорат оппонентов Головина. Фактически военному министру по итогам голосования был представлен рейтинг популярности представителей Генерального штаба, ознакомившись с которым он принял свое решение.

В результате голосования победил Н.Н. Головин, однако начальником академии по личному решению военного министра А.Ф. Керенского стал не он, а его соперник Андогский. По свидетельству генерал-майора М.А. Иностранцева, Андогский сумел втереться в доверие к Керенскому, что, возможно, стало одной из причин его успеха³⁷⁷. Решение о назначении Андогского было принято тогда же, но по окончании войны было обещано провести перевыборы³⁷⁸.

22 июля бывший начальник академии генерал В.Г. Глазов записал в дневнике: «В 10 ч[асов] звонил Б.М. Колюбакин... Выбор нач[альника] акад[емии] состоялся, хотя большинство 30–40 голосов было за Голубева³⁷⁹, но Керенский избрал все-таки Андогского. Колюбакин, конечно, очень доволен»³⁸⁰. 3 сентября визит вежливости Глазову нанес сам Андогский. В дневнике Глазова в этой связи было записано: «В 3-м часу приехал с визитом Ал[ександр] Ив[анович] Андогский — новый начальник академии. Я его сердечно приветствовал; произвел на меня оч[ень] хорошее впечатление. Отдал ему альбом художника Baghe[t]ti, сопровод[авшего] Наполеона, подаренный академии герцогом Лейхтенбергским. Просидел у меня с 1/2 часа»³⁸¹.

Сторонники Андогского ликовали. 23 июля его поздравил старый товарищ, полковник И.И. Зашук:

«Многоуважаемый Александр Иванович.

Сердечно поздравляю с назначением и радуюсь, что академия приобрела сведущего и талантливого начальника.

Пробывши около 6-ти лет начальником юнкерского училища, я признаю, что главная задача начальника учебного заведения заключается в подборе хороших преподавателей и в надлежащем надзоре за добросовестным исполнением ими своих обязанностей.

Надзор этот щекотливый и требует большого такта, но он необходим.

С величайшим интересом читаю Ваш военный обзор и волнуюсь до последней крайности. Право, сожалею, что дожил до таких позорных дней нашей армии. Ведь мне пришлось когда-то перед отставкою командовать 48-ю дивизию.

Теперь наша армия стала хуже китайских войск времен боксерского восстания.

Желаю от души всего наилучшего.

Старец

Иосиф Зашук»³⁸².

³⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 3. Л. 165, 175.

³⁷⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1385. Л. 136.

³⁷⁹ Так в документе, правильно: *Головина*.

³⁸⁰ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 22. Л. 204–204об.

³⁸¹ Там же. Л. 247.

³⁸² РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 63. Л. 1.

Другие сторонники Андогского писали: «Вы на трудном, но очень интересном пути созидания новой, живой, свободной от рутины школы»³⁸³. Некоторые предлагали себя в качестве преподавателей.

26 июля Андогский получил телеграмму от выпуска ускоренных курсов 1-й очереди: «Выпуск академии 1916 года шлет тебе, глубокоуважаемый Александр Иванович, искреннее выражение чувств общей сердечной радости по поводу избрания начальником академии и просит засвидетельствовать перед тобой неизменное глубочайшее уважение всех нас. *Vivat Academia*³⁸⁴. Председатель исполнительного комитета офицеров выпуска 1916 года капитан Песоцкий, товарищ председателя и секретарь капитан Колегов»³⁸⁵.

На следующий день Андогского поздравляли слушатели подготовительных курсов 1-й и 2-й очередей из штаба XXXVII армейского корпуса: «Мы, нижеподписавшиеся, бывшие слушатели подготовительных академических курсов 2-й и 1-й очереди, горячо приветствуем Вас как выборного начальника Военной академии. Не имея права непосредственно участвовать в выборах, мы всеми чувствами и мыслями были с теми, кто писал на записке Ваше имя.

Счастливы, что новая эра в истории высшей Русской военной школы открывается с Вашим именем. С чувством искреннего удовлетворения и восторга приняли мы известие о выборе и утверждении Вас начальником академии и, зная Вас, вспоминая Ваши лекции, Ваши указания, верим, что академия под Вашим руководством широко раздвинет рамки русской военной науки на благо нашей многострадальной армии.

Да здравствуют военная *Alma Mater* и ее первый выборный глава на многие лета, на славу и процветание Русской армии»³⁸⁶.

Курсовик В.И. Бибиков писал 27 июля из действующей армии: «Искренне радуюсь этому важному событию в столь критический момент, переживаемый Родиной, ибо уверен, что Вы найдете пути объединить всех нас, дадите подготовку, достойную высокому назначению академии, привлечете из армии лиц, желающих работать и умеющих работать»³⁸⁷.

29 июля поздравительную телеграмму отправили выпускники ускоренных курсов, ставшие преподавателями Александровского военного училища: «С чувством глубокого удовлетворения узнали [о] назначении Вас начальником родной академии. Искренно приветствуем и шлем наилучшие пожелания. Первого ускоренного выпуска преподаватели Александровского военного училища Соколовский, Дубенский, Бламаренко, Староскольский»³⁸⁸.

Полковник В.К. Шевченко писал летом 1917 г.:

«Дорогой Александр Иванович!

От души поздравляю тебя с новым высоким назначением.

Пусть не покидает тебя бодрое настроение и твердая вера в лучшее будущее нашей дорогой армии.

Нам, офицерам Генерального штаба, уставать нельзя. Ближайшее будущее потребует от нас еще больших усилий. Незрима, невидима наша работа, но думается мне, что офицеры Генерального штаба честно исполняли и исполняют свой долг в нынешнюю войну.

³⁸³ Там же. Л. 2.

³⁸⁴ В документе слово академия по-латыни было написано с ошибкой: *Akademia*.

³⁸⁵ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 63. Л. 9.

³⁸⁶ Там же. Л. 11–11об.

³⁸⁷ Там же. Л. 15.

³⁸⁸ Там же. Л. 18.

Уходя из этой титанической эпохи, мы вправе будем обратиться к молодому поколению офицеров Генерального штаба со словами: “Вы, молодые, ну-тка!”

Как бы я хотел почитать твои лекции по службе Генерального штаба!

Так ли регламентируешь ты эту службу, как немец Бронсар фон Шелендорф?

В мое время пребывания в академии³⁸⁹ эта кафедра только-только зарождалась. Статьи Скугаревского, Калнина читались как какое-то откровение. “Генеральный штаб должен быть полевой, строевой и практически ученый”, — писал кто-то, не помню.

Легко сказать! Попробуй быть хотя бы строевым после четырех лет военно-агентурной службы и четырех лет военно-преподавательской деятельности. Не правильнее ли поступают немцы, делея Генеральный штаб по специальностям?

Этим они избегают вредного в нашем деле дилетантизма, ибо... нельзя объять необъятного.

Растолкуй, что следует понимать под “Службой Генерального штаба”?

Участие в подготовительных к войне работах, военно-учебная и военно-ученая деятельность, участие в строевой и тактической подготовке войск, агентура, полевая служба в штабах разных наименований — все ведь это служба Генерального штаба.

Интересно будет при разработке опыта текущей кампании собрать мнения строевых начальников (командиров корпусов и выше) о службе офицеров Генштаба в эту войну, предложить кому-нибудь разработать тему “О службе Генер[ального] штаба по опыту 1914–19... гг.”.

Будь здоров, дорогой.

Если найдешь время, то пришли пару своих “круглячков”³⁹⁰ наштадиву 130, преданному тебе В. Шевченко»³⁹¹.

Пришли поздравления и от штаба II гвардейского корпуса, а начальник штаба 10-й кавалерийской дивизии генерал-майор К.И. Сычев прямо заявил 11 августа, что «совершенно сознательно подавал свое мнение за Вас, так как был уверен, что если дело просвещения наших офицеров попадет в Ваши руки, то оно пойдет успешно»³⁹².

Некоторые курсовики считали, что Андогский им многим обязан за свое избрание начальником академии³⁹³.

7 августа был издан приказ армии и флоту о назначении исполняющим должность начальника академии Андогского и об отчислении от должности начальника академии Камнева за болезнью³⁹⁴.

Расставаясь с академией, Камнев писал в прощальном приказе:

«Я пробыв в должности начальника академии ровно год.

При моем назначении на меня была возложена нелегкая задача — организовать и открыть в академии ускоренные курсы военного времени для спешного пополнения офицерами Генерального штаба действующей армии.

1-го ноября такие курсы были мною открыты.

³⁸⁹ Шевченко окончил академию в 1909 г.

³⁹⁰ Речь идет о необычном почерке Андогского.

³⁹¹ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 63. Л. 27–28об.

³⁹² Там же. Л. 25.

³⁹³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2057. Л. 27.

³⁹⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 73.

С 1-го ноября и по сегодняшний день через ускоренные курсы прошло следующее число офицеров:

успешно окончили курсы 1-й очереди 237 офицеров
2-й [очереди] 233 офицера
старший класс 84 [офицера]

Всего успешно прошли через курсы 554 офицера.

По отзывам старших начальствующих лиц, подготовка всех офицеров, прошедших через курсы, должна быть признана вполне хорошей и отвечающей требованиям военного времени.

Таким образом, со спокойной совестью можно удостоверить, что академия с трудной задачей своей справилась блестяще и за короткий сравнительно срок дала армии полтысячи подготовленных офицеров на пополнение сильно поредевших в боях рядов офицеров Генерального штаба.

Такой успех был достигнут, главным образом, благодаря дружной, энергичной работе всего персонала академии.

Больше всех потрудился бывший правитель дел, ныне назначенный моим заместителем, полковник **Андогский**.

Много труда, знаний и энергии вложил он в свою нелегкую работу. Считаю своим нравственным долгом принести многоуважаемому Александру Ивановичу глубокую благодарность и пожелать ему от души с таким же успехом продолжать работу и на ответственном посту начальника академии.

Благодарю весь состав г.г. профессоров и преподавателей за крайне плодотворную и интенсивную работу по чтению лекций и ведению практических занятий с офицерами-слушателями.

Благодарю всех г.г. офицеров и чиновников учебно-строевого состава, а также хозяйственного управления. Всем пришлось очень много поработать и немало пережить за истекший год.

Спасибо за работу писарям и всем солдатам академии.

Спасибо всем вольнонаемным служащим, особенно старикам, давно сроднившимся с нашей академией.

Желаю всем доброго здоровья и полного успеха в дальнейшей службе.

Да процветет и расширится наша родная академия! Да будет она действительно светочем военной мысли и сокровищницей знаний на пользу нашей родной армии»³⁹⁵.

С переходом Андогского на пост начальника академии временно исполняющим должность правителя дел стал статский советник Ф.А. Мартынов (с 8 августа)³⁹⁶, а с 16 августа вакантное место занял А.П. Слижиков (с 16 августа)³⁹⁷. Однако Андогский до 16 сентября сохранял за собой обязанности ктитора Суворовской церкви³⁹⁸, позднее его сменил ротмистр Солдатов.

16 августа Головин был произведен в генерал-лейтенанты. Производство, видимо, должно было компенсировать ту обиду, которую ему нанес своим единоличным решением Керенский, утвердивший на пост начальника академии менее достойного претендента.

³⁹⁵ Там же. Л. 73–73об.

³⁹⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1575. Л. 117.

³⁹⁷ В период болезни Слижикова осенью 1917 г. его заменял И.И. Смелов (Там же. Л. 103).

³⁹⁸ Там же. Л. 92.

Головин не смирился с принятым решением и попытался его оспорить. 20 августа он писал исполняющему должность 2-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем полковнику Ю.Н. Плющевскому-Плющики, что «все это вынуждает меня обратиться к Вам с просьбою не отказать сообщить мне, а также всем избирателям причины не утверждения кандидата, получившего наибольшее количество голосов.

Выяснение этих причин и широкое, официальное оглашение их имеет для меня существенное значение.

Дело в том, что ко мне поступают со стороны избирателей запросы, почему я не утверждён, и претензии, почему я, согласившись выставить свою кандидатуру, будто бы сам отказался от должности начальника академии»³⁹⁹.

31 августа 1917 г. Николай Николаевич получил ответное письмо от Плющевского-Плющики, который сообщал: «Из личного разговора с начальником Генерального штаба генерал-майором Романовским по поводу Вашего письма о причине не утверждения Вас начальником академии, как кандидата, получившего наибольшее количество голосов, выяснилось, что желание офицеров Генерального штаба о проведении выборного начала в чистом виде, т.е. назначение начальником академии кандидата, получившего абсолютное большинство голосов, не было удовлетворено.

Военным министром был избран полковник Андогский начальником академии на время войны из четырех кандидатов, согласно телеграммы начальника Генерального штаба от 12 июля за № 8900, при этом число голосов, поданное за каждого из четырех кандидатов, не имело значения.

Начальник Генерального штаба полагает, что занимаемое Вами высокое ответственное место на фронте и необходимость сохранить Вас для армии были причиною, почему военный министр не остановил выбора на Вас»⁴⁰⁰.

13 сентября новый военный министр генерал-майор А.И. Верховский пытался успокоить возмущенного Головина телеграммой с объяснением причин иного выбора: «Временное правительство считает Вас одним из немногих настоящих генералов фронта. Академию можно будет восстановить Вам после. Шлю сердечный привет»⁴⁰¹.

* * *

Выборы начальника Военной академии оказались интересным экспериментом. Они проходили на фоне постепенной политизации корпуса офицеров Генерального штаба, наиболее ярко проявившейся в предстоявшей его национализации и в расколе между красными и белыми. Подобные акции существенно расширяли границы допустимого поведения генштабистов в революционный период. На выборах в качестве реальной силы себя показали две мощные группировки офицеров-генштабистов. Одна из них представляла сторонников перемен в подготовке кадров Генштаба и в качестве своего лидера видела крупного военного ученого генерала Н.Н. Головина, прославившегося стремлением к новаторству и реформам еще накануне мировой войны. Вторая группировка была связана непосредственно с академией в том виде, в каком та существовала к 1917 г. Выдвиженцем от профессорско-преподавательского состава был полковник А.И. Андогский, куда менее

³⁹⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1385. Л. 137об.

⁴⁰⁰ НИА. Russia. Posol'stvo U.S. Box 10. Folder 2.

⁴⁰¹ Там же.

известный, чем Головин. Однако Андогский заручился поддержкой многочисленных выпускников ускоренных курсов академии, что сразу обеспечило ему большое количество голосов (к примеру, бывшие курсовики дали Андогскому больше голосов, чем всего смог набрать третий претендент, генерал М.В. Алексеев — один из самых известных военачальников русской армии той эпохи). К тому же Андогский находился в Петрограде и имел больше возможностей для интриг в Военном министерстве в сравнении со своими соперниками. Каждая из сторон задействовала административный ресурс. Для Андогского таким ресурсом было воздействие на курсовиков, а также полиграфические возможности академии, типография которой, по всей видимости, печатала листовки в его поддержку. Кроме того, именно заинтересованному в исходе голосования Андогскому генштабисты со всей русской армии должны были направлять письма с голосами. О том, не было ли злоупотреблений при регистрации этих писем и подсчете голосов, мы вряд ли узнаем.

Выбор, перед которым оказался Керенский, был непростым. Подлинными лидерами голосования были два кандидата — Головин и Андогский, разрыв между которыми был не столь существенным, как их отрыв от остальных. Соответственно, Керенскому, не вызывая в канун Корниловского выступления бури негодования генштабистов, приходилось выбирать лишь из двух кандидатов. Назначать Головина он, видимо, не хотел, причем едва ли по тем причинам, о которых впоследствии сообщили Головину Плющевский-Плющик и Верховский. По всей видимости, в текущей политической ситуации, когда в столице было неспокойно и существовала угроза правого военного переворота, вылившаяся вскоре в движение генерала Л.Г. Корнилова, Военная академия и ее слушатели тоже могли сыграть свою роль. С этой точки зрения более лояльным Керенскому казался Андогский, чем кандидат с далекого Румынского фронта Головин. Определенные опасения могла вызывать и популярность Головина.

Интересно, что впоследствии, уже в белой Сибири, Андогский, пытаясь откреститься от обвинений в дружбе с Керенским, заявлял, что тот лишь утвердил решение начальника Генерального штаба генерала Ю.Д. Романовского⁴⁰². На самом деле, как мы знаем, все было иначе.

Академию возглавил не генерал и даже не профессор, что вызывало еще большее недоумение. Как ни парадоксально, но несправедливое назначение Андогского начальником академии оказалось благотворным для академии. Профессор академии генерал-майор М.А. Иностранцев прямо писал об этом: «Справедливость требует признать, что назначение на эту должность именно Андогского было спасительным для академии в бурное революционное и в наступившее после него еще более обильное подводными камнями — большевицкое время.

Благодаря исключительной ловкости и гибкости этого человека, неподражаемого в умении влезать в душу, не стеснявшегося в приемах и не брезговавшего в своих целях дружбою не только с Керенским, но даже далее и с Троцким-Бронштейном, академия не была разгромлена и уцелела, хотя и навлекши на себя в крайних правых кругах обвинение в “большевизации”, потворстве коммунизму и т.д.

⁴⁰² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

Несомненно, что своей ловкостью и принаравливанием Андогский, прежде всего, спасал самого себя, но нельзя не признать, что, спасая себя, он спас и академию, и спас так, как едва ли бы удалось это сделать кому-либо другому»⁴⁰³.

Андогский был достаточно умен, хитер и изворотлив, чтобы в интересах академии находить общий язык и с большевиками, и с властителями белой Сибири. Под его руководством академия сравнительно благополучно пережила лихолетье Гражданской войны, несмотря на то, что проделала в самых чудовищных условиях невероятный путь от Петрограда до Русского острова на восточной окраине России, побывала и у красных, и у белых. Тем не менее Андогский и его сотрудники сумели сохранить, сберечь для будущих поколений бесценный архив, библиотеку и несколько музеев академии, являющихся достоянием русской истории и культуры⁴⁰⁴. В том числе благодаря этому в наши дни увидели свет бесценные воспоминания военного министра Д.А. Милютина, а исследователи имеют возможность прикоснуться к богатейшему документальному наследию старой академии. Кто знает, что стало бы с академией, окажись тогда во главе нее генерал Н.Н. Головин.

⁴⁰³ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 165.

⁴⁰⁴ Ганин А.В. Сохранение реликвий русской военной истории в академии Генерального штаба в годы революции и Гражданской войны // Суворов в Измаиле: 220 лет: материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2011. С. 166–184; *он же*. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 260–272.

ГЛАВА 4.

ПОД БОЛЬШЕВИКАМИ (ПЕТРОГРАД — ЕКАТЕРИНБУРГ)

Выборы начальника академии всколыхнули тихую жизнь академии. Тем более что с 13 июня по 15 октября 1917 г. учебный процесс в ней не осуществлялся. Однако вопрос о возобновлении занятий поднимался с завидной регулярностью. Правитель дел академии А.И. Андогский еще 29 марта отмечал, что нового приема в академию не планируется вплоть до 1 сентября 1917 г.⁴⁰⁵ Между тем многие офицеры с фронтов активно интересовались возможностью повысить свой образовательный уровень⁴⁰⁶. Вопрос относительно нового приема на курсы 3-й очереди зависел от решения Ставки⁴⁰⁷.

13 июня 1917 г. Андогский писал делопроизводителю ГУГШ по службе Генерального штаба полковнику А.С. Белому: «Прием офицеров на подготовительные курсы 3-й очереди, мне кажется, не следует делать, так как будет много слишком молодых и малоопытных офицеров и, вероятно, без законченного среднего образования в мирное время. Лучше повременить с их допуском в академию и если выяснятся перспективы на окончание войны, то подвергнуть их общему предварительному экзамену на младший класс академии.

Это — мое личное мнение»⁴⁰⁸.

По мнению генерал-лейтенанта С.Л. Маркова, высказанному 20 августа 1917 г., «открытие курсов младшего класса, хотя бы [в] увеличенном составе, желательно. Офицерам, попавшим на этот курс, полезно в течение зимних месяцев разобраться в полученном им[и] боевом опыте и систематизировать свои знания. Окончившие младший сокращенный курс за время своей работы [в] штабах армий приобретают навык, и в случае недостатка офицеров Генштаба могут занять штаб-офицерские должности и получить право по окончании войны попасть без экзамена на старший курс академии»⁴⁰⁹.

На подготовительные курсы 3-й очереди командировались по 2 кандидата от каждого армейского, гвардейского и конного корпуса и 10 — от Польского корпуса, по 20 — от фронтовых штабов (по 4 от фронта из частей, не входящих в состав корпусов), 20 от авиационных частей по выбору начальника Полевого управления авиации и воздухоплавания и 6 от Ставки. Первоначально собирались зачислить 210 офицеров. Начальник академии имел право принимать соответствовавших требованиям офицеров из внутренних округов, а также из Петроградского военного округа сверх 210 человек. Допускался прием вольнослушателей⁴¹⁰. Набирались кадровые офицеры (окончившие военные училища не позднее 12 июля или 1 октября 1914 г.), выдержавшие предварительные или конкурсные экзамены в

⁴⁰⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1582. Л. 7.

⁴⁰⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1363. Л. 21.

⁴⁰⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1582. Л. 55.

⁴⁰⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1587. Л. 3об.

⁴⁰⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1363. Л. 166–167.

⁴¹⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1365. Л. 83.

академию в 1910–1914 гг., но почему-либо не прошедшие подготовительные курсы 1-й и 2-й очереди, обладавшие боевым опытом Первой мировой продолжительностью не менее полу-года (а для ускоренных выпусков 1914 г. из училищ — не менее двух лет)⁴¹¹. При наличии в корпусе более двух кандидатов предпочтение отдавалось в следующем порядке: кавалерам ордена Св. Георгия 4-й степени, Георгиевского оружия, Георгиевского креста, раненым, контуженным, отравленным газами, обладавшим высшим общим образованием.

Квоты периодически менялись. Более приближенным к фактическому набору было распределение, согласно которому на курсы намеревались поступить 37 кандидатов от Северного фронта, 38 кандидатов от Западного фронта, 58 кандидатов от Юго-Западного фронта, 52 кандидата от Румынского фронта, 22 кандидата от Кавказского фронта, 21 кандидат от авиационных частей и по одному кандидату от штаба Верховного главнокомандующего, по распоряжению Верховного главнокомандующего и от Петроградского военного округа на вакансию начальника академии⁴¹² (всего 231 офицер). Слушатели должны были явиться в академию к 10 октября. Можно было взять с собой пеших вестовых, однако их размещение и питание было делом самих офицеров.

Намечалось открытие и старшего класса 2-й очереди, в который начальник Генерального штаба, по данным на 1 сентября 1917 г., считал необходимым направить 80 выпускников подготовительных курсов 1-й и 2-й очереди, выдержавших в мирное время предварительные или конкурсные экзамены в академию. Набор должен был осуществляться по старшинству средних баллов на репетициях подготовительных курсов⁴¹³. Открытие старшего класса первоначально намечалось на 1 сентября 1917 г.⁴¹⁴, возможным вариантом было 15 сентября, однако затем открытие было перенесено на 1-е и 15 октября (также существовал вариант 12 октября), то же касалось и подготовительных курсов. Офицеры Генерального штаба к необходимости открытия старшего класса отнеслись по-разному: звучали голоса за и против. Противники считали старший класс избыточным. Сторонники выступали за его открытие при условии исключения из программы всего ненужного на войне. Слушателей предупреждали, что по окончании курсов не для всех могут найтись штатные должности. В геодезическое отделение принимали окончивших подготовительные курсы 1-й и 2-й очереди⁴¹⁵.

Генерал Н.Н. Головин, уязвленный неудачей в борьбе за пост начальника академии, 16 августа 1917 г. критически высказался об ускоренных курсах, которые якобы отрывали обучение от живого дела. Он телеграфировал в Ставку, ГУГШ и генерал-квартирмейстерам фронтов: «Открытие академических курсов старшего класса в предположенном виде и в Петрограде считаю для дела службы Генерального штаба не полезным в силу оснований, изложенных в письме генерала Щербачева генералу Алексееву от 26 августа 1916 года № 16922. Год опыта подтвердил изложенные в этом письме соображения. Именно курсы в Петрограде создают оторванность обучения от живого дела на войне, как пример могу указать, что на последних экзаменах старшего класса этого года офицеры отвечали по статистике и внешней торговле Австро-Венгрии. Полевая работа в штабах требует, чтобы вся программа была построена по строго прикладному методу. Условия Петрограда никогда не

⁴¹¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2057. Л. 115, 116.

⁴¹² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1587. Л. 26–31.

⁴¹³ Там же. Л. 10; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1364. Л. 40.

⁴¹⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 15. Л. 6об.

⁴¹⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1588. Л. 8.

дадут возможности сколько-нибудь удовлетворительно поставить практические полевые занятия, и дух схоластики невольно будет царить в стенах академии. Для боевых нужд армии нет необходимости пытаться во время войны создать подобие полной научной академии, что все равно недостижимо, нет надобности в укороченном старшем классе академии для лиц, которые вместо младшего класса прошли всего трех-четырёхмесячные курсы. Для дела службы Генерального штаба необходимо подготовить новую серию младших работников из строевых офицеров для создания резерва младших офицеров Генерального штаба. Для этой цели должны быть созданы курсы чисто прикладного характера при каждом из фронтов или при одном из них. Не подлежит сомнению, что все наиболее отличившиеся офицеры строевые, Генерального штаба, артиллеристы, инженеры, наиболее желательные как практики руководители для этих курсов Генерального штаба, находятся сейчас на фронте, а не в Петрограде. К участию в руководстве могут быть без ущерба для дела в период зимней стоянки привлечены командиры корпусов и высшие штабы. На фронте возможна широкая система практических полевых занятий с поездками в различные штабы на действительные позиции и работы. Курсы эти могут быть от трех до шести месяцев продолжительностью. 16 августа. № 12348/Щ. Головин»⁴¹⁶.

Начальник Генштаба генерал-майор Ю.Д. Романовский наложил на телеграмму Головина следующую ехидную резолюцию: «Нач[альни]ку академии. Г[енера]л Щербачев ни с какой стороны авторитетом не является и как боевой нач[альни]к оказался полным убожеством. Что касается г[енера]ла Головина, то как практическ[ий] деятель он также провалился, а его ближайший сотрудник — Незнамов отстранен от должности — вручать им обучение офицеров [вряд]⁴¹⁷ ли целесообразно! Если бы у нас было установлено единообразие боевых принципов на всем фронте, то мысль эта имела бы основание, а так как этого нет, то лучше курсы иметь в Петрограде»⁴¹⁸. 29 августа Андогский, вероятно, испытывавший моральное удовлетворение от резкой резолюции в отношении Головина, распорядился подшить эти документы к делу об открытии старшего класса осенью 1917 г. Впрочем, едва ли все приведенные выше оценки Романовского можно считать справедливыми.

Еще 5 августа 1917 г. Андогский писал начальнику Генерального штаба, что «установленные “Положением” правила комплектования курсов 1-й и 2-й очереди не были соблюдены. С одной стороны, на курсы 1-й очереди попало много офицеров, выдержавших в мирное время предварительные или конкурсные экзамены в академию, а с другой, на курсы 2-й очереди были командированы офицеры, не имевшие ранее никакого отношения к академии»⁴¹⁹. По предложению Андогского, офицеров, окончивших младший класс 1-й и 2-й очереди, которые в мирное время выдержали экзамены в академию (предварительные или конкурсные), следовало допустить в старший класс 2-й очереди по старшинству баллов, а остальных — в старший класс 3-й очереди весной 1918 г.⁴²⁰ В принципе, эта позиция была изложена еще в постановлении конференции от 24 апреля 1917 г. Предложения Андогского были в тот же день одобрены начальником Генерального штаба⁴²¹.

⁴¹⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1555. Л. 107–107об.

⁴¹⁷ Слово неразборчиво.

⁴¹⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1555. Л. 110.

⁴¹⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2057. Л. 39–39об.

⁴²⁰ Там же. Л. 39об.

⁴²¹ Там же. Л. 221об.

Многие выпускники подготовительных курсов опасались негативного влияния баллов на возможность поступить в старший класс (предлагалось принимать со средним баллом не ниже 10). Некоторая неразбериха с постоянно менявшимися правилами зачисления усугубляла беспокойство⁴²².

Некоторые слушатели, перешедшие в старший класс, с нетерпением ждали начала занятий. В.М. Цейтлин писал в дневнике 7 августа 1917 г.: «1-го сентября открывается академия, так что, в сущности говоря, немного осталось»⁴²³. Однако неудачи на фронте вселяли тревогу. 20 августа Цейтлин записал: «Насчет академии теперь, значит, все лопнуло, т.к. немцы не ограничатся Ригой, а, конечно, попрут дальше и, может быть, на Петроград»⁴²⁴.

Ходили слухи, что старший класс вообще не откроется⁴²⁵. Особенно остро стал вопрос, когда было объявлено, что вместо 200 человек намечено зачислить лишь 80. Квота была сокращена Ставкой. Все прежние расчеты поступающих рушились. Примерно в середине августа Андогский собирался ехать в Ставку и добиваться открытия старшего класса на 200–250 слушателей (по некоторым данным⁴²⁶, количество желающих поступить на курсы доходило до 700 человек)⁴²⁷. И действительно, в Ставке Андогский был 21 августа и сделал доклад начальнику штаба Верховного главнокомандующего. Последний санкционировал открытие старшего класса 2-й очереди курсов с 1 октября 1917 г. по 1 мая 1918 г. на 80 слушателей из числа окончивших подготовительные курсы 1-й и 2-й очереди и выдержавших в мирное время предварительный или конкурсный экзамен в академию⁴²⁸. Таким образом, поставленной цели значительного расширения набора Андогский не добился.

Капитан А.Д. Лютов писал старосте курса штабс-капитану А.Л. Симонову 4 сентября 1917 г.: «Я не войду в число счастливых 80 и потому хлопочу лишь о “твердом” списке, чтобы в 1918 году не быть “осчастливленным” еще какой-нибудь новостью»⁴²⁹. Капитан И.Д. Чинтулов 6 сентября писал Симонову о своем возмущении тем, что Ставка «игнорирует во имя никому не известных соображений интересы значительного числа офицеров, посвятивших себя службе Генерального штаба»⁴³⁰. Чинтулов требовал от комитета слушателей академии защиты прав слушателей, поскольку сокращение курса не отвечало, по его мнению, потребностям армии. Переписка Симонова была поистине огромной. Слушатель Кривченко писал ему 22 сентября: «Кажется, с нами выкинули снова какую-то штуку»⁴³¹. Высказывались подозрения в адрес начальства в возможных подтасовках при наборе на курсы, в вероятности направления 80 слушателей по протекции⁴³². Исполняющий должность старшего адъютанта штаба XVIII армейского корпуса штабс-капитан Н.Н. Розанов писал Симонову 22 сентября: «Когда все кричат и защищают свои права, мы, представители военной мысли, ждем, как подаяния, крох, падающих с Генштаба. Дайте же нам право решать

⁴²² Там же. Л. 58, 70.

⁴²³ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 211.

⁴²⁴ Там же. Л. 217.

⁴²⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2057. Л. 138.

⁴²⁶ Там же.

⁴²⁷ Там же. Л. 41об.

⁴²⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1555. Л. 102.

⁴²⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2057. Л. 90.

⁴³⁰ Там же. Л. 95.

⁴³¹ Там же. Л. 111.

⁴³² Там же. Л. 111об.

свою судьбу. Ведь такое отношение не заинтересовывает к исполняемой службе, особенно если знаешь, что тебя выкинут после войны вон»⁴³³.

Ему вторил исполняющий должность штаб-офицера для поручений при штабе XVIII армейского корпуса штабс-капитан Рева: «Отступление от утвержденного положения об ускоренных курсах (пр[иказ] по в[оенному] в[едомству] 1916 г. № 627) дает основание предполагать, что курсовиков 1-й и 2-й очередей самым настоящим образом обманули, что их вовсе не предполагают собирать на повторение во время войны, а в мирное время с правом поступления на младший курс окажется больше 700 офицеров и в результате никто не поступит. Согласитесь с тем, что мы тоже люди, что есть предел эксплуатации нас как работников по службе Генерального штаба. Получается впечатление, что из нас хотят выжать все соки, а затем выбросить как ненужную вещь. Остается одно — если мои предположения верны, т.е. нам не на что надеяться, то лучше теперь же уйти в строй, пока мы еще не слишком отстали от наших строевых товарищей.

В перспективе я вижу следующую картину: кончилась война, нас откомандировывают в свои части, и мы становимся под начальство тех из сослуживцев, которые были при выступлении на войну вольноопределяющимися или просто выступили во время войны солдатами. В такое положение ставит нас Генеральный штаб за нашу работу ему же в помощь. Разве мало офицеров из курсовиков исполняло должности начальников штабов, разве временами на нас не взваливали подчас тяжелую и ответственную работу, разве обошлись бы штабы без нашей помощи? Так издеваться нельзя, надо учитывать и то обстоятельство, что мы выросли и научились любить службу Генерального штаба, мы хотим и требуем иного отношения к нам! Мы имеем, наконец, право на военное образование, и мы добьемся этого!

Я, курсовик первого курса, обращаюсь к Вам с просьбой выйти на защиту офицеров-курсников вообще и добиться выяснения от того, кому сие ведать надлежит, нашего положения. Само собой понятно, что в нас нуждаются, так пускай же и ценят по заслугам»⁴³⁴.

25 сентября было датировано коллективное письмо курсовиков 1-й и 2-й очереди из 6-й армии, адресованное военному министру, штабам фронтов, корпусов и дивизий, начальнику академии и А.Л. Симонову. В письме отмечалось, что с 1915 г. строевые офицеры, выдержавшие предварительные и вступительные экзамены в академию в мирное время, замещали штабные должности. Эти офицеры лишились преимуществ строевой службы, Ставкой им были обещаны особые льготы, но ничего не дано. Карьерные перспективы представлялись туманными, поскольку офицеры прикреплялись к младшим должностям, хотя до штабной службы занимали должности командиров батальонов и батарей (капитанские и подполковничьи соответственно). При этом почти на всех штаб-офицерских должностях Генштаба находились офицеры-генштабисты, не имевшие строевого ценза ни военного, ни мирного времени. Подписанты требовали перевода курсовиков в Генеральный штаб по всем правилам⁴³⁵ и не понимали, почему открывались подготовительные курсы 3-й очереди, а старший класс 3-й очереди откладывался. Исполняющий должность начальника штаба 23-й пехотной дивизии подполковник А.Я. Крузе по этому поводу писал 2 октября 1917 г.: «Хочется верить, что это просто недосмотр, случайная ошибка, но не глумление»⁴³⁶. Составителям правил выражалось явное

⁴³³ Там же. Л. 225.

⁴³⁴ Там же. Л. 226.

⁴³⁵ Там же. Л. 143–144об.

⁴³⁶ Там же. Л. 230.

недоверие. Курсовики 2-й очереди в непростой борьбе за свои права сумели сплотиться, став выпуском курсов с наиболее развитым в сравнении с прочими корпоративным духом.

Видимо, под напором негодующих курсовиков начальник академии в сентябре 1917 г. допустил мысль о создании двух параллельных старших классов⁴³⁷. Слушателям рассылались опросные листы, по итогам поверки которых составлялись списки на зачисление⁴³⁸. Впрочем, параллельные классы открыты не были.

24 сентября начальник штаба Верховного главнокомандующего приказал командировать в старший класс 2-й очереди всех, окончивших подготовительные курсы 2-й очереди со свидетельствами 1-й категории⁴³⁹. Это лишало возможности продолжить обучение порядка сотни офицеров — ведь, чтобы не попасть на курсы, достаточно было не занимать до обучения в академии штатную должность Генштаба. Разумеется, такое требование не являлось справедливым. Некоторые офицеры требовали направления на курсы офицеров со свидетельствами как 1-й, так и 2-й категорий⁴⁴⁰. Тем более что дивизионные штабы остро нуждались в работниках. Однако Ставка прием офицеров 2-й категории отклоняла⁴⁴¹.

Кроме того, осенью Ставка запретила принимать в старший класс 2-й очереди окончивших подготовительные курсы 1-й очереди⁴⁴². Возмущение отдельных офицеров вызывал и приоритетный набор на курсы тех, кто выдержал предварительные испытания при округах в 1914 г. Например, возмущен этим был неудачно поступавший в академию в 1913 г. и окончивший подготовительные курсы 1-й очереди штабс-капитан Михайлов⁴⁴³, в итоге поступивший лишь в старший класс 3-й очереди в 1918 г. Недовольны были и выпускники подготовительных курсов 2-й очереди, поскольку для поступления в старший класс предлагалось отбирать лишь тех, кто занимал должности Генерального штаба⁴⁴⁴.

Поток обращений в академию офицеров, не имевших возможности поступить в старший класс из-за категории свидетельства, не прекратился и в октябре 1917 г., когда курсы уже начинали свою работу. Так, старший адъютант штаба 13-й кавалерийской дивизии штабс-капитан Г.И. Арванити 14 октября жаловался, что при окончании подготовительных курсов 2-й очереди получил свидетельство 2-й категории, что приравнивало его к не служившим на должностях Генштаба, тогда как он имел такой стаж и даже был ранен на рекогносцировке местности⁴⁴⁵.

Окончивших подготовительные курсы 2-й очереди по 2-й категории было 34 человека, половина из них работали при штабах и несли службу Генштаба, но оказались не допущены в старший класс. Арванити писал в рапорте начальнику академии: «Ныне, в связи с принятием на старший класс только одной 1[-й] категории, мы, имеющие за собою как моральное, так [и] документальное права, оказались в самом печальном положении: с одной стороны, нас уже в 1916 г., в феврале месяце, вызвали из строя, официально в штабы, с другой — по окончании академических курсов мы получили право на поступление в старший класс, а

⁴³⁷ Там же. Л. 228.

⁴³⁸ Там же. Л. 259об.

⁴³⁹ Там же. Л. 148.

⁴⁴⁰ Там же. Л. 223об.

⁴⁴¹ Там же. Л. 229.

⁴⁴² Там же. Л. 201.

⁴⁴³ Там же. Л. 76.

⁴⁴⁴ Там же. Л. 84об.

⁴⁴⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1555. Л. 392.

в окончательном результате нас не принимают»⁴⁴⁶. Офицер взывал к справедливости, но в академию так и не попал.

Обсуждались и рассматривались различные варианты обучения. В июне 1917 г. возник вопрос о возможности посещения курсов 3-й очереди вольнослушателями. Тогда, насколько можно судить из сохранившихся документов, такая возможность академическим начальством была отклонена⁴⁴⁷. Комиссар Временного правительства В.Б. Станкевич по запросу комитета 7-й армии запрашивал в июне 1917 г., нельзя ли организовать специальный прием в академию по рекомендациям комитетов⁴⁴⁸.

В XXXVII армейском корпусе в июле кандидатов для поступления в академию отбирали следующим образом. От каждой части из числа желающих офицеров отбирали одного наиболее достойного. Приоритет отдавался кадровым офицерам, пробывшим два года в офицерских чинах, окончившим полный курс среднего учебного заведения, имеющим георгиевские награды, раненым либо, при отсутствии вышеперечисленного, имеющим боевой опыт и хорошую аттестацию. В штабах дивизий проводились испытания на отвлеченно-военную тему. За три часа требовалось написать сочинение на две большеформатные страницы. В штабе корпуса также проводилась проверка, по итогам которой отбирали 7 человек по качеству работ, офицеры затем прикомандировывались к штабам (4 к штабу корпуса и 3 к штабам дивизий)⁴⁴⁹.

Официальные требования для кандидатов на подготовительные курсы 3-й очереди были следующими: удостоверение прямого начальства до командира корпуса включительно, окончание полного курса военного училища мирного времени (т.е. не позднее выпуска 12 июля 1914 г.), а из окончивших ускоренные курсы училищ — не позднее выпуска 1 октября 1914 г., участие в боевых действиях под огнем противника и в составе строевой части (для офицеров выпуска не позднее 12 июля 1914 г. — не менее полугода, для офицеров 1-го ускоренного выпуска из военных училищ не позднее 1 октября 1914 г. — не менее двух лет), причем участие должно было быть засвидетельствовано командирами частей с приложением боевых аттестаций, полное физическое здоровье. Рекомендовались к зачислению выдержавшие предварительные или конкурсные экзамены в академию в 1910–1914 гг., но не прошедшие подготовительных курсов 1-й и 2-й очередей. Всего принимали 210 человек: по 2 офицера от каждого армейского, гвардейского и конного корпуса и по 4 офицера от каждого фронта (из частей, не входящих в состав корпусов)⁴⁵⁰. В начале октября Ставка запретила принимать на подготовительные курсы штаб-офицеров⁴⁵¹.

В сентябре 1917 г. открытие подготовительных курсов 3-й очереди перенесли на 1 октября, а затем на 15 октября⁴⁵². Согласно телеграмме Ставки, офицеры должны были вернуться в войска не позднее 1 апреля 1918 г.

Революционное время диктовало и некоторые новые требования. В сентябре 1917 г. появились новые правила приема. Начальник Генерального штаба генерал-майор Ю.Д. Романовский сообщал новому начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу от

⁴⁴⁶ Там же. Л. 393.

⁴⁴⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1582. Л. 28.

⁴⁴⁸ Там же. Л. 31.

⁴⁴⁹ Там же. Л. 86–86об.

⁴⁵⁰ Там же. Л. 162.

⁴⁵¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2057. Л. 187.

⁴⁵² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1582. Л. 161–162.

инфантерии М.В. Алексееву 1 сентября 1917 г.: «Независимо от указанных требований, на подготовительные курсы 3[-й] очереди надлежит командировать 10 офицеров-поляков для подготовки офицеров для штабов польских войск, из них 5 по выбору генерала Довбор-Мусницкого⁴⁵³ и 5 по выбору генерала Осинского⁴⁵⁴, среди последних желательно назначить полковника Ясенского, ныне состоящего при Ставке...»⁴⁵⁵ К 25 сентября кандидаты должны были прибыть в академию.

По всей видимости, аналогичные квоты выделялись осенью 1917 г. и для старшего класса 2-й очереди. Некоторых польских офицеров по ходатайствам командования польских войск в России могли зачислять на так называемую «польскую вакансию» сверх штата. Это позволяло попасть в академию даже тем, кто при общем конкурсном отборе не имел шансов быть зачисленным⁴⁵⁶. Командировавшиеся на подготовительные курсы согласно приказу по военному ведомству № 482 от 31 июля 1917 г. могли представляться к старшинству в чине по удостоению начальства⁴⁵⁷. Вопрос о возможности командировать польских офицеров был поднят генерал-майором А.К. Келчевским еще в октябре 1916 г., когда шел набор на подготовительные курсы 1-й очереди⁴⁵⁸. Тогда некоторые офицеры польского происхождения действительно попали в академию (В.А.Ф. Андерс, Р.И. Воликовский).

Помимо поляков требовалось зачислить 20 офицеров от авиационных частей по выбору начальника Полевого управления авиации и воздухоплавания при Ставке. Кроме того, 6 вакансий имел сам штаб Верховного главнокомандующего. Наконец, начальник Военной академии мог принимать офицеров в допустимом помещением количестве сверх 210 из числа находящихся во внутренних округах, Петрограде и его округе, но при условии выдержания ими предварительных или конкурсных экзаменов мирного времени 1910–1914 гг. и наличия боевого опыта Первой мировой войны⁴⁵⁹.

Если претендентов оказывалось больше, чем запланировано, приоритет отдавался кавалерам ордена Св. Георгия 4-й степени, кавалерам Георгиевского оружия, раненым, контуженным, отравленным газами (при условии восстановившегося здоровья), имеющим высшее образование.

Попытались воспользоваться открытием в Петрограде ускоренных курсов академии и вытребовать отдельные квоты на обучение своих офицеров и украинские представители. Предполагалось, что после курсов офицеры-украинцы будут служить в национальных формированиях. 5 октября 1917 г. в Ставку была направлена следующая телеграфная переписка из академии: «По ходатайству представителя Цент[ральной] рады при ГУГШ⁴⁶⁰, прошу уведомить, не встречается ли препятствий к командированию на подготовительные курсы

⁴⁵³ Довбор-Мусницкий Иосиф Романович (25.10.1867–26.10.1937) — генерал-лейтенант (с 05.05.1917). Один из руководителей организации польских войск в России. Командир I Польского стрелкового корпуса (23.08.1917–22.05.1918).

⁴⁵⁴ Осинский Александр Антонович (14.02.1870–10.02.1956) — генерал-майор, один из руководителей организации польских войск в России, член военной комиссии Верховного польского военного комитета, глава организационной комиссии по делам польских военных формирований при российском Генеральном штабе (с июля 1917 г.).

⁴⁵⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1364. Л. 41.

⁴⁵⁶ Ганин А.В. Последний генштабист. К 90-летию советско-польской войны // Родина. 2010. № 8. С. 84.

⁴⁵⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 1. Л. 120.

⁴⁵⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1360. Л. 131.

⁴⁵⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1582. Л. 163.

⁴⁶⁰ Зачеркнуто: *начальник Генштаба просит.*

третьей очереди пятнадцати офицеров-украинцев, предназначенных для штабов украинизируемых дивизий и корпусов. Офицеры должны удовлетворять общим условиям, установленным для командиремых на третий курс»⁴⁶¹. Полковник Андогский. С[о] своей стороны полагаю, что создание офицеров Генерального штаба специально для украинских дивизий внесет путаницу в прохождение службы Генерального штаба. Генеральный штаб должен быть единый. Г[енерал-]м[айор] Марушевский»⁴⁶². В.В. Марушевский тогда исполнял должность начальника Генерального штаба. Того же мнения придерживались начальник штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Духонин и генерал-квартирмейстер М.К. Дитерихс⁴⁶³. Последний наложил на телеграмму резолюцию: «Наштаверх и я совершенно согласны с Вашим мнением, а потому командирования не будет»⁴⁶⁴. 7 октября окончательно решено было не выделять специальных квот для украинских офицеров⁴⁶⁵.

Просьбы украинских и польских представителей касались и набора в старший класс. Командир XXXIV армейского корпуса генерал-лейтенант П.П. Скоропадский 1 октября ходатайствовал о командировании на курсы штабс-ротмистра Кочубея: «Ввиду украинизации вверенного мне корпуса усиленно ходатайствую о командировании на названные курсы штабс-ротмистра В.В. Кочубея, окончившего одним из лучших подготовительные академические курсы первой очереди, как украинца, предназначенного для дальнейшей службы [в] корпусе»⁴⁶⁶. Впрочем, данных о зачислении Кочубея нет. Командир Польского стрелкового корпуса генерал-лейтенант И.Р. Довбор-Мусницкий 3 октября 1917 г. распорядился о командировании в академию шести польских офицеров⁴⁶⁷, причем некоторые из них (например, штабс-ротмистр граф А. Старженский, окончивший подготовительные курсы 2-й очереди со свидетельством 3-й категории) не имели права на приоритетное зачисление, если бы не было особой польской вакансии⁴⁶⁸. По ходатайству Довбор-Мусницкого попал на курсы и штабс-капитан Р.И. Воликовский — будущий польский генерал. 4 октября Довбор-Мусницкий телеграфировал в Ставку: «Ходатайствую о командировании на старший класс академии сверх указанных выше офицеров Польс[кого] корпуса обер-офицера для поручений штаб-кор Польского ш[табс-]капитана Воликовского, георгиевского кавалера, удовлетворяющего всем условиям, окончившего вместе с[о] ш[табс-]капитаном Вецким подготовительные курсы первой очереди и даже старше его по баллам... Комкор Польского ген[ерал-]лейт[енант] Довбор-Мусницкий»⁴⁶⁹. Ходатайство было поддержано генерал-квартирмейстером Ставки генералом М.К. Дитерихсом⁴⁷⁰. Вообще вмешательство различных организаций и обособление всего, что могло обособиться, разваливали и раскалывали Генеральный штаб. Еще одним шагом на этом пути стало постановление Совета Союза казачьих войск о том, что должности Генштаба в казачьих частях должны занимать исключительно природные казаки⁴⁷¹.

⁴⁶¹ Зачеркнуто: 4 октября.

⁴⁶² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1582. Л. 431.

⁴⁶³ Там же. Л. 432.

⁴⁶⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1364. Л. 312.

⁴⁶⁵ Там же. Л. 313.

⁴⁶⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1555. Л. 225.

⁴⁶⁷ Там же. Л. 254–255.

⁴⁶⁸ Там же. Л. 256, 257; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1364. Л. 129. Старженский в итоге на курсы так и не попал.

⁴⁶⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1364. Л. 131.

⁴⁷⁰ Там же. Л. 134.

⁴⁷¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4764. Л. 97.

Некоторую дезорганизацию в набор внес Верховный главнокомандующий А.Ф. Керенский, который, в частности, осенью 1917 г. на рапорте не подходившего по правилам капитана лейб-гвардии Волынского полка Н.А. Мягкова о зачислении в академию наложил резолюцию «удовлетворить»⁴⁷². В революционное время за помощью на самый верх обращались и другие потенциальные слушатели. Когда подполковник Клявин не был допущен в старший класс из-за свидетельства 2-й категории, он обратился прямо к Керенскому, который на его рапорт наложил резолюцию: «Ввиду боевых заслуг подп[олковника] Клявина командировать без замедления на старший класс»⁴⁷³. Офицеры старшего класса этот поступок товарища осудили, а конференция академии высказалась против изменения порядка зачисления, определенного начальником штаба Верховного главнокомандующего. Среди других высокопоставленных ходатаев за офицеров был оренбургский атаман и председатель Совета Союза казачьих войск А.И. Дутов, игравший осенью 1917 г. видную роль в военно-политических кругах Петрограда⁴⁷⁴.

По справке генерал-квартирмейстера Ставки от 5 октября 1917 г. вопрос с набором на курсы находился в следующем состоянии: «И.д. начальника Николаевской военной академии полковник Андогский возбуждает вопрос об увеличении числа командиремых офицеров на старший класс академии (телеграмма № 10113)»⁴⁷⁵.

Согласно резолюции наштаверха на докладе № 5217, открытие старшего класса было отвергнуто и было разрешено открыть подготовительные курсы 3-й очереди.

Но после личного разговора наштаверха и полковника Андогского было разрешено открыть и старший класс для 151 офицера известной категории (“первой”) на условиях, изложенных в циркулярной телеграмме наштаверха № 12864 (текст этой телеграммы составлен самим полковником Андогским).

При удовлетворении ходатайства, изложенного в телеграмме полковника Андогского за № 10113, число командиремых будет:

Уже командиремых (по № 12864)...	154 чел.
Еще просят командировать (по № 10113)	34
	50 чел.
Итого...	238 чел.

Как видно из доклада № 5217, д[ействующая] армия в отношении комплектования полевых штабов офицерами Генштаба не заинтересована в открытии старшего класса академии. Наоборот, такой большой отлив офицеров из полевых штабов в академию создаст затруднение в штабной службе в отношении обер-офицерской службы Генерального штаба, т.к. командирование на старший класс всех офицеров, имеющих свидетельства 1-й и 2-й категорий, превысит имеющийся запас кандидатов на обер-офицерские должности Генерального штаба.

Если же командировать на старший класс всех 238 офицеров, а на подготовительные курсы уже командировано около 250 человек, то к весне 1918 года выпуск из академии выльется

⁴⁷² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1582. Л. 486.

⁴⁷³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1555. Л. 447.

⁴⁷⁴ Там же. Л. 475.

⁴⁷⁵ Резолюция генерал-квартирмейстера генерала М.К. Дитерихса карандашом: «Наштаверх не считает возможным изменить свое первоначальное решение, основанное на личных переговорах с п[олковником] Андогским. 5/Х. Г[енерал] Д[итерихс]».

в громадную цифру до 500 человек, что уже даст не недостаток, а большой запас (за неимением вакантных обер-офицерских должностей), и этот запас придется возвратить в строй, в том числе и часть окончивших старший класс.

Испрашивается: Указание»⁴⁷⁶.

В октябре 1917 г. академия все еще сохраняла прежнее наименование Николаевской. Начальник академии еженедельно должен был появляться на приеме у начальника Генерального штаба⁴⁷⁷. Казалось бы, ничто не нарушало привычный ритм работы, однако радикальные общественно-политические перемены в стране были уже близки, отразились они и на академии.

* * *

К 15 октября в академию прибыли 407 офицеров (всего ожидалось 415 офицеров⁴⁷⁸). Среди прибывших были 160 офицеров, поступавших на старший класс 2-й очереди из числа окончивших подготовительные курсы 2-й очереди и получивших свидетельства 1-й категории, а затем служивших на штатных должностях Генштаба. Очевидно, для их обслуживания прибыли 160 солдат⁴⁷⁹. Даже на ноябрь 1917 г., уже после большевистского переворота, многие слушатели имели при себе вестовых и денщиков⁴⁸⁰. 8 офицеров, выдержавших экзамены в мирное время, окончивших подготовительные курсы 1-й или 2-й очередей и занимавших штатные должности Генштаба, прибыли на геодезическое отделение академии.

На подготовительный курс 3-й очереди прибыли 238 офицеров (по 2 от корпуса), из числа строевых офицеров, окончивших военные училища по программе мирного времени и избранных командирами корпусов. Офицеры пробыли в действующей армии не менее шести месяцев для кадровых и не менее 24 месяцев для ускоренных выпусков военных училищ (принимались лишь те, кто окончил училище не позже 1 октября 1914 г.). Наконец, один офицер прибыл на младший класс геодезического отделения (выдержал в мирное время предварительный экзамен в академию, в войну попал в плен и бежал оттуда).

9 октября прибывший в Петроград курсовик В.М. Цейтлин записал в дневнике: «Академия понемногу укладывается и собирается эвакуироваться, на нас это, кажется, не отразится еще с месяц-два. Города предполагаются Новочеркасск и Москва. Оба пункта во всех отношениях лучше Петрограда, но лучше бы уж сразу на юг.

Наш исполнительный комитет сыграл в общем большую роль, и хорошо, что мы успели сорганизоваться. Среди нынешних порядков без марки исполнительного комитета не проживешь.

В смысле дороговизны сплошной ужас, при нашем содержании жить невозможно, обед стоит 6–8 рублей, вчера переночевал в гостинице, и пожалуйста 10 рублей.

Бутылка сельтерской — 60 коп. Хлеба нет совсем, доставать трудно, даже по карточкам. Паек уменьшен с 3/4 до 1/2 фунта. Извозчик с вокзала — 11 рублей. Фунт колбасы 6 рублей, сыру 6 рублей, халва 6 рублей, шоколад 14 рублей и т.д.

⁴⁷⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1364. Л. 270–270об.

⁴⁷⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 1. Л. 119.

⁴⁷⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

⁴⁷⁹ Там же.

⁴⁸⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 120, 125.

Живи, как хочешь, сейчас каждый дворник получает гораздо больше меня, а жить ему легче и живет он, конечно, проще. Придется голодать...»⁴⁸¹

Такие, как Цейтлин, слушатели искали возможности для экономии при петроградской дороговизне. 12 октября в дневнике записано: «Был в академии, целой компанией обедали в собрании армии и флота, очень дешево, но скверно»⁴⁸². 13 октября Цейтлин записал: «Кажется, нам прибавили жалования, да иначе и нельзя было бы существовать, т.к. мы стали получать меньше, чем в начале войны (отняли фуражные), а жизнь стала дороже раз в десять»⁴⁸³.

О возможной эвакуации академии Цейтлин писал 10 октября: «Жаль, что академия не эвакуируется в Москву или Новочеркасск, пожалуй, в Новочеркасск было бы даже лучше, т.к. спокойно можно было бы заниматься и отдохнуть»⁴⁸⁴.

Реалии мировосприятия слушателей приоткрывает другая запись от того же числа в связи с ожидавшимся выступлением большевиков: «В сущности, если вдуматься сейчас в положение России... то оно безнадежно, и нет никаких оснований на что-либо надеяться»⁴⁸⁵.

По мере приближения открытия курсов жизнь академии становилась более насыщенной. 14 октября Цейтлин записал: «Был сегодня в академии, видел много народу. Кажется, будет у нас довольно интересно, новые профессора, новые кафедры, вот лишь бы заниматься дали спокойно»⁴⁸⁶.

Открытие курсов проходило в торжественной обстановке. В академию специально приехал военный министр Временного правительства генерал А.И. Верховский, обратившийся к слушателям с речью. Это событие попало на страницы газет. В одной из заметок сообщалось: «Вчера состоялось открытие приостановленных на время занятий Николаевской военной академии. На открытие собралось до 300 офицеров, которых начальство просило выслушать речь военного министра без всяких проявлений одобрения или неодобрения. Министр говорил, что будет сообразовываться с голосом академии, что главное его затруднение состоит в том, что он завален советами и проектами о демократизации армии, но, в чем именно должна состояться эта демократизация, никто сказать не может. Выходило так, будто ждут на это ответа от военного министра, а сам министр ждет его от кого-то другого. [Верховский] коснулся единения между солдатами и офицерами, [заявил], что по этому вопросу он разрабатывает программу. Относительно комитетов министр заявил, что они будут преобразованы, [то,] что было намечено Савинковым, не будет проведено в жизнь, то есть комитеты не будут выбирать и аттестовывать начальствующих лиц. Было также некоторое указание на какое-то давление на академию со стороны старого режима. О государственных вопросах: правительство является сторонником неделимости и целостности государства Российского. Много было слов о тяжелом финансовом положении и анархии.

Уехал министр, как и приехал, при гробовом молчании слушателей»⁴⁸⁷.

⁴⁸¹ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 248.

⁴⁸² Там же. Л. 249.

⁴⁸³ Там же.

⁴⁸⁴ Там же.

⁴⁸⁵ Там же. Л. 248.

⁴⁸⁶ Там же. Л. 250.

⁴⁸⁷ Открытие Николаевской военной академии // Вечернее время (Петроград). 1917. 16 окт. № 1951 (цит. по: *Полтораки С.Н.* Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского. СПб., 2014. С. 121).

Курсовик В.М. Цейтлин подробно описал речь Верховского и реакцию на нее слушателей в своем дневнике 15 октября 1917 г.: «Был молебен, и открылась академия. Произнесли речь Верховский и Андогский.

Верховский давно мне не нравился, насколько я мог знать по его деятельности в должности командующего войсками Московского военного округа и военного министра.

Особенно некрасива его роль в деле Корнилова, где вообще оказалось много предателей.

Молодой, очень энергичный, видимо, авантюрист чистой пробы, производит впечатление, что сам не верит тому, что говорит, но говорит, черт бы его взял, хорошо. А в наше время это главное.

В своей речи он прямо сказал, что отлично понимает необходимость поставить корпус офицеров в такое положение, чтобы на него можно было опереться. И только опора на корпус офицеров поднимет боеспособность армий, а не какие-либо организации или комиссары. Пока, по его словам, надо еще делать уступки, чтобы занять исходное положение. Хорошо поет ласточка, да где сядет.

На аттестование комитетами офицеров он не соглашается ни в коем случае.

Далее он жаловался на тяжелое финансовое положение, на разруху в тылу.

Самое неприятное впечатление произвело — это все еще какое-то желание демократизировать армию, причем, видимо, сам Верховский не отдает себе отчета, в чем эта демократизация должна состоять. Как будто бы армия ждет ответа от Верховского, а он от кого-либо.

К весне министр рассчитывает иметь обновленную армию, если офицеры покажут пример, как сражаться и как умирать.

Ну, об этом уж ему лучше было не говорить.

В обрисовке положения Центральных держав для военного министра было сказано слишком по-детски. Судя по его словам, можно подумать, что действительно Германия, Австрия и Болгария на краю форменного голода, но об этом нам поют с 1914 года, и все же, наверно, цены дешевле, чем у нас.

Речь Верховского произвела тяжелое впечатление какой-то растерянности и неуверенности. Окончилась как-то бесцветно, даже не было попытки аплодировать, к чему теперь так привыкли, словом, встретили и проводили крайне сухо»⁴⁸⁸.

Подобная реакция вызывала последствия. 18 октября слушатель Цейтлин записал: «Как я предполагал, так и оказалось, заметка об открытии Военной академии наделала много шума, и сегодня Андогский послал опровержение во все газеты, в котором объясняется, что гробовое молчание, с которым встретили и проводили военного министра, было не демонстрацией, а просто офицеры находились в строю, в котором не допускаются выражения своего одобрения. Тут, конечно, натяжка... Против аплодисментов, я думаю, военный министр ничего не имел»⁴⁸⁹.

При зачислении в академию происходили накладки, порой неприятные для офицеров. Так, не был принят на курсы считавшийся выдающимся офицер поручик Плотников, о зачислении которого ходатайствовали уже после открытия курсов⁴⁹⁰. На подготовительных курсах ощущалась нехватка учебников. Слушатели делили один учебник на двоих. В частности, речь шла о первом томе «Стратегии» Г.А. Леера и атласе к нему, а также об «Истории

⁴⁸⁸ АВИМАИВНС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 250–251.

⁴⁸⁹ Там же. Л. 253.

⁴⁹⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2057. Л. 234.

военного искусства» Н.Н. Сухотина⁴⁹¹. В ходе учебы по 1 января 1918 г. с подготовительных курсов 3-й очереди были отчислены 12 офицеров. Как отмечал профессор Б.В. Геруа, «чтение курсов и ведение практических занятий шли через пень в колоду⁴⁹². Стоявшая у дверей и заглядывавшая в окна революция мешала сосредоточиться и спокойно отдаться науке. Как профессора, так и слушатели чувствовали себя точно на куске, оторвавшемся от Земли и блуждающем в пространстве вне связи с остальным миром. Знали, что этот метеор рано или поздно шлепнется о твердую поверхность и расплывется в порошок»⁴⁹³. Нечто похожее ощущал курсовик В.М. Цейтлин, записавший в своем дневнике незадолго до большевистского переворота: «Апатия положительно ко всему, ничего не хочется делать, ни во что не веришь...»⁴⁹⁴

О событиях осени 1917 г. профессор М.А. Иностранцев вспоминал: «Работалось легко и с интересом. Вечером я готовил дальнейший курс, составлял конспекты для слушателей, а днем ездил в академию для чтения лекций и ведения практических занятий. Однако обстановка для работы значительно ухудшилась. Стали исчезать предметы первой необходимости, и сильно чувствовался недостаток топлива, так что последнее приходилось сильно экономить, и хорошо топить мою, довольно большую, квартиру было невозможно. Приходилось зябнуть.

Такие предметы первой необходимости, как сахар, соль, мука, приходилось доставать или в академическом кооперативе, или же по протекции приказчиков в магазинах, бывших нашими поставщиками. Мясо стало предметом роскоши. Пришлось познакомиться с такими блюдами, как котлеты из сушеных овощей, и с такими лакомствами, как лепешки из кофейной гуши»⁴⁹⁵.

Повседневную жизнь слушателей отразил дневник В.М. Цейтлина. 16 октября в дневнике записано: «Начались лекции. Страшная дороговизна, а у нас в академии до сих пор не наладились обеды, приходится ездить в собрание армии и флота, причем устаешь от этого мотания дьявольски»⁴⁹⁶. Впрочем, вскоре и в академии слушателей стали обеспечивать питанием. 18 октября Цейтлин записал: «В академии наладилось продовольствие, и теперь стало легче жить, во всяком случае, обед обеспечен. Прислуга женская, и как это хорошо. До чего обнаглели в прошлом году “товарищи”, подававшие в столовой, просто трудно себе вообразить. Каждый из них думал, что, подавая обед, делает какое-то невероятное одолжение, несмотря на то, что все получали большое вознаграждение и освобождались от фронта.

Сейчас гораздо скорее и симпатичнее»⁴⁹⁷.

В воздухе ощущалось приближение грозы. Выступления большевиков ждали 20 октября, но оно произошло на несколько дней позже. 20 октября Цейтлин записал: «Никакого выступления большевиков пока не было... Несмотря на тревожное политическое положение

⁴⁹¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1605. Л. 36.

⁴⁹² Так в документе.

⁴⁹³ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни: в 2 т. Париж, 1969. Т. 1. С. 275.

⁴⁹⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 252.

⁴⁹⁵ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 236.

⁴⁹⁶ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 252. Здание Офицерского собрания армии и флота находится на углу Кирочной улицы и Литейного проспекта.

⁴⁹⁷ Там же. Л. 253.

ние, занятия идут полным ходом, работы масса, приходится тратить все вечера и засиживаться ночью»⁴⁹⁸.

Скандалное предложение военного министра А.И. Верховского заключить сепаратный мир с Германией вызвало оживление среди курсовиков. Цейтлин 21 октября записал в дневнике: «Конечно, Верховский во многом предал русскую армию из-за карьеры, и тайно заключать мир подло и глупо, но я держусь того мнения, что сепаратный мир надо заключить возможно скорее и объявив об этом заранее союзникам. Если же союзники не пожелают заключить мир, то плевать на них... Немедленно сепаратный мир с немцами и борьба с большевиками. А достаточно заключить мир, и главный козырь большевиков выбивается у них из-под ног.

Массы идут за ними из-за “мира”»⁴⁹⁹.

22 октября Цейтлин отметил: «Мои взгляды о необходимости заключения сепаратного мира, но открыто и заранее заявив об этом союзникам, разделяются в академии лишь небольшой группой. Большинство за “союзников” до конца. И я был таким, но теперь либо прозрел, либо поглупел»⁵⁰⁰.

В тот же день Цейтлин зафиксировал и другое наблюдение: «Момент для восстания большевиков на редкость удачный. Попытка Корнилова и агитация на этой почве Керенского напугала вдребезги солдат контрреволюцией и окончательно подорвала остатки авторитета командного состава, где он еще остался.

Керенский потерял в армии все свое обаяние, большинство войсковых частей колеблется. Если решительно действовать, тем более с большевистскими лозунгами о мире и земле, то захватить власть в развращенном Петрограде нетрудно, что же касается дальнейшего, то, конечно, Москва и остальная Россия большевиков не признают, в общем, будет, по-моему, какой-то компромисс»⁵⁰¹.

Офицер активно интересовался политической жизнью Петрограда, пытаясь разобраться в происходящем. 23 октября он «прослушал лекции в академии и, позавтракав, отправился с [Б.И.] Кузнецовым во “Временный совет Российской Республики”, шутивно названный “предбанник” вместо Предпарламент. Пробыли в этом предбаннике до 6 часов вечера.

Произвел на меня этот совет самое отрицательное впечатление. Грязь, шелуха подсолнухов, всюду наплевано, никакого уважения к этому месту...»⁵⁰²

Между тем неумолимо приближался исторический день 25 октября 1917 г. Уже накануне в городе были разведены мосты, не ходили трамваи, в полках шли митинги и производилась выдача боеприпасов. Было понятно, что силовой захват власти начнется в ближайшие часы. 24 октября Цейтлин записал: «Разбирая вопрос со шкурной точки зрения, страшен не захват власти Лениным, Троцким и др. идейными культурными большевиками, а страшны произвол, грабежи и убийства разнузданной, пьяной солдатской массы, которые, очевидно, сегодня начнутся, а может быть, и уже начались. Особенное озлобление, конечно, будет, как всегда, против нас»⁵⁰³.

⁴⁹⁸ Там же. Л. 254.

⁴⁹⁹ Там же. Л. 255.

⁵⁰⁰ Там же.

⁵⁰¹ Там же. Л. 256.

⁵⁰² Там же. Л. 256–257.

⁵⁰³ Там же. Л. 258.

Курсовики собрались и обсудили план действий: «Обсуждали вопрос, что делать. Решили, что, прежде всего, спокойствие, из Петрограда никуда не уезжать и в вооруженную борьбу одиночным порядком не вмешиваться ни в коем случае.

Пошли обедать в академию. Народу мало, видимо, кто живет далеко, не рискнул идти, нам хорошо, живя напротив»⁵⁰⁴.

Цейтлин обдумал собственную тактику: «Главный вывод, который я сделал, — это необходим штатский костюм. Как свободно ходить в штатском, а офицером все время идешь и боишься каких-либо эксцессов»⁵⁰⁵. На Цейтлина как на офицера жильцы его дома возложили руководство караулами самоохраны и их поверку.

Размышляя далее, Цейтлин записал: «Итак, что даст завтрашний день. Ни против кого у меня нет такой злобы, как против этого фигляра Керенского. Никогда он на меня не производил впечатления своими речами. Жалкий адвокатишка, а сколько вреда наделал России. Верховный главнокомандующий, почти диктатор, и без характера.

Ведь получается невероятная ерунда. Почти месяц он ожидает выступления большевиков, все время говорит, что правительство готово его встретить во всеоружии, и как только началось дело, сразу оказывается, что все ставки правительства биты»⁵⁰⁶.

Сам день большевистского переворота, среда 25 октября 1917 г., в истории академии ничем примечательным не запомнился. Журнал входящей корреспонденции был таким же, как и в другие дни⁵⁰⁷, шла рутинная работа. Дежурным офицером значился полковник Р.К. Дрейлинг. В старшем классе намечались следующие занятия: 9.00–9.40 – служба Генерального штаба (Г.Г. Гиссер); 9.50–10.30 – военная психология (Р.К. Дрейлинг); 11.00–13.00 – практические занятия по тактике № 2; 13.20–14.00 – общая тактика (А.И. Андогский)⁵⁰⁸.

По описанию профессора М.А. Иностранцева, в тот день «картина, которую представляли собою улицы, прилегающие к Дворцовой площади, и набережные Невы на Адмиралтейской стороне и Васильевском острове, совершенно ясно говорила, что назревают решительные события. Картину эту я позволю себе назвать на военном языке сосредоточением сил. Действительно, по улицам и набережным двигались целые толпы народа, преимущественно рабочих и пролетариата, из которых весьма многие несли винтовки, и весь этот люд двигался к Зимнему дворцу. Поражало то обстоятельство, что все это делалось совершенно открыто, не стесняясь и не встречая ни малейшего сопротивления со стороны кого бы то ни было. Не только военных частей, но и милиции совершенно не было видно.

Когда мы въехали на только что наведенный после разводки Дворцовый мост, то увидели военное судно, стоявшее на Неве против Зимнего дворца. Это была пресловутая “Аврора”, способствовавшая вечером того же дня взятию Зимнего дворца, открыв по нем[у] огонь.

Было очевидно, что никакого сопротивления восставшим против Временного правительства массам черни оказано быть не может и не будет и что перед предстоящим сражением мы видим довольно оригинальную картину, а именно видим одного лишь противника за полным отсутствием другого. Нельзя же было, в самом деле, считать серьезно противною

⁵⁰⁴ Там же.

⁵⁰⁵ Там же. Л. 260.

⁵⁰⁶ Там же.

⁵⁰⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1611. Л. 554об.–557.

⁵⁰⁸ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.

стороною тот небольшой караул <...> женского батальона, который якобы охранял Зимний дворец.

Т[ак] к[ак] обмениваться в трамвае мыслями вслух ввиду разнокалиберности публики в вагоне было нежелательно, то мы с П.Ф. Рябиковым лишь молча обменялись взглядами и без слов поняли друг друга»⁵⁰⁹.

Но, пожалуй, одно из самых подробных описаний 25 октября сохранил дневник курсовика В.М. Цейтлина, оказавшегося в самой гуще событий исторического дня. В 17 часов Цейтлин записал: «Был в академии. Начальник академии сказал удивительную речь, суть ее в том, что “академия, дескать, вне партии и политики”, а поэтому надо беречь свое здоровье, нервы и продолжать заниматься, выжидая положение. По сообщению Андогского, Керенский с Временным правительством осаждены в Зимнем дворце, защищают Зимний дворец юнкера и женский батальон. Министру Кишкину даны диктаторские полномочия по водворению порядка. Но вот при помощи чего водворять — этого никто не говорит.

В борьбу с большевиками решено не ввязываться...

На Суворовском полный порядок, встретил много солдат и красногвардейцев с ружьями как группами, так и в одиночку. Никто не задел, даже шашку не пробовали отымать.

По Суворовскому прошло много матросов, говорят, приехали из Кронштадта. Раз эта публика “краса и гордость революции” приехала, значит, будет кровь...”⁵¹⁰

В 2 часа ночи с 25 на 26 октября в дневнике появилось новое подробное описание. Ввиду очевидной исключительной значимости этого свидетельства приведем его целиком: «Зимний дворец взят. Сейчас я только вернулся с Невского, по которому бродил в своем импровизированном штатском костюме. Риск был большой, т.к. удостоверение у меня офицерское и, если бы выяснили, что офицер в штатском, могли бы тут же прикончить.

Вышел из дому около 8 часов вечера, на улицах большое оживление, много грузовых автомобилей с вооруженными матросами и красногвардейцами, толпами бродят солдаты, но настроение у них не воинственное и, что самое приятное, не хулиганское, как, напр[имер], после первых дней во время Февральской революции.

Встретил одного товарища из академии, он меня в штатском не узнал, даже когда я пошел вплотную и задал вопрос. В первый момент даже, видимо, испугался, потом рассмеялись и пошли вместе. Изредка встречались офицеры, все без оружия.

На Знаменской площади несколько митингов, я как штатский вошел в толпу, а приятель остался на тротуаре ждать. Говорили о большевиках, восстании. Какой-то солдат кричал, что Ленин берет власть в свои руки, заключит мир с немцами, отдаст землю крестьянам и, словом, будет рай на земле.

Следующий оратор, видимо, с.-р., говорил, что захват власти неправильный, что, дескать, даже 2-й съезд [Советов] против, что надо было бы ждать решения Учредительного собрания.

Настроение толпы было против большевиков, но вообще очень умеренное.

На Невском патрули из солдат и красной гвардии, народу много. К приятелю стали подходить и спрашивать, есть ли оружие, какой части, я посоветовал ему идти домой, обещав зайти все рассказать, а сам пошел далее.

⁵⁰⁹ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 239.

⁵¹⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 261–262.

В толпе узнал, что Зимний дворец осажден Красной гвардией и солдатами, а с Невы крейсером “Аврора”. Около 9 часов раздались пушечные выстрелы и вслед за тем ружейная трескотня, говорили, что начался штурм дворца. Обойдя несколько патрулей, пошел далее. На пути видел несколько арестов как офицеров, так и, видимо, каких-либо важных лиц и правительства, двоих сняли с извозчика. Настроение толпы было определено враждебное к арестованным, и можно было ожидать самосуда, правда, большею частью в толпе были солдаты. Офицеров далее на Невском уже совсем не было видно. У редакции “Вечернего времени” толпа. В ней настроение противобольшевистское, но весьма нерешительное, вступают в споры с проходящими патрулями, доказывая им бесцельность кровопролития. У Гостиного двора толпа еще больше. Ружейные выстрелы слышны сильнее. Говорят, идет перестрелка юнкеров и женского батальона, которые забаррикадировались во дворце. Керенский руководит обороной дворца. Патруль из матросов привел несколько арестованных офицеров, хорошо, я в штатском, да еще в пролетарском. Хуже всего попасть к этим зверям, убьют просто ради удовольствия... С красногвардейцами можно говорить, объяснить, а это какие-то садисты-бандиты.

Хорош бы я был, если бы спросили удостоверение, из-за этого и приходилось быть осторожным.

Дошел до Мойки, дальше не пускали. Ружейная стрельба все продолжалась. Слухи самые разноречивые. По одним сведениям, Зимний дворец взят, по другим, только ворвались в первый этаж с одной стороны.

Подъезжают броневики, подходят новые отряды солдат. По моим наблюдениям, наибольший порядок в отрядах Красной гвардии.

Юнкерам, защищающим Зимний дворец, предъявили ультиматум сдаться.

Решил было идти домой, но рассудил, что здесь, пожалуй, самое безопасное место, и остался ждать дальнейших событий, хотя промерз и проголодался вдребезги.

Вероятно, около 12 часов ночи, может быть, немного позже, снова раздались орудийные выстрелы и ружейная трескотня, я был около Гостиного двора, все двинулись к Морской и Зимнему.

Стреляли с “Авроры” и из Петропавловской крепости. У Морской стояли красногвардейцы и солдаты, дальше не пускали. Дворец был уже взят, юнкера сдались, правительство арестовано, так сообщил какой-то большевистский комиссар.

Толпа на Невском просто поражала своим безразличным отношением к происходящему и происшедшему.

Керенский оказался себе верным до конца и в решительный момент рано утром бежал из дворца. Жаль, что этого прохвоста не поймали»⁵¹¹.

Следующую запись в дневнике Цейтлин оставил только в 19 часов 26 октября: «После вчерашней ночи долго не мог заснуть и потому проснулся поздно, около 12 часов.

Пока что какое-то дикое положение. В общем спокойно, вышли все газеты, как буржуазные, так и другие, на улицах все спокойно. Грабежей и погромов, кажется, совсем не было, солдаты, пожалуй, даже подтянулись, не видно вечных торгашей папиросами. Видимо, патрули подтягивают.

⁵¹¹ Там же. Л. 262–264.

В буржуазных газетах и в социалистических осуждение этому шагу большевиков, все от них открещиваются...

Как говорят, вчера при штурме дворца жертв было не так много, но возмутительно, что взятых в плен женщин-ударниц отвели в Павловские казармы и на “Аврору”, где всех изнасиловали, а матросы потом всех раздели донага и топили в Неве.

Сколько честной и хорошей молодежи погибло из-за этого негодяя Керенского. И как глупо погибло среди полного разгильдяйства и нерешительности.

Керенский удрал и, вероятно, постарается при помощи войск с фронта взять Петроград, только кто пойдет за этим фигляром. Теперь поздно...

Академию распустили на 3 дня, многие уезжают, я тоже было хотел сегодня ехать в Москву, но решил ехать завтра-послезавтра. Хочу более ориентироваться в положении и сразу принять определенное решение и выяснить, что делать дальше, а кроме того, не разберешь еще, какое настроение в провинции, несмотря на весь трагизм нашего положения, можно все же влететь из огня да в полымя. Все же для перемены настроения думаю съездить на несколько дней в Москву, там, вероятно, гораздо спокойнее, можно будет немного отдохнуть и переждать событий»⁵¹².

Многое удивляло Цейтлина: «Все министры сидят арестованными... большевики хотели захватить генерала Алексеева, но он, слава Богу, скрылся...

Самое странное, что на улице полный порядок. Солдаты ведут себя прилично. Сегодня в трамвае один уступил мне место, я настолько обалдел, что сразу сел. О грабежах во всяком случае ничего не слышно. Объявлены в газетах телефоны комиссаров военно-революционного комитета, по которым надо звонить в случае грабежей или налетов.

Надо сказать беспристрастно, что порядок в такое тяжелое время прямо образцовый. Надолго ли только, вот вопрос...»⁵¹³ Лишь 28 октября по пути из Петрограда в Москву Цейтлин смог вздохнуть с облегчением: «Как-то легче дышится вне Петрограда, как будто бы выбрался из-под пресса»⁵¹⁴.

Между тем жизнь академии шла своим чередом. В конце октября 1917 г. полковник А.П. Слижиков представил проект изменений положения об академии. В основном речь шла о технических исправлениях, вызванных политическими обстоятельствами. Поскольку высочайших приказов больше не издавалось, в положении они исправлялись на приказы верховной власти. Еще одним нововведением стала возможность в качестве диссертации представить свои ученые труды. Кроме того, академия должна была бесплатно получать все руководящие приказы. Академия также пыталась несколько расширить полномочия конференции⁵¹⁵. Классы планировалось переименовать в курсы, причем вместо прежних младшего, старшего и дополнительного они должны были именоваться младшим, средним и старшим. На трех курсах, как и прежде, должны были учиться 314 слушателей, а на геодезическом отделении 7 офицеров⁵¹⁶. Офицеры, окончившие академию по 1-му разряду,

⁵¹² Там же. Л. 264–265.

⁵¹³ Там же. Л. 266.

⁵¹⁴ Там же. Л. 267. Впрочем, он-таки попал из огня в полымя, поскольку приехал в Москву в разгар боев за город. Там же Цейтлин был ненадолго арестован, после чего на некоторое время уехал в Тамбов.

⁵¹⁵ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 24. Л. 1, 7, 12, 17.

⁵¹⁶ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 25. Л. 1, 2.

причислялись к Генштабу при выпуске⁵¹⁷. По всей видимости, проект так и остался в планах. Андогский занимался корректированием и положения о чинах академии. По новому проекту начальника академии должна была избирать конференция⁵¹⁸.

На 12 ноября в академии было намечено голосование в Учредительное собрание. 11 ноября слушатель В.М. Цейтлин записал в дневнике: «Важное дело, но я совершенно индифферентен. Отшибло всякое желание, нервы уже не выдерживают»⁵¹⁹. 12 ноября Цейтлин отметил: «Много работы по тактической задаче, и это очень неприятно, т.к. совершенно нет настроения что-либо делать... Заходил товарищ и возмущался, что прап[орщик] Крыленко назначен Верх[овным] главнокомандующим. Я не большевик, но смотрю здраво на вещи... чему в сущности удивляться? И Крыленко, по-моему, более нормально Главковерх, чем Керенский.

Почему же бесхарактерного присяжного поверенного можно назначать, а Крыленко — нет[?] А если Керенский мог... Брусилова, Алексеева, арестовать Корнилова, то подавно Сов[ет] нар[одных] комис[саров] — сиречь Ленин, Троцкий имеют полное право подавно [арестовать] Духонина. Все равно, как и тогда, так и теперь, народ безмолвствует, интеллигенция боится.

Как сильными людьми, Лениным и Троцким можно восхищаться. Можно их ненавидеть, не соглашаться, но это дела не меняет.

Определенно, открыто, от самого начала и до конца идут к своей цели, иногда, быть может, и не стесняясь средствами.

Ну разве они одни только считают, что цель оправдывает средства? А в общем власть их — безусловная сила»⁵²⁰. Стоявший на резко антибольшевистских позициях офицер постепенно менял свои взгляды, увидев в новой власти силу, способную прекратить хаос в стране. Импонировали ему и некоторые разумные инициативы новых властей — например, введение института гражданского бракосочетания вместо церковного⁵²¹. Хотя утопизм и идеализм большевиков вызывали иронию. В частности, в связи с их заявлениями о том, что немецкие солдаты вскоре повернут штыки против своих⁵²².

В перспективы Учредительного собрания Цейтлин не верил. 27 ноября он записал в преддверии ожидавшегося открытия форума: «Нам в академии сказали, что, ввиду открытия Учред[ительного] собрания, занятий не будет... В городе полный индифферентизм, никто ровно не интересуется, всякий больше занят фунтом хлеба или 1/4 ф[унта] масла.

Лично я ни в грош не верю в Учредит[ельное] собрание, оно будет существовать ровно столько времени, по-моему, пока не будет мешать Ленину. Не допустят большевики, чтоб говорили что-либо против них в Учредительном собрании, раз даже газеты закрывают за самые скромные по их адресу статьи. До чего все-таки глуп и темен наш народ, вот когда с % получают за все то, что мы ему дали, т.е. ровно ничего, расплата за старые грехи.

⁵¹⁷ Там же. Л. 12об.

⁵¹⁸ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.

⁵¹⁹ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 270.

⁵²⁰ Там же. Л. 270–271.

⁵²¹ Там же. Л. 272.

⁵²² Там же. Л. 275.

Мне лично сейчас Россия представляется громадной степью, и на всем протяжении, насколько видит глаз, бараны, бараны, бараны и так до бесконечности, сливаясь с горизонтом вокруг»⁵²³.

По данным на конец ноября 1917 г., занятия проводились с 10 до 16 часов, а накануне праздников и по субботам — до 15 часов⁵²⁴. Представление о проведенных занятиях дают таблицы 6, 7.

Таблица 6

**Учебная нагрузка (часов) старшего класса академии 1-й и 2-й очереди
(1 февраля 1917 – 1 января 1918 г.)⁵²⁵**

Предмет	1-я очередь	2-я очередь
Прочитано лекций		
Стратегия	40	23
Общая тактика	35	36
Тактика технических войск	26	—
Тактика воздушных средств борьбы	14	—
Военная администрация	18	—
История военного искусства	—	23
Военная статистика России	23	16
Военная психология	—	7
Военная статистика иностранных государств	20	16
Очерк событий текущей войны	10	—
Военно-морское дело	21	16
Сведения по артиллерийской части	5	—
Служба Генерального штаба	25	31
Сведения по инженерному искусству	32	—
Военно-инженерное дело	—	22
Итого	269	190
Проведено практических занятий		
По тактике	52	43
По военной администрации	36	10
По картографии	—	18
По инженерному искусству	8	—
По службе Генерального штаба	—	8
Итого	96	79

В старшем и младшем классах геодезического отделения читались лекции по астрономии (32 часа) и по вопросам математики (16 часов).

После большевистского переворота академия автоматически оказалась военно-учебным заведением Советской России, хотя ни слушатели, ни профессорско-преподавательский состав не разделяли новой идеологии. Захват власти большевиками не сразу отразился на жизни академии, занятия в которой шли своим чередом.

⁵²³ Там же. Л. 274.

⁵²⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 1. Л. 121.

⁵²⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2184. Л. 125об.–126.

**Учебная нагрузка (часов) подготовительных курсов академии 2-й и 3-й очереди
(1 февраля 1917 – 1 января 1918 г.)⁵²⁶**

Предмет	2-я очередь	3-я очередь
Прочитано лекций		
Общая тактика	26	33
Тактика пехоты	22	21
Тактика конницы	18	13
Тактика артиллерии	16	9
Тактика воздушных средств борьбы	13	1
Тактика технических войск	23	10
Очерк событий текущей войны	10	4
Служба Генерального штаба	24	50
Военная администрация	25	9
Сведения по инженерному искусству	29	21
Сведения по артиллерийской части	29	18
Военная психология	—	7
Теория съемки	18	10
Военная топографическая разведка	18	—
Итого	271	206
Проведено практических занятий		
По тактике	52	39
По военной администрации	36	10
По теории съемки	8	—
По картографии	—	20
По инженерному искусству	11	20
Итого	107	89

Профессор Б.В. Геруа свидетельствовал, что «большевики в начале своей разрушительной деятельности как-то забыли об академии, и в ней по инерции еще мерцала прежняя жизнь»⁵²⁷. «Академия как бы законсервировалась в своем помещении на Суворовском и по инерции жила и работала, не вызывая к себе ни особого интереса, ни внимания», — вспоминал преподававший в академии П.Ф. Рябиков⁵²⁸. Ему вторил М.А. Иностранцев: «Захват власти большевиками первое время на жизни собственно академии почти не отразился. Учебная жизнь текла своим неизменным порядком так же, как она, в сущности, текла и при царской власти, и при Временном правительстве. Единственно, чем ознаменовалось для академии появление у власти коммунистов, было назначение в академию политического комиссара. Когда это событие стало известным в профессорской среде и между слушателями, то оно первое время вселило у всех некоторую тревогу»⁵²⁹. На документации академии захват власти большевиками также почти не отразился.

⁵²⁶ Там же. Л. 126–126об.

⁵²⁷ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. С. 131.

⁵²⁸ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 113об.

⁵²⁹ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 241.

А.И. Андогский собрал слушателей и дал им указание проявлять осторожность в разговорах, чтобы не давать повода для преследований со стороны новой власти⁵³⁰. Слушатель ускоренных курсов 3-й очереди Н.Н. Ивановский вспоминал, что «с первого момента нам было объявлено, что академия вне политики, и на этой линии ген. Андогский⁵³¹ держался до Казани в 1918 году.

Начались занятия. Нас ничего не касалось вне академической жизни. Наступил октябрь. К власти пришли большевики. Андогский продолжал свою линию — сохранить академию, наверно, бывал в Смольном. Нас не трогали. Единственный раз во время лекции по инж[енерному] искусству — читал проф. Коханов — вошла в зал (помните двусветлый зал младш[его] класса) группа матросов с винтовками во главе с комиссаром. Их глазам представилась картина — за столами сидело до 250 офицеров в погонах. Почему-то они ушли без всякого замечания. Проф. Коханов ни на минуту не остановил лекцию. События шли своим чередом. Сняли погоны, образовались комитеты. Пришлось стоять в очередях за продуктами вместе с обслуживающими академию нижними чинами и служителями — этого добился комитет нижних чинов.

Мы продолжали ходить на лекции, чертить горизонтالي (геодезия проф. Сергиевского).

Но как Андогский ни старался держать академию в стороне от событий — мы попали в круговорот»⁵³².

Не всем нравилась такая линия поведения академического начальства. Курсовик В.М. Цейтлин писал в дневнике 24 ноября: «Академия занимается своим будничным серым делом, делая вид, что мы только учимся, а до остального нам дела нет, а, в сущности говоря, просто трусость и равнодушие, которое сейчас овладело всеми.

Погасло электричество, пишу в темноте»⁵³³.

И действительно, в стране разгоралась Гражданская война, не чувствовать приближения которой военные профессионалы не могли. Ощущали это и слушатели. В.М. Цейтлин писал в дневнике 21 ноября: «В академию, придя к обеду, узнал, что убит генерал Духонин.

Переговоры о мире идут как будто успешно.

Бежал Корнилов.

Будущее сулит много неприятных перспектив»⁵³⁴.

Комиссаром академии оказался бывший сельский учитель, прапорщик военного времени, поклонник науки, спокойно воспринимавший бывших офицеров, обращавшийся к профессорам со словами «господин генерал»⁵³⁵ и, более того, сам интересовавшийся военным делом и с этой целью даже посещавший лекции⁵³⁶. Ходили слухи, что он был родственником кого-то из народных комиссаров и попал в академию по протекции. Возможно, речь шла о С.Ф. Баскове. Судя по документам, в академии были и другие комиссары. Незначительность роли комиссара академии в конце 1917 – начале 1918 г. очевидна из простого факта

⁵³⁰ Там же. Л. 242.

⁵³¹ Произведен в генерал-майоры 21 ноября 1917 г.

⁵³² НИА. Pavel P. Petrov Collection. Box 1. Folder 3.

⁵³³ АВИМАИВнВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 273.

⁵³⁴ Там же. Л. 272.

⁵³⁵ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 243.

⁵³⁶ ГАРФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 7. Л. 13.

отсутствия его подписи на свидетельствах об окончании курсов 2-й очереди, которые были выданы слушателям в марте 1918 г. и заверялись начальником академии и правителем дел⁵³⁷.

15 ноября правителем дел стал подполковник И.И. Смелов, единогласно избранный на эту должность конференцией⁵³⁸. 26 ноября 1917 г., в день Св. Георгия, торжественно отмечался праздник Генерального штаба. Накануне в 18.30 началась всенощная, после нее панихида по усопшим начальствовавшим, учившим, учившимся и служившим в академии. В воскресенье 26 ноября в 10.30 состоялись Божественная литургия и молебен⁵³⁹.

Между тем одно за другим выходили распоряжения новых властей, которые можно было считать направленными против офицерства. В ноябре 1917 г. было запрещено хранить оружие, а виновные подлежали революционному суду, что ударяло, прежде всего, по офицерам, каждый из которых должен был получать разрешение на хранение оружия⁵⁴⁰.

19 ноября слушатель В.М. Цейтлин отметил в дневнике: «Академию тоже скоро вероятно, разгонят, несмотря на все ходы Андогского.

Оказалась довольно низкопробная личность, юлит — заискивает.

Словом, пока что кутерьма»⁵⁴¹.

16 декабря 1917 г., когда СНК обсуждал военные вопросы, был принят декрет «Об уравнивании всех военнослужащих в правах», по которому было отменено ношение погон и упразднены воинские звания. Этот декрет оказался морально тяжелым для офицерства, поскольку погоны всегда были символом офицерской чести и принадлежности к корпорации. До революции их срезали только с провинившихся. Тем оскорбительнее была эта мера, ударявшая по традиционному офицерскому мировоззрению и системе ценностей.

Курсовик И.Г. Баковец показывал по делу «Весна» 20 октября 1930 г.: «Через короткий промежуток времени после Октябрьского переворота тов. Троцкий, расформировав все академии, взял под свое покровительство и на государственный бюджет академию Генерального штаба. Однажды начальник академии Андогский, войдя в аудиторию, объявил всем слушателям, что академия становится советской и что приказано всем снять погоны, при этом заявил: “Кто с этим примириться не может и полагает оставить академию, то тому он чинить препятствий не будет, остальные же должны оставаться в академии и занятия будут продолжаться по-прежнему”. При этом он добавил: “Ввиду наступления немцев наш долг целиком перейти в Красную армию и спасать наше Отечество (Россию) от того позора, который нам могут навязать немцы”, при этом [он] прослезился. Я остался в академии»⁵⁴². По всей видимости, Баковец в своих воспоминаниях об академии соединил несколько разновременных событий, поскольку снятие погон должно было происходить в декабре 1917 г., германское наступление относилось к февралю 1918 г., а Троцкий мог заняться академией никак не ранее весны 1918 г. Тем не менее значение этого свидетельства трудно переоценить.

Слушатель В.М. Цейтлин записал в дневнике 2 декабря 1917 г.: «На занятиях сегодня в академии уже много было в штатском, а многие совсем без погон.

Вид дикий...

⁵³⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 11. Л. 16.

⁵³⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 186.

⁵³⁹ Там же. Л. 135об.

⁵⁴⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 1. Л. 129.

⁵⁴¹ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 271.

⁵⁴² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 1322 (1151). Л. 43об.

Между прочим, солдаты погон не снимают и говорят, не хотят, а на улицах был ряд эксцессов по отношению к офицерам, не снявшим погон.

Несмотря на общую разруху, здорово занимаемся. Да иначе и делать нечего. Некоторые, правда, бросили все и уехали к себе домой»⁵⁴³.

Запись на следующий день развивала этот сюжет: «Сегодня весь день прошел незаметно. Встал только в 3 часа дня. Пошел пообедать в академию и вернулся. Все нездоровится.

Почти все в академии без погон, но большинство в офицерских шинелях, в общем вид очень глупый. Думаю, что если приказано будет одеть юбки, то, пожалуй, оденут.

Глупее всего Андогский со слезами на глазах объявил младшему классу, что этот приказ распространяется и на нас. Кто же ждал еще объяснения.

Только что заходил Кузнецов, он поступил рабочим на завод Обуховский и хочет серьезно там зарабатывать деньги... это для него школа»⁵⁴⁴.

Преподававший в Военной академии В.Н. Касаткин вспоминал: «Ген. А.И. Андогский объявил этот приказ и приказал снять погоны. Пошел домой, срезал погоны на кителе и снял погоны на мундире.

Невольно вспомнилась сцена... как каптенармус Ерохин срезал у кадета, виновного, несомненно, в каких-то тяжелых поступках, погоны — символ “*esprit du corps*” — духа чести по-русски, честь мундира. И вот этой чести мундира меня лишили. За что? За какое тяжелое преступление? За измену своему Царю — говорил я себе. И моя жена, моя совесть, сказала: “И тебе не стыдно, Вася?” — и не разговаривала весь день... Мне было действительно стыдно. Но потом еще одна капля горечи упала в мою чашу стыда. Утром следующего дня я, взяв свою шашку — Георгиевское золотое оружие, прошел на Неву и против памятника Петру Великому бросил шашку в Неву»⁵⁴⁵. По свидетельству Касаткина, как оскорбление воспринималось и обращение к офицерам «фабричным словом “товарищ”» взамен прежнего титулования. Касаткин отмечал, что позднее в Белой армии «получил обратно свои погоны и возможность своей борьбой с красным врагом загладить свое темное прошлое»⁵⁴⁶. У белых Касаткину вернулось и прежнее титулование, сумел он восстановить и Георгиевское оружие. Профессор М.А. Иностранцев считал упразднение погон «актом чисто внешнего свойства», однако, как и другие, воспринимал эту меру как преднамеренное унижение и оскорбление офицерства новой властью⁵⁴⁷. В знак протеста преподаватели академии переоделись в гражданскую одежду, чтобы, таким образом, не носить форму без погон. Профессор геодезии генерал В.В. Витковский продолжал носить погоны и в 1918 г., причем протестовал своеобразно — весной, обливаясь потом, ходил в шинели, чтобы на улице не видели его погон на кителе (на шинели погоны не полагались)⁵⁴⁸. Разумеется, этот демарш вызывал серьезную озабоченность Андогского, вообще стремившегося, чтобы академия не привлекала внимания властей, тем более как оппозиционное учреждение.

Революционные катаклизмы все сильнее влияли на слушателей и преподавателей. Тяжелые последствия для академии имело пребывание в ней в конце 1917 г. отряда в 600 матро-

⁵⁴³ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 277.

⁵⁴⁴ Там же.

⁵⁴⁵ ВАР. V.N. Kasatkin Memoirs. Folder 1.

⁵⁴⁶ Ibid.

⁵⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 245–246.

⁵⁴⁸ Там же. Л. 249.

сов из Кронштадта, оставившего после себя опустошение. По свидетельству Андогского, это была «форменная банда грубых, грязных, полупьяных и распущенных людей, которые и на комиссара академии не обращали ровно никакого внимания, и располагались не там, где он им указывал, а где им было угодно, причем повсюду курили, плевали и засыпали пол семечками»⁵⁴⁹. Еще более разрушительные последствия оказало прибытие отряда из 400 гельсингфорских матросов, по сравнению с которыми кронштадтцы академическому начальству показались «кроткими и безобидными овечками»⁵⁵⁰. Новый отряд повел себя в академии «как азиаты в завоеванной стране»⁵⁵¹.

Не обошли академию стороной процессы национализации армии, создания национальных частей и национальных государств. В конце 1917 г. в украинский генеральный военный секретариат поступила телеграмма от слушателей: «Офицеры-украинцы, слушатели старшего и младшего курса академии Генерального штаба, в количестве 20 человек, готовы и счастливы будут отдать и приложить все свои силы и знания Украине. Председатель капитан Якименко»⁵⁵². Появились желающие поступить в польские войска, например, подполковник В.Э. Томме, изъявивший такое желание в начале ноября 1917 г. Временная комиссия при главном польском военном исполнительном комитете просила академию прислать послужной список офицера и аттестацию⁵⁵³.

В связи с наступлением холодов шла заготовка дров для академии. Для приемки дров в декабре 1917 г. на станцию Удомля ездил взводный командир полуэскадрона при академии В.Э. Арнольд. В феврале 1918 г. с той же целью его отправили на станцию Новалочная⁵⁵⁴. В декабре 1917 г. в Смоленск и Ельню был командирован солдат от академии для покупки продуктов⁵⁵⁵, поскольку в Петрограде уже ощущался дефицит.

То, что академия оказалась большевизирована и начала готовить кадры для РККА, как одна из структур новой армии, стало понятным лишь позднее. При этом ни слушатели в большинстве своем, ни профессорско-преподавательский состав не разделяли новой идеологии. Несмотря на это вопиющее противоречие, новой власти в обстановке конца 1917 – начала 1918 г. не оставалось ничего другого как позволить академическому руководству сосредоточить в своих руках весь спектр вопросов подготовки кадров Генштаба в Советской России. Подобное положение вещей существовало с конца 1917 по весну 1918 г. Именно с деятельностью старой Военной академии связан начальный этап подготовки кадров Генштаба в Советской России.

В период с октября 1917 по март 1918 г. в академии велись занятия со старшим классом 2-й очереди и подготовительным курсом 3-й очереди. По свидетельству преподавателя В.Н. Касаткина (впрочем, неточно датировавшего время начала занятий), в этот период в

⁵⁴⁹ Там же. Л. 265–266.

⁵⁵⁰ Там же. Л. 266.

⁵⁵¹ Там же.

⁵⁵² Українці-учні академії Генерального штабу // Козацька думка. 1917. 1 дек. № 4. С. 4 (выражаю благодарность к.и.н. М.А. Ковальчуку (Киев) за предоставленные сведения). Перевод наш. Интересно, что автор этого эмоционального послания капитан В.А. Якименко позднее, после службы в украинских войсках, перешел на сторону белых.

⁵⁵³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1610. Л. 471.

⁵⁵⁴ Там же. Л. 661, 722. Революция и Гражданская война не повлияли на его обязанности. В ноябре 1918 г., когда академия уже находилась в Томске, Арнольд ездил принимать дрова на станцию Тайга (Там же. Л. 985).

⁵⁵⁵ Там же. Л. 662.

академии «никого из профессоров не было, а потому производились практические занятия на планах и картах по методу Н.Н. Головина, и так “валяли дурака” до мая 1918 г.»⁵⁵⁶. Впрочем, документы свидетельствуют, что профессора в академии тогда были.

На подготовительных курсах 3-й очереди заведующими слушателями были Б.П. Богословский, А.Ф. Гушин, В.Н. Касаткин, П.Г. Осипов и А.Д. Сыромятников.

В старшем классе 2-й очереди шла подготовка по следующим курсам: стратегия (М.А. Иностранцев), военная статистика России (А.И. Медведев), история военного искусства (Б.М. Колюбакин), общая тактика (А.И. Андогский, Б.П. Богословский), военно-инженерное искусство (Н.И. Коханов), военно-морское дело (капитан 1-го ранга Б.И. Доливо-Добровольский), служба Генерального штаба (Г.Г. Гиссер, В.Н. Касаткин, П.Ф. Рябиков), очерк событий текущей войны на иностранных театрах (Г.И. Клерже), военная психология (Р.К. Дрейлинг), военная статистика иностранных государств (Г.Г. Христиани), практические занятия по картографии, общий разбор отчетной задачи по тактике (Б.В. Геруа, А.Ф. Матковский), история военного искусства в России (А.К. Байов), служба железных дорог в военном отношении (Л.И. Савченко-Маценко). Геодезистам также преподавали астрономию (В.В. Витковский) и вопросы математики (Д.Д. Сергиевский)⁵⁵⁷. Занятия проходили с 9 до 13 часов, иногда до 15 часов. Обычно проводились два сорокаминутных занятия с десяти- или двадцатиминутным перерывом.

На 1 января 1918 г. в академии обучались 160 офицеров в старшем классе 2-й очереди, 8 офицеров в старшем классе геодезического отделения, 226 офицеров на подготовительных курсах 3-й очереди и 1 в младшем классе геодезического отделения (всего 395 офицеров)⁵⁵⁸. Подготовительные курсы 3-й очереди окончили 143 офицера⁵⁵⁹.

9–12 декабря 1917 г. занятия в академии по указанию помощника управляющего Военным министерством на несколько дней были продлены до 17 часов⁵⁶⁰. Занятия не проводились на праздники 24–27 и 31 декабря 1917 г., а также 1 января 1918 г. 2 января занятия были до 15.00, а с 3 января уже по нормальному графику⁵⁶¹.

Расписание еженедельно тиражировали и раздавали преподавателям. Обычное недельное расписание занятий на подготовительных курсах 3-й очереди в январе 1918 г. было следующим (табл. 8).

В старшем классе 2-й очереди тогда же было следующее расписание (табл. 9).

В этой связи не вполне понятна дневниковая запись слушателя старшего класса В.М. Цейтлина от 22 января 1918 г. о том, что «занятия до сих пор в академии и не начинались»⁵⁶².

Учебный план академии был довольно насыщенным. Несмотря на внутривойсковые сложности, занятия шли усиленным порядком, причем велась подготовка даже офицеров-геодезистов, слушавших лекции профессора В.В. Витковского по астрономии и занимавшихся с профессором Д.Д. Сергиевским вопросами математики. Отдельных слушателей в феврале

⁵⁵⁶ ВАР. V.N. Kasatkin Memoirs. Folder 1.

⁵⁵⁷ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–13.

⁵⁵⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2184. Л. 125об.

⁵⁵⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 51. Л. 60.

⁵⁶⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 1. Л. 137.

⁵⁶¹ Там же. Л. 131.

⁵⁶² АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 279.

**Недельное расписание занятий на подготовительных курсах 3-й очереди
(январь 1918 г.)⁵⁶³**

Числа	8 января	9 января	10 января	11 января	12 января	13 января
Дни недели	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота
Дежурный штаб-офицер	Б.П. Богословский	Б.П. Поляков	И.И. Сторожев	В.Н. Касаткин	Г.В. Леонов	А.Д. Сыромятников
9.00–9.40	Общая тактика. И.И. Смелов	Служба Генштаба. Проф. А.И. Андогский	Тактика воздушных средств. И.И. Сторожев	Общая тактика. И.И. Смелов	Военная администрация. В.Н. Поляков	Общая тактика. И.И. Смелов
9.50–10.30	Тактика конницы. Проф. А.Ф. Матковский	Служба Генштаба. П.Ф. Рябиков	Тактика конницы. Проф. А.Ф. Матковский	Тактика технических войск. Г.В. Леонов	Служба Генштаба. Проф. Г.Г. Гиссер	
10.40–11.20	Сведения по военно-инженерному искусству. Проф. Н.И. Коханов	Тактика пехоты. Проф. Б.В. Геруа	Теория съемки. Проф. Д.Д. Сергиевский		Сведения по военно-инженерному искусству. Проф. Н.И. Коханов	Тактика пехоты. Проф. Б.В. Геруа
11.50–14.00	Сведения по артиллерийской части. Г.Г. фон Шульман и В.Р. Руппнейт (2 лекции)	Практические занятия по тактике	Практические занятия по картографии	Практические занятия по тактике	Практические занятия по военно-инженерному искусству	Практические занятия по военной администрации
14.20–15.00	—	Тактика пехоты. Проф. Б.В. Геруа	Служба Генштаба. В.Н. Касаткин	Служба Генштаба. В.Н. Касаткин	—	Тактика артиллерии. А.Д. Сыромятников

1918 г. прикомандировывали к Николаевской главной астрономической обсерватории в Пулково (занятия вел молодой преподаватель-астроном Б.А. Земцов, получавший за обучение одного слушателя академии 2520 руб. в год, а помесечно — 210 руб.)⁵⁶⁴. Слушатели-геодезисты (П.М. Бедарев, И.А. Берг, Лейн, Мартьягин, Николаев и Орешкин) просили председателя

⁵⁶³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 66.

⁵⁶⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1616. Л. 1. В довоенное время геодезисты после двух лет теоретического курса переходили в Пулковскую обсерваторию для прохождения практического курса. В 1914 г. пять офицеров-геодезистов вместо этого были направлены в действующую армию. С выходом России из войны некоторые из них, стремясь завершить обучение, просили о переводе в обсерваторию. Таким офицером был подполковник А.В. Кожевников, служивший в Ставке, который просил ординарного профессора В.В. Витковского об окончании своего геодезического образования. Кожевников прибыл в академию 25 февраля по предписанию генерал-квартирмейстера Ставки и 28 февраля отбыл в Пулково.

**Недельное расписание занятий в старшем классе 2-й очереди
(январь 1918 г.)⁵⁶⁵**

Числа	8 января	9 января	10 января	11 января	12 января	13 января
Дни недели	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота
Дежурный штаб-офицер	Б.П. Богословский	Б.П. Поляков	И.И. Сторожев	В.Н. Касаткин	Г.В. Леонов	А.Д. Сыромятников
9.00–9.40	Стратегия. Проф. М.А. Иностранцев	Военная статистика иностранных государств. Проф. Г.Г. Христиани	Общая тактика. Б.П. Богословский	Стратегия. Проф. М.А. Иностранцев	Служба Генштаба. Проф. Г.Г. Гиссер	Служба железных дорог в военном отношении. Л.И. Савченко-Маценко
9.50–10.30					Военно-инженерное дело. Проф. Н.И. Коханов	
11.00–13.00	Практические занятия по тактике	Практические занятия по службе Генштаба	Практические занятия по тактике	11.00–11.40. Служба Генштаба. В.Н. Касаткин	Практические занятия по военной администрации	Практические занятия по картографии
				12.00–12.40. Военно-инженерное дело. Проф. Н.И. Коханов		
13.20–14.00	Военная статистика России. Проф. А.И. Медведев	История военного искусства. Проф. Б.М. Колубакин	Служба Генштаба. В.Н. Касаткин	13.00–13.40 и 13.50–14.30. Военно-морское дело. Б.И. Доливо-Добровольский	История военного искусства. Проф. Б.М. Колубакин	—
14.20–15.00			—			

комитета старшего класса, чтобы на общем собрании слушателей геодезического отделения было постановлено в силу возможной реорганизации академии после экзаменов предоставить им права общего отделения как выпуску геодезического отделения 1915 г. После весенних экзаменов они хотели добиться прикомандирования их к Николаевской Пулковской обсерватории с обязательной сдачей экзамена за старший класс геодезического отделения по окончании летних практических работ⁵⁶⁶.

Не всем слушателям нравилась такая интенсивная работа. По свидетельству генерала В.М. Молчанова, его начальник штаба курсовик капитан П.А. Агапиев постоянно твердил: «Усиленные занятия мертвят дух и убивают всяческую инициативу»⁵⁶⁷.

20 января 1918 г. по ходатайству начальника Главного военно-судного управления перед помощником управляющего бывшим Военным министерством Н.М. Потаповым и с согла-

⁵⁶⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 67.

⁵⁶⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1992. Л. 127об.

⁵⁶⁷ Молчанов В.М. Последний белый генерал. Устные воспоминания, статьи, письма, документы. М., 2009. С. 107.

сия последнего к академии для продолжения образования были прикомандированы 14 бывших слушателей Александровской военно-юридической академии (в связи с ее упразднением и прекращением занятий). Слушатели были зачислены в академию с 24 января⁵⁶⁸.

Отдельные слушатели и преподаватели академии к началу 1918 г. уже состояли в антибольшевистских подпольных организациях. Так, капитан Р.Д. Мергин, будучи слушателем курсов, вступил в военную организацию «Национального центра» (по некоторым предположениям, речь шла в действительности о «Правом центре») в Петрограде еще в ноябре 1917 г. и занял пост начальника контрразведывательного отделения организации, а 1 апреля 1918 г. выехал на Кавказ со специальными поручениями руководства организации (тайная миссия не расходилась с официальным распределением слушателя академии на Кавказский фронт)⁵⁶⁹. С петроградским антибольшевистским подпольем были связаны и некоторые другие слушатели академии, что в некоторой степени отразилось на жизни академии летом 1918 г. Штаб организации возглавлял служивший в академии бывший полковник Б.П. Поляков, который из-за подпольной работы даже не стал эвакуироваться из Петрограда в Екатеринбург вместе с академией. 22 июня 1918 г. он был арестован без предъявления обвинения и находился в заключении до 1 февраля 1919 г.⁵⁷⁰ Затем Поляков смог вернуться на службу в РККА, но летом 1919 г. перешел на сторону белых.

Отношение сохранивших верность красным слушателей к событиям можно проследить по их показаниям в рамках дела «Весна» начала 1930-х гг. Разумеется, нужно учитывать, что подследственные не были полностью свободны в изложении своей прежней жизни и пытались продемонстрировать лояльность советской власти. Все это не отменяет необходимость принимать во внимание эти документы. Так, бывший курсовик В.И. Боголепов в 1931 г. в показаниях по делу «Весна» свидетельствовал: «Там же, в академии, застала меня и Октябрьская революция, принятая слушателями академии на состоявшихся по этому случаю собраниях, когда решено было верно служить этой революции»⁵⁷¹. Подтверждение этого содержит автобиография бывшего курсовика С.Н. Голубева, который вспоминал, что «при помощи единомышленников — слушателей старшего класса академии, удалось провести на общем собрании переход на сторону советской власти, после чего учеба в академии продолжалась усиленным темпом»⁵⁷².

Бывший курсовик И.Д. Чинтулов в показаниях по делу «Весна» отмечал: «Я был удивлен новой революцией, ибо считал, что она уже была; поэтому полагал [, что] дело идет лишь о восстании с целью свержения Временного правительства. Я не владел никаким имуществом

⁵⁶⁸ И.И. Бойчевский, Г.Г. Бочарников, Б.Б. Вальден, С.М. Галковский, Л.Ф. Грибель, П.В. Дроздов, В.В. Кадомцев, В.И. Карпов, Г.И. Кульнев, О.А. Марквардт, Н. Можаровский, М.М. Сергеев, А.Л. Хелмицкий, Д.И. Хитров (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1615. Л. 3, 4, 16).

⁵⁶⁹ К истории осведомительной организации «Азбука» / публ. В.Г. Бортневского // Русское прошлое (Санкт-Петербург). 1993. № 4. С. 187. 30 апреля Мергин прибыл в Тифлис, заболел возвратным тифом и был в тот же день направлен в госпиталь Красного Креста (РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 469. Л. 444). Впоследствии Мергин стал одним из руководящих работников белой контрразведки на Юге России (*Кирмель Н.С.* Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Разведка. М., 2013. С. 197; *Соловьев М.* Предводитель для Веры. Константинопольские страсти контрразведки // Родина. 2011. № 6. С. 112–116).

⁵⁷⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 119.

⁵⁷¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3031 (3648). Л. 60б.

⁵⁷² Автобиография С.Н. Голубева // Семейный архив Т.С. Голубевой (Санкт-Петербург). Выражаю благодарность к.и.н. А.С. Пученкову (Санкт-Петербург), любезно предоставившему этот документ.

недвижимым, и опубликование декретов об отчуждении фабрик, заводов и земли мало меня трогал[о]. Правда, труднее было расстаться с личными привилегиями, чинами, орденами и пр[очими] атрибутами царского времени⁵⁷³ и с перспективами возможной блестящей карьеры. Поскольку новое правительство именовалось Советом народных⁵⁷⁴ комиссаров и правительством рабочих и крестьян, я, знакомый с болгарскими порядками, смирился скрепя сердце и в надежде, что мои военные знания и опыт найдут себе применение и в новых условиях. Идти на авантюру в ту пору я был не способен и не охоч — устал тоже от войны, хотел жить с семьей. Поскольку сведения поступали о благоприятном для нового правительства исходе борьбы за власть даже в самых отдаленных местностях, казалась всякая борьба ненужной.

Дней 10–15 после Октября мы, обучающиеся [в] Военной академии, были приняты на учет в Народном комиссариате по военным и морским делам, и нам предложено было ожидать распоряжений.

Так фактически я вступил на службу советской власти⁵⁷⁵.

Курсовик Н.Н. Розанов, если верить его показаниям по делу «Весна», и вовсе проявил себя как активный участник революционных событий (впрочем, возможно он и преувеличил свою былую революционность): «В 1917 году в момент Октябр[ьской] революции в октябре я был в Военной академии в Ленинграде⁵⁷⁶.

Лично я принял активное участие в Октябрьской революции, явившись накануне в штаб рабочей гвардии в Балабинскую гостиницу на площади Восстания⁵⁷⁷. Вообще я был в душе революционером, и меня всегда стесняла старая роль закоснелого и невежественного офицерства»⁵⁷⁸.

26 января 1918 г. конференция академии и Андогский утвердили положение о комитетах слушателей академии⁵⁷⁹. Обсуждение проекта положения вызвало различные высказывания и поправки, которые были учтены в итоговом документе. По положению, в академии могли существовать курсовые комитеты слушателей и соединенный комитет всех слушателей академии, обладавшие правами самостоятельного сношения с различными учреждениями. Вне компетенции комитетов оставались вопросы политические и научные, за которые отвечала конференция. Собираться комитеты могли как самостоятельно, так и по просьбе начальника академии. В случае несогласия начальника академии с постановлением курсового комитета вопрос выносился на рассмотрение соединенного комитета; если начальник академии был не согласен и с решением соединенного комитета, рассмотрение административно-учебных вопросов переносилось в конференцию, а хозяйственно-бытовых — в хозяйственный комитет академии. В этом случае в конференцию и комитет следовало пригласить представителя соединенного комитета слушателей с правом совещательного голоса. Курсовые комитеты

⁵⁷³ Судя по сохранившейся фотографии, Чинтулов продолжал носить орден Св. Георгия 4-й степени на френче и в советское время, что вряд ли могло поощряться начальством.

⁵⁷⁴ Подчеркнуто Чинтуловым.

⁵⁷⁵ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3207 (32). Л. боб.–7. Публикацию документа см.: *Ганин А.В.* Болгары — выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России // *Славянский альманах* 2012. М., 2013. С. 450–467.

⁵⁷⁶ Так в документе, правильно: в *Петрограде*.

⁵⁷⁷ Так в документе. До 1918 г. площадь именовалась Знаменской.

⁵⁷⁸ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 2290 (2696). Л. 7–7об.

⁵⁷⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1580. Л. 9–9об., 10об.–11об., 16 (см. Приложения).

избирались ежегодно в начале учебного года и несли ответственность перед общим собранием курса. Соединенный комитет включал 12 человек, председателем в нем должен был быть председатель комитета старшего курса или тот, кто его заменял. В целом положение учитывало интересы как слушателей, так и академического начальства, поскольку сохраняло административные полномочия за конференцией академии.

Хозяйственный комитет слушателей 2-й очереди в духе времени потребовал уничтожения в академии завтраков, удаления женской прислуги и оставления лишь 5–6 судомоек, а также введения дежурства по кухне самих столоующихся⁵⁸⁰. Советизация академии набирала обороты.

* * *

Пожалуй, самым неоднозначным событием для академии в начале 1918 г. стало привлечение большевиками представителей профессорско-преподавательского состава в качестве военных консультантов на мирных переговорах в Брест-Литовске. Специалистов привлекали по линии ГУГШ для улучшения условий договора. Тем более что в первом раунде переговоров в 1917 г., по свидетельству одного из военных экспертов, именно военные сыграли большую роль, так как штатская делегация не была подготовленной⁵⁸¹. Присутствовали на переговорах и некоторые курсовики (например, И.А. Морозевич⁵⁸²). Неоднозначность вопроса была связана с тем, что в среде офицерства сепаратные переговоры с противником считались позорными и предательскими. Участие в этих переговорах позднее активно ставили в вину академическому начальству его оппоненты в белой Сибири.

Начальник академии А.И. Андогский отправился в Брест-Литовск по приказанию начальника Генерального штаба вместе с советской делегацией (А.А. Иоффе, Л.М. Карахан, Г.И. Петровский, Г.Я. Сокольников) в ночь на 25 февраля 1918 г.⁵⁸³ Это были тревожные дни для Советской России.

По собственным показаниям Андогского следствию белых, около 18.30 24 февраля во время обеда его вызвал начальник Генерального штаба Н.М. Потапов, потребовавший срочно прибыть в дом военного министра (Мойка, 67) и высказаться относительно германского ультиматума. Потапов утверждал, что работа потребует полчаса времени. После этого за Андогским приехал автомобиль с двумя вооруженными матросами. В доме военного министра состоялось совещание военных специалистов с участием С.Г. Лукирского и Н.М. Потапова⁵⁸⁴. Там же Андогский, если верить его показаниям, узнал о командировке и был вынужден согласиться под угрозой неприятностей для академии и лично для себя. Представители академии подтверждали показания Андогского, а профессор Б.М. Коллюбакин даже отметил, что видел в этом определенное самопожертвование со стороны начальника академии. Тем не менее Андогский несколько лукавил, приуменьшив степень своего вовлечения в военные мероприятия большевиков.

Из воспоминаний генерала Э.А. Верцинского известно, что Андогский также участвовал в совещании, организованном большевистскими военными руководителями Н.И. Подвой-

⁵⁸⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1992. Л. 126об.

⁵⁸¹ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 276.

⁵⁸² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1253. Л. 346.

⁵⁸³ *Фельштинский Ю.Г.* Крушение мировой революции. Брестский мир: октябрь 1917 – ноябрь 1918. М., 2014. С. 216.

⁵⁸⁴ ГАРФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

ским, Н.В. Крыленко и Э.М. Склянским в здании Военного министерства 20 февраля 1918 г., на которое была приглашена большая группа военспецов⁵⁸⁵. Впрочем, судя по стенограмме, начальник академии предпочитал отмалчиваться. Кроме того, из воспоминаний профессора М.А. Иностранцева следует, что на самом деле о предстоящей поездке в Брест-Литовск было известно заранее, и Андогский обсуждал с коллегами этот вопрос. М.А. Иностранцев и Г.Г. Христиани от поездки в Брест-Литовск отказались, причем первый заявил, что подобная поездка является позорным поступком⁵⁸⁶. Впрочем, возможно, речь шла о разных этапах мирных переговоров, продолжавшихся с ноября 1917 г. На период командировки Андогского замещал заслуженный ординарный профессор В.В. Витковский⁵⁸⁷.

Андогский был не единственным военным консультантом, вызовы в разное время получали и многие другие военные деятели. Интересно, что, по свидетельству бывшего начальника академии генерала В.Г. Глазова, делегатом от академии ездил и профессор Г.Г. Христиани⁵⁸⁸, причем, другие свидетельства на этот счет нам неизвестны. Непосредственно на подписание договора поехали бывший генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов, бывший капитан В.А. Липский, а также бывший контр-адмирал В.М. Альфатер. Военспецов срочно направили в Брест-Литовск. Позднее Андогский утверждал, что в Брест-Литовске вместе с Даниловым подписал протест против заключения Брестского мира⁵⁸⁹. По имеющимся данным, инициатором подачи записки большевистскому партийному представителю Г.Я. Сокольникову с аргументами против заключения мира был именно Данилов⁵⁹⁰.

Отношение слушателей и преподавателей академии к поездке Андогского на переговоры было критическим. В.М. Цейтлин записал в дневнике 1 марта 1918 г., что Андогский «можно сказать, вовлечен в невыгодную сделку»⁵⁹¹. На следующий день он отметил: «Бедняга Андогский — влип в грязную историю»⁵⁹². Заключаемый мир Цейтлин именовал не только похабным, но и «препохабным», при том что осенью 1917 г. сам был активным сторонником мирных переговоров. Позднее слушатель писал в более мягких выражениях. Например, 3 марта запись следующая: «Завтра или послезавтра должна приехать мирная делегация из Бреста, с нею приедет Андогский, который многое расскажет, с ним и академия, в конце концов, станет на правильный путь»⁵⁹³. Слушатель по-прежнему не сомневался в необходимости выхода России из войны, но был убежден в необходимости создавать новую армию и готовиться к отражению будущих внешних угроз, для чего требовалось, как он считал, развивать патриотизм населения и пропускать как можно больше людей через военную подготовку у инструкторов.

Андогский возвратился 5 марта, в академии уже ждали его рассказа. Его рассказ в изложении Цейтлина позволяет судить об отношении начальника академии к своей миссии:

⁵⁸⁵ Верцинский Э.А. Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 года. Таллин, 1929. С. 49–50.

⁵⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 254.

⁵⁸⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 180.

⁵⁸⁸ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 22. Л. 346.

⁵⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

⁵⁹⁰ Авдеев В.А. Генерал Ю.Н. Данилов и его книга // Данилов Ю.Н. На пути к крушению. Очерки из последнего периода русской монархии. М., 1992. С. 248.

⁵⁹¹ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 281.

⁵⁹² Там же. Л. 282.

⁵⁹³ Там же. Л. 283.

«Сразу, общее же его впечатление, что сплошной позор и третирование России в течение всей поездки»⁵⁹⁴.

Генерал А.С. Лукомский уже в эмиграции в 1924 г. писал о возможности использования Андогского для продолжения борьбы с большевиками: «Участие его в Брест-Литовском договоре все время отражалось на отношении к нему офицеров “белых армий”, и ему неоднократно приходилось давать объяснения о роли, которую он играл. И еще теперь, в офицерской массе, отношение к нему отрицательное, и многие считают его ненадежным и имеющим какие-то связи с большевиками. Но последнее совершенно не верно. Он, безусловно, против большевиков и будет всячески стараться себя реабилитировать в прежних прегрешениях.

Будучи умным, знающим и очень работоспособным, он в будущем будет полезен; но в первый период выступления ему лучше никаких ответственных назначений не давать, чтобы не возбуждать страсти»⁵⁹⁵.

Как бы то ни было, участие в мирных переговорах в Брест-Литовске в качестве военного консультанта по приказу начальника Генерального штаба трудно поставить Андогскому в вину. Военные специалисты вошли в состав делегации с целью согласования специальных военных вопросов, возможного сдерживания appetitов Германии и защиты интересов страны безотносительно правящего режима⁵⁹⁶.

С точки зрения белых, участие в мирных переговорах в любом качестве уже считалось предосудительным. Однако консультировавшие большевиков бывшие офицеры преследованиям за это подвергались избирательно. Например, в переговорах участвовал будущий соратник атамана А.И. Дутова, временно командующий Отдельной Оренбургской армией белых генерал А.Н. Вагин (был командирован в Брест-Литовск в чине подполковника в составе мирной делегации 11 декабря 1917 г.)⁵⁹⁷. В белом лагере Вагин за это не преследовался. Однако оказавшийся на белом Юге генерал Ю.Н. Данилов был признан нежелательным лицом на контролируемой белыми территории⁵⁹⁸.

Преследования Андогского, на наш взгляд, связаны с его стремлением играть значимую военно-политическую роль в антибольшевистском лагере на Востоке России. Генерал претендовал на высшие военно-административные или штабные должности, что, по всей видимости, и привело к использованию против него компрометирующих данных и преследованию за былые «грехи».

Насколько можно судить, поездка экспертов в Брест-Литовск и их действия там удостоились положительной оценки большевистского руководства. Вскоре военные эксперты получили новое ответственное поручение. Андогскому, В.М. Альтфатеру и Ю.Н. Данилову постановлением СНК от 9 марта 1918 г. была поручена разработка плана организации воен-

⁵⁹⁴ Там же. Л. 285.

⁵⁹⁵ ГАРФ. Ф. Р-5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 72.

⁵⁹⁶ Так считал, к примеру, Ю.Н. Данилов, заявивший своим коллегам перед отъездом: «Я принял на себя эту тягчайшую обязанность — присутствовать при готовящемся позорище — во имя надежды принести посильную помощь России. Я не счел возможным “умывать руки”...» (*Авдеев В.А.* Генерал Ю.Н. Данилов и его книга. С. 247). Вполне возможно, подобных взглядов придерживался и Андогский.

⁵⁹⁷ *Ганин А.В., Семенов В.Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007. С. 144.

⁵⁹⁸ *Энгельгардт Б.А.* Революция и контрреволюция // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Рига, 2004. Т. 8. С. 215.

ного центра для реорганизации армии и создания вооруженной силы на началах социалистической милиции и всеобщего вооружения рабочих и крестьян⁵⁹⁹. В документе было указано, что дело поручается «опытным и знающим военным специалистам, изъявившим готовность работать с Советской властью»⁶⁰⁰. В целом академия сотрудничала с новой властью, хотя и без особого энтузиазма ввиду очевидного неприятия большевиков.

* * *

По постановлению конференции академии от 3 марта 1918 г., офицеры, окончившие два класса академии, считались окончившими ее с правами на ученый знак и на причисление к Генеральному штабу⁶⁰¹.

В связи с угрозой Петрограду, создавшейся в результате германского наступления в феврале 1918 г., слушатели академии были привлечены к мероприятиям по обороне «колыбели революции». Комитет революционной обороны Петрограда в лице В. Володарского (М.М. Гольдштейна) и М.С. Урицкого выпустил обращение «Ко всем кадровым офицерам», в котором всем кадровым офицерам, включая слушателей и преподавателей академии, предписывалось явиться в Мариинский дворец⁶⁰².

Курсовик В.М. Цейтлин в этой связи записал в дневнике 2 марта: «Утром в академии застал смятение, оказывается, объявление в газетах “Кадровым офицерам, преподавателям и слушателям академии Ген. штаба явиться зарегистрироваться в Мар[иинский] дворец для организации обучения рабочих дружин”. Профессура заволновалась»⁶⁰³.

28 февраля Цейтлин отметил: «От Бонч-Бруевича пришло приказание послать от нашей академии 56 человек в помощь как офицеров Генерального штаба. Я и Кузнецов согласились добровольно и попали по инженерной части к ген. Величко на Северный участок, причем главным руководителем у нас наш же Коханов. Это в общем очень приятно. Сегодня были на заседании в Инженерном замке, а оттуда погнали на квартиру Коханова.

Завтра или послезавтра уже придется, вероятно, ехать на рекогносцировку позиции.

Говорят, дадут большие подъемные деньги, около 2 тысяч. Видимо, в этом отношении, сколько бы революций ни было, а монету все любят, и при царе, и при Керенском, и при большевиках. Самое важное, прежде всего, заплатить на законном основании комиссарам, так сказали опытные люди»⁶⁰⁴.

Далее Цейтлин писал, что «верить вообще пока что никому нельзя. Искреннего подъема и воодушевления не вижу почти нигде...»⁶⁰⁵

К этому времени среди слушателей обозначились и те, кто ждал победы Германии и ликвидации большевизма посредством германской военной силы. Цейтлин зафиксировал свои размышления на страницах дневника 1 марта 1918 г.: «Кругом сплошная грязь и алчность, многие, вероятно, думают в мутной воде рыбу половить и хватить и жирного пирога. Как много прохвостов. Напр[имер], в академии организуются партизанские отряды, в них, т.е.

⁵⁹⁹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 7об.

⁶⁰⁰ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 577.

⁶⁰¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1618. Л. 2–2об.

⁶⁰² *Кавтарадзе А.Г.* «Советское рабоче-крестьянское правительство... признало необходимым и учреждение... высшего военно-учебного заведения» // Военно-исторический журнал. 2002. № 10. С. 32.

⁶⁰³ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 282.

⁶⁰⁴ Там же. Л. 280.

⁶⁰⁵ Там же. Л. 281.

в штаб, организатором пошел Поликарпов, человек, который недавно прямо заявил, что он ничего не имеет против немецкого вторжения, которое несет и освобождение, и прогресс.

Все бы хорошо... Ты считаешь, что спасешь Россию в этом и ладно — я в другом. Кто прав — кто виноват, вопрос... Но зачем же тогда идти организатором партизан[ских] отрядов? Ведь это надругательство над самой этой идеей.

Просто думает — место потеплее...

Давно взяты, но на фоне последних событий это мелочь»⁶⁰⁶.

3 марта Цейтлин рассуждал в дневнике о тех своих товарищах, для которых ненависть к большевикам оказалась сильнее любви к родине: «Как слепы или, вернее, близоруки многие, благодаря озлоблению против большевиков — страшно желают прихода немцев. Какой толк, ведь только для того, чтобы ему, мне было лучше на время моей жизни, и, пожалуй, это будет. Но ведь теперешние события надо взвешивать в масштабе десятилетий, столетий, для этого надо⁶⁰⁷ сосредоточиться, спокойно, без злобы, уйти от всех ужасных подробностей. И у меня часто бывали мысли, пусть уж лучше немцы... Но теперь я все же пришел к заключению. Пусть лучше вся Россия будет советской республикой, лишь бы ее не рвали по частям и не попала она под немецкое ярмо»⁶⁰⁸. Эти слова кажутся значимыми и вне своего временного контекста.

Размышляя в другие дни над происходящим, слушатель записал, что вокруг спорят о будущей войне, «но с кем же воевать, смотришь кругом, все такие шкурники»⁶⁰⁹. По мнению слушателя, «конференция нас держит, дабы есть, получать деньги, — шкурный вопрос»⁶¹⁰. В другом месте он записал: «Надо надеяться, что вообще Андогский поставит это дело на надлежащие рельсы. У большинства слушателей шкурные интересы»⁶¹¹.

2 марта Цейтлин записал: «Сегодня я и Кузнецов вычеркнулись из инженерной обороны Петрограда у Величко. Сплошной там сумбур, все только получают монету, набрали всевозможных остолопов. На Кавказский фронт завтра должны уезжать все кавказцы, ввиду войны, но сегодняшняя телеграмма, вероятно, все изменит»⁶¹².

Поскольку занятия прервались, а многие слушатели оставались в Петрограде, у них появилось свободное время для отдыха. В.М. Цейтлин 5 марта посетил Мариинский театр, где слушал «Фауста» с Ф.И. Шаляпиным. Курсовик записал в дневнике, что отдохнул душой. При этом в городе раздавалась стрельба, и зритель опасался, что не все доберутся до театра⁶¹³.

10 марта 1918 г. занятия в академии были прерваны до экзаменов, поскольку начальник академии получил распоряжение военного руководителя Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевича о закрытии академии и об отправке слушателей в штабы военных советов Петроградского и Московского районов. Фактически не успев окончить старший класс

⁶⁰⁶ Там же.

⁶⁰⁷ Подчеркнуто в тексте.

⁶⁰⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 283.

⁶⁰⁹ Там же. Л. 282.

⁶¹⁰ Там же.

⁶¹¹ Там же. Л. 285.

⁶¹² Там же. Л. 282.

⁶¹³ Там же. Л. 284.

186
16
всего 11
20/11

СВИДѢТЕЛЬСТВО № 1101.

Дано сіе отъ Николаевской Военной Академіи *Василію Михайловичу Цейтліну* въ томъ, что онъ ОКОНЧИЛЪ ПОЛНЫЙ КУРСЪ 2-хъ КЛАССОВЪ НИКОЛАЕВСКОЙ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ И ПЕРЕВЕДЕНЪ ВЪ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КЛАССЪ ВОЕННАГО ИЛИ МИРНАГО ВРЕМЕНИ.

ИМѢТЬ ПРАВО: НА УЧЕНЫЙ ЗНАКЪ И ПРИЧИСЛЕНИЕ КЪ ГЕНЕРАЛЬНОМУ ШТАБУ НА ОСНОВАНИИ ст. 34-й „Положенія объ ускоренной подготовкѣ офицеровъ въ Николаевской военной академіи“. (Приказъ по Военному Вѣдомству 1916 года за № 627).

Основаніе: Постановление Конференціи отъ 3-го марта 1918 года.

Гор. Петроградъ, „19.“ Марта 1918 года.

Начальникъ Николаевской
Военной Академіи,
Профессоръ

Правитель дѣлъ Академіи,
Генеральнаго Штаба

А. А. Жоржески
Синица

курсов 2-й очереди⁶¹⁴, слушатели направлялись на срочную работу в различные штабы формирующейся Красной армии в связи с угрозой германского наступления под Петроградом.

12 марта 1918 г. слушателям были выданы свидетельства об окончании полного курса академии с правом на академический знак и причисление к Генштабу, в свидетельствах отмечалось, что они выдавались на основании постановления конференции от 3 марта⁶¹⁵. Однако еще 26 февраля по наряду начальника штаба Ставки Бонч-Бруевича в войска были направлены курсовики как подготовительного курса, так и старшего класса⁶¹⁶. В начале марта из старшего класса забрали 18 слушателей в Кавказскую армию, 12 — на укомплектование полевых штабов, 3 — в распоряжение начальника артиллерии Петроградского района и 6 — в распоряжение начальника инженеров того же района⁶¹⁷.

Большая группа слушателей в начале марта 1918 г. была экстренно командирована в распоряжение начальника штаба Кавказского фронта⁶¹⁸. В середине марта слушатели также отправлялись в штаб Кавказского фронта и в штаб партизанских отрядов⁶¹⁹. Направление большого количества слушателей (представителей казачества и кавказских народов) на Кавказ было, очевидно, связано с активизацией турецких войск и работой армянского военного комиссара в Петрограде Мелик-Парсаданова и бывшего генерал-майора Я.Г. Багратуни⁶²⁰. Мелик-Парсаданов 21 февраля 1918 г. писал начальнику ГУГШ: «Ввиду мобилизации всех армян, грузин и мусульман для защиты Кавказского фронта и на основании депеши моб[илизационного отдела] ГУГШ от 14-го ноября 1917 года за № 45920/7228 прошу безотлагательно командировать со всеми документами в мое распоряжение для немедленного отправления на Кавказский фронт всех слушателей Николаевской военной академии вышеупомянутых национальностей»⁶²¹. 28 февраля он, поставив на документе грифы «весьма секретно» и «весьма спешно», обратился к начальнику штаба Верховного главнокомандующего: «Ввиду того: 1) что распоряжением главнокомандующего войсками Кавказского фронта объявлена всеобщая мобилизация на Кавказе, вследствие уже начавшегося наступления германо-турецких войск; 2) что особые условия Кавказского фронта требуют для успеха борьбы деятелей, знакомых с местными особенностями, и 3) что слушатели Николаевской военной академии частей Кав[казской] армии продолжают числиться на учете шта[ба] Кав[казского] фронта, — прошу всех слушателей Николаевской военной академии, подходящих под п. 3 настоящего моего сношения, и уроженцев Кавказа безотлагательно отправить в распоряжение Кав[казской] армии.

Настоящая моя просьба вызывается тем обстоятельством, что уже начавшееся наступление турок грозит гибелью именно тому народу, представителем интересов по военным вопросам коего я состою.

⁶¹⁴ Сохранилось расписание занятий старшего класса курсов 2-й очереди с 25 февраля по 2 марта 1918 г., по всей видимости — последней недели занятий (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1619. Л. 15).

⁶¹⁵ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 11. Л. 16.

⁶¹⁶ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 51. Л. 59.

⁶¹⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 105об.

⁶¹⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1618. Л. 7; Д. 1648. Л. 47.

⁶¹⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1646. Л. 51об.–52.

⁶²⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 158. Л. 6.

⁶²¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1618. Л. 146.

Успех турок аннулирует вполне декрет от 29-го декабря 1917 г. о самоопределении “Турецкой Армении”, против чего необходимо всеми силами бороться»⁶²². М.Д. Бонч-Бруевич согласился с этим предложением. Выпускники командировались на Кавказ, поскольку ранее служили на Кавказском фронте или были местными уроженцами⁶²³. Поскольку Первая мировая война продолжалась, а национальные государства в Закавказье еще не сформировались, ходатайство было удовлетворено, и слушатели были направлены Бонч-Бруевичем в Закавказье. Направленные на Кавказ по распоряжению ГУГШ с подачи советского военного руководства, в дальнейшем они пополнили ряды соответствующих национальных армий и некоторые в их рядах или в рядах белых армий даже боролись с большевиками⁶²⁴.

Возможно, армянские представители и стремились пополнить закавказские армии квалифицированными штабными кадрами. Как удалось установить, «от ноября 1917 до февраля 1918 г. Багратуни, будучи в Петрограде армянским военным комиссаром, перевел с Западного фронта и из России до 40 тыс. армян-воинов на Кавказ. Его коменданты имелись в Харькове, Ростове и других местах»⁶²⁵. В анонимном очерке «Формирование Армянского корпуса» отмечалось, что «особенно велико было участие Генерального штаба генерал-майора Багратуни, который пользовался влиянием в высших военных кругах Петрограда и, обладая серьезными познаниями в области военного дела и сильной [нрзб] выдержкой характера, оказал большие услуги делу создания армянского корпуса»⁶²⁶. 7 марта Багратуни прибыл в Закавказье, куда ранее направлял слушателей академии.

Выпускник академии В.М. Цейтлин 13 марта записал в дневнике по поводу окончания учебы: «Сегодня был молебен. Должен был быть акт, но он почему-то не состоялся, конференция отложена на завтра.

Чинтулов назначен в штаб Петроградский по назначению Андогского.

Куда меня занесет судьба...»⁶²⁷

Последней дневниковой записью Цейтлина о предстоящем распределении стала запись от 15 марта: «Ездил в Мариинский дворец за разрешением на выезд, но там такая толкотня, что ничего не добился. Назначен сейчас в распоряжение военного руководителя Моск[овского] военного округа, интересно, какую должность получу дальше, вообще, что дальше будет»⁶²⁸.

Распределение курсовиков, командированных в штабы зарождавшейся РККА и сохранившиеся штабы старой армии, представляется следующим (табл. 10).

⁶²² Там же. Л. 1.

⁶²³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1123. Л. 48.

⁶²⁴ Например, из намеченных к командированию на Кавказ 19 слушателей старшего класса 2-й очереди двое командированы не были и, соответственно, остались в РККА. Из 17 остальных 10 попали в белые армии Юга России, двое в национальные армии, и о дальнейшей службе пяти офицеров данных пока обнаружить не удалось. Таким образом, командировки офицеров из местных уроженцев в этот регион почти гарантированно приводили к их переходу в антибольшевистский лагерь. Впрочем, в конце Гражданской войны четыре человека вновь оказались на службе в РККА, один приехал в Советскую Россию, но его деятельность неизвестна, и один попал в плен и был расстрелян.

⁶²⁵ НАА. Ф. 1267. Оп. 2. Д. 94. Л. 69об.

⁶²⁶ НАА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.

⁶²⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 286–287.

⁶²⁸ Там же. Л. 287.

Распределение выпускников ускоренных курсов 2-й очереди и слушателей подготовительного курса 3-й очереди по штабам и учреждениям (февраль–апрель 1918 г.)⁶²⁹

Местонахождение	Выпуск курсов 2-й очереди	Подготовительный курс 3-й очереди
Первоначальное распределение (конец февраля – начало марта 1918 г.)		
Штаб Псковского отряда (военрук — И.Г. Пехливанов)	Ф.Н. Гришин, Х.В. Гуртовенко, Н.Н. Долинский, А.Д. Загребин, П.И. Ляшко, С.И. Петров, В.Ф. Ржечицкий, В.А. Срывалин, М.Н. Третьяков, Б.М. Черниговский-Сокол	С.И. Васильев, М.Б. Дмитриев, Н.Н. Ивановский, И.С. Петров-Денисов
Штаб Нарвского отряда (военрук — Д.П. Парский)	Ф.Н. Боровский, Ю.И. Григорьев, В.Г. фон Розенберг, А.С. Ролько, С.К. Сахаров, П.А. Сверчков, П.П. Слицкоухов	А.М. Изюмов, Н.А. Мягков, М.П. Фесик, С.П. Цветков
Штаб Финляндского района (военрук — Д.Н. Надежный)	И.И. Бартельс, Н.В. Громов, А.Г. Пахомов, Н.И. Шило	
Дновская группа, штаб Порховского отряда (военрук — Ф.А. Подгурский)	П.А. Захаров, А.К. Малышев, С.Г. Плюто, Н.Н. Розанов, М.Я. Савич, В.В. Селенинов, В.А. Срывалин, В.И. Тарасов 2-й, В.В. Трофимов, Б.М. Черниговский-Сокол, Я.Я. Юршевский, Н.В. Яковский	М.И. Алафузо, М.М. Георгули, С.Н. Кравцов, А.Ф. Мауринг
Штаб инженерной обороны Петергофского района		Г.Н. Акимов
Штаб Старо-Русского отряда (военрук — Н.С. Триковский)	Г.С. Дьяков, И.А. Хрыпов, Н.В. Энглер	Ф.М. Бредш, А.В. Городецкий, Н.А. Иванов
Штаб инженерной обороны Петрограда (военрук — К.И. Величко)	Н.И. Кадников, Т.С. Косач, Б.И. Кузнецов, П.М. Майгур, М.И. Матьянов, М.А. Михайлов, И.Д. Моденов, В.З. Полошкин, И. Попов, В.Ф. Ржечицкий, В.Ф. Тарасов 1-й, В.В. Трофимов, В.М. Цейтлин	Н.А. Бафталовский, К.И. Блинов, Д.А. Булгаков, А.Н. Вегенер, А.А. Войдаков, Н.Г. Волков, Н.И. Герасимович, Е.М. Дубинин, А.А. Дурасов, М.Т. Евстратов, К.П. Завалиевский, И.В. Зуев, К.И. Клуге, Н.В. Кропоткин, Н.О. Масыгин, И.А. Петров, Б.Ф. Пуляшко, А.Е. Сотников, В.С. Тимофеев, Г.В. Ярцев
В распоряжение начальника артиллерии Ставки (военрук — К.Ф. Зейц)	П.А. Кривченко	А.А. Буров, Влесков, Л.К. Гершельман, Горецкий, С.И. Ильин, П.Т. Княшко, Соколов, И.М. Чебенаев, И.М. Штальберг
В штаб партизанских формирований и отрядов	В.И. Боголепов, С.Н. Вышемирский, Т.Д. Дубинин, Я.К. Ивасиов, А.В. Кирпичников, А.К. Климовецкий, Б.П. Лапшин, Н.Д. Либус, А.К. Македонский, В.И. Максимов, Г.О. Маттис, А.Н. Машин, В.Л. Пятницкий, В.И. Самуйлов, Е.О. Стецкий	

⁶²⁹ Сост. по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1618. Л. 3–Зоб., боб., 8–142; Д. 1991. Л. 15–16, 104, 111–111об.; Ф. 977. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–1об.; РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 51. Л. 59; Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 200об.–202. Сверено с: *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 71. Назначения менялись, чем обусловлены встречающиеся повторы. Последовательность происходивших переназначений еще нуждается в уточнении.

Местонахождение	Выпуск курсов 2-й очереди	Подготовительный курс 3-й очереди
В распоряжение начальника штаба Кавказского фронта	Л.С. Безладнов, В.В. Белецкий, Н.П. Велличкин, А.П. Вохмин, Е.М. Гарабурда, А.С. Дзаганя, Н.В. Иванов, Н.А. Карганов, А.Ф. Легин, С.С. Любинский, В.М. Пегушин, С.Г. Плото (командирован не был), И.И. Рославцев, Г.Б. Салимов, Б.Н. Скворцов (командирован не был), М.К. Соломахин, И.И. Фалилеев, А.С. Чернышев, И.Г. Чечелашвили	М. Багель, Бек-Зейналов, И.М. Богацкий, А.П. Булавинов, Дулькис, Н.А. Иванов, Колонтаевский, М. Костиль, С.И. Костров, В.Н. Кусов, Луговский, Львов, Р.Д. Мергин, Мухселов, Мхитарьянц, М.С. Парейшвили, Б.М. Перепеловский, И.С. Петров-Денисов, А.Н. Поликострицкий, князь Сидамон-Эристов, Ю.В. Трофимов, Г. Тухарели, М.А. Фостиков, Хитров ⁶³⁰ , К.В. Чугунков
Последующее распределение (вторая половина марта — апрель 1918 г.)		
Штаб Северного участка и Петроградского района (в том числе прикомандированные)	П.Т. Акутин, И.А. Бардинский, П.М. Бедарев, А.В. Бернов, Ф.Н. Боровский, С.И. Вецкий, Р.И. Воликовский, Е.М. Голицын, С.Н. Голубев, Ю.И. Григорьев, Н.Н. Доможиров, И.В. Дорощев, Н.И. Дроздовский, А.Ф. Ефремов, В.Г. Зиверт, Г.К. Иванов, Е.И. Исаев, Н.И. Кадников, С.М. Казаков, Колесников, Т.С. Косач, Б.И. Кузнецов, А.Д. Люттов, П.М. Майгур, А.А. Мартягин, В.Н. Маслов, П.А. Мей, М.А. Михайлов, И.Д. Моденов, А.Н. Николаев, Я.В. Окулич-Казарин, С.Г. Плото, А.И. Побыванец, М.А. Поликарпов, В.З. Полюшкин, Е.И. Попов, Н.Н. Розанов, В.Г. фон Розенберг, П.А. Сверчков, В.В. Селенинов, А.Л. Симонов, Б.Н. Скворцов, В.Е. Стасевич, В.Ю. Стульба, Е.В. Сысов, В.Ф. Тарасов 1-й, Г.И. Теодори, В.В. Трофимов, К.С. Хитрово, И.Д. Чинтулов, Н.В. Энглер, Н.В. Яковский	
Штаб Военного совета Московского района и штаб Московского отряда, оперативный отдел Московского областного военного комиссариата	С.А. Андросов, В.Л. Баранович, И.М. Биркан, В.В. Божко, Борисов, Н.Е. Варфоломеев, А.Ф. Васильев, А.Н. Виноградов, И.Р. Гегманцев, И.И. Граужис, И.П. Доготарь, М.А. Дулов, Г.С. Дьяков, Н.Я. Забегалов, Е.П. Ильин, Н.И. Камкин, Н.А. Киселев, А.М. Кныш, П.А. Кривченко, А.И. Кук, П.В. Куликов, Куновский, Г.Я. Кутырев, С.С. Кухарь, В.Д. Латынин, А.И. Медель, И.И. Митрофанов, М.В. Молочанов, Н.А. Никольский, П.И. Олейников, И.Ф. Оравский, Г.П. Орешкин, А.П. Панкратьев, А.П. Петренко, С.В. Пирог, А.И. Побыванец, И.Н. Полковников, И.Н. Полозов, С.К. Сидоровнин, Ю.В. Скорняков, Н.И. Сластинок-Сластенко, И.А. Смирнов, Р.Е. Стокальский, П.М. Стрыхарь, К.П. Тераевич, К.А. Терлецкий, В.Э. Томме, Я.С. Туров, Б.Н. Тюренков, И.П. Тюрморезов, И.М. Финицкий, В.В. Хрулев, И.А. Хрыпов, В.М. Цейтли, А.П. фон Энден, В.А. Якименко	

⁶³⁰ Подполковник 1-го Кавказского стрелкового полка, переведен из военно-юридической академии.

Местонахождение	Выпуск курсов 2-й очереди	Подготовительный курс 3-й очереди
Разработка штатов и законоположений для новой армии (руководитель — Б.П. Поляков)	П.Т. Акутин, А.В. Бернов, Ю.И. Григорьев, П.М. Майгур, А.А. Мартягин, С.Г. Плюто, В.Г. фон Розенберг, В.Ф. Тарасов 1-й, В.В. Трофимов	
Штаб Тверского отряда	П.А. Кривченко, И.Ф. Ораевский, П.М. Стрыхарь	
Штаб Калужского отряда	М.В. Молкочанов, И.Н. Полозов, А.П. фон Энден	
Штаб Ново-Ржевского отряда (военруки — А.А. Незнамов, В.А. Ольдерогге)	Э.К. Лус, А.И. Макулович, А.И. Побыванец	
Штаб Ржевского отряда	П.И. Олейников, И.М. Финицкий, В.В. Хрулев	
Штаб Невельского отряда	А.И. Медель, И.А. Хрыпов	
Штаб Рязанского отряда	Н.Я. Забегалов, А.В. Кирпичников (поменился с Н.Е. Варфоломеевым), С.К. Сидоровнин, В.М. Цейтлин	
Штаб Брянского отряда	А.Ф. Васильев, И.Р. Гетманцев, Г.С. Дьяков, В.Д. Латынин, И.Н. Полковников	
Штаб Вяземского отряда	В.В. Божко, Н.И. Камкин, Н.И. Сластинок-Сластенко	
Штаб Тульского отряда	И.И. Граужис, Н.А. Никольский, Я.С. Туров	
Штаб Западного участка	В.Л. Баранович, М.А. Дулов, А.И. Кук, Р.Е. Стокальский	
ГУВУЗ	К.П. Тераевич	
Наркомвоен (при Н.И. Подвойском)	П.В. Куликов	
Уехали домой	С.А. Андросов, И.М. Биркан, Борисов, И.П. Доготарь, А.М. Кныш, Куновский, С.С. Кухарь, И.И. Митрофанов, Г.П. Орешкин, А.П. Петренко, Ю.В. Скорняков, И.А. Смирнов (временно), К.А. Терлецкий, Б.Н. Тюренков, И.П. Тюморезов, В.А. Якименко	

Это распределение в дальнейшем повлияло не только на службу, но и на судьбы многих слушателей в то непростое время. Распределение не оставалось неизменным. Слушатели отправлялись в командировки, переходили из одного штаба в другой или увольнялись со службы.

Насколько можно судить, первоначально (в конце февраля – начале марта 1918 г.) слушателей и выпускников распределили по штабам вокруг Петрограда, затем они были отозваны, и с середины марта произошло перераспределение. Слушатели младшего класса, перешедшие на старший класс, в середине марта возвратились в академию и должны были

эвакуироваться вместе с ней (кроме убывших на Кавказ)⁶³¹, а выпускники оказались сосредоточены в штабе Северного участка и Петроградского района и в штабе Военного совета Московского района, откуда их уже распределяли по различным штабам формирующихся войск завесы и военным учреждениям.

Комитет младшего класса ходатайствовал перед начальником академии 11 марта об оставлении при академии на случай откомандирования от нее всех слушателей или всего комитета, или его бюро (Д.П. Артынов, И.М. Витоль, Л.К. Лихтарович, Н.Н. Нелавицкий, П.А. Федоров) в составе 4–5 человек для поддержания связи⁶³².

В почтотелеграмме № 3, рассылавшейся для информирования выпуска курсов 2-й очереди о текущих событиях, сообщалось: «Очень много труда требует обеспечение выпуска штатными местами. Помимо тренировок, связанных вообще с получением места теперь (приказ о том, что выпуск нужен, что без его работы обойтись нельзя, — оказался без почвы, ибо как только появляется офицер Генштаба или лицо, лично знакомое начальнику, то начинается “выжимание”), возникает еще много недоразумений, имеющих причиной свойства личного характера командированного на открывшуюся должность»⁶³³.

Служба распределенных в зарождавшуюся Красную армию курсовиков складывалась по-разному, о чем свидетельствуют их письма председателю комитета выпуска А.Л. Симонову и воспоминания. Выпускник курсов бывший капитан А.Д. Загребин 27 марта 1918 г. писал о последнем месяце своей службы: «Скажу Вам откровенно, что я прямо не мог вынести того, в какой обстановке пришлось работать⁶³⁴. Прежде всего, принял нас Пехливанов не важно, вторых, за все время мы не были устроены как следует, в-третьих, посылая на рекогносцировку, не давали почти никаких средств (была дана пристяжная лошадь, оседланная задней лукой к шее лошади, — приходилось самому переседлывать и ехать без вестового).

В-четвертых, Пехливанов хотел⁶³⁵ меня и Черниговского-Сокол назначить начальниками сторожевых застав, от чего мы⁶³⁶ категорически отказались, так как, не говоря уже о том, что это не наше дело, — все равно люди тех банд, которые там несли охранение (последнего, кстати сказать, совершенно почти не было), наши бы приказания не исполняли, ибо начальство там выборное, да кроме того, они совершенно не обучены и ни одного приказания все равно бы не поняли.

Сами судите, что это за охранение, если на участке в 7 вер[ст] стоит 210 чел. разного сброду, вроде “Волчьей стаи” (это название отряда, к начальнику которого я был послан для дачи указаний оперативного характера).

Когда я туда приехал, то передо мной предстал форменный бандит, который не говорил, а рычал как волк. Он с большой неохотой исполнил мою просьбу, видимо, желая показать, что ни в каких указаниях он не нуждается. Еще в один из вечеров, около 12 час[ов] ночи, мальчишка комиссар (конечно, жид) хотел привлечь кого-либо из нас в революционный трибунал в качестве судей судить за мнимое шпионство какого-то крестьянина (я считаю⁶³⁷, что

⁶³¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1618. Л. 145.

⁶³² Там же. Л. 143.

⁶³³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 109об.

⁶³⁴ Подчеркнуто синим карандашом, текст — черные чернила.

⁶³⁵ Здесь и далее подчеркнуто красным карандашом.

⁶³⁶ На полях карандашом знак вопроса.

⁶³⁷ Подчеркнуто синими чернилами.

шпионства никакого быть там не могло, так как доступ во Псков и из него был совершенно свободен всем и тогда надо бы судить всех того района).

Я резко отказался, указав, что я кончил академию Генерального штаба, а не юридическую. Вся эта атмосфера так угнетающе на меня подействовала, что я решил уехать»⁶³⁸.

Конечно, людям, привыкшим к порядкам старой армии, в новых условиях было трудно сориентироваться. Однако и Пехливанов был недоволен Загребиным. По его мнению, курсы М.Н. Третьяков и Ф.Н. Гришин работали отлично, тогда как Загребин — «очень плохо». Рекогносцировка. У Загребина — «змейки в лесу?!»⁶³⁹. В итоге после разговора с Загребиним Пехливанов освободил того от службы.

Председатель комитета выпуска 1917 г. А.Л. Симонов ответил Загребину: «Причина Вашего ухода, полагаю, неосновательна: Вы искали тихой, спокойной работы “по Генштабу” — в давно забытых рамках. С Вас потребовалось жизнью несколько иное. Экзамена Вы не выдержали.

Поэтому очень странным кажется Ваше желание — “пора бы и начать служить на военной службе, конечно, по Генштабу...”»⁶⁴⁰

Командированный под Псков слушатель курсов 3-й очереди бывший штабс-ротмистр Н.Н. Ивановский писал об этой командировке генералу П.П. Петрову уже в эмиграции в 1963 г.: «Немцы заняли Псков, и предполагалось их наступление на Петроград. Смольный решил защищаться. Армия развалилась к тому времени. Нужно было начинать сначала. Академии было приказано выслать на фронт часть слушателей для пополнения штабов. Я и шт[абс]-кап[итан] Дмитриев были назначены на псковское направление. Здесь я хочу подчеркнуть интересный мало кому известный факт. Когда мы приехали на Варшавский вокзал, мы зашли к коменданту станции за справкой. Он показал нам телеграмму Ленина — приготовить вагоны для перевозки на фронт миллиона вооруженных рабочих. Эта телеграмма не требует никакого комментария.

Мы приехали на ст[анцию] Торошино в так называемый штаб — все псковское направление прикрывалось отрядом путиловских рабочих и отрядом Волчьей стаи — кронштадт[ские] матросы. Был еще самодельный бронепоезд из платформ — и это все.

Через несколько дней по прибытии меня послали на рекогносцировку позиции для прибывающей несуществ[ующей] армии. Сам я пскович, так что район мне был знаком. Никакой рекогносцировки, конечно, не делал, но зато я видел, что осталось после армии — все было усеяно брошенными орудиями, обозами, табунами лошадей. Деревни соединились полевыми телефонами. Во дворах стояли повозки, лазаретные линейки — картина в общем потрясающая. Вернулся в так называемый штаб, примерно через пару дней приехала смена — старший курс был выпущен раньше времени, дали им птицу⁶⁴¹. Они нас заменили, а мы поехали догонять академию, которую направили ввиду подхода немцев в Екатеринбург»⁶⁴².

Другой направленный в войска слушатель, бывший капитан П.П. Слищкоухов, писал А.Л. Симонову из Ямбурга 14 апреля 1918 г.: «Но работать и жить весьма тяжело. Сверху мало поддержки и руководства, а низ — Вы сами знаете какой... Первое время было очень

⁶³⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 34–35об.

⁶³⁹ Там же. Л. 37.

⁶⁴⁰ Там же.

⁶⁴¹ Имеется в виду академический знак с двуглавым орлом.

⁶⁴² НИА. Pavel P. Petrov Collection. Box 1. Folder 3.

трудно, пока пришлось обучать своих помощников, которые шагу ступить в канцелярии не умеют, но понемногу и благодаря их старанию и энергии дело налаживается»⁶⁴³. Весьма непросто складывались взаимоотношения курсовиков и выпускников довоенной академии⁶⁴⁴.

20 марта В.М. Цейтлин записал в дневнике свои впечатления от штаба военного руководителя Московского района, в который был распределен: «Вчера был в штабе военного руководителя Московского района генерала Байова, не могу сказать, чтобы мне там понравилось. Во-первых, сплошной хаос, но, конечно, это извинительно — самое [начало], во-вторых, набралось много всякой старой завали Генерального штаба для получения денег, ходят из комнаты в комнату, торгуются из-за мест, — лавочка, да и только.

Нам предложили ряд мест в Твери, Смоленске, Калуге, Туле и др. городах, мне улыбалась лишь Рязань, куда я и записался, но было много желающих и тащили жребий, я не вытащил.

Сегодня опять надо идти узнавать. На остальные места в городе я не согласился, сказав, что в этом случае совершенно снимаю свою кандидатуру.

Я решил, что если не удастся попасть в самый Тамбов или Москву, то тронусь в Петроград и найду себе место там.

В Москве отчаянная грязь, теснота, словом, в Петрограде последнее время жилось хорошо, нечего греха таить»⁶⁴⁵.

Приказ по Генеральному штабу № 22 от 23 марта 1918 г. за подписью исполняющего обязанности начальника Генштаба Н.М. Потапова гласил: «Поименованные в прилагаемом при сем списке слушателей Николаевской военной академии, успешно окончившие старший класс академии 2-й очереди в 1918 году, на основании пункта 34-го положения об ускоренной подготовке в упомянутой академии, объявленного в приказе по военному ведомству 1916 г. за № 627, причисляются к Генеральному штабу, с тем, что для перевода в Генеральный штаб они должны в определенный срок выдержать экзамены по предметам старшего класса, выполнить работы по съемкам и сдать все темы дополнительного курса.

Неудовлетворительное исполнение какого-либо из всех этих условий должно повлечь отчисление невыполнившего от Генерального штаба, тем самым прерывая дальнейшее выполнение указанных испытаний. Также подлежат отчислению от Генерального штаба те из причисляемых, которые по выполнении всех условий получают в окончательном среднем менее 10 баллов.

Перевод в Генеральный штаб ныне причисляемых лиц может последовать лишь при наличии штатных должностей Генерального штаба»⁶⁴⁶.

Таким образом, 165 выпускников старшего класса 2-й очереди были причислены к Генеральному штабу (как выпуск 1917 г.). Среди окончивших старший класс 2-й очереди, по нашим подсчетам, было 3 офицера, прошедших младший класс академии перед войной⁶⁴⁷, и 4, окончивших подготовительные курсы 1-й очереди⁶⁴⁸, остальные 158 офицеров прошли подготовительные курсы 2-й очереди.

26 марта Андогский направил начальнику штаба Военного совета Петроградского района список на 48 выпускников, в котором говорилось: «Сим уведомляю, что командирование

⁶⁴³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 32–33.

⁶⁴⁴ Подробнее см.: Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 33–66.

⁶⁴⁵ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 288.

⁶⁴⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 1150б.

⁶⁴⁷ И.И. Граужис, А.А. Мартягин, В.В. Селенинов.

⁶⁴⁸ С.И. Вецкий, Р.И. Воликовский, И.В. Дорощев, Г.П. Орешкин.

П Р И К А З Ъ № 22.
П О Г Е Н Е Р А Л Ь Н О М У Ш Т А Б У.
Петроградъ. Марта 23 дня 1918 г.

Поименованные въ прилагаемомъ при семъ спискѣ слушателей Николаевской военнои академіи, успѣшно окончившіе старшій классъ академіи 2-ой очереди въ 1918 году, на основаніи пункта 34-го положенія объ ускоренной подготовкѣ въ упомянутой академіи, объявленнаго въ приказъ по Военному Вѣдомству 1916 г. за № 627, причисляются къ Генеральному Штабу, съ тѣмъ, что для перевода въ Генеральный Штабъ они должны въ опредѣленные сроки выдержать экзамены по предметамъ старшаго класса, выполнить работы по съемкамъ и сдать всѣ темы дополнительнаго курса.

Неудовлетворительное исполненіе какого либо изъ всѣхъ этихъ условій должно повлечь отчисленіе невыполнившаго отъ Генеральнаго Штаба, тѣмъ самымъ прерывая дальнѣйшее выполненіе указанныхъ испытаній. Также подлежатъ отчисленію отъ Генеральнаго Штаба тѣ изъ причисляемыхъ, которые по выполненіи всѣхъ условій, получаютъ въ окончательномъ среднѣ менѣе 10 балловъ.

Переводъ въ Генеральный Штабъ нынѣ причисляемыхъ лицъ можетъ послѣдовать лишь при наличіи штатныхъ должностей Генеральнаго Штаба.

П Р И Л О Ж Е Н І Е: с п и с о к ъ.

Подлинныи подписалъ:

И. об. Начальника Генеральнаго Штаба Н. П о т а п о в ѣ.

В ѣ р н о: Дѣлопроизводитель по службѣ

Генеральнаго Штаба Г У Т Ш,

генеральнаго штаба Б ѣ л о ѣ.

Съ копіей вѣрно: Начальникъ Оперативнаго Отдѣленія Штаба

Военнаго Совѣта Петроградскаго раіона

Причисленныи къ Генеральному Штабу *А. Седоковъ*

лиц согласно прилагаемого списка, окончивших в сем году 2 класса Н[иколаевской] в[оенной] а[кадемии] и причисленных к Г[енеральному]Ш[табу], в Ваше распоряжение для назначения на должности Г[енерального]Ш[таба] сделано мною на основании постановления Высшего военного совета, переданного лично мне словесно Михаилом Дмитриевичем Бонч-Бруевичем, военным руков[одителем] В[ысшего] в[оенного] совета, — 10 сего марта»⁶⁴⁹.

Некоторая часть выпускников стремилась продолжить обучение в дополнительном классе академии, если такой предполагалось открыть. К примеру, И.В. Дорофеев писал из Омска 12 апреля 1918 г. председателю комитета выпуска А.Л. Симонову: «Сегодня в местном вестнике прочитал о предположенном возобновлении занятий в академии на новых началах, по французскому образцу. Возможно вполне, что дополнительный курс наш будет созван, не забудьте и меня, а если не затруднит, — сообщите новости и предположения»⁶⁵⁰. Открытие дополнительного курса в академии ожидалось 1 декабря 1918 г.⁶⁵¹ Впрочем, этот вариант считался маловероятным⁶⁵².

Наиболее оптимальным был вариант перевода выпускников в Генштаб без какого-либо дополнительного обучения. Между тем из приказа от 23 марта не было ясно, в какие сроки академия даст выпуску законченное образование или переведет его в Генштаб. Основной задачей выпускников стало получение полноценного образования и вхождение в корпорацию генштабистов без каких-либо старорежимных условностей и ограничений, которые сохранялись в 1917–1918 гг. и также проявились в приказе от 23 марта.

7 апреля 1918 г. председатель комитета выпуска А.Л. Симонов писал начальнику академии А.И. Андогскому: «Если обратиться к условиям, поставленным для перевода в Генштаб, то обязательство выполнить работы по съемкам является необъяснимым, ибо совершенно не учтены силы, которые прошли через старший класс 2-й очереди. Ведь достаточно указать, что каждый из выпуска за 1 1/2 – 2 года войны и в самый ее тяжелый период отбыл такой строевой и боевой ценз, столько сделал рекогносцировок и собственными ногами и головой исследовал поля Галиции, Польши, Восточной Пруссии, Белоруссии и Курляндии, пустыни Месопотамии и горы Армении, — рекогносцировок, на основании коих в штабах (да будут мне свидетелями боевые члены конференции) разрабатывались операции целых армий. Призванные из строя на службу Генерального штаба, кроме Румынского и Юго-Западного фронтов, наши армии перешли к позиционной войне, выпуск [19]17 года продолжал честно нести службу Генштаба, часто без руководства лиц с законченным военным образованием.

Можно смело сказать, что едва ли кто из офицеров патентованного Генерального штаба в эту войну прошел такую боевую школу»⁶⁵³. Эти суждения, несмотря на немалый апломб генштабовской молодежи, были в значительной степени справедливы.

Симонов обращал внимание руководства академии на то, что многие довоенные требования учебного курса изжили себя и не нуждались в применении к боевым опытным офицерам. По его мнению, курсовиков не нужно было заставлять заниматься съемками или полевыми работами, которые отнимают много времени. Все это слушатели ускоренных курсов 2-й очереди уже прошли на практике в годы Первой мировой войны. Их практический опыт

⁶⁴⁹ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 29. Л. 1об.

⁶⁵⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 29.

⁶⁵¹ Там же. Л. 30.

⁶⁵² Там же. Л. 61об.

⁶⁵³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 108–108об.

штабной работы на фронте был гораздо ценнее учебных академических задач. Если бы не война, многие курсовики уже бы закончили полноценный курс академии, некоторые были к 1918 г. в штаб-офицерских чинах. Борьба курсовиков принесла результат, и приказом Всероссийскому главному штабу № 18 от 27 июня 1918 г. 133 ранее причисленных выпускника были переведены в Генштаб⁶⁵⁴. 16 июля новости об этом достигли академии, в которую их сообщил выпускник курсов Г.И. Теодори⁶⁵⁵.

* * *

По состоянию на 28 марта 1918 г. позиция А.И. Андогского относительно будущего академии и курсов была следующей (он разъяснял ее в ответ на запросы). Академия эвакуировалась в Екатеринбург, прием на подготовительные курсы был прекращен, намечалась лишь дальнейшая подготовка тех, кто уже прошел обучение на подготовительных курсах трех очередей. Сбор старшего класса в Екатеринбурге намечался на 10 мая⁶⁵⁶.

5 апреля 1918 г. конференция академии постановила завершить теоретическую подготовку слушателей, прошедших подготовительные курсы 3-й очереди и переведенных в старший класс. В мае были запланированы экзамены за подготовительные курсы, баллы за них должны были учитываться при переходе в дополнительный класс, который предполагалось со временем открыть. С 1 июня намечались полевые занятия — учебные съемки и два тактических занятия. Затем, с 15 августа по 1 сентября, должны были читаться теоретические курсы и вестись практические занятия⁶⁵⁷. Телеграммой от 11 апреля 1918 г. Андогский собирал слушателей в старший класс⁶⁵⁸.

По данным, полученным комитетом слушателей на 6 апреля 1918 г., слушатели старшего класса выразили готовность участвовать в работах по формированию народной армии (РККА) по следующим специальностям (табл. 11).

Из 229 слушателей, готовых служить в РККА, налицо имелись 114. Впрочем, профессор М.А. Иностранцев свидетельствовал, что слушатели не хотели по своей воле отправляться в штабы, в частности в штаб Северного участка и Петроградского района, в результате чего даже тянули жребий⁶⁵⁹.

Между тем новая власть все больше себя проявляла по отношению к бывшим офицерам. Некоторые слушатели академии стали жертвами репрессивных действий. Так, 12 марта 1918 г. слушателей А.И. Макуловича и И.Н. Полозова из академии направили в ВЧК для приема на поруки арестованных в ночь на 11 марта слушателей А.Ф. Васильева, А.А. Войдакова и А.И. Побыванца⁶⁶⁰. 11 марта в ВЧК с той же целью ездили преподаватель В.Н. Касаткин и председатель комитета слушателей 2-й очереди А.Л. Симонов⁶⁶¹. Позднее арестованных освободили⁶⁶². Тем не менее такие события вполне демонстрировали слушателям и

⁶⁵⁴ Публикацию приказа см.: *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. Справочные материалы. М., 2009. С. 530–534.

⁶⁵⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1646. Л. 125об.

⁶⁵⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1621. Л. 2.

⁶⁵⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 110об.

⁶⁵⁸ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 462. Л. 12.

⁶⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 272.

⁶⁶⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1610. Л. 746.

⁶⁶¹ Там же. Л. 747–748.

⁶⁶² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 111об.

**Пожелания слушателей старшего класса академии
относительно последующей специализации. 6 апреля 1918 г.⁶⁶³**

	Специализация	Число слушателей
Штабная работа	Стрелковая	23
	Инспекторская	21
	Оперативная	58
	Разведывательная	22
	Хозяйственная	3
	По военным сообщениям	2
Тактическая работа	Лекции	40
	Полевые занятия	22
Инструкторская работа	Артиллерия	14
	Пулеметы	3
	Кавалерия	6
Безразлично, по каким должностям		15

преподавателям их бесправное положение в новых условиях. Один из слушателей писал в начале апреля 1918 г., что от обстановки «кажется, мозги уже плавают»⁶⁶⁴.

Март 1918 г. стал временем подведения итогов учебы на курсах. Ввиду хронического непосещения лекций и практических занятий некоторые слушатели были отчислены (В.И. Бржозовский, Востросаблин, Яцкевич), причем решение об отчислении принимал комитет слушателей. Причиной отчисления могли быть и проступки. Например, слушатель М.П. Фесик был отчислен от академии без права обратного поступления как отказавшийся от назначенной командировки и самовольно уехавший на родину, воспользовавшись документами, выданными ему для другой цели⁶⁶⁵. Ввиду манкирования службой и непосещения половины лекций подлежали повторному приему без экзамена в младший класс слушатели Н.Н. Курбатов, Луговский, Л.В. Никольский, Онушкевич, С.А. Скрыбин⁶⁶⁶. Слушатели К.К. Пятницкий и К.Ю. Румша подлежали приему в младший класс без экзамена как поступившие в академию только в январе 1918 г. Слушатель С.Н. Агапеев мог быть переведен в старший класс с обязательством сдать все пропущенные работы за младший класс. 188 слушателей, включая Агапеева, переводились в старший класс без экзамена. Шесть слушателей не прибыли для обучения в академию, а большая группа (не менее 43 человек) была отчислена⁶⁶⁷. Отчисления слушателей практиковались и в Екатеринбурге летом 1918 г.⁶⁶⁸

Задержки в прибытии слушателей в академию в условиях разгоравшейся Гражданской войны были связаны порой с драматическими обстоятельствами. Показателен рапорт слушателя младшего класса 3-й очереди А.М. Калаушина начальнику академии от 28 марта

⁶⁶³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 14. Л. 48.

⁶⁶⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 11.

⁶⁶⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1620. Л. 1.

⁶⁶⁶ Там же. Никольского после объяснения все же взяли в старший класс с обязательством отработать пропущенное (Там же. Л. 20об.).

⁶⁶⁷ Там же. Л. 10.

⁶⁶⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1640. Л. 4.

1918 г.: «Прибыв сего числа из разрешенного мне Вами отпуска, доношу, что причиной моего опоздания послужили обстоятельства, сложившиеся на Кавказе, в Кубанской области вследствие переворота, благодаря чему железнодорожное сообщение было совершенно прекращено до 28-го января. И только 30-го января мне с большими трудностями пришлось выехать и доехать до г. Царицына, так как через Ростов движения совершенно еще не было. В г. Царицыне по тем же причинам мне еще пришлось ждать около недели, где потом, вследствие выступления генерала Корнилова с калмыками, я по приказу [В.А.] Антонова[-Овсеенко] “едущих с юга офицеров задерживать и отправлять в г. Воронеж” был задержан в числе многих едущих офицеров в качестве заложника и посажен в тюрьму, из которой после временного взятия Царицына калмыками в общей панике и суматохе бежал только 15 (2)-го марта и выехал к месту своего служения. По пути в Петроград вследствие запрета въезда без особых на это разрешений в столицу по дороге несколько раз был задержан и прибыл только сего числа. Не покидая все время мысль об академии, я о причинах своего опоздания несколько раз доносил на Ваше имя, но, очевидно, рапорты мои не поступали по назначению, так как по слухам я за неизвестностью даже отчислен.

Имея ревностное желание продолжать свое образование, усиленно ходатайствую о переводе меня на старший курс с моими сверстниками и дать возможность окончить заветную для меня “Альма-Матер”. Имея от властей оправдательные документы о причине опоздания в январе месяце, за период пребывания меня в заключении оправдательных документов достать не мог, а, рискуя жизнью, спешил выехать в Петроград. Донося о вышеизложенном, прошу Вашего распоряжения о командировании меня к месту эвакуации академии и о выдаче по документу денег 200 руб., так как в данное время я нахожусь совершенно без средств»⁶⁶⁹. Андогский наложил на рапорт резолюцию — выдать слушателю денег для отправки в академию, эвакуировавшуюся в Екатеринбург. Калаушин успешно продолжал обучение на курсах, а затем служил в антибольшевистских формированиях на Востоке России вплоть до 1920 г. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Судьбу же академии в Гражданскую войну во многом предопределили выбор и действия ее начальника — Андогского. По свидетельству встречавшегося с ним полковника Б.А. Энгельгардта, «Андогский находился как бы на перепутье: он никак не мог решить, имеет ли смысл добросовестно продолжать работу при большевиках или нужно бросить ее и искать... Но чего искать, он сам не знал.

Сомнения обуревали и меня самого, однако я постарался высказать ему мое мнение: нам приходится считаться с обстановкой, ничего сразу изменить мы не в состоянии, надо служить не тому или иному правительству, а Родине, и не может быть, чтобы старательная и дельная работа не принесла бы пользы и не была бы оценена.

Я говорил “прописи” и был не столько убежден в том, что говорил, сколько старался убедить самого себя в необходимости стать на такую точку зрения... Сомнения и колебания преследовали, по-видимому, Андогского и в дальнейшем»⁶⁷⁰. Мемуарист сделал достаточно точные выводы, однако речь шла не о колебаниях Андогского, а о балансировании между взаимоисключающими политическими силами ради спасения академии и ее персонала.

⁶⁶⁹ Там же. Л. 219.

⁶⁷⁰ Энгельгардт Б.А. Революция и контрреволюция. С. 168–169.

В большевистском руководстве не было единства взглядов по вопросу о судьбе старой академии. Поэтому, после того как академия в марте 1918 г. выпустила слушателей старшего класса 2-й очереди и подготовительных курсов 3-й очереди, обсуждался вопрос о закрытии этого военно-учебного заведения.

9 марта 1918 г. из ГУВУЗа был разослан следующий циркуляр № 2735, полученный в том числе и начальником Николаевской военной академии: «На основании приказа Совета народных комиссаров по военному ведомству от 14 ноября минувшего года, все военно-учебные заведения Российского государства, в том числе и военные академии, поступают в ведение главного комиссара названных заведений. Академии эти служили до сего времени, главным образом, для военных целей пополнения высшего кадрового, административного и прочего состава армии, организованной на старых началах. В связи с этим преподавание военных наук было поставлено на первом плане.

Ныне, с установлением декретом Совета народных комиссаров 15 января сего года, взамен демобилизованной армии старого типа, — новой армии на социалистических началах, — академии, из органов преимущественно военной подготовки, должны быть реформированы в заведения вполне гражданского типа, лишь с допущением некоторого оттенка военного преподавания, применительно к требованиям момента и условиям службы в армии на новых началах.

При этом преобразование академии в техническое или общеобразовательное высшее учебное заведение гражданского типа должно зависеть от общего строя преподаваемых в академии наук.

Ввиду сего, — главный комиссар всех военно-учебных заведений предлагает доставить не позднее недельного срока коллегиально выработанное подробное соображение и общий план преобразования вверенной Вам академии в высшее учебное заведение гражданского типа, предваряя, что в случае недоставления в указанный срок ожидаемых сведений будет приступлено к полной ликвидации академии»⁶⁷¹. Документ был подписан помощником начальника ГУВУЗа.

Однако военный руководитель Высшего военного совета бывший генерал М.Д. Бонч-Бруевич, ранее служивший в академии, сумел предотвратить ее разгром. 10 марта он направил доклад председателю СНК В.И. Ленину, в котором писал: «Из прилагаемой копии сношения от 9-го марта 1918 года видно, что народный комиссар военно-учебных заведений решил обратиться к военным академиям, в том числе и Военную академию (бывшую Генерального штаба), в гражданское учебное заведение, “лишь с допущением некоторого оттенка военного преподавания”.

Такая реформа несвоевременная, разбивает общий план формирования армии на новых началах, потому что эта реформа направлена к уничтожению подготовки людей, обладающих военной техникой во всей ее полноте, наличие которых именно теперь крайне необходима.

Приняв во внимание, что армии наших вероятных противников всегда обладали более высокой военной техникой, чем наша армия, и что соотношение это оставалось таким же в минувшую войну, — считаю, что для будущих возможностей в отношении войны необходи-

⁶⁷¹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 160.

мо не уничтожать военные академии как таковые, а, наоборот, развивать их именно в этом направлении и еще более специализировать.

Ввиду изложенного Высший военный совет предложил народному комиссару военно-учебных заведений приостановить намеченную им реформу академий и представить свои объяснения Высшему военному совету в двухнедельный срок»⁶⁷².

В тот же день Ленин направил предписание главному комиссару военно-учебных заведений: «Ввиду того, что ликвидация Военной академии или же преобразование ее в высшее учебное заведение гражданского типа совершенно не соответствует ни видам правительства, ни потребностям времени, Вам предлагается немедленно же задержать Ваше распоряжение от 9-го сего марта за № 2735 на имя начальника Николаевской военной академии и предварительно представить в Совнарком Ваш проект реорганизации Николаевской военной академии.

О выполнении сего довести до сведения председателя Совета народных комиссаров»⁶⁷³.

Таким образом, Ленин потребовал задержать распоряжение от 9 марта и реорганизовать академию в высшее военно-учебное заведение РККА. Опираясь на поддержку большевистского вождя, Бонч-Бруевич стал действовать решительнее и 11 марта телеграфировал в ГУВУЗ: «Такая несвоевременная реформа противоречит указаниям, полученным Высшим военным советом от правительства народных комиссаров, которое указало необходимость формирования новой армии...»⁶⁷⁴

Копии телеграммы были направлены в управление делами СНК в Смольный (управляющим делами был родной брат М.Д. Бонч-Бруевича Владимир), а также наркому Н.И. Подвойскому. Реформу было предложено приостановить и в двухнедельный срок представить соображения по перспективам развития академии. Работу по реорганизации академии возглавили председатель Всероссийской коллегии по формированию Красной армии Н.И. Подвойский и его помощник, начальник штаба коллегии бывший подпоручик Ф.П. Никонов.

Н.И. Подвойский позднее вспоминал: «Практика нашей военной работы в первые пять месяцев существования РСФСР привела нас к идее академии красного Генерального штаба.

Проводниками этой идеи в жизнь и соиздателями академии красного Генерального штаба явились первые организаторы и руководители нашей Красной армии — революционное офицерство и революционные солдаты бывшей царской армии, воспитанные и закаленные в военной организации большевиков, под ее руководством получившие боевое революционное крещение, под ее руководством проделавшие замечательный этап пролетарского военного строительства — создание Красной армии...

Первым в этом ряду стал и фактически явился первым каменщиком красного Генштаба тов. Ф.П. Никонов. Член военной организации большевиков, тов. Никонов стоял во главе штаба Всероссийской коллегии, а в момент наступления на Петроград немецких войск в феврале 1918 г. — во главе штаба Псковского боевого сектора»⁶⁷⁵.

М.Д. Бонч-Бруевич телеграфировал Н.И. Подвойскому о важности академии: «Ввиду предполагаемых новых формирований потребуется значительное число лиц, обладающих техническими военными знаниями. Рассадником таких техников являются военные ака-

⁶⁷² Там же. Л. 159–159об.

⁶⁷³ Ленин В.И. Военная переписка (1917–1920). М., 1956. С. 31–32.

⁶⁷⁴ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 182.

⁶⁷⁵ Подвойский Н.И. У колыбели красного Генштаба // Военная академия за пять лет. М., 1923. С. 22–23.

СОВѢТЪ НАРОДНЫХЪ
Комиссаровъ

ГЛАВНОМУ КОМИССАРУ ВСѢХЪ ВОЕННЫХЪ УЧЕБНЫХЪ
ЗАВЕДЕНІЙ.

Петроградъ
10-го Марта 1918 г.

№ 744

/ Копія Господину Начальнику Академіи Генеральнаго
Штаба/.

В виду того, что ликвидація Военной Академіи или же преобразованіе ея в высшее учебное заведеніе гражданскаго типа совершенно не соответствует ни видамъ правительства, ни потребностямъ времени, Вамъ предлагается немедленно же задержать Ваше распоряженіе от 9-го сего марта за № 2735 на имя Начальника Николаевской Военной Академіи и предварительно представить в Совнаркомъ Вашъ проэктъ реорганизациіи Николаевской Военной Академіи.

О выполненіи сего довести до свѣдѣнія Предсѣдателя Совѣта Народныхъ Комиссаровъ.

Предсѣдатель Совѣта Народныхъ Комиссаровъ

- Управ. дел Сов. нар. комис.
за Секретаря Совѣта

(Подпись)
Ленин

Распоряжение СНК № 744 от 10 марта 1918 г. за подписью В.И. Ленина.
Академия имени М.В. Фрунзе. М., 1973.

демии, а в отношении стратегии и тактики Военная академия — бывшая Генерального штаба. Вследствие этого прошу принятия с Вашей стороны таких мер, которые обеспечивали бы правильную работу академий, не обращая их в гражданские учебные заведения лишь с намеком на военную специальность. Обращение академий в гражданские заведения несвоевременно, противоречит указаниям советского правительства и потому допущено быть не может. Наряды слушателей академий в командировки допустимы лишь в мере, не нарушающей стройного течения курса согласно выработанного плана»⁶⁷⁶. Итак, академия новыми властями была сохранена.

* * *

Конференция академии, напуганная близостью в Петрограде к большевистским органам власти, обсуждала вопрос о возможности эвакуации академии в тыл. Немецкое наступление и угроза захвата столицы были удобным предлогом для реализации этого замысла. Поскольку руководство академии хотело обеспечить людей продуктами (а также покинуть бурливший Петроград и позднее попасть к белым), зондировался вопрос о переезде на Дон или на Кубань. Вопрос этот был поднят еще до большевистского переворота, а попытки его практической реализации относятся к более позднему времени. С этой целью в Кубанскую область и Ставропольскую губернию от конференции был в ноябре 1917 г. направлен полковник Р.К. Дрейлинг, связавшийся с генералом М.В. Алексеевым, атаманами А.М. Каледным и А.П. Филимоновым⁶⁷⁷, а в Донскую область — полковник В.Н. Поляков⁶⁷⁸. Однако эти районы, ставшие контрреволюционными очагами, вызывали подозрения у большевиков, поэтому возникло предложение эвакуироваться в Сибирь, где было спокойно и также имелось продовольствие. К тому же ни Дрейлинг, ни Поляков в академию не вернулись, оставшись в антибольшевистском лагере.

Если верить пересказанной Иностранцевым со слов Андогского беседе последнего с Троцким, идею эвакуации в Екатеринбург как в крупный культурный центр предложил сам нарком. Начальник академии в составленной им впоследствии для оправдания предпринятых действий брошюре об академии в 1917–1918 гг. отмечал: «Решение эвакуироваться в Сибирь обуславливалось стремлением продвинуться возможно дальше в направлении к Дальнему Востоку, где, по слухам и имевшимся сведениям, — крепили элементы, выступившие на борьбу с большевиками»⁶⁷⁹. В марте 1918 г. в Екатеринбург уже были направлены квартиры от академии (Г.В. Леонов, А.П. Слижиков, А.Д. Сыромятников)⁶⁸⁰. 12 марта Слижиков отправил в академию донесение, после получения которого началась эвакуация, производившаяся в соответствии с планом Центральной коллегии по разгрузке Петрограда⁶⁸¹.

Сама идея эвакуации академии из Петрограда впервые возникла задолго до Гражданской войны, летом 1917 г. 27 августа 1917 г. Андогский выступил за эвакуацию академии в один пункт с артиллерийской и инженерной академиями, что позволяло осуществлять взаимопомощь, прежде всего, за счет обмена преподавательским составом, учитывавшим в препода-

⁶⁷⁶ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 181.

⁶⁷⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 5. Л. 1об.; Д. 4. Л. 321.

⁶⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 276.

⁶⁷⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

⁶⁸⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 194; Д. 4. Л. 364; ГАРФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 7. Л. 14; Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 286.

⁶⁸¹ *Кавтарадзе А.Г.* «Советское рабоче-крестьянское правительство...». С. 33.

вании опыт современной войны⁶⁸². Пунктом возможной эвакуации летом 1917 г. Андогский предполагал Пермь.

28 августа 1917 г. Андогским был составлен рапорт (сначала черновой, а затем переписанный набело) на имя начальника Генерального штаба о затруднительности нахождения академии в Петрограде. В этом документе отмечалось: «Нахождение академии в Петрограде в период крайне сложных политических и боевых условий, — ставит учебную жизнь ее, равно и выполнение ею задач по подготовке офицеров к службе Генерального штаба — в малоблагоприятное положение.

Не говоря уже о невыгодности расположения столицы на фланге общего стратегического фронта, — Петроград являет собой кипучий очаг политических страстей, тесно связанный с таким же финляндским очагом. Если сюда присоединить и сравнительно слабую защищенность Петрограда с моря, — станет ясным, насколько все эти условия могут влиять на продуктивность учебной работы академии, постоянно непрерывную деятельность которой, во всяком случае, желательнее было бы поставить в большую независимость от политических и боевых условий.

В связи с поднятым ныне вопросом о разгрузке Петрограда, равно и намечающейся эвакуацией правительственных и учебных учреждений и заведений, — полагал бы своевременным предложить Вашему усмотрению вопрос об эвакуации академии вовнутрь страны, в местность, откуда бы не пришлось ее вторично передвигать даже и при самой неблагоприятной обстановке для государственной жизни России. Этим была бы достигнута совершенно спокойная подготовка офицеров в стенах академии, готовность ее к постоянной работе и сохранность чрезвычайно ценного имущества этого военно-научного центра.

В отношении пункта эвакуации крайне желательнее совместить местопребывание Николаевской военной академии с академиями артиллерийской и инженерной, ради возможности помогать друг другу преподавательским составом, равно и устанавливать необходимую связь в вопросах учебных курсов на почве опыта современной войны.

В частности, всесторонне оценивая наиболее удобные пункты для эвакуации академии, — признаю отвечающим этой цели гор. Пермь, университетский центр, выгодный во всех отношениях, до продовольственного и квартирного вопроса включительно.

Испрашивается:

1) Указания, будет ли эвакуироваться Николаевская военная академия из Петрограда вовнутрь страны, имея в виду сложность политических и оперативных условий, в которых находится г. Петроград.

2) Признано ли будет возможным эвакуировать академию в г. Пермь при наличии возможности совместить местопребывание военной, артиллерийской и инженерной академий.

3) Если г. Пермь для эвакуации избран не будет, то куда именно намечается эвакуировать военную академию.

4) Какой период может быть предоставлен для осуществления самой эвакуации академии, имея в виду необходимость открыть академические курсы 1-го октября 1917 года»⁶⁸³.

В сентябре–октябре шла подготовка плана эвакуации, однако упаковочный материал до октября получен не был⁶⁸⁴. Кроме того, в октябре 1917 г. из Казанского военного окру-

⁶⁸² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 164.

⁶⁸³ Там же. Л. 166–166об.

⁶⁸⁴ Там же. Л. 312, 319.

га пришел ответ, что в Перми нет помещений для академий⁶⁸⁵. Идея только зародилась, но представители некоторых семей служащих проявляли обеспокоенность и выражали желание эвакуироваться с академией. Подобное желание изъявили жены преподававших в академии профессоров А.Г. Елчанинова и А.К. Келчевского. Андогский обещал ходатайствовать перед начальником Генерального штаба о включении в план эвакуации всех семей бывших профессоров, преподавателей и служащих академии⁶⁸⁶. Вновь вопрос возник только в начале 1918 г.

Распоряжение об эвакуации академии из Петрограда в глубокий тыл относилось к концу февраля 1918 г. — периоду, когда германцы наступали на столицу Советской России. В начале марта существовала идея расквартировать академию в районе Пермь – Екатеринбург – Челябинск – Уфа с центром в Екатеринбурге. Считалось, что в силу обстоятельств академия может рассеяться по стране, но Екатеринбург должен был стать центром, куда бы направляли корреспонденцию и откуда получали бы указания⁶⁸⁷. 10 марта в район Самара – Бугуруслан – Бузулук – Оренбург был направлен квартирмейстером слушатель И.П. Петров-Колесин⁶⁸⁸.

2 марта датированы рапорты некоторых слушателей об отбытии из Петрограда⁶⁸⁹. Уже 4 марта Петроградский совет депутатов выдал удостоверение о том, что здание академии подлежит реквизиции С.Д. Масловским (Мстиславским), занимавшим пост начальника главного штаба партизанских войск (расположился по адресу: Суворовский проспект, 32б). Впрочем, в тот же день реквизиция была отменена⁶⁹⁰. Парадокс истории — здание академии должен был реквизировать сын профессора этой академии и бывший ее сотрудник (Масловский долгое время работал в академии библиотекарем).

Наконец, в марте 1918 г. академия эвакуировалась в Екатеринбург. Выпускник курсов В.М. Цейтлин записал в дневнике 8 марта: «Андогский сегодня мотался по разным местам, и говорят все-таки, что еще пока что академия должна оставаться здесь и продолжать занятия, между тем как масса народу у нас уехало по разным местам»⁶⁹¹. 10 марта он же отметил: «До сих пор, в сущности говоря, полный хаос. Никто и ровно ничего не знает. Обстановка меняется ежеминутно. Андогский ездит по сферам, но добиться какого-либо толка очень трудно. Главное, нет никакой возможности эвакуироваться, что хуже всего.

Штаб партиз[анских] отрядов, организации Масловского, лопнул, вообще пока что формируются всякие отряды, общего ничего нет.

Вчера малость выпили, собрались Чинтулов, Кузнецов, Томме, Теодори и я»⁶⁹².

Постепенно судьба академии прояснялась. 11 марта Цейтлин записал: «Почему-то ужасное угнетенное состояние духа. Не могу даже объяснить себе, в чем же дело и отчего это. Дела вообще, кажется, не блестящи. Академию, т.е. в сущности один только младший класс, предположено эвакуировать в Екатеринбург, куда всему мл[адшему] классу собраться через

⁶⁸⁵ Там же. Л. 171.

⁶⁸⁶ Там же. Л. 168.

⁶⁸⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1635. Л. 6.

⁶⁸⁸ Там же. Л. 9.

⁶⁸⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1646. Л. 44.

⁶⁹⁰ Там же. Л. 45.

⁶⁹¹ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 285.

⁶⁹² Там же. Л. 286.

месяц. Старший же класс весь немедленно поступает в распоряжение [Наркомата по военным делам] и идет на формирование штабов новой армии. Сегодня была жеребьевка, надо было назначить 12 офицеров в распоряжение Пехливанова, 3 в распоряжение Подгурского и 2 в Финляндию. Желających было мало, большинство полагалось на свою судьбу, куда попадет.

Настроение во всей аудитории какое-то гнетущее. Как будто бы что-то давит.

Надо, в сущности говоря, укладывать вещи, и какая-то апатия, а завтра наверняка назначат куда-либо и тогда придется спешить. Посмотрим, что же из всего этого выйдет»⁶⁹³.

О цели эвакуации Андогский говорил профессору Б.В. Геруа: «Спасая академию и офицеров»⁶⁹⁴. 12 марта Андогский получил ордер военного руководителя Петроградского района А.В. Шварца следующего содержания: «Настоящим просятся все местные, районные советы и комитеты оказывать полное, незамедлительное содействие предъявителю сего ордера начальнику Николаевской военной академии Александру Ивановичу Андогскому, — по вопросам эвакуации академии внутрь страны, ее перевозке и продовольствию личного состава»⁶⁹⁵.

Эвакуация столь крупного учреждения была явлением беспрецедентным. Только архив, канцелярия и библиотека академии весили 2050 пудов (по другим данным, намного больше). Прочие грузы составляли 3700 пудов, включая автомобиль, 6 лошадей и саней⁶⁹⁶. На эвакуацию к 28 апреля 1918 г. Военным советом и ГУГШ было выделено 40 000 руб.⁶⁹⁷ При эвакуации академии служащим требовалось выдать двухмесячное жалование на общую сумму 125 000 руб.⁶⁹⁸ С академией эвакуировались 43 слушателя вместе с семьями, что составило 107 человек⁶⁹⁹. В апреле 1918 г. высшим военным руководством Советской России обсуждалась идея эвакуировать вглубь страны не только Военную академию, но и все остальные высшие военно-учебные заведения⁷⁰⁰.

По свидетельству профессора Б.В. Геруа, «надо отдать должное тогдашней академии: несмотря на стремительный вокруг большевизм “товарищей” — рабочих, она уложилась в дальнюю дорогу не спеша, основательно и даже нарядно. Подумать только, что нужно было поднять всю огромную библиотеку академии!»⁷⁰¹

Было сформировано четыре⁷⁰² эшелона. Первый эшелон с библиотекой и типографией отправился из Петрограда 17 марта и прибыл в Екатеринбург 25 марта 1918 г.⁷⁰³ Второй эшелон выехал 20 марта и прибыл 1 апреля⁷⁰⁴. Эвакуация затягивалась. Третий эшелон прибыл

⁶⁹³ Там же.

⁶⁹⁴ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. С. 275.

⁶⁹⁵ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

⁶⁹⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 10, 11.

⁶⁹⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 28. Л. 34; РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1646. Л. 68об.

⁶⁹⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1635. Л. 6.

⁶⁹⁹ Там же. Л. 8.

⁷⁰⁰ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 88. Л. 187.

⁷⁰¹ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. С. 276.

⁷⁰² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1646. Л. 72об., 82.

⁷⁰³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 40. Л. 80; ГАРФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 7. Л. 14об.

⁷⁰⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 118об.

уже 12 апреля (по другим свидетельствам, только 21 мая), и четвертый — 1 июня⁷⁰⁵. К 20 мая ожидалось прибытие в Екатеринбург 100 слушателей⁷⁰⁶.

В итоге эвакуация обошлась в 150 000 руб. и оказалась растянутой по времени — основные мероприятия были проведены за два месяца (с середины марта по середину мая), имущество было полностью эвакуировано к 1 июля, но отдельные служащие академии продолжали прибывать вплоть до августа 1918 г.⁷⁰⁷ Разумеется, затяжная эвакуация привела к расстройству в работе академии.

* * *

В Екатеринбурге академия разместилась в Епархиальном женском училище⁷⁰⁸. По свидетельству П.Ф. Рябикова, здание было большим и удобным, находилось на окраине неподалеку от женского монастыря⁷⁰⁹. Это было «длинное, под углом на два квартала, двухэтажное кирпичное здание... Все двери выходят в широкий, длинный коридор на всю длину здания. Окна коридора смотрят на неогороженный двор-пустырь. Окон в коридоре немного, потому в нем и мрак»⁷¹⁰. Как отмечал М.А. Иностранцев, «Епархиальное училище — довольно красивое здание, в котором до отвода нам частных квартир была размещена не только сама академия, но и ее служащие... нам, как и другим служащим академии, был отведен один из классов училища — обширная комната в несколько окон с партами, составленными в одном конце комнаты, и со столом, поставленным посередине. Спать мы, как и другие, должны были хотя и на простых железных, но довольно чистых кроватях училища. Умывальников в классах, конечно, не было, и умываться приходилось ходить, по крайней мере первое время, к училищным умывальникам обыкновенного школьного типа»⁷¹¹. В училище открылась столовая офицерского собрания для слушателей и персонала академии. Некоторые семьи готовили еду в своих классах на примусах. В 1920 г., после завершения Гражданской войны на Урале, в здании размещали пленных белогвардейцев. Библиотека академии располагалась на третьем этаже училища.

В марте 1918 г. была создана комиссия по приемке здания училища. В ее состав вошли: правитель дел И.И. Смелов, исполняющий должность заведующего хозяйством К.А. Наумов, исполняющий должность квартирмейстера В.Ф. Менжинский, заведующие слушателями А.П. Слижиков и Г.В. Леонов, столоначальник Ф.А. Мартынов, председатель курсового комитета И.М. Витоль, заведующий кооперативом А.К. Белов. Сбор комиссии намечался на 3 апреля⁷¹².

Комиссар академии В.П. Матвеев позднее в художественной форме описал свое прибытие в академию: «Ребров открыл дверь и попал в вестибюль, весь уставленный заколоченными ящиками, шкафами, кассами со шрифтом, рыцарскими доспехами, исполинскими касками и картинами. За маленьким столиком около перил небольшой лесенки, тоже зава-

⁷⁰⁵ ГАРФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 7. Л. 14об.

⁷⁰⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1646. Л. 80об.

⁷⁰⁷ Некоторые преподаватели заявили о нежелании эвакуироваться вместе с академией. Так, например, профессор М.А. Иностранцев 14 марта обратился к начальнику академии с просьбой разрешить ему остаться в Петрограде для лечения и устройства дел, в том числе «своей многочисленной и весьма ценной библиотеки». При этом он обещал явиться по первому требованию к началу занятий в академии (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 574).

⁷⁰⁸ Ныне — Уральская государственная горно-геологическая академия (Екатеринбург, Университетский переулок, 9).

⁷⁰⁹ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 116.

⁷¹⁰ *Елисеев Ф.И.* Лабинцы. Побег из красной России. М., 2006. С. 384. На самом деле здание трехэтажное.

⁷¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 284–285.

⁷¹² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1614. Л. 79.

ленной нераспакованными вещами, сидел швейцар в темной штатской форме с галунами... Ребров поднялся во второй этаж и нашел кабинет Смелова. Правитель дел, высокий, пухлый, холеный человек, осмотрел Реброва... Смелов повел Реброва по длинному коридору куда-то в противоположный конец. Из классов выходили слушатели академии. Очевидно, занятия кончились. Слушатели с удивлением смотрели на Реброва, шагавшего рядом с правителем дел.

- Кто это? — слышал Ребров позади себя.
- “Советский” слушатель, наверное, — иронически и вполголоса сказал кто-то.
- Прием еще не объявлен, — возразил другой.
- Комиссар, — догадались сзади, и разговоры замолкли.

Смелов остановился у одной из стеклянных дверей и пропустил вперед Реброва. Ребров вошел в дверь. Перед ним был большой пустой класс. Налево в углу стояла железная кровать с пыльным и грязным матрацем. У больших окон — огромный канцелярский стол. У стола — скамья из прачечной и десяток парт»⁷¹³. Очевидно, что в основе этого описания подлинные впечатления Матвеева.

Генерал Г.Г. Христиани, временно возглавлявший часть академии в Екатеринбурге в августе 1918 г., докладывал 7 августа военному министру Временного Сибирского правительства о мытарствах академии: «Эвакуация академии из Петрограда в Екатеринбург произведена следующим образом:

Распоряжение об эвакуации было получено в конце февраля. Эвакуация личного состава и необходимой части учебных пособий началась в середине марта и окончилась в середине мая, т.е. заняла два месяца. Эвакуация академического имущества (библиотека, музей, типография и проч.) готовилась в течение указанных двух месяцев, началась в начале мая и окончилась к первому июля, заняв полных 4 месяца, причем распаковка и разборка имущества не окончилась и до сих пор, ввиду сложных и дорогостоящих работ по приспособлению здания Епархиального училища. Произведена эвакуация 4-мя эшелонами.

Частичные занятия в академии начались с прибытием первого эшелона, начавшись в полной мере лишь с 1-го июля, и прекратились за несколько дней до занятия города чехословаками. Результатом эвакуации академии было полное расстройство до сих пор не разобранный библиотеки, расстройство музея, типографии и проч. имущества; крупный материальный ущерб, граничащий с полным разорением, для всех чинов постоянного и переменного состава академии. Расходы по эвакуации достигли 150.000 руб.»⁷¹⁴.

Учебный процесс в академии предполагалось открыть 1 апреля 1918 г., однако дата постоянно сдвигалась (ее перенесли на 1 мая⁷¹⁵, а затем на 1 июня). В конце марта сбор слушателей намечался на середину апреля, а по постановлению конференции от 5 апреля было предписано всем прибыть в Екатеринбург к 27 мая, причем в середине мая намечалось разослать дополнительные извещения тем, кто находился в частях РККА⁷¹⁶.

⁷¹³ Матвеев В. Золотой поезд. М.: Л., 1967. С. 26–28. Некоторые имена и фамилии в книге были изменены или искажены. Тем не менее Матвеев описал такие детали академической жизни, как реальный инцидент со слушателем А.Г. Слефогтом, что существенно повышает доверие к документальной точности его художественного произведения.

⁷¹⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 492.

⁷¹⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1646. Л. 83.

⁷¹⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 3об., 5об.

Продовольственная ситуация в Екатеринбурге была намного лучше, чем в Петрограде, где преподаватели и слушатели жили буквально впроголодь. Можно было свободно купить белый хлеб и молоко⁷¹⁷. Слушатель К.В. Семчевский вспоминал: «Попав в Екатеринбург из Петрограда в начале 1918 года, мы с женой глазам своим не верили: после мрачного Петрограда с начавшимися обысками и арестами — в Екатеринбурге была “тишь и гладь”. Никаких арестов, никаких обысков, изобилие продуктов и пр. Обстановка мало изменилась и когда в начале мая в Екатеринбург привезли царскую семью и некоторых членов дома Романовых»⁷¹⁸.

Положение курсовиков по прибытии в Екатеринбург характеризует обращение слушателей старшего курса в курсовой комитет от 2 апреля 1918 г.⁷¹⁹ В этом документе выражено желание слушателей хранить традиции русского офицерства и поддерживать прежнюю дисциплину. Осуждалась распущенность части слушателей, которые могли позволить себе гулять под руку с торговкой на вокзале, произносить резкие слова, ходить в неопрятной одежде, бросать окурки, не снимать фуражку в помещении Епархиального училища и прочие «товарищеские тенденции». Высказывалась мысль о том, что старшекурсники должны быть примером для ожидавшихся в академии слушателей младшего курса.

По итогам этого письма 5 апреля 1918 г. комитет слушателей старшего класса постановил ходатайствовать перед начальником академии об учреждении товарищеского суда «согласно приказа по военному комиссариату и ввиду все учащающихся случаев некорректного поведения некоторых слушателей академии»⁷²⁰. Был образован суд чести представителей курса в составе председателя — старосты курса бывшего подполковника Н.Г. Сабельникова и членов — бывших подполковника Н.Ф. Егорова, капитанов С.И. Ильина, Н.А. Деллинггаузена 2-го, Г.В. Ярцева, причем этот суд, несмотря на революционные времена, продемонстрировал свою эффективность⁷²¹. Судя по всему, актив слушателей курса стремился сохранить себя как офицеров старой армии и в новых условиях. В обстановке анархии 1918 г., когда репрессии против офицеров были обыденностью, а РККА еще не приобрела регулярный вид, этот путь неизбежно вел слушателей в антибольшевистский лагерь.

* * *

К середине апреля оставался открытым вопрос о том, как переводить слушателей подготовительных курсов 3-й очереди в старший класс при том, что экзаменов у них не было. И.И. Смелов телеграфировал Андогскому в Москву около 12 апреля: «Экзамены сейчас невозможны, уроним авторитет конференции, постановившей перевести [в] старший класс без экзамена, настроение слушателей протестующее. Необходим немедленный приезд [в] Екатеринбург всей профессуры, срочно вызвать [к] первому мая всех, окончивших курсы первой, второй очередей. [В] младший класс временно закрыт прием. Задача академии формулируется подготовка кадра Генштаба для формируемой армии. Смелов»⁷²². По мнению

⁷¹⁷ Генерал Р.К. Бангерский: материалы к истории Гражданской войны на Востоке России // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2001. № 9. С. 75.

⁷¹⁸ МРК. Коллекция К.В. Семчевского. Вох 1. Folder 34. Л. 23.

⁷¹⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 28. Л. 32–32об. (документ опубликован в: *Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»... С. 64–66). Также см. Приложения.

⁷²⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 28. Л. 33.

⁷²¹ Подробнее см.: *Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»... С. 66. Также см. Приложения.

⁷²² РГВА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

Смелова, изложенному в одной из последующих телеграмм, «время приезда профессуры опасно откладывать, [по] всем соображениям можем остаться без научных сил»⁷²³. Нельзя было и отчислять неуспевающих, поскольку слушатели курсов 3-й очереди были переведены в старший класс.

Тем временем в большевистском руководстве возникла идея подготовки внутри старой Военной академии политически лояльных специалистов посредством нового набора на младший курс. 16 апреля Смелов сообщил Андогскому, что по постановлению СНК 1 мая должны были открыться курсы продолжительностью 4–5 месяцев на 50–100 слушателей⁷²⁴.

Н.И. Подвойский вспоминал, что «задачи академии красного Генштаба сводились тогда: во-первых, к сбору в академии всех самородков, выдвинутых на командные должности революцией; во-вторых, к тщательному лабораторному изучению и освещению военно-революционного опыта этих самородков; в-третьих, к теоретическому обоснованию вытекающих из этого опыта выводов и проведению их в практику нашего военного дела; в-четвертых, к расширению и углублению общей и политической подготовки выдвинутых революцией из рабочей и крестьянской гущи военных организаторов и руководителей; всесторонняя подготовка их к высшему командованию и высшей штабной работе; в-пятых, к созданию научного ядра, способного противопоставлять военной схоластике, рутине, педантизму генералитета царской армии идеи и теории, вытекающие из практики революционных войн и нашей Гражданской войны, а также из лучших образцов военного искусства последних империалистических войн.

Тов. Никонову выпала честь составить первую записку об организации академии красного Генштаба. А бывшему тогда начальником Латышской дивизии И.И. Вацетису выпала честь подкрепить эту записку своими соображениями.

4–6 апреля 1918 г. записка об организации академии была рассмотрена в ряде комиссий, всю тяжесть работ которых вынесли на своих плечах будущие красные генштабисты — автор записки о революционной академии т. Никонов, т. Янсон [К.И.], а также т. Дзевалтовский И.Л., т. Янишевский В.А. и несколько профессоров старой академии Генштаба.

В комиссиях были проработаны основные вопросы организации и программы академии. После этого на т. Никонова особыми директивами была возложена миссия поставить аппарат бывшей царской академии Генштаба, к тому времени эвакуированной в Екатеринбург, на службу Рабоче-крестьянской Красной армии.

Чехословацкое наступление и так называемая “учредилевская” — эсеро-меньшевистская контрреволюция в Сибири, на Урале и в Поволжье помешали тогда создать академию красного Генштаба. Почти сразу же по приезде в Екатеринбург тов. Никонову вместо работы по реорганизации академии пришлось стать на фронт, а академии эвакуироваться в Казань, где она была захвачена чехословаками.

Старая академия Генштаба погибла, не оставив новой академии никакого наследства, кроме части прежней своей профессуры, созданного ею старого состава Генштаба, рутинной военной мысли, архиконсервативных военных теорий и практики, борьба с которыми должна была стать первой и важнейшей обязанностью академии революционного Генштаба.

⁷²³ Там же. Л. 3.

⁷²⁴ Там же. Л. 2.

Организация революционной академии была насильственно прервана»⁷²⁵.

Более подробно обстоятельства оформления большевистского проекта подготовки кадров Генштаба изложены в стенограмме воспоминаний ветерана Красной гвардии и Красной армии, бывшего офицера Ф.П. Никонова, составленной 9 ноября 1923 г.

Никонов отмечал: «Надо признаться, что во главе организации академии стояли мы с Вами (т. Подвойским). Если Вы помните исторический факт, дело началось так. После Псковского фронта, будучи членом коллегии по формированию Красной армии, я лично приехал сюда. Я могу это точно установить, когда это было, потому что мне был выдан мандат. Это было 3–4 апреля 1918 г. Приехал я к Вам и срочно представил проект, где высказал мысль после моего опыта работы на Псковском фронте. У меня была об этом статья.

И вот после этого опыта я убедился, что когда мне пришлось столкнуться с работой настоящих генштабистов, я понял, что наши познания и по штабной работе слабы. Случались перебои. А у нас было, это Вы говорили, Николай Ильич, много молодых революционных сил, способных вести организаторскую работу.

Вот здесь, на Псковском фронте, я впервые убедился в необходимости пополнения теоретических знаний, как самого себя, так и других товарищей, обладающих большим революционным стажем.

Мою мысль, которую я будировал в этом направлении, поддержал командующий Псковским фронтом Пехлеванов⁷²⁶, который работал в комиссии. Затем мы вызвали со старшего курса академии Генерального штаба тех, которые работали в моем штабе. Я был начальником штаба у Пехлеванова. Те же генштабисты работали в отделах штаба⁷²⁷. Я определенно выяснил тогда, что они сильнее меня. Они великолепно ориентировались и имели массу познаний. Правда, у них было много познания, но зато у нас было много сомнений относительно их верности революции. Всегда приходилось, имея с ними дело, быть настороже. Вот и явилась мысль, что познания у них гораздо шире, они способнее нас, а отношение к революции у них самое неопределенное, тогда как у нас имелся громадный энтузиазм, но у нас не хватало познаний. Вот у нас и явилась мысль о необходимости пополнения знаний, о необходимости пройти высшую школу, хотя бы в сокращенном виде.

Вот все это заставило меня набросать основную мысль и приехать к Вам, чтобы претворить эту мысль в действительность и использовать не функционирующую в то время академию Генерального штаба. Как я выяснил с Пехлевановым, академия Генерального штаба в то время бездействовала, но в Петербурге⁷²⁸ об ней молчали. Когда я приехал к Вам, я выяснил, что академия Генерального штаба не существует как таковая, ибо старую академию нельзя было считать своей. Правда, существовал где-то начальник академии Андогский, был при Вас. Начальник академии был Генерального штаба Мочульский⁷²⁹. Академия не функционировала. Судьба ее висела в воздухе. Тогда Вы впервые меня прослушали и про-

⁷²⁵ Подвойский Н.И. У колыбели красного Генштаба. С. 23–25.

⁷²⁶ Так в документе.

⁷²⁷ Подробнее о работе выпускников академии по обороне Советской России на псковском направлении и об И.Г. Пехливанове см.: Ганин А.В. Болгарин, защитивший Россию: судьба Йордана Пехливанова // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2012. Т. 11. С. 255–336; *он же*. Болгаринът защитил Русия. Съдбата на Йордан Пехливанов. София, 2014.

⁷²⁸ Так в документе, правильно: в Петрограде.

⁷²⁹ Так в документе. Правильно: Андогский.

сили все это написать, и в начале апреля, 4–6, так сказать, это дело началось и было сразу же конкретно и жизненно приступлено к разрешению этого вопроса.

На второй или третий день после записки была назначена комиссия по рассмотрению этого вопроса, которая вскоре получила наименование Комиссии по воссозданию академии Генерального штаба. Это ее официальное название.

Вот основные тезисы, которые были положены в основу моей записки. Этот весь материал можно найти в делах Склянского. Тогда Вашим секретарем был Янсон. Он великолепно все помнит, так как он вел первые протоколы. Среди этих протоколов есть и мои тезисы.

Первый тезис (я буду говорить по порядку). До сих пор не функционирующую академию надо использовать, потому что для работы на фронтах ее деятельность необходима и полезна, и нам важно в эту воссозданную академию влить свои силы молодых революционных работников для расширения познаний. Как это сделать. Я дальше останавливаюсь на важном факте в это время — это необходимость учета военных наших сил, потому что в то время наши военные силы чрезвычайно расплылись. Мы щедро посылали их на Украину, в Сибирь и т.д. Я тогда выдвинул необходимость сосредоточения и учета этих сил и далее, в частности, подал мысль, что известный процент этих сил должен быть брошен в академию и в ускоренном порядке усвоить познания, необходимые для того, чтобы в дальнейшем руководить штабами, чтобы иметь аппарат армии в своих руках.

Вот эти мои основные положения Вы с большим энтузиазмом поддержали и не ограничились только тем, что меня выслушали, а послали меня к Л.Д. Троцкому, который в то время, кажется, уже был наркомвоен. Такой же доклад я вручил Льву Давыдовичу.

Через несколько дней уже была образована комиссия во главе Вас и т. Троцкого. Туда входили еще Дзевалтовский, как комиссар Гувуза⁷³⁰, я в качестве автора проекта и докладчика, затем были привлечены начальник Генерального штаба Мочульский⁷³¹ и начальник академии Андогский, профессор академии Беляев и присутствовал Генерального штаба Кузнецов. Вы помните его, он был без руки, с рыжей бородой. Впоследствии он был преподавателем академии, и в конце концов он был обнаружен как агент Деникина и привлечен к суду. Далее был еще кто-то из спецов, но теперь мне их фамилии трудно припомнить.

Это было первое организационное заседание, посвященное вопросу о воссоздании академии. Оно происходило у Вас в кабинете⁷³², во всяком случае в ваших квартирах⁷³³. Комиссия рассмотрела мои тезисы и докладную записку, и вот здесь стал основной вопрос, и вопрос сложный. Я во главу угла ставил не старший курс, а как раз выдвигал продвижение новых сил, самородков. Во всяком случае я настаивал, чтобы не было важным для поступления в академию окончание среднего образования. Я ставил выше организационные способности и революционный стаж. Но между сторонниками и противниками этого взгляда произошли большие разногласия. Оказывается, специалисты стали настаивать на необходимости образования для старшего курса, который возобновлял занятия в прежнем виде. Что же касается младшего набора, то тут ясно почувствовалась необходимость созыва и организации младшего курса. Троцкий здесь занял середину. Признавая необходимость набора младшего курса, он в то же время рекомендовал продолжать и старший курс.

⁷³⁰ Далее вычеркнуто: *Мехоношин*.

⁷³¹ Мочульский не занимал этот пост.

⁷³² Далее зачеркнуто: *или у Мехоношина*.

⁷³³ Далее зачеркнуто начало следующего предложения: *Там, под председательством Троцкого*.

Так и было принято: восстановить академию, создать старший курс для продолжения и создать младший курс по специальному экзамену и подбору, который и был поручен Вам. Вот основные тезисы, которые тогда были приняты. Все остальные пункты были приняты в основу.

После этого началась практическая работа. На другой или третий день Вы дали мне поручение составить первый список революционных молодых работников, которых, по моему мнению, необходимо было бы призвать в академию для получения образования, для подготовки к серьезной военной работе. Мы эти списки составили вместе с Вами и привлекли туда наиболее видные силы, которые были по большей части в Вашей Военке⁷³⁴ и были во время Октябрьского переворота под Вашим руководством. В списки попали: я, Тер-Арутюнянц, Рудник. Далее туда попала часть из москвичей и уральцев. Затем была разослана телеграмма по комиссариатам, кажется, они в то время так назывались, с предложением выделить часть товарищей на младший курс академии, послав их предварительно в Москву для экзамена.

В дальнейшем эта работа должна была уже идти технически. Для более подробной разработки всего должен был быть создан аппарат, которого у Вас не было. И помню, это дело было решено передать по принадлежности комиссару Гувуза Дзевалтовскому, при котором была комиссия по воссозданию академии.

Я помню, тогда получил один из первых мандатов за подписью Вашей⁷³⁵, и помню, 5 апреля я был экстренно послан Вами для организации всех вопрос[ов] в академии. Я помню далее, что по каким[-то] соображениям, которые мне неизвестны, решено было восстановить академию почему-то не в Москве и не в Питере, а в Екатеринбурге⁷³⁶.

Свидетельство Никонова подтверждают документы. 22 апреля прошло совещание по разработке проекта приказа об открытии ускоренного курса для подготовки командного состава Красной армии при академии Генерального штаба. Председательствовал П.Е. Лазимир, секретарем был Вишневецкий. На совещании обсуждался проект, подготовленный Никоновым, который выступил за создание красного комсостава.

Разработанный им как членом коллегии Красной армии проект приказа наркомвоен о возобновлении работы академии, одобренный и исправленный комиссией из военспецов и представителей новой власти в составе А.И. Андогского, И.И. Вацетиса, представителя петроградской Красной армии Долгашева, А.И. Егорова, П.Е. Лазимира, М.К. Тер-Арутюнянца, В.А. Янишевского и К.И. Янсона в апреле 1918 г. был направлен наркому Л.Д. Троцкому. Проект был применен и для других академий, артиллерийской и интендантской, а документ содержал следующее:

«1. Для теоретической военно-научной подготовки кадра лиц из среды Красной армии, намеченных на должности инструкторов и для работ в штабах вновь создаваемой армии, с 15-го мая с.г. открываются ускоренные курсы Военной академии Генерального штаба сроком в один год — 7 1/2 месяцев младший класс с практическими занятиями и 4 1/2 мес[яцев] старший с практическими занятиями.

2. На курсы командуются по представлению областных военных комиссариатов и утверждению наркомвоенна лица из среды новой армии, имеющие определенный военный

⁷³⁴ Военка — военная организация РСДРП(б).

⁷³⁵ Далее зачеркнуто: *и Склянского*.

⁷³⁶ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 14–15об.

стаж — не менее школы прапорщиков или боевого опыта на командных должностях, в количестве не менее 100–150 чел.

3. Курсы слушателей академии прежнего состава набора августа и сентября 1917 г. выпускаются с 1-го мая с.г. с соответствующим удостоверением и с правом работы в штабах на младших должностях; желающие из них могут поступить на общих основаниях в Красную армию.

4. Занятия на курсах производятся по программе и системе, выработанной смешанной комиссией, состоящей из трех представителей наркомвоена, трех представителей преподавательского состава академии, комиссара и начальника академии Генерального штаба.

(Примечание: Программа должна быть в форме пересмотрена.)

5. Зачет занятий — репетиционный. Оценка занятий — по трем градациям — весьма удовлетворительно, удовлетворительно и неудовлетворительно.

6. Окончившие курс успешно получают о сем свидетельство и поступают в распоряжение Народного комиссариата по военным делам (окончившие неуспешно — возвращаются на место своей прежней службы).

7. Во время прохождения курса слушатели подчиняются всем временно выработанным правилам, впредь до выработки общих норм автономной академии.

8. Для управления внутренней жизнью академии организуется комитет, состоящий из преподавательского состава академии — 3 чел., 3-х представителей слушателей академии, начальника и комиссара академии.

Всею учебною частью академии ведает конференция в составе начальника академии, правителя дел академии, профессоров, штатных преподавателей, заведующих классами и членов комитета от курсантов.

9. Во время прохождения курса слушатели получают: все необходимые учебные пособия от академии и содержание по 550 руб. в месяц, считая со времени прибытия в академию, озабочиваясь собственным попечением относительно жилища, одежды и продовольствия и пр., впредь до организации общежития — готовой квартиры и довольствия с вычетом из жалования. Кроме того, слушатели, состоящие налицо на курсе к 1-му октября с.г., получают на теплую одежду по общему для армии положению.

10. Для переезда в Екатеринбург (место расположения академии) каждый командированный должен получить проездной воинский документ Лит[ера] А и суточные на общих основаниях. Заботы о выдаче всего этого путевого довольствия делаются соответствующим отделом Наркомвоена.

11. Отчисляются от курса без права вновь быть принятыми на нем: а) не исполняющие правил внутреннего порядка, установленного в академии, и тем нарушающие ее учебную жизнь, б) замеченные в неодобительном для гражданина и воина поведении, в) неисправно посещающие лекции или практические занятия или небрежно и неаккуратно их выполняющие.

12. Отчисляются от курса с правом быть назначенными на новый курс: лица, у которых по завершении всех занятий в среднем выводе по какому-либо предмету или практическим занятиям — неуспешно.

Отчисление производится по постановлению комитета академии, и о нем сообщается в Наркомвоен с точным указанием причины отчисления.

Все отчисленные немедленно откомандировываются на место своей прежней службы, получают для обратного проезда Лит[ера] А и 150 руб. подъемных»⁷³⁷.

В процессе обсуждения документа звучали различные мнения, которые донес до нас протокол заседания. Думается, этот материал крайне важен для представления о том, какие вопросы обсуждались применительно к формированию основ советской высшей военной школы.

Андогский выступал за продолжительность младшего курса в пять месяцев, а с летними практическими занятиями — в семь – семь с половиной. При сроке обучения в 13 месяцев можно было пройти все дисциплины. М.К. Тер-Арутюнянц отстаивал практическую ориентированность курса, призывал к исключению лишних предметов. Никонов в целом соглашался с такой позицией, однако И.И. Вацетис был против. По предложению Тер-Арутюнянца в пункт 2 внесли дополнение по вопросу о зачислении слушателей: «По представлению областных комиссариатов и утверждению Наркомвоена»⁷³⁸.

По мнению Никонова, главный ценз должен быть «революционно-боевой. Мы не должны закрывать двери самородкам, выдвинутым самой жизнью и способностями, хотя бы они и не имели научной подготовки. Здесь два полюса. На одном — пушки, на другом — идеи. Победит, несомненно, духовно сильнейший»⁷³⁹. Вацетис же считал, что главным цензом является боевой опыт, «пусть будет фельдфебель или унтер-офицер, но знающий дело... Логика требует, чтобы в Красной армии был бы и красный командный состав. Ценз — боевой опыт»⁷⁴⁰.

Никонов выступал за пересмотр прежней программы курсов. Андогский же попросил указать разницу между старой армией и РККА в технике штабной службы. Никонов в ответ рассказал о методах борьбы большевиков, их целях и задачах.

По вопросу оценки знаний мнения также разошлись. Тер-Арутюнянц и А.И. Егоров стояли за репетиционный метод оценки. Вацетис призвал оценивать по практическим занятиям. Решили, что оценка возможна по трем градациям.

Обсуждался и вопрос внутреннего самоуправления. Тер-Арутюнянц предложил дать в академическом комитете перевес слушателям (пункт 8 проекта), а представительство преподавателей сократить до двух. Против этого выступил Андогский со словами: «Внутренняя жизнь оказывает влияние на подготовку. Слушатели — люди случайные и неопытные в этом деле. Им нельзя давать перевеса»⁷⁴¹. Компромиссом стало представительство пяти лиц из руководства против четырех от слушателей, хотя в итоговой редакции установился фактический баланс — три представителя преподавателей и начальник академии против трех представителей слушателей и комиссара академии.

По пункту 12 о неуспевающих Вацетис предложил держать таких до конца (возможно, памятуя свой собственный неудачный академический опыт)⁷⁴².

Однако самая горячая дискуссия разгорелась по пункту 2. Андогский выступил за наличие у слушателей командного ценза. Тер-Арутюнянц — за ценз в объеме школы пра-

⁷³⁷ РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 17. Л. 224–225.

⁷³⁸ Там же. Л. 231.

⁷³⁹ Там же. Л. 231.

⁷⁴⁰ Там же.

⁷⁴¹ Там же. Л. 232–233.

⁷⁴² Там же. Л. 233.

порщиков либо наличие боевого опыта. По мнению начальника академии, имело смысл обучать тех, кто уже учился в академии (при условии подчинения платформе советской власти), а не тех, кого присылала Красная армия.

Андогский считал возможным зачисление с 1 июня 1918 г. в старший класс академии всех окончивших подготовительные курсы с 1-й по 3-ю очередь, если они изъявят желание служить в РККА и признают советскую власть. Одновременно в академии могли учиться около 400 слушателей (по 200 на старшем и младшем курсах). Вацетис также выступал против ломки устоявшегося порядка. Далее выступил Никонов. В протоколе зафиксировано: «Т. Никонов указывает на то, что штабные офицеры, не выявившие себя определенно политически, работают часто против советской власти, и останавливается на статистических данных. Академия выпустила несколько курсов. Указывает, что офицеров Генерального штаба 2000 человек, и задает вопрос, все ли они с нами, нет ли их в иных лагерях — на Украине, на Кавказе и т.п.

Нач[альник] академии: Из 600 ускоренного прошлого выпуска 165 на местах, 200 в Кр[асной] ар[мии]; а остальные были в штабах на фронте и часть их сюда пробирается на служение советской власти, а часть — в плену»⁷⁴³.

Все же некоторые участники совещания выступали за реорганизацию комплектования академии. П.Е. Лазмир заявил: «Ввиду реорганизации академии на новых началах нужно, чтобы по реорганизации 1-й выпуск был революционным; учитывая настроение психологическое масс, необходимо, чтобы из этой академии выпускались народные избранники, прежние же ученики подлежат роспуску с правом вторичного поступления на новых началах»⁷⁴⁴.

Андогский продолжал отстаивать в качестве слушателей бывших офицеров: «Увлечение политическими мотивами в решении вопроса о комплектовании академии, готовящей специалистов-техников, не может быть допустимо. Польза армии и России в преддверии назревающей беспощадной борьбы с противником, обладающим организованной миллионной армией, не дает никакого права прекращать сейчас подготовку тех лиц, которые уже прошли ускоренные [курсы] 1-й, 2-й и 3-й очередей и, соединяя в себе с громадным боевым опытом начала военно-научной подготовки, представляют ценнейший материал при небольшой уже дальнейшей подготовке (старший класс), могущий дать отличных штабных работников, коих для новой армии требуется много. К сему следует добавить, что этот контингент слушателей вынес курсовое постановление о готовности служить в Красной армии»⁷⁴⁵. Его поддержал и Вацетис, высказавшийся против роспуска текущих слушателей (докладчик предлагал их распустить с 1 мая), так как можно было расширять число обучающихся, чему не мешали уже учившиеся.

Роспуск слушателей поддержали шестеро участников заседания (Лазмир, Никонов, Долгашев, Егоров, Тер-Арутюнянц и Янишевский), против оказались только Андогский и Вацетис, Вишневецкий воздержался. Как бы то ни было, в итоге прежние слушатели все-таки остались в академии.

На 26 апреля было намечено еще одно заседание по вопросу о реорганизации академии у К.А. Механошина. Уведомить об этом требовалось партийных военных работников Л.Д. Троцкого, Э.М. Склянского, Ф.П. Никонова, Н.И. Бессонова, комиссара ГУВУЗа

⁷⁴³ Там же. Л. 234.

⁷⁴⁴ Там же. Л. 235.

⁷⁴⁵ Там же.

И.Л. Дзевалтовского, военных специалистов Н.М. Потапова, А.М. Мочульского, И.И. Вацетиса, А.И. Андогского (через Потапова)⁷⁴⁶.

Свои планы в отношении академии большевики подкрепляли финансированием. 20 апреля 1918 г. военно-хозяйственный совет выделил 30 000 руб. из военного фонда на дополнительные расходы по учебным часам, а всего на учебный период до 1 января 1919 г. по этой статье планировали выделить 60 000 руб. Постановление военно-хозяйственного совета утвердил видный большевистский военный администратор Э.М. Склянский⁷⁴⁷. Между тем Уральский областной совет, по данным на 17 апреля 1918 г., не имел достаточно средств на содержание слушателей академии и испрашивал кредит областному военному комиссариату на эти цели. На 500 слушателей ежемесячно требовалось 200 000 руб.⁷⁴⁸

* * *

Исполняющий обязанности начальника академии профессор А.И. Медведев, человек с нетипичным для генштабистов революционным прошлым⁷⁴⁹, 6 апреля 1918 г. в ответ на требование Уральского областного совета подготовил докладную записку, в которой указал, что помимо учебной работы академия готова помочь организации РККА на Урале чтением лекций, организацией штабов и руководством их работой, при этом он просил ограничить командировки слушателей пределами недели⁷⁵⁰.

Несмотря на готовность академического руководства к сотрудничеству, прибытие в Екатеринбург академии с множеством бывших кадровых офицеров испугало уральских большевиков. Тем более что в академии обсуждалась идея открытия дополнительного курса (а следовательно, возможность собрать выпускников курсов прежних очередей)⁷⁵¹, что так и не было реализовано. В случае воплощения этой идеи в жизнь в Екатеринбурге сконцентрировалась бы достаточно грозная сила из нескольких сотен боевых кадровых офицеров, в большинстве своем настроенных против красных.

23 апреля из Екатеринбурга в шесть адресов (Л.Д. Троцкому, К.А. Механошину, Н.И. Подвойскому, Э.М. Склянскому, М.С. Кедрову и председателю ВЦИК Я.М. Свердлову) была разослана тревожная телеграмма: «[В] Екатеринбург эвакуирована [из] Петрограда Военная академия Генштаба, все слушатели которой состоят исключительно из бывших офицеров и даже офицеров особого типа. [В] настоящее время Екатеринбург является политическим центром Урал[ьской] области и его значение настолько важно, что нахождение организованного очага контрреволюции под маркой академии в центре Урала является совершенно не допустимым, особенно принимая во внимание то обстоятельство, что Екатеринбург должен принять у себя еще несколько гостей. По условиям политического момента и строя нашей советской республики необходимо в самом срочном порядке реорганизовать академию, куда был бы доступ пролетарской мысли. По постановлению Совета комиссаров Уральской области военный комиссариат настаивает: 1) немедленно закрыть курсы академии, тем более что чтение лекций младшего курса закончено, и распределить слушателей

⁷⁴⁶ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 17. Л. 255.

⁷⁴⁷ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 45. Л. 1.

⁷⁴⁸ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 32. Л. 5.

⁷⁴⁹ Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма: в 5 т. М., 1931. Т. 2, вып. 3. С. 901–902.

⁷⁵⁰ *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты... С. 86.

⁷⁵¹ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 32. Л. 6.

по всем городам республики, используя их как техническую силу под контролем советов, 2) не присылать [в] Екатеринбург в академию слушателей согласно телеграммы Дзевалтовского от 14 апреля и не открывать новых отделов до полной реорганизации академии. Положение о реорганизации академии нами разрабатывается и будет телеграфировано. Во избежание недоразумений настоятельно просим удовлетворения нашего ходатайства, о чем телеграфировать. № 2313. Уральский областной военный комиссариат. [Ф.И.] Голощекин, [С.А.] Анучин»⁷⁵². На следующий день была отправлена телеграмма с предложением реорганизовать академию, принимать в нее не только бывших офицеров, но и солдат и требовать аттестации организаций, стоящих на платформе советской власти⁷⁵³. Как показали последующие события, екатеринбургские большевики забили тревогу не напрасно. Но, несмотря на этот сигнал, академия продолжала пользоваться доверием Троцкого и находиться под его покровительством.

Приезжавший в тот период из Екатеринбурга в Петроград⁷⁵⁴ бывший полковник А.П. Слижиков подтверждал, что местные власти приняли академию и ее служащих за пособников атамана А.И. Дутова, стремившихся ударить по красным с тыла. Позднее местное руководство стало относиться к академии более спокойно. В остальном Слижиков рекламировал екатеринбургскую жизнь: «Продуктов сколько угодно. Хлеб только белый. Жизнь дешевая. Климат отличный»⁷⁵⁵. В бытовом плане, по его мнению, академии было предоставлено отличное помещение, где могли разместиться до 500 человек, семейные получали отдельные квартиры.

А.И. Андогский находился в Москве, в гостинице «Централь» (Большая Дмитровка, 15) и улаживал организационные вопросы. Готовилось изменение штатов академии. Академия в Екатеринбурге должна была с 8 мая открывать занятия в старшем классе силами Б.П. Богословского, М.А. Иностранцева и А.И. Медведева. Параллельно с лекциями требовалось организовать сдачу зачетов за подготовительные курсы и выходы в поле для съемок. При этом некоторые профессора и преподаватели в Екатеринбург не торопились (А.Д. Сыромятников и вовсе уехал в отпуск в Петроград)⁷⁵⁶.

* * *

В апреле 1918 г. в Екатеринбурге, по всей видимости, местными большевистскими властями были выработаны новые принципы набора в академию, согласно которым на курсы принимались военнослужащие (как бывшие офицеры, так и солдаты) при наличии аттестации организации, стоявшей на платформе советской власти, и обладавшие стажем службы в действующей армии не менее трех месяцев и общими знаниями в объеме 4-классного городского (высшего начального) училища, знанием русского языка по новой орфографии, географии с произошедшими за время войны изменениями, геометрии, начал алгебры и три-

⁷⁵² РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 17. Л. 280.

⁷⁵³ *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты... С. 87.

⁷⁵⁴ В процессе эвакуации академии служащие неоднократно выезжали в Петроград для ликвидации имущества или контроля над вывозом академической собственности. Так, столоначальник Е.Л. Высогорец был командирован в Петроград 12 апреля для ликвидации имущества (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648. Л. 98). Инструктор полубатальона академии В.Э. Арнольд в июне 1918 г. ездил в Петроград из Москвы для ликвидации дел по академии (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1060. Л. 194).

⁷⁵⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 109.

⁷⁵⁶ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 32. Л. 8, 10.

гонометрии, русской истории и истории общественного движения с 1905 г., а также знанием военных уставов в рамках общего курса учебных команд мирного времени. Младший курс продолжался 4 месяца, старший, считавшийся необязательным, — 2 месяца. Холостым слушателям выплачивалось по 100 руб., семейным — по 200 руб.⁷⁵⁷ Введение подобных правил резко снижало уровень слушателей академии, которые теперь могли не иметь за своими плечами даже курса военного училища.

Определяющее значение для существования академии в Советской России имел приказ Наркомата по военным делам № 316 от 3 мая 1918 г. за подписью Л.Д. Троцкого, К.А. Механошина и Э.М. Склянского. Академия в документе именовалась Военной академией Генерального штаба. В приказе отмечалось, что «для теоретической военно-научной подготовки кадра лиц из среды Красной армии, намеченных на должности инструкторов и для работ в штабах вновь создаваемой армии, с 15/2 мая с.г. открываются ускоренные курсы Военной академии Генерального штаба сроком на 1 год»⁷⁵⁸. Надо сказать, что в этой части приказ выполнен не был, и занятия в срок не начались.

Распоряжения о командировании слушателей должны были исходить непосредственно от СНК⁷⁵⁹. Отбор кандидатов на ускоренные курсы поручался испытательной комиссии в Москве, которая выявляла обладающих достаточной боевой подготовкой и кругозором. 14 мая в 15.00 в помещении бывшего Алексеевского военного училища в Лефортово должны были состояться испытание и проверка документов об образовании для желающих поступить на ускоренные курсы в академию⁷⁶⁰.

21 мая в «Известиях Народного комиссариата по военным делам» (в неофициальном отделе газеты сотрудничал А.И. Андогский⁷⁶¹) было опубликовано объявление Главного комиссариата военно-учебных заведений, датированное 18 мая и подписанное главным комиссаром И.Л. Дзевалтовским, о наборе на ускоренные курсы академии. В объявлении отмечалось, что для зачисления «необходимо предъявление документов, подтверждающих не только стояние на платформе советской власти, но и проявление этого стояния, т.е. активное участие в политической или боевой жизни Красной армии»⁷⁶². К объявлению прилагался анкетный лист из 16 пунктов, который желающие могли заполнить. За сообщение ложных сведений полагалась ответственность. Заявления требовалось подавать в военно-учебное управление (Большая Садовая улица, 6), разъяснения давал начальник инспекционного отделения учебной части Флейснер. При этом желающие должны были прибыть в Москву на испытание 14 мая (т.е. еще до подписания и публикации объявления).

На курс записались 179 слушателей (как удалось установить, прибыли в итоге 113–115 человек⁷⁶³). Частично соблюдался принцип лояльности большевикам, благодаря чему в

⁷⁵⁷ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 215об. В.М. Войнов утверждал, что Уральским областным комиссариатом было разработано «Положение об ускоренных курсах подготовки командиров и работников штабов Красной армии при академии Генерального штаба» (*Войнов В.М.* Николаевская академия Генерального штаба в Екатеринбурге // Уральская старина. 1994. Вып. 1. С. 12), однако подтверждений этому в указанном им деле обнаружить не удалось.

⁷⁵⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1625. Л. 1.

⁷⁵⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1624. Л. 127.

⁷⁶⁰ ИН. 1918. 14 мая. № 14. С. 2.

⁷⁶¹ ИН. 1918. 23 июня. № 45. С. 2.

⁷⁶² ИН. 1918. 21 мая. № 19. С. 1.

⁷⁶³ См. Приложения.

Анкетный лист

для поступающих на ускоренный курс академии генерального штаба.

1) Фамилия, имя, отчество.	
2) Возраст.	
3) Семейное положение.	
4) Каково общее образование получили (указать все учебные заведения, начиная со средних, в которых учились).	
5) В каких военно-учебных заведениях получили специальную военную подготовку.	
6) Специальность по роду оружия.	
7) Какую занимали должность в рядах регулярной армии (указать подробно все занимаемые должности, в течение какого срока были в последней занимаемой должности).	
8) Какие должности занимали после октябрьской революции (по выбору солдат).	
9) Служили ли в рядах Красной Армии, какую должность занимаете, где, в такой части, с какого времени.	
10) В каких боях принимали участие на внешнем фронте (изложить подробно).	
11) В каких боях принимали участие на внутреннем фронте (подробно изложить).	
12) К какой политической партии принадлежите. В каком комитете записаны. С какого числа состоите членом партии. № партийного билета.	
13) Принадлежите ли к числу активных членов партии, если да, то в чем выразилась ваша активность (подробно).	
14) В чем выразилось ваше активное содействие идеям советской власти со дня революции (подробно).	
15) При сем прилагаю документы, подтверждающие изложенное в ответах (перечисление документов, рекомендаций с указанием номеров).	
16) Все изложенные сведения даны верно. Подпись. 1918 г. Москва.	

Примечания. 1) На все вопросы должны быть даны исчерпывающие и подробные ответы. Анкетные листы, не удовлетворяющие этому требованию, не будут рассматриваться. 2) К заявлению должны быть приложены документы, подтверждающие правильность изложенного в анкетном листе. 3) Лица, заявившие о себе ложные сведения, будут привлечены к ответственности.

Анкетный лист для поступающих на ускоренный курс Академии Генерального штаба.

«Известия Народного комиссариата по военным делам». 1918 г.

Известия Народного Комиссариата по военным делам.**НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ.**

В неофициальном отделе изъявили согласие принимать участие следующие лица:

Начальник военной академии А. И. Андогский, пом. нач. гл. упр. ген. штаба А. С. Бьлой, ген. штаба Н. С. Беляев, нач. лат. див. I. I. Вацетис, ген. штаба Т. Д. Дубинин, ген. штаба А. П. Несматов, ген. штаба А. И. Лебедев, ген. штаба Назарович, комис. всеобщ. воен. обуч. Л. Е. Марьясин, ген. штаба А. Л. Сагари, ген. штаба А. А. Ткаченко, инсп. пехоты К. П. Терезевич и другие.

Список сотрудников неофициального отдела газеты «Известия Народного комиссариата по военным делам» с указанием А. И. Андогского. 1918 г.

академию через главного комиссара военно-учебных заведений попали до 70 считавшихся лояльными слушателей⁷⁶⁴, в том числе латышские стрелки и поляки. Многие из них пользовались репутацией надежных и опытных ротных и батальонных командиров⁷⁶⁵.

Приемная комиссия самой академии не стремилась принимать большевизированных слушателей, а руководствовалась, прежде всего, образовательным цензом. 12 июня прием в академию был завершён⁷⁶⁶. В дальнейшем в военной печати появилось сообщение о том, что из 250 желающих на ускоренный курс приняты 110 человек, а в старший класс только 10 человек (сверх окончивших подготовительные курсы и уже находившихся в академии, перевод которых в старший класс считался с конца июня по окончании экзаменов)⁷⁶⁷.

Требования к поступающим были существенно занижены в сравнении с прежними нормами, что привело к зачислению откровенно слабых по своей подготовке слушателей. В результате обсуждалась возможность подготовки их не краткосрочно, а в течение трех лет. При этом академическое руководство смогло добиться того, чтобы в академию все же прислали в качестве слушателей бывших офицеров. Слушатели должны были иметь образование не ниже 4–5 классов гимназии, окончить курс, хотя бы ускоренный, военного училища или школы прапорщиков (ранее офицеров военного времени в академию не принимали), иметь боевой опыт, представить рекомендацию какой-либо политической организации, выдержать экзамен — дать описание боя, в котором участвовал поступающий. Предпочтение отдавалось тем, кто служил в войсках непрерывно и проявил себя «после Октябрьского переворота»⁷⁶⁸. В академию их ждали к 15 июня.

Отдельные представители этого набора поражали преподавателей своим обликом. Так, один из кандидатов в генштабисты, которому было более 40 лет, пришел в академию босиком, причем нес сапоги на палке за спиной, а в другой руке держал узелок с пожитками. Огромная рыжая борода слушателя была заплетена в косички, две из которых были завязаны на затылке⁷⁶⁹.

В старший класс зачислялись «слушатели академии, прошедшие во время войны подготовительные курсы 3-й очереди, а равно все, окончившие подготовительные курсы 1-й и 2-й очереди и еще не призванные в старший класс академии»⁷⁷⁰, они должны были прибыть в Екатеринбург не позднее 27 мая, чтобы с 1 июня приступить к занятиям. Телеграммы о вызове слушателей в старший класс содержали дату, к которой необходимо было прибыть в Екатеринбург, — 1 июня⁷⁷¹.

Академия в соответствии с приказом № 316 должна была состоять из ускоренных одногодичных курсов и старшего класса, что составляло переходную ступень к полноценному трехгодичному курсу академии⁷⁷².

⁷⁶⁴ *Петровский Д.* Военная школа в годы революции (1917–1924 гг.). М., 1924. С. 14.

⁷⁶⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1558. Л. 13об.

⁷⁶⁶ ИИ. 1918. 16 июня. № 39. С. 1.

⁷⁶⁷ Военное дело. 1918. 15 июня. № 3. С. 14.

⁷⁶⁸ Там же.

⁷⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 300.

⁷⁷⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1625. Л. 1.

⁷⁷¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1646. Л. 61.

⁷⁷² РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 461.

Нагрузка на Андогского, как физическая, так и моральная, в тот период была крайне высока. Он планировал выехать из Петрограда в Екатеринбург вместе с Б.П. Богословским 8 апреля⁷⁷³, но с 9 апреля, судя по всему, задержался в Москве⁷⁷⁴, по другим данным, выехал в Москву 10 апреля в Высший военный совет для получения инструкций по приему в академию лиц по указанию Наркомата по военным делам⁷⁷⁵. Известно, что 7 апреля ему из ГУГШ была направлена телеграмма следующего содержания: «Нач[альник] Генштаба предлагает Вам немедленно прибыть [в] Москву для получения указаний [по] вопросу приема [в] академию [на] ускоренный курс лиц по указанию комиссариата [по] военным делам. За ген[ерал-]квар[тирмейстера] ГУГШ Белой»⁷⁷⁶.

Профессора и преподаватели весь период пребывания академии в Советской России в значительной степени проявляли недальновидность, инфантилизм и наивный максимализм по отношению к новой власти. Это особенно наглядно прослеживается по воспоминаниям профессора М.А. Иностранцева. Практически каждая инициатива властей в отношении академии (будь то отмена погон, просьба выступить консультантами на переговорах в Брест-Литовске, вызов на совещание по военно-педагогическим вопросам) встречалась профессорами и преподавателями в штыки. Во главу угла ставились нежелание служить новой власти и саботаж ее распоряжений, демонстративный антибольшевизм при отсутствии у основной массы реальной антибольшевистской деятельности.

Фактически Андогскому в одиночку приходилось спасать академию от возможных неприятностей и часто лично выполнять поступающие от властей распоряжения. Другие преподаватели, совершенно не задумываясь о последствиях, под различными предлогами либо напрямую стремились уклониться от помощи начальнику академии, находившемуся в крайне тяжелой ситуации.

Вполне характерны отказ Иностранцева сопровождать Андогского в его поездке в Москву по вызову Троцкого и произошедший между двумя бывшими генералами диалог. Андогский, озвучив свою просьбу, сказал: «Я весь сегодняшний день... думал о своей поездке и пришел к заключению, что было бы чрезвычайно полезным, чтобы меня сопровождал еще кто-нибудь из состава конференции, и вот почему. Несомненно, что в Москве будут решаться весьма важные вопросы бытия академии и ее дальнейшей работы. При этом, конечно, для пользы дела будет чрезвычайно полезно при обсуждении с Троцким этих вопросов, чтобы научное мнение и опыт были представлены не одним мною, как начальником академии, а еще каким-нибудь авторитетным профессором, и нам вдвоем было бы легче отбиваться от политического натиска и отстоять академию от вторжения в нее политического элемента. Хотя Троцкий, по моим предшествующим наблюдениям, и является человеком чрезвычайно умным, но все-таки он, прежде всего, партийный человек, и это отражается и будет, конечно, отражаться на его влиянии на академические дела. Поэтому, повторяю, мне кажется чрезвычайно полезным, чтобы меня сопровождал в Москву человек, авторитетный в акаде-

⁷⁷³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 111об. Возможно, выезд задержался, так как от чрезвычайной комиссии по разгрузке Петрограда при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов он получил удостоверение на право свободного выезда в Москву только 9 апреля (РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.).

⁷⁷⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 10об.

⁷⁷⁵ Там же. Л. 109.

⁷⁷⁶ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.

мических делах и с научным именем. По этим-то признакам я и остановил свой выбор на тебе. Кроме того, мне кажется, что и на случай моего выбытия из строя, что по теперешним временам всегда возможно, ты, естественно, явишься моим заместителем в должности начальника академии, ибо кроме тебя меня абсолютно некому заместить. Старики-профессора устарели и опустелись, молодежь еще не подросла. А раз это так и ты являешься моим единственным и достойным заместителем, то будет чрезвычайно полезным, чтобы Троцкий ознакомился с тобою, а ты осмотрелся бы в той среде, с которой тебе придется работать. От этого ты только выиграешь, и, следовательно, эта поездка будет полезна и для академии, и для тебя, и для меня»⁷⁷⁷.

Впечатление Иностранцева от этих слов вполне показательно: «Однако же весь этот монолог, несмотря на его крайне лестный для меня оттенок, совершенно не убедил меня. Я знал Андогского за человека не только умного, но и очень хитрого и ловкого, который не только всегда прекрасно разбирается в существующей обстановке, но заглядывает и далеко вперед. Его указания на то, что я будто бы являюсь единственным возможным его заместителем, не только не тронули меня, но и не вселили даже к себе доверия. Я не поверил им потому, что это, во-первых, было сказано впервые, а до того Андогским никогда не указывалось, и, следовательно, теперь он для чего-то, с какой-то целью, счел нужным это сказать. Не тронули меня эти указания потому, что я вовсе не собирался занять пост начальника академии, для которого считал себя еще недостаточно опытным и подготовленным, что и доказал отказом выставить свою кандидатуру при выборах начальника академии еще при Временном правительстве, а уж подавно не собирался занимать этот пост под большевиками. Я смотрел на свою работу под их властью как на неизбежное зло, от которого надо как можно скорее избавиться, как от всякой работы “за страх”, но совершенно не собирался работать на них “за совесть”.

Невольно являлся вопрос: зачем Андогскому понадобилось звать меня ехать с ним в Москву и не было ли тут какой-нибудь совершенно иной цели, не имеющей ничего общего с ознакомлением большевистских военных властей со мной и меня с ними как будущего заместителя?

Ответ на этот вопрос появился у меня в виде следующего подозрения, впоследствии в значительной мере почти подтвердившегося. Андогский, как человек, как уже сказано, чрезвычайно ловкий и хитрый и заглядывавший далеко вперед, приглашением меня ехать облегчал себе путь отступления впоследствии, на случай, если бы академии, на что он твердо надеялся, удалось бы рано или поздно освободиться из-под власти большевиков.

Он предвидел, что в таком случае на него, несомненно, падала бы весьма серьезная и неприятная тень за тесное сотрудничество с Троцким. Выносить эту тень на себе одним было бы много тяжелее и, по последствиям, неприятнее, чем если бы он был не один, а с ним сотрудничал бы еще кто-либо другой из состава конференции академии. Надо было только выбрать фигуру позаметнее, и не в силу каких-либо особых качеств, о которых он распространялся в разговоре со мною так много, ибо таковыми качествами я, мне думается, не обладал, а также и не в силу того, что я будто бы являлся его единственным подходящим преемником, ибо я, повторяю, таковым не являлся и к этому не стремился, исходя из других соображений.

⁷⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 301–302.

Привлечь кого-либо из старых профессоров было едва ли желательным просто вследствие их устарелости и малой, если можно так выразиться, подвижности. Да к тому же их было всего два: генералы Христиани и Медведев, ибо остальные еще не прибыли из Петрограда. Эти же два лица в особенности не подходили для задуманного, т.к. оба совершенно определенно стремились лишь к заслуженному ими покою и тихому благополучию.

Огромное остальное большинство членов конференции составляли уже не профессора, а преподаватели академии и штаб-офицеры, заведующие обучающимися офицерами. Это все были люди еще молодые, не имевшие ни научного, ни педагогического опыта и авторитета, и не могли импонировать ни большевикам, ни тем властям, которые могли бы, в случае чего, их сменить. Молодых же профессоров в составе конференции академии было всего два: генерал Матковский и пишущий эти строки. Но с Матковским у Андогского были крайне холодные отношения, впоследствии вылившиеся в открытую неприязнь и приведшие даже к столкновению... Следовательно, оставался один я.

Другими словами, раз уж приходилось устанавливать близкий контакт с большевиками, Андогский искал случая впутать в этот контакт, кроме себя, еще и меня. Все эти мысли молниеносно пронесли у меня в голове, когда я услышал предложение Андогского и его медоточивые комплименты по моему адресу»⁷⁷⁸.

Подобным свидетельством, сам того не желая, Иностранцев изобличил и себя, и остальных преподавателей. Фактически это была абсолютно иждивенческая и довольно подлая по отношению к Андогскому позиция — он может выпутываться и разбираться, как хочет, поддерживать связь с властями и спасать академию, а на преподавателей пусть не рассчитывает, поскольку они не хотят запачкаться контактами с большевиками. В случае чего обвинения в «большевизме» также ложились на одного лишь начальника академии.

Далее Иностранцев, упиваясь завуалированным оскорблением «замаравшегося» в сотрудничестве с Троцким Андогского, дал, по его мнению, «дипломатичный» ответ: «Ввиду всего сказанного я, выслушав Андогского и поблагодарив его за лестное обо мне мнение, сказал ему, что, по моему крайнему разумению, не подхожу для сопутствования ему в его неприятной поездке и не подхожу по свойствам моего характера, лишенного необходимой гибкости, как мягко я выразился, дабы избежать настоящего наименования, а именно ловкости, приспособляемости и, в результате, беспринципности.

Я сказал, что если поневоле и должен работать под большевиками и с трудом, но терплю их иго, то из этого не следует, что могу и хочу устанавливать с ними тесный контакт и работать совместно, на что не имею ни малейшего желания, ни способности.

Поэтому я просил его избавить меня от этой поездки, в которой я могу оказаться для него не только не полезным, но, по свойствам своего характера, может быть, вредным и даже опасным.

Андогский был, видимо, опечален моими словами и еще некоторое время пытался убедить меня согласиться на его просьбу и предложение. Однако же я остался тверд в своем решении и категорически заявил ему, что он может просить меня о чем угодно другом и что я употреблю все усилия, чтобы его просьбу выполнить, но желание его, чтобы я сопутствовал ему в Москву, я выполнить не могу, не хочу и не выполняю. Он ушел от меня, как будто даже немного обиженный.

⁷⁷⁸ Там же. Л. 302–304.

Что это было так, показывает разговор его жены с моею женою через несколько дней, уже после его отъезда в Москву. Андогская, жалуясь моей жене на всю трудность, тяжесть и опасность положения ее мужа в роли начальника академии, указала на его полное одиночество в этой роли и на нежелание кого бы то ни было из персонала служащих академии его поддерживать и облегчать ему его задачи.

“Вот и Михаил Александрович, — сказала она, — к которому он так особенно тепло и симпатично относится, не захотел его поддержать и сопровождать его в этой отвратительной поездке. Он один и совершенно один пьет свою горькую чашу”⁷⁷⁹.

Итак, Андогский, по мнению Иностранцева, был беспринципным приспособленцем. Преподаватели же, по сути бросившие начальника академии в трудную минуту, но иждивенчески пользовавшиеся всеми благами его организаторской работы (что создало академии все условия для благополучного существования и при большевиках), видимо, считали себя образцом антибольшевистской твердости и принципиальности.

Более взвешенной выглядит оценка действий Андогского слушателем курсов Н.Н. Ивановским, который, спустя много лет после событий, в 1963 г., отмечал: «Я не хочу винить и критиковать Андогского — его идея, по-видимому, была любой ценой сохранить академию, а что касается принципов и идей, то так или иначе они приложатся»⁷⁸⁰.

* * *

30 апреля Андогский, находившийся тогда в Москве, отправился в Петроград во исполнение нового предписания начальника Генштаба «для выполнения спешной эвакуации оставшейся там части вверенной мне академии»⁷⁸¹. В середине мая Андогского вновь вызвали в Москву на совещание о штатах Генерального штаба, лицах с законченным академическим образованием и о дополнительном классе академии⁷⁸². Рассматривался вопрос о направлении в Екатеринбург помимо слушателей академии еще и выпускников курсов 2-й очереди для выполнения условий причисления к Генштабу, полевых занятий и экзаменов.

В Советской России достаточно интенсивно шло восстановление прежней системы высших военно-учебных заведений. 14 мая 1918 г. военный руководитель Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевич писал председателю Совета народных комиссаров В.И. Ленину о необходимости открыть в кратчайший срок все специальные военные академии⁷⁸³. Летом 1918 г. было намечено увеличить численность слушателей академии до 450 человек, а административно-преподавательский состав — до 65 человек⁷⁸⁴.

22 мая 1918 г. конференцией была избрана комиссия в составе В.И. Сурина, А.Д. Сыромятникова и военного инженера Н.И. Коханова для пересмотра программы занятий в академии соответственно новым условиям жизни и устройства армии⁷⁸⁵. Помимо военных дисциплин в программу обучения старшего класса предполагалось включить общеобразова-

⁷⁷⁹ Там же. Л. 304–305.

⁷⁸⁰ НИА. Pavel P. Petrov Collection. Box 1. Folder 3.

⁷⁸¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1060. Л. 130.

⁷⁸² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 111об.

⁷⁸³ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 116. Л. 2.

⁷⁸⁴ Конференция академии в этой связи ходатайствовала об откомандировании на должности заведующих слушателями А.Т. Антоновича, К.-Р.-Г.К. Карлсона, С.Н. Розанова, Е.Е. Шишковского. В действительности мог быть командирован только Антонович (РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 175).

⁷⁸⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 16. Л. 18об.

тельные, социальные и философские курсы. Подготовка велась по следующим предметам: стратегия (М.А. Иностранцев, А.Д. Сыромятников), военная философия (М.А. Иностранцев, А.Д. Сыромятников), тактика всех родов войск и общая тактика (Б.П. Богословский), военная психология (Р.К. Дрейлинг, А.П. Слижиков), история военного искусства, история Великой всемирной войны 1914–1918 гг. до и после революции (как два курса), служба Генерального штаба (А.И. Андогский, В.Н. Касаткин, П.Ф. Рябиков, Г.В. Солдатов), техника железнодорожного дела, военная география (И.И. Смелов, Г.Г. Христиани, раздел военной статистики вел А.И. Медведев), военная администрация (В.И. Сурин, Д.В. Филатьев), военно-морское дело (А.И. Медведев), низшая геодезия (военная топография), военно-инженерное дело (Н.И. Коханов), инженерная оборона государства, укрепленные позиции, полевая фортификация, сведения по технике артиллерийской части, сведения по технике воздухоплавания и авиации, государственное право, основы советской Конституции, международное право и вопросы современной международной политики, основы внешней политики (должен был читать видный советский ученый-международник М.П. Павлович⁷⁸⁶), политическая экономия и вопросы мирового хозяйства, история цивилизации народов, социология, логика и методы научного исследования, иностранные языки (немецкий, японский, китайский, турецкий, шведский, румынский, английский и французский). Обязательным было изучение двух языков, в том числе немецкого как основного⁷⁸⁷.

Практические занятия намечались по стратегии и тактике (задачи и тактические поездки и выходы), по военной администрации, по военной статистике, по службе Генштаба, по инженерному делу, по артиллерии, по авиации, по морскому делу, по картографии, по верховой езде (для слабо обученных). Слушатели самостоятельно разрабатывали научные вопросы — темы по военной истории, военному искусству и стратегии (операции) и должны были защищать темы перед особыми кафедрами. Кроме того, делались доклады и сообщения.

В 1918 г. заслуженным профессором И.А. Ивановским была составлена записка о необходимости введения юриспруденции в круг предметов преподавания Николаевской военной академии⁷⁸⁸. Был составлен и проект программы курса по международному праву⁷⁸⁹. Успеваемость предполагалось оценивать по трем категориям: «весьма удовлетворительно», «удовлетворительно» и «неудовлетворительно». В процессе обучения требовалось опираться на опыт мировой войны.

Программа ускоренных годовичных курсов включала основы современной стратегии (М.А. Иностранцев), тактику пехоты (А.Т. Антонович, Б.В. Геруа), конницы (А.Ф. Матовский), артиллерии (В.Л. Томашевский), технических войск (Г.В. Леонов), воздушных средств (И.И. Сторожев), общую тактику (соединение всех родов войск — А.И. Андогский, Б.П. Богословский, И.И. Смелов, А.Д. Сыромятников), военную психологию (Р.К. Дрейлинг, А.П. Слижиков), историю Великой всемирной войны 1914–1918 гг. (А.П. Слижиков), службу Генерального штаба (А.И. Андогский, В.Н. Касаткин, П.Ф. Рябиков, Г.В. Солдатов),

⁷⁸⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 462об.

⁷⁸⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1548. Л. 124–124об. В одном из вариантов основных положений, выработанных смешанной комиссией, были вычеркнуты тактика всех родов войск, военная география, низшая геодезия (военная топография), сведения по технике артиллерийской части, сведения по технике воздухоплавания и авиации (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1634. Л. 1–1об.).

⁷⁸⁸ Подробнее см.: РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 28. Л. 3–4об.

⁷⁸⁹ Там же. Л. 15.

обзор пограничных театров России (А.И. Медведев, Г.Г. Христиани), организацию и тактику снабжений и транспорт (В.И. Сурин, Д.В. Филатьев), теорию съемки (Г.Т. Киященко, Д.Д. Сергиевский), военно-инженерное дело (Н.И. Коханов), сведения по технике артиллерийской части (В.Л. Томашевский), сведения по технике воздухоплавания и авиации (Л.П. Дюсиметьер, И.И. Сторожев), государственное устройство, курс политической экономии и вопросов мирового хозяйства. Практические занятия по тактике (пехоты — А.Т. Антонович, М.А. Иностранцев, П.Ф. Рябиков; конницы — Г.В. Леонов, А.Ф. Матковский, И.И. Сторожев; артиллерии — Б.П. Богословский, Н.Я. Капустин, В.Л. Томашевский), военной администрации, службе Генштаба, инженерному делу, артиллерии, авиации, съемкам, верховой езде (для слабо обученных)⁷⁹⁰. Предполагалось, что академия вскоре вернется к нормальному трехгодичному курсу обучения.

За пределами академии учебный план «в соответствии с новыми условиями жизни и устройства армии» пересматривался смешанной комиссией из трех представителей наркомата (все в прошлом — выпускники академии): начальника Латышской стрелковой дивизии И.И. Вацетиса, представителей Всероссийского главного штаба А.С. Белого и Ю.С. Лазаревича; трех представителей преподавательского состава академии⁷⁹¹, комиссара и начальника академии, а также правителя дел И.И. Смелова с правом совещательного голоса⁷⁹². К члену комиссии присоединился представитель ГУВУЗа Н.С. Беляев.

Смешанная комиссия по переработке программы академии была создана на основании приказа Народного комиссариата по военным делам от 3 мая 1918 г. № 316 и дополнительных личных распоряжений, данных наркоматом главному комиссару всех военно-учебных заведений. Заседания прошли 4–8 июня 1918 г. Их результатом стало изложенное в основных положениях, выработанных комиссией, решение о том, что «академия Генерального штаба должна давать не только высшее военное и исчерпывающее специальное, но и по возможности широкое общее образование, дабы лица, окончившие ее, могли занять штабные и командные должности и являлись людьми, способными откликнуться на все вопросы политической, общественной и международной жизни»⁷⁹³.

Комиссия пришла к выводам о том, что Первая мировая война дала колоссальный новый опыт, который необходимо учитывать при подготовке специалистов-практиков. Планировалось изучать стратегию, тактику, военную администрацию, военную географию, военную топографию, военную историю мировой войны, инженерное дело, службу Генштаба, военную психологию. Поскольку офицерство считалось узко образованным, в курс обучения вводились и общественные науки: государственное устройство, социология, политэкономия, логика и метод научного исследования, военная философия, сравнительная история цивилизации России, Германии, Франции, Англии, Америки и Японии. Решено было активизировать изучение иностранных языков. Кроме того, слушатели должны были, как и до войны, разрабатывать самостоятельные темы. Вопросы всеобщей военной истории переносились в дополнительный класс. Впрочем, подобная программа в условиях Гражданской войны отличалась некоторой утопичностью и реализована не была.

⁷⁹⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 462об.–463.

⁷⁹¹ В итоговом составе комиссии они не упоминались и, видимо, разрабатывали проект непосредственно в академии. Насколько можно судить, ими были Н.И. Коханов, В.И. Сурин и А.Д. Сыромятников.

⁷⁹² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1625. Л. 1.

⁷⁹³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1548. Л. 124; Д. 1634. Л. 1.

12 июня Андогский представил главному комиссару военно-учебных заведений копию основных положений, выработанных смешанной комиссией по переработке программы академии. Подлинник документа хранился у Л.Д. Троцкого⁷⁹⁴.

В официальном органе Народного комиссариата по военным делам была опубликована пафосная заметка «Реформа академии Генерального штаба», в которой говорилось: «Революция мощным ударом распахнула окна в давно не проветриваемом здании армии.

Широкие потоки свежего воздуха наконец докатились и до академии Генерального штаба.

По инициативе начальника советской Латышской дивизии Вацетиса, бывшего питомца этой академии, была создана комиссия, которая, рассмотрев его проект реорганизации академии, одобрила его»⁷⁹⁵. Итак, заслуги реформирования академии были приписаны И.И. Вацетису⁷⁹⁶.

Летом–осенью 1918 г. в советской печати состоялась дискуссия о реформировании высшего военного образования. В газете «Известия» видный большевик Е. Ярославский публиковал с продолжением свою программную статью «Как воссоздать армию», в которой, полетантски рассуждая о командном составе, затронул и подготовку кадров Генерального штаба⁷⁹⁷. Ярославского пугало то, что генштабисты заполняли верхушку РККА, поэтому он призывал привлекать к службе Генштаба строевую молодежь. Статья положила начало дискуссии о Генеральном штабе, переросшей в дискуссию о высшем военном образовании.

Ярославскому возражал автор под псевдонимом Оборонец, считавший недопустимым профанацию серьезной военной специальности⁷⁹⁸. Отдельную статью Оборонец посвятил реформированию академии⁷⁹⁹. Исходным тезисом статьи стало утверждение о том, что преподавание в старой академии находилось не на должном уровне, не учитывало современный боевой опыт, страдало теоретизмом при отсутствии практики, зато слушателей загружали массой бессмысленных данных. Комплектовалась академия также, по мнению автора, ненадлежащим образом. Оборонец считал, что преобразование академии позволяет ввести в курс обучения общественные дисциплины, расширявшие политический кругозор слушателей. В академию должны были прийти преподаватели с боевым опытом, чтобы приблизить курсы к практике.

⁷⁹⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1548. Л. 123.

⁷⁹⁵ К. Реформа академии Генерального штаба // ИН. 1918. 4 июля. № 54. С. 4.

⁷⁹⁶ В более поздней статье о роли Вацетиса говорилось подробнее: «Первоначально вопрос о преобразовании программы академии Генерального штаба был поднят Вацетисом, ныне главнокомандующим всеми вооруженными силами республики, в январе месяце [1918 г.], во время пребывания его в революционном полевом штабе при Ставке Верховного главнокомандующего. Тогда же было, по его мысли, приступлено к разработке новой программы академии и выработке условий для поступления в нее слушателей из революционных политических деятелей, а также из низов армии... В конце мая, занимаясь формированием Латышской дивизии, Вацетис снова берется за дело намеченной им реорганизации академии сообразно духу времени и требований революционной подготовки офицеров Генерального штаба. По его инициативе была образована комиссия, в состав которой входили: начальник академии, правитель дел и еще 4 человека из Генерального штаба. Этой комиссии была доложена программа, выработанная Вацетисом. Приложенная к программе объяснительная записка доказывала, что старая академия давно отжила свой век и только благодаря косности старого режима не могла преобразоваться и получить программу, отвечающую требованиям службы в Генеральном штабе нашего времени» (ИН. 1918. 17 нояб. № 165. С. 3). Других свидетельств об участии Вацетиса в разработке реформы академии с января 1918 г. пока не обнаружено.

⁷⁹⁷ *Ярославский Ем.* Как воссоздать армию // Известия... 1918. 15 июня. № 121 (385). С. 1–2.

⁷⁹⁸ *Оборонец.* Генеральный штаб (к организации армии) // Известия... 1918. 4 июля. № 137 (401). С. 2.

⁷⁹⁹ *Оборонец.* Военная академия и ее реформа (к организации армии) // Известия... 1918. 20 авг. № 178 (442). С. 2 (см. Приложения).

Статья Оборонца вызвала ответную критическую реакцию другого анонимного автора⁸⁰⁰. Ответный материал продемонстрировал недостаточную компетентность Оборонца в вопросах работы академии. Отмечалось, что и комплектование не было несправедливым, и боевой опыт старались изучать, и практические занятия вести, и сознавали немалые недостатки. Вывод делался такой, что академия требовала реформирования, но не по программе Оборонца. Вышел и еще один материал с критикой той же статьи Оборонца⁸⁰¹. Обсуждалась и идея слияния всех военных академий в единый военный университет, что вызывало нарекания военных специалистов⁸⁰². В то же время определенная координация работы академий в целях достижения единообразия подготовки, но при сохранении внутренней самостоятельности признавалась необходимой⁸⁰³.

* * *

Народный комиссар по военным делам Л.Д. Троцкий покровительствовал академии и изначально выступил за правильную постановку организации обучения. Так, в мае 1918 г. он получил ходатайство двух большевиков К.И. Балтрука и Р.И. Битца о приеме их в академию, хотя они и не участвовали в Первой мировой войне, но обладали опытом боев в Москве в 1917 г. и отличались немалым самомнением⁸⁰⁴. Троцкий наложил на документ резолюцию, что решение вопроса зависит не от него⁸⁰⁵. В итоге ходатаи остались ни с чем. В этом действия Троцкого разительно отличались от уже известного читателю подхода А.Ф. Керенского.

А.И. Андогский принимал самое деятельное участие в организации подготовки слушателей академии. 11 июля 1918 г. он разработал наставление для ведения классных практических занятий по тактике и службе Генштаба на старшем курсе академии. Два предмета были соединены преднамеренно, для большей поучительности. Предназначение академии Андогский видел в том, чтобы «подготавливать не только деятелей Генерального штаба, но и военно-научно образованных лиц командного состава, способных руководить боевыми действиями крупных войсковых соединений»⁸⁰⁶. Помимо наставления Андогским были подготовлены лекции по тактике пехоты и по службе Генштаба.

Управление внутренней жизнью академии осуществлял комитет из трех представителей преподавательского состава, трех представителей старшего курса, трех — младшего, комиссара и начальника академии, а также правителя дел с правом совещательного голоса. Учебными вопросами ведала конференция академии.

По данным на май 1918 г., комиссаром академии значился Сергей Федорович Басков, оставшийся при здании уже эвакуированной в Екатеринбург академии в Петрограде. Именно его хотел видеть комиссаром академии и в Екатеринбурге А.И. Андогский, но получил отказ Троцкого⁸⁰⁷. Уральским областным военным комиссариатом был назначен новый

⁸⁰⁰ Критика необходима, но нужна и добросовестность // ИН. 1918. 28 авг. № 100. С. 4 (см. Приложения).

⁸⁰¹ *Ильменский*. Академия Генерального штаба перед войной 1914–1917 гг. // ИН. 1918. 4 сент. № 105. С. 4 (см. Приложения).

⁸⁰² *Незнамов А.* Военный университет // Военное дело. 1918. 17 авг. № 11. С. 3–4.

⁸⁰³ *Муратов В.* Объединение военных академий // Военное дело. 1918. 6 сент. № 14. С. 5.

⁸⁰⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 64. Л. 109.

⁸⁰⁵ Там же. Л. 102.

⁸⁰⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 27. Л. 2.

⁸⁰⁷ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 64. Л. 86–87; РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 75.

комиссар академии, которым стал совсем еще молодой человек, 21-летний Владимир Павлович Матвеев⁸⁰⁸. Преподаватели позднее отмечали, что новый комиссар мало интересовался академией и вскоре уехал⁸⁰⁹.

Слушатели получали по 550 руб. содержания в месяц (т.е. больше комиссара академии), но жилье, одежду и продовольствие обеспечивали себе сами. За работу в советских штабах им обещали доплату. Так, за организационную работу в Уральском областном военном комиссариате на 16 мая 1918 г. обещали по 150 руб. в месяц⁸¹⁰.

Отчислялись с курса без права вновь быть принятыми на него не исполняющие правила внутреннего порядка, замеченные «в неодобрительном для гражданина и воина поведении», неисправно посещающие занятия или небрежно выполняющие их⁸¹¹. Отчисление проводили комитет или конференция академии. 6 июля был утвержден временный штат академии.

Перемены в Красной армии влияли и на академию. 5 мая 1918 г. был издан приказ по академии № 87 о ликвидации комитетов (за исключением хозяйственного). Специальная комиссия в составе профессора М.А. Иностранцева, штатного преподавателя П.Ф. Рябикова, заведующих слушателями Б.П. Богословского и И.И. Сторожева должна была разработать вопрос о новых формах представительства слушателей⁸¹². 22 мая 1918 г. для управления внутренней жизнью академии конференция избрала комитет представителей профессорско-преподавательского состава, в который вошли А.Ф. Матковский, А.П. Слижииков и Г.В. Леонов⁸¹³. Слушателям было предложено избрать по три представителя от каждого курса в комитет и столько же в конференцию. В комитет — с правом решающего голоса, в конференцию — с правом совещательного голоса. На общем собрании слушателей старшего курса всех очередей 22 июня представителями в конференцию академии были избраны староста курса С.И. Ильин, А.Я. Крузе и Н.Г. Сабельников; в академический комитет — Г.А. Армадеров, Д.П. Артынов и Н.Г. Сабельников⁸¹⁴. Управляющим органом со своим президиумом было общее собрание слушателей 3-й очереди.

Руководил академией в тот период А.И. Андогский, правителем дел был И.И. Смелов, преподавали ординарные профессора: А.К. Байов, В.В. Витковский, Б.В. Геруа, А.Г. Елчанинов, М.А. Иностранцев, Б.М. Коллюбакин, А.Ф. Матковский, А.И. Медведев, В.Ф. Новицкий, Д.Д. Сергиевский, Д.В. Филатьев, Г.Г. Христиани; экстраординарные профессора: А.И. Андогский, Г.Г. Гиссер, Н.И. Коханов; штатные преподаватели: А.Т. Антонович, К.П. Артемьев, Б.П. Богословский, Н.Я. Капустин, В.Н. Касаткин, Г.Т. Киященко, Г.В. Леонов, А.Ф. Матковский, В.И. Оберюхтин, П.Г. Осипов, П.Ф. Рябиков, А.П. Слижииков, И.И. Смелов, Г.В. Солдатов, И.И. Сторожев, В.И. Сурин, А.А. Сурнин, А.Д. Сыромятников, В.Л. Томашевский. Костяк профессорско-преподавательского состава прошел в Гражданскую войну с академией весь путь от Петрограда до Владивостока.

⁸⁰⁸ Получал оклад 500 руб. в месяц и числился налицо с 11 мая 1918 г. С конца июня Матвеев занимался вывозом из Екатеринбурга и Перми запасов золота (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 200).

⁸⁰⁹ ГАРФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.

⁸¹⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1646. Л. 77.

⁸¹¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1625. Л. 1об.

⁸¹² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 197.

⁸¹³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 16. Л. 18об.

⁸¹⁴ Там же. Л. 49.

22 мая после двух месяцев отлучки Андогский наконец приехал в Екатеринбург⁸¹⁵. Белому следствию его отсутствие объясняли хлопотами по укладке академического имущества и наряду эшелонов⁸¹⁶, а никак не подготовкой открытия академии в тесном сотрудничестве с Троцким, как было в действительности. Уже 27 мая Андогский вместе с правителем дел академии И.И. Смеловым на основании приказа Наркомата по военным делам № 316 от 3 мая опять отправился в Москву для испытания лиц, командируемых в младший класс академии. Временно исполняющим должность начальника академии остался профессор Г.Г. Христиани, временно исполняющим должность правителя дел — заведующий слушателями Г.В. Леонов⁸¹⁷. 8 июня в академии была получена телеграмма Смелова о прибытии в Москву⁸¹⁸. В июне Андогский побывал и в Петрограде⁸¹⁹.

В июне 1918 г. были составлены новые штаты академии. Начальник академии по ним непосредственно подчинялся народному комиссару по военным делам с правами начальника управления и окладом в 1000 руб. Правитель дел получал 800 руб., его помощник — 700, ординарные профессора — 900, штатные преподаватели — 700, сторож — 150 руб., заведующий Суворовским музеем, назначавшийся из профессорско-преподавательского состава по выбору начальника академии, получал добавку к окладу в 100 руб. Ординарных профессоров предусматривалось 15, экстраординарных — 5 (12 по военному искусству, 1 по военно-инженерному искусству, 2 по военной статистике, 2 по военной администрации, 3 по астрономии и геодезии)⁸²⁰.

В документах июня 1918 г. академия именовалась уже просто академией Генерального штаба. 14 июня был издан приказ Наркомата по военным делам о переименовании ее в Военную академию РККА⁸²¹.

Во второй половине июня в академию прибыла большая группа слушателей. 21 июня представители 30 слушателей обратились к Б.П. Богословскому по вопросу размещения, поскольку служащий не разместил их в предоставленном для этих целей помещении женской гимназии⁸²².

Помимо слушателей подготовительных курсов 3-й очереди, прибывших в академию для продолжения обучения в старшем классе своей же очереди (при этом академия старалась вести строгий учет тех, кто не держал экзамены на подготовительных курсах⁸²³), за период с 18 мая по 4 августа в академию прибыли 59 слушателей подготовительных курсов 1-й и 2-й очереди, рассчитывавших на продолжение обучения в старшем классе 3-й очереди⁸²⁴.

⁸¹⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1156. Л. 227.

⁸¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 7. Л. 14об.

⁸¹⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 16. Л. 22.

⁸¹⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1646. Л. 95об.

⁸¹⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1124. Л. 109.

⁸²⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.

⁸²¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1156. Л. 233.

⁸²² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1628. Л. 1.

⁸²³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1644. Л. 16, 21.

⁸²⁴ Там же. Л. 19–20. По нашим данным, всего таких слушателей было не менее 67 человек, из которых 53 окончили подготовительные курсы 1-й очереди и 13 человек — 2-й, а данные в отношении того, подготовительные курсы какой очереди окончил еще один слушатель, нуждаются в уточнении.

Вокруг поступления на курсы, как и до Гражданской войны, наблюдался определенный ажиотаж⁸²⁵. Возможно, кто-то видел в зачислении в академию возможность уклониться от Гражданской войны или отдалить момент выбора. Кроме того, академия, очевидно, стала местом встречи офицеров, ранее учившихся на подготовительных курсах (при иных обстоятельствах встретиться этим людям было небезопасно или невозможно). Некоторых слушателей командировали в академию советские военные специалисты. Так, бывший генерал В.А. Ольдерогге командировал в академию в мае 1918 г. слушателей Э.Я. Рютеля и Ф.Н. Сальникова⁸²⁶. В академию в июне 1918 г. направляли даже офицеров с далекого, но все еще существовавшего Кавказского фронта, причем штаб фронта рассчитывал, что дольствием отъезжающих будет заниматься грузинское правительство⁸²⁷.

К 1 июля 1918 г. на ускоренный курс прибыл только 81 человек (начиная с 1 июля с опозданием прибыли 33, дата прибытия еще одного слушателя неизвестна, всего ожидалось 190 слушателей), а в старшем классе налицо имелись 204 слушателя⁸²⁸. 4 июля Андогский телеграфировал в ГУВУЗ: «В срок начаты занятия быть не могли ввиду прибытия 60 из 190 слушателей. Оттягивать долее нельзя, начинаю 8 июля [с] наличными слушателями. Андогский»⁸²⁹.

Занятия в старшем классе 3-й очереди начались в июне-июле 1918 г. Организация подготовки слушателей в тех условиях вполне может оцениваться как антибольшевистский шаг, поскольку академия задерживала у себя более двухсот квалифицированных военспецов из кадровых офицеров. Лекции проходили с 1 по 18 июля⁸³⁰. Старший класс был разделен на пять отделений, которыми руководили М.Н. Архипов, Б.П. Богословский, В.Н. Касаткин, П.Г. Осипов, И.И. Сторожев⁸³¹. Началась учеба и на младшем ускоренном курсе, на который к августу были зачислены 113–115 слушателей. Ускоренный курс был разделен на три отделения, которыми руководили В.Н. Касаткин, Г.В. Солдатов и А.Т. Антонович⁸³².

Профессура имела основания опасаться преданных красным слушателей только что набранного младшего ускоренного курса, лишь частично состоявшего из бывших офицеров и включавшего целый ряд членов партии большевиков. По воспоминаниям генерал-майора П.Ф. Рябикова, «сравнительно небольшое их число имело вид типических большевиков, увешанных оружием, большинство же были настоящие офицеры, которые, поймав кого-либо из нас в коридоре наедине, тихо докладывали, что они не большевики, а настоящие дисциплинированные офицеры...»⁸³³ Слушатели заполняли анкеты, где уже присутствовали пункты о партийности, принадлежности к активным членам партии, вопрос о том, в чем

⁸²⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1646. Л. 84.

⁸²⁶ Там же. Л. 76.

⁸²⁷ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 462. Л. 11, 14. Телеграммы о направлении слушателей в академию штаб фронта рассылал еще весной 1918 г., причем точных сведений не было. Полковник П.Н. Шатилов тогда сообщал в штабы и управления, что «шта[б] фронт[а] не имеет точных сведений [о] начале занятий, и офицеры могут быть командированы в этом отношении только за свой риск» (РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 473. Л. 31). Приоритет отдавался выпускникам подготовительных курсов 1-й и 3-й очереди (Там же. Л. 40, 44, 48, 52, 53, 59).

⁸²⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1624. Л. 293.

⁸²⁹ Там же. Л. 316, 318.

⁸³⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 51. Л. 48.

⁸³¹ Подробнее см.: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1643.

⁸³² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1625. Л. 6.

⁸³³ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 118об.

это выражалось и «в чем выражается Ваше активное содействие советской власти со дня революции (подробно)»⁸³⁴.

Несмотря на то что некоторые из новых слушателей успели принять участие в Гражданской войне на стороне красных (что осложняло в будущем их переход к белым), однозначно судить о взглядах слушателей младшего ускоренного курса не приходится. К примеру, среди них был герой Первой мировой войны, участник конных атак на противника, кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени бывший сотник 3-го Оренбургского казачьего полка П.Н. Крылов, прибывший в академию 5 июля 1918 г. после пребывания в лазарете по ранению. Крылов вошел в подпольную антибольшевистскую организацию слушателей и при эвакуации академии остался в Екатеринбурге, а уже в августе 1918 г. служил у белых⁸³⁵.

Слушатель К.В. Семчевский вспоминал об этом периоде: «По окончании младшего класса академии мы продолжали проходить курс старшего класса в несколько сокращенном и измененном виде: только чисто военные дисциплины. В июле⁸³⁶ 1918 были экзамены. Я оказался вторым по успехам. После экзамена занятия по особому плану продолжались»⁸³⁷.

Типичный пример обучения курсовика 3-й очереди представляет биография капитана Д.П. Артынова. 9 октября 1917 г. он был командирован на курсы 3-й очереди в академию; прослушав младший класс, приобрел право на поступление в старший без экзаменов согласно постановлению конференции академии от 25 февраля 1918 г. В период с 18 по 25 марта эвакуировался в Екатеринбург, затем с апреля 1918 г. считалось, что он обучался в старшем классе. Занятия в апреле–мае проходили в форме съемок, в мае–июне Артынов выдержал экзамены за младший класс академии⁸³⁸, затем продолжил прохождение старшего класса, эвакуировался в Казань, а оттуда попал в Самару и для прохождения практического курса 10 августа 1918 г. был назначен в распоряжение главного начальника снабжений Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча)⁸³⁹.

Период осени 1917 – весны 1918 г. отличался большой неопределенностью в жизни академии. Месяцы эти прошли для нее, за некоторым исключением, сравнительно спокойно, и разгоравшаяся Гражданская война пока обходила академию стороной. Тем не менее вопреки желанию преподавателей и большей части слушателей академия фактически оказалась в

⁸³⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1625. Л. 245–245об.

⁸³⁵ Там же. Л. 105. Подробнее о нем см.: *Ганин А.В., Семенов В.Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска... С. 310.

⁸³⁶ Видимо, все же в июне.

⁸³⁷ МРК. Коллекция К.В. Семчевского. Вох 1. Folder 28. Л. 7.

⁸³⁸ Сохранились отрывочные данные об экзаменах в академии, проходивших в мае–июне 1918 г.: общая тактика (экзаменаторы — А.И. Андогский, И.И. Смелов, А.Д. Сыромятников); теория съемки (Н.И. Коханов, П.Г. Осипов, Г.В. Солдатов), письменные испытания по тактике (М.А. Иностранцев, Б.П. Богословский, И.И. Сторожев, И.И. Смелов), тактика конницы (А.Ф. Матковский, Г.В. Солдатов, В.И. Сурин), тактика пехоты (Г.Г. Христиани, П.Ф. Рябиков, А.П. Слижиков), тактика артиллерии (Б.П. Богословский, П.Г. Осипов, А.Д. Сыромятников), тактика технических войск (А.Ф. Матковский, Н.И. Коханов, Г.В. Леонов), тактика воздушных средств (А.Ф. Матковский, П.Ф. Рябиков, И.И. Сторожев), сведения по части артиллерийской (В.Л. Томашевский, Н.Я. Капустин, А.Д. Сыромятников), сведения по инженерному искусству (А.И. Андогский, А.П. Слижиков, Н.И. Коханов), служба Генерального штаба (А.И. Андогский, М.А. Иностранцев, П.Ф. Рябиков), военная администрация (Н.Я. Капустин, Г.В. Леонов, В.И. Сурин). Кроме того, слушатели, прошедшие подготовительные курсы 3-й очереди, сдали экзамен по военной статистике России из программы старшего класса (экзаменаторы — А.И. Медведев, И.И. Смелов, Г.Г. Христиани) (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 20. Л. 175об.; Д. 31. Л. 1; Д. 89. Л. 22об., 23об., 31об., 32об., 33об.).

⁸³⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 40. Л. 80–80об.

Красной армии. Академия замкнулась в себе и лишь продолжала, как и прежде, по инерции, осуществлять учебный процесс. Однако новая власть вскоре распространила свое влияние и на академию, в которую был назначен комиссар с пока еще не вполне ясными полномочиями. В феврале–марте 1918 г. слушателей отправили в войска, тогда же начальник академии А.И. Андогский принял участие в мирных переговорах в Брест-Литовске в качестве одного из военных консультантов советской делегации. Эти действия впоследствии ему ставились в вину в белом лагере. Поскольку обучение слушателей курсов 2-й очереди завершилось в Петрограде, выпускникам ничего не оставалось, как автоматически по распределению попасть в различные штабы и учреждения Красной армии. В итоге выпуск курсов 2-й очереди практически в полном составе оказался в РККА. По завершении работы курсов в марте 1918 г. обсуждалось возможное закрытие академии. Но авторитетный в глазах председателя СНК В.И. Ленина военный специалист, бывший генерал М.Д. Бонч-Бруевич настоял на том, что академия важна для будущей армии. Затем весной началась длительная разработка оснований для деятельности академии в советских условиях, причем было решено расширить общеобразовательную подготовку. Тем временем произошла эвакуация академии из Петрограда в Екатеринбург, где к лету 1918 г. возобновилась учебная деятельность в старшем классе 3-й очереди и на младшем ускоренном курсе. Начальник академии А.И. Андогский проводил осторожную и гибкую линию руководства, старался войти в доверие к лидерам большевиков и добиться автономного статуса академии и невмешательства в ее жизнь. Судя по всему, ему это удалось, а роль комиссара академии была совершенно не заметна.

Неоднократно бывавший весной 1918 г. в Петрограде и Москве Андогский должен был составить достаточно полное представление о военно-политическом руководстве Советской России. Очевидно, что его контакты в то время были достаточно обширными, как среди партийных деятелей, занятых военными вопросами, так и в кругах военных специалистов. К сожалению, свидетельств, позволяющих детализировать этот вопрос, почти не сохранилось. Тем не менее можно сделать вывод о том, что начальник академии был одним из самых информированных о текущем положении дел в РККА и Советской России военспецов. Вероятно, высокая степень информированности и позволила Андогскому принимать в сложной ситуации наиболее верные для академии решения.

При этом начальник академии обладал достаточной смелостью, поскольку под его крылом предпринимались и явно противобольшевистские шаги. Такие, как посылка на Юг России эмиссаров академии и попытка эвакуации туда, меры по ограничению приема большевизированных слушателей и вовлечение преподавателей и слушателей в подпольную антибольшевистскую работу. Более того, летом 1918 г. антибольшевистская работа в академии стала еще более активной.

Г Л А В А 5.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ (ЕКАТЕРИНБУРГ — ПЕРМЬ — КАЗАНЬ — САМАРА — ЧЕЛЯБИНСК — ЕКАТЕРИНБУРГ — ТОМСК)

Драматический переход академии на сторону антибольшевистских сил в Екатеринбурге и Казани в июле–августе 1918 г. представляет значительный интерес для исследователей. Летом 1918 г. Урал из глубокого тыла в одночасье превратился в прифронтовой район разворачивавшейся Гражданской войны. Когда в июле 1918 г. Екатеринбург оказался под угрозой захвата чехословаками и белыми, со всей остротой встал вопрос о судьбе важнейшего высшего военно-учебного заведения страны.

29 мая 1918 г. Екатеринбург был объявлен на военном положении, введен комендантский час — жителям после 23 часов запрещалось появляться на улицах⁸⁴⁰. Уральская облЧК ввиду военного положения вынесла обязательное постановление о сдаче или регистрации в Екатеринбурге оружия в пятидневный срок. За неисполнение полагалась серьезная ответственность вплоть до расстрела⁸⁴¹. Потребовали сдать револьверы и слушателей академии, впрочем, некоторые, как, например, К.В. Семчевский, это распоряжение не выполнили.

По свидетельству профессора академии, генерал-майора М.А. Иностранцева, за академией, которая располагалась в здании Епархиального училища, и частью ее состава в Екатеринбурге было установлено наружное наблюдение⁸⁴², обслуживающий персонал был замечен в подслушивании заседаний конференции академии. Как писал Иностранцев, «все это создавало чрезвычайно напряженное, подавленное настроение и сознание гнета, как будто бы мы жили под стеклянным колпаком»⁸⁴³.

Профессура имела основания опасаться преданных красным слушателей только что набранного младшего ускоренного курса, лишь частично состоявшего из бывших офицеров и включавшего ряд членов партии большевиков. По мнению П.Ф. Рябикова, с новым набором характер дружной офицерской семьи академией был утрачен: «Пришлось уже все время в разговорах быть осторожным, тем более что уже стали указывать на “подозрительных”, чувствовалось, что за нами начался уже незаметный сыск»⁸⁴⁴. Случались и откровенные провокации. Например, кем-то были подброшены винтовки и револьверы, которые правитель дел бывший подполковник И.И. Смелов поспешил сдать в совет депутатов. Посредниками между большевиками и академией были преподаватели: бывший полковник А.П. Слижилов и бывший подполковник А.Д. Сыромятников.

Начальник академии А.И. Андогский имел возможность близко изучить советское военно-политическое руководство. Как умный человек, он отдавал должное способностям

⁸⁴⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 1. Л. 167.

⁸⁴¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1635. Л. 53.

⁸⁴² ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 308.

⁸⁴³ Там же. Л. 309.

⁸⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 118об.

большевистского наркома по военным и морским делам Л.Д. Троцкого. По свидетельству профессора Иностранцева, изложившего в своих мемуарах беседу с Андогским, Троцкий, по мнению начальника академии, «это очень, очень умный человек... Он по профессии журналист, чрезвычайно легко и ясно разбирается в весьма специальных военных вопросах, весьма быстро все схватывает и чутьем улавливает военные потребности. Но, кроме того, я вынес впечатление, что это и выдающийся организатор и человек колоссальной воли, энергии и работоспособности. Он прямо-таки какой-то двужильный, и положительно кажется, что чувство усталости ему совершенно незнакомо»⁸⁴⁵. Высокую оценку поддержке академии Троцким Андогский давал и в других своих неподцензурных высказываниях⁸⁴⁶.

Андогский прекрасно понимал, что и академия со своими дореволюционными порядками, и он лично буквально ходили в Советской России по лезвию ножа. За академией велось тщательное наблюдение. Помимо комиссарского контроля, возможно, велось негласное наблюдение и в среде слушателей. Как предполагали некоторые преподаватели, осведомителями могли быть слушатели младшего ускоренного курса⁸⁴⁷. Перед их прибытием Андогский собрал слушателей старшего класса и предупредил их о том, что следует быть осторожными с новым набором⁸⁴⁸. Отдельные профессора, например Г.Г. Христиани, по беспечности иногда высказывались резко против большевиков, что могло иметь пагубные последствия. Обсуждая вопрос о провокациях в отношении академии, Андогский рассчитывал, что «мы увернемся от всех этих козней»⁸⁴⁹. И действительно, подход Андогского заключался в лавировании с целью уберечь академию от неприятностей и при этом добиться своего.

По свидетельству Иностранцева, Андогский на всякий случай в ящиках с книгами академической библиотеки привез из Петрограда в Екатеринбург оружие и два разобранных пулемета, чем можно было вооружить взвод слушателей в 25–30 человек. Откуда было взято это оружие, неизвестно. Возможно, часть его привезли с собой в академию офицеры-слушатели. Ящики были помечены особым знаком, известным начальнику академии и правителю дел И.И. Смелову⁸⁵⁰. Несмотря на большой риск, предпринимались попытки завязать контакты с антибольшевистским лагерем. Еще в конце июня 1918 г. во французскую военную миссию к генералу Ж.-Г. Лаверн и полковнику Корбейль был командирован служивший в академии бывший подполковник А.Д. Сыромятников с запиской М.А. Иностранцева о вос-

⁸⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 310–311.

⁸⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 38об.–39.

⁸⁴⁷ И.Ф. Плотников утверждал, что в академию слушателем был зачислен чекист Г.П. Никулин — позднее (с 4 июля 1918 г.) помощник коменданта Дома особого назначения, где содержалась императорская семья (*Плотников И.Ф.* Правда истории. Гибель Царской Семьи. Екатеринбург, 2003. С. 125). Однако в выявленном и опубликованном нами списке слушателей академии Никулин не значится (*Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. Справочные материалы. М., 2009. С. 520–524). Не упоминал ни о чем подобном и сам Никулин в устных воспоминаниях в связи с расстрелом Романовых (Исповедь цареубийц. Убийство Царской Семьи в материалах предварительного следствия и в воспоминаниях лиц, причастных к совершению этого преступления. М., 2008. С. 200–253). Кроме того, активная педагогическая работа в академии началась только в июле 1918 г., и Никулин никак не мог совмещать наблюдение за академией и службу в Доме особого назначения.

⁸⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 299.

⁸⁴⁹ Там же. Л. 312.

⁸⁵⁰ Там же. Л. 313.

создании фронта против немцев («Записка о современном политическом положении и задачах союзного блока») и устной информацией о готовности академии бороться за союзное дело⁸⁵¹.

Кроме того, Андогский предпринимал меры для установления связи с чехословаками, для чего тайно в Златоуст и Челябинск были направлены трое слушателей-добровольцев. По свидетельству того же Иностранцева, со слов жены Андогского, начальник академии действительно поддерживал контакт с антибольшевистским лагерем⁸⁵². Как вспоминал Иностранцев, «я не мог не подивиться беззастенчивости и дерзости этого человека [Андогского], ухитрявшегося в одно и то же время ездить в Москву на совещание с Троцким и готовить противобольшевистское выступление с оружием в руках»⁸⁵³. Есть данные о том, что по совету Андогского в Екатеринбурге якобы от левых эсеров печатались прокламации с призывом к рабочим свергать Советы, что должно было посеять рознь между большевиками и эсерами⁸⁵⁴. Можно допустить, что такова была стратегия выживания Андогского, который поставил своей целью сохранение академии, обеспечение безопасности сотрудников и их семей. Для этого он заигрывал как с красными, так и с белыми. При этом он прекрасно знал об антибольшевистских настроениях значительной части профессорско-преподавательского состава академии.

* * *

Пребывание академии в Екатеринбурге одновременно с нахождением там же в заключении семьи бывшего императора Николая II и других Романовых вызывало пристальное внимание части слушателей. Слушатели встречались с отдельными представителями семьи Романовых⁸⁵⁵.

Бывший камер-паж императора, слушатель К.В. Семчевский вспоминал: «Стало только известно, что любая попытка освободить царскую семью вызовет немедленную ее казнь. Члены дома Романовых пользовались сравнительной свободой. Так, великий князь Сергей Михайлович, бывший инспектор российской артиллерии, как Вы знаете, жил в комнате в частной квартире со своим камердинером, получал пособие на жизнь и фактически мог встречаться с кем хотел. Узнав, что он в городе, я в мае 1918 года пошел к нему с визитом. Прошел к нему беспрепятственно, провел с ним в откровенной беседе с глазу на глаз часа два. Меня лично он вспомнил как офицера л[ейб-]гв[ардии] Конной артиллерии, когда я после производства в офицеры явился к нему с визитом как к бывшему нашему офицеру. От него я узнал, кто из других членов дома Романовых в Екатеринбурге и где они живут. Прощаясь, я невзначай сказал, что больше всего напоминают старый режим в Екатеринбурге рысистые бега, т.к. комиссары любят играть на бегах и не только рысаков не реквизируют, но вообще ничего не изменили. Сергей Михайлович заинтересовался, сказал, что он очень любил бега. Я предложил ему прийти к нам с женой в ложу на бегах в следующее воскресенье. Он пришел туда в сопровождении двух чекистов, но они терпеливо простояли в глубине в течение всех бегов, даже не имея возможности слышать,

⁸⁵¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 5. Л. 2об.

⁸⁵² ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 323.

⁸⁵³ Там же. Л. 313–314.

⁸⁵⁴ Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 363.

⁸⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 314–315.

о чем мы говорили. Такое отношение С.М. объяснил нам тем, что им было сказано, что государь — их заложник.

Остальные члены дома Романовых жили в гостинице. Я отправился туда к вечеру и пролил сообщить обо мне князю Игорю Константиновичу, на год младше меня по Пажескому корпусу, т.е. моему “подчиненному”, т.к. я был фельдфебелем. Вызвал я и князя Владимира Палей, двоюродного брата государя, бывшего в Пажеском корпусе с моим младшим братом, просидевшим с братом на одной парте весь курс и бывавшим у нас дома, когда у нас собиралась молодежь.

С ним я провел тоже часа два без свидетелей и мог говорить совершенно откровенно. Они, как и Сергей Михайлович, совершенно не думали о возможности трагедии с царем и с ними. Прощаясь, я стал приглашать их обоих к нам поужинать. Игорь сказал — боюсь тебя подвести. Я стал разубеждать его, но он остался при своем. Палей охотно согласился. Мы пригласили к ужину еще наших друзей, тоже бывшего фельдфебеля Пажеского корпуса — на два года старше меня — с женой. Он был тоже в академии. Скоро из окна второго этажа, где была наша комната, я увидел подошедшего Палея и двух чекистов. Я спустился, чтобы впустить Палея, а чекисты остались на улице и терпеливо простояли там больше трех часов.

Никто из “властей” не поинтересовался моим контактом с членами дома Романовых, никто ни о чем меня не спрашивал, хотя мои встречи были на глазах у всех. У меня тоже начала появляться уверенность, что и им, и царской семье ничего не грозит⁸⁵⁶.

Слушатели из гвардейских офицеров разрабатывали проекты спасения узников. Существовала так называемая «пятерка помощи» из пяти слушателей во главе с бывшим капитаном лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады Д.А. Малиновским, занимавшаяся подготовкой освобождения арестованных⁸⁵⁷. В Екатеринбург Малиновский был направлен из Петрограда бывшим генерал-майором Б.В. Шульгиным — членом подпольной антибольшевистской офицерской организации⁸⁵⁸. В состав пятерки входили несколько бывших гвардейских офицеров — слушателей курсов 3-й очереди, находившихся к концу 1917 г. в капитанских чинах: лейб-гренадер Г.В. Ярцев⁸⁵⁹, гвардейский артиллерист Л.К. Гершельман, а также императорские стрелки Н.Н. Ахвердов и барон Н.А. Деллингсгаузен 2-й (в прошлом — камер-паж императора Николая II).

Мать Ахвердова познакомилась с доктором В.Н. Деревенко, лечившим бывшего цесаревича. Затем Деллингсгаузену удалось получить от Деревенко устное описание помещений дома инженера Н.Н. Ипатьева, где содержалась семья Романовых⁸⁶⁰. Попытка наладить связь с монастырем, откуда поступало молоко для Романовых, результата не принесла. Пятерка получала отрывочные сведения о происходящем внутри дома, разрабатывала планы нападения на дом или занятия его в случае освобождения города антибольшевистскими силами.

⁸⁵⁶ МРК. Коллекция К.В. Семчевского. Вох 1. Folder 34. Л. 23.

⁸⁵⁷ В старший класс 3-й очереди гвардейские офицеры-артиллеристы (Д.А. Малиновский, Е.Н. Сумароков и К.Р. фон дер Ховен) прибыли вместе 27 мая 1918 г. (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1645. Л. 1об.-2).

⁸⁵⁸ Н.А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг. М., 1998. С. 79. (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.; т. 8.)

⁸⁵⁹ Спустя двадцать лет, в 1938 г., Г.В. Ярцев, квартировавший у И.И. Серебrenникова, рассказывал последнему о попытках спасти семью Романовых и причинах их неудачи (сведения из неопубликованных дневников И.И. Серебrenникова любезно предоставлены д.и.н. А.А. Хисамудиновым (Владивосток)).

⁸⁶⁰ Н.А. Соколов. Предварительное следствие... С. 78.

Малиновский отправлял сведения условными телеграммами в Петроград на имя капитана Фехнера и есаула Рябова, однако ни ответов, ни средств не приходило. В итоге офицеры сосредоточились на том, что передавали сахар от своих порций Ахвердовой для Деревенко, а также передали кулич, который испекла прислуга Малиновского. Говорили, что все это дошло до узников.

При этом члены пятерки чувствовали, что и сами находятся под наблюдением. О планах пятерки знали и некоторые другие слушатели, прежде всего бывшие гвардейцы — бывшие капитаны В.К. фон Баумгартен (в прошлом — гвардейский стрелок), А.А. Дурасов (бывший гвардейский гренадер), Н.А. Мягков (бывший офицер лейб-гвардии Волынского полка), К.В. Семчевский (бывший гвардейский артиллерист, в прошлом камер-паж императора, как и Деллингсгаузен), бывшие ротмистр Н.В. Бартепов (впоследствии — зять начальника академии Андогского) и штабс-капитан Е.М. Дубинин⁸⁶¹.

По некоторым данным, Малиновский сумел сагитировать еще несколько десятков слушателей (в литературе приводятся цифры до 38), что, однако, вызывает сомнения. Исходя из возможного соотношения сил, подобные попытки были обречены на провал и даже выгодны большевикам, поскольку давали весомое обоснование ликвидации Романовых при попытке освобождения белыми. Члены группы Малиновского присоединились к другой подпольной организации академии — группе К.Ю. Румши — и ушли из города⁸⁶². О гибели Романовых они узнали только по возвращении в Екатеринбург вместе с белыми. Уже в конце июля, после перехода Екатеринбурга под контроль антибольшевистских сил, члены группы и ряд их единомышленников подключились к расследованию гибели семьи Романовых, ездили осматривать предполагаемые места уничтожения тел и т.д. (из слушателей участвовали Н.В. Бартепов, И.А. Бафталовский, М.А. Демишхан, Н.Н. Ивановский, Д.А. Малиновский, К.Н. Матвеев, Р.М. Политковский, К.Ю. Румша, К.Л. Соболев, Е.Н. Сумароков (выходец из одной с Малиновским бригады), Г.В. Ярцев)⁸⁶³.

Категорическим противником каких-либо действий по спасению Романовых был Андогский, беспокоившийся за безопасность академии⁸⁶⁴. Тем более что в районе дома Ипатьева, находившегося сравнительно недалеко от академии (с учетом расположения улиц примерно на расстоянии трех верст), были значительно усилены меры безопасности, а член Екатеринбургского комитета РСДРП(б) Ф.И. Голошкеин заявлял о возможности самочинной ликвидации академии местными силами⁸⁶⁵, но его, видимо, сдерживали указания народного комиссара по военным делам Л.Д. Троцкого. Следует отметить, что в Екатеринбурге был расположен гарнизон в несколько тысяч бойцов, которому практически безоружная академия противостоять не могла. Наконец, ни академия, ни жители

⁸⁶¹ Там же. С. 81; *Кручинин А.М.* Надежды восемнадцатого года: страницы истории екатеринбургского антибольшевистского подполья 1918 г. // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2004. № 14. С. 15.

⁸⁶² 22 июля Малиновскому было выдано удостоверение о его командировании в Казань (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1610. Л. 890).

⁸⁶³ Подробнее см.: Н.А. Соколов. Предварительное следствие.... С. 61–62, 76, 373.

⁸⁶⁴ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 316.

⁸⁶⁵ Там же. Л. 317.

Екатеринбурга не были осведомлены о том, что большевики планируют убийство семьи бывшего императора.

Тем не менее отсутствие каких-либо шагов по спасению бывшего императора и его семьи терзало сотрудников академии и многие годы спустя. 27 апреля 1960 г., через 42 года после событий, бывший преподаватель В.Н. Касаткин записал в своем «Духовном дневнике»: «Я клятвопреступник. Июль месяц 1918 года. Императорская академия в Екатеринбурге. Рядом здесь в Ипатьевском доме томится император и вся его семья, нас в академии 150 офицеров, много среди них георгиевских кавалеров, в том числе и я, клялись умереть за Веру, Царя и Отечество, и вот 17 июля 1918 г. мы бросили своего царя и его семью на пропятие и сами позорно бежали в Казань... Кровь его на нас и на детях наших... Так и на мне кровь убитого царя»⁸⁶⁶. Однако 2 мая 1960 г. в дневнике Касаткина, продолжавшего размышлять на эту тему, появилась следующая характерная для психологии русского офицерства запись: «Клятвопреступник ли я? Когда я 28/IV⁸⁶⁷ написал, что я клятвопреступник и на мне кровь моего царя — мне стало горько и стыдно. Но правда ли?

Да, я не спас царя! Но есть тому смягчающие обстоятельства. Я человек военный, я ждал приказа, и если бы я получил приказ спасти царя, то я, несомненно бы, пошел. Но приказа не было.

Кроме того, я офицер Генер[ального] штаба, я привык советовать, а не решать. Конечно, я должен был проявить инициативу, как меня учил В.В. Беляев⁸⁶⁸, но я ее не проявил. Значит, хотя я и клятвопреступник, но заслуживаю снисхождения.

Но все это, конечно, жалкий лепет самооправдания... Молитва и надежда на милость Божью дает мне силу затянуть кровоточащую рану моего прошлого»⁸⁶⁹. Кто должен был отдать ему приказ при сложившихся обстоятельствах, Касаткин не указал.

* * *

Слушатели ускоренного курса стали массово прибывать в академию в 20-х числах июня 1918 г.⁸⁷⁰ В начале июля слушатели были распределены по трем группам по алфавиту фамилий. Группы возглавили: в старшем классе — М.Н. Архипов и временно Б.П. Богословский, Г.В. Леонов, а также П.Г. Осипов; на ускоренном курсе — В.Н. Касаткин, К.-Р.-Г.К. Карлсон и временно Г.В. Солдатов, а также А.Т. Антонович⁸⁷¹.

Бывший слушатель ускоренных курсов 3-й очереди полковник Н.Н. Ивановский вспоминал о екатеринбургском периоде жизни академии в своем письме генералу П.П. Петрову в 1963 г.: «Академическая жизнь на новом месте шла тем же порядком, что и в Петербурге»⁸⁷². Андогский лавировал, держа академию вне политики, но, как он ни старался держать нас под стекляннным колпаком, жизнь брала свое. Внешне слушатели подчинялись, но были прорывы...»⁸⁷³

⁸⁶⁶ BAR. V.N. Kasatkin Memoirs. Folder 1.

⁸⁶⁷ Так в документе, в первой записи указано 27 апреля.

⁸⁶⁸ В период обучения в академии В.Н. Касаткина В.В. Беляев был преподавателем курса общей тактики.

⁸⁶⁹ BAR. V.N. Kasatkin Memoirs. Folder 1.

⁸⁷⁰ Подробнее см.: *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба... С. 520–524.

⁸⁷¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 16. Л. 53.

⁸⁷² Так в документе, правильно: в *Петрограде*.

⁸⁷³ НИА. Pavel P. Petrov Collection. Box 1. Folder 3.

В июле в академии со слушателями старшего класса велись практические занятия по тактике⁸⁷⁴, военной администрации⁸⁷⁵ и военной статистике⁸⁷⁶. На ускоренном курсе также прошли практические занятия по тактике⁸⁷⁷, Б.П. Богословский провел пять поверочных испытаний по общей тактике, Н.И. Коханов — пять практических занятий по военно-инженерному искусству, четыре занятия по картографии провели Г.Т. Киященко и Г.В. Солдатов. Лекций было прочитано намного меньше. П.Ф. Рябиков вспоминал, что «лекций для нового “красного” набора почти читать не пришлось, так как скоро назрели новые события, всколыхнувшие всю жизнь Екатеринбурга...»⁸⁷⁸ Можно реконструировать статистику лекций в академии летом 1918 г. (табл. 12).

Таблица 12

Лекции в Военной академии (июль 1918 г.)⁸⁷⁹

Дисциплина	Лектор	Прочитано лекций
Ускоренный курс		
Военно-инженерное дело	Н.И. Коханов	10
Теория съемки	Г.Т. Киященко	4
Служба Генерального штаба	А.И. Андогский, В.Н. Касаткин	6
Тактика артиллерии	Н.Я. Капустин	4
Тактика конницы	А.Ф. Матковский	4
Старший класс		
Общая тактика	Б.П. Богословский	13
Стратегия	М.А. Иностранцев	4
Военная администрация	В.И. Сурин	10
Военная статистика иностранных государств	Г.Г. Христиани	6
Военно-инженерное дело	Н.И. Коханов	21

Как свидетельствовал Иностранцев, по мере приближения антибольшевистских сил к Екатеринбург «нервность советских властей усиливалась, а Андогский становился все озабоченнее и мрачнее»⁸⁸⁰.

В июне–июле слушателей (причем как старшего класса, так и ускоренного курса, едва приступивших к учебе) начали направлять в штабы РККА: с 7 по 24 июня в распоряжение Уральского областного военного комиссариата направлены 4 слушателя, 28 июня туда же

⁸⁷⁴ По три занятия провели: А.И. Андогский, А.Т. Антонович, К.П. Артемьев, Б.П. Богословский, Н.Э. Борицкий, М.А. Иностранцев, Н.Я. Капустин, В.Н. Касаткин, Г.Т. Киященко, Г.В. Леонов, А.Ф. Матковский, П.Г. Осипов, П.Ф. Рябиков, И.И. Смелов, Г.В. Солдатов, И.И. Сторожев, В.И. Сурин, А.А. Сурнин, Ю.М. Тихменев (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 89. Л. 95об., 96об., 97об.).

⁸⁷⁵ По два занятия провели: А.И. Андогский, В.Н. Касаткин, Г.Т. Киященко, П.Г. Осипов, И.И. Смелов, Г.В. Солдатов, В.И. Сурин, А.А. Сурнин (Там же).

⁸⁷⁶ По два занятия провели: А.И. Андогский, А.Т. Антонович, Б.П. Богословский, М.А. Иностранцев, Н.Я. Капустин, В.Н. Касаткин, Г.В. Леонов, А.Ф. Матковский, А.И. Медведев, П.Г. Осипов, П.Ф. Рябиков, И.И. Смелов, И.И. Сторожев, В.И. Сурин, А.А. Сурнин, Г.Г. Христиани (Там же).

⁸⁷⁷ По одному занятию провели: А.И. Андогский, А.Т. Антонович, Б.П. Богословский, М.А. Иностранцев, Н.Я. Капустин, Г.В. Леонов, А.Ф. Матковский, П.Ф. Рябиков, И.И. Сторожев, В.Л. Томашевский (Там же. Л. 97об., 98об., 99об.).

⁸⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 118об.

⁸⁷⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 89. Л. 99об.–100об.

⁸⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 323.

командированы 3 слушателя, в распоряжение штаба Уральского военного округа с 17 по 26 июня — 4 слушателя, на 4 июля в командировке в распоряжении штаба Северо-Урало-Сибирского фронта находились 8 слушателей, в распоряжение главнокомандующего Восточным фронтом затем командировались 9 слушателей, на 13 июля в распоряжении командующего Северо-Урало-Сибирским фронтом и самого фронта числились 9 слушателей, позднее в качестве командированных в распоряжение штаба фронта в документах академии были указаны 10 слушателей⁸⁸¹.

Инициативу в этом вопросе проявил главнокомандующий Восточным фронтом, будущий изменник М.А. Муравьев, который 22 июня 1918 г. сообщил командующему Северо-Урало-Сибирским фронтом Р.И. Берзину по прямому проводу: «Советовал бы Вам взять из Военной академии для работ в штабе несколько офицеров Генштаба»⁸⁸². В итоге Муравьев затребовал себе 11 слушателей, а Берзин — 12⁸⁸³. Представители академии в свое оправдание впоследствии заявляли следователю белых, что командировки слушателей в советские штабы были непродолжительными и малополезными для большевиков⁸⁸⁴. М.И. Алафузо, оставшийся у красных, говорил, что начальник академии якобы советовал слушателям старшего класса приобрести стаж работы в крупных штабах, неважно красных или белых⁸⁸⁵.

Запросы в академию с требованиями прислать дефицитных специалистов поступали из разных регионов страны. Например, 11 июля 1918 г. телеграмма об этом была отправлена из Москвы, а специалистов следовало направить в Лугу⁸⁸⁶. Согласно приказу народного комиссара по военным делам от 16 июля 1918 г. Андогский должен был откомандировать 80 слушателей академии в распоряжение командующего Восточным фронтом И.И. Вацетиса для

⁸⁸¹ ГАРФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 7. Л. 20–20об. В распоряжение штаба и командующего Северо-Урало-Сибирским фронтом были командированы слушатели старшего класса: М.И. Алафузо, Д.П. Артынов, Н.И. Белоцерковский, М.И. Василенко, С.И. Васильев, В. Везикко, К.Г. Волк-Ланевский, М.М. Георгули, И.И. Герасимов, Л.К. Гершельман, И.И. Глудин, Г.М. Горбачевский, Горецкий, Ф.Т. Губанов, К.В. Дембицкий, Дмитриев, Н.Н. Ивановский, П.Т. Кияшко, Л. Кондаков, Кононов, Г.И. Кулешов, С.Ф. Мацюк, Б.Ф. Овчинников, М.Е. Остроумов, Н.Н. Савельев, В.С. Савченко, А.И. Савчук, Соколов, Г.А. Тонкошкур, П.А. Федоров, С.П. Цветков, Н.В. Шаркунов; усовершенного курса: Гагис (личность не установлена), Ю.Г. Длужневский, М.Я. Кашкин, В.Д. Микеладзе, В.В. Рутин, М.В. Смирнов, Угрюмов. В распоряжение главнокомандующего Восточным фронтом — слушатели старшего класса: А.Е. Благовещенский, М.Т. Евстратов, И.Н. Захаров, Г.П. Каратинский, Н.Г. Кривцов, Л.К. Лихтарович, Н.Н. Нелавицкий, А.С. Петровский, В.В. Скворцов (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 16. Л. 52, 63–63об., 65–68, 70; РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648. Л. 151, 153–153об., 154об., 156об., 168). В командировке в распоряжении штаба Уральского военного округа находились А.А. Дурасов, В.М. Корженко и К.Р. фон дер Ховен (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 16. Л. 72). Командированию в Петроград подлежали Т.Х. Афонасьев, Н.Н. Ахвердов, А.Я. Крузе и Семенов (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648. Л. 151). Назначения постоянно менялись. Тот же А.Я. Крузе во второй половине июля получил назначение в штаб Северо-Урало-Сибирского фронта (Там же. Л. 169). 18 июля в Пермь были вызваны слушатели старшего класса Васильев, И.М. Витоль, П.Т. Кияшко и С.П. Цветков (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1628. Л. 25; Д. 1646. Л. 127об.). По некоторым данным, всего штаб округа привлек на службу 65 слушателей старшего класса (История Уральского военного округа. М., 1970. С. 35).

⁸⁸² *Берзин Р.И.* Этапы в строительстве Красной армии. Харьков, 1920. С. 75 (выражаю благодарность к.и.н. А.А. Симонову (Саратов) за предоставление копии этого редкого издания).

⁸⁸³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1624. Л. 293.

⁸⁸⁴ ГАРФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 7. Л. 19об.

⁸⁸⁵ *Софронов Г.П.* Неподвластное времени. М., 1976. С. 149.

⁸⁸⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 998. Л. 60.

особых поручений⁸⁸⁷. Р.И. Берзин вспоминал об организации Северо-Урало-Сибирского фронта и его штаба: «Надо сказать, что вновь созданный штаб в оперативном отношении был поставлен действительно по требованиям войны... Ряд слушателей академии были направлены на фронт на должности начальников штабов, оперативных и разведывательных отделений. Надо сказать, что только благодаря привлечению на Урале с первых же шагов военных специалистов Красная армия быстро оформилась и пошла по правильному пути в смысле своей организации»⁸⁸⁸.

* * *

В июле академию стал курировать председатель Уральского областного совета А.Г. Белобородов. Последний сообщил Андогскому, что академия должна подготовиться к эвакуации. Андогский отвечал, что для подготовки к переезду нужно не менее недели и до трех эшелонов. Белобородов на это заявил, что речь идет, в первую очередь, об эвакуации личного состава, а не имущества, и предупредил об ответственности вплоть до расстрела за уклонение⁸⁸⁹. Тем не менее Андогский (несмотря на эти указания и на протест профессора бывшего генерал-майора А.Ф. Матковского) решил эвакуироваться с частью учебных пособий, чтобы на новом месте возобновить учебный процесс. Впрочем, есть и другие данные. Комиссары С.А. Анучин и Ф.И. Голощекин 16 июля сообщали в оперативный отдел наркомата по военным делам, что «оставлять в Екатеринбурге при настоящих условиях академию невозможно, т.к. при эвакуации из Екатеринбурга в руки чехов попадет вполне организованная единица контрреволюции в лице академии, к чему мы имеем неопровержимые данные, и эти академики в стане наших врагов будут нам очень опасны. Поэтому необходимо в самом срочном порядке эвакуировать академию, и просим вас указать тот город, куда академию можно благополучно отправить» (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 230. Л. 221. Документ любезно предоставлен к.и.н. А.А. Симоновым). В копии сохранилась экстренная, датированная около 19 июля, телеграмма Андогского Троцкому: «Я получил распоряжение от вр.и.д. главнокомандующего [С.М.] Белицкого эвакуировать академию. Такое решение в корне нарушает

⁸⁸⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 29. Л. 37. Сам Вацетис первоначально запрашивал только 10 слушателей (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1628. Л. 22). Академия предполагала направить в его распоряжение слушателей А.Н. Вегенера, Н.Г. Волкова, А.Г. Ефимова, К.И. Клуге, И.Ф. Ромерова, С.А. Скрыбина, Г.К. Холоманова, Г.В. Щепина (Там же. Л. 31). Слушатели командировались сначала в распоряжение Уральского военного округа. Впрочем, до эвакуации из Екатеринбурга приказ так и не был исполнен, в результате чего Вацетис 25 июля был вынужден торопить академию (Собрание оперативных телеграмм, приказов и распоряжений главнокомандующего Восточным (чехословацким) фронтом тов. Вацетиса. 18.07–07.09.1918 года. М., 1918. С. 62), а также жаловаться Л.Д. Троцкому и М.Д. Бонч-Бруевичу. 27 июля Вацетис телеграфировал Троцкому: «Прошу командировать в штаб фронта шесть лиц Генштаба, работы очень много, а нас всего три человека. № 0654. Главнокомандующий Вацетис» (РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 29. Л. 26). 2 августа он направил возмущенную телеграмму Бонч-Бруевичу с копиями Троцкому и С.И. Арапову: «Я просил прислать мне шесть лиц Генерального штаба и четырех военных инженеров. Вы только теперь, т.е. семь дней спустя после моего заявления о высылке мне вышеозначенных специалистов, снова запрашиваете, каких специалистов мне надо. Проволочка в столь критическое и требующее чрезвычайного напряжения всей личной энергии время недопустима...» (Там же. Л. 44). В собрании телеграмм Вацетиса документ приведен в иной редакции. 3 августа 1918 г. в Казани выделенные в распоряжение Вацетиса слушатели (Ф.Н. Бунак, Б.Э. фон Вах, Г.М. Горбачевский, П.К. Гренгаген, Н.И. Гуммель, А.Г. Ефимов, Д.Н. Зайцев, И.В. Зуев, В.В. Каплинский, А.И. Колесниченко, С.Н. Кравцов, Л.Л. Ловцевич, В.П. Озолин, М.С. Перестай, Н.Г. Позаченюк-Старжинский, Г.Ф. Радоман, С.А. Скрыбин, Н.В. Соколов, В.Н. Троицкий, Г.К. Холоманов, В.В. Яхимович) получили повторное предписание (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1628. Л. 32).

⁸⁸⁸ Берзин Р.И. Этапы в строительстве Красной армии. С. 88.

⁸⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 324–325.

учебную и ученую деятельность академии как государственного учреждения. Здесь до сих пор личный состав не имеет приличных квартир, а переезжать вновь в еще худшие условия непосильно. Движение на запад обрекает нас на голод, что невозможно с семьями и детьми. По соглашению с комиссаром [И.Т.] Смильгой прошу дать указания академии, вам непосредственно подчиненной – намечается ли приемлемое решение эвакуировать академию, во всяком случае не только личный состав, но и всю учебную часть, дабы в новом пункте можно продолжать подготовку слушателей. Если срок будет дан больше, то можно вывезти все начисто и громадной ценности библиотеку. В таком случае укладка займет месяц. Необходимо разрешить остаться в Екатеринбурге частным лицам и тем, кого выезд по семейным обстоятельствам ставит в безвыходное положение. Необходимо значительное денежное пособие всем отъезжающим. Необходим аванс сто пятьдесят тысяч рублей для эвакуации самой академии. Можно ли желающим слушателям отчисляться в первобытное состояние? Если решено изъять из Екатеринбурга личный состав без имущества и учебных пособий, то прошу распоряжения слушателей распустить, хотя бы с обязательством выезда из Екатеринбурга. А немногочисленному постоянному штатному составу остаться при учреждении в Екатеринбурге, как не принимающему участия в происходящей борьбе. Ожидаю распоряжений с предоставлением мне права оставить в Екатеринбурге тех лиц, кого конференция признает необходимым. Прошу отменить массовые командировки слушателей в распоряжение фронтов, ибо в данное время из 322 слушателей останется только 133. Если все наряды будут выполнены, то в таких условиях учебный план и серьезность подготовки невыразимо пострадают. При выборе пункта эвакуации прошу отдать распоряжение местной власти об отводе помещения для академии и всему личному составу» (Там же. Л. 220–221). К 17 июля слушатели были уже готовы к эвакуации, о чем уведомили штаб фронта в Казани⁸⁹⁰. В преддверии отъезда им выдавались удостоверения на получение денатурированного спирта⁸⁹¹, кожанного товара для сапог, фуража для лошадей академии⁸⁹², также выдавались отпускные билеты на две недели или на месяц либо до начала учебы⁸⁹³. Для вывоза личного состава и части имущества, по данным на 19 июля, требовалось 20 классных вагонов, 25 крытых товарных вагонов, 2 платформы⁸⁹⁴. По мере приближения фронта к городу нарастала нервность в академии, росло напряжение комиссаров⁸⁹⁵.

Против эвакуации и против чрезмерной угодливости академии перед большевиками на одном из заседаний конференции (по некоторым данным, 18 июля) резко выступил профессор А.Ф. Матковский, который вообще нередко выступал против решений Андогского. Позднее, в своем заявлении от 3 сентября 1918 г. в конференцию академии, он отметил, что «возможность расстаться с большевиками, с тем их покровительством, которое причиняло большие нравственные муки, с той их самонадеянностью, которая позволяла им, даже простым красноармейцам, называть академию “нашей”, а в последний месяц перекрестить ее в академию Красной рабочей и крестьянской армии, возможность такой разлуки улыбалась,

⁸⁹⁰ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 4. Л. 432; РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648. Л. 164об.

⁸⁹¹ В удостоверениях отмечалось, что данный слушатель «действительно нуждается в приобретении для пищи и для домашнего потребления денатурированного спирта» (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1635. Л. 28).

⁸⁹² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648. Л. 163–163об.

⁸⁹³ Там же. Л. 173–173об.

⁸⁹⁴ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 4. Л. 434.

⁸⁹⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 29. Л. 23об.

несомненно, всем»⁸⁹⁶. Опасаясь репрессий, конференция приняла к исполнению приказание об эвакуации. Обсуждение продолжалось несколько дней. Матковский отмечал: «Мне представлялось, что желание всех было не эвакуироваться, а спастись от эвакуации, выиграв время»⁸⁹⁷. Главной задачей, которую понимало большинство членов конференции, было не навлечь на академию репрессий или хотя бы подозрений необдуманными действиями, хотя существовали и сторонники идеи — разбежаться и действовать на свой страх и риск⁸⁹⁸.

Поведение Матковского в те дни не на шутку обеспокоило академическое начальство. Матковский считал, что новая эвакуация окончательно связала бы персонал академии с большевиками. Серьезным фактором было наличие при Матковском семьи. Логика рассуждений бывшего генерала была следующей: «Я понимал эвакуацию академии из Петрограда от немцев, но теперь? <...> Я спрашивал, во имя чего должен жертвовать интересами своей семьи? Говорил, что на службу к большевикам не поступал, с ними ни с одним в сношение не вступал, ничего им не обещал, не имею пред ними никаких обязательств, и они на меня не имеют никаких прав, что если нас недавно перекрасили в академию Красной рабочей и крестьянской армии, то это против моей воли и желания»⁸⁹⁹. В итоге Матковский остался и, по некоторым данным, был вынужден несколько дней до занятия белыми Екатеринбурга скрываться в окрестных лесах. Генерал П.Ф. Рябиков вспоминал, что, разумеется, остались бы с удовольствием все, но это подводило академию под репрессии⁹⁰⁰.

Андогский поставил вопрос о том, что будет делать каждый при категорическом приказе об эвакуации. Г.Г. Христиани отказался ехать и заявил, что подаст в отставку. Аналогичное заявление сделал Матковский. Профессор бывший генерал-лейтенант А.И. Медведев тоже говорил об отставке, но при необходимости готов был ехать. Другие согласились ехать, но говорили о возможности бежать из поезда⁹⁰¹. Матковский прямо писал: «Почти все надеялись, что Екатеринбург падет раньше эвакуации»⁹⁰². Звучали различные предложения, в том числе говорилось о необходимости разойтись, так как в составе единого учреждения большевикам проще контролировать личный состав академии и проводить репрессии.

19 июля в Екатеринбург прибыл видный большевистский деятель И.Т. Смилга⁹⁰³, который был серьезно обеспокоен увиденным. Он телеграфировал Троцкому: «Получил приказ, приехал [в] Екатеринбург. Надежного⁹⁰⁴ не застал: он уже уехал [в] Пермь с частью окружного комиссариата. Назначение его все уральцы считают ошибкой. И, по моему мнению, он не способен руководить фронтом. Здесь считают необходимым вернуть Берзина. Положение чрезвычайно серьезное.

Второй вопрос — я думаю эвакуировать академию, как подвижное полевое учебное заведение. Полагаю, в Казань. Жду приказаний, сам решить не берусь. Окружной комиссариат думает отправляться в Вятку. Анучин и Голощекин остаются [в] Екатеринбурге. При На-

⁸⁹⁶ ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 34об. Подчеркивания документа.

⁸⁹⁷ Там же.

⁸⁹⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 29. Л. 26.

⁸⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 35.

⁹⁰⁰ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 119об.

⁹⁰¹ ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 35об.

⁹⁰² Там же.

⁹⁰³ Кручинин А.М. Падение красного Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. С. 20.

⁹⁰⁴ Надежный Дмитрий Николаевич (24.10.1873–22.09.1945) — бывший генерал-лейтенант, военный руководитель Уральского окружного военного комиссариата.

дежном утвердите временно Уфимцева. Отвечайте немедленно. Лучше всего вызовите нас к проводу. Смилга, Голошекин, Анучин»⁹⁰⁵.

19 июля Троцкий телеграфировал в Екатеринбург члену РВС Северо-Урало-Сибирского фронта И.Т. Смилге с копией начальнику академии Андогскому и в РВС Восточного фронта в Казань: «Академия должна быть эвакуирована временно до полной ликвидации чехословацкого мятежа. Весь персонал академии должен быть эвакуирован из Екатеринбурга, кроме тех лиц, которые особым распоряжением будут там оставлены. Назначение места временной эвакуации академии и условия эвакуации предоставил Революционному военному совету в Казани. Ему предписано отпустить в распоряжение академии достаточное денежное средство⁹⁰⁶, дабы эвакуация была сопряжена с наименьшими неудобствами для личного состава. Восемьдесят слушателей старшего курса предоставлены мною в непосредственное распоряжение Военного совета. Академия нам необходима для рабочей и крестьянской власти, а не для кого-нибудь другого и, стало быть, ни о каких искусственных условиях экстерриториальности для академии не может быть и речи. Всякая попытка отдельных членов личного состава академии проникнуть на территорию, занятую чехословаками, будет рассматриваться как измена и караться по законам военного времени. Москва 19-го июля 1918 года. № 1196»⁹⁰⁷.

Таким образом, Троцкий допускал возможность измены в академии, что соответствовало настроениям профессорско-преподавательского состава и части слушателей. Телеграмма Троцкого была объявлена в приказе по академии № 162 от 21 июля 1918 г. и вывешена на дверях Епархиального училища. Андогский по этому вопросу был вызван к Смилге⁹⁰⁸. Постановления конференции об эвакуации не было, а, по свидетельству Матковского, было лишь подчинение приказу сверху.

По требованию командующего Северо-Урало-Сибирским фронтом академию приказано было вывезти первоначально в Пермь в течение четырех дней, до вторника, 23 июля, включительно. Это распоряжение было опубликовано в приказе по академии № 158 от 19 июля. Эвакуации подлежали все слушатели, весь профессорско-преподавательский и административный состав, часть вольнонаемных служащих (холостых), разрешалось эвакуировать семьи, но полноценных условий для их жизни гарантировать никто не мог, предписывалось вывезти и часть склада учебных пособий. Оставлялись ввиду невозможности вывоза библиотека, типография, классный инвентарь и часть хозяйственного. Для охраны предписывалось создать комиссию из трех членов по выбору конференции⁹⁰⁹. Сведения о тех, кто берет с собой семьи, требовалось представить не позже 14 часов 20 июля. Перед отъездом эвакуируемые получали полуторамесячное пособие и месячное содержание вперед, как и при эвакуации штаба округа⁹¹⁰.

⁹⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 159. Л. 12. Документ любезно предоставлен к.и.н. А.А. Симоновым (Саратов). В деле хранится копия телеграммы из Центрального архива Красной армии с датировкой 22 июля 1918 г. (по всей видимости, ошибочной), что противоречит приказам Троцкого и Вацетиса от 19 и 20 июля и дате приезда Смилги в Екатеринбург 19 июля. По нашему предположению, телеграмма может относиться к 19 июля.

⁹⁰⁶ Так в документе.

⁹⁰⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 232.

⁹⁰⁸ ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 34об.

⁹⁰⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 16. Л. 69.

⁹¹⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 229об.

20 июля в Казани главнокомандующий Восточным фронтом И.И. Вацетис приказал: «Академию Генштаба эвакуировать [в] Казань»⁹¹¹. Телеграмма была отправлена командующему 3-й армией и Андогскому. Таким образом, местом эвакуации была избрана Казань, считавшаяся безопасным пунктом (подтверждением чему служит нахождение в городе золотого запаса страны). В тот же день Вацетис приказал преподавателю академии Б.П. Богословскому в течение 24 часов вступить в командование только что созданной из частей Северо-Урало-Сибирского фронта 3-й армией⁹¹².

Неразбериху тех дней красноречиво характеризует то, что Богословский вскоре после вступления в должность перешел на сторону противника. Военрук Уральского окружного военного комиссариата Д.Н. Надежный, ранее назначенный командующим Северо-Урало-Сибирским фронтом (приказом народного комиссара по военным делам № 547 от 16 июля), узнал о своем назначении только 27 июля из газеты «Известия Народного комиссариата по военным делам», когда находился уже в Перми, а фронт был реорганизован в армию⁹¹³. Разумеется, он попросту не имел возможности вступить в командование.

Здесь важно отделять подлинные события истории академии от позднейших наслоений в виде различных слухов и домыслов, распространившихся врагами Андогского в основном в белой Сибири и в эмиграции. И красные и белые считали Андогского двурушником и врагом. Уже в эмиграции, например, его голословно обвиняли в том, что «по дороге из Екатеринбурга в г. Казань Андогский телеграфировал Троцкому из Перми, чтобы он вызвал его с докладом об академии, но Троцкий не внял мольбам Андогского и приказал ему не показывать носа в Москве и оставаться с академией»⁹¹⁴. По этой версии получается, что Андогский лишь в силу обстоятельств оказался в белом лагере, хотя не желал этого. На самом же деле все было с точностью наоборот.

В июле–августе 1918 г. в Поволжье и на Урале обстановка складывалась не в пользу красных. Выступление Чехословацкого корпуса, казаков, офицеров и добровольцев против большевиков привело к падению советской власти в Сибири, на Южном и Среднем Урале, в Среднем Поволжье. Антибольшевистское движение разрасталось.

Комиссар Ф.П. Никонов вспоминал: «Когда я был туда [в Екатеринбург] экстренно послан, мандат мне был подписан Дзевалтовским⁹¹⁵, то тогда выяснилось, что я должен был выехать в Екатеринбург для наблюдения и быстрой организации занятий в новой академии. Мне было поручено произвести анкету среди преподавателей и наблюдать за началом занятий на младшем курсе.

Я выехал туда, это было в конце апреля, а затем, когда я выехал из Москвы, то наш поезд уже начал задерживаться, то под Вологодой, то под Пермью. Обнаружилось, что он стоит из-за чехословаков, которые тогда уже выступили. Приехав в Екатеринбург, я там уже застал Ревком. Мы там уже повидали, что наступает Гражданская война, и учение наше было окончено в самом начале.

Я все-таки увидел, что там работа не развернулась, а начальник академии что-то очень уж дипломатично и осторожно отвечал на все предлагаемые вопросы. Это меня очень поразило.

⁹¹¹ Собрание оперативных телеграмм, приказов и распоряжений... С. 41.

⁹¹² Там же. С. 43.

⁹¹³ РГВА. Ф. 3. Оп. 4. Д. 31. Л. 319.

⁹¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 56.

⁹¹⁵ Далее зачеркнуто: *и Мехоношным*.

И вот у нас ясно стал вопрос, что часть сил, назначенных в академию, нужно привлечь для работы. Я был привлечен к работе и был назначен начальником штаба резерва. В будущем я стал начальником штаба тыловой базы. Берзин был начальником штаба 3 армии. Затем была организована тыловая база и 3 армия. Я одно время при прорыве фронта руководил фронтом. 3 армия отступила от Екатеринбурга. Занятия мы были вынуждены прекратить ввиду того, что подходил фронт. По моей и Трифонова инициативе был поднят вопрос о необходимости эвакуировать академию в другое место. Тогда уже была ясно выражена опасность, что академию придется оставить и что весь старший курс перейдет на сторону чехословаков. Но эвакуировать было очень затруднительно из-за недостатка перевозочных средств. В конце концов нам удалось добиться. Правда, это распоряжение было получено уже очень поздно»⁹¹⁶.

Радужной, с точки зрения психологии старого офицерства, перспективой было возможное восстановление Восточного фронта против немцев и их союзников — большевиков с тем, чтобы в результате победы над внешним врагом прийти к успокоению внутри страны. Администрация, преподаватели и значительная часть слушателей академии были носителями общей для кадрового офицерства психологии и отнюдь не связывали свое будущее с Советской Россией, а стремились перейти к противникам большевиков. Но сделать это вместе с семьями, в составе большого громоздкого учреждения, с огромным академическим имуществом было практически невозможно. Профессор Иностранцев отмечал: «Комплектовать нашими учениками Красную армию мы совершенно не собирались и, в этом отношении, установили совершенно определенное решение»⁹¹⁷. Андогский впоследствии, стремясь оправдаться за сотрудничество с большевиками, писал о задачах академии в июле 1918 г.: «цель наша — передача академии на сторону Сибирских войск»⁹¹⁸. Но, разумеется, в июле 1918 г. его позиция была не столь определенной. Бывший слушатель ускоренных курсов 3-й очереди полковник Н.Н. Ивановский писал генерал-майору П.П. Петрову уже в эмиграции в 1963 г.: «С первого момента нам было объявлено, что академия вне политики, и на этой линии ген. Андогский держался до Казани в 1918 году. Начались занятия — нас ничего не касалось вне академической жизни»⁹¹⁹.

Полковник Р.К. Бангерский встречался в красном Екатеринбурге в июне 1918 г. с некоторыми слушателями латышского происхождения. Он вспоминал: «Я зашел в академию, чтобы посмотреть, нет ли кого знакомых. Из таковых в списках оказались капитаны Клявиньш и Брехманис⁹²⁰. Клявиньш, которого я навестил, снимал комнату с женой, оба были очень милы и гостеприимны, но говорили немного напряженно, видимо, побаивались. Капитан Брехманис жил один, и мы с ним быстро прониклись симпатией друг к другу. Мы оба были настроены против коммунистов. Брехманису не нравилось, что всех офицеров и слушателей академии могут втянуть в Гражданскую войну. С внешними врагами на Западе он бы сражался, но участвовать в большевистской бойне он не хотел. Он говорил, что тогда уж лучше в тайгу. Я был такого же мнения... Мы договорились регулярно информировать друг друга о положении в городе и быть готовыми, когда надо, исчезнуть из Екатеринбурга... Неделю я

⁹¹⁶ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 15об.–16.

⁹¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 1в.

⁹¹⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

⁹¹⁹ НИА. Pavel P. Petrov Collection. Box 1. Folder 3.

⁹²⁰ Бывший капитан Брехман в старой армии занимал должность начальника штаба 20-й Сибирской стрелковой дивизии. В Екатеринбург прибыл 2 июня 1918 г. (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1645. Л. 2об.).

прожил в полной свободе, только через день встречаясь с Брехманисом. При встречах много говорили о тяжелом положении офицеров, которым нелегко было выбрать, где остаться и что делать после демобилизации»⁹²¹. Брехман (Брехманис) бежал из города вместе с Бангерским еще в конце июня 1918 г., однако был захвачен красноармейцами, привезен в Екатеринбург, арестован⁹²² и расстрелян, видимо, 27 июня в составе группы из 62 камышловских заложников, так как, по свидетельству Бангерского, «Андогский был очень возмущен тем, что Брехманис бежал и скомпрометировал всю академию. Андогский не заступился за него»⁹²³. Эти действия Андогского вполне укладывались в его осторожную тактику и схожи с позицией в связи с последующим делом профессора А.Ф. Матковского.

* * *

О взглядах значительной части слушателей свидетельствует наличие в академии организованных подпольных ячеек антибольшевистских организаций. Полковник К.В. Семчевский вспоминал, что в июле 1918 г., «так как намечалась некоторая угроза Екатеринбургу, то приступили к подготовке эвакуации советских учреждений. Решено было эвакуировать и академию со всеми только что окончившими курс офицерами в Казань. Этот город большевиками считался наиболее безопасным. Недаром они там держали российский золотой запас.

Часть наших офицеров, в том числе и я, считали, что отъездом в Казань мы свяжем себя с советской властью навсегда. Не было сомнений в том, что теперь, по окончании курса академии, мы будем назначены в Красную армию. Тех же из нас, кто, идя по линии наименьшего сопротивления, примирился с мыслью об эвакуации вглубь советской территории, я и некоторые другие считали чуть ли не предателями.

Теперь же, когда прошло более полувека с тех судьбоносных дней, я не вполне уверен в своей правоте. Возможно, что у некоторых из уезжавших в Казань были и свои планы. И даже те, кто, быть может, примирился с мыслью попасть в Красную армию, могли считать, что, инфильтровав ее, они «изнутри» смогут лучше послужить России... Кто знает? Но тогда и я, и другие были непримиримы к ним.

Для нас, считавших службу в Красной армии неприемлемой, наступила решительная минута. Надо было действовать без промедления. К этому времени часть офицеров, абсолютно доверявших друг к другу⁹²⁴, объединилась с целью принять совместное решение... От перспективы стать чем-то вроде «красного генерала» мы с женой пришли в ужас. Тогда же решили, что так или иначе, но эвакуироваться в Казань я не могу»⁹²⁵.

Екатеринбургское белое подполье было тесным образом связано с академией. Прежде всего, в академии сложилась группа слушателей во главе с бывшим капитаном, храбрым офицером польского происхождения, несколько раз бежавшим из плена, К.Ю. Румшей, готовившаяся оказать помощь наступающим чехословакам.

⁹²¹ Генерал Р.К. Бангерский: материалы к истории Гражданской войны на Востоке России // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2001. № 9. С. 75–76.

⁹²² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1643. Л. 6–6об.

⁹²³ Генерал Р.К. Бангерский... С. 79.

⁹²⁴ Так в документе.

⁹²⁵ Семчевский К.В. В академии Генерального штаба в 1918 году // Наши вести (Сан-Франциско). 1979. Янв.–март. № 374. С. 5.

По свидетельству П.Ф. Рябикова, «полковник Румша, кавалер ордена Св. Георгия 4 степени, был человеком исключительной храбрости, решительности, воли и энергии; насколько помню, бежал из австрийского плена вместе с генералом Корниловым.

Он же стоял в Екатеринбурге во главе группы слушателей академии, тайно вооружившейся и ушедшей в лес перед приходом чехословаков, с которыми группа и соединилась... он сейчас находится в Польше, но крупной должности этому, несомненно, выдающемуся начальнику не дают, вероятно, из-за известного его русофильства»⁹²⁶.

Описание Рябикова не вполне точно. Румша не бежал из плена с Корниловым, а в польской армии сделал неплохую карьеру. Однако это был действительно героический офицер, хотя и не лишенный тщеславия и стремления играть роль. Достоверно известно, что Казимир Юрьевич Румша родился 7 августа 1886 г. в Прибалтике. Окончил гимназию, Виленское военное училище, Варшавскую фехтовальную школу, главную гимнастическо-фехтовальную школу (остался при ней инструктором) и курсы 3-й очереди при Военной академии. Служба Румши в основном проходила в рядах 23-го пехотного Низовского полка. Офицер был ранен у деревни Мушакен 12 августа 1914 г. и попал в плен в Восточной Пруссии. В 1915 г., благодаря занятиям спортом, он сумел бежать из плена в Швейцарию, откуда перешел во Францию⁹²⁷, где служил при русской военной миссии, а в декабре 1915 г. вернулся в Россию и продолжил службу в родном полку, которым даже некоторое время командовал. К началу Гражданской войны имел чин капитана, после перехода к белым дослужился до подполковника и полковника. Командовал полком. Румшу высоко ценили наиболее компетентные военачальники белого Восточного фронта. 18 декабря 1918 г. он был удостоен благодарности генерала В.О. Каппеля⁹²⁸, о производстве Румши в полковники и генералы за боевые отличия 4 февраля 1919 г. ходатайствовал генерал С.Н. Войцеховский⁹²⁹. И действительно, уже 9 февраля Румшу произвели в полковники. Доблестным офицером называл Румшу генерал К.В. Сахаров⁹³⁰. Его решимость в бою и прекрасные командные качества отмечали и польские очевидцы событий⁹³¹. Судя по всему, Румша был настроен резко антибольшевистски и стремился активно участвовать в борьбе с красными. С января 1919 по январь 1920 г. Румша командовал 5-й Польской стрелковой дивизией (большая ее часть сдавалась красным у станции Клюквенная в январе 1920 г.), однако сам Румша через Иркутск и Харбин эвакуировался в Польшу. 19 ноября 1919 г. был причислен к Генеральному штабу⁹³². Надо сказать, что польские войска, действовавшие в колчаковском тылу, оставили по себе недобрую память жестокими методами наведения порядка. В июне 1920 г. Румша прибыл в Польшу, где продолжил службу в польской армии. Участвовал в советско-польской войне, командуя сибирской бригадой из остатков своей дивизии и добровольцев. Затем окончил курс высшего командования в Варшаве (1921). За легкомысленное обращение с казенными

⁹²⁶ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 63–63об.

⁹²⁷ В 1916 г. в типографии академии Румша опубликовал 107-страничную автобиографическую работу под названием «Пребывание в германском плену и геройский побег из плена».

⁹²⁸ Личное дело: САВ. Koll. gen. 517. K. Rumsza. Л. 54.

⁹²⁹ Там же. Л. 70.

⁹³⁰ Сахаров К.В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923. С. 183.

⁹³¹ *Dybowski R.* Siedem lat w Rosji i na Syberii (1915–1921). Przygody i wrażenia. Warszawa, 2007. S. 135.

⁹³² Приказ войскам Восточного фронта № 1493 от 19 ноября 1919 г. (объявлен в приказе войскам Читинского военного округа № 53 от 26 ноября 1919 г.).

Н. Ю. РУМША.

**ПРЕБЫВАНИЕ
ВЪ ГЕРМАНСКОМЪ ПЛѢНУ
И
ГЕРОЙСКІЙ ПОБѢГЪ ИЗЪ ПЛѢНА.**

16385

Издание состоящаго подъ Высочайшимъ
Его Императорскаго Величества
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА покровительствомъ
оо СКОБЕЛЕВСКАГО КОМИТЕТА. оо
оооо Петроградъ, Мытнинская у., № 27. оооо

днями был переведен в резерв⁹³³. В 1964 г. в эмиграции был произведен в чин бригадного генерала. Награжден французским орденом Почетного легиона, польским орденом «Виртути Милитари» и многими другими наградами. В годы Второй мировой войны перебрался во Францию, а затем в Великобританию и умер 28 января 1970 г. в Лондоне, причем был похоронен на кладбище Хайгейт, где покоится и Карл Маркс⁹³⁴.

Как вспоминал К.В. Семчевский, «руководителем мы его не выбирали. Был ли у него какой-нибудь особый магнетизм, вызывавший доверие к нему? По-видимому, был. Мы без критики принимали его указания, которые могли бы даже показаться фантастическими. И, как показало ближайшее будущее, в нем мы не ошиблись. Все действия его и решения, похожие иногда на приключенческий роман, оказались вполне обоснованными. Все, от начала и до конца, прошло согласно его планам. И то, что нам удалось соединиться с белыми, вместо эвакуации в Казань, заслуга не наша, а его»⁹³⁵.

Организация Румши состояла, по разным данным, из «троек» или из «пятерок», старшие которых (связные) держали связь с самим Румшей. Соблюдалась строгая конспирация. Обсуждение возможных действий привело подпольщиков к выводу о невозможности открытого выступления силами группы офицеров. Последствия такого мятежа были бы губительны и для академии, и для представителей семьи Романовых в Екатеринбурге. Поэтому решено было соединиться с белыми.

По свидетельству профессора академии Д.В. Филатьева (впрочем, тогда в академии отсутствовавшего), члены организации Румши (он почему-то называет их польскими офицерами) отправили из города подводу с оружием, а следом под видом пикника на извозчиках отправились сами вместе с семьями, после чего, бросив семьи, двинулись походным порядком навстречу чехам⁹³⁶. Думается, эти сведения не вполне достоверны. Подлинная картина событий изложена ниже.

Помимо группы Румши в городе существовала активно работавшая Военная организация с коллегиальным управлением. Одним из ее руководителей был слушатель академии начальник разведывательного отдела штаба Северо-Урало-Сибирского фронта, бывший штабс-капитан А.А. Буров, другим руководителем был бывший подпоручик В.М. Зотов, не имевший отношения к академии. Буров — «талантливый и честолюбивый офицер, сразу же после экзаменов добровольно пошел служить к большевикам... По городу он ездил в пролетке, в черной кожаной куртке, обвешанный пулеметными лентами. Справа и слева на подножках стояло по красноармейцу — охрана от возможных покушений со стороны врагов советской власти»⁹³⁷. Буров, по свидетельству одного из работников штаба, «вызывал начальников контрразведок дивизий “за получением инструкций”, получил от них подробную информацию и 25 июля вслед за Богословским переметнулся к белым»⁹³⁸.

⁹³³ *Odziemkowski J.* Leksykon wojny Polsko-Rosyjskiej 1919–1920. Warszawa, 2004. S. 361.

⁹³⁴ *Kryska-Karski T., Zurakowski S.* Generałowie Polski niepodległej. Warszawa, 1991. S. 158.

⁹³⁵ *Семчевский К.В.* В академии Генерального штаба в 1918 году // Наши вести (Сан-Франциско). 1979. Янв.–март. № 374. С. 5.

⁹³⁶ *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922. Впечатления очевидца. Париж, 1985. С. 21–22.

⁹³⁷ *Семчевский К.В.* В академии Генерального штаба в 1918 году // Наши вести (Сан-Франциско). 1979. Янв.–март. № 374. С. 6.

⁹³⁸ *Софронов Г.П.* Неподвластное времени. С. 145.

Впоследствии, в период расследования деятельности Андогского и академии при большевиках, Буров дал важнейшие показания о подпольной антибольшевистской работе академии. В декабре 1918 г. он телеграфировал в Ставку для полковника А.Д. Сыромятникова: «Генералом Андогским в декабре прошлого года отправлялись офицеры академии на Дон; из них двое, шт[абс]-кап[итан] Афанасьев и шт[абс]-кап[итан] Нестеренко, для переправки из Киевского склада 4-х горных орудий ген. Алексееву. Документы были подписаны ген. Андогским; доклад об этом делали я, кап[итан] Бафталовский, ротмистр Бартельс и шт[абс]-кап[итан] Афанасьев. 1000 рублей на поездку и адреса надежных деятелей [в] Киеве даны были Виктором Пепеляевым, ныне находящимся [в] Омске, равно как и кап[итан] Бафталовский. Восстание [в] Екатеринбурге и его взятие были проведены по плану, выработанному мной под руководством генерала Андогского. Только он понял мою задачу и мой метод, заключавшийся в том, чтобы, добившись доверия комиссаров, взорвать их изнутри⁹³⁹. По его совету мы печатали прокламации от имени местных с.р. с призывом к рабочим свергнуть советскую власть — этим мы посеяли недоверие большевиков к левым с.р. в Екатеринбурге. Означенные могут подтвердить члены Екатеринбургской организации: полковник Лабунцов, кап[итан] Зубов, ныне помощник ген. Голицына по гражданской части. Слухи о ген. Андогском идут от ген. [П.А.] Белова. Кап[итан] Буров»⁹⁴⁰. Против большевиков работал и бывший полковник Н.В. Шереховский, служивший в областном военном комиссариате. Возможно, он имел связи со слушателями академии, поскольку сам также был ее выпускником, а в конце июля, возглавив гарнизон города (полковник А.Н. Лабунцов, в будущем видный ученый-минеролог, первооткрыватель урановой руды в СССР, стал его помощником), вместе с частью слушателей занимался расследованием обстоятельств гибели семьи Романовых.

Организация Румши была тесно связана с организацией Бурова, о чем свидетельствует в своих мемуарах Семчевский⁹⁴¹. Члены организации действовали под прикрытием официальных должностей в советских военных учреждениях. Достаточно отметить, что выпускник ускоренных курсов, соратник Андогского и один из лидеров выпуска курсов 2-й очереди академии бывший капитан А.Л. Симонов, состоявший в организации, был начальником штаба Северо-Урало-Сибирского фронта красных (фронтом руководила военная коллегия в составе командующего бывшего поручика, старого большевика Р.И. Берзина⁹⁴² и членов: военного комиссара Уральского военного округа бывшего подпоручика, большевика С.А. Анучина и лояльного большевикам военного руководителя округа бывшего генерал-лейтенанта Д.Н. Надежного). Очевидно, Симонов мог обеспечивать Андогского всей полнотой информации о планах советского командования. Организация ставила своей задачей освобожде-

⁹³⁹ Так в документе.

⁹⁴⁰ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 10. Л. 36–39.

⁹⁴¹ Семчевский К.В. В академии Генерального штаба в 1918 году // Наши вести (Сан-Франциско). 1979. Янв.–март. № 374. С. 6.

⁹⁴² Берзин, не подозревая Симонова в подрывной работе, дал впоследствии высокую оценку исходившим от него документам, хотя и не считал, что генштабист может понимать политическую обстановку (*Берзин Р.И. Этапы в строительстве Красной армии.* С. 50). Кроме того, Берзин ошибочно полагал, что Симонов был убит чехословаками в Екатеринбурге (Там же. С. 33). Другой мемуарист был сдержаннее: «Начальник штаба Симонов, военспец, ничем себя не проявлял, работал, что называется, из-под палки... с самого начала оставался для нас загадкой» (*Софронов Г.П. Неподвластное времени.* С. 129). По свидетельству Софронова, в период боев за Екатеринбург Симонов перед своим переходом на сторону противника отдал вредительский приказ, повлекший тяжелые последствия для фронта (Там же. С. 143–144).

ние города от красных при подходе чехословаков. Через Симонова организация получила из штаба фронта ордер на три пулемета Льюиса (по другим данным — 2), 300 винтовок (по другим данным — 40), 60 000 патронов и 150 ручных гранат на вооружение рабочей дружины Надеждинского завода. Офицеры-подпольщики под видом возчиков и сопровождающих от завода получили это оружие. Часть оружия была спрятана в лесу у села Уктус и использовалась для вооружения группы Румши. Другая часть хранилась в склепах Михайловского кладбища на окраине Екатеринбурга.

Рядовой член подпольной организации слушатель Н.Н. Ивановский впоследствии вспоминал: «Насчет групповых выступлений могу сказать, что была организация, построенная на системе троек. Я был рядовым членом, так что верхушки не знал. Пришлось выполнять отдельные поручения, но о[б] общих планах не имел понятия. Во всяком случае в самом гор[оде] Екатеринбурге никакого восстания до прихода чехов не было и никаких активных попыток спасения государя не было.

По работе организации я имел дело с отрядом анархиста Жебенева. Когда они узнали о намерении расстрелять государя и семью, среди них раздавались голоса, что нужно было идти и остановить казнь — отряд анарх[истов] в это время был вне Екатеринбурга, так что все это намерение осталось только на словах...

Перед отъездом академии нам было предложено явиться на погрузку или оставаться на свой риск. Наша группа решила не ехать — предполагалось с подходом чехов сделать выступление, но, когда подсчитали свои силы, оставалось только уходить в сторону белых»⁹⁴³.

Капитан Симонов в рапорте 1-му генерал-квартирмейстеру Ставки адмирала А.В. Колчака от 25 ноября 1918 г. писал, что «участь Екатеринбургского района была решена победой чехов у ст[анции] Незепетровская. Как эта победа, так и вообще благоприятная обстановка для занятия Екатеринбургского района были подготовлены мною; это моя работа, за которую я, будучи начальником штаба [Р.И.] Берзина, неоднократно рисковал быть повешенным или расстрелянным... Расследование документально устанавливает, что я служил в штабах Красной армии не только в Екатеринбурге, а с первого дня окончания старшего класса академии, как член ордена, поставившего себе задачей свержение большевиков и спасение Родины активным путем. Что касается вознаграждения за службу в красноармейских штабах, то в то время оно было настолько мизерным, что говорить о нем не приходится»⁹⁴⁴. При эвакуации военных учреждений Симонов не явился на посадку в эшелон⁹⁴⁵.

Скрывавшийся в окрестностях Екатеринбурга финансист В.П. Аничков вспоминал: «Мы держали связь с готовящейся к восстанию белой молодежью... Приезжали и другие офицеры, в большинстве своем выпускники Генштаба. Их приводили к нам на свидание, и здесь на имеющихся у них картах они наносили пункты расположения красных и белых войск»⁹⁴⁶. Первоначально выступление было назначено в ночь на 24 июля, но состоялось лишь следующей ночью. Руководил восстанием оперативный штаб во главе с А.А. Буровым и бывшим подпоручиком В.М. Зотовым. В ночь на 25 июля подпольщики выпустили заключенных из тюрьмы и заняли ряд советских учреждений. Буров участвовал в бою за станцию Екатеринбург-2. Слушатели академии участвовали в выступлении и в окрестностях города. На-

⁹⁴³ НИА. Pavel P. Petrov Collection. Box 1. Folder 3.

⁹⁴⁴ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 138. Л. 1об.

⁹⁴⁵ Кручинин А.М. Надежды восемнадцатого года... С. 21.

⁹⁴⁶ Аничков В.П. Екатеринбург — Владивосток (1917–1922). М., 1998. С. 130–131.

пример, бывший штабс-капитан В.Г. Иванов организовал комендатуру на Верх-Исетском заводе⁹⁴⁷. 25 июля Екатеринбург был занят антибольшевистскими силами.

Отряд из 37 слушателей академии под командованием К.Ю. Румши⁹⁴⁸, вооружившись, 21 июля (Семчевский приводит другую дату — в ночь с 17 на 18 июля) ушел из Екатеринбурга в западном направлении, в сторону реки Чусовой на соединение с чехами, подходившими к городу (по некоторым данным, слушатели предлагали участвовать в этом и самому начальнику академии, но он отказался⁹⁴⁹). В составе отряда было и несколько слушателей младшего курса⁹⁵⁰, который преподаватели не без оснований считали большевизированным. Сам Андогский впоследствии приписал отправку отряда Румши себе и вспоминал, что слушатели академии помогли чехословакам при взятии Екатеринбурга⁹⁵¹. По свидетельству П.Ф. Рябикова, Андогский был в курсе замыслов Румши, но инициатива все же принадлежала самим слушателям⁹⁵². Думается, это утверждение ближе к действительности. По утверждению К.К. Акинтиевского, скрывался в лесах и профессор Матковский⁹⁵³.

Семчевский отмечал, что для маскировки уходившие с Румшей получили от штаба подлинные предписания в различные штабы на фронте⁹⁵⁴. Таким образом, у них было законное основание не эвакуироваться с академией из Екатеринбурга. Как командированным им даже выданы были из казначейства прогонные деньги. Из города каждая «пятерка» выходила особым маршрутом, назначенным руководителем организации. Встреча была намечена в лесу к западу от Екатеринбурга, где было спрятано оружие. К условленному месту не вышла только одна из «пятерок».

Н.Н. Ивановский писал П.П. Петрову в эмиграции: «Мы собрались в лесу, и собралось нас всего-навсего 37 человек. На сборном месте были приготовлены винтовки. В командование вступил [под]полк[овник] Румша, тот самый, который под Красноярском командовал Польской дивизией и, как Вы помните, держал нейтралитет, а скорее, поддерживал ген. Зенкевича в Красноярске⁹⁵⁵.

⁹⁴⁷ Подробнее о екатеринбургском подполье, восстании и боях за город см.: *Кручинин А.М.* Падение красного Екатеринбурга. С. 66–72.

⁹⁴⁸ На основании данных о слушателях, находившихся в Екатеринбурге до возвращения казанской части академии, а также на основании всех известных источников об отряде Румши автор этих строк попытался реконструировать большую часть списочного состава отряда (28 из 37 человек): Н.Н. Ахвердов, Н.В. Бартенев, В.К. фон Баумгартен, И.А. Бафталовский, Н.И. Белоцерковский, Г. Бируля, К.М. Войткевич, Л.К. Гершельман, В.А. Гирш, Н.А. Деллинггаузен 2-й, М.А. Демишхан, Дмитриев, Е.М. Дубинин, А.А. Дурасов, Н.Н. Ивановский, Д.А. Малиновский, К.Н. Матвеев, Н.А. Мягков, И.А. Плюцинский, Р.М. Политковский, К.Ю. Румша, Н.Н. Рыбалтовский, К.В. Семчевский, К.Л. Соболев, Е.Н. Сумароков, Н.П. Топорков, И.М. Чебеняев, Г.В. Ярцев. Семь членов организации Румши — слушателей младшего ускоренного курса (Д.И. Андерс, Н.М. Ивановский, П.Н. Крылов, К.А. Любович, С.С. Полянский, И.В. Случевский, М.В. Смирнов) остались в Екатеринбурге (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1628. Л. 50об.). Можно предположить, что их оставление было обусловлено недоверием со стороны подпольщиков к младшему ускоренному курсу.

⁹⁴⁹ *Филатов Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири... С. 21.

⁹⁵⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1628. Л. 50об.

⁹⁵¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 5. Л. 3–3об.

⁹⁵² ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 120.

⁹⁵³ VAR. К.К. Akintievskii Papers. Box 1; *Шляхтин Э.Э.* Императорская Николаевская военная академия // Военная быль (Париж). 1971. Март. № 109. С. 20.

⁹⁵⁴ *Семчевский К.В.* В академии Генерального штаба в 1918 году // Наши вести (Сан-Франциско). 1979. Янв.–март. № 374. С. 6.

⁹⁵⁵ Ивановский неточен. Применительно к красноярским событиям конца 1919 – начала 1920 г. речь идет о генерале Б.М. Зиневиче.

Удостоверение

Симь удостоверяю, что предья-
тель сего слушатель Академіи
Генеральнаго Штаба - Капитанъ Л-Гв.:
Конной Артиллеріи Константинъ Ва-
билевичъ Семчевскій

24 іюля 1918 года дѣйствительно
пробылся изъ г. Екатеринбургa
въ составѣ вооруженнаго офицерскаго
отряда Академіи Генеральнаго
Штаба подъ командою подполковника
Рамша и присоединился въ районѣ
запада Сѣвероміи къ вѣрреннымъ мнѣ
войскамъ, дѣйствующимъ противъ
большедистскихъ бандъ.

Начальникъ боевого
участка чехо- словацкихъ войскъ
на Екатеринбургскомъ направленіи

Прапорщикъ

Удостоверение К.В. Семчевского о том, что он действительно состоял
в вооруженном офицерском отряде академии. 1918 г. ВАР. Публикуется впервые

Итак, эти 37 человек и была та группа, которая была готова на выступление, а где же было остальное — в рискованной обстановке их было мало.

В общем, образовался самый образованный партизанский отряд — кроме слушателей было, кажется, двое офицеров из местных. Вспоминаю имена, большинства из них уже нет: Бафталовский, Димитриев, Ярцев, Дурасов, Семчевский, Демишхан.

После небольшого перехода мы остановились на ночлег. Наутро на наше охранение вышел казачий разъезд.

В это время красные после небольших стычек передовых частей отошли от Екатеринбург[урга], и мы во главе чехов торжественно вошли в город.

Отряд расформировался, и мы поступили на формирование штабов»⁹⁵⁶. 24 июля в районе завода Северский произошло соединение отряда Румши с чехословаками⁹⁵⁷.

К.В. Семчевский писал в эмиграции своему другу В.С. Хитрову: «К этому времени образовался Восточный советский фронт — против белых партизан и чехословацких отрядов. В это же время выяснилось, что на днях предстоят назначения на командные должности и должности Генерального штаба в Красную армию. Кроме того, стало известным, что академию в полном составе, с профессорами и слушателями, ввиду приближающихся белых отрядов к Екатеринбург, эвакуируют в Казань, которую коммунисты считали в эту минуту наиболее обеспеченным от ударов белых местом (это доказывается тем, что тогда же большевики перевезли в Казань весь российский золотой запас). Нам стало ясно, что наступил решающий момент: если мы будем назначены в Красную армию или же поедем с академией в Казань — мы становимся на сторону большевистской власти. Профессора и, как ни странно, большинство слушателей вело себя пассивно, решив, по-видимому, идти с большевиками и ехать в Казань (что они и сделали). Лишь 37 слушателей (включая меня), состоящих уже к этому времени в тайной организации, решили пробиться через красный фронт и соединиться с партизанами, наступавшими в сторону Екатеринбург. Нам удалось почти чудом украсть винтовки и два пулемета, и в ночь с 17 на 18 июля мы маленькими группами пробрались к месту, где было сложено оружие (в лесу к западу от города), и двинулись в сторону красного фронта. У меня сохранилось подлинное удостоверение начальника боевого участка чехословацких войск на екатеринбургском направлении о том, что я, 24 июля 1918 года, действительно пробился из города Екатеринбург в составе вооруженного офицерского отряда академии Генерального штаба под командой подполковника Румша и присоединился в районе завода Северский к войскам, действующим против большевистских банд.

У многих из нашего маленького отряда жены остались в Екатеринбурге (моя жена тоже). Было ясно, что если нам не удастся в кратчайший срок захватить Екатеринбург — наши жены будут как жены “изменников” советской власти ликвидированы. Поэтому мы сделали все от нас зависящее, чтобы организовать отряды белых и ускорить их наступление. Через три дня мы первыми ворвались в Екатеринбург и успели спасти своих жен. Но только тогда

⁹⁵⁶ НИА. Pavel P. Petrov Collection. Box 1. Folder 3.

⁹⁵⁷ МРК. Коллекция К.В. Семчевского. Box 1. Folder 28. Л. 7. Семчевскому было выдано особое удостоверение следующего содержания: «Сим удостоверяю, что предъявитель сего слушатель академии Генерального штаба — капитан л[ейб]-гв[ардии] Конной артиллерии Константин Васильевич Семчевский 24 июля 1918 года действительно пробился из г. Екатеринбург в составе вооруженного офицерского отряда академии Генерального штаба под командою подполковника Румша и присоединился в районе завода Северский к вверенным мне войскам, действующим против большевистских банд. Начальник боевого участка чехословацких войск на екатеринбургском направлении прапорщик Чила» (МРК. Коллекция К.В. Семчевского. Box 1. Folder 6. Л. 4).

мы узнали, что за сутки до нашего ухода из Екатеринбурга государь Николай Александрович и вся его семья были зверски умерщвлены большевиками. Заняв Екатеринбург, мы спешно занялись формированием русских частей»⁹⁵⁸.

Отряд Румши по соединении с белыми и чехословаками участвовал во взятии Екатеринбурга, после чего был расформирован. Тогда в городе обнаружилось, как вспоминал Семчевский, «небольшое число бывших слушателей академии, сумевших избежать эвакуации. Некоторые ушли в лес, другие укрылись где-то в городе. Появилась и наша “пятерка”, которая не дошла до сборного пункта. Как мы и думали, они наткнулись на красный дозор, открывший по ним огонь. Считая, что нас предали, они скрывались в лесу все эти дни»⁹⁵⁹. В дальнейшем подпольщики успешно служили на штабных и командных должностях в белых формированиях Востока России⁹⁶⁰.

* * *

Все же академическое начальство решило подчиниться приказу Троцкого, хотя и постаралось в полной мере воспользоваться разрешением оставить часть состава академии в Екатеринбурге. В городе оставляли почти все имущество. Однако воспрещалось оставлять лиц с боевым опытом. Накануне отъезда обсуждался вопрос о том, кого можно было не брать в Казань. По преклонному возрасту оставались старейшие профессора А.И. Медведев и Г.Г. Христиани (также страдал рядом заболеваний). Последний, кроме того, был назначен председателем комиссии по охране академического имущества. Несмотря на возражения Андогского, конференция в порядке исключения постановила оставить часть сотрудников по семейным обстоятельствам. Под этот критерий попадали исполняющий должность заведующего слушателями бывший полковник А.Т. Антонович (вдовец с тремя детьми), преподаватель черчения и съемки бывший полковник Г.Т. Киященко (страдал мочекаменной болезнью, жил с малолетними детьми и больной женой), а также заведующий слушателями бывший подполковник П.Г. Осипов (страдал от контузии спины и ее последствий, от нервного расстройства, был негоден к строевой службе и ожидал прибавления в семье) и заведующий хозяйством бывший штабс-капитан К.А. Наумова. Все они вошли в комиссию Христиани⁹⁶¹. На комиссию также было возложено отстаивание интересов академии во всех отношениях и заботы об оставленных семьях личного состава академии. В связи с оставлением в Екатеринбурге семей профессору Христиани были выделены средства на их содержание из расчета по 125 рублей в месяц на члена семьи⁹⁶². По некоторым данным, вместо книг в ящики для перевозки были положены кирпичи⁹⁶³. Впрочем, это скорее позднейшие слухи, поскольку нет данных о том, что перевозилось вообще какое-либо имущество.

⁹⁵⁸ МРК. Коллекция К.В. Семчевского. Box 1. Folder 28. Л. 7–8.

⁹⁵⁹ *Семчевский К.В.* в академии Генерального штаба в 1918 году // Наши вести (Сан-Франциско). 1979. Апр.–июнь. № 375. С. 9 (см. Приложения).

⁹⁶⁰ Впрочем, по мнению Семчевского, к членам отряда в белой Сибири отнеслись недоброжелательно. Сам он оказался к началу 1919 г. во Владивостоке. Семчевский вспоминал: «В городе оказалась миссия генерала Романовского. Я зашел туда и, к удивлению, встретил там двух из нас — тридцати семи — Гершельмана и Мягкова. Они тоже, очевидно, оказались на западе Сибири “безработными”. Постепенно мое впечатление, что нас, 37 офицеров, посылают “с глаз долой”, чтобы не было свидетелей эвакуации академии из Екатеринбурга, начало переходить в уверенность» (BAR. K. V. Semchevskii Collection. Семчевский К.В. Воспоминания. Ч. 5: В Белой Сибири. С. 4).

⁹⁶¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 231.

⁹⁶² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 7. Л. 44.

⁹⁶³ ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 17.

Генерал Христиани сообщал начальнику штаба гарнизона Екатеринбургa 30 июля 1918 г., что остались 5 офицеров Генштаба по назначению конференции, в том числе 2 генерал-лейтенанта по преклонному возрасту, 3 штаб-офицера, из которых один раненый и непригодный к строевой службе, один по болезни и один по семейным обстоятельствам⁹⁶⁴. Оставались до 70 семейств преподавателей (в том числе семья начальника академии Андогского) и слушателей, а всего до 300 человек, размещенных относительно удовлетворительно⁹⁶⁵. В докладе военному министру Временного Сибирского правительства от 7 августа 1918 г. Христиани отмечал: «Будучи силою эвакуирована почти в полном составе, конференция академии избрала комиссию в составе председателя генерал-лейтенанта Христиани и членов: полковников Антоновича, Киященко и Осипова и заведывающего хозяйством капитана Наумова, которой поручила и доверила хранение ценного академического имущества и соблюдение всех интересов как академии, так и оставленных семейств. Выбор конференции остановился на лицах, кои по болезненному своему состоянию или по семейным обстоятельствам не могли выехать из Екатеринбургa»⁹⁶⁶.

По вопросу об оставлении профессора Матковского девять членов конференции проголосовали за и девять против, в результате чего он подал рапорт об отставке и решил остаться в городе. Андогский заявил ему, что если бы был просто профессором, то поступил бы так же⁹⁶⁷. Однако начальник академии для страховки приказал оставшемуся Христиани после отъезда провести медицинское освидетельствование Матковского (по данным на август 1918 г., он страдал неврастенией в тяжелой форме), чтобы академия имела документ о том, что тот остался не самовольно. В случае перерыва связи Андогский поручил Христиани уволить Матковского своей властью.

Помимо этих лиц под предлогом охраны имущества академии или по болезни в Екатеринбургe остались и другие сотрудники, а также семьи преподавателей (кроме уехавших с академией жен бывшего полковника В.Н. Касаткина, бывшего подполковника Г.В. Солдатова, а также бывшего ротмистра Б.А. Вуича). Оставался и ряд слушателей, в том числе направленных в различные советские учреждения. Следует отметить, что жены некоторых слушателей были беременны и должны были рожать в ближайшие недели, эти офицеры, разумеется, ходатайствовали о том, чтобы никуда не переезжать⁹⁶⁸. По причине преклонного возраста в Екатеринбургe остался делопроизводитель академии Е.Л. Высогорец. Служащих и преподавателей увольняли в отпуски до начала занятий (преподавателей — на две недели). Такие увольнительные получили Б.П. Богословский, Н.Я. Капустин, Г.В. Леонов, П.Ф. Рябиков. Многие получили такие отпуски 23 июля 1918 г.⁹⁶⁹

Слушатель К.А. Звиргзд, направленный в один из советских штабов, но в итоге все равно попавший к белым, отмечал в анкете московского политического Красного Креста 17 февраля 1921 г.: «17 марта 1918 г. академия Генштаба, слушателем коей я состоял, была эва-

⁹⁶⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 490.

⁹⁶⁵ Там же. Л. 492об.

⁹⁶⁶ Там же. Л. 491.

⁹⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 37. Из воспоминаний Иностранцева следует, что Матковский остался самовольно (ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 343), чем подверг академию опасности. Впоследствии конференция осудила его поступок и исключила Матковского из своего состава (Там же. Л. 422).

⁹⁶⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 436, 437.

⁹⁶⁹ Там же. Л. 451.

куирована из Петрограда в Екатеринбург. Вследствие наступления чехословаков академия 23 июля того же года из Екатеринбурга была эвакуирована в Казань (эшелон отошел в 4 часа утра 24 июля⁹⁷⁰). Я в числе 20 человек вечером 23 июля был командирован в штаб 3^й Красной армии. На другой день я получил задачу рекогносцировать дороги в сторону противника. 25 июля в 5 час[ов] утра город Екатеринбург был занят чехами и все находившиеся в городе и часть штаба армии попали в плен. Кстати сказать, через 2–3 недели вся академия целиком попала в плен чехам в Казани. Регистрация офицеров и чиновников в Екатеринбурге была проведена очень быстро. Об уклонении не могло быть и речи. Все офицеры были мобилизованы. Я получил назначение в штаб 3го Отдельного Уральского корпуса, а оттуда уже назначен начальником штаба 1^й кадровой дивизии в Челябинске»⁹⁷¹.

Оставшийся в городе слушатель штабс-капитан А.Ф. Мауринг 19 августа 1918 г. писал в рапорте правителю дел академии о подлинных мотивах, по которым он решил не эвакуироваться: «Перед эвакуацией большевиками академии из г. Екатеринбурга мною был подан рапорт, в котором я ходатайствовал о назначении врачебной комиссии для освидетельствования меня на предмет увольнения от военной службы и о невозможности тогда выехать с эшелонном по состоянию здоровья. Такая мотивировка была вызвана исключительно создавшейся в тот момент политической обстановкой, т.е. нежеланием выехать отсюда, а поэтому прошу Вашего ходатайства об оставлении меня и впредь в рядах слушателей и о возвращении мне приложенных к поданному мною рапорту копий свидетельств о ранении»⁹⁷².

Опасаясь репрессий, оставшиеся в городе разошлись по квартирам знакомых, и в здании академии ночевала только семья Матковского. Как уже отмечалось, преподаватель академии бывший полковник Б.П. Богословский, назначенный незадолго до падения Екатеринбурга на ответственный пост командующего 3-й советской армией, будучи принципиальным противником большевиков, под видом отъезда на охоту бежал к белым. Инсценировка с охотой была согласована с Андогским, чтобы не скомпрометировать академию. Впрочем, по свидетельству Рябикова, Богословский все же принял должность и бежал уже после того, как отдал ряд вредительских приказов⁹⁷³, а также захватив оперативные документы, которые были переданы белым⁹⁷⁴. Вацетис позднее вспоминал: «Исчезновение командарма, выбранного из

⁹⁷⁰ Рябиков указывает время отправления 16 часов (ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 203об.), тогда как Иностранцев описывает свое пробуждение уже в движущемся поезде рано утром (ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 343). Утверждение Иностранцева представляется более точным, поскольку его подтверждает и слушатель Звиргзд.

⁹⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 353. Л. 73об.

⁹⁷² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1623. Л. 36.

⁹⁷³ Г РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 120об.

⁹⁷⁴ Генерал-лейтенант Советской армии Г.П. Софронов, в прошлом — участник Гражданской войны на Урале, вспоминал о Богословском: «Новый командующий начал принимать дела. Заслушал доклады всех начальников управления и служб штаба.

— Какой культурный и внимательный человек! — говорили о нем некоторые сотрудники. — Войдешь в кабинет — встанет, поздоровается. Обращается только на “вы”, по имени и отчеству. А в дела-то как тщательно входит: все записывает в тетрадь, просит всякие справки, схемы... Приятно иметь дело с таким человеком!

И действительно, Богословский с первого дня поразил многих изысканностью манер и скрупулезностью в работе. Он беседовал не только с начальниками, а и с рядовыми сотрудниками, успел даже посмотреть их личные дела...

На следующее утро я выслал на квартиру командующего автомашину. Шофера предупредил: будь точен, как часы. Но машина вдруг возвратилась без Богословского. По словам хозяйки дома, он ночью куда-то ушел и к утру не вернулся. На квартире и в кабинете не оказалось и его портфеля, в котором находилась оперативная карта. Розыски ничего не дали: след Богословского затерялся. Но всего на несколько дней. Из показаний пленных, а также

высококвалифицированных военспецов, произвело нехорошее впечатление, как на местах, так и в центре. После такого неблагоприятного события вновь выдвинуть кандидатуру военспеца я не считал возможным»⁹⁷⁵. Богословского сменил Г.А. Угрюмов.

Распоряжение Троцкого о финансовом обеспечении эвакуации академии было выполнено. Слушателем бывшим подбесаулом П.А. Федоровым из штаба Северо-Урало-Сибирского фронта были получены 250 000 руб. на эвакуацию в Казань⁹⁷⁶. Эвакуировавшиеся рассчитывали на то, что либо Екатеринбург будет освобожден до их отъезда, либо по пути они будут захвачены чехословаками. Понимая всю сложность ситуации, Андогский потребовал от всего состава конференции исполнить приказ о прибытии на вокзал во избежание репрессий против академии. Хитро улыбаясь, Андогский сообщил членам конференции: «Надо думать, что уедем мы недалеко, но выехать должны мы обязательно все»⁹⁷⁷. Как показали события, уехавшие в Казань расстались с оставшимися на три недели.

Из представителей учебно-административного состава уезжали 17 человек, включая пятерых с семьями, — всего эвакуировались 25 человек. Из слушателей старшего курса уезжали 33 человека, включая 18 с семьями, а всего 58 человек. Из слушателей ускоренного курса ехали 93 человека, из них с семьями 10, всего 110 человек. Кроме того, ехали 18 служителей академии⁹⁷⁸. На эвакуацию было выделено 4 классных вагона, 20 приспособленных людских, 15 крытых, 2 платформы, правда, затем квоты сократили, выделив только 2 классных вагона, 10 приспособленных людских, 13 крытых и платформу⁹⁷⁹. Комендантом эшелона назначен Н.Я. Капустин⁹⁸⁰. По рассказу одного из польских офицеров, персонал академии погрузили в вагоны «как телят»⁹⁸¹.

Андогский постарался успокоить Троцкого и телеграфировал ему 22 июля: «Распоряжением главкома Вацетиса и Военно-революционного совета и ближайшим указанием шта[ба] фронта Уральского личный состав и часть учебного имущества академии отправляются [в] Казань [во] вторник 23 июля маршрут[ом] через Пермь. 5067. Андогский»⁹⁸².

23 июля в Казань квартирьером был направлен слушатель бывший капитан А.Г. Аргунов⁹⁸³. Днем ранее туда же для отвода помещения академии был направлен В.Э. Арнгольд⁹⁸⁴. 23 июля слушателям академии выдавали командировочные удостоверения для следования на станцию Екатеринбург-1 и погрузки эшелона академии, следовавшего в Пермь⁹⁸⁵. Часть слушателей отправлялась с семьями. Персонал академии под наблюдением батальона латышских стрелков погрузился в эшелон на станции Екатеринбург, однако отправка не состоялась, не было паровоза, а пути были заняты воинскими эшелонами. По свидетельству

из газет, издававшихся белыми, мы узнали: “культурный”, “любезный” командующий перешел в стан врага и работает в одной из его армий” (*Софронов Г.П.* Неподвластное время. С. 142–143).

⁹⁷⁵ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 280.

⁹⁷⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 17. Л. 145.

⁹⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 334.

⁹⁷⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 440.

⁹⁷⁹ Там же. Л. 487, 538.

⁹⁸⁰ Там же. Л. 441.

⁹⁸¹ *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири... С. 22.

⁹⁸² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 531.

⁹⁸³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 16. Л. 73.

⁹⁸⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648. Л. 178.

⁹⁸⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1610. Л. 895.

Рябикова, затягивание отправления накануне вступления в город чехов было преднамеренным, благодаря распоряжениям бывшего полковника Стогова, отвечавшего за передвижение войск⁹⁸⁶. По всей видимости, речь шла о И.Е. Стогове, впоследствии начальнике военных сообщений 3-й армии, арестованном в связи с делом об эвакуации Перми⁹⁸⁷.

У Андогского откуда-то появилась информация о том, что белые направили сотню казаков к станции Кутиха (Крутиха) на перехват академического эшелона⁹⁸⁸, однако никакого перехвата не произошло, так как казаки на несколько часов опоздали. Эти данные, если они соответствуют действительности, показывают наличие связи Андогского с белыми, возможно, через подпольщиков из академии. Лишь 24 июля в 4 часа утра⁹⁸⁹ эшелон академии выехал в Казань в составе 16 лиц учебно-административного состава, 92 слушателей старшего курса 3-й очереди и 73 слушателей младшего ускоренного курса. Ехали в грязных и непригодных товарных вагонах, не имевших даже нар для спанья, в некоторых валялись солома и навоз, освещение составляли стеариновые свечи. Через четыре часа после отхода эшелона в окрестностях города началась артиллерийская стрельба, а 25 июля город был занят группой войск полковника С.Н. Войцеховского.

Интересно наблюдение слушателя академии Семчевского, который вспоминал, что те, кто стремился к активной борьбе с большевиками и, в частности, состоял в подпольной антибольшевистской организации при академии, «считали тогда, может быть огульно, а поэтому несправедливо, что все, уезжавшие в Казань, психологически связали свое будущее с советской властью и что нам с ними не по пути. Это вызвало в дальнейшем известный раскол среди “новых” офицеров Генштаба в Сибири. Эвакуировавшиеся в Казань попали “на верхи”, в Ставку адмирала Колчака, с генералом Андогским в роли 1-го генерал-квартирмейстера Ставки и несколькими профессорами академии на ответственных постах»⁹⁹⁰. Впоследствии, когда в начале 1920 г. ряд колчаковских генштабистов оказались в плену у красных, некоторые, опасаясь репрессий за дезертирство из Красной армии, пытались выдать свой переход к противникам большевиков за вынужденное попадание в плен. Например, об этом говорится в учетных документах П.П. Бурина и Д.И. Вяткина, относившихся к командированным на младший ускоренный курс академии летом 1918 г.⁹⁹¹

Эшелон ехал в Пермь не напрямую. Движение осуществлялось по дороге на Алапаевск, где произошла неприятная встреча с эшелонами большевистского руководства и анархистов, следовавшими из Екатеринбурга. Чтобы избежать возможной расправы, Андогский отдал по вагонам приказание не привлекать внимания. Слушатели младшего ускоренного курса, которых так боялось академическое начальство, заботились о профессорах и преподавателях и даже добывали им пищу на станциях. Рябиков вспоминал: «Наши “красные” слушатели, ехавшие в нашем поезде, проявляли к профессорскому составу должное ува-

⁹⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 121.

⁹⁸⁷ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 6–11. В нашей монографии «“Мозг армии” в период “Русской Смуты”» (М., 2013. С. 649) он был ошибочно идентифицирован с бывшим генералом Н.Н. Стоговым.

⁹⁸⁸ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 342.

⁹⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 353. Л. 73об.

⁹⁹⁰ Семчевский К.В. В академии Генерального штаба в 1918 году // Наши вести (Сан-Франциско). 1979. Апр.–июнь. № 375. С. 10.

⁹⁹¹ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 84об., 108.

жение и на станциях, где можно было достать горячую пищу, заботились, чтобы мы были накормлены, и некоторые из них даже сами приносили нам порции, так как добиться их при страшном переполнении станционных буфетов было очень трудно»⁹⁹².

По свидетельству комиссара Ф.П. Никонова, «академия сначала была послана в Пермь, и ввиду недостатка составов, по просьбе начальника академии, ей были предоставлены баржи по направлению к Казани, чтобы эвакуировать ее в распоряжение Вацетиса для направления академии или в Нижний [Новгород], или же в Москву»⁹⁹³.

26 июля И.И. Вацетис телеграфно просил члена коллегии Наркомата по военным делам К.А. Механошина (по месту его нахождения в Сарапуле или Перми) ускорить эвакуацию академии в Казань, «где весь личный состав академии будет мною распределен для работы на фронте»⁹⁹⁴.

27 июля эшелон прибыл в Пермь, где академия перегрузилась на пароход «Феодор» товарищества «Братья Ф. и Г. Каменские и Н. Мешков» для следования в Казань по Каме и Волге. По описанию профессора Иностранцева, пароход был достаточно большим, «с правого борта у парохода была пришвартована баржа, предназначенная для академических верховых лошадей и служителей при них, так что пароход имел вид, обычной теперь, мотоциклетки с люлькой»⁹⁹⁵. Пароход сохранял остатки бывшего убранства, а обслуживающий персонал поспешил обеспечить бывших офицеров всем, что они пожелают. Иностранцев даже отметил, что «пароход “Феодор” был как бы оторвавшейся частицей прежней, дореволюционной России, каким-то чудом остававшейся среди большевиков»⁹⁹⁶.

К этому времени Екатеринбург был оставлен красными, которые знали об измене штабных работников во главе с Симоновым и с подозрением смотрели на прибывшую в Пермь группу⁹⁹⁷. По свидетельству одного из советских военных работников, представители академии «не пользовались у нас доверием, хотя военные специалисты были нужны дозарезу. Настораживали истории с Богословским, Симоновым и Буровым»⁹⁹⁸.

В этот же день военный руководитель Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевич передал Вацетису на время старший курс академии для использования в штабах⁹⁹⁹. 28 июля пароход академии отправился в Казань¹⁰⁰⁰. Тогда же было получено важное для эвакуированных известие о падении Екатеринбурга, вследствие чего оставшаяся там часть академии попала к противникам большевиков.

В период плавания по Каме, по свидетельству Иностранцева, у него и других членов конференции возникла мысль перейти на сторону антибольшевистских сил прямо на пароходе, для чего требовалось при выходе из Камы в Волгу повернуть не к Казани, а к Симбирску. Среди контраргументов было возможное отрицательное отношение к этому слушателей младшего ускоренного курса, а также угроза Волжской военной флотилии красных¹⁰⁰¹.

⁹⁹² ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 121об.

⁹⁹³ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 16.

⁹⁹⁴ Собрание оперативных телеграмм, приказов и распоряжений... С. 74.

⁹⁹⁵ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 350, 352.

⁹⁹⁶ Там же. Л. 354.

⁹⁹⁷ ГАРФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 7. Л. 23.

⁹⁹⁸ Софронов Г.П. Неподвластное времени. С. 147.

⁹⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 159. Л. 27–28. Документ любезно предоставлен к.и.н. А.А. Симоновым (Саратов).

¹⁰⁰⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 233об.

¹⁰⁰¹ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 357.

Капитан парохода отнесся к замыслу сочувственно. Однако замысел воплощен не был, так как устье Камы контролировалось кораблями советской флотилии. К месту назначения академия прибыла 1 августа, причем в Казани оказалось больше эвакуированных (за счет возвратившихся из отпусков) — 17 лиц учебно-административного состава, 92 слушателя старшего курса, 75 слушателей ускоренного курса и 14 вольнонаемных служащих академии¹⁰⁰². Иностранцев отмечал, что «город находился далеко, и его не было видно, а набережная с пристанями имела обычный вид порта, да еще порта большевизированного. На ней находились всевозможные неприветливые склады, шмыгали грузчики и ломовые, среди которых было видно много татарских лиц, была грязная мостовая и бродили какие-то представители пролетариата и вооруженные матросы»¹⁰⁰³.

* * *

Судьба в те дни играла людьми. Велик был фактор случайности. Так, те слушатели, которые оказались в различных командировках при советских штабах (например, в Перми или других пунктах), находились в отпусках или под арестом, в основном остались в Советской России, что в сложившихся обстоятельствах полностью предопределяло всю их дальнейшую жизнь. Например, герой Первой мировой войны бывший ротмистр П.Н. Грекулов 16 июля был уволен в отпуск в Новгородскую губернию по домашним обстоятельствам¹⁰⁰⁴, в результате чего остался у красных. Бывший ротмистр А. Бырдин был командирован в Петроград для работы по эвакуации академии и в итоге также остался у красных¹⁰⁰⁵. Бывший подполковник Н.А. Мулько с 28 июля находился в штабе Северо-Урало-Сибирского фронта и остался в РККА.

Но особенно яркой была история бывшего полковника лейб-гвардии Волынского полка, кавалера Георгиевского оружия А.Г. Слефогта 1-го. Этот офицер, лишившийся на войне ноги, решил 2 мая 1918 г. в Екатеринбурге навестить и поздравить с Пасхой бывшую императрицу, ухаживавшую за ним в 1915–1916 гг. в царскосельском госпитале в качестве сестры милосердия. Для этого он явился за пропуском в облЧК. Ему не только было отказано в просьбе, но и сам он был арестован¹⁰⁰⁶. Затем его, видимо, на некоторое время освободили, но в конце мая вновь арестовали.

По свидетельству слушателя Н.Н. Ивановского, «на следующий день Андогский собрал нас и прочел нам лекцию о недопустимом поступке полк[овника] Слефогта, о поступке, который может создать угрозу существованию академии в настоящем составе.

Администрация академии ничего не сделала, чтобы помочь полк[овнику] Слефогту, и, как я слышал, его отправили в Пермь»¹⁰⁰⁷.

30 мая Слефогт писал в рапорте временно исполняющему должность правителя дел академии: «Доношу, что сего числа в 15 час[ов] 30 [минут] ко мне подошел посланный “Чрезвычайной” следственной комиссии Уральской области” и пригласил меня следовать

¹⁰⁰² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 236.

¹⁰⁰³ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 362.

¹⁰⁰⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1635. Л. 35–36.

¹⁰⁰⁵ Там же. Л. 41.

¹⁰⁰⁶ Протокол допроса Слефогта см.: Скорбный путь Романовых 1917–1918 гг. Гибель Царской семьи: сб. документов и материалов. М., 2001. С. 200; Семчевский К.В. В академии Генерального штаба в 1918 году // Наши вести (Сан-Франциско). 1978. Июль–авг. № 371. С. 6.

¹⁰⁰⁷ НИА. Pavel P. Petrov Collection. Box 1. Folder 3.

за ним в комиссию. В вышеназванной комиссии мне объявили, что арестуют как заложника, без предъявления конкретных обвинений. После этого я в сопровождении рассыльного проехал в помещение тюрьмы № 1 (район участка съемки у кладбища), где и содержусь. Здесь же вместе со мной содержатся представители города, тоже как заложники.

Вчера было 2 освобожденных по ходатайству союза врачей и еще какой-то корпорации (как члены этих корпораций). Посему прошу ходатайства академии о том же, т.к. пропускать экзамены является совершенно нежелательным.

К сему добавляю, что мною не было совершено никаких поступков, дающих основание для ареста.

Впредь до освобождения прошу распоряжения о присылке мне пищи из академии, а равно моего портфеля с учебниками из общежития (где я его оставил перед арестом).

Сл[ушатель] Слефогт»¹⁰⁰⁸.

29 июня датирован рапорт Слефогта с ходатайством об освобождении из-под ареста для поездки в Петроград в целях починки протеза¹⁰⁰⁹. Академическое начальство из предосторожности самоустранилось от помощи слушателю, а возможно, и не могло ничем помочь. В результате, когда вся академия перешла к противникам большевиков, разделив участь белых армий, Слефогт, несмотря на явные монархические симпатии и антибольшевистские взгляды, остался в Красной армии, где и прослужил всю Гражданскую войну вплоть до 1921 г. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Слефогт был не единственной жертвой обстоятельств среди слушателей. Другой пример, уральский казак, выпускник курсов 2-й очереди С.К. Сидоровнин, занимавшийся геодезией, в июле 1918 г. подлежал откомандированию в Петроград в распоряжение профессоров В.В. Витковского и Д.Д. Сергиевского для слушания лекций¹⁰¹⁰. В итоге Сидоровнин остался в РККА и лишь в 1919 г. сумел перейти к уральским казакам на Восточном фронте¹⁰¹¹. Кроме того, оказались разделены многие семьи.

* * *

Оставшиеся в Екатеринбурге сотрудники академии приветствовали падение большевиков. Полковник А.Т. Антонович записал в своем дневнике, хранящемся в Государственном архиве Новосибирской области, о занятии Екатеринбурга белыми в июле 1918 г.: «Утро 25-го — новая эра. Загорелась заря; важно, чтобы она не погасла. Сравнительно безболезненно совершился переворот; свои позиции прежняя власть легко уступила новой, которая внесла в жизнь мир, тишину и спокойствие. Все граждане свободно и легко вздохнули. В день вступления освободителей обыватель, видимо, не верил своему счастью... Все слышанное взволновало меня, явилась надежда на лучшее будущее, рассеялся мрак, что-то появилось вдали, что манит к себе и говорит о возможности работать уже не бесцельно»¹⁰¹². 4 августа по приказанию командующего Сибирской армией профессор Г.Г. Христиани временно возглавил академию в Екатеринбурге¹⁰¹³.

¹⁰⁰⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1567. Л. 58–58об.

¹⁰⁰⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1646. Л. 109об.

¹⁰¹⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648. Л. 166об.

¹⁰¹¹ *Картагузов С.В.* Офицерский состав частей Уральского казачьего войска 1914–1918. Биографический справочник. М., 2012. С. 345.

¹⁰¹² Дневник генерала Антоновича // *Голоса Сибири. Литературный альманах.* Кемерово, 2006. Вып. 3. С. 381, 384.

¹⁰¹³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

Христиани еще 2 августа (возможно, вопрос прорабатывался и раньше) поручалась подготовка эвакуации академии в Сибирь. Оставшиеся в Екатеринбурге представители конференции решили не допустить этого. Для личного доклада о положении академии и ходатайства об оставлении ее в Екатеринбурге 1 августа в Челябинск и Омск выехал полковник Б.П. Богословский. Христиани телеграфировал в Омск в этой связи: «Полковник Богословский выехал 1 августа [в] Челябинск — Омск для личного доклада о положении академии и для ходатайства об оставлении академии [в] Екатеринбурге. Первая эвакуация привела ценную библиотеку академии в полное расстройство, вторая грозит полною гибелью библиотеки, музея, типографии. Академия занимает обширное здание, дающее возможность вести занятия, которые велись действительно [в] течение четырех месяцев. В этом здании хорошо размещено все академическое имущество: библиотека, музей и типография в полуразобранном виде и большая часть склада учебных пособий. В Екатеринбурге остались на попечение академии до шестидесяти семейств профессоров и офицеров-слушателей с имуществом, размещенных более или менее удовлетворительно. Почти все главы этих семейств увезены большевиками. Подготовительные работы по эвакуации потребуют два месяца. Эвакуация из Петрограда потребовала три месяца, произведена четырьмя эшелонами с расходами [в] 150 тысяч. Ныне расходы эти ввиду поднятия заработной платы значительно возрастут. При благоприятной стратегической обстановке [к] занятиям [в] академии здесь можно приступить когда угодно. При эвакуации же можно будет возобновить занятия не ранее 4–5 месяцев. Ввиду изложенного ходатайствую об оставлении академии в Екатеринбурге и об эвакуации ее лишь в случае крайней необходимости. Командирование офицеров Генштаба произведу по возвращении Богословского и по получении дальнейших Ваших указаний. Генерал Христиани»¹⁰¹⁴. Тем не менее миссия Богословского не увенчалась успехом.

В штаб армии в Омск были срочно затребованы служившие в академии офицеры-генштабисты Б.П. Богословский, Г.Т. Киященко, П.Г. Осипов и др.¹⁰¹⁵ Христиани ходатайствовал об оставлении их при академии, так как иначе распадалась созданная перед эвакуацией в Казань комиссия под его председательством, но с мнением конференции власти особо не считались¹⁰¹⁶. Приказом Сибирской армии № 39 от 11 августа 1918 г. академия впредь до создания всероссийского Военного министерства была включена в состав Сибирской армии с непосредственным подчинением командующему армией¹⁰¹⁷.

С первых дней после взятия Екатеринбурга антибольшевистскими силами курсовики заняли почти все ответственные должности в местном гарнизоне. К 29 июля 1918 г. были сделаны следующие назначения: подполковник Румша занял пост начальника штаба гарнизона, временно исполняющим должность генерал-квартирмейстера стал капитан Е.Н. Сумароков. В отделе генерал-квартирмейстера штаба формирования Народной армии в Екатеринбурге были сделаны следующие назначения. Старшим адъютантом оперативного отделения стал капитан Д.А. Малиновский, его помощником — капитан Г.В. Ярцев, старшим адъютантом разведывательного отделения — капитан И.М. Чебеняев, его помощником — штабс-капитан И.А. Бафталовский, начальником военного контроля — штабс-капитан Н.И. Белоцерковский, старшим адъютантом общего отделения — штабс-капитан Е.М. Дубинин, его помощ-

¹⁰¹⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 546.

¹⁰¹⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 118.

¹⁰¹⁶ Дневник генерала Антоновича. С. 383.

¹⁰¹⁷ Там же. Л. 119.

ником — штабс-капитан Н.П. Топорков, обер-офицером для поручений — штабс-ротмистр Н.Н. Ивановский, заведующим службой Генерального штаба — штабс-капитан К.В. Семчевский (машинисткой там же устроилась работать его супруга — Е.В. Семчевская). Начальником мобилизационного отдела стал капитан Л.К. Гершельман, начальником отдела формирования — капитан М.А. Демишхан, начальником инспекторского отдела — капитан В.А. Гирш, заведующим учетным отделом — ротмистр И.А. Плюцинский, заведующим формированием авиации — капитан Н.Н. Рыбалтовский¹⁰¹⁸. Указанные офицеры, как можно заключить, были участниками подпольной организации Румши.

Слушатель Н.Н. Ивановский вспоминал, что штаб Народной армии в Екатеринбурге — это лишь «красивое и громкое название. На самом деле армия была в зародыше. Ядро были чехи и небольшие отряды добровольцев, пришедших со стороны Челябинска. Начался набор добровольцев. Во дворе штаба происходило первоначальное сколачивание первых рот из добровольцев. Эти роты в будущем составили ядро 7 Уральской дивизии Голицына — одной из лучших дивизий уральских корпусов»¹⁰¹⁹.

Слушателей академии белое командование сразу восприняло как весьма ценную группу офицеров, представителям которой можно было доверить самые ответственные поручения. К примеру, курсовик капитан К.М. Войткевич согласно распоряжению начальника гарнизона Екатеринбурга от 2 августа 1918 г. и по поручению союзных миссий был командирован в Вологду и Архангельск. В Архангельске по распоряжению командующего союзными экспедиционными войсками на Севере России генерала Ф. Пуля он был назначен в разведывательное отделение штаба главнокомандующего войсками, действующими на русском фронте, где прослужил до 16 сентября, а на следующий день, получив шифрованные документы от французского и американского посольств, по предписанию Пуля выехал назад в Екатеринбург для связи с союзными миссиями и командующим Екатеринбургской группой войск. Благополучно добравшись, Войткевич сдал документы по принадлежности, а 11 ноября донес начальнику академии о выполненной миссии, за что получил благодарность¹⁰²⁰.

8 августа в штаб Уральского корпуса в Челябинске были срочно затребованы 10 слушателей, 11 августа штаб Сибирской армии запросил 11 слушателей, 25 августа двух слушателей затребовал штаб Чехословацкого корпуса¹⁰²¹.

* * *

По прибытии в Казань Андогский отправился на встречу с командующим советским Восточным фронтом бывшим полковником И.И. Вацетисом — также выпускником академии. По свидетельству Андогского, изложенному Иностранцевым, Вацетис рассчитывал использовать слушателей академии в Казани, однако по распоряжению Троцкого академия должна была эвакуироваться в Муром, поэтому предписано было оставаться на пароходе. Новая эвакуация означала расставание персонала академии со всякими надеждами перейти к противнику и воссоединиться со своими семьями. Профессор Иностранцев прямо заявил, что в Муром не поедет.

Андогский по-прежнему всего опасался, тем более что в Казани находился видный чекист М.Я. Лацис, руководивший ЧК Чехословацкого фронта и отличавшийся беспощад-

¹⁰¹⁸ РГВА. Ф. 39465. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–3; Ф. 33892. Оп. 1. Д. 12. Л. 22.

¹⁰¹⁹ НИА. Pavel P. Petrov Collection. Box 1. Folder 3.

¹⁰²⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 256об.–257.

¹⁰²¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1628. Л. 37, 38, 41.

Карта Казани с обозначениями мест, связанных с пребыванием в городе академии (1 — здание академии (Коммерческое училище); 2 — гостиница «Волга», где проживали преподаватели и слушатели; 3 — дом А.Н. Казем-Бека, где проживало академическое руководство; 4 — казанская ЧК)

ностью. Не случайно среди противников нового режима получила распространение поговорка: «Лучше к Дзержинскому в Москву, чем к Лацису в Казань». В итоге было решено, как и в Екатеринбурге, пытаться оттянуть эвакуацию в надежде на освобождение от красных. Сделать это (под предлогом нехватки времени в связи с загруженностью оперативной работой) пытались уже не от имени академии, а от имени штаба Вацетиса, где служили многие слушатели. Чтобы обезопасить академию от революционных матросов, по распоряжению Вацетиса на ночь пароход бросил якорь на середине Волги. Иностранцев отметил: «В лице командующего большевистским фронтом мы приобрели нашего хранителя, не будь которого мы, возможно, и закончили бы на казанской пристани не только свое путешествие, но и вообще свой жизненный путь»¹⁰²².

Удалось добиться разрешения на выгрузку академии. В Казани имущество академии было размещено в здании Коммерческого училища на улице Карла Маркса (бывшей Грузинской)¹⁰²³. Члены конференции были размещены в гостинице «Волга» на Большой Лядской улице¹⁰²⁴ неподалеку от здания ЧК¹⁰²⁵, возможно, неслучайно. Переезд персонала академии с обозом в центр города был необычным зрелищем: «На подводах был навален багаж, а около них следовали все служащие и все слушатели академии во главе с самим ее начальником. Т.к. обоз был довольно длинный и имел, таким образом, весьма своеобразный вид, то он не мог не привлекать внимания и любопытных взоров представителей местного населения, останавливавшихся, чтобы его рассмотреть, открывавших окна в домах и толпившихся на перекрестках улиц. Некоторые из них задавали вопрос: что это за часть, и, получив в ответ, что это не часть, а военная академия, приходили в окончательное недоумение.

Миновав татарский квартал, расположенный недалеко от пристаней, мы стали подниматься в гору к центру города. Последний произвел на нас вполне благоприятное впечатление и был много лучше не только, конечно, чем Пермь, но даже чем Екатеринбург. В особенности подкупало большое количество зелени в городе в виде скверов и частных садов.

Пройдя несколько главных улиц города, мы оказались перед довольно большим зданием в несколько этажей, на котором была вывеска с надписью «Волга». Это и была гостиница, назначенная для нашего размещения»¹⁰²⁶.

Коммерческое училище, отведенное академии, по воспоминаниям Иностранцева, «находилось весьма недалеко от гостиницы... Т.к. академия была теперь “налегке”, то помещения училища были, конечно, для вмещения академического имущества вполне достаточными, а сами по себе были чисты и содержались в порядке»¹⁰²⁷. Служащие должны были посменно ночевать в здании училища для охраны имущества. Андогский признал, что учебный процесс в Казани возобновить не удастся, но организовал помещение для заседаний конференции академии и для общего сбора.

Уже в Казани к академии 1 августа присоединились вернувшийся из отпуска бывший полковник А.П. Слижиков, бывший подполковник В.И. Оберюхтин, назначенный заведу-

¹⁰²² ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 368.

¹⁰²³ Сейчас в этом здании находится Казанский государственный аграрный университет (Казань, улица Карла Маркса, 65).

¹⁰²⁴ Ныне — Казань, улица Максима Горького, 8/9.

¹⁰²⁵ Ныне — Казань, улица Гоголя, 4.

¹⁰²⁶ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 369.

¹⁰²⁷ Там же. Л. 370.

ющим обучающимися¹⁰²⁸, а также профессор бывший генерал-лейтенант Б.М. Колюбакин, прибывший из Петрограда, где он пристраивал свои коллекции картин, гравюр и автографов (из-за боев на Каме Колюбакин был вынужден из Чистополя переехать в Казань, где соби-рался дождаться восстановления сообщения¹⁰²⁹).

Прибытие академии было как нельзя кстати для красных, испытывавших под Казанью острую нехватку генштабистов. Штаб советского Восточного фронта был завален работой, для выполнения которой имевшихся трех генштабистов было недостаточно¹⁰³⁰. Состояние других штабов также оставляло желать много лучшего. Штаб 5-й армии до конца августа фактически еще не был сформирован¹⁰³¹. Бывший полковник Н.В. Соллогуб в августе 1918 г. отмечал: «Должен сказать, что в Казани, когда я приехал, из лиц Генерального штаба в штабе фронта был я один и положение было таково, что там не имели сведений ни о том, где наши войска, ни где войска противника, и для того, чтобы поставить штаб фронта на должную вы-соту, я предложил разрешить пригласить бывших офицеров, как интеллигентных работни-ков, которые сколько-нибудь знают работу, причем я оговорил, что так как не желаю, чтобы меня обвиняли в сепаратных стремлениях, то всех офицеров я провожу через губернский комиссариат, который дает справку, насколько они замешаны или не замешаны в каких-ни-будь организациях. Я так сделал и получил в конце концов более или менее организованный штаб... То, что я увидел в поезде т. [К.А.] Мехоношина, способно только дискредитировать любую власть, но не привлечь какую-нибудь симпатию. С военной точки зрения это были люди совершенно не образованные и даже безграмотные»¹⁰³².

Командующий советским Восточным фронтом И.И. Вацетис хотел использовать слу-шателей академии для укрепления фронта и даже обращался с подобной просьбой еще до приезда академии, в конце июля 1918 г., в Высший военный совет и в Наркомат по военным делам¹⁰³³, однако из этого ничего не вышло. Как впоследствии вспоминал он сам, «команд-ный состав, как для Казанской дивизии, так и для рабочих дружин, мы полагали найти среди слушателей Военной академии, которая по моему ходатайству была эвакуирована в Казань. 2-го августа она прибыла и, разместившись в здании Коммерческого училища, приступила к своим военно-научным занятиям»¹⁰³⁴. На следующий день часть слушателей получила пред-писания отправиться в советские штабы¹⁰³⁵.

4 августа Вацетис встретился с преподавателями и слушателями. По описанию Ино-странцева, советский командующий поздоровался со всеми членами конференции и уехал.

¹⁰²⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 236. История Оберюхтина довольно любопытна. Он попал в плен к немцам при отступлении от Минска в феврале 1918 г. и находился в плену до июля 1918 г., 11 июля 1918 г. через Москву и Казань был отправлен в Екатеринбург в академию на должность заведующего обучающимися и преподавателя. Он прибыл в Казань и явился в штаб Восточного фронта 15 июля, а на следующий день был прикомандирован к штабу фронта с исполнением обязанностей квартирьера академии, эвакуировавшейся в Казань. По прибытии ака-демии 1 августа был зачислен в нее и далее летом 1918 г. разделил ее судьбу (РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 316. Л. 200–208).

¹⁰²⁹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 4. Л. 429.

¹⁰³⁰ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 249.

¹⁰³¹ РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 909. Л. 17.

¹⁰³² РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 26. Л. 2–3.

¹⁰³³ Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.): в 4 т. Т. 1: Ноябрь 1917 г. – март 1919 г. М., 1971. С. 408.

¹⁰³⁴ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 398–399.

¹⁰³⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1628. Л. 32.

Рябиков отметил, что «представление состоялось и прошло очень быстро, так как каждый называл лишь свою фамилию, а Вацетис, имевший довольно смущенный вид, почти ничего не говорил. Он даже сказал, что напрасно вы беспокоились, так как он не имел этого “представления”, а только хотел посетить академию»¹⁰³⁶.

В мемуарах Вацетиса его встреча с персоналом академии изложена по-другому. Перед ним предстали порядка 50 слушателей, тогда как остальные находились в кратковременных отпусках или были откомандированы в 3-ю армию. Выступив перед слушателями, Вацетис попросил выйти вперед тех, кто согласен участвовать в защите Казани в рядах 5-й армии. Вышло не более 5–6 человек. «Остальные, — писал Вацетис, — в том числе, вероятно, и попевшие уехать в отпуск, по-видимому, не имели готового решения в вопросе, на чью сторону стать, и заняли если не враждебную, то, во всяком случае, выжидательную позицию. Среди профессуры тоже не нашлось желающих стать в ряды Красной армии. Таким образом, мои хлопоты о переводе академии в Казань оказались напрасными...»¹⁰³⁷ По мнению Вацетиса, такая академия не была нужна Красной армии¹⁰³⁸. В опубликованном варианте воспоминаний Вацетис указал, что позвал начальника академии Андогского и заявил ему, что академия считается распушенной и может расхотиться на все стороны¹⁰³⁹. Впрочем, вряд ли это имело место на самом деле. Как отмечал он впоследствии, «старая академия продолжала существовать [в РККА] как слепая кишка в организме, пока не случился с ней тот аппендицит, который потребовал ее удаления»¹⁰⁴⁰. Впрочем, за этой жесткой оценкой вполне могло скрываться стремление оправдаться за потерю академии в Казани, произошедшую в том числе вследствие ошибочных распоряжений самого Вацетиса.

Противоположное свидетельство содержат мемуары Иностранцева, согласно которым Вацетис накануне сдачи Казани собрал слушателей академии, служивших в штабе фронта, и заявил им: «Казань удержаться не может, и белые возьмут ее, если не сегодня, так завтра. Штаб фронта придется уводить. Вы, как кадровые офицеры, конечно, знаете, что вам надо делать. Мне же остается лишь сырая могила»¹⁰⁴¹. Впрочем, этот рассказ представляется маловероятным. В тот же день группа слушателей была направлена в распоряжение Вацетиса¹⁰⁴².

Иностранцев отмечал, что «по сравнению с Екатеринбургом Казань представляла собою кипящий революционный котел, в котором рекомендовалось не задерживаться»¹⁰⁴³. В городе проводились облавы, в связи с чем Андогский рекомендовал всем разъезжаться по частным квартирам, что и было сделано. Группа профессоров и преподавателей (Б.М. Колубакин, В.И. Сурин, А.Д. Сыромятников, В.Л. Томашевский) разместилась в особняке казанского

¹⁰³⁶ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 123.

¹⁰³⁷ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 399.

¹⁰³⁸ Там же. Л. 400.

¹⁰³⁹ *Вацетис И.* К пятилетию Военной академии РККА (Страничка из воспоминаний) // Военная академия за пять лет. М., 1923. С. 28.

¹⁰⁴⁰ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 626.

¹⁰⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 402.

¹⁰⁴² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648. Л. 180об. А.П. Булавинов, Ф.Н. Бунак, Б.Э. фон Вах, Влесков, Н.И. Герасимович, Г.М. Горбачевский, П.К. Гренгаген, Н.И. Гуммель, П.Я. Даукш, А.Г. Ефимов, Д.Н. Зайцев, И.В. Зуев, В.В. Каплинский, А.И. Колесниченко, С.Н. Кравцов, Л.Л. Ловцевич, В.П. Озолин, М.С. Перестай, Н.Г. Позаченюк-Старжинский, Б.Ф. Пуляшко, Г.Ф. Радоман, П.К. Семенов, С.А. Скрыбин, Н.В. Соколов, В.Н. Троицкий, В.В. Шмигель, В.В. Яхимович. Впрочем, через несколько дней они все перешли в антибольшевистский лагерь.

¹⁰⁴³ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 376.

профессора А.Н. Казем-Бека, служившем для академии сборным пунктом и местом, где заседала конференция¹⁰⁴⁴. П.Ф. Рябиков нашел частную квартиру, причем на случай бегства квартира находилась недалеко от кладбища, где можно было укрыться в стоявших открытыми склепах. Иностранцев, поселившийся на Пушкинской улице, планировал при необходимости укрыться в садах, спускавшихся к реке Казанке, а далее переправиться на другой берег, находившийся за городской чертой.

Вплоть до 5 августа, т.е. почти до перехода в антибольшевистский лагерь, персонал академии не получал в Казани продовольственных карточек¹⁰⁴⁵.

Оперативная информация профессорско-преподавательскому составу академии поступала от слушателей, работавших в штабе фронта, причем сам Андогский там бывал неоднократно. Как отмечал один из участников событий с советской стороны, «в городе и в самом штабе работала прекрасно организованная контрреволюционная группа офицерства, имевшая связи с различными городами Советской Республики и Москвой. В эту организацию были вовлечены чуть ли не все офицеры Казанского гарнизона и штаба Вост[очного] фронта (из всех офицеров штаба остались нам верными только 25–30 чел.). Мне думается, что в исходе боя в самом городе Казани организованное офицерство и сыграло решающую роль»¹⁰⁴⁶. Насколько такие резкие оценки достоверны, сказать трудно.

Рябиков вспоминал, что «все пребывание в Казани имело целью возможно менее себя выявить и о себе напоминать и выжидать событий, которые должны были разыграться и в Казани»¹⁰⁴⁷. Члены конференции даже не ходили в академию и лишь иногда встречались в городе.

В начале августа 1918 г. развернулась ожесточенная борьба за Казань, которая 7 августа была занята частями Народной армии Комуча. Якобы Вацетис убедил Троцкого в том, что положение Казани достаточно прочное. Возможно, свою роль сыграла работа на противника кого-то из штабных работников — бывших слушателей академии.

По свидетельству бежавших от белых осенью 1918 г. слушателей младшего ускоренного курса большевика А.А. Полякова и беспартийного, предположительно, В.М. Григоровича (фамилии в статье зашифрованы), падение Казани оказалось для них полной неожиданностью, так как ни комиссар академии, ни курсовые старосты их ни о чем не информировали¹⁰⁴⁸. «Нервность слушателей, находящихся в стенах академии, ввиду полной неопределенности положения достигла крайнего напряжения, собирались разрозненными кучками, выжидая распоряжений руководителей»¹⁰⁴⁹. Речь шла о слушателях младшего курса, тогда как старший класс 3-й очереди по тому же свидетельству держался обособленно. Это и неудивительно, если учесть, что на младшем курсе было немало большевиков, для которых

¹⁰⁴⁴ Ныне, по всей видимости, Казань, улица Карла Маркса, 40а на углу с Пушкинской улицей. Любопытно, что здесь в шахматном клубе неоднократно бывал В.И. Ульянов (Ленин) зимой 1888/89 г., о чем свидетельствует памятная доска на здании.

¹⁰⁴⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1610. Л. 907.

¹⁰⁴⁶ *Герман (Тихомиров) Т.* Борьба за Казань // Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредительской интервенции в 1918 г. Казань, 1924. № 1. С. 90.

¹⁰⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 123.

¹⁰⁴⁸ *Кин.* Мытарства старой академии Генерального штаба // ИН. 1918. 23 нояб. № 170. С. 4 (см. Приложения). Старостой ускоренного курса был А.Н. Голубятников (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1610. Л. 905). С другой стороны, иного оправдания попаданию в плен к противникам большевиков вернувшиеся в Советскую Россию слушатели дать не могли. В целом, данная статья содержит большое количество неточных данных.

¹⁰⁴⁹ *Кин.* Мытарства старой академии Генерального штаба. С. 4.

перспектива попадания в плен не сулила ничего хорошего. Часть слушателей младшего курса в итоге ушли к красным. Сделано это было как по идейным причинам, так и в силу обстоятельств (например, многие находились в это время в отпусках и командировках). Вместе с тем нами обнаружены упоминания не менее чем о 76 слушателях, попавших в антибольшевистский лагерь и поступивших в Народную армию и в другие формирования¹⁰⁵⁰. Вернувшиеся к красным утверждали, что академическое начальство в Казани провело совещание, на котором постановило не делать никаких выступлений.

В мемуарах профессора Иностранцева Вацетис представлен чуть ли не как тайный сторонник белых, что вряд ли имело место. Тем более что Вацетис с винтовкой в руках принимал даже личное участие в боях на улицах Казани¹⁰⁵¹. Впоследствии Андогский заявлял, что якобы Лацис приказал расстрелять членов конференции и слушателей¹⁰⁵². Едва ли дело могло обстоять таким образом. Никаких доказательств этому, кроме заявления самого Андогского, заинтересованного показать себя перед белыми жертвой большевиков, нет. Впоследствии опровергал эти утверждения и очевидец событий, противник Андогского, прапорщик Ф.Ф. Клепиков (позднее — адъютант недоброжелателя Андогского генерала В.В. Рычкова — одного из организаторов кампании против академии в конце 1918 г.). Тем не менее в день падения города у Андогского матросами был проведен обыск. Впоследствии выяснилось, что чекисты располагали списком членов академической конференции с указанием адресов тех частных квартир, в которых они поселились¹⁰⁵³.

Рябиков отмечал, что в связи с боями за Казань «на душе было и радостно, и беспокойно, так как мелкая случайность в виде, например, обыска или просто вторжения в дом красноармейцев¹⁰⁵⁴ могла сразу же нарушить все расчеты и надежды...

Особенно напряженно переживалась последняя ночь... Наконец рано-рано утром 25 июля ст[арого] ст[ария]¹⁰⁵⁵ слышу мерный звук движения пехоты и вижу в окно отряд чехов с красно-белыми значками, в полном порядке проходящих мимо дома.

Немедленно выбегаю, бросаюсь к чехам со словами приветствия и присоединяюсь к ликующим группам населения; кто-то мне сунул винтовку, с которой я и пошел разыскивать начальника академии.

На улице же встретил генерала Ю.Д. Романовского, стоявшего во главе местной белой организации и уже формировавшего отряд.

Радостно с ним расцеловавшись, пошел дальше. У А.И. Андогского уже был кое-кто из наших, выяснилось, что еще совсем недавно недалеко от квартиры Андогского был небольшой бой»¹⁰⁵⁶.

Одним из итогов взятия Казани стало то, что красные лишились своей Военной академии, в результате чего им пришлось в экстренном порядке с нуля создавать новую академию, что удалось осуществить к декабрю 1918 г.

¹⁰⁵⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1623. Л. 33–34об.; Д. 1628. Л. 50об.

¹⁰⁵¹ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 30. Л. 7.

¹⁰⁵² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 5. Л. 3об.

¹⁰⁵³ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 401.

¹⁰⁵⁴ Помню, напр[имер], что при начавшемся ливне у дверей нашего дома стояла группа красных, и мы с волнением ждали, что ворвутся к нам «обсусиваться», «попить чаю»... (примеч. П.Ф. Рябикова).

¹⁰⁵⁵ 7 августа по новому стилю.

¹⁰⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 124–124об.

Бои за Казань стали важным уроком для зарождавшейся Красной армии. Среди прочего стало ясно, что не все слушатели академии были за белых. Некоторая часть, не только в силу обстоятельств, но и по идейным причинам, пошла за большевиками. Не случайно находившийся под Казанью Троцкий издал 11 августа 1918 г. в своем поезде следующий приказ по Красной армии и военному флоту: «В полученных мной донесениях указывается, что многие молодые генштабы (то есть “офицеры Генерального штаба” последних выпусков) в недавних боях на Восточном фронте сражались героически. Считаю долгом своим довести об этом до сведения всей страны. Стало быть, старое кадровое офицерство выделило из себя не одних изменников и тушинских перелетов¹⁰⁵⁷, которые продают себя поочередно каждой из воюющих сторон. Среди молодых “генштабов” немало таких, которых революция связала с рабочим народом и советской властью. Честь им и место. Изменники будут раздавлены, а молодые генштабы будут призваны строить Рабочую и крестьянскую Красную армию возрожденной России»¹⁰⁵⁸. С этим был согласен и Вацетис, по свидетельству которого «молодые Генштаба, приданные штабу, исполняли свой долг честно и самоотверженно»¹⁰⁵⁹.

Андогский и Иностранцев отмечали, что освободившие город от красных подполковник В.О. Каппель и капитан А.П. Степанов оба учились в Военной академии. Если в отношении Каппеля сомнений в этом нет, то со Степановым имеет место определенная путаница. В академии учился Александр Петрович Степанов, окончивший ее в 1912 г., имевший на 1917 г. звания подполковника и полковника, а в период Гражданской войны служивший на белом Юге. Однако к освободителю Казани, своему полному тезке, находившемуся в 1917 г. в чине штабс-капитана и капитана и служившему в отдельном Чехословацком стрелковом корпусе, он отношения не имел. Вместе с тем среди документов об отчисленных в марте 1917 г. по собственному желанию с подготовительных курсов 2-й очереди Николаевской военной академии удалось обнаружить упоминание исполняющего должность обер-офицера для поручений при штабе XXXIX армейского корпуса 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка капитана Степанова¹⁰⁶⁰. Поскольку курсы открылись 1 февраля 1917 г., Степанов проучился на них около полутора месяцев, рапорт его об откомандировании в штаб своего корпуса датирован 16 марта 1917 г.¹⁰⁶¹ Разумеется, по дореволюционным правилам он не мог считаться генштабистом.

Однако казанский Степанов всячески подчеркивал свою принадлежность к корпорации генштабистов. В Бахметевском архиве Колумбийского университета автору удалось обнаружить любопытное свидетельство, проясняющее этот момент и указывающее на определенный авантюризм Степанова. По воспоминаниям лично знавшего Степанова и также обучавшегося на ускоренных курсах академии полковника Е.Э. Месснера, «когда за Волгой появился [Чехословацкий] легион, Степанов снова вступил в его состав (командиром полка, как и прежде). Стал делать быструю карьеру и во времена Директории стал полковником и командиром одного из корпусов. Затем его карьера как-то и почему-то оборвалась. В конце 20-х годов он с женой появился в Белграде и просил Военное министерство дать ему должность, как офицеру Генерального штаба. Министерство запросило Общество офицеров Ге-

¹⁰⁵⁷ Тушинские перелеты, тушинцы — перебежчики в лагерь Лжедмитрия II в период Смуты в 1608–1609 гг.

¹⁰⁵⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 23. Л. 29.

¹⁰⁵⁹ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 30. Л. 9.

¹⁰⁶⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1583. Л. 42–46об.; Д. 1595. Л. 588.

¹⁰⁶¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1611. Л. 211об.

нерального штаба. В общество был вызван Степанов для дачи объяснения, каким образом он стал офицером Генерального штаба? Он показал адресованное ему письмо ген. Дитерихса, который по какому-то случаю просил Степанова "...позаботиться о наших, офицеров Генерального штаба, семьях. Мы Вас считаем своим". Эти слова "мы Вас считаем своим" Степанов толковал как включение его в корпус Генерального штаба. Общество офицеров Генерального штаба, конечно, с таким толкованием не согласилось (мне в связи с этим г-жа Степанова сказала, что в этом обществе — "ужасные люди") и об этом сообщило Военному министерству. Последнее дало Степанову службишку в интендантстве. Это Степанова не устроило, и он задумал снова ставить ставку на чехов»¹⁰⁶².

Ценнейшее и подробное свидетельство о захвате личного состава академии в Казани оставил близкий друг и соратник известного политического деятеля того времени, руководителя «Союза защиты Родины и свободы» Б.В. Савинкова по подпольной борьбе прапорщик Ф.Ф. Клепиков. Клепиков участвовал в уличных боях при штурме Казани начиная с 5 августа, вместе с полуэскадром корнета Б.К. Фортунатова из отряда Каппеля, чехословаками капитана А.П. Степанова, сербами майора М. Благодича и группой савинковцев под началом поручика Балуева. 6 августа штаб отряда располагался на Рыбнорядной улице, куда в этот день прибыл еще один из савинковцев генерал-лейтенант Ф.П. Панов. С целью захвата штаба советского Восточного фронта, находившегося во флигеле гостиницы П.В. Щетинкина, небольшой отряд был выдвинут на Большую Проломную улицу. После захвата здания штаба Клепиков с двумя офицерами стал прочесывать город, стремясь занять здание академии.

Поскольку Клепиков был командирован Савинковым в Казань еще в июле, после провала антибольшевистских восстаний в Ярославле и Рыбинске, он имел возможность ежедневно бывать в гостинице «Волга» с разведывательными целями и даже обедал там в ресторане. По утверждению Клепикова, он постоянно видел в ресторане начальника академии Андогского, профессора М.А. Иностранцева, слушателя бывшего ротмистра Б.Э. фон Ваха и др. Клепиков утверждал, что академия и ее персонал в Казани были размещены в очень хороших условиях. «Квартира для него [Андогского] реквизирована была на улице Гоголя, а визитная карточка его красовалась на номерной доске в гостинице "Волга". Без ведома большевистского учреждения по отводу комнат ни один домовый комитет в Казани комнат не уступал, а потому и для других чинов комнаты были предоставлены по способу красной реквизиции. Для академии было реквизировано здание коммерческого училища»¹⁰⁶³.

По мнению Клепикова, «вся академия Генерального штаба с профессорами и 300 обучавшимися старыми кадровыми офицерами прежней армии осталась на службе у большевиков добровольно с первого же дня большевистского переворота, которые создавали Красную армию и вели операции против белых войск и обслуживали советскую власть»¹⁰⁶⁴. Понятно, что белый подпольщик, люто ненавидевший большевиков, не собирался вникать в обстоятельства и причины пребывания академии у красных. Тем не менее его свидетельство о событиях в Казани уникально.

¹⁰⁶² BAR. Evgenii E. Messner Papers. Box 6. Месснер Е.Э. Шесть десятилетий всемирной революции. С. 2374.

¹⁰⁶³ НИА. D.A. Volkogonov Papers. Box 1. Folder 7.

¹⁰⁶⁴ Ibid.

Клепиков писал: «Вот к такому-то центру большевистской военно-государственной мысли, к гнезду “тушинцев” и предателей, носивших пентаграмму¹⁰⁶⁵, я бросился со своими двумя товарищами-офицерами. В гостиницу “Волга” мы вошли около девяти с половиной часов утра¹⁰⁶⁶».

Низ гостиницы был полон красноармейским Генеральным штабом. Все они суетливо толкались, готовясь броситься к Арскому полю, вслед за удиравшими красноармейцами, но еще не вполне ориентированные в истинном положении дел. Криками мы заставили их подняться на верхний этаж и, ворвавшись в коридор, заставили обитателей апартаментов выйти в коридор вместе с их дамами. Вышли и начальник академии и его достойнейшая профессура. Все они были в величайшем смущении и в полнейшем упадке духа: кончились золотые дни Аранжуэца¹⁰⁶⁷. Отделив дам и объявив их свободными, мы направили револьверы на господ руководителей победной мысли¹⁰⁶⁸ и загнали всех в угол коридора. Покорно, как бараны, трусливо сбились они в одну кучу, не оказав ни сопротивления, ни протеста. Объявив им, что они арестованы, я оставил для их окарауливания двух моих товарищей, бросился за сербским конвоем, чтобы препроводить всю академию в казармы сербского отряда майора Благодича. Я знал, что их там ожидает. Сербь отличались большою ненавистью к предателям, и пощады от них не было...»¹⁰⁶⁹

Освободившиеся женщины бросились в штаб командующего Северной группой войск капитана А.П. Степанова и потребовали освобождения своих мужей. Вскоре Клепиков получил записку командующего (он считал Степанова одним из выпускников академии), потребовавшего немедленного освобождения всех арестованных. Клепиков в связи с этим вспоминал: «Сопровождавшие меня офицеры весьма настаивали на немедленном расстреле во дворе гостиницы некоторых арестованных, а в особенности на расстреле начальника академии генерала Андогского — участника Брест-Литовского “похабного” мира. Но я, хватив сгоряча по родительскому поминанию в адрес командования Северной группы войск, принужден был повиноваться».

Взятая мною в плен красная академия Генерального штаба в составе около 350 человек на второй или третий день, за немногими исключениями, постаралась с разрешения штаба командования проскользнуть в Самару и далее в Сибирь. Жаль, что далеко не всех пленников-предателей постигает одинаковая участь: иные расстреливаются, а иные преблагополучно благоденствуют. Но история еще не сказала своего последнего слова...»¹⁰⁷⁰

В статье «Красная паутина», опубликованной в № 167 газеты «Свободное слово» (Тюмень) за 1919 г. и представлявшей ответ на статью Андогского об академии, Клепиков продолжил свои воспоминания о Казани. По его свидетельству, «Андогский оказался одним

¹⁰⁶⁵ Т.е. красную звезду.

¹⁰⁶⁶ В другой редакции того же текста указано время 9.20 (*Клепиков Ф.* Воспоминания о событиях при занятии города Казани чехословаками (из газеты «Свободное Слово» от 18 дек. 1918 г. № 117) // Наш путь (Чита). Ежемесячный журнал Дальбюро ЦК РКП. 1923. № 8. С. 51).

¹⁰⁶⁷ Цитата из трагедии «Дон-Карлос, инфант Испанский» И.Ф. Шиллера. Аранхуэс или Аранжуэц — дворец испанского короля.

¹⁰⁶⁸ В другой редакции добавлено «которых было человек 15» (*Клепиков Ф.* Воспоминания о событиях при занятии города Казани... С. 51).

¹⁰⁶⁹ НИА. D.A. Volkogonov Papers. Box 1. Folder 7. В коллекции Волкогонова хранится дефектная копия документа с нечитаемым в некоторых местах текстом. Уточнено по: BAR. V.F. Klement'ev Papers. Box 1.

¹⁰⁷⁰ НИА. D.A. Volkogonov Papers. Box 1. Folder 7.

из объектов, против которого мне пришлось применить силу и потому припомнить его в моих воспоминаниях. В гостинице “Волга” я его арестовал; если бы я тогда знал, что это он — то лицо, которое принимало участие в заключении “похабного” Брестского мира, я бы застрелил его там же, на месте, не считаясь ни с какими записками капитана Степанова. Подтверждаю, что он, Андогский, и сопутствовавшая ему клика трусливо под дулом моего револьвера сбились в кучу в коридоре гостиницы и не были сразу направлены в казарменную тюрьму сербского отряда майора Благодича только по отсутствию со мною конвоиров. Участники ареста — офицеры. По освобождении г. Казани предъявлю и других свидетелей, знающих г. Андогского и оказавших мне содействие»¹⁰⁷¹.

Думается, Клепиков несколько преувеличил собственную решимость, так как, если верить первоначальному его свидетельству, он прекрасно знал, как выглядит Андогский, и был вполне осведомлен о том, что тот участвовал в брест-литовских переговорах. Вопрос о том, достойно ли вел себя фанатичный Клепиков, угрожая револьвером безоружным и доброжелательно настроенным слушателям академии и немолодым преподавателям, оставим на его совести. Андогский и другие представители академии впоследствии факт ареста академии в гостинице отрицали¹⁰⁷².

Современники отмечали, что Андогский в Казани заискивал перед эсерами и в разговорах восторгался полководческим искусством Народной армии при взятии Казани¹⁰⁷³.

Непосредственно в день взятия Казани, 7 августа 1918 г., подполковник В.О. Каппель выдал Андогскому специальное удостоверение личности № 300, в котором рукой самого Андогского было написано: «Предъявитель сего есть действительно начальник академии Генерального штаба, профессор Александр Иванович Андогский, что подписью и приложением печати удостоверяется»¹⁰⁷⁴. Каппель был указан в документе как командующий войсками Народной армии. Документ заверил начальник штаба штабс-капитан М.М. Максимов. На документе стояла печать Самарского отряда Народной армии. Вероятно, выдача такого удостоверения требовалась для того, чтобы обезопасить начальника академии от тех, кто наподобие Клепикова стремился его расстрелять за сотрудничество с большевиками. В тот же день капитан Степанов затребовал себе семь слушателей старшего курса¹⁰⁷⁵. Соответствующие предписания тогда же были направлены слушателям¹⁰⁷⁶.

Выпускник ускоренных курсов капитан И.В. Зуев вспоминал: «Возможно, что академию спасло стремительное наступление из Сибири, вызвавшее эвакуацию из Екатеринбурга. Академии срочно приказано было выехать в Пермь, куда стремительно бежал и весь Екатеринбургский совдеп. За отъездом академии из Екатеринбурга, там осталось тайно около 70 слушателей, которые по занятии города чехами присоединились к ним и организовали дальнейшую борьбу с большевиками. По прибытии академии в г. Пермь, генералу Андогскому удалось выхлопотать отправление академии по р. Каме в Казань, куда она прибыла в конце июля 1918 года. В Казани в это время большевистскими войсками командовал гене-

¹⁰⁷¹ Ibid (см. Приложения).

¹⁰⁷² ГАРФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 7. Л. 28об.–30.

¹⁰⁷³ *Майский И.М.* Демократическая контрреволюция (из воспоминаний) // Красная новь (Москва). 1922. № 4 (8). С. 142.

¹⁰⁷⁴ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

¹⁰⁷⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1642. Л. 36об.

¹⁰⁷⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1628. Л. 35.

Удостоверение № 310. ⁵⁰⁴

Предъявитель сего сего дня
свидетелью Начальника Академии
Генеральшаго Штаба, про-
фессор Александр Иванович
Андогский, что подлинно и
приложенным печати удосто-
веряется. -

Командующий войсками
Народной Армии,

Ген. Штаба

Подполковник Каппелем

Начальник Штаба

Штаба-Казани Максимов

Казань.

" 7 " августа

1918г.

Удостоверение, выданное начальнику академии А.И. Андогскому
подполковником В.О. Каппелем в Казани 7 августа 1918 г.

РГВИА. Публикуется впервые.

рал¹⁰⁷⁷ Вацетис. В городе было напряженное положение — со стороны Симбирска к Казани приближались чехи. Чекист Латис [Лацис] настаивал перед большевистской властью о расстреле офицеров академии, штаб же генерала Вацетиса, помещавшийся в номерах Щеткина на Проломной ул., потребовал 10 слушателей для занятия должностей Генерального штаба. Через несколько дней по прибытии академии в Казань, смешанный русско-чешский отряд под командой капитана Степанова почти без боя занял Казань. Большевистские части, заслышав орудийные выстрелы отряда капитана Степанова, поспешно оставили Казань. Накануне оставления большевиками города генерал Вацетис конфиденциально объявил слушателям академии, находившимся в его штабе, что его войска ночью оставляют город и что они могут остаться в городе. Этот совет был выполнен. С прибытием в Казань чехов академия, оставив в штабе отряда капитана Степанова, переименованном в штаб Северной группы, 7 слушателей для занятия должностей Генерального штаба, выехала в г. Самару, а оттуда в г. Омск. И так академия после 10-месячного пребывания во власти большевиков наконец вырвалась к тем, кто был для всего состава ее наиболее близким и желанным. Беспристрастная история по заслугам оценит деятельность начальника академии генерала Андогского за этот десятимесячный период. Что же касается всего личного состава академии, то прибытие около 200 кадровых офицеров, подготовленных к службе на должностях Генерального штаба, было ценнейшим вкладом, какой могла преподнести Военная академия русским войскам, дравшимся за имя, честь и процветание дорогой нам России»¹⁰⁷⁸. В этом свидетельстве интересно указание на тайную рекомендацию Вацетиса, если, конечно, эти данные достоверны. Кроме того, они соответствуют воспоминаниям профессора Иностранцева. Однако в неопубликованных мемуарах Вацетиса приведены иные сведения.

* * *

Итак, обе части академии оказались в антибольшевистском лагере. Если казанская часть была захвачена Народной армией, то екатеринбургская — Сибирской армией. Эти армии были различны по своей политической ориентации и подчинялись разным правительствам. Тем не менее факт перехода обеих частей академии на сторону антибольшевистских сил подтверждает добровольность случившегося. Вместе с тем этот переход произошел при столь сложной обстановке на фронте, что в зависимости от политической конъюнктуры перешедшие с одинаковым успехом могли говорить о том, что попали в другой лагерь добровольно, либо о том, что были захвачены в плен, не имея возможности избежать пленения.

Рассмотрим, как распределились между противоборствующими лагерями слушатели академии. В Народную армию, по имеющимся документам, были привлечены 79 (нами поименно установлены 80 – один слушатель, числящийся среди командированных в Народную армию, находился в отпуску) слушателей старшего класса¹⁰⁷⁹. 90 слушателей известны среди привлеченных в Сибирскую армию. Всего же в антибольшевистских формированиях на Востоке России оказались не менее 170 слушателей старшего класса 3-й очереди. В РККА из слушателей старшего класса остались к осени 1918 г. не менее 28 человек¹⁰⁸⁰, причем сре-

¹⁰⁷⁷ Так в документе, на самом деле — бывший полковник.

¹⁰⁷⁸ Зувев И.В. Первый этап тернистого пути академии Генерального штаба // Георгиевский день (Харбин). 1932. 9 дек. С. 11 (ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 104; см. Приложения).

¹⁰⁷⁹ РГВА. Ф. 39465. Оп. 1. Д. 6. Л. 33об.

¹⁰⁸⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 20. Л. 4–7об. Дополнено по собственным изысканиям.

ди оставшихся по причине болезней, отпусков, командировок или арестов были противники большевиков и даже белый подпольщик К.Н. Староскольский, позднее все же перешедший к белым. Не менее 4 слушателей уже в 1918 г. попали в национальные армии (в том числе уехав в отпуск). Два слушателя погибли на Урале летом 1918 г. Местопребывание еще семи летом—осенью 1918 г. предстоит уточнить. Исходя из этих данных, 80,6% слушателей перешли к противникам большевиков на Востоке России и лишь 13,3% остались в РККА.

При взятии Казани часть слушателей младшего ускоренного курса разбежались. М.А. Иностранцев утверждал, что остались не более 15 человек из 75 приехавших с академией. Однако генерал вольно или невольно искажил реальную картину. По документам академии, на сторону Народной армии перешли практически все прибывшие в Казань — 73 человека. Некоторые оказавшиеся в Казани считались военнопленными и позднее перебежали к красным. Кроме этой группы несколько слушателей ускоренного курса, состоявших в подпольной организации К.Ю. Румши, остались в Екатеринбурге и в итоге поступили в Сибирскую армию. Всего в разных местах на сторону антибольшевистских сил перешли 80 слушателей младшего ускоренного курса, 12 остались в РККА, 16 находились в отпусках, и данные еще о семи неизвестны¹⁰⁸¹. Следовательно, 69,6% слушателей младшего курса попали в антибольшевистский лагерь и только 10,4% остались в РККА. Процент перешедших к противникам большевиков закономерно ниже аналогичного показателя в старшем классе, но тем не менее также крайне высок.

Интересно, что перешедшие в августе 1918 г. настаивали на продолжении обучения в академии (впрочем, дело с их ходатайствами в советское время было уничтожено¹⁰⁸²). Слушатели провели совещания по текущему моменту, причем представители младшего курса составили перечень вопросов, ответы на которые необходимо было получить у новых властей: «1) Будут ли слушатели арестованы? 2) Как будут власти считать слушателей — гражданами или военнослужащими? 3) Каково будет отношение властей к академии: как вообще к учебному заведению или [как к] военно-учебному?»¹⁰⁸³ К помощнику управляющего военным ведомством Комуча В.И. Лебедеву была направлена делегация из двух подполковников, которые должны были способствовать избавлению от тюрьмы и расстрела оставшихся слушателей-большевиков.

Как справедливо отмечалось в советском отчете о деятельности академии Генштаба РККА, от старой академии остался «лишь самый незначительный состав преподавателей и слушателей, случайно отсутствовавших в то время из Казани¹⁰⁸⁴ или успевших своевременно выехать из нее»¹⁰⁸⁵.

¹⁰⁸¹ В Екатеринбурге остались и после взятия города чехами и белыми поступили на службу в Сибирскую армию 7 слушателей. Из эвакуировавшихся в Казань в Народную армию поступили 73 (РГВА. Ф. 39465. Оп. 1. Д. 6. Л. 33об.). С 10 августа 1918 г. они были привлечены в части Народной армии в Самаре (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 28. Л. 37). Рекомендации в пользу благонадежности этой категории слушателей для службы в Сибири дал начальнику штаба Сибирской армии генерал-майору П.А. Белову сам А.И. Андогский, охарактеризовавший их как безупречных кадровых офицеров (Там же. Л. 37об.). Таким образом, утверждение А.Г. Кавтарадзе о том, что 125 слушателей ускоренного курса остались верны советской власти (*Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 88*), ошибочно (подробные списочные данные см. в Приложениях). Как уже отмечалось, на ускоренный курс прибыли только 115 человек.

¹⁰⁸² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 118. Л. 5.

¹⁰⁸³ *Кин. Мытарства старой академии Генерального штаба. С. 4* (см. Приложения).

¹⁰⁸⁴ Так в документе.

¹⁰⁸⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 463об.

По некоторым данным, Андогский добился от Лебедева признания академии новыми хозяевами Казани «государственным экстерриториальным учебным заведением»¹⁰⁸⁶. Также были получены заверения в том, что репрессий не будет, однако всех слушателей младшего курса отчислили от академии и по приказанию управляющего военным ведомством Комуча от 7 августа 1918 г. откомандировали в части Народной армии¹⁰⁸⁷. По свидетельству вернувшихся к большевикам осенью 1918 г. слушателей, роспуск был вызван сомнительным политическим прошлым курса¹⁰⁸⁸.

Занявшие Казань силы Народной армии раздали персоналу академии оружие (каждый получил трехлинейную винтовку со штыком, две патронные сумки, шашку солдатского образца и наган). По словесному приказу В.И. Лебедева вечером 8 августа академии надлежало погрузиться на пароход для отправления в Самару в распоряжение Комуча. Лошади перевозились на барже, которая теперь не была пришвартована к борту, а соединялась с пароходом буксирным тросом. На всякий случай пароход был вооружен двумя пулеметами (на носу и на корме), а личный состав академии Андогским был разделен на два взвода со старшими во главе каждого, причем намечено было нести шестичасовые дежурства и находиться в постоянной боеготовности на случай нападения. Слушатели младшего ускоренного курса утверждали, что вооружены были только старшеклассники¹⁰⁸⁹. В Казани был оставлен груз академического кооператива со слушателем Н.Н. Савельевым¹⁰⁹⁰. Кроме того, остались слушатели Л.Л. Ловцевич и В.С. Тимофеев¹⁰⁹¹.

9 августа академия на пароходе «Амур» прибыла в Симбирск и в тот же день отправилась далее в Самару, куда прибыла на следующий день¹⁰⁹². Составу академии было предписано оставаться на борту до получения распоряжений от управляющего военным ведомством Комуча полковника Н.А. Галкина, который лично знал некоторых представителей академии. Андогский переход от красных к эсерам прокомментировал следующим образом: «Думаю, что это все же лучше. По крайней мере, жизни нашей не будет грозить ежеминутной опасности, и мы будем сыты»¹⁰⁹³. Тогда же была отправлена успокоительная телеграмма в Екатеринбург, прояснившая оставшимся там сотрудникам и родственникам служащих судьбу казанской части академии¹⁰⁹⁴. По свидетельству подполковника И.С. Ильина, «из Казани на баржах прибыла академия Генштаба во главе с ген[ерал]-майором Андогским. Штаб наш сильно разбух. Было много интересных рассказов про Екатеринбург, куда большевики эвакуировали академию»¹⁰⁹⁵. «Ген. Андогский, нач[альник] академии, и все слушатели были прикомандированы к нашему штабу, однако никто никакого назначения не получал. Академия, со всеми слушателями, служащим персоналом, лошадьми, канцелярией, архивом, помещалась на большой барже, ко-

¹⁰⁸⁶ Кин. Мытарства старой академии Генерального штаба. С. 4.

¹⁰⁸⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 237об.

¹⁰⁸⁸ Кин. Мытарства старой академии Генерального штаба. С. 4.

¹⁰⁸⁹ Там же.

¹⁰⁹⁰ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 33. Л. 4.

¹⁰⁹¹ Там же. Л. 3.

¹⁰⁹² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 16. Л. 78–79; РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–2.

¹⁰⁹³ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 404.

¹⁰⁹⁴ Получена в Екатеринбурге 11 августа. По свидетельству А.Т. Антоновича, «остававшиеся здесь, в Екатеринбурге, семьи, изболевшиеся душой за судьбу близких, ликуют, торжествуют и учитывают время прибытия» (Дневник генерала Антоновича. С. 385).

¹⁰⁹⁵ Ильин И.С. Комуч // Новый журнал (Нью-Йорк). 1961. Кн. 65. С. 223–224.

торая стояла у берега против дома Сурошников. Старые офицеры Генштаба — Болдырев, Розанов, Андогский, его помощник полк[овник] Слижиков неистово критиковали Галкина, [э]с[е]ровского “высочку”, порядки в штабе, новый устав и т.д.»¹⁰⁹⁶.

Постановлением Комуча академия получила наименование «Всероссийская академия Генерального штаба», что было объявлено в приказе по академии № 24 от 15 августа 1918 г.¹⁰⁹⁷ На заседании Комуча 14 августа помимо переименования академии было вынесено постановление «принять меры к тому, чтобы личный состав академии и имущество ее были задержаны на территории Комитета членов Учредительного собрания»¹⁰⁹⁸. Однако выполнить это решение на деле оказалось невозможно. С академией Народная армия рассталась довольно быстро и без особого сопротивления. Вероятно, это случилось под давлением чехословацкого командования, с которым контактировал Андогский.

С 7 августа 1918 г. на антибольшевистской территории «всем чинам постоянного и переменного состава [надлежало] именоваться теми чинами и званиями, кои они имели до большевистского переворота»¹⁰⁹⁹. Руководство академии встречалось с руководителями военного ведомства Комуча и представителями чешского командования, причем начальник полевого штаба фронта полковник С.А. Щепихин даже выступил перед конференцией академии с докладом о положении на фронте.

11 августа в Самаре состоялось заседание конференции академии, на котором обсуждались текущие события. Среди прочего, был затронут вопрос о поведении ординарного профессора А.Ф. Матковского, который не выполнил постановления конференции о выезде из Екатеринбурга и подверг академию опасности. Матковскому было предложено оставить академию, он был исключен из состава конференции академии, а впоследствии отчислен от должности профессора с 9 сентября 1918 г. Постановление конференции от 11 августа было подтверждено на заседании 20 августа в Екатеринбурге.¹¹⁰⁰

¹⁰⁹⁶ Там же. С. 236–237.

¹⁰⁹⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 16. Л. 77.

¹⁰⁹⁸ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Июнь–октябрь 1918 года). М., 2011. С. 63.

¹⁰⁹⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 16. Л. 75.

¹¹⁰⁰ 3 сентября 1918 г. возмущенный Матковский составил в Омске заявление в конференцию академии, в котором изложил обстоятельства своего дела и детали подготовки эвакуации академии из Екатеринбурга. Представляется, что этот документ интересен для истории академии и характеристики настроений профессорско-преподавательского состава в решающий период, поэтому приведем его в полном объеме:

«Отношением за № 214 от 20 августа 1918 года начальник академии сообщил мне постановление конференции от того же числа: “Принимая во внимание постановление конференции от 11 августа с.г. в Самаре и заслушав в сегодняшнем заседании объяснения профессора Матковского об обстоятельствах, оправдывающих неисполнение им общего постановления конференции о выезде при насильственной эвакуации академии из Екатеринбурга 23–24-го июля с.г., конференция закрытою баллотировкою большинством голосов постановила:

- 1) оставить в силе постановление от 11-го августа в Самаре,
- 2) предложить профессору Матковскому подать рапорт об отчислении от академии,
- 3) в случае отказа от подачи рапорта войти с представлением к военному министру Сибири об отчислении профессора Матковского от должности ординарного профессора академии”.

Постановление конференции от 11 августа (в Самаре) мне было сообщено на словах: “Принять отставку профессора генерал-майора Матковского”. Прежде изложения своего решения считаю нужным для истории академии письменно очертить ту обстановку, о которой я устно докладывал конференции.

Блестящие действия чехословацких и сибирских войск заставили большевиков около половины июня эвакуировать Екатеринбург.

В связи с этим числа 18 июля начальником академии было доложено конференции устное (здесь и далее подчеркнуто в документе. — А.Г.) приказание вр[еменно] командующего фронтом Белицкого эвакуировать личный состав академии, чтобы не послужил впоследствии кадром для формирования Народной армии, как то было в Челябинске, Омске и пр.

Возможность расстаться с большевиками, с тем их покровительством, которое причиняло большие нравственные муки, с той их самонадеянностью, которая позволяла им, даже простым красноармейцам, называть академию “нашей”, а в последний месяц перекрестить ее в академию Красной рабочей и крестьянской армии, возможность такой разлуки улыбалась, несомненно, всем. Однако опасение могущих быть эксцессов со стороны большевиков заставило конференцию наметить такую резолюцию: “Принять к сведению (или исполнению?) приказание вр[еменно] командующего фронтом, просить подтвердить его письменно и приступить к подготовке эвакуации, возбудив ходатайство о вывозе всего имущества и библиотеки”. Последнее делалось для выигрыша времени. Эта резолюция не баллотировалась в тот день: прения были очень продолжительные. Не баллотировалась она и на другой день, хотя утверждать этого не могу, ибо первый час заседания конференции я был на лекции. Мне представлялось, что желание всех было не эвакуироваться, а спастись от эвакуации, выиграв время. Была баллотирована или нет упомянутая резолюция, не играет даже значения, ибо она писалась для большевиков, а отнюдь не представляла желания конференции, которому необходимо было подчиниться обязательно всем. О необходимости такого подчинения не было речи вовсе, все время речь шла о том, как бы не навлечь эксцессов своим ответом и не возбудить подозрения в нежелании эвакуироваться, никому не хотелось верить, что все-таки придется уехать, так как чехи и сибирские войска не поспеют вовремя.

В заседании конференции на другой день было получено от комиссара академии Смильга (так в документе. — А.Г.) сообщение, что “вопрос об эвакуации академии должна решать тройка — Троцкий, Андогский и Смильга” — и что Смильга просит начальника академии к себе. Заседание было прервано, и с этой поры вопрос решения перешел в руки начальника академии.

Вышел приказ академии, где было прямо сказано, что командующий фронтом приказал эвакуировать весь личный состав академии и часть имущества, почему приказываю то-то и то-то.

Твердо уверен, что память мне не изменяет и что в приказе этом про постановление конференции не было ни слова (Приказание 19 июля 1918 г., подписанное прав[ителем] дел и передающее распоряжение н[ачальни]ка академии. Позднейшая справка).

Вот как был разрешен вопрос об эвакуации академии. Постановления конференции не было, было лишь подчинение ее распоряжению большевиков, вернее, приведение этого распоряжения в исполнение начальником академии. Изложенное подтверждается и тем, что [в] вышеупомянутом в начале моего заявления номере 214 не указано, какого числа состоялось такое постановление, не говоря уже про его содержание, между тем как другие два постановления, о коих идет речь там же, зачислованы (от 11 августа и от 20 августа).

Продолжаю изложение фактической стороны. С первого заседания об эвакуации я явился и принципиальным и личным противником ее, указывая, что я понимал эвакуацию академии из Петрограда от немцев, но теперь? Что ни по моральным, ни по семейным и имущественным условиям (вся семья и все имущество при мне) я не могу уехать из Екатеринбурга. Я спрашивал, во имя чего должен жертвовать интересами своей семьи? Говорил, что на службу к большевикам не поступал, с ними ни с одним в сношение не вступал, ничего им не обещал, не имею пред ними никаких обязательств, и они на меня не имеют никаких прав, что если нас недавно перекрасили в академию Красной рабочей и крестьянской армии, то это против моей воли и желания. Так как прения затягивались (выяснилось нежелание эвакуироваться, говорили, что от большевиков все, включая крестьян, отвернулись, как можно к ним ехать и т.д.), то начальник академии профессор Андогский поставил вопрос, что будет делать каждый, если категорически прикажут эвакуироваться. Профессор Христиани сказал: “Ни за что не поеду, подам в отставку”. Профессор Медведев: “Уйду в отставку, если дадут пенсию... прикажут — поеду, но не ручаюсь, что не сбегу с ближайшей станции” и т.д.

Я ответил, что так как при нынешнем укладе жизни нет в настоящее время человека, который был бы обязан исполнить мои приказания, то я считаю, что нет человека, приказы коего я обязан был бы исполнить, и поэтому я интересуюсь, прежде всего, постановлением конференции, с коим только и буду считаться.

Начальник академии еще раз спросил: “Ну, а если прикажут?” Я ответил, что подам в отставку. То есть, как тогда, так и теперь, я считаю, что намеревался подать в отставку распоряжавшемуся тогда академией Троцкому, а вовсе не конференции, с которой не расходился, ибо разговоры шли лишь о подчинении распоряжению Троцкого, а вовсе не о эвакуации всерьез. Повторяю, почти все надеялись, что Екатеринбург падет раньше эвакуации.

Начальник академии вместе с комиссаром академии Смильга решили кроме личного состава взять еще часть учебных пособий, чтобы в Приморье (указание на Приморье — непонятно, планов эвакуации туда тогда не было. — А.Г.) или Казани открыть “полевое” отделение академии. По этому вопросу я говорил в конференции, что мы должны открыто и искренне сознаться, что открытие занятий ненужная и несбыточная иллюзия, что мы обратимся в странствующую труппу и что необходимо заявить Троцкому, что по военным условиям занятия в академии должны быть прерваны, имущество и библиотека оставлены в Екатеринбурге ввиду их государственного значения и несомненной гибели при спешной перевозке, личному же составу должна быть предоставлена полная свобода действия, причем если кто большевикам опасен, то пусть они его вывозят. Я считал, что иметь дело тогда им пришлось бы не с учреждением, а с отдельными лицами, коим всегда легче скрыться.

Накануне погрузки начальник академии ввиду разрешения оставить небольшую комиссию для присмотра за имуществом предложил выбрать для этой цели трех, а потом согласился на четырех [членов].

Конференция, несмотря на возражения начальника академии, решила оставить в Екатеринбурге еще часть лиц по семейному и личному положению. Сначала баллотировался последний вопрос. Считая, что мое затруднительное семейное положение известно конференции, я [в] этот раз не выдвигал особо своей кандидатуры, а всячески поддерживал других — препод[авателей] Киященко и Осипова и даже выдвинул полковника Антоновича, вдовца с тремя детьми. Тем более что мне было известно желание части конференции провести меня в члены комиссии. В результате перед баллотировкой начальник академии подчеркнул, что таким образом имеются три заявки. Я, не предполагая исхода такого, как потом получился, не хотел вступать в пререкания с председателем, которых и без того у меня было несколько ввиду различных исходных точек зрения на многое. Тем более что характер заседания был крайне нервный, председатель говорил больше и чаще всех, правитель дел и некоторые другие члены говорили, что надо нам возможно скорее разойтись, т.к., пользуясь тем, что мы в сборе, большевики постараются покончить с нами. Я не разделял этой тревоги как вообще враг всякой паники и т.к. считал нужным важные вопросы решать не торопясь. Конференция большинством голосов и избрала трех упомянутых, добавив к ним профессора Христиани и Медведева по старости.

Далее начальник академии поставил вопрос: “Можно ли в комиссию избрать лиц уже избранных для оставления по семейному и личному положению”. Ответ, конечно, получился положительный. Но ведь таким решением сводилось на нет прежнее решение конференции — расширить круг оставляемых лиц, против чего был начальник академии. Теперь очевидно было, что он настоял на своем. Я не возражал, ибо вообще [в] конференции нынешнего состава за исключением меня редко кто возражал начальнику академии. Предпочитали с ним соглашаться во всем. Мне самому же надоело оказываться в роли единственной оппозиции. Получилось же из такого хода вопросов то, что и в комиссию выбрали тех же трех лиц и проф. Христиани. Следовательно, категорию лиц, оставляемых по семейному и личному положению, составил один профессор Медведев, а их могло быть и больше.

У меня же оказалось девять голосов “за” и девять “против”. И это несмотря на то, что начальник академии подчеркивал, что, согласно распоряжения большевиков, в Екатеринбурге не могут быть оставляемы лица с боевым опытом. Имея, таким образом, за себя половину членов конференции, считая, что конференции известно мое окончательное решение не уезжать, зная, что мое оставление в Екатеринбурге никому, кроме меня, повредить не может (как и не повредило), я просил конференцию обсудить мое семейное положение. На это конференция постановила принципиально не обсуждать этого вопроса ввиду аналогичного положения и других членов, напрасно я доказывал, что полной аналогии нет, что вообще нельзя принимать решения, пользуясь лишь методом сходства и упуская метод различия. Что аналогия отчасти может быть проведена лишь в отношении профессора Андогского. Что тогда надо разрешить и ему остаться, а не отказывать в обсуждении положения другого. Что профессор Андогский прочно известен как начальник академии в советских кругах и его оставление в Екатеринбурге незаметным пройти не может, да и он сам этого не хочет.

Тогда я подал рапорт о назначении комиссии для освидетельствования меня на предмет увольнения в отставку по болезни. Принимая от меня этот рапорт, начальник академии спросил меня, окончательно ли это мое решение. Я ответил, что еще пять дней назад докладывал конференции, что ехать не могу, и следовательно, если бы теперь поступил иначе, то всякий мог меня не уважать. Тогда профессор Андогский сказал: “Надеюсь, что ты не откажешь вернуться в академию при лучших временах” и добавил: “Если бы я был только профессором, то сделал бы так же, как ты” (эти слова были мною проведены в конференции 20-го августа и подтверждены *без всяких оговорок* проф. Андогским). Расставание мое с членами конференции было самое сердечное: я не помню ни одного члена конференции, с коим бы мы не поцеловались и не по моей инициативе. Укажу, например, на лиц, с коими никогда не был

в близких отношениях. Проф. ген. Иностранцев уговаривал меня не подавать в отставку, советовал не рисковать своей семьей ввиду большевиков вообще, Троцкого в частности, говорил, что сам он было подал в отставку (доехав до Казани, он вновь подавал в отставку), но А.И. Андогский уговорил его. Преподаватель ген. Рябиков определенно мне заявил, что он за меня. Про лиц, меня поддерживавших (шесть, а сначала девять), говорить не буду. Что обстановка для лиц, оставшихся в Екатеринбурге, казалась серьезной, видно из того, что по отъезде членов конференции на вокзал в здании академии на ночь осталась одна моя семья. Остальные с детьми разошлись по знакомым. Говорили, что начальник академии предупредил свою семью о нежелательности оставаться ночью в здании академии. Я ничего не знал. Потом передавали, что было опасение, что большевики придут расправляться со мной, как не уехавшим. Не верю этому, но факт переезда других и оставления одной моей семьи в здании академии в ночь на 24-е июля остается фактом. Академия (в том числе одиннадцать лиц состава конференции) уехала в четыре часа дня 24 июля. Мое оставление в Екатеринбурге ни в каком отношении не помешало благополучию уехавших, вплоть до их возвращения в Екатеринбург. Это было моей уверенностью и тогда, так же думали тогда и другие, что видно из вышеизложенного и из того, что [ни] вся конференция, ни кто-либо в отдельности не говорил мне о необходимости ехать для какой-либо цели (напр[имер], ради спасения академии, ради исполнения постановления (?) конференции и пр.). Говорили мне лишь о моих интересах, риске собой и семьей из-за мести большевиков, нежелательности потери для академии ординарного профессора и пр. Но никто, подчеркиваю, и к т о не сказал мне и, я уверен, тогда не думал, что я намереваюсь подать в отставку, не исполняя постановления (?) конференции, которые все ее члены обязаны выполнять. Излагаю факты дальше.

Через четыре часа после отъезда академического эшелона началась артиллерийская стрельба чехов по ближайшим окрестностям Екатеринбурга. Это было первое явное показание о приближении освобождения города, т.к. циркулировавшие до того слухи были часто неосновательны. Напр[имер], за сутки перед отъездом были получены сведения о занятии ст[анции] Уктус (4 версты от города), что давало надежду на неосуществление эвакуации. Мой рапорт с резолюцией начальника академии: проф. Христиани образовать комиссию для освидетельствования проф. Матковского [-] лежал еще на моем столе. А в это время, не получив еще от меня моего рапорта, проф. Христиани в присутствии академического врача начал звонить по телефону в штаб фронта (большевистского) о присылке врача для освидетельствования меня. К счастью, штабу, исходившему тогда агонией, было не до врача и последнего там не оказалось. Но при том озлоблении, которое питали большевики к остающимся в Екатеринбурге, но принимающим во внимание усиленные обыски в квартирах оставшихся служащих штаба округа, что вышло бы для меня, если бы большевик-врач увидел бы, что я вовсе не так болен, чтобы не мог ехать? Зачем сделал это оставшийся сам в Екатеринбурге проф. Христиани? Отчего он так торопился? Отчего, несмотря на занятие Екатеринбурга освободителями, он все-таки приказал врачу собрать комиссию и освидетельствовать меня? (комиссия нашла необходимым для поправления здоровья не менее чем двухмесячный отпуск). Я тогда не понимал действий проф. Христиани, т.к. считал, что с изгнанием большевиков из Екатеринбурга моя отставка, должностовавшая идти к Троцкому, не имела смысла. И только на последнем заседании конференции 20-го августа выяснилось, что начальник академии приказал профессору Христиани, председателю комиссии по охране оставляемого имущества, возможно скорее доставить ему результат освидетельствования, а в случае потери связи уволить меня в отставку своей властью. Однако тогда это не было объявлено мне ни проф. Андогским, ни проф. Христиани. Сопоставляя это обстоятельство с «проклятием» в Самаре частью конференции моей отставки (?) за несколько дней до возвращения в Екатеринбург, я не могу не видеть поразительной спешности в решении этого вопроса, очевидно, имеющей какой-то определенный смысл: люди, коим нежелательно было мое нахождение в академии, не хотели упустить подходящего случая, действительно, отчего при эвакуации из Петрограда (про которую теперь некоторые «проницательные» люди говорят, что она нарочно произведена в Екатеринбург, чтобы попасть в руки союзников, и это хронологически неверно, говорю как участник, — отчего при этой эвакуации конференции были легко удовлетворены просьбы об оставлении в Петрограде сначала [на] 2 с половиной месяца почти всех профессоров, а затем до августа и позже, т.е. на полтора и более, проф. Витковского, Сергиевского, Байова, Елчанинова, Геруа и Новицкого? Они не прибыли в академию до 24-го июля, т.е. до эвакуации. Относительно проф. Геруа и Новицкого вопрос несколько шире, не могу его касаться, но суть нахождения их и поныне в Петрограде, и, поднимись в конференции вопрос об их исключении при мне, смею думать, что она не прошла бы так, как и отставка Геруа, а ведь тогда академии угрожали немцы, и академия ехала для продолжения учебной работы. Кому же нужно было теперь, чтобы академия выехала из Екатеринбурга в полной наличности[?]? Но они давали нам выход. Так, сам Троцкий в своей телеграмме, вывешенной на дверях академии, грозил расправой по законам военного времени лишь тем из личного состава, которые останутся в Екатеринбурге не по назначению (каковым и явился я).

Число же оставляемых им по назначению не определялось и, утверждаю, фактически зависело от начальника академии. Почему начальник академии был против расширения группы остающихся лиц? Вероятно, для того, чтобы иметь возможность открыть впоследствии где-либо занятия и тем предохранить академию от распыления. Я смотрел, как выше изложено, совершенно иначе и предлагал другой выход. Он был, конечно, более рискован, особенно для начальника академии, как связанного с Троцким определенными служебными отношениями. Удобнее было идти окольными путями, обеспечивающими выход и на ту и на другую сторону. И в настоящее время, захвати власть снова Троцкий в Сибири, я как не исполнивший приказания его, а по запротоколенному ныне постановлению конференции и ее желанию (несомненно, не добровольному) эвакуироваться, я буду расстрелян очень скоро, а разве Троцкий будет в состоянии в чем-либо упрекнуть профессора Андогского, захваченного в Казани? И какое могучее средство у него было бы в руках сказать: “Посмотрите, господа большевики, что сделала конференция с профессором, осмелившимся не подчиниться вашему приказанию”. Конечно, и это проф. Андогский сделал бы не искренно, ибо его нельзя упрекнуть в желании действительно служить большевикам, он сделал бы это для “спасения академии”, чтобы вновь было можно открыть занятия. Таким образом, начальник академии проф. Андогский оказывается правым для обеих сторон, а я, несомненно виновный в глазах большевиков, очутился виновным и в глазах части большинства конференции 20 августа и рискую быть виновным в глазах Сибирского правительства.

Не буду здесь останавливаться на тех сплетнях, которые свились среди некоторых академических дам уже после отъезда академии, вижу если не оправдание, то объяснение их появления в явно высказывавшихся симпатиях к моему решению, как со стороны общества, так и со стороны многочисленных обучавшихся в академии офицеров, не желавших эвакуироваться и скрывшихся в лесах, а также ушедших навстречу освободителям. Скажу только, что сплетни эти невольно сыграли свою роль на заседании части конференции 20-го августа, где мои влиятельные противники одержали победу, присоединив к себе безразличных и сковав “принципами” даже некоторых из моих бывших сторонников, чем подавили мужественное и стойкое меньшинство, которым, убежден, эта стойкость даром не пройдет.

Все изложенное мною показывает, что я не могу признать постановление части конференции от 20 августа правильным по существу, но оно незаконно и по форме.

Пункт I-й его гласит: “Оставить в силе постановление от 11-го августа в Самаре”, т.е. принять мою отставку, которую я фактически не успел подать, благодаря своевременному падению большевиков.

Пункт II-й: “Предложить подать рапорт от отчисления от академии”. Не могу, ибо это значило бы добровольно признать себя виновным в том поступке, который высоко ценится многими, в том числе стоявшими на высоких постах и людьми высокой морали.

Пункт III-й: “Войти с представлением к военному министру Сибири об отчислении профессора Матковского от должности ординарного профессора академии”. Это тот пункт, который я и указывал части конференции 20 августа как самый законный.

Военный министр может утвердить или не утвердить постановления конференции, чему примеры бывали неоднократно на моей памяти: не назначение проф. полковника Новицкого, назначение проф. ген. Филатьева с оставлением в должности по канцелярии Военного министерства, несмотря на двукратное отрицательное постановление конференции, конференции действительно правомочной, а не такой ее части, которая собралась 20 августа.

Из всего числа членов конференции (32 живущих в различных местах) там присутствовало всего 14 (себя не считаю в обоих случаях).

Из числа 20-ти штатных профессоров там находилось 6 (из 13-ти наличных, находящихся в различных местах). Такие же существенные вопросы, как выбрасывание ординарного профессора, должны решаться конференцией ин корпоре, т.е. не менее чем при 2/3 наличных членов.

До сих пор при профессоре Андогском практикуется прием, при коем всякое собрание части конференции называется конференцией.

После отъезда из Петрограда, напр[имер], 1-го эшелона образовалось две “конференции”: одна в Петрограде почти исключительно из профессоров, во главе с начальником академии (в сущности незаконная, ибо члены ее числились больными или в отпуску), и другая в Екатеринбурге с одним лишь проф. Медведевым, исполн[явшим] должность н[ачальни]ка академии. Та и другая имели заседания и выносили постановления, о коих говорилось глухо: единогласно или большинством голосов постановили то-то и той-то. Не ясно ли, что при соединении вместе обеих “конференций” вопросы, разрешенные ими, могли быть разрешены и иначе, чем разрешались.

Далее, с отъездом части конференции из Екатеринбурга (11 чел.), где осталась другая часть (6 чел.), состав менялся следующим образом: в Казань прибыли еще три бывших в отпуску, в Самаре осталось 4. Словом, состав по-

Большинство членов конференции не стремились сотрудничать с Комучем, предпочитая вернуться в Екатеринбург. Из Екатеринбурга планировали ехать в Омск, но определенности и точных сведений не имел даже Андогский¹¹⁰¹. В знак благодарности за спасение от красных часть офицеров необходимо было оставить. Решили оставить в Самаре семь младших членов конференции — генерал-майора В.И. Сурина, полковников В.Н. Касаткина, Г.В. Леонова, А.П. Слижикова, полковника Н.И. Коханова, подполковников А.Д. Сыромятникова и В.И. Оберюхтина. Сурин и Коханов из-за необходимости соединиться с семьями отправились в Екатеринбург, с тем, чтобы позднее вернуться. 14 августа Слижикив, Леонов, Касаткин, Оберюхтин и Сыромятников отправились в распоряжение управляющего военным ведомством Комуча¹¹⁰², а затем с 16 августа получили ответственные назначения: Слижикив — начальником Генерального штаба, Сурин — главным начальником снабжений, Леонов — начальником отдела формирований ГУГШ, Сыромятников — начальником оперативного отдела, Касаткин — помощником начальника главного управления военных сообщений, Оберюхтин — исполняющим должность начальника канцелярии военного ведомства¹¹⁰³. В Самаре предполагалось оставить и около трети слушателей. Но так как последние также не хотели оставаться, вопрос был решен жеребьевкой.

Еще 11 августа Андогский телеграфировал в Екатеринбург о прибытии в Самару и о том, что у «казанской» части академии все благополучно¹¹⁰⁴. По получении известий о переходе академии на сторону антибольшевистских сил Христиани направил радостную телеграмму командующему Сибирской армией: «С особым удовольствием доношу Вашему превосходительству, что эшелон академии в полном составе был задержан [в] Казани при взятии города, [в] настоящее время доставлен водою [в] Самару для дальнейшего следования [по] железной дороге [в] Екатеринбург»¹¹⁰⁵. Однако ответ Христиани самому Андогскому, видимо, не дошел до адресата, чем объясняются телеграммы следующего дня.

нимаемой таким образом конференции явился совершенно случайным и для решения важных вопросов не правомочным. И это тем более показательно, что при голосовании в Екатеринбурге за оставление меня членом комиссии высказалась половина конференции (9 против 9), а припоминая отсутствовавших тогда членов, я насчитываю среди них 8 безусловно бывших бы за меня, тогда, не считая двух вновь назначенных и при мне в академии не бывших, я вправе считать, что в конференции полной из числа 30-ти членов 17 были бы безусловно на моей стороне, а может быть, даже более, несмотря на наличие таких, которые мне говорили одно, а голосовали иначе, и таких, которые до возвращения проф. Андогского с частью членов докладывали военному министру, что нет препятствий к оставлению меня профессором, а по возвращении их голосовали отрицательно.

Все написанное изложено мною не для того, чтобы добиваться возвращения к работе с большинством нынешнего состава «конференции», этого желания у меня быть не может, но потому, что для меня дорого мнение конференции действительной, собирающейся когда-либо в будущем, а ныне разбросанной по всей России, конференции, состоящей в значительной степени из лиц, заслуживавших это своими учеными трудами, т.е. вполне самостоятельных в своем голосе, а не лиц, в большинстве считающих своей обязанностью поддерживать начальство, в благодарности ли за прошлое или с надеждой на будущее.

Я много передумал, пережил, со многими мною уважаемыми говорил и определенно заявляю: моя совесть спокойна, что я сделал так, а не иначе, и если бы пришлось вновь решаться, то я поступил бы по-прежнему, т.е. отказался бы от исполнения приказа Троцкого» (ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 34–39об.).

¹¹⁰¹ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.

¹¹⁰² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 239.

¹¹⁰³ РГВА. Ф. 40214. Оп. 1. Д. 439. Л. 1об.; Ф. 6. Оп. 10. Д. 251. Л. 215.

¹¹⁰⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 504.

¹¹⁰⁵ Там же. Л. 506.

12 августа коменданту Екатеринбургa курсовику Н.Г. Сабельникову Андогский телеграфировал: «Благодарю за приветствие, рад, что удалось сохранить в рядах старшего курса 160 человек. Сейчас два-три месяца все идем [на] работу созидания армии. Прошу срочно телеграфировать через штаб [в] Самаре судьбу академии и семей. Ответа от Христиани нет. Наш отъезд задерживается еще на три дня»¹¹⁰⁶.

В тот же день Андогский телеграфировал следующим номером телеграммы в Екатеринбург заведующему хозяйством академии Наумову: «Прошу телеграфировать [в] Самару [в] штаб судьбу академии, семей, где они. Наш выезд задержится еще на три дня»¹¹⁰⁷.

В дальнейшем переписка руководителей двух частей одной академии, Андогского и Христиани, наладилась и осуществлялась через штаб Чехословацкого корпуса в Челябинске. Христиани запрашивал Андогского о судьбе екатеринбургских заложников¹¹⁰⁸.

12 августа Андогский обсуждал предстоящую эвакуацию в Томск с чешским генералом Я. Червинкой и даже передал через него для академии список своих вопросов¹¹⁰⁹.

13 августа от Сабельникова была направлена телеграмма Андогскому: «Был здесь воен[ный] мин[истр] Сибирского правительства генерал Гришин-Алмазов. Я доложил Ваше поручение, тогда министр заявил, что ему много было неизвестно, посетив академию. 30 слушателей уже командированы [в] штабы [в] Омск и Челябинск, остальные работают здесь [в] штабе гарнизона и районной комендатуре. [По] докладу Христиани генерал Гришин зачисляет оставшихся 80 приказом [по] Сибири в академию, назначая Христиани и.д. начальника. Есть приказ Омска эвакуировать академию [в] Омск или Томск. Гришин обещал предоставить наилучшие средства эвакуации. Считаю Вам необходимым срочно оставить эшелон, проехать [в] Омск [к] генералу Гришину-Алмазову [по] делу академии, где только и вырешится судьба академии, а не [в] Самаре, что подчеркиваю. После доклада Гришину вынес впечатление, [что] благополучие предрешено. Сабельников»¹¹¹⁰.

13 августа Христиани телеграфировал через Челябинск: «Получил из Омска следующие распоряжения: эвакуация в принципе решена, вероятно, в Томск, не спешно, а планомерно. Укладка казенного и частного имущества производится успешно при любезном содействии генерала Голицына. Квартирьеры высылаются в Омск [в распоряжение] генкварма, который направит их в окончательно избранный пункт, старшим полковник Киященко. Подвижного состава пока мало. Сибирское правительство отпускает 250 тысяч. Телеграмма из Симбирска получена. Имею указания правительства генералу Андогскому со всем составом ехать в Екатеринбург. Семьи едут в новое место. [№] 167. Генерал Христиани»¹¹¹¹.

Конфликта интересов между самарским и омским правительствами не произошло, так как командующий Народной армией также счел положение на Волге неустойчивым и санкционировал отправку Андогского с академией в Екатеринбург еще 12 августа¹¹¹². Как уже отмечалось, весьма вероятно, свою роль в этом сыграли чехословаки. Андогский планировал добраться до Екатеринбургa к утру 18 августа. Тот факт, что академия не отправилa в строй

¹¹⁰⁶ Там же. Л. 494.

¹¹⁰⁷ Там же. Л. 493.

¹¹⁰⁸ Там же. Л. 507.

¹¹⁰⁹ Там же. Л. 549–551.

¹¹¹⁰ Там же. Л. 525.

¹¹¹¹ Там же. Л. 518–519.

¹¹¹² Там же. Л. 521.

несколько сотен слушателей и не сформировала собственную дивизию «с исключительным командным составом», впоследствии некоторые недоброжелатели ставили Андогскому в вину¹¹¹³. Впрочем, едва ли подобный упрек состоятелен, а требование такого использования высококвалифицированных специалистов разумно.

Между тем активное использование казанской части слушателей старшего класса началось сразу после перехода академии. Эта часть слушателей воспринималась как практически готовые младшие офицеры Генштаба. Часть из них была оставлена в Казани для помощи Каппелю и Степанову, другие получили назначения на фронты и в органы военного управления. 44 слушателя отправились в Самару¹¹¹⁴. Известны данные о распределении 78 офицеров старшего класса (табл. 13).

Положение курсовиков, оставленных в Поволжье, к началу осени 1918 г. известно из письма подполковника В.И. Оберюхтина Андогскому от 10 сентября 1918 г.: «Со времени отъезда академии из Самары, оставшиеся здесь ее питомцы разбрелись по своим должностям и приступили к работе.

Таблица 13

Распределение слушателей старшего класса 3-й очереди академии по фронтам и штабам Народной армии Комуца (август 1918 г.)¹¹¹⁵

Местонахождение	Слушатели
На Самарском фронте	В.В. Алексеев, В. Андреев, Д.П. Артынов, К.И. Блинов, А.С. Бодров, М.И. Василенко, Н.А. Денисов, В.Н. Клачков (Клочков), К.И. Клуге, С.Ф. Корнилов, П.Г. Ойнас, И.П. Петров-Колесин, А.И. Соколов, В.Н. Троицкий, П.С. Черкасов, В.В. Шмигель, Е.И. Шуминский
В распоряжении капитана А.П. Степанова	М.П. Базыленок, Ф.Н. Бунак, А.Н. Вегенер, А.А. Войдаков, Г.М. Горбачевский, П.Я. Даукш, И.В. Зуев, А.И. Колесниченко, Н.О. Масыгин, И.П. Пацковский, М.С. Перестай, Г.Ф. Радоман, П.К. Семенов, К.Р. фон дер Ховен
В распоряжении подполковника В.О. Каппеля	А.П. Булавинов, Н.Г. Волков, Н.И. Гуммель, Г.А. Дубовик, А.Г. Ефимов, А.М. Каулашин, В.М. Корженко, А.В. Кострицкий, Л.Л. Ловцевич, В.П. Озолин, Б.Ф. Пуляшко, И.Ф. Ромеров, В.С. Тимофеев, В.И. Шимановский
В распоряжении генерал-лейтенанта В.В. Рычкова	А.П. Голышев, князь Н.В. Кропоткин, Б.И. Попов
Прикомандированы к ГУГШ	Б.Э. фон Вах, Влесков, Н.И. Герасимович, П.К. Гренгаген, М.Т. Евстратов, Д.Н. Зайцев, В.В. Каплинский (первоначально указан на Самарском фронте), Г.А. Кононов, А.Н. Королев, С.Н. Кравцов (первоначально указан на Самарском фронте), Н.Г. Кривцов (первоначально указан на Самарском фронте), Г.И. Кулешов, Л.К. Лихтарович, А.А. Мирошников (первоначально указан на Самарском фронте), Н.Н. Нелавицкий, П.Л. Островский, М.Е. Остроумов, В.Н. Отрыганьев, Н.Г. Позаченюк-Старжинский (первоначально указан на Самарском фронте), В. Попов, А.И. Савчук, С.А. Скрябин, Н.В. Соколов, Г.А. Тонкошкур, Г.К. Холоманов, Н.В. Шаркунов, Г.В. Щепин, В.В. Яхимович

¹¹¹³ Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири... С. 22.

¹¹¹⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1642. Л. 37.

¹¹¹⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 237–238. Данные исправлены и дополнены по нашей базе данных о генштабистах и списку слушателей ускоренных курсов 3-й очереди (Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 508–519). Помимо перечисленных офицеров в Поволжье на сторону антибольшевистских сил перешли П.А. Агапиев, М.И. Москаленко, В.А. Рудович (находился в отпуску) и Н.Н. Савельев.

Конечно, работа, как всегда и всюду у нас, велась недостаточно энергично, с трениями, а самое главное, — отсутствие твердой единой цели, неясность и нерешительность были основной причиной тормоза. Это прозябание имеет место и по сие время. Все ждут результатов Уфимского совещания...

Курсовики старшего курса все распределены по должностям в штабах или центральных учреждениях. Курсовики младшего курса — в строевых частях Самарского гарнизона. Несут службу хорошо. Некоторые из них взяты в штабы. “Историй” с ними не было. Положение курсовиков в Казани, судя по словам ездившего туда Василия Николаевича Касаткина и прибывших оттуда курсовиков, неважное. Во-1^х — из числа 15 чел., находящихся в Казани, лишь 5 состоят на штатных должностях; остальные же — в прикомандировании и несут самые разнообразные поручения вплоть до комендантства и командования ротами и отрядами. Г[енерал] [Ю.Д.] Романовский относится к курсовикам очень пренебрежительно и недоверчиво. Отношения его с полк[овником] [А.П.] Степановым натянуты. Курсовики стремятся уйти оттуда, полк[овник] Степанов, по словам их, разрешил всем, не занимающим штатных должностей, отбыть из Казани, но ген. Романовский их удерживает. Телеграммы полк[овника] [Г.В.] Леонова действия не возымели. Пока все остается по-старому нерешенным.

Все вообще курсовики крайне заинтересованы своей будущей судьбой и все спрашивают, когда же и будет ли функционировать академия.

Конечно, ответа им дать не могу, утешаю надеждой и терпением...

Повторяю, что работать нельзя, ибо все заведено для бутафории; штаты до сих пор не утверждены; кардинальные вопросы не решены, все тянется и переваливается, а в общем — застой, близкий к началу распада. Нужен сильный и энергичный военный министр вместо г. [Н.А.] Галкина, последний же не подходит к занимаемой роли»¹¹¹⁶. Автор письма отмечал, что «кучка офицерства с мелкой интеллигенцией дерется на фронте, гибнет, истекает кровью, нищенствует, а за их спинами — шкурничество, спекуляция, животный страх и алчность»¹¹¹⁷.

Более точное свидетельство о курсовиках, оставшихся в Казани, было направлено Андогоскому полковником В.Н. Касаткиным 31 августа 1918 г. В письме было отмечено: «Живут они [курсавики], несмотря на чисто боевую обстановку (орудия гремят день и ночь), дружно, много и любовно работают. Дело, видимо, поставлено у них отлично. Работы очень много, как и следует ожидать в такой сложной обстановке. Но терний, видимо, тоже много.

Первое, что известно недоброжелательство со стороны казанских офицер[ов] Ген[ерального] шт[аба], в частности, со стороны полк[овника] [П.И.] Виноградова и К^о. Этот офицер Ген[ерального] шт[аба] позволил себе открыто инсинуировать по адресу нашей академии, указывая на то, что мы служили “вашии и нашии”¹¹¹⁸, что слушатели — “недоноски” и т.д. Подробно расскажет сам [Г.Ф.] Радоман.

Сам к[омандующий] армией полк[овник А.П.] Степанов относится к слушателям хорошо, но Ген[ерального] шт[аба Ю.Д.] Романовский — нет. Нач[альник] штаба, видимо, и не доверяет и относится как к недоучкам. Это глубоко обижает этих, во всех отношениях от-

¹¹¹⁶ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 55. Л. 10–11об.

¹¹¹⁷ Там же. Л. 13.

¹¹¹⁸ Сам полковник П.И. Виноградов до перехода на сторону антибольшевистских сил был зарегистрирован как специалист Генштаба РККА (РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 353. Л. 3).

личных, офицеров, судя по их чисто боевой работе, вполне подготовленных к деятельности кур[сами] Ген[ерального] шт[аба]. Это, конечно, обидно.

Наших офицеров здесь, в Казани, 19. Кроме того, в войсках (отряде) полк[овника В.О.] Капеля 14 чел. Конечно, этого количества очень много. Страшное желание всех собраться наконец в академии и немного отдохнуть от пережитого. Хочется им в этом помочь, тем более что в Казани и Самаре много окопавшихся оф[ицеров] Ген[ерального] шт[аба]»¹¹¹⁹.

Все слушатели младшего ускоренного курса получили предписание к 10 утра 17 августа явиться в отдел формирований штаба Народной армии к капитану С.Н. Барышникову¹¹²⁰. В отделе слушателям выдавались назначения в строевые части, тогда как старший класс, как известно, был направлен на штабную работу. По свидетельству слушателей младшего курса, восемь человек из их числа были все же арестованы как сочувствующие советской власти и отправлены на гауптвахту, причем у них изъяли все вещи¹¹²¹. Среди арестованных действительно оказалась группа большевиков. Сами арестованные считали причиной репрессий донос своих же товарищей. По некоторым данным, арест продолжался до 4 сентября, после чего арестантов в товарных вагонах отправили в Уфу, причем по дороге трое слушателей (в том числе два большевика) выпрыгнули из поезда и бежали, в конце концов пробравшись к красным¹¹²². Оставшиеся на службе в Народной армии курсовики на сентябрь 1918 г. считались находившимися в командировках от академии и удовлетворялись всеми видами довольствия¹¹²³.

По свидетельству комиссара Ф.П. Никонова, «рассказывают, что баржи академии прибыли в Казань накануне ее падения. Там был целый ряд проволочек. Не давали пароходов и т.п., и они, кажется, застряли в Казани, и во время взятия Казани они остались по ту сторону фронта. Тут часть из нашего младшего курса попала в плен. Там были [К.И.] Янсон и др. Их захватили и повезли в тыл, чтобы расправиться с ними, но по дороге они бежали, соскочив из вагона на полном ходу. А весь старший курс добровольно перешел на сторону Колчака»¹¹²⁴.

Остальной состав академии отправился из Самары по железной дороге через Челябинск на Екатеринбург. Удивительно, что Комуч так легко расстался с академией и передал ее Временному Сибирскому правительству, отношения с которым складывались весьма непросто¹¹²⁵. По всей видимости, не обошлось без вмешательства чехословацкого командования. Командующий Поволжским фронтом полковник С. Чечек заявил начальнику полевого штаба фронта полковнику С.А. Щепихину относительно возможности задержать академию в Народной армии: «Ну их ко всем чертякам! Они захотят здесь командовать, и все равно не удастся выставить их на фронт!»¹¹²⁶ Вполне возможно, повлияло и то, что политические деятели Комуча опасались профессорско-преподавательского состава, а сами сотрудники академии не горели желанием служить эсеровскому режиму¹¹²⁷.

¹¹¹⁹ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 55. Л. 18.

¹¹²⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 16. Л. 80.

¹¹²¹ *Кин.* Мытарства старой академии Генерального штаба. С. 4.

¹¹²² Там же.

¹¹²³ РГВА. Ф. 39465. Оп. 1. Д. 6. Л. 18.

¹¹²⁴ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 16.

¹¹²⁵ См., напр.: Малоизвестная страница истории гражданской войны на востоке России / публ. А.В. Ганина // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 62–67.

¹¹²⁶ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 41.

¹¹²⁷ НИА. Pavel P. Petrov Collection. Box 1. Folder 5.

После воссоединения двух частей академии в Екатеринбурге предполагалось разместить академию либо в Омске — столице белой Сибири, либо в Томске — главном учебном и научном центре Сибири. Уже 15 августа в Томск по распоряжению генерала Г.Г. Христиани были направлены квартиртеры академии в составе 16 человек, включая членов семей, во главе этой группы стоял полковник Г.Т. Киященко (среди командированных известны капитаны В.С. Савченко и П.А. Федоров)¹¹²⁸.

17 августа состоялась встреча Андогского с генерал-майором В.Н. Шокоровым, командовавшим отдельным Чехословацким стрелковым корпусом. По итогам встречи Андогский телеграфировал из Челябинска военному министру Временного Сибирского правительства генерал-майору А.Н. Гришину-Алмазову: «Сего числа явился комкору Чехослов[ацкого] и главкому всеми российскими и союзными войсками генералу Шокорову и получил его приказ эвакуировать академию вглубь территории [в] Омск или Томск, пункт по ближайшему Вашему назначению, где возможно скорее приступить [к] подготовке офицеров Генштаба, [в] коих потребность велика. Еду распорядиться [в] Екатеринбург, откуда через 3 дня выеду [в] Омск явиться Вам. Прошу телеграфировать окончательно пункт, избранный для расположения академии. Ожидаю [в] Екатеринбурге, копию комкору Чехослов[ацкого]»¹¹²⁹.

На вокзале Екатеринбурга произошла трогательная встреча расставшихся сотрудников академии и членов их семей. В церкви Епархиального училища был отслужен благодарственный молебен по случаю избавления академии от большевиков.

Впрочем, не все отнеслись к вернувшимся из Казани доброжелательно. Резко антибольшевистски настроенные ветераны отряда Румши воспринимали их иначе, о чем вспоминал один из членов этого отряда К.В. Семчевский: «Мы, пробившиеся из Екатеринбурга, считали уехавших в Казань “предателями” белого дела и это не скрывали»¹¹³⁰.

Екатеринбургская часть академии за прошедшее время не бездействовала¹¹³¹. Профессор А.И. Медведев вошел в комиссию по расследованию гибели императорской семьи. В следственных действиях участвовали и некоторые слушатели. В начале августа из Екатеринбурга в войска были направлены полковники Антонович и Киященко, подполковник Осипов¹¹³². Но после падения власти большевиков оставшиеся в городе представители академии не имели права проявить себя активными контрреволюционерами, чтобы не подвести тех, кто оставался в красной Казани. Об этом прямо написал в своем дневнике преподаватель академии А.Т. Антонович¹¹³³.

В условиях нехватки у белых вооружения оказалось востребовано даже то оружие, что было привезено академией из Поволжья. Начальник 2-й (позднее — 7-я) Уральской горных стрелков дивизии генерал-майор В.В. Голицын 21 августа 1918 г. обратился к начальнику академии со следующей просьбой: «В эшелоне, прибывшем с академией из Казани, имеются пулеметы и винтовки для охраны эшелона. У нас идет формирование полевых частей,

¹¹²⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 495–497, 499.

¹¹²⁹ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 33. Л. 9.

¹¹³⁰ МРК. Коллекция К.В. Семчевского. Вох 1. Folder 28. Л. 8.

¹¹³¹ Журнал входящей корреспонденции академии не велся в период с 20 июля по 23 августа, исключая день 4 августа (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1646. Л. 130об.). Позднее были зафиксированы входящие за 30 июля и 9 августа (Там же. Л. 181). Всего академия за 1918 г. получила 2188 входящих документов (Там же. Л. 179, 181).

¹¹³² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 7. Л. 48.

¹¹³³ Дневник генерала Антоновича. С. 383.

которые испытывают острую нужду в оружии. Для пользы общего дела очень прошу не отказать в передаче имеющегося в эшелоне оружия в мое распоряжение. О последующем прошу уведомить»¹¹³⁴. В итоге по резолюции Андогского в войска было передано 3 винтовки и 2 пулемета¹¹³⁵. Местонахождение еще около 50 винтовок предстояло выяснить.

В Екатеринбурге было принято окончательное решение относительно профессора Матковского, которого считали поставившим академию в опасное положение, грозившее разгромом. Последний же обвинял академию в добросовестном прислуживании большевикам. По итогам заседания Матковский был исключен из академической конференции. Вскоре управляющим Военным министерством Временного Сибирского правительства генерал-майором А.Н. Гришиным-Алмазовым было принято решение о направлении академии в Томск, где академия смогла развернуть подготовку кадров Генштаба непосредственно для нужд антибольшевистских формирований. Начался новый этап ее истории.

* * *

Скитания академии в июле–августе 1918 г. удивительны. Только чудом сотрудники смогли практически безболезненно преодолеть все трудности и оказаться в антибольшевистском лагере, как в Екатеринбурге, так и в Казани. Очевидно, что именно к этому и стремились профессорско-преподавательский состав и значительная часть слушателей. Об этом свидетельствуют попытки налаживания связи с белыми и отдельные антибольшевистские высказывания профессорско-преподавательского состава, провоз в составе академического имущества оружия, наличие в академии подпольной антибольшевистской организации слушателей, ушедшей к чехам до падения красного Екатеринбурга, активное участие слушателей академии на руководящих постах в белом подполье в Екатеринбурге и их роль в свержении власти большевиков. Нельзя отрицать и случаи индивидуальных переходов представителей академии в антибольшевистский лагерь (Б.П. Богословский, А.Ф. Матковский и др., кроме того, в 1918–1919 гг. к белым перешли в других местах некоторые профессора и преподаватели, оставшиеся в Советской России, — А.К. Байов, Б.В. Геруа, В.Н. Поляков, И.С. Свищев¹¹³⁶). Совокупность этих данных свидетельствует о том, что как профессорско-преподавательский состав академии, так и слушатели старшего класса 3-й очереди в целом в этот период были настроены антибольшевистски. Несколько иные настроения имелись у части слушателей младшего ускоренного курса, набранных по принципу лояльности большевикам. В ходе боев за Казань как одни, так и другие смогли сделать свой идейный выбор. Одни — оставшись у красных, другие — перейдя на сторону Народной армии Комуча.

Несмотря на приверженность значительной части постоянного и переменного состава академии антибольшевистским взглядам, перейти на сторону противника в составе целого учреждения было очень сложно. По воле случая это удалось осуществить. Было бы неверно утверждать, что переход академии на сторону антибольшевистских сил был полностью спланирован изначально, однако и полной случайностью его тоже не назовешь. Сотрудники

¹¹³⁴ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

¹¹³⁵ Там же.

¹¹³⁶ Переходы генштабистов от красных к белым как распространенное в Гражданскую войну явление наиболее подробно освещены в: Ганин А.В. Переходы «лиц Генерального штаба» РККА на сторону противника в 1918–1921 гг. // Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»... С. 209–253. Английскую версию см.: Ganim A.V. Workers and Peasants Red Army “General Staff Personalities” Defecting to the Enemy Side in 1918–1921 // The Journal of Slavic Military Studies (Philadelphia). 2013. Vol. 26, iss. 2. P. 259–309.

академии к этому всячески стремились, делали для этого все возможное, но важнейшую роль сыграли стечение обстоятельств, неразбериха, царившая на Урале и в Поволжье. Одним из значимых стимулов перехода являлось то, что с падением красного Екатеринбурга на стороне антибольшевистских сил оказались родные и близкие сотрудников академии. При этом академическое руководство проявляло большую осторожность, выжидало, пытаясь продемонстрировать большевикам свою лояльность, избежать подозрений и репрессий. Представляется, что позиция академического начальства, проявлявшего немалую изворотливость, поставившего во главу угла сбережение персонала академии и ее имущества, была оправданной. В итоге вопрос о характере перехода академии на сторону антибольшевиков остается крайне запутанным и по сей день.

В исторической перспективе идейный раскол белых и красных утратил свою остроту, а то, что в 1918 г. уникальные собрания академии (в том числе, например, архив военного министра графа Д.А. Милютина, воспоминания и дневники которого полностью опубликованы только в 1997–2013 гг. и являются одним из важнейших источников по отечественной истории XIX в.) оказались спасены от гибели для будущих поколений (тогда как многие военные музеи и библиотеки в те годы серьезно пострадали), до сих пор остается значимым явлением отечественной истории и культуры.

Г Л А В А 6.

В СИБИРСКИХ АФИНАХ. ТРАВЛЯ АКАДЕМИИ. ПОСЛЕДНИЙ ВЫПУСК

В начале августа 1918 г. прифронтовой Екатеринбург, конечно, не рассматривался как место, где можно было бы оставить академию. Уже тогда представителям академии, оставшимся в городе, было поручено начать подготовку к эвакуации в Сибирь. Вскоре после воссоединения с казанской частью академия отправилась в Томск — крупный университетский центр Сибири, носивший неофициальное наименование сибирских Афин. Подготовка эвакуации могла требовать по расчетам месяца времени, четырех эшелонов и 250 000 руб.¹¹³⁷

16 августа в Екатеринбурге академия начала погрузку для эвакуации в Томск. На следующий день в Томск были направлены квартиры¹¹³⁸. 21 августа оставшихся в Екатеринбурге слушателей распределяли по штабам Сибирской армии (табл. 14).

Таблица 14

**Назначения слушателей академии в штабы Сибирской армии
(конец августа 1918 г.)¹¹³⁹**

Назначение	Слушатели
В распоряжение штаба Средне-Сибирского корпуса	Капитаны В.К. фон Баумгартен, Е.М. Дубинин, С.И. Ильин, С.А. Леонов, А.Ф. Мауринг, А.С. Петровский, Н.Н. Рыбалтовский; есаул Ф.Д. Толкачев; штабс-капитаны С.Н. Агапеев, Н.П. Топорков, И.М. Шгальберг
В распоряжение штаба Уральского корпуса	Капитаны В.Т. Глазков, Горецкий, М.А. Демишхан, Г.М. Кравец, Г.В. Ярцев
В распоряжение штаба Сибирской армии	Подполковники Н.Ф. Егоров, Н.Г. Сабельников; ротмистр И.П. Семенов; капитаны Н.И. Белоцерковский, В.Г. Иванов, Н.А. Мягков, Н.Ф. Новицкий, М.Е. Остроумов, Р.М. Политковский, В.В. Хлусевич; штабс-капитаны Б.А. Березин, К.Л. Кононов, И.А. Петров, А.Е. Сотников; штабс-ротмистр К.Н. Матвеевко
В штаб Степного корпуса	Подполковник П.Н. Соколов; ротмистр И.А. Плюинский; капитаны Н.В. Бартев, Б.В. Люба, А.Г. Орлов, Ф.Н. Сальников, Г.М. Триук; штабс-капитаны И.А. Бафталовский, Е.И. Гриневский, Дмитриев, И.М. Чебеняев
В штаб Чехословацкого корпуса	Капитан Г.Ю. Бируля; есаул Ф.Д. Толкачев (видимо, взамен прежнего назначения); штабс-ротмистр К.Н. Матвеевко (видимо, взамен прежнего назначения)

Не все начальники, однако, были рады этим назначениям курсовиков. Так, начальник штаба 6-й Уральской горных стрелков дивизии полковник В.Д. Космин в связи с назначением в штаб дивизии курсовика капитана М.А. Демишхана сообщал: «Слушатель академии — еще не значит работник, а адъютанты у меня именно работники»¹¹⁴⁰. При этом курсовик

¹¹³⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 492об.

¹¹³⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648. Л. 283об., 284об.

¹¹³⁹ Сост. по: Там же. Л. 286об.–288, 293–293об.; Ф. 977. Оп. 1. Д. 47. Л. 8.

¹¹⁴⁰ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 55. Л. 9.

должен был сменить бывшего студента Петроградского университета, а затем прапорщика военного времени Н.А. Симонова. Более того, 30 августа Космин продолжил оскорбления в адрес академии, сообщив капитану А.Я. Нарышкину: «К красноармейской академии особой склонности не имею»¹¹⁴¹. На это был получен не менее прискорбный для оценки антибольшевистских порядков ответ, что в штаб дивизии назначен такой офицер, который придет еще не скоро (фактически в вышестоящем штабе солидаризировались с Косминым).

В некоторых штабах попросту не знали, как использовать курсовиков. Штаб-офицер для поручений при штабе чехословацких войск капитан Г.Ю. Бируля сообщал Андогскому, что прибыл на эту должность 28 августа, причем «в течение 2^х дней в штабе не знали, что со мной делать и какую дать мне работу»¹¹⁴². Вместе с Бирулей прибыл и есаул Ф.Д. Толкачев на должность обер-офицера для поручений. В штабе на курсовиков смотрели с недоверием, не читали при них некоторые телеграммы и лишь в конце второй недели службы стали больше доверять. По свидетельству Бирули, «теперь мы уже в курсе всех дел и нас почти почитают за своих»¹¹⁴³.

Между тем 22 августа в Екатеринбурге шел поиск подвижного состава для отправки академии. Эшелоны академии направлялись в Томск через Челябинск и Омск. Первоначально эвакуации подлежали 19 генералов, офицеров и военных чиновников, 78 членов семей, 14 слушателей, 9 вольнонаемных служащих, 14 лошадей и 3 экипажа¹¹⁴⁴. Позднее, видимо, список был расширен.

24 августа командующий Сибирской армией вызвал Андогского в Челябинск для обсуждения плана работы академии, ее эвакуации в Сибирь, реформ и нужд¹¹⁴⁵.

По всей видимости, 22–23 августа в Томск выехал первый эшелон академии, начальником которого был подполковник И.И. Сторожев¹¹⁴⁶. Эшелон вместе с начальником академии, профессорско-преподавательским (13 человек) и административным (8 человек) составом прибыл в Томск 30 августа¹¹⁴⁷. Вечером 25 августа отправился второй эшелон с товарными вагонами и теплушками¹¹⁴⁸. Около 31 августа выехал третий эшелон с имуществом библиотеки, который прибыл в Томск 7 сентября¹¹⁴⁹; около 6 сентября отправился, а 13 сентября прибыл четвертый эшелон с личным составом и имуществом¹¹⁵⁰. Интересно, что часть материалов, эвакуированных из Петрограда, так и не была распакована вплоть до эвакуации в Томск¹¹⁵¹. К 7 сентября академия уже начала работу в Томске. К этому времени в ней оставалось уже немного преподавателей, поскольку основная масса была задействована в штабах и строю.

По свидетельству генерал-майора П.Ф. Рябикова, «новое переселение теперь уже всей академии с фундаментальной библиотекой производилось весело, бодро, так как избавив-

¹¹⁴¹ Там же.

¹¹⁴² Там же. Л. 16.

¹¹⁴³ Там же.

¹¹⁴⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 502.

¹¹⁴⁵ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 31. Л. 2.

¹¹⁴⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 575; Д. 19. Л. 2; РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648. Л. 291об.

¹¹⁴⁷ Прибытие академии Генерального штаба // Сибирский вестник (Омск). 1918. 6 сент. № 16. С. 3.

¹¹⁴⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 506.

¹¹⁴⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 340; РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648. Л. 294об.

¹¹⁵⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 240; РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648. Л. 296.

¹¹⁵¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 504.

шиеся от большевицкого кошмара, — мы все стремились скорее приступить к работе, столь теперь нужной и имевшей такой ясный, определенный и идейный смысл»¹¹⁵².

В процессе эвакуации опасения вызвала судьба большой группы слушателей академии (200 человек), передвигавшихся в эшелонах между станциями Егоршино и Монетная под Екатеринбургом. Христиани телеграфировал о содействии им командиру Степного корпуса, чехословацкому командованию и председателю Временного Сибирского правительства (по черновику телеграммы): «Полагаю, что для формирования армии крайне важно возможно скорее вернуть эшелон академии Генштаба численностью около двухсот офицеров»¹¹⁵³. Есть основания думать, что он между станциями Егоршино и Монетная, окруженный красными бандами. Промедление времени может грозить уничтожением этого громадного кадра. Не признаете ли возможным отдать распоряжение об экстренных мерах по отысканию и спасению академического эшелона? Генерал-лейтенант Христиани»¹¹⁵⁴.

Курсовики старшего класса на собрании в Омске 15 сентября постановили послать Андогоскому привет: «Верные заветам Вашим, объединившись на почве искренней дружбы и полного доверия к Вам, просим принять нашу сердечную преданность, душевную признательность и глубокую благодарность»¹¹⁵⁵. Похожее приветствие направили ему 11 сентября 79 слушателей, оставшихся в Самаре¹¹⁵⁶.

Слушатели прерванного старшего класса ускоренных курсов 3-й очереди, конечно, рассчитывали на завершение обучения. Однако поскольку к осени 1918 г. они уже оказались распределены по различным штабам, просто продолжить учебу было невозможно. Для возобновления учебного процесса необходимо было заново собирать как преподавателей, так и слушателей. В академию посыпались запросы, но и сами преподаватели и даже руководство академии не могли дать ответ на то, когда продолжатся занятия¹¹⁵⁷. Характерно обращение капитана К.И. Клуге из Самары к начальнику академии от 7 сентября 1918 г., в котором офицер изложил известные ему планы академического начальства: «На днях Главным управлением Генерального штаба в Самаре получена была телеграмма полковника Сабельникова, адресованная слушателям старшего курса, о том, что академия следует в Томск, что занятия в старшем курсе предполагается возобновить через три месяца, по подготовке временных заместителей младших курсов»¹¹⁵⁸.

В Томске академия расположилась в Доме науки¹¹⁵⁹, причем здание было предоставлено академии самим П.И. Макушиным¹¹⁶⁰ — видным томским меценатом и просветителем, инициатором его постройки в 1912 г. По воспоминаниям М.А. Иностранцева, «“Дом науки”, отведенный академии, был довольно большим двухэтажным зданием темно-серого цвета, находившимся недалеко от железнодорожной станции и отличавшимся довольно

¹¹⁵² ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 125об.

¹¹⁵³ Далее зачеркнуто: *Между тем до сих пор никаких специальных мер не принято и даже не выяснено, где находится эшелон.*

¹¹⁵⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 552.

¹¹⁵⁵ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 55. Л. 14.

¹¹⁵⁶ Там же. Л. 15.

¹¹⁵⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1630. Л. 3, 53.

¹¹⁵⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 32. Л. 45.

¹¹⁵⁹ Ныне в здании — театр куклы и актера «Скоморох» им. Р. Виндермана (Томск, Соляная площадь, 4).

¹¹⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 126.

оригинальным видом, т.к. на крыше его, наверху особой небольшой башенки, помещался стеклянный земной шар.

Внутри “Дом науки” был довольно вместителен, имел прекрасный, большой зал, несколько аудиторий, и академия со своею обширною библиотекою и музеями уместилась в нем¹¹⁶¹. В здании имелось восемь аудиторий на 960 человек, помещения для библиотеки, кабинеты для преподавателей и лекторов, столовая, комнаты для служащих.

Андогский в сентябре уже активно налаживал контакты в руководящих кругах Омска. 5 сентября он уехал в Омск (его заменял профессор Колюбакин), а 21 сентября вернулся в академию из столицы белой Сибири¹¹⁶². В тот же день в некогда лучшей томской гостинице «Европа», теперь находившейся в ужасающем виде, где разместились служащие академии¹¹⁶³, он провел заседание конференции. На заседании Андогский рассказал о задачах академии — учебных, научных (в терминологии того времени — ученых), консультативных, а также корпоративных — по объединению офицеров Генерального штаба¹¹⁶⁴. Учебная задача академии была одна — ускоренная подготовка кадров для младших должностей Генштаба. Выполнять эту задачу следовало, несмотря на ослабление преподавательского состава и критику (так, обиженный на академическое руководство генерал Матковский заявил, что

¹¹⁶¹ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 432–433.

¹¹⁶² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 246.

¹¹⁶³ В вопросе обеспечения служащих академии жильем белые столкнулись с определенными сложностями. Томская гостиница «Европа» принадлежала госпоже Олефир, которая выставила академии счет в 6000 руб. за первый месяц пользования гостиницей. Цена была явно завышенной, но в результате переговоров ее удалось временно снизить до 2453 руб. В конце 1918 г. академию вынудили оплачивать жилье на общих основаниях, а затем цена даже возросла (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 31. Л. 18–18об.). Более того, городская жилищная комиссия разрешала сотрудникам академии жить в гостинице только до 1 ноября 1918 г. (РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 37. Л. 2). В красном лагере подобный вопрос даже не мог возникнуть. Гостиница «Европа» размещалась в верхних этажах доходного дома товарищества «А. Второв и сыновья» (ныне — второвский пассаж: Томск, улица Ленина, 111). В начале октября 1918 г. рассматривался вопрос реквизиции дома Лопухова в Томске для нужд академии и размещения там семей офицеров, эвакуированных распоряжением самарского ГУГШ (Там же. Л. 1). Отмечалось, что в случае открытия курсов академии и приезда массы слушателей без реквизиции этого дома нельзя будет начать занятия (Там же. Л. 2). Проблема белых заключалась в том, что в законодательстве не была прописана возможность реквизиции помещений распоряжением военного ведомства не для войск, учреждений и заведений, а для офицерских чинов (Там же. Л. 2об.). В отличие от красных белые часто не учитывали сложную обстановку Гражданской войны и в соответствии с дореволюционными бюрократическими традициями придерживались буквы не отвечавшего нуждам их армий законодательства. Позднее от населения Томска поступили жалобы на то, что некоторые чины академии расположились слишком широко, в связи с чем жилищная комиссия собиралась осмотреть дома Михайлова и Малышева, которые занимал начальник академии, квартиру в доме Смирнова, которую занимал профессор Б.М. Колюбакин, и другие квартиры, отведенные академии. Лишние комнаты планировалось брать на учет и предоставлять офицерам, прибывавшим в Томск. Кроме того, был проинспектирован Дом науки (РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 47. Л. 10об.). Преподаватели академии и члены их семей должны были указать жилищной комиссии всех жильцов на занимаемой площади. Чтобы избежать уплотнения и сохранить площадь, указывали будущую прислугу и кабинеты для научных занятий (Там же. Л. 12). Отсутствовавший в Томске Андогский прямо потребовал уплотнять преподавателей не ранее уплотнения томской буржуазии (Там же. Л. 12об.). Требовалось отстоять и здание Коммерческого училища. Чтобы защитить интересы академии, Андогский требовал от подчиненных привлечь к борьбе за помещения начальника корпусного округа, начальника томского гарнизона и губернского комиссара. Сам он собирался обратиться к своему знакомому министру финансов омского правительства И.А. Михайлову, чтобы тот оказал давление посредством телеграммы томскому биржевому комитету (Там же). Эти указания свидетельствуют о колоссальной деловой хватке начальника академии.

¹¹⁶⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 24. Л. 12.

это не академия, а лишь ее остатки¹¹⁶⁵). Научной задачей Андогский видел продвижение военной науки по пути прогресса. Наконец, Андогский считал, что консультативной задачей академии должна стать «посильная помощь в разработке оперативных вопросов»¹¹⁶⁶. Через два месяца, т.е. к концу ноября 1918 г., академия уже была готова к развертыванию и могла принять половину всех офицеров старшего курса и 150 слушателей в младший класс¹¹⁶⁷. Все слушатели старшего курса были задействованы в штабах, а кандидаты в младший класс занимались обучением новобранцев.

Еще 18 сентября приказом по войскам Сибирской армии Андогский был назначен ординарным профессором с оставлением начальником академии. Тем же приказом правителем дел вместо полковника И.И. Смелова был назначен полковник А.Т. Антонович (в случае болезни его заменял подполковник П.Г. Осипов), а экстраординарный профессор Н.И. Коханов назначен ординарным профессором¹¹⁶⁸.

* * *

Сохранились свидетельства того, что Андогский и представители академии вынашивали далеко идущие планы борьбы за власть и влияние в военных кругах Поволжья и Сибири. Свой люди в лице преподавателей и слушателей оказались у Андогского буквально во всех значимых военных структурах антибольшевистского лагеря на Востоке России. Начальник академии был неплохо информирован о событиях. Представляет интерес одно из писем в его адрес, составленное в связи с Уфимским государственным совещанием. Написанное карандашом письмо касается как политических событий, так и реалий деятельности слушателей академии. Автор письма, адресованного «Начальнику Всероссийской академии Генерального штаба генералу Андогскому», в документе не указан. Из текста следует, что это был сотрудник академии, оставшийся в Поволжье и вошедший в руководство Народной армии Комуча. Человек, который мог поменять местонахождение самарского ГУГШ. Таким являлся только начальник ГУГШ А.П. Слижиков. Ввиду важности документа приведем его целиком:

«Прибыв в Уфу 11 сентября, профессор [И.И.] Серебренников отклонил дорожную мою участие по формальным причинам. В Уфе представился [Н.А.] Галкину, который предложил мне присутствовать на Государственном совещании юр[ис]конс[ульт]ом от Самарского правительства.

I. Русская говорильня¹¹⁶⁹ в полном ходу... захлебываются в потоке слов; дела не видно; власть рождается в муках в виде “пятерки”, безответственной до сбора в новом году Учредительного собрания. Таков скелет власти; на очереди персональный выбор “пятерки”. Военную главою намечается Болдырев, была в ходу комбинация народного героя Дутова и профессора Всер[оссийской] академии генерала Андогского.

II. Оперативная обстановка — неблагоприятна: Казань пала; Симбирск сдан; пал Вольск, [угроза над] Сызранью, Самарою. Войска Народной армии неустойчивы; чехословацкое

¹¹⁶⁵ Там же. Л. 12об.

¹¹⁶⁶ Там же. Л. 13.

¹¹⁶⁷ Там же. Л. 20.

¹¹⁶⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 245.

¹¹⁶⁹ Здесь и далее подчеркнуто автором.

ядро, распыленное на ячейки, растаяло в массе и морально заражается общим потоком отступающих.

Спешно созданный Галкиным Военный совет в составе Галкина, Лебедева, Фортунатова, Дутова, Слижикова, Сыромятник[ов]а, — предложил мне и подпол[ковнику] Сыромятникову высказать план противодействия и выискать меры для восстановления устойчивости Поволжья. Приняты наши предложения:

1. Передать войска Нар[одной] армии в полное подчинение Иванову — Сыровому, как главнокоманд[ующему] фронтом.
2. Удержание Самаро-Сызранского района за счет подкреплений от Дутова и башкир; развитие активных действий на Пермь за счет прибывающих чехослов[ацких] подкреплений Гайды из района Читы.
3. Уничтожение Бирской и Красноуфимской групп противника с одновременным выдвиганием группы войск на фронт Мензелинск – Елабуга – Лаишев и с посылкой организационного офицерского ядра в район Воткинского, Ижевского заводов и г. Сарапуля для организации самочинно восставшей народной массы против большевиков.
4. Указанными мерами достигнуть прочного обеспечения Екате[ринбург]-Пермского района как металлургической базы страны и железнодорожной сети с фронта Симбирск – Сызрань – к Челябинску.
5. Образование стратегического резерва в районе Челябинска.
6. Прекратить активные действия на Вольском направлении; Вольскую группу перевести на левый берег Волги и прикрыть Самаро-Сызранский район с юга со стороны Николаевска.
7. Ликвидировать Орскую и Актюбинскую группы противника немедленным привлечением башкирской пехоты, освободив казаков для действий на Поволжье.
8. Образовать армейские центры управлений в Уфе (ответственный фронт – Воткинский завод – Волга – Сызрань – южный район Самары), в Екатеринбурге (ответств[енный] фронт — Ирбит – Верхотурье – Кунгур – Воткинский завод) и в Оренбурге (ответств[енный] фр[онт] — Самара – Астрахань) с главнокомандов[анием] общим фронтом в Челябинске.
9. Полосу местности в пределах меридианов Челябинска и рубежа Волжско-Камского считать театром военных действий.
10. Образовать передовые склады в Екатеринбурге, Бирске, Бугульме, Бугуруслане, промежуточный в Уфе и Бердяуше, база — Челябинск.
11. Всю мобилизацию отнести за меридиан Челябинска.
12. Сибирь — база страны.
13. Просить немедл[енной] помощи союзников для прочной закупорки важнейших стратегических направлений Поволжского рубежа.
14. Считать центром, спаивающим русские формирования, — чехословаков.
15. Спасение России — в помощи союзников.
16. Послать план действий Иванову — Сыровому¹¹⁷⁰ в виде пожеланий, дабы подсказать решение и иметь наконец основной план действий до прихода союзников, с приходом каковых будут поставлены новые цели, а вместе с тем и определится новый план.

Наш план был принят Военным советом, и главнейшие вопросы в редакции подпол[ковника] Сыромятн[икова], касающиеся “передачи всей мощи” в руки Ив[анова —] Сырового и необходимости плана в соответствии с целями союзников, были переданы по юзу Ив[анову —] Сыровому, который не замедлил дать положительные ответы на все вопросы; причем Ив[анов —] Сыр[овой] ответил, что до сих пор вопрос о выступлении союзников не разрешен.

[Нрзб] Галкин силою вещей перестает играть в военно-самарский сепаратизм, и с этого момента выдвигается принцип “единства командования”, пока в рук[оводстве] чехословаков.

¹¹⁷⁰ Вероятно, речь идет о П.П. Иванове-Ринове и Я. Сыровом.

III. Самарский Комитет членов Учредит[ельного] собрания — явно выраженный этап к возврату большевизма. Разведка установила связь Комитета с Самарским совдепом и тюрьмой, где сидят большевики, поддерживающие невидимыми нитями связь с зарубежным большевизмом. Комитет создал резолюцию, подлежащую обнародованию в подходящий момент, об объявлении офицерства врагами народа.

IV. В связи с оперативными событиями, равно и в соответствии с задачами, Вами поставленными, я перемещаю ГУГШ пока в Уфу, в последовательном порядке, не срывая работы на фронте и в тылу.

1. Семьи офицеров-слушателей отправлены в Томск с проводниками Кравцовым, Клуге, Корниловым, Отрыганьевым. К ним присоединяю избитого слушателя Шпигеля — эта группа м[ожет] б[ыть] небольшим резервом в Ваших руках.

2. Оберюхтин и 25 челов[ек] завтра придут в Уфу, и в моем распоряжении к моменту выявления главы военного ведомства будет резерв, чтобы подготовить работу»¹¹⁷¹.

Из письма следует, что сотрудники академии имели некие инструкции от Андогского. В частности, перемещение ГУГШ из Поволжья в Уфу и продвижение кадровых назначений представителей академии на ответственные посты не только в Поволжье, но и в объединенном командовании Поволжья и Сибири. Очевидно, начальник академии стремился если не официально, то кулуарно сосредоточить в своих руках рычаги управления военной машиной антибольшевистских сил Востока России. Возможно, это ему бы удалось, если бы не сильная оппозиция в лице генштабистов Сибирской армии, с которой академия столкнулась осенью 1918 г. В Самаре среди генштабистов ходили слухи, что именно Андогский будет кандидатом на пост военного министра будущего единого всероссийского правительства¹¹⁷².

По итогам сентябрьского Государственного совещания в Уфе возникло Временное Всероссийское правительство (Директория), вооруженные силы Народной и Сибирской армий объединялись. Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России (реально — антибольшевистскими вооруженными силами на Востоке России) стал генерал-лейтенант В.Г. Болдырев. Он был профессором академии, прекрасно знал и понимал значение этого высшего военно-учебного заведения, был знаком с профессорско-преподавательским составом академии. Неудивительно, что в конце сентября преподаватели академии получили приглашения поступить на службу в Ставку¹¹⁷³.

Слушатель К.В. Семчевский вспоминал о назначениях преподавателей: «После “уфимских” выборов Директория прибыла в Омск, привезла с собой “самарский” штаб, состоявший почти исключительно из профессоров академии и слушателей, эвакуировавшихся из Екатеринбурга в Казань, и сделала этот штаб “Ставкой” Верховного главнокомандования. Началась глухая борьба между “Ставкой” и штабом Сиб[ирской] армии, фактически имевшим все нити управления войсками и всем тылом... “Ставка”, переняв постепенно управление от штаба Сиб[ирской] армии, решила ликвидировать штаб Сиб[ирской] армии, а нас, как свидетелей их странного поведения в Екатеринбурге, “обезвредить”, послав нас куда-нибудь на самые захолустные должности»¹¹⁷⁴. Впрочем, возможно, здесь есть доля преувеличения.

¹¹⁷¹ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–5.

¹¹⁷² РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 55. Л. 10об.

¹¹⁷³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 7. Л. 136.

¹¹⁷⁴ МРК. Коллекция К.В. Семчевского. Box 1. Folder 28. Л. 8–9.

Крупную роль личного состава академии в формировании Ставки в Уфе отмечал и полковник К.Я. Гоппер. По его свидетельству, Ставка, «правильнее говоря, приехала в почти готовом виде с большим по числу наличным составом, чем требовалось обстоятельствами. Это была академия Генерального штаба... Главные роли в Ставке были распределены между профессорами полковниками Слижиковым, Леоновым, Сыромятниковым и Касаткиным¹¹⁷⁵, остальные должности — между курсовыми офицерами, причем генеральские должности замещались сравнительно молодыми капитанами. Так как Ставка этого состава сыграла видную роль в последовавших событиях, то крайне интересно было бы выяснить все обстоятельства, почему было допущено формирование Ставки из состава академии, все это время остававшейся на службе у большевиков... Мне кажется, что здесь большая ошибка была сделана генералом Болдыревым, нарушившим одно из основных правил стратегии о формировании штаба главнокомандующего. Главнокомандующий должен выбрать себе ближайшим помощником своего начальника штаба — человека одного с ним образа мыслей, на которого может положиться, как на самого себя, даже во всех мелочах. Насколько мне потом удалось выяснить, генерал Болдырев и его начальник штаба генерал [С.Н.] Розанов — люди совершенно различных убеждений и взглядов... Слишком занятый делами, как член Директории, ген. Болдырев целиком предоставил формирование Ставки генералу Розанову. По моим наблюдениям, генерал Розанов в свою очередь совершил ту же ошибку, набирая своих ближайших помощников. Розанов производит впечатление храброго, доверчивого вояки, немножко грубоватого, но неспособного одевать маски дипломатов и политиков, и как таковой он, я полагаю, не мог быть одного лагеря с теми тонкими и хитрыми политиками, к каким я отношу Слижикова, Леонова и Сыромятникова... Упомянутые... его ближайшие помощники, по всем моим наблюдениям, умели вести только закулисную борьбу, если только можно выразить этим словом их поведение и действия, так как никогда с достоверностью нельзя сказать, за кого и против кого они борются.

Весь остальной состав Ставки — кадровые офицеры академии — составляли, по крайней мере в первое время, очень сплоченную и по-воински дисциплинированную массу, что они доказывали всем своим поведением, и все они в один голос с восторгом, даже с некоторым преклонением отзывались о начальнике академии генерале Андогском. Надо отдать справедливость, что генерал Андогский действительно проявил выдающийся педагогический талант, сумев так сплотить и повлиять на достаточно уже поживших людей. С этой стороны, как видно, Ставка представляла из себя порядочный плюс, но весь вопрос, стало быть, заключался в том, куда будет направлена деятельность Ставки ее ближайшими руководителями. Физиономии этих руководителей оставались загадкой, и загадкой довольно подозрительной...»¹¹⁷⁶

Ответил на вопросы Гоппера относительно кадровой политики сам В.Г. Болдырев, который писал: «Чрезвычайно сложным оказался вопрос и с формированием моего штаба. Старых опытных работников, сотрудников по мировой войне, под рукой не было.

При существовавшей вражде между Народной и Сибирской армиями, брать людей из их состава — это значило бы только еще больше усилить их рознь. Нужны были нейтральные работники.

¹¹⁷⁵ Мемуарист неточен, профессорами они не были.

¹¹⁷⁶ Гоппер К.Я. Четыре катастрофы. Воспоминания. Рига, [б.г.]. С. 82–84.

Пришлось остановиться на небольшой группе молодежи, главным образом, из состава бывшей академии Генерального штаба. Но и здесь было “но” — академия только что была пленена в Казани; до этого времени она работала с Красной армией и расценивалась “большевистской”¹¹⁷⁷.

На октябрь 1918 г. представители академии действительно заняли руководящие посты в Ставке генерала В.Г. Болдырева. Временно исполняющим должность помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего стал полковник А.П. Слижиков. Временно исполняющим должность 1-го генерал-квартирмейстера — полковник А.Д. Сыромятников, временно исполняющим должность 2-го — полковник Г.В. Леонов¹¹⁷⁸.

1 октября Андогский вместе с П.Ф. Рябиковым уехали в Уфу, где, очевидно, решали важные организационные вопросы с Болдыревым и другими представителями высшей власти. На период отъезда Андогского замещал профессор Б.М. Колубакин, а в связи с командировкой правителя дел А.Т. Антоновича в Омск (до 8 октября) его замещал полковник Г.Т. Киященко. В дальнейшем Рябиков числился в командировке в штабе Сибирской армии.

Приказом Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России № 15 от 20 октября академия была непосредственно подчинена начальнику штаба Верховного главнокомандующего¹¹⁷⁹. Впрочем, генерал Болдырев к академическому начальству отнесся достаточно сухо¹¹⁸⁰ и, как отмечал подполковник В.И. Оберюхтин, был чем-то обижен на академию¹¹⁸¹. Возможно, сказалось влияние недоброжелателя академического начальства генерала А.Ф. Матковского — однокашника Болдырева по академии.

* * *

Осенью 1918 г. в академии готовились к возобновлению занятий, тем более что курсы 3-й очереди из-за драматических событий лета 1918 г. фактически завершены не были. 27 августа 1918 г. к временному исполнению обязанностей штатного руководителя практических занятий был допущен полковник А.А. Сурнин, а уже 31 августа его допустили к исполнению должности штаб-офицера, заведующего обучающимися.

Согласно приказу начальника штаба Верховного главнокомандующего № 9 от 20 октября 1918 г., для возобновления занятий с 1 декабря постановлением конференции академии предполагалось вызвать преподавателей и слушателей старшего класса (на 22 ноября конференция наметила принять в старший класс 80 слушателей¹¹⁸²). Список вызванных необходимо было представить начальнику штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанту С.Н. Розанову к 15 ноября 1918 г.¹¹⁸³ 23 октября 1918 г. Розанов издал приказ № 13, касавшийся академии. Судя по этому документу, слушателей академии, направленных в центральные управления и полевые штабы, предписывалось считать в списках академии и лишь временно командированными для прохождения практического служебного курса. Таким офицерам надлежало выдавать содержание по штату академии, утвержденному 12 октя-

¹¹⁷⁷ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (Из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.). Ново-николаевск, 1925. С. 58.

¹¹⁷⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 24. Л. 26.

¹¹⁷⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 1. Л. 181.

¹¹⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 127.

¹¹⁸¹ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 55. Л. 10об.

¹¹⁸² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648. Л. 233об.

¹¹⁸³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 1. Л. 177.

бря, и сверх того командировочное денежное довольствие по 3% основного академического содержания в сутки. Прочие виды довольствия и паек выдавались по положению¹¹⁸⁴. Аналогичный приказ, касавшийся преподавательского состава, был издан 26 октября за № 18¹¹⁸⁵.

К этому периоду относятся предложения некоторых преобразований в самой академии. Так, в конце октября 1918 г. был представлен доклад об учреждении при академии школы верховой езды¹¹⁸⁶. По всей видимости, проект был отклонен, поскольку обстановка Гражданской войны не располагала для ведения такой подготовки.

30 октября 1918 г. приказом по академии № 229 все окончившие подготовительные курсы 1, 2 и 3-й очереди были переведены в старший класс академии¹¹⁸⁷. 18 ноября был издан приказ по академии № 239 с указанием местонахождения слушателей старшего класса 3-й очереди. Вполне возможно, этот документ был необходим в связи с вероятным возобновлением обучения¹¹⁸⁸. Как бы то ни было, учеба возобновлена не была.

Пока в академии не было занятий, решались различные организационные вопросы. Были утверждены новые штаты академии. Структура ее включала административную, учебную и санитарную части. Определен вопрос с окладами жалования профессорско-преподавательского состава. Решались вопросы расселения преподавателей, при том что получение квартир в Томске оказалось проблемным даже к 20 октября 1918 г.¹¹⁸⁹ Годовой бюджет академии по штату от 12 октября 1918 г. представлен в таблице 15.

Таблица 15

Годовой бюджет академии по штату от 12 октября 1918 г.¹¹⁹⁰

Статья расхода	Сумма (руб.)
На вознаграждение преподавателей, за дополнительные занятия и на выдачу суточных чинам конных частей, приглашаемым для обучения верховой езде и для полевых поездок	139 950
На учебные пособия	30 000
На канцелярские расходы	15 000
На наем помещений для канцелярий, съемки, перевозку инструментов	5000
На содержание Суворовского музея и Суворовской Кончанской церкви	15 000
На издание диссертаций, военно-научных трудов и печатные работы	50 000
Итого	254 950

Статьи бюджета позволяют составить представление о сферах деятельности работников академии. Надо сказать, этот бюджет был значительно скромнее первоначально намечавшегося¹¹⁹¹.

¹¹⁸⁴ Там же. Л. 179.

¹¹⁸⁵ Там же. Л. 180.

¹¹⁸⁶ Там же. Л. 182.

¹¹⁸⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 16. Л. 107.

¹¹⁸⁸ Там же. Л. 127.

¹¹⁸⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 15. Л. 59.

¹¹⁹⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 1. Л. 174об.

¹¹⁹¹ На вознаграждение 250 000 руб., на учебные пособия 30 000, на издание диссертаций и печатные работы 150 000, на командировки профессорско-преподавательского состава с научной целью 50 000, на канцелярские расходы 15 000, на наем помещений, перевозку инструментов и вех 5000, на содержание Суворовского музея и церкви 15 000 (РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 35. Л. 4).

25 октября 1918 г. было принято решение вызвать в академию оставшихся слушателей 1-й и 2-й очередей для зачисления в старший класс. Приоритет в наборе отдавался тем, кто держал экзамены в округах или конкурсные. Вторым признаком при отборе на курсы намечали боевую службу и старшинство баллов. Ранения и георгиевские награды теперь не были критерием. Вторую смену старшего класса намечали открыть 1 мая 1919 г., также фигурировал иной срок обучения — с 1 июня по 1 ноября¹¹⁹².

В октябре–ноябре 1918 г. на заседаниях конференции шли выработка и согласование учебных планов будущих курсов, а также распределение предметов между преподавателями. Подготовка слушателей 3-й очереди, продолжавшаяся восемь месяцев, была максимально приближена к курсу мирного времени (однако обучение прерывалось эвакуациями и боевыми действиями). С другой стороны, набор слушателей на курсы 3-й очереди вызывал вопросы по части возможного протекционизма, чего не было с курсами 1-й и 2-й очередей¹¹⁹³. Из нововведений на курсах планировали начать преподавание международного и государственного права. Социологию вводить опасались, поскольку офицеры могли ею увлечься, а наличие подобного курса могло быть превратно понято в белом лагере¹¹⁹⁴.

На заседании конференции 30 ноября 1918 г. в программу репетиций на подготовительных курсах были включены курсы мировой войны в отдельных операциях, военной статистики России, статистики иностранных государств (в том числе отдельно по таким регионам, как Галиция и Азиатская Турция). В программу старшего курса вошли история военного искусства в России и военная администрация (ее единственный преподаватель генерал В.И. Сурин, занимавший пост помощника военного и морского министра, находился за пределами Томска).

В программу обучения решили включить следующие предметы: тактика — общая (полковник И.И. Смелов, подполковник А.Д. Сыромятников), пехоты (полковник А.П. Слижиков), артиллерии (генерал В.Л. Томашевский), конницы (полковники Г.В. Леонов и И.И. Сторожев), технических войск (Г.В. Леонов), воздухоплавания (И.И. Сторожев); история военного искусства общая (генералы М.А. Иностранцев, Б.М. Коллюбакин, подполковник П.Г. Осипов); служба Генерального штаба (генералы А.И. Андогский, П.Ф. Рябиков, полковник В.Н. Касаткин (отдел связи), подполковник Г.В. Солдатов (разведка местности)); мировая война в отдельных операциях (М.А. Иностранцев (причины войны), Б.М. Коллюбакин, А.И. Андогский, полковники Б.П. Богословский, И.И. Смелов); сведения по инженерному искусству (полковник Н.И. Коханов); военная администрация (генерал В.И. Сурин); сведения по артиллерийской части (генерал В.Л. Томашевский); военная статистика России (генерал А.И. Медведев); военная статистика иностранных государств (генерал Г.Г. Христиани); теория съемки (полковник Г.Т. Киященко); военно-топографическая разведка (Г.В. Солдатов); практические занятия по тактике (руководители: генералы М.А. Иностранцев, П.Ф. Рябиков, В.Л. Томашевский, полковники А.Т. Антонович, Г.Т. Киященко, И.И. Смелов, подполковники П.Г. Осипов, Г.В. Солдатов)¹¹⁹⁵. О самой серьезной подготовке открытия курсов свидетельствует то, что, к примеру, 7 января 1919 г. конференция обсудила программу курса

¹¹⁹² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 24. Л. 34, 38об.

¹¹⁹³ Там же. Л. 37.

¹¹⁹⁴ Там же. Л. 46.

¹¹⁹⁵ Там же. Л. 60–60об.

общей истории военного искусства посленаполеоновского периода¹¹⁹⁶, т.е. программы обсуждались до деталей.

* * *

26 октября Андогский был вызван в Ставку временно исполняющим должность начальника штаба Верховного главнокомандующего А.П. Слижиковым якобы для разрешения академических вопросов на месте¹¹⁹⁷ и 30 октября вновь уехал в Омск¹¹⁹⁸, где ожидалось серьезные перемены. Андогский еще в начале осени погрузился в непростую подковерную борьбу различных военных группировок Омска. По всей видимости, там он чувствовал себя в своей стихии. Отношения Андогского с начальником штаба Сибирской армии генерал-майором П.А. Беловым (Виттекопфом) не складывались. Белов, по мнению некоторых штабных работников, был одним из инициаторов травли академии, проводившейся в белой Сибири в конце 1918 – начале 1919 г.¹¹⁹⁹ Он же в качестве мелкой интриги против Андогского якобы от имени командующего армией выселил начальника академии из предоставленного ему в Омске вагона¹²⁰⁰. В.Г. Болдырев вспоминал, что «особенной нетерпимостью в отношении академии был одержим штаб Сибирской армии, грозивший расстрелом “ученых большевиков”. Начальнику академии ген. Андогскому, энергичному дельцу и недурному организатору, пришлось долго “каяться”, чтобы очистить себе дорогу к положению, которое он занял потом в Омске»¹²⁰¹.

Академия не оставалась в долгу. Слушатели академии обвиняли Белова в инициации кампании против академии. Октябрем 1918 г. датирован совершенно секретный доклад слушателя академии штабс-капитана А.А. Бурова помощнику начальника штаба Верховного главнокомандующего, содержавший неприкрытый навет на Белова¹²⁰². Поскольку в докладе

¹¹⁹⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1156. Л. 132.

¹¹⁹⁷ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 31. Л. 4.

¹¹⁹⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 248.

¹¹⁹⁹ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 10. Л. 39.

¹²⁰⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 24. Л. 26об.

¹²⁰¹ *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты... С. 58–59.

¹²⁰² «I. Исключительная серьезность настоящего политического положения, от своевременного и правильного разрешения которого зависят судьбы Отечества, заставляют меня представить Вам настоящий доклад в спешном порядке, не подобрав материала полностью.

II. Вокруг имени занимающего большой пост — начальника штаба Сибирской армии ген[ерал]-майора Белова в течение последних двух месяцев сплетаются слухи о принадлежности его к тайной пангерманской организации, связанной, с одной стороны, с большим германским Генеральным штабом и, с другой стороны, — с тайными большевскими организациями.

Слухи эти имеют нижеследующие основания:

1. Фамилия ген. Белова — Виттинкопф (правильно — Виттекопф. — *А.Г.*); настоящая же его фамилия будто бы Вейсман, под которым (так в документе. — *А.Г.*) он известен в Германии (см. приложение № 1), подробности от шт[абс]-кап[итана] Саенко.

2. Ген. Белов навещал некоего Разенплентера, где собирались немцы — Якобсон, Ренниг, Шварц, Петерсон, Шульц, Унгер, Крао и доктор Исаак, распространявший германский военный заем, вывезенный ими в декабре 1917 г. из Германии. В приложении № 1 указаны лица, могущие это подтвердить.

Другое из перечисленных лиц (кажется, Унгер) — председатель Пангерманского союза в России.

Третье — Якобсон — арестован, как обличенный в попытке подкупить сербского офицера с целью с его помощью переправить вагоны с хлебом в большевизию и далее в Германию.

Якобсон бывал у Елизаветы Александровны Сапожниковой, близко стоявшей к императорскому двору; увидя у последней портреты лиц императорской фамилии, Якобсон выразил удивление, отчего это у такой убежденной

монархистки нет портрета величайшего из монархов — Вильгельма. Этот разговор был передан сербам, и они построили на этом ловушку для Якобсона, в которую он и попался.

Однажды после нескольких рюмок ликеру Якобсон распространялся о необыкновенном патриотизме и талантах ген. Белова, решимость которого доходит, по его словам, до того, что он не остановится перед необходимостью “убрать” вредного для него человека с помощью пилули. Командант штаба Степного корпуса Лопатчиков, принимавший деятельное участие в деле Якобсона, был на днях найден отравленным. Вокруг этого отравления выросли чудовищные слухи и предположения. Ст[епан] Ник[ифорович] Шендриков — заместитель атамана Семиреченского войска и член Уфимского совещания, хорошо знавший покойного Лопатчикова, убежден, что его отравили (С.Н. Шендриков — врач и живет при штакоре 2 Степном).

Считаю долгом добавить, что дающие показания так уверены в гении ген. Белова и в его непобедимости, что говорят с большой опаской и просят держать их показания в величайшей тайне.

5. Один из расстрелянных матросов карательного отряда Горбачева перед смертью в присутствии есаула Кудравцева и некоторых других офицеров заявил, что их глава находится в штабе армии (см. приложение).

6. Ныне происходящая забастовка, по уверениям добровольной офицерской контрразведки, инспирирована ген. Беловым. Кошмарное заявление это находит, к сожалению, подтверждение в настоящем поведении ген. Белова: будучи вызван председателем Административного совета Ив. Михайловым по вопросу о необходимости привлечения войск к ликвидации забастовки, ген. Белов заявил, что такие задачи не входят в компетенцию армии. Теперь и председатель Административного совета убежден если не в явном участии ген. Белова в организации забастовочного движения, то во всяком случае он теперь оказывает этому содействие.

III.I. Имеющихся пленных красноармейцев ген. Белов предполагал расселить по селам и только после энергичного отпора, данного ему Ив. Михайловым, он отказался от этой пагубной меры.

2. Сведения о происходящих собраниях и о присутствии на них ген. Белова может подтвердить сотник Рытов, опираясь на нескольких свидетелей.

3. Из двух совершенно независимых и друг другу неизвестных источников — от капитана Бафталовского и поручика Головина получены сведения о том, [что] адъютант ген. Белова ведет по его приказанию организацию Германской монархической группы офицеров.

4. О происходящей теперь забастовке имелись уже 2 недели тому назад сведения у полк[овника] Волкова и некоторых других офицеров. По сведениям добровольной офицерской контрразведки, забастовка один из мазков общей картины восстания, которое должно было начаться со взрыва моста через Иртыш и пороховых погребов. Главное руководство этими операциями по этим сведениям принадлежит ген. Белову. Сведения эти сообщались начальнику чешской контрразведки — полк[овнику] Зайчику, но вследствие отсутствия материалов письменных, указывающих на непосредственное участие ген. Белова, полк[овник] Зайчик ходу им не дал. Эти сведения мною получены от Новака Миловича — серба-юриста, помощника Зайчика. Подробные сведения о связи ген. Белова с большевистскими организациями будут мною представлены дополнительно после опроса шт[абс]-кап[итана] Саенко.

Это может подтвердить Ив. Михайлов — председатель Административного совета.

5. На докладе в штабе армии, когда разбирался вопрос об отпуске кредитов на военное училище в Иркутске и об открытии нового — в Томске, ген. Белов заявил, что пребывание в военном училище он считает укрывательством от военной службы. Вопрос решен в отрицательном смысле. Это может подтвердить капитан Семчевский. Два последних приведенных пункта заставляют вспомнить классическую фразу Миллюкова: “Что это — глупость или измена?”.

IV.I. Явившись после переворота к управляющему Военным министерством Сибири ген. Гришину-Алмазову, ген. Белов назвался полковником, тогда как, по наведенным справкам, приказа о его производстве в полковники не было.

2. Ген. Белов отдал приказ о вступлении ген. Иванова-Ринова в командование Сибирской армией, не получив соответствующего приказа от ген. Алмазова, которому был подчинен. Дело это находится у военного прокурора.

V. В настоящую тяжелую историческую минуту, когда только что народившаяся всероссийская власть начала созидательную работу, когда ее в целях величия Родины обязан поддержать всякий — в это время агенты и клеветы ген. Белова ведут усиленно агитацию, а (так в документе. — А.Г.) травлю против всероссийской власти и в частности и в особенности против Верховного главнокомандующего.

Как иллюстрацию этой разрушительной работы привожу приложение № 2. Последним зафиксирована агитация только в штакоре 2 Степном, но травля ведется по всему Омску и даже в других городах.

и приложениях к нему имеется довольно большое количество отсылок к свидетельствам других курсовиков (капитаны И.А. Бафталовский, Е.И. Гриневский и К.В. Семчевский), прочих офицеров и даже влиятельного министра финансов омского правительства И.А. Михайлова, можно предполагать наличие сговора с целью дискредитировать Белова и убрать его с военно-политической авансцены Омска. К докладу прилагались два заявления есаула Кудрявцева от 11 октября 1918 г.¹²⁰³, а также капитанов Бафталовского, Гриневского и подполковника Орлова от 16 октября¹²⁰⁴. Документы были представлены в копиях и содержали множество искажений в фамилиях.

Сам Андогский едва ли не в ультимативной форме доложил Болдыреву требование военных кругов — не пропускать Белова наверх¹²⁰⁵. Одновременно Андогский пытался повысить доверие к академии в Ставке. В итоге 13 ноября Белов был снят с должности и отчислен в резерв чинов при штабе Верховного главнокомандующего, якобы «вследствие поданного рапорта», а 14 ноября военный и морской министр Директории вице-адмирал А.В. Колчак

Донося о вышеизложенном, считаю долгом обратить внимание Ваше на то, что в настоящем вопросе больше, чем где-либо имеют значение слова Великого Петра: “Промедление времени — смерти безвозвратной подобно”» (РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 136. Л. 1–1об.).

¹²⁰³ «Заявление. Полковник Белов имеет фамилию Виттенкопф по Ген[еральному] штабу и настоящую Вейсман. В начале [19]14 или в конце [19]13 года ездил в Германию. Эти сведения имею от одного офицера Ген[ерального] штаба, фамилию которого сейчас привести не могу, но это же сведение можно узнать от офицеров Ген[ерального] шт[аба] — сослуживцев Белова. Далее шт[абс]-кап[итан] Саенко сообщил мне следующее: живущая на Ат[амановском] хуторе проститутка (шпионка) Гроиан, имеющая свой дом, который она продавала за 10 000, этому Саенко, будучи в компании пьяная, проболталась про то, что фамилия Белова — Вейсман. Далее обнаружено нашими людьми, что Белов (неразборчиво) (вписано чернилами. — А.Г.) ходил к какому-то Розетьянтеру (фам[илия] неразборчива). Это дало нам повод подозревать его в шпионаже, после того как обнаружилось, что собравшиеся у Розетьянтера немцы Якобсон, Ренниг, Шварц, Петерсон, Ивриц, Унгер, Кроо и доктор Исаак распространяли германский военный заем, который г. Унгер вывез из Германии в декабре 1917 г. Про это распространение займа знает поручик Овсянкин, при штабе армии служащий. Унгер был у канцлера в Берлине. Якобсон — тот самый, который арестован как шпион. Сведения эти можно получить у полковника Зайчика. Собрании эти происходили в домах Розенплянтера и Кроо по Кожевенной улице против Леля. Адрес Розенплянтера не помню, кажется, где-то на Аптечной улице. Про эти собрания узнали жид Кадыш и один из двух офицеров Овечкин или поручик Ломоносов. В кадетском корпусе произошло следующее: я приказал расстрелять 5 человек матросов карательного отряда Горбачева, когда их повели к (неразборчиво) (вписано чернилами. — А.Г.), один из них говорил, что у них есть свой человек в штабе армии их глава, но я тогда, не зная дела, им не поверил. На собраниях в загородной роще рабочие, настроенные большевистски, много толковали о предполагающихся взрывах жел[езно]дор[ожного] моста, пороховых погребов и разных забастовках, говорили о том, что нужно убить Красильникова и других. Это дело знает шт[абс]-кап[итан] Саенко, который был на этом собрании, и он может пролить свет на связь Белова с большевистскими организациями» (Там же. Л. 2).

¹²⁰⁴ «Настоящим свидетельствуем, что наштакор 2 Степного полковник Василенко и в особенности в.р.и.д. оберквар[тирмейстера] подполковник Брянцев, будучи настроены против Ставки, и, в частности, против генерала Болдырева, прилагают все усилия к тому, чтобы восстановить офицеров корпуса против Ставки, для чего они ведут пропаганду в том смысле, что приехавшая Ставка состоит из лиц, служивших у большевиков и теперь явившихся сюда с целью разложить Сибирскую армию, для чего Ставкой заменяются офицеры-сибиряки своими ставленниками.

16 октября 1918 г.

гор. Омск

Капитан Бафталовский

Капитан Гриневский

Все вышеизложенное замечал только относительно подполковника Брянцева — подполковник Орлов» (Там же. Л. 2об.).

¹²⁰⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 24. Л. 28.

подписал телеграмму с требованием арестовать Белова при сопротивлении и интригах (телеграмма была перехвачена чехословаками)¹²⁰⁶.

15 января 1919 г. на заседании конференции обсуждались события вокруг академии и их предыстория. Сохранившиеся в личном архиве Андогского черновые материалы журнала заседания позволяют подробнее осветить предысторию отстранения Белова и шаги академического руководства по достижению этой цели. Документ освещает и интриги, применявшиеся для нейтрализации другого оппонента академического начальства, генерала Матковского (его, как и Белова, представители академии голословно обвинили в германофильстве). Из документа видно, как академическая группировка ради достижения своих целей вводила в заблуждение А.В. Колчака.

В журнале заседания отмечалось, что «в короткое отсутствие н[ачальни]ка академии из г. Омска положение академии понизилось, противники ее и начальника академии безостановочно работали по воссозданию худой славы. Академия и ее н[ачальни]к считаются разрушителями государственной власти, о чем ясно трактует телеграмма генерала Иванова-Ринова к ген. Матковскому приблизительно такого содержания: имею достоверные сведения, что академия с главой ее и его ближайшим агентом — полковником Слижиковым противодействует работам Ставки и упрочению еще не окрепшей государственной власти.

Естественно, что после такой телеграммы, определенно говорящей об академии как о собрании противников государственности — только что начавшей зарождаться, отношение к ней заметно стало ухудшаться.

Начальник штаба Верх[овного] глав[нокомандующего] — ген. Розанов — ранее если не расположенный к академии, то все-таки не делавший ей явно зла, теперь отвернулся и при встрече с н[ачальнико]м академии на вопросы последнего: “Что произошло?” “Опять против академии?” — ответил: “Я такого разговора не буду поддерживать!”

“Академия будет открыта?”

“Нет” — был лаконический ответ наштаверха.

Не добившись ни одного приятного слова, н[ачальни]ку академии пришлось прибегнуть к другому способу — обратиться за содействием к другу академии министру финансов Михайлову и при его посредстве искать содействия и у Совета министров, благоприятно настроенных к академии и почитавших ее за важное государственное учреждение.

Назревал конфликт между к[омандую]щим Екатеринбург[ургской] группой ген. Гайдой и членом Директории ген. Болдыревым, центром которого был ген. Белов — начальник штаба Сибирской армии.

О последнем поступали в Ставку неблагоприятные отзывы, но ген. Болдырев не принимал никаких мер не только к устранению от власти вредного человека, но даже обезвреженью его.

Отзывы дошли и до воен[ного] и морского министра в[ице]-адмирала Колчака, которого н[ачальни]к академии ознакомил с ген. Беловым и его отношением к академии. Ген.¹²⁰⁷ Колчак, удивленный, задал ген. Андогскому вопрос о взаимоотношениях Ген. штаба и академии, на который он ответил, что 4/5 офиц[еров] Ген. штаба — “вверенная мне академия”, а остальные — противники ее, почитающие себя хранителями порядка и государственно-

¹²⁰⁶ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 45. Л. 1.

¹²⁰⁷ Так в документе.

сти, к числу которых принадлежит и ген. Матковский. “Ген. Матковский не [сторонник]¹²⁰⁸ больш[евистской] власти — ярый ее пр[отивник]?” — спросил Колчак. Ген. Андогский ориентировал о личности и этого генерала и причинах его устранения из академии. Вначале в[ице]-адм[ирал] Колчак поставил поступок ген. Матковского ему в похвалу, но, узнав об отсутствии идейных побуждений и немецкой ориентации, изменил свой взгляд и заметил: “Наши точки зрения совпадают, совершенно правильно поступили, прошу Вас и академию меня поддерживать”. Ориентировка в[ице]-адмирала Колчака о ген. Белове привела его к выводу о необходимости изъять этого генерала.

8 ноября воен[ный] и морской министр уехал на фронт. Не успел доехать до Екатеринбурга, как в Ставку к Главкомверху поступил ультиматум ген. Гайда — приблизительно такого содержания: “Зная вредную деятельность ген. Белова, я требую немедленного удаления его и назначения следствия. Если не будет мое требование исполнено в течение 48 часов, я направлю к Омску эшелоны чехословаков”.

Ген. Болдырев был выведен из равновесия, поспешно собрал национальный чехословацкий совет, послал ген. Сыровому требование поставить ген. Гайду на должное место. Началась борьба фронта с ген. Болдыревым, который постепенно терял почву из-под ног.

В г. Омск приехал франц[узский] комиссар Ренье, в честь которого властями устраивались обеды. Дан был обед и ген. Матковским, на котором разыгрался инцидент.

После выпитого вина войск[овой] стар[шина] Красильников с револьвером в руках потребовал от оркестра исполнить “Боже, царя”. Оркестр повиновался. Часть гостей во главе с ген. Матковским встали (вероятно, инстинктивно), последний вскоре сел. Попытки остановить и прекратить игру не удавались. Ген. Ренье и часть гостей ушли с обеда.

На следующий день при встрече ген. Болдырева с мин[истром] фин[ансов] Михайловым произошел между ними такой разговор: обменявшись мнениями о бывшем на обеде событии, мин[истр] финансов высказал, что виновником считает бездействие его — ген. Болдырева [—] власти; тогда ген. Болдырев обратился к г. Михайлову: “Поддержите меня, что хотите?”

“Убрать ген. Белова и поддержать академию” — был ответ г. Михайлова. “Хорошо, все исполню”. 11 ноября пришла телеграмма от в[ице]-адмирала Колчака, приблизительно такого содержания: “Ознакомившись с материалом и из личной беседы [с] генералом Гайда убедился в противогосударственной деятельности ген. Белова. Требую немедленного его устранения”.

Незвизрая на столь категорические указания, ген. Болдырев, поддерживаемый ген. Розановым, который работал в согласии с ген. Беловым, упорствовал.

В это время ген. Гайда, не дождавшись благоприятного ответа на свой ультиматум, приступает к выполнению его.

От полков[ника] Касаткина получается пакет с телеграммой ген. Гайда о сосредоточении чехов к г. Омску для готовности поддержать требование.

Ген. Болдырев запрашивает по аппарату ген. Дитерихса и получает ответ, что главн[окомандую]щему все известно, а на вопрос, как относится: “Согласен с ген. Гайдой”.

12 ноября ген[ералы] Болдырев и Розанов отдали приказ о смещении ген. Белова с должности наштарма Сибирской¹²⁰⁹.

¹²⁰⁸ Слово неразборчиво.

¹²⁰⁹ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 44. Л. 2–3об.

Преподаватели академии в целом сохраняли свою сплоченность. 6 ноября 1918 г. состоялся академический ужин, в котором приняли участие А.И. Андогский, М.А. Иностранцев, Н.И. Коханов, П.Ф. Рябиков, И.И. Сторожев, В.И. Сурин¹²¹⁰.

Между тем в Ставке не прекращались дразги. В те же дни подполковник А.Я. Нарышкин поднял в Ставке очень неприятный для академии вопрос об очищении корпуса офицеров Генерального штаба от ранее служивших у красных (впрочем, сам инициатор чистки тоже успел попасть на учет кадров в РККА). 24 ноября 1918 г. он телеграфировал начальнику штаба Верховного главнокомандующего: «Мною 13 ноября была доложена бывшему Главковерху¹²¹¹ и Вашему превосходительству просьба очистить корпус офицеров Генерального штаба от офицеров Генштаба, состоявших на службе у большевиков. Причиной послужило нахождение на должности Генштаба в Ставке офицера, переведенного в Генеральный штаб Троцким, который носит сейчас форму генштабиста и который состоял в штабе большевиков в Екатеринбурге и перешел на нашу сторону только тогда, когда участь боя у Екатеринбурга ясно клонилась в нашу сторону. Свой устный доклад мотивировал Вашему превосходительству следующим[:] 1) ввиду того, что в Сибирской армии существует приказ н[оме]р 69 об офицерах, служивших в Красной армии, где указано, что офицеры, даже поступившие из-за куска хлеба в Красную армию, подлежат суровой ответственности, то этот приказ должен [быть] без всяких оговорок применен и к офицерам Генштаба, так как офицеры Генштаба, состоя у большевиков, занимали высокие посты, получали большое содержание и своей службой показывали возможность служить у Ленина и Троцкого [—] заведомых немецких шпионов, что[бы] все офицеры Генштаба знали поэтому, если сурово судят прапорщика, то офицера Генштаба должно судить возможно строже, 2) нахождение таких офицеров в Ставке и высших штабах позорит корпус офицеров Генштаба и мундир Генштаба, 3) мною было высказано пожелание установить теперь же суд чести из офицеров Генштаба, который должен потребовать письменное объяснение от каждого офицера Генштаба о его службе и деятельности за время после заключения Брестского мира и до поступления на службу в противобольшевицкую армию, 4) суд чести должен быть составлен из офицеров, кои после Брестского мира не состояли на службе в военном ведомстве и не получали от правительства Ленина–Троцкого жалованье, 5) приказом наштаверх[a] от 4/10 н[оме]р 2 Главковерхом введены суды чести согласно ранее действовавших правил во всех частях и учреждениях, 6) Главковерх и Ваше превосходительство после моего доклада обещали сделать соответствующие распоряжения и принять меры, 7) 23 ноября моим подчиненным была получена телеграмма из Ставки, подписанная Генштаба капитаном Симоновым, переведенным в Генеральный штаб Троцким, 8) ввиду изложенного и считая, что офицеры Генштаба должны и обязаны стремиться [к] очистке корпуса офицеров Генштаба от красноармейцев, дабы не подрывать доверия к себе со стороны строя и честных граждан Родины, я вновь обращаюсь к Вашему превосходительству и прошу гг. офицеров Генштаба поддержать мой доклад о необходимости введения суда чести офицеров Генштаба на приведенных условиях с обязательным постановлением суда чести о каждом офицере Генштаба в отношении службы в Красной армии и получения содержания от правительства Ленина и Троцкого, дабы офицер Генштаба мог спокойно работать, не считая для себя возможным встречаться по службе

¹²¹⁰ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

¹²¹¹ Генералу В.Г. Болдыреву.

с людьми, служившими у немецких шпионов и [которые] распоряжением этих шпионов переведены в русский Генштаб. Челябинск. 24 ноября. Н[оме]р 612/н. Генерального штаба подполковник Нарышкин»¹²¹².

Генерал-майор Н.Т. Сукин отметил, что подобная телеграмма «может вызвать осложнение при ее исполнении»¹²¹³. По некоторым данным, Нарышкин таким способом сводил счеты со своим старым сослуживцем капитаном А.Л. Симоновым. В результате Симонов был вынужден оправдываться, 11 недель находился под следствием, но в конце концов был реабилитирован.

На должность начальника штаба при Болдыреве пытались назначить А.П. Слижикова, однако в итоге должность занял старый сослуживец Андогского генерал-лейтенант С.Н. Розанов¹²¹⁴, который дал добро на открытие обучения в академии, правда, поинтересовался при этом: «Нельзя ли открыть академию на старых основаниях, чтобы не было “недоносков”?»¹²¹⁵ Речь шла о курсовиках. Андогский на это ответил, что подобный взгляд ошибочен, а курсовики обладают большим практическим опытом. Вообще, трения в офицерской среде ощущались достаточно болезненно. Важны были даже мелочи. Так, например, тот же Розанов на параде в Челябинске лишь кивнул начальнику академии вместо приветствия, что было воспринято как проявление неуважения¹²¹⁶, а через полгода обращался не иначе как «Дорогой Александр Иванович!»¹²¹⁷.

По свидетельству участника событий, в Омске «все должности Ставки Верховного главнокомандующего заняли офицеры Генштаба и слушатели академии, прибывшие с ген. Андогским. Генквармом был полк[овник] Сыромятников, нач[альником] военных сообщений — полковник Касаткин. Разведывательным отделением ведал ген[ерал]-л[ейтенант]¹²¹⁸ Рябиков, б[ывший] проф. академии¹²¹⁹; оперативным отделом г[енерал]-м[айор] Служиков¹²²⁰. Ген. Андогский не получил никакого назначения, он продолжал числиться нач[альником] академии, распределял должности между младшими чинами и думал организовать курсы академии Генштаба, для подготовки будущих штабных офицеров. Я очень сошелся с Андогским, и до самой его смерти, уже в Харбине, мы с ним оставались в самых дружеских отношениях. Очень спокойный, сдержанный человек, Андогский был умный, культурный и образованный военный. Он кончил университет, пошел в военное училище, затем в Военную академию, в которой впоследствии стал профессором. Он был автором известного труда — “Встречный

¹²¹² РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 138. Л. 5–7.

¹²¹³ Там же. Л. 4.

¹²¹⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 24. Л. 27. Выступая на банкете по случаю праздника Генерального штаба в декабре 1918 г., Розанов сказал об Андогском: «Александра Ивановича я знаю давно, еще в японскую войну мы жили с ним в одной фанзе. Во время большевизма, когда сам, будучи командирован в качестве разведчика от армии генерала Алексева, я видел его у Троцкого в кабинете, унижавшегося ради великой идеи — спасения академии. Его страдания были тяжелы, но он их перенес, и вот Вы здесь, под его руководством создаете и будете драться в рядах новой русской армии» (Русская армия (Омск). 1918. 11 дек. № 18 [Прилож.]. С. 1).

¹²¹⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 24. Л. 28об.

¹²¹⁶ По всей видимости, такой парад в присутствии Андогского мог состояться только летом–осенью 1918 г.

¹²¹⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 25. Л. 8.

¹²¹⁸ Так в документе, правильно: *генерал-майор*.

¹²¹⁹ Профессором он тогда еще не был.

¹²²⁰ Так в документе, правильно: *полковник Слижиков*.

бой”, — переведенного на все европейские языки. В своей семейной жизни он был очень несчастен, благодаря неудачной женитьбе на простой и взбалмошной женщине»¹²²¹.

Омская обстановка осени 1918 г. отличалась своеобразием. По свидетельству осведомленного очевидца, «Омск того времени, т.е. недолгого пребывания Директории у власти, представлял собой какой-то взбудораженный муравейник. Политические кружки, совещания, какая-то хлопотливая жизнь, в которой чувствовалось что-то ненормальное, но настоящее... “Да ведь это Мексика какая-то!” — говорил всегда спокойный, сдержанный Андогский. — “Из этого ничего не выйдет!”... Не видел ничего и ни о чем не думал Розанов, время которого проходило между Ставкой и рестораном гостиницы “Россия”. И Андогский, и Сыромятников с нескрываемой иронией отзывались о наштаверхе. “Да ему кроме кабака с девками ничего не надо”, — говорил Сыромятников»¹²²². Сложно сказать, насколько справедливы подобные обвинения.

Одним из главных организаторов омского переворота 18 ноября 1918 г., приведшего к свержению Директории и установлению власти адмирала А.В. Колчака, был известный своими интригами политический манипулятор 28-летний министр финансов омского правительства И.А. Михайлов, покровительствовавший академии¹²²³. За причастность к ряду политических убийств недоброжелатели прозвали его «Ванька-каин»¹²²⁴. Тем не менее влияние этого человека, сохранившего министерский портфель в трех разных правительствах на Востоке России на протяжении 1918–1919 гг., трудно переоценить. Как отмечал достаточно осведомленный свидетель тех событий, будущий министр иностранных дел колчаковского правительства И.И. Сукин, «Михайлов сам погрузился в атмосферу военных интриг и незаметно для себя попал в круг тех личных, карьерных и тщеславных стремлений, которыми была окрашена почти вся среда Генерального штаба в Омске»¹²²⁵. И действительно, в документах конференции академии есть прямые указания на то, что Михайлова академическое начальство считало своим доброжелателем и обращалось к нему за содействием осенью 1918 г.¹²²⁶

Служившие в Ставке представители академии, как и державшийся в тени Андогский, играли важную роль в перевороте. Полковник А.Д. Сыромятников заранее знал о подготовке переворота и активно в нем участвовал¹²²⁷. Об этом же свидетельствовал и главный комендант Ставки полковник К.Я. Гоппер, который отметил, что утром 19 ноября в Ставке оказались полковники Слижиков и Сыромятников, при том что первый из них находился в отпуску после поездки на фронт. Гоппер сделал из увиденного вывод: «Нахождение в этот ранний час полк[овника] Слижикова здесь в Ставке, совместно с полк[овником] Сыромятниковым, свидетельствовало об участии их обоих в деле переворота, а поездка его на фронт, очевидно, имела задачу подготовить высший командный состав фронта к ожида-

¹²²¹ Ильин И.С. Омск. Директория. Колчак // Новый журнал (Нью-Йорк). 1963. Кн. 72. С. 200–201.

¹²²² Там же. С. 209.

¹²²³ Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // За спиной Колчака: документы и материалы. М., 2005. С. 343, 351; A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China. The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918–1925: in 2 vols. Stanford, CA, 2002. Vol. 2. P. 133.

¹²²⁴ Подробнее о Михайлове см.: Будницкий О.В. Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957. М., 2008. С. 31–34 и др.

¹²²⁵ Записки Ивана Ивановича Сукина... С. 351.

¹²²⁶ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 44. Л. 2об.

¹²²⁷ Ильин И.С. Омск. Директория. Колчак. С. 206, 211.

емым событиям»¹²²⁸. Сыромятников заявил Гопперу, что в городе и в войсках все в порядке и ни о чем не стоит беспокоиться. Главкомандующий В.Г. Болдырев также возлагал ответственность на Андогского и работников академии, что видно из его дневника: «Активная часть омского гарнизона, тесно связанная с Михайловым, конечно, была подготовлена. Академики, руководимые Андогским, подготовили почву в самой Ставке...»¹²²⁹ Существуют и другие свидетельства участия Андогского и Сыромятникова в подготовке переворота, задействованы были и некоторые преданные Андогскому слушатели академии (например, капитан Г.В. Щепин)¹²³⁰. Через несколько дней Болдырев записал: «Фонды “сотрудника” по перевороту начальника академии Генштаба Андогского то падают, то повышаются»¹²³¹. Речь шла о сложностях, которые возникли у Андогского с его противниками. Таким образом, окружение Андогского было причастно к омскому перевороту. Даже сам Колчак на допросе в 1920 г. упомянул Андогского среди офицеров, посещавших его перед переворотом по вопросу о принятии им верховной власти¹²³².

Непосредственно в день омского переворота Андогский был спокоен. По свидетельству его знакомого, встретившего его утром, «как всегда сдержанный и спокойный, он поздоровался и сказал: “Ну, поздравляю! Директория закончила свое существование, с.р. арестованы. Сейчас должен собраться Совет министров и решить вопрос о верховной власти, надо думать, предложат Колчаку”»¹²³³. Наряду с В.Н. Пепеляевым и Д.А. Лебедевым Андогский участвовал в составлении обращения Колчака «К населению России», подготовленного в ночь на 19 ноября¹²³⁴.

Приход к власти на Востоке России Верховного правителя и Верховного главкомандующего адмирала А.В. Колчака сопровождался важными кадровыми перестановками в высшем военном руководстве антибольшевистских сил. Уже в этих первых решениях Колчака в полной мере проявились самые негативные стороны белого военного строительства эпохи Гражданской войны.

20 ноября 1918 г. Андогский приказом по штабу Верховного главкомандующего № 27 был «прикомандирован к названному штабу для обсуждения вопросов, связанных с открытием академии»¹²³⁵. Прикомандирование считалось со 2 ноября 1918 г., т.е., видимо, со времени прибытия Андогского в Омск.

24 ноября между Андогским в Омске и правителем дел академии полковником А.Т. Антоновичем в Томске состоялся разговор по аппарату, проливающий свет на жизнь академии в тот период. Разговор этот в качестве приложения к своим воспоминаниям сохранил П.Ф. Рябиков. Сама беседа была следующей:

«[Андогский:] Здравствуйте, Александр Трифонович, очень извиняюсь, что не мог подойти к аппарату в прошлый раз, задержал Верховный правитель, задерживаюсь здесь по

¹²²⁸ Гоппер К.Я. Четыре катастрофы... С. 101.

¹²²⁹ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты... С. 111.

¹²³⁰ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака: в 2 кн. М., 2004. Кн. 1. С. 432–433, 459, 461–462.

¹²³¹ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты... С. 117.

¹²³² Верховный правитель России: документы и материалы следственного дела адмирала А.В. Колчака. М., 2003. С. 79.

¹²³³ Ильин И.С. Омск. Директория. Колчак. С. 212.

¹²³⁴ Дневник Виктора Николаевича Пепеляева 1918–1919 гг. // Окрест Колчака: документы и материалы. М., 2007. С. 62.

¹²³⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 256.

тем причинам, которые написаны в моем письме жене. Окончательное выяснение вопроса последует через 4–6 дней. Приказ о всех академических производствах передан мной на подпись Верховному правителю. Прикажите составить требовательные ведомости на екатеринбургское эвакуационное пособие по сибирским окладам 2-хмесячное от окладов всего содержания. Кроме того, требовательную ведомость [на] самарское эвакуационное пособие лицам штатного состава, выехавшим из Самары, по 1000 руб. всем семейным, а холостым по 500 руб. Деньги разрешаю выдать теперь же, произведя зачет сумм, выданных авансом. Я совершенно благополучен.

[Антонович:] Здравия желаю, Александр Иванович. В связи с распространившимся слухом о неблагополучии в Омске и несостоявшийся с Вами разговор¹²³⁶ в прошлый раз невольно вселился страх за Ваше благополучие. Вечером 22 ноября послали записку полковнику Слижикову, прося его сообщить, где Вы, и подойти к аппарату 23[-го] утром. Увы, записка попала только в 1 ч[ас] дня 23-го, и я мог перекинуться несколькими словами с полковником Сыромятниковым, который и сообщил, что в Омске все благополучно. Это немного нас успокоило.

Думаю, не будет преждевременным, и Вы не откажете принять мое поздравление и пожелание успехов и полного благополучия.

Включать ли 3-хмесячное екатеринбургское пособие и квартирные деньги[?] Все приказанное Вами исполню в точности. Укажите нынешний Ваш адрес.

Служитель Павлов командирован мною вчера и уехал вечером. Он повез, что Вы проехали. Получили ли Вы мой доклад с ответами по запросам о командировании к генералу Гайде?¹²³⁷

[Андогский:]

1. Пособие исчислять от окладов всего содержания, т.е. жалования и квартирных.
2. Адрес мой прежний — Ставка для меня.
3. Ваш доклад получил, приходится примириться с тем, что никого к Гайде послать не можем¹²³⁸.
4. Верховный правитель приказал открыть младший класс академии. Ввиду того что на сбор офицеров потребуется много времени, полагаю, что начало занятий будет с 15 января сразу после Рождественских праздников. Т.к. находящихся здесь преподавателей и штаб-офицеров отвлекать в общем трудно, то прошу обсудить, кто мог бы и какие курсы читать в академии наличными силами по плану младшего класса. Если останусь здесь, то попрошу Вас приехать сюда недельки через две для того, чтобы обсудить совместно учебный план. Здешние преподаватели могут быть командированы лишь на время для того, чтобы прочесть свои курсы и уехать. Получаете ли газету “Русская армия”?

[Антонович:] Вчера в 1-й раз прислали нам серию 1-го номера, оставил 3 экз. для академии, остальные приказал разослать чинам академии.

Не намечены ли условия приема офицеров на младший класс академии, т.е. по экзамену ли, и тогда по каким предметам и где таковой будет произведен, или по каким-либо другим признакам, т.к., уверен, желающих будет очень много. Какое приблизительно число наме-

¹²³⁶ Так в документе.

¹²³⁷ Генерал Р. Гайда просил прислать из академии лектора и руководителя тактическим образованием командиров батальонов.

¹²³⁸ Здесь и далее машинописный текст подчеркнут карандашом, видимо, кем-то из читателей.

чено к приему? Полагаю, если Вы сообщите мне эти данные, нужно было бы теперь же послать уведомление во все части, включая чехословаков и польские войска, как запрашивавшие о времени открытия академии и условиях приема?

[Андогский:] Полагаю прием без экзамена на условиях среднего военного образования, боевого опыта и отличной аттестации. Все распоряжения и вопросы сделаю сам здесь. Пока все. Должен идти.

[Антонович:] Сейчас от аппарата доложу наш разговор генералу Колюбакину.

[Андогский:] Как здоровье Медведева?

[Антонович:] Вчера был у него, он поправляется, но еще чувствует некоторую слабость и мучает его сильный кашель.

[Андогский:] Шлю ему привет, равно как и всем. Итак, до свидания.

[Антонович:] Счастливо оставаться. Полковник Антонович.

[Андогский:] Всего хорошего. Ухожу»¹²³⁹.

Беседа отражала надежды и тревоги руководства академии тех дней. С одной стороны, видно, что Андогский пользовался авторитетом в глазах Верховного правителя, добивался улучшения финансового положения сотрудников академии и рассчитывал на высокое назначение в течение ближайших дней. С другой стороны, в академии ходили слухи о различных трудностях, с которыми сталкивался Андогский в Омске. Как показало дальнейшее развитие событий, почва для беспокойства существовала. Разговор свидетельствует о том, что уже в конце ноября появилась определенность с возобновлением обучения в академии и что эти планы в конечном итоге были реализованы в соответствии с намеченным.

* * *

Генерал Андогский был одним из наиболее вероятных претендентов на высшие военные посты в белой Сибири в тот период. Однако вместо получения высокой должности он оказался под следствием. Как же это могло случиться?

Вечером 19 ноября 1918 г., на следующий день после омского переворота и своего прихода к власти, Колчак вызвал к себе Андогского и предложил ему занять пост начальника штаба своей Ставки¹²⁴⁰, причем одним из первых заданий должна была стать разработка проекта новой организации Военного министерства и ГУГШ. Выбор в пользу Андогского, вероятно, был бы более удачным, чем последовавшее вскоре назначение печально известного полковника Д.А. Лебедева, которого современники и исследователи не без оснований обвиняют в некомпетентности на занимаемом им посту и на которого возлагают ответственность за провал весеннего наступления колчаковских армий в 1919 г.

Андогский был критически настроен по отношению к прежней Ставке генерала В.Г. Болдырева. Он, в частности, заявлял в октябре 1918 г.: «Неустойчивость во взглядах, случайность работ — вот характер деловой части Ставки. Черты эти проглядывают во всем»¹²⁴¹. По всей видимости, у генерала было собственное видение необходимых военных преобразований, которое он мог начать претворять в жизнь в случае назначения.

Однако Колчак как новичок на военно-политическом олимпе Востока России не взял на себя ответственность за единоличное и непопулярное решение, связанное с назначением на

¹²³⁹ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 169–169об.

¹²⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

¹²⁴¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 24. Л. 29.

ключевую должность офицера, длительное время сотрудничавшего с большевиками. Именно таким человеком и был начальник академии Андогский. И хотя доказательств того, что Андогский был активным сотрудником большевиков, а не руководствовался благой целью сохранить академию от развала и уничтожения, у его недоброжелателей не было, тем не менее самим фактом своей службы у красных генерал был безнадежно скомпрометирован в глазах командного состава антибольшевистских сил.

Позицию Колчака вполне характеризует телеграмма генерал-майору В.И. Волкову — одному из видных деятелей омского переворота 18 ноября 1918 г., в результате которого Колчак пришел к власти. 2 декабря 1918 г. Колчак телеграфировал Волкову: «Прошу совершенно секретно сообщить мне Ваше откровенное мнение о генерале Андогском, н[ачальни]ке академии Генерального штаба, ввиду распространенных слухов о его пребывании под властью большевиков и вынужденном участии в качестве эксперта при заключении Брестского мира, и находите ли Вы возможным назначение его на должность н[ачальни]ка штаба Главверха [в] настоящее чрезвычайно сложное время. Для меня крайне важно знать совершенно откровенное мнение н[ачальни]ков, ответ на мое имя для личного моего расшифрования. Омск. 2 декабря. № 10. Адмирал Колчак»¹²⁴². Телеграмма была разослана по 29 адресам¹²⁴³.

Такие запросы, конечно, не были тайной для Андогского. Достаточно отметить, что вопрос в тот же день обсуждали служивший в Ставке, а прежде преподававший в академии полковник А.Д. Сыромятников и начальник штаба Волкова капитан А.А. Буров — в недавнем прошлом курсовик и начальник штаба тайной военной организации Уральского района. Каждый из них был связан с Андогским и имел возможность передать сведения ему.

При выборе кандидатуры начальника штаба весьма неблагоприятную роль сыграл полковник Д.А. Лебедев. И сам Колчак, власть которого еще не успела укрепиться, и многие другие представители белого командования боялись конфликта с рядовой массой и фронтовыми командирами, неприятия с их стороны нового назначения. Эти опасения свидетельствуют о невысокой дисциплине войск, в которых были возможны подобные, типичные для эпохи 1917 г., эксцессы. Для сравнения, в РККА эти пережитки революционной поры были ликвидированы достаточно быстро. Поэтому Колчак был вынужден пойти на беспрецедентный шаг. Вместо единоличного решения он в традициях 1917 г. организовал опрос представите-

¹²⁴² РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 10. Л. 34. Также см.: РГВА. Ф. 39722. Оп. 1. Д. 10. Л. 140.

¹²⁴³ Челябинск, штаб Западного фронта генералу Я. Сыровому, генералу М.К. Дитерихсу; Екатеринбург, штаб Екатеринбургской группы, генералу Р. Гайде, полковнику Б.П. Богословскому; Екатеринбург, штаб I Средне-Сибирского армейского корпуса, генералу А.Н. Пепеляеву, полковнику А.А. Сурнину; начальнику 1-й Сибирской стрелковой дивизии, начальнику штаба дивизии капитану Д.П. Турбину; начальнику 2-й Сибирской стрелковой дивизии, начальнику штаба дивизии ротмистру Б.Ф. Овчинникову; начальнику 7-й Уральской стрелковой дивизии, начальнику штаба дивизии подполковнику Э.Я. Рютелло; Челябинск, командиру III Уральского армейского корпуса генералу М.В. Ханжину и начальнику штаба корпуса генералу Н.Т. Сукину; начальнику 6-й Уральской стрелковой дивизии, начальнику штаба дивизии полковнику В.Д. Космину, через начальника штаба Западного фронта генералу В.О. Капелю и начальнику его штаба капитану И.Ф. Ромерову; Уфа, генералу С.Н. Войцеховскому и начальнику штаба Самарской группы полковнику С.А. Щепихину; Тюмень, главному начальнику округа генералу В.В. Рычкову, начальнику штаба округа генералу А.А. Вихиреву; Курган, начальнику штаба округа генералу А.Г. Георгиевскому; Уральск, полковнику В.И. Моторному; Бирск, командиру IV Уфимского армейского корпуса генералу С.Н. Люпову, начальнику штаба корпуса подполковнику Ф.А. Пучкову; Бирск, обер-квартирмейстеру полковнику М.И. Москаленко; Бирск, начальнику 4-й Уфимской стрелковой дивизии генералу М.И. Тимонову и начальнику штаба дивизии (РГВА. Ф. 39722. Оп. 1. Д. 10. Л. 141, 143).

лей командного состава по поводу возможного назначения Андогского. Именно в результате этого опроса пост достался Лебедеву.

Долгое время обстоятельства назначения Лебедева вместо Андогского не были документально известны даже специалистам¹²⁴⁴. Однако нам удалось обнаружить важные документы, проливающие свет на эти события, тесно связанные с историей академии и ее преследованиями в антибольшевистском лагере. На заседании конференции академии 15 января 1919 г. Андогский подробно рассказал об этом прискорбном эпизоде военного строительства антибольшевистских сил на Востоке России. В журнале заседаний фрагмент его доклада записан следующим образом: «На второй день после избрания адмирал Колчак, вызвав к себе н[ачальни]ка академии, предложил ему пост начальника штаба Верхов[ного] гл[авнокомандую]щего. Н[ачальни]к академии высказал, что венец его желаний и стремлений — пост, который он ныне занимает, но что он в распоряжении Верх[овного] правит[еля]. Тогда адм[ирал] Колчак сказал, “т.к. я моряк, то фактически Вы будете руководителем операций, и т.к. моя власть еще не окрепла и поддержка моя — высшие начальники, то я запрошу фронт об отношениях к академии и Вам; пока же для упрочения связи с ген. Деникиным вр[еменным] н[ачальни]ком штаба Верховного [главнокомандующего] назначу полков[ника] Лебедева”.

Из разговора н[ачальни]ка академии с полк[овником] Лебедевым выяснилось, что полк[овник] Лебедев предполагает быть не более одной недели.

Однако проходит неделя. Полк[овник] Лебедев не только не отказывается от занятой должности, но постепенно забирает власть в свои руки и старается войти в доверие к Верх[овному] прав[ителю]. Попутно втягивает и ген. Дутова в число противников академии и ген. Андогского.

К этому времени собрались ответы на запросы: из 66¹²⁴⁵ запросов неблагоприятных оказалось около 10; в числе лиц, приславших их, были ген[ерал]ы Матковский, Ханжин (к[омандир] 3 Уральс[кого] к[орпуса]); генералы же Романовский, Люпов, полк[овник] Щепихин — были из числа сторонников академии и ген. Андогского. Суммируя полученные данные по запросам, адмир[ал] Колчак передал н[ачальни]ку академии, что н[ачальни]ки младшие и средние — высказались в благоприятном для г-на Андогского смысле, но т.к. часть старших н[ачальни]ков против назначения, и пока еще власть Верх[овного] правителя не окрепла и необходимо поддержать ее, то с предоставлением н[ачальни]ку академии должности наштаверха нужно подождать, и предложил обдумать вопрос о формировании Гл[авного] управ[ления] Ген[ерального] штаба и не уезжать из Омска, не повидавшись со вновь назначенным воен[ным] министром ген. Степановым...»¹²⁴⁶

Логика решения Колчака представляется порочной: для укрепления своего положения он назначает безграмотного начальника штаба, тогда как назначение более компетентного Андогского якобы может ослабить власть Колчака.

Опрос мнений начальников по поводу Андогского дает впечатляющий срез взглядов высшего командного состава белого Восточного фронта, позволяющий судить об уровне мышления основных его представителей. Нам удалось обнаружить полную подборку этих важных материалов, дающих определенное представление в том числе о личности самого

¹²⁴⁴ См., напр.: *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 126.

¹²⁴⁵ Так в документе, правильно: 26.

¹²⁴⁶ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 44. Л. 3об.–4.

Андогского. Удивительно, что эти документы, помеченные грифом «Совершенно секретно» и направлявшиеся Верховному правителю и Верховному главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку, оказались позднее среди бумаг самого Андогского. По всей видимости, генерал или кто-то из его сотрудников собрал эти отзывы уже много времени спустя после опроса. Возможно, эти свидетельства попали к Андогскому летом–осенью 1919 г. в то время, когда он все-таки вошел в состав высшего военного руководства антибольшевистских сил Востока России.

Опрос проходил в ноябре–декабре 1918 г., в том числе и после формального назначения Лебедева на должность начальника штаба Верховного главнокомандующего. Всего было получено 26 отзывов.

Главный начальник Тюменского военного округа на театре военных действий генерал-лейтенант В.В. Рычков прислал отзыв своего помощника генерал-лейтенанта Ф.П. Панова: «Названное [в] телеграмме № 10 лицо, если искренно жаждет восстановления надежной армии, — не может сам согласиться на занятие даже незначительной должности, ибо всем офицерам, а не только офицерам Генштаба, хорошо памятна роль и поведение генерала Андогского: 1) бóльшую часть войны с Германией он провел [в] Петрограде, 2) вопреки голосу запрошенных офицеров Керенским назначен начальником академии, 3) участием в комиссии по подписанию Брестского мира не только на себя наложил клеймо позора, но замарал звание русского генерала, показав, до какого низкого уровня может пасть человек, преступными средствами творящий личную карьеру, не останавливающийся перед преступлением, влекущим [к] гибели Родину, обслуживал Бронштейн[а]-Троцкого и Красную армию, подготавливая воспитанием и образованием офицеров — врагов против всего доблестно и благородно боровшегося с советской властью, 5) в Казани, захваченный [в] плен, не постарался искупить свои преступления и не вступил в ряды открытых борцов против красных, а уклонился в Самару и далее вглубь, чтобы избегнуть опасности близкой встречи с бывшими соратниками красных, 6) кроме того, никаких способностей, выдвигающих генерала Андогского из ряда других, им не обнаружено, а потому назначение на какую-либо не только высшую, [но] и вообще ответственную должность пользы не принесет»¹²⁴⁷. По-видимому, Рычков, подписавший это послание, солидаризировался со своим помощником Пановым. Этот отзыв был одним из наиболее резких и непримиримых.

Начальник штаба 6-й Уральской горных стрелков дивизии полковник В.Д. Космин указал: «Точной оценки деятельности генерала Андогского дать не могу [за] отсутствием данных, но полагаю, что участие экспертом при заключении Брестского мира, позорнейшего из всех, что когда-либо знал мир, свидетельствует о присутствии [у] генерала твердости и принципиальности, характеризующих истого русского генерала. Начальствование академией в период большевистской власти, когда все честное и сильное с омерзением отвернулось от предателей страны, также не служит в пользу генерала, не говоря о его более чем странной дружбе с Керенским.

Мотив сохранить академию, когда погибла страна, не может быть признан серьезным. Все, что относится к части материального, может быть возмещенной и пополненной¹²⁴⁸, в том числе и академия. Честь же восстановить невозможно, и это главное. Более подроб-

¹²⁴⁷ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 40. Л. 12–12об.

¹²⁴⁸ Так в документе.

ная оценка деятельности генерала Андогского — дело специального суда, но [в] настоящий момент ответственные посты могут заниматься только людьми, может быть, менее талантливыми, но безусловно кристально честными, за эти два года перед нами прошло столько всякого рода авантюристов, что мы разучились верить. Необходимо, чтобы вера воскресла вновь, а для этого необходимы люди с безукоризненной репутацией»¹²⁴⁹. Интересно, что этот отзыв оставил офицер, также успевший некоторое время послужить у красных. Подобный ответ говорит, скорее, о наличии у Космина двойных стандартов в отношении Андогского и себя самого.

Начальник штаба главнокомандующего армиями Западного фронта генерал-лейтенант М.К. Дитерихс отметил: «Генерала Андогского ни по службе, ни по качествам не знаю. Его пребывание в стане большевиков при отсутствии какого-либо активного участия в борьбе с ними по освобождении из Казани едва ли может создать благоприятную почву для укрепления авторитета в нынешних войсках фронтов»¹²⁵⁰.

Командир II Степного Сибирского армейского корпуса генерал-майор В.В. Романов общал: «Генерала Андогского лично знаю мало. Часть офицерства его не знает, часть знает как работавшего с большевиками. В настоящее время назначение его наштаверхом до полного оправдания его деятельности плохо повлияет на войска и даже может [повлечь] нежелательное явление со стороны некоторых лиц командного состава»¹²⁵¹. В этом ответе содержалась даже угроза непредсказуемых действий представителей командного состава в случае назначения Андогского.

Начальник штаба II Уфимского армейского корпуса и Камской группы войск подполковник Ф.А. Пучков, хотя и отрицательно отнесся к кандидатуре Андогского, все же был достаточно объективен в своих оценках и причинах такого отзыва: «Переживаемый момент, по глубокому моему убеждению, требует от ответственных государственных деятелей, прежде всего, особой чистоты и твердости убеждений и полной незапятнанности в смысле прикосновения к большевизму. Требование это является настолько существенным, что должно превалировать над всеми другими, обычно предъявляемыми к столь ответственным начальствующим лицам, как наштаверх. В данном случае это положение усугубляется тем, что генерал Андогский должен занять пост, на котором с таким достоинством стояли Алексеев и Деникин. В настоящее время здесь на местах нет возможности разобратся в тех мотивах, кои вынудили генерала Андогского присутствовать на Брестской конференции, нельзя также требовать, чтобы генерал Андогский пошел в этом случае по пути благодатного¹²⁵² генерала Скалона¹²⁵³, но факт участия в позорнейшей конференции требует ранее назначения генерала Андогского самого полного и беспристрастного освещения, почему именно генерал Андогский был избран большевиками предпочтительно перед другими офицерами Генштаба. В таком же положении стоит вопрос о роли генерала Андогского в совместной работе Военной академии с большевиками. Несомненно присутствие среди слушателей академии лиц, рекомендованных советскими организаци-

¹²⁴⁹ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 40. Л. 9–9об.

¹²⁵⁰ Там же. Л. 7.

¹²⁵¹ Там же. Л. 8.

¹²⁵² Так в документе.

¹²⁵³ Генерал-майор В.Е. Скалон застрелился в ходе переговоров в Брест-Литовске 29 ноября 1917 г.

ями¹²⁵⁴; точно установлено командирование конференцией академии слушателей в большевистские штабы в разгар освободительного русско-чешского движения, и совершенно неясно, почему сохранилась именно академия Генштаба, в то время когда другие военные академии были беспощадно разогнаны большевиками. Из личного опыта знаю, что даже появление в штабах слушателей академии вызывает большое недовольство в частях, еще более резко может быть встречено назначение главы академии на высокий пост наштаверха. По изложенным соображениям я принужден высказаться отрицательно к назначению генерала Андогского наштаверхом»¹²⁵⁵.

Позиция Пучкова вполне понятна и убедительна — он не был против Андогского как такового, но считал необходимым избежать его назначения ради спокойствия на фронте. Станным, однако, выглядит приравнивание поста начальника штаба Ставки Колчака к аналогичному посту во всей старой армии — эти должности были далеко не равноценны, а должность при Колчаке в большей степени соответствовала начальнику штаба фронта.

Начальник штаба III Уральского армейского корпуса генерал-майор Н.Т. Сукин писал: «Генерал Андогский обладает слишком гибкой совестью, способен отлично устроиться при всяком режиме — доказательство его прекрасное положение в Екатеринбурге, где, прикрываясь службой Науке, он всячески служил большевикам и растлил академию. Появление его во главе академии основано на происках и угодничестве Керенскому, Петроградскому совету. Назначение его наштаверхом вызовет много неудовольствий»¹²⁵⁶.

Некоторые из ответов носили нейтральный характер. Так, командовавший Северо-Уральским фронтом генерал-майор Р. Гайда сообщил: «Не знаю генерала Андогского, поэтому нечего сказать. Вследствие этого не имею ничего против его назначения»¹²⁵⁷. Полковник А.С. Бакич, начальник 2-й Сызранской стрелковой дивизии, также деликатно указал 15 декабря 1918 г., что знает об Андогском только из газет и оценки дать не может¹²⁵⁸.

Временно исполняющий должность начальника штаба Сибирской армии генерал-майор И.И. Козлов указал следующее: «Доношу, что генерала Андогского почти не знаю, также не знаю обстоятельств его службы у большевиков, его участие в Брестском мире [в] качестве эксперта явилось для меня новостью. Не имею в руках фактов, на основании только слухов я по чистой совести не считаю себя вправе судить о другом. Будучи [в] Сибири и [в] Сибирской армии сравнительно новым человеком, я не могу доложить в точности и об отношениях к генералу Андогскому чинов армии. Не считая самый факт службы у большевиков без выяснения всех подробностей этой службы препятствием к назначению на должность, в данном случае я очень смущен участием генерала хотя бы [в] качестве эксперта в Брестском мире — этой позорнейшей странице нашей истории. [На] Настолько высокий пост, как наштаверх, казалось бы, должно быть избрано лицо, стоящее вне всяких упреков, а потому было бы желательно предварительно назначить особое следствие для выяснения всех обстоятельств командирования генерала Андогского в Брест, а равно и других обстоятельств его службы во время большевиков»¹²⁵⁹.

¹²⁵⁴ Среди слушателей, оказавшихся в антибольшевистском лагере, таковых практически не было.

¹²⁵⁵ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–2.

¹²⁵⁶ Там же. Л. 8об.

¹²⁵⁷ Там же. Л. 6об.

¹²⁵⁸ Там же. Л. 16.

¹²⁵⁹ Там же. Л. 5–5об.

Помощник военного и морского министра генерал-майор Н.А. Степанов сообщил: «Я солдат. Верю Вашему превосходительству и разделю до конца с Вами весь трудный путь Возрождающей[ся] Родины»¹²⁶⁰.

Командующий Самарской группой войск генерал-майор С.Н. Войцеховский отметил: «Не придавая значения слухам о деятельности генерала Андогского под властью большевиков, считаю назначение на должность наштаверха вполне возможным»¹²⁶¹. Начальник штаба группы полковник С.А. Щепихин добавил, что может лишь приветствовать назначение Андогского¹²⁶².

Генерал-майор В.О. Каппель 8 декабря 1919 г. прислал Колчаку телеграмму следующего содержания: «Знаю генерала Андогского как выдающегося начальника большого штаба, последнюю деятельность как начальника академии [в] условиях советской власти я объясняю желанием сохранить офицерский кадр для армии, и назначение его на предназначаемый ответственный пост крайне желательно»¹²⁶³.

Весьма информированный бывший начальник ГУГШ, а на момент опроса главный уполномоченный и военный представитель Верховного главнокомандующего при союзниках на Дальнем Востоке генерал-лейтенант Ю.Д. Романовский 15 декабря прислал телеграмму из Владивостока: «Хорошо знаю генерала. Генерал[а] Андогского считаю выдающимся офицером и категорически отвергаю неблагоприятные для него слухи, которые распространяются небольшой партией его противников из офицеров Генерального штаба, стремившихся провести в начальники академии своего кандидата и устроить на этом личные дела. Пребывание его во главе академии спасло немало офицеров и в вину ему поставлено быть не может»¹²⁶⁴. Интересно, что Романовский без обиняков написал о наличии у Андогского влиятельной группы врагов среди генштабистов. Таково было мнение наиболее передовых и компетентных офицеров-генштабистов колчаковских войск.

Войсковой атаман Семиреченского казачьего войска генерал-майор А.М. Ионов также поддержал Андогского: «Генерала Андогского помню как выдающегося боевого командира Пятигорского полка [в] 1916 году. Авторитет [в] военной науке и [в] военном деле. Не зная лично обстоятельств дела эпохи большевизма, докладываю личное убеждение, вынесенное из расспросов: генерал Андогский был вынужден на кажущееся двуличие, дабы вывести академию с постоянным — переменным составом, обширной, драгоценной для Государства библиотекой — на восток. Обстоятельства дела по участию его [в] Брестском мире мне совершенно не известны. Выдвижение на должность наштаверха, по моему личному убеждению, при ныне существующей обстановке — будет встречено сочувственно в войсках»¹²⁶⁵.

Ионов привел рациональные доводы в пользу кандидатуры Андогского, вспомнив свою совместную с ним службу в годы Первой мировой и отметив большие заслуги генерала в спасении от гибели уникальной академии с ее бесценной библиотекой. Ионов считал, что на фронте назначение Андогского не вызовет недовольства (интересно, что для белых армий в

¹²⁶⁰ Там же. Л. 7.

¹²⁶¹ Там же. Л. 10.

¹²⁶² Там же.

¹²⁶³ Там же. Л. 13.

¹²⁶⁴ Там же. Л. 15.

¹²⁶⁵ Там же. Л. 4.

связи со слабостью дисциплины этот фактор имел важное значение, тогда как в РККА практически отсутствовал).

Сослуживец Андогского по академии начальник штаба Екатеринбургской группы войск полковник Б.П. Богословский сообщал 3 декабря Колчаку: «Доношу Вашему высокопревосходительству следующее: генерал Андогский был не командирован, а принужден большевиками ехать [в] Брест для переговоров, что он и сделал для спасения академии, ибо неповиновение угрожало уничтожением академии. Лично состоя членом конференции академии, свидетельствую о полной непричастности генерала Андогского к большевизму. Вся его деятельность за время большевизма была направлена к тому, чтобы вывести академию из этого ужасного времени в полной неприкосновенности и спасти тех офицеров, которые были в академии. Зная генерала Андогского с 1912 года как моего руководителя еще в академии, считаю своим долгом доложить, что лучшего наштаверха не найти»¹²⁶⁶. В краткой телеграмме Богословский сообщил: «Назначение ген. Андогского наштаверхом крайне желательно. На[чалник] шта[ба] группы Екатеринбургской полк[овник] Богословский»¹²⁶⁷.

Начальник 7-й Уральской горных стрелков дивизии генерал-майор В.В. Голицын прислал 3 декабря телеграмму следующего содержания: «Я, зная генерала Андогского лично, могу только от всей души приветствовать его назначение»¹²⁶⁸. Схожие телеграммы прислали начальник штаба 7-й Уральской горных стрелков дивизии полковник Э.Я. Рютель и начальник штаба 3-й Иркутской Сибирской стрелковой дивизии капитан И.И. Попов, к мнению которого присоединился и начальник дивизии полковник П.П. Гривин.

По мнению выпускника ускоренных курсов академии начальника штаба Сводного корпуса капитана И.Ф. Ромерова, «назначение на должность наштаверха начальника и профессора академии Генштаба генерала Андогского весьма желательно. Он известен как талантливый честный начальник с сильной волей и железным характером. Участие в Брестском договоре — тяжелый подвиг для генерала Андогского, который [он] вынужден был принять на себя, дабы оградить сколь возможно интересы Родины и ее военные тайны. Поставил себе целью сохранить кадр лучших боевых кадровых офицеров, бывших в то время в академии, для участия в строительстве армии он со скрежетом зубным, терпя оскорбления советских властителей, настойчиво проводил это в жизнь и добился того, что офицеры академии, получив необходимую подготовку в академии под его высокоталантливым руководством, все работают в деле освобождения Родины, находясь в рядах возглавляемой Вами армии. Назначение прошедшего отличную школу работы в больших штабах весьма желательно. Светлый ум, железная воля и высокая честность — отличительные черты характера генерала Андогского»¹²⁶⁹. Этот отзыв был отправлен 8 декабря 1918 г.

Другой выпускник ускоренных курсов, начальник штаба 2-й Оренбургской казачьей дивизии гвардии капитан Д.А. Малиновский, из поселка Браиловского 16 декабря прислал телеграмму с ответом на запрос Колчака от 2 декабря о том, что «в настоящий чрезвычайно сложный момент единственны[й], кто может принять на себя этот трудный, ответственный и почетный пост, это наш уважаемый и горячо любимый начальник академии генерал Андогский. Представляя из себя крупную величину в области военного искусства, обладая вы-

¹²⁶⁶ Там же. Л. 4об.

¹²⁶⁷ РГВА. Ф. 39722. Оп. 1. Д. 10. Л. 137.

¹²⁶⁸ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 40. Л. 6.

¹²⁶⁹ Там же. Л. 13.

сокими политическими и моральными началами, имея безграничное гражданское мужество и будучи любим и обожаем всем персоналом академии, генерал Андогский является в настоящий момент одним из тех людей, в кого мы, военные специалисты, можем верить. А раз мы верим [в то], что делается наверху, мы беспрекословно можем совершать свой тяжелый путь — путь восстановления Русской армии, веря, что Вы — новый собиратель Русской земли, будучи окружен[ы] лучшими сынами Отечества, приведете нашу Родину и направите ее в [естественное¹²⁷⁰] историческое русло всемирной истории»¹²⁷¹.

Слушатель ускоренных курсов академии Н.В. Колесников в своем отзыве доносил Колчаку, что «выбор Ваш генерала Андогского, безусловно, пал на достойнейшего, самого талантливого из всех офицеров Генштаба, умнейшего, решительного, смелого и осторожного офицера. Все слухи о его работе по заключению [Брестского] договора, безусловно — ложь. Генерал Андогский — один из истинных патриотов, ибо еще в июне месяце 1917 года, отправляя меня на штабную службу, говорил о своей ненависти к Совету солдатских депутатов. Генерал Андогский — наша гордость; он спас академию, как опытный кормчий выведя ее среди бушующего моря в гавань. Он надежда и слава нашего Генерального штаба»¹²⁷². Пожалуй, это один из самых хвалебных отзывов об Андогском. Впрочем, подобные отзывы никакой роли не сыграли.

Из 26 отзывов 10 оказались безусловно против Андогского (генералы М.К. Дитерихс, А.И. Дутов, Ф.П. Панов, Н.Т. Сукин, М.В. Ханжин и др.), четыре начальника воздержались (генералы Р. Гайда, И.И. Козлов, Н.А. Степанов, полковник А.С. Бакич) и 12 отзывов было в поддержку Андогского (генералы С.Н. Войцеховский, В.В. Голицын, А.М. Ионов, В.О. Каппель, полковники Б.П. Богословский, С.А. Щепихин и др.)¹²⁷³. Встречаются упоминания о том, что некие ответы поступили также от генерал-лейтенанта С.Н. Люпова (в поддержку Андогского), генерал-майора А.В. Эллерц-Усова и генерал-майора А.Ф. Матковского (оба — против Андогского), но обнаружить их не удалось, к тому же они выходят за пределы известных по документам 26 отзывов. Таким образом, большинство респондентов высказались за назначение Андогского, правда, перевес его сторонников был очень незначителен.

Подводя итоги опроса в разговоре по прямому проводу 8 декабря, бывшие курсовики капитаны Н.Н. Рыбалтовский и Г.Ю. Бируля отметили, что не поступили ответы из штабов 1-й и 2-й Сибирских стрелковых дивизий, штаба I Средне-Сибирского армейского корпуса, от начальников 6-й и 7-й Уральских дивизий. Офицеры считали необходимым поторопить респондентов с ответами, «так как, вам известно, от этого многое зависит», т.е. Колчак не определился со своим решением. Слушатели академии, конечно, пытались помочь Андогскому. Капитан Бируля сообщал: «С большим удовольствием, всегда рад служить, так как с отъездом есаула Толкачева Вы — единственная спайка между нами, академиками, как узнаю ответ, сообщу Вам, наштадив 7 полковник Рютель и начдив седьмой послали ответ положительный вместе с наштагруппы прямо Верховному правителю»¹²⁷⁴. Рыбалтовский ответил

¹²⁷⁰ Слово добавлено в другом варианте телеграммы (Там же. Л. 17).

¹²⁷¹ Там же. Л. 18.

¹²⁷² Там же. Л. 7об.

¹²⁷³ ГАРФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 об.

¹²⁷⁴ РГВА. Ф. 39722. Оп. 1. Д. 10. Л. 163–163об.

на это: «Очень буду Вам признателен, ответы есть¹²⁷⁵ и отрицательные, но положительных больше. Всего хорошего»¹²⁷⁶.

Участники опроса, как правило, просто высказывали свое мнение об Андогском. Однако дальше других пошел оренбургский войсковой атаман генерал-лейтенант А.И. Дутов, который писал: «Мне известно, что генерал Андогский работал с Троцким и вообще под его начальством академия приняла совершенно большевистское направление и с его согласия укомплектовывалась офицерами без всякого образовательного ценза, но оказавшимися¹²⁷⁷ активных выступлениями преданности совету¹²⁷⁸, полагал бы назначение его рискованным.

Смею доложить, что пребывание Андогского в Русской армии является опасным, тем более на столь высоких постах, как начальника академии и предполагаемого¹²⁷⁹ наштаверх[а].

Среди офицеров Генштаба армии мне известен полковник Лебедев, ныне у Вас находящийся (Дмитрий Антонович). Своими умственными качествами этот полковник вполне достоин выдвижения на ответственный пост»¹²⁸⁰.

Дутов был столь же недалководен, сколь и категоричен, считая, что Андогскому вообще не место в колчаковской армии. К сожалению, неизвестна дата этого сообщения, но, судя по тексту, оно предшествовало назначению Лебедева. Между тем Дутов на тот момент являлся одним из наиболее крупных и авторитетных военно-политических деятелей Востока России. В числе первых он выразил свою полную поддержку Колчаку, и на его авторитет Колчак мог опираться. Разумеется, мнение Дутова в той ситуации имело значительный вес и могло быть решающим. Если именно это мнение и предопределило итоговое решение Колчака, тогда можно с уверенностью утверждать, что атаман Дутов, деятельность которого на благо антибольшевистского лагеря в годы Гражданской войны и без того вызывает немало нареканий, оказал белым еще одну «медвежью» услугу. Впрочем, по мнению Андогского, именно Лебедев подговаривал Дутова высказаться в его пользу и против начальника академии¹²⁸¹.

Другие офицеры, служившие в Юго-Западной армии Дутова, возможно, не без воздействия самого атамана, также прислали отрицательные отзывы. Полковник И.И. Смольнин-Терванд, например, отметил: «Имея показания многих лиц, характеризующие генерала Андогского как весьма неустойчивого в убеждениях, приспособляющегося к моменту, занимать какую-либо ответственную должность [в] армии полагаю, что не должен»¹²⁸². Начальник штаба армии Дутова полковник А.Н. Вагин ограничился указанием на нежелательность назначения Андогского¹²⁸³.

Примерно в том же духе высказался командир III Уральского армейского корпуса генерал-лейтенант М.В. Ханжин: «Должность наштаверха должна быть замещена генералом с чистым прошлым, заявившим себя твердостью характера, определенностью убеждений,

¹²⁷⁵ В документе текст искажен: *если*.

¹²⁷⁶ РГВА. Ф. 39722. Оп. 1. Д. 10. Л. 163об.

¹²⁷⁷ В документе несогласованно: *оказавшихся*.

¹²⁷⁸ Так в документе.

¹²⁷⁹ В документе несогласованно: *предполагаемым*.

¹²⁸⁰ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 40. Л. 11–11об.

¹²⁸¹ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 44. Л. 4.

¹²⁸² РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 40. Л. 14.

¹²⁸³ Там же.

этому совершенно не удовлетворяет генерал Андогский, как бывший сотрудник военных советских комиссаров»¹²⁸⁴.

Полковник Г.В. Леонов даже в начале 1919 г. не понимал, зачем нужна эта анкета. Вопрос прояснился позднее, когда стало известно, что Андогский добивался поста начальника штаба Верховного главнокомандующего, а затем — начальника ГУГШ¹²⁸⁵.

Свидетельство генерала С.А. Щепихина, в то время еще полковника, начальника штаба Самарской группы войск, рисует еще более удручающую картину взаимоотношений в высших кругах белого Востока. По мнению Щепихина, именно Лебедев поднял перед Колчаком вопрос о службе Андогского у большевиков и о том, что такого кандидата армия не поддержит. В результате возникла идея опроса. Андогский считал, что инициатором опроса кроме Лебедева был и бывший профессор академии А.Ф. Матковский¹²⁸⁶. Щепихин прямо писал, что Лебедеву пост начальника штаба Ставки достался в непростой подковерной борьбе со своими соперниками, каких, с учетом сравнительной молодости Лебедева, было немало. Андогский, по свидетельству Щепихина, тоже не был чужд интриг, для чего использовал выпускников академии, которые были распределены практически по всем крупным штабам. В частности, как уже отмечалось, осенью 1918 г. слушатели академии оказались вовлечены в конфликт между Андогским и начальником штаба Сибирской армии Генштаба генерал-майором П.А. Беловым (Г.А. Виттекопфом), которого они в октябре 1918 г. обвиняли в шпионаже в пользу Германии и в сотрудничестве с большевиками¹²⁸⁷.

Щепихин вспоминал: «Лебедев, чтобы исключить кандидатуру Андогского, выдвинул вопрос о службе последнего у большевиков: адмирал прислушался, и его убедили произвести анкету среди старших офицеров Генерального штаба по вопросу допустимости назначения Андогского, и Лебедев искусно отвел конкурента. Андогский вряд ли мог питать теплые чувства к Ставке, возглавляемой Лебедевым, и заодно к адмиралу.

Теперь он находился в Ставке, вызванный адмиралом на предмет назначения. Я знаю Андогского давно и не верю, чтобы он не запрягал глубоко за пазухой камня против Лебедева. Не такой он человек. Лебедев совсем не умен. Это справедливо не только в сфере его специальности (он показал себя, имея все карты на руках, вождем ниже среднего), но и в области политики и администрации.

Его сочувствием всегда пользовалась столь бездарная личность, каким являлся на посту иностранной политики американизированный тип Сукин¹²⁸⁸, о голову которого в пылу припадков раздражения разбивал не один сервиз адмирал Колчак.

¹²⁸⁴ Там же. Л. 8.

¹²⁸⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 51. Л. 31.

¹²⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 38.

¹²⁸⁷ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 136. Л. 1–2об.

¹²⁸⁸ Речь идет о министре иностранных дел колчаковского правительства И.И. Сукине. Впрочем, Сукин постфактум не особенно лестно отзывался о Лебедеве, хотя в этой характеристике и прослеживается положительная составляющая: «Он почти не имел боевого опыта, во всяком случае не на ответственных должностях, и не отличался в то же время блеском природных дарований. Его мысль работала медленно, производя на некоторых впечатление тупости. При этом он был чрезвычайно упрям и страдал односторонностью, являвшейся, впрочем, естественным спутником твердости и непримиримости его убеждений. Лебедев был неприветлив и сумрачен, чем отталкивал от себя симпатии не только иностранцев, но и всех русских политических деятелей. В силу этих своих недостатков он быстро потерял свою популярность среди нашего офицерства. Однако в его пользу говорили чистота, благородство, упорство и воплощение идеи Добровольческой армии. Вся карьера Лебедева была связана с революционной эпо-

Лебедев был просто нелогичен, набрав себе в Ставку полный комплект бывших профессоров академии, а против Андогского вел сложную, упорную интригу. Андогский этим воспользовался и опутал Лебедева сложной сетью своего шпионажа; его агенты (это профессора, в большинстве сочувствовавшие бывшему своему начальнику академии) и летучие разведывательные ячейки (бывшие слушатели академии) проникли не только в Ставку, но и на фронт. Положение военное и политическое Андогскому было известно не менее, нежели Лебедеву; только употребление из этого он сделал совершенно иное, односторонне в свою пользу»¹²⁸⁹.

Недоброжелатель Андогского генерал Н.Г. Володченко также был вынужден признать, что «офицеры ускоренных выпусков за время бытности своей на курсах, переездов по России с Андогским, службы в красных и белых частях... сблизилась между собой и с Андогским, на которого равнялись все время»¹²⁹⁰.

Действительно, недоучившиеся слушатели курсов 3-й очереди (а также и преподаватели), распределенные по многочисленным белым штабам и управлениям, оказались мощным оружием в руках Андогского. Слушатели были зависимы от начальника академии, поскольку надеялись на успешное завершение обучения в старшем классе, следовательно, готовы были подчиняться Андогскому и действовать в его интересах. О том, что слушатели и преподаватели информировали Андогского обо всем происходящем, свидетельствуют отдельные письма прежних сослуживцев, сохранившиеся в фонде Андогского. Подобные письма порой перехватывались командованием, а их отправители несли ответственность за свои действия¹²⁹¹. Тем не менее Андогскому действительно удалось создать своего рода агентурную сеть, действовавшую в интересах академической группировки.

Если верить Щепихину, подлинным инициатором опроса по поводу личности Андогского был его прямой конкурент Лебедев, явно заинтересованный в провале соперника. При этом аналогичного опроса по более чем сомнительной кандидатуре самого Лебедева устроено не было. Известный нам документальный материал дает основания предполагать, что Лебедев занимался формированием выгодного для себя общественного мнения среди опрашиваемых. Предложение в качестве альтернативы Андогскому кандидатуры мало кому тогда известного Лебедева, сделанное атаманом Дутовым, кажется в этой связи не случайным.

По мнению Сукина, Колчак с самого начала прекрасно понимал, что Андогский был гораздо более компетентным штабистом, чем Лебедев¹²⁹². Против него было его сотрудничество с большевиками, что вызывало возмущение части командного состава. Кроме того,

хой... Он весь был проникнут духом Гражданской войны; он был ее продуктом и считал себя знатоком революционных настроений и приемов... он был моим близким другом. Его внешние недостатки совершенно затушевывали его глубокие внутренние качества. Последние все же были не такого порядка, чтобы сделать из него достаточного исполнителя столь громадной по замыслу и дерзновению задачи, как покорение большевизма в военном и политическом отношении. При всех этих чертах Лебедев в личных отношениях с друзьями был мягок и впечатлителен. Несмотря на его внешнее упрямство, на него можно было влиять. До тех пор пока он был начальником штаба, мне всегда удавалось останавливать многие безумные попытки в области иностранной политики, которые рождались в военной среде. Поскольку наштаверхом был Лебедев, я знал, что никакого опасного непоправимого шага не будет сделано, и поэтому культивировал эту дружбу, что мне впоследствии многими ставилось в упрек» (Записки Ивана Ивановича Сукина... С. 351–352). Интересно, что премьер-министр омского правительства П.В. Вологодский считал, что за Андогским также стоит фигура И.И. Сукина (A Chronicle... Vol. 2. P. 133).

¹²⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 1об.–2.

¹²⁹⁰ ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

¹²⁹¹ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 41об.–42.

¹²⁹² Записки Ивана Ивановича Сукина... С. 353.

«личные свойства Андогского заставляли многих рассматривать его как опасного интригана, руководящего частью офицеров Генерального штаба, находившихся в открытой вражде с целым рядом других офицеров, считавших себя более чистыми с точки зрения национального духа и отсутствия каких-либо подозрений в предыдущей связи с большевиками»¹²⁹³.

При этом, на наш взгляд, оппоненты Андогского были представлены в основном людьми крайне ограниченными и недалекими. Не исключено, что кто-то, выдвигая обвинения в адрес Андогского, занимался сведением личных счетов. Некоторые же не знали его лично, но были против нахождения на одном из руководящих постов генерала, ранее служившего у красных. В поддержку генерала, наоборот, высказались более передовые по своим взглядам и подходам офицеры, прекрасно понимавшие сущность Гражданской войны, а также практически единогласно сослуживцы и подчиненные Андогского по академии. Поражение этой группы офицеров, несмотря на то, что она имела небольшой численный перевес, было закономерным, поскольку развитие белого Восточного фронта во многом определяли люди совсем иного склада, что отчасти и привело к финальному разгрому колчаковских армий.

По всей видимости, в какой-то степени можно согласиться с высказыванием профессора академии Д.В. Филатьева, который отмечал, что в кадровых решениях Колчак мог обратиться к академии, так как «в составе ее профессоров было несколько опытных и знающих строевых начальников, командовавших полками на большой войне (генералы Иностранцев, Матковский, Андогский, Рябиков, Сурин). Любого из них Колчак мог взять к себе в начальники штаба, а остальных назначить на высшие штабные должности в армию. Этого он не сделал, а между тем... любой из указанных профессоров академии просто психологически не могли бы совершить тех грубейших оперативных и организационных ошибок, которые были совершены людьми, выдвинутыми Колчаком на высшие должности»¹²⁹⁴. Разумеется, важен был не опыт командования полком, а опыт руководящей работы на штабных должностях в высших штабах, которым представители академии обладали.

Одним из итогов опроса высшего командного состава стало расследование деятельности Андогского, которое рекомендовали провести некоторые участники опроса для всестороннего выяснения обстоятельств службы генерала у красных¹²⁹⁵.

История с назначением начальника штаба Верховного главнокомандующего в ноябре–декабре 1918 г. отчетливо показала ряд серьезнейших пороков военной машины антибольшевистского лагеря на Востоке России. Прежде всего, неспособность или нежелание адмирала Колчака принимать в этот период ответственные решения единолично, без оглядки на мнение старших офицеров, а также сильную подверженность Верховного

¹²⁹³ Там же. С. 351.

¹²⁹⁴ *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922. Впечатления очевидца. Париж, 1985. С. 57.

¹²⁹⁵ В это время Андогскому совсем некстати были письма от прежних сослуживцев по РККА с просьбами о ступничестве. Так, верхотурский уездный воинский начальник бывший курсовик подполковник К.К. Пятницкий написал ему 15 декабря 1918 г. о мотивах своей службы в РККА: «Была пассивная и крайне вынужденная безусловной нуждой — желанием уродливые формы Красной армии направить по тому пути, который прошли Вы, Ваше превосходительство, я и все старые солдаты. В этом я в кое-чем успел и счастлив, что вижу опять войско, напоминающее мне старую армию.

Ваше превосходительство, Вы меня знали и не ошиблись, когда при последнем прощанье сказали мне: “А мы знаем, какой Вы большевик”!

Ваше превосходительство, вызовите меня в Омск к себе, а я послужу где угодно для воссоздания славы Русской армии, для спасения нашей Родины» (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 30. Л. 1об.–2).

правителя и Верховного главнокомандующего внешнему влиянию, в том числе во вред делу. Еще одним явным пороком были сильно развитое интриганство и наличие враждующих группировок в военной элите белой Сибири, причем, как выясняется, военные группировки тесно взаимодействовали с политическими. В истории с опросом старших начальников отчетливо проглядывали неуверенность офицеров в благонадежности своих войск, а также узость мировоззрения значительной части военной элиты, для которой важнее была формальная «чистота риз» в виде непричастности к большевизму кандидата на высокий пост, чем его профессиональные качества.

* * *

30 ноября А.Т. Антонович сообщил по аппарату А.И. Андогскому, что в Томске начали распространяться слухи о причастности академии к большевистской власти и о стремлении представителей академии занять высокие должности в белой Сибири, чтобы содействовать красным. Одним из распространителей слухов был екатеринбургский архиерей, приехавший в Томск и рассказывавший о пребывании академии в Екатеринбурге. Сохранилась оценка подобных слухов самим Андогским в разговоре с Антоновичем, датированная 30 ноября 1918 г.: «Томские слухи являются лишь частью большой травли, которая организована всюду определенной группой лиц, дабы дискредитировать академию»¹²⁹⁶. По всей видимости, речь шла о борющейся за власть группировке, лидером которой был Лебедев.

Над академией и Андогским уже гущались тучи, но стороннему наблюдателю могло показаться, что ничего особенного не происходит. Судя по сохранившемуся содержанию мемуаров Андогского, в конце 1918 г. Колчаку представлялась депутация конференции академии¹²⁹⁷. Возглавил депутацию профессор М.А. Иностранцев¹²⁹⁸. На встрече с представителями академии Колчак выразил полное одобрение ее деятельности и заявил, что некоторое недоверие не относилось к конференции академии вообще, а было связано с деятельностью лишь одного члена конференции и интригами в связи с назначением на высокий пост. Очевидно, шла речь об Андогском. Депутация ушла от Колчака с приятными впечатлениями.

9 декабря 1918 г. в день Св. Георгия в академии в Томске состоялся традиционный молебен по случаю праздника Генерального штаба¹²⁹⁹. В тот же день от Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака была получена поздравительная телеграмма: «Поздравляю академию [с] праздником, верю, что в нынешнее трудное время испытаний она создаст поколение¹³⁰⁰ честных и самоотверженных офицеров Генерального штаба, столь необходимых возрождающейся армии»¹³⁰¹. Поздравления прислал и временно исполняющий должность начальника штаба Верховного главнокомандующего полковник Д.А. Лебедев¹³⁰².

Поступила телеграмма от командующего всеми союзными войсками России генерала М. Жанена: «Сердечно благодарю дорогих товарищей [по] академии за выраженные добрые пожелания, желаю академии дальнейшего процветания [и] успеха, жму крепко руку»¹³⁰³.

¹²⁹⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 23. Л. 110.

¹²⁹⁷ НИА. Russian Subject Collection. Box 30. Folder 14.

¹²⁹⁸ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 56.

¹²⁹⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 256.

¹³⁰⁰ Так в документе, вероятно, следует: *пополнение* (ср.: РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 16. Л. 151).

¹³⁰¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 258.

¹³⁰² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1646. Л. 167.

¹³⁰³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 16. Л. 151.

На банкете по случаю праздника Генерального штаба и академии присутствовали адмирал А.В. Колчак, временно исполняющий должность начальника штаба полковник Д.А. Лебедев, генерал-лейтенанты Л.С. Барановский, С.А. Зубов, С.Н. Розанов, генерал-майоры П.А. Белов, В.Е. Мясников и др. Гостей принимали начальник академии, члены конференции и слушатели. Андогский произнес подчеркнуто заискивающую перед Колчаком речь и поднял бокал за здоровье Верховного главнокомандующего¹³⁰⁴. Колчак поднял ответный бокал за здоровье корпуса офицеров Генерального штаба, «который является основанием всей обороны страны и который необходим для каждого государства... Такое бедствие, как разрушение нашего государства, понятно, привело к тому, что старый Генеральный штаб наш действительно распался. Возрождение Генерального штаба необходимо для государства, особенно в настоящую тяжелую годину; это орган, который, в сущности говоря, необходим как мозг при создании армии»¹³⁰⁵. Колчак приветствовал Андогского и провозгласил «ура» Генеральному штабу. После отъезда Колчака банкет продолжался. Андогский вновь выступал с тостом за генерала А.И. Деникина и его армию. Не забыл он отметить и значимость академии, которая, по оценке Андогского, дала 4/5 генштабистов колчаковского фронта.

Банкет, очевидно, использовался для укрепления позиций профессорско-преподавательского состава академии в Сибири. Полковник В.Н. Касаткин, например, заявил, что «был свидетелем тех ужасов, которые с нами творили большевики.

Александр Иванович [Андогский] принимал на себя глумления над государственным учреждением и наукой ради одной мечты перейти в лагерь Возрождения. Теперь нам не страшен суд. История нас оправдала, и мы гордо можем нести головы вперед, по пути созидания России...»¹³⁰⁶

Далее восторги по поводу Андогского все нарастали. Представитель слушателей капитан А.Л. Симонов заявил: «Как некогда Дмитрий Донской спас Россию от разгрома, подвергаясь сам постоянным нападкам и унижениям, и как впоследствии он разбил татар и освободил Русь, так и наш маститый начальник академии Александр Иванович, ведя государственный корабль по бурным волнам “красного моря”, не побоялся унижений и душевных страданий и мудро держал свой путь к светлому Востоку... в Петрограде, будучи в тисках большевизма, академия, почуяв возрождение армии на Востоке, поставила себе целью путь на Восток. Это был путь тяжелый, испытанный большинством здесь присутствующих. Подчас казалось, что спасение было невозможно. Но и в эти тяжелые минуты безысходной тоски и неизвестности мы устремляли свои взоры на Александра Ивановича, и каждый из нас успокаивался. Мы были уверены, что Ал[ександр] Ив[анович] сделает дело и не побоится унижений во имя общего и вечного. Александр Иванович постарел. Посмотрите на его морщины, эти морщины — страдания академии, страдания учреждения науки, единственного государственного учреждения, которое перебралось на эту сторону. Академия здесь до последней книги и тетрадки. Она будет жить, потому что Ал[ександр] Ив[анович] с нами, он верит нам, мы верим ему, и эта вера есть залог того, что наша израненная Россия воспрянет вновь к светлой, лучезарной жизни»¹³⁰⁷. Таким образом, была сделана попытка выдать желаемое за действительное — изобразить переход академии к белым в Екатеринбурге как заранее спланированное еще в начале 1918 г. действие. Можно признать, что руководство академии

¹³⁰⁴ Русская армия (Омск). 1918. 11 дек. № 18 [Прил.]. С. 1.

¹³⁰⁵ Там же.

¹³⁰⁶ Там же.

¹³⁰⁷ Там же.

действительно стремилось в антибольшевистский лагерь, но спланировать такой переход за несколько месяцев до него было невозможно.

Генерал Зубов от лица старых выпускников академии отметил, что даже знаменитый предшественник Андогского на посту начальника академии генерал М.И. Драгомиров не пользовался такой любовью учеников. Генерал Барановский продолжил эту мысль льстивыми заявлениями о том, что Драгомиров не был «так человечен и морально велик», как Андогский¹³⁰⁸. По мнению Барановского, именно ум и энергия Андогского привели академию на Восток России. Генерал Мясников высказался за необходимость сближения генштабистов и строевого офицерства, за что он, по его словам, выступал еще в 1917 г. Банкет перерос в чествование Андогского, который был растроган до слез.

Не всем понравился столь явный смотр сил сторонников академии на фоне разгоравшейся борьбы военно-политических группировок. Полковник К.Я. Гоппер в этой связи отметил: «“Маститый” начальник академии генерал Андогский сидел не у дел: не пропускало его в Ставку брестское клеймо; да и вся академия Генерального штаба, так долго служившая у красных... не пользовалась популярностью. Для устранения этих неудобств был устроен годовой академический обед, на котором говорилось много речей о подвигах академии, пробившейся из красного плена, чтобы спасти Россию; генерал же Андогский уподоблялся Дмитрию Донскому, унижавшемуся перед Мамаем (Троцким), для той же цели. Любопытная полемика возникла по этому поводу между генер[алом] Рычковым и ген. Андогским, в которой ген. Рычков метко клеймил недостойное поведение академии и откровенно называл ее руководителей предателями. Полемика кончилась вмешательством Ставки и удалением ген. Андогского временно из Омска»¹³⁰⁹.

Почти одновременно с опросом в сибирских газетах развернулась кампания против академии, инициированная теми лицами, которые были раздражены неожиданно высоким положением еще недавно работавшего с Троцким академического начальства в омских «сферах». Эта кампания пришлась как нельзя кстати Д.А. Лебедеву. Возможно, дискредитация академии была вызвана стремлением Лебедева устранить своего соперника Андогского, хотя прямых связей нам установить не удалось. Центром борьбы против академии члены конференции считали Тюмень, делались предположения, что, возможно, все статьи написаны одним лицом¹³¹⁰. Однако критические заметки выходили даже за рубежом. К примеру, одна из шанхайских газет тогда осудила академию за неказание помощи царской семье в Екатеринбурге¹³¹¹.

Очевидным организатором этой кампании был сторонник конституционной монархии, белый подпольщик, участник создания «Союза за защиты Родины и свободы» Б.В. Савинкова генерал-лейтенант В.В. Рычков. Рычков прежде руководил гарнизоном Казани, где была захвачена академия, командовал Казанским армейским корпусом, а к концу 1918 г. занял второстепенный административный пост главного начальника Тюменского военного округа на театре военных действий. Неудивительно, что материалы против академии печатались именно в Тюмени.

Участвовал в травле и другой участник казанских событий и известный савинковец Ф.Ф. Клепиков, в прошлом — адъютант Савинкова, теперь ставший адъютантом Рычкова.

¹³⁰⁸ Там же.

¹³⁰⁹ *Гоппер К.Я.* Четыре катастрофы... С. 123–124.

¹³¹⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 51. Л. 41.

¹³¹¹ Там же. Л. 41об.

Еще одним участником был подполковник К.Г. Язвин — гвардейский офицер и выпускник академии 1912 г. Он также был связан с Рычковым, поскольку в декабре 1918 г. служил старшим адъютантом строевого отделения штаба Тюменского военного округа на театре военных действий, которым руководил Рычков¹³¹². К сожалению, документы пока не позволяют судить о взаимосвязях между Рычковым и представителями омских кругов, противостоявших академии.

Статьи имели характерные названия: «Как они оправдываются?», «Что это такое?» (В.В. Рычков); «Красная паутина», «Красноармейцы» (Ф.Ф. Клепиков); «Герои и предатели Родины» (подполковник К.Г. Язвин); «Красное офицерство» (Белоруссов). Печатались они в основном в газетах «Отечественные ведомости» (Екатеринбург), «Свободное слово» (Тюмень), «Наша заря» (Омск). Кампания достигла цели — Андогский был дискредитирован и не рассматривался в качестве кандидата на высокие посты.

Рассмотрим, как была организована эта кампания дискредитации. В конце декабря 1918 г. были опубликованы уже известные читателю воспоминания Ф.Ф. Клепикова о боях за Казань, где академии и ее руководству давалась крайне нелицеприятная характеристика.

Затем увидела свет статья «Красное офицерство»¹³¹³. Ее автором был некто Белоруссов. Под этим литературным псевдонимом скрывался А.С. Белевский (1859–1919) — выпускник кадетского корпуса и Петербургской сельскохозяйственной академии, в прошлом правый народник, ссыльный, эмигрировавший в Турцию и Францию. В эмиграции он сошелся с Б.В. Савинковым¹³¹⁴. В годы Первой мировой войны Белевский перешел на правые позиции. По заданию московского отделения подпольной антибольшевистской организации «Национальный центр» уехал на Восток России¹³¹⁵. Кроме того, он состоял в «Совете общественных деятелей» и в «Правом центре»¹³¹⁶. Белевский-Белоруссов основал в Екатеринбурге газету «Отечественные ведомости» и стал ее редактором. В этой газете и появилась статья. Белоруссов также был тесно связан с видным сибирским политическим деятелем (участником омского переворота, директором департамента милиции, а затем товарищем министра внутренних дел) В.Н. Пепеляевым и савинковцами. Бывшие члены «Союза защиты Родины и свободы» неизменно получали трибуну на страницах газеты.

В статье Белоруссова отмечалось, что автор не стремится предавать позору имена лиц, скомпрометированных службой большевикам. Тем не менее тема службы офицеров красным заслуживает внимания. Не называя имени своего информатора, которым, очевидно, был Ф.Ф. Клепиков, Белоруссов описал арест академии в Казани. Авторский пафос был недвусмысленным: «И теперь вопрос: что же? Эти предатели родины, носившие еще недавно мундир офицера (без пентаграммы), теперь, когда внутренняя война скоро кончится, — опять войдут в ряды русского офицерства...? Это невозможно, здесь поставлена на карту честь не только мундира... но честь всей нации»¹³¹⁷. В заключение статьи автор требовал создания суда чести в целях люстрации причастных к большевизму.

¹³¹² РГВА. Ф. 39466. Оп. 2. Д. 16. Л. 3.

¹³¹³ *Белоруссов*. Красное офицерство // *Отечественные ведомости* (Екатеринбург). 1918. 26 (13) дек. № 38. С. 2 (см. Приложения).

¹³¹⁴ *Тактический центр: документы и материалы*. М., 2012. С. 82.

¹³¹⁵ *Всероссийский Национальный центр*. М., 2001. С. 226, 446, 568.

¹³¹⁶ *Красная книга ВЧК: в 2 т. М.*, 1989. Т. 2. С. 30.

¹³¹⁷ *Белоруссов*. Красное офицерство // *Отечественные ведомости*. 1918. 26 (13) дек. № 38. С. 2 (см. Приложения).

Статья произвела тяжелое впечатление на многих офицеров, которые посчитали такую публикацию оскорбительной для офицерства. Белоруссов был вынужден оправдываться¹³¹⁸. При этом он отметил, что не первым выступил в печати на острую тему. Он ссылался на аналогичные материалы в газете «Свободное слово» и призывал не замалчивать злободневный вопрос.

И действительно, параллельно в тюменской газете «Свободное слово» с продолжением печаталась большая статья Ф.Ф. Клепикова «Воспоминания о событиях при взятии г. Казани чехословаками». Захвату академии была посвящена статья в № 147, однако и в последующих номерах Клепиков не упускал случая высказаться по поводу большевизированных генштабистов, которые «и теперь пытаются налететь на готовый медок, переходя из одного лагеря в лагерь противоположный, враждебный. Впрочем, в русской истории это не первый случай: мы помним тушинских воров»¹³¹⁹.

Клепиков рассуждал и в связи со статьями Белоруссова, предложив вместо суда чести из служивших большевикам офицеров сформировать воинскую часть и отправить ее на передовую, чтобы генералы и офицеры искупили свою вину кровью¹³²⁰.

Позднее «Отечественные ведомости» продолжали лоббировать тему люстрации. В мае 1919 г. в заметке «Необходимая осторожность» отмечалось, что «требование Министерства внутренних дел об очищении правительственных и общественных учреждений от служащих, активно причастных к большевизму, не может не только вызвать возражений, но должно быть признано мерой существенно необходимой. Но при неперменном условии, что “чистка” будет производиться при обстоятельствах, гарантирующих от невинных жертв недоразумения, неосмотрительности и доносов.

Опыт показал, что суровое отношение к большевикам дает повод известной части граждан не только к обнаружению действительно причастных к большевизму лиц, а к сведению личных счетов путем доноса»¹³²¹. В заметке, конечно, не говорилось о том, что газета и сама была ранее причастна к подобным публичным доносам.

Академия реагировала на статьи своих недоброжелателей. Андогский лично встретился с адмиралом А.В. Колчаком для обсуждения ситуации, затем в январе 1919 г. была выпущена брошюра начальника академии о деятельности академии в 1917–1918 гг.¹³²², а в газетах тот же текст (иногда с несущественными вариациями) был широко опубликован в виде статей¹³²³.

Противники академии на этом, однако, не успокоились. В борьбу вступил еще один бывший савинковец генерал В.В. Рычков¹³²⁴, который в оскорбительных выражениях упрекал академию в том, что она не бежала к белым походным порядком в конце 1917 г., называл

¹³¹⁸ Белоруссов. Необходимое объяснение // Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1918. 31 (18) дек. № 42. С. 2 (см. Приложения).

¹³¹⁹ Свободное слово (Тюмень). 1918. 28 дек. № 155. С. 3.

¹³²⁰ Клепиков Ф. «Красное офицерство» и «Необходимое объяснение» (размышления над статьями А.С. Белоруссова) // ВАР. V.F. Klement'ev Papers. Vox 1. См. Приложения.

¹³²¹ В.С. Необходимая осторожность // Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 11 мая (28 апр.). № 98. С. 2.

¹³²² См. Приложения.

¹³²³ Андогский А. Академия Генерального штаба в 1917–1918 гг. // Сибирская речь (Омск). 1919. 21 (8) янв. № 13. С. 2–3; *он же*. Академия Генерального штаба в 1917–1918 годах // Наша Заря (Омск). 1919. 17 янв. № 10. С. 2; 18 янв. № 11. С. 2; 21 янв. № 13. С. 2; *он же*. Академия Генерального штаба в 1917–1918 гг. // Сибирская жизнь (Томск). 1919. 22 янв. № 10. С. 2.

¹³²⁴ Рычков В. Как они оправдываются? // Свободное слово (Тюмень). 1919. 7 февр. № 26. С. 1–3 (см. Приложения).

Андогского и конференцию академии предателями и грозил смертной казнью. Неудивительно, что после этих демаршей академическое руководство намеревалось засудить Рычкова. Позднее отозвался и Клепиков, опубликовавший очень резкую статью «Красная паутина» в № 167 «Свободного слова»¹³²⁵.

В журнале заседаний академии за 15 января 1919 г., содержание которого больше напоминает мемуары самого Андогского, отмечалось, что «до приезда ген. Степанова н[ачальни]ку академии пришлось побывать у Верх[овного] прав[ителя] с докладом по поводу статей, появившихся в тюменской газете “Свободное слово”, подписанных г.[г.] Рычковым, Флегонтом Клепиковым и Язвиным.

В статьях обливались грязью как академия, так и ее н[ачальни]к. Верх[овный] прав[итель] был возмущен и заявил, что он останется при своем мнении: “Вы и академия — безупречны”, а чтобы опровергнуть гнусные нападки, предложил назначить формальное расследование.

Однако н[ачальни]к академии высказался против такого расследования, опираясь на мнения членов конференции, бывших в Омске, что обвинения в сотрудничестве в работе с большевиками — дело крупного масштаба, что такие обвинения могут быть по отношению и других учреждений, поэтому выделять академию нельзя.

Тем не менее Верх[овный] прав[итель] настаивал и предложил составить особую комиссию, поручив ей расследование.

Ген. Андогский просил отложить этот вопрос до обмена мнениями в конференции, на что Верх[овный] пр[авитель] согласился. Присутствовавший при докладе полк[овник] Лебедев заметил, что есть еще один выход, но его не назвал. Впоследствии выяснилось, что таким выходом пол[ковник] Лебедев считал почетную командировку ген. Андогского на Дальний Восток на некоторый промежуток времени, в течение которого страсти улягутся и нападки прекратятся.

Опираясь на скорое открытие академии, на доверие Верх[овного] прав[ителя] к ней — ген. Андогский отверг это предложение.

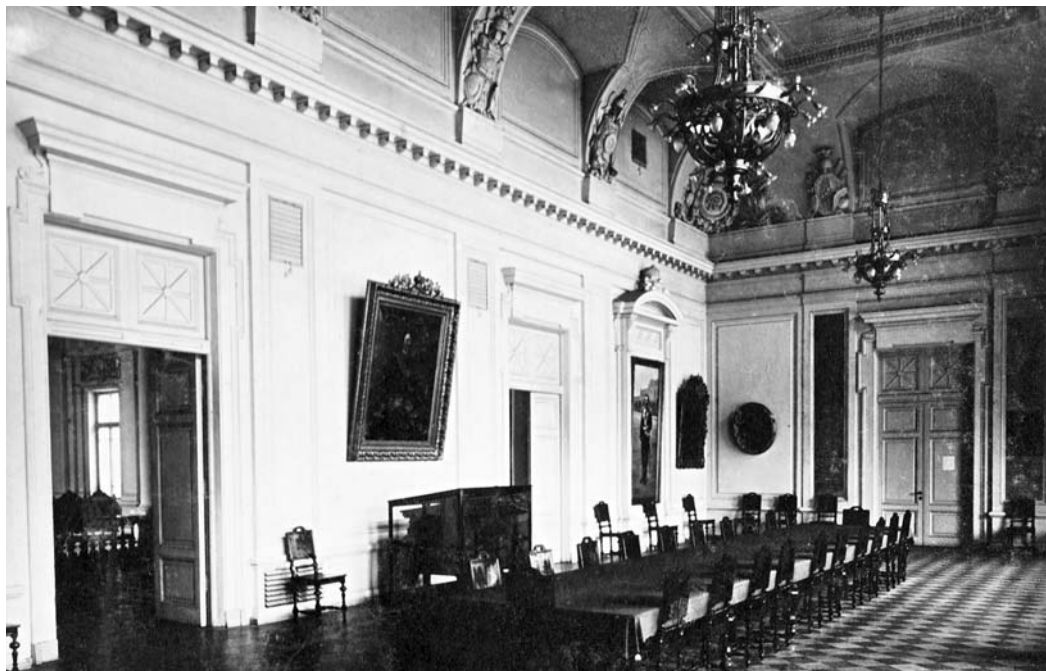
В Омск приехал ген. Степанов. При разговоре с ним о предложении Верх[овного] прав[ителя] организовать Гл[авное] упр[авление] Ген[ерального] шт[аба] — ген. Степанов отверг, ссылаясь на отсутствие средств, малое число оф[ицеров] Генштаба. Все доводы в необходимости этого учреждения не были приняты во внимание, и воен[ный] мин[истр] решил, что все вопросы по Ген. штабу будут сосредотачиваться в отделении при Гл[авном] штабе. Отношение ген. Степанова к н[ачальни]ку акад[емии] и [к] самой акад[емии] было весьма сдержанное; он пытался выяснить как деятельность ген. Андогского, так и работу акад[емии] в период большевизма, кроме того, способ назначения ген. Андогского н[ачальнико]м академии (как-то был задан вопрос н[ачальни]ку акад[емии]: “Что у вас была за дружба с Керенским?”).

Высказал свою солидарность с полк[овником] Лебедевым, что поездка на Дальн[ий] Восток погасит все неблагоприятные разговоры об академии и ее н[ачальни]ке: “Нужно поехать на Дальний Восток — принять порцию дальневосточного воздуха”, — были слова ген. Степанова — “Тем более что к вашему возвращению из командировки академия будет открыта и вы приступите к работе”.

¹³²⁵ См. Приложения.

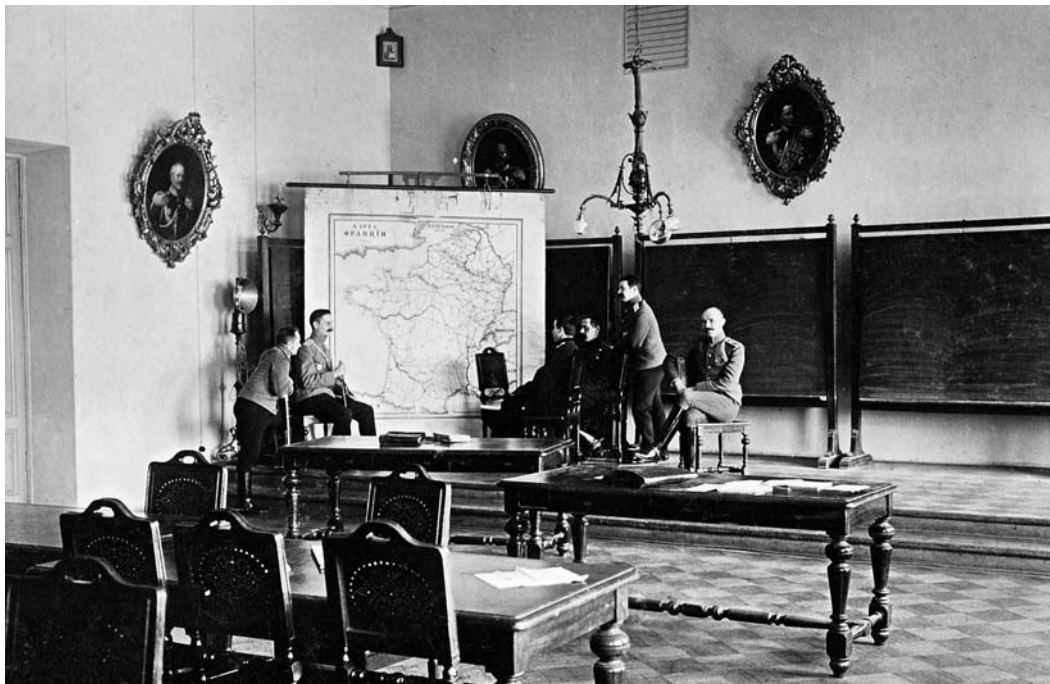
Памятник питомцам академии, павшим при исполнении служебного долга. Построен по проекту скульптора К.В. Изенберга и архитектора А.И. фон Гогена, авторов памятника «Стережущему». Фото К.К. Буллы. 1909 г.
Военная столица Российской Империи в фотографиях конца XIX — начала XX века. М., 2004

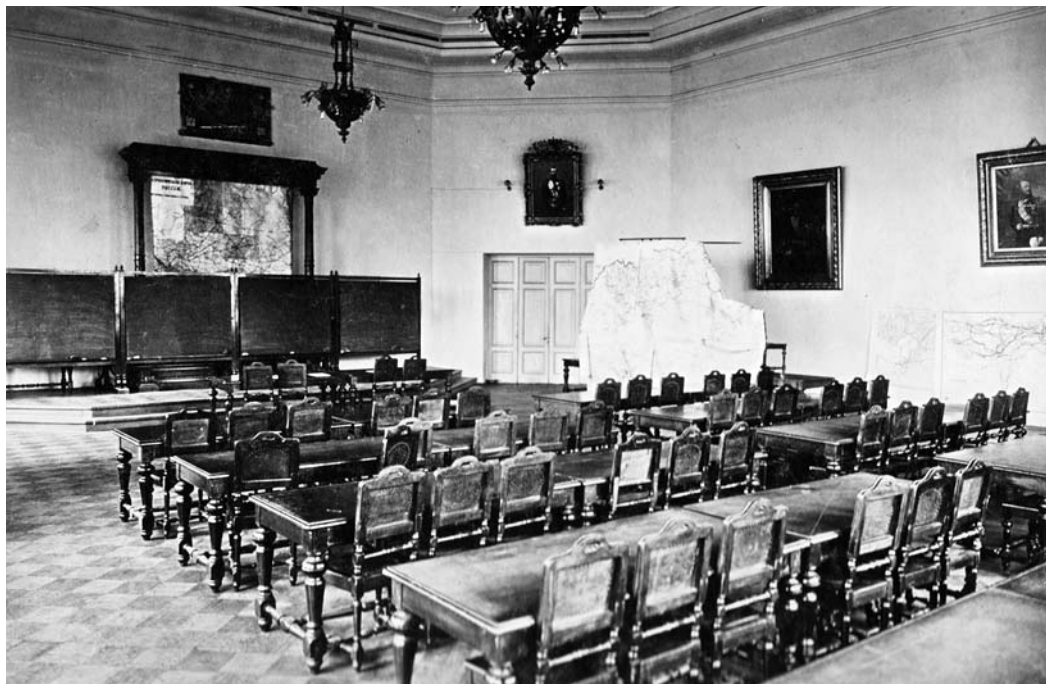
Зал заседаний конференции академии. На переднем плане портрет Петра Великого, который в 1918 г. не тронули революционные матросы. НА ИРИ РАН. Публикуется впервые

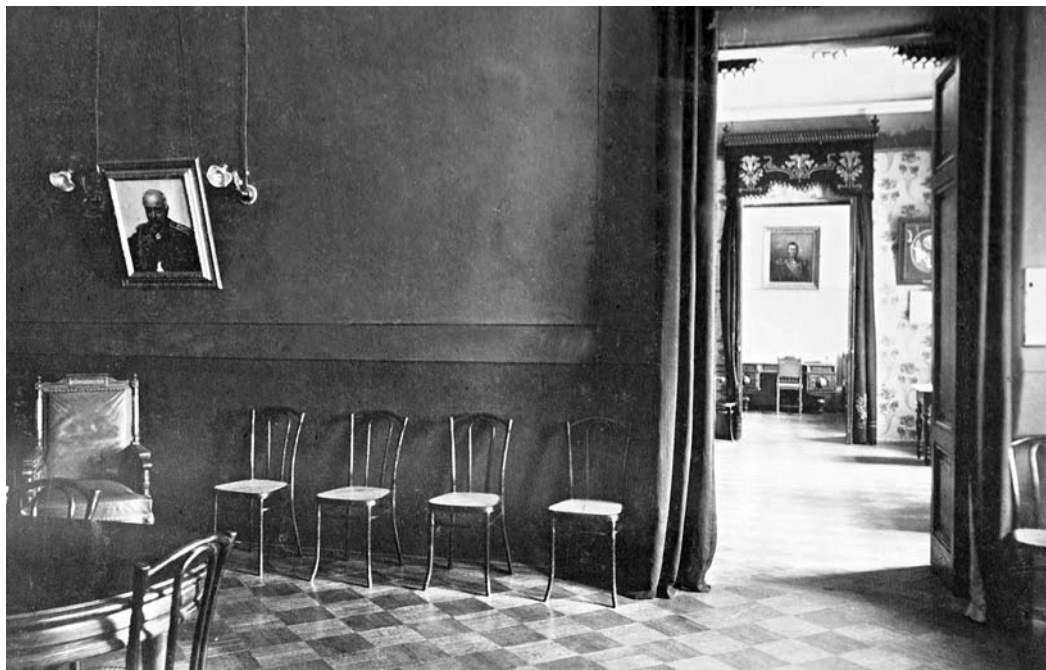
Экзамены в академии. Конец XIX – начало XX в.

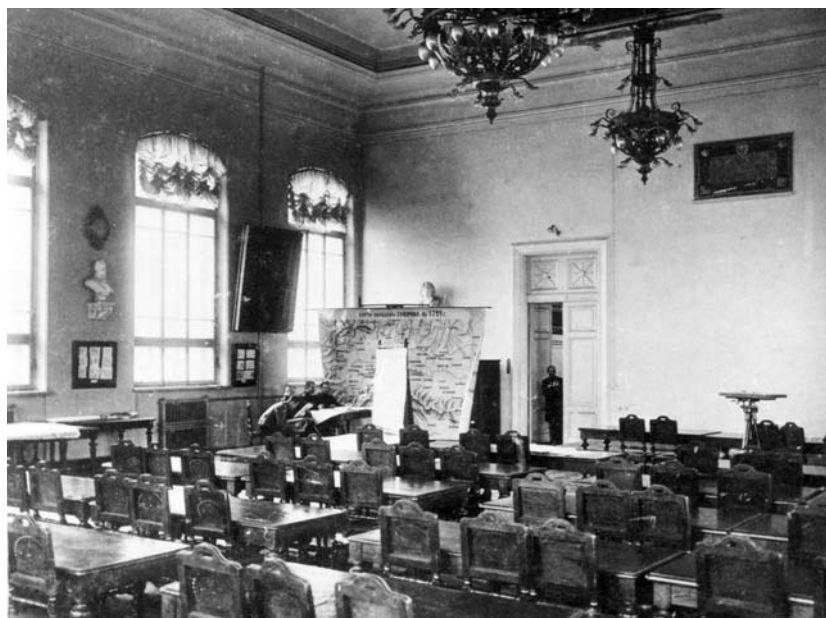
В помещениях академии. НА ИРИ РАН. Публикуется впервые

В помещениях академии. НА ИРИ РАН. Публикуется впервые

Одна из комнат первого этажа академии, рядом с офицерским собранием. На переднем плане портрет генерала М.И. Драгомирова работы И.Е. Репина. НА ИРИ РАН. Публикуется впервые

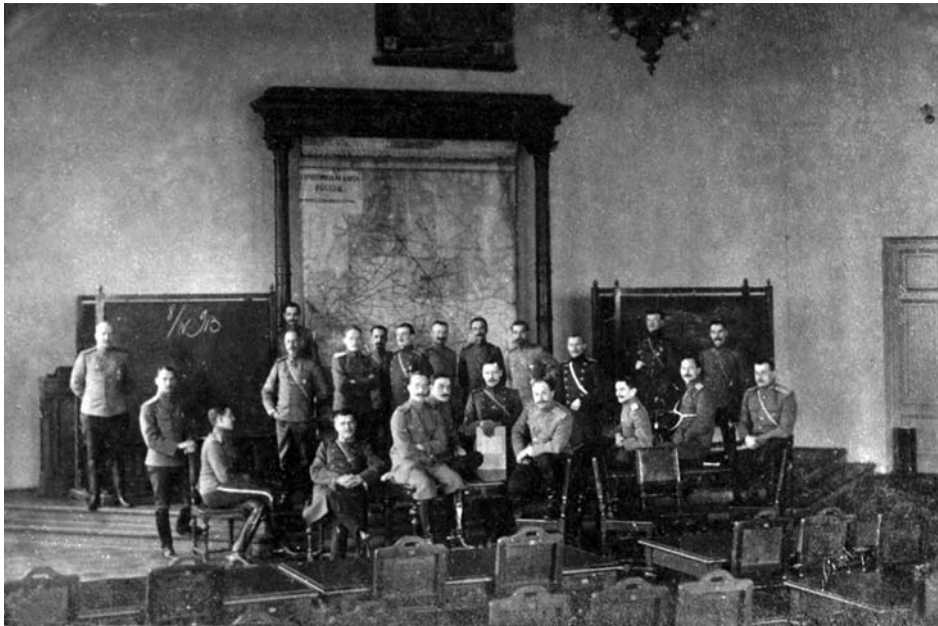
В одной из аудиторий. ВАР. Публикуется впервые

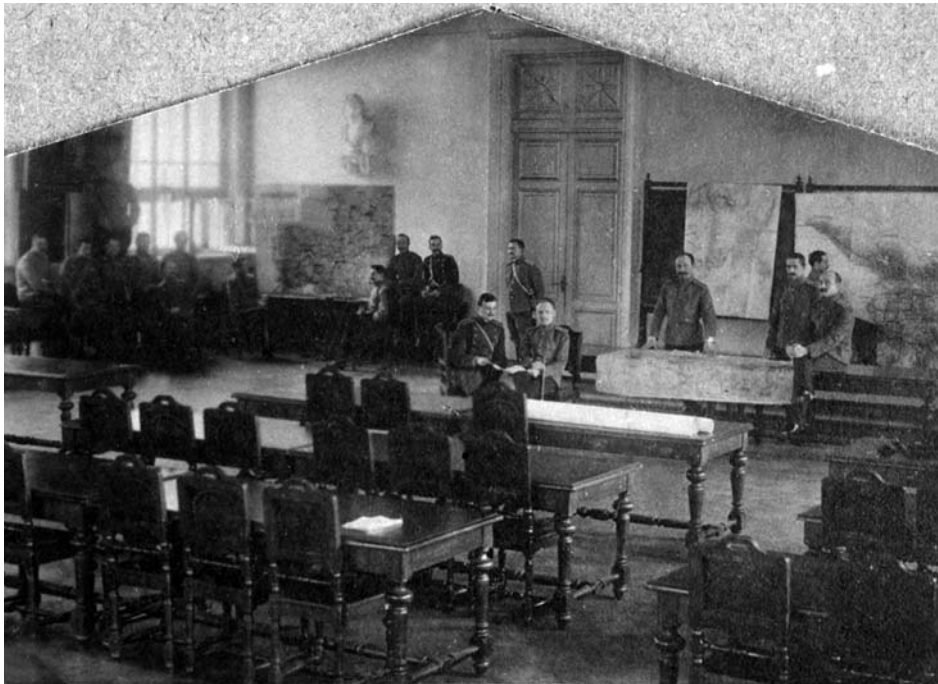
На занятиях в академии. Слушатели выпуска 1913 г. НИА. Публикуется впервые

На занятиях в академии. Начало XX в. НА ИРИ РАН.
Публикуется впервые

На занятиях (предположительно, сдача тем дополнительного курса). 8 апреля 1913 г. НИА. Публикуется впервые

На занятиях. НИА. Публикуется впервые

Парадная лестница на второй этаж академии, ведущий в аудиторию младшего класса. Направо — помещения для практических занятий и библиотеки, налево — зал конференции академии и профессорская комната. ВАР.
 Публикуется впервые

Коридор академии. НА ИРИ РАН.
 Публикуется впервые

Оттиск печати Императорской Николаевской военной академии. Начало XX в.

Знак выпускника академии

В помещениях академии. НА ИРИ РАН. Публикуется впервые

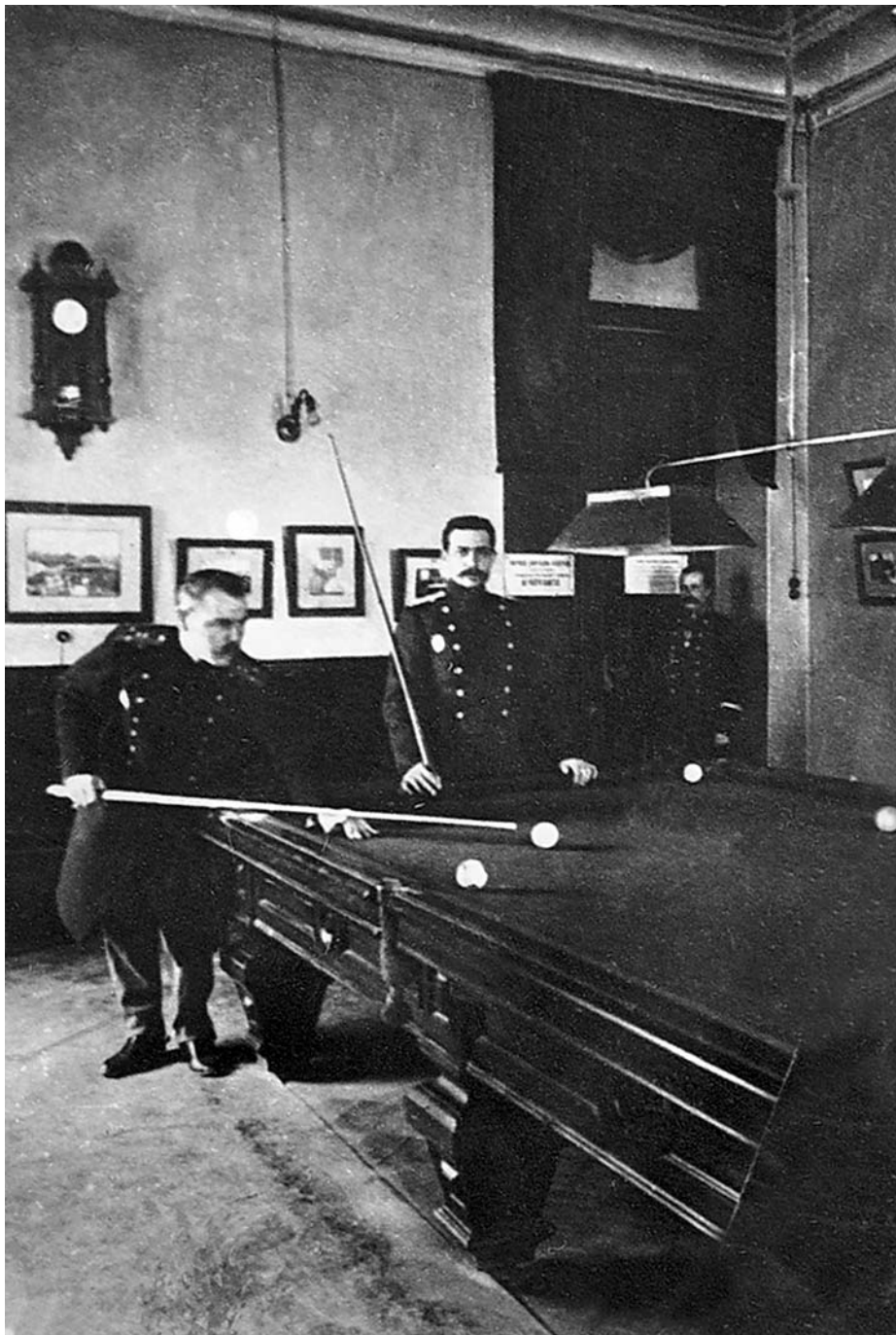
Слушатели в минуты отдыха. НАИ. Публикуется впервые

Столовая академии. НА ИРИ РАН. Публикуется впервые

В помещениях академии. НА ИРИ РАН. Публикуется впервые

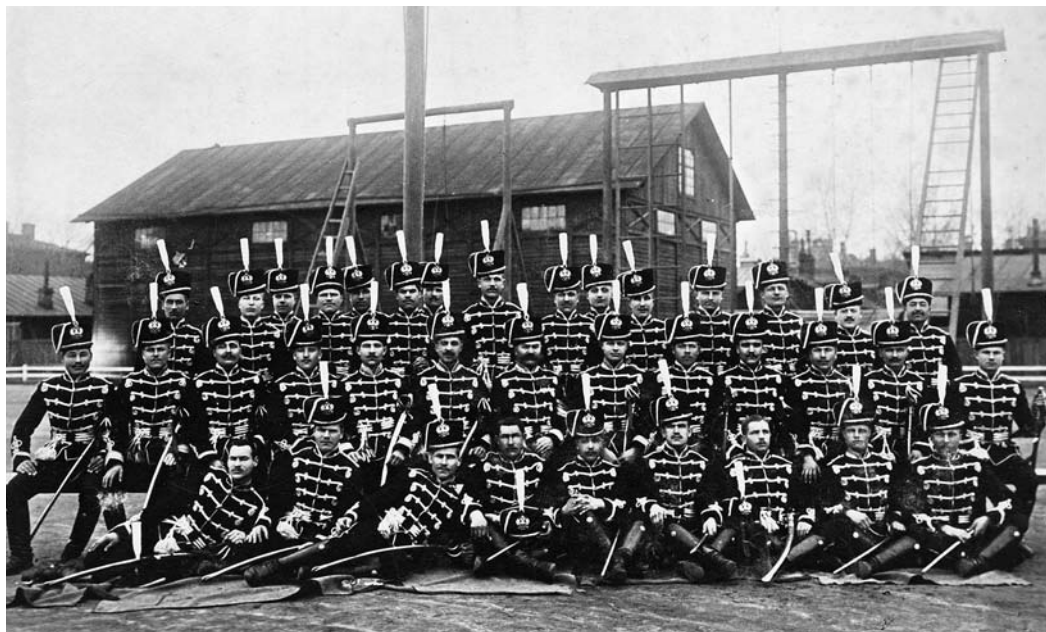
Игра в бильярд в академии. НА ИРИ РАН. Публикуется впервые

Занятия по верховой езде. НА ИРИ РАН. Публикуется впервые

Занятия по верховой езде. На заднем плане — здание музея А.В. Суворова. НА ИРИ РАН.
Публикуется впервые

Академический полускадрон. НА ИРИ РАН. Публикуется впервые

Съемки под руководством А.А. Зейфарга. Конец XIX в.

Здание Николаевской академии Генерального штаба и памятник погибшим выпускникам академии.
Санкт-Петербург. НА ИРИ РАН. Публикуется впервые

Здание Николаевской академии Генерального штаба. Начало XX в. Почтовая открытка

Администрация, преподаватели и слушатели Императорской Николаевской военной академии периода кружка Н.Н. Головина. Фото на память в связи с отъездом слушателей — сербов и болгар на 1-ю Балканскую войну. *Сидят (слева направо):* В.Г. Болдырев (3-й), А.К. Келчевский (5-й), А.А. Незнамов (6-й), Н.Н. Янушкевич (7-й), Б.М. Коллобакин (8-й), Г.Г. Христиани (9-й), Д.Г. Щербачев (10-й), А.А. Зейфарг (11-й), В.Ф. Новицкий (?), 13-й), Б.В. Геруа (14-й). В третьем ряду крайний справа Н.Н. Головин, рядом с ним П.Ф. Рябиков, третий справа — Н.Л. Юнаков. Осень 1912 г.
Танчев И. Българи в чуждестранни военноучебни заведения (1878–1912). София, 2008

Генерал М.В. Алексеев

Генерал Д.С. Шуваев

Генерал Д.Г. Щербачев

Начальники Николаевской военной академии в 1914–1922 гг.

Князь П.Н. Енгальчев. ВАР. Публикуется впервые

А.А. Зейфарт

В.В. Витковский

В.Н. Петерс с супругой Ю.А. Петерс.
Варшава, 1915 г. Глушко А.В. Неизвестный Лангемак.
Конструктор «катюш». М., 2012

Начальники Николаевской военной академии в 1914–1922 гг.

А.И. Андогский

Г.Г. Христиани. 1911 г.
НА ИРИ РАН. Публикуется впервые

А.И. Медведев

Б.М. Колобакин. 1911 г.
НА ИРИ РАН. Публикуется впервые

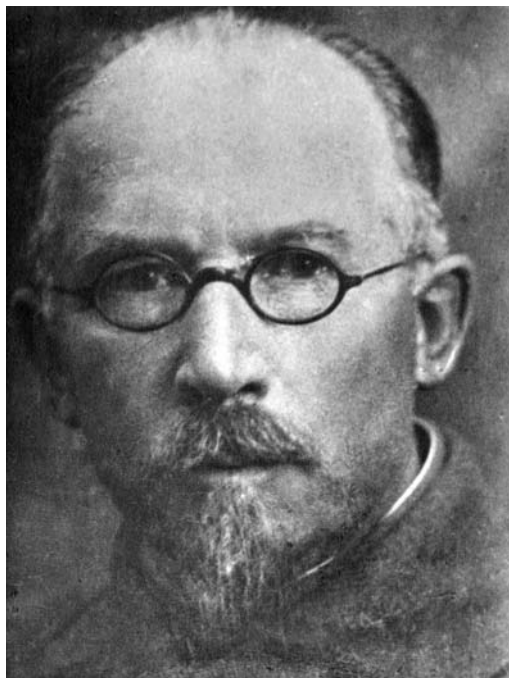
Н.Н. Головин. НА ИРИ РАН

А.И. Андогский.
Около 1917 г.

Полковник П.И. Измъев. 1915 г.

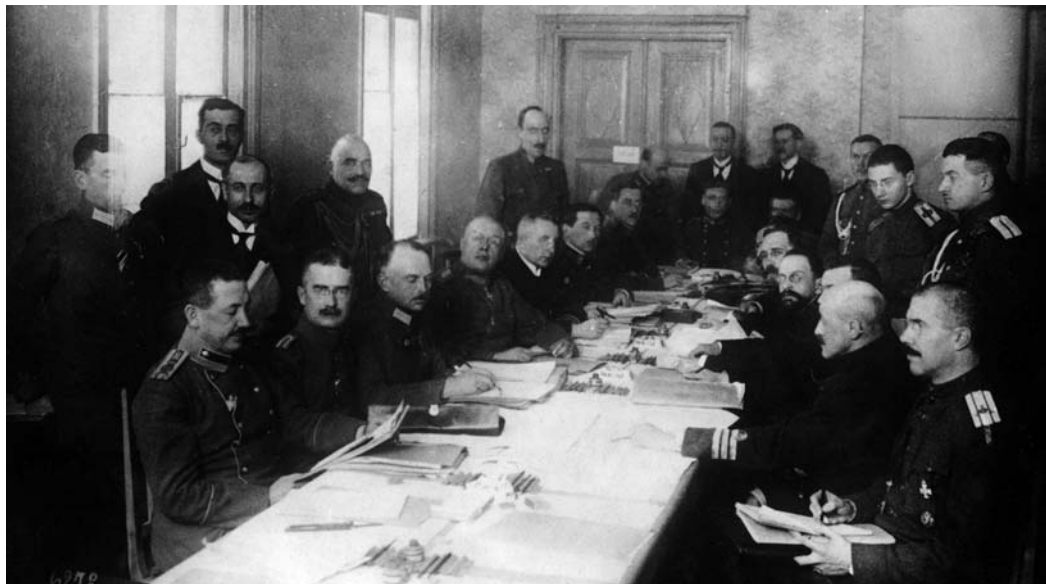
А.А. Балтйский. НА ИРИ РАН

В.П. Матвев — комиссар академии. Фото предоставлено Е.К. Кустовой. Uralfamily.dk

Ф.П. Никонов

Мирные переговоры в Брест-Литовске

Епархиальное женское училище в Екатеринбурге, где располагалась академия.
Фото предоставлено А.М. Кручинным (Екатеринбург)

Комендатура Екатеринбургa. 22 августа 1918 г. *Сидят*: 3-й слева подполковник Н.Г. Сабельников, 4-й — принц полковник А.П. Риза-Кули-Мирза. *Кручинин А.М.* Падение красного Екатеринбургa. Екатеринбург, 2005

Генерал-майоры Б.П. Богословский и А.А. Сурнин (*сидят*) в штабе Сибирской армии. 1918 г.
Фото предоставлено А.М. Кручининым (Екатеринбург)

Пермь. Вид города с южной стороны. Начало XX в. Почтовая открытка

Совещание в поезде Л.Д. Троцкого. *Справа налево:* Л.Д. Троцкий, И.И. Вацетис, С.И. Аралов, С.Е. Сакс. 1918 г.

Казань. Общий вид города. Начало XX в. Почтовая открытка

Казань. Проломная ул. Дом Щетинкина. В 1918 г. здесь находился штаб советского Восточного фронта.
Начало XX в. Почтовая открытка

Казань. Бывшее здание губЧК. Фото А.В. Ганина. 2012 г.

Казань. Здание Коммерческого училища, где в 1918 г. располагалась академия. Фото А.В. Ганина. 2012 г.

Казань. Гостиница «Волга», где проживали преподаватели академии.
Фото В.Н. Романишиной. 2012 г.

Казань. Дом А.Н. Казем-Бека, где проживали профессора и преподаватели академии. Фото А.В. Ганина. 2012 г.

Руководители взятия Казани
подполковник В.О. Капель и капитан А.П. Степанов

В штабе Сибирской армии. *Сидят (слева направо):* командующий Сибирской армией генерал-лейтенант Р. Гайда, Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак, начальник штаба Сибирской армии генерал-майор Б.П. Богословский, уполномоченный по охране государственного порядка в Пермской губернии полковник С.А. Домонтович. *Стоят:* капитан Соломодинцев (?), полковник А.П. Попов, полковник N, личные адъютанты Колчака штабс-капитан В.С. Матвеев и ротмистр В.В. Князев. Екатеринбург, 17 февраля 1919 г. Фото предоставлено А.М. Кручининым (Екатеринбург)

Томск. Дом науки, где располагалась академия в 1918–1919 гг. Начало XX в. Почтовая открытка

Комерческое Училище

Томскъ — Tomsk

Томск. Здание Коммерческого училища, где располагалась библиотека академии. Начало XX в. Почтовая открытка

А.С. Белевский. 1880 г.

Генерал Д.А. Лебедев

Генерал Н.А. Степанов

И.А. Михайлов

Генерал Г.Е. Катанаев

Генерал Н.Г. Володченко

Владивосток. Вид с вершины горы Орлиное Гнездо на полуостров Шкота с мысом Эгершельда (*справа*) и мыс Чуркина (*слева*), выход из бухты Золотой Рог. Вдали пролив Босфор Восточный и остров Русский с каналом в бухту Новик. Фото М. Хаскелла. 1919–1920 гг. *Анча Д.А., Калинин В.И., Позняк Т.З.* Владивосток в фотографиях Мерилла Хаскелла. 11 августа 1919 – 23 февраля 1920 г. Владивосток, 2009

Профессорско-преподавательский состав академии

Г.Г. Христиани.
НА ИРИ РАН. Публикуется впервые

В.Г. Болдырев

М.А. Иностранцев

П.Ф. Рябиков

Профессорско-преподавательский состав академии

А.Ф. Матковский. 1920 г.

Б.П. Богословский

В.Н. Касаткин. 1911 г. НА ИРИ РАН.
Публикуется впервые

Б.В. Геруа

Профессорско-преподавательский состав академии

А.А. Даниловский.
ВАР. Публикуется впервые

А.К. Байов. 1911 г. НА ИРИ
РАН. Публикуется впервые

В.Ф. Новицкий

А.Ф. Гущин. 1911 г.

Г.Т. Киященко. МРК

Г.И. Клерже

М.Н. Архипов. 1912 г.
ВАР. Публикуется впервые

М.Н. Архипов в эмиграции.
1932 г. ВАР.
Публикуется впервые

А.Г. Елчанинов.
НА ИРИ РАН.
Публикуется впервые

Профессорско-преподавательский состав академии

Д.Д. Сергиевский

Н.В. Главацкий

Р.К. фон Дрейлинг
в период ареста

Л.П. Дюсиметьер

Б.П. Поляков. 1911 г. НА ИРИ
РАН. Публикуется впервые

В.Л. Томашевский

В.И. Сурин

Могилы В.И. Сурина, его супруги и дочери.
Сербское кладбище в Колма (США). Фото А.В. Ганина. 2011 г.

Профессорско-преподавательский состав академии

С.Л. Марков. 1917 г.

Д.К. Лебедев

Д.В. Филатьев

Н.П. Михневич. НА ИРИ РАН.
Публикуется впервые

Г.В. Солдатов. 1911 г. НА ИРИ
РАН. Публикуется впервые

Г.В. Солдатов в период ареста.
1930–1931 гг.

Ю.Н. Площевский-Площик

И.С. Свишев в эмиграции.
1950-е гг.

Вл.И. Моторный. 1920 г. РГВА

Профессорско-преподавательский состав и служащие академии

Н.Я. Капустин. 1911 г. НА ИРИ
РАН. Публикуется впервые

Г.В. Леонов. 1911 г. НА ИРИ
РАН. Публикуется впервые

А.К. Келчевский

В.Ф. Менжинский в период ареста по делу «Весна». Ведомственный архив Службы безопасности Украины. Публикуется впервые

В.Э. Арнгольд в эмиграции.
Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

Ф.А. Мартынов. 1911 г.
НА ИРИ РАН.
Публикуется впервые

Е.Л. Высогорец. 1911 г.
НА ИРИ РАН. Публикуется впервые

Выпускники ускоренных курсов академии

Братья Н.А. и И.А. Бафталовские. ВАР. Публикуется впервые

И.А. Бафталовский. ВАР.
Публикуется впервые

К.В. Семчевский и его супруга Е.В. Семчевская.
ВАР. Публикуется впервые

А.Г. Слефогт. 1916 г.

Н.А. Деллингсгаузен 2-й

К.Ю. Румша в русской армии

К.Ю. Румша в польской армии

Выпускники ускоренных курсов академии

Группа офицеров штаба XXXV армейского корпуса с офицерами 267-го пехотного Духовщинского полка. Третий справа — командир XXXV армейского корпуса генерал Н.П. Решиков, крайний слева — подполковник П.В. Чудинов, крайний справа — возможно, начальник 67-й пехотной дивизии генерал В.Е. Прилуцкий, стоит поручик Г.С. Гринцер (с конца 1915 г. — Горчаков) — впоследствии слушатель ускоренных курсов академии. Лето 1915 г. Фото из коллекции Д.Н. Клюева (Санкт-Петербург)

Полковник Н.В. Колесников.
1920 г.

В.А.Ф. Андерс. 1918 г.

А.Я. Крузе

Выпускники ускоренных курсов академии

М.И. Василенко

А.А. Зайцов

М.А. Фостиков

Е.Э. Месснер

В.М. Цейтлин.
АВИМАИВиВС. Публикуется
впервые

М.А. Демишхан. Фото с памятни-
ка. Публикуется впервые

Могилы М.А. Демишхана. Сербское кладбище в Колма (США).
Фото А.В. Ганина. 2011 г.

Суворовская Кончанская церковь Св. Александра Невского и бюст А.В. Суворова около академии.
Санкт-Петербург. Начало XX в. НА ИРИ РАН

Интерьер Суворовской Кончанской церкви Св. Александра Невского.
НА ИРИ РАН

Музей А.В. Суворова. Санкт-Петербург. Фото А.В. Ганина. 2008 г.

Интерьер музея. Фото начала XX в. НА ИРИ РАН.
Публикуется впервые

Выдача книг в библиотеке академии (в старом здании). Конец XIX – начало XX в.

Служащие академии. НА ИРИ РАН. Публикуется впервые

“А если без меня как главного свидетеля не удастся опровергнуть все обвинения, значит, моя командировка обращается в ссылку?” — задал вопрос н[ачальни]к академии.

“Нет”, — ответил военный министр и указал, что командировка преследует важные государственные задачи.

Следствием настоящего разговора с воен[ным] мин[истр]ом был визит н[ачальни]ка акад[емии] к министру финансов Михайлову в целях искать у него заступничества как в отношении академии, так и н[ачальни]ка ак[адемии], добиться отмены командировки его в Шанхай. Г-н Михайлов горячо откликнулся и решил ехать с докладом Верховному правителю, о чем и сообщил г[енера]лу Андогскому, заметив: “Я не остановлюсь перед своей отставкой”.

Затронутые мин[истром] фин[ансов] во время доклада вопросы были разрешены в желаемом смысле — Верх[овный] правитель обещал прекратить гонения на академию, согласился на удаление полк[овника] Лебедева, подтвердил, что он союзнической ориентации.

События же разыгрывались своим порядком...»¹³²⁶

Это описание свидетельствует уже об интриге начальника штаба Колчака Д.А. Лебедева, стремившегося любым способом избавиться от своего соперника Андогского. Попытка выслать Андогского на Дальний Восток имеет документальное подтверждение. Еще 8 января 1919 г. начальник академии получил странное (если учесть скорое открытие академии) предписание военного министра об отправке в Китай: «Возлагаю на Вас выяснение вопроса об организации постоянных военно-информационных бюро в г.г. Харбине и Шанхае, согласно лично мною данных Вам указаний.

Для исполнения этого поручения Вам надлежит выехать в командировку не позже 21 января с.г. и о всех своих решениях сообщать лично мне предварительно по телеграфу.

Заграничный паспорт Вы получите от российского генерального консула в г. Харбине.

Аванс на расходы в размере десяти тыс. рубл[ей] Вам надлежит получить у казначея Главного штаба.

О выезде из г.г. Омска и Томска прошу донести»¹³²⁷.

Колчаковское командование не нашло ничего лучше, как попытаться избавиться от неудобного генерала в форме почетной ссылки. В январе 1919 г. этого в какой-то степени удалось добиться. По первоначальному замыслу, Андогский должен был отправиться на Дальний Восток, куда он не поехал. Неисполнение приказа было использовано для его отстранения от руководства академией и направления в Иркутск. Впрочем, Андогский затянул свой отъезд туда до начала марта.

Генерал А.П. Будберг, не скрывавший в своем дневнике омских интриг, откровенно писал 16 июня 1919 г.: «В Омск вызван бывший начальник Военной академии генерал Андогский, сосланный зимой в Томск, как говорят, за то, что хотел скovyрнуть Лебедева и сесть на его место; он стал пользоваться уже известным влиянием на адмирала, но на чем-то поскользнулся; тогда вытащили на расследование то, что он был начальником академии у красных, назначили следственную комиссию, а самого Андогского отправили в почетную ссылку в Томск»¹³²⁸.

Впоследствии, в середине марта 1919 г., Андогский интересовался у своих сослуживцев по академии, удалось ли добиться возбуждения судебного преследования в отношении ге-

¹³²⁶ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 44. Л. 4–5об.

¹³²⁷ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.

¹³²⁸ Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 291. Правильно: в Иркутск.

нерала Рычкова за выпады в адрес академии¹³²⁹. Не многим лучше, видимо, Андогский отнесился к другим своим оппонентам — начальнику штаба Ставки генералу Д.А. Лебедеву и военному министру Н.А. Степанову. Реальное отношение к этим лицам в кругу начальника академии отчетливо видно из письма Андогскому от курсовика Н.Н. Нелавицкого, датированного 19 февраля 1919 г. Письмо это впечатляет не только тем, что капитан обращается к генералу старше его по возрасту на 15 лет на «ты» (возможно, вследствие склонности Андогского заигрывать со слушателями для достижения своих целей), но и весьма откровенным содержанием относительно реалий высших военно-политических кругов Омска: «Воен[ный] мин[истр] Степанов на каждом шагу показывает полную свою слабохарактерность и гражданскую трусость, т.е. качества, которыми военмин вообще и нашего периода в частности обладать не должен. Он поэтому совершенно не в состоянии начать энергичную борьбу с “негосударственным элементом”, чтобы внести большие¹³³⁰ коррективы в существующую структуру военного управления. Степанов не в силах уничтожить двойственность военного управления: двух докладчиков, равновластных у Верховного правителя: наштаверха и военмина. Лебедев настолько влияет на Колчака, что является до сего времени крупной фигурой не только в военном, но и в гражданском управлении страной! Конечно, он не потерпел бы иметь если и не более сильного, то равноценного противника, который бы в один прекрасный день стасовал бы карты перед игрой! Сейчас Военное министерство находится почти в полном упадке. Поэтому-то дальновидные люди отказываются от принятия ответственных постов (Романовский — на пост военмин[а]), считая более выгодным для себя ждать крушения власти, конец которой виднеется недалеко. Поэтому-то я считаю, что твое положение, положение опального, самое наилучшее, ибо надо помнить старую истину, что несчастье венчает всех политических деятелей ореолом близкой славы; ты еще настолько молод, твоя государственная деятельность настолько еще мало проявилась, что при существующем “безлюдье” глаза многих будут вскоре устремлены на тебя!..

Какаясь Главного штаба, который мне ближе всего знаком, ибо я в нем прослужил 2 месяца, я его охарактеризую как орган, не успевающий идти правильным темпом за быстрым течением событий. Причина этому кроется, конечно, в Марковском¹³³¹, человеке неширокого масштаба, честолюбивом “шкурнике”, сумевшем хитростью (а она у него не мала!) взять в руки безвольного Степанова. Единственно энергичными, действительно талантливыми помощниками — Оберюхтиным и Клерже — Главштаб и держится!.. Между прочим, я не могу не отметить очень характерного явления, подмеченного мною неоднократно: это полная непригодность большинства старого поколения (“старое” я разумею не годами, а духом!) к современным условиям. Возьмем ряд лиц, как: Степанов, Марковский, Владимиров и много, много других, среди которых немало есть и молодых!..

Теперь относительно тебя. Пока у власти находится Степанов (вернее Марковский!), твое возвращение к административно-военной деятельности маловероятно. Лебедев тоже против тебя. По слухам, на каких-то твоих письмах (не знаю — действительно ли ты их писал), в которых ты просил об отпуске на Пасху, Марковским были наложены самые резкие резолю-

¹³²⁹ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 47. Л. 3.

¹³³⁰ Здесь и далее подчеркнуто автором.

¹³³¹ Марковский Василий Иосифович (01.01.1878 – после 1932) — генерал-лейтенант, помощник военного министра правительства адмирала А.В. Колчака и начальник Главного штаба.

ции. “Нелюбовь и боязнь” к тебе вылилась отчасти и на мне¹³³²: на прошлой неделе ко мне пришел слушатель, ведающий учетом службы Генштаба, и сообщил, что я откомандировываюсь распоряжением Марковского (значит, помимо Клерже и моего н[ачальни]ка организационного отдела В.И. Оберюхтина) в распоряжение генкварверх[а]. Пораженный неожиданностью, я во время доклада Оберюхтину сообщил о новости, постигшей меня; Оберюхтин, услышав это впервые от меня, пошел немедленно к Клерже за объяснениями. Оказалось, что Клерже получил записку Марковского об откомандировании меня и кап[итана] Соколова (бывш[его] нач[альника] канцел[ярии] штаверха) без всяких мотивировок.

На другой день Клерже долго настаивал, чтобы Марковский объяснил причины нашего остракизма; после долгих уговоров Марковский заявил — официальная причина моего изгнания — служба генкварфронтом у Вацетиса; неофициально — моя близость (?) к тебе!

Я был вначале глубоко обижен, что у меня даже не запросили подробностей моей деятельности в Казани, т.к. у меня есть документы, на основании которых видно, что я там не играл пассивной роли и мог быть повешен. Но потом, поговорив с Оберюхтиным, мы решили никак не реагировать на это: возбуждение этого дела подняло бы опять травлю и против тебя, и против академии. Пусть себе прохвосты утешаются!..

Как новость могу тебе сообщить о последней “креатуре” Марковского: создание контрреволюционного трибунала для суда над всеми, соприкасавшимися с большевиками (не только попадающими в плен теперь, но и ранее). Состав его намечен такой: ген. Хорошкин, ген. Милович (начдив 1 кав[алерийской]), ген. Лящик (начдив 11 Сиб[ирской] стр[елковой]), ген. Евтин (казак), подьесаул Хомутов. Не безобразие ли это? Не нашествие ли это “белой совдепии”?! И это в такое время, как все должны объединиться для окончательной борьбы с большевизмом?!

Клерже — удивительно милый человек, хорошо к тебе относящийся и скорбеющий за тебя; он мне при прощании говорил, что куда только ни обращался, чтобы посодействовать твоему назначению хотя бы на фронт! Оберюхтин просил очень кланяться и передать самые лучшие пожелания; его положение в Гл[авном] штабе прочное, но он не хочет оставаться и собирается на фронт, т.к. с Марковским служить иногда бывает не под силу.

Твое письмо Романовскому он передал. В беседе с ним Оберюхтин услышал такую фразу: “Если бы мне приказали принять пост военмина, я бы сейчас же вызвал Алекс[андра] Ивановича”; вообще Романовский к тебе очень расположен... недолог час окончания твоего прозябания в Иркутске. Я же очень польщен, что подвергся остракизму из-за тебя, т.к. это мне показывает, что я был отмечен тобой среди других и приближен, а мне это наиболее приятно, ибо я тебя глубоко уважаю и люблю и ценю бескорыстно, какой бы ты пост ни занимал, каково твое положение ни было бы. Поэтому, если бы тебе когда-нибудь понадобился верный помощник, который за 30 серебряников тебя не продаст, позови меня!»¹³³³ Письмо Нелавицкого полностью подтверждает наличие группировки сторонников Андогского в Омске и в штабах. В начале 1919 г. эта группировка уступила свои позиции недоброжелателям академического начальства. Реванш состоялся лишь в конце весны.

Фигурировавший в переписке сторонников академии полковник Г.И. Клерже в своих воспоминаниях подробно (хотя несколько идеалистично для академии и не всегда точно)

¹³³² Так в документе.

¹³³³ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 60. Л. 1об.–6.

остановился на истории ее преследований у белых и нездоровой атмосфере омских штабов: «Как бы составляя главный кадр будущего сибирского Генерального штаба, прибыл после мытарствований в разных положениях в полном составе в Сибирь кадр профессоров, преподавателей и слушателей Императорской военной академии (Генерального штаба) во главе с начальником ее генералом А.И. Андогским...

Казалось бы, что из состава чинов последней должно было бы быть составлено главное ядро Генерального штаба адмирала А.В. Колчака как Верховного правителя и Верховного главнокомандующего.

В составе учебного и административного персонала Военной академии было достаточное число старших и опытных офицеров Генерального штаба, из которых можно было смело организовать полный штат главнейших высших военных учреждений, таких, как штаб Верховного главнокомандующего, штабы армий, Главный штаб и штабы тыловых военных округов.

По своему непререкаемому авторитету и имея в своем непосредственном распоряжении несколько десятков офицеров — слушателей академии, которые проходили, как говорится на походе, “школу колонновожатых”, эти опытные в большинстве генералы Генерального штаба могли бы в короткий срок взять, по крайней мере, на первое время, в свои руки бразды правления во всей военной организации в Сибири и на Волге.

По странному, однако, “предубеждению” к этому вопросу со стороны некоторых ответственных по своему влиянию в окружении адмирала Колчака лиц, вся академия все же оказалась... не у дел. В таком печальном и угнетаемом состоянии ее держали на протяжении... всей сибирской эпопеи.

Почему-то признано было необходимым “продолжать обучение” слушателей академии для подготовки их к занятию будущих должностей Генерального штаба, тогда как вопросом о том, хватит ли для этого времени и возможности, т.е. позволит ли вообще военно-политическая обстановка такую роскошь, как нормальные академические занятия, никто, по видимому, серьезно не задумывался.

Когда автору сих воспоминаний при первых шагах своей служебной деятельности пришлось поднять этот вопрос, то на него набросились с такими явными предубеждениями, что только младенцу можно было бы не понять, что тут вопрос стоял вовсе не в том, что “надо было обучать” молодых офицеров военному искусству (это было явно бесполезно по той неустойчивой обстановке), а в том, что некоторым лицам, уже получившим “тепленькие местечки”, не хотелось их уступать более достойным и знающим свое прямое дело генералам.

Больше всего почему-то неистовствовал в этом вопросе начальник Главного штаба генерал Марковский, поддержку в котором он видел при этом от военного министра адмирала Колчака генерала Н.А. Степанова...

Они, оба-два, вершители омского военного олимпа, почему-то предали остракизму и позорному бичеванию всех чинов военной Императорской академии, несмотря на то, что в составе ее были весьма почтенные профессора, в свое время обучавшие того же Марковского и Степанова...

История возникновения мало понятной травли против всего состава Военной академии относилась отчасти на счет самого начальника академии генерала А.И. Андогского, которому не могли никак простить его участия в переговорах с немцами при заключении большевиками мира в Брест-Литовске, отчасти потому, что на пути проникновения в Сибирь, пре-

жде, чем попасть в армию адмирала А.В. Колчака, академия сохраняла свое полулюбящее к большевикам отношение.

Странное творилось в этом направлении в Омске, вообще, вот взять хотя бы вопрос с этой академией. Если уже она и особенно ее начальник признаны были “неблагонадежными” в политическом отношении, то не следовало ли просто раскассировать ее полностью и виновных привлечь к законной, по тому времени, ответственности?

Однако в те времена и генерал Степанов, и его ближайший помощник Марковский предпочитали предавать людей моральному распятию, т.е. привлекать их на ту или иную службу, но в то же время держать их под тяжестью интриг и бесконечных, совершенно ни на чем не обоснованных, обвинений в... большевизме.

В большом мозгу Марковского это, может быть, было и естественно, но лица, на которых он, в данном случае, пользуясь своим высоким служебным положением, возводил эти “обвинения”, испытывали невероятные нравственные мучения.

Только чувство долга перед распинаемой большевиками Родиной заставляло, скрепя сердце, переносить эти трения и обиды, исполнять прямые обязанности по службе в обстановке, которую создал в этом отношении в Омске маньякальный начальник Главного штаба адмирала А.В. Колчака.

В глубоком тылу, в университетском городе Томске было назначено место официального расположения Военной академии, но, по существу, это было местом ссылки русских военных профессоров, связи с которыми чванный омский военный олимп поддерживать совершенно не желал...

На короткое время, когда влияние Степанова и Марковского было ослаблено, из состава академии привлекались для несения старших штабных должностей генералы Андогский, Рябиков и другие, но потом, когда запахло развалом позиции¹³³⁴ адмирала А.В. Колчака и в воздухе повисла неизбежная эвакуация, они снова возвратились в академию и откатились с нею в Харбин и во Владивосток.

Итак, наша военная “Альма Матэр” оказалась не в милости белого движения в Сибири и активного в нем участия не приняла. Главенствующие роли в высших военных учреждениях Омска возложили на себя в Военном министерстве и в Главном штабе старые “зубры” Степанов и Марковский, а в штабе Верховного главнокомандующего — “политический молдняк” во главе с покойным ныне генералом Д.А. Лебедевым¹³³⁵.

Пока же, 13 января 1919 г., Андогский вернулся из командировки в Омск в академию и приступил к работе. 15 января на заседании конференции академии обсуждался злободневный вопрос: «Беспощадная травля академии и ее н[ачальни]ка заставила последнего составить записку, опровергающую нападки, печатать ее или нет?» Постановили «признать необходимым напечатать в периодической печати, т.к. отсутствие опровержений может быть признано читателями, что возводимые обвинения справедливы. Кроме того, просить о производстве расследования деятельности академии в период жизни ее в Советской России»¹³³⁶.

После своего назначения на пост начальника штаба Ставки Колчака Д.А. Лебедев начал изгонять из Ставки кадры Андогского. В декабре 1918 г. в академию вернулись штатные преподаватели академии: временно исполняющий должность помощника начальника штаба

¹³³⁴ Очевидно, речь идет о военных неудачах.

¹³³⁵ Клерже Г.И. Революция и Гражданская война. Личные воспоминания. Мукден, 1932. С. 126–128.

¹³³⁶ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 44. Л. 6.

Ставки полковник А.П. Слижиков и временно исполняющий должность 1-го генерал-квартирмейстера Ставки полковник А.Д. Сыромятников¹³³⁷.

После получения в академии первых сведений об отчислении Андогского от должности представители конференции подняли вопрос о серьезном расследовании событий вокруг академии для того, чтобы устранить домыслы и клевету. 21 января 1919 г. конференция обсуждала вопрос защиты чести и достоинства А.И. Андогского и И.И. Смелова от нападок за причастность к большевизму. Члены конференции хотели добиться цензурного запрета на печатание клеветы («инсинуационных статей») на академию, а также реабилитации академии особым правительственным актом¹³³⁸. Намечалась широкая рассылка брошюры Андогского об академии в 1917–1918 гг. всем заинтересованным лицам, прежде всего, всем членам конференции и слушателям¹³³⁹. Фактически брошюра должна была стать своеобразными методическими указаниями представителям академии, как отвечать на нападки.

Сохранились черновые записи обсуждений, из которых видно, что члены конференции посчитали выпады против академии связанными с деятельностью представителей академии в Ставке, причем доля ответственности за конфронтацию возлагалась и на представителей академии, отталкивавших прочих офицеров-генштабистов¹³⁴⁰.

В связи с тем что Андогский был вынужден оставить академию, конференция приняла следующую резолюцию: «Подчиняясь печальной необходимости временно расстаться с нашим начальником академии г[енерал]-м[айором] Андогским по случаю отъезда его в дальнюю и продолжительную командировку, конференция академии единогласно постановляет заявить ему следующее:

Многоуважаемый Александр Иванович, вся Ваша деятельность по отношению к академии оценивается конференцией с глубокой благодарностью как бесценные заслуги перед госуд[арственным] учреждением, во главе которого Вы стоите.

Мы неизменно сохраняем чувства живейшей признательности за Вашу самоотверженную деятельность. Конференция академии с нетерпением будет ждать Вашего скорейшего возвращения»¹³⁴¹.

Уже 26 января 1919 г. приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего Андогский был отчислен от должности начальника академии и фактически отправлен в ссылку в Иркутск — в резерв чинов при штабе Иркутского военного округа (соответствующее дополнение к приказу по академии № 18 было составлено 31 января 1919 г.¹³⁴²). Исполняющим должность начальника академии стал заслуженный ординарный профессор генерал-лейтенант Б.М. Колюбакин¹³⁴³. Но подоплека этих событий была известна далеко не всем преподавателям¹³⁴⁴.

¹³³⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 263. Изгнание Сыромятникова произошло после того, как он в присутствии Колчака заявил Лебедеву, что двум богам — Деникину и Колчаку — одновременно служить нельзя (РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 44. Л. 5об.).

¹³³⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 51. Л. 16.

¹³³⁹ Там же. Л. 16об.

¹³⁴⁰ Там же. Л. 31–31об.

¹³⁴¹ Там же. Л. 18.

¹³⁴² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 30.

¹³⁴³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 273.

¹³⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 128об.

Когда в академии получили телеграмму Колчака, в Омск была послана делегация в составе профессора А.И. Медведева и А.Т. Антоновича, чтобы не допустить командировку Андогского. В то же время существовало мнение, что более эффективно интересы академии могли бы отстаивать П.Ф. Рябиков и И.И. Смелов. В Омске члены конференции высказали Верховному правителю мнение, что гонений собственно против академии не наблюдается, «но деятельность некоторых лиц, бывших в Ставке, создала впечатление о причастности их к политической деятельности и вызвала к ним недоброжелательность»¹³⁴⁵.

Высказывались суждения и о том, что Андогскому нужно позволить завершить хотя бы курс преподавания. Тем более что сохранялся дефицит преподавателей, многие из которых были задействованы в штабах¹³⁴⁶. Впрочем, при наличии политической воли отстранить Андогского эти доводы не имели никакого значения.

23 января 1919 г. Колчак через военного министра поручил организовать расследование деятельности академии¹³⁴⁷. Расследованием руководил исполняющий должность председателя соединенного присутствия главного военного и морского судов военный юрист генерал-майор М.К. Менде. Генерал выехал в Томск, где приступил к следственным действиям.

Основное внимание следственная комиссия уделяла действиям начальника академии, что отразилось и в перечне вопросов, на которые должны были ответить члены конференции (сохранился список вопросов, заданных П.Ф. Рябикову):

1. С какого года служите штаб-офицером в академии?
2. Выборы А.И. Андогского в начальники академии.
3. Давались ли расписки в лояльности большевикам?
4. Эвакуация в Петроград (видимо, из Петрограда).
5. Поездка А.И. Андогского в Брест-Литовск.
6. Прибытие академии в Екатеринбург.
7. Командировки офицеров в красные штабы.
8. Назначение генерала Б.П. Богословского командующим армией.
9. Слушатели академии.
10. Эвакуация академии в Казань и события в Казани.
11. Следование академии в Самару.
12. Всероссийская академия.
13. Оценка действий генерала А.И. Андогского¹³⁴⁸.

Преподаватели поддержали своего начальника. П.Ф. Рябиков прямо отметил в своих ответах: «Относительно деятельности ген. Андогского могу доложить, что, по моему глубокому убеждению, он за время своего начальствования, безусловно, никогда не был преданным большевикам и их холуем, а принимал все меры, входя по необходимости в общение с различными деятелями большевизма, к сохранению академии как учреждения, когда же явилась возможность спасения, ген. Андогский целым рядом своих распоряжений и ходов (посылка слушателей к чехам, тайное соглашение со Стоговым¹³⁴⁹...) прилагал все усилия, чтобы спасти акад[емию] от большевиков и вывести ее в возрождающуюся Россию для ра-

¹³⁴⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 51. Л. 41об.

¹³⁴⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 25. Л. 13.

¹³⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 7. Л. 3об.

¹³⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 199.

¹³⁴⁹ Насколько [нрзб] себе рисую по доходившим до меня сведениям (*примеч. П.Ф. Рябикова*).

боты на пользу Родины и армии... Как организатор и руководитель учебной деят[ельности] ак[адемии] ген. Андогский зарекомендовал себя как выдающийся профессор и лектор и весьма умелый руков[одитель] ученой и учебной деятельности»¹³⁵⁰.

25 января 1919 г. Андогский в рапорте военному министру, касаясь предполагаемого расследования, писал, что оно должно было проводиться при наличии серьезных обвинений и фактов, однако новых данных о деятельности академии не было, тогда как оскорбительные для достоинства академии статьи в печати продолжали выходить. Далее генерал отмечал, что «появившиеся в печати статьи оскорбительного для достоинства академии содержания создали для нее [академии] тяжелую атмосферу, и в этой атмосфере подозрения академии приходится работать.

Конференция академии в своем заседании 21-го сего января постановила вновь обратиться к Вашему превосходительству с просьбой или о назначении расследования о деятел[ьности] академии, или, если для того не находится оснований, то о пресечении оскорбительных выступлений путем издания правительственного акта»¹³⁵¹.

Следственное дело только по Андогскому заняло 165 листов¹³⁵². К сожалению, дело, по всей видимости, утрачено. Помимо деятельности Андогского расследовалась и работа академии при большевиках. Были выдвинуты обвинения по одиннадцати пунктам. Итоги работы Менде, подведенные весной 1919 г., оказались благоприятными для академии. Выводы в докладе Менде по результатам расследования были сделаны следующие:

«1) Травля против Андогского базируется на ложных сведениях, и есть сведение личных счетов.

2) Все обвинения, кои возводились на Андогского, совершенно не основательны.

3) Преподавательский персонал ни разу не выступал с открытым протестом против советской власти.

4) Тот же персонал постоянно заставлял Андогского соприкасаться с этой властью, сам оставаясь за его спиной.

5) Если судить Андогского, то, прежде всего, надо судить весь преподавательский состав»¹³⁵³.

Доклад Колчак запер в сейф и не принял по нему никакого решения, причем судьба этого документа была неизвестна уже в 1919 г.¹³⁵⁴ Имена обвинителей Андогского и академии так и остались неизвестны.

После комиссии Менде расследованием деятельности Андогского занималась еще одна комиссия во главе с престарелым генерал-лейтенантом Г.Е. Катанаевым. Последний получил известность благодаря расследованию деятельности забайкальского атамана Г.М. Семёнова¹³⁵⁵. С 15 мая 1919 г. Катанаев возглавил Центральную следственную комиссию при военном министре для расследования деятельности лиц, прикосновенных к советской власти и иным мятежным и противогосударственным организациям. В рамках работы комиссии он

¹³⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 205–205об.

¹³⁵¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 211.

¹³⁵² ГАРФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 7. Л. 3об.

¹³⁵³ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 65. Л. 5об.–6.

¹³⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.

¹³⁵⁵ Подробнее см.: Катанаев Г.Е. На заре сибирского самосознания. Воспоминания генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска. Новосибирск, 2005.

расследовал дело о прикосновенности генерала Андогского и подведомственных ему чинов академии к «противогосударственным (большевистским) организациям». Зачем понадобилось повторное расследование после работы генерала Менде, понять затруднительно. Возможно, речь шла о затягивании времени пребывания Андогского не у дел (хотя он вернулся к активной работе уже в разгар второго следствия).

Уровень большей части выдвигавшихся обвинений показателен. Андогского обвиняли в дружбе с А.Ф. Керенским, приведшей к захвату власти над Военной академией летом 1917 г.; в подписании Брестского мира; в верной службе и сочувствии большевикам, а также в выдаче письменных обязательств служить им; в переименовании академии в академию РККА; в командировании слушателей на советские фронты; в неисполнении повеления Колчака и приказа военного министра отправиться за границу и во вредном воздействии на Ставку¹³⁵⁶.

Казалось бы, образованные офицеры в Омске должны были понимать всю нелепость большей части обвинений. Решение Керенского было именно его решением (сам Андогский утверждал, что даже никогда лично с Керенским не встречался, не говоря уже о дружбе¹³⁵⁷), подписок большевикам работники академии не давали, академия не могла сама себя переименовать, а командировки слушателей на фронты не были инициативой слушателей и преподавателей. Абстрактное «вредное воздействие» и вовсе не могло считаться юридическим термином, поскольку является оценочным суждением. Однако рационализм отступал перед заказным характером дела и политической необходимостью.

Катанаев провел честное расследование. В рамках этой работы он встречался со своим предшественником генералом Менде и уточнял интересовавшие его вопросы. Как и Менде, он провел опросы представителей академии, причем старался добросовестно выявлять случаи, когда они лгали¹³⁵⁸. 20 сентября 1919 г. по итогам расследования Катанаев представил объемный доклад¹³⁵⁹, составленный еще к 30 июля¹³⁶⁰. Как и доклад по итогам расследования генерала Менде, новый документ был благоприятен для академии. В докладе абсолютно справедливо отмечалось, что Военная академия оказалась единственным военно-учебным заведением такого уровня, сумевшим покинуть пределы Советской России¹³⁶¹. По мнению генерала, целый ряд пунктов обвинения в адрес Андогского был совершенно безоснователен и представлял собой попытку его компрометации в глазах общества и правительства, а вместе с ним и корпуса офицеров Генерального штаба¹³⁶².

Лишь 18 июня 1919 г., когда белые армии Востока России уже находились в отступлении, Андогский был частично реабилитирован и приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 148 назначен на ответственный пост 1-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем. К этому времени в Иркутск был переведен недоброжелатель академии генерал В.И. Марковский, оставивший 23 мая посты помощника военного министра по организационно-инспекторской части и начальника Главного штаба. По некоторым данным, на него Лебедев, аккумулировавший тогда в своих

¹³⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 7. Л. 4–4об.

¹³⁵⁷ Там же. Л. 5об.

¹³⁵⁸ Там же. Л. 19–19об.

¹³⁵⁹ См. Приложения.

¹³⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

¹³⁶¹ Там же. Л. 35об.

¹³⁶² Там же. Л. 37об.

руках посты начальника штаба Ставки и военного министра, переложил ответственность за преследования академии и за задержку производства профессоров и преподавателей в следующие чины¹³⁶³.

Задним числом Колчак 16 июня издал приказ № 147 «в изменение приказа от 26 января сего года полагать: начальника Военной академии, ординарного профессора Генерального штаба генерал-майора Андогского не отчисленным от занимаемой должности с назначением в резерв чинов при штабе Иркутского военного округа, а лишь командированным в распоряжение командующего войсками Иркутского военного округа, полагая таковую командировку с 26 января по настоящее число июня сего года...»¹³⁶⁴ Таким способом генерал был восстановлен в должности начальника академии. Профессор Колюбакин при этом считался временно исполняющим должность начальника академии. По мнению председателя Совета министров П.В. Вологодского, своей реабилитацией Андогский был обязан напору министра финансов И.А. Михайлова¹³⁶⁵.

После смещения генерала Д.А. Лебедева с постов начальника штаба Ставки и военного министра 12 августа 1919 г. Андогский стал исполняющим должность 1-го помощника начальника штаба Ставки. Однако только 20 октября 1919 г. приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 206 расследование по делу Андогского было окончательно прекращено за отсутствием данных о виновности его и подведомственных ему чинов академии Генерального штаба в принадлежности к большевистским организациям. Более того, Колчак распорядился запретить обсуждение обстоятельств этого дела в периодической печати¹³⁶⁶. Впрочем, в эти дни участь колчаковского фронта уже была предreshена, а сам Андогский, видимо, находился под сильным впечатлением прежних обвинений в свой адрес и не мог объективно оценивать ситуацию на фронте, что, разумеется, негативно отражалось на результатах операций.

* * *

В начале 1919 г. произошло новое переподчинение академии. Указом Верховного правителя адмирала А.В. Колчака от 3 января 1919 г. академия подчинялась военному министру через помощника по организационно-инспекторской части и начальника Главного штаба¹³⁶⁷. Приказом по военному ведомству № 20 от 27 января 1919 г. по повелению Верховного правителя предписывалось «конференцию Военной академии, находящуюся ныне в Томске, сохранить в минимальном составе членов по расчету, утвержденному военным министром, с подчинением ее начальнику Главного штаба»¹³⁶⁸, руководителем конференции назначался заслуженный ординарный профессор генерал-лейтенант Б.М. Колюбакин¹³⁶⁹. Конференция занималась организацией преподавания на «ускоренных курсах по подготовке офицеров к

¹³⁶³ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 42.

¹³⁶⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 315–315об.; Д. 56. Л. 335–335об. Еще 11 марта 1919 г. Андогскому было выдано удостоверение, что он командирован в распоряжение начальника штаба Иркутского военного округа (РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 4. Л. 3).

¹³⁶⁵ A Chronicle... Vol. 1. P. 259. Это же подтверждает и еще один участник событий (*Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака: в 2 кн. М., 2004. Кн. 2. С. 130).

¹³⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 59.

¹³⁶⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 269.

¹³⁶⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 50.

¹³⁶⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

службе Генерального штаба на младших должностях», составлением уставных положений и учебных руководств для войск, военных училищ и офицерских школ¹³⁷⁰.

Вопрос о необходимости подготовки кадров Генштаба в условиях Гражданской войны воспринимался военным руководством белой Сибири неоднозначно. Военный министр генерал Н.А. Степанов считал, что армии нужны строевые, а не штабные офицеры, а академию нужно закрыть за ненадобностью. К этому добавлялись явно вредившие делу упреки в адрес академии за ее пребывание на советской территории и работу по подготовке генштабистов для РККА¹³⁷¹, в результате чего начальник академии генерал А.И. Андогский на продолжительное время был отстранен от должности. Тем не менее победил рациональный взгляд на необходимость подготовки генштабистов ввиду предполагавшейся активизации операций на фронте весной–летом 1919 г.

В январе 1919 г. открылся младший класс ускоренных курсов 4-й очереди. Решение о его открытии было принято Колчаком еще в конце ноября 1918 г., позднее оно получило документальное оформление. Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 88 от 25 декабря 1918 г. предписывал: «Для ускоренной подготовки офицеров к исполнению младших должностей Генерального штаба в полевых штабах действующих армий, — открыть с 20-го января 1919 года в г. Томске младший класс Всероссийской академии Генерального штаба, наименовав его ускоренным младшим классом 4-й очереди»¹³⁷². Не все штабы были своевременно уведомлены об открытии курсов, что приводило к задержкам в командировании офицеров и их опозданиям¹³⁷³.

На курсы командировались желающие кадровые офицеры или офицеры военного времени, но окончившие училище не позднее 1915 г., имевшие полное общее высшее или среднее образование, получившие боевой опыт в Первую мировую или в Гражданскую войну, удостоенные боевыми наградами, имеющие отличия и физически годные к полевой службе.

Запросы о времени открытия обучения в академии и условиях приема присылали в академию постоянно начиная с августа 1918 г. До конца 1918 г. поступило не менее 49 подобных запросов, в том числе от высокопоставленных должностных лиц¹³⁷⁴. Между тем, вопрос о возобновлении учебного процесса оставался открытым до конца 1918 г. Связано это было с отсутствием как указаний от главного командования (в конце сентября добро было получено¹³⁷⁵, но затем из-за событий на фронте стало не до академии, а в ноябре на первый план вышла внутривосточная борьба в Омске, в результате которой произошла новая смена главного командования), так и разработанных правил приема.

В первоначальный список желающих пройти обучение вошли 44 человека, впрочем, из этого списка многие позднее в академию так и не попали¹³⁷⁶. Среди желающих был и целый

¹³⁷⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 50.

¹³⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 41–42.

¹³⁷² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 33. Л. 1. Подчеркнуто в документе.

¹³⁷³ Например, из-за того, что штаб 4-й Оренбургской казачьей дивизии поздно получил информацию об открытии курсов, а железная дорога была перегружена, офицер дивизии подьесаул А. Белов прибыл в академию только 6 февраля 1919 г. после 19 суток пути, когда учеба была уже в разгаре (Там же. Л. 143–143об.). Это был не единственный случай задержки (Там же. Л. 490об.).

¹³⁷⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 32. Л. 4об.

¹³⁷⁵ Там же. Л. 27.

¹³⁷⁶ Там же. Л. 1.

ряд слушателей незавершенного ускоренного курса академии 1918 г.¹³⁷⁷ В академию массово присылали послужные списки кандидатов в слушатели, краткие записки о службе, разного рода рапорты и ходатайства с обоснованием того, что именно эти офицеры наиболее достойны попасть на курсы.

Порой истории потенциальных слушателей отличались немалым драматизмом. Например, командующий 1-й батареей 3-й стрелковой артиллерийской бригады штабс-капитан И.А. Белоусов (впоследствии зачислен в академию) писал в рапорте на имя Андогского 21 сентября 1918 г.: «В 1915 году офицеры, выдержавшие предварительные письменные испытания в Военную академию в 1914 году, в числе прочих офицеров, были прикомандированы к штабам для исполнения обязанностей офицеров Генерального штаба. Я, как выдержавший предварительные письменные испытания при штабе Казан[ского] в[оенного] округа в 1914 году, не был вызван из части, так как 48 арт[иллерийская] бригада, в которой я служил до войны, не известила 1^ю Заамурск[ую] арт[иллерийскую] бригаду, где я командовал батареей в 1915 году, что я состою в списках офицеров, подлежащих командированию в Военную академию для прохождения курсов военного времени. Будучи эвакуированным из действующей армии в ноябре 1915 года, я был назначен в 3^ю запасн[ую] артилл[ерийскую] бригаду. В 1916 году в октябре отправился с батареей в экспедицию против киргизов в Тургайскую область, откуда был вызван и отправлен в январе в гор. Петроград в Военную академию для прохождения курсов военного времени. В академии мне сообщили, что хотя я и имею право на поступление, но в 1[-ю] очередь принят не могу быть, т.к. списки уже составлены, и посоветовали подать рапорт для зачисления в списки 2^й очереди офицеров, подлежащих командированию в академию для прохождения курсов военного времени, добавив, что мне предварительно необходимо ознакомиться со службой в штабе. С согласия начальника 16 пех[отной] дивизии ген[ерал]-лейт[енанта] Трегубова мною была подана докладная записка, при сем прилагаемая; в результате завязавшейся переписки оказалось, что на курсы 2^й очереди я также не попал, так как согласно надписи ген[ерал]-квартирм[ейстера] штаба главноком[андующего] армиями Юго-Зап[адного] фронта от 22 марта 1917 прием на академические курсы 2^й очереди был прекращен. Далее я также не был зачислен в академию, т.к., не зная положения дел об академии, не возбуждал никаких ходатайств. Ввиду того, что я являюсь одним из немногих офицеров, которые не воспользовались своим правом на поступление на академические курсы воен[ного] времени, и желая осуществить свое давнишнее желание учиться в академии, я покорнейше прошу зачислить меня в списки офицеров, которые в случае открытия академии будут командированы для прохождения академических курсов»¹³⁷⁸.

Были установлены следующие квоты на командирование офицеров (табл. 16).

¹³⁷⁷ Например, гвардии капитан Г.А. Орлов был слушателем младшего ускоренного курса 1918 г., а в 1919-м прошел обучение в младшем классе 4-й очереди. Он эвакуировался с академией в Казань, где попал в плен и поступил в Народную армию. До повторного зачисления в академию служил в 3-м Казанском стрелковом полку (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1610. Л. 865). Впоследствии у белых дослужился до чина полковника, а в конце Гражданской войны эмигрировал из России. Из ранее обучавшихся на младшем ускоренном курсе академии в 1918 г. на курсы поступили, по меньшей мере, 14 офицеров: Д.И. Андерс, И.И. Белобродский, Н.А. Белоусов, И.П. Брежнев, А.Н. Голубятников, Б.Г. Кривцов, Г.А. Орлов, В.С. Разумовский, Н.П. Рыбаков, И.В. Случевский, М.В. Смирнов, П.И. Тимаев, Б.Э. фон Трейберг, И.П. Шлекин. Под вопросом остаются данные о значащихся в списках как младшего ускоренного курса 1918 г., так и младшего класса 4-й очереди слушателях Ефимове и Соловьеве, о которых пока недостаточно биографических данных.

¹³⁷⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 32. Л. 72–73.

**Квоты на командирование слушателей в младший класс 4-й очереди
ускоренных курсов Всероссийской академии Генерального штаба¹³⁷⁹**

Откуда	Расчетное число командируемых офицеров
Ставка Верховного главнокомандующего	12
От всех частей I Средне-Сибирского корпуса, включая 6-ю Казанскую стрелковую дивизию полковника А.П. Степанова	8
От всех частей II Степного корпуса, не считая частей Сибирского казачьего войска	7
От всех частей III Уральского корпуса, не считая частей Оренбургского казачьего войска	7
От всех частей IV Восточно-Сибирского корпуса	3
От всех частей V и VI корпусов Дальнего Востока, не считая казачьих частей	3
От всех частей корпуса генерала В.О. Каппеля	4
От всех частей корпуса генерала С.Н. Люпова	5
От всех частей Оренбургского корпуса	5
От 1-й кавалерийской дивизии	3
От Уфимской кавалерийской дивизии	1
От штаба Сибирской армии	2
От Оренбургского казачьего войска	5
От Сибирского казачьего войска	3
От Уральского казачьего войска	3
От Забайкальского казачьего войска	2
От Уссурийского казачьего войска	1
От Амурского казачьего войска	1
От Семиреченского казачьего войска	1
От железнодорожных войск, подчиненных главному начальнику военных сообщений	7
От польских формирований	10
Всего	93
Дополнительные вакансии	
В распоряжении главнокомандующего Западным фронтом для офицеров чешских войск	10
В распоряжении командующего частями румынских формирований	2
В распоряжении начальника Всероссийской академии Генерального штаба	10

При избытке желающих предпочтение следовало отдавать офицерам, окончившим училище в мирное время, а из них — выдержавшим предварительные испытания или конкурсные экзамены в академию, кавалерам ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия, кавалерам Георгиевского креста, раненым, контуженным, отравленным газами, но при условии их полной физической годности к службе Генерального штаба в поле. Списки необходимо

¹³⁷⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–1об.

было направлять в Ставку на имя 1-го генерал-квартирмейстера не позднее 5 января 1919 г. по телеграфу¹³⁸⁰. Слушатели должны были явиться в Томск не позднее 15 января с предписаниями, удостоверениями о боевом опыте, послужными списками, аттестатами и аттестациями.

С учетом неразберихи в колчаковском тылу злоупотребления с командированием в академию не заставили себя ждать. Имели место самовольные командирования, случаи превышения выделенных квот (Ставкой и начальником академии¹³⁸¹). Уральское войско, наоборот, не могло выслать офицера и передало одну из своих вакансий Забайкальскому войску¹³⁸². Значительная часть командированных, по мнению помощника начальника Главного штаба полковника Г.И. Клерже, не удовлетворяли требованиям службы Генштаба как по служебному, так и по образовательному стажу¹³⁸³, а некоторые офицеры даже обладали сомнительной репутацией, «несовместимой со званием офицера Генштаба»¹³⁸⁴. Получил распространение и протекционизм. Так, например, начальник штаба Ставки генерал-майор Д.А. Лебедев добился направления на курсы сразу двух своих адъютантов (капитана А.А. Маркевича и подпоручика В.И. Паршина)¹³⁸⁵. По подсчетам белого командования, среди зачисленных чуть менее 80% представляли пехотные и кавалерийские офицеры, 9% составляли артиллеристы, 0,5% инженеры, 11% прочие¹³⁸⁶. 22 выпускника курсов являлись казаками¹³⁸⁷.

Исполняющий должность начальника академии генерал-лейтенант Колюбакин отмечал в рапорте начальнику Главного штаба 13 марта 1919 г.: «Прекрасный состав офицеров, почти сплошь боевых и кадровых, и их рачительное отношение к научным занятиям и столь же ревностное отношение и напряженная деятельность небольшого числа профессорского и преподавательского состава, — все это обещает нам достижения прекрасных результатов»¹³⁸⁸.

Офицеры, прибывавшие в академию для поступления в ускоренный младший класс 4-й очереди, подавали два рапорта на имя правителя дел академии. Один — о прибытии с приложением предписания, удостоверения о боевом опыте, послужного списка или краткой записки о службе и аттестации и другой — с приложением аттестатов об удовлетворении всеми положенными видами довольствия¹³⁸⁹.

Всем прибывшим было предписано явиться в академию к 10 часам утра 19 января в походной форме для предварительного представления курсовым штаб-офицерам¹³⁹⁰.

Тем временем в академии решались организационные вопросы и шло спешное пополнение постоянного состава преподавателей и служащих. По штату курсовых штаб-офицеров полагалось 6, к 3 февраля 1919 г. состояло по списку 8, налицо 4. Согласно постановлению конференции академии от 16 января 1919 г. курсовыми штаб-офицерами в связи с отсутствием полковников В.Н. Касаткина, Г.В. Леонова, Б.П. Полякова, подполковников

¹³⁸⁰ Там же. Л. 1об.

¹³⁸¹ Там же. Л. 40.

¹³⁸² Там же. Л. 71.

¹³⁸³ Там же. Л. 90.

¹³⁸⁴ Там же. Л. 306.

¹³⁸⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 62. Л. 4.

¹³⁸⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 33. Л. 90.

¹³⁸⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 38. Л. 288.

¹³⁸⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 54. Л. 4-4об.

¹³⁸⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 261.

¹³⁹⁰ Там же.

М.Н. Архипова и В.И. Оберюхтина временно назначались генерал-майоры П.Ф. Рябиков и В.Л. Томашевский, полковники Г.Т. Киященко, И.И. Смелов и подполковник Г.В. Солда-тов¹³⁹¹. Также к исполнению обязанностей курсового штаб-офицера был допущен полковник П.Г. Осипов¹³⁹². В марте 1919 г. к исполнению аналогичных обязанностей допустили полковника А.П. Слижикова. Курсовой штаб-офицер полковник П.Г. Осипов с 20 января стал исполняющим должность штатного преподавателя¹³⁹³.

К 21 января 1919 г. прибыли 98 слушателей¹³⁹⁴. Офицеры продолжали прибывать на курсы и позднее (вплоть до конца марта¹³⁹⁵). Многие слушатели продолжительное время болели, что в случае с краткосрочными курсами лишало их обучение всякого смысла¹³⁹⁶. Порочную практику удалось пресечь лишь 28 марта 1919 г., когда конференция издала постановление об отчислении от академии слушателей, прибывших после 25 февраля (начиная с 26 февраля), как не прослушавших даже половины курса¹³⁹⁷. То же касалось и тех, кто не посещал более половины лекций и практических занятий. Как поздно прибывшие были отчислены 7 слушателей¹³⁹⁸. Отчисленные считались приоритетными кандидатами на поступление при открытии академии в будущем¹³⁹⁹.

20 января 1919 г. перед началом занятий в Доме науки был отслужен молебен, для чего приглашали пользовавшийся известностью хор певчих¹⁴⁰⁰. Затем состоялось построение. Сохранилось расписание занятий, дающее представление о характере подготовки колчаковских генштабистов (табл. 17).

Со второй учебной недели занятия проходили до 15.30¹⁴⁰¹. В основу плана занятий был положен приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 88 от 25 декабря 1918 г.

По изначальной программе намечалось 76 учебных дней. Учебные часы распределялись следующим образом: 65 часов практических занятий по тактике (начинались с третьей учебной недели), 16 часов практических занятий по топографическому черчению, 24 часа лекций по началам стратегии (М.А. Иностранцев), 118 часов лекций по тактике (48 часов — общая тактика (А.И. Андогский, И.И. Смелов, А.Д. Сыромятников, Г.В. Солдагов), 22 часа — тактика пехоты (А.П. Слижиков), 12 часов — тактика конницы, 16 часов — тактика артиллерии (А.Д. Сыромятников) и по 10 часов — тактика технических войск (Г.В. Леонов) и тактика воздушных средств (И.И. Сторожев)), 44 часа лекций по истории военного искусства (тактика в примерах древних и новых народов — 36 часов (Б.М. Коллюбакин, М.А. Иностранцев, П.Г. Осипов); Фридрих Великий и Наполеон (Прейсиш-Эйлау и Бородино) — 8 часов

¹³⁹¹ Там же. Л. 261об.

¹³⁹² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 260.

¹³⁹³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 280об.

¹³⁹⁴ Там же. Л. 264–266.

¹³⁹⁵ 26 марта, например, прибыл бывший начальник штаба отдельной Ижевской стрелковой бригады штабс-капитан В. Баев (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 101).

¹³⁹⁶ Там же. Л. 66об.

¹³⁹⁷ Там же. Л. 98.

¹³⁹⁸ Подполковники А.Г. Доможиров и Иванов, чехословацкие офицеры капитаны Б. Каня и М. Новак, штабс-капитаны В. Баев, А.В. Зуев и Ф.Ф. Курганов (Там же. Л. 107).

¹³⁹⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1650. Л. 47.

¹⁴⁰⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.

¹⁴⁰¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1626. Л. 31.

**Расписание первой учебной недели занятий в ускоренном младшем классе 4-й очереди
Всероссийской академии Генерального штаба (20–25 января 1919 г.)¹⁴⁰²**

Числа	20 января	21 января	22 января	23 января	24 января	25 января
Дни недели	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота
Дежурный курсовой штаб-офицер	Генерал-майор П.Ф. Рябиков	Подполковник Г.В. Солдатов	Полковник И.И. Смелов	Полковник П.Г. Осипов	Полковник Г.Т. Киященко	Генерал-майор В.Л. Томашевский
9.00–9.50	М о л е б е н	Служба Генштаба. Генерал-майор А.И. Андогский	Служба Генштаба. Генерал-майор А.И. Андогский	Сведения по артиллерийской части. Генерал-майор В.Л. Томашевский	Главные вопросы международной политики и мирового хозяйства. Генерал-лейтенант Г.Г. Христиани	Общая тактика. Полковник И.И. Смелов
10.00–10.50		Главные вопросы международной политики и мирового хозяйства. Генерал-лейтенант Г.Г. Христиани	Общая тактика. Полковник И.И. Смелов	Военная статистика. Генерал-лейтенант А.И. Медведев		
11.00–11.50				История военного искусства. Генерал-лейтенант Б.М. Колубакин	Общая тактика. Полковник И.И. Смелов	
12.30–13.20			Тактика артиллерии. Генерал-майор В.Л. Томашевский	Военная статистика. Генерал-лейтенант А.И. Медведев		Тактика артиллерии. Генерал-майор В.Л. Томашевский
13.30–14.20					Теория съемки. Полковник Г.Т. Киященко	Теория съемки. Полковник Г.Т. Киященко

¹⁴⁰² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 10.

(Б.М. Колубакин)), 56 часов лекций по службе Генерального штаба (оперативный отдел (управление войсками) — 16 часов (А.И. Андогский), разведывательный отдел — 24 часа (П.Ф. Рябиков), отдел службы связи — 16 часов (В.Н. Касаткин)), 30 часов лекций по истории мировой войны (Б.М. Колубакин, М.А. Иностранцев, А.П. Слижиков), 24 часа лекций по военно-инженерному искусству (Н.И. Коханов), 24 часа лекций по военной статистике России (А.И. Медведев), 24 часа лекций по курсу «Главные вопросы международной политики и мирового хозяйства» (Г.Г. Христиани), 16 часов лекций по теории съемки (Г.Т. Кищенко), 12 часов лекций по железнодорожному делу (для ведения занятий приглашался инженер путей сообщения)¹⁴⁰³.

Служба Генерального штаба на подготовительных курсах преподавалась в рамках дивизии, в старшем классе должна была преподаваться в рамках корпуса¹⁴⁰⁴. Обстоятельства военного времени значительно модернизировали учебный процесс в академии. Если в начале XX в. едва учитывался опыт Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., то теперь слушателей готовили с учетом новейшего опыта Первой мировой войны. В частности, П.Ф. Рябиков давал им соответствующие тактические задачи¹⁴⁰⁵.

Авторские курсы были достаточно интересны, хотя и не отличались порой приближенностью к нуждам колчаковского фронта. Так, курс Г.Г. Христиани о международных отношениях затрагивал политическое устройство государств, их территорию, границы, население, промышленность, внешнюю торговлю, финансы, пути сообщения, колонии. В разделе мировой политики рассматривались такие вопросы, как значение датских и черноморских проливов, Багдадская железная дорога, Трансперсидский путь, Трансафриканские пути, борьба интересов на Дальнем Востоке, Панамский вопрос. Христиани также готовил военные обзоры пограничных театров военных действий — Галиции, Северо-Восточной Румынии, армянского театра Азиатской Турции¹⁴⁰⁶. По отзывам, прекрасные курсы по тактике прочитали преподаватели Слижиков и Сыромятников¹⁴⁰⁷.

В начале марта слушатели для практических занятий были распределены на группы¹⁴⁰⁸. Как вспоминал преподававший в академии П.Ф. Рябиков, «занятия в Томске все время протекали весьма систематично и с большим напряжением и преподавательского и слушательского состава»¹⁴⁰⁹. Профессор М.А. Иностранцев отмечал, что «на академию была возложена задача в течение зимних и весенних месяцев подготовить младший класс, который с наступлением лета и оживлением, как предполагали, военных операций, предполагалось также привлечь к штабным занятиям, а в следующую зиму снова командировать в академию для прохождения старшего класса. Ввиду этого в академию были присланы офицеры с фронта, в большинстве своем из состава сибирских войск, но также и офицеры работавших совместно с русской армией чехословацких, польских частей и югославянского полка.

Вследствие того что часть членов конференции академии была... отвлечена в штабы, в Ставку на фронт и, таким образом, профессорский и преподавательский состав ее стал зна-

¹⁴⁰³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 54. Л. 6–60б.

¹⁴⁰⁴ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 184об.

¹⁴⁰⁵ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 51. Л. 79.

¹⁴⁰⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 54. Л. 9–90б.

¹⁴⁰⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 310.

¹⁴⁰⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 54. Л. 60б.

¹⁴⁰⁹ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 129.

чительно меньше числом, а с другой стороны, работа потребовалась весьма интенсивная, то работать приходилось весьма много, но при общем желании помочь армии в ее нуждах и содействовать ее скорейшему торжеству над врагом работалось легко и весьма продуктивно; причем особенно отраднo было видеть, что офицеры нерусских войск, несмотря на серьезное затруднение в слабом подчас знании русского языка, тем не менее, занимались прекрасно и обнаруживали большие успехи»¹⁴¹⁰.

Учебный процесс предполагалось вести до 1 июня 1919 г. (экзамены должны были начаться 1 мая), предоставив выпускникам право поступления в старший класс академии¹⁴¹¹. В перспективе предполагалось открытие старшего и дополнительного курсов с последующим переводом выпускников в Генеральный штаб. Однако события скорректировали эти планы.

28 февраля начальник Главного штаба генерал-майор В.И. Марковский телеграфировал исполняющему должность начальника академии генерал-лейтенанту Б.М. Коллюбакину: «Прошу поспешить предоставлением: 1) Программ ускоренных курсов академии согласно личных указаний военмина ген[ерал]-майору Иностранцеву, учитывая необходимость сократить продолжительность занятий максимум до трех месяцев. 2) Положений, программ и планов занятий четырехмесячных школ прапорщиков и двухмесячных унтер-офицерских школ, переработав имеющиеся [в] духе постановки обучения, воспитания на практических началах, строго[й] дисциплин[е] и физической тренировке. 3) Учебников тактики, съемки, инженерного дела, артиллерии для тех же школ с учетом особенностей Гражданской войны. 4) Необходимо скорейшее переиздание Полевого устава или главнейших отделов его, также боевых наставлений, внося необходимейшие изменения. Военмин сознает трудность заданной работы, но обстановка требует напряженных войск. Уважая научную ценность конференции, военмин уверенно ожидает от нее исключительного примера продуктивной работы во имя блага армии»¹⁴¹².

12 марта Верховный правитель через военного министра поинтересовался, когда назначен выпуск, поскольку фронту нужны генштабисты для новых формирований в разгар весеннего наступления¹⁴¹³. Вопрос Колчака был изложен в беседе по прямому проводу между военным министром и А.Т. Антоновичем. Степанов, несмотря на возражения, потребовал завершения курса в кратчайшие сроки, к 15 апреля, а также поставил вопрос об отправке членов конференции академии на летний период на фронт¹⁴¹⁴. Антонович доказывал активную работу и загруженность членов конференции, которые составляли учебник тактики, разрабатывали темы для отдела печати, собирали и печатали афоризмы военных классиков, ждали разрешения Главного штаба для начала печатания устава, учебника топографии и руководства по разведке для штабов дивизий¹⁴¹⁵.

Исполняющий должность начальника академии в рапорте на имя начальника Главного штаба от 13 марта 1919 г. сообщил, что «программы курсов составлены и читаются лекции профессорами и преподавателями... сокращение же курса ныне, когда он идет полным ходом на указанных началах и расчетах, не только крайне нежелательно, но прямо и невозможно, так как уже и при нынешних условиях для ведения занятий потребовались чрезвычайные,

¹⁴¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 58–59.

¹⁴¹¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 33. Л. 2.

¹⁴¹² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–3.

¹⁴¹³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.

¹⁴¹⁴ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 47. Л. 1об.–2.

¹⁴¹⁵ Там же. Л. 2.

можно сказать, исключительно напряженные усилия руководителей. Кроме того, дальнейшее сокращение программы будет в значительной степени в ущерб подготовке командированных офицеров и настолько, что мы не достигнем тех целей, ради которых они не без труда и не без потери времени собирались со всех концов обширной, нами ныне занимаемой территории»¹⁴¹⁶. По остальным вопросам было сообщено, что учебник тактики составлялся, учебник съемки будет составляться, учебник артиллерии за отъездом в армию единственного преподавателя-артиллериста генерала Томашевского составлен быть не мог, а боевые наставления собирались готовить по окончании учебного процесса.

В связи с угрозой срыва обучения решили создать заседание конференции, а Б.М. Колубакин даже планировал ехать в Омск с докладом и программами курса в руках, чтобы доказать необходимость более продолжительного обучения¹⁴¹⁷.

Тем не менее 19 марта Колчак распорядился в связи с потребностями фронта завершить обучение к 15 апреля, после чего произвести испытания с тем, чтобы к 1 мая «офицеры-слушатели могли бы быть привлечены [к] службе [в] штабах новых формирований и на других должностях Генштаба»¹⁴¹⁸. Запросы о том, когда будут готовы специалисты, поступали и с фронта (например, из Отдельной Оренбургской армии¹⁴¹⁹).

К сожалению, пока не удалось обнаружить данных о характере сокращений учебной программы. Исполняющий должность начальника академии генерал Б.М. Колубакин писал 26 марта 1919 г. военному министру Н.А. Степанову: «Трудно себе представить, до какой степени чины учебного и административного состава перегружены самыми разнообразными обязанностями и работами и до какой степени трудно регулировать их исполнение.

Я могу констатировать только самоотверженное служение чинов академии...

Генерал-лейтенант Христиани перерабатывает по новой программе весь курс, названный им государствоведением, в очерках важнейших вопросов мирового хозяйства и международной политики с обзором некоторых пограничных театров, причем все вопросы рассмотрены в мировом масштабе. Часть записок печатается, а часть уже напечатана. Состоя редактором мемуаров гр[афа] Милютин, он скоро выпустит 1 том (всего будет 10 томов)...¹⁴²⁰ Генерал Христиани и генерал Медведев состоят по выбору конференции сотрудниками «Института исследования Сибири».

Генерал-майор Рябиков усиленно занят окончанием печатания своего высоко полезного учебника по «Разведке мирного и военного времени» и окончанием на ту же тему своей диссертации — капитального труда, единственного на [эту] тему в нашей военной литературе.

Генерал-майор Иностранцев, обрабатывая курс стратегии, ведет и обозрение всемирной войны 1914–1918 гг.

Несмотря на свои значительные научные работы, генерал-майор Иностранцев по настоянию организационного бюро общества «Помощи армии» вошел в его состав. Этот комитет «Помощи армии», для которого генерал-майор Иностранцев назначен председателем, по своему государственному значению заслуживает внимания Вашего превосходительства, т.е.

¹⁴¹⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 54. Л. 4.

¹⁴¹⁷ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 47. Л. 2об.

¹⁴¹⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 38. Л. 3.

¹⁴¹⁹ Там же. Л. 4.

¹⁴²⁰ Помимо этого г[енерал]-л[ейтенант] Христиани читает лекции в «Народном университете» на те же темы по отделам международной политики и мирового хозяйства (*примеч. Б.М. Колубакина*).

представляет крупнейшую организацию, в которой соединились как служебные лица военного и гражданского ведомств, так и крупнейшие организации города Томска, как Биржевой комитет, Общество фабрикантов и заводчиков, Союз сибирских инженеров, Комитет помощи больным и раненым воинам и т.д.¹⁴²¹

Собранная комитетом сумма превышает 1 миллион рублей. Работа уже начата по всем отделам...

Полковник Антонович при сложных обязанностях правителя дел ведет практические занятия по тактике.

Полковники Смелов и Осипов краткие часы досуга посвящают обработке своих диссертаций.

На днях конференция приняла и утвердила представленную полковником Сыромятниковым тему для диссертации “Выжидательный бой”.

Одновременно генерал-майор Рябиков, полковники Антонович, Слижиков, Смелов, Сыромятников и Осипов заканчивают краткий курс тактики для школ прапорщиков.

Ввиду предстоящего на днях представления генерал-майором Рябиковым своей темы на ее рассмотрение, конференция избрала оппонентами меня, генерал-лейтенанта Христиани и генерал-майора Иностранцева, и мы будем рассматривать труд генерал-майора Рябикова в спешном порядке.

Полковник Осипов, работая над диссертацией по истории военного искусства и исполняя ряд моих поручений, представил во исполнение приказа Вашего превосходительства проект Статута ордена Возрождения [России], который при сем представляю¹⁴²².

Подполковник Солдатов, читая “Разведку местности”, заведывает одновременно нашим музеем, геодезическим кабинетом и церковным имуществом, постепенно приводя все это имущество в должный порядок.

Из всего этого Ваше превосходительство изволите видеть, что мы заняты исключительно напряженной работой.

Теперь же, с приближением начала экзаменов, весь учебный состав войдет в состав экзаменационных комиссий, в которых каждому при девяти предметах придется войти не менее как в 3 комиссии, даже в условиях, что мы, в духе Ваших указаний, экзаменуем только по предметам, носящим исключительно практический характер, оставляя остальные предметы предстоящему в будущем курсу старшего класса¹⁴²³.

Коллюбакин отмечал: «По моему личному мнению, нам, в вопросе подготовки молодого Генерального штаба, не следует руководиться соображением соответствия его по времени и степени подготовки для нужд лишь борьбы с бандами большевиков. Большой ошибкой было бы руководиться исключительно этим соображением, и в этом вопросе нам пора уже стать на точку зрения чисто русской государственности. По окончании борьбы с большевизмом, что представляет, несмотря на размеры и тягучесть борьбы, все же вопрос лишь времени, перед военным правительством возрождающейся России во весь рост предстанут общегосударственные задачи и внешнего порядка, и в первую голову создание сильной и хорошо руководимой соответствующим Генеральным штабом армии в целях готовности:

¹⁴²¹ Кроме того, членами комитета по выбору конференции состоят г[енерал]-л[ейтенант] Христиани и г[енерал]-м[айор] Рябиков (примеч. Б.М. Коллюбакина).

¹⁴²² На полковника Осипова возложен мною просмотр уставов перед их печатанием (примеч. Б.М. Коллюбакина).

¹⁴²³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 54. Л. 47–48.

- 1) Противодействовать Германии с присоединенными к ней австрийскими немцами (Германский фронт),
- 2) Отстаивать сохранение господства на Черном море (Черноморский флот),
- 3) Отстаивать сохранение господства на Кавказе (Кавказский фронт),
- 4) Возможность сохранить господство в Туркестане (Туркестанский фронт)...

Борьба, хотя, может быть, и не в виде правильной войны, борьба в том или другом виде, с тем или другим противником еще предстоит нам в[о] многие ближайшие годы. Отсюда — необходимость сильной армии, необходимость, следовательно, и хорошо подготовленного, просвещенного и доблестного Генерального штаба <...>

Таковой Генеральный штаб, особенно последней категории, даст Вам наша академия»¹⁴²⁴.

В том же письме относительно выпускников было сказано: «Хороших строевых офицеров у нас много, что показывает хотя бы наличный нынешний состав (4 выпуск) академии, необходимо только не жалеть времени и средств на оборудование такого штаба и, прежде всего, не форсировать обучения, памятуя, что хороший Генеральный штаб нам необходим в том ближайшем будущем, о котором я говорил выше.

Наши 1-й, 2-й, 3-й и нынешний, даст Бог, 4-й выпуск следует далее провести через настоящий старший класс (6-тимесячной, по крайней мере, подготовки), группой хотя бы по 100–120 чел.

Не могу одновременно не похвалить перед Вашим превосходительством нынешний (4-й выпуск) состав обучающихся в академии офицеров — это прекрасный состав, и мы определили его путем проверки данных и главное — путем тесного общения с ними на практических занятиях и лекциях; преимущественно кадровые, с боевым прошлым, прекрасным военным воспитанием офицеры эти радуют нас в полной мере. Принятыми мною мерами несоответственные, в небольших размерах, элементы частью удалены, а частью будут еще удалены в ближайшие дни»¹⁴²⁵.

В разгар занятий приказом по военному ведомству № 101 от 30 марта 1919 г. академия была вновь переименована и впредь должна была именоваться Военной академией»¹⁴²⁶. До академии это распоряжение было доведено телеграммой помощника начальника Главного штаба 3 апреля¹⁴²⁷.

Бытовые условия жизни слушателей не отличались комфортом. Корреспондент отмечал: «В связи с открытием занятий в академии Генерального штаба и в Офицерской инженерной школе в Томске замечается значительный прилив офицеров. И для всех встает грозный квартирный вопрос. Полагая, что делом расквартирования должна весть особая комиссия, никто не позаботился приискать квартиры для приезжающих офицеров. А квартирная комиссия меньше всего об этом думала. В результате значительная часть приезжающих офицеров должна была ютиться по постоянным дворам, сомнительным номерам, а часть осталась на вокзале. Для 30 человек устроили общежитие в гостинице [“Европе[”]], отведя для этого читальный зал. Приходится спать на голых досках без матрацов. При таких условиях, конечно, совершенно немисливо заниматься. Квартирная комиссия обратилась к населению

¹⁴²⁴ Там же. Л. 48–48об.

¹⁴²⁵ Там же. Л. 48об.

¹⁴²⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 126. Впрочем, в отдельных документах академии она и позднее, уже во владивостокский период, продолжала именоваться Всероссийской.

¹⁴²⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 113.

с особым воззванием добровольно прийти на помощь нуждающемуся в квартирах офицерству; в случае безуспешности своего воззвания комиссия грозит применять принудительный способ реквизирования.

В этом объявлении имеется одно характерное место, говорящее, что вопрос о квартирной плате предоставляется соглашению сторон и только в случае недоразумений квартирная комиссия будет вмешиваться»¹⁴²⁸.

Для сравнения: в Иркутске существовали установленные тарифы на оплату жилья офицерам, приезжающим по делам службы (75 руб. в месяц). В Томске, однако, фиксированных цен не было, а многие гостиницы заселяли коммерсанты, жившие там продолжительное время. Цены были достаточно высокими — в самых захудалых меблированных комнатах — 12–15 руб. в сутки, в приличных гостиницах — до 40 руб. в сутки. Между тем к 3 марта обучающихся числилось уже 165 человек¹⁴²⁹. Все это делало жилищную ситуацию для слушателей достаточно тяжелой. К расходам на жилье добавлялись и другие траты.

Академия представляла собой небольшую боевую единицу. Из вооружения в ней имелись 140 винтовок. Однако оружие потребовалось лишь однажды — когда в городе ожидалась беспорядки. Тогда слушатели организовывали ежедневно дежурную часть, которая получала винтовки и патроны.

В целом же учебный процесс и жизнь академии в тыловом Томске протекали размеренно и благополучно. П.Ф. Рябиков об этом периоде своей жизни и деятельности записал: «Спокойная, чисто научная работа в академии»¹⁴³⁰. Дочь профессора А.И. Медведева Евгения в письме профессору М.А. Иностранцеву вспоминала в эмиграции о томской жизни: «И все ушло, а встало в памяти: Томск, глубокие снега, веселые вечеринки, Ваши лекции, так трагически кончившиеся (помните убийство?), и все это так ярко и жизненно, Ваше вечное остроумие, которое еще вчера я вспоминала в нашей компании...»¹⁴³¹ Для разбора недоразумений, могущих возникнуть между офицерами ускоренного младшего класса 4-й очереди, 24 марта 1919 г. в академии была создана комиссия¹⁴³². В марте офицеры и классные чины академии выразили желание отчислять 1% получаемого жалованья в фонд выдачи пособий при несчастных случаях семьям офицеров и классных чинов¹⁴³³.

Некоторые вопросы организации учебного процесса решались непосредственно во время обучения. Весной 1919 г. особенно остро стал вопрос о правах сибирских курсовиков после их выпуска. Ставку интересовало, возможно ли причислить курсовиков к Генеральному штабу и как на это отреагирует фронт. В результате Ставка запросила заключения начальников штабов всех армий по данному вопросу. 15 марта ответы были присланы в академию. Эти материалы представляются весьма любопытными для оценки того, как воспринимали курсовиков в этот период.

¹⁴²⁸ Сажин А. Письмо из Томска (от соб[ственного] корреспондента) // Русская армия (Омск). 1919. 18 февр. № 32. С. 4.

¹⁴²⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1633. Л. 28об.

¹⁴³⁰ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 1об.

¹⁴³¹ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 65. Л. 1. Е.А. Медведева весной 1919 г. изготовила копию имевшегося в академии портрета генерала М.И. Драгомирова и передала ее библиотеке академии.

¹⁴³² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 293.

¹⁴³³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 101об.

Начальник штаба Сибирской армии генерал-майор Б.П. Богословский, сам еще недавно преподававший в академии, сообщал: «Офицеры-слушатели зарекомендовали себя на фронте отлично. Спрос с них огромный; они несут самую ответственную работу офицеров Генерального штаба. Поэтому я всецело присоединяюсь к идее причисления их к Генеральному штабу, но полагаю, что 3-хмесячный срок пребывания на фронте мал и надо его увеличить в зависимости от пребывания [в] тех или иных штабах, так, полагал бы, что для причисления необходимо пробыть: в штабе дивизии 4 месяца, в штабе корпуса 5 месяцев и в штабе армии 6 месяцев. Пребывание же в Ставке и в окружных штабах в стаж не идет. Генерального штаба генерал-майор Богословский. Генерал-квартирмейстер, Генерального штаба полковник Попов»¹⁴³⁴.

От начальника штаба Западной армии поступила лишь резолюция на сношении № 71 от 9 февраля 1919 г.: «Согласен», которую подписали подполковник А.Я. Нарышкин и начальник общего отделения капитан Н.Н. Белкин.

Из штаба Отдельной Оренбургской армии поступил следующий ответ: «Троицк 12 марта 1919 года на № 71. 1) Полагаю, что для поднятия авторитета слушателей академии безусловно желательно причисление их к Генштабу, но необходимо это известным образом обусловить. Вполне согласен с основным положением выдвижения на первое место практической подготовки, но последовательность требует, чтобы причисляемые к Генштабу офицеры обязательно отбыли бы боевой практический ценз службы в низших штабах не выше штакара. 2) Совершенно иначе должен рассматриваться вопрос о награждении академическим знаком. Последний, как научный диплом, может быть выдаваем лишь лицам, получившим более законченное высшее образование, а не только как оценку или награду за практическую деятельность. Окончание Военной академии требовало познаний, способностей и большого положительного напряженного труда, а потому знак Военной академии пользовался большим уважением не только в военных кругах, но и в обществе, а потому не следует умалять его значение. № 10425. Вр.и.д. наштарм Оренбургской Генштаба полковник Белаш»¹⁴³⁵.

18 февраля вопрос обсуждала конференция академии. По мнению членов конференции, опасность представляли конфликты в среде генштабистов¹⁴³⁶. По всей видимости, к этому заседанию был собран статистический материал о положении генштабистов на Востоке России. В колчаковских войсках состояли 34 слушателя курсов 1-й очереди и 121 слушатель курсов 3-й очереди¹⁴³⁷.

Вопрос оказался животрепещущим, поэтому в Ставке полковник З.Ф. Церетели добавил, что курсовикам для получения прав причисления к Генштабу необходимо не менее 4 месяцев прослужить в штабе дивизии или корпуса. Штабы выше корпусного не должны были считаться за строевой стаж. В мирное время академический знак давался за окончание двух курсов. Теперь же слушатели не имели проблем с практикой службы для восполнения теоретических пробелов. Не должны были причисляться и неудовлетворительно аттестованные ближайшим начальством. По мнению Церетели, «желательно все это провести скорее, ибо мы живем в то время, когда “промедление смерти подобно”»¹⁴³⁸.

¹⁴³⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 49. Л. 15.

¹⁴³⁵ Там же. Л. 15об.

¹⁴³⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 51. Л. 46.

¹⁴³⁷ Там же. Л. 49.

¹⁴³⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 49. Л. 15об.

5 апреля 1919 г. помощник начальника Главного штаба писал начальнику академии, что «почти катастрофический недостаток офицеров корпуса Генерального штаба на фронте также требует спешного пополнения его наличного состава постоянным элементом, каковым слушатели старшего класса не являются»¹⁴³⁹. В этой связи был разработан проект временного положения о причислении к Генеральному штабу и переводе в него офицеров, окончивших ускоренные курсы. По этому проекту все офицеры, окончившие подготовительные курсы с 1-й по 3-ю очередь и перешедшие в старший класс академии, успешно несущие службу Генштаба по заключениям соответствующих начальников, могли быть причислены к Генштабу, поскольку «на фронте ощущается крайняя нужда в офицерах Генерального штаба», а отозвать офицеров из полевых штабов для окончания старшего класса возможности не было¹⁴⁴⁰. Для причисления нужно было иметь средний балл не менее 8, причем не менее 6 по каждому предмету при переводе в старший класс¹⁴⁴¹. При этом считалось, что «мнение корпоративного порядка, данное коренными офицерами Генерального штаба, имеет первенствующее значение, даже в том случае, если оно расходится с мнением ближайшего начальства»¹⁴⁴². Таким образом, мнение корпорации было определяющим в новых условиях. Обстановка войны привела к разработке планов дистанционного обучения. В частности, было предложено за три месяца готовить две темы (по службе Генштаба, а также по тактике и стратегии) без отрыва от службы. Старшинство выпускников устанавливалось из баллов младшего класса, включая статистику, а также из среднего балла за темы¹⁴⁴³.

Однако конференция отклонила этот проект по целому ряду причин. Прежде всего, потому, что курсовики не прослушали главных предметов (стратегии, истории военного искусства, статистики, большей части администрации — разделов по снабжению войск в военное время, истории войн). Профессор Коллюбакин 10 апреля 1919 г. отметил, что курсовики «хотя и оказались полезными работниками, но с научной точки зрения и полноты подготовки не могут быть признаны окончившими два класса академии»¹⁴⁴⁴. Курс младшего класса также проходил по сокращенной программе. Большинство практических работ после младшего класса не выполнялось, следовательно, курсовики не усвоили научных методов работы. Сдача тем не компенсировала эти недочеты. Кроме того, в академии посчитали, что «разработка тем офицерами на местах при исполнении ими служебных обязанностей и при отсутствии необходимых материалов — вещь невыполнимая и сведется только к формальности»¹⁴⁴⁵. Наконец, конференции был непонятен характер тем. В академии отметили и то, что ученый знак не является наградой и, «учитывая указанные выше пробелы в образовании офицеров 1-й, 2-й и 3-й очередей, нужно признать, что академический знак решительно не может быть дан»¹⁴⁴⁶.

¹⁴³⁹ Там же. Л. 16.

¹⁴⁴⁰ Там же. Л. 17 (см. Приложения).

¹⁴⁴¹ Там же. Л. 17об.

¹⁴⁴² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 31. Л. 16об.

¹⁴⁴³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 49. Л. 18.

¹⁴⁴⁴ Там же. Л. 19.

¹⁴⁴⁵ Там же.

¹⁴⁴⁶ Там же. Л. 19об.

8 апреля 1919 г. конференция академии решила, что курс старшего класса невозможно заменить написанием тем, знак академии курсовикам также давать невозможно, хотя особый мундир, причисление к Генштабу в соответствии с приказом по военному ведомству № 627 за 1916 г. и право на перевод в Генштаб признавались допустимыми¹⁴⁴⁷.

Преподаватели академии помимо занятий вели активную общественную и научную деятельность. Например, профессор М.А. Иностранцев в академии проводил практические занятия по тактике пехоты, службе Генерального штаба и военной статистике, обрабатывал курс стратегии (читал его в 1916–1918 гг.), готовил обзор Первой мировой войны, вошел по настоянию оргбюро общества «Помощи армии» в его состав и даже был назначен председателем¹⁴⁴⁸. Рябиков и Христиани в марте 1919 г. были избраны конференцией в состав Томского губернского комитета помощи армии¹⁴⁴⁹. Преподавателей привлекали к проведению занятий на повторительных курсах младших офицеров в Томске, пытались привлечь к чтению лекций в военно-автомобильной школе¹⁴⁵⁰.

Еще в феврале 1919 г. военный министр генерал Н.А. Степанов обратился в академию с просьбой помочь газете «Русская армия» подбором и составлением статей по военно-бытовым вопросам, вопросам воспитания и боевой подготовки для популяризации военных знаний, а также просил прислать ряд актуальных афоризмов крупных военных деятелей для заголовков газеты. Степанов через Иностранцева передал руководству академии перечень тем для публикации в газете «Русская армия», издававшейся при Главном штабе¹⁴⁵¹. Темы для разработки в прессе предлагались следующие: что такое большевизм, что такое атаманщина, недочеты русской культуры, богатства России, союзники России, толпа и ее свойства, что такое свобода и к чему она обязывает, Великая война и Россия и т.п. Конференция единогласно постановила помочь, хотя свободного времени у преподавателей почти не было¹⁴⁵².

Колубакин лично подбирал афоризмы А.В. Суворова и Петра Великого, а также готовил материал о значении кадров в армии. Полковник Г.Т. Киященко, со своей стороны, предложил ряд афоризмов: «Вечный мир — на кладбище», «Офицера может сменить только смерть» (из речи генерала Деникина), афоризмы из М.И. Драгомирова: «Скромность — служебная обязанность», «Самолюбием владеть, а не ему подчиняться», «В военном деле: в кабинете — спор, в поле — никогда», «Нет гибельнее страха, как страх ответственности»¹⁴⁵³. Г.Т. Христиани перерабатывал свой курс «государствоведения» и обещал дать в газету статьи о Милютине, включая его краткую биографию, очерк реформ, материал о Милютине в домашней обстановке, о наследии Милютин, а также ряд статей по вопросам мирового хозяйства. В итоге Христиани прислал материалы по славянскому вопросу и национальной проблеме в Передней Азии. П.Ф. Рябиков, занявший пост 2-го генерал-квартирмейстера,

¹⁴⁴⁷ Там же. Л. 14.

¹⁴⁴⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 54. Л. 47об.

¹⁴⁴⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1652. Л. 11. Впрочем, работа в комитете не заладилась. Христиани прибыл туда 18 июля 1919 г., но на заседание собралось лишь четыре человека. В следующий раз он прибыл 24 июля, но, прождав 20 минут открытия, ушел домой ни с чем. 27 июля также не оказалось кворума, а заседание началось не вовремя (Там же. Л. 23, 25).

¹⁴⁵⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1631. Л. 5, 7.

¹⁴⁵¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 54. Л. 54.

¹⁴⁵² Там же. Л. 45.

¹⁴⁵³ Там же. Л. 50.

рассчитывал издать статьи Христиани в виде отдельной книги. Профессор дал газете «Русская армия» право на бесплатное издание при условии предоставления 250 экземпляров автору¹⁴⁵⁴.

Иностранцев для газетной публикации предложил свои лекции по истории войны; что касается других тем, считал себя недостаточно подготовленным, «т.к. в качестве публициста да еще по политическим темам никогда не выступал, не имею ни способностей, ни влечения, а являюсь работником чистой военной науки»¹⁴⁵⁵. Кроме того, генерал работал над книгой «Германский империализм и пангерманизм как основные причины Великой Всемирной войны 1914–1918»¹⁴⁵⁶. Лекция на эту тему печаталась с продолжением в номерах «Русской армии» с февраля по апрель 1919 г. Также приходилось принимать устные экзамены по службе Генерального штаба, общей тактике, письменный экзамен по тактике¹⁴⁵⁷. Выступил Иностранцев и в качестве оппонента на прошедшей 6 мая 1919 г. защите диссертации своего однокашника по академии и коллеги генерала П.Ф. Рябикова «Разведывательная служба в мирное и военное время» на звание экстраординарного профессора академии¹⁴⁵⁸. Помимо этого было множество других текущих поручений. Например, сбор в мае 1919 г. по просьбе Главного штаба материалов о трофеях и заслугах русской армии в Первую мировую войну для выпуска брошюры, с целью показать союзникам громадную роль, сыгранную Россией в войне¹⁴⁵⁹. Полковник П.Г. Осипов на основе статута ордена Почетного легиона и Св. Георгия разработал проект статута ордена Возрождения России¹⁴⁶⁰. И.И. Смелов перерабатывал отдел «Охранения» Полевого устава. Преподаватели привлекались к рецензированию различных указаний и наставлений.

Военный корреспондент с восторгом отмечал: «Намечающееся проникновение военных в общественную жизнь Томска и всей Сибири только будет способствовать популяризации военных вопросов. До сих пор общество почему-то считало военное дело принадлежностью узкой касты, но Великая война этот взгляд разрушила. Надо стараться, чтобы этот ложный взгляд вновь не воскрес бы»¹⁴⁶¹.

Определенные коллизии происходили в связи с пребыванием на посту командующего войсками Омского военного округа (Томск и его гарнизон входили в состав округа) генерала А.Ф. Матковского, прежде изгнанного из академии. По характеристике профессора академии генерала П.Ф. Рябикова, Матковский был «человек с очень решительным и властным характером»¹⁴⁶². Без сомнения, эти качества играли свою роль.

Так, 7 апреля 1919 г. в Общественном собрании Томска состоялось представление слушателей академии командующему войсками округа (в рамках общей встречи Матковского с офицерами томского гарнизона). Представление было совершенно бесцельным и отняло у слушателей почти весь день. Курсовой штаб-офицер подполковник Г.В. Солдатов докладывал начальнику академии 9 апреля, что правитель дел академии на собрание не прибыл и,

¹⁴⁵⁴ Там же. Л. 128.

¹⁴⁵⁵ Там же. Л. 58.

¹⁴⁵⁶ Там же. Л. 118об.

¹⁴⁵⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 20. Л. 175об.

¹⁴⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 130.

¹⁴⁵⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 54. Л. 102–103.

¹⁴⁶⁰ Там же. Л. 49.

¹⁴⁶¹ *Сажин А.* Письмо из Томска... С. 4.

¹⁴⁶² ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 5.

по сути, академическое начальство встречу проигнорировало. Сам Матковский не задал ни одного вопроса относительно академии.

Начальник академии, заслуженный ординарный профессор генерал-лейтенант Б.М. Колюбакин писал 9 апреля начальнику Главного штаба, что «базируясь на духе и букве наших законов и положений до революции и правовых тогда же отношениях академии к командующим и даже августейшим главнокомандующим округами, когда слушатели академии вызывались и представлялись только бывшему императору и больше решительно никому; исходя также из положения о подчинении академии ныне Вам, как начальнику Главного штаба и военному министру, я сообщил лично генерал-майору [Я.Т.?] Сергееву, что прошу его передать генерал-майору Матковскому мою просьбу не требовать слушателей академии на явку, так как собрать их, разбросанных по квартирам по целому городу, является чрезвычайно трудным, а главное, что теперь у нас разгар экзаменов, время исключительно дорого, и это представление отнимет у них много драгоценных для занятий часов (2 или 3 дня подготовки на предмет). Не получив ответа, я вечером того же дня командировал правителя дел полковника Антоновича с той же целью к начальнику гарнизона для того же ходатайства»¹⁴⁶³.

Поскольку у начальника гарнизона шло совещание с участием Матковского, Антонович получил ответ командующего войсками округа через начальника штаба гарнизона штабс-капитана Сумарокова: «Переменному составу слушателей академии явиться как указано, прошу более по этому поводу не обращаться ко мне с пере[с]просами, а самое исполнение моего приказа возлагаю на ответственность начальника академии»¹⁴⁶⁴. Очевидно, каждая из сторон конфликта демонстрировала собственные амбиции, а первопричина скрывалась в конфликте 1918 г.

Формально академия Матковскому, конечно, не подчинялась, так как считалась экстерриториальной. Начальник академии с возмущением писал начальнику Главного штаба: «Прошу Ваше превосходительство ознакомить меня с теми совершенно мне неизвестными новыми положениями или последними распоряжениями, которые установили подчиненность академии командующему войсками, так как до сих пор, в дополнение указанных мною ранее старых правовых положений, академия наша считалась экстерриториальной. Но даже, может быть, при условии мне неизвестного подчинения академии командующему войсками по духу наших законов, офицерской этике и корпоративных начал¹⁴⁶⁵, командующий войсками не имел права предъявлять эти требования в присутствии посторонних и в форме угрозы мне, старейшему офицеру Генерального штаба в пределах Возрождающейся России, многие годы заслуженному профессору и четверть века стоящему на посту профессора, а ныне на высоком посту начальника академии, посту, к которому всякий носящий мундир Генерального штаба должен отнестись с возможным уважением»¹⁴⁶⁶. В итоге в конце апреля Главный штаб дал разъяснение Матковскому, что академия ему не подчинялась¹⁴⁶⁷.

¹⁴⁶³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 139–139об.

¹⁴⁶⁴ Там же. Л. 139об.

¹⁴⁶⁵ Так в тексте.

¹⁴⁶⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 139об.

¹⁴⁶⁷ Там же. Л. 143.

С 29 марта на курсах были организованы экзамены (начали с классной задачи по тактике, окончание экзаменов намечалось на 26 апреля¹⁴⁶⁸), и учебный процесс завершился в начале мая 1919 г. В результате примерно за три месяца была подготовлена большая группа младших офицеров Генштаба для колчаковских войск. Впрочем, томские курсы академии старые генштабисты иронически прозвали «детским садом»¹⁴⁶⁹.

29 апреля 1919 г. выпускники курсов обратились к Верховному правителю и Верховному главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку с приветственной телеграммой, которую исполняющий должность начальника академии генерал-лейтенант Б.М. Колюбакин передал начальнику Главного штаба для доклада Верховному правителю: «Омск, начальнику Главного штаба. Прошу доложить военному министру для доклада Верховному правителю следующую телеграмму окончивших ускоренный курс четвертой очереди офицеров и мое по этому случаю приветствие: “В день отбытия на фронт после окончания экзаменов офицеры ускоренного курса четвертой очереди счастливы приветствовать своего Верховного вождя. Все приобретенные знания, боевой опыт и силы слушатели академии самоотверженно отдадут трудной работе по возрождению возглавляемой Вами любимой Родины”. Счастлив донести о сем его высокопревосходительству. Да здравствует Верховный вождь Возрождающейся России адмирал Колчак. Начальник академии генерал-лейтенант Колюбакин»¹⁴⁷⁰. Документ напоминал прежние обращения выпускников к государю императору. 3 мая 1919 г. Колчак в ответ телеграфно поздравил выпускников: «Прошу передать офицерам, окончившим курс, мою благодарность и приветствие. Уверен, что армия в лице их приобретет самоотверженных работников, а начальники — надежных помощников. Адмирал Колчак»¹⁴⁷¹. После этого учебный процесс в старой академии больше не велся, а преподавателей стали переводить из академии в штабы.

Всего выпущены были 154 (по другим данным, 152) офицера (в том числе 17 иностранцев — 7 чехословацких, 6 польских и 4 югославянских офицера), получившие распределение в штабы колчаковских вооруженных сил (распределены после выпуска почему-то только 152)¹⁴⁷². Отчислены 22 слушателя, в том числе ряд иностранцев. Причинами отчисления являлись позднее прибытие на курсы, пропуски занятий и неуспеваемость. Намеченное распределение выпускников было следующим: 36 офицеров (23,6%) поступали в распоряжение военного министра, по 4–6 офицеров поступали в штабы военных округов, в Сибирскую армию командировали 42 человека, в Западную армию — 37 человек и в Отдельную Оренбургскую армию — 11 человек. Кроме того, 6 человек подлежали командированию во II Отдельный Степной корпус¹⁴⁷³.

В реальности выпускников распределили несколько иначе (табл. 18).

¹⁴⁶⁸ На экзамены по службе Генерального штаба А.П. Слижиков пытался вызвать А.И. Андогского, для чего переставил их с 6, 13, 15 и 18 апреля на конец апреля, однако изменение сорвал Г.Г. Христиани (РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 47. Л. 4).

¹⁴⁶⁹ *Ильин И.С.* Омск. Директория. Колчак. С. 216.

¹⁴⁷⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 135.

¹⁴⁷¹ Там же.

¹⁴⁷² Список слушателей опубликован в: *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. Справочные материалы. М., 2009. С. 576–582.

¹⁴⁷³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 38. Л. 12, 14.

**Распределение выпускников младшего класса 4-й очереди
ускоренных курсов Военной академии¹⁴⁷⁴**

Место командирования	Варианты распределения		Итоговое распределение
В распоряжение начальника штаба Верховного главнокомандующего	—	—	6
В распоряжение генерал-квартирмейстера Ставки	—	30	24
В распоряжение военного министра	36	11	12
В распоряжение начальника военно-учебных заведений	—	11	11
В распоряжение начальника Главного штаба	—	8	2
В распоряжение начальника штаба Омского военного округа	6	1	1
В распоряжение начальника штаба Приамурского военного округа	4-6	3	4
В распоряжение начальника штаба Сибирской армии	42	35	34
В распоряжение начальника штаба Западной армии	37	32	34
В распоряжение начальника штаба Отдельной Оренбургской армии	11	3	4
В распоряжение начальника штаба II Отдельного Степного корпуса	6	2	2
В распоряжение командира Иркутского казачьего полка	—	1	1
В свою часть	—	—	17

Динамика изменений распределения, на наш взгляд, отражает смену приоритетов стратегии колчаковской Ставки в период весеннего наступления 1919 г. Если первоначально больше выпускников планировали перебросить в Сибирскую армию, то постепенно квоты сокращались и в конечном итоге в Сибирскую и Западную армии направили равное количество офицеров. Квоты Отдельной Оренбургской армии были сокращены более чем в два раза от первоначальных, что свидетельствует о слабых надеждах Ставки на войска генерала А.И. Дутова (в итоге квоты все же были увеличены на одного офицера, хотя это могло быть обусловлено его казачьим происхождением).

Персональное распределение согласно приказу Военной академии № 97 от 1 мая 1919 г. было следующим (табл. 19).

В свои части распределяли иностранных слушателей. Русских выпускников считалось желательным направлять в те армии, из которых их изначально присылали в академию. В этом проявились несовершенство административной системы колчаковской военной машины, сепаратизм воинских формирований, децентрализованный, полупартизанский характер колчаковских вооруженных сил. Вместо классных вагонов слушателей отправляли в войска в 10 теплушках¹⁴⁷⁵. Интересно, что впоследствии не менее 45 офицеров, обучавшихся на курсах 4-й очереди (включая отчисленных) в белой Сибири, оказались на службе в РККА. Выпуск курсов не привлек особого внимания ни сибирской военной печати, ни томских газет, что, возможно, связано со сложной ситуацией вокруг академии.

В ноябре 1919 г. приказом главнокомандующего Восточным фронтом выпускников всех четырех очередей курсов, прослуживших в штабах дивизий не менее 4 месяцев, в штабах

¹⁴⁷⁴ Там же. Л. 12, 14, 49–53, 115–117об. Итоговое распределение подсчитано по приказу по Военной академии № 97 от 1 мая 1919 г. (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 132–134об.; Д. 45. Л. 87–90).

¹⁴⁷⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 40. Л. 254, 259.

**Персональное распределение выпускников младшего класса 4-й очереди
ускоренных курсов Военной академии¹⁴⁷⁶**

Место командирования	Офицеры
В распоряжение начальника штаба Верховного главнокомандующего	В.Я. Белянушкин, П.А. Гальков, Л.Н. Канабеев, М.Л. Лукин, Н.К. Ляшкевич, К.Г. Соломаха
В распоряжение генерал-квартирмейстера Ставки	Андреев, Гольдман, К.Г. Дегтярев, Дивногорский, Е.С. Кира-Донжан, В.П. Копейкин, М.В. Ку克林, А.Ю. Лейбург, Н.А. Михайлов, Наркевич, М.И. Наумов, В.И. Паршин, Г.А. Попов, Н.М. Пресницкий, А.Н. Псарев, А. Размахнин, А.М. Рахманов, М.К. Смирнов, В.К. Токмаков, Трухин, Фролов, В.Е. Шайтанов, К.В. Шипунов, А.А. Эпов
В распоряжение военного министра	Г.П. Автономов, Г.А. Владимиров, В.И. Волков, П.И. Газов, Г.С. Думбадзе, А.Г. Кадошников, Г.А. Орлов, В.П. Павлов, В.Н. Пестряков, Плехотенко, А.К. Хведкевич, С.Е. Худеев
В распоряжение начальника военно-учебных заведений	Атабегов, А.В. Веселовский, С.А. Граблевский, К.В. Кашперов, Ковригин, Мануйлов, Д.Т. Печерский, Пульхеровский, В.В. Пушков, Рассохин, С.С. Солдатов
В распоряжение начальника Главного штаба	А.Н. Благонадеждин, И.М. Самодуров
В распоряжение начальника штаба Омского военного округа	В. Кузьмин
В распоряжение начальника штаба Приамурского военного округа	А.Н. Голубятников, Н.А. Петров, Рубинов, С.И. Цветков
В распоряжение начальника штаба Сибирской армии	Андреев, Н.А. Безобразов, И.П. Брежнев, И.В. Вальнер, Войтяховский, Я.Н. Доброцветов, Н.М. Долгушин, Дубницкий, В.Е. Захаров, Кандауров, М.В. Кириченко, Крамаренко, И.А. Кузьмин, В.А. Кульдвер, С.Ю. Ловчицкий, П.А. Луцков, А.А. Маркевич, Межак, Мельников, В.Г. Митрофанов, Насонов, В.В. Новиков, В.В. Правиков, Пунинский, М.Н. Руссет, Н.П. Рыбаков, И.В. Случевский, П.И. Старков, В.И. Степанов, П.И. Тимеев, Л.М. Толубаев, Н. Францов, А.Н. Чернавин, А.И. Чугунов
В распоряжение начальника штаба Западной армии	Д.И. Андерс, И.И. Белобродский, И.А. Белоусов, Н.А. Белоусов, Годзембо-Высоцкий, С.С. Дзюбенко, П.А. Добротворцев, М.З. Дьяконов, Ефимов, Л.М. Зейфарт, Д.К. Игнатъев, Л.Л. Касаткин, А.П. Колесников, А. Кудлаенко, Г.И. Модестов, М.В. Никульцев, И.Д. Переведенцев, М.Н. Плеткин, В.В. Покровский, Б.Н. Пудвинский, В.С. Разумовский, Саранский, Н.И. Сафонов, М.В. Смирнов, В.Е. Сотников, М.М. Тимонов, Б.Э. фон Трейберг, Фельдман, Б.П. Фомин, Халютин, В.М. Ханжин, А.П. Цветков, И.П. Шлекин, Н.Ф. Щербинин
В распоряжение начальника штаба Отдельной Оренбургской армии	Афанасьев, М.А. Наумов, Поспелов, А. Скотников
В распоряжение начальника штаба II Отдельного Степного корпуса	А.А. Добкевич, В.А. Станкеев
В распоряжение командира Иркутского казачьего полка	В.М. Кубинцев
В свою часть	К. Бремез, Д. Брких, Э. Вернер, Ф. Грабчик, Л. Жильский, Камм, Ф. Кашпарек, Клуст, Г. Косина, В. Котвич-Добержанский, Ю.И. Куликовский, В. Лозинский, М. Май, О.Я. Моравец, К. Пильны, В. Чума, Шоурек
Нет данных	А.Н. Бакулевский, Соловьев

¹⁴⁷⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 132–134об.

корпусов и групп — 6 месяцев, в штабах армий и на инструкторских курсах 9 месяцев, причислили к Генеральному штабу¹⁴⁷⁷.

* * *

В период с мая по октябрь 1919 г. жизнь академии практически замерла. Учебный процесс завершился. Часть профессорско-преподавательского состава получила назначения в органы военного управления белой Сибири. Указом адмирала А.В. Колчака от 23 мая 1919 г. академия была подчинена помощнику начальника штаба Верховного главнокомандующего и управляющему Военным министерством генерал-лейтенанту А.П. Будбергу¹⁴⁷⁸. Штаты академии в июне 1919 г. были сокращены. До возобновления учебного процесса академия занималась лишь хранением имущества и библиотеки, а также архивов, осуществляла издание уставов и наставлений, ведала обеспечением этими изданиями войск и готовила справки для белого командования¹⁴⁷⁹.

Об этом периоде истории академии сохранилось немного свидетельств. В основном они касаются бытовых сторон жизни академии и ее персонала. Временно исполняющий должность начальника академии генерал-лейтенант Г.Г. Христиани писал управляющему Томской губернией 2 июля 1919 г.: «В № 50 газеты “Сегодня” помещено “письмо в редакцию” за подписью Томич, где отдельно вырванный факт езды генерала Колюбакина в парном экипаже по городу превращен неусыпным вниманием Томича чуть ли не в исторический позор.

Пользы делу такие заметки не приносят, а вред несомненный, т.к. мелкие житейские факты умышленно превращаются искусной рукой в способы поселить взаимное недоверие и вызвать враждебное настроение одной части населения против другой.

Прошу не отказать уведомить по содержанию изложенного»¹⁴⁸⁰. 4 июля губернское управление подготовило запрос о возможности закрытия газеты¹⁴⁸¹.

В августе 1919 г. произошел конфликт между семьями полковника Слижикова и подполковника Солдатов, делившими жилье в здании бывшей Тюремной инспекции в доме Гавриловой по адресу Миллионная улица, 7. В дело оказался замешан и Г.Т. Киященко, в квартиру которого вторгся Солдатов¹⁴⁸². В итоге в приказе по академии Солдатову был объявлен выговор¹⁴⁸³.

Как свидетельствовал выпускник ускоренных курсов капитан К.В. Семчевский, побывавший в Томске в августе 1919 г., этот «тихий, очаровательный университетский город, вдали от сибирской магистрали, напоминал добрые старые времена»¹⁴⁸⁴.

А.И. Андогский, по всей видимости, сохранял за собой неформальное руководство академией, даже находясь в Омске. Ему приходилось разбираться с приобретенным остроумным вопросом и улаживать конфликты между служащими. Периодически Андогский вызывал к себе сотрудников для консультаций¹⁴⁸⁵.

¹⁴⁷⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 941. Л. 3.

¹⁴⁷⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 311об.

¹⁴⁷⁹ Там же. Л. 326.

¹⁴⁸⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 187.

¹⁴⁸¹ Там же. Л. 190.

¹⁴⁸² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 330–330об.

¹⁴⁸³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1539. Л. 26.

¹⁴⁸⁴ BAR. K.V. Semchevskii Collection. Семчевский К.В. Воспоминания. Ч. 5: В Белой Сибири. С. 11.

¹⁴⁸⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 411.

В порядке исключения для отдельных слушателей проводились экзамены. Так, например, бывший слушатель подготовительных курсов 3-й очереди полковник Н.Г. Сабельников решил сдать экзамен по тактике конницы и выдержал его 23 сентября 1919 г., получив 12 баллов¹⁴⁸⁶. Для чего полковнику Сабельникову потребовалось досдавать экзамен через год с лишним после прекращения занятий в академии, неизвестно. Офицер умер от тифа при отступлении белых в декабре 1919 г.

Возобновление учебного процесса в академии намечалось на январь 1920 г. 12 октября 1919 г. был издан приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего № 1261 о приеме в академию на военно-академические курсы для подготовки офицеров к исполнению младших должностей Генерального штаба в полевых штабах действующих армий к 1 января 1920 г. до 100 офицеров из белых армий Юга России, а также по 25 с фронтов генералов Е.К. Миллера (Север) и Н.Н. Юденича (Северо-Запад). Также выделялись квоты на прием не более шести офицеров-чехов, трех поляков и двух румын¹⁴⁸⁷. Предполагалось открытие и старшего класса¹⁴⁸⁸. Но эти планы в связи с крушением колчаковского фронта остались не реализованными.

* * *

Каковы были итоги томского периода существования академии? Как показали события, томский период был, пожалуй, самым политизированным в ее истории. Если екатеринбургский и казанский периоды были временем изошренного лавирования с целью избежать репрессий и перебраться к противникам большевиков, то в Томске во главу угла было поставлено достижение представителями академии высших постов в военной иерархии Востока России.

Прежде всего, Томск отнюдь не был местом ссылки академии, как иной раз утверждают, не вполне точно показывая историю преследований академического руководства. Выявленные документы свидетельствуют о том, что расположение академии в Томске было избрано задолго до начала конфронтации в военно-политических кругах Востока России с участием академической группировки.

Томский период показал, что представители академии в белом лагере не собирались довольствоваться скромной ролью работников высшего военно-учебного заведения. Их амбиции простирались гораздо дальше и, насколько можно судить по документам, были ориентированы на взятие в свои руки военной власти на Востоке России. Разумеется, все это порождало конфликты, проявившиеся уже осенью 1918 г.

К концу сентября 1918 г. выходцы из академии заняли ключевые посты в руководстве объединенными вооруженными силами антибольшевистского лагеря на Востоке России. Произошло это в связи с тем, что Верховный главнокомандующий генерал В.Г. Болдырев опасался кадровых назначений из состава враждовавших друг с другом Народной и Сибирской армий, получивших затем единое командование. Генералу требовалась нейтральная группа офицеров-генштабистов. Компромиссным решением и стало привлечение представителей академии.

Однако против них повел борьбу штаб Сибирской армии во главе с генералом П.А. Беловым. Причиной была борьба за власть, но в качестве обоснования борьбы использовались советское прошлое академии и участие А.И. Андогского в мирных переговорах в Брест-

¹⁴⁸⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 334.

¹⁴⁸⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 46. Л. 83.

¹⁴⁸⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1656. Л. 3.

Литовске. Академическая группировка, заручившись поддержкой представителей гражданской власти в Сибири (прежде всего, министра финансов И.А. Михайлова), не оставалась в долгу. В адрес Белова были выдвинуты абсурдные обвинения в том, что он, будучи немцем (настоящая фамилия Виттекопф), являлся германским шпионом. Этого оказалось достаточно, чтобы добиться устранения Белова в ноябре 1918 г.

Андогский и его ставленники в Омске сыграли значимую роль в перевороте 18 ноября 1918 г. и приходе к власти адмирала А.В. Колчака. В благодарность за сыгранную ими роль они, очевидно, рассчитывали на укрепление своего положения. С этой целью проводились различные акции. К Колчаку была направлена академическая депутация, торжественно отмечался праздник Генерального штаба, ставший своеобразным смотром сил академической группировки и ее сторонников.

Но Колчак тогда не был полностью самостоятельным в своих решениях военным руководителем. После прихода к власти он был вынужден ориентироваться на мнение фронтовых командиров. Опасаясь недовольства фронта при назначении Андогского на пост начальника штаба Ставки, Колчак, видимо, с подачи недоброжелателей начальника академии организовал опрос командного состава по этому поводу. Мнения при опросе разделились. Однако влиятельным в глазах Колчака оренбургским атаманом А.И. Дутовым была названа и альтернативная кандидатура Д.А. Лебедева, занявшего в итоге этот пост.

Одновременно в сибирских и уральских газетах при участии отдельных офицеров и генералов развернулась невиданная кампания травли и дискредитации академии в связи с ее службой большевикам. Увидела свет целая серия статей с упреками и обвинениями. До сих пор считалось, что это была борьба принципиальных противников большевиков с тем, чтобы на руководящие посты не попали лица, «замаравшиеся» службой красным. Однако анализ всей совокупности доступных материалов свидетельствует, что эта кампания носила политический характер и была обусловлена, прежде всего, борьбой за власть в высшем военном руководстве белой Сибири.

Академия была вынуждена оправдываться. В печати на нападки отвечал лично Андогский, в начале 1919 г. выпустивший даже брошюру о том, чем занималась академия в 1917–1918 гг. Более того, представители академии потребовали от Колчака назначить расследование своей деятельности при большевиках. В итоге в 1919 г. было организовано целых два расследования, полностью оправдавших академическое руководство. Тем не менее Андогский оказался надолго дискредитирован и не мог претендовать на высшие посты. Более того, группировка нового начальника штаба Ставки Д.А. Лебедева и военного министра Н.А. Степанова (позднее также расколовшаяся) пыталась добиться его высылки на Дальний Восток. Когда Андогский не подчинился, ограничились отправкой опального генерала в Иркутск. Впрочем, туда Андогский под разными предлогами также не выезжал еще более месяца после приказа.

Во время расследования академия вернулась к учебной работе и подготовила выпуск младшего класса 4-й очереди, слушатели которого получили назначения в колчаковские штабы. На этом учебная деятельность академии завершилась и более не возобновлялась.

В сложившейся ситуации для реабилитации Андогского и академии были задействованы все рычаги и связи. В результате к лету 1919 г. такая реабилитация состоялась, а представители академии вновь заняли руководящие посты в антибольшевистских вооруженных силах.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФИНАЛ (ТОМСК — ХАРБИН — ВЛАДИВОСТОК — ОСТРОВ РУССКИЙ)

В связи с неудачами на фронте, чтобы избежать нового захвата большевиками, в октябре–ноябре 1919 г. академия эвакуировалась из Томска во Владивосток, где и находилась вплоть до конца Гражданской войны. По некоторым данным, в необходимости эвакуации академии во Владивосток адмирала А.В. Колчака смог убедить начальник академии и одновременно 1-й генерал-квартирмейстер Ставки генерал А.И. Андогский. Вопрос с размещением академии в пригодных для сохранения библиотеки и прочего имущества помещениях был непростым. Расположить академию предполагали в освободившихся помещениях Инструкторской школы А. Нокса на Русском острове, где намечалось возобновление обучения. 3 октября в академию было направлено соответствующее распоряжение Андогского.

С 1 октября пост временно исполняющего должность начальника академии перешел от профессора Христиани к профессору Коллюбакину¹⁴⁸⁹. В тот же день стало известно о предстоящей эвакуации¹⁴⁹⁰. Оставшиеся при академии профессор генерал-лейтенанты Б.М. Коллюбакин и Г.Г. Христиани высказались против эвакуации через всю Сибирь в холодное время года, о чем 6 октября написали начальнику штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу¹⁴⁹¹. Среди доводов было то, что для открытия академии после эвакуации потребуется не менее пяти месяцев. Попадать вновь к красным Андогскому, очевидно, не хотелось, поэтому от него пришел ответ, что эвакуация академии — это государственное мероприятие¹⁴⁹². На следующий день был издан приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 1228 от 7 октября 1919 г., которым предписывалось эвакуировать академию из Томска во Владивосток с расквартированием в зданиях инженерного ведомства, а при недостатке их — на обывательских квартирах.

Приказом № 1229 в тот же день было опубликовано распоряжение Колчака об открытии после эвакуации с 1 января 1920 г. по особому распоряжению при академии военно-академических курсов для подготовки офицеров к исполнению младших должностей Генштаба в полевых штабах действующей армии. Предполагалось устроить два шестимесячных класса¹⁴⁹³. Требовалось разработать положения о приеме офицеров на курсы, о правах окончивших. Приказом № 1261 от 12 октября прием в младший класс был разрешен не только для колчаковских офицеров, но и для «офицеров, состоящих в войсках Южного, Северного и Северо-Западного освободительных фронтов, по выбору и удостоению главнокомандующих этими фронтами — генералов Деникина, Миллера и Юденича, — по расчету: не более 100 офицеров от войск генерала Деникина, не более 25-ти от войск генерала Миллера и не

¹⁴⁸⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 334об.

¹⁴⁹⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 53. Л. 9.

¹⁴⁹¹ Там же. Л. 20.

¹⁴⁹² Там же. Л. 21; Д. 52. Л. 18.

¹⁴⁹³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1656. Л. 3.

более 25 — от войск генерала Юденича»¹⁴⁹⁴. В старшем классе также могли обучаться офицеры со всех белых фронтов, ранее прошедшие подготовку в младшем классе ускоренных курсов 1-й и 2-й очереди. Отмечалось, что «при невозможности командировать всех офицеров, прошедших ускоренный младший класс первой или второй очередей, — назначить для сего хотя бы некоторое их число, имея в виду возможность командировать остальных позднее»¹⁴⁹⁵. В связи с крушением колчаковского фронта все эти проекты так и остались на бумаге.

Приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего № 1299 от 14 октября 1919 г. по повелению Колчака академия была подчинена непосредственно начальнику штаба Верховного главнокомандующего¹⁴⁹⁶. Затем 20 октября 1919 г. вышел значимый для академии приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего фактически о временной реабилитации академии и академического начальства в связи с обвинениями в причастности к большевизму: «Ознакомившись с докладом комиссии по расследованию обвинения, предъявленного начальнику академии Генерального штаба генерал-майору Андогскому и подведомственным ему чинам академии в принадлежности их к большевистским организациям, — я нахожу, что в означенном деле никаких данных, устанавливающих виновность по существу возникшего обвинения в деятельности и работе как генерал-майора Андогского, так и прочих чинов академии — не имеется, а потому повелеваю: означенное дело дальнейшим производством прекратить, причем дальнейшее обсуждение обстоятельств этого дела в органах повременной печати запрещаю.

Академия, за время своего вынужденного пребывания в пределах Советской России, спасла все ценное историческое имущество академии и сумела спасти и вывезти до 300 кадровых офицеров, ныне работающих в наших рядах.

Принимая во внимание, что никто из нас ныне в силу расчлененности Родины и незнакомства с обстоятельствами, сопровождавшими жизнь и деятельность многих борцов с большевизмом, вынужденных оставаться в пределах Советской России, не может быть вполне беспристрастным и справедливым судьей, — повелеваю: обсуждение и решение вопросов, связанных с участием тех или других лиц в вынужденных командировках в комиссию по экспертизе условий так называемого Брестского мира — отложить впредь до наступления того времени, когда политическая и военная обстановка позволят иметь все необходимые для этого материалы и когда ныне разрозненные части Родины воссоединятся снова в единую Великую Россию, которая одна только и имеет право сказать окончательное слово по всем минувшим делам и событиям»¹⁴⁹⁷. По всей видимости, в этот период влияние академического начальства на Колчака было значительным. Тем не менее в военных кругах Андогского и академию простили далеко не все. К примеру, в конце 1919 г. сдачу Омска в Иркутском военном округе связывали с предательством и интригами связанных с академией генералов Андогского и Коханова¹⁴⁹⁸.

21 октября из Дома науки в Томске, где располагалась академия, на станцию Томск-2 было отправлено 216 ящиков с имуществом академии, среди которых были 186 ящиков склада

¹⁴⁹⁴ Там же. Л. 4.

¹⁴⁹⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 52. Л. 7об.

¹⁴⁹⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.

¹⁴⁹⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 209–209об.

¹⁴⁹⁸ Последние дни колчаковщины. М.; Л., 1926. С. 70.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

П Р И К А З Ъ

Верховнаго Правителя и Верховнаго Главнокомандующаго.

Гор. Омскъ.

№ 206.

Октября 20 дня 1919 г.

Ознакомившись съ докладомъ Комиссiи по разслѣдованiю обвиненiя, предъявленнаго Начальнику Академiи Генеральнаго Штаба, Генералъ-Маiору АНДОГСКОМУ и подвѣдомственнымъ ему чинамъ Академiи въ принадлежности ихъ къ большевистскимъ организациямъ, — я нахожу, что въ означенномъ дѣлѣ никакихъ данныхъ, устанавливающихъ виновность по существу возникшаго обвиненiя въ дѣятельности и работѣ какъ Генералъ Маiора АНДОГСКАГО, такъ и прочихъ чиновъ Академiи — не имѣется, а потому ПОВЕЛѢВАЮ: означенное дѣло дальнѣйшимъ производствомъ прекратить, при чемъ дальнѣйшее обсужденiе обстоятельствъ этого дѣла въ органахъ повременнаго печати ЗАПРЕЩАЮ.

Академiя, за время своего вынужденнаго пребыванiя въ предѣлахъ Сѣвѣтской Россiи, спасла все цѣнное историческое имущество Академiи и сумѣла спасти и вывезти до 300 кадровыхъ офицеровъ, имѣющихъ въ нашихъ рядахъ.

Принимая во вниманiе, что никто изъ насъ не имѣетъ, въ силу расчлененности Родины и разнородности съ обстоятельствами, сохранившими жизнь и дѣятельность многихъ борцовъ съ большевизмомъ, вынужденныхъ встать въ предѣлахъ Сѣвѣтской Россiи, не можетъ быть волею безиррациональных и несправедливыхъ судей, — ПОВЕЛѢВАЮ:

Обсужденiе и рѣшенiе вопросовъ, связанныхъ съ участiемъ, тѣмъ или другимъ лицемъ въ вынужденныхъ конспиративныхъ въ комиссiю въ раскрытiи услобiи, такъ называемаго, Брестскаго мира — ОТЛОЖИТЬ вѣдаль до наступленiя того времени, когда политическая и военная обстановка дозволятъ имѣть всѣ необходимыя для сего материалы и когда всѣ разрозненныя части Родины воссоединятся снова въ единую Великую Россiю, которая одна только и имѣетъ право сказать окончательное слово во всемъ минувшемъ дѣлѣ и событiямъ.

Адмиралъ КОЛЧАКЪ

учебных пособий и 30 ящиков архива¹⁴⁹⁹. В соответствии с приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего № 1320 от 16 октября 1919 г. для наблюдения за эвакуацией 27 октября в Томск прибыли А.И. Андогский, вступивший в должность начальника академии, а также правитель дел академии полковник А.П. Слижиков¹⁵⁰⁰. К 1 ноября для эвакуации требовалось подготовить подвижной состав — 3 классных вагона, 10 теплушек, 83 крытых вагона, 2 платформы, 3 конских вагона. Отдельно для личного состава академии готовили еще один багажный и 2 классных вагона¹⁵⁰¹.

Академия была эвакуирована из Томска в трех эшелонах. Первый эшелон под руководством полковника Н.В. Главацкого, включавший академическую библиотеку (250 000 томов), склад учебных пособий и геодезических инструментов (топографические и геодезические инструменты на 350 слушателей), экспедиционный отдел, архивы, музеи, части типографии и личное имущество высшего учебно-административного состава, выехал из Томска 1 ноября 1919 г.

Второй эшелон под начальством штабс-капитана А.С. Дружинина, в котором перевозились остатки имущества библиотеки, типографии и большая часть личного имущества учебно-административного состава академии и рабочих типографии, выехал из Томска 10 ноября. На Дальний Восток эшелон продвигался крайне медленно вследствие действий партизан, а также из-за ожидания оставшегося в Ставке персонала академии, в том числе ее начальника генерала Андогского и членов конференции — Н.И. Коханова, В.И. Сурина, А.А. Сурнина и Д.В. Филатьева.

В третьем эшелоне, которым руководил заведующий типографией подполковник К.А. Наумов, перевозились незначительная часть личного имущества и весь личный состав, кроме уехавших первыми двумя эшелонами. Эшелон отправился 19–20 ноября. В нем ехали профессора Колюбакин, Христиани, правитель дел Слижиков. Андогский догнал эшелон лишь в Иркутске.

Поскольку самый ценный груз (имущество библиотеки и музеев академии) находился в первом эшелоне, его сопровождала вооруженная охрана: от станции Тайга — караул 7-го Чехословацкого стрелкового полка, а от Мариинска до Красноярска — караул 8-го Чехословацкого стрелкового полка¹⁵⁰². В связи с особой ценностью грузов представители академии просили предоставлять для сопровождения исключительно надежных людей¹⁵⁰³. Изначально было выделено два взвода охраны в количестве 64 человек¹⁵⁰⁴.

О тщательности перевозки имущества академии свидетельствует следующий случай. На станции Мариинск 12 ноября с вагона с библиотечной мебелью и железными кроватями полуэскадрона академии была сорвана пломба. Несмотря на то что в вагоне перевозились громоздкие вещи, которые похитить было невозможно, начальник эшелона штабс-капитан Дружинин требовал пломбировки и закрытия открывшегося люка. В итоге люк забили же-

¹⁴⁹⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1636. Л. 36.

¹⁵⁰⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 44. Л. 93. Впрочем, Андогский 22 ноября был отозван начальником штаба Верховного главнокомандующего и главнокомандующим Восточным фронтом в командировку по инспектированию войск Дальнего Востока и возвратился к академии только 8 декабря 1919 г. (Там же. Л. 118). На период отсутствия его замещал Колюбакин.

¹⁵⁰¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 52. Л. 36.

¹⁵⁰² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1621. Л. 26.

¹⁵⁰³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 52. Л. 41.

¹⁵⁰⁴ Там же. Л. 41об.

лезным листом¹⁵⁰⁵. Впрочем, имущество академии могло погибнуть и по глупости колчаковского командования, которое, несмотря на протесты Дружинина, прицепило к эшелону академии два вагона с динамитом, следовавшие до Красноярска. Кроме того, к эшелону прицепили четыре теплушки с беженцами и платформу с сеном¹⁵⁰⁶.

В период эвакуации Андогский 6 ноября по срочной телеграмме начальника штаба Верховного главнокомандующего отбыл в командировку в Омск¹⁵⁰⁷, затем по предписанию начальника штаба Верховного главнокомандующего и главнокомандующего Восточным фронтом совершал командировку по инспектированию войск Дальнего Востока, из которой возвратился в академию 8 декабря 1919 г.¹⁵⁰⁸ Временно исполняющим должность начальника академии на этот период был назначен Колюбакин.

8 и 10 декабря 1919 г. первые два эшелона прибыли во Владивосток. Во Владивостоке оказались заместитель начальника академии генерал-лейтенант А.И. Медведев, генерал-майоры А.Т. Антонович, М.А. Иностранцев и Г.Т. Киященко, полковники Н.В. Главацкий и П.Г. Осипов, подполковник Б.А. Вуич, библиотекарь академии штабс-капитан А.С. Дружинин и квартирмейстер ротмистр В.Э. Аргольд. Через несколько дней приступили к разгрузке эшелонов и перевозке имущества в расположение 36-го Сибирского стрелкового полка на Русском острове. Разгрузкой эшелонов руководил начальник второго эшелона штабс-капитан Дружинин.

Сохранилась довольно субъективная оценка того, как проходила разгрузка, оставленная противниками академического начальства: «Эшелоны были поставлены на 16[-й] причал пристани Эгершельд. Ежедневно, а иногда и ночью, приходила артель грузчиков русских или китайцев, вскрывалось несколько вагонов, и грузчики переносили ящики с книгами, тюки с картами, мебель и прочее на баржу. Нагруженная баржа уходила на остров и там разгружалась при помощи матросов, китайцев и австро-германских военнопленных вначале на пристани Подножия, а затем, когда замерзла бухта Новик, то на пристани Поспелово, откуда на лошадях и грузовом автомобиле все вещи доставлялись в казармы 36-го полка.

Присмотр был недостаточен, рабочие вели разгрузку крайне небрежно, книги из ящиков рассыпались, все имущество подмачивалось водой в барже или дождем и снегом. Ветры и непогода также препятствовали работе»¹⁵⁰⁹. Никто из начальства, кроме Дружинина, непосредственно за разгрузкой не наблюдал. Кто-то был занят решением личных дел, кто-то службой у главного начальника Приамурского края и командующего войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенанта С.Н. Розанова.

«Вся перевозка имущества носила характер самого хаотического перетаскивания, причем гнались за спешностью, а не [за] качеством работы, хотя всем близко стоящим к делу стало известно, что академия во Владивостоке официально развернута не будет. Благодаря всей обстановке перевозки все имущество оказалось значительно попорченным и частью расхищенным, о чем говорят пустые, полупустые и разбитые ящики. По ночам его охраняли военнопленные, состоявшие, главным образом, из лиц германской интеллигенции, считав-

¹⁵⁰⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1621. Л. 25.

¹⁵⁰⁶ Там же. Л. 25об.

¹⁵⁰⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 502.

¹⁵⁰⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 44. Л. 118.

¹⁵⁰⁹ ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 44об.

шие себя на положении войны с Россией, чему доказательством служили многочисленные факты умышленной порчи, уничтожения ими и кражи тех или иных вещей.

Бессмысленность, ненужность и преступность такого перетаскивания и порчи ценного государственного имущества ничем не оправдывалась, и было совершенно очевидным, но протестовать было некому и не перед кем...

В середине января разгрузка эшелонов была прекращена, и чины академии заговорили между собой о возможности скорой переотправки имущества обратно в Харбин, в связи с внутренней политической обстановкой. Называли Дайрен, как пункт сосредоточения всей академии¹⁵¹⁰. В 1921 г. проходило разбирательство обстоятельств порчи ящиков музеев академии¹⁵¹¹, подтверждающее обоснованность вышеприведенных обвинений.

Часть служащих эвакуировались из Томска в спешке, причем не для всех эвакуация прошла благополучно. У супруги генерал-майора И.С. Свищева из вагона в 1920 г. были похищены вещи¹⁵¹². У профессора М.А. Иностранцева 26 декабря 1919 г. по пути около станции Силиньхэ на КВЖД за 10 минут сгорело все имущество, в том числе ценная библиотека и деньги¹⁵¹³. Сам Иностранцев с семьей, задыхаясь от дыма, едва успел выскочить из вагона. Чудом удалось спасти дочь, потерявшую сознание. В итоге, как он сам писал генералу Н.Н. Головину 29 октября 1923 г.: «Во Владивостоке я оказался совершенно нищим»¹⁵¹⁴. Тем более что жизнь в городе была сопряжена с дороговизной и голодом. Поселиться удалось в вагоне генерала А.П. Будберга¹⁵¹⁵. Не сложились у Иностранцева и отношения с Андогским (по версии Иностранцева тот был обижен, поскольку генерал-лейтенант Н.Н. Головин пригласил к себе генерал-квартирмейстером не его, а Иностранцева¹⁵¹⁶), в итоге Иностранцев был вынужден порвать с академией (с 17 марта 1920 г. в академии значился находящимся в безвестной отлучке, уволен в отставку 16 августа 1920 г., исключен из списков академии 29 августа¹⁵¹⁷) и уехать в Европу.

Некоторые служащие пытались воспользоваться эвакуационной неразберихой. Например, прослуживший более 20 лет в академии заведующий учебной канцелярией статский советник Ф.А. Мартынов получал продукты сверх положенного и в обход хозяйственной части эшелона, что вызвало недовольство Андогского, причем замечание Мартынову было опубликовано в приказе по академии № 209 от 23 декабря 1919 г.¹⁵¹⁸

С третьим эшелоном все оказалось сложнее. Казалось бы, переезд во Владивосток был благом для академии, так как развал колчаковского Восточного фронта грозил безопасности уникального академического имущества, однако и с востока тоже шла революционная волна. Пока академия ехала во Владивосток, там 31 января 1920 г. произошел переворот, в результате которого власть перешла от генерала Розанова к Временному социалистическому правительству Приморской областной земской управы во главе с А.С. Медведевым. Администрация академии (генералы Иностранцев и Киященко, полковник Осипов) укрылась

¹⁵¹⁰ Там же. Л. 44об.–45.

¹⁵¹¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 59.

¹⁵¹² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1662. Л. 12.

¹⁵¹³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 587-588.

¹⁵¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 57. Л. 22об.

¹⁵¹⁵ Там же. Л. 141об.–142.

¹⁵¹⁶ Там же. Л. 22об.

¹⁵¹⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 47. Л. 339.

¹⁵¹⁸ Там же. Л. 209об.

в союзных миссиях. Генерал Антонович, назначенный незадолго до событий начальником штаба Приамурского военного округа, был на сутки арестован¹⁵¹⁹. Замещавший начальника академии во Владивостоке ординарный профессор А.И. Медведев рассчитывал на родственные связи с главой земского правительства Медведевым.

Академия вновь оказалась разделена. Андогскому нужно было в очередной раз принять нелегкое решение, с кем быть — с колчаковцами в Харбине и Чите или со своими подчиненными во Владивостоке. В связи с нестабильностью на Дальнем Востоке у начальника академии возникла идея выехать в Маньчжурию, где задержаться до выяснения обстановки. Тем более что он рассматривал Харбин как важный центр международной информации¹⁵²⁰. В этих целях была установлена связь с Верховным уполномоченным российского правительства на Дальнем Востоке генерал-лейтенантом Д.Л. Хорватом.

Вследствие политических катаклизмов третий эшелон академии около трех месяцев простоял в Харбине, что вызвало недовольство владивостокской части академии, обвинения в адрес Андогского и других «харбинцев» в стремлении отсидеться в сложное время и в том, что владивостокская группа из-за них подвергалась преследованиям¹⁵²¹. Нахождение эшелона в полосе отчуждения КВЖД подвергало российское имущество некоторому риску. Генерал Хорват издал приказ о расформировании в полосе КВЖД всех эвакуируемых учреждений, однако Андогскому удалось отстоять сохранение академии. Харбинские предприниматели (в частности, крупный чаеотговец И.Ф. Чистяков) заявили о готовности за свой счет субсидировать академию. Работники академии провели регистрацию офицеров Генерального штаба и, собрав их достаточное количество, устроили объединенную конференцию. Андогский рассматривал различные варианты эвакуации академии — на Юг России, в Польшу или в Японию.

5 марта 1920 г. начальник академии составил рапорт главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенанту А.И. Деникину, в котором писал: «Во исполнение повеления Верховного правителя вверенная мне Военная академия в начале ноября 1919 года эвакуировалась из гор. Томска в гор. Владивосток.

В декабре 1919 г. 1-й и 2-й эшелоны¹⁵²² прибыли во Владивосток. С ними было перевезено почти все имущество академии: вся ее военная библиотека, типография и склад учебных пособий. Из личного профессорско-преподавательского состава во Владивостоке находятся: ординарные профессора ген[ерал]-лейт[енант] Медведев и ген[ерал]-м[айор] Иностранцев и штатн[ый] преподаватель военных наук ген[ерал]-м[айор] Антонович. Имущество перевезено на Русский остров и расположено в отведенных казармах.

3-й эшелон академии, в котором перевозилась остальная часть имущества, конференция академии и канцелярия ее, ввиду происшедшего во Владивостоке военно-политического переворота (31го января с.г.), остался в Харбине.

Ввиду того что нарождавшаяся во Владивостоке земская власть постепенно из эсеровской переходит в большевистскую и одним из основных тезисов ее политической программы является соглашательство с советской властью, — конференция академии постановила оста-

¹⁵¹⁹ Дневник генерала Антоновича // Голоса Сибири. Литературный альманах. Кемерово, 2006. Вып. 3. С. 402–403.

¹⁵²⁰ Там же. С. 417.

¹⁵²¹ Там же. С. 417–418.

¹⁵²² Здесь и далее — подчеркнуто автором документа.

ваться в Харбине, возложив попечение об охране имущества во Владивостоке на наличный там состав чинов академии.

Во Владивосток прибыл из Японии бывший в составе Уфимской Директории Главковерх ген[ерал]-лейт[енант] Болдырев. Не входя пока в состав владивостокского правительства, он является весьма влиятельным в нем лицом и фактически руководит Военным советом, который без него не принимает ни одного решения. Прорвавшийся из Владивостока в Харбин к[омандир] академического полуэскадрона подполк[овник] Вуич свидетельствует, что в разговоре с ним ген[ерал]-лейт[енант] Болдырев указывал, что единственным выходом из создавшегося положения является соглашение с советской властью. Тех же воззрений держится находящийся во Владивостоке ген[ерал]-м[айор] Иностранцев. Оба они принимают все меры к тому, чтобы не выпустить из Владивостока попавшее туда имущество академии.

Я принимаю все меры, чтобы при посредстве японского командования устроить вывоз из Владивостока имущества академии — первоначально в Харбин или какой-либо пункт Японии или Китая, а оттуда — по указанию Вашего превосходительства. Однако пока, ввиду осторожности и нерешительности японского командования, выжидающего выяснения, какая из народившихся русских властей одержит верх, — никаких реальных шагов добиться не удастся.

По совокупности всех данных обстановки на Дальнем Востоке, мало вероятия ожидать в ближайшее время успеха в открытой борьбе с большевиками. Главная причина — усталость населения и жажда отдыха, а равно отсутствие власти, пользующейся его доверием. Нет и достаточной вооруженной силы; отошедшая в Забайкалье с ген. Войцеховским армия чрезвычайно устала и численностью не превышает 20 000 человек боевого состава. Удержаться в Забайкалье она, видимо, не будет в состоянии, если только японцы эвакуируют оттуда свои войска. Решение же Японии не удастся выяснить определенно.

В полосе отчуждения Кит[айско-]Вост[очной] ж[елезной] д[ороги] невозможно создать опоры и базы для возрождения вооруженной силы для борьбы с большевиками, как вследствие договорных отношений с Китаем, так и вследствие чрезмерной осторожности генерала Хорвата, не обладающего, кроме того, никакой реальной силой для поддержания своей здесь власти.

Неотложною задачею ближайшего времени является: сохранить для борьбы с большевиками остатки военной силы, бывшей на Восточном фронте и ныне стекающейся в полосу отчуждения Кит[айско-]Вост[очной] ж[елезной] д[ороги] и, в частности, в Харбин.

Видимо, большевизм временно захлестнет собою всю Дальневосточную окраину, совершенно не испытавшую всех ужасов большевистского режима, а потому целесообразно было бы остатки здешней военной силы (хотя бы Генеральный штаб и офицерство) вывезти на Юг России.

В Харбине находятся след[ующие] члены конференции Военной академии:

- 1) Начальник академии, ордин[арный] проф. ген[ерал]-майор Андогский.
- 2) Заслуж[енный] проф. ген[ерал]-лейт[енант] Колюбакин.
- 3) Заслуж[енный] проф. ген[ерал]-лейт[енант] Христиани.
- 4) Ордин[арный] проф. ген[ерал]-лейт[енант] Филатьев.
- 5) Ордин[арный] проф. воен[ный] инж[енер], ген[ерал]-майор Коханов.
- 6) Экстраордин[арный] проф. ген[ерал]-майор Рябиков.

7) Штатн[ый] препода[ватель] воен[ных] наук ген[ерал]-м[айор] Касаткин.

8) Штатн[ый] препода[ватель] воен[ных] наук (арт[иллерии]) г[енерал]-м[айор] Томашевский.

9) Штатн[ый] препода[ватель] в[оенных] н[аук] полк[овник] Слижиков.

10) Штатн[ый] препода[ватель] в[оенных] н[аук] ген[ерал]-лейт[енант] Сурин.

Сверх того, здесь находятся до 25 старых оф[ицеров] Генер[ального] штаба и стекаются сюда до 200 слушателей старш[его] кл[асса] академии.

Прошу указаний, куда надлежит направить личный состав конференции академии и стекающихся в Харбин офицеров Генер[ального] штаба, ибо применения им здесь, видимо, не будет найдено, а терять такие силы нельзя; а равно какие задачи намечаются и куда следует стремиться направить академию, если удастся вывезти из Владивостока имущество ее.

Дополнительное донесение надеюсь отправить вскоре с офицером л[ейб]-гв[ардии] Петроградск[ого] п[олка] Булыгиным.

Все мы стремимся продолжать борьбу и ожидаем Ваших указаний»¹⁵²³.

Если верить этому документу, Андогский предполагал организовать очередное эпическое путешествие академии, теперь уже через Китай и Японию на Юг России. Очевидно, на быстрый ответ с Юга рассчитывать не приходилось. И если даже такой ответ был отправлен, он не мог повлиять на события, пережившие уже в апреле 1920 г.

Задержка в Харбине привела к тому, что некоторые служащие стали уходить из академии. Так, временно исполняющий должность помощника инструктора верховой езды и личный адъютант начальника академии штабс-ротмистр Д.И. Рытов в январе 1920 г. перевелся с разрешения Андогского в охранную стражу КВЖД¹⁵²⁴. Его заменил подполковник Б.А. Вуич. В марте 1920 г. в Свято-Никольский храм Харбина с санкции Андогского перешел служить протоиерей Иоанн Сторожев, исполнявший обязанности священника академии с 17 ноября 1919 г.¹⁵²⁵ Также в академии служил отец Матвей Мурдасов.

Помимо Юга России обсуждался вопрос отправки академии в Польшу. Однако у этой неоднозначной идеи нашлись противники. Ординарный профессор Д.В. Филатьев 18 марта отправил обширное и важное для истории академии письмо Б.М. Колюбакину, в котором писал: «В качестве профессора академии и генерал-лейтенанта обращаюсь к Вам, как к старейшему профессору и старейшему же генерал-лейтенанту русской армии, с просьбой, не найдете ли Вы возможным пересмотреть вопрос об эвакуации или эмиграции академии за французский счет в одну из славянских земель и в Польшу в особенности. С этой целью и в дополнение к тому, что очень бегло я сказал на собрании чинов академии 11 марта, позволю себе подробнее и систематически развить свои соображения, которые тогда, 11 марта, не встретили отклика.

1. Достаточно ли с этической стороны правомочны случайно оказавшиеся в Харбине 4–6 профессоров и 2–3 преподавателя именовать себя конференцией академии и говорить от лица ее? Если признать за ними право говорить от лица всей академии, то такое же право нельзя будет отрицать от собрания, представленного Медведевым, Болдыревым, Иностранцевым и Антоновичем, сравнительный удельный вес научности которых, конечно, учитываем быть не может, но, несомненно, подкрепляется наличием при них библиотеки и иму-

¹⁵²³ НИА. Vrangel Collection. Box 113. Folder 21.

¹⁵²⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1621. Л. 27.

¹⁵²⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 63. Л. 125.

щества академии. Его, т.е. имущество, никто не может у них взять иначе как силою, потому что в этом отношении харбинская группа никаких преимуществ перед владивостокской не имеет, наоборот, по принципу *beati possidentes*¹⁵²⁶ они у последней. А если ей поставить в укор сотрудничество с враждебной нашей государственности партией, то ведь в пассиве всей харбинской группы имеется сотрудничество с еще более враждебной партией — большевистской.

2. Пока имущество академии остается во Владивостоке, ему решительно никакая опасность не грозит, ибо даже ярые большевики не уподобили себя султану Омару и не сожгли ни одной научной библиотеки¹⁵²⁷. Уж если где есть опасность, то скорее от перевозки библиотеки вообще и морем в особенности.

3. Если библиотека не будет вывезена, а в этом сомневаться нельзя, то можно ли говорить (и брать на себя обязательства за одолжение и расходы) о спасении высоко культурного научного учреждения; речь должна идти о персональном спасении нескольких человек из числа бывшей конференции академии и их семейств, и притом спасении не от опасности, которой нет, а может быть, и не будет, а от возможности остаться без получения жалованья, что испытало, испытывает и еще испытает огромное большинство бывшей нашей армии. Если это так, то тон и мотивировка просьбы к генералу Жанену не соответствуют истинному положению вещей.

4. Из числа принявших решение обратиться к генералу Жанену и к полякам, кажется, один генерал Сурин знает, какой ужас творился в наших эшелонах, брошенных на расправу красным на всем пути от Омска до Красноярска. А ведь все эти эшелоны были брошены исключительно благодаря чехам и полякам, возглавлявшимся генералом Жаненом. Неужели же кровь убитых и замученных в эшелонах при посланных полураздетыми на Судженские и Черемховские копи офицеров, солдат, женщин и детей не отвратила конференцию академии от того, чтобы обращаться с просьбой чисто личного характера к косвенному (Жанену) и прямым (полякам) участникам пролития этой крови и разгрома нашей государственной и частной собственности? Разве не знали участники совещания, что в то время, как все или почти все ехавшие из Омска в наших эшелонах потеряли все, что успели погрузить из жалких остатков своего имущества, чехи и поляки везли целые поезда награбленного у нас добра, и их солдаты по 4 человека с русскими бабами и с пианино сидели в теплушках, тогда как наша интеллигенция с детьми ютилась по 20–25 человек на теплушку?

Спросите у бывшего министра путей сообщения Устругова, как держал себя представитель польского командования на последнем заседании у главнокомандующего Каппеля, заседании, устроенном не нами, а англичанами, чтобы помочь нам, и Вы тогда оцените чувство если не всех, то многих поляков, которым Вы собираетесь читать лекции в Варшаве.

Спросите у бывших в [19]18–[19]19 годах во Франции, как нашим офицерам в форме кричали на улицах “*sale boche*”¹⁵²⁸ и как обращаются там же с застрявшими во Франции нашими солдатами, и у Вас пропадет охота просить что-либо у французов.

Я уже говорил на собрании, как в мае–июне 1919 года в Варшаве ходили наши офицеры, спасшиеся из Киева, в валенках, папахах и в лохмотьях и не находилось ни государствен-

¹⁵²⁶ Счастливы владеющие (*лат.*).

¹⁵²⁷ Имеется в виду уничтожение Александрийской библиотеки.

¹⁵²⁸ *Sale boche* (*фр.*) — грязный фриц (немец).

ного, ни благотворительного польского учреждения, чтобы помочь им. А сожженные и разграбленные поляками в Сибири села ничего Вам не говорят?

5. По словам генерала Андогского на собрании 11 марта, поляки обуславливают свою помощь академии признанием независимости Польши. Условие совершенно абсурдное, ибо сейчас нет и власти, которая могла бы удовлетворить их желание, которое, впрочем, было удовлетворено и Временным правительством, и адмиралом Колчаком, и большевиками. Но допустим, что они приняли бы академию и без гарантии независимости и взяли бы ее на содержание за то, чтобы просвещала офицеров их новой армии. Можете ли Вы поручиться, что подготовленные Вами польские офицеры не будут через 2–3 года сражаться с нами, когда поляки вспомнят Андрусовское и другие перемирия и пойдут брать Смоленск и Киев[?] Если это случится, в каком положении перед своей армией окажется тогда академия, взявшаяся учить противника по своему почину, а не так, как это бывает, когда роль учительницы, например, в отношении Болгарии может повториться с любой славянской державой.

Наконец, конференция в ее целом или отдельных ее членов может держаться какой угодно внешней политической ориентировки, не оказывая тем ни малейшего влияния на политику правительства. А что если в будущем это последнее по окончании революции или еще в продолжение ее примет германскую ориентацию и двинет свою армию в Польшу, а немцы — в Чехию, Югославию, в каком тогда положении будут русские профессора, читающие лекции в одной из этих стран или просто живущие там на чужом иждивении[?] Придется с кафедры прямо в концентрационный лагерь переходить.

6. Я очень сожалею, что не присутствовал на том заседании, когда было решено направить делегацию к генералу Жанену, ибо я в согласии с генералом Рябиковым и, кажется, с генералом Суриным (с которым условливался в дороге) внес бы предложение о выражении генералу Жанену порицания, лишении его академического значка, данного конференцией, и о сообщении об этом во французскую академию и нашим бывшим союзникам за все им содеянное и за адмирала Колчака в особенности, которого он должен был отстаивать перед подчиненными ему чехами, хотя бы угрозой, что они доберутся до того лишь через его труп; вместо этого он умыл руки, уехав в Верхнеудинск.

Конечно, по недоразумению Вы возражали мне, что главнокомандующий должен находиться в тылу. Это ведь правило касается театра военных действий и не может относиться к начальнику войск, сидящих в эшелонах и грабящих и насилующих страну, по которой идут.

Если академия так предупредительно благодарила особой делегацией генерала Жанена за проезд одного генерала Сурина в чешских и французских эшелонах, то еще с большим правом она (если бы не искала повода завязать дружеские переговоры) обязана была обратиться хотя бы с выражением удивления по поводу того, что чехи и французы безжалостно выбрасывали из своих эшелонов приютившихся у них, как у так называемых союзников, сотни наших офицеров, из коих многие прямо из эшелона попадали на расстрел.

7. В переживаемое нами бесконечно тяжелое время, когда нервы напряжены до крайности, воля и жажда борьбы ослабели, а страх за завтрашний день растет, кресцендно¹⁵²⁹, было бы тяжелым грехом укорять отдельных лиц за приспособляемость и за то, что некоторые не устаивают и идут на компромиссы. Но такой взгляд, по-моему, не приложим к учреждениям, особенно могущим претендовать на авторитетность, как, например, наша академия. А меж-

¹⁵²⁹ Кресцендно (от лат. *искаж.* *crescendo*) — увеличиваясь.

ду тем начиная с 1917 года она только и делает, что приспособляется и живет компромиссами. Началось это с беспричинного увольнения от должности Петерса. Потом явился раут с приглашенными на него Кропоткиным, Церетели, Авксентьевым и другими проходимцами господствовавшей тогда партии, которых, конечно, не могло нейтрализовать присутствие Родзянки. Значительная компромиссность была выявлена академией при первых выборах, которые, наверное, не послужат добрым примером в будущем, а апогея приспособляемости [академия] достигла при большевиках. Тогда прямой ход был сложить имущество в ящики и закрыть академию по случаю прекращения существования армии, а учебному персоналу идти на частные места или торговать газетами. Вместо этого был выдвинут компромисс о необходимости спасти для будущей армии и дела 200–300 офицеров, и началось искание по России дешевого хлеба и хороших квартир. Этот компромисс и привел к тому, что хотя и недолго, а все же всему здешнему составу профессоров академии пришлось читать лекции или иметь дело с лохматыми красноармейцами — коммунистами, да и сейчас эти лекции и продолжались бы в Москве, если бы не выручил в Казани случайный успех чехов. Этот успех академия, имевшая в своем составе многих из бывших на германской войне командирами полков, могла бы использовать по-другому, чем сделала, отправившись в круговой маршрут на Екатеринбург. Может, тогда и не пришлось бы впоследствии продолжать путешествие до Владивостока, ища все время только почвы для насаждения военного образования. Менялись у власти лица и партии, но академия своей позиции приспособлявания не меняла, и даже теперь, когда ехать по русской территории стало некуда и обучать тоже некого, академия нашла выход: и ехать куда угодно, и обучать кого угодно. Такой страсти в своем целом составе к передвижению не обнаруживало за время революции ни одно учреждение, почему на заседании 11 марта я и позволил себе сравнить академию с блуждающей почкой. Но и теперь по достаточном размышлении я не могу отказаться от этих слов, как и от других мною сказанных, что действительной ценностью академии является ее библиотека, а не личный состав с тех пор, как он рассыпался по всей России: кто у Деникина, кто в Совдепии, кто в Лондоне, на Маниле, во Владивостоке, в Харбине. Ведь не принимались же меры к тому, чтобы вывезти, например, из Петрограда Байова, Елчанинова и других, хотя бы через датский Красный Крест, почему же теперь харбинская группа считает себя вправе начинать переговоры с иностранными государствами, даже не спрашивая об этом свою государственную власть, на которую, тем не менее, некоторые обязательства своими переговорами накладывает? И почему бы академии не подождать решения вопроса об эмиграции для всей армии, к составу которой она принадлежит, и зачем спешить поступать на чужое содержание, даже возможных будущих врагов, когда можно еще жить на своем; я вполне понимаю, что можно дойти до такого состояния духа, когда будешь говорить, как один говорил 11 марта, что если все пойдут в Канаду, то он в Аргентину, а если все в Аргентину, то он пойдет в Канаду. Но такое настроение, казалось бы, допустимо для отдельных лиц, но не для целого учреждения, никогда автономным не бывшего. А что касается до допущения, что французы могут вывезти академию и к Деникину, то едва ли в осуществимость его верят и желают и сами говорившие об этом.

8. На заседании 11 марта я плохо усвоил себе, кто предлагает вместе с академией вывезти и офицеров Генерального штаба, т.е. генерал Жанен или сама академия. Думается, однако, что чья бы ни была тут инициатива, она все же неудачна. Если академия уедет до возможного нашего краха, то отъезд офицеров Генерального штаба, состоящих на должностях, не-

допустим, а если после краха, то такой привилегированный отъезд произведет удручающее впечатление на остальных офицеров, увидящих, что Генеральный штаб в своей массе не желает разделить общую участь, как делил ее тогда, когда сепаратно податься ему было некуда. В данном случае уж лучше академии продолжать приспособляться в одиночку, не увлекая за собою других.

Все вышеприведенное я Вам изложил вовсе не для полемики и не для того, чтобы наговорить неприятных слов (все равно рано или поздно их скажут другие и в более резкой форме), а исключительно с целью, чтобы мне или веско (без софизмов 11 марта) указали, что я заблуждаюсь, и тогда я тотчас же уйду навсегда из академии, чем заглажу свою вину, или же согласились бы со мной и уведомили ген. Жанена и поляков, что просьбу свою берете обратно. Я считаю последнее важным не только с принципиальной стороны, но также и с практической: все равно ведь французы за свой счет не повезут, тем менее поляки, следовательно, известного рода унижение, которое Вы на себя уже приняли, явится бесполезным.

Вместе с тем я от души желаю, чтобы всем желающим уехать это удалось наилучшим образом, но академии как учреждению, я продолжаю думать, не дозлеет ставить себе штемпель там, где от этого не может произойти ничего иного, кроме ущерба нашему национальному и военному самолюбию»¹⁵³⁰.

Письмо Филатьева проникнуто глубокими переживаниями за судьбу родины и академии. Последняя рисковала оказаться во враждебных национальным интересам России руках — например, у поляков. Письмо содержало справедливые и во многом пророческие суждения — например, о русских эмигрантах, оказавшихся между СССР и нацистской Германией, о том, что им в случае войны придется отправиться в концлагеря (как и произошло). Филатьев осудил политику компромиссов, проводившуюся академическим начальством на протяжении 1917–1920 гг. По его мнению, лучше было бы вовсе закрыть академию с демобилизацией старой армии. В принципе, такой вариант был вероятен. Однако Филатьев не учел сложности и неоднозначности обстановки начала 1918 г., обязательств академии по подготовке ранее набранных слушателей ускоренных курсов, а также возможные препятствия к закрытию академии со стороны руководства Советской России.

Филатьев считал, что ценной в академии является только ее библиотека, тогда как в остальном учреждение утратило свое значение. В то же время генерал не учитывал тот факт, что в составе учреждения с развитой инфраструктурой, собственными запасами имущества, при наличии высокого авторитета в военной элите антибольшевистского лагеря, академии и ее сотрудникам было гораздо проще выжить в катастрофических условиях всеобщей разрухи и Гражданской войны. Осуждая курс руководства академии, Филатьев не предлагал реальной альтернативы тем самым компромиссам, лавированию и приспособленчеству, которыми отличался начальник академии Андогский, но которые при кажущейся беспринципности таких действий, тем не менее, позволили академии пережить русское лихолетье практически безболезненно и сохранить себя для будущей России. Как бы то ни было, ни польский, ни французский вариант эвакуации академии не осуществились. Национального унижения не произошло.

О харбинском периоде истории академии известно немного. Есть сведения о том, что начальник академии генерал А.И. Андогский сотрудничал с харбинской газетой «Свет».

¹⁵³⁰ BAR. Anton Ivanovich and Kseniia Vasil'evna Denikin Papers. Box 22.

Из Харбина Андогский вместе с генералом П.Ф. Рябиковым по поручению атамана Г.М. Семенова (по другим документам, по решению конференции академии) ездил в Пекин, где встречался с русским послом князем Н.А. Кудашевым. По косвенным данным, среди прочего в условиях политической нестабильности в Приморье обсуждалась возможность эвакуации академии в Японию. Есть данные о том, что еще в 1919 г. Андогский был среди активных сторонников японской военной помощи белым¹⁵³¹. Рябиков же ездил для установления через военного агента в Китае связи с агентами в Европе, а затем уехал в Японию.

Недрузи Андогского, наоборот, заявляли, что генерал жаждал отправиться во Владивосток и даже инициировал вызов туда и телеграмму о том, что неприбытие академии грозит ее начальнику смертной казнью¹⁵³². На самом деле документы не свидетельствуют, что речь шла об инициативе Андогского.

Задержка в Харбине повлекла определенные материальные затруднения, вызвав недовольство и протесты низших служащих академии и рабочих академической типографии. Эти протесты в дальнейшем вылились в серьезную и организованную оппозицию руководству академии. Рабочие и служащие провели общее собрание, на котором избрали особую комиссию уполномоченных третьего эшелона в составе трех работников типографии: бухгалтера Н.А. Гущина, корректора А.К. Заколупина и фактора А.Ф. Баранулько для составления докладной записки начальнику академии по вопросу отправки во Владивосток, где уже находилось их имущество¹⁵³³. Альтернативным решением было возвращение из Владивостока первых двух эшелонов академии. Рабочие постановили отправить делегацию в Приморье.

Андогский поддерживал связь с оказавшимися во Владивостоке сотрудниками и распорядился продолжать разгрузку эшелонов, что намечалось с 6–7 марта. Таким образом, он, видимо, хотел воспрепятствовать возврату эшелонов. Один из лидеров рабочих и служащих академии, Б.М. Чудинов¹⁵³⁴, связался с приморскими большевиками, в том числе с С.Г. Лазо, и добился приказа о приостановке разгрузки в связи с угрозой захвата академии японцами при невозможности ее быстрой эвакуации с Русского острова. Рабочие выступали за отправку академии в Амурскую область. 6 марта неразгруженный эшелон академии, несмотря на

¹⁵³¹ BAR. V.N. Kasatkin Memoirs. Folder 1.

¹⁵³² ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 56об.

¹⁵³³ Сведения об оппозиционерах отрывочны. На 1916 г. Николай Александрович Гущин являлся ратником ополчения 2-го разряда, прикомандированным к академии (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1564. Л. 106). В 1917 г. он состоял в академическом комитете, комитетом академии был делегирован в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1610. Л. 198). Формально Гущин был принят на работу в академию в Томске 6 декабря 1918 г. (ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 5. Л. 51). Работал бухгалтером академической типографии, стал председателем рабочего комитета типографии и членом профсоюза рабочих печатного дела. Андриан Филиппович Баранулько происходил из деревни Пятигорск Лепельского уезда Витебской губернии, в Первую мировую войну был ратником ополчения (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1610. Л. 421). Александр Кузьмич Заколупин был прикомандированным к академической типографии солдатом призыва 1911 г. Происходил из крестьян деревни Жеребцовская Шенкурского уезда Архангельской губернии. Направлен в академию в ноябре 1916 г. из 196-го запасного пехотного полка, в котором служил с марта 1916 г. рядовым и где окончил учебную команду (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1564. Л. 82–83). По данным на 1918 г., служил в 1-м авто-броневом отряде ВЦИК (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1614. Л. 53, 55).

¹⁵³⁴ Борис Михайлович Чудинов родился 15 марта 1892 г. в селе Ильинском Пермской губернии. В академии работал с 1 октября 1918 г. служащим библиотеки (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 63. Л. 138–139).

препятствия академического генералитета, был переведен с тупиковой станции Эгершельд на станцию Первая Речка.

Во второй половине марта Б.М. Чудинов обратился к видному большевику П.С. Парфенову с докладной запиской о реакционных замыслах руководства академии и просил назначить в академию политического уполномоченного, которым стал Н.П. Дагаев. После этого требования отправить третий эшелон во Владивосток стали звучать громче.

Андогский был готов в качестве компромисса отпустить типографских рабочих, куда они хотят. Однако отправке третьего эшелона во Владивосток противилась конференция академии. Особенно усердствовал правитель дел Слижииков. Поняв, что удержать от отправки во Владивосток эшелон не удастся, он заявил, что нужно дождаться возвращения Андогского в Харбин, ожидавшегося 25 марта¹⁵³⁵. Опасаясь самоуправства рабочих, временно руководивший академией генерал Колюбакин запретил начальнику станции Харбин отправлять эшелон без его разрешения¹⁵³⁶.

Пребывание академии во Владивостоке имело как плюсы, так и минусы. С одной стороны, на Русском острове академия могла быть удобно и сравнительно безопасно размещена. С другой стороны, положение Владивостока, в отличие от Харбина, не было стабильным, частые смены режимов не способствовали спокойной атмосфере, необходимой для академической работы и учебы. Но в целом академическое имущество сохранялось в этот период относительно успешно, а типография могла функционировать.

На не вполне ясные обстоятельства истории академии того периода проливают свет дневниковые записи генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева, находившегося во Владивостоке. По свидетельству Болдырева, на 8 февраля 1920 г. в академии «никаких слушателей не оказалось, а из профессуры только старый А.И. Медведев. Начальник академии генерал Андогский с хозяйственной частью и деньгами задержался в Харбине. Решено его отсюда извлечь»¹⁵³⁷. 11 февраля Болдырев записал: «Обсуждали судьбу Военной академии. Сюда докатилось только имущество академии и вся библиотека. Материальную и научную ценность последней и определить трудно»¹⁵³⁸. 14 февраля Болдырев отметил, что послана телеграмма о прибытии эшелонов академии из Харбина во Владивосток. По его наблюдению, «кое-кто из здешних академистов полагает, что ген. Андогский воздержится от поездки во Владивосток. При установлении здесь советской власти ему могут указать, что служба у Колчака не вяжется с его прежним званием начальника Красной академии. Уверяют, что у Андогского есть хвост и в Харбине. Интересно — дотягивается ли этот хвост до Читы. Во всяком случае здешние академисты явно тяготеют к Харбину и только старик Медведев (профессор-статистик) прочно осел на Русском острове»¹⁵³⁹.

Командующий сухопутными и морскими силами Приморской области эсер А.А. Краковецкий 22 марта телеграфировал Медведеву с копией Андогскому: «Приказываю весь состав академии перевести [во] Владивосток. Неисполнение приказа будет караться по закону

¹⁵³⁵ ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 43.

¹⁵³⁶ ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

¹⁵³⁷ *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (Из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.). Ново-николаевск, 1925. С. 309.

¹⁵³⁸ Там же. С. 310. В.Г. Болдыревым при редактировании дневника для публикации опущены слова: «Конечно, страшновато за него [имущество]» (Там же. С. 552).

¹⁵³⁹ Там же. С. 312.

военного времени»¹⁵⁴⁰. Андогский тогда находился в Пекине, а железная дорога бастовала. По всей видимости, у начальника академии уже не было выбора, так как большая часть вверенного ему учреждения находилась во Владивостоке. По возвращении в Харбин Андогский стал готовить переезд последнего эшелона во Владивосток, что было запланировано еще осенью 1919 г. Представителю газеты «Свет» он объяснил необходимость отъезда безнадёжностью положения атамана Г.М. Семенова, решением профессоров академии и требованиями наборщиков академической типографии¹⁵⁴¹. Якобы Андогский даже объявил о переходе на сторону советской власти. В итоге около 27 марта последний эшелон академии отправился во Владивосток, куда прибыл 30 марта, остановившись на станции Владивосток. В эшелоне ехали 70 служащих академии и члены их семей¹⁵⁴².

* * *

Владивостокские власти имели свои виды на академию. 23 марта Краковецкий приказал профессору Медведеву остановить разгрузку эшелонов академии, а незгруженные вагоны отправить в Благовещенск с представителем академии, приготовив выгруженное имущество к отправке¹⁵⁴³. Далее академию предлагалось отправить в центр России. Типографию академии предполагалось оставить во Владивостоке.

Правитель дел владивостокской части академии генерал А.Т. Антонович, не понимая смысла этих распоряжений, записал в дневнике: «Чем вызвана эвакуация? Общим ли политическим положением, т.е. возможностью оккупации Приморской области японцами? Или принятая мера — репрессия по отношению к академии за сидящих в бесте¹⁵⁴⁴ в Харбине? Если учесть все слухи о возможности и вероятности оккупации японцами, наблюдаемое их безостановочное усиление и увеличение вооруженных сил в области, слухи об эвакуации других учреждений, то вывод, пожалуй, один — спасайтесь от японцев. Предположение подтверждается только что услышанным мною от офицера: напряженность в центральных военных учреждениях, изменчивость принимаемых решений. Например, была заготовлена телеграмма о разгрузке академических вагонов и отправке их для этого на Эгершельд, и вдруг — изменение: послана телеграмма об эвакуации. Обстановка запутанная. Центральная советская власть стремится избежать вооруженного столкновения, указывает разрешить вопрос мирным путем. С этим солидарна и местная власть. Но партизаны — главная вооруженная сила — жаждут крови и держат себя вызывающе. По-видимому, мы близки к новым событиям, но не внутреннего характера, а к тем, которые несут колоссальный ущерб России; событиям, последствием которых будет потеря Россией Приморской области. Японцы начинают шевелиться»¹⁵⁴⁵.

Переговоры с администрацией академии во Владивостоке о переезде в Благовещенск и далее в Москву по поручению партийных органов 19 марта возглавил большевик П.С. Парфенов, считавший академическое начальство контрреволюционным. По мнению Парфенова, «личный состав академии, начиная с начала 1918 г., принимал самое активное участие в борьбе с советской властью, и особенно начальник академии генерал Андогский. Он обман-

¹⁵⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.

¹⁵⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 53об.

¹⁵⁴² ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 4. Л. 37об.

¹⁵⁴³ Дневник генерала Антоновича. С. 405.

¹⁵⁴⁴ Бест — укрытие, убежище.

¹⁵⁴⁵ Дневник генерала Антоновича. С. 405–406.

ным образом увез имущество академии в Екатеринбург, в связи с предполагаемым захватом немцами Петрограда. Лястя Троцкому и Бонч-Бруевичу и для “виду” выполняя некоторые их задания (Андогский ездил в Брест экспертом), он в то же время находился в самых тесных сношениях с белыми подпольными организациями и, как только на Урале и в Сибири началась Гражданская война, перешел на сторону белых открыто.

При Сибирском правительстве и у Колчака Андогский и виднейшие профессора академии — Рябиков, Антонович, Сурин, Колюбакин и др. — находились также на самой ответственной военно-административной и оперативной работе.

Все это теперь решено было забыть, если они согласятся эвакуироваться вместе с имуществом академии»¹⁵⁴⁶.

До приезда Андогского Парфенов вел переговоры с его заместителем генералом Медведевым. Однако академическое руководство не стремилось к очередному переезду, зато инициативу поддержали типографские служащие. Разгрузка имущества была прекращена. Парфенов вспоминал: «Академики встревожились. Они понимали, что без академического имущества многим из них — грош цена, и потому начали насаждать на своих товарищей, работающих в земском правительстве и в Военном совете, а те, в свою очередь, — на членов правительства и Военный совет»¹⁵⁴⁷.

Понимая, что бессмысленные переезды угрожают разбазариванием или гибелью бесценных собраний академии, в дело вмешался экстраординарный профессор академии В.Г. Болдырев. 24 марта он направил Краковецкому весьма срочное послание, в котором писал: «Ввиду предположения о перемещении академии Генерального штаба, ныне находящейся во Владивостоке, на Русском острове, как один из профессоров академии, считаю непрременным долгом высказать нижеследующие соображения:

1. Библиотека академии в связи с обширным складом учебных пособий представляется огромной ценностью и редким национальным имуществом России, а посему сохранение его в целостности является долгом той власти, на территории которой это имущество осталось.

2. В настоящее время имущество это, за исключением части его, находящейся в Харбине, находится на Русском острове в отличных помещениях, гарантирующих его от порчи и хищения. При имуществе этом имеется часть учебно-административного состава, располагающего средствами как по охране этого имущества, так и по непрерывному учету.

3. Всякое передвижение сопряжено с неизменной порчей упаковки, а учитывая современные средства транспорта, особенно при движении по Амурской дороге, можно предполагать возможность приостановки этого имущества где-либо в пути, не гарантированной от всяких случайностей, угрожающей целостности имущества.

4. Перемещение академии в Хабаровск или особенно в Благовещенск диктуется, видимо, опасением захвата академии при возможности политических осложнений, причем указывается, что с академией, может быть, произойдет то же, что и с Военно-топографическим отделом в Хабаровске. Аналогия не вполне правильная. Имущество Военно-топографического отдела, топографические принадлежности [имеют] исключительно военное значение; захват его не только передает в руки захвативших его б[ольшей] ч[астью] секретный военный материал, но и лишает нас весьма ценного пособия в деле обороны нашей охраны

¹⁵⁴⁶ Парфенов П. На соглашательских фронтах. М., 1932. С. 22.

¹⁵⁴⁷ Там же. С. 23.

(страны), т.е. ослабляет нашу боеспособность. Ничего подобного не представляет имущество академии. Весьма ценные книги и даже пособия в большинстве являются достоянием военных академий всех держав. Часть книг, конечно, представляется ее библиографической редкостью, и похищение их являлось бы простым грабежом ценных, но не имеющих значения в военном отношении предметов; что едва ли допустимо.

5. Наиболее целесообразным было бы временно оставить академию здесь, при первой возможности перебросить ее в Иркутск и далее в Петроград, что, конечно, легче сделать через Харбин, воспользовавшись в крайнем случае чешскими отправлениями в Забайкалье до Верхнеудинска, чем загонять ее на Амурскую дорогу при крайне слабой прово[зо]способности этой дороги.

6. Новая перевозка академии, ныне находящейся на Русском острове, кроме неизбежной порчи имущества, будет стоить и огромных непроизводительных расходов.

7. Безопасность временного оставления академии во Владивостоке в крайнем случае гарантируется от посягательств со стороны наличием здесь иностранного консульского корпуса.

Ввиду изложенного полагал бы настоятельно необходимым оставить академию в ныне занимаемых вполне удобных и гарантирующих от порчи помещениях¹⁵⁴⁸ на Русском острове¹⁵⁴⁹.

Болдырев, по свидетельству П.С. Парфенова, вел переговоры по этому вопросу и с другими большевистскими руководящими работниками — уполномоченным РСФСР на Дальнем Востоке В.Д. Виленским-Сибиряковым (интересно, что он впоследствии стал комиссаром академии Генштаба РККА), заместителем председателя Военного совета Приморской областной земской управы С.Г. Лазо, председателем Дальневосточного крайкома РКП(б) П.М. Никифоровым. В результате вопрос об академии оказался на повестке дня Дальневосточного краевого партийного комитета. Впрочем, решено было планов эвакуации академии не менять, а ее типографию передать амурскому партийному комитету, настойчиво просившему об этом для издания газеты¹⁵⁵⁰.

31 марта во Владивосток прибыл третий эшелон академии с канцелярией и документами учебно-административного состава¹⁵⁵¹. В связи с подготовкой отправки академии в Благовещенск приказом сухопутным и морским силам Приморской области от 31 марта 1920 г. была назначена комиссия для проверки имущества академии под председательством П.С. Парфенова, в составе Н.П. Дагаева, Н.А. Гущина и Б.М. Чудинова. Двое последних, как видим, играли определенную роль в академии в качестве неформальных лидеров ее низших служащих и антагонистов начальства. Проверки должны были пройти на Русском острове, где разместилась академия, и на железнодорожной станции Первая Речка, где стояли эшелоны академии и неразгруженное имущество.

Детальной проверки решено было не проводить, ограничившись в связи с реэвакуацией академии проверкой при выгрузке из зданий Русского острова, при обнаружении поврежде-

¹⁵⁴⁸ В документе несогласованно: *помещений*.

¹⁵⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 26–26об. П.С. Парфенов в своих воспоминаниях почему-то указал, что письмо Болдырева было адресовано ему (*Парфенов П. На соглашательских фронтах. С. 23*). В этой связи можно предположить, что Болдырев разослал письмо нескольким адресатам.

¹⁵⁵⁰ *Парфенов П. На соглашательских фронтах. С. 25*.

¹⁵⁵¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 589.

ний и исчезновения имущества предполагалось составлять акты. В приказе содержалось и оскорбительное для персонала академии требование проверить частное имущество эшелонов академии на предмет наличия государственного имущества¹⁵⁵². Члены комиссии воспринимали академическое начальство как приспособленцев и относились к нему отрицательно.

По свидетельству А.Т. Антоновича, «академия треплется как ладя в открытом море; переживает четвертую эвакуацию. Но эта, четвертая, хуже других: состав внутри нее раскололся, часть — в Харбине, что-то предпринимает и плетет, часть — здесь действует открыто, безо всякой дипломатии, по национальной совести. Если учесть все, что слышал сегодня, 24 марта, т.е. о возможности оккупации и о совместных действиях Японии и Польши, то с уверенностью можно сказать: ответа от А.И. Андогского не будет, а если они все на свободе, будут выжидать в расчете соединиться с имуществом здесь, во Владивостоке.

Что же дальше? Неужели ценное государственное академическое имущество, имеющее историческое значение, попадет в руки японцев? Вопрос чрезвычайно усложняется. Думаю, что выход теперь один — подготовить международный фланг, сдать имущество под охрану международной комиссии и, так сказать, нейтрализовать положение. Если, не дай Бог, случится оккупация Японии, мы — преступники перед Родиной, не сумевшие сберечь ее достояние. Жаль, очень жаль, что нет у нас единения, крепкой спайки. Харбинцы ничего определенного не говорили, отделялись общими фразами и только требовали от нас ориентировки. Говорили, что им виднее. Да, может быть, они правы, но зачем держали нас во тьме? Все, что случится скверного, будет на их совести»¹⁵⁵³. Таким образом, Антонович, видимо, выражавший мнение всего преподавательского состава, попавшего во Владивосток, был патриотически настроен и стремился не допустить захвата академии японцами.

Академическое начальство явно не хотело ехать из Владивостока в Амурскую область и саботировало это распоряжение. В докладе Парфенова Военному совету Временного правительства об имуществе академии от 4 апреля 1920 г. отмечалось, что в 1918 г. эвакуация академии из Петрограда не вызывалась текущим моментом, а была следствием обмана Андогским и Иностранцевым советской власти, что, конечно, не соответствовало действительности. По мнению Парфенова, «в действительности же, будучи в курсе всех дел контрреволюционеров, Андогский и др. действовали в данном случае с заранее обдуманном намерением, имея в виду скорое начало чехословацкого и белогвардейского выступления в Сибири»¹⁵⁵⁴. Парадокс отношения властей к академии заключался в том, что белые обвиняли ее сотрудников во главе с Андогским в большевизме, а красные и «розовые» — в том, что они были белогвардейцами и контрреволюционерами. В этой, казалось бы, безвыходной ситуации только административные и организаторские способности Андогского и его окружения спасли академию от репрессий и разгрома высокоморальными блюстителями абстрактной «чистоты риз».

3 апреля Болдырев написал: «Прибыли эшелоны Военной академии из Харбина. Начальник академии генерал Андогский приезжал приглашать на конференцию академии. На рукаве у него большая красная звезда. Жаловался, что политический уполномоченный при

¹⁵⁵² ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 29–30.

¹⁵⁵³ Дневник генерала Антоновича. С. 406–407.

¹⁵⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 34.

Краковецком требует немедленного отправления академии в Благовещенск, объясняет это интригами младших служащих»¹⁵⁵⁵.

Андогский во Владивостоке нанес визиты местным руководителям. Как иронически вспоминал П.С. Парфенов, посещал он тех, кто «по компетентному мнению его осведомленных коллег, были “помягче” и могли академии “помочь”, но его направляли ко мне»¹⁵⁵⁶.

Представляет интерес беседа Андогского с Парфеновым, состоявшаяся вечером 2 апреля 1920 г. К сожалению, неизвестно, насколько точно ее воспроизвел в своих мемуарах сам Парфенов, но за отсутствием свидетельства Андогского изложение Парфенова является безальтернативным:

«[Андогский:] Здравствуйте, товарищ уполномоченный! Я пришел к вам выяснить вопрос о положении академии, ее личного состава и имущества. Мне сказали, что решение ее судьбы зависит от вас.

[Парфенов:] Здравия желаю, господин генерал! Вы правы — направили вас по адресу. Мне действительно по поручению правительства и военного совета приходится сейчас заниматься вопросом об эвакуации академии из Владивостока. Кое-какие меры мною уже приняты, но окончательно решить вопрос этот мне поручено после переговоров с вами; я имею в виду уговорить вас сопровождать академию лично.

[Андогский:] Тогда вам не надо было вызывать меня из Харбина, там академия была ближе к Петрограду, чем здесь. Мне бы несомненно удалось добиться согласия чехов взять нас под свое покровительство до Иркутска, а быть может, нас, без скандала и “особого воздействия”, пропустил бы и Семенов: как-никак он ведь тоже русский офицер и русский человек, в сохранении академии для России заинтересован...

[Парфенов:] Именно потому главным образом, что вы возлагаете такие большие надежды на Семенова, мы и вызвали вас сюда, а надежды на чехов — безосновательны: их уже нет ни в Иркутске, ни в Верхнеудинске. Кроме того, здесь уже находились два эшелона с имуществом академии, а дорогу через Хабаровск и Амур мы считаем более удобной и целесообразной. Наш план таков: академия, во главе с вами и всем личным составом, едет отсюда до Благовещенска, там задерживается до восстановления прямого сообщения с Россией, а этим временем поможет нам подготовить сотню-другую командиров для Красной армии. Мы теперешнему личному составу академии доверяем, сменять его не будем, только назначим к вам политического уполномоченного и одного-двух преподавателей. Как видите, я говорю с вами вполне откровенно, начистоту. Что вы скажете на это?

[Андогский:] Я отвечу вам с той же откровенностью: недоверие к большевикам у нас, несомненно, еще есть, за такой короткий срок его нельзя было изжить. Но конференция академии, тем не менее, постановила, что дальнейшую свою работу она мыслит только в интересах единства России, пусть даже под советским наименованием; мы стоим за гражданский мир, за прекращение всякой вооруженной борьбы с большевиками. Поэтому работать на Советскую Россию мы не отказываемся, и я уже предлагал товарищам Лазо и Виленскому организовать трехмесячные курсы при академии здесь, во Владивостоке. Мы не будем возражать против назначения в академию вашего политического комиссара и против обновления профессорского состава, но вместе с этим мы решительно возража-

¹⁵⁵⁵ *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты... С. 330.

¹⁵⁵⁶ *Парфенов П.* На соглашательских фронтах. С. 25.

ем против эвакуации нас в Благовещенск. Зачем? Разве здесь не такие же большевики, как и там? Разница ведь только в вывеске: здесь флаг земский, а там исполкомовский, а по существу и там и здесь у власти большевики. Но зато громадная разница в технике, в удобствах: Владивосток — культурнейший центр, здесь к услугам академии специальные учебные помещения, а Благовещенск — глухая, технически отсталая провинция, где даже в мирное время нельзя было организовать приличную учебную команду. Я уж не говорю о том, что двигать академию на Амур по скверной дороге и небезвредно, и будет очень дорого стоить правительству.

[Парфенов:] Очень рад, что мы поняли друг друга в основном; в деталях говорить гораздо легче. Поэтому я буду с вами и дальше вполне откровенным. Вы, очевидно, уже достаточно информированы, надо думать, уже видели Болдырева и Доманевского и знаете, насколько сложна местная обстановка. Каждый день почти у нас происходят стычки с японцами; недавно они убили двух наших красноармейцев, которые принимали от американских солдат охрану Кипарисовского тоннеля, вчера хотели арестовать Краковецкого, когда он делал смотр войскам в Никольске, а сегодня ген. Оой сделал нам ряд предложений в такой форме, которую мы не можем не рассматривать как ультиматум. Американцы, которые их все время сдерживали, на днях уходят совсем, японцы наглеют с каждым днем все больше и больше. Они захватили у нас из-под носа, несмотря на наш решительный протест, помещение бывшего американского штаба, и мы ничего не можем сделать и ютимся вот в бывшем кафешантане. Мы драться с японцами не хотим, идем на всевозможные уступки, но бывает конец ведь всякому терпению! А политика Японии теперь определилась окончательно, и не в нашу пользу — вы это знаете: войск своих с нашей территории они уводить не желают и не говорят, что сделают это в будущем. По всем этим соображениям мы решили базой нашего главного командования сделать Хабаровск и сильнее укрепиться на Амуре. Туда на днях переезжает революционный военный совет, там будут расквартированы все главные управления Красной армии. Там, по всем этим же соображениям, мы намереваемся развернуть и работу академии.

[Андогский:] С обстановкой я знаком, но все же не считаю ее настолько сложной. Японцы активно выступать здесь вряд ли будут, тем более если коммунисты обещают им воздержаться от проведения здесь некоторых советских реформ, особенно в области торговли и партийной пропаганды. Наличие же здесь академии и ее старинный авторитет, наоборот, заставят японское командование сдерживаться, так как существуют некоторые традиции, обязательные для офицеров Генерального штаба всего мира, в том числе и японского. А среди них вообще — немало джентльменов. Поэтому, если даже правительству придется туго в своей мирной политике, оно всегда может рассчитывать на посредничество академии, с мнением которой японцы не могут не считаться. И наоборот, я уверен, что они сразу же заподозрят нехорошее, если вы эвакуируете отсюда академию в другое место. Мне известно, что и Краковецкого японцы задержали потому, что он без предупреждения их, при весьма законспирированной обстановке, приказал увезти из Никольска в Хабаровск девять американских танков: не будь этого, они бы никогда так не поступили. Итак, я считаю, что по всем тем соображениям, которые вы высказали и которые я с[о] своей стороны дополнил, академия должна остаться во Владивостоке и здесь развернуть свою работу.

[Парфенов:] Хотя ваши соображения меня полностью не убедили и отменять работы по эвакуации академии я не буду, но все же вы, несомненно, внесли в этот вопрос новые момен-

ты, которые требуют дополнительного обсуждения. Давайте встретимся здесь завтра и уж тогда окончательно с вами договоримся.

[Андогский:] Итак, до завтра! Надеюсь, что мы еще с вами здесь поработаем. Всего хорошего!»¹⁵⁵⁷

Из беседы следовало, что Андогский готов возобновить работу академии, причем даже в интересах Советской России, но пытался противодействовать отправке в Благовещенск. Объективно такая отправка была для академии и ее сокровищ вредна. К тому же очередная перевозка огромного имущества целого учреждения не могла быть простым делом. В этом смысле стремление Андогского отменить новую эвакуацию вполне понятно и оправданно. При этом контактировавший с японцами Андогский, вполне вероятно, лукавил относительно планов японского командования не выступать во Владивостоке против русской администрации (беседа проходила накануне японского выступления).

Парфенов был поражен осведомленностью собеседника, в том числе в секретных вопросах. В итоге он поручил начальнику разведывательного отдела Ф.Е. Ильяшенко организовать слежку за Андогским. Наблюдение показало, что Андогский продолжительное время консультировался с японскими представителями и посетил множество японских генералов. Об этом же сообщали из академии доверенные лица Парфенова Чудинов и Гушин. Андогский пригласил их к себе и иронически поздравил с отменой эвакуации¹⁵⁵⁸. Как и прежде, академическое руководство успешно проводило политику лавирования в сложной и переменчивой политической обстановке.

Военный совет, вероятно, ознакомившись с докладом Парфенова, распорядился о эвакуации академии в центр Советской России, а первоначально в Благовещенск. При этом лидеры краевых большевиков по вопросу об эвакуации академии высказывали различные мнения. Так, Б.Н. Мельников просил Парфенова повременить с этим. Однако Парфенов сообщил ему о результатах наблюдения за Андогским, после чего было решено отправить один из эшелонов в Амурскую область.

Академия, в которой не велось занятий, на Дальнем Востоке находилась в сокращенном составе, имея только административную, учебную и санитарную часть. Генерал Болдырев считал необходимым 20 старослужащих академии вооружить винтовками и оставить охранять имущество академии¹⁵⁵⁹. Неопределенные метания персонала авторитетного высшего военно-учебного заведения вызывали неудовольствие властей. В итоге П.С. Парфенов подготовил проект приказа по военному и морскому ведомству, содержащий постановление Военного совета о расформировании академии:

«Революционный военный совет постановил:

§ 1

Академию Генерального штаба расформировать. Начальника академии, профессоров, преподавателей и весь командный состав академии по сдаче ими дел ликвидационной комиссии зачислить в резерв чинов штаба войск, впредь до откомандирования их в войсковые части распоряжением штаба командующего вооруженными силами.

¹⁵⁵⁷ Там же. С. 25–29. С некоторыми отличиями непринципиального характера опубликовано в: *Парфенов П.* Переговоры с командованием белых сибирских армий в 1920–1921 гг. (Документы и записки) // Пролетарская революция (Москва–Ленинград). 1926. № 11 (58). С. 156–158.

¹⁵⁵⁸ *Парфенов П.* На соглашательских фронтах. С. 29.

¹⁵⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 37.

§ 2

Служащих и рабочих академии подчинить п[олитическому] уполномоченному при академии и заведывающему эвакуируемым имуществом, впредь до окончания всех работ по учету, ревизии и эвакуации всего имущества.

Примечание: Лицам непризывного возраста, не желающим работать, предоставляется возможность теперь же уволиться на общих в таких случаях основаниях.

§ 3

Для учета имущества и ревизии всех дел академии, эвакуации части ее имущества, как то: фундаментальной библиотеки, архива Освободительной войны и топографических принадлежностей в Москву и типографии в Благовещенск, а также для распределения остающегося имущества по войсковым частям, учреждениям и заведениям, — создать комиссию из представителей культурно-просветительского и учетного отделов Военного совета, главного начальника снабжения и администрации академии под председательством тов. Парфенова, которой немедленно приступить к работе.

Примечание: Комиссии присвоить наименование “Ликвидационная комиссия по делам Николаевской военной академии Генерального штаба”.

§ 4

Для нужд комиссии и выдачи содержания личному составу расформируемой академии в распоряжение председателя комиссии ассигновать три миллиона рублей, под отчет на общих основаниях.

§ 5

Для сопровождения и охраны в дороге эвакуируемого имущества академии командующему вооруженными силами, по соглашению с политуполномоченным, назначить: заведывающего эвакуируемым имуществом, делопроизводителя, начальника эшелона и 25 красноармейцев рядового состава»¹⁵⁶⁰.

3 апреля документ был отправлен в Политбюро на утверждение.

Таким образом, офицеров по расформировании академии предполагалось зачислить в резерв чинов штаба войск впредь до откомандирования в воинские части. Преподавателей планировали отправить в Москву, в распоряжение академии Генштаба РККА. Имущество также подлежало отправке в Москву, а типография — в Благовещенск. На выдачу содержания служащим академии и нужды ликвидационной комиссии должно было быть выдано 3 млн руб. Отpravку первого эшелона, не дожидаясь утверждения приказа, Парфенов наметил на 4 апреля. Сопровождающими назначались Чудинов и Дагаев с вооруженным отрядом.

3 апреля в академии прошло совещание по вопросу о дальнейших действиях. Важное свидетельство о нем, раскрывающее позицию академического руководства в то время, оставил А.Т. Антонович: «Стоит отметить также состоявшийся в субботу в вагоне начальника академии обмен мнений по текущему моменту. Переговоры А.И. Андогского с политическим уполномоченным командующего войсками привели к следующему: библиотека и типография отправляются под руководством бывшего подьесаула Голорыбова с участием Гущина и третьего лица (фамилию не помню) в Советскую Россию через Благовещенск. Весь личный состав остается здесь, во Владивостоке, на усиление; занимаемые в академии

¹⁵⁶⁰ Парфенов П. На соглашательских фронтах. С. 30–31.

должности сохраняются за чинами академии; активные работники будут получать содержание полностью, а пассивные — 80%.

После этой информации, сделанной А.И. Андогским, обменялись взглядами; за исключением одного все пришли к заключению, что нужно выявить русское лицо и перестать скидаться по белу свету. Из слов сидевших в Харбине я вынес впечатление, что там мечтали целым учреждением выехать куда-то за пределы России. Была такая фраза: “Нужно поставить крест на возможности уехать целым учреждением”. Со слов другого члена конференции стало ясно, что обращались за помощью к французам. В конце заседания А.И. Андогский просил участников конференции письменно высказать свое политическое кредо и предоставить ему в 14 час[ов] следующего дня, и мы разошлись. Однако странный результат: кроме меня никто не представил. Я написал, что стою на платформе Приморского областного земства. Хочу объяснить такой поступок членов недостатком внимания.

Отрадно, что национальное чувство восторжествовало, искренне или по безысходности положения, но восторжествовало. Я возвращался удовлетворенный таким результатом, тем более что в национальном духе говорили лица, от которых трудно было [этого] ожидать. На заседании присутствовали:

засл[уженный] проф. ген[ерал]-лейтенант Колюбакин Борис Михайлович,
засл[уженный] проф. ген[ерал]-лейтенант Христиани Григорий Григорьевич,
ординарный проф. нач[альник] академии Андогский Александр Иванович,
ординарный проф. ген[ерал]-майор Коханов Николай Иванович,
шт[атный] преподаватель ген[ерал]-майор Сурин Виктор¹⁵⁶¹ Ильич,

шт[атный] преподаватель полковник Слижиков Аркадий Павлович и я. Отсутствовали экс[тра]орд[инарный] проф. Болдырев (которому [была] послана записка с извещением о конференции), видимо, не пришедший за недостатком времени, и ординарный проф. Иностранцев Мих[аил] Алекс[андрович], подавший в отставку и находящийся пока во Владивостоке. На этом же заседании академии объявили о решении правительства отчислить из академии отсутствующих больше месяца. И такой финал академических скитаний получился, с моей точки зрения, из-за несвоевременного прибытия во Владивосток из Харбина. Это мнение и было высказано мною за завтраком у А.И. Андогского 5 апреля Аркадию Павл[овичу] [Слижинову] и Ал[ександру] Ив[ановичу] [Андогскому], хотя они не разделяют моего мнения, считая (говорил Ал[ександр] Ив[анович]), что Харбин — центр, в котором сосредотачивается вся международная информация, и потому они должны были быть там; но тем не менее я остаюсь при своем мнении. Академия как учебное заведение должна быть аполитична, и члены ее не должны делать политику; во-вторых, если согласиться с необходимостью иметь международную информацию, то это можно было бы сделать иначе — оставить специалиста-информатора, а всем уехать во Владивосток, тем более что власть была приемлемая, с платформой которой, как показало совещание в субботу, все не только мирятся, но и соглашаются. Что же в таком случае удерживало?... Пусть ответ остается при тех, кто там сидел и кто уехал, думаю, что громко им не совсем удобно высказываться. Не этот ли ответ заставил замолчать, когда на заданный мне вопрос, почему я не приехал в Харбин информировать? — я ответил: во-первых, потому, что впечатления слишком субъ-

¹⁵⁶¹ В документе ошибочно: *Викентий*. Далее неточности в именах упоминаемых в цитатах лиц исправляются без оговорок.

ективны, и я не считал себя вправе, чтобы по моей ориентировке принимались решения, а тем более после предупреждения А.И. [Андогского], что решения очень важны; во-вторых, не желал, считал, что если сидят в Харбине и не хотят рисковать собою ради учреждения, то, естественно, я не должен рисковать собою ради личной безопасности сидящих там лиц. Правда, Арк[адий] Павл[ович] [Слижиков] заметил, что в Харбине был личный состав во главе с начальником академии; на что я ответил, что он, Арк[адий] Павл[ович], должен был приехать, а не сидеть и напитываться “международной информацией”. “Почему ты сейчас сидишь здесь, а не поехал на Русский остров?” — Ответа не получил.

После такого обмена мнениями А.И. [Андогский] расстался со мной, как мне показалось, холодно. Я не считаю вправе скрывать то ужасное чувство, которое испытывал и которое оставило неприятный осадок на душе после пережитого за время сидения третьего эшелона академии в Харбине. По-моему, это “сидение” оголило каждого в данный момент, раскрыло зловонные язвы; ни корректного начала, ни человечности в нынешних людях нет.

Наболевшее искало выхода, и я высказал его тем, кто обязан был не заставлять нас, сидящих здесь, во Владивостоке, переживать. Мы были русскими, чуждыми узурпации власти и сепаратизма, в чем нас заподозрили; заботились об общем и целом и принимали удар из-за тех, кто в это время искал “международной информации” для каких-то высших, для нас, маленьких людей, непонятных целей. Не эти ли стремления к получению широкой ориентировки “международного характера” вынудили некоторых членов конференции торопливо уехать за пределы России?... Не лучше ли без высших соображений, а просто, чисто и искренне уметь отвечать за свою прежнюю деятельность, если этого потребуют? Христос учил, но от своего учения не отрекся и, не колеблясь, принял смерть мученика. Первые христиане умирали за идею, потому что служили ей и верили ей, но ничему и никому другому. Мы же, желая быть руководителями, бежим, как только почувствуем личную опасность. Не уважение, а презрение вызывают такие люди. Мы хотим, чтобы простой мужик уразумел идею государственности и умирал за нее, сами же безапелляционно сдаем свои позиции и бежим под защиту... кого? Тех, кто грабил русский народ. Да после этого мы не смеем рассчитывать не только на любовь низшей братии, но даже на снисхождение. Обмельчал человек, утратил моральную упругость и легко входит в сделку с совестью.

Не я один так мыслю. На совещании нашлись единомышленники мои, в этом я не одинок...»¹⁵⁶²

4 апреля Андогский вновь пришел к Парфенову, не желавшему его принимать и передавшему через секретаря В.А. Исаева, что очень занят. Тем не менее Андогский добился аудиенции. Диалог, по версии Парфенова, произошел следующий:

«[Андогский:] Помилуйте, товарищ уполномоченный, мне сейчас передали, что вы угоняете у нас эшелон с самым необходимым для академии имуществом! Чем это вызвано? Ведь кажется, мы с вами договорились? Вы обещали предупредить, согласовать. В вагонах есть личные вещи служащих академии. Никому ничего не объявлено...

[Парфенов:] Эвакуация решена уже больше двух недель. Всем объявлялось, всем предлагалось ехать вместе с имуществом. Все желающие могут ехать и теперь, надо только заявить об этом политуполномоченному при академии. Отправляемое имущество находится в вагонах, оно портится, выгружать его здесь мы считаем нецелесообразным по целому ряду

¹⁵⁶² Дневник генерала Антоновича. С. 415–418.

причин. Наше соглашение остается в силе и в отношении вас персонально; вы можете ехать вместе с имуществом академии со следующим эшелонам; мы даем полную гарантию вашей личной неприкосновенности, а тем более раз вы соглашаетесь работать в дальнейшем для России. Если угодно, можем написать это в письменном виде?

[Андогский:] Да, но все это... так неожиданно. Ведь было решено, что вы обсудите насчет развертывания академии здесь, и вдруг...

[Парфенов:] Обсуждали, думали и решили все-таки эвакуировать. Нашли, что так будет лучше в интересах России. Личных вещей, конечно, не увезем. Это — очевидное недоразумение.

[Андогский:] Итак, значит это решено твердо?

[Парфенов:] Да. Твердо»¹⁵⁶³.

После визита к Парфенову Андогский посетил Медведева, Лазо, Мельникова и Виленского, но ничего не добился. В тот же день Парфенов проверил состояние первого эшелона академии и произнес речь перед красноармейцами. Отправка состава намечалась на 22 часа.

Вечером Парфенов пригласил к себе начальник штаба сухопутных и морских сил генерал В.Н. Доманевский. Как оказалось, в кабинете Доманевского Парфенов ждала третья встреча с Андогским. Беседа, по версии Парфенова, произошла следующая:

«[Доманевский:] Начальник академии к вам с новым предложением. Я думаю, что оно заслуживает внимания, и потому согласился быть посредником.

[Андогский:] Видите ли, товарищ уполномоченный, после утренней беседы с вами я сошелся со своими коллегами. Конференция академии единогласно решила подчиниться вашему распоряжению о выезде в Благовещенск и согласилась на все остальные ваши распоряжения о работе там и о прочем. Но мы просим, поскольку академия есть учреждение всероссийское, чтобы приказ об ее эвакуации на Амур и о развертывании там был подтвержден товарищем Троцким. А то может получиться так: приедем мы в Благовещенск, с вами расстанемся, а местные большевики начнут распоряжаться нами по-своему. Затем мы просим отложить отправление первого эшелона до получения распоряжения Троцкого.

[Парфенов:] Троцкому телеграмму дать можно, только надо сделать это через товарища Виленского, — вы можете обратиться к нему непосредственно. Эшелон задерживать мы не можем ни под каким предлогом. Конференция профессоров академии, а вместе с нею и вы, как я вам уже неоднократно предлагал, можете выехать со вторым эшелонам.

[Андогский:] Ну, а если Троцкий предложит развернуть академию во Владивостоке?

[Парфенов:] Мы ему не подчинимся.

[Андогский:] Однако! Смело сказано!

[Парфенов:] Может быть. Но нам здесь виднее, как лучше поступить»¹⁵⁶⁴.

Андогский ушел взбешенный, демонстративно не подав Парфенову руки. Таким образом, Андогский и профессора академии пытались оттянуть эвакуацию. От возвращения в Советскую Россию академию спасло лишь резкое обострение военно-политической ситуации в Приморье. Попытка вывезти академию в Амурскую область совпала с японским вооруженным выступлением 4–5 апреля 1920 г. Готовившийся к отправке эшелон на станции

¹⁵⁶³ Парфенов П. На соглашательских фронтах. С. 31–32. С некоторыми отличиями непринципиального характера опубликовано в: Парфенов П. Переговоры с командованием белых сибирских армий... С. 159–160.

¹⁵⁶⁴ Парфенов П. На соглашательских фронтах. С. 34–35. С некоторыми отличиями непринципиального характера опубликовано в: Парфенов П. Переговоры с командованием белых сибирских армий... С. 162.

Первая Речка был окружен японцами, охрана разоружена и заменена японской. Разумеется, намечавшаяся большевиками эвакуация оказалась сорвана. Якобы японцы пытались захватить эшелон академии. Избежать захвата помогло обращение профессора Медведева к чехословацкому командующему генералу С. Чечеку с просьбой взять имущество академии под международную охрану. Чехи выставили караул у библиотеки, не позволив завладеть ею японцам¹⁵⁶⁵. В результате этих событий Андогскому пришлось снять красную звезду, а вопрос о реэвакуации отпал.

Для противодействия японцам в академию из Инструкторской школы были присланы винтовки и патроны¹⁵⁶⁶, однако до боев не дошло, и оружие по требованию японцев было сдано. В период выступления японцев оппоненты Андогского затаились. По свидетельству А.Т. Антоновича, «в третьем эшелоне все благополучно, если не считать скрывшихся демократических деятелей Военной академии, бухгалтера типографии Гушина и служащего в ней Заколупина. Эти люди оказались храбрыми только со своими, но остаться после прихода японцев гражданского мужества не хватило; словом — великие люди, но малые дела»¹⁵⁶⁷.

После событий 4–5 апреля русская военная власть в Приморье перешла к представителям академии. Экстраординарный профессор академии генерал Болдырев с 7 апреля стал командующим сухопутными и морскими силами Временного правительства Дальнего Востока, а его начальником штаба 13 апреля стал штатный преподаватель академии генерал Антонович.

22 апреля был издан приказ по академии № 47 с копией приказа сухопутным и морским силам Временного правительства Дальнего Востока, в котором предписывалось: «Впредь до отправления Российской военной академии к месту постоянного квартирования в Петроград, — сосредоточить и разместить распоряжением начальника академии все имущество ее и личный состав на Русском острове в отведенных для академии помещениях в районах 3-го крепостного артиллерийского, 33-го и 36-го [Сибирских стрелковых] полков и Инструкторской школы»¹⁵⁶⁸. Поскольку академия «не будет функционировать по прямому своему назначению», ее состав предполагалось использовать для работы в правительственных учреждениях, а штат вольнонаемных должен был быть сокращен¹⁵⁶⁹.

Младший персонал академической типографии продолжал будировать и после выступления японцев, требуя отправки в Советскую Россию, хотя бы морским путем¹⁵⁷⁰. Н.А. Гушин, Б.М. Чудинов и А.К. Заколупин в этом ключе 20 апреля составили доклад на имя уполномоченного РСФСР на Дальнем Востоке В.Д. Виленского-Сибирякова, обещая свое полное содействие. Впрочем, шансы типографских работников чего-либо добиться в изменившейся обстановке были невелики.

* * *

Судьба имущества академии по-прежнему оставалась неопределенной. По некоторым данным, только внимательность переплетчика академической типографии бывшего латыш-

¹⁵⁶⁵ Дневник генерала Антоновича. С. 414.

¹⁵⁶⁶ Там же.

¹⁵⁶⁷ Там же. С. 410.

¹⁵⁶⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 47. Л. 268.

¹⁵⁶⁹ 26 апреля 1920 г. был утвержден временный сокращенный штат вольнонаемных в составе 30 человек (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 151).

¹⁵⁷⁰ ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.

ского стрелка Г.И. Медниса, прикомандированного к академии еще по данным на 1916 г.¹⁵⁷¹, спасла имущество от разграбления чехословаками, которые использовали на растопку стулья, табуреты и даже наборные доски типографии. Часть неразгруженного имущества оставалась в вагонах, загнанных в пятый тупик шестнадцатого причала во Владивостоке. Продолжавшие борьбу с начальством Баранулько и Гушин даже ездили в командировку для обследования академического имущества. Здания, в которых разместилась академия, находились в крайне запущенном состоянии, во многие окна нужно было вставлять стекла, требовалось убирать мусорные ямы, проводить телефон, приобретать инструмент. К тому же академия расквартировывалась в трех районах, отдаленных друг от друга на несколько верст¹⁵⁷².

Весной–летом 1920 г. имущество академии было перевезено на Русский остров — поросший широколиственными лесами гористый остров в заливе Петра Великого к югу от Владивостока.

Разгрузка 35 вагонов обошлась академии в 41 670 руб. Разгрузка из барж стоила еще 11 900 руб.¹⁵⁷³ По данным на июнь 1920 г., имущество второго эшелона академии на станциях Первая Речка и Владивосток охраняли чехословацкие солдаты 9-го Карла Гавличека Боровского полка. Суточный расход на 7 караульных составлял 2583 руб.¹⁵⁷⁴

За период с 1 января по 1 апреля 1920 г. смета академии (представлена 27 апреля) составляла 5 614 475 руб., а с 1 апреля по 1 июля — 8 984 333 руб.¹⁵⁷⁵ За неимением у правительства средств академия была сокращена на 40% вольнонаемных служащих¹⁵⁷⁶. 26 апреля был утвержден временный сокращенный штат вольнонаемных служащих в размере 30 человек¹⁵⁷⁷. В мае 1920 г. в резерв были переведены Генштаба генерал-майор А.А. Сурнин, полковник А.К. Зиневич и полковник Н.В. Главацкий¹⁵⁷⁸. Впрочем, они продолжали числиться в академии. К 1 июля 1920 г. в академии состояли налицо 14 человек командно-административного состава, 9 чиновников, 3 врача (по другим данным, врач и 2 фельдшера)¹⁵⁷⁹. После сокращения смета академии существенно снизилась (табл. 20).

¹⁵⁷¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1564. Л. 107.

¹⁵⁷² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 103. Л. 45об.

¹⁵⁷³ ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

¹⁵⁷⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1980. Л. 2.

¹⁵⁷⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 103. Л. 65.

¹⁵⁷⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 38.

¹⁵⁷⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 151.

¹⁵⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 57. Л. 213.

¹⁵⁷⁹ Офицеры и чиновники академии: генерал-майор А.И. Андогский, генерал-лейтенанты: В.Г. Болдырев, Б.М. Колобакин, А.И. Медведев, Г.Г. Христиани; генерал-майоры: А.Т. Антонович, Н.И. Коханов, А.А. Сурнин. Полковники Н.В. Главацкий, А.К. Зиневич, А.П. Слижиков, подполковник К.А. Наумов, ротмистр В.Э. Арнольд, штабс-капитан А.С. Дружинин. Статские советники: Е.Л. Высогорец, Ф.А. Мартынов; коллежские советники: И.И. Гальченко, И.А. Смирнов; коллежский ассессор Ф.С. Саук; коллежские секретари: А.Н. Волков, Д.Е. Мартынов, В.Н. Цытович (ветеран Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., генерал-майор в отставке, числившийся в академической отчетности как военный чиновник и занимавший с 1918 г. пост исполняющего должность помощника библиотекаря академии) и не имеющий чина исполняющий должность заведующего складом учебных пособий М.Н. Чулков (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1633. Л. 60об.). На службу в академию в годы Гражданской войны поступали отставные офицеры, как, например, генерал-майор В.Н. Цытович и генерал от артиллерии Г.С. Осипов (в начале 1919 г. состоял по вольному найму для занятий в библиотеке академии).

Смета академии в 1920–1923 гг.¹⁵⁸⁰

Период	Сумма (руб.)
01.01–01.04.1920	5 614 475
01.04–01.07.1920	8 984 333
01.06–01.09.1920	673 904,75
01.09.1920–01.01.1921	1 222 628
На 1923	31 292

Активную общественную работу вне академии вел начальник академии Андогский. 27 апреля 1920 г. он был назначен председателем комиссии при штабе командующего сухопутными и морскими силами Временного правительства Дальнего Востока для рассмотрения и разработки штатов частей, штабов, учреждений и заведений военного ведомства¹⁵⁸¹. 4 мая Андогский оставил этот пост в связи с назначением председателем главной русско-японской согласительной комиссии, в рамках которой мог контактировать с высшим японским командованием. В состав комиссии также вошел профессор Коханов. В исполнение должности председателя Андогский вступил только 28 июня 1920 г.¹⁵⁸², но уже 15 июля сдал должность. Впрочем, до 16 декабря он значился членом этой комиссии, а затем был освобожден по болезни¹⁵⁸³. К тому же появившиеся в Приморье каппелевцы были против его кандидатуры. По слухам, Андогский наряду с генералом Романовским и атаманом Семеновым был одним из кандидатов на пост генерал-губернатора, если таковой будет создан.

Как начальник академии, Андогский проявлял заботу о подчиненных. В частности, следил за тем, чтобы не было несправедливых дисциплинарных увольнений, препятствовавших дальнейшей службе работников¹⁵⁸⁴. Жизнь большинства оставшихся в академии во Владивостоке сотрудников протекала неспешно. Генерал Сурнин, по свидетельству полковника А.К. Зиневича, на Русском острове продолжал мечтать о восстановлении монархии, но смиренно пилил дрова для квартиры и носил воду. Полковник Н.В. Главацкий получил от большевиков предложение возглавить Благовещенскую инструкторскую школу. Генерал-лейтенант В.Н. Доманевский боролся с душевной болезнью и пьянством, по причине которых едва не задушил жену и дочь, за что его собирались отправить в сумасшедший дом¹⁵⁸⁵. В мае 1921 г. сошел с ума и был уволен вольнонаемный служащий В.М. Сахаров¹⁵⁸⁶. В августе 1921 г. скончался заведующий строевой канцелярией академии статский советник Е.Л. Высогорец¹⁵⁸⁷.

По свидетельству недоброжелателей академического начальства, большевизированных Гущина и Чудинова, «все лето почти весь личный состав, за исключением Андогского, как

¹⁵⁸⁰ Сост. по: РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 103. Л. 47, 65, 96; Д. 114. Л. 53об.–54. Один из периодов (1 июня – 1 сентября 1920 г.) накладывается на предшествующий, что, возможно, связано с сокращением сметы в это время.

¹⁵⁸¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 152.

¹⁵⁸² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 8. Л. 17–19.

¹⁵⁸³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 15.

¹⁵⁸⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 116. Л. 281.

¹⁵⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 57. Л. 213об.

¹⁵⁸⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 76.

¹⁵⁸⁷ Там же. Л. 136.

было выше сказано, состоящего членом японо-русской согласительной комиссии, Коханова и Слижикова, также куда-то и довольно часто ездивших, но куда и зачем — неизвестно, провел в абсолютном ничегонеделании, занимаясь собиранием грибов, рыбной ловлей, свиноводством, птицеводством и другими видами хозяйства, предпринимая экскурсии по острову и получая другие виды дачных удовольствий и развлечений, имея в своем распоряжении автомобиль, экипажи и лошадей, аккуратно получая из государственного казначейства свое содержание, а из интендантства все виды пищевого и вещевого довольствия, ничуть не обременяя себя ни трудом, ни мыслью, [ни] заботами о сохранении “казенного” имущества, которое было в буквальном смысле свалено в сырую, протекавшую сверху и снизу казарму, далеко расположенную от места расквартирования ответственных за это имущество лиц, находясь под присмотром всего нескольких человек.

Только со временем, после детальной ревизии всего имущества академии, можно будет точно установить степень попорченности всей громадной библиотеки, карт и т.д., подвергавшихся влиянию особенностей климата на Русском острове, непрерывным странствованиям из города в город, из помещения в телеги, из телег в вагоны, из вагонов в баржи и т.д., на всем громадном протяжении от Петрограда до Владивостока»¹⁵⁸⁸.

Безусловно, что-то из имущества академии за время многократных эвакуаций было повреждено или утрачено. Однако речь шла о единичных предметах. Так, при вскрытии ящиков с музейным имуществом в апреле 1921 г. часть его оказалась испорчена. При перевозке разлетелся на куски рельефный план Порт-Артура, разбились рельефы по Первой мировой войне, стеклянный портрет. Некоторые книги с площадки вагона на станции Клюквенная были похищены чехословаками из эшелона 6-го Чехословацкого стрелкового полка¹⁵⁸⁹. Сохранившиеся ящики осматривала и учитывала специальная комиссия. В целом же имущество музеев и архива академии не распаковывалось до его возвращения в Москву в 1923 г., что свидетельствует о понимании Андогским и его окружением временного характера пребывания на Русском острове.

В несколько худшем состоянии было имущество склада учебных пособий академии. С октября 1919 г. по июль 1921 г. книги склада хранились в ящиках, в том числе в сыром помещении. Уже в 1919 г. отмечалась большая изношенность пособий. Не хватало книг. К примеру, на курсах 4-й очереди в Томске в 1919 г. выдавали по книге не только на 2–3, но даже на 5–10 слушателей¹⁵⁹⁰.

* * *

В связи с успешным наступлением РККА на польском фронте академическое начальство было готово признать большевиков, но затем вновь вернулось к прежним взглядам. Позиция академического руководства в этот период представляется противоречивой и непоследовательной, как политика лавирования с целью сберечь академию. Возможно, в той ситуации это был единственный способ выживания. Низшие служащие академии считали академическое начальство источником контрреволюционных настроений и полагали, что вывоз академии в центр мог бы даже оздоровить обстановку в Приморье. Генштабисты-эмигранты, наоборот, относили Андогского и его окружение к предателям и пособникам большевиков.

¹⁵⁸⁸ ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 46–46об.

¹⁵⁸⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1657. Л. 140об.

¹⁵⁹⁰ Там же. Л. 144.

Впоследствии генералу Андогскому эмигранты припомнили ряд «прегрешений» за период 1920–1922 гг. Вопрос об Андогском в Харбине даже обсуждала некая «инициативная группа офицеров Генерального штаба» из 10 офицеров 21 июня 1927 г. под председательством генерала С.Н. Люпова¹⁵⁹¹. К продолжению травли подключился ее прежний организатор в 1918–1919 гг. генерал В.В. Рычков. Деятельное участие приняли генералы Н.Г. Володченко и В.Д. Космин. Участникам обсуждения не давало покоя сотрудничество академии с большевиками. Звучали уже ставшие традиционными обвинения в участии Андогского в заключении Брестского мира, в руководстве академией при большевиках, в эвакуации ее в Казань из Екатеринбурга при приближении чехов, в противодействии переходу офицеров (в частности, генерала Матковского) к белым в Екатеринбурге. Касательно дальневосточного периода существования академии Андогскому инкриминировался вывоз академии из Харбина во Владивосток.

Еще более серьезным обвинением была отправка Андогским письма своему однокашнику по академии, учившемуся на курс старше, бывшему генерал-майору Д.К. Лебедеву, который служил в Красной армии. Письмо было отправлено из Владивостока в Москву и датировано 10 июня 1920 г. В июле 1920 г. это письмо в Чите было отобрано при обыске у представителя шведского Красного креста, следовавшего из Владивостока в Москву, и до адресата не дошло¹⁵⁹², а в эмиграции активно использовалось для компрометации Андогского его недоброжелателями¹⁵⁹³.

В этом письме Андогский сообщал о готовности вывезти академию в Россию и писал: «Дорогой Дмитрий Капитонович! Я с имуществом академии и частью личного состава нахожусь с 30 марта с.г. во Владивостоке. Академия — в свернутом и запакованном состоянии расположена на Русском острове в ожидании возможности отправиться в Москву или Петроград.

Как тебе, вероятно, известно, здесь — земское правительство, вошедшее в сношения с Московскою советскою властью. Командующим войсками — В.Г. Болдырев; нач[альник] штаба — А.Т. Антонович. Я — член русско-японской согласительной комиссии, имеющей задачу спасти русское достояние от вождений японцев, являющихся фактическими хозяевами края. Работа — тяжелая, в особенности в нравственном отношении.

С представителем Московского правительства здесь я уже переговорил по всем вопросам переезда в Европейскую Россию. Препятствует — Забайкальская пробка — атаман Семенов, поддерживаемый японцами, ищущими здесь такой власти, которая гарантировала бы им необходимые экономические выгоды. За последнее время у них обнаружилось стремление войти в переговоры непосредственно с Московским правительством.

Не буду рассказывать о всем пережитом за два с лишком года, со времени выезда из Петрограда. Встретимся — поговорим. Горьким опытом узнал людей и испытал то, чего не пришлось бы испытывать в Советской России.

Доставлен был мне советский приказ об открытии академии в Москве, — в свое время целиком написанный моею рукою. — Завидую возможности работать на любимом поприще и жду ее наступления.

Семья моя вся жива и здорова.

¹⁵⁹¹ ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.

¹⁵⁹² ВАР. К.К. Akintievskii Papers. Box 3.

¹⁵⁹³ ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 143. Л. 9.

Все шлем привет Евгении Иеронимовне и тебе.

Будучи в Томске — выдались с семьей Михайленки. До ноября все были здоровы.

Крепко жму твою руку.

Твой А. Андогский.

Если увидишь С.Д. Масловского¹⁵⁹⁴, передай ему привет и скажи, что имущество его и книги все время ездят с нами и до сих пор сохранены.

Журнал твой¹⁵⁹⁵ отдельными номерами доходил сюда»¹⁵⁹⁶.

Возможно, подобное письмо было написано Андогским для подстраховки. С другой стороны, оно свидетельствует о том, что своим призванием Андогский считал педагогическую и организационную работу в академии и завидовал тем возможностям, которые для этого были созданы в Советской России. Опыт сотрудничества с большевиками, видимо, значительно расширил кругозор генерала, дав ему представление о новых методах государственного управления и о том, что большевики были отнюдь не только кровавыми палачами, какими их изображала белая пропаганда. Познал Андогский и горечь предательства бывших сослуживцев, которые в 1918–1919 гг. поспешили откеститься от генерала и заклеили его сотрудничеством с большевиками.

Действия Андогского соответствовали политическим настроениям населения Приморья того времени. Как отмечал генерал-майор П.П. Петров (впрочем, о более позднем периоде 1921–1922 гг.), «приморский обыватель и население относились к правительству и армии или безразлично, или холодно, или даже враждебно. Многие не видели несчастья в том, что придут большевики... даже многочисленные беженцы, скопившиеся во Владивостоке с [19]17 г., не ожидали репрессий со стороны большевиков»¹⁵⁹⁷.

Из письма Андогского следует, что он больше всего опасался захвата ее имущества японцами или вывоза его за пределы России. В обстановке разгрома белых на всех фронтах он не считал недопустимыми контакты с большевиками и передачу в советский центр академического имущества. Не исключено, что впечатление на него произвели открытие в Москве в сжатые сроки академии Генштаба РККА и большая военно-научная работа, которая велась военспецами в Советской России, в частности, в журнале «Военное дело». Однако письмо попало в руки противников Андогского (было перехвачено контрразведкой атамана Г.М. Семенова¹⁵⁹⁸) и было использовано в его травле, поскольку позволяло считать его большевиком не только за кратковременное сотрудничество с красными в первой половине 1918 г., но и в 1920 г., когда Андогский был уже формально реабилитирован в белом лагере.

В день отправки письма Лебедеву, 10 июня 1920 г., Андогский отправил еще одно письмо. Оно было адресовано в Иркутск давнему сотруднику Андогского И.И. Сторожеву, с которым он не виделся с декабря 1919 г. Письмо это также было перехвачено семеновской контрразведкой.

В этом письме Андогский подвел своеобразный итог деятельности академии за полгода и охарактеризовал сотрудников академии: «Схематически жизнь ехавших со мною прошла через следующие испытания: К новому 1920 году мы добрались до Читы, а 9-го января при-

¹⁵⁹⁴ С.Д. Масловский был библиотекарем академии.

¹⁵⁹⁵ Речь идет о журнале «Военное дело», выходившем в Москве.

¹⁵⁹⁶ ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.

¹⁵⁹⁷ Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. С. 198.

¹⁵⁹⁸ ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 143. Л. 9.

10 Июня 1980.

Дорогой
Дмитрий Каликохович!

Я во исполнение Жадели и твоему
личному совету покинул от 30 марта г.
во Владивосток. Жаделия - во северу-
полы и запавахкомъ восприяли расло-
ложка на Русскою Острова въ ожи-
даньи возможности отправиться въ
Мокву или Петроградъ.

Какъ тебе, впрямую, известно, зрютъ
Желекое Правительство, вошедшее въ
слухомъ съ Моквою совѣткою
властью. Командующимъ войсками -
В. Ф. Болдыревъ; нац. глава - Я. М.
Янконовичъ. Я - зрютъ русско-апон-
ской согласительной комисси, илю-
ющей заданью спавать русское довто-
аме отъ вождимъ японцевъ, явля-
ющихся фактическия хозяевами
края. Работа - тяжела, въ особенности,

советской России.

Оставленъ былъ мнѣ советский
приказъ отъ открыли Жадели въ
Мокву. - въ свое время илликотъ кт-
писанный мною рукою. - Завидую
возможности работать на люби-
момъ поприщѣ, къ жду еснабупленія

Своя моя все жива и здорова.
Весь шельмъ привѣтъ Явекъ Го-
рокиловъ и тѣбѣ.

Будучи въ Мокву, - видиши
съ семьей Михайленки. Во конѣ
всѣ они здоровы. -

Крепко жму твою руку.

Твой Я. Андогоский.

Если увидишь С. Ф. Масловскаго, передай
ему привѣтъ и скажи, что исполнение его и
жизни все время здѣсь съ нами в до сихъ
поръ сокращаю. -

Живая твоя, оттолкнули халерами дохо-
дилъ вода. -

въ краснотехнику отхоткики.

Со предостереженьемъ Желекое
правительства здѣсь я уже перегово-
рилъ на всель вопроесъ переезда
въ Европейскую Россию. Препятству-
ель - Забайкальская пробка - ата-
манъ Семеновъ, поддерживаемый
японцами, иущимъ здѣсь такелъ
власти, которая заравлировала - бы
или необходителю, экономически въ -
годы. Во послѣднее время у нихъ оброч-
жилось отвлеченіе войны въ приборокъ
хеловодствемъ съ Москвою въ Про-
вильствомъ. -

Не буду разсказывать съ всель пре-
жилось за два отхоткомъ года, со вре-
мени выезда изъ Петрограда. Попро-
тимаю. - поговоришь. Говоришь она -
твоя, - такъ мнѣ, я илликотъ про,
темъ не про мнѣ - въ желимъ вать - въ

Письмо А.И. Андогоского к Д.К. Лебеву. ГАРФ.
Публикуется впервые

были в Харбин. Так как в это время уже носились слухи о назревающем во Владивостоке перевороте, то эшелон наш задержался в Харбине, где и простоял до половины марта. Ввиду полной запутанности обстановки я в середине марта отправился в Пекин, дабы посоветоваться с представителем всероссийской власти послом кн[язем] Кудашевым. Его совет свелся к тому, чтобы отправиться во Владивосток и подчиниться земскому правительству, которое единственно является приемлемым на Дальнем Востоке. Семенова же решено больше не поддерживать, так как он только компрометирует дело строительства государственного; внутреннюю борьбу надлежит окончить, так как она только ослабляет Россию и закабаляет ее в экономическое рабство иностранцам и т.п. В результате я решил отправиться во Владивосток, куда с эшелоном и прибыл 30-го марта, поливаемый грязью из Харбина.

Но к этим ваннам я уже привык. Первые дни пребывания во Владивостоке омрачились для меня возмутительным фактом: бóльшая часть служителей, типографщики и несколько чиновников (в том числе Высогорец и Мартынов), поверив какому-то проходимцу, явившемуся в академию в качестве политического уполномоченного, порешили, что они будут управлять академией, а я упразднен как контрреволюционер; все ценное в академии (библиотеку, архив) решено было немедленно отправить в Москву под наблюдением трех товарищей (Гущина — бухгалтера типографии и двух других, случайно попавших в академию), а весь профессорский состав как реакционный оставить во Владивостоке! Едва удалось совладать с положением и добиться упразднения политичес[кого] уполномоч[енного] при академии, сосредоточить всю власть в моих руках. Теперь постепенно разгоняю всех бунтовщиков.

Академия (имущество и семьи) расположена на Русском острове — в общем прекрасно. Из профессорско-преподавательского состава со мною находятся только: Колюбакин, Христиани, Медведев, Коханов, Болдырев (он же к[омандую]щий войсками), Антонович (он же — нач[альник] штаба войск), Слижиков. Остальные в разброде: а) Филатьев и Томашевский остались [в] Харбине, отказавшись ехать во Владивосток; б) Рябиков первоначально из страха взял 2-хмесячный отпуск и не поехал во Владивосток, а затем устроился у Филатьева и уехал в Японию; в) Иностранцев, видя, что ему придется отвечать за позорное бегство из Омска, вышел в отставку и уехал с чехами; б)¹⁵⁹⁹ Осипов и Киященко в панике удрали — первый на Яву, а второй — в Японию; в) о Касаткине есть сведения, что он в Чите у Семенова; г) о Богословском, Смелове, Леонове и др. сведений нет. Где Сыромятников? Филатьев и Томашевский на службе у Семенова. Первый получает 2000 иен, а второй 1500 иен в месяц.

Где [А.Ф.] Матковский? Жена его в Харбине. Сын Толя на Русс[ком] острове в корпусе¹⁶⁰⁰. Во Владивостоке полное господство японцев. Наше правительство имеет только моральное значение и располагает только 4250 челов[еками] во всей области. Японцы, видимо, признают роль Семенова оконченной и ищут для него почетного выхода. Правительство Дальнего Востока они склонны поддержать, но добиваются экономических выгод и преимуществ. Все [же] жить пока можно, но самолюбие от полного уничтожения русского достоинства страдает ужасно.

¹⁵⁹⁹ Здесь и далее так в документе.

¹⁶⁰⁰ Речь идет о 1-м Сибирском императора Александра I и Иркутском кадетских корпусах, эвакуированных к тому времени на Русский остров.

Очень прошу тебя найти способ дать сюда полную обо всем ориентировку. Что собою представляет диктатор Смирнов¹⁶⁰¹?

Предполагаю, выждав еще, собираться в Петроград, быть может, даже морем. Очень прошу тебя навести справки в Иркутске (Харбинская улица, 20) у генерала Симонова, где находится его сын полк[овник] Ген[ерального] шт[аба] Андрей Леонидович Симонов (ускорен[ного] выпуска)»¹⁶⁰². Письмо было изъято у адресата при аресте. Если изложенное в нем достоверно и написано искренне, получается, Андогский планировал передать академию большевикам или зондировал почву для этого.

Свидетельство Андогского о постепенном разгоне бунтовщиков в академии подтверждается фактами. После переезда на Русский остров в наступление перешло академическое начальство. Чудинов был уволен «за сокращением штата». 20 ноября 1920 г. за непристойное поведение в отношении личного состава администрации Военной академии был уволен бухгалтер типографии Гушин¹⁶⁰³. Всколыхнувшую академическое «болото» типографию передали в штаб войск.

Обвиняли начальника академии и в отправке телеграммы Л.Д. Троцкому с сообщением о готовности вывезти академию в его распоряжение, однако этот документ пока нами не обнаружен. По свидетельству генерала М.А. Иностранцева, Андогский не скрывал своих связей с большевистским представителем, прибывшим во Владивосток из Москвы¹⁶⁰⁴. Еще одним пунктом обвинения стало умышленное оставление академии во Владивостоке после падения правительства генерала М.К. Дитерихса, а также предательство личного состава академии¹⁶⁰⁵, на чем мы остановимся ниже.

Занимательное для блюстителей нравственной чистоты белых обсуждение продолжалось на собраниях харбинских генштабистов, которые стали их именовать общими собраниями офицеров Генштаба. 29 сентября 1927 г. на такое собрание пришли 27 человек. Задавал тон недоброжелатель Андогского — председательствовавший генерал-лейтенант Н.Г. Володченко, явно занимавшийся сведением счетов. Он сообщил присутствовавшим,

¹⁶⁰¹ Речь идет о председателе Сибирского ревкома Иване Никитиче Смирнове.

¹⁶⁰² BAR. К.К. Akintievskii Papers. Box 3.

¹⁶⁰³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 66. Л. 48; ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 5. Л. 47. Его увольнение по требованию генерала А.Т. Антоновича вызвало протесты. Гушин был председателем рабочего комитета типографии и членом профсоюза рабочих печатного дела. 21 ноября 1920 г. общее собрание рабочих и служащих типографии высказалось против увольнения Гушина, полагая, что его увольняют за критику академического начальства (ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 5. Л. 26). Вопрос об увольнении Гушина готовился, по-видимому, заранее, даже до 9 ноября (Там же. Л. 27). 8 ноября 1920 г. Андогский писал начальнику штаба войск Временного правительства Дальнего Востока Антоновичу: «4-го ноября сего года, во время моего посещения типографии академии на Русском острове — бухгалтер типографии Н.А. Гушин в разговоре по поводу некоторых недоразумений хоз[яйственной] части академии с типографией позволил себе резкую критику служебной деятельности моих помощников по администрации академии, выразившись так: “Вы, А.И., окружили себя дураками”... Весь разговор велся в повышенном тоне. При нем присутствовали: заведывающий типографией К.А. Наумов, фактор типографии А.Ф. Баранулько, корректор А.К. Заколупин. Кроме того, несомненно, он был слышан и многими другими работниками типографии. Докладывая о сем, прошу Ваших распоряжений по сему вопросу заведывающему типографией. Со своей стороны полагаю, что выступления, подобные вышеописанному, совершенно недопустимы среди вольнонаемных типографии. Они безусловно направлены к дискредитированию администрации академии среди рабочих типографии и к нарушению нормальных и спокойных взаимоотношений между нею и рабочими» (Там же. Л. 28).

¹⁶⁰⁴ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 57. Л. 22об.

¹⁶⁰⁵ ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 24об.

что «в Приморье, куда прибыл г. Андогский с личным составом и последними эшелонами академии, царствовал “розовый коммунизм”; военная власть была в руках Военного совета, во главе коего стоял видный местный коммунист Лазо, а членом был другой такой же коммунист Никифоров, представителем СССР¹⁶⁰⁶ (неофициально) был Виленский, тоже видный коммунист... Осовечивание края приняло темп, игнорирующий всякую предосторожность, во Владивостоке производили открыто выборы в совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов... Сам г. Андогский являлся бывшему тогда ком[андующем]у войсками Болдыреву с большой красной звездой на рукаве (о ношении красной звезды упоминается и в книге Галича — “Золотые корабли”¹⁶⁰⁷)... Тот же г. Андогский вел переговоры с Кожевниковым о перевозке академии в Читу. Не входя в разбор письма Лебедеву... приходится указать, что справки из Болдырева и Вегмана¹⁶⁰⁸ имеют характер, уничтожающий малейшую возможность обеления г. Андогского»¹⁶⁰⁹. Поскольку Андогский пользовался достаточным авторитетом, в первую очередь, у своих прежних учеников, собрание закончилось взаимными оскорблениями участников¹⁶¹⁰. Тем не менее фактическую подоплеку обвинения имели.

Речь шла еще об одной попытке академии передаться красным. Она относится к концу 1920 г., когда на Дальнем Востоке временно власть перешла к представителям Дальневосточной республики (ДВР) — Приморскому областному управлению ДВР во главе с В.Г. Антоновым. Сведения об этом крайне отрывочны. По свидетельству Болдырева, относящемуся к концу декабря 1920 г., Андогский действительно беседовал с товарищем министра иностранных дел ДВР И.С. Кожевниковым по вопросу о переброске академии как центрального учреждения в Читу — столицу ДВР. Академии были обещаны правовые и материальные гарантии. Болдырев посоветовал обдумать это предложение и предварительно съездить в Читу, но сам как профессор академии туда ехать не собирался¹⁶¹¹. В эмиграции недоброжелатели Андогского писали о переговорах с чехословаками, которые также якобы вел Андогский для переброски академии в Читу¹⁶¹². По этим сведениям, все, кто не пожелал ехать в Читу, были от академии отчислены по распоряжению командующего частями Народно-революционной армии и партизанскими силами в Приморье А.П. Лепехина, а сама академия не эвакуировалась в Читу только из-за вмешательства японцев.

2 февраля 1921 г. Болдырев побывал у Андогского. По дневниковой записи Болдырева, Андогский «в смущении: из Читы определенного призыва нет, здесь жмут академию военные комиссары, сделавшиеся в сущности полновластными хозяевами положения. Тревожит мысль о финансах и о целесообразности новых “зигзагов”, в которых так искусился почтенный Андогский. К чести его, он делает многое для академии и ухитряется в столь сложное

¹⁶⁰⁶ Так в документе. На самом деле речь идет о событиях 1920 г., произошедших задолго до образования СССР.

¹⁶⁰⁷ В этой книге упоминался «начальник академии — Андогский, с совсем маленькой, совсем крошечной красной звездой. Впрочем, совместив вскоре с должностью начальника академии пост владивостокского городского головы и тайного советника при братьях Меркуловых, он появлялся уже не иначе как в эполетах и широких генеральских лампасах» (Галич Ю. Золотые корабли. Скитания. Рига, 1927. С. 228).

¹⁶⁰⁸ Речь идет о воспоминаниях генерала В.Г. Болдырева с комментариями В.Д. Вегмана, использованных обвинителями Андогского.

¹⁶⁰⁹ ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 31–31об.

¹⁶¹⁰ Там же. Л. 32.

¹⁶¹¹ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты... С. 399.

¹⁶¹² ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 56об.

время кормить и ученый и административный состав подчиненного ему учреждения»¹⁶¹³. Вопрос об эвакуации в Читу сохранял актуальность вплоть до мая 1921 г.¹⁶¹⁴, когда политическая обстановка резко переменилась и академическое начальство стало демонстрировать лояльность новым приморским властям.

Попытки передачи академии большевикам представляют несомненный исторический интерес, как с точки зрения хода событий и взаимодействия сторон Гражданской войны на Дальнем Востоке, так и с точки зрения истории академии в частности и российского Генерального штаба в целом. Безусловно, и в самих этих событиях, и в их изложении участниками немало противоречивого. Если первая попытка отправить академию в Благовещенск и далее в советский центр со всей очевидностью исходила от приморских большевиков и академическое начальство ей противодействовало, то последующие попытки предпринимались уже самим академическим руководством как посредством переписки с прежними сослуживцами в Москве, так и через переговоры с дальневосточными большевиками. Вместе с тем до реального воплощения этих планов дело так и не дошло. Не исключено, что действия академического начальства являлись лишь способом выживания в сложной и неясной обстановке посредством заигрывания со всеми противоборствующими сторонами, дабы обезопасить себя на будущее в условиях политической нестабильности. С приходом к власти Временного Приамурского правительства вопрос об отправке старой Военной академии в Советскую Россию сошел с повестки дня.

* * *

В мае–июне 1920 г. преподаватели наконец разместились на Русском острове. 1 июня 1920 г. туда переселился Андогский, расположившись в сером доме 3-го полка на штабной горе¹⁶¹⁵. Правитель дел Слижиков поселился тогда же неподалеку — в штабном доме. Там же разместились Антонович, Сурин и Христиани¹⁶¹⁶. По данным на январь 1921 г., Андогский жил на пристани «Экипажная», через которую шло сообщение с Владивостоком¹⁶¹⁷. Красный дом на штабной горе заняли служащие академии. Кроме того, академии были отведены Инженерный дом на штабной горе, Школьный дом и красные флигели в 36-м полку, а также флигели в 33-м полку¹⁶¹⁸.

Положение академии и ее начальника было непростым, давало о себе знать японское засилье. 10 июня 1920 г. японцы на несколько часов арестовали двух служащих библиотеки академии (фактора типографии А.Ф. Баранулько и писаря библиотеки Б.И. Рака) за то, что те их не пускали в помещения типографии. Также они нанесли оскорбление библиотекарю академии А.С. Дружинину. Вечером арестованные были отпущены¹⁶¹⁹. Правитель дел академии Слижиков рапортовал начальству, что от того, как разрешится этот инцидент, будет зависеть престиж академии, поскольку игнорирование японцами академического начальства неприемлемо. Андогский 15 июня потребовал в случае необходимости осмотра

¹⁶¹³ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервью... С. 412.

¹⁶¹⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 72. Л. 15.

¹⁶¹⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 47. Л. 293.

¹⁶¹⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1629. Л. 21.

¹⁶¹⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 691.

¹⁶¹⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1629. Л. 21об.

¹⁶¹⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 216.

японцами помещений академии обращаться только к администрации¹⁶²⁰. Через некоторое время и сам начальник академии стал жертвой новых хозяев края. В первых числах февраля 1921 г. Андогского на автомобиле задержал японский взвод у казарм 36-го полка. Генерала отконвоировали к коменданту и пытались задержать со словами: «Ваша русски офицер ходи гауптвахта». Позднее японцы заявили, что ошиблись. Как справедливо отмечал Болдырев, «такие поступки, несомненно, увеличивают кадры сторонников большевиков»¹⁶²¹.

В конце 1920 г. в Приморье стали прибывать части белых, вытесненные из Забайкалья. Формально это была уже не армия, а люди, искавшие пристанища, но в действительности армейская структура сохранилась, хотя командование было вынуждено находиться на нелегальном положении. В результате переворота 26 мая 1921 г. во Владивостоке, совершенного силами армии, было свергнуто пробольшевистское Приморское областное управление ДВР, и к власти пришло Временное Приамурское правительство под председательством С.Д. Меркулова.

О повседневной жизни служащих академии в тот период известно немного. Обеспечение персонала всем необходимым требовало больших затрат¹⁶²².

Цены для сотрудников были на 50% ниже цен городской продовольственной лавки. По данным на февраль 1921 г., только служащим типографии требовалось ежедневно отпустить по 30 фунтов (12 кг) хлеба¹⁶²³. Ситуация облегчалась автономным положением академии и значительными ресурсами, которыми она располагала в обстановке разрухи. Например, в академии были собственные хлебопекарня и продуктовая лавка, легковой автомобиль для служебных нужд, была своя кузница, в июне 1920 г. работников академии обслуживали сразу две амбулатории¹⁶²⁴. Можно было рассчитывать и на некоторую помощь извне. Так, в мае 1920 г. академия получила медикаменты от канадского Красного Креста¹⁶²⁵. С ноября 1921 г. дважды в месяц Владивостокское (Корниловское) военное училище предоставляло работникам академии возможность пользоваться баней¹⁶²⁶.

Бывшие и действующие сотрудники академии нашли себя на политической ниве. В марте 1921 г. генерал А.Т. Антонович, занимавший пост начальника штаба сухопутных и морских сил Приморской областной земской управы, участвовал в съезде несоциалистического населения Дальнего Востока в составе группы прогрессивных демократов. Состав академии участвовал в выборах в Приамурское народное собрание в 1921 г.¹⁶²⁷

Преподаватели занимались научно-педагогической деятельностью. В частности, сотрудничали с военно-исторической комиссией, существовавшей при штабе войск. Слижиков с

¹⁶²⁰ Там же. Л. 219.

¹⁶²¹ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты... С. 413.

¹⁶²² Нормы месячной выдачи на человека в августе 1920 г. составляли: муки второго сорта 5 фунтов, простого помола 10 фунтов, соли 1 фунт, пшеница 1 фунт, масла сливочного 2 фунта, перца 15 золотников, сахара 2 золотника, чая 1/4 фунта, мыла 1 фунт, курительной бумаги 10 листов, спичек 1 пачка, крупы гречневой 5 фунтов, хлеба 3 фунта (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 102. Л. 17). К октябрю 1920 г. выдавалось уже 3 фунта муки на человека, 5 фунтов крупы ядрицы, фунт пшеница, фунт риса, полфунта соли, фунт сливочного масла, фунт сахара. Чины административного состава также получали по 4 1/2 фунта интендантского кускового сала (Там же. Л. 23).

¹⁶²³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1985. Л. 28.

¹⁶²⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 214.

¹⁶²⁵ Там же. Л. 155.

¹⁶²⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 76. Л. 25.

¹⁶²⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 80. Л. 3.

30 октября 1920 г. был командирован на должность начальника военного училища¹⁶²⁸, а в марте 1921 г. наметил публикацию пяти научных трудов по истории Первой мировой войны. Разработку сюжетов истории мировой войны намечали профессора Колюбакин, Медведев и Христиани¹⁶²⁹. Летом 1920 г. было объявлено о публичных лекциях заслуженного ординарного профессора Христиани по темам «Славянская проблема Средней Европы» и «Национальная проблема в Передней Азии»¹⁶³⁰. В июле 1920 г. публичные лекции должны были читать профессор Коханов и Медведев¹⁶³¹. Последний с декабря 1921 г. преподавал в военных училищах Никольска-Уссурийского и Владивостока¹⁶³². Генерал Колюбакин с 1 июня 1921 г. советом Государственного Дальневосточного университета был избран исполняющим должность ординарного профессора по кафедре всеобщей истории¹⁶³³. Приват-доцентом по кафедре статистики населения был избран 8 ноября 1921 г. Христиани¹⁶³⁴. С 1 февраля 1922 г. он был избран исполняющим должность ординарного профессора по кафедре экономической географии¹⁶³⁵. Работа в университете давала дополнительный заработок и другие возможности. Например, группа профессоров университета вместе с Колюбакиным планировала посетить Японию¹⁶³⁶.

Командир II стрелкового корпуса генерал-майор И.С. Смолин и офицеры штаба корпуса из Никольска-Уссурийского осенью 1921 г. просили Андогского и других профессоров академии посетить их гарнизон, в котором более 700 офицеров ждали их «живое слово», и просил прочитать 2–3 лекции на военные, исторические и современные темы. Плата за лекции была оставлена на усмотрение профессоров¹⁶³⁷. Для переговоров в академию был командирован бывший курсовик полковник Наркевич. Колюбакин ответил отказом из-за холодов и занятости, но летом обещал пойти навстречу. В итоге была достигнута договоренность о чтении цикла лекций.

Академия продолжала оставаться центром научной и культурной жизни. Во всяком случае ее высоко ценили недавние союзники. Так, 20 августа 1920 г. командующий чехословацкими войсками на Дальнем Востоке генерал-майор С. Чечек писал Андогскому:

«Ваше превосходительство.

Накануне моего отъезда на родину со своим штабом на пароходе “Президент Грант”, во вторник 24 августа, имею честь выразить Вам, Ваше превосходительство, свою глубокую благодарность за все те услуги, оказанные Вами и г.г. офицерами вверенной Вам академии Чехословацкой армии в Сибири тем, что Вы дали основное воспитание нашим будущим офицерам Генерального штаба.

Надеюсь, что эта дружеская связь, которой наша армия связана с Вами, будет поддерживаться и в будущем и что наши младшие офицеры всегда найдут в Вашей славной своими традициями Военной академии богатый родник своего военного воспитания.

¹⁶²⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 66. Л. 39.

¹⁶²⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1619. Л. 10–13.

¹⁶³⁰ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.

¹⁶³¹ Там же. Л. 2об.

¹⁶³² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1663. Л. 3.

¹⁶³³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 86.

¹⁶³⁴ Там же. Л. 170.

¹⁶³⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 748.

¹⁶³⁶ Там же. Л. 769.

¹⁶³⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1663. Л. 2.

Примите, Ваше превосходительство, уверения в моем к Вам глубоком уважении.

Генерал-майор Чечек»¹⁶³⁸.

Начальник штаба чехословацких войск подполковник О.Я. Моравец, сам окончивший в 1919 г. курс академии в Томске, на следующий день писал Андогскому:

«Ваше превосходительство.

В этих днях штаб чехословацких войск на Дальнем Востоке заканчивает здесь свою работу и уезжает 24 сего августа на пароходе “Президент Грант” на свою родину.

Покидая Россию, считаю своим долгом выразить Вам как Ваш бывший ученик — свою глубокую признательность за дружественное отношение со стороны Вашей и целой профессорской конференции к нам, чехословацким слушателям. Мы все, которые имели возможность под Вашим руководством учиться, сохраним самое лучшее воспоминание за время, проведенное в стенах академии.

Желая Вам и всей академии в будущем много успеха, остаюсь с совершенным почтением.

Начальник штаба Чехосл[овацких] войск на Дальнем Востоке подполковник Моравец»¹⁶³⁹.

13 сентября 1922 г. академию посетил начальник 16-й японской бригады генерал Тани, отметивший, что в академии хранятся большие богатства, которые нужно беречь¹⁶⁴⁰.

Летом 1921 г. в академии числилось 52 служащих, включая вольнонаемных. На неквалифицированных работах использовались китайцы. В документах значились обозные Ли-Мин-Фу и Ван-Шен, дворник Юн-Чжун-Ю¹⁶⁴¹. По данным на сентябрь 1921 г., академия располагала девятью лошадьми, в том числе семью артиллерийскими. Автономной жизнью жила типография академии, которой на февраль 1922 г. заведовал ротмистр Арнгольд. В типографии к этому времени работало 24 сотрудника.

Периодически возникали слухи о возможном открытии академии. В декабре 1919 г. подал рапорт о зачислении в академию поручик И.В. фон Бреверн, воевавший на Юге России¹⁶⁴². Подполковник В.К. Подгорецкий, некогда командированный на курсы штабом Оренбургской армии и проживавший в Харбине, запрашивал по этому поводу правителя дел академии. От Андогского был получен ответ, что «если академия и будет открыта, то только для продолжения образования на старшем классе слушателей, прошедших уже младш[ий] ускор[енный] класс 1, 2, 3 и 4-й очередей, или на дополнительном — окончивших ускоренный старший класс 1 и 2 очередей»¹⁶⁴³. Между прочим, в документах академии сохранились упоминания о намечавшемся на июль 1921 г. открытии академии, которую собирались целиком сосредоточить в районе 36-го Сибирского стрелкового полка¹⁶⁴⁴. Со слушателями академии происходили и некоторые казусы. Например, начальник штаба Румынской военной миссии в Сибири курсовик подполковник А.С. Петровский сообщил в академию, что после гибели Верховного правителя адмирала А.В. Колчака он считал себя подчиненным только Андогскому¹⁶⁴⁵.

¹⁶³⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 47. Л. 337.

¹⁶³⁹ Там же.

¹⁶⁴⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 20. Л. 663.

¹⁶⁴¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1633. Л. 86об., 121.

¹⁶⁴² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 12. Л. 26.

¹⁶⁴³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 10. Л. 195. Подчеркнуто в документе.

¹⁶⁴⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 109. Л. 210.

¹⁶⁴⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 79. Л. 1.

До ноября 1921 г. все служащие считались добровольцами¹⁶⁴⁶. К ноябрю 1921 г. заслуженные ординарные профессора генерал-лейтенанты Колюбакин и Христиани, а также ординарный профессор генерал-лейтенант Медведев, как прослужившие 25 лет на учебной службе, приобрели право на получение учебной пенсии во время состояния их на действительной службе¹⁶⁴⁷. В мирное время для ординарного профессора пенсия составляла 1500 руб. в год, для экстраординарного — 750. Колюбакин и Христиани сверх 25 лет успели выслужить еще по два пятилетия (за каждое прибавляли по 300 руб.) и должны были получать по 2100 руб. в год¹⁶⁴⁸. Медведев выслужил одно пятилетие помимо 25 лет и получал 900 руб. Реально пенсию они получали до октября 1919 г. Однако после эвакуации во Владивосток выдача прекратилась. 20 ноября 1921 г. Андогский обратился с ходатайством к управляющему военно-морским ведомством с тем, чтобы установить для профессоров добавочное содержание, если пенсионный вопрос не решится. Приморская казенная палата ответила только 16 февраля 1922 г., отказав Андогскому под предлогом того, что академия — общегосударственное, а не местное учреждение и на ее содержание местных средств нет¹⁶⁴⁹.

В 1921–1922 гг. Андогский продолжал активную деятельность. Когда правитель дел академии Слижигов был освобожден от должности по прошению, его обязанности временно взял на себя начальник академии. В приказе по академии он отметил: «Приношу Аркадию Павловичу Слижикову глубокую и искреннюю благодарность за его громадные и полезные труды по должности правителя дел, которую он в течение последних полутора лет исполнял с неослабной энергией, — а в особенности за его помощь и работу во время эвакуации академии из Томска во Владивосток и при устройстве ее на новом месте»¹⁶⁵⁰.

В самой академии развернулась внутренняя борьба. Конференция академии решила воспользоваться истечением четырех лет с момента избрания Андогского начальником академии и не избирать его на новый срок. Однако Андогский и из этой ситуации смог удачно выйти. Если верить свидетельствам его недоброжелателей-белоэмигрантов, он обвинил членов конференции в поддержке атамана Г.М. Семенова, в результате чего получил от генерала Г.А. Вержбицкого приказ оставаться во главе академии «впредь до наступления успокоения в России»¹⁶⁵¹.

В начале июня 1922 г. к власти в Приморье пришел генерал-лейтенант М.К. Дитерихс, вскоре избранный правителем Приамурского земского края. Для укрепления своего положе-

¹⁶⁴⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 719.

¹⁶⁴⁷ По дореволюционным правилам профессора и штатные преподаватели академии могли по выслуге 25 лет оставаться при академии еще на 5 лет по достоинству начальника академии и после голосования конференции, после чего в академии с разрешения начальника Генерального штаба могли оставаться лишь те, кто к этому времени не выслужил 35 лет общей службы в офицерских чинах до выслуги этого стажа (Сборник законоположений и распоряжений по службе личного состава корпуса офицеров Генерального штаба с приложением Положения об Императорской Николаевской военной академии / сост. В.В. Нагаев. СПб., 1914. С. 201). В октябре 1917 г. академия попыталась повысить полномочия конференции, чтобы решения о продолжении службы принимались ею, а не начальником Генерального штаба (РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 24. Л. 12). Звания заслуженных ординарных профессоров давались профессорам и преподавателям, прослужившим в должности не менее 10 лет и выслужившим в ней пенсию.

¹⁶⁴⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1653. Л. 1.

¹⁶⁴⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1662. Л. 1, 3, 6, 7–7об., 8, 10–10об.

¹⁶⁵⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 59.

¹⁶⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 57.

ния Андогский вступил во Всероссийский крестьянский союз, причем был избран членом владивостокской Городской думы по списку Всероссийского крестьянского союза от Русского острова — пригородной части Владивостока, где размещалась академия. Затем, «объявив войну старому городскому голове при помощи всегда недовольных засельщиков, Андогский превратился в городского голову, одновременно сохраняя за собой и должность начальника академии»¹⁶⁵². Городским головой Владивостока Андогский стал 5 июля 1922 г. и значился на этом посту до 20 октября. Командующим войсками и флотом Временного Приамурского правительства ему было разрешено при исполнении должности носить военную форму¹⁶⁵³.

Сравнительное материальное благополучие Андогского вызывало зависть, а на фоне его умения приспосабливаться — и ненависть его коллег. Полковник А.К. Зиневич 23 января 1921 г. писал генерал-майору М.А. Иностранцеву, что Андогский недурно устроился на острове, имел прекрасную квартиру в расположении 3-го полка, автомобиль и катер для поездок во Владивосток. Академия не функционировала и пребывала в сокращенном составе¹⁶⁵⁴. Недруги начальника академии отмечали, что теперь он обеспечен в двойном размере по двум должностям, имея два автомобиля, две казенные квартиры и даже сдавая в аренду типографию академии. В это время профессора академии якобы нищенствовали. Разумеется, мы не знаем всех обстоятельств материального обеспечения Андогского, но, во всяком случае, обвинения в том, что он выделялся на фоне профессуры, не соответствуют действительности, так как профессора получали сопоставимое содержание.

Смета ГУГШ на 1923 г. по академии была следующей (табл. 21).

Таблица 21

Смета ГУГШ на 1923 г. по академии¹⁶⁵⁵

Статья расхода	Сумма (руб.)
Содержание личного состава	29 492
Приобретение новых изданий для библиотеки академии	1 200
Ремонт пишущих машин	600
Итого	31 292

Запланированная смета свидетельствовала, что практически никакой работы в самой академии не велось. Что касается типографии академии, то она выполняла частные заказы, в том числе не по профилю академии¹⁶⁵⁶. Например, выгодно было печатать входящие и исходящие журналы для городского книжного склада¹⁶⁵⁷. Подобная коммерческая деятельность давала определенный доход и позволяла выживать в непростое время.

Формально администрация академии подчинялась командующему войсками Временного Приамурского правительства. Начальник академии имел статус командира корпуса (позднее — начальника дивизии), а правитель дел — командира бригады¹⁶⁵⁸. При этом обвинители начальника академии отмечали, что он сотрудничал и с генералом Г.А. Вержбицким,

¹⁶⁵² Там же.

¹⁶⁵³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 773.

¹⁶⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 57. Л. 213.

¹⁶⁵⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 114. Л. 53об.-54.

¹⁶⁵⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 171.

¹⁶⁵⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 76. Л. 36.

¹⁶⁵⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 80. Л. 37.

и с братьями Меркуловыми, и с генералом Дитерихсом, предавая тех, кому служил ранее: «Каждый этап смены власти ему давал несколько тысяч на поездку в Японию. От каждого власть “берущего” он также аккуратно брал»¹⁶⁵⁹.

В 1921–1922 г. генерал Андогский неоднократно бывал в Японии. Первая командировка состоялась с санкции генерала Вержбицкого (ему, как командующему войсками Временного Приамурского правительства, подчинялась академия) и касалась как академических дел, так и специальных вопросов. В Японии обсуждался и вопрос об эвакуации туда академии. Андогский заверял в этом правые общественные круги. В 1922 г. Андогский с 22 апреля по 4 мая ездил в Японию на деньги владивостокской городской думы¹⁶⁶⁰. На время отъезда его подменял генерал Христиани¹⁶⁶¹. 17 мая Андогский снова уехал в Токио, вернувшись 5 июня¹⁶⁶². 23 августа Андогский отправился в Японию как председатель делегации для обращения от имени Земского собора к императорскому японскому правительству, вернувшись 21 сентября¹⁶⁶³. 4 октября Андогский опять уехал в Японию с особым правительственным поручением от правительства Приамурского земского края¹⁶⁶⁴. Во всех случаях его подменял профессор Христиани. Новую командировку он получил от генерала Дитерихса, вел переговоры о продолжении японской интервенции, но в октябре 1922 г. решил не возвращаться во Владивосток и выждать время. 17 октября он прислал телеграмму о подготовке академического имущества к вывозу за границу. Все же 21 октября он объявился во Владивостоке, где затем якобы распорядился о передаче академии советской власти. Есть сведения о том, что и в Китае с послом Кудашевым, и в Японии Андогский обсуждал возможность эвакуации академии. Быть может, эти попытки были недостаточно активны, что позволило сохранить имущество академии в России.

* * *

Академия с ее богатым имуществом была лакомым куском для преступников. Охрана имущества была в 1922 г. вопросом несправедливым, так как на академию было совершено несколько грабительских налетов. Еще в октябре 1920 г. сообщалось о пропаже некоторых книг¹⁶⁶⁵. Однако по-настоящему серьезное хищение случилось только в 1922 г. В ночь на 31 марта 1922 г. произошла первая кража в казарме № 2 в районе 36-го полка. В 12 часов дня служитель Г.И. Кузминцев, посланный в типографию, проходя вдоль здания библиотеки, обнаружил, что верхнее окно средней комнаты разбито и одна из створок приоткрыта. Кузминцев прибежал в канцелярию и доложил об увиденном. В комнате помещались сундуки и ящики с вещами Суворовской церкви и музея, а также академического музея. Несколько ящиков оказалось вскрыто, вещи разбросаны по полу. Исполняющий должность библиотекаря штабс-капитан Дружинин, открывший комнату, немедленно дал знать пунктовому милиционеру и участковому надзирателю, но их не оказалось дома. Тогда Дружинин позвонил помощнику коменданта подполковнику Александрову, который приказал районному коменданту академии спешно провести дознание. Осмотр произвели коллежский ассессор

¹⁶⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 57.

¹⁶⁶⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 39.

¹⁶⁶¹ МРК. Коллекция А.Г. Ефимова. Box 1. Folder 9. С. 86.

¹⁶⁶² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 45, 52.

¹⁶⁶³ Там же. Л. 79, 91.

¹⁶⁶⁴ Там же. Л. 96.

¹⁶⁶⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 86. Л. 21.

Ф.С. Саук, исполняющий должность помощника библиотекаря генерал-майор в отставке В.Н. Цытович, служители С.П. Лавриченко и Г.И. Кузьминцев.

Было установлено, что похищены серебряно-позолоченные священные сосуды Суворовской церкви работы Оловянишникова (Москва). При взломе злоумышленник порезал руку — осталось кровавое пятно на оконной раме. Разбитое окно забили листовым железом. Ночью шум слышала вольнонаемная служащая типографии А.В. Солдатова, но, будучи одна в этой части казармы, побоялась поднять тревогу. Солдатова предполагала, что шумели служащие, занятые хозяйственными работами. В конечном итоге женщина вышла, опрокинула ведро, отчего шум наверху прекратился. Солдатова думала, что шум слышали многие, поэтому успокоилась. По ее свидетельству, воров было не более 2 человек.

По материалам дознания, «в комнате, где хранилось имущество, был полный разгром части деревянных ящиков; на полу валялись: геодезические инструменты, футляры от орденов и медалей и орденские знаки и ленты, дела и различные грамоты покойного графа Милютина, а также вещи Академического музея...»¹⁶⁶⁶ Проверка была продолжена, причем выяснилось, что масштабы кражи были намного шире. Злоумышленниками были вскрыты ящик с утварью, откуда пропали чаши, ящик с архивом Д.А. Милютина, причем верхняя часть дел была выброшена на пол. В общей сложности похищены были более 40 предметов¹⁶⁶⁷.

8 апреля штабс-капитан Дружинин подал рапорт правителю дел академии о проверке имущества Милютина и о возможности хранения в текущем формате материалов, представляющих историческую и материальную ценность¹⁶⁶⁸. В связи с произошедшим 20 апреля Андогский распорядился организовать ночные дежурства в библиотеке¹⁶⁶⁹.

В ночь на 26 июля 1922 г. грабители взломали дверь склада академического инвентаря и похитили вещи офицеров, причем во время второго ограбления было похищено дело с дознанием о первой краже (после эмиграции Андогского из России осенью 1922 г. дело каким-то образом оказалось среди брошенного имущества на его квартире¹⁶⁷⁰). Таким образом, два преступления были, видимо, связаны. При втором ограблении были похищены

¹⁶⁶⁶ Там же. Л. 3об.

¹⁶⁶⁷ Среди них чаша (потир с изображениями Спасителя, Богородицы и Иоанна Крестителя), блюдо для просфор (дискос), две тарелки, ковшик, звезда, копьё и ложка. Эти предметы были изготовлены из вызолоченного серебра. Пропали серебряный польский знак ордена «Виртути Милитари» 5-й степени (1831 г.), бронзовый знак «За службу на Кавказе» (1864 г.), серебряные медали: в память Отечественной войны 1812 г., за взятие Парижа, за Персидскую войну 1826–1828 гг., за Турецкую войну 1828–1829 гг., за взятие приступом Варшавы в 1831 г., в память прибытия русской эскадры в Босфор в 1833 г., за взятие штурмом Ахульго в 1839 г., за усмирение Венгрии и Трансильвании в 1849 г. (2 штуки), за защиту Севастополя в 1854–1855 гг., за покорение Чечни и Дагестана в 1857–1859 гг., за покорение Западного Кавказа в 1859–1864 гг., медаль «Кавказ — 1871 г.» в награду горцам, конвоировавшим императора, за Хивинский поход 1873 г., в память Восточной войны 1877–1878 гг., за взятие штурмом Геок-Тепе в 1881 г., на кончину императора Николая I, в память открытия памятника войны 1877–1878 гг., румынский крест в память войны 1877–1878 гг., жетон в память открытия памятника войны 1877–1878 гг., светло-бронзовые медали: в память войны 1853–1856 гг., за усмирение польского мятежа 1863–1864 гг., за взятие штурмом Геок-Тепе в 1881 г., темно-бронзовые: за усмирение польского мятежа 1863–1864 гг., в память Восточной войны 1877–1878 гг., «Коронован в Москве 15 мая 1883 г.», малая бронзовая медаль за покорение ханства Кокандского, бронзовые медали: в память 50-летнего юбилея Технологического института, в память открытия нового соединительного канала рек Вытегры и Ковжи Мариинского водного пути в 1880 г., в память 500-летия русской артиллерии (1389–1889 гг.) и большая светло-бронзовая медаль с надписью (Там же. Л. 7).

¹⁶⁶⁸ Там же. Л. 10об.

¹⁶⁶⁹ Там же. Л. 20.

¹⁶⁷⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 85. Л. 29–29об.

две зрительные трубы, представлявшие историческую ценность и, возможно, принадлежавшие фельдмаршалу Милютину. Помимо этого были похищены орден Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и серебряная цепочка¹⁶⁷¹. Известия об ограблении просочились в прессу — заметки об этом появились в газетах «Русский край» и «Вечерняя газета», что вызывало недовольство руководства академии, так как заметки были основаны на слухах.

Чтобы спасти бесценные реликвии, к сентябрю 1922 г. служащие академии, не рассчитывая на помощь властей, три месяца несли ночные дежурства, охраняя библиотеку. Вольнонаемный служащий Г.И. Кузьминцев даже заболел от этого и просил его уволить. Заведующий складом учебных пособий отмечал, что Кузьминцев был ценным работником, отлично знал склад и доказал свою полезность «в сложных и трудных условиях многократных эвакуаций»¹⁶⁷². В октябре 1922 г. Кузьминцев выразил желание вернуться с академией в Европейскую Россию¹⁶⁷³.

До октября 1922 г. охрану академии несли чины милиции. Еще 7 сентября 1922 г. приказом начальника тылового района контр-адмирала Ю.К. Старка штабам, управлениям, учреждениям и заведениям Земской рати было предписано организовать самоохрану¹⁶⁷⁴. В связи с постепенным выводом из Приморья японских войск, 4 октября 1922 г. началось наступление Народно-революционной армии Дальневосточной республики (НРА ДВР) на последний очаг антибольшевистского сопротивления на территории России. Из-за мобилизации и необходимости иметь войска на передовой академия осталась беззащитной. 11 октября приказом начальника обороны Русского острова было предписано охранять имущество академии своими силами¹⁶⁷⁵.

Некоторое время библиотека академии никак не охранялась. К 12 октября караул отсутствовал уже пятый день¹⁶⁷⁶, что грозило самыми плачевными последствиями. Была организована команда самоохраны, которой руководил штабс-капитан Дружинин. Не считая начальника команды, всего в ней значилось 19 человек, разбросанных по районам 3-го крепостного артиллерийского, 33-го и 36-го Сибирских стрелковых полков¹⁶⁷⁷. Дружинин руководил самоохраной в районе 3-го и 36-го полков, а в районе 33-го полка руководителем был прапорщик Никулин. Для надлежащей охраны требовалось восемь человек, но ночные дежурства одновременно несли только два сторожа. Охрана не имела теплой одежды, поэтому требовалась смена, а также резерв на случай нападения¹⁶⁷⁸. При ручательстве в благонадежности сторожей оружие и боеприпасы для них был готов выделить начальник гарнизона Русского острова. Среди сторожей были даже чиновники Саук и Мартынов. Всего в академии налицо к 15 октября 1922 г. значились 57 человек¹⁶⁷⁹.

В эмигрантских кругах муссировался слух о том, что Андогским якобы 23 октября 1922 г. был отдан приказ об оставлении академии на Русском острове для передачи ее в распоряжение советской власти. На самом деле такого приказа по академии не было. Хотя нельзя

¹⁶⁷¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 115. Л. 1, 4об., 5, 9, 10.

¹⁶⁷² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1636. Л. 143.

¹⁶⁷³ Там же. Л. 147.

¹⁶⁷⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.

¹⁶⁷⁵ Там же. Л. 30.

¹⁶⁷⁶ Там же. Л. 43.

¹⁶⁷⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 103.

¹⁶⁷⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1621. Л. 57.

¹⁶⁷⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 104.

исключать, что, перед тем как эмигрировать из России, Андогский мог оставить какие-то руководящие указания сотрудникам, не пожелавшим уезжать.

Андогский из Владивостока вместе с семьей уехал в Дайрен. Его умение приспособиться и к красным и к белым, спасшее для России бесценные сокровища академии, многих раздражало. В одной из статей под красноречивым заголовком «Андогский — советский деятель» говорилось, что «поведение Андогского весьма осторожное, что не мешает, однако, его отличному душевному настроению. Вкрадчивость и кощачья поступь отличились в изящные формы, за которыми скрывается волчья натура “очаровательного” Андогского. Предлагая чашку вам ароматного кофе, он с удовольствием поделится с вами своей глубокой грустью судьбы академии, и, обронив случайную слезинку, он вам расскажет, что только несчастное совпадение обстоятельств заставило отделиться от академии, которую не успели подготовить ему для эвакуации в Японию, и что в этом, с одной стороны, виноваты профессора, не выполнившие его задачи в 4-хдневный срок, а с другой, генерал Дитерихс, который ему якобы отказал в содействии по эвакуации академии. Вообще, в этом виноваты все кто угодно, только не он, Андогский, уверявший в свое время генерала Вержбицкого, что только он, Андогский, единолично отвечает за судьбу академии... Но дело свершилось: заветная мечта Андогского наконец выполнена. Академия в г. Москве»¹⁶⁸⁰.

Профессорско-преподавательский состав по-разному отнесся к вопросу о том, оставаться ли в России или эмигрировать. Для такой фигуры, как генерал Андогский, безопаснее было уехать за границу. Часть преподавателей разъехались по свету за время вынужденного бездействия академии. Генерал М.А. Иностранцев уехал в Европу с чехословаками, полковник Слижиков отправился в Шанхай и Харбин, полковник Осипов уехал в нидерландскую Индию (современная Индонезия) и на Яву. Преподаватель верховой езды, временно исполняющий должность завхоза и временно исполняющий должность правителя дел ротмистр В.Э. Арнгольд уехал в Шанхай. Заведующий верховой ездой подполковник Б.А. Вуич уехал в Харбин. По слухам, при эвакуации на японском пароходе обстановка была нервной, некоторые профессора не могли найти себе и своим семьям места¹⁶⁸¹. Не переносивший японцев генерал Антонович отказался ехать на их пароходе и остался на милость победителей. Согласно приказу по академии № 90 от 23 октября 1922 г., в этот день профессор Медведев вступил во временное исполнение должности начальника академии¹⁶⁸². Временно исполняющим должность правителя дел стал подполковник К.А. Наумов. Как отмечалось в приказе по академии 24 октября 1922 г., отъезд Андогского и Арнгольда был внезапным¹⁶⁸³. Получилось, что Андогский бросил академию и сбежал. Бросил он и собственное имущество — пианино и личную библиотеку, уместившуюся в 11 ящиков, а также документы¹⁶⁸⁴.

Выдержав 8–14 октября ряд ожесточенных встречных боев, Земская рать оставила 17 октября Никольск-Уссурийский. 25 октября 1922 г. части НРА ДВР вступили во Владивосток. 13 ноября 1922 г. на Дальнем Востоке была провозглашена советская власть, а уже 16 ноября он был присоединен к РСФСР. Гражданская война в России завершилась.

¹⁶⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 56 (см. Приложения).

¹⁶⁸¹ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 132об.

¹⁶⁸² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 75. Л. 224.

¹⁶⁸³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 107.

¹⁶⁸⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 85. Л. 150–151.

Персонал академии в основном остался на Русском острове и во Владивостоке. Среди оставшихся были заслуженные ординарные профессора Б.М. Колюбакин, Г.Г. Христиани, ординарные профессора А.И. Медведев и Н.И. Коханов, экстраординарный профессор В.Г. Болдырев, подполковник К.А. Наумов.

Администрация академии в приказах теперь указывалась без привычных чинов. Уже 28 октября Медведев из генерала превратился в гражданина и должен был подчиняться приказам НРА ДВР. В этот день временно исполняющим должность начальника полевого штаба НРА ДВР ему было выдано следующее предписание:

«Гражданину Медведеву Александру.

Вы назначены вр.и.д. начальника Военной академии, эвакуированной в свое время из гор. Петрограда и находящейся ныне во Владивостоке.

Предписываю Вам: 1 – Немедленно свернуть академию и типографию при ней.

2 – Подготовить к отправке по жел[езной] дороге все имущество и инвентарь, для чего произвести точный расчет потребного подвижного состава и упаковать имущество, с гарантией доставить его в исправном виде в Москву. Постройка необходимых для этого ящиков поручается одновременно начальнику инженеров.

3 – Личный состав Военной академии распределить следующим образом: весь учебно-административный состав вместе с академией будет направлен в распоряжение начальника академии РККА; вместе же с академией отправятся остальные военнослужащие и часть вольнонаемных, желающих вернуться в Сов[етскую] Россию. Военнослужащих, не принадлежащих к учебно-административному составу и желающих остаться здесь, — препроводить к местному воинскому начальнику, остальных вольнонаемных уволить теперь же, кто не является нужным для работ по подготовке р[е]эвакуации академии; при отправке в Россию принять в расчет и семейства отъезжающих туда.

4 – Одновременно командирруется один из политработников в качестве временного комиссара.

5 – О ходе подготовительных работ доносить мне через каждые три дня.

Подписали: Вр.и.д. начальника полевого штаба Н.Р.А. Тюфяков.

Воен[ный] ком[иссар] Аксенов»¹⁶⁸⁵.

29 октября было предписано считать днем начала работ по реэвакуации академии. Началась спешная заготовка ящиков, укладка книг и прочего имущества с одновременной проверкой и переучетом¹⁶⁸⁶. Только 7 ноября был объявлен выходной в честь годовщины Октябрьской революции¹⁶⁸⁷. Уполномоченный главкома НРА Поздняков затребовал себе, прежде всего, переписку и дела Андогского. Работы по учету имущества предписывалось закончить не позднее 16 ноября¹⁶⁸⁸.

Отношение новых властей к академии было дружественным. Главком НРА ДВР И.П. Уборевич даже передал 28 октября благодарность всему личному составу академии за сохранение имущества академии. Еще одну благодарность передал 26 октября председатель Революционного штаба¹⁶⁸⁹.

¹⁶⁸⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 110.

¹⁶⁸⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 85. Л. 3–4, 13–13об.

¹⁶⁸⁷ Там же. Л. 162.

¹⁶⁸⁸ Там же. Л. 21об.

¹⁶⁸⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 111.

31 октября 1922 г. приказом Уборевича академия была временно включена в состав Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Профессура, преподаватели и небольшой хозяйственный аппарат продолжали находиться на службе. Жизнь старой академии продолжалась. С 30 октября новым временно исполняющим должность завхоза стал исполняющий должность библиотекаря А.С. Дружинин.

Телеграмма из Москвы предписывала академии 26–27 ноября выехать из Владивостока, для чего НРА должна была предоставить вагоны¹⁶⁹⁰. Новые власти оказали самое энергичное содействие реэвакуации академии — предоставляли для нее ящики, мешки, проволоку для перевязывания, брезенты, топливо, транспорт, охрану, бойцов для погрузки. Реэвакуация намечалась в двух эшелонах¹⁶⁹¹. К 14 ноября 1922 г. академия располагалась в следующих пунктах: библиотека и типография — пристань 36-го полка, хозяйственный обоз — пристань 3-го полка, канцелярия академии — 33-й полк¹⁶⁹². Погрузка на баржу происходила 14 ноября. Тогда в воду упал ящик склада учебных пособий, который тут же был вытасчен бойцами на берег (ящик был вскрыт, а книги высушены)¹⁶⁹³. В последующие дни погрузка продолжалась. К вечеру 24 ноября готовились грузить уже частное имущество¹⁶⁹⁴. 16 ноября печати академии были сданы уполномоченному главкома НРА Позднякову, курировавшему академию и отныне считались недействительными, а устанавливалась новая печать с надписью «Академия Генерального штаба», гербом и надписью «РСФСР» в центре, которая хранилась у Позднякова¹⁶⁹⁵.

В начале декабря 1922 г. Военная академия по распоряжению новых властей отправилась в Москву, куда прибыла в феврале 1923 г. Интересно, что желание эвакуироваться с академией выразили и некоторые ее бывшие служащие, давно уволившиеся¹⁶⁹⁶. По пути в Москву в Красноярске профессора Коллюбакин, Христиани и Медведев были арестованы. Не вынеся тягот, все трое вскоре скончались. Бывший начальник академии Генштаба РККА, крупный отечественный военный ученый А.Е. Снесарев записал в своем неопубликованном дневнике 22 апреля 1923 г.: «Прибыли проф[ессора] старой академии, но попутно их всех арестовали; доехали А.И. Медведев и Б.М. Коллюбакин... 2-й умер, 1-й — распродастся и ищет работы... Думаю его провести в главруки¹⁶⁹⁷, но хотят навязать мне... Удивительно, никого не влекут и не тешат лавры внешнего успеха...»¹⁶⁹⁸ Из оставшихся в СССР пережили этот период Антонович, Болдырев и Коханов.

Вопрос о передаче сокровищ академической библиотеки в академию Генштаба РККА был поднят еще в период разгрома Колчака в конце 1919 г., но лишь через три с лишним года библиотека возвратилась в Европейскую Россию. Имущество старой академии частично было передано Военной академии РККА. Как отмечал комиссар Ф.П. Никонов, «библиотека академии попала в руки сибирского правительства и сначала была эвакуирована в Омск¹⁶⁹⁹,

¹⁶⁹⁰ Там же. Л. 125.

¹⁶⁹¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 85. Л. 20.

¹⁶⁹² Там же. Л. 43.

¹⁶⁹³ Там же. Л. 51.

¹⁶⁹⁴ Там же. Л. 161.

¹⁶⁹⁵ Там же. Л. 66–74, 99, 104, 110.

¹⁶⁹⁶ Там же. Л. 175.

¹⁶⁹⁷ Главные руководители академии по предметам.

¹⁶⁹⁸ Дневник А.Е. Снесарева за 1923 г. // Архив семьи Снесаревых (Москва). Л. 1199–1200.

¹⁶⁹⁹ Так в документе, правильно: в *Томск*.

потом в Томск, и лишь сейчас бóльшая часть ее возвращена, кажется, что почти целиком возвращена»¹⁷⁰⁰. В 1925 г. 180 пудов книг и 45 ящиков архивных материалов академии поступили на хранение в Военно-исторический архив¹⁷⁰¹. Поэтому нельзя в полной мере согласиться с генералом П.Ф. Рябиковым, по мнению которого «старая академия Генерального штаба, пережив столько тяжелых испытаний и проделав путь Петроград – Екатеринбург – Томск – Владивосток, умерла...»¹⁷⁰² Наследие академии, ее музеи, архив (среди которого знаменитые воспоминания и дневники военного министра Д.А. Милютина, опубликованные только в наши дни), библиотека остались в России и приносят пользу сегодня.

Период 1920–1922 гг., как и предшествовавший ему, оказался трудным временем для академии Генерального штаба. В обстановке политической нестабильности на Дальнем Востоке и быстрых перемен академии приходилось лавировать. Руководство и сотрудники академии преследовали две главные цели — выжить между различными, нередко взаимоисключающими политическими режимами и сохранить для будущих поколений имущество академии — уникального военно-учебного заведения общероссийского значения. Конечно, если бы имущество академии изначально осталось в Петрограде, ему бы грозила куда меньшая опасность, чем при постоянных перемещениях по всей стране, но на рубеже 1917–1918 гг. знать этого никто не мог. Так или иначе, обе цели были достигнуты. Несмотря на частые перевороты, смены власти, иностранную интервенцию, академия уцелела, а ее личный состав смог выбирать между тем, чтобы эмигрировать или остаться в России.

¹⁷⁰⁰ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 16.

¹⁷⁰¹ Последние дни белогвардейцев в Приморье // Известия ЦК КПСС (Москва). 1991. Авг. № 8 (319). С. 140.

¹⁷⁰² ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 133.

Г Л А В А 8.

ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ СОСТАВ И СЛУЖАЩИЕ В 1914–1922 гг.

Профессорско-преподавательский состав академии на протяжении десятилетий менялся сравнительно мало. Наиболее серьезные перемены в нем за рассматриваемый период произошли в связи с закрытием академии в 1914 г. и последующим началом ускоренной подготовки в конце 1916 г., а также с эвакуацией академии из Петрограда в 1918 г. и переходом ее на сторону антибольшевистских сил.

Это был особый мир, запоминавшийся слушателям на всю жизнь. Некоторые профессора работали в академии по многу лет. Одним из старейших был профессор Б.М. Коллюбакин, читавший курсы тактики и истории военного искусства. Как вспоминал генерал П.Н. Шатилов (выпуск 1908 г.), Коллюбакин «был представителем старой, отживающей школы. Будучи участником Турецкой войны, он строил свои тактические положения на тех основах руководства войсками, которые практиковались в то время. Все тактические примеры, приводимые в подтверждение излагаемых им положений, черпались из опыта войны 1877–[18]78 годов. Франко-прусская война 1870 года и операции 1904–1905 годов как бы прошли для него бесследно... но из его лекций можно было все же почерпнуть известные тактические положения, которые оставались нетронутыми и при развивавшейся, тогда еще очень медленно, военной технике»¹⁷⁰³. Б.В. Геруа (выпуск 1904 г.) характеризовал Коллюбакина следующим образом: «Высокий, худощавый, с пенсне на большом и красноватом носу, с высоким, точно сплюснутым с боков лбом, уходящим в лысину, и с длинными бакенбардами типа сказочного царя Берендея, Коллюбакин представлял удобную тему для карикатуриста. С целью скрыть величину своих непропорционально больших и плоских ступней он носил ботинки длиннее положенного, и они спадали широкой складкой на подъем ступни...

Основной его чертой была лень. Он приходил на лекцию с опозданием на 15–20 минут и норовил уйти минут за 10 до конца. В те полчаса, которые ему оставались, он отрывисто «бросал в аудиторию идеи»...

Курс Коллюбакина состоял сплошь из «коньков», и Боже сохрани было обмолвиться и вместо «рода войск» сказать «род оружия»...

Сноровистые слушатели составили список коллюбакинских коньков в форме катехизиса — вопросов и ответов — и окрестили эти ответы «рыбьими словами»...

Военно-исторический анализ Коллюбакина всегда был интересен... От слушателей Коллюбакин требовал не запоминания фактов и частности, а их понимания и способности главное отделять от второстепенного...

У Коллюбакина проступали задатки хорошего лектора, педагога и мыслителя, но природная лень мешала ему развернуться. В очень редких случаях он раскачивался, побуждаемый тем или иным обстоятельством, и выступал с публичным докладом после тщательной

¹⁷⁰³ НИА. Vrangeli Family Papers. Box 6. Folder 4. Shatilov P.N. Memoirs. Л. 238–239.

подготовки. Тогда он поражал свою аудиторию. Но после такого усилия Коллюбакин снова засыпал, и надолго. В результате комическая слава “рыбьих слов” заслонила настоящую скрытую цену Бориса Михайловича как военного ученого и философа...

Профессорская служба в академии вполне удовлетворяла Коллюбакина, и он никуда отсюда не стремился»¹⁷⁰⁴.

По свидетельству Д.Н. Тихобразова (выпуск 1913 г.), «генерал Коллюбакин, заслуженный ординарный профессор с седеющими волосами и богатой двухконечной бородой, цветов красноречия не любил. Да они и не подошли бы к его хрипловатому, порывистому голосу, которым он излагал образно историю военного искусства с древности (на младшем курсе), переходя к Наполеоновым войнам на втором и совершенно не заботясь о гладкости своих фраз. Такой же характер носили и его требования к экзаменуемым. Вспоминая Коллюбакина, вижу его, объясняющего нам тактику римских легионов. Встав из-за профессорского стола с указкой в руках и выпрямившись во весь свой рост, он делает по подиуму короткие шаги в облическом направлении, прикрывая свое левое плечо воображаемым римским щитом, который, почти соприкасаясь с соседними, служит составной частью сплошного укрытия развернутого строя римских легионеров. И образно, и ясно...»¹⁷⁰⁵ Коллюбакин был видным военным историком, членом Русского военно-исторического общества и одним из инициаторов создания художником-баталистом Ф.А. Рубо знаменитой панорамы «Бородино», а также официальным консультантом Рубо в период работы над панорамой. При этом слушатели не считали его выдающимся педагогом. Б.А. Энгельгардт (выпуск 1903 г.) отмечал: «К сожалению, Коллюбакин не был талантливым лектором, способным захватить всю аудиторию и держать ее в напряженном внимании»¹⁷⁰⁶.

Другим живым свидетелем истории академии был профессор Г.Г. Христиани. По характеристике В.Н. Касаткина (выпуск 1911 г.), «швед по происхожд[ению], человек четкий и аккуратный»¹⁷⁰⁷. Это был худощавый человек с небольшой седой бородкой и усами. По свидетельству Б.М. Шапошникова (выпуск 1910 г.), «хотя и скучный был предмет военная статистика, но Христиани читал его с полным знанием дела и очень доходчиво»¹⁷⁰⁸. П.С. Махров (выпуск 1907 г.) вспоминал о Христиани: «На кафедре он держался как-то странно: его шея и левое плечо были свернуты несколько в правую сторону, и он был сутуловат.

В нем не было никакой военной выправки: высокий и грузный, он имел вид болезненный.

Читал он курс довольно скучно и монотонно по отделу статистики Индии... Как руководитель практическими занятиями он много лучше был, чем лектор. На экзаменах он был снисходителен.

Несмотря на то что Христиани являлся выходцем из гвардии, он был справедлив при оценке знаний офицеров, не делая различия между армейцами и гвардейцами.

В общем, это не был талантливый профессор, но добросовестный труженик»¹⁷⁰⁹.

¹⁷⁰⁴ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни: в 2 кн. Париж, 1969. Т. 1. С. 135–136.

¹⁷⁰⁵ BAR. D.N. Tikhobrazov Papers. Box 4. Тихобразов Д.Н. Воспоминания. Очерк пятый. В академиях. Л. 41–42.

¹⁷⁰⁶ ОР РНБ. Ф. 1052. Д. 26. Л. 10.

¹⁷⁰⁷ BAR. V.N. Kasatkin Memoirs. Folder 1.

¹⁷⁰⁸ Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982. С. 142.

¹⁷⁰⁹ BAR. P.S. Makhrov Papers. Box 2. Махров П. Воспоминания и предания об Николаевской академии Генерального штаба. С. 549–550.

По мнению Д.Н. Тихобразова, Христиани «имел репутацию очень требовательного человека, и объемом своего курса военной статистики и своей строгостью нагонял на многих коллег немалый страх»¹⁷¹⁰.

Профессор А.И. Медведев удостоился критической оценки Б.М. Шапошникова как преподаватель¹⁷¹¹.

Ставший профессором незадолго до Первой мировой войны Д.В. Филатьев, по мнению Шапошникова, был человек «грубый и невежественный в вопросах тактики, он не терпел молодых офицеров»¹⁷¹².

«Всадник без головы», по характеристике Шапошникова, профессор А.Г. Елчанинов вызывал неоднозначную реакцию слушателей. Характеристика Шапошникова откровенно уничижительна — Елчанинов «был полнейшей бездарностью. До академии — пеший артиллерист, до страсти влюбленный в конницу. Плохой ездок, он иногда приходил на лекции с забинтованной головой. За это и за недалекий ум офицеры прозвали Елчанинова “всадником без головы”. Какой только чепухой не были наполнены его лекции!.. С трудом мы усваивали этот бред»¹⁷¹³.

Д.Н. Тихобразов вспоминал о Елчанинове: «Высокого роста, сухой, изысканно одевавшийся, важно державший себя»¹⁷¹⁴, Елчанинов на лекции приезжал в собственном кабриолете. У подъезда, передав поводья рядом сидящему кучеру¹⁷¹⁵, он шел на лекции в белых замшевых перчатках, снимал их за профессорским столом, клал их в фуражку, и лекция его начиналась. Елчанинов говорил хорошо, излагая свой предмет складно и ровным голосом. Но бывало, что после лекции, как ни напрягал я свой ум и память, я не мог отдать себе отчета в том, что он в течение почти часа нам говорил»¹⁷¹⁶.

П.С. Махров, окончивший академию в 1907 г., отзывался о Елчанинове как о человеке, который «принадлежал к числу способнейших и даровитых офицеров Генерального штаба и отличался удивительной работоспособностью, всегда стремился совершенствоваться в познании военных наук. Одновременно со службой в академии он читал лекции в военных училищах и помещал в военной периодической печати свои статьи, которые с увлечением читались офицерами. Его практические занятия в академии по тактике были очень поучительны и интересны для слушателей. В академии в роли преподавателя Елчанинов читал курс тактики кавалерии. Он не был оратором и не претендовал на это, но говорил гладко, просто и ясно, иногда увлекаясь мелочами. Так, например, он как-то уделил час времени на изложение применения шпор в кавалерии и на их разделение на “привязные” и “прибивные”...

Он был требователен в отношении правил ношения офицерами одежды и сам давал пример им: на первую лекцию, читаемую им в младшем классе, он являлся в “обыкновенной форме”, и вообще — в сюртуке, элегантно сшитом и блестящем своею новизною аксельбан-

¹⁷¹⁰ BAR. D.N. Tikhobrazov Papers. Тихобразов Д.Н. Воспоминания. Очерк пятый. В академиях. Вых 4. Л. 43–44.

¹⁷¹¹ Шапошников Б.М. Воспоминания... С. 142.

¹⁷¹² Там же. С. 146.

¹⁷¹³ Там же. С. 127.

¹⁷¹⁴ В Главном управлении Генерального штаба он занимал должность начальника крепостной части (*примеч. Д.Н. Тихобразова*).

¹⁷¹⁵ Правильнее сказать вестовому (*примеч. Д.Н. Тихобразова*).

¹⁷¹⁶ BAR. D.N. Tikhobrazov Papers. Вых 4. Тихобразов Д.Н. Воспоминания. Очерк пятый. В академиях. Л. 50. Подчеркнуто мемуаристом.

тов, пуговиц и погон. На экзаменах Елчанинов был очень снисходителен, не было случая, чтобы у него кто-либо “срезался”. Баллы он ставил высокие. У него не было так называемых “рыбьих слов”, как у Гейсмана, Баскакова и других чудаков»¹⁷¹⁷. Махров отмечал, что Елчанинов был фанатик своего дела. Однако слушатели в начале XX в. жаловались на то, что Елчанинов на экзаменах тянул гвардейцев и занижал баллы армейским офицерам¹⁷¹⁸.

Выдающимся военным топографом и астрономом, обладавшим международной известностью, был профессор В.В. Витковский. Он столь глубоко увлекался наукой, что даже свой дом назвал виллой «Геодезия», а рядом с домом разбил аллею, ориентированную вдоль Пулковского меридиана. Заслуги Витковского признавались и в советское время, тем более что он в 1918 г. не покинул Петроград и, в отличие от коллег по академии, остался в Советской России. Скончался он в 1924 г., задолго до начала Большого террора. В 1920-е – начале 1930-х гг. в Ленинграде при Доме инженеров действовал топографо-геодезический кружок по увековечению памяти Витковского (затем был объявлен контрреволюционным). Именем генерала ныне названа улица в Санкт-Петербурге. Витковский отличался снисходительностью к слушателям и не ставил низких баллов, по некоторым данным, это началось после того, как застрелился один из офицеров, получивших у него низкий балл.

Настоящим патриархом академии был заслуженный преподаватель съемки и черчения генерал А.А. Зейфарт, преподававший эти дисциплины ни много, ни мало с 1857 г. «Великий инквизитор “штрихоблудия”» — как его метко охарактеризовал Б.В. Геруа за мелочное внимание к штриховке карт¹⁷¹⁹. Ко времени увольнения со службы по болезни в 1917 г. через Зейфарта прошло около 60 академических выпусков. Генерал бодрился и даже гордился тем, что, несмотря на преклонный возраст, не пропускал ни одного часа занятий.

Несомненно талантливыми и относительно молодыми профессорами предвоенной академии были В.Г. Болдырев, Б.В. Геруа, М.А. Иностранцев и А.К. Келчевский.

Многолетним правителем дел академии в 1904–1914 гг., фактически руководившим всей ее внутренней жизнью, был профессор А.К. Байов. Он же отвечал в академии за науку. По оценке В.Н. Касаткина, это «бездарность... Он много работал, считал себя специалистом по военному делу эпохи... до Румянцева, т.е. начала XVII[I] века... Современного военного дела Байов не знал и не любил... Сомкнутые каре Румянцева, выпушки и петлицы — вот весь его военный багаж»¹⁷²⁰. П.Н. Шатилов считал его бесцветным и монотонным, что соответствовало изучавшейся Байовым теме полководческого искусства фельдмаршала XVIII в. Б.Х. Миниха¹⁷²¹. По другой характеристике, Байов был «человек спокойный, доброжелательный и чрезвычайно трудолюбивый»¹⁷²². Слушатели в основном критически отзывались о нем. Связано это было, прежде всего, с тем, что внушительный по объему курс истории русского военного искусства, составленный Байовым, носил компилятивный характер, а на своих монотонных лекциях он его попросту перечитывал с некоторыми пояснениями. Про

¹⁷¹⁷ BAR. P.S. Makhrov Papers. Box 2. Махров П. Воспоминания и предания об Николаевской академии Генерального штаба. С. 577–578.

¹⁷¹⁸ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 76. Л. 9.

¹⁷¹⁹ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. С. 146.

¹⁷²⁰ BAR. V.N. Kasatkin Memoirs. Folder 1.

¹⁷²¹ НИА. Vrangell Family Papers. Box 6. Folder 4. Shatilov P.N. Memoirs. Л. 237.

¹⁷²² BAR. P.S. Makhrov Papers. Box 2. Махров П. Воспоминания и предания об Николаевской академии Генерального штаба. С. 792.

Байова ходил анекдот, что однажды слушатели его лекции были разбужены непонятым грохотом от падения какого-то предмета. Как выяснилось, это была бежавшая над потолком поточной аудитории крыса, которая прислушалась к лектору, но тоже задремала от его чтения и свалилась вниз¹⁷²³. Тем не менее Байов считался справедливым и принципиальным преподавателем, и на экзаменах добросовестные слушатели могли рассчитывать на поддержку с его стороны.

Про профессора А.А. Незнамова слушатели говорили, что у него отсутствует логика. Профессор А.Ф. Матковский, по характеристике П.С. Махрова, «принадлежал к типу посредственных профессоров и руководителей практическими занятиями. Его лекции не были так интересны, как таковые его предшественника полковника Елчанинова»¹⁷²⁴.

Вполне искреннее свидетельство о характере своей службы в академии привел в показаниях по делу «Весна» бывший преподаватель верховой езды академии В.Ф. Менжинский: «С 1907 г. по Октябрьскую революцию я служил в Николаевской академии, честно отдавая силы на укрепление армии, на укрепление государства и защиты Родины, существующего строя — абсолютной монархии. Мои политические убеждения до 1917 года не были чисто монархическими, так как существующая несправедливость к армейским офицерам в душе меня обижала в то время, как в гвардии в моем положении офицеры были в лучших условиях и имели преимущества в продвижении по службе и проч., других же убеждений у меня не было»¹⁷²⁵.

В июне 1914 г. могущими занять должности экстраординарных профессоров академии по кафедре военного искусства по итогам защит диссертаций были признаны полковники В.Г. Болдырев (тема работы «Атака укрепленных позиций»), М.А. Иностранцев («Отечественная война 1812 г. Операции 2-й западной армии князя Багратиона от Немана до Смоленска»), А.К. Келчевский («Тактика легкой артиллерии с задачами») и В.А. Черемисов («Основы германской тактики»). Это были способные офицеры, которые служили в академии на должностях штатных преподавателей или штаб-офицеров, заведующих обучающимися. Все они были допущены к профессорским должностям без чтения обязательной пробной лекции. Черемисов, получивший в командование полк, назначен не был, тогда как остальные с 17 июня 1914 г. считались экстраординарными профессорами¹⁷²⁶.

С весны 1914 г. и на начало войны академию возглавлял любимец императора генерал-лейтенант князь П.Н. Енгальчев, находившийся с 1905 г. в распоряжении командующего Императорской главной квартирой. Енгальчев происходил из старинного татарского аристократического рода, был гвардейским офицером, делавшим придворную карьеру. Для академии это был случайный человек, который в ней не задержался. Енгальчев обладал административными способностями, хотя, как свидетельствовали современники, отличался чудачествами¹⁷²⁷. К руководству академией Енгальчев пришел после того, как ее прежний начальник генерал-лейтенант Н.Н. Янушкевич стал начальником Генерального штаба.

¹⁷²³ BAR. D.N. Tikhobrazov Papers. Box 4. Тихобразов Д.Н. Воспоминания. Очерк пятый. В академиях. Л. 46–47.

¹⁷²⁴ BAR. P.S. Makhrov Papers. Box 2. Махров П. Предания и воспоминания об академии Генерального штаба, переименованной в 1907 г. в академию военную. С. 960–961.

¹⁷²⁵ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 131 (185). Л. 135–135об.

¹⁷²⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1513. Л. 6, 7, 17.

¹⁷²⁷ BAR. P.S. Makhrov Papers. Box 2. Махров П. Предания и воспоминания об академии Генерального штаба, переименованной в 1907 г. в академию военную. С. 1179.

Летом 1914 г. академическое начальство готовилось к предстоящему учебному году. В июне 1914 г. начальник академии князь Енгальчев пригласил в академию начальника 9-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта В.Н. Клембовского, который должен был осенью прочитать 20 лекций по службе Генерального штаба в целях правильной постановки дела. Клембовский в ответ на лестное для него предложение писал 20 июня 1914 г.: «Польщенный тем, что выбор лица для разработки курса “Службы Генерального штаба” пал на меня, я, однако, к крайнему сожалению, должен отказаться от этой задачи. В лагерное время у меня такая масса работы по командованию вверенной мне дивизией, что даже от чтения военно-научных трудов мне приходится отказываться. Разработать же курс в течение одного месяца я не считаю возможным: такая спешная работа не удовлетворит ни Вас, ни меня самого.

Кроме того, чтение лекций отнимет у меня много времени: меньше 1 1/2 месяца, включая поездки, считать нельзя; принимая же во внимание, что ежегодно я бываю по месяцу на полевых поездках, от 1-го до 2-х месяцев в различных командировках и 1 месяц в отпуску, в общем, продолжительность моего отсутствия из дивизии выйдет около трети года; в результате же окажутся упущения или по командованию дивизией, или по чтению лекций»¹⁷²⁸. Понятно, что даже при согласии Клембовского этот замысел был бы неосуществим в связи с войной и закрытием академии.

С началом войны академия опустела. Разъехались по своим частям слушатели, отправились на фронт или получили иные назначения многие преподаватели (табл. 22).

Таблица 22

**Назначения профессорско-преподавательского состава академии
с началом Первой мировой войны**

Должность, чин, Ф.И.О.	Новое назначение
Начальник академии генерал-лейтенант князь П.Н. Енгальчев	Начальник штаба 6-й армии (позднее — варшавский генерал-губернатор)
Правитель дел академии генерал-майор А.К. Байов	Начальник штаба VI Сибирского армейского корпуса (позднее — начальник штаба XXIV армейского корпуса, начальник штаба 3-й армии)
Ординарный профессор генерал-майор А.Г. Елчанинов	Начальник штаба крепости Новогоргиевск
Ординарный профессор генерал-майор А.И. Медведев	Исполняющий должность начальника штаба Двинского военного округа
Ординарный профессор генерал-майор Д.Д. Сергиевский	Генерал для поручений при интендантстве армий Юго-Западного фронта
Ординарный профессор генерал-майор Д.В. Филатьев	Помощник главного начальника снабжений армий Северо-Западного фронта
Ординарный профессор полковник Б.В. Геруа	Начальник отделения управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта
Ординарный профессор полковник А.Ф. Матковский	Начальник штаба Сводного кавалерийского корпуса
Ординарный профессор полковник А.А. Незнамов	Начальник штаба 55-й пехотной дивизии

¹⁷²⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1524. Л. 3.

Должность, чин, Ф.И.О.	Новое назначение
Экстраординарный профессор полковник В.Г. Болдырев	Исполняющий должность начальника штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии
Экстраординарный профессор полковник М.А. Иностранцев	Начальник штаба 67-й пехотной дивизии
Экстраординарный профессор полковник А.К. Келчевский	Командир 6-го Финляндского стрелкового полка
Экстраординарный профессор полковник В.Ф. Новицкий	Командующий 1-й бригадой 30-й пехотной дивизии
Штаб-офицер, заведующий обучающимися, полковник Н.Н. Алексеев	Исполняющий должность начальника штаба 56-й пехотной дивизии
Штаб-офицер, заведующий обучающимися, подполковник А.И. Андогский	Помощник старшего адъютанта оперативного отдела штаба 2-й армии
Штаб-офицер, заведующий обучающимися, полковник А.А. Балтийский	Начальник штаба 72-й пехотной дивизии
Штаб-офицер, заведующий обучающимися, полковник В.В. Буняковский	Исполняющий должность начальника штаба 57-й пехотной дивизии
Штаб-офицер, заведующий обучающимися, полковник В.А. Златолинский	Исполняющий должность начальника штаба 61-й пехотной дивизии
Штаб-офицер, заведующий обучающимися, полковник П.И. Измestьев	Начальник штаба 75-й пехотной дивизии
Штаб-офицер, заведующий обучающимися, полковник П.Ф. Рябиков	Старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 2-й армии
Штаб-офицер, заведующий обучающимися, полковник В.З. Савельев	Начальник штаба Оренбургской казачьей дивизии
Штатный преподаватель военных наук полковник Д.К. Лебедев	Штаб-офицер для особых поручений при штабе 2-й армии
Штатный преподаватель военных наук полковник С.Л. Марков	Начальник отделения управления генерал-квартирмейстера штаба армий Юго-Западного фронта
Штатный преподаватель военных наук полковник В.А. Черемисов	Командир 120-го пехотного Серпуховского полка
Штатный преподаватель военных наук подполковник В.В. Кривенко	Исполняющий должность начальника штаба 73-й пехотной дивизии
Штатный преподаватель военных наук подполковник Ю.Н. Плющевский-Плющик	Помощник начальника отделения управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем армиями Северо-Западного фронта
Штатный преподаватель военных наук полковник Л.Н. Гобято	Командир 2-го дивизиона 35-й артиллерийской бригады
Штатный преподаватель военных наук подполковник П.П. Дьяконов (назначен только 15.07.1914, не преподавал)	Помощник военного агента в Великобритании

Отношение к профессорско-преподавательскому составу академии вызывало недовольство. М.А. Иностранцев вспоминал: «Весьма характерным был тот факт, что применение на войне учебного и административного состава академии не было Главным управлением Генерального штаба предусмотрено. Ведь в академию выбирались не заурядные офицеры

Генерального штаба, а выдающиеся, и занятие военной наукой, надо думать, еще более совершенствовало их. Между тем об этих-то офицерах Генерального штаба Главное управление в своем бюрократическом олимпийском величии даже и позабыло. Когда же сама академия наконец напомнила о себе, то этим отмеченным офицерам не нашли иного применения, как начальниками второочередных дивизий, т.е. дивизий второго сорта. Это было меру не только неблагодарно в смысле пользы дела, но меру по отношению этих офицеров несправедливо, т.к., продолжая служить в строевых штабах, большинство этих офицеров могло бы еще в мирное время получить штабы первоочередных дивизий, а т.к. они предпочли заниматься военными науками, то им с началом войны предложили штабы дивизий второго сорта. Другими словами, занятие наукой не поощрялось, а как бы, наоборот, каралось»¹⁷²⁹. Точно так же оскорбленным себя чувствовал и А.К. Келчевский¹⁷³⁰.

Некоторые преподаватели возглавили дивизионные штабы соседних по номерам дивизий, сформировавшихся в Московском военном округе. Полковник А.А. Незнамов был назначен начальником штаба 55-й пехотной дивизии, полковник Н.Н. Алексеев стал исполняющим должность начальника штаба 56-й пехотной дивизии, полковник В.В. Буняковский — исполняющим должность начальника штаба 57-й пехотной дивизии. Не получили назначений профессор генерал-лейтенанты В.В. Витковский (возглавлял академию в 1914–1915 гг.), Б.М. Колюбакин и Г.Г. Христиани.

Впрочем, схоластичность, теоретизм, отвлеченность от нужд армии были присущи многим преподавателям предвоенной академии. Поэтому сетования М.А. Иностранцева на недостойные назначения представляются спорными. Профессора со стажем порой не знали армии, не бывали на войне. Опыт Первой мировой войны, несомненно, должен был пойти им на пользу. Не случайно даже спустя годы некоторые вспоминали свой первый боевой приказ и первый бой. Тот же Иностранцев вспоминал о подготовке 14 ноября 1914 г. первого боевого приказа: «Для меня — офицера Генерального штаба по специальности, около 15 лет преподававшего тактику, профессора академии и руководившего тактическими занятиями и полевыми поездками в течение многих лет, сама техника отдачи приказа дивизии для походного движения, конечно, не представляла затруднения, но тем не менее, диктуя этот приказ адъютанту и двум офицерам-ординарцам, я ощущал небывалое со мной ранее волнение. Я чувствовал, что диктую на этот раз не шаблонные, стереотипные фразы приказа, а хотя и скромный по своему значению, но все-таки исторический документ. Я ясно отдавал себе отчет, что на основании произносимых мною фраз и выражений на следующий день более чем 14 000 человек придут в движение, будут проливать кровь и умирать»¹⁷³¹.

В связи с планами открытия в 1916 г. ускоренных курсов академическое начальство стало подыскивать преподавателей. Процесс активизировался летом 1916 г., когда обсуждался первоначальный проект открытия курсов. Тогда исполняющим должность начальника академии на время войны стал бывший начальник Елисаветградского кавалерийского училища генерал-майор В.Н. Петерс (Камнев), состоявший с июля 1916 г. в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа. По слухам, это назначение состоялось по протекции близкого ко двору авантюриста князя М.М. Андронникова — человека из круга Г.Е. Распутина¹⁷³².

¹⁷²⁹ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 6–7.

¹⁷³⁰ ГАРФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 9. Л. 24.

¹⁷³¹ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 7. Л. 56.

¹⁷³² ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.

По характеристике профессора М.А. Иностранцева, «по внешности и обхождению Петерс производил даже довольно приятное впечатление... Приветливый, доброжелательный, охотно предоставлявший подчиненным инициативу, очень гостеприимный, он был приятным начальником. Однако же с первых же его шагов стало ясно заметно, что дело ведения хотя бы и ускоренных, но тем не менее академических курсов было ему не по плечу. Он все ссылался на Елисаветградское училище и как будто бы был убежден, что все, что можно делать в училище, можно и должно делать и в академии.

В вопросе первостепенной важности — вопросе о практических занятиях по тактике, являвшихся альфой и омегой подготовки офицера Генерального штаба, он обнаруживал значительную отсталость и неознакомленность с условиями и требованиями современной войны»¹⁷³³.

По свидетельству лично его знавшего П.С. Махрова, Петерс «отличался спокойным характером, работоспособность[ю], выдержкой, трудолюбием и справедливостью»¹⁷³⁴.

Петерс не имел отношения к военной науке, но лихорадочно принялся за работу. Именно он разработал первоначальный проект организации ускоренных курсов. Кроме того, он набирал в академию деятельных помощников. Петерс добился возвращения в академию преподававшего в ней перед войной А.И. Андогского. Он писал в Ставку в июле 1916 г. о крайней необходимости прибытия в академию на должность правителя дел полковника Андогского, который в то время проходил ценз командования полком. Петерс писал генералу М.С. Пустовойтенко: «Он мне совершенно необходим. Одному уже очень трудно, просто дня не хватает, чтобы всюду поспеть и все сделать. Ведь правитель дел — правая рука, без которой трудно справляться»¹⁷³⁵. Преподавателей ожидали не позднее 25 июля¹⁷³⁶.

Среди кандидатов в преподаватели по тактике был начальник штаба 1-й гренадерской дивизии генерал-майор В.Н. Егорьев¹⁷³⁷. Для чтения лекций по военно-морскому делу приглашали авторитетного военно-морского теоретика генерал-майора Н.Л. Кладо¹⁷³⁸. Переговоры по вопросу возможного преподавания в академии в июле 1916 г. (в период обсуждения первоначального проекта курсов) велись с достаточно большим количеством офицеров-генштабистов. Некоторые будущие преподаватели и сотрудники отказались от назначений на курсы (например, П.Ф. Рябиков в связи с командованием полком)¹⁷³⁹, однако позднее меняли решение.

Озвучивались разного рода рекомендации. Так, начальник штаба 3-й Сибирской стрелковой дивизии полковник А.А. Балтийский писал Г.Г. Христиани 23 июня 1916 г.:

«Глубокоуважаемый Григорий Григорьевич.

Прослышал я здесь, что при нашей академии открывается “сокращенный курс академии” и что преподавательский и административный персонал составят офицеры Генерального штаба — раненые, больные и вообще не могущие переносить тягости военно-походной службы.

¹⁷³³ Там же. Л. 8–9.

¹⁷³⁴ BAR. P.S. Makhrov Papers. Box 2. Махров П. Предания и воспоминания об академии Генерального штаба, переименованной в 1907 г. в академию военную. С. 1192.

¹⁷³⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1358. Л. 63об.–64.

¹⁷³⁶ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1107. Л. 33.

¹⁷³⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1559. Л. 1.

¹⁷³⁸ Там же. Л. 3.

¹⁷³⁹ Там же. Л. 16, 17, 77.

Позволю себе утруждать Вас предложением иметь в виду на одну из открывающихся должностей полковника Ген. штаба Чубакова¹⁷⁴⁰, отличнейшего во всех отношениях офицера, прекрасно окончившего курс академии, участника текущей войны (имеет Георгиевское оружие), но, к сожалению, не могущего продолжать боевую службу, ибо страдает перерождением сердечной мышцы и расширением сердца, препятствующими верховой езде. — Он вскоре будет эвакуирован с театра войны.

Полковник Чубаков умственно весьма развитый офицер, практически — в курсе опыта войны, интересующийся военными науками и прекрасно владеющий словом.

Убежден, что он будет соответствовать всем требованиям, которые могут быть предъявлены преподавателю курсов академии. В чем, надеюсь, Вы лично убедитесь, когда полковник Чубаков представится Вам...

Моя жизнь на войне протекает вполне благополучно. Прокормив 14 месяцев полком, я получил (на основании нового закона) штаб доблестной 3^й Сибирской стрелковой дивизии. Назначением этим вполне удовлетворен, но сознаюсь — искренно сожалею, что пришлось покинуть полк, с которым связала меня боевая служба. А кроме того, в полку я хозяин, — здесь же... не то. — Просил всяческое начальство оставить меня командовать полком, пока не “дозрею” до назначения начальником штаба корпуса. Но отказали, вследствие отсутствия достаточного числа офицеров Генерального штаба. — Конечно, тут дело долга. Да и все равно, где воевать, но только отказываюсь от назначения в высшие штабы, поскольку это от меня зависит»¹⁷⁴¹. Христиани наложил на письмо резолюцию: «Иметь в виду»¹⁷⁴².

Рекомендация полковнику Л.П. Дюсиметьеру от заведующего авиацией и воздухоплаванием великого князя Александра Михайловича была еще более восторженной. Великий князь писал начальнику академии 22 августа 1916 г.: «Полковник Дюсиметьер прослужил на фронте на должности помощника старшего адъютанта разведывательного отделения штаба 2 армии и заведывающего авиационной группой армий — 16 месяцев, в течение которых лично много летал в качестве наблюдателя, руководил работой авиационных отрядов и принимал деятельное участие в налаживании различных отраслей применения авиации на войне (фотографирование с самолета, корректирование стрельбы, ночные полеты и пр.). За это время он имел возможность близко ознакомиться с бытом и условиями работы авиационных отрядов.

Следующие 9 месяцев полковник Дюсиметьер провел на должности штаб-офицера при мне, принимая участие в разработке организационных вопросов и вопросов применения воздушных средств на войне. Неоднократные объезды по моему поручению штабов и авиационно-воздухоплавательных частей дали ему возможность подробно ознакомиться с постановкой дела в различных армиях всех наших фронтов.

Во время этих поездок полковником Дюсиметьером по моему поручению выяснились, путем обмена мнений с офицерами Генерального штаба, все те требования, выполнение которых воздушными средствами считается необходимым в штабах армий и корпусов. Наконец, изучение всех иностранных материалов по авиационно-воздухоплавательным вопросам, сосредоточенных в моем управлении, и постоянный обмен мнений с состоящим при

¹⁷⁴⁰ Подчеркнуто красным карандашом, на полях надпись: «Просить».

¹⁷⁴¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1559. Л. 20–21.

¹⁷⁴² Там же. Л. 20.

мне представителем французской авиации облегчили ему ознакомление с постановкой авиационно-воздухоплавательного дела в союзных армиях.

Если к этому добавить, что полковник Дюсиметьер владеет вполне французским и немецким языками, что и в дальнейшем облегчит ему изучение иностранных материалов, а также, что им уже читались лекции по применению авиации на войне в Военной школе летчиков-наблюдателей, то можно считать, что полковник Дюсиметьер удовлетворяет всем главным требованиям для успешного чтения лекций в академии.

С другой стороны, среди офицеров Генерального штаба, кроме полковника Дюсиметьера, насколько мне известно, не имеется ни одного, который удовлетворял бы в достаточной мере вышеуказанным условиям для чтения вообще лекций по применению воздушных средств борьбы. Некоторые из офицеров Генерального штаба интересовались авиацией и воздухоплаванием до войны, но за свою службу в течение войны стояли настолько далеко от авиации, что потеряли с нею связь и отстали от современных требований; другие же хотя и выполнили в течение войны ряд отдельных полетов, но недостаточно знакомы с организацией и условиями работы авиации и воздухоплавания.

Таким образом, из офицеров Генерального штаба лишь один полковник Дюсиметьер является в настоящее время в известной степени подготовленным для чтения лекций по применению на войне воздушных средств борьбы»¹⁷⁴³.

Будущий начальник академии А.И. Андогский в июле 1916 г. стремился пройти цензовое командование полком (командовал 151-м пехотным Пятигорским полком) для получения генеральского чина, после чего был готов перейти в академию¹⁷⁴⁴. Прикомандирован к академии Андогский был в ноябре 1916 г.¹⁷⁴⁵ С декабря Андогский стал временно исполняющим должность правителя дел академии и, как отмечал М.А. Иностранцев, «сразу же приобрел большое влияние на дела курсов и, справедливость требует отметить, до известной степени способствовал устранению тех нежелательных воздействий на академическую работу, которыми мог мешать ей неподготовленный начальник курсов»¹⁷⁴⁶.

Генерал В.Г. Болдырев рекомендовал в академию капитана И.И. Смелова¹⁷⁴⁷. Вернуться в академию стремился и будущий вождь Белого движения на Юге России генерал С.Л. Марков¹⁷⁴⁸. Приглашали в академию профессором и генерала Б.В. Геруа, который 7 сентября 1916 г. писал В.Н. Петерсу:

«Милостивый государь
Владимир Николаевич,

возможность подвести итоги опыту меня соблазняет, и я с охотой соглашаюсь на назначение ординарным профессором академии по кафедре тактики¹⁷⁴⁹.

Единственно, что я хотел бы в служебном отношении себе обеспечить — это включение меня в кандидаты на отдельную бригаду и дивизию. Очередь ко мне подойдет не скоро, но для меня естественно не терять связи со строевой линией.

¹⁷⁴³ Там же. Л. 66об.–68.

¹⁷⁴⁴ Там же. Л. 40.

¹⁷⁴⁵ Там же. Л. 136.

¹⁷⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.

¹⁷⁴⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1559. Л. 52.

¹⁷⁴⁸ Там же. Л. 54.

¹⁷⁴⁹ Подчеркнуто красным карандашом.

Благодарю Вас за внимание и предложение и прошу принять уверения в моем глубоком уважении и преданности.

Ваш покорный слуга Б. Геруа»¹⁷⁵⁰.

Однако уже через несколько дней Геруа отказался в связи с изменившимися обстоятельствами по причине оперативной обстановки¹⁷⁵¹. Позднее генерала также не хотели отпустить из штаба Особой армии в связи с обилием работы¹⁷⁵².

В связи с отказом специалиста по разведке П.Ф. Рябикова шел поиск других преподавателей в этой области¹⁷⁵³. Начальник штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии полковник В.А. Брендель писал начальнику академии 5 сентября 1916 г.: «По опыту службы во время кампании в штабах от большого до самого малого и состоя год начальником разведывательного отделения штаба главнок[омандующего] Юго-Зап[адного] фронта, я убедился в не всегда достаточной подготовке офиц[еров] Генер[ального] штаба к специальной работе в области разведки. Агентура, ее создание, ведение и обработка самых разнообразных сведений мало кому практически знакомы, и поэтому дело это у нас не всегда на должной высоте. Знакомство с современным составом и характером противника и его способами разведки особенно необходимо молодым офицерам Генерального штаба»¹⁷⁵⁴.

Подполковник М.С. Свечников писал начальнику академии 31 декабря 1916 г. о своем желании преподавать: «Имея большое желание еще до настоящей войны быть преподавателем академии, я закончил свой труд “Военный обзор Монголии и ее значение для России”, который в 1914 году представил в академию на соискание кафедры профессора русской статистики. До настоящего времени мне известно, что генерал-лейтенант Христиани, как оппонент, уже дал свое заключение о моем труде.

Настоящая война застала меня в Осовецкой крепости; во время 2^й ее 6 1/2 месячной осады я, исполняя обязанности начальника штаба крепости, был контужен 42 см снарядом и отравлен удушливыми газами, оба раза подлежал эвакуации, но от таковой добровольно отказался. За 2^ю осаду крепости был награжден орденом Св. Вел[икомученика] и Побед[оносца] Георгия 4 ст[епени], Георгиевским оружием и лично государем императором 26 ноября произведен в подполковники. Участвовал в Китайском походе 1900–1901 гг. и в Русско-японской войне в 1904–1905 гг. До настоящего времени нахожусь непрерывно в действующей армии с начала текущей войны.

Имея большое желание продолжать начатую ранее педагогическую деятельность в Александровском военном училище в 1912 году и принимая во внимание мой труд, представленный в академии в 1914 г., прошу ходатайства Вашего превосходительства о зачислении меня штатным преподавателем академии или штаб-офицером»¹⁷⁵⁵. Однако свою склонность к преподаванию Свечников смог реализовать лишь значительно позже в Военной академии им. М.В. Фрунзе.

¹⁷⁵⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1559. Л. 75.

¹⁷⁵¹ Там же. Л. 81.

¹⁷⁵² Там же. Л. 115.

¹⁷⁵³ Интересно, что преподавателем разведки и контрразведки в академию несколько позднее, в 1917 г., пытался устроиться небезызвестный авантюрист, писатель и путешественник А.М. Оссендовский, преподававший на курсах контрразведки (РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 63. Л. 7).

¹⁷⁵⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1559. Л. 79–79об.

¹⁷⁵⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1559. Л. 218.

Детально вопрос привлечения преподавателей в академию разбирался в письме военного министра Д.С. Шуваева временно исполняющему должность начальника штаба Ставки В.И. Гурко от 29 ноября 1916 г., которое необходимо привести целиком:

«Милостивый государь,
Василий Иосифович.

Высочайше утвержденным 30-го октября сего года Положением об ускоренной подготовке офицеров в Императорской Николаевской военной академии в течение настоящей войны, объявленным при приказе [по] воен[ному] вед[омству] 1916 г. № 627, установлено открытие в академии подготовительных курсов и курса старшего класса.

Продолжительность подготовительных курсов 2 1/2 – 3 месяца; продолжительность курса старшего класса — семь месяцев (5 месяцев лекций и 2 месяца — полевые практические занятия и выпускные экзамены).

Успех подготовки офицеров в такие короткие сроки, два-три месяца и семь месяцев, — особенно в старшем классе, будет в прямой зависимости от следующих двух главнейших условий:

- I. От состава преподавательского персонала и
 - II. От внутреннего распорядка на курсах.
- I. Важность первого условия сама собой очевидна.

Не подлежит никакому сомнению, что по важнейшим предметам преподавателями академических курсов военного времени должны быть офицеры с солидным боевым опытом; только такие преподаватели будут обладать необходимым авторитетом перед аудиторией, составленной исключительно из боевых офицеров.

Значит, преподаватели должны быть приглашены преимущественно из действующей армии.

Подобрать вполне подходящих офицеров-преподавателей не так легко, и во всяком случае на это надо употребить значительное время. Для того чтобы получить тот состав офицеров, какой ныне командирован в академию для чтения лекций, и.д. начальника академии должен был потратить три месяца на усиленную переписку с очень многими лицами.

Но мало — собрать офицеров. Их надо свести вместе, познакомить друг с другом, с тем, чтобы они могли сговориться и установить однообразие взглядов как на многие вопросы преподавания, так и на детали современного военного искусства.

Это особенно важно теперь, когда программы всех предметов под влиянием всего того нового, что дала война, подлежат полной переработке. Старые программы, старые учебники — почти совершенно не годятся. Все надо создавать заново.

Короткие сроки курсов требуют, чтобы программы отдельных предметов были хорошо соображены, друг друга дополняли и развивали; иначе будет тратиться много драгоценного времени на повторения одного и того же вопроса различными преподавателями, могут проявиться противоречивые взгляды, и цельность общей программы курсов утратится.

А для такого разграничения отдельных предметов опять-таки всем надо хорошо сговориться.

Однообразие во взглядах необходимо также для стройной организации практических занятий. Такие занятия по тактике и администрации приобретают исключительную важность при сокращенных курсах. Вся теория будет по необходимости играть роль лишь вспомогательную, а главное внимание огромного большинства преподавателей должно быть обращено именно на практические занятия.

Можно ли ожидать всей той пользы, какую должны дать практические занятия, если руководители будут едва знакомы друг с другом, не сговорятся между собой и не установят полного однообразия взглядов[?] А для этого необходима совместная работа одного и того же состава преподавателей на протяжении более или менее продолжительного времени.

Таким образом, и для успешного чтения лекций, и для продуктивных практических занятий безусловно необходимо, чтобы преподавательский состав был хорошо сложен и между преподавателями было установлено строгое однообразие взглядов.

Между тем генерал-адъютант Алексеев и генерал-лейтенант Пустовойтенко держались в этом вопросе такого взгляда: “Чтобы не отвлекать сих лиц (преподавателей) из действующей армии от их прямых обязанностей, необходимо лекции распределить так, чтобы для чтения их преподаватели после кратковременной командировки возвращались в действующую армию. Для этого нет надобности учреждать штатные профессорские и преподавательские должности”.

В плане укомплектования корпуса офицеров Генерального штаба, составленном в штабе Верховного главнокомандующего, в соответствии с этим сказано, что надлежит “лишь периодически привлекать к чтению того или другого предмета преподавателей из армий, полагая их в кратковременной командировке с их штатных должностей”.

В письме генерал-майора Пустовойтенко на имя начальника Генерального штаба от 21-го октября сего года № 3628 повторена та же мысль, причем точно указывается: “Чтобы не отчислять командируемых офицеров с должностей, сроки этих командировок предусматривались не свыше двух месяцев, как это допущено для эвакуируемых с театра военных действий”.

Такая постановка вопроса вызвана, очевидно, тем, что строевые начальники затрудняются отпускать своих офицеров Генерального штаба на продолжительные сроки. Оно и понятно, особенно имея в виду огромный некомплект офицеров Генерального штаба. С этим, конечно, нельзя не считаться.

Как это ни трудно, поневоле приходится отказаться от возможности иметь на курсах постоянных штатных преподавателей Генерального штаба, из числа служащих в настоящее время в действующих армиях.

Если же нельзя иметь офицеров Генерального штаба из действующей армии в роли штатных (постоянных) преподавателей, то лучше вовсе на них не рассчитывать, так как при командировании их лишь на 2 месяца, как предлагает штаб Верховного главнокомандующего, они не будут в состоянии выполнить те условия, какие указаны выше. Это с особенной рельефностью скажется при прохождении 7-месячного курса старшего класса: начнут одни, позаймутся два месяца и уедут; им на смену приедут другие — с новыми взглядами, с новыми требованиями, и тоже уедут через два месяца; затем приедет на 2 месяца третья смена, и, наконец, последний (седьмой) месяц занятия будут проходить опять при новом составе преподавателей. Какой бы сложный план занятий ни был составлен, но при такой частой смене преподавателей ничего цельного добиться не удастся; офицеры-слушатели получат лишь обрывки отдельных мнений, взглядов и эпизодов и ничего законченного.

Отказываясь от периодических командировок на 2 месяца офицеров Генерального штаба из действующей армии, нельзя отказаться от кратковременных приездов в академию тех офицеров, которые сами пожелали бы, во время зимнего затишья, в короткий срок (в 2–3 недели или даже меньше) прочесть несколько лекций, — с тем, чтобы “использовать обладаю-

щих боевым опытом офицеров Генерального штаба”, — как сказано в письме генерал-майора Пустовойтенко от 21-го октября № 3628. Но такие приезды будут случайные, и подобные лекции не могут войти в систематический курс, а составят лишь дополнение к нему, в виде добавочных сообщений.

Организация занятий на подготовительных курсах 1-й очереди (с 1-го ноября по 15-е января) обеспечивается тем личным составом преподавателей, какой ныне уже находится в распоряжении и.д. начальника академии.

В числе этих преподавателей имеется 6 офицеров Генерального штаба, командированных из действующей армии распоряжением штаба Верховного главнокомандующего; кроме того: Генерального штаба полковник Дюсиметьер, командированный распоряжением великого князя Александра Михайловича, и Генерального штаба капитан Солдатов, эвакуированный после ранения и находящийся в Петрограде на излечении.

Вот эти восемь офицеров Генерального штаба совершенно необходимы для дальнейшей прочной организации ускоренных курсов.

Они нужны не только как лекторы, но и как штаб-офицеры, заведывающие обучающимися офицерами.

II. Штаб-офицеры, заведывающие обучающимися офицерами, нужны для установления строгого внутреннего распорядка на ускоренных курсах — этого второго важного условия для успешности работы курсов.

Важность этого условия вызывается краткостью сроков таких курсов и неизбежностью напряженных занятий.

На курсах 1-й очереди в настоящее время обучается 242 офицера.

С 1-го февраля 1917 года, когда одновременно откроются старший класс и подготовительные курсы II-й очереди, — всех слушателей будет не меньше 250 человек.

Для того чтобы установить хоть какой-нибудь внутренний порядок, эту массу офицеров необходимо разделить на отделения по числу штаб-офицеров, заведывающих обучающимися, и во главе каждого отделения поставить такого штаб-офицера.

Значение штаб-офицера — огромное: он ведет свое отделение, служа для молодых офицеров ближайшим руководителем и советчиком; он же служит посредником между офицерами и начальством.

Если такие руководители были признаны необходимыми в мирное время, в числе 10 человек на 300 штатных слушателей, то тем большая в них необходимость на ускоренных курсах военного времени, когда каждый час дорог для возможно лучшей подготовки офицеров.

На каждом курсе — в старшем классе и на подготовительных курсах — необходимо иметь по 4 штаб-офицера, не меньше; и все же получатся большие отделения по 32–34 человека в каждом.

Штаб-офицеры нужны также, чтобы нести ежедневные дежурства по академии, без чего никакого порядка не будет ни на лекциях, ни на практических занятиях.

Наконец, те же штаб-офицеры совершенно необходимы для прочной организации практических занятий.

При наличности восьми штаб-офицеров и тех преподавателей, какие находятся сейчас в академии, всех руководителей по тактике имеется лишь 10 человек.

При таком числе руководителей — каждому приходится работать с 24–25 офицерами.

Такие же большие партии получают и на практических занятиях по администрации.

Значит, меньшим числом руководителей обойтись никак нельзя.

Подготовительные курсы 1-й очереди начались 1-го ноября. Академия работает уже месяц.

За этот месяц, по свидетельству и.д. начальника академии, весь преподавательский состав положил много труда и энергии. Некоторые предметы (тактика пехоты, тактика конницы, тактика артиллерии, технические войска, топографическая разведка и другие) разработаны совершенно заново. При этом, за недостатком времени, лекции читаются по черновым листкам, доступным для пользования только самими авторами.

Для достижения однообразия во взглядах, особенно на многие тактические вопросы, преподаватели ходят друг к другу на лекции и затем обмениваются взглядами на общих собраниях.

Практические занятия тоже ведутся по строго согласованному между всеми руководителями плану и в строгой последовательности.

Уже достигнута известная слаженность в работе, и работа идет дружно.

Если придерживаться того взгляда, какого держались генералы Алексеев и Пустовойтенко, то почти всем офицерам Генерального штаба, находящимся теперь в академии, пришлось бы в конце декабря вернуться к своим штатным должностям в действующую армию, так как к этому сроку оканчивается их 2-месячное прикомандирование к академии. И вся большая, напряженная работа их — пропала бы бесследно. Новым преподавателям пришлось бы начинать все сначала.

Взамен периодических 2-месячных прикомандирований различных офицеров Генерального штаба, и.д. начальника академии ходатайствует о закреплении в академии на все время работы ускоренных курсов военного времени тех восьми штаб-офицеров Генерального штаба, которые сейчас находятся в прикомандировании, и о назначении их на должности штатных штаб-офицеров, заведывающих обучающимися офицерами.

Как выше сказано, действующая армия лишится при этом не восьми, а лишь шести офицеров, так как полковник Дюсиметьер и капитан Солдатов не занимают штатных должностей в действующей армии.

Кроме того, полковник Дюсиметьер рекомендован в академию его императорским высочеством великим князем Александром Михайловичем. За отъездом полковника Дюсиметьера в академию, должность штаб-офицера при его императорском высочестве была предложена Генерального штаба капитану [М.П.] Строеву¹⁷⁵⁶, о назначении которого на эту должность было сделано соответствующее представление. Генерал-лейтенант Пустовойтенко в ответ уведомил, что испрашиваемое назначение капитана Строева состояться не может, так как полковник Дюсиметьер находится лишь во временной командировке и занимаемой им ныне штатной должности не освобождает.

Если Ваше высокопревосходительство признаете возможным выразить принципиальное согласие на назначение штатными штаб-офицерами, заведывающими обучающимися в академии офицерами, тех штаб-офицеров Генерального штаба, которые ныне состоят в прикомандировании к академии, то этим разрешится вопрос также и о назначении полковника Дюсиметьера, и, в соответствии с выраженным его императорским высочеством великим князем Александром Михайловичем желанием, явится возможность осуществить назначе-

¹⁷⁵⁶ Подробнее о Строеве см.: Ганин А.В. «Опрошенный, спустившийся на аэроплане...»: Документы генерал-майора ВВС Михаила Строева (Рихтера) // Родина. 2012. № 12. С. 118–121; 2013. № 1. С. 129–133.

ние Генерального штаба капитана Строева на должность штаб-офицера для поручений при заведывающем авиацией и воздухоплаванием в действующей армии.

Вполне соглашаясь со всеми вышеприведенными мотивами, изложенными на основании доклада начальника Генерального штаба — о необходимости назначить штатных штаб-офицеров, заведывающих обучающимися в академии офицерами, прошу Ваше высокопревосходительство не отказать сообщить мне Ваше мнение в возможно непродолжительном времени.

Примите уверение в совершенном уважении и таковой же преданности.

Подписал: Д. Шуваев»¹⁷⁵⁷.

В письме подводились первые итоги работы преподавателей на курсах и высказывались обоснованные опасения относительно узких мест подготовки кадров. Речь шла о преподавательском составе, который требовалось готовить. Необходимо было согласовывать методику преподавания и установить единство взглядов. Д.С. Шуваев справедливо считал, что, несмотря на дефицит кадров Генштаба на фронте, кратковременное прикомандирование преподавателей к академии будет вредить делу и необходимо создание преподавательского штата.

Постепенно в академию начали возвращаться некоторые из покинувших ее в 1914 г. преподавателей. К концу 1916 г. кандидатами на должности штаб-офицеров, заведующих обучающимися, были полковники Л.П. Дюсиметьер, Д.К. Лебедев, Ю.Н. Плющевский-Плющик, П.Ф. Рябиков (после отказа капитана И.И. Смелова), А.П. Слижиков, подполковник А.Ф. Гущин, капитан Г.В. Солдатов¹⁷⁵⁸. Велись переговоры о возвращении в академию профессора, талантливого военного инженера полковника Н.И. Коханова. Для того чтобы преподаватели могли спокойно работать, предпринимались попытки добиться зачисления им пройденного ценза командования полками за полный годичный (у Андогского — 6,5 месяца, у Плющевского-Плющика — 10 месяцев)¹⁷⁵⁹. При этом офицеры теряли право на два года старшинства за пройденный ценз.

По сведениям из дневника списочного и наличного состава воинских чинов академии учебно-административный состав академии в 1917 г. был следующим (табл. 23).

В прикомандировании к академии на 1 января 1917 г. находились: один генерал, 7 штаб-офицеров, 2 обер-офицера, 208 нижних чинов¹⁷⁶⁰. К 28 января в распоряжении исполняющего должность начальника академии состояли: правитель дел, 5 штаб-офицеров, 4 профессора, 2 преподавателя съемки и черчения и ни одного штатного преподавателя. Для преподавания требовалось не менее восьми штаб-офицеров. В итоге академии удалось добиться назначения десяти офицеров. Помимо пяти ранее значившихся кандидатами (Гущина, Дюсиметьера, Лебедева, Плющевского-Плющика, Рябикова) в академию были назначены полковники Р.К. фон Дрейлинг, А.П. Слижиков, В.К. Шевченко, подполковники В.И. Моторный и И.И. Смелов¹⁷⁶¹. Пополнение преподавательских кадров шло непросто, поскольку требовалось увеличить штат академии, что, как водится, было связано с немалыми бюрократическими сложностями¹⁷⁶². В результате подбора кадров тактику в академии вели преподаватели с боевым опытом текущей войны.

¹⁷⁵⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1559. Л. 146–151.

¹⁷⁵⁸ Там же. Л. 155.

¹⁷⁵⁹ Там же. Л. 196.

¹⁷⁶⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1609. Л. 1об.–2.

¹⁷⁶¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1559. Л. 256об.–257об.

¹⁷⁶² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1360. Л. 267.

Учебно-административный состав Николаевской военной академии на 1917 г.¹⁷⁶³

Должности / численность	На 01.01.1917	На 01.06.1917	На 23.10.1917
Начальник академии	1	1	1
Правитель дел	—	1	1
Штаб-офицеров, заведущих обучающимися офицерами	—	8	4
Заведующий хозяйством	1	1	1
Классных чиновников канцелярии	8	11	9
Ординарных профессоров	4	5	11
Экстраординарных профессоров	1	1	2
Преподавателей военных наук	—	1	6
Преподавателей черчения и съемки	2	1	1
Врачей	1	1	1
Священник	1	1	1
Псаломщик	1	1	1
Обучающихся офицеров	241	318	413
Фельдфебель	1	1	—
Писарей высшего оклада	7	7	6
Писарей среднего оклада	6	6	6
Писарей низшего оклада	7	7	7
Фельдшеров	2	2	2
Денщиков	212	239	29
Дворников	13	12	13
Служителей	16	18	21

Курсовик П.В. Колтышев рассказывал своему сослуживцу П.С. Махрову о том, как работали преподаватели на курсах. Приведем это изложение, по-видимому, сочетающее в себе свидетельства Колтышева, других слушателей и воспоминания самого Махрова, несмотря на явный субъективизм оценок и встречающиеся неточности: «1) Общая тактика, читал профессор¹⁷⁶⁴ генерал Марков, его я [П.С. Махров] лично знал — мы с ним одновременно слушали курс академии в 1905–1908 году¹⁷⁶⁵. Это был очень способный офицер, имевший в 1914–1915 г. боевой опыт в роли командира полка и начальника штаб[а] “Железной” стрелковой дивизии генерала Антона Ивановича Деникина. Он сам был выходцем из гвардии и на курсах в академии благоволил к гвардейцам. Отношение его к чтению лекций, которые по содержанию своему были поверхностны, отличалось небрежностью. Он охотно и внимательно выслушивал “возражение” слушателей на лекциях, стараясь “подбадривать” офицеров, направляя их на активность действий.

По общей тактике вместе с Марковым еще читали: полковник Слижиков и капитан Сыромятников. Оба преподавали хорошо, особенно первый; Сыромятников приезжал из действ[ующей] армии и читал о Брусиловской операции.

¹⁷⁶³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1609. Л. 1об.–2, 148об.–149, 247об.–248.

¹⁷⁶⁴ П.С. Махров ошибается: С.Л. Марков профессором академии не был.

¹⁷⁶⁵ П.С. Махров ошибается: С.Л. Марков окончил академию в 1904 г.

2) Тактику пехоты читал молодой генерал Буняковский, читал сухо и никого не увлекал.
3) Тактику конницы читал генерал Камнев — нач[альник] академических курсов, и читал плохо, хотя и знал свой предмет. Был очень строг.

4) Тактику артиллерии преподавал полковник Плющик-Плющевский Юрий. Он читал хорошо, просто и ясно. Аудитория его слушала с интересом и вниманием.

По складу своему это был “барин”, человек благородный и в высшей степени доброжелательный...

5) Тактика технических войск преподавалась полковником Лебедевым.

6) Тактика авиации изучалась со слушателями под руководством полковника Дюсиметьера.

7) Артиллерия — газы, химическая и материальная часть преподавались серьезным ученым, профессором полковником Шульманом, прекрасно знавшим свое дело. Читал курс очень хорошо, он был скромный труженик и требовательный начальник.

8) Военную разведку преподавал[и] подполковник Гуцин и полковник Рябиков. Этот интересный и важный предмет читался обоими профессорами слабо.

9) Контрразведка была тоже поставлена плохо. Кто был профессором — не сохранилось в памяти и преданиях.

10) Профессорами военной администрации были генерал Колубакин и полковник Поляков. Оба излагали свой предмет интересно и хорошо.

11) Этапно-транспортный отдел преподавался генералом Филатьевым и полковником Лебедевым. Филатьев слыл как знаменитый специалист по этому отделу администрации. Хорошо преподносил его аудитории, которая с интересом и вниманием его слушала.

12) Топографию и черчение преподавал профессор Даниловский, полвека проработавший в академии. Он прекрасно знал свое дело и очень хорошо применял его в поле и в классе.

Слушатели очень любили его.

13) Курс геодезии проходилсЯ двумя корифеями этой науки: генералом Витковским и Зейфартом. Первый являлся знаменитым ученым по этому предмету и отличался способностью оживлять аудиторию своими шутками и остротами... Его лекции воспринимались слушателями с увлечением. Генерал Зейфарт, как и Даниловский, много лет прослуживший в академии, пользовался глубоким уважением офицеров. Его занятия отличались простотой отношений с офицерами, как “дедушки с внучатами”.

14) Стратегию читал генерал Иноземцев¹⁷⁶⁶. Курсанты были удовлетворены его лекциями.

15) Службу Генерального штаба преподавал полковник Андогский. Читал курс свой очень хорошо. Он был правителем дел академических ускоренных курсов и вполне отвечал своему назначению.

16) Автомобильное дело было прочитано один раз. Кто был лектором — в преданиях не сохранилось следа.

Из вышеупомянутых профессоров я лично знал, будучи слушателем академии Генерального штаба, профессоров Витковского, Зейфарта, Даниловского и полковника Маркова¹⁷⁶⁷.

¹⁷⁶⁶ Так в документе, правильно: *Иностранцев*.

¹⁷⁶⁷ BAR. P.S. Makhrov Papers. Box 2. Махров П. Предания и воспоминания об академии Генерального штаба, переименованной в 1907 г. в академию военную. С. 1198–1205.

Можно добавить, что существовали категории почетных членов академии и почетных членов конференции академии. Почетными членами академии были генерал-адъютанты А.Н. Куропаткин и Д.Г. Щербачев, генерал от кавалерии Н.Н. Сухотин, генералы от инфантерии В.Г. Глазов, Н.П. Михневич, А.Ф. Редигер и Н.Н. Янушкевич. Почетными членами конференции состояли: генерал-адъютант М.В. Алексеев, генералы от инфантерии П.А. Гейсман, Н.А. Данилов, М.С. Максимовский, А.З. Мышлаевский, В.У. Соллогуб, О.Э. фон Штубендорф, П.О. Щербов-Нефедович, инженер-генерал Ц.А. Кюи, генерал-лейтенанты А.А. Гулевич, З.А. Макшеев, Н.Я. Цингер¹⁷⁶⁸.

Интересно, что в начале 1917 г. осуществлялся набор обслуживающего персонала академии. Требовалось набрать 75 нижних чинов в качестве прикомандированных, но к 1 января 1917 г. состояло только 50 человек, за вычетом 40-летних. Всего же должно было числиться 125 нижних чинов. Помимо прочих требовались 7 булочников, 7 хлебопеков, 9 уборщиков улиц. Всего нужно было иметь: 8 булочников, 8 хлебопеков, 10 уборщиков и 10 дровоколов¹⁷⁶⁹.

К 1 февраля полковник А.И. Андогский был окончательно назначен правителем дел¹⁷⁷⁰, а полковник Ю.Н. Плющевский-Плющик — штаб-офицером, заведующим обучающимися офицерами. Динамика численности преподавателей и слушателей в 1917 г. (без учета преподавателей черчения) была следующей (табл. 24).

Таблица 24

Динамика численности преподавателей и слушателей Военной академии в 1917 г.¹⁷⁷¹

Дата	Штаб-офицеров, заведующих обучающимися офицерами	Ординарных профессоров	Экстраординарных профессоров	Преподавателей военных наук	Слушателей
1 января	—	4	1	0	241
1 февраля	1	4	1	0	4 (на 2 февраля — уже 321)
1 марта	5	4	1	1	333
3 апреля	8	4	1	1	328
1 мая	7	4	1	1	323
1 июня	8	5	1	1	318 (11 июня убыли 235)
1 июля	8	6	1	1	83
2 августа	2	7	1	7	0
1 сентября	2	7	1	7	0
2 октября	2	9	2	7	0
23 октября	4	11	2	6	413

¹⁷⁶⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1358. Л. 430.

¹⁷⁶⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1564. Л. 335.

¹⁷⁷⁰ Когда в апреле 1917 г. Андогскому было сделано лестное предложение принять командование лейб-гвардии Волынским полком, он отказался в связи с работой в академии, которая требовала его присутствия до середины июня 1917 г. (Там же. Л. 299–300). Помимо работы в академии Андогский вошел в состав Особого совещания при военном министре по преобразованию армии.

¹⁷⁷¹ Сост. по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1609. Л. 1об.–2, 32об.–34, 60об.–61, 90об.–91, 117об.–118, 148об.–149, 158, 175об.–176, 196об.–197, 216об.–217, 232об.–233, 247об.–248.

К началу апреля 1917 г. в академии числились 7 штаб-офицеров, 6 из которых в течение войны несли обязанности штатных преподавателей военных наук¹⁷⁷². 23 апреля скончался заслуженный преподаватель съёмки и черчения академии генерал-лейтенант А.А. Даниловский¹⁷⁷³. Однако академия пополнялась и новыми кадрами.

Весной 1917 г. в академию прибыли офицеры, многие из которых составили цвет ее профессорско-преподавательского состава в Гражданскую войну: генерал-майор П.Ф. Рябиков, полковники Л.П. Дюсиметьер, А.П. Слижиков, подполковники А.Ф. Гушин, И.И. Смелов, А.Д. Сыромятников. Некоторые совмещали преподавание с занятием ответственных военно-административных постов. Так, П.Ф. Рябиков одновременно являлся 1-м обер-квартирмейстером ГУГШ. Рябиков читал курс службы Генерального штаба, Слижиков — тактику пехоты и очерк событий текущей войны, Дюсиметьер — тактику воздушных средств борьбы, Гушин — курсы военной статистики России и военно-топографической разведки, Смелов и Сыромятников делили пополам курс общей тактики¹⁷⁷⁴. Подполковник А.Ф. Гушин, по отзывам, был прекрасным лектором¹⁷⁷⁵. В 1917 г. он сделал революционную карьеру. Генерал П.Н. Врангель с раздражением вспоминал (Гушин был его товарищем по академии) о том, что Гушин в один из первых революционных дней пришел на лекцию в академию с красным бантом, публично заявив слушателям с кафедры: «Маска снята, перед вами офицер-республиканец»¹⁷⁷⁶.

Более подробное свидетельство находим в дневниковой записи слушателя ускоренных курсов 2-й очереди В.М. Цейтлина за 14 июля 1917 г. Рассуждая о приспособленчестве части офицерства, Цейтлин отмечал: «Не меньшей гибкостью отличается и Генеральный штаб, достаточно вспомнить полковника Гушина — председ[атель] петроград[ского] офицер[ского] совета, но тут уже большею частью авантюризм на почве неудачного подражания Наполеону, не упустить бы момента в революции сделать карьеру: таков Верховский, Гушин, Кузнецов и прочие из свиты Керенского.

По-моему, таким все равно, устроить ли революционный переворот или подавить революцию. Что выгоднее в данный момент и где можно вероятнее всего всплыть вверх. А политические убеждения меняются и пристегиваются по мере надобности. Возьмем Гушина. В начале Февральской революции, во время перестрелки с городовыми “фараонами”, когда по Суворовскому проспекту носились грузовые автомобили с солдатами, но еще не было ясно, чья возьмет, — был такой случай:

В большое окно аудитории в академии попало несколько пуль. Среди нескольких слушателей, бывших в это время в аудитории, был и Гушин, который сказал приблизительно следующее: “Дать бы мне десяток надежных броневых автомобилей, и я разогнал бы всю эту сволочь...”

А через несколько дней в начале первой своей лекции после невольного перерыва занятий во время революции он сказал: “Господа, пора открыть каждому свое забрало — я социал-демократ”. Аудитория замерла от неожиданности и просто чудовищности такого заявления. Гушин — и вдруг социал-демократ.

¹⁷⁷² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1580. Л. 1об.

¹⁷⁷³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1535. Л. 79.

¹⁷⁷⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1580. Л. 1об.–2.

¹⁷⁷⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1360. Л. 240.

¹⁷⁷⁶ *Врангель П.Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.): в 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 44.

Потом этот новорожденный социал-демократ стал председателем офицерского совета петроградского гарнизона и всячески стал подлаживаться к совету раб[очих] и солд[атских] депутатов с целью якобы вывести из тупика офицерство, но на самом деле только заводя его в тупик.

Делает карьеру на революции, возможно, что и выйдет в дамки»¹⁷⁷⁷.

В дальнейшем Гушин проявил себя как председатель исполнительного комитета Совета офицерских депутатов города Петрограда, его окрестностей, Балтийского флота и Отдельного корпуса пограничной стражи¹⁷⁷⁸. На этом посту он занимался созывом Всероссийского съезда офицерских депутатов, военных врачей и чиновников. 14 марта 1917 г. группа офицеров от имени Совета офицерских депутатов приветствовала исполком Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов¹⁷⁷⁹. В ноябре 1917 г. Гушин отправился из академии в отпуск на юг, примкнул к белым, а после Гражданской войны объявился в Китае, где действовал в качестве советского разведчика¹⁷⁸⁰.

Революционную карьеру сделал и бывший библиотекарь академии талантливый и эрудированный военный библиограф С.Д. Масловский (Мстиславский), занявший в 1918 г. пост начальника штаба партизанских войск¹⁷⁸¹. Масловский был сыном профессора академии генерала Д.Ф. Масловского. Долгие годы он тайно состоял в партии эсеров.

В июле А.И. Андогский активно приглашал в академию новых преподавателей в преддверии предстоявших осенью занятий¹⁷⁸². На август 1917 г. в академии числились 37 офицеров, имевших в Петрограде 126 членов семей. В полуэскадроне числились 55 человек, имевших 13 членов семей. 100 писарей и обслуживающих воинских чинов академии имели 49 членов семей. 32 вольнонаемных служащих имели 37 членов семей. 14 вольнонаемных служащих типографии имели 21 члена семей. Всего в академии значились 238 служащих, имевших 246 членов семей¹⁷⁸³. Эвакуация академии из Петрограда, впервые намеченная в августе 1917 г., предполагала обеспечение этих лиц транспортом, жильем и всем необходимым. По другим документам, из членов семей подлежали эвакуации только 126 человек¹⁷⁸⁴.

В своей работе новый начальник академии А.И. Андогский опирался на группу преподавателей и актив слушателей ускоренных курсов. Постепенно наметились и те лица учебно-административного состава, с которыми он сошелся ближе других и которые его активнее

¹⁷⁷⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 209–210.

¹⁷⁷⁸ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: в 3 т. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917 г.). М., 2003. С. 428; *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России 1905–1917. М., 1990. С. 144. Яркую характеристику Гушина дал генерал А.С. Лукомский: «После Мартовской революции 1917 года в Петербурге (так в документе. — А.Г.) нашлось несколько офицеров русского Генерального штаба, которые стали усердно работать совместно с образовавшимся советом рабочих и солдатских депутатов для развала русской армии и для “углубления” революции. Среди них особенно выделялся своей демагогической деятельностью полковник Гушин. После захвата власти большевиками (ноябрь 1917 г.) полковник Гушин стал одним из наиболее усердных большевистских работников» (ГАРФ. Ф. Р-5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 93).

¹⁷⁷⁹ *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России... С. 167.

¹⁷⁸⁰ Подробнее о его деятельности в 1920-е гг. см.: *Голдин В.И.* Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск; СПб., 2010. С. 469–471.

¹⁷⁸¹ *Шапошников Б.М.* Воспоминания... С. 150.

¹⁷⁸² РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–4.

¹⁷⁸³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 176.

¹⁷⁸⁴ Там же. Л. 177об.

поддерживали. Прежде всего, это были А.П. Слижиков, И.И. Смелов и А.Д. Сыромятников¹⁷⁸⁵.

31 августа 1917 г. состоялось заседание конференции академии по поводу назначения М.А. Иностранцева ординарным профессором. В качестве диссертации он представил конференции труд «Из боевого опыта. Воспоминания о войне 1914–[19]17 гг.» и ряд других научных трудов¹⁷⁸⁶. По итогам обсуждения заслуженный ординарный профессор генерал-лейтенант В.В. Витковский ходатайствовал перед начальником Генерального штаба о назначении генерала для поручений при Главном управлении военно-учебных заведений и экстраординарного профессора Иностранцева ординарным профессором с оставлением в занимаемой должности¹⁷⁸⁷. В тот же день прошли защиты диссертаций на звание экстраординарного профессора: Г.Г. Гиссера «Военный обзор Дании. Значение Дании и датских проливов в случае войны Германии с Англией» (оппоненты: по избранию конференции — Н.П. Михневич и Г.Г. Христиани, по назначению начальника Генштаба — полковник П.П. Дьяконов) и А.И. Андогского «Встречный бой» (оппоненты: по избранию конференции — М.А. Иностранцев, Б.М. Коллюбакин и Г.Г. Христиани, по назначению начальника Генштаба — полковник П.П. Дьяконов, частный оппонент — А.К. Байов). 3 сентября 1917 г. назначения профессоров состоялись¹⁷⁸⁸.

Критически настроенный в отношении Андогского профессор М.А. Иностранцев все же был вынужден отметить в воспоминаниях, что диссертация Андогского «представляла собой прекрасную работу, весьма полно и всесторонне освещавшую этот, до тех пор совершенно не разработанный и, если так можно выразиться, модный вопрос тактики до 1914 года»¹⁷⁸⁹. Возникали и определенные сложности. Так, для Г.Г. Гиссера не было вакансии профессора военной статистики. Для Н.И. Коханова через Военный совет академия выбивала вакансию профессора военно-инженерного искусства.

Подполковник П.Г. Осипов ходатайствовал 8 сентября 1917 г. о назначении его штаб-офицером, заведующим обучающимися, и сообщал: «Прослужив непрерывно три года на фронте в штабах дивизии и корпуса, будучи ранен и контужен, я настолько подорвал свое здоровье, что в настоящее время по определению врачебной комиссии к службе на фронте не пригоден. Между тем полагал бы, что с пользой для дела мог бы поделиться приобретенным в боях опытом с офицерами, подготовляющимися к службе в Генеральном штабе»¹⁷⁹⁰.

22 сентября 1917 г. в академию были назначены ординарными профессорами генерал-майоры Б.В. Геруа и Д.Д. Сергиевский¹⁷⁹¹. Аналогичное ходатайство о назначении генерала Матковского не было поддержано¹⁷⁹². Штаб-офицерами, заведующими обучающимися, стали полковники В.Н. Касаткин и Б.П. Поляков¹⁷⁹³. К 15 октября 1917 г. учебно-администра-

¹⁷⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 164.

¹⁷⁸⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1592. Л. 3.

¹⁷⁸⁷ Там же. Л. 1.

¹⁷⁸⁸ Приказ армии и флоту 15 сентября 1917 г. (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 950об.).

¹⁷⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 164.

¹⁷⁹⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1559. Л. 402–402об.

¹⁷⁹¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 158об.

¹⁷⁹² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1559. Л. 384.

¹⁷⁹³ Там же. Л. 382.

тивный состав академии насчитывал 43 человека¹⁷⁹⁴. В конце 1917 г. в академии служили 9 курсовых штаб-офицеров.

Гражданская война раскидала преподавателей сначала по стране, а затем и по всему миру. В то же время вокруг академии сложилась устойчивая группа, прибывшая в Екатеринбург и во многом сохранявшая свою связь с академией на протяжении 1918–1920 гг. и позднее.

Повороты судьбы бывали порой причудливы. 5 октября 1917 г. Андогскому было направлено заявление старшего адъютанта общего отделения отдела генерал-квартирмейстера штаба 12-й армии подполковника В.П. Сальского с просьбой устроить его курсовым штаб-офицером или штатным преподавателем¹⁷⁹⁵. Обращение Сальского, очевидно, не увенчалось успехом, в результате чего он пошел по пути украинизации, став одним из наиболее последовательных сторонников украинской национальной идеи среди бывших офицеров-генштабистов русской армии. Осенью 1919 г. Сальский стал командующим действующей армией Украинской народной республики (УНР), а затем и военным министром, входил также в Высший военный совет УНР. Как бы ни оценивались последующие действия Сальского, его попытка трудоустроиться в академию накануне Гражданской войны, в случае успеха, с большой долей вероятности привела бы к тому, что он мог стать не петлюровским, а колчаковским генералом, но, скорее всего, его карьера не была бы такой впечатляющей, какой сложилась в действительности. Данное обстоятельство наглядно демонстрирует немалую роль фактора случайности в том, где оказались офицеры-генштабисты в Гражданскую войну, даже если в ходе войны они проявили себя убежденными сторонниками той или иной идеологии.

Поступали в академию просьбы и о прикомандировании для написания научных трудов. Так, 4 декабря 1917 г. начальник штаба 5-й кавалерийской дивизии бывший генерал-майор М.М. Махов ходатайствовал о прикомандировании к академии для написания научного труда по истории кампании 1805 г. в Австрии¹⁷⁹⁶. Махову было отказано, в результате чего он остался в Советской России и был расстрелян осенью 1919 г. по делу «Национального центра».

Среди преподавателей академии можно было встретить удивительных людей. Так, курс военно-морского дела вел талантливый преподаватель капитан 1-го ранга Б.И. Доливо-Добровольский. Доливо-Добровольский происходил из старинного польского дворянского рода. Его родной брат Михаил был выдающимся электротехником и изобретателем, одним из основоположников электроэнергетики. Другой брат, Александр, также флотский офицер,

¹⁷⁹⁴ Исполняющий должность начальника академии полковник А.И. Андогский; генерал от инфантерии Н.А. Данилов; генерал-лейтенанты: А.К. Байов, В.В. Витковский, А.Г. Елчанинов, Б.М. Колубакин, В.Ф. Новицкий, Д.В. Филатьев, Г.Г. Христиани; генерал-майоры Б.В. Геруа, Г.Г. Гиссер, М.А. Иностранцев, А.Ф. Матковский, А.И. Медведев, П.Ф. Рябиков, Д.Д. Сергиевский; полковники: Арчинов (?), личность не установлена), Б.П. Богословский, А.Ф. Гущин, Р.К. фон Дрейлинг, Л.П. Дюсиметьер, Н.Я. Капустин, В.Н. Касаткин, Г.Т. Киященко, Н.И. Коханов, Г.В. Леонов, В.И. Оберюхтин, П.Г. Осипов, Б.П. Поляков, А.П. Слижиков, И.И. Смелов, Г.В. Солдатов, И.И. Сторожев, А.Д. Сыромятников; частные лекторы: генерал-лейтенант Э.М. Лисенко, капитан 1-го ранга Б.И. Доливо-Добровольский, полковник В.Н. Поляков; нештатные преподаватели: полковник артиллерии Г.Г. фон Шульман, подполковник артиллерии В.Р. Руппенейт, военный инженер, подполковник С.А. Ильяшев, подполковник Г.М. Миюхин, корпуса военных топографов подполковники Иванов и Федоров (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 310-310об.).

¹⁷⁹⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1580. Л. 4–5. Публикацию документа см.: Як майбутній український генерал В. Сальський ледь не став колчаківським офіцером / публ. А. Ганина // Військово-історичний альманах (Київ). 2013. № 1–2 (25–26). С. 102–103.

¹⁷⁹⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1580. Л. 7.

пошел по революционной стезе — еще в 1880-е гг. состоял в революционных кружках, сидел в Петропавловской крепости, позднее поступил на службу в МИД и дослужился до поста вице-директора департамента, а при большевиках работал в Наркомате иностранных дел.

Б.И. Доливо-Добровольский был крупным специалистом в области военно-морской разведки и контрразведки. После 1917 г. он остался в Петрограде и сотрудничал с новой властью. В качестве военно-морского эксперта участвовал в мирных переговорах в Брест-Литовске. Позднее преподавал на курсах разведки, был редактором главной военно-морской редакции, преподавал на восточном отделении Военной академии РККА. Со второй половины 1920-х гг. — профессор военно-морской стратегии Военно-морской академии. Он дважды арестовывался в начале и в конце 1930-х гг. и был расстрелян.

Назначения профессоров в академию проводились и в начале 1918 г. Тогда в академию вернулись два ее бывших профессора. Экстраординарным профессором с 15 января 1918 г. был назначен состоявший в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа бывший генерал-лейтенант В.Ф. Новицкий, а ординарным профессором с 19 января 1918 г. — командир VIII армейского корпуса бывший генерал-лейтенант А.Г. Елчанинов¹⁷⁹⁷. Едва ли во втором случае это было ценным приобретением для академии.

Однако эскалация Гражданской войны привела к тому, что некоторые преподаватели покинули академию и отсутствовали в ней длительное время. К весне 1918 г. таковым было отсутствие преподавателей А.Ф. Гушина и Л.П. Дюсиметьера. Некоторые сотрудники стали делать карьеру в Советской России. Одним из таковых оказался бывший библиотекарь С.Д. Масловский (сын профессора академии, выдающегося военного историка генерала Д.Ф. Масловского), который с 11 марта 1918 г. стал начальником штаба партизанских войск¹⁷⁹⁸, а впоследствии получил известность как советский писатель Мстиславский, автор многократно переиздававшегося романа «Грач, птица весенняя» о революционере Н.Э. Баумане.

Бытовые условия жизни преподавателей после революции, несомненно, ухудшились. Начались имущественные потери. В частности, в феврале 1918 г. было расхищено имущество штатного преподавателя Н.Я. Капустина, который 27 февраля просил разрешить ему пятидневный отпуск для поправки дел¹⁷⁹⁹. Стали вводиться ограничения на жилую площадь (уплотнение). 4 марта 1918 г. датирован документ, в котором отмечалось, что профессору Христиани для работы необходим кабинет «сверх нормированного для него и его семьи числа комнат»¹⁸⁰⁰. Появление подобных документов, очевидно, происходило не от хорошей жизни.

Что еще более важно, перед преподавателями стал вопрос выбора той или иной стороны в разворачивавшейся Гражданской войне. Обсуждались различные возможности уклониться от участия в боевых действиях. Так, Д.К. Лебедев, преподававший в академии, собирался заниматься изданием военной периодики¹⁸⁰¹. Профессор М.А. Иностранцев писал о своем решении: «Первоначально для меня не подлежало сомнению, что я, продолжая состоять в акаде-

¹⁷⁹⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 171об., 175.

¹⁷⁹⁸ Там же. Л. 191об.

¹⁷⁹⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1662. Л. 5.

¹⁸⁰⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1610. Л. 743.

¹⁸⁰¹ Генерал Р.К. Бангерский: материалы к истории Гражданской войны на Востоке России // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2001. № 9. С. 74. В дальнейшем Лебедев реализовал свой замысел, став редактором одного из первых советских военно-научных журналов «Военное дело», к сотрудничеству в котором он приглашал в мае 1918 г. преподавателей и слушателей академии (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 14. Л. 27).

мии, тем самым нахожусь на учете у большевиков... не имея ни малейшего желания служить в Красной армии, я первоначально решил вовсе не идти на регистрацию, готовясь привести в оправдание этого поступка то, что я состою в академии и, таким образом, нахожусь на учете и не укрываюсь. Однако же серьезная ответственность за уклонение, на которую были способны большевики, побудила мою жену настаивать на том, чтобы я не уклонялся, и она, просто для безопасности, просила меня пойти на регистрацию»¹⁸⁰². Впрочем, к приходу бывшего генерала регистрация уже завершилась, таким образом, он сумел ее избежать.

Постепенно преподавателей академии начали привлекать к работе в различных советских организациях и штабах создававшейся РККА. Б.П. Богословский в начале марта 1918 г. участвовал в работе комиссии по разгрузке Петрограда, заседавшей в Мариинском дворце¹⁸⁰³. Кроме того, он занимался организацией штаба Петроградского военного округа. Б.В. Геруа служил начальником штаба Северного участка и Петроградского района. А.И. Андогский, как известно, привлекался в качестве военного консультанта на мирные переговоры в Брест-Литовске, а также участвовал в разработке оснований для создания новой армии.

Далеко не все преподаватели академии захотели весной 1918 г. эвакуироваться из Петрограда. Причины были различны. Полковники Л.П. Дюсиметьер и Б.П. Поляков не поехали в связи с участием в антибольшевистских подпольных организациях¹⁸⁰⁴. П.Ф. Рябиков прибыл в Екатеринбург частным порядком в начале апреля 1918 г.¹⁸⁰⁵ Отдельно от остальных приехал М.А. Иностранцев. Большинство же, оставив вещи на своих петроградских квартирах, отправились на Урал, считая отъезд временным. В Петрограде задержались М.Н. Архипов, А.К. Байов (в академию не вернулся), В.В. Витковский (в академию не вернулся), А.Г. Елчанинов (в академию не вернулся), Н.Я. Капустин (в академию не вернулся), Б.М. Колубакин (к середине июля задержался в Казани, где и воссоединился с академией¹⁸⁰⁶), В.Ф. Новицкий (в академию не вернулся) и Д.В. Филатьев (прибыл в академию только в конце 1919 г.), служившие в штабах Б.П. Богословский, Б.В. Геруа (в академию не вернулся¹⁸⁰⁷), Г.Г. Гиссер, Н.И. Коханов и Б.П. Поляков (в академию не вернулся). Не стали эвакуироваться и более не вернулись в академию профессора-геодезисты В.В. Витковский и Д.Д. Сергиевский. Возможно, причиной этого стало их нежелание терять связь с Пулковской обсерваторией.

Ранее назначенный одним из квартиреров академии А.П. Слижиков приехал в Екатеринбург в середине апреля¹⁸⁰⁸. Андогский не мог выехать, так как был занят на совещаниях по формированию новой армии и установлению взаимоотношений между академиями, училищами и Главным управлением военно-учебных заведений. К началу лета 1918 г. в Екатеринбурге собрались, по нашим подсчетам, 22 преподавателя академии.

Движение профессорско-преподавательского состава академии за годы революции и Гражданской войны в некоторой степени (по имевшимся в самой академии данным) отражает таблица 25.

¹⁸⁰² ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 272.

¹⁸⁰³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648. Л. 54.

¹⁸⁰⁴ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 115.

¹⁸⁰⁵ Там же. Л. 201об.

¹⁸⁰⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1646. Л. 124.

¹⁸⁰⁷ Впрочем, из приказа Военного совета Северного участка и Петроградского района № 80 от 16 мая 1918 г. известно, что Геруа «согласно выраженному им желанию оставляет должность начальника штаба Северного участка и Петроградского района и отбывает в Военную академию» (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 14. Л. 32).

¹⁸⁰⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1646. Л. 61.

**Движение профессорско-преподавательского состава Военной академии за 1917–1920 гг.
(по имевшимся в академии сведениям)¹⁸⁰⁹**

Должность и фамилия	Состоял в 1917 г.	Прибыл в 1918 г.	Эвакуирован в Екатеринбург	Состоит налицо к 01.04.1920 г.	Примечание
Ординарные профессора					
В.В. Витковский	+				В Петрограде
Б.М. Коллобакин	+		+	+	
Г.Г. Христиани	+		+	+	
А.И. Медведев	+		+	+	
М.А. Иностранцев	+		+	+	
Н.И. Коханов	+		+	+	
А.И. Андогский	+		+	+	
Д.В. Филатьев	+				В Харбине
А.К. Байов	+				В Петрограде
Д.Д. Сергиевский	+				В Петрограде
Б.В. Геруа	+				В Петрограде
А.Г. Елчанинов	+				В Петрограде
А.Ф. Матковский	+		+		Получил новое назначение
Экстраординарные профессора					
Г.Г. Гиссер	+				В Петрограде
В.Ф. Новицкий	+				В Петрограде
П.Ф. Рябиков	+		+		В Пекине
Штатные преподаватели					
Л.П. Дюсиметьер	+				Неизвестно где
А.П. Слижиков	+		+	+	
А.Ф. Гущин	+				В Новочеркасске
И.И. Смелов	+		+		Получил новое назначение
А.Д. Сыромятников	+		+		То же
Н.Я. Капустин	+				В Петрограде
Б.П. Богословский	+		+		Получил новое назначение
И.И. Сторожев		+	+		То же
В.И. Сурин		+	+	+	
А.Т. Антонович		+	+	+	
В.Л. Томашевский		+	+		Получил новое назначение
Н.В. Главацкий		+	+	+	
Г.В. Солдатов	+		+		Получил новое назначение
А.К. Зиневич				+	
Г.Т. Киященко		+	+		В Японии

¹⁸⁰⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 487–487об.

Штаб-офицеры, заведующие обучающимися офицерами ¹⁸⁰⁹					
Ю.Н. Плющевский-Плющик	+				Получил новое назначение
Д.К. Лебедев	+				То же
Б.П. Поляков	+				В Петрограде
Р.К. фон Дрейлинг	+				В Новочеркасске
В.Н. Касаткин	+		+		Получил новое назначение
П.Г. Осипов	+		+		В Японии
Г.В. Леонов	+		+		Получил новое назначение
В.И. Оберюхтин		+	+		То же
М.Н. Архипов		+	+		То же
И.С. Свищев		+			Неизвестно где
Штатный руководитель практическими занятиями					
А.А. Сурнин		+	+	+	

Весной–летом 1918 г. шел активный поиск новых преподавателей для академии. 8 мая 1918 г. штатным преподавателем военных наук по кафедре военной администрации стал бывший генерал-майор В.И. Сурин¹⁸¹¹. Привлечь в академию летом 1918 г. на должность заведующего обучающимися генштабиста Е.Е. Шишковского, служившего в штабе Беломорского военного округа, не удалось¹⁸¹². Не попал в академию, несмотря на приглашение, и бывший капитан С.А. Пугачев, служивший в первой половине 1918 г. помощником кассира Сызрано-Вяземской железной дороги¹⁸¹³. В Екатеринбурге к преподаванию привлекались местные силы.

Причины зачисления на службу в академию в период Гражданской войны были различными. А.Т. Антонович так описывал свой выбор: «Назначение мое состоялось при следующих обстоятельствах: по возвращении с фронта (Украины) с офицерами и делами штаба 25 ар[мейского] корпуса, начальником которого я состоял... в преддверии скорой ликвидации штаба, не имея, кроме содержания, посторонних средств и не желая принимать какое-либо участие в работе с советскою властью, был озабочен подысканием места.

В это время мне стало известно, что академия открывается в Екатеринбурге — эвакуированная из Петрограда, что вызываются на старший класс офицеры, прошедшие ускоренные курсы во время войны, т.е. кадровые, которые ухватились за эту командировку не только для пополнения своих знаний, но и как средство избежать порядков советской власти, выиграв время, все уверены были, что большевизм падет скоро и во всяком случае в течение времени, которое будет проведено в стенах академии...

¹⁸¹⁰ Штаты академии предусматривали 10 штаб-офицеров, заведующих обучением, которые в Гражданскую войну стали именоваться курсовыми штаб-офицерами.

¹⁸¹¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 210об.

¹⁸¹² РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 171.

¹⁸¹³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1559. Л. 411.

Учебно-административный состав Военной академии на 12 июня 1918 г.¹⁸¹⁴

Должность (с какого времени), последний чин в старой армии, Ф.И.О., местонахождение (для не прибывших в академию)	Последняя должность перед зачислением в академию
Начальник академии (с 7 августа 1917 г.) проф. бывший генерал-майор А.И. Андогский	Командир полка
Правитель дел (с 15.11.1917), штатный преподаватель военных наук бывший подполковник И.И. Смелов	Штаб-офицер для поручений при отделе генерал-квартирмейстера штаба 4-й армии
Проф. (в академии с 12.11.1897) бывший генерал-лейтенант В.В. Витковский (в Петрограде)	
Проф. (в академии с 28.05.1897) бывший генерал-лейтенант Б.М. Коллобакин (в Петрограде)	
Проф. (в академии с 03.11.1904) бывший генерал-лейтенант Г.Г. Христиани	
Проф. (с 03.12.1916) бывший генерал-лейтенант Д.В. Филатьев (ожидалось прибытие)	Начальник канцелярии военного министра
Проф. (с 19.07.1917) бывший генерал-лейтенант А.К. Байов (в Петрограде)	Командир L армейского корпуса
Проф. (с 20.04.1917) бывший генерал-лейтенант А.И. Медведев	Помощник начальника снабжений Западного фронта
Проф. (с 15.09.1917) бывший генерал-майор М.И. Иностранцев	Генерал для поручений при Главном управлении военно-учебных заведений
Проф. (с 04.09.1917) бывший генерал-майор А.Ф. Матковский	В резерве чинов при штабе Киевского военного округа
Проф. (с 22.09.1917) бывший генерал-майор Д.Д. Сергиевский (в Петрограде)	Начальник канцелярии главного начальника снабжений Юго-Западного фронта
Проф. (с 22.09.1917) бывший генерал-майор Б.В. Геруа (в Петрограде)	Исполняющий должность начальника штаба 11-й армии
Проф. (с 16.12.1917) бывший генерал-лейтенант А.Г. Елчанинов (в Петрограде)	Командир VIII армейского корпуса
Проф. (с 07.09.1917) бывший полковник Н.И. Коханов	Отдельный руководитель работ 3-й строительной партии по укреплению тылового района армий Юго-Западного фронта
Проф. (с 16.12.1917) бывший генерал-лейтенант В.Ф. Новицкий (в Петрограде)	В резерве чинов при штабе Петроградского военного округа
Штатный преподаватель военных наук (с 03.05.1918) бывший генерал-майор В.И. Сурин	Начальник канцелярии Военного министерства
Штатный преподаватель военных наук (с 10.05.1917) бывший генерал-майор П.Ф. Рябиков	2-й генерал-квартирмейстер ГУГШ
Штатный преподаватель военных наук (с 27.05.1918) бывший полковник А.П. Слижиков	Исполняющий должность начальника штаба 11-й Сибирской стрелковой дивизии
Штатный преподаватель военных наук (с 27.05.1918) бывший подполковник А.Д. Сыромятников	Исполняющий должность старшего адъютанта штаба XIX армейского корпуса

¹⁸¹⁴ Сост. по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1629. Л. 6–7. Данные уточнены.

Должность (с какого времени), последний чин в старой армии, Ф.И.О., местонахождение (для не прибывших в академию)	Последняя должность перед зачислением в академию
Штатный преподаватель военных наук (с 27.05.1918) бывший подполковник Б.П. Богословский	Старший адъютант разведывательного отделения штаба 4-й армии
Штатный преподаватель военных наук (с 19.03.1918) бывший полковник Н.Я. Капустин	Начальник оперативного отделения управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем
Штатный преподаватель военных наук (с 27.05.1918) бывший подполковник И.И. Сторожев	Начальник штаба 20-й Сибирской стрелковой дивизии
Штатный преподаватель военных наук (с 08.09.1917) бывший подполковник Г.В. Солдатов	Старший адъютант штаба 10-й Сибирской стрелковой дивизии
Штатный преподаватель военных наук (с 16.12.1917) бывший полковник Г.Т. Киященко	Начальник отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего
Штатный преподаватель военных наук (с 21.09.1917) бывший полковник Б.П. Поляков (в Петрограде)	Старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии
Штатный преподаватель военных наук (с 22.03.1917) бывший полковник Р.К. фон Дрейлинг (уехал на Юг России и позднее был исключен из списков)	Исполняющий должность начальника штаба 13-й кавалерийской дивизии
Штатный преподаватель военных наук (с 21.10.1917) бывший полковник В.Н. Касаткин	Исполняющий должность начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Западного фронта
Штатный преподаватель военных наук (с 19.11.1917) бывший подполковник П.Г. Осипов (болен)	Штаб-офицер для поручений при штабе II гвардейского корпуса.
Штатный преподаватель военных наук (с 06.12.1917) бывший полковник Г.В. Леонов	Исполняющий должность начальника штаба 132-й пехотной дивизии
Штатный преподаватель военных наук (с 25.02.1918) бывший капитан В.И. Оберюхтин	Исполняющий должность начальника общего отделения штаба главнокомандующего армиями Западного фронта
Штатный преподаватель военных наук (с 30.01.1918) бывший полковник М.Н. Архипов (в Петрограде)	Командующий Казанским военным округом
Штатный преподаватель военных наук (с 27.05.1918) бывший полковник К.-Р.-Г.К. Карлсон (ожидалось прибытие)	
Штатный преподаватель военных наук (с 27.05.1918) бывший полковник О.Г. Дитц (ожидалось прибытие)	
Штатный преподаватель военных наук бывший полковник А.Т. Антонович (ожидалось прибытие)	
Исполняющий должность командира полуэскадрона при академии (с 25.12.1916) бывший подполковник В.Ф. Менжинский	
Исполняющий должность инструктора верховой езды (с 01.06.1918) бывший ротмистр Б.А. Вуич	
Квартирмистр (с 01.04.1918) бывший штабс-ротмистр В.Э. Арнгольд	
Заведующий хозяйством (с 02.03.1918) бывший капитан К.А. Наумов	Старший адъютант штаба 3-й Сибирской стрелковой дивизии

Встреча в Москве с начальником академии генерал-майором Андогским, подтвердившим мне мои предположения об аполитичности академии, “это единственный путь, который сохранит академию” — как выразился ген. Андогский...»¹⁸¹⁵ 17 июля 1918 г. Антонович был назначен заведующим слушателями¹⁸¹⁶.

Несмотря на углубление Гражданской войны, некоторые преподаватели еще достаточно свободно перемещались по стране. К примеру, профессору А.И. Медведеву вместе с супругой 7 июня 1918 г. было выдано удостоверение на право отъезда из Екатеринбурга на Кавказские Минеральные Воды в отпуск для лечения¹⁸¹⁷. Преподаватель А.Д. Сыромятников в июне ездил из Екатеринбурга в Петроград и Петрозаводск для эвакуации семьи¹⁸¹⁸. А.П. Слижиков ездил в Симбирск¹⁸¹⁹. Профессору Д.В. Филатьеву 12 июля 1918 г. было разрешено проживать вне Екатеринбурга до начала его лекций, намеченного на 1 октября 1918 г.¹⁸²⁰

Традиционно большое значение в академии придавалось организации практических занятий со слушателями. Руководители этих занятий в 1918 г. были следующими. Общим руководителем по тактике и службе Генерального штаба считался А.И. Андогский. Руководителями были: А.Т. Антонович, К.П. Артемьев, Б.П. Богословский, Н.Э. Борицкий, М.А. Иностранцев, Н.Я. Капустин, В.Н. Касаткин, Г.Т. Киященко, Г.В. Леонов, А.Ф. Матковский, П.Г. Осипов, П.Ф. Рябиков, И.И. Смелов, Г.В. Солдатов, И.И. Сторожев, В.И. Сурин, А.А. Сурнин, Ю.М. Тихменев.

Общим руководителем по военной администрации был Д.В. Филатьев. Временно его заменял В.И. Сурин. Руководителями были: А.И. Андогский, В.Н. Касаткин, Г.Т. Киященко, П.Г. Осипов, И.И. Смелов, Г.В. Солдатов, В.И. Сурин, А.Л. Чайков, В.Н. Чернышев.

Общим руководителем по военной статистике был Г.Г. Христиани. Руководителями: А.Т. Антонович, К.П. Артемьев, Б.П. Богословский, Н.Э. Борицкий, М.А. Иностранцев, Н.Я. Капустин (отсутствовал), В.Н. Касаткин, Г.В. Леонов, А.Ф. Матковский, А.И. Медведев (его, видимо, замещал В.Н. Чернышев), П.Г. Осипов, П.Ф. Рябиков, И.И. Смелов, И.И. Сторожев, В.И. Сурин, А.А. Сурнин, Ю.М. Тихменев, В.Л. Томашевский¹⁸²¹. Нагрузка в шесть часов лекций по тактике в неделю на преподавателя считалась нормальной¹⁸²².

В различные периоды Гражданской войны статус преподавательского состава академии различался. Так, вскоре после перехода академии на сторону антибольшевистских сил ряд преподавателей заняли руководящие посты в военных структурах антибольшевистских формирований Востока России. Высококвалифицированные специалисты были необходимы для создания антибольшевистских армий, поэтому преподавателей и слушателей академии начали привлекать к вопросам военного строительства самым интенсивным образом. Многие из них либо получали непосредственно назначения на должности, либо многократно находились в командировках и прикомандированиях к различным штабам.

¹⁸¹⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 29. Л. 23.

¹⁸¹⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648. Л. 166.

¹⁸¹⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 41. Л. 63.

¹⁸¹⁸ Там же. Л. 136.

¹⁸¹⁹ Там же. Л. 137.

¹⁸²⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1610. Л. 779.

¹⁸²¹ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 171.

¹⁸²² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 31. Л. 9.

Заведующий обучающимися в академии полковник Б.П. Богословский приказом Сибирской армии от 28 июля 1918 г. был назначен начальником штаба Средне-Сибирского корпуса¹⁸²³, позднее стал начальником штаба войск Уральской группы. А.П. Слижиков с 13 августа 1918 г. занял пост временно исполняющего должность начальника Генерального штаба Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания¹⁸²⁴. 28 августа 1918 г. полковник А.Т. Антонович выехал в Омск для назначения на новую должность (впрочем, уже 7 сентября он прибыл в распоряжение Андогского и был назначен правителем дел академии), штатный преподаватель подполковник И.И. Сторожев был назначен исполняющим должность начальника штаба Западно-Сибирского военного округа с оставлением в должности и отправился к месту назначения 4 сентября 1918 г. (позднее назначение считалось с 13 сентября)¹⁸²⁵. Штатный преподаватель военных наук генерал-майор В.И. Сурин был назначен помощником управляющего Военным министерством по вопросам снабжения с оставлением в должности и выехал 8 сентября (назначение также считалось с 13 сентября). С приходом к власти адмирала А.В. Колчака он даже некоторое время исполнял должность военного министра, после чего в январе 1919 г. был назначен помощником военного министра по снабжению и технической части. 5 июня 1919 г. Сурин получил назначение главным начальником снабжений действующих армий с оставлением в прежних должностях помощника министра и штатного преподавателя академии¹⁸²⁶.

Ординарный профессор генерал-майор А.Ф. Матковский уехал в командировку в Омск еще 22 августа, а 5 сентября 1918 г. был назначен инспектором кавалерии Сибири. Полковники А.П. Слижиков и Г.В. Леонов, подполковники В.Н. Касаткин, В.И. Оберюхтин и А.Д. Сыромятников с 14 августа 1918 г. отправились в распоряжение управляющего военным ведомством самарского правительства для получения назначений¹⁸²⁷.

Штатный преподаватель подполковник И.И. Смелов 3 сентября отправился в командировку для назначения генерал-квартирмейстером Сибирской армии. Военный инженер, полковник Н.И. Коханов с 24 сентября 1918 г. находился в командировке в Омске для организации главного инженерного управления, которое позднее и возглавил. Штаб-офицер, заведующий обучающимися, подполковник А.А. Сурнин с 17 октября 1918 г. находился в командировке для исполнения должности начальника штаба Средне-Сибирского армейского корпуса (позднее — I Средне-Сибирского армейского корпуса)¹⁸²⁸. Полковник Г.В. Леонов с 27 сентября 1918 г. стал временно исполняющим должность 2-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем генерале В.Г. Болдыреве. Полковник В.Н. Касаткин занял пост временно исполняющего должность начальника военных сообщений. В 1919 г. его обвинили в злоупотреблениях, но оправдали. Министр продовольствия и снабжения колчаковского правительства К.Н. Неклютин вспоминал о Касаткине: «Могу заверить, что он вел себя очень ответственно... На мой взгляд, он был одним из самых честных людей в то время, настоящий патриот, который делал все возможное в тех условиях, без мысли о доходах в свой карман»¹⁸²⁹.

¹⁸²³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 249.

¹⁸²⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 10. Л. 158об.

¹⁸²⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 16. Л. 81.

¹⁸²⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 317об.

¹⁸²⁷ Там же. Л. 238–239.

¹⁸²⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 16. Л. 119.

¹⁸²⁹ Неклютин К.Н. От Самары до Сизьтла. Воспоминания. Самара, 2011. С. 121.

К сожалению, свидетельств о взглядах преподавателей академии на происходящие события сохранилось немного. А.Д. Сыромятников, по воспоминаниям его знакомого офицера, «был веселый, умный человек с большим юмором. Несмотря на кажущийся иной раз легкомысленный характер, он был большой скептик и весьма пессимистически смотрел на белое движение: “Все это тех же шей, да пожиже влей — а ведь, дорогой мой, идет нечто новое — к старому-то возврата нет? Ну, посмотрим, что выйдет. Одно скажу вам наверняка — на союзников рассчитывать нечего”, — говорил Сыромятников»¹⁸³⁰. При этом Сыромятников с недоверием относился к протежировавшему Андогскому и академии министру финансов омского правительства И.А. Михайлову, считая его интриганом¹⁸³¹.

Деятельность служащих академии осенью была достаточно активной. Очевидно, шла какая-то работа, причем отнюдь не только в рамках узко академических дел. Штаб-офицер, заведующий обучающимися в академии, подполковник П.Г. Осипов 6 октября 1918 г. возвратился из командировки в Иркутск¹⁸³², а 26 октября уехал в Харбин для общего руководства закупкой предметов первой необходимости и канцелярских принадлежностей¹⁸³³. Осенью 1918 г. постоянно ездил в командировки начальник академии А.И. Андогский. Профессор М.А. Иностранцев с 1 по 21 октября ездил в командировку в Омск в штаб Сибирской армии. Преподаватель черчения и съемки полковник Г.Т. Киященко 31 октября 1918 г. был допущен к исполнению должности начальника штаба корпусного района Средне-Сибирского корпуса (вернулся в академию 2 марта 1919 г. по ликвидации дел упраздненного штаба корпусного района)¹⁸³⁴. С 15 октября 1918 г. к академии был прикомандирован полковник И.С. Свищев для исполнения должности курсового штаб-офицера (впрочем, на Восток России он так и не прибыл, оставшись на белом Юге, здесь находились только его жена и дети, в академии Свищев числился лишь номинально и в итоге с 1 февраля 1919 г. был исключен из списков ввиду неприбытия с Юга)¹⁸³⁵.

Осенью 1918 г. готовился новый штат академии, предусматривавший должности начальника академии, правителя дел, помощника правителя дел (для разгрузки правителя дел), 12 курсовых штаб-офицеров (вместо прежних 10, чтобы из расчета в 314 слушателей на каждого приходилось по 25–30 человек), 15 ординарных и 5 экстраординарных профессоров (13 профессоров по военному искусству, 2 по военной статистике, 2 по военной администрации, 3 по астрономии и геодезии), 8 штатных преподавателей военных наук, а также одного выпускника артиллерийской академии и одного военного инженера, 2 штатных преподавателей черчения и съемки и 10 штатных руководителей практических занятий (вместо ранее практиковавшегося приглашения офицеров-генштабистов со стороны)¹⁸³⁶. Кроме того, в штат была введена типография академии, существовавшая при ней уже около 10 лет, «но не предусмотренная штатом по недоразумению»¹⁸³⁷.

После прихода к власти адмирала А.В. Колчака в ноябре 1918 г. в военном руководстве сложилась группа генштабистов, ориентированных на полковника Д.А. Лебедева, а многие

¹⁸³⁰ Ильин И.С. Омск. Директория. Колчак // Новый журнал (Нью-Йорк). 1963. Кн. 72. С. 201.

¹⁸³¹ Там же. С. 203.

¹⁸³² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 248.

¹⁸³³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 16. Л. 91об.

¹⁸³⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 248об., 285.

¹⁸³⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 16. Л. 101; Д. 47. Л. 221; Д. 63. Л. 102, 128; Д. 64. Л. 10.

¹⁸³⁶ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 35. Л. 2–2об.

¹⁸³⁷ Там же. Л. 6.

представители академии оказались вытеснены с руководящих военных постов. К тому же начались занятия в академии, что послужило как реальной причиной, так и удобным предлогом для перевода преподавателей с высших постов на педагогическую работу. В конце 1918 г. в академию были отправлены штатные преподаватели: временно исполняющий должность помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего полковник А.П. Слижиков (прибыл в академию 5 января 1919 г.) и временно исполняющий должность 1-го генерал-квартирмейстера Ставки полковник А.Д. Сыромятников (допущен к исполнению должности курсового штаб-офицера)¹⁸³⁸. Производство полковников А.Т. Антоновича, Г.Т. Киященко и капитана К.А. Наумова в следующие чины в январе 1919 г. было отложено¹⁸³⁹.

Критически отзывался о коллегах по академии в своем дневнике за 1 декабря 1918 г. А.Т. Антонович: «Наводит на грустное размышление и деятельность окружающих меня людей — их не интересует дело как таковое; их не интересует именно военное искусство, военная наука как таковая; нет, они заняты этими вопросами только в той мере, в какой может быть материальная выгода. А ведь это люди, посвятившие себя, отдавшие себя на служение военной науке. Что это? Испорченность людей, заботящихся по-обывательски, или нет искреннего служения делу, потому что оно — фикция? Прошла война, в других государствах уже есть труды, а у нас — увь. Приходится сказать, что виноваты люди, которые попали туда, где им не место»¹⁸⁴⁰. Думается, Антонович был не вполне справедлив к сослуживцам, поскольку в академии работали и те, кто действительно болел душой за свое дело. На наш взгляд, таковыми являлись А.И. Андогский, М.А. Иностранцев, Б.М. Колюбакин, П.Ф. Рябиков, Г.Г. Христиани, не прекращавшие военно-научной работы даже в условиях Гражданской войны. Сам Антонович признавался, что под влиянием массовой гибели населения, разрушений и варварского уничтожения культурных ценностей в результате войны утратил интерес к военной науке. Кроме того, его угнетала неблагодарность населения по отношению к офицерству¹⁸⁴¹.

К 20 декабря 1918 г. в академии по списку состояли 16 генералов (налицо 8), 18 штаб-офицеров (налицо 4), 4 обер-офицера и 7 чиновников. Всего по списку насчитывалось 45 офицеров. До штата недоставало 10 обер-офицеров и 4 чиновников¹⁸⁴². Постепенно преподаватели прибывали в академию. К 18 февраля 1919 г. налицо было 8 генералов, 4 штаб-офицера, 7 обер-офицеров, 9 чиновников¹⁸⁴³. В преддверии возобновления обучения в академии в ней согласились вести занятия штатские педагоги из Томского университета. Профессор В.М. Грибовский дал согласие читать курс государственного или международного права (предпочтительнее государственного); профессор В.Ф. Залесский — политическую экономию и историю социально-экономических учений; профессор Б.Е. Будде — политическую экономию, а приват-доцент И.Т. Филиппов — государственное право или историю социально-экономических учений¹⁸⁴⁴. Штатными преподавателями на весну 1919 г. состояли Г.Т. Киященко, П.Г. Осипов, П.Ф. Рябиков, А.П. Слижиков, И.И. Смелов, Г.В. Солдатов и А.Д. Сыромятников.

¹⁸³⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 263.

¹⁸³⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 4.

¹⁸⁴⁰ Дневник генерала Антоновича // Голоса Сибири. Литературный альманах. Кемерово, 2006. Вып. 3. С. 389.

¹⁸⁴¹ Там же. С. 388–389.

¹⁸⁴² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1633. Л. 1об.–2.

¹⁸⁴³ Там же. Л. 15.

¹⁸⁴⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1631. Л. 28.

Ведение учебного процесса не служило препятствием для отрыва профессоров от их прямых обязанностей. Ослабление академии происходило постоянно (для сравнения: в академии Генштаба РККА в этот же период массовых изъятий преподавателей не было). Сами преподаватели не всегда понимали смысл их откомандирований от академии, порой против их желания¹⁸⁴⁵. Единственным способом борьбы с ослаблением академии стал саботаж откомандирований преподавателями.

Именно после открытия курсов 4-й очереди в январе 1919 г. из академии по политическим причинам был отозван ее бессменный руководитель А.И. Андогский, вынужденный отправиться в Иркутск в распоряжение начальника штаба Иркутского военного округа. Понимая, что командировка имеет политическую подоплеку, с отъездом Андогский отнюдь не торопился и до 4 марта 1919 г. продолжал заниматься делами академии¹⁸⁴⁶. Первоначально Андогский задержался из-за сдачи академии новому начальнику, позднее в качестве причины задержки указывал отсутствие мест в поездах¹⁸⁴⁷. Разумеется, все это были лишь отговорки. 31 января он убыл в командировку в Омск, из которой вернулся 9 февраля¹⁸⁴⁸. 25 февраля 1919 г. начальник Главного штаба генерал-майор В.И. Марковский даже сообщил в академию, что если Андогский все еще не исполнил приказание и не выехал, то, по словам военного министра, могут быть приняты нежелательные меры¹⁸⁴⁹. Тогда было придумано новое оправдание. В ответ временно исполняющий должность начальника академии профессор Колубакин сообщил: «Генерал Андогский предполагал выехать 19 февраля, но приезд инспектирующего генерала Люпова и генерала Менде задержал его отъезд до настоящего время¹⁸⁵⁰ ввиду необходимости получения от него справок при производстве инспекции и дачи им письменного подробного показания генералу Менде о деятельности академии в 1917 и [19]18 годах. Ныне [в] зависимости от получения места [в] поезде генерал Андогский выезжает 3 марта»¹⁸⁵¹. Лишь 4 марта Андогский все-таки уехал в Иркутск, как ему и было предписано (в Иркутске проживал в гостинице «Модерн»).

Андогский не терял оптимизма. Начальник Иркутского военного района полковник Е.Г. Сычев впоследствии вспоминал: «Впервые увидел я генерала Андогского в 1919 году в момент его первого тяжелого испытания, когда он был прислан под надзор командующего войсками Иркутского военного округа. Командующий войсками поручил надзор мне как начальнику гарнизона. В часы приема ко мне в кабинет явился неизвестный генерал и, вытянувшись по уставу, отрапортовал: “Под надзор прибыл”.

Воображаю, что переувствовал тогда Александр Иванович, не ведая за собой никакой вины.

Я принял его приветливо, высказал уверенность, что все скоро разъяснится, и освободил от унижительной ежедневной явки в канцелярию начальника гарнизона.

Действительно, скоро тогда все разъяснилось, генерал Андогский был вызван в Омск и получил высокую должность генерал-квартирмейстера Ставки»¹⁸⁵². Уже 23 апреля Андог-

¹⁸⁴⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 25. Л. 13об.

¹⁸⁴⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 72.

¹⁸⁴⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 85, 94.

¹⁸⁴⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 27.

¹⁸⁴⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 82.

¹⁸⁵⁰ Так в документе.

¹⁸⁵¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 83.

¹⁸⁵² ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 103.

ский донес, что с разрешения командующего войсками Иркутского военного округа прибыл для проживания в Томск¹⁸⁵³.

В период отсутствия Андогского его супруга, оставшаяся в Томске, страшно тосковала по мужу и выясняла, есть ли способ приехать в Иркутск. Андогский просил передать ей о невозможности этого. От супруги каждые несколько дней поступали телеграммы, полные заботы о муже: «Благословляю, целую, дома все благополучно, дети целуют папу. Шура»¹⁸⁵⁴; «Не тоскуй. Я чувствую это. Верь себе и мне. Благословляю, целую, люблю. Шура» (получена 15 марта 1919 г.)¹⁸⁵⁵; «Здоровы, целуем. Леля занимается. Будь уверен и спокоен. Письмо пришлю [с] Киященко. Шура» (получена 20 марта 1919 г.)¹⁸⁵⁶.

А.П. Слижиков в разговоре с Андогским 18 марта сообщал о письме от общего знакомого Жоржа, личность которого установить не удалось (предположительно, полковник Г.И. Клерже): «Он удивлен, недоумевает и огорчается, что проделано с тобой делателями политики. Он весь начеку для оказания содействия тебе [в] подходящий момент и особенно после закрепления своей личной позиции. Тогда и его голос будет иметь другой удельный вес»¹⁸⁵⁷. К середине марта 1919 г. разговоры об Андогском в Омске «потеряли свою отрицательную остроту и ныне направлены к заглаживанию сделанных ошибок и прорех в отношении такого крупного деятеля, как ты [Андогский]»¹⁸⁵⁸. Поддерживали Андогского генералы С.А. Зубов и Г.С. Осипов (главный начальник военно-учебных заведений). Зубов был огорчен за академию и Генштаб в связи с историей Андогского, которого отстранили политики¹⁸⁵⁹. Н.К. Павловский в письме Андогскому от 30 апреля выражал радость в связи с возвращением Андогского в Томск, писал о том, что призыв генерала к активной работе не за горами — «ничего определенного еще, но как-то чувствуется. Да и не может же долго идти госуд[арственное] строительство, когда царят произвол, глупость и мальчишество во многих областях жизни»¹⁸⁶⁰. При этом «колчакию» он называл «белой Совдепией».

22 января 1919 г. в командировку в Омск по вызову военного министра отправился ординарный профессор М.А. Иностранцев¹⁸⁶¹. 27 января 1919 г. туда же в командировку по секретному поручению Андогского отправились полковник А.Т. Антонович и генерал-майор В.Л. Томашевский (возвратились 12 февраля)¹⁸⁶². В феврале 1919 г. Томашевский получил назначение инспектором артиллерии Сибирской армии и покинул академию¹⁸⁶³. Штатный преподаватель военных наук полковник Г.Т. Киященко 10 февраля получил назначение в Иркутск на должность начальника штаба округа¹⁸⁶⁴, ни в феврале, ни в марте он так и не выехал под предлогом отсутствия мест в поезде¹⁸⁶⁵, а уже 8 апреля на этот пост был назначен

¹⁸⁵³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 125; Д. 56. Л. 101.

¹⁸⁵⁴ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 54. Л. 2.

¹⁸⁵⁵ Там же. Л. 4.

¹⁸⁵⁶ Там же. Л. 5.

¹⁸⁵⁷ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 47. Л. 10б.

¹⁸⁵⁸ Там же. Л. 2об.

¹⁸⁵⁹ Там же.

¹⁸⁶⁰ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 48. Л. 7.

¹⁸⁶¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 266об.

¹⁸⁶² Там же. Л. 267об., 275об.

¹⁸⁶³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 61.

¹⁸⁶⁴ Там же. Л. 148.

¹⁸⁶⁵ Там же. Л. 164.

другой кандидат. Тем не менее 12 апреля Киященко убыл в Ставку на должность главного полевого интенданта¹⁸⁶⁶. Штатный преподаватель подполковник Г.В. Солдатов находился в командировке в Главном штабе с 13 по 21 апреля 1919 г.¹⁸⁶⁷ 10 апреля он получил назначение начальником штаба 13-й Сибирской стрелковой дивизии в Новониколаевске¹⁸⁶⁸, хотя был необходим для окончания приведения в порядок имущества геодезического кабинета, академического музея и церковного имущества¹⁸⁶⁹.

Как справедливо отмечал в марте 1919 г. временный начальник академии Б.М. Колюбакин, «наличный состав профессоров и преподавателей в академии, что называется, “в обрез”»¹⁸⁷⁰. Тем не менее преподаватели академии не всегда ладили друг с другом. Создавались группировки. По данным на середину марта 1918 г., профессора М.А. Иностранцев и Б.М. Колюбакин держались вместе. Иностранцев находился в конфликте с Антоновичем, который, по словам его друга и сослуживца А.П. Слижикова, «возмущен, обижен, работать не хочет»¹⁸⁷¹. Уход Антоновича с поста правителя дел академии попытались предотвратить уступками и уговорами.

К 26 февраля в академии налицо состояли 8 генералов, 8 штаб-офицеров, 4 обер-офицера, 156 обучающихся офицеров, 7 чиновников и 2 солдата. В командировках были 12 генералов и 9 штаб-офицеров, больны один обер-офицер и 3 обучающихся офицера, трое обучающихся также находились в отпусках¹⁸⁷². Таким образом, учебно-административный персонал академии включал до 49 человек¹⁸⁷³.

С конца апреля 1919 г. преподавателей все активнее стали отзывать из академии. Шло обсуждение предлагаемых вакансий¹⁸⁷⁴. Суть и подоплеку кадровых перемен достаточно точно отметил П.Ф. Рябиков: «Постоянное недовольство армий фронта и Ставки тылом, а значит, Военным министерством и Главным штабом было основной причиной ряда выводов с теми или иными “реорганизациями” в военном управлении.

В этих “реорганизациях”, как и во всяком человеческом деле, не обходилось, конечно, и без борьбы тех или иных личностей, для безжалостного прекращения которой у адмирала [Колчака], повторяю, не хватало должных сил и энергии...

Приезд в мае 1919 года нас, нескольких членов конференции, в Омск как раз и был вызван крупной реорганизацией высшего управления, которая подготавливалась в секрете от Военного министерства на ряде совещаний в мае месяце. Одной из причин и этой реорганизации было недовольство работой тылов, возглавляемой Военным министерством.

В это время было особенно сильно и заметно влияние на адмирала начальника его штаба генерала Лебедева, безусловно, честного и работоспособного¹⁸⁷⁵, но излишне упрямого и властного, не любившего считаться с мнениями и советами старших и более опытных лиц. Выдающихся талантов, оправдывающих и молодость, широты военного кругозора, видимо,

¹⁸⁶⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 119.

¹⁸⁶⁷ Там же. Л. 124.

¹⁸⁶⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 107.

¹⁸⁶⁹ Там же. Л. 108.

¹⁸⁷⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 54. Л. 5.

¹⁸⁷¹ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 47. Л. 2об.

¹⁸⁷² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 212.

¹⁸⁷³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 286.

¹⁸⁷⁴ Там же. Л. 270–270об.

¹⁸⁷⁵ Во время войны Великой дошел в штабных должностях до чина подполковника (*примеч. П.Ф. Рябикова*).

у ген. Лебедева не было. Человек малообщительный и замкнутый, но всегда сдержанно-корректный, генерал Лебедев не пользовался ни популярностью, ни должным авторитетом как начальник штаба Верховного главнокомандующего ни в военных, ни в гражданских кругах»¹⁸⁷⁶. Таким образом, вроде бы преследовалась цель укрепить власть Лебедева и усилить значение Ставки, сузив компетенцию Главного штаба. Впрочем, цель укрепления власти достигнута не была, так как после перестановок в Ставку попали давние оппоненты Лебедева.

Штатный преподаватель полковник А.Д. Сыромятников 25 апреля отправился в Красноярск в распоряжение генерал-лейтенанта С.Н. Розанова. Штатный преподаватель полковник И.И. Смелов 28–29 апреля выехал в Петропавловск для назначения исполняющим должность начальника штаба Сводно-казацкого корпуса. Правитель дел полковник А.Т. Антонович был срочно командирован в распоряжение начальника штаба Ставки. Исполняющим должность правителя дел с 1 мая стал заслуженный ординарный профессор генерал Христиани. На основании телеграммы генерал-квартирмейстера Ставки от 11 апреля 1919 г. ординарный профессор генерал-лейтенант Медведев с 30 апреля был направлен в Омск, а затем в Уфу на должность главного начальника снабжений Западной армии¹⁸⁷⁷, которую занял 1 мая. Профессора удалось задержать в академии до окончания экзаменов. Н.И. Коханов занял пост начальника главного инженерного управления. В действующую армию в апреле вызывались для назначений заведующий академической лавкой подполковник М.М. Князев, капитан К.А. Наумов, ротмистр Б.А. Вуич, штабс-капитан А.С. Дружинин, штабс-ротмистр В.Э. Арнгольд¹⁸⁷⁸. Впрочем, начальник Главного штаба 23 апреля разрешил оставить в академии Наумова как необходимого для сбережения хозяйственных ценностей, Дружинин получил освобождение на три месяца по медицинским показаниям как переживший сыпной тиф с воспалением легких¹⁸⁷⁹.

Выпуск из академии в мае 1919 г. практически совпал с кардинальными кадровыми перестановками в руководстве колчаковской военной машины. Недовольство Д.А. Лебедевым и его ставленниками привело к постепенной утрате ими своего влияния. В руководство военными структурами вновь пришли представители академии, которые занимали высшие военные посты вплоть до ноября 1919 г., когда колчаковские войска по сути уже развалились. После выпуска был осуществлен массовый перевод профессорско-преподавательского состава академии на высшие военно-административные посты. Впрочем, Лебедев оставался на посту начальника штаба Ставки вплоть до августа 1919 г., а также занимал пост военного министра. Как складывалась совместная работа с ним его недругов из академии, сказать сложно. Фактом остается лишь то, что в начале августа Лебедеву пришлось покинуть оба поста, тогда как представители академии продолжали служить в Ставке.

Однако вернемся к процессу перевода профессорско-преподавательского состава академии в Ставку в мае–июне 1919 г. Сторонников Андогского живо интересовал вопрос реабилитации опального генерала. Для этого были задействованы самые разные связи.

Капитан А.Л. Симонов писал Андогскому еще 8 апреля 1919 г. из Омска: «Здесь сейчас такая обстановка. Адмирал как моряк волей или неволей опирается на Степанова и Лебеде-

¹⁸⁷⁶ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 7об.–8. Подчеркивание в тексте сделано мемуаристом.

¹⁸⁷⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 303об., 305–305об.

¹⁸⁷⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 216.

¹⁸⁷⁹ Там же. Л. 217, 219.

ва. Они же создали около него нехорошую атмосферу. Ему многое не говорят или запугивают его, когда он принимает решение, не угодное их кругам.

Само же правительство тоже по своему составу, видимо, не на высоте. Сказывается молодость и недостаток широты мысли.

Все вместе послужило в результате причиной того, что укрепления власти нет. Мероприятия часто выходят очень неудачные... Военная же сторона вылилась в совершенно уродливые формы. Это огромное штабное царство, в котором все заблудилось и гибнет.

Организационной работы никакой. Учреждения, подчас совершенно мифические, впитали невероятное количество служащих в ущерб фронту.

Функции не разграничены. Поэтому ни один вопрос не решается одним¹⁸⁸⁰; параллельная работа, бесконечная бумажная волокита, междуведомственные совещания и в результате — ничего не делается.

При этих условиях, даже если бы люди были идеальны, они обязательно перессорятся, а уж пользы-то не будет при всем желании.

Такая обстановка создается положительно всеми. По привычке ищут стрелочников, не сознавая, что сама система плоха.

Сознаются пока в одном — нет людей. А когда указываются лица, то другие, цепляясь за власть, поднимают вой.

Все-таки, по-моему, люди есть.

Решено было убрать Степанова, а вместе с ним и Марковского. Внимание всех останавливалось на Романовском, тебе, Дитерихсе и Рябикове (по специальностям).

Прежде всего, решено было убрать Степанова, на которого уже очень зол был Совет министров за его полную безграмотность и интриганство.

Романовского долго не пускали. Степанов “мобилизовался”. Наконец, адмирал потребовал его приезда. Юрий Дмитриевич, ориентируясь в Омске, изложил правителью свой взгляд на положение вещей, указав, что так дальше идти не может. Настойчиво указывал, что держать за бортом тебя, Рябикова и других людей дела, — это подготовка к полному краху.

Пока знаю, что и Романовский, и Дитерихс определенных предложений не получали.

Но по-прежнему идут разговоры, что будут крупные перемены в военном ведомстве.

Кажется, должность воен[ного] министра будет упразднена, а будет помощник Верх[овного] правителя.

Романовский предполагал бы (говорил под секретом Кулеша) — самому остаться на Д[альнем] В[остоке] в роли единоличного представителя; тебя — в Омске, а Дитерихсу — на фронте. В Иркутске же Артемьев.

Мне рисует, что это было бы хорошо. Лично мне Ром[ановск]ий сказал... Андогского нельзя оставлять не у дел; он сейчас в резерве — это полный абсурд...

За эти дни я видел... Михайлова, который о тебе говорил по-прежнему в самом благожелательном тоне, но сказал, что “сейчас пока не время”. Он сказал, что Менде был несколько предубежден, однако, вернувшись из Томска, он привез с собой объемистое дело и лично делал доклад адмиралу. Заключение Менде не только реабилитирующее, а прямо блестящее. Адмирал был чрезвычайно доволен. Однако, как видишь, пока ничего не сделано. Одно разве, несмотря на туман около адмирала, отношение к академии все улучшается. Весь фронт

¹⁸⁸⁰ Подчеркнуто автором.

сделал отличную оценку слушателям и ходатайствует об их переводе в Генштаб. Однако конференция упирается, доходя в своем заключении чуть ли не до полного отрицания их прав. Тут сказывается опять-таки вопрос желудка. Конференция хотела бы оставить сразу на старший класс подготовительный курс 4^й очереди. Ах, люди, люди!

Менде не видел: 4 раза ходил, но ни разу не мог его поймать. Может быть, сегодня поймаю. После 2 часов — в суде...

Итак, время возьмет свое. Пока ничего определенного не выявляется, но, конечно, и мысли не должно быть, что твоя звезда померкла для большой работы.

Не падай духом!»¹⁸⁸¹

Андогский лично беседовал на вокзале с представителем Верховного правителя при союзниках на Дальнем Востоке генералом Ю.Д. Романовским, когда тот был проездом в Иркутске по пути в Омск для доклада Колчаку. Была достигнута договоренность, что Верховному правителю будет доложено о деле Андогского¹⁸⁸². Постепенно положение Андогского улучшалось, тем более что с начала апреля преподаватели академии ждали ухода со своих постов военного министра Степанова и начальника штаба Ставки Лебедева¹⁸⁸³. В действительности их уход задержался. Жаловался Андогский и начальнику Главного штаба. 3 мая он сообщал ему, что в отпуску в Тюмени заболел тяжелой формой неврастении, «угрожающей по заключению врачей потерей работоспособности как результат тяжелых нравственных переживаний [в] течение последних четырех месяцев»¹⁸⁸⁴. Под предлогом необходимости гидротерапевтического лечения Андогский добивался разрешения проживать в Томске. Аналогичную жалобу он направил и командующему войсками Иркутского военного округа генералу В.В. Артемьеву¹⁸⁸⁵.

Несмотря на опалу, Андогский продолжал публиковать свои военные обзоры в сибирских газетах. При этом он подчеркнуто демонстрировал неприятие большевизма. Так, в статье с характерным названием «Положение дел в “Большевизии”» он писал о Красной армии: «Таковая вооруженная сила долго существовать не может. Распадение ее начнется скоро, а с тем вместе — скоро пробьет и последний час владычества советской власти»¹⁸⁸⁶.

¹⁸⁸¹ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–4об.

¹⁸⁸² РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 47. Л. 5об. Впрочем, из письма Андогскому от Н.К. Павловского, датированного 30 апреля 1919 г., видно, что переговоры не принесли результата: «Ген. Романовский уехал обратно во Владивосток, окунувшись в тину “столичной” жизни. О тебе он вопроса не возбуждал, по слухам, боясь пока (подчеркнуто автором. — А.Г.) связывать свое имя с выдвижением тебя (говорю это со слов кап[итана] Симонова)» (РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 48. Л. 8об.). В мае 1919 г. Романовский через лично преданного Андогскому капитана А.Л. Симонова передал письмо, в котором извещал перед Андогским за то, что не выполнил его просьбу: «К сожалению, не мог исполнить Вашей просьбы, ибо мне ни разу не удалось побеседовать с адмиралом с глазу на глаз. Независимо сего, мое выступление в Вашу пользу подняло бы только новые интриги ввиду того, что мой приезд вызвал волнение среди Военного мин[истерст]ва и Ставки, где опасались, что я буду стараться устроиться в Омске, поэтому мое выступление за Вас только подлило бы масла в огонь. Что касается генерала Жанена, то он к Вам относится весьма благожелательно. Мне кажется, ныне лучше Вам никаких шагов в смысле получения назначений предпринимать не следует (так в документе. — А.Г.). Время работает за Вас, и легенда об академии уже отпала. Несомненно, Вас привлекут к работе... Я сейчас еду в[о] Владивосток, а затем недели на 3 в Японию. Крепко жму руку Ваш Ю. Романовский» (РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–2об.).

¹⁸⁸³ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 47. Л. 6.

¹⁸⁸⁴ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 48. Л. 4.

¹⁸⁸⁵ Там же. Л. 5.

¹⁸⁸⁶ Андогский А.И. Положение дел в «Большевизии» // Сибирская жизнь (Томск). 1919. 15 марта. № 52. С. 2.

Прогноз военного эксперта оказался справедлив, но только в отношении колчаковских армий и белой власти в Сибири. Травля Андогского сыграла, очевидно, злую шутку с белым командованием, когда генерал летом 1919 г. пришел на руководящие посты в омской Ставке. Памятуя о преследованиях за мнимый большевизм, он явно опасался озвучивать реальную оценку состояния колчаковских войск. Опытный генерал А.П. Будберг был неприятно поражен чрезмерным оптимизмом суждений Андогского и явным замазыванием катастрофического положения фронта в его докладе членам колчаковского правительства в начале августа 1919 г. Все это прикрывалось профессорским апломбом.

О том, что Андогский в своих докладах говорил не все, писал в дневнике видный сибирский политический деятель В.Н. Пепеляев¹⁸⁸⁷. Будберг с горечью резюмировал: «Такие вещи можно докладывать только по незнанию и по неспособности понять положение армий или же с заведомым намерением скрыть правду и выгородить Ставку»¹⁸⁸⁸. По мнению Будберга, подобные ложные данные были навряд «чрезвычайно опасного гашиша такого лживого оптимизма»¹⁸⁸⁹. Однако Андогский и дальше продолжал вводить правительство в заблуждение относительно реального положения дел¹⁸⁹⁰. Ничто не осталось без последствий — ни несправедливые гонения на академию, ни обусловленные этим опытом лживые доклады ее начальника о состоянии войск.

Но все это было потом, а пока сторонники Андогского в высших кругах Омска использовали различные поводы, чтобы пролоббировать его назначение на руководящие посты. Например, для этого использовался конфликт между генералами Р. Гайдой и Д.А. Лебедевым. 28 мая на совещании у Колчака министры И.А. Михайлов и И.И. Сукин предложили заменить Лебедева Андогским. На это Колчак заявил, что офицерство настроено против Андогского из-за его участия в брест-литовских переговорах. Против Андогского был настроен и генерал А.Н. Пепеляев. Колчак считал, что перед назначением на высокий пост Андогский должен попробовать свои силы в роли командира какой-либо части, чтобы поправить свою репутацию боевыми успехами¹⁸⁹¹. Лишь в июне лоббисты добились частичной реабилитации Андогского и его возвращения к активной деятельности.

Тем временем в академии шли назначения. 5 мая 1919 г. генерал-майор П.Ф. Рябиков был командирован в распоряжение начальника Главного штаба. Далее 28 мая Рябиков занял пост 2-го генерал-квартирмейстера Ставки (разведка и контрразведка, агентура, печать), что соответствовало его специализации по разведке и контрразведке, полковник А.Т. Антонович был назначен исполняющим должность дежурного генерала Ставки, а затем также с 28 мая занял пост 3-го генерал-квартирмейстера (мобилизация, уставы, организационные вопросы, ремонт конницы, санитарно-эвакуационные мероприятия, комплектование, производства, награды, переводы, назначения), а 1-м генерал-квартирмейстером с того же числа стал генерал-майор Г.В. Леонов. Полковник Г.Т. Киященко 19 мая был назначен исполняющим

¹⁸⁸⁷ Дневник Виктора Николаевича Пепеляева 1918–1919 гг. // Окрест Колчака: документы и материалы. М., 2007. С. 90.

¹⁸⁸⁸ Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 258.

¹⁸⁸⁹ Там же.

¹⁸⁹⁰ Там же. С. 285, 295–296; Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М., 2008. С. 418.

¹⁸⁹¹ A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China. The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918–1925: in 2 vols. Stanford, CA, 2002. Vol. 1. P. 257.

должность главного полевого интенданта при Верховном главнокомандующем (позднее он занял пост начальника военных сообщений Дальневосточного района), командированный в распоряжение генерал-квартирмейстера Ставки полковник П.Г. Осипов — исполняющим должность начальника организационного отдела управления дежурного генерала при Верховном главнокомандующем.

Профессор М.А. Иностранцев 31 мая 1919 г. отправился в Омск, в распоряжение военного министра¹⁸⁹² (выезд задержался из-за отсутствия вагонов¹⁸⁹³), а 14 июня был назначен генералом для поручений при Верховном правителе и Верховном главнокомандующем адмирале А.В. Колчаке с оставлением в должности ординарного профессора академии. Причем в должности генерала для поручений исполнял ряд ответственных заданий Колчака. Иностранцев впоследствии вспоминал: «Состоя с мая месяца 1919 г. по сентябрь генералом для поручений при Верховном правителе адмирале Колчаке, а с сентября по ноябрь генерал-квартирмейстером при нем же как Верховном главнокомандующем, я был весьма близок к происходившим в Сибири событиям, а главнейшие из них протекали и при моем непосредственном участии»¹⁸⁹⁴.

Штатный преподаватель полковник А.П. Слижиков, обладавший боевым опытом и прекрасной тактической подготовкой, стремился на фронт (2 мая 1919 г. он писал: «Все время прошу об одном: командировать меня в действ[ующую] армию на фронт для командования частью»¹⁸⁹⁵), но с 11 июня 1919 г. отправился в Омск для устройства личных дел (вернулся 24 июня). По вызову начальника штаба Верховного главнокомандующего в Омск 11 июня отправился и А.И. Андогский¹⁸⁹⁶. Задним числом его стали считать не отчисленным от должности начальника академии с назначением в резерв чинов при штабе Иркутского военного округа, а лишь командированным в распоряжение командующего войсками округа, полагая таковую командировку с 26 июня. Таким образом, опальный генерал был восстановлен в должности¹⁸⁹⁷. 22 июня он приехал из Омска в Томск и приступил к руководству академией. Между тем приказом Колчака № 148 от 18 июня он был назначен 1-м генерал-квартирмейстером Ставки с оставлением в должности начальника академии и ординарного профессора. Прежний 1-й генерал-квартирмейстер, также преподаватель академии генерал-майор Г.В. Леонов, занял пост для поручений при начальнике штаба Ставки. В Омск Андогский уехал 26 июня. В связи с болезнью профессора Колюбакина академию временно возглавил профессор Христиани. Временно исполняющим должность правителя дел был завхоз капитан К.А. Наумов, а на период его нахождения в отпуску — полковник Слижиков. Полковник Сторожев получил назначение помощником главного начальника снабжений действующих армий (при главном начальнике В.И. Сурине) с оставлением в должности штатного преподавателя. Сокращение постоянного состава академии в связи с окончанием работы курсов и переводом преподавателей в штабы видно из таблицы 27.

¹⁸⁹² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 311.

¹⁸⁹³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 268.

¹⁸⁹⁴ Архив Славянской библиотеки (Прага). T-RZIA. 06-715.

¹⁸⁹⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 316об.

¹⁸⁹⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 312об., 314.

¹⁸⁹⁷ Там же. Л. 315об.

Динамика численности офицеров и чиновников Военной академии в 1919 г.¹⁸⁹⁸

Дата	Генералов	Штаб-офицеров	Обер-офицеров	Чиновников
На 01.04.1919	7	8		4
На 02.05.1919	4	5	4	
На 17.05.1919	4	2	2	
На 05.07.1919	2	2	1	

В академии остались лишь профессора, которые хотели спокойной жизни в стенах родного военно-учебного заведения. Когда весной 1919 г. началась лихорадка назначений и выбора вакансий, Г.Г. Христиани писал в рапорте начальнику академии от 1 апреля 1919 г.: «Полагаю, что мое желание не получать никаких назначений может быть уважено. Я ведь не бездельничая и даже после окончания экзаменов буду очень занят, но занят именно по своей специальности... Ввиду всего изложенного, по солидному моему возрасту, по состоянию здоровья и по полному моему несоответствию какой-либо службе, кроме профессорской, я категорически отказываюсь от какого-либо назначения, хотя бы самого высокого и почетного»¹⁸⁹⁹. Профессор отметил, что занимался подготовкой нового курса, редактированием воспоминаний Д.А. Милютина, чтением и разбором диссертаций, чтением лекций в народном университете, работой в Институте исследования Сибири и в Томском комитете помощи армии. Последний раз в строю Христиани был в 1899 г. по цензу командира батальона.

Профессор Медведев, наоборот, жаждал активной деятельности в качестве генерала для связи с армией А.И. Деникина или командующего войсками прифронтового военного округа¹⁹⁰⁰. Детали кадровых перестановок представители академии выясняли в Главном штабе через помощника его начальника полковника Г.И. Клерже. Академию интересовало множество вопросов: характер назначений (временные или постоянные), предполагалось ли назначение только профессорско-преподавательского состава или вообще всех офицеров, включая правителя дел и курсовых штаб-офицеров, будут ли назначенные числиться в списках академии, планируется ли возобновление занятий в академии и если да, то с кем — со слушателями 4-й очереди или со строевыми офицерами на гипотетических курсах 5-й очереди¹⁹⁰¹.

Итак, кадры академии летом 1919 г. заняли основные руководящие посты в колчаковском военно-административном аппарате: 1-м генерал-квартирмейстером Ставки стал Андогский, 2-м — Рябиков, 3-м — Антонович (исполняющий должность). Впрочем, к этому времени белые армии Востока России уже находились в почти безостановочном отступлении в Приуралье и на Урале, и каких-либо кардинальных перемен в обстановке не произошло.

Задачей Андогского на посту 1-го генерал-квартирмейстера в августе 1919 г. стало объединение деятельности его управления с управлениями главного начальника военных сообщений, полевого инспектора технической части, полевого инспектора артиллерии, Военной академии и 2-го генерал-квартирмейстера¹⁹⁰². 12 августа он уже занял пост исполняющего

¹⁸⁹⁸ Сост. по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1633. Л. 32об., 35об., 36об., 46об.

¹⁸⁹⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1651. Л. 1–1об.

¹⁹⁰⁰ Там же. Л. 5.

¹⁹⁰¹ Там же. Л. 8.

¹⁹⁰² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 332об.

должность 1-го помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего. По этой должности Андогскому были предоставлены права командующего неотдельной армией.

Некоторые офицеры, наоборот, возвращались в академию. Так, главный начальник военных сообщений при Верховном главнокомандующем генерал-майор В.Н. Касаткин с 11 июля был назначен штатным преподавателем военных наук¹⁹⁰³. Впоследствии с 17 сентября 1919 г. Касаткин был допущен к исполнению должности начальника квартирмейстерского отдела штаба Омского военного округа.

Наглядным показателем раскисирования академии служит список лиц учебно-административного состава академии на 20 августа 1919 г., включающий лишь 14 человек, среди которых временно исполняющий должность начальника академии генерал-лейтенант Г.Г. Христиани, заслуженный ординарный профессор Б.М. Колюбакин, временно исполняющий должность правителя дел и завхоз капитан К.А. Наумов, заведующий учебно-строевой канцелярией статский советник Ф.А. Мартынов, казначей коллежский советник И.И. Гальченко, заведующий бухгалтерской частью коллежский советник И.А. Смирнов, исполняющий должность библиотекаря и заведующий особым делопроизводством при архиве для хранения дел, сдаваемых в академию, штабс-капитан А.С. Дружинин, временно исполняющий должность врача лекарь В.А. Казем-Бек, исполняющий должность помощника библиотекаря генерал-майор в отставке В.Н. Цытович, исполняющий должность заведующего складом учебных пособий не имеющий чина М.Н. Чулков¹⁹⁰⁴, помощник заведующего бухгалтерской частью и временно исполняющий должность журналиста академии коллежский асессор Ф.С. Саук, помощник заведующего бухгалтерской частью коллежский секретарь А.Н. Волков, журналист академии, помощник заведующего особым делопроизводством и архивариус в архиве при академии коллежский советник Д.Е. Мартынов, вольнонаемный служащий академии коллежский секретарь Н.Б. Колюбакин¹⁹⁰⁵.

Назначения в академию происходили и позднее. Штатный преподаватель полковник А.Д. Сыромятников с 20 августа был допущен к исполнению должности начальника штаба Приамурского военного округа. Штатный преподаватель съемки и черчения подполковник Г.В. Солдатов 26 августа был допущен к исполнению должности начальника штаба Отдельной Оренбургской казачьей бригады. Генерал Б.П. Богословский 25 сентября 1919 г. был допущен к исполнению должности инспектора пополнений.

По данным на осень 1919 г., преподаватели академии по-прежнему значились на многих высоких руководящих постах. Профессор Медведев занимал пост начальника снабжений 3-й армии, профессор Иностранцев — генерала для поручений при Верховном главнокомандующем, профессор Рябиков — начальника штаба Верховного главнокомандующего, профессор Коханов — начальника главного инженерного управления, В.И. Оберюхтин — начальника штаба 3-й армии, В.Н. Касаткин — генерал-квартирмейстера штаба Омского военного округа, Г.В. Леонов — начальника штаба Степной группы, Б.П. Богословский — помощника военного министра, И.И. Сторожев — главного полевого интенданта¹⁹⁰⁶.

¹⁹⁰³ Там же. Л. 323.

¹⁹⁰⁴ По всей видимости, сын многолетнего заведующего складом учебных пособий надворного советника Н.Г. Чулкова, умершего в начале 1918 г.

¹⁹⁰⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 405.

¹⁹⁰⁶ Там же. Л. 416об.

Осенью 1919 г. в связи с отступлением белых и возможной эвакуацией академии, а также намеченным на январь 1920 г. ее открытием в нее стали возвращаться преподаватели. 11 октября 1919 г. прибыл в академию для исполнения обязанностей штатного преподавателя черчения и съемки полковник Н.В. Главацкий — бывший временно исполняющим должность генерал-квартирмейстера штаба Иркутского военного округа. А.И. Андогский с 6 октября 1919 г. занимал пост 1-го помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего с назначением в распоряжение начальника штаба Ставки. При этом он оставался начальником академии и ординарным профессором. Генерал А.Т. Антонович получил назначение штатным преподавателем академии. Вернулся в академию и с 20 октября был допущен к исполнению должности правителя дел полковник А.П. Слижиков, ранее занимавший пост временно исполняющего должность 1-го генерал-квартирмейстера. 8 ноября от должности начальника штаба Восточного фронта был отчислен генерал-майор П.Ф. Рябиков, оставшийся при этом экстраординарным профессором академии¹⁹⁰⁷. Вернулись в академию профессора М.А. Иностранцев и А.И. Медведев, преподаватели и служащие — Арнольд, Вуич, Высогорец, Касаткин, Коханов, Сторожев, Сурин. Не были отпущены из Ставки Г.В. Леонов и И.И. Смелов. Не мог вернуться в академию подполковник Г.В. Солдатов, совершивший дисциплинарный проступок в отношении временно исполняющего должность начальника академии Г.Г. Христиани и А.И. Андогского. Его заменил полковник Н.В. Главацкий¹⁹⁰⁸. 4 декабря в академию был откомандирован адмиралом А.В. Колчаком П.Г. Осипов, проводивший свое назначение штатным преподавателем без ведома академического начальства¹⁹⁰⁹.

Преподаватели продолжали прибывать и позднее. Так, 2 марта 1920 г. в распоряжение Андогского прибыл генерал-майор А.А. Сурнин, допущенный к исполнению должности заведующего обучающимися офицерами¹⁹¹⁰.

Невзгоды в немалой степени сплотили коллектив академии. И прежде в академии служили родственники офицеров (так, исполняющим должность завхоза академии был В.Г. Рихтер — сын генерала Г.К. Рихтера). Возникали новые родственные отношения, в том числе между семьями преподавателей и слушателей. Слушатель Д.П. Артынов, например, 29 апреля 1918 г. женился на падчерице преподавателя И.И. Смелова А.И. Зиминой¹⁹¹¹. Другой слушатель, Н.В. Бартенев, стал зятем начальника академии А.И. Андогского. Вероятно, таких случаев больше. Интересно, что даже после революции сохранялись былые традиции испрашивать разрешение на брак у академического начальства¹⁹¹².

В академии с глубоким уважением относились к своим ветеранам, в честь которых издавались специальные торжественные приказы. Так, 20 марта 1919 г. был издан приказ по академии № 61 к 30-летию юбилею службы в академии статского советника Федора Алексеевича Мартынова. В документе было отмечено, что «в течение всей своей исключительно продолжительной службы в стенах академии статский советник Мартынов приобрел любовь и уважение длинной серии обучающихся офицеров, из коих огромное большинство достигло высоких военных назначений, а некоторые уже пали жертвой долга и чести за Ве-

¹⁹⁰⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 44. Л. 115.

¹⁹⁰⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 426об.

¹⁹⁰⁹ Там же. Л. 466, 468.

¹⁹¹⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 47. Л. 243.

¹⁹¹¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1568. Л. 62, 70.

¹⁹¹² Там же. Л. 59.

ликое свое Отечество. Не перечисляя многих славных имен живых и мертвых, отметим, что так или иначе, но никто из них не миновал стола учебной части канцелярии, коей заведывал Федор Алексеевич... Федор Алексеевич Мартынов ныне один из немногих чинов учебно-административного состава, на глазах которого протекла славная страница академии. За целое тридцатилетие он слился с академией, он и академия — нечто общее и единое, и трудно представить академию нашу без почтенного Федора Алексеевича»¹⁹¹³. Поздравлявший Мартынова профессор Б.М. Колюбакин сам прослужил с ним четверть века в академии.

Приветствовали своих преподавателей и выпускники академии. Так, начальник 12-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор Я.Т. Сергеев 19 июня 1919 г. телеграфировал в академию: «Томск. Начальнику Военной академии генерал-лейтенанту Колюбакину. Старейшему славному учителю военного искусства, вдохновителю героев-борцов за нашу прекрасную Родину и всей конференции от своего лица и вверенных мне войск шлю радостный привет с пути на фронт. Выучили бороться, и мы будем бороться во имя победы, гордые своими учителями»¹⁹¹⁴.

Проявлением заботы о служащих была эвакуация их вместе с семьями, а в случае смерти служащего могли эвакуировать его близких. Так, например, произошло в 1919 г. с семьей умершего 21 декабря 1918 г. врача академии статского советника В.Е. Риккертсена¹⁹¹⁵. Семьям умерших служащих оказывалась материальная поддержка. Когда 21 января 1918 г. умер заведующий складом учебных пособий академии и помощник библиотекаря Н.Г. Чулков, прослуживший на этом посту 42 года и памятный многим поколениям выпускников, Андогский в конце февраля–марте 1918 г. организовал сбор пожертвований для его семьи, оставшейся без средств (пожилая вдова и двое сыновей, еще не завершивших среднее образование)¹⁹¹⁶. К 26 марта было собрано 140 руб.¹⁹¹⁷

Гражданская война раскидала профессорско-преподавательский состав академии по стране. На ноябрь–декабрь 1919 г. западнее Иркутска оставались генералы Коханов, Рябиков, Сурин, Томашевский, Богословский, Смелов, Леонов, Касаткин, Оберюхтин, полковники Сыромятников и Сторожев¹⁹¹⁸. Попали в плен к красным Б.П. Богословский, Г.В. Леонов и В.И. Оберюхтин. Отказались выехать из Харбина во Владивосток ординарный профессор Д.В. Филатьев и штатный преподаватель В.Л. Томашевский, которые в этой связи были исключены из списков учебно-административного состава академии¹⁹¹⁹. Не явились в срок из отпусков экстраординарный профессор П.Ф. Рябиков, командир бывшего полускадрона академии В.Ф. Менжинский, исполняющий должность помощника инструктора верховой езды Д.И. Рытов, инструктор верховой езды Б.А. Вуич¹⁹²⁰. Генерал-квартирмейстер Омского военного округа генерал-майор В.Н. Касаткин не мог эвакуироваться с академией и надеялся прибыть в нее к 1 января 1920 г.¹⁹²¹

¹⁹¹³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 94.

¹⁹¹⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 44. Л. 15.

¹⁹¹⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 419.

¹⁹¹⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 9.

¹⁹¹⁷ Там же. Л. 9об.

¹⁹¹⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 482.

¹⁹¹⁹ Там же. Л. 518.

¹⁹²⁰ Там же.

¹⁹²¹ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 284. Л. 103.

В списках академии значились, но во Владивосток не прибыли в силу военно-политических обстоятельств: заслуженный ординарный профессор В.В. Витковский, ординарные профессора: А.К. Байов, А.Г. Елчанинов (расстрелян в Петрограде осенью 1918 г.¹⁹²²), Б.В. Геруа, Д.Д. Сергиевский; экстраординарные профессора: Г.Г. Гиссер, В.Ф. Новицкий; штатные преподаватели военных наук: Б.П. Богословский, Н.Я. Капустин, В.Н. Касаткин, Г.Т. Киященко, А.Д. Сыромятников, И.И. Сторожев; курсовые штаб-офицеры М.Н. Архипов, В.И. Оберюхтин, Б.П. Поляков¹⁹²³. Неприбывшие были исключены из списков.

К 1 июля 1920 г. налицо в академии состояли 14 офицеров, 9 чиновников и 3 врача¹⁹²⁴. К 15 июля 1920 г. из пятнадцати положенных по штату ординарных профессоров по списку значились двенадцать, а налицо состояли только пятеро (Андогский, Колюбакин, Коханов, Медведев, Христиани). Из пяти экстраординарных профессоров по списку было четыре, а налицо только один (Болдырев). Из десяти штатных преподавателей по списку и налицо было трое (Антонович, Главацкий, Слижигов)¹⁹²⁵. Такое количество профессоров и преподавателей сохранялось и к январю 1921 г.¹⁹²⁶ К ноябрю 1921 г. численность штатных преподавателей сократилась до двух¹⁹²⁷ и сохранялась до лета 1922 г.¹⁹²⁸ Летом 1921 г. численность служащих академии определялась в 52 человека, включая вольнонаемных¹⁹²⁹. К сентябрю 1921 г. академия располагала девятью лошадьми, включая семь артиллерийских¹⁹³⁰.

По причине конфликта с А.И. Андогским покинул академию и уехал с чехословаками в Европу профессор М.А. Иностранцев¹⁹³¹. 17 марта 1920 г. он подал рапорт об отставке¹⁹³² (с того же числа в академии значился находящимся в безвестной отлучке, уволен в отставку по болезни приказом сухопутным и морским силам Временного правительства Дальнего Востока № 399 от 16 августа 1920 г. и исключен из списков академии 29 августа того же года¹⁹³³).

Приказом по академии № 106 от 4 августа 1920 г. были исключены из списков учебно-административного состава академии: ординарный профессор Д.В. Филатьев, штатный преподаватель

¹⁹²² РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 87.

¹⁹²³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 518; Д. 47. Л. 334.

¹⁹²⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1633. Л. 60об.

¹⁹²⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 65. Л. 43.

¹⁹²⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 10.

¹⁹²⁷ Там же. Л. 166.

¹⁹²⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 59.

¹⁹²⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1633. Л. 86об.

¹⁹³⁰ Там же. Л. 101об.

¹⁹³¹ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 57. Л. 22об. Неприязненное отношение Иностранцева к Андогскому сохранялось и в эмиграции. Когда генерал Н.Н. Головин попросил у Иностранцева книгу Андогского «Встречный бой», Иностранцев 20 января 1924 г. ответил следующим письмом: «К сожалению, твою просьбу о книге Андогского “Встречный бой” выполнить не могу, т.к. она у меня сгорела с другими книгами в Сибири при пожаре моего вагона, о котором я, кажется, тебе писал в предшествующем письме. Впрочем, могу тебя успокоить, что если тебя интересует так называемая Сольдауская операция, то, т.к. я с нею ознакомился во время моих лекций по войне в Томске, в ней факты были изложены, во-первых, очень кратко и, во-вторых, с тенденцией, т.к. ведь сам господин полупочтенный автор был причастен к этой скандальной истории, будучи не более, не менее как помощником старшего адъютанта оперативного отделения злополучной армии Самсонова. Если уже так, то думаю, что тебе несравненно более полные и интересные данные по этому делу может дать находящийся с тобою в переписке, как знаю из разговоров, живущий здесь в Загребе же и часто у меня бывающий Николай Николаевич Мартос» (ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 67. Л. 121).

¹⁹³² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 486.

¹⁹³³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 47. Л. 339.

даватель В.Л. Томашевский (оба — с 25 марта 1920 г.), штатный преподаватель Г.Т. Киященко (с 10 февраля 1920 г.), штатный преподаватель Н.Я. Капустин (с 7 августа 1918 г.), штатный преподаватель В.Н. Касаткин (с 27 июня 1920 г.), курсовые штаб-офицеры М.Н. Архипов, Б.П. Поляков (оба — с 7 августа 1918 г.) и В.И. Оберюхтин (с 20 июня 1920 г.)¹⁹³⁴. Покинул академию и В.И. Сурин. При этом согласно приказу по академии № 112 от 18 августа 1920 г. в списках академии продолжали числиться не прибывшие во Владивосток по не зависящим от них причинам и с 7 августа 1918 г. не занимавшие вакансий: заслуженный ординарный профессор В.В. Витковский; ординарные профессора А.К. Байов, Б.В. Геруа, А.Г. Елчанинов, Д.Д. Сергиевский; экстраординарные профессора Г.Г. Гиссер и В.Ф. Новицкий¹⁹³⁵. К сожалению, о причинах подобных кадровых решений А.И. Андогского данных нет. Возможно, шаги по демонстративному сохранению в академии целого ряда преподавателей, давно оказавшихся в рядах РККА, предпринимались в целях заигрывания и возобновления контактов с красными.

С 1 января 1920 г. не занимали вакансий штатные преподаватели военных наук Б.П. Богословский, А.Д. Сыромятников, И.И. Сторожев (считался пропавшим без вести¹⁹³⁶, однако постановлением конференции от 20 июня 1920 г. был оставлен в списках лиц учебного состава академии, не занимающих вакансий¹⁹³⁷). Правитель дел и штатный преподаватель А.П. Слижиков с 30 октября 1920 г. был командирован на должность начальника военного училища¹⁹³⁸, однако в связи с контузией головы он на 70% утратил трудоспособность¹⁹³⁹. Вместе с тем 2 марта 1920 г. в академию прибыл и был допущен к исполнению должности штаб-офицера, заведующего обучающимися, генерал-майор А.А. Сурнин¹⁹⁴⁰. С 12 декабря 1920 г. прибывшим к академии считался и генерал В.Г. Болдырев.

На вооружении преподавателей академии состояли пистолеты и револьверы систем браунинг и наган, имелось холодное оружие.

По всей видимости, отголоском интриг и сложных взаимоотношений в академии являются данные о том, что Андогский в июне 1920 г. добивался отчисления Главацкого, Зиневича и Сурнина как зачисленных в академию с нарушением правил и в период ее пребывания в свернутом виде¹⁹⁴¹. В итоге Зиневич уехал в Европу. В целом же, отток из бездействовавшей академии усилился. Оставались в основном те сотрудники, которые не мыслили себя вне академии.

Помимо Андогского в академии оставались: заслуженные профессора Б.М. Колюбакин и Г.Г. Христиани, экстраординарный профессор В.Г. Болдырев, ординарные профессора А.И. Медведев и Н.И. Коханов, штатные преподаватели А.Т. Антонович, А.П. Слижиков и полковник Н.В. Главацкий¹⁹⁴². Слижиков покинул академию 14 апреля 1921 г.

К 15 января 1921 г. в академии числились 5 ординарных профессоров, один экстраординарный и 3 штатных преподавателя¹⁹⁴³. К 15 ноября штатных преподавателей осталось толь-

¹⁹³⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 66. Л. 2.

¹⁹³⁵ Там же. Л. 10.

¹⁹³⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 730.

¹⁹³⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1663. Л. 11.

¹⁹³⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 66. Л. 39.

¹⁹³⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 182.

¹⁹⁴⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 64. Л. 28.

¹⁹⁴¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 555.

¹⁹⁴² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 118–118об.

¹⁹⁴³ Там же. Л. 10.

ко два¹⁹⁴⁴. Такое положение сохранялось и в 1922 г.¹⁹⁴⁵ К 20 января 1921 г. состав Военной академии был следующим (табл. 28).

Таблица 28

Состав Военной академии к 20 января 1921 г.¹⁹⁴⁶

Должность	Ф.И.О.
Начальник академии, ординарный профессор	А.И. Андогский
Правитель дел, штатный преподаватель	А.П. Слижиков (по совместительству начальник военного училища и штатный преподаватель)
Административная часть	
Заведующий строевой канцелярией	Е.Л. Высогорец
Заведующий учебной канцелярией	Ф.А. Мартынов
Заведующий хозяйством	В.Э. Арнгольд
Квартирмистр	вакансия
Казначей	И.И. Гальченко
Заведующий типографией	К.А. Наумов
Заведующий бухгалтерской частью	И.А. Смирнов
Помощники заведующего бухгалтерской частью	А.Н. Волков, Ф.С. Саук
Журналист	Д.Е. Мартынов
Учебная часть	
Ординарные профессора	Заслуженный ординарный профессор Б.М. Колюбакин, заслуженный ординарный профессор Г.Г. Христиани, А.И. Медведев, А.И. Андогский (по совместительству с должностью начальника академии), Н.И. Коханов
Экстраординарный профессор	В.Г. Болдырев
Штатные преподаватели военных наук	А.Т. Антонович, А.П. Слижиков (по совместительству с должностями правителя дел и начальника военного училища)
Библиотекарь	А.С. Дружинин
Помощник библиотекаря	В.Н. Цытович
Заведующий складом учебных пособий	М.Н. Чулков
Санитарная часть	
Старший врач	М.Г. Горшков

Бездействие академии провоцировало конфликты и пороки. Среди служащих усилилось пьянство¹⁹⁴⁷.

Помимо преподавателей в академии имелся обширный штат служащих. Имелся свой медицинский персонал — врач, фельдшер и даже ветеринарный фельдшер. Медицинский персонал был достаточно квалифицированным¹⁹⁴⁸. Служащих академии к лету 1920 г. об-

¹⁹⁴⁴ Там же. Л. 166.

¹⁹⁴⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 59.

¹⁹⁴⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1629. Л. 17.

¹⁹⁴⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 627.

¹⁹⁴⁸ К примеру, врач академии В.А. Казем-Бек имел следующий послужной список: Казем-Бек Владимир Александрович (14.02.1892–?) — родился в Казани. Окончил казанскую 3-ю гимназию с серебряной медалью (1910), курс медицинских наук в Казанском университете (1915). Получил звание лекаря с отличием. В Российском обществе

служивали две амбулатории¹⁹⁴⁹. В июле 1918 г. в Екатеринбурге были оставлены два парикмахера академии — Г.М. Ефремов и А.А. Клементьев¹⁹⁵⁰. Среди служащих академии были и военнопленные¹⁹⁵¹.

Вольнонаемными служащими были монтер, кочегар, писаря-машинисты (9 человек), техник, чертежники, кучеры, сторож, конюхи (9 человек), столяры (3 человека), дворники, библиотечные служащие. Имелся собственный шофер, управлявший легковым автомобилем. Своего рода самостоятельную епархию составляла типография академии, в которой существовали следующие должности: фактор, бухгалтер, метранпаж, переплетный мастер, наборщики, машинный мастер, накладчик, американец, корректор, конторщик, фальцовщицы, переплетчик, печатник¹⁹⁵². На август 1920 г. при академии существовала продуктовая лавка, в которой служащим выдавали продовольствие.

Именно высокая степень хозяйственной самостоятельности во многом определяла успешное выживание академии в чрезвычайных условиях Гражданской войны. Фактически это был своего рода оазис организованности и сравнительного благополучия на фоне общей разрухи и запустения.

* * *

Рассмотрим вопрос материального обеспечения преподавателей и служащих академии. Накануне Первой мировой войны материальное обеспечение профессоров академии было очень высоким. По свидетельству Б.В. Геруа, некоторые профессора получали более 10 000 руб. в год, что практически равнялось содержанию корпусного командира¹⁹⁵³. С 1 февраля 1917 г. за руководство практическим занятием продолжительностью два с половиной часа платили 18 руб.¹⁹⁵⁴ Для сравнения: пуд макарон можно было примерно в это время приобрести за 11 руб.¹⁹⁵⁵ В марте 1918 г. за руководство практическими занятиями по тактике платили 3–6 руб., по военной администрации — 2 руб.¹⁹⁵⁶ В апреле–мае 1918 г. профессора академии (А.К. Байов, Б.В. Геруа, А.Г. Елчанинов, М.А. Иностранцев, Б.М. Колобакин, А.Ф. Матковский, В.Ф. Новицкий, Д.Д. Сергиевский, Г.Г. Христиани) получали по 600 руб., начальник академии — 700 руб., правитель дел И.И. Смелов, заведующие обучающимися (Б.П. Богословский, Г.Т. Киященко, Н.И. Коханов) — 450 руб., казначей академии И.И. Гальченко — 350 руб., дворник — 275 руб.¹⁹⁵⁷ Оклад начальника академии по проек-

Красного Креста (с 06.1915). Младший врач 43-го передового отряда при 10-й Сибирской стрелковой дивизии. Старший врач. Исполняющий обязанности старшего врача 2-го Иверского лазарета Красного Креста (с 02.1916). Помощник главного врача Белостокского подвижного лазарета Красного Креста (с 20.05.1916). Ординатор хирургической клиники Казанского университета (с 01.09.1916). Заведующий 1-м хирургическим отделением казанского городского госпиталя № 1 (с 20.09.1916) с оставлением ординатором клиники. Оставил службу по собственному желанию (с 01.1918). Доктор медицины (1918). Штатный ординатор хирургической клиники (до 10.09.1918). Врач Военной академии (с 17.01.1919) (Там же. Л. 8–9). Фельдшеры были уволены из академии с 1 мая 1922 г., но не сдали должностей своим заместителям на 1 июня 1922 г. (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1633. Л. 126)

¹⁹⁴⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 214.

¹⁹⁵⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1610. Л. 947, 948.

¹⁹⁵¹ Там же. Л. 1031.

¹⁹⁵² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 97. Л. 55об.

¹⁹⁵³ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. С. 263.

¹⁹⁵⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1575. Л. 43об.

¹⁹⁵⁵ Там же. Л. 96об.–97.

¹⁹⁵⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 88. Л. 4–4об.

¹⁹⁵⁷ Там же. Л. 15об., 16об., 19об., 20об., 24об., 51об.

ту, датированному 30 апреля 1918 г., намечался в 900 руб.¹⁹⁵⁸, на июнь 1918 г. он составил 1000 руб. и был приравнен к окладу по должности начальника управления¹⁹⁵⁹. Правитель дел получал 800 руб., его помощник — 700, ординарный профессор — 900, штатный преподаватель — 700, сторож — 150 руб.¹⁹⁶⁰ За производство экзаменов в мае 1918 г. выплачивались дополнительные деньги — 50 руб. за экзамен¹⁹⁶¹. Профессора за лекции получали по 25 руб., практические занятия оплачивались выше (в июле 1918 г. — 30–45 руб.).

Андогский запросил за июль 900 руб. жалованья, Смелов — 700. Ординарным профессорам (А.К. Байов, В.В. Витковский, Б.В. Геруа, А.Г. Елчанинов, М.А. Иностранцев, Б.М. Коллюбакин, А.Ф. Матковский, А.И. Медведев, В.Ф. Новицкий, Д.Д. Сергиевский, Г.Г. Христиани, Д.В. Филатьев) теперь платили по 800 руб., заведующим слушателями (А.Т. Антонович, М.Н. Архипов, Б.П. Богословский, Р.К. фон Дрейлинг, В.Н. Касаткин, Г.В. Леонов, П.Г. Осипов, Б.П. Поляков, А.П. Слижиков, И.И. Сторожев) — по 600 руб., столько же платили и штатным преподавателям (Н.Я. Капустин, Г.Т. Киященко, П.Ф. Рябиков, Г.В. Солдатов, В.И. Сурин, А.Д. Сыромятников, И.И. Смелов (получал как преподаватель добавку в 300 руб. к основному окладу по должности правителя дел)). Экстраординарный профессор Н.И. Коханов получал 700 руб., Андогский за профессорство получал доплату в 350 руб., столько же получал и Г.Г. Гиссер¹⁹⁶².

В Народной армии Комуча в августе 1918 г. для академии были установлены следующие оклады (табл. 29).

На сентябрь 1918 г., после перехода к белым, жалованье Андогского составило 1000 руб., а на октябрь — 1360 руб. Столько же в октябре получали заслуженные ординарные профессора Б.М. Коллюбакин и Г.Г. Христиани. Ординарные профессора (М.А. Иностранцев, Н.И. Коханов, А.И. Медведев) в октябре получали 1120 руб., правитель дел А.Т. Антонович — 880 руб., заведующий слушателями П.Г. Осипов и штатные преподаватели генерал-майоры П.Ф. Рябиков и В.Л. Томашевский, полковники Г.Т. Киященко, И.И. Смелов, подполковники Г.В. Солдатов и А.А. Сурнин — 680 руб. Эти оклады сохранялись и к январю 1919 г.¹⁹⁶³

В сентябре 1918 г. на заседании конференции академии обсуждалась возможность совмещения преподавательской работы и строевых должностей. Такие действия были признаны возможными при равнозначных по окладам должностях. Совместительство должно было приносить четверть содержания по другой должности к основному окладу¹⁹⁶⁴.

Отдельно выплачивались квартирные деньги. На январь 1919 г. А.И. Андогский и заслуженные ординарные профессора получали 340 руб. квартирных, ординарные профессора — 280 руб., правитель дел А.Т. Антонович — 220 руб., заведующие обучающимися и штатные преподаватели — 170 руб.¹⁹⁶⁵

¹⁹⁵⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 171.

¹⁹⁵⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.

¹⁹⁶⁰ Там же. Л. 4–5.

¹⁹⁶¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 89. Л. 2об.

¹⁹⁶² Там же. Л. 113об.–116об.

¹⁹⁶³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 96. Л. 7об.

¹⁹⁶⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 24. Л. 20.

¹⁹⁶⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 96. Л. 11об., 12об., 13об.

**Оклады постоянного и переменного состава Военной академии,
утвержденные в Народной армии Комуча 14 августа 1918 г.¹⁹⁶⁶**

Должность в академии	Приравненная к ней должность строевых частей Народной армии	Оклад (руб.)
Начальник академии	Командир корпуса	850
Ординарный профессор	Начальник дивизии	750
Экстраординарный профессор	Командир отдельной пехотной бригады	680
Правитель дел	Командир неотдельной бригады	600
Помощник правителя дел	Командир полка	540
Штатный преподаватель военных наук, черчения и съемки, техники артиллерийского дела, военно-инженерного дела	Командир полка	540
Штатный руководитель практических занятий	Командир полка	540
Штаб-офицер, заведующий слушателями	Командир полка	540
Заведующий хозяйством академии	Помощник командира полка	420
Квартирмистр	Командир неотдельного батальона	370
Старший делопроизводитель	Командир неотдельного батальона	370
Младший делопроизводитель	Командир роты	340
Бухгалтер	Командир неотдельного батальона	370
Помощник бухгалтера	Командир роты	340
Казначей	Командир неотдельного батальона	370
Журналист	Командир роты	340
Инструктор верховой езды	Командир отдельного эскадрона	370
Помощник инструктора верховой езды	Командир роты	340
Доктор	Командир неотдельного батальона	370
Библиотекарь	Помощник командира полка	420
Помощник библиотекаря	Командир роты	340
Заведующий складом учебных пособий	Командир роты	340
Чертежник	Помощник командира роты	280
Слушатель академии	Командир роты	340
Классный медицинский фельдшер	Старший ветеринарный фельдшер	175
Вахтер	Старший вахтер	105
Служитель, дворник, кучер, коннох, уборщик лошадей, кузнец, рассыльный	Младший вахтер	75
Писарь, печатник на машине	Дивизионный или батальонный писарь	150

Оклады академического руководства по штату от 12 октября 1918 г. были привязаны к армейским должностям и выражались в следующих величинах (табл. 30).

Размеры денежного довольствия были связаны еще с петроградским периодом истории академии. Осенью 1918 г. по итогам эвакуации академии из Самары в Екатеринбург и Томск семейные сотрудники получали эвакуационное пособие в размере 1000 руб., одинокие —

¹⁹⁶⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 15. Л. 48–48об.

**Оклады постоянного состава Военной академии и их соответствие армейским
в войсках Временного Сибирского правительства по штату от 12 октября 1918 г.¹⁹⁶⁷**

Должность в академии	Звание	Приравненная армейская должность	Разряд оклада	Оклад (руб.)
Начальник академии	Генерал Генштаба	Командир корпуса		1360
Правитель дел	Штаб-офицер или генерал-майор Генштаба	Командир бригады	2-й	880
Помощник правителя дел	Штаб-офицер Генштаба	Командир полка	3-й	680
Курсовые штаб-офицеры (9 офицеров)	Штаб-офицеры Генштаба	Командир полка	3-й	680
Заслуженные ординарные профессора	Генералы Генштаба			1360
Ординарные профессора (20 офицеров)	Генералы или штаб-офицеры Генштаба	Начальник дивизии	1-й	1120
Экстраординарные профессора (5 офицеров)	Обер-офицеры, штаб-офицеры или генерал-майоры Генштаба	Командир бригады	2-й	880
Штатные преподаватели и штатные руководители практических занятий (8 офицеров)	Обер-офицеры, штаб-офицеры или генерал-майоры Генштаба	Командир полка	3-й	680

500 руб.¹⁹⁶⁸ При совмещении преподавания с другими должностями офицер получал четверть содержания по другой должности к основному окладу¹⁹⁶⁹. Практиковались выплаты боевых окладов с 20%-ой надбавкой к жалованью¹⁹⁷⁰.

Пенсионный вопрос в академии был достаточно сложным. Пенсии заслуженных ординарных профессоров Б.М. Коллюбакина и Г.Г. Христиани на начало 1919 г. составляли 1800 руб. в год. Кроме того, им полагалась надбавка в размере 300 руб.¹⁹⁷¹ По дореволюционным нормам пенсия ординарного профессора составляла 1500 руб. в год, экстраординарного — 750. Коллюбакин и Христиани получали прибавку к 1500 рублям, поскольку выслужили по два пятилетия сверх 25 лет службы (по факту получали только 300 руб. за одно пятилетие). Выслуживший одно пятилетие профессор А.И. Медведев получал 900 руб.¹⁹⁷² С конца января 1920 г. Христиани должен был получать 2100 руб.¹⁹⁷³, однако в результате эвакуации во Владивосток выдача прекратилась, о ее возобновлении Андогский ходатайствовал 20 ноября 1921 г. перед управляющим военно-морским ведомством. Коллюбакин последний раз перед эвакуацией получил пенсию в сентябре 1919 г.¹⁹⁷⁴

¹⁹⁶⁷ Сост. по: РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 1. Л. 173–175.

¹⁹⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 169.

¹⁹⁶⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 24. Л. 20.

¹⁹⁷⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 15. Л. 82.

¹⁹⁷¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1653. Л. 1.

¹⁹⁷² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 1662. Л. 1.

¹⁹⁷³ Там же. Л. 8.

¹⁹⁷⁴ Там же. Л. 6.

В академии отдельным офицерам выдавались даже пособия на воспитание детей¹⁹⁷⁵. Так, А.И. Андогский получил в апреле 1919 г. 600 руб. на эти цели¹⁹⁷⁶.

В ноябре 1918 г. преподаватели академии вели занятия на повторительных курсах младших офицеров в Томске, причем ставки были следующими: за часовую классную лекцию платили 6 руб. 25 коп., за 3-часовой выход в поле — 24 руб., за 8-часовой — 64 руб.¹⁹⁷⁷

За публичную лекцию по межнациональным отношениям, прочитанную в общественном собрании Томска, профессор Г.Г. Христиани выручил 24 марта 1919 г. 979 руб. 97 коп., которые сдал в фонд выдачи пособий офицерским и классовым чинам академии¹⁹⁷⁸. Лекция 6 мая 1919 г. принесла 654 руб. 55 коп., вырученные средства вновь были пожертвованы в тот же фонд¹⁹⁷⁹. Профессору была даже выражена благодарность за передачу академии в апреле–мае средств из половины дохода от его лекций «Славянская проблема в Европе» и «Национальная проблема в Передней Азии» (1634 руб. 52 коп.). Вторая половина дохода поступила на нужды воинских частей томского гарнизона¹⁹⁸⁰. Стоимость занятия по тактике в феврале 1919 г. составляла 40 руб., прием экзаменов по-прежнему оценивался в 50 руб.

Преподавателям академии с лета 1917 г. выплачивались надбавки на дороговизну. В Гражданскую войну она составляла 10% оклада за период с 1 ноября 1918 г. по 1 марта 1919 г. Б.М. Колюбакин из оклада в 1700 руб. получал надбавку 680 руб., А.Т. Антонович из оклада в 1100 руб. получал 600 руб. надбавки. Штатные преподаватели получали 15%-ю добавку¹⁹⁸¹. К сожалению, установить причины различий в размере надбавок не удалось.

Суточные ординарным профессорам выплачивались в размере 3% от оклада в сутки. Рядовые служащие академии в апреле 1919 г. получали по 250 руб. (кочегар, дворник, служители, кучеры, конюхи), столяры — по 400, писаря-машинисты — по 390, ветеринарный фельдшер — 280 руб.¹⁹⁸² В феврале 1919 г. фельдшер академии И.Я. Ганин¹⁹⁸³ получал 350 руб.¹⁹⁸⁴ Квартирные деньги колебались от 100 до 340 руб.¹⁹⁸⁵ В августе 1919 г. оклады служащих резко пошли вверх. Корректор, наборщики теперь получали 872 руб., сторож типографии — 405 руб.¹⁹⁸⁶

В 1920 г. начальник академии получал 1608 руб. 75 коп., правитель дел — 1188 руб., ординарный профессор — 1395, экстраординарный — 1188, штатный преподаватель — 1010 руб. 25 коп., дворник — 450 руб.¹⁹⁸⁷ К августу 1920 г. начальник академии А.И. Андогский получал основной оклад и квартирные в размере 2893 руб. 33 коп., из которых вычитались 43 руб. 40 коп. налога. Ординарные профессора получали 2626 руб. 66 коп. за вычетом

¹⁹⁷⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 97. Л. 115об.

¹⁹⁷⁶ Там же.

¹⁹⁷⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 27. Л. 21об.

¹⁹⁷⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 111об.

¹⁹⁷⁹ Там же. Л. 141, 145.

¹⁹⁸⁰ Там же. Л. 147.

¹⁹⁸¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 96. Л. 56об., 58об.

¹⁹⁸² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 96. Л. 235об.–236об., 237об., 300об., 304об., 305об.

¹⁹⁸³ Ганин Иван Яковлевич (18.02.1888–?) — уроженец села Вышгород Рязанского уезда Рязанской губернии. Вольнонаемный служащий Военной академии: старший лекарский помощник (на 02.1918), классный медицинский фельдшер (1918–1921). Награды: медаль «За усердие». Супруга (с 02.1918): Александра Андреевна Кузьмина.

¹⁹⁸⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 98. Л. 15об.

¹⁹⁸⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 99. Л. 3, 17.

¹⁹⁸⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 101. Л. 5об.

¹⁹⁸⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 103. Л. 95–95об.

39 руб. 40 коп. налога¹⁹⁸⁸. Оклады постоянно менялись. К сентябрю 1920 г. Андогский получал 6510 руб. за вычетом 162 руб. 75 коп., ординарные профессора — 5910 руб. за вычетом 147 руб. 75 коп. По другим расчетам, на тот же месяц у Андогского было 22 264 руб. 20 коп. за вычетом 1001 руб. 89 коп., у ординарных профессоров — 20 212 руб. 20 коп. за вычетом 909 руб. 55 коп.¹⁹⁸⁹

В 1921 г. жалование было пересчитано на золото. В феврале 1921 г. Андогскому причиталось кредитными билетами 295 800 руб., или золотом 98 руб. 60 коп. Удерживался налог 13 311 руб., или 4 руб. 44 коп. золотом, удерживались квартирные 34 831 руб., или 11 руб. 61 коп. золотом, оставалось к выдаче 247 658 руб., или 82 руб. 55 коп. золотом. Правитель дел получал 249 600 руб., заслуженный ординарный и ординарный профессора — 263 400, экстраординарный профессор — 227 400 руб.¹⁹⁹⁰ Временно исполняющий должность начальника академии профессор Медведев получал 79 руб. 17 коп. золотом, заслуженные ординарные профессора — 70 руб. 83 коп., экстраординарные и ординарные профессора — 62 руб. 50 коп., штатный преподаватель — 54 руб. 17 коп., дворник — 35 руб.¹⁹⁹¹

По смете на 1922 г. начальник академии должен был получать 100 руб. в месяц, заслуженный ординарный профессор — 90, ординарный — 80, экстраординарный — 70, штатный преподаватель — 60 руб.¹⁹⁹² По данным на апрель 1922 г., заслуженный ординарный профессор считался относящимся к 3-му разряду табели окладов, ординарный профессор — к 4-му, экстраординарный профессор и правитель дел — к 5-му, штатный преподаватель — к 6-му¹⁹⁹³. Помимо жалования персонал академии получал денежные пособия, например, по случаю праздника Пасхи.

Обеспечение сотрудников академии жалованием наглядно видно из таблицы 31.

Таблица 31

Месячные оклады жалования персонала академии в 1920–1923 гг. (руб.)¹⁹⁹⁴

Должность/год	1920	Намечено на 1923 г.
Начальник академии	1608,75	100
Правитель дел	1188	
Заслуженный ординарный профессор		90
Ординарный профессор	1395	80
Экстраординарный профессор	1188	70
Штатный преподаватель	1010,25	60
Дворник	450	

Реальные доходы за счет дополнительных выплат были выше, причем оклады часто менялись (табл. 32).

¹⁹⁸⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 107. Л. 4.

¹⁹⁸⁹ Там же. Л. 21, 43.

¹⁹⁹⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 112. Л. 56об.

¹⁹⁹¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 80. Л. 8–8об.

¹⁹⁹² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 114. Л. 55.

¹⁹⁹³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 35.

¹⁹⁹⁴ Сост. по: РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 103. Л. 95–95об.; Д. 114. Л. 55.

Фактические доходы руководства академии в 1920–1922 гг. (руб.)¹⁹⁹⁵

Должность/дата	08.1920	09.1920	09.1920	02.1921 (без вычета налогов)	09.1922
Начальник академии	2849,93	6347,25	21 262,31	98,60 золотом или 295 800 кредитными билетами ¹⁹⁹⁵	78,22
Правитель дел	2587,26	5762,25	19 302,65	249 600	
Заслуженный ординарный профессор					70,08
Ординарный профессор	2587,26	5762,25		263 400	
Экстраординарный профессор				227 400	61,80
Штатный преподаватель					54,17

Преподаватели академии, как правило, переезжали с места на место со своими семьями, порой довольно многочисленными, и прислужой. В семье Андогского было шестеро детей, в семье Коханова — четверо, в семьях Антоновича и Слижикова — по трое и т.д.¹⁹⁹⁷ Некоторые родственники преподавателей также устраивались в академию, что, конечно, повышало благосостояние семей в чрезвычайных условиях. Так, помощником библиотекаря был Н.Б. Коллюбакин — сын профессора Коллюбакина¹⁹⁹⁸. Существовали и другие академические династии (например, Мартыновы и Чулковы).

* * *

Обзор деятельности профессорско-преподавательского и административного состава академии за период Первой мировой и Гражданской войн будет неполным без упоминания о судьбах преподавателей и служащих. В связи с падением белого Приморья эмигрировал из России генерал А.И. Андогский. Уехал в Китай А.П. Слижиков, на остров Ява — П.Г. Осипов. Обосновался в Китае В.И. Сурин. Остались во Владивостоке А.Т. Антонович, В.Г. Болдырев, Б.М. Коллюбакин, Н.И. Коханов, А.И. Медведев.

Андогский в эмиграции читал лекции по стратегии японскому наследному принцу¹⁹⁹⁹. Кроме того, он возглавил 1-е харбинское смешанное реальное училище. Однако выпады ветеранов Белого движения в его адрес не прекращались. Генерала обвинили даже в растрате средств в училище и финансовом подлоге²⁰⁰⁰. Вероятно, печальнее всего было предательство прежних соратников. Так, А.П. Слижиков перешел в лагерь противников Андогского, именовал начальника академии «генералом от революции», советским деятелем и даже психологическим дегенератом, постоянно занятым двойной игрой²⁰⁰¹. Инициативная группа харбинских генштабистов пыталась организовать новую травлю бывшего начальника ака-

¹⁹⁹⁵ Сост. по: РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 107. Л. 4, 21, 43; Д. 112. Л. 56об.; Д. 117. Л. 23об. По всей видимости, в сентябре 1920 г. произошло резкое повышение окладов.

¹⁹⁹⁶ За вычетом налога и квартирных у Андогского оставалось к выдаче 82 руб. 55 коп. золотом или 247 658 руб. кредитными билетами.

¹⁹⁹⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 80. Л. 18.

¹⁹⁹⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 105.

¹⁹⁹⁹ Смерть генерала Андогского // Руль (Берлин). 1931. 8 апр. № 3150. С. 3.

²⁰⁰⁰ ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 96.

²⁰⁰¹ Там же. Л. 7, 55, 58об.

демии. В итоге Андогский в 1928 г. был исключен из среды русских офицеров Генерального штаба, а несколько ранее группа его противников вынесла постановление о том, что он не заслуживает никакого доверия²⁰⁰². Однако бывшие курсовики не предавали своего прежнего начальника и даже во времена самой ожесточенной травли защищали его, насколько это было возможно²⁰⁰³. По всей видимости, непрекращавшиеся преследования стали одной из причин безвременной смерти в 1931 г. последнего начальника Военной академии в возрасте 54 лет. В статье памяти Андогского его друг генерал-лейтенант Е.Г. Сычев написал: «Александр Иванович был на целую голову выше не только толпы, но тех обвинителей, которые старательно бросали в него самые увесистые камни»²⁰⁰⁴.

Судьбы оставшихся на родине в основном сложились трагично. Почти все они были репрессированы. Христиани, по некоторым данным, умер в тюрьме уже в 1922 г. Коллюбакин умер в тюрьме в 1924 г. Медведев умер в Москве в мае 1925 г. от разрыва сердца²⁰⁰⁵. Коханов устроился в Военно-техническую академию в Ленинграде, опубликовал в СССР несколько книг по военно-инженерным вопросам, но был арестован в 1931 г. по делу «Весна» и умер во время следствия. Болдырев дважды арестовывался и в 1933 г. был расстрелян в Новосибирске. Антонович также прошел через несколько арестов и, по некоторым данным, умер в 1937 г. в красноярской тюрьме²⁰⁰⁶. В октябре 1923 г. старшего руководителя Военной академии РККА А.Д. Сыромятника и штатного преподавателя В.Л. Попова, в прошлом — атамана Енисейского казачьего войска, судила Военная коллегия Верховного суда СССР²⁰⁰⁷.

В эмиграции оказались не менее одиннадцати профессоров академии: генерал-лейтенанты А.К. Байов, В.В. Беляев, Н.Н. Головин, А.А. Гулевич, Д.В. Филатьев, Н.Л. Юнаков; генерал-майоры А.И. Андогский, В.И. Баскаков, Б.В. Геруа, М.А. Иностранцев и П.Ф. Рябиков. Все они (кроме Андогского и Юнакова) по инициативе Байова создали «Военно-академическую группу» как авторитетный военно-научный центр в эмиграции с целью популяризации военных знаний и подготовки молодых военных ученых (по примеру гражданских профессоров, создававших в эмиграции свои академические группы)²⁰⁰⁸. Для создания группы требовалось не менее шести человек. Безусловно, надеждой всех профессоров было скорейшее возвращение на родину и возобновление работы академии. Этим надеждам не суждено было сбыться.

* * *

Период 1914–1922 гг. особенно сильно отразился на преподавательском составе академии. Фактически произошла его радикальная смена. После того как в 1914 г. учебный процесс в академии прекратился, преподаватели отправились в армию, а при возобновлении обучения в конце 1916 г. академия приняла в свой постоянный состав множество новых лиц. Ротация произошла и в связи с началом Гражданской войны и эвакуацией академии из Петрограда. Многочисленные эвакуации, переходы из лагеря в лагерь, возобновление

²⁰⁰² Там же. Л. 29, 75.

²⁰⁰³ Там же. Л. 31об.–32.

²⁰⁰⁴ Там же. Л. 103.

²⁰⁰⁵ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 65. Л. 1об.

²⁰⁰⁶ Подробнее см.: *Панков С.* В тупике: Последние дни академии Генштаба и белой армии на Востоке России в описании генерала Антоновича // *Голоса Сибири. Литературный альманах.* Кемерово, 2006. Вып. 3. С. 380–381.

²⁰⁰⁷ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 13. Л. 462.

²⁰⁰⁸ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 75. Л. 9.

и прекращение занятий также влияли на преподавательские кадры. Впрочем, костяк из нескольких профессоров остался с академией до конца.

Преподаватели академии сыграли видную (хотя и не всегда конструктивную) роль в Белом движении на Востоке России, занимая руководящие посты в антибольшевистских вооруженных формированиях на протяжении 1918–1922 гг. В период опалы начальника академии А.И. Андогского в 1919 г. его сторонники в академии и за ее пределами организовывали мощную кампанию в его поддержку среди сибирских генштабистов.

Очевидно, что среди преподавателей оказались две категории лиц по отношению к академии — те, кто связал с ней свою жизнь и службу на многие годы, и те, для кого академия стала лишь случайным эпизодом биографии. Кроме того, академия с ее ресурсами (мощная материально-техническая база, свои врачи, обслуживающий персонал, особый статус, дававший прямой выход на лидеров антибольшевистского лагеря) была привлекательной для тех, кто стремился к спокойной службе и минимизации рисков в условиях Гражданской войны.

Судьбы профессорско-преподавательского состава отражают судьбу всего русского офицерства переломной эпохи. Одни оказались в РККА и Советской России, другие разделили путь антибольшевистских армий и ушли в эмиграцию либо предпочли остаться на родине, что предопределило для многих трагический финал.

Г Л А В А 9.

«НЕДОНОСКИ»? ВЫПУСКНИКИ УСКОРЕННЫХ КУРСОВ 1916–1919 гг.

Каждая крупная война ведет к массовой гибели командных кадров, к необходимости их ускоренной подготовки и переподготовки и к резкому изменению социального состава офицерства. Основной задачей любого государства в этих условиях становятся минимизация потери качества подготовки в условиях значительного сокращения ее сроков, а также максимальный учет текущего боевого опыта. Россия эпохи Первой мировой войны не была исключением.

К октябрю 1917 г. из примерно 250 000 офицеров русской армии порядка 190 000 (76%) составляли офицеры военного времени, многие из которых впервые взяли в руки оружие лишь в годы войны, а в пехотных полках действующей армии к ноябрю 1917 г. оставалось только 4% кадровых офицеров²⁰⁰⁹. Схожий процесс, обусловленный не гибелью офицерства, а резким увеличением численности армии, наблюдался в военной элите страны — среди офицеров, прошедших подготовку в главном высшем военно-учебном заведении России — Императорской Николаевской военной академии — и служивших по Генеральному штабу. Появление сотен генштабистов военного времени существенно изменило облик корпорации, внося в нее демократическую струю и сделав состав кадров Генерального штаба более пестрым и разнообразным, что создавало почву для поколенческих и квалификационных конфликтов, которые ярко проявились в 1918–1919 гг. Рассмотрим, как в военное время решалась проблема ускоренной подготовки генштабистов, каков был уровень этой подготовки и как проявили себя выпускники курсов с профессиональной точки зрения.

Нехватка генштабистов в действующей армии в 1914–1916 годах была катастрофической. В мае 1916 г. около 50% должностей старших адъютантов дивизионных штабов (обер-офицерские должности Генштаба) замещали уже не генштабисты, а строевые офицеры, начальниками штабов дивизий (штаб-офицерские должности Генштаба) становились капитаны с академическим образованием, но не пробывшие достаточно времени в обер-офицерских чинах. Постепенно генштабистов не осталось на обер-офицерских должностях и в корпусном звене. Некомплект офицеров Генерального штаба составлял не менее 210 человек. В 1915 г. были досрочно переведены в Генеральный штаб ранее причисленные к Генштабу офицеры выпусков 1912–1914 гг., причислены и переведены в Генштаб обер-офицеры, окончившие академию по 2-му разряду в 1912–1914 гг., причислены к Генштабу офицеры, окончившие два класса и переведенные на дополнительный курс академии в 1914 г. (считались выпуском 1915 г.²⁰¹⁰). Обязательное для штаб-офицеров Генерального штаба двухгодичное командо-

²⁰⁰⁹ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 27–28, 52. По оценке С.В. Волкова, к этому времени насчитывалось 276 000 офицеров (Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 10).

²⁰¹⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1280. Л. 18, 39.

вание полком было сокращено до годичного. Тем не менее до начала массовой подготовки курсовиков решить проблему не удавалось.

Во время войны занятия в академии длительное время не велись. Нехватка кадров Генерального штаба привела к массовым причислениям и переводам в Генштаб ранее обучавшихся офицеров. Когда этих ресурсов оказалось недостаточно, было принято решение о возобновлении обучения. С конца 1916 г. академия начала ускоренную подготовку офицеров. Выпускники ускоренных курсов — курсовики — различались по полученной подготовке (к примеру, в старший класс курсов 1-й очереди зачислялись офицеры, окончившие полноценный младший класс академии перед войной), уступали выпускникам академии довоенного времени, однако вполне могли нести обязанности младших офицеров Генерального штаба. В 1916–1919 гг., включая период Гражданской войны, когда занятия проводились в Екатеринбурге и Томске, функционировали четыре очереди ускоренных курсов, в каждой из которых, за исключением последней 4-й, было организовано по два класса — младший (подготовительный) и старший (летом 1918 г. был организован и ускоренный курс, не получивший номера). Целью курсов являлась «специальная подготовка некоторого количества строевых обер-офицеров к выполнению обязанностей офицеров Генерального штаба на младших должностях в полевых штабах действующих армий»²⁰¹¹.

Старые генштабисты часто относились к курсовикам отрицательно, не считали их получившими достаточную подготовку для службы Генерального штаба, называли «недоучками» и даже «недоносками» (поскольку курс обучения был рассчитан на восемь месяцев). Курсовик В.М. Цейтлин летом 1917 г. отмечал, что начальник штаба корпуса, в котором оказался Цейтлин, на выпускников подготовительных курсов 2-й очереди «смотрит как на приготишек»²⁰¹². Генерал С.Л. Марков, к примеру, был убежден, что «создавать офицеров Генерального штаба из курсовиков нельзя, это не школа прапорщиков»²⁰¹³. Об этом он телеграфировал 19 августа 1917 г. начальникам фронтовых штабов. Бывший генерал Д.И. Андриевский, служивший в начале 1918 г. в штабе Северного участка и Петроградского района, заявил в марте 1918 г. в общем отделении штаба своему товарищу, что в штаб для работы приглашены «недоноски»²⁰¹⁴. Военспец не заметил, что там же присутствовали курсовики, которые слышали оскорбление. Подобное пренебрежительное отношение сохранялось и в белых армиях²⁰¹⁵. Но было ли оно справедливым?

Критерии отбора на курсы были строгими, хотя различались от курса к курсу. По рекомендации вышестоящего начальства на курсы зачислялись исключительно кадровые строевые офицеры со стажем службы не менее двух лет, обладавшие боевым опытом. Предпочтение отдавалось тем, кто сдавал перед войной экзамены в академию, но не прошел по конкурсу 1913 г. или сдал письменные испытания при окружных штабах в 1914 г., георгиевским кавалерам, затем раненым, контуженным, отравленным газами при условии восстановившегося здоровья. От армейского корпуса командировались 3 офицера, от конного — 5. Позднее от поступающих стали требовать и наличие штабного опыта. Сохранились ста-

²⁰¹¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.

²⁰¹² АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 212.

²⁰¹³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1363. Л. 166.

²⁰¹⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 64.

²⁰¹⁵ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 55. Л. 18.

тистические данные о 240 выпускниках подготовительных курсов 1-й очереди. Среди них 8,32% представляли гвардию, 41,67% — пехоту, 22,9% — конницу, 14,16% — артиллерию, 12,95% — технические и прочие войска. Орденом Св. Георгия и Георгиевским оружием был награжден 61 офицер, или 25% поступивших²⁰¹⁶, что свидетельствует о замечательных боевых качествах слушателей.

Профессор Б.В. Геруа вспоминал о курсовиках: «Состав слушателей был особенный и редкий: все сплошь боевые офицеры, командированные от своих частей не за одни умственные качества, но и за заслуги. Среди аудитории, украшенной орденами, белели многочисленные георгиевские крестики. Народ этот был закаленный, требовательный и критический»²⁰¹⁷.

Свидетельством отбора лучших из лучших представляется ходатайство командира XXXV армейского корпуса генерала М.М. Ставрова перед начальником академии полковником А.И. Андогским от 24 сентября 1917 г. о зачислении на курсы 3-й очереди капитана Г.С. Горчакова: «Телеграммой генкварзапа вверенному мне корпусу из трех дивизий с большим числом других частей, входящих в него, предоставлено офицерам 2 вакансии на курсы 3 очереди вверенной Вам академии.

Согласно правил командирования и поступления эти две вакансии заняты двумя офицерами корпуса — георгиевскими кавалерами, имеющими на это право первыми.

Между тем в корпусе имеется офицер 267 пехотного Духовщинского полка капитан Горчаков, который, отличаясь выдающейся храбростью и обладая громадным боевым опытом, пробыв в пехотном полку в строю более 2-х лет, отлично знаком с военной службой, прекрасный начальник и человек, дважды был ранен и однажды контужен в текущую войну во время штыковых атак, участвовал во всех боевых действиях полка, прибыв на войну в чине подпоручика, награжден всеми боевыми орденами до Владимира 4 степени с мечами и бантом включительно и чином штабс-капитана и, таким образом, обладая всеми необходимыми данными и требованиями для поступления на курсы, не может попасть единственно вследствие отсутствия вакансии.

Ввиду вышеизложенного я считаю своей нравственной обязанностью обратиться к Вам с просьбой не отказать в принятии этого, во всех отношениях, достойного офицера на курсы вверенной Вам академии.

Только знание заслуг капитана Горчакова обязывает меня затруднить Вас настоящей моей просьбой.

Двухмесячная на моих глазах его работа в штабе корпуса дает мне полные основания утверждать, что он будет выдающимся офицером Генерального штаба, как по своим блестящим способностям, так и по безукоризненному трудолюбию»²⁰¹⁸. Сам Горчаков телеграфировал Андогскому 3 октября: «Умоляю не оставить просьбы [о] принятии [на] курсы без внимания. Штакор 35. Капит[ан] Горчаков»²⁰¹⁹. И хотя Горчаков из-за болезни не окончил даже младший класс, он, тем не менее, проявил себя в дальнейшем как дельный штабной работник, а в Гражданскую войну занимал ряд ответственных штабных постов в РККА.

²⁰¹⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1552. Л. 72.

²⁰¹⁷ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни: в 2 т. Париж, 1969. Т. 1. С. 275.

²⁰¹⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1582. Л. 621–621об.

²⁰¹⁹ Там же. Л. 624.

Подготовка на курсах отличалась интенсивностью и включала лекции по стратегии, общей тактике, тактике родов войск, военной администрации, военной статистике России и иностранных государств, истории военного искусства, военной психологии, службе Генерального штаба, военно-морскому делу, событиям Первой мировой войны, артиллерии, инженерному искусству, теории съемки, военной топографической разведке. Практические занятия проводились по тактике, военной администрации, картографии, теории съемки, инженерному искусству и службе Генерального штаба. Учебная нагрузка, например, на подготовительном курсе 2-й очереди примерно за три месяца составляла 271 час лекций и 107 часов практических занятий, а в старшем классе 1-й очереди — 269 часов лекций и 96 часов практических занятий²⁰²⁰. В ходе борьбы курсовиков за свои права в РККА уже во время Гражданской войны и после нее выпускники ускоренных курсов приводили различные аргументы в пользу того, что они ничуть не хуже довоенных выпускников академии. В частности, отмечалось, что учебная нагрузка на курсах была не ниже, а даже выше нагрузки в академии мирного времени, при том что были исключены не имевшие практической необходимости дисциплины (верховая езда, опыт которой офицеры приобрели на фронте, черчение), но добавились предметы, учитывавшие опыт Первой мировой войны (авиация, газовые средства борьбы, маскировка, связь, разведка и контрразведка, история мировой войны)²⁰²¹.

Выпускник ускоренных курсов 2-й очереди С.Н. Голубев впоследствии вспоминал, что «в академии приходилось работать очень много, ибо тот курс, который в мирной обстановке проходил в течение года, нами был пройден в 5–6 месяцев»²⁰²².

Вот как писали о себе наиболее активные в отстаивании собственных прав курсовики 2-й очереди: «Строевой стаж мирного времени от 6 до 8 лет, боевой стаж в строю и штабной стаж по службе Генерального штаба, в том и другом случае на ответственных постах в армии перед началом занятий в академии, поставили военную ценность выпуска в исключительные условия, и обновленная профессура академии того времени, путем привлечения лучших сил с большим боевым опытом фронта, совершенно ясно это подчеркивала, заявляя, что этот выпуск исключительный и пребывание его в академии должно иметь целью лишь систематизацию знаний, боевому же опыту его может тогда позавидовать и сама профессура»²⁰²³. Кстати, некоторые представители коей строили свои курсы на докладах слушателей из опыта войны, по задаваемым им темам»²⁰²⁴.

Всего за период 1917–1919 гг. через курсы прошли около тысячи офицеров (табл. 33).

В показаниях по делу «Весна» бывший курсовик Н.Н. Розанов 15 декабря 1930 г. сообщил о причинах поступления в академию и дальнейшей карьере в армии: «Поступая в Военную академию в 1916 году, я хотел сделать карьеру, достигнув хотя бы чина полковника в старой армии. Связей у меня не было, и я прокладывал себе путь к этой карьере исключительно упорным трудом»²⁰²⁵.

²⁰²⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2184. Л. 125об.–126об.

²⁰²¹ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 11. Л. 28об.

²⁰²² Автобиография С.Н. Голубева // Семейный архив Т.С. Голубевой (Санкт-Петербург). Выражаю благодарность к.и.н. А.С. Пученкову (Санкт-Петербург), любезно предоставившему этот документ.

²⁰²³ Разрядка документа.

²⁰²⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 11. Л. 29.

²⁰²⁵ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 2290 (2696). Л. 36.

Статистика выпусков ускоренных курсов Военной академии 1917–1919 гг.²⁰²⁶

Очередь/класс	Младший (подготовительные курсы)	Старший
1-я	Зачислены 242, выпущены 237 (01.11.1916–20.01.1917)	Зачислены 86, выпущены 84 (01.02–13.06.1917), все причислены к Генеральному штабу как выпуск 1916 г., 81 переведен в Генеральный штаб
2-я	Зачислены 253, выпущены 233 (01.02–23.05.1917)	Зачислены 168, выпущены 165 (15.10.1917 – нач. 03.1918), все причислены к Генеральному штабу как выпуск 1917 г., 133 переведены в Генеральный штаб
3-я	Зачислены 239, выпущены 143 (15.10.1917 – нач. 03.1918)	Зачислены 204–212 (по разным спискам) (01.06–18.07.1918, занятия прерваны)
Ускоренный курс	Подлежали командированию 179, прибыли 113–115 (07.1918, занятия прерваны)	—
4-я	Зачислены 176, выпущены 154 (21.01–29.04.1919)	—

Перевод в Генеральный штаб, следовавший после причисления офицеров к Генштабу, был важным этапом карьеры, а неопределенность служебного положения, наоборот, угнетала. Один из выпускников академии жаловался генералу М.В. Алексееву: «Одно быть офицером Генерального штаба и другое — причисленным, где вас каждый как ненужного использованного щенка после войны может выбросить за борт»²⁰²⁷. К августу 1917 г. на должностях Генерального штаба в действующей армии значились уже 407 курсовиков 1-й и 2-й очередей (222 и 185 офицеров соответственно), что составляло треть всех должностей²⁰²⁸. Эти офицеры в массовом порядке замещали обер-офицерские должности Генерального штаба (к 30 ноября 1917 г. 320 выпускников курсов замещали более 90% обер-офицерских должностей Генерального штаба²⁰²⁹). Однако проблема дефицита кадров сохранялась и к концу 1917 г. Поэтому и были открыты курсы 3-й очереди. К примеру, на 25 декабря 1917 г. на Западном фронте по Генштабу служил 181 офицер, в том числе 71 генштабист, 27 курсовиков и 83 прочих (очевидно, строевые офицеры)²⁰³⁰. За вычетом прочих курсовики составляли около четверти выпускников академии на этом фронте. Типичной картиной могло быть наличие в штабе корпуса помимо начальника штаба лишь одного курсовика (например, такая картина наблюдалась в конце 1917 г. в штабе XXXVIII армейского корпуса²⁰³¹).

На плечи курсовиков легла трудная работа. Один из них писал в 1917 г. председателю комитета слушателей: «...мы тоже люди, что есть предел эксплуатации нас как работников по службе Генерального штаба. Получается впечатление, что из нас хотят выжать все соки, а затем выбросить как ненужную вещь. <...> Разве мало офицеров из курсовиков исполняло

²⁰²⁶ Списки выпускников и слушателей курсов всех очередей опубликованы в: *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. Справочные материалы. М., 2009. С. 485–524, 576–582.

²⁰²⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1284. Л. 30б.

²⁰²⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1363. Л. 145.

²⁰²⁹ Подсчитано по: *Кавтарадзе А.Г.* Николаевская военная академия при Временном правительстве // Военно-исторический журнал. 2002. № 9. С. 40–43.

²⁰³⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1253. Л. 341–350.

²⁰³¹ Там же. Л. 346.

должности начальников штабов, разве временами на нас не взваливали подчас тяжелую и ответственную работу, разве обошлись бы штабы без нашей помощи? Так издеваться нельзя, надо учитывать и то обстоятельство, что мы выросли и научились любить службу Генерального штаба, мы хотим и требуем иного отношения к нам! Мы имеем, наконец, право на военное образование, и мы добьемся этого!»²⁰³² В конце октября 1917 г. выпускников курсов 1-й очереди из-за нехватки генштабистов назначали уже на штаб-офицерские должности²⁰³³.

Практический опыт курсовиков различался. Слушатели подготовительных курсов 1-й очереди состояли на должностях Генерального штаба в полевых штабах действующей армии, начиная со старших адъютантов дивизионных штабов и заканчивая начальниками корпусных штабов, с конца января 1917 по март 1918 г. Слушатели подготовительных курсов 2-й очереди находились на должностях Генерального штаба в действующей армии с конца мая по октябрь 1917 г. Однако слушатели подготовительных курсов 3-й очереди в промежутки между младшим и старшим классами в армию на должности Генерального штаба не командировались.

Квалификация выпускников ускоренных курсов оставалась предметом постоянных острых споров в среде Генерального штаба. Одни считали их малограмотными недоучками, другие акцентировали внимание на боевых заслугах и практическом опыте. Думается, присутствовало как одно, так и другое. По мнению преподававшего в академии генерала П.Ф. Рябикова, они не только не отличались от довоенных слушателей, но даже выигрывали, благодаря боевому опыту²⁰³⁴. С Рябиковым был солидарен генерал П.С. Махров, по мнению которого «на войне эти офицеры Генерального штаба оказались на высоте своего служебного положения»²⁰³⁵. Иначе считал начальник Генерального штаба генерал П.И. Аверьянов: «Теоретическая подготовка этих офицеров была очень ограниченной, службы Генерального штаба нести им в Великую войну не довелось, а в Гражданской войне они могли научиться лишь очень “своеобразному” несению этой службы, традициям академии и корпуса офицеров Генерального штаба они были совершенно чуждыми»²⁰³⁶. Так или иначе, но поблажек для курсовиков старались не допускать²⁰³⁷. Сам начальник академии А.И. Андогский, отдавая должное боевому опыту курсовиков, считал, что академия по сокращенной программе готовила недоучек²⁰³⁸. Курсовики, несомненно, меняли и моральный облик корпорации генштабистов²⁰³⁹.

²⁰³² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2057. Л. 226.

²⁰³³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1253. Л. 199.

²⁰³⁴ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 45. Л. 8.

²⁰³⁵ BAR. P.S. Makhrov Papers. Box 2. Махров П. Предания и воспоминания об академии Генерального штаба, переименованной в 1907 г. в академию военную. С. 1238.

²⁰³⁶ ГАРФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 408об.

²⁰³⁷ Характерен документ, составленный профессором Г.Г. Христиани об одном из слушателей: «Постановлением конференции 11 марта 1918 года “капитан Н и к о л ь с к и й подлежит приему без экзамена только [в] младший класс ввиду манкирования службой и непосещения половины всех лекций”» (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 39. Л. 67).

²⁰³⁸ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 38об.

²⁰³⁹ К примеру, исполняющий должность старшего адъютанта 11-й Сибирской стрелковой дивизии капитан Зуев в октябре 1917 г. «позволил себе выпить до того, что не владел собою, кроме того, произнес неуместный тост, вызвавший в полку беспорядок и тяжелое нарушение дисциплины. Командарм Х признает, что капитан Зуев, как не умеющий управлять собою, не может нести службу Ген. штаба, где помимо специальных знаний требую[т]ся особая выдержка и такт» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1253. Л. 230).

По-настоящему проявить себя на штабном поприще выпускники курсов смогли только на излете Первой мировой и в дальнейшем. В Гражданскую войну курсовики делали успешную и стремительную карьеру: некоторые пошедшие в РККА командовали армиями, курсовики в белых армиях стали начальниками штабов бригад и дивизий, дослужились до полковничьих и даже генеральских чинов, хотя еще за два-три года до того носили погоны младших офицеров.

Слушатель ускоренных курсов, впоследствии талантливый военный ученый Е.Э. Месснер отмечал позднее, что «заблуждались те “небожители” Генерального штаба, которые считали наши академические курсы ненужными. И ошибку сделали те из нас, слушателей, которые не постарались из стен академии унести возможно больше познаний — они пригодились если не в утихавшей в 1917 году внешней войне, то в войне гражданской, где многие добровольческие штабы держались на нас, курсантах, потому что офицеры Генерального штаба оказались, в большинстве, слишком учеными для неправильной (с точки зрения военной теории) войны и слишком малоподвижными для предельно подвижной тактики этой войны»²⁰⁴⁰. Можно только согласиться с этой оценкой.

Младший класс 1-й очереди и старший класс 3-й очереди курсов окончил А.Я. Крузе. В Гражданскую войну в колчаковских войсках он дослужился до генеральского чина, отмечен боевыми наградами, попал в плен и служил в РККА. В 1941 г. окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. С февраля 1943 г. исполнял должность начальника штаба Сталинградской группы войск. Командовал 93-й стрелковой дивизией, освободившей Миргород. С ноября 1944 г. — 24-м гвардейским стрелковым корпусом, участвовавшим в освобождении Братиславы. Был награжден рядом советских орденов. В 1949 г. Крузе, спустя 30 лет после производства в генерал-майоры у Колчака, получил чин генерал-лейтенанта Советской армии. В феврале 1958 г. вышел в отставку, а через 9 лет умер в Ленинграде²⁰⁴¹.

Наиболее благоприятные условия для карьеры курсовиков сложились в Красной армии. Курсовики дали РККА ряд командармов периода Гражданской войны. Так, М.И. Алафузо временно командовал 3-й армией, М.И. Василенко — 11-й, 9-й Кубанской и 14-й армиями, А.И. Геккер в начале 1918 г. был избран командующим 8-й армией, а в РККА командовал 13-й и 11-й армиями, С.А. Меженинов — 3-й, 12-й и 15-й армиями, М.В. Молочанов — Красной армией Армении и 14-й армией, А.И. Кук — 16-й армией и был разработчиком плана разгрома отрядов С.Н. Булак-Балаховича. Курсовик Г.И. Теодори стал одним из основоположников советской военной разведки и контрразведки²⁰⁴². Выпускники и слушатели курсов составили целую плеяду советских генералов периода Великой Отечественной войны (Г.А. Армадеров, Г.С. Дьяков, А.В. Кирпичников, В.Е. Климовских, Б.Н. Кондратьев, Б.И. Кузнецов, А.Д. Лютов, В.И. Максимов, Е.В. Сысоев, В.С. Тамручи, Е.А. Шилковский, А.Я. Яновский). Разумеется, курсовики занимали значительное количество ответственных постов в РККА вплоть до фронтового уровня.

²⁰⁴⁰ VAR. E.E. Messner Collection. Box 3. Месснер Е.Э. Мои воспоминания. Ч. 3. Л. 306.

²⁰⁴¹ Подробнее см.: Великая Отечественная: Комкоры. Военный биографический словарь: в 2 т. М., 2006. Т. 1. С. 298–299; *Кутцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л.* Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2011. С. 284–286.

²⁰⁴² Подробнее см.: *Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 40–64, 380–414, 748–752.

Проявили себя курсовики и в белых и национальных армиях. Видным военным деятелем, окончившим младший класс 1-й очереди, стал Владислав Андерс (также окончил Высшую военную школу во Франции) — впоследствии генерал, командующий польскими войсками в годы Второй мировой войны²⁰⁴³. Окончили курсы будущие польские генералы Р.И. Воликовский²⁰⁴⁴ и В.Э. Томме. А.К. Шнеур в Гражданскую войну стал начальником Генерального штаба Республики Армения. Видным деятелем Белого движения стал курсовик М.А. Фостиков, возглавивший в 1920 г. повстанческую «Армию возрождения России» (около 10 000 кубанских казаков, не сумевших эвакуироваться в Крым) на Северном Кавказе²⁰⁴⁵. Полковник Э.Я. Рютель возглавил Эстонскую военную школу. К числу выдающихся курсовиков относятся сразу два крупных военных мыслителя русского зарубежья: теоретик службы Генштаба полковник А.А. Зайцов (окончил старший класс 1-й очереди) и теоретик актуальной по сей день «мятежевойны» полковник Е.Э. Месснер (окончил младший класс 1-й очереди)²⁰⁴⁶.

Некоторые слушатели ускоренных курсов проявили мужество как строевые офицеры на полях сражений Гражданской войны²⁰⁴⁷. Основная же масса получила назначения на штабную работу. Так, согласно приказу начальника штаба Верховного главнокомандующего

²⁰⁴³ Подробнее о его службе в старой армии см.: *Васильев А.* Владислав Андерс — герой Российской императорской армии // *Старый Цейхгауз* (Москва). 2010. № 1 (33). С. 77–80.

²⁰⁴⁴ Подробнее см.: *Ганин А.В.* Последний генштабист. К 90-летию советско-польской войны // *Родина*. 2010. № 8. С. 82–86. К настоящему времени удалось установить, что Р.И. Воликовского, скончавшегося 14 февраля 1992 г., пережил выпускник томских курсов академии полковник Михаил Всеволодович Смирнов, скончавшийся в Сан-Франциско 23 августа 1996 г. в возрасте 102 лет. Таким образом, по всей видимости, именно он являлся последним выпускником академии, пережившим остальных. Впрочем, Воликовский остается, вероятно, последним причисленным к Генеральному штабу выпускником.

²⁰⁴⁵ 25 января 1917 г. командующий Кавказским кавалерийским корпусом генерал Н.Н. Баратов телеграфировал начальнику Генерального штаба генералу П.И. Аверьянову: «Убедительно прошу тебя сделать распоряжение вызвать для прохождения ближайших курсов Военной академии подьесаула Ставропольского полка Фостикова, прослужившего [в] общей сложности более трех месяцев на штатных должностях Генерального штаба. Фостиков отличный развитой офицер, хорошо знает Персию и ее язык, вполне заслуживает и сам хочет быть командированным. Уверен, что он будет отличный офицер Генерального штаба. Если твое высокое назначение уже состоялось, чего за отдаленностью фронта не знаю, от всей души поздравляю. Достойному достойное. Баратов» (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1582. Л. 1).

²⁰⁴⁶ Подробнее см.: *Месснер Е.Э.* Всемирная мятежевойна. Жуковский; М., 2004; *Хочешь мира, победи мятежевойну!* Творческое наследие Е.Э. Месснера. М., 2005.

²⁰⁴⁷ Можно привести описание подвига капитана М.А. Демишхана, приведенное в приказе 7-й Уральской горных стрелков дивизии № 46 от 7 октября 1918 г., подписанном генерал-майором В.В. Голицыным: «18 сентября во главе отряда, сформированного из передавшихся на нашу сторону красных, на Режевский фронт выступил капитан Демишхан.

Сумев не только сколотить роты, но и воспитать в них истинный воинский дух, капитан Демишхан повел свой отряд в бой.

Проведя в боях время от взятия Егоршино до Алапаевска, предводительствуемые капитаном Демишхан[ом] роты выполняли всевозможные ответственные боевые операции.

В течение последних 6 дней, с 21 по 27 сентября, капитан Демишхан, командуя самостоятельной группой, получил задачу обеспечения левого фланга колонны, в силу чего группе пришлось, преодолевая сопротивление красных, обходом по размытым дождями дорогам пройти более 120 верст.

27 сентября, после чрезвычайно тяжелых переходов, во исполнение задачи, впереди своих цепей, под перекрестным огнем пулеметов, ружей и орудий с фланга с криком “Ура” отважный капитан Демишхан бросился на противника, и только благодаря внезапности и порыву превосходящие силы красных не устояли и, дрогнув, оставили дер[евню] Алапахиа.

всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России № 27 от 15 ноября 1918 г. 52 слушателя старшего класса ускоренных курсов 3-й очереди были назначены на должности Генерального штаба в антибольшевистских формированиях Востока России на время перерыва занятий в академии²⁰⁴⁸. Множество назначений состоялось после Уфимского государственного совещания, когда слушатели курсов из Народной армии были изъяты в сибирские штабы и учреждения. Курсовики оказались в Ставке белых, в различных управлениях и отделах. Просьбы о назначениях в их части курсовиков присылали в академию такие известные белые военачальники, как Р. Гайда и В.О. Каппель²⁰⁴⁹.

Впрочем, высокие назначения кружили голову, провоцировали высокомерие и заносчивость. Далеко не все курсовики оказались на своем месте. Один из мемуаристов свидетельствовал, что, попав в Ставку, бывшие слушатели академии стали разговаривать «в подчеркнуто официальном тоне»²⁰⁵⁰.

Интересна оценка курсовиков одним из них, полковником А.Г. Ефимовым, в письме военному историку Б.Б. Филимонову от 10 октября 1933 г.: «Что касается “молодых”, то двух-, трехмесячные курсы во время войны давали очень мало. Что можно было усвоить в условиях большой спешки? В этом отношении следует выделять из молодых тех, которые еще в мирное время готовились в академию, должны были заниматься для выдержания вступительных экзаменов сначала при округах, потом в самой академии и которым пришлось прочесть массу военных книг, рекомендованных для таких лиц специальными программами. Сужу по себе и могу с уверенностью сказать, что 3 года подготовки к экзаменам дали мне гораздо более знаний, чем скоротечные курсы военного времени.

Должен прибавить, что перед мировой войной у нас уже был достаточно переварен опыт японской войны, армия реорганизовалась, в военной литературе горячо разбирались различные военные вопросы, и невольно приходилось следить за различными течениями в областях устройства армии, стратегии, тактики и т.д.»²⁰⁵¹. По мнению Ефимова, выпускники 3-й и 4-й очередей ускоренных курсов туда «попадали главным образом из строя из желающих и иногда и против особого желания специальных знаний, а чтобы уехать в Петроград (4-я очередь — в Омск²⁰⁵²)»²⁰⁵³. Неоднородность курсовиков усугублялась тем, что часть из них прошли обучение только в младшем классе академии либо же недоучились в том или ином классе.

Когда наша цепь под губительным огнем красных залегла, капитан Демишхан, проходя во весь рост по цепи, поверял расположение людей, запас патронов и ободрял солдат для новой атаки.

Но этот героический подвиг стоил крови храбрейшего из храбрых капитана Демишхан. Он тяжело ранен ружейной пулей в грудь навывлет и контужен в руку.

С гордостью объявляю этот подвиг в приказе, с грустью болею душой за героя — георгиевского кавалера и с нетерпением и затаенной радостью ожидаю быстрого выздоровления дорогого моему сердцу славного бойца.

Так дерутся доблестные старые русские офицеры, так деритесь и вы, молодые офицеры и солдаты, памятуя, что на вас с надеждой и мольбой обращает свои взоры вся исстрадавшаяся Родина» (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 247–247об.).

²⁰⁴⁸ Там же. Л. 254об.

²⁰⁴⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 7. Л. 116.

²⁰⁵⁰ Гоннер К.Я. Четыре катастрофы. Воспоминания. Рига, б.г. С. 89.

²⁰⁵¹ Ефимов А.Г. С Ижевцами и Воткинцами на Восточном фронте. Статьи, письма, документы. М., 2013. С. 278–279.

²⁰⁵² Так в документе, правильно: в *Томск*.

²⁰⁵³ Ефимов А.Г. С Ижевцами и Воткинцами... С. 279.

Как и вся служба Генерального штаба в старой армии, служба курсовиков осложнялась многочисленными бюрократическими формальностями. Характерно письмо в академию от 11 октября 1917 г. служившего в оперативном отделении штаба Особой армии капитана В.П. Глиндского (Глиндемана), который окончил подготовительные курсы 2-й очереди, но не мог попасть в старший класс: «Я пишу ныне как к председателю исполнительного комитета по поводу моего дела, которое приняло грустный для меня оборот в силу обстоятельств, ничего общего не имеющих с теми принципами, за которые полноправные²⁰⁵⁴ стояли в академии.

Я посвятил себя службе Генерального штаба еще до войны, выдержал предварительный экзамен и, относясь серьезно к подготовке, думаю, что имел шанс ныне кончить академию. Конечно, война переделала все. Я получил тяжкую рану, но Вы, как офицер, понимаете, что в жизни нашей бывают причины иного характера, чем выгода: я не ушел из полка в штаб в мае [19]15 года потому, что не хотел опускать глаза перед малочисленными товарищами в полку. Последующая цепь моих служебных перемен не изменила, однако, а, наоборот, подчеркнула парадокс, с которым я принужден считаться. После курсов 2^й очереди я нес штабную службу. Итак, у меня 3 ценза: экзамен, пребывание на курсах и штабная практика. Несмотря на это, я не могу окончить академию наравне со сверстниками потому лишь, что я не был в штабе до курсов 2[-й] очереди, а командовал ротой и был вторично выведен из строя контузией и раной позвоночника. Чина я не выиграл.

Я не могу допустить, чтобы кто-либо страдал по службе, особенно в наше время, благодаря случайной игре последствий разделения на категории; ведь ни одного мотива нет, который бы оправдывал серьезную для меня служебную неудачу — неокончание академии. Недостаток — незнание службы Генштаба [—] мог иметь значение, и с ним я соглашался, если бы на старший класс командировали сразу после курсов, а не после летнего периода штабной практики, которая аннулировала смысл подобного правила. Прошу Вас убедительно доложить правителю дел эти доводы в защиту моего права»²⁰⁵⁵.

Существовали свои нюансы в отношении тех, кто заканчивал старший и младший классы разных очередей. Те офицеры, которые окончили подготовительные курсы 1-й очереди и поступили в старший класс 3-й очереди (обучение на котором было прервано перипетиями академии лета 1918 г.), воспринимались порой как недоучки. В докладе о положении курсовиков, подготовленном колчаковским капитаном А.И. Соколовым в 1919 г., отмечалось, что «практическая служба слушателей... продолжается уже третий год, но они, оторвавшись от строя и не пристав к офицерам Генштаба, считаются штабными париями, в строй не отпускаются и никаких преимуществ и даже осуществления своих законных прав офицера не получают. Слово “слушатель” на языке Генштаба стало синонимом “недоучки”, “недоноска” и т.д.

Учитывая, что на младший класс... поступили по расчету 2 офицера из корпуса избранные, лучшие кадровые офицеры, тянувшие ляжку в строю с начала войны и до октября 1916 года, т.е. в самый трудный ее период, становится непонятным допущение высшей властью эксплуатации старого, кадрового офицерства, два года назад избранием и волею начальства связавшего свою судьбу с академией и за свою службу Генштаба в д[ействующей] армии,

²⁰⁵⁴ Так в документе.

²⁰⁵⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2057. Л. 210–211об.

получившего благоприятные отзывы своего начальства, данные на анкету академии...»²⁰⁵⁶ Таким образом, служебное положение слушателей курсов 3-й очереди было наиболее тяжелым.

Помимо академии ускоренная подготовка генштабистов осуществлялась и на Кавказском фронте, где возникли собственные курсы Генерального штаба Кавказского фронта. К сожалению, документов о создании и функционировании этих курсов обнаружить не удалось, сохранились лишь служебные документы их выпускников, из которых нам и удалось установить сам факт существования таких курсов. Вероятно, речь шла о подготовке младших штабных работников непосредственно при штабе фронта.

Отношение курсовиков к старшему поколению генштабистов также не отличалось особой сердечностью. Формировалось оно и в годы Первой мировой войны, еще до поступления слушателей в академию. Будущий слушатель академии В.М. Цейтлин записал в своем дневнике 29 августа 1916 г.: «Теперь, приглядевшись, я понимаю, почему настолько бездарна и лишена инициативы общая масса офицеров Генерального штаба. В академии, а потом на маленьких должностях их каждый старается задержать, оскорбить, пользуясь тем, что почти всегда каждый начальник может закрыть дорогу в Генер[альный] штаб, и вот человек терпит, переносит всякие обиды, глотает оскорбления, лишь бы добраться до своей цели»²⁰⁵⁷. 13 октября 1917 г. о Главном штабе Цейтлин отозвался как об авгиевых конюшнях, в которых «давно пора произвести фундаментальную чистку»²⁰⁵⁸. Фактически можно говорить о появлении реформистски настроенных молодых генштабистов, стремившихся к кардинальным переменам в военном руководстве страны.

Каково было положение курсовиков в белых армиях? На Востоке России 30 октября 1918 г. начальнику штаба Верховного главнокомандующего академия представила списки офицеров всех трех очередей ускоренных курсов по старшинству баллов по окончании подготовительных курсов, список офицеров 3-й очереди, не державших экзаменов, и список офицеров, выдержавших предварительные и конкурсные экзамены в 1910–1914 гг., а также список офицеров 1-й и 2-й очереди, прибывших в академию летом 1918 г. для поступления в старший класс 3-й очереди²⁰⁵⁹. По всей видимости, Ставка планировала какие-то решения в отношении статуса курсовиков и их привлечения на службу.

Бюрократизм колчаковских штабов характеризовался приказом по военному ведомству № 27 от 7 февраля 1919 г., изданным в белой Сибири, согласно которому всех офицеров, прошедших подготовительные курсы 1, 2 и 3-й очереди, предписывалось считать откомандированными от академии с 1 января 1919 г. для службы в штабах, зачислить в списки своих частей и считать в постоянной командировке, как допущенных к исполнению младших должностей Генштаба, которые они фактически занимали, с присвоением денежного довольствия по занимаемым должностям²⁰⁶⁰.

Всех окончивших ускоренные курсы и исполнявших должности Генштаба на фронте предписывалось зачислить в строевые части и полагать в командировках от них для исполнения должностей Генштаба. Офицеры Ставки распоряжением генерал-квартирмейстера

²⁰⁵⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 51. Л. 50.

²⁰⁵⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 153.

²⁰⁵⁸ Там же. Л. 249.

²⁰⁵⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1644. Л. 1.

²⁰⁶⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 122.

распределялись между штабами армий и отдельных корпусов и также числились в строевых частях и от них в командировках²⁰⁶¹. При отсутствии офицеров Генштаба курсовиков разрешалось допускать к исполнению старших должностей, но исключительно с разрешения начальника штаба Верховного главнокомандующего²⁰⁶², причем в срок до 15 февраля 1919 г. требовалось донести об офицерах Генштаба, занимавших должности не Генштаба. Приказ был объявлен и в приказе начальника штаба Верховного главнокомандующего № 161 от 28 февраля 1919 г.

8 января 1919 г. конференция академии постановила разделить слушателей на две группы — 1-й и 2-й очередей, а также 3-й очереди, причем слушатели 3-й очереди, выдержавшие предварительные экзамены в академию в 1914 г., должны были приобрести права слушателей 2-й очереди²⁰⁶³. По всей видимости, шел интенсивный поиск правового выхода из ситуации с незавершенным учебным процессом на курсах 3-й очереди. Все вопросы о служебном положении курсовиков были сосредоточены в Ставке²⁰⁶⁴. Выпускники курсов условно причислялись к Генштабу по удостоению ближайшего начальства и получали право на аксельбант. Право на знак получали лишь те, кто успешно окончил два класса академии²⁰⁶⁵. В апреле 1919 г. был разработан проект положения о причислении к Генеральному штабу офицеров, окончивших подготовительные курсы академии 1, 2 и 3-й очереди и зачисленных в старший класс²⁰⁶⁶.

Некоторые курсовики «как пробывшие установленный срок на штатных должностях Генерального штаба в штабах частей, действующих на фронте»²⁰⁶⁷ были причислены к Генеральному штабу, а затем и переведены в него в 1920 г. приказами главнокомандующего вооруженными силами Российской Восточной окраины.

На Юге России, в войсках генерала А.И. Деникина, положение курсовиков регулировалось приказом главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России № 2995 от 5 (18) апреля 1920 г., согласно которому «офицеры, окончившие два ускоренных курса Военной академии или один общий и прослужившие в составе Вооруженных сил Юга России не менее 6-ти месяцев, по представлению надлежащего начальства причисляются к Генеральному штабу» а «офицеры, окончившие два ускоренных курса, причисленные к Генеральному штабу и занимающие штатную должность Генерального штаба, по представлению надлежащего начальства переводятся в Генеральный штаб»²⁰⁶⁸.

Курсовик А.К. Македонский писал генералу М.А. Иностранцеву 4 декабря 1921 г. о положении курсовиков на белом Юге: «В Добр[овольческой] армии наш выпуск держали в черном теле, упорно не переводили в Генер[альный] штаб, хотя причислили и дали права. Но эти же права давали и тем, кто, не держа экзамена в академию, прошел всего один 2^х-месячный ускоренный курс, тогда как в армии адм[ирала] Колчака мой выпуск был переведен. Когда же мы просили, если нас считают недостойными мундира Генерального штаба, откомандировать нас в строй, нам отказывали, т.к. тогда некому было бы занять младшие

²⁰⁶¹ Там же. Л. 124.

²⁰⁶² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 83об.

²⁰⁶³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 39. Л. 83.

²⁰⁶⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 40. Л. 91.

²⁰⁶⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 39. Л. 29, 34.

²⁰⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 174–175об. (см. Приложения).

²⁰⁶⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 49. Л. 6.

²⁰⁶⁸ РГВА. 39540. Оп. 1. Д. 177. Л. 131.

должности Ген. штаба. Выпуск 1916 г., т.е. те, кто прошли младший класс мирного времени, а курс старшего класса проходили в 1917 году и притом в гораздо более сокращенном объеме, чем мы, с гордостью носили полковничьи погоны Генер[ального] штаба, только потому, что их счастье было кончить академию при Керенском, а наше несчастье при Ленине, но ведь Вы знаете, Ваше превосходительство, что мы в стенах академии большевиков даже и не чувствовали, я даже не знаю, как смогла академия додержаться до окончания лекций, не будучи разогнана или переарестована.

Вот такое отношение к нам старших офицеров Генер[ального] штаба оставляло подчас горечь обиды и незаслуженности такого отношения (нас называли большевистским выпуском), тем сильнее была эта обида, что ведь как раз моего выпуска 4 или 5 офицеров были убиты в боях, фактически неся обязанности начальников штабов (шт[абс]-капитаны Хитрово и Третьяков). Нам всегда казалось, что, будь Вы на Юге, Вы сумели бы нас отстоять»²⁰⁶⁹.

Положение курсовиков в войсках было непростым как в старой армии, так и в РККА и в белых армиях — всюду, где вместе с ними оказывались и довоенные генштабисты. В 1918 г. один из курсовиков писал начальнику академии А.И. Андогскому: «Если обратиться к обстановке, в которой теперь работает выпуск [19]17 года, то становится необъяснимым то предубежденное отношение, которым встречается труд причисленных к Генштабу. Особенно, если вспомнить слова военного руководителя Высшего военного совета [М.Д.] Бонч-Бруевича, переданные нам с кафедры вр.и.д. нач[альника] академии за Ваше отсутствие, о том, что выпуск — ценный материал, что расход его обуславливается исключительно тем обстоятельством, что патентованного Генерального штаба для работы в теперешней обстановке найти не могут, что выпуск — это последний резерв»²⁰⁷⁰. В итоге борьба за свои права стала лейтмотивом службы курсовиков. Особенно активными оказались в этом отношении выпускники курсов 2-й очереди²⁰⁷¹.

* * *

Материальное положение слушателей академии было следующим. Оказавшиеся в РККА по инерции как слушатели академии молодые выпускники ускоренных курсов академии Генштаба 2-й очереди весной 1918 г. получили младшие должности в Красной армии с постоянным окладом в 500 руб., к этому могло добавляться 35% надбавки и выплачивалось пособие на два или три месяца. Кроме того, они получали лошадь натурой и деньги на покупку седла по существующим ценам (500 руб.), а также паек по интендантским ценам²⁰⁷². Думается, такое обеспечение было весьма серьезным подспорьем для молодежи. Низший оклад в это время составлял 10–12 руб. в сутки²⁰⁷³. 500 руб. получали лица для поручений, 400 руб. — начальники отделений, 350 руб. — их помощники.

В начале 1918 г. 9/10 слушателей академии получали по 400 руб. боевого оклада, а остальные — от 300 до 600 руб.²⁰⁷⁴ Слушатели получали и так называемые «керенские прибав-

²⁰⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 57. Л. 162–162об.

²⁰⁷⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 108.

²⁰⁷¹ Подробнее о борьбе курсовиков за положение в корпорации генштабистов см.: *Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»... С. 33–66. Некоторые из них были знакомы друг с другом по службе еще до академии (АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 143–144).

²⁰⁷² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 15об.

²⁰⁷³ Там же. Л. 23.

²⁰⁷⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1979. Л. 1.

ки» — единовременные пособия на дороговизну в 200–300 руб. и ежемесячно 75–100 руб. Таким образом, в месяц получали от 450 до 700 руб.²⁰⁷⁵

С 1 апреля 1918 г. по прибытии академии из Петрограда в Екатеринбург оклады были уменьшены с 400 до 350 руб. (поскольку боевые действия считались оконченными, прекратилась выплата боевых окладов). В связи с эвакуацией выплачивались подъемные 200 руб. 3 мая 1918 г. приказом Наркомата по военным делам № 316 установлен единый оклад в 550 руб.²⁰⁷⁶ Жильем, одеждой и продовольствием слушатели обеспечивали себя самостоятельно. 18 апреля 1918 г. один из слушателей писал председателю комитета слушателей: «В настоящее время просуществовать на такое содержание не представляется возможным. Если жалование рядового красноармейца, состоящего на полном иждивении, увеличено с 50 до 150 руб., а ставки лиц должностных — не специалистов увеличены до 500–800 р[ублей], полагаю необходимым просить возбудить ходатайство об установлении... одинакового оклада для всех слушателей, как военных специалистов, в размере ежемесячного оклада в 450 р[ублей] для холостых и 550 р[ублей] для женатых, на каждого нетрудоспособного члена семьи сверх указанных ставок по 50 р[ублей]»²⁰⁷⁷.

Слушателей нового набора академии большевистские вожди планировали снабдить жалованьем в размере 550 руб. в месяц, тогда как жилье, одежду и продовольствие слушатели обеспечивали самостоятельно²⁰⁷⁸. Военный комиссар академии с мая 1918 г. получал 500 руб. в месяц²⁰⁷⁹, т.е. меньше слушателей. В мае 1918 г. Уральский областной военный комиссариат планировал выплачивать слушателям по 150 руб. за организационную работу²⁰⁸⁰.

Курсовики несли определенные корпоративные расходы. Например, платили взносы в капитал взаимопомощи офицеров Генштаба и на содержание причта Суворовской церкви при академии Генштаба. Ежегодный взнос в капитал составлял 6 руб., взнос на причт Суворовской церкви — 9 руб. Многие выпускники весной 1918 г. внесли деньги на содержание причта вплоть до конца года. Поощрялись единовременные взносы. Внесение 100 руб. единовременно давало пожизненное членство в капитале с отменой обязательных ежегодных взносов²⁰⁸¹. В других документах указывается, что с 20 марта взнос на причт составил 1 руб. в месяц²⁰⁸². Кроме того, в капитал были включены суммы, ранее собранные комитетом старшего класса 2-й очереди — т.е. теми же лицами, только в бытность их слушателями академии. Ежегодный отчет о движении сумм предполагалось составлять в первой половине января²⁰⁸³.

Выпуск 1917 г. имел свой комитет (позднее — коллегию), а также отдельный капитал взаимопомощи, который контролировался комитетом выпуска. Капитал выпуска был образован 16 марта 1918 г. на заседании комитета. Интересно, что этот капитал свободно существовал в условиях большевистского режима. Средства хранились при академии, а ответственным

²⁰⁷⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 92. Л. 111.

²⁰⁷⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1979. Л. 1.

²⁰⁷⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 92. Л. 111об.–113.

²⁰⁷⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1625. Л. 1об.

²⁰⁷⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 200.

²⁰⁸⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1646. Л. 77.

²⁰⁸¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 90, 117об.

²⁰⁸² Там же. Л. 118об.

²⁰⁸³ Там же. Л. 117об.

за капитал считался начальник академии. На 15 апреля 1918 г. в капитале взаимопомощи Генерального штаба выпуска 1917 г. имелось 534 руб. 17 коп. К 15 июня 1918 г. в капитале имелось 413 руб. 92 коп.

Из капитала взаимопомощи по решению председателя выпуска и при наличии 6 подписей членов комитета выдавались ссуды нуждавшимся выпускникам. Так, например, 7 мая 1918 г. на заседании комитета выпуска 1917 г. было разрешено выдать ссуду бывшему капитану Б.Н. Скворцову в 350 руб. с обязательством ежемесячного погашения по 50 руб.²⁰⁸⁴ Существовал и кооператив академии. В нем имелось 724 пая, включая 448 паев слушателей старшего класса, 248 паев слушателей младшего класса и 28 паев профессуры²⁰⁸⁵. Свой вклад в улучшение материального обеспечения выпускников внес выпускник курсов Г.И. Теодори. В частности, именно он к началу апреля 1918 г. добился выплаты выпускникам жалованья в размере 400 руб. в месяц, а также суточных за командировки по 20 руб.²⁰⁸⁶

14 октября 1918 г. путем ассигнования советским правительством 20 000 руб. был образован теперь уже фонд взаимопомощи «лиц Генерального штаба» выпуска 1917 г.²⁰⁸⁷ Эти средства были выданы одному из неформальных лидеров выпуска и члену его коллегии бывшему капитану Г.И. Теодори по докладу Реввоенсовету Республики (РВСР) с тем, чтобы был выработан порядок выдачи пособия. Порядок был разработан, доложен главному и утвержден. Деньги хранились у Теодори²⁰⁸⁸.

К сожалению, пока не ясно, зачем понадобилось вновь образовывать уже существовавший ранее фонд, как военспецам удалось добиться выделения средств и с какой целью большевики решили материально поддержать военспецов. Единственным объяснением является то, что к осени 1918 г. так называемый выпуск ускоренных курсов 1917 г. мог считаться единственным выпуском академии Генштаба, осуществленным в Советской России. Соответственно, к этому выпуску было особое отношение.

Со временем суммы взносов увеличились. На 15 октября 1918 г. единовременный взнос составлял 20 руб., добавочный единовременный взнос — 100 руб., взнос за три месяца с 1 октября 1918 г. по 1 января 1919 г. составил 15 руб., а взнос за период с 1 января по 1 июля 1919 г. — 60 руб. Итого каждый должен был внести 195 руб.²⁰⁸⁹ Сбор взносов осуществляла коллегия выпуска при Полевом штабе РВСР.

Осенью 1918 г. слушатели академии получали жалованье в размере 340–400 руб. в месяц и 100 руб. квартирных²⁰⁹⁰. По окладам они были приравнены к 7-му разряду и к командирам рот (если до зачисления в академию не имели более высокого оклада). Взамен пайка выплачивалось еще 80 руб.²⁰⁹¹ На весну 1919 г. слушатели получали оклад по должности и добавочные на дороговизну в размере 15% оклада. Типовой оклад мог составлять 580 руб.²⁰⁹² Квартирные выплаты слушателям составляли 100–200 руб.²⁰⁹³ Слушатели курсов 4-й очере-

²⁰⁸⁴ Там же. Л. 98об.

²⁰⁸⁵ Там же. Л. 102об.

²⁰⁸⁶ Там же. Л. 109об.

²⁰⁸⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 72.

²⁰⁸⁸ Там же. Л. 74.

²⁰⁸⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 905. Л. 12.

²⁰⁹⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648. Л. 231.

²⁰⁹¹ РГВА. Ф. 39465. Оп. 1. Д. 6. Л. 34.

²⁰⁹² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 97. Л. 25об.

²⁰⁹³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 98. Л. 30об.; Д. 99. Л. 3.

ди 17 февраля 1919 г. постановили ежемесячно делать вычет с каждого в размере 5 руб. на расходы по офицерскому собранию²⁰⁹⁴.

* * *

Выпускники ускоренных курсов академии, курсовики, значительно уступали по полученной подготовке выпускникам академии довоенного времени, однако они вполне могли нести обязанности младших офицеров Генерального штаба, которых остро не хватало воюющей армии. Сотни выпущенных курсовиков (всего за период 1917–1919 гг. через курсы прошли не менее 977 офицеров) радикальным образом изменили облик Генерального штаба, сделав его намного более разнообразным, чем прежде.

Выпускники ускоренных курсов внесли немалый вклад в военное строительство в конце Первой мировой войны и особенно в годы Гражданской войны. В 1916–1917 гг. поступающие на ускоренные курсы академии проходили специальный отбор — на учебу направлялись лучшие кадровые офицеры с боевым опытом и опытом штабной работы, нередко имевшие георгиевские награды и ранения. В одном из писем начальнику академии Андогскому в 1918 г. говорилось, что в сравнении с курсовиками «едва ли кто из офицеров патентованного Генерального штаба в эту войну прошел такую боевую школу»²⁰⁹⁵. Курсовики существенно снизили дефицит кадров Генерального штаба, сложившийся в первые годы войны. Недостаток подготовки отчасти компенсировался выдающимися личными качествами офицеров, а последующие достижения на военном поприще свидетельствуют, что это были отнюдь не «недоноски».

²⁰⁹⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 58об.

²⁰⁹⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 108.

Г Л А В А 10.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ, ИЗДАТЕЛЬСКАЯ И МУЗЕЙНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИИ В 1914–1922 гг.

До революции академия была крупным военно-научным центром, в котором трудился коллектив авторитетных военных интеллектуалов. Регулярно издавались труды профессоров и преподавателей, печатались лучшие работы слушателей, выходил научно-библиографический журнал «Известия Императорской Николаевской военной академии» (даже в военное время в 1914 г. был издан № 56 этого журнала за период с августа по декабрь 1914 г.²⁰⁹⁶), в котором публиковались отчеты о работе академии, исследовательские работы, рецензии на новинки военной литературы, тактические задачи и их решения.

Помимо военно-теоретических и военно-исторических исследований в академии велась работа по сбору и бережному сохранению множества реликвий, прежде всего, русской военной истории. Немалая их часть связана с именем великого русского полководца А.В. Суворова. Именно при академии (тогда еще носившей название Николаевской академии Генерального штаба) 13 ноября 1904 г. был открыт Суворовский музей²⁰⁹⁷. Годовой бюджет академии 1918 г. предусматривал выделение 15 000 руб. на содержание Суворовского музея и Суворовской церкви²⁰⁹⁸. На издание диссертаций, военно-научных трудов и печатные работы выделялось 50 000 руб.²⁰⁹⁹ Заведующий Суворовским музеем назначался по выбору начальника академии из профессорско-преподавательского состава и получал за эту деятельность прибавку в 100 руб. к окладу²¹⁰⁰. Однако помимо Суворовского музея академия владела многими другими уникальными коллекциями.

Деревянная Суворовская церковь находилась в плохом состоянии. Неоднократные протечки требовали постоянных ремонтов. В начале 1917 г. суворовские реликвии академии получили пополнение. Из Румынии в декабре 1916 г. поручиком 58-го пехотного Прагского полка Протасевичем были вывезены и доставлены в Суворовский музей бронзовые орнаменты, два серебряных венка и мелкие предметы с монумента А.В. Суворову²¹⁰¹. Возможно, это было последнее пополнение музея перед революцией.

В октябре 1917 г. из Суворовского музея полякам временно выдавалось знамя Тадеуша Костюшко для торжеств по случаю столетия со дня его смерти²¹⁰². Санкцию на это дал на-

²⁰⁹⁶ В документах упоминается о работе в 1918 г. над продолжением издания, однако обнаружить более поздние номера в библиотеках или хотя бы упоминания о них не удалось.

²⁰⁹⁷ Кузьмин А. Суворовская память. Музей великого полководца // Родина. 2010. № 11. С. 54.

²⁰⁹⁸ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 35. Л. 4.

²⁰⁹⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 1. Л. 174об.

²¹⁰⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 21. Л. 5об. Для сравнения: оклад начальника академии в июне 1918 г. составлял 1000 руб. в месяц, штатный преподаватель получал 700 руб., минимальное жалование сторожа — 150 руб.

²¹⁰¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1537. Л. 31.

²¹⁰² Там же. Л. 46.

чальник Генерального штаба генерал В.В. Марушевский. Знамя охраняли. Выданное 1 октября знамя было возвращено 11 октября²¹⁰³.

К осени 1917 г. относится идея расширения архивной работы академии и сосредоточения при ней воспоминаний офицеров Генерального штаба²¹⁰⁴. Так, в сентябре 1917 г. генерал А.А. Поливанов передал в академию профессору Б.М. Колюбакину собрание работ и переписку бывшего начальника Главного штаба генерала Н.Н. Обручева, затем в архив академии поступили переписка и дневник умершего в 1906 г. генерала В.И. Харкевича (генерал просил передать дневник в Академию наук для напечатания не ранее 1950 г.)²¹⁰⁵.

Революционная смута поставила под угрозу сохранность реликвий русской военной истории, хранившихся в академии и ее музеях. В конце 1917 – начале 1918 г. никто не мог быть уверен, что новые власти, отрекшись от старого мира, не уничтожат его научные и культурные ценности. Тем более что академия в Петрограде едва не подверглась разгрому — некоторое время спустя после большевистского переворота в Петрограде в стенах академии размещался отряд революционных матросов, который оставил после себя варварское опустошение²¹⁰⁶. Как вспоминал ординарный профессор академии генерал-майор М.А. Иностранцев, были уничтожены уникальные групповые фотоснимки выпускников академии²¹⁰⁷. Матросы не тронули портрет Петра Великого как создателя флота, к тому же не имевшего погон²¹⁰⁸.

Свидетельство Иностранцева подтверждается в воспоминаниях профессора П.Ф. Рябикова: «Тяжелым моментом для академии было ее занятие на несколько дней каким-то морским отрядом. Когда можно было вновь начать занятия — помещение академии оказалось в загаженном виде, все портреты и картины изрезанными²¹⁰⁹, группы всех выпусков, висевшие в собрании, были уничтожены, музей гр[афа] Милютин разграблен... Тащили, глав[ным] образом, медали. К счастью, дневники гр[афа] Милютин и его фельдмаршальский жезл оказались в исправности»²¹¹⁰. Рябиков также отметил, что «портрет наследника вел[икого]

²¹⁰³ Там же. Л. 49.

²¹⁰⁴ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 61. Л. 1.

²¹⁰⁵ Там же. Л. 1об., 3.

²¹⁰⁶ В документах упоминается, что здание академии в марте 1918 г. было реквизировано под штаб Карельского отряда (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 118об.).

²¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 266. Такие фотографии имеют огромную историческую ценность, так как до сих пор известны снимки только отдельных выпусков.

²¹⁰⁸ Там же. Л. 267–268.

²¹⁰⁹ Оставили лишь портрет Петра Великого, так как он был «без погон» (*примеч. П.Ф. Рябикова*).

²¹¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 45. Л. 8об. Наследники Милютин пожертвовали академии награды фельдмаршала и его знаки отличия. При этом на фельдмаршальском жезле Милютин крупные бриллианты были заменены искусственными камнями, подлинными остались лишь изумруды и украшения в виде розочек. Также в собрании академии хранились принадлежавшие Милютину цепь ордена Св. Андрея Первозванного из 17 звеньев с застежками, лента ордена, бриллиантовая звезда ордена Св. Александра Невского, бриллианты на которой также были заменены искусственными камнями, ордена Св. Владимира 1-й степени, Св. Владимира 2-й степени с мечами и звезда ордена, орден Св. Владимира 4-й степени с мечами, крест и звезда ордена Св. Георгия 2-й степени, знак ордена Белого Орла, звезда ордена Св. Анны, орден Св. Станислава 3-й степени с мечами, медали: большая золотая императора Александра II; серебряные: за покорение Западного Кавказа, за покорение Чечни и Дагестана, за взятие штурмом Ахульго; золотые: в память войны 1853–1856 гг., в память Восточной войны 1877–1878 гг., а также золотой фуляр к грамоте графа П.Д. Киселева (дядя Милютин) и печать к нему (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 141об.). По свидетельству Иностранцева, матросы похитили бриллиантовые знаки ордена Св. Андрея Первозванного и некоторые другие драгоценности (ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 268).

князя Алексея Николаевича служил бандитам в виде стола для еды; он был весь изрезан и залит пищей. Все группы выпусков академии, висевшие в офицерском собрании академии, были изорваны. Кое-что было украдено и из академического музея...»²¹¹¹ Неизвестно, был ли составлен акт после разгрома академии матросами в Петрограде²¹¹².

По свидетельству Иностранцева, матросы разрезали по двум диагоналям портрет генерала М.Д. Скобелева работы И.Н. Крамского. На портрете основателя академии генерала А.-А. Жомини были выколоты глаза, особенно сильному надругательству подвергся портрет бывшего начальника академии генерала Д.Г. Щербачева, по-видимому, известного матросам. Он был вынут из рамы, содран с подрамника и служил скатертью. Как свидетельствовал один из сторожей, «предварительно вокруг него была отслужена кошунственная панихида. Портрет был изрезан ножами, прорван штыками и вилками и оставлен постояльцами залитым щами и водкой и усыпанным головами и костями съеденных селедок»²¹¹³. Пострадал и принадлежавший А.В. Суворову киот с образом Св. Георгия, сопровождавший полководца в Итальянском и Швейцарском походах. Образ уцелел, однако был сбит крест и по киоту нанесен удар штыком²¹¹⁴. Б.В. Геруа отмечал, что были изуродованы портреты Г.А. Леера и Е.М. Лейхтенбергского²¹¹⁵.

Кроме того, за период пребывания в академии матросов пропало немало книг из библиотеки (около 90 томов, список которых был составлен), исчезли и карты Малой Азии²¹¹⁶. Можно предположить, что какую-то часть дефицитных книг могли присвоить и сами слушатели, списывая ответственность на матросов. К примеру, Г.И. Теодори заявил о пропаже у него «Стратегии» Н.П. Михневича, работы Н.Н. Сухотина «Наполеон. Австро-французская война 1809 г.», работы А.А. Незнамова «Современная война» и труда В.А. Черемисова о действиях корпусов в полевой войне²¹¹⁷. Едва ли эти труды были интересны матросам.

Вообще, в годы Гражданской войны было утрачено (разграблено, уничтожено, в том числе использовано на растопку) значительное количество архивных, библиотечных и музейных собраний, включая военные²¹¹⁸, поэтому вопрос сбережения коллекций в чрезвычайных условиях становился не праздным.

²¹¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 114.

²¹¹² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 86. Л. 10.

²¹¹³ ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 267.

²¹¹⁴ Там же.

²¹¹⁵ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни: в 2 т. Париж, 1969. Т. 1. С. 131.

²¹¹⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1636. Л. 2, 4, 12–14.

²¹¹⁷ Там же. Л. 14.

²¹¹⁸ Архивные и музейные коллекции Артиллерийского исторического музея, эвакуированные в Ярославль, погибли в период подавления Ярославского восстания. Там же погибла часть архива Морского министерства (Главное гидрографическое управление). На топливо был использован архив лейб-гвардии Измайловского полка, в Петергофе сгорел архив лейб-гвардии Драгунского полка, а в Рославле — архив 1-го пехотного Невского полка. В Царском Селе был расхищен архив собственного его императорского величества полка. Были утрачены архивы частей царкосельского, петергофского и гатчинского гарнизонов. На макулатуру были отправлены тысячи пудов документов Лефортовского архива (Коротков А.В. Военные архивы в первые годы Советской власти // Советские архивы. 1990. № 4. С. 63; об удручающем состоянии военных архивов также см.: Российский государственный военно-исторический архив. История в документах 1797–2007. М., 2011. С. 390–395). В ноябре 1917 г. солдаты растащили фундаментальную библиотеку Павловского военного училища (Мицлов С.П. Синодик библиотек, архивов и коллекций, погибших во время Великой войны и революции. Берлин, [1925]. С. 48). Была частично утрачена уникальная коллекция военного историка и архивиста Г.С. Габаева (Отчет перед Родиной о работе и жизни и об

Несмотря на сложное военное время, в академии не прекращалась научная и издательская деятельность. Так, в 1918 г. готовили к изданию журнал «Известия Николаевской военной академии»²¹¹⁹. Впрочем, о выпуске номеров в это время данных нет. Продолжали свою научную деятельность старые профессора академии.

Коллекции разделили непростую судьбу академии в годы Гражданской войны. Академия в 1918–1922 гг. эвакуировалась трижды: из Петрограда в Екатеринбург, затем в Томск и через Харбин во Владивосток. Вместе с отступавшими белыми войсками мемуары и дневники графа Д.А. Милютина, библиотека генерала Н.Н. Обручева и другие ценнейшие материалы проделали весь путь до Тихого океана. Эвакуации, конечно, не способствовали качественному хранению документов и вещей.

Удивительно, как в подобных условиях коллектив сотрудников и слушателей академии сумел сберечь эти бесценные коллекции. Стоит отметить, что и в мае 1918 г. в революционном Петрограде слушатели академии собирали деньги (по 9 руб.) на содержание причта Суворовской церкви, перевезенной в бывшую столицу из села Кончанского²¹²⁰. И это при том, что Суворов считался новой властью контрреволюционным царским генералом, подавлявшим крестьянскую войну Е.И. Пугачева, а лица, собиравшие деньги на увековечение его памяти, могли восприниматься как нелояльные элементы.

До октября 1917 г. академия не могла получить ящики и упаковочный материал для вывоза своего имущества из Петрограда²¹²¹. Для перевозки только наиболее ценных предметов академии было необходимо 30 вагонов. Первоначально предполагалось вывезти Суворовский музей и библиотеку в Москву, в отдел Московского архива или в Кремль, где им была бы обеспечена высокая сохранность²¹²². Однако эти планы остались нереализованными. В Москве были оставлены: библиотека С.Д. Масловского (Мстиславского — библиотекаря академии, 18 ящиков), библиотека генерала Б.В. Геруа (4 ящика), библиотека Вегенера (1 ящик), книги отсутствовавших офицеров (1 ящик), портрет генерала М.И. Драгомирова кисти И.Е. Репина (1 ящик)²¹²³.

Между тем вопрос сохранности уникальных коллекций вызывал беспокойство уже осенью 1917 г. Так, 11 октября 1917 г. дочь фельдмаршала Д.А. Милютина Ольга Дмитриевна писала начальнику академии: «Милостивый государь! К сожалению, я не имею чести быть с Вами лично знакомой, но фамилия моя, вероятно, знакома Вашему превосходительству. Вы тоже знаете, что Военная академия 5 лет тому назад приняла на хранение и для издания рукописи моего покойного отца.

испытаниях военного историка Георгия Габаева. Сводка автобиографических материалов 1877–1945 гг. // Звезда (Санкт-Петербург). 2009. № 11. С. 152; *Дмитриев С.В.* Военный историк Г.С. Габаев и его военно-исторические коллекции // Чтения по военной истории: сб. ст. СПб., 2007. С. 281). Специализированная библиотека выдающегося военного ученого профессора Г.А. Леера оказалась выброшена в Бахмуте, а затем отправлена в Таганрог, где следы ее потерялись (*Штейфон Б.А.* Кризис добровольчества. Белград, 1928. С. 32–33). Понес потери от мародеров и кавказский военно-исторический музей «Храм славы», созданный в Тифлисе и эвакуированный в Ставрополь. Список утраченного этим, конечно, не исчерпывается.

²¹¹⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1156. Л. 219.

²¹²⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 90. Ктиторм церкви был до 16 сентября 1917 г. начальник академии полковник А.И. Андогский (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 92).

²¹²¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 319.

²¹²² Там же. Л. 303.

²¹²³ Ныне в собрании Государственного исторического музея (Москва).

ИЗВѢСТІЯ

Императорской Николаевской Военной Академіи

№ 55.

Іюль 1914 г.

Обложка журнала «Известия Императорской Николаевской военной академии».
1914 г.

Ввиду опасности, угрожающей Петрограду от врага, я беспокоюсь за сохранность этих бумаг и решила обратиться к Вам с просьбой сообщить мне Ваше мнение²¹²⁴ по этому вопросу и предложить Вам: не найдете ли Вы полезной и исполнимой перевозку бумаг в Москву.

На всякий случай я заручилась согласием директора Моск[овского] Румянцевского музея, который выразил полное согласие взять на сохранение архивы отца, в особенности его “Дневник” и “Воспоминания”.

В ожидании Вашего благосклонного ответа прошу Ваше превосходительство принять выражение моего глубокого уважения. Мое постоянное жительство — Москва и Московская губ[ерния]. Графиня Милютина»²¹²⁵.

В связи с эвакуацией академии весной 1918 г. из Петрограда в Екатеринбург перед академическим начальством стояла сложная задача вывоза огромного имущества. Как отмечалось впоследствии, ящики для перевозки имущества были сделаны в Петрограде в 1918 г. из бракованного леса²¹²⁶. В конце концов, из Петрограда вывезли фундаментальную библиотеку и архив фельдмаршала Д.А. Милютина, часть библиотеки генерала Н.Н. Обручева, герцога Лейхтенбергского и др. В Петрограде осталось недвижимое имущество — здания академии, Суворовского музея и Суворовской церкви. Церковь впоследствии была варварски уничтожена. В связи с эвакуацией наблюдение за Суворовским музеем в мае 1918 г. было возложено на священника Суворовской церкви отца Николая Подосенова²¹²⁷. К сожалению, в документах академии нет однозначных указаний на то, был ли эвакуирован из Петрограда весь Суворовский музей (1200 пудов, для перевозки которых требовались три вагона²¹²⁸). Документально известно, что его материалы оказались вместе с академией в Томске и хранились в Доме науки. Сохранились, в частности, звезда и лента ордена Св. Андрея Первозванного, принадлежавшие Суворову²¹²⁹. Дальнейшие следы этих уникальных предметов нам установить не удалось.

Каков был приблизительный размер имущества академии, подлежавшего эвакуации? Одна только фундаментальная библиотека академии включала 8500 пудов (или свыше 139 тонн) книг, рукописей и карт (всего 9 вагонов)²¹³⁰. В переезжавшей с места на место академии имелся склад учебных пособий (20 000 томов в 193 ящиках), склад топографических карт для обучения, собственная типография для печатания пособий, трудов и программ, музей геодезических инструментов (176 ящиков, 123 тюка и 2 места), Суворовский музей, Милютинский музей, академический музей и общий архив академии со дня ее основания (39 ящиков). В годы Гражданской войны в академии осуществлялся сбор архива «освободительной войны» против большевиков, в который поступали журналы военных действий, приказы, корешки полевых книжек, дела о боевых действиях оперативного, отчетного, разведывательного характера, кроме хозяйственных дел, подлежавших контролю, а также трофейные документы красных²¹³¹. Архив этот занимал 21 ящик. Собирались материалы и по истории Первой мировой войны.

²¹²⁴ Подчеркнуто синим карандашом одним из читателей.

²¹²⁵ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 59. Л. 1–2.

²¹²⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 86. Л. 10об.

²¹²⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 10. Л. 36.

²¹²⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 301.

²¹²⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 86. Л. 9.

²¹³⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 306.

²¹³¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1657. Л. 36.

Фундаментальная библиотека академии насчитывала до 200 000 томов военно-научных работ практически на всех языках мира и считалась одной из обширнейших и лучших военных библиотек мира²¹³². В библиотеке имелось 100 ящиков книг по военной истории, 22 ящика книг по военному искусству, 17 ящиков с томами журнала «Военный сборник», 9 ящиков библиотеки Квиста, 6 ящиков библиотеки герцога Лейхтенбергского, 10 ящиков библиотеки Екатерины II, 71 ящик библиотеки графа Милютина (15 000 томов²¹³³), 9 ящиков различных уставов, 6 ящиков описаний военных округов, 4 ящика с карточным каталогом, 4 ящика с материалами канцелярии, ящик с печатным каталогом, 5 ящиков газет «Русский инвалид» и «Русская армия» (за 1917–1918 гг.), а также «Солдатской библиотеки», выделенной из общей в 1917 г. под влиянием текущего политического момента, и, наконец, ящик с подшивками газеты «Русский инвалид» за 1912–1916 гг. Академия также хранила диссертации профессоров и их лекции. Всего библиотека насчитывала 264 ящика²¹³⁴. По одной из оценок, «эти книги помимо военной и библиографической ценности имеют громадное культурное значение, являясь в будущем социалистическом государстве незаменимым пособием при изучении империализма и милитаризма»²¹³⁵.

Летом 1918 г. библиотеку и музеи академии не вывезли из Екатеринбурга в Казань, как того требовали большевики, поскольку руководство академии заявило, что вывезти это ценное имущество в короткий срок не представляется возможным, и использовало такой предлог, чтобы оставить в академии часть сотрудников в преддверии подхода к городу антибольшевистских сил. После занятия Екатеринбурга белыми имущество академии, включая библиотеку, было перевезено в Томск.

К сожалению, сложная работа по сохранению академического имущества не всегда находила должное понимание среди руководителей антибольшевистских сил. Так, например, генерал-лейтенант В.В. Рычков с немалой долей ехидства писал в 1919 г. в газете «Свободное слово»: «...генерал Андогский и члены конференции решили не более, не менее эвакуироваться на Дон в пульмановских вагонах, захватив с собой обширнейшую академическую библиотеку и, как мы узнаем ниже, жен и детей, а быть может еще сторожей и полотеров. Что же, если спасти государственное учреждение, так спасти как следует. Поистине колоссальное предприятие.

Но вот вопрос — следовало ли так осложнять дело? Я отвечаю — нет. И вот почему. Россия гибнет. Бандиты заливают ее кровью, распродают оптом и в розницу, подвергают неслыханному унижению. В такой момент государственного бедствия каждый честный гражданин, а воин и подавно, просто *берется за оружие, бросает жену и детей, имущество и идет биться со врагом, попирающим высшую для него ценность — Родину.*

Действительно, если России суждено погибнуть, то для чего нам библиотека академии Генерального штаба? Если же, в чем мы все глубоко убеждены, она возродится, то библиотеку (пусть даже она погибнет до последней книги) вновь соберем. Ведь публичные библи-

²¹³² Отметим, что литература по геодезии была передана академией в Пулковскую обсерваторию в 1908 г. (Там же. Л. 132).

²¹³³ *Христиани Г.Г.* Предисловие // Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Томск, 1919. Т. 1, кн. 1–3. С. XI (современное переиздание: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 473).

²¹³⁴ ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 48–48об.

²¹³⁵ Там же. Л. 31.

отеки в Петрограде и Москве существуют, и большевики, несмотря на свое варварство, их не трогают. Словом, жила бы Россия, а книги найдутся.

Быть может, по мнению генерала Андогского и членов конференции, генералу Алексееву, отправлявшемуся на Дон для формирования Добровольческой армии, следовало захватить с собой и Главный штаб с его архивом и библиотекой, еще более обширной, чем академическая. Но чудак-старик взял да поехал один, а библиотеку оставил в Петрограде.

Так делают простые честные люди, для которых Родина не пустой звук.

Так сделал великий патриот, гордость нашей армии Михаил Васильевич Алексеев, имя которого каждый честный русский будет произносить с непокрытой головой»²¹³⁶.

Хранение и перевозка коллекций требовали строгого учета и контроля. По всей видимости, должной строгости в этом вопросе не было. Так, описи имущества были составлены еще в Петрограде. За время переездов возможности проверить все вывезенное не было, тем более что часть имущества хранилась в закрытых ящиках, часть в футлярах, а часть без ничего. Не имелось акта о разграбленном в Петрограде матросами имуществе.

Часть документов уничтожалась. 19 сентября 1918 г. была создана комиссия для разбора академического архива, и в тот же день была уничтожена часть дел архива, включая книги дежурств, адресную книгу офицеров, изъявивших желание поступить в академию в 1889 г., и другие документы, в том числе некоторые с 1832 г.²¹³⁷ Председателями комиссии были полковник Г.Т. Киященко, а затем подполковник Г.В. Солдатов²¹³⁸.

В 1919 г. возник вопрос о местонахождении переписки фельдмаршала Д.А. Милютинина о Ставропольской земле. Предполагали, что она находится где-то среди бумаг. Ответственным за сохранность этих материалов был исполняющий должность библиотекаря штабс-капитан А.С. Дружинин. Тем не менее переписку не нашли.

Г.В. Солдатов занимался приведением в порядок имущества геодезического кабинета, академического музея и Суворовской церкви²¹³⁹. Генерал-лейтенант Г.Г. Христиани до 16 августа 1919 г. отвечал за музей академии, Милютинский музей, склад топографических инструментов и вещей, принадлежавших Суворовской церкви.

Имущество Суворовской церкви было заключено в 7 ящиков. Среди прочего там были сосуды, изготовленные из серебряных венков, возложенных на гроб Милютинина²¹⁴⁰. Кроме того, были вывезены два колокола церкви²¹⁴¹. По данным на весну 1920 г., архив академии и Гражданской войны занимал 3 вагона, или 120 мест, библиотека — 10 вагонов, или 633 места, склад учебных пособий — 3 вагона, или 193 места, музеи и склад топографических карт — 3 вагона, или 300 мест, типография — 10 вагонов²¹⁴².

Академия традиционно являлась центром военно-научной мысли. Закреплению такого статуса способствовала подготовка в стенах академии диссертационных работ по различным военным вопросам (см. табл. 34).

²¹³⁶ ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 44–45 (см. Приложения).

²¹³⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 160–161; Д. 3. Л. 242.

²¹³⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 143.

²¹³⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 108.

²¹⁴⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 223. В Томске они хранились в Доме науки под амфитеатром (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 86. Л. 11).

²¹⁴¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 391–392.

²¹⁴² ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 34об.

Список тем диссертаций, предложенных в 1917 г.²¹⁴³

Соискатель	Тема диссертации и дата заявления	Кафедра	На должность	Примечание
Подполковник А.Ф. Гуцин	«Исследование Туркестана в предположении войны на всем фронте Средней Азии». 21.02.1917	Военной статистики		
Он же	«Военно-статистическое исследование западной пограничной полосы Европейской России с целью определения наиболее благоприятного для нас проведения границь». 19.06.1917	Военной статистики		
Полковник И.С. Свищев	«Опыт работ с вариометром Этвёта». 22.02.1917	Геодезии	Экстраординарного профессора	
Полковник П.Ф. Рябиков	«Разведка в военное время (по опыту последней войны и войны 1904–1905 гг.). Органы разведки, их значение и применение в работе штабов». 23.02.1917		Экстраординарного профессора	
Он же	«Разведывательная служба в военное время (Задачи Генерального штаба). По опыту Великой всемирной войны и отчасти Русско-японской войны 1904–1905 гг.». 08.07.1917		Экстраординарного профессора	Утверждена 28.09.1917
Подполковник Б.П. Богословский	«Служба Генерального штаба». 06.1917	Военного искусства		
Подполковник В.А. Жилинский	«Север Европейской России и его роль в жизни русского государства». 17.06.1917	Военной статистики		
Полковник Григорьев	«Война 1914–1917 годов как критерий для оценки главнейших выводов всемирной науки начала XX века». 06.1917	Военного искусства		
Преподаватель топографии штабс-капитан Поздницкий	«Глазомерная съемка или войсковая разведка». 05.05.1917	Геодезии		Тема признана недостаточной, поскольку офицер не учился на геодезическом отделении академии
Подполковник А.Л. Мариюшкин	«Подготовка к решительному столкновению»; «Прорыв фронта в современной войне». 08.05.1917	Военного искусства		

²¹⁴³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Оп. 1. Д. 1585. Л. 11–18, 20, 26–27, 32, 36–44об., 46–58, 61, 63–64.

Соискатель	Тема диссертации и дата заявления	Кафедра	На должность	Примечание
Полковник Б.П. Поляков	«Комплектование корпуса офицеров, назначение на должности и чинопроизводство в нашей и некоторых иностранных армиях перед войною 1914–1917 годов»			
Полковник Н.С. Елизаров	11–12.04.1917	Военного искусства или военной статистики		
Полковник Д.К. Лебедев	По тактике технических войск. 18.03.1917	Военного искусства		
Генерал-лейтенант С.К. Добророльский	30.04.1917	Военного искусства		
Полковник П.А. Бородаевский	02.05.1917	Военной администрации		
Полковник Н.Т. Сукин		Военного искусства		Не имел печатных трудов, кроме публикации 2-й академической темы в 1908 г.
Полковник П.С. Махров	«Применение воздухоплавательных аппаратов на войне». 08.05.1917	Военного искусства		В основе работы были лекции 1912–1913 гг., прочитанные в Севастопольской школе авиации и изданные школой в 1915 г. Тема признана устаревшей, так как не был учтен опыт войны
Полковник А.А. Тунцельман фон Адлерфлуг		Военного искусства		
Полковник О.Г. Дитц	«Астрономические определения на острове Кимито»; «Астрономические определения на Оршанском базисе и измерения Гомельского базиса»	Геодезии		Работы были уже опубликованы, признаны носящими учебный или служебный характер и не могущими служить диссертацией

Соискатель	Тема диссертации и дата заявления	Кафедра	На должность	Примечание
Подполковник В.Я. Карклин		Военной статистики		
Командир 5-го гренадерского Киевского полка полковник NN	«Забайкалье». 04.05.1917	Военной статистики		Просил о командировке в Забайкалье
Полковник Я.В. Сафонов	12.05.1917	Военного искусства		
Полковник А.Л. Носович	«Современная война и конница». 03.05.1917	Военного искусства		
Подполковник В.Н. Касаткин	«Основы устройства армии на началах военной милиции»; «Стоимость современной войны». 25.05.1917	Военной ад- министрации		Утверждена первая тема
Генерал-майор М.В. Цыгальский	Начало 06.1917	Военной ад- министрации		
Полковник В.И. Сурин	«Подготовка к войне в материальном отношении и работа органов снабжения в современной войне». 30.05.1917			Предложено выбрать половину темы. Просил о при- командировании к академии для работы над диссертацией (22.03.1918)
Подполковник А.М. Шифнер		Военного искусства		
Полковник Д.Д. Заварицкий	По военной или общей географии. 21.05.1917	Военной статистики		Предложена тема о Проливах
Полковник Смирнов				
Полковник И.И. Чу- баков				
Подполковник А.В. Станиславский	«Техника разведывательной работы в военное время». 19.06.1917	Военного искусства		Впоследствии крупный белый разведчик в РККА
Полковник Л.П. Дюсиметьер	«Воздушный флот в современной войне»	Военного искусства		
Подполковник Егоров	Статистика Кавказа. 07.1917	Военной статистики		
Подполковник Б.Н. Сергеевский	«Прорыв укрепленного фронта и развитие этого прорыва». 08.07.1917	Военного искусства		
Подполковник И.И. Смелов	Тема по тактике. 20.06.1917	Военного искусства		
Полковник Г.Т. Кнященко	Тема по выбору академика. 15.07.1917	Военной ад- министрации		

Приказом по Генеральному штабу № 17 от 20 апреля 1917 г. желающие писать диссертации для зачисления на профессорские должности академии по кафедрам военного искусства, военной администрации, военной статистики и геодезии должны были в двухмесячный срок представить заявления²¹⁴⁴. Однако по предложению начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала А.И. Деникина вопрос был отложен до демобилизации фронтовиков, поскольку тыловики могли в установленный годичный срок написать диссертацию, но их работы не были бы исчерпывающими и такие профессора не имели бы авторитета в военной среде²¹⁴⁵. Начальник Генерального штаба также поддержал предложение Деникина. Начало срока написания диссертаций было установлено со дня окончания демобилизации. Тем не менее сбор заявлений шел, причем, видимо, с начала года, и к 11 июля откликнулись 26 офицеров — участников войны (в том числе шесть из Петрограда)²¹⁴⁶.

Среди желающих был целый ряд преподавателей академии, в том числе и подполковник А.Ф. Гущин, собиравшийся еще в феврале 1917 г. писать диссертацию по военной статистике на тему «Исследование Туркестана в предположении войны на всем фронте Средней Азии»²¹⁴⁷. В июне его тема звучала как «Военно-статистическое исследование западной пограничной полосы Европейской России с целью определения наиболее благоприятного для нас проведения границы»²¹⁴⁸. Полковник П.Ф. Рябиков в феврале 1917 г. наметил диссертацию «Разведка в военное время (по опыту последней войны и войны 1904–1905 гг.). Органы разведки, их значение и применение в работе штабов» на звание экстраординарного профессора²¹⁴⁹. В июле того же года тема была несколько скорректирована и стала звучать как «Разведывательная служба в военное время (Задачи Генерального штаба). По опыту Великой всемирной войны и отчасти Русско-японской войны 1904–1905 гг.»²¹⁵⁰. Утверждение темы состоялось 28 сентября 1917 г.

О желании писать диссертации заявляли не только преподаватели академии, но и офицеры со стороны. Некоторые работали над диссертациями по многу лет. Например, полковник Б.П. Поляков еще накануне войны, в феврале 1914 г., по совету начальника академии генерала Н.Н. Янушкевича взялся писать диссертацию «Комплектование корпуса офицеров в нашей и иностранных армиях, чинопроизводство в нем и назначение на должности». Работа была прервана войной. В 1917 г. в связи с переменами он предложил новую тему: «Комплектование корпуса офицеров, назначение на должности и чинопроизводство в нашей и некоторых иностранных армиях перед войною 1914–1917 годов»²¹⁵¹. Вторую и третью части работы про войну и послевоенное время офицер планировал отложить на будущее. В итоге работа была признана достаточной, хотя от диссертанта потребовали выводы с учетом опыта войны и революции.

При всей неоднозначности отношения к академии в антибольшевистском лагере она считалась крупным научно-образовательным центром, в который обращались все заинте-

²¹⁴⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1585. Л. 1585. Л. 2.

²¹⁴⁵ Там же. Л. 5.

²¹⁴⁶ Там же. Л. 8.

²¹⁴⁷ Там же. Л. 11.

²¹⁴⁸ Там же. Л. 12.

²¹⁴⁹ Там же. Л. 14.

²¹⁵⁰ Там же. Л. 15.

²¹⁵¹ Там же. Л. 26об.

ресованные в военно-научных знаниях. Так, генерал Р. Гайда в ноябре 1918 г. обратился в академию с просьбой прислать лектора и руководителя тактическим образованием командиров батальонов. Для этой задачи больше всего подходили генералы М.А. Иностранцев и П.Ф. Рябиков как бывшие руководители в Офицерской стрелковой школе²¹⁵². Гайда предлагал командировать лекторов на три недели с вознаграждением в 1000 руб. и полным обеспечением. А.И. Андогский 20 ноября телеграфировал в этой связи А.Т. Антоновичу: «По обстоятельствам обстановки необходимо быть внимательным к просьбе Гайды, тем более что академия бездействует»²¹⁵³. Антонович на следующий день сообщил Рябикову этот ответ с собственным дополнением: «Если Вы послали отрицательный ответ, то он задержан и не доложен Богословским — Гайде, т.к. по обстоятельствам обстановки чрезвычайно необходимо быть внимательным к просьбе Гайды, тем более что академия бездействует»²¹⁵⁴. Неожиданно решение вопроса встретило затруднения. В академии к этому времени оставались лишь профессора или заслуженные профессора либо преподаватели, писавшие диссертации. Начались массовые отказы. Так, Рябиков отказывался, поскольку работал над «Пособием для офицеров Генерального штаба по разведывательной службе», состоял в комиссии по переработке Полевого устава и председателем квартирной комиссии, однако обещал взять на себя часть лекций по тактике и практические занятия на повторительных курсах младших офицеров в Томске. Полковник И.И. Смелов работал над диссертацией. Подполковник П.Г. Осипов не считал себя специалистом в тактике, разрабатывал курс истории военного искусства и также писал диссертацию²¹⁵⁵. В итоге Гайде было отказано²¹⁵⁶.

С пребыванием в Томске связана наиболее плодотворная научная и учебная работа академии в годы Гражданской войны. Так, генерал Андогский активно сотрудничал с газетой «Русская армия», где в 1918–1919 г. публиковались его аналитические обзоры событий на фронте (еще в 1917 г. Андогский публиковал аналогичные обзоры в газете «Армия и флот Свободной России»). Причем генералу даже предлагали пост редактора газеты, но он отказался²¹⁵⁷.

В 1919 г. было намечено издать книги: П.Ф. Рябикова «Разведывательная служба в мирное и военное время» в двух частях (1-я — 1000 экз., 2-я — 3000 экз.), М.А. Иностранцева «Германский империализм и пангерманизм как основные причины Великой всемирной войны 1914–1918» (1000 экз.), «Мосты и переправы» в двух частях (1000 экз.), «Лагерные и бивачные постройки» (1000 экз.), «Подрывное дело» (1100 экз.), «Полевое телеграфное дело» (300 экз.), работу Г.Г. Христиани «Главнейшие вопросы международной политики и мирового хозяйства» (300 экз.), первый том воспоминаний Д.А. Милютина (1000 экз.)²¹⁵⁸.

Преподавателями академии готовились к защите диссертации. На заседании конференции академии 28 сентября 1918 г. были утверждены темы диссертаций преподавателей на профессорские звания: П.Ф. Рябиков «Разведывательная служба в военное время» (опыт Русско-японской и Первой мировой войн); И.И. Смелов «Мартовская операция у озера На-

²¹⁵² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1631. Л. 24.

²¹⁵³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 23. Л. 81.

²¹⁵⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1631. Л. 24–24об.

²¹⁵⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 23. Л. 92–92об.

²¹⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 169.

²¹⁵⁷ НИА. Russian Subject Collection. Box 30. Folder 14.

²¹⁵⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 54. Л. 118–118об.

речь в 1916 г. и ее значение в эволюции взглядов русской армии на прорыв укрепленного фронта» (тема заявлена 14 сентября 1918 г.); П.Г. Осипов «Эволюция военной системы и военного искусства революционных армий по опыту войн Франции с 1792 по 1795 г.» (тема заявлена 11 июля 1918 г.)²¹⁵⁹. Все работы предписывалось представить не позднее 1 июля 1919 г. Наконец, 22 марта 1919 г. конференцией была утверждена тема диссертации полковника А.Д. Сыромятникова «Выжидательный бой», которую требовалось представить не позднее 22 марта 1920 г.²¹⁶⁰

6 мая 1919 г. в Томске в Доме науки генералом П.Ф. Рябиковым была защищена диссертация «Разведывательная служба в мирное и военное время» на звание экстраординарного профессора академии. Им же в двух частях была выпущена книга с аналогичным названием²¹⁶¹.

Первоначально защита намечалась на 28 апреля. Конференция просила прислать на защиту представителя от Военного министерства. Однако из-за отсутствия кворума дату защиты пришлось перенести²¹⁶². На защите помимо самого диссертанта из членов конференции академии присутствовали председатель — профессор Б.М. Коллюбакин, профессора А.И. Андогский, М.А. Иностранцев и Г.Г. Христиани, правитель дел академии А.Т. Антонович, преподаватели П.Г. Осипов, А.П. Слижиков, Г.В. Солдатов. Оппонентами были по избранию конференции Иностранцев, Коллюбакин и Христиани, а по назначению Главного штаба — генерал-майор В.Р. (?) Романов.

В своей речи Рябиков обрисовал значение разведки в истории и современности и заключил выступление следующими словами: «Работа стояла на верном пути, но большевистский переворот, разложивший армию и порвавший с союзниками, прервал работу, создав для нее совершенно невыносимые условия.

Теперь перед нашей Родиной, армией и Генеральным штабом стоит на очереди громадная государственная работа в тесном единении всего славянства с доблестными нашими союзниками.

Счастливы заканчивать мою работу в освобожденной Сибири, в том крае, где зарождается вновь Великая Россия и воссоздается русская армия, работающая в дружном взаимодействии с войсками всех славянских государств и при поддержке союзников»²¹⁶³.

Постановление об издании книги Рябикова секретным порядком при тираже 1000 экземпляров конференция академии вынесла еще 18 февраля 1919 г.²¹⁶⁴ Издание книги проходило не без затруднений²¹⁶⁵. Однако эта работа на долгие годы стала важнейшим трудом по теории и технике разведывательной деятельности. За написание Рябикову было выдано вознаграждение в размере 1500 руб.²¹⁶⁶ Уже в конце июня 1919 г. книгу стали рассылать по штабам. В Ставку 1-му генерал-квартирмейстеру было отправлено сразу 100 экземпляров 1-й части, по 5 экземпляров каждой части продали начальнику контрразведывательного от-

²¹⁵⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 24. Л. 24–24об.; РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1585. Л. 59–60, 65.

²¹⁶⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1585. Л. 67.

²¹⁶¹ См. современное переиздание: Антология истории спецслужб. Россия. 1905–1924. М., 2007. С. 111–410.

²¹⁶² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1654. Л. 1, 4.

²¹⁶³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2050. Л. 7.

²¹⁶⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 51. Л. 44об.

²¹⁶⁵ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.

²¹⁶⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 139.

деления штаба Сибирской армии, по экземпляру получили члены конференции академии, по 3 экземпляра каждой части были сданы в библиотеку академии²¹⁶⁷. Книга была востребована штабами армий и военными агентами.

Другие преподаватели академии также готовили свои работы к изданию. Еще в мае 1918 г. в Петрограде вышла фундаментальная работа А.И. Андогского «Встречный бой».

Активно работал профессор Б.М. Коллюбакин. В 1916 г. в Петрограде вышел его труд «Пушкин в Малой Азии», на следующий год увидела свет работа «На Малоазиатском театре всемирной войны 1914–1916 гг.». В Томске в 1919 г. были изданы лекции Б.М. Коллюбакина «Организация войск», учебник по тактике под его редакцией, а также 1-й выпуск его «Истории военного искусства». Увидела свет его «История военного искусства». В 1922 г. во Владивостоке Коллюбакин выпустил книгу «Кай Юлий Цезарь».

Н.И. Коханов в Томске издал работу «Полевая фортификация». А.Д. Сыромятников — свой труд «Наступление и оборона в условиях позиционной войны». М.А. Иностранцев — работу «Операция 2-й Западной армии». Также вышла книга профессора Г.М. Иосифова «Война и проблема вечного мира».

Профессор Г.Г. Христиани в 1919 г. издал свои «Главнейшие вопросы международной политики и мирового хозяйства». Кроме того, ему принадлежит заслуга первого издания воспоминаний военного министра графа Д.А. Милютина, в которое, несмотря на очевидные трудности, связанные с Гражданской войной, были включены схемы и карты. Произошло это примерно за 80–90 лет до того, как уже в наши дни мемуары Милютина были полностью переизданы под редакцией профессора исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Л.Г. Захаровой.

Право издавать свои воспоминания Милютин по завещанию передал Императорской Николаевской военной академии. В академии об этом не забывали даже в годы «Русской Смуты». Между прочим, начальник академии генерал-майор А.И. Андогский сказал на заседании конференции академии 29 октября 1918 г.: «На академии лежит крупный долг... издать мемуары ген. Милютина; нет никаких оснований приостанавливать их печатание; в данное время можно было бы приступить к работе, воспользовавшись любезным предложением заслуженного ординарного профессора ген[ерал]-лейтенанта Христиани взять на себя труд по корректуре»²¹⁶⁸. Отметим, что генерал Г.Г. Христиани возглавлял в академии кафедру военной статистики, основанную еще самим Милютиным.

В ноябре 1918 г. на заседании конференции академии в Томске уже говорилось о начале набора воспоминаний для подготовки их к печати. Однако издатели сразу столкнулись со сложностями. Дело в том, что мемуары Милютина хранились хаотично, и за три недели до 3 декабря 1918 г. не было подано ни одного листа корректуры. Занимался этим подполковник Г.В. Солдатов²¹⁶⁹. Конечно, налаживанию работы мешали чрезвычайные условия Гражданской войны и неоднократные эвакуации. Тем не менее надо отдать должное преподавателям академии, которые вместо того, чтобы заниматься элементарным выживанием в тех условиях, находили возможности для ведения научной работы.

15 января 1919 г. конференция рассмотрела вопрос о медлительности работы типографии и признала, что «ответственность за медленность издания не может быть отнесена к

²¹⁶⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1617. Л. 20–20об., 26; Д. 1636. Л. 129об.–130; Д. 1637. Л. 84.

²¹⁶⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 24. Л. 47.

²¹⁶⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 23. Л. 141.

Дорогому Павлу Федоровичу
Рябикову
на память о совместной работе
в Академии.

23 мая
1918.
Екатеринбург.

ВСТРЪЧНЫЙ БОЙ.

А. И. АНДОГСКИЙ.

ПРОФЕССОРЪ И НАЧАЛЬНИКЪ ПЕКО-
ЛАВСКОЙ ВОЕННОЙ АКАДЕМІИ.

ПЕТРОГРАДЪ

Май.

1918.

ВСТРЪЧНЫЙ БОЙ. ≡

Стратегическо-
тактическое из-
слѣдованіе спосо-
бовъ и приѣмовъ веде-
нія встрѣчнаго боя въ
СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ
на почвѣ воен-историч-
примѣровъ:
ТИДОНЕ и ТРЕББИЯ 1799 г.
НАХОДЪ и ТРАУТЕНАУ 1866 г.
ШАХЕЙСКАЯ ОПЕРАЦІЯ 1904 г.
ЛОЗЕНГРАДСКАЯ ОПЕРАЦІЯ 1912 г.

и
съ учетомъ указаній боевого опыта
ВЕЛИКОЙ ВСЕМІРНОЙ ВОЙНЫ
1914—1918 г.г.

Съ 36 чертежами въ текстѣ и XIX-ю отдѣльными приложеніями.

Титульный лист и страница книги
А.И. Андогского «Встречный бой»
(Пг., 1918) с дарственной надписью:
«Дорогому Павлу Федоровичу Рябикову
на память о совместной работе в ака-
демии. А. Андогский. 23 мая 1918.
Екатеринбург». Славянская библиотека
(Прага). Публикуется впервые

г[енерал-]л[ейтенанту] Христиани, просить его продолжать редактирование, установив с заведыв[ающим] типографией минимальное число листов, которое ген. Христиани признает возможным допустить, даваемых в месяц»²¹⁷⁰.

В итоге книга была издана под редакцией Христиани небольшим тиражом в Томске в 1919 г. и охватывала воспоминания с 1816-го по начало 1840-х гг. Том включал в себя три книги воспоминаний объемом 435 страниц с чертежами и картами.

Предоставим слово первому публикатору наследия Милютин генералу Христиани. В приказе по академии № 132 от 3 июля 1919 г. он, тогда являвшийся временно исполняющим должность начальника академии, отметил: «25-го января 1912 г. на 96-м году жизни скончался в своем имени Симеиз, на южном берегу Крыма, почетный президент Императорской Николаевской военной академии, генерал-фельдмаршал граф Дмитрий Алексеевич Милютин, оставив родной академии обширную библиотеку, архив и обстановку своего исторического кабинета. В марте того же года была командирована в Крым комиссия от академии под председательством начальника академии генерал-лейтенанта Щербачева для принятия от наследниц-дочерей покойного всего оставленного им академии. Комиссии были переданы: библиотека, архив, различные документы и мемуары графа, состоявшие из 32 книг, из коих первые 20 носили название “Воспоминания”, а последние 12 — “Дневник”. Право издания “Воспоминаний” и “Дневника”, согласно воле Дмитрия Алексеевича, принадлежало академии. Кроме сего, дочери покойного передали комиссии обстановку кабинета своего знаменитого родителя и деньги на основание при академии типографии, как того желал покойный. Академия, с[о] своей стороны, обязалась в возможно непродолжительное время издать в этой типографии “Воспоминания” и “Дневник” графа, а затем и архив его. Относительно издания мемуаров графом выражено было лишь одно категорическое требование: ничего не переименовывать, не переделывать, а выпускать [сокращать], если того требует цензура, целыми периодами, целыми главами.

К концу 1912 года все оставленное академии имущество графа Дмитрия Алексеевича было водворено в стенах любимой им академии.

Дело печатания “Воспоминаний” осложнилось вопросом о цензуре как общей, так и особенно придворной. Лишь к весне 1914 года новому начальнику академии генерал-лейтенанту Янушкевичу удалось получить обещание некоторых лиц ближайшей государевой свиты заинтересовать в этом деле его величество, дав государю прочесть некоторые главы “Воспоминаний”, и затем получить непосредственное его разрешение на печатание мемуаров.

Возникшая летом 1914 года война, а затем вспыхнувшая в феврале 1917 года революция, а также Октябрьский переворот того же 1917 года заставили думать уже не о печатании, а о спасении драгоценных “Воспоминаний” и всего вообще имущества графа Дмитрия Алексеевича. Академия счастлива, что ей удалось перевезти сначала в Екатеринбург, а затем и в Томск все оставленное ей ее покойным почетным президентом.

Осенью 1918 года, когда окончательно выяснился вопрос, что дальнейшей эвакуации академии в ближайшем будущем не предвидится, возникла мысль и о возможности и необходимости приступить к печатанию “Воспоминаний” графа Дмитрия Алексеевича, для издания коих вихрем революции создалось одно крайне выгодное условие — отсутствие цензуры как общей, так и придворной.

²¹⁷⁰ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 44. Л. 6–6об.

Конференция академии в заседании 16/29-го октября 1918 года в Томск[е] в “Доме науки” постановила приступить ныне же к печатанию “Воспоминаний” и “Дневника” графа Милютина, возложив все работы по редактированию и изданию их на члена конференции заслуженного ординарного профессора Генерального штаба генерал-лейтенанта Христиани.

Все издание предположено свести в 10 больших томов, по 400–600 страниц в каждом, всего около 5000 больших печатных страниц.

Печатание 1-го тома началось с конца октября 1918 года. Работа сильно тормозилась тем обстоятельством, что типография все время исполняла срочные заказы Военного министерства по изданию уставов, положений, наставлений и т[ому] под[обного]. И только ныне академии удалось выпустить в свет 1-й том, заключающий в себе 1, 2 и 3 книги “Воспоминаний”. Изданием этого тома положено начало печатанию мемуаров графа Дмитрия Алексеевича, полных захватывающего исторического интереса и обнимающих собою почти все 19-е столетие (1816–1900 гг.).

Занимая в академии кафедру военной статистики, которую, по всей справедливости, создал граф Дмитрий Алексеевич и блестящим представителем которой он был в продолжение 11 лет, я счастлив, что выбор редактора “Воспоминаний” и “Дневника” графа Милютина пал на меня, и счастлив, что в чрезвычайно трудной современной обстановке типографского дела мне удалось ныне выпустить 1-й том мемуаров этого замечательного человека, неизменного благожелателя и искреннего друга нашей академии. Изданием 1-го тома положено начало выполнению академией взятого на себя обязательства постепенного печатания и издания “Воспоминаний”, “Дневника” и “Архива” своего покойного почетного президента»²¹⁷¹.

В настоящее время оригинал этого издания является библиографической редкостью (в 1979 г. перепечатано в США). В 1920 г. Христиани продолжал работу над изданием воспоминаний Милютина²¹⁷². В предисловии к изданию первого тома он отметил, что предполагалось опубликовать «Воспоминания» и «Дневник» Милютина, а после этого и весь его архив²¹⁷³, что не сделано до сих пор, а в условиях Гражданской войны было просто невыполнимо.

В советское время попытки публикации наследия Милютина предпринимались неоднократно²¹⁷⁴, но увенчались успехом только в наши дни. Факт первой публикации воспоминаний Милютина именно офицерами-генштабистами в чрезвычайных условиях Гражданской войны свидетельствует о высочайшем научном и интеллектуальном потенциале академических профессоров, самоотверженно занимавшихся этой работой.

²¹⁷¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 319–319об.

²¹⁷² ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 37об.

²¹⁷³ Христиани Г.Г. Предисловие. С. XII (современное переиздание: Милютин Д.А. Воспоминания... С. 474).

²¹⁷⁴ Например, такую попытку предпринял генерал-майор (позднее — генерал-лейтенант) М.Д. Бонч-Бруевич (выпускник Николаевской академии 1898 г.) накануне и в годы Великой Отечественной войны. Как отмечал он сам: «Исполняя это задание, я выбирал такие места из “Воспоминаний” и “Дневников”, в которых или непосредственно излагается ход военных событий и действия войск, или которые служат для читателей пояснениями, необходимыми для правильного понимания событий и действий, происходивших много лет тому назад, и притом в том именно значении их, которое имело место в то отдаленное от нас время. Так я понимаю основную данную мне задачу. В силу такого понимания я не задавался целью оценивать выписываемый мною материал с точки зрения каких бы то ни было политических взглядов на исторические события» (РГВИА. Ф. 239. Оп. 1. Д. 7. Л. 9). Тем не менее Бонч-Бруевич так и не довел дело до конца. Позднее часть дневников Милютина опубликовал советский историк П.А. Зайончковский.

Имевшуюся в академии литературу пытались реализовывать через книжный магазин товарищества И.Д. Сытина. Среди книг были и работы самого Андогского. Реализовывали труды многих авторов, как преподавателей, так и выпускников академии. К 3 мая 1919 г. за реализацию книг было выручено 1512 руб. 50 коп.²¹⁷⁵

К 10 марта 1919 г. на складе учебных пособий имелись 300 экземпляров книги Андогского «Встречный бой» и 150 экземпляров «Полевой фортификации» Н.И. Коханова²¹⁷⁶. К 1 апреля имелись по 400 экземпляров книги профессора Б.М. Коллюбакина «История военного искусства» и книги полковника А.Д. Сыромятникова «Наступление и оборона в условиях позиционной войны»²¹⁷⁷.

Примером бережного отношения к библиотечному имуществу служит переписка по поводу предоставления Главному штабу изданий академии. В январе 1919 г. Главный штаб затребовал из академии два экземпляра списка Генерального штаба на 1917 г. В академии имелся лишь один экземпляр списка. В результате Главному штабу было отказано в высылке издания (впрочем, в марте 1919 г. список туда все же отправили)²¹⁷⁸. Весной 1919 г. помощник начальника Главного штаба полковник Г.И. Клерже затребовал из библиотеки академии газету «Русский инвалид» и журнал «Военный сборник» за военные годы. Однако 8 мая 1919 г. Б.М. Коллюбакин телеграфировал ему: «Отвечая за сохранение целостности единственного ныне в государстве ценного книгохранилища академии, со скорбью исполняю приказание выслать единственный экземпляр “Русского инвалида” и “Военного сборника” за годы войны, крайне важного для академии, утрата коих будет невознаграждима. Убедительнейшее прошу высылку материала заменить командированием [в] Томск работника, которому будет оказано горячее содействие. Часть работы здесь уже исполнена»²¹⁷⁹. В итоге 12 мая Главный штаб отозвал свою просьбу. Подход, практиковавшийся академией в целях сбережения культурного наследия, представляется вполне оправданным. В то же время библиотека, когда это было возможно, охотно делилась своими книгами. В частности, некоторые издания были переданы библиотеке Томского университета²¹⁸⁰. Вместе с тем получить книги, выданные на руки читателям, было порой непросто. В октябре 1919 г. перед эвакуацией академии из Томска в газете «Сибирская жизнь» планировали даже напечатать объявление о необходимости сдачи книг²¹⁸¹. В результате удалось получить назад «Естественную историю» Ж.-Л.Л. Бюффона издания 1787 г., хотя обычно редкие книги на руки не выдавались²¹⁸².

В период Гражданской войны академия продолжала пополнять библиотечное собрание. Только за период от эвакуации из Петрограда до 1919 г. библиотека получила 168 наименований книг, многие из которых были подарены авторами, а часть приобретена²¹⁸³. Кроме того, академия выписывала газеты «Русская армия», «Военные ведомости», «Правительственный вестник», «Народная газета», «Отечественные ведомости», «Голос Сибири»²¹⁸⁴.

²¹⁷⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 139об.

²¹⁷⁶ Там же. Л. 71, 80.

²¹⁷⁷ Там же. Л. 109.

²¹⁷⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1637. Л. 17, 40.

²¹⁷⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 54. Л. 107.

²¹⁸⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1637. Л. 31.

²¹⁸¹ Там же. Л. 117.

²¹⁸² Там же. Л. 121.

²¹⁸³ Там же. Л. 110–112.

²¹⁸⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 20. Л. 54–60.

Шел сбор материалов по истории Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. В январе 1919 г. представители академии обратились в Американское бюро печати с просьбой присылать все свои издания, «не стесняясь стоимостью расходов, каковые будут высланы по представлении счета»²¹⁸⁵.

Свои книжные собрания библиотеке предлагали и частные лица. Например, отставной генерал-майор И.В. Ржевуский из Никольска-Уссурийского в сентябре 1919 г. хотел продать свою библиотеку, которую собирал как библиофил. Академия заинтересовалась предложением, но, как оказалось, Ржевуский предлагал лишь 17 книг, которые библиотеке не требовались²¹⁸⁶.

Работа библиотеки академии была достаточно напряженной. Официально она работала с 10 до 16 часов²¹⁸⁷. Однако значительная часть работы была связана с ответами на различные запросы и подготовкой справок. Академия обеспечивала Ставку и штабы необходимыми справочными материалами и документами. В ноябре 1918 г. штаб Уральской группы просил выслать за плату 10 экземпляров записок Андогского по службе Генерального штаба²¹⁸⁸. Была выслана книга «Служба Генерального штаба» Н.Н. Головина²¹⁸⁹. Ставка тогда же просила прислать учебные пособия для открывавшейся во Владивостоке Инструкторской школы А. Нокса²¹⁹⁰. Поступали запросы от частных лиц. Например, капитан Н.В. Колесников в декабре 1918 г. хотел ознакомиться с подшивкой «Известий Императорской Николаевской военной академии»²¹⁹¹.

Получить доступ к академической библиотеке пытались отдельные военно-учебные заведения. Так, в декабре 1918 г. администрация офицерских повторительных курсов инженерных и железнодорожных войск просила разрешить пользоваться библиотекой своим слушателям. Академия ответила, что книги могут выдаваться только офицерам постоянного состава, т.е. преподавателям²¹⁹². Аналогичный ответ был дан и инструкторской школе младших офицеров пехоты²¹⁹³. Учебники просили у академии представители офицерских кавалерийских курсов чешской армии и командование формировавшейся конной бригады²¹⁹⁴. Позиция руководства академии в декабре 1918 г. была такова, что можно предоставлять доступ к материалам библиотеки посторонним, но не в ущерб своим слушателям²¹⁹⁵.

В июне 1919 г. Ставкой были запрошены высочайшие приказы и приказы по армии и флоту за 1917 г.²¹⁹⁶ В июле управление 1-го генерал-квартирмейстера затребовало Свод военных постановлений и высочайшие приказы за период Первой мировой войны (с возвратом)²¹⁹⁷.

²¹⁸⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1637. Л. 14.

²¹⁸⁶ Там же. Л. 113, 116.

²¹⁸⁷ Там же. Л. 30.

²¹⁸⁸ Там же. Л. 1.

²¹⁸⁹ Там же. Л. 2.

²¹⁹⁰ Там же. Л. 4. Соображения Андогского запрашивали в связи с открытием школы (РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 47. Л. 10).

²¹⁹¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1637. Л. 10.

²¹⁹² Там же. Л. 11, 12.

²¹⁹³ Там же. Л. 30.

²¹⁹⁴ Там же. Л. 13.

²¹⁹⁵ Там же. Л. 29.

²¹⁹⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 54. Л. 113–114.

²¹⁹⁷ Там же. Л. 121–122.

Органы центрального военного управления направляли в библиотеку академии различные запросы и задания. В частности, требовалось предоставить данные о результатах войны и трофеях русской армии в Первую мировую войну, для британского генерала А. Нокса требовались уставы, которые могли бы помочь в вопросе ведения войны с большевиками, были затребованы описания Казанского, Иркутского, Туркестанского, Омского и Московского военных округов, для лейтенанта С.Ц. Гедройца требовалось подобрать вторые экземпляры книг для отдела внешкольного образования (для этого служащие академии должны были вскрыть 400 ящиков с 40 000 книг), помощь литературой по подготовке офицеров запрашивалась для Екатеринбургских и Томских офицерских курсов, инженерной школы, комитета помощи армии. Много книг летом 1919 г. академия отправляла в отдел внешкольного образования войск²¹⁹⁸.

Получала библиотека и задания пересмотреть и переиздать уставы и наставления: наставление для ведения боя пехотой (10 000 экз.), наставление для действия пехоты в бою (20 000 экз.), полевой устав (20 000 экз.), строевой пехотный устав (20 000 экз.), сведения по войсковому инженерному делу для унтер-офицеров пехоты (20 000 экз.).

Кроме того, типография Военной академии должна была печатать ежедневно телеграммы осведомительного отдела штаба Верховного главнокомандующего тиражом по 3000 экз., приказы начальника гарнизона и уполномоченного командующего войсками Омского военного округа по охранению государственного порядка и общественного спокойствия в городе Томске и Томском военном районе по 600 и 1500 экз. соответственно. Выполнялись и срочные заказы на печать бланков и книг по отчетности. Кроме того, после выполнения военных заказов было намечено издание брошюры «Города-сады» (2000 экз.).

С учетом того, что академия считалась богатым по меркам Гражданской войны в Сибири и весьма обеспеченным инвентарем учреждением, поступали запросы в отношении самых разных предметов. Поток различных просьб был нескончаем. У академии просили даже компасы для учебных целей²¹⁹⁹. В апреле 1919 г. академия действительно выделила инструкторской школе младших офицеров в Томске по просьбе ее начальника 70 исправных компасов, назад же в следующем месяце многие были получены в сломанном виде²²⁰⁰. Когда с аналогичной просьбой в академию обратились представители Томских пехотных военно-училищных курсов, просившие компасы и планшеты, им было отказано, так как академия была ответственна за имущество. 20 мая руководивший тогда академией Б.М. Коллюбакин писал начальнику Главного штаба: «Сама академия из-за отсутствия исправных инструментов может оказаться в критическом положении»²²⁰¹. В итоге инвентарь все же был выдан под гарантию возврата в исправном виде.

К началу учебного процесса в академии после весны 1919 г. готовилось открытие отделов библиотеки «История военного искусства», «Военная география и статистика», «Политическая история, философия и психология», систематизировались уставы русской и иностранных армий, материалы для истории Великой всемирной войны 1914–1918 гг., карты, планы, схемы, атласы. Для этого необходимо было составить картотеку и издать каталог. Из более отдаленных планов намечались выпуск воспоминаний Д.А. Милютин в 20 томах,

²¹⁹⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1617. Л. 21об.

²¹⁹⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1637. Л. 49.

²²⁰⁰ Там же. Л. 60.

²²⁰¹ Там же.

издание каталога библиотеки графа П.Д. Киселева, полученной Милютиным по наследству²²⁰². Библиотека спешно развертывала работу с 16 июля 1919 г. в отведенных четырех классах Политехнического училища²²⁰³, где она находилась и прежде. Таким образом, академия летом–осенью 1919 г. работала по сути как военный институт.

В академию из армии поступали разнообразные документы — боевые расписания, сводки сведений о противнике, секретные сведения об иностранных государствах, «Указания по разведывательной службе в штабах и в частях войск» и прочие материалы²²⁰⁴.

26 апреля 1919 г., когда в связи с окончанием учебного процесса из академии уже отзывали постоянный состав, временно исполняющий должность библиотекаря академии подал рапорт правителю дел. В документе отмечалось, что, в связи с призывом офицеров в войска и предстоящим откомандированием от академии офицеров из административного состава, он, как временный замещающий библиотекаря, считал необходимым предупредить о трудностях в случае отчисления выздоравливавшего библиотекаря штабс-капитана А.С. Дружинина. С уходом Дружинина в академии не оставалось никого, знакомого с книжным составом библиотеки. Если по книгам, поступившим до 1910 г., имелся систематический указатель²²⁰⁵, то более поздние поступления в каталоге отражены не были, а инвентарные описи из-за переездов академии были обнаружены не полностью. В результате библиотека могла прекратить отвечать на запросы Ставки и штабов.

В рапорте было отмечено, что, когда осенью 1918 г. в Томске открылась библиотека, служащие стали заготавливать карточки для подвижного каталога, с которого будет печататься продолжение систематического указателя книг. К уже изданным двум выпускам намечались еще шесть. До революции эту работу вел библиотекарь С.Д. Масловский, а Дружинин был его единственным оставшимся сотрудником, знакомым с системой каталогизации. Остальные служащие библиотеки поступили в нее только в течение последнего года. Кроме того, вызывал сложности вопрос поверки имущества библиотеки, которая функционировала, по сути, не будучи разобранной. Библиотекарь резюмировал: «В тех трудных условиях многократной перевозки из одного места в другое, при спешном открытии действий библиотеки, когда фактически она не разобрана и не устроена. Только лицо, вполне хорошо в течение нескольких лет ознакомленное с составом книг, со всем ее имуществом, с установленными за многолетнее существование библиотеки правилами, может быть настоящим хозяином этого большого и сложного дела... Вопрос этот приобретает в последнее время особую важность, так как библиотека академии Генерального штаба перестала быть источником для удовлетворения нужд только академических и снабжает книгами штабы нашего высшего командования и высылает пособия по требованию Ставки Верховного главнокомандующего»²²⁰⁶.

В Томске вокруг библиотеки академии, а точнее помещения для нее, летом–осенью 1919 г. разразился острый конфликт. В конце августа 1919 г. библиотека академии была вынуждена освободить второй этаж Политехнического училища, где находилась почти год. На протяжении года директор училища Д.Н. Невский отказывал библиотеке буквально во

²²⁰² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 54. Л. 113.

²²⁰³ Там же. Л. 120. Ныне — второй учебный корпус Томского архитектурно-строительного университета (Томск, Соляная площадь, 2), расположенный недалеко от основного здания академии в Доме науки.

²²⁰⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1539. Л. 24об.–25.

²²⁰⁵ Систематический указатель книг (1832–1910) / сост. С.Д. Масловский. СПб., 1910. Вып. 1.

²²⁰⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1651. Л. 19.

всем²²⁰⁷. Из-за дефицита площадей конфликт с руководством училища приобрел затяжной характер. Уже в июле 1919 г. планировался переезд библиотеки в Коммерческое училище²²⁰⁸. Эта история обострилась после того, как здание Политехнического училища постановлением особой комиссии от 16 сентября 1919 г. было отведено для устройства военного госпиталя на 700–800 коек. К этому времени библиотека и типография занимали подвал и первый этаж училища. Предлагалось переместить библиотеку в специальное книгохранилище Томского университета, где был свободен целый этаж, а типографию — в помещение купца А.Ф. Второва, где имелась собственная электрическая подстанция постоянного тока²²⁰⁹.

Белое командование, во всяком случае, его интеллектуальная элита, понимало, что имущество академии бесценно, и выступало против бездумных перемещений библиотеки из здания в здание. 21 сентября 1919 г. главнокомандующий Восточным фронтом генерал-лейтенант М.К. Дитерихс телеграфировал командующему войсками Омского военного округа генерал-майору А.Ф. Матковскому с копией начальнику академии: «Приказом наштаверха № 558 от 25 июня с.г. в городе Томске расположена Военная академия, и на нее возложены определенные задачи. До перехода в Томск окружных управлений Омского округа никаких препятствий к работе и жизни академии не встречалось. С переходом окружных управлений возникли не только стеснения в деятельности академии, но и антидисциплинарные выступления чинов округа в отношении старших в чинах лиц академии. Отношу подобные явления к нашей несчастной болезни в армии — неуживчивости между учреждениями разных ведомств, но с которой я борюсь, буду бороться и заставлю других подчиниться. Генерала Романова²²¹⁰, позволившего себе неуважительно отнестись к заслуженному и старшему в чине генералу Генерального штаба Христиани, за недостаток тактичности в занимаемой им должности приказываю перевести на другую должность. Военная академия должна непрерывно продолжать выполнение возложенной на нее задачи. Охранение ее ценностей ставлю на особое Ваше попечение как генерала Генерального штаба, почему перетаскивание ее имущества с места на место не могу допустить. Учитывая затруднение по расквартированию, допускаю возможность отказаться от роскоши иметь библиотеку в благоустроенном виде, но не вижу надобности в переносе ее в другое здание. О последующем донесите. Омск. 21 сентября № 580. Главквосток и вр.и.д. наштаверха ген[ерал-]лейт[енант] Дитерихс»²²¹¹.

На эти конфликты накладывались прежние противоречия. Так, в связи с обострением квартирного вопроса в городе в конце сентября 1919 г. академическую библиотеку и типографию руководство гарнизона все же попыталось выгнать из занимаемых помещений. Генерал Матковский поддерживал гарнизонное начальство, утверждая, что больные мерзнут и умирают на баржах и пароходах, а академия отказывается подчиняться и освобождать помещения под госпиталь. Матковский, видимо, ослушался Дитерихса и вновь потребовал от временно исполняющего должность начальника академии генерал-лейтенанта Г.Г. Христиани очистить здание библиотеки и типографии академии под госпиталь. После закономерного отказа Матковский на основании Положения о полевом управлении войск в военное

²²⁰⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 201–201об.

²²⁰⁸ Там же. Л. 203.

²²⁰⁹ Там же. Л. 204.

²²¹⁰ Вероятно, Романов Сергей Александрович (26.10.1856–06.03.1920) — генерал-майор, начальник Томского губернского управления Особого отдела Государственной охраны.

²²¹¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 191–191об.

время приказом № 176 от 30 сентября 1919 г. по гарнизону Томска отстранил Христиани от должности²²¹². Последний 1 октября пожаловался на произвол в Ставку Андогскому²²¹³. Временное руководство академией принял генерал-лейтенант Б.М. Коллюбакин. Однако уже 1 октября в академию была направлена телеграмма № 592 генерала М.К. Дитерихса, отменявшая переезд академической библиотеки²²¹⁴. Впрочем, через месяц переезд все же произошел, но уже по другим причинам и далеко за пределы Томска.

В условиях разрухи прекрасная академическая библиотека и склад учебных пособий были настоящей находкой для многих учебных заведений. Сама академия охотно делилась своими богатствами. Еще летом 1919 г. книги, видимо, выдавались Челябинской офицерской школе. Перед эвакуацией из Томска в октябре 1919 г. академия буквально раздавала запасы учебных пособий и книг различным военно-учебным заведениям. Сведения о размерах книжной помощи отражены в таблице 35.

Таблица 35

Сведения о выдаче книг со склада учебных пособий академии в октябре 1919 г.²²¹⁵

Кому выдано	Наименований	Экземпляров
Екатеринбургской инструкторской школе	22	2508
1-м Томским пехотным военно-училищным курсам	11	344
Офицерской инженерной школе	6	200

В общей сложности учебным заведениям было выдано 3052 тома 22 наименований. В основном это были работы Л.Н. Гобято по артиллерии (7 наименований), Б.М. Коллюбакина по военному искусству и артиллерии (3 наименования), А.П. Агапеева по железнодорожным войскам и тактике (2 наименования), А.К. Байова по истории военного искусства (8 наименований), труды по передвижению и безопасности войск. Некоторые издания получили частные лица. В ноябре 1919 г. книги запросил профессор Покровский из Пермского университета. Несколько книг взял преподаватель 1-х Томских пехотных училищных курсов полковник С.А. Граблевский. Раздавались те книги, которые имелись в большом количестве экземпляров. Однако академия не только раздавала книги, но и собирала их, причем в период эвакуации из Томска отправлять не сданные читателями книги предписывалось сразу по месту будущей дислокации — во Владивосток.

«Академия треплется как ладья в открытом море; переживает четвертую эвакуацию», — записал в своем дневнике в марте 1920 г. преподаватель академии генерал-майор А.Т. Антонович²²¹⁶. И действительно, в связи с отходом белых 1 ноября 1919 г. из Томска во Владивосток вышел эшелон академии, перевозивший библиотеку, склад учебных пособий, геодезических инструментов, экспедиционный отдел, архивы, музеи, часть типографии и личное имущество высшего учебно-административного состава²²¹⁷. Во втором эшелоне среди прочего перевозились остатки библиотечного имущества.

²²¹² Там же. Л. 193.

²²¹³ Там же. Л. 194.

²²¹⁴ Там же. Л. 198.

²²¹⁵ Сост. по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1636. Л. 26, 106об.

²²¹⁶ Дневник генерала Антоновича // Голоса Сибири. Литературный альманах. Кемерово, 2006. Вып. 3. С. 406.

²²¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 40об.

Декларированное отношение советской власти к военно-научному наследию академии видно из воспоминаний И.И. Вацетиса, в которых он постарался выразить всю неприязнь к изменившему красным военно-учебному заведению: «От старой Военной академии остались лишь тысяча томов военно-научных сочинений, ожидающих свою очередь, когда красная профессура вытряхнет из них также отжившую свой век императорско-королевскую идеологию, а полезное содержимое сделает достоянием для пролетарской армии»²²¹⁸.

Впрочем, не все в Советской России относились к наследию академии пренебрежительно. 10 декабря 1919 г. начальник академии Генштаба РККА, известный военный ученый, генштабист А.Е. Снесарев написал начальнику Всероссийского главного штаба, что «по полученным сведениям, в Омске осталась большая часть богатейшей библиотеки бывшей Николаевской академии Генерального штаба. Библиотека находится сейчас в распоряжении штаба 5-й Красной армии. Прошу срочных Ваших распоряжений о сохранении в целостности и неприкосновенности этой драгоценнейшей библиотеки Республики для Красной академии до прибытия приемщиков от академии»²²¹⁹. В дело спасения библиотеки, несмотря на огромную занятость, незамедлительно включился председатель РВСР Л.Д. Троцкий, вообще не равнодушный ко всякому значимому вопросу военно-научной жизни того времени²²²⁰. Однако беспокойство Троцкого и Снесарева было преждевременным. Библиотеку белые благополучно вывезли во Владивосток. Из штаба 5-й армии сообщили, что о библиотеке ничего не известно, а в Омске захвачена лишь часть топографического отдела белых²²²¹.

Разумеется, несколько эвакуаций (Петроград – Екатеринбург – Томск – Харбин – Владивосток) не могли пройти для академического имущества безболезненно. Генерал Христиани прямо отмечал, что летом–осенью 1918 г. при переездах академии «приходилось думать уже не о печатании “Воспоминаний” и “Дневника” графа Милютина, а о спасении их, о благополучной перевозке сначала в столицу Урала, а затем и в центр умственной жизни Сибири»²²²². Риск гибели всех собраний в переменчивой обстановке Гражданской войны был немалым. Как уже отмечалось, в декабре 1919 г. сгорел вагон ординарного профессора академии генерал-майора М.А. Иностранцева. Он с семьей едва успели выскочить, тогда как в вагоне погибло все имущество, деньги и ценная библиотека Иностранцева²²²³.

По всей видимости, потерял свое имущество и И.И. Смелов. Осенью 1919 г. он был в армии, откуда не мог выехать к академии в период ее эвакуации из Томска. В связи с этим Смелов ходатайствовал об эвакуации и его имущества во Владивосток²²²⁴. Однако вскоре он попал в плен к красным, а имущество, видимо, уехало с академией.

Определенный ущерб собраниям академии нанесли разгрузка эшелонов во Владивосток и перевозка имущества на Русский остров, которую достаточно небрежно осуществляли военнопленные Первой мировой войны, а также матросы и китайцы²²²⁵.

²²¹⁸ Вацетис И. К пятилетию Военной академии РККА (Страничка из воспоминаний) // Военная академия за пять лет. М., 1923. С. 29.

²²¹⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1006. Л. 110.

²²²⁰ Там же. Л. 111.

²²²¹ Там же.

²²²² Христиани Г.Г. Предисловие. С. XVI (современное переиздание: Милютин Д.А. Воспоминания... С. 476).

²²²³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 587–588.

²²²⁴ Там же. Л. 417.

²²²⁵ ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 44об.

Приказом сухопутным и морским силам Временного правительства Дальнего Востока от 31 марта 1920 г. была назначена комиссия для проверки имущества Военной академии в составе политического уполномоченного (комиссара) при академии Н.П. Дагаева, большевизированных рабочих типографии академии Н.А. Гущина и Б.М. Чудинова и под председательством известного большевика П.С. Парфенова, прославившегося в качестве автора слов песни «По долинам и по взгорьям».

Предполагалось, что комиссия проверит имущество, расположенное как на Русском острове, так и на Первой Речке во Владивостоке. При этом решено было детальной проверки не проводить, ограничившись, в связи с намечавшейся обратной эвакуацией академии, проверкой при выгрузке из зданий Русского острова. При обнаружении повреждений или исчезновения имущества было решено составлять акты. Также программа работы комиссии включала оскорбительный для профессорско-преподавательского состава академии пункт — проверку частного имущества эшелонов академии на предмет наличия государственного имущества²²²⁶.

Японский переворот 4–5 апреля 1920 г. нарушил планы владивостокских большевиков. Академия задержалась в городе еще на два с лишним года и не была отправлена на советскую территорию. Осенью 1920 г. бывшие члены комиссии Гущин и Чудинов в довольно резкой и ехидной форме изложили свои впечатления от деятельности академического начальства по сохранению имущества²²²⁷. К сожалению, сейчас уже трудно установить, правы ли были авторы этого документа или же намеренно сгущали краски.

Однако несомненным фактом было приобретение академией литературы для библиотеки и на Дальнем Востоке. К примеру, в ноябре 1921 г. была приобретена книга Д.И. Эварницкого «История запорожских казаков»²²²⁸.

Академическая типография продолжала свою работу и на Дальнем Востоке. По-прежнему принимались коммерческие заказы, например, на печатание входящих и исходящих журналов для городского книжного склада²²²⁹, напечатали второе издание работы Н.К. Кульмана «Элементарно-практическая грамматика русского языка»²²³⁰. На Дальнем Востоке продолжалась и научная работа. Во всяком случае, А.П. Слижиков, по данным на март 1921 г., планировал издание пяти научных трудов по истории Первой мировой войны, планы подготовки работ по этой же теме вынашивали профессора Б.М. Колубакин, А.И. Медведев и Г.Г. Христиани²²³¹.

* * *

Академическое руководство сознавало огромную ответственность перед будущими поколениями за сохранение реликвий академии. Существовало и понимание того, какие из них являлись наиболее значимыми для страны. Видимо, по этим причинам на 1922 г. бесценные дневник и воспоминания Д.А. Милютинина (20 книжек воспоминаний 1816–1873 гг. и 12 книжек дневников 1873–1899 гг.) для сохранности находились на квартире профессора Б.М. Колубакина в железном сундуке²²³².

²²²⁶ ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 29–30.

²²²⁷ ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 46–46об.

²²²⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 165.

²²²⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 76. Л. 36.

²²³⁰ Там же. Л. 171; Д. 82. Л. 55.

²²³¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1619. Л. 10, 11, 12, 13.

²²³² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 86. Л. 15.

Здесь уместно разоблачить один оскорбительный для истории отечественного Генерального штаба миф. В романе известного писателя и спортсмена Ю.П. Власова «Огненный крест» Андогский был голословно обвинен в продаже библиотеки академии японцам²²³³. Затем об этом стали писать и в научных работах. Попытаемся проследить предысторию возникновения мифа.

Советский мемуарист отмечал: «Конечно, досадно было, что на Русский остров уплыли литература, учебные планы и программы, которые могли послужить основой для новых специальных военных разработок, а также оборудование. Никакой базы для создания нового высшего военно-учебного заведения сохранить не удалось. Но трудности не испугали большевиков»²²³⁴.

Как известно, «у победы сто отцов, а поражение — круглый сирота». Лавры спасителей бесценной академической библиотеки примеряли на себя многие. В советских версиях этих событий можно встретить различных претендентов, но только не сотрудников академии, более других способствовавших сбережению академических сокровищ.

В комментариях В.Д. Вегмана к книге воспоминаний генерала В.Г. Болдырева, изданной в СССР в 1925 г., отмечено, что переговоры о продаже академической библиотеки японцам Андогский якобы вел во время своей поездки в Японию с согласия генерала Дитерихса и братьев Меркуловых, и только приход советских войск сорвал эти планы²²³⁵. На роль спасителей академического имущества от передачи его японцам претендовали и владивостокские подпольщики²²³⁶. Очевидно, что версия о продаже намеренно распространялась для дискредитации белых. Получила она распространение и среди историков-эмигрантов²²³⁷.

В опубликованных документах о мнимой борьбе подпольщиков за сохранение академии речь идет о заключенных лагеря военнопленных на Русском острове, освобожденных офицерами 20 октября 1922 г. После этого они двое суток скрывались, а с 22 октября якобы приступили к организации охраны Русского острова. Тем не менее сомнительно, чтобы освобожденные первым делом бросились заниматься академической библиотекой, а не более насущными делами.

Спасение имущества академии от вывоза за границу ставят также в заслугу резиденту разведотдела штаба НРА ДВР во Владивостоке и заведующему осведомительным отделом Приморской областной организации РКП(б) 25-летнему Л.Я. Бурлакову²²³⁸, даже награжденному за это именными часами от РВС 5-й армии²²³⁹, однако, каковы конкретные заслуги

²²³³ Власов Ю.П. Огненный крест: в 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 221.

²²³⁴ Софронов Г.П. Неподвластное времени. М., 1976. С. 159.

²²³⁵ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (Из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.). Ново-николаевск, 1925. С. 556.

²²³⁶ Последние дни белогвардейцев в Приморье // Известия ЦК КПСС. 1991. Авг. № 8 (319). С. 139. После публикации эта версия распространилась и в литературе. См., напр.: Ципкин Ю.Н. Антибольшевистские режимы на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2003. С. 318.

²²³⁷ Фицмонов Б.Б. Белая армия адмирала Колчака. М., 1997. С. 68.

²²³⁸ Шинин О.В. Большевистская «партийная» разведка в период существования в Приморской области буржуазных правительств (май 1921 г. – октябрь 1922 г.) // Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 5 (5). С. 35.

²²³⁹ Степанов Е. Красные разведчики // Красные знамя. Орган Приморского краевого комитета КПСС и краевого Совета народных депутатов (Владивосток). 1981. 16 авг. № 189 (19234). С. 3.

Обложка брошюры А.И. Андогского «Как создавалась Красная армия Советской России» (Владивосток, 1921)

Обложка курса лекций А.А. Сурнина «Партизанская война». ГАРФ

Фрагмент форзаца одной из книг академической библиотеки с библиотечным знаком, свидетельствующим о передаче издания в Военную академию РККА. Коллекция А.С. Кобзаря (Киев). Публикуется впервые

Бурлакова в этом вопросе, сказать сложно. Как известно, уже 25 октября во Владивосток вошли красные (части НРА ДВР), но еще 19 октября город частично перешел под контроль Центрального стачечного комитета рабочих и был охвачен беспорядками, а эвакуация белых началась 17 октября. За такой короткий период даже при всем желании академическое начальство не располагало ни временем, ни физической и технической возможностью вывезти академию со всем ее огромным имуществом с Русского острова за границу.

Если бы генерал Андогский мечтал продать академическое имущество иностранцам, он имел много времени для того, чтобы это сделать на всем протяжении 1920–1922 гг. Однако тогда он, наоборот, заботился о сохранении и пополнении библиотеки. Трудно допустить мысль о том, чтобы начальник академии мог дойти до решения продать национальное достояние России иностранцам. Если что-то с японцами и обсуждалось, то, вероятно, только вопрос о возможной эвакуации академии за границу.

Ни в документах Андогского, ни в документах академического архива в РГВИА и РГВА сведений о попытке продажи библиотеки японцам нет. Кроме того, вся деятельность академии и ее руководства, наоборот, свидетельствует о бережном и заботливом отношении к библиотеке, несмотря на тяжелые условия Гражданской войны и разруху. Так, в марте 1920 г. представители академии ходатайствовали о включении библиотеки в число государственных книгохранилищ для высылки Книжной палатой печатных изданий²²⁴⁰. Включение академии в этот список решало массу проблем. Законом Временного правительства о печати от 27 апреля 1917 г. была установлена обязательная передача в Книжную палату 7 экземпляров любых изданий, в 1919 г. в белой Сибири это количество было увеличено до 9, так как два экземпляра предполагалось направлять в учрежденный тогда Институт исследования Сибири (его сотрудниками по выбору конференции состояли профессор Медведев и Христиани, причем они входили в состав совета статистико-экономического отдела института²²⁴¹). Теперь академия рассчитывала на то, что один из этих двух экземпляров будет отправляться ей²²⁴². Академическое руководство пыталось получить книги, предназначенные Книжной палатой для передачи Александровскому университету в Гельсингфорсе²²⁴³. Особую значимость представлял сбор изданий, выходявших с 1917 г., как наиболее редких. Предпринимались попытки получения книг и из других библиотек. Например, в июле 1922 г. были получены сведения о том, что намечена продажа японцам библиотеки общества «ОЗО» под председательством генерал-лейтенанта М.К. Самойлова²²⁴⁴. В этой библиотеке были секретные издания, которые академия хотела изъять. Все эти факты убедительно свидетельствуют о том, что академия стремилась собирать и сохранять книги для России, а не для продажи интервентам.

Библиотека академии пополнялась и в период пребывания ее на Русском острове, получая книги и журналы²²⁴⁵. Более того, академия вносила посильный вклад в развитие науки и культуры восточной окраины России. Владивостокскому политехническому институту были переданы в дар топографические модели²²⁴⁶. Начальник академии лично занимался

²²⁴⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1657. Л. 6.

²²⁴¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1652. Л. 1, 9.

²²⁴² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1657. Л. 86об.—87.

²²⁴³ Там же. Л. 90.

²²⁴⁴ Там же. Л. 97.

²²⁴⁵ Напр.: РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 165.

²²⁴⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1657. Л. 16об.

сбором книг для академической библиотеки. 10 июля 1922 г. Андогский писал генерал-майору Н.М. Щербакову о том, что академия не имеет средств на покупку книг по Первой мировой войне и революции, и просил выслать их бесплатно от издательства «Русское дело», которым руководил Щербаков²²⁴⁷. Мог ли это делать беспринципный человек, только и мечтавший продать библиотеку японцам, каким изображался Андогский его оппонентами?!

В письме генералу Щербакову Андогский отмечал: «Ставя себе задачу собрать в библиотеке академии книжный материал для истории великой мировой войны, русской революции и переживаемой ныне эпохи и не имея специальных средств на приобретение поступающих на книжный рынок изданий, я вынужден просить Ваше превосходительство помочь родной Alma Mater путем высылки в библиотеку, бесплатно, изданий книгоиздательства “Русское дело”, возглавляемого Вами.

Вам известно, что по количеству и богатству томов библиотека академии являет собою единственный источник военной литературы с громадным отделом общей истории и политических наук, к сожалению, сейчас, за отсутствием средств, совершенно не пополняемым.

Библиотека стремится собрать весь книжный материал, могущий послужить будущему историку как первоисточник в его трудах по описанию тех или иных событий русской жизни в переживаемую нами эпоху»²²⁴⁸.

Начальник академии отмечал мизерность тиражей книг периода Гражданской войны и указывал на риск полной утраты редких изданий. Кроме того, Андогского интересовала возможность получить учебники для детей чинов академии. В октябре 1922 г. даже составлялись списки необходимых учебников²²⁴⁹. По вопросам получения литературы академия также вела переписку с русским эмигрантским издательством «Слово», находившимся в Германии. Академия выписывала и периодические издания, например, журнал «Воин». В настоящее время книги из библиотеки академии хранятся в Российской государственной библиотеке в Москве.

Некоторые книги академической библиотеки, имевшиеся во многих экземплярах, передавались в дар библиотеке Государственного Дальневосточного университета. В частности, был подарен курс международной политики и мирового хозяйства, составленный профессором Христиани²²⁵⁰, а также опубликованные им воспоминания военного министра Д.А. Милютина²²⁵¹. Воспоминания Милютина, кроме того, рассылались в Сибирский и Хабаровский кадетские корпуса и в пехотное военное имени генерала Корнилова училище²²⁵². Труды сотрудников академии были подарены в благодарность за дружественное расположение к национальному правительству Приморья китайскому маршалу Чжан-Цзо-Лину в 1922 г. Среди них было новаторское исследование в области военной разведки, подготовленное в 1919 г. профессором П.Ф. Рябиковым²²⁵³. Популярные издания расходились быстро. К ноябрю 1921 г. в академии уже не осталось экземпляров первой части книги Рябикова²²⁵⁴.

²²⁴⁷ Там же. Л. 50.

²²⁴⁸ Там же. Л. 51–51об.

²²⁴⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1663. Л. 25.

²²⁵⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1657. Л. 19.

²²⁵¹ Там же. Л. 53.

²²⁵² Там же. Л. 78.

²²⁵³ Там же. Л. 44.

²²⁵⁴ Там же. Л. 108.

Вообще академия старалась помогать книгами всем, кто в них нуждался. Например, генерал Н.Н. Головин прислал запрос из Парижа с просьбой выслать ему по экземпляру его книг из библиотеки академии, так как собственные книги Головина остались в России. Летом 1922 г. академия выслала Головину его труды²²⁵⁵, чем, несомненно, способствовала более плодотворной научной деятельности генерала в эмиграции. Часть книг реализовывалась. Например, работа Андогского «Встречный бой» в августе 1921 г. стоила 5 руб. золотом²²⁵⁶.

Сотрудники академии как могли боролись за сохранение академического имущества. 9 мая 1921 г. выяснилось, что пропал ящик с книгами склада учебных пособий, включая одну секретную. Высказывались различные версии случившегося — мог быть виноват заведующий учебной канцелярией академии Ф.А. Мартынов либо при эвакуации произошла ошибка в подсчетах. Помимо этого в печати появились заметки о продаже библиотечных книг на рынке, что негативно влияло на репутацию академии, поскольку давало основания говорить о хищениях. Библиотекарь Дружинин заявил, что если книги не найдутся, их стоимость нужно вычестить из жалованья Мартынова. Последний на это обиделся, так как пропали и его книги²²⁵⁷. Исполняющий должность заведующего складом учебных пособий в июле 1921 г. предложил взыскивать деньги с тех, кто не возвращал книги в библиотеку, чтобы за счет этих средств пополнять и обновлять книжный фонд²²⁵⁸.

Помимо сбора книг академия собирала исторические материалы. Собирались стенограммы заседаний дальневосточного народного собрания и другие документы. В сентябре 1922 г. представители академии пытались получить картину «Бой на р. Ялу», принадлежавшую 36-му Сибирскому стрелковому полку, но оказавшуюся в частных руках²²⁵⁹. Сотрудники академии не оставляли без внимания реставрацию академического имущества. В июле 1921 г. обсуждалось восстановление огромной по размеру (3,5х2 м) картины кавалерийского сражения авторства Шарля Верне²²⁶⁰.

Сам Андогский в мае 1921 г. забрал себе на квартиру три ящика архива фельдмаршала Милютина²²⁶¹ (возможно, для исследовательской работы). В ноябре 1921 г. эти ящики были возвращены в академию²²⁶². Награды и регалии Милютина хранились в денежном ящике академии²²⁶³.

При эвакуации академии в Европейскую Россию по окончании Гражданской войны была проведена проверка имущества. По данным на 9 ноября 1922 г., в библиотеке насчитывалось около 160 000 томов и на складе учебных пособий — 25 000, всего 185 000 томов. Шкафы имелись на 55 000 книг, общая площадь библиотечных помещений составляла 400 квадратных саженей (1820 квадратных метров), вес книг — 6000 пудов (более 98 тонн)²²⁶⁴.

²²⁵⁵ Там же. Л. 62.

²²⁵⁶ Там же. Л. 123.

²²⁵⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1636. Л. 124–125.

²²⁵⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1657. Л. 144.

²²⁵⁹ Там же. Л. 84.

²²⁶⁰ Там же. Л. 125.

²²⁶¹ Там же. Л. 129.

²²⁶² Там же. Л. 148.

²²⁶³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 66. Л. 51.

²²⁶⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 85. Л. 19.

Вопрос отношения к ценнейшим собраниям академии и их судьбе приобрел и для красных, и для белых политический оттенок. Недоброжелатели Андогского в среде эмиграции активно использовали нежелание генерала вывозить академию и ее ценности за границу в целях его компрометации как сторонника большевиков²²⁶⁵. Большевики же, в свою очередь, обвиняли Андогского в стремлении вывезти все за рубеж или продать японцам. На самом деле имущество академии было столь значительно, что вывезти его было не просто, даже если бы начальник академии этого желал, тем более что оно находилось на острове.

Фактом остается лишь то, что бесценное имущество академии в результате Гражданской войны не было вывезено за рубеж, а осталось в России и в целом бережно сохраняется до наших дней в различных архивах, музеях и библиотеках нашей страны. Думается, мы должны быть благодарны тем самоотверженным сотрудникам академии, которые, несмотря на перипетии Гражданской войны, сумели сохранить наследие выдающихся русских военных деятелей для будущих поколений.

²²⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 55.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Императорская Николаевская военная академия завершила свою историю, на несколько лет пережив Российскую империю, в которой некогда возникла. В годы Первой мировой войны академия первоначально бездействовала. Но, когда кадровый голод в отношении специалистов Генерального штаба стал критическим, возобновила свою педагогическую деятельность и с конца 1916 г. осуществляла массовую ускоренную подготовку офицеров на курсах военного времени. Это позволило заместить с помощью сотен курсовиков (по сути генштабистов военного времени) младшие должности Генерального штаба и существенно снизить дефицит генштабистов, возникший в первые годы войны. Несмотря на сокращенную подготовку в академии, курсовики, среди которых были боевые кадровые офицеры и георгиевские кавалеры, хорошо себя зарекомендовали на штабной работе.

Как и вся старая армия, академия приняла свержение монархии и функционировала при Временном правительстве, как и прежде. Летом 1917 г. среди генштабистов прошли выборы начальника академии. В период предвыборной гонки представители академии продемонстрировали высокую степень политической активности — они публиковали листовки, вели агитацию посредством личных связей. Большинство голосов офицеров Генерального штаба получил крупный военный ученый и талантливый педагог генерал Н.Н. Головин, однако решением министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского на этот пост был назначен второй кандидат по числу голосов — неизвестный в широких кругах генштабистов, но пользовавшийся поддержкой слушателей ускоренных курсов и старой профессуры правитель дел академии полковник А.И. Андогский. Решение это оказалось для академии благотворным. Андогский возглавил академию в самый трудный период ее существования и с перерывами руководил ею с лета 1917 по осень 1922 г. Можно сказать, что благодаря своим личным качествам (уму, дальновидности, осторожности, изворотливости, умению входить в доверие к властям) он по сути спас это военно-учебное заведение, сохранив его бесценные сокровища (архив, библиотеку, музейные коллекции) для будущих поколений. Впрочем, сделать это удалось несколько необычным способом.

Академия досталась большевикам в результате захвата ими власти в Петрограде в октябре 1917 г. сразу вместе с преподавателями, слушателями, служащими, а также со всей материально-технической базой. Осознание того, что они теперь обслуживают новую власть, пришло к академическому руководству не сразу. Тем более что большевистскую идеологию профессорско-преподавательский состав и большинство слушателей не разделяли. Насколько можно судить по сохранившимся источникам, падение монархии и даже приход к власти большевиков не произвели на преподавателей и слушателей столь сильного впечатления, как отмена погон, заключение Брестского мира и привлечение представителей академии в Красную армию.

По инерции учебный процесс продолжался и после смены власти, в результате Красная армия весной 1918 г. пополнилась выпускниками ускоренных курсов 2-й очереди. Курсови-

ки приняли участие в обороне Советской России от внешнего врага уже в феврале–марте 1918 г.

Диссонанс окружающей обстановки и убеждений преподавателей и большинства слушателей, архаизация повседневного быта вели к обособлению академии, замыканию ее в себе, своего рода автономизации²²⁶⁶. В условиях хозяйственной разрухи такой подход сохранился и после перехода на сторону антибольшевистских сил, что позволило академии существовать в сравнительно благоприятных условиях на Востоке России.

В связи с германской угрозой Петрограду весной 1918 г. академия была эвакуирована в тыловую Екатеринбург, с пребыванием в котором связан наиболее драматический период истории последних лет ее существования. Летом 1918 г. учебный процесс в академии возобновился в старшем классе курсов 3-й очереди, а также на младшем ускоренном курсе, на который большевики старались набрать лояльных им слушателей.

Профессорско-преподавательский состав академии был в основном настроен антибольшевистски. Эти настроения выразились в систематическом саботаже любых инициатив большевистской власти в отношении академии, в нежелании поддерживать контакты с новой властью. Вся работа по поддержанию связи с властями и спасению академии в чрезвычайных условиях легла на плечи начальника академии А.И. Андогского. В такой обстановке профессора и преподаватели проявили себя как самые настоящие иждивенцы, которые с удовольствием пользовались относительно благополучным существованием академии, чего добился от властей Андогский. При этом они не желали хоть как-то помочь начальнику академии в его тяжелой как физически, так и морально работе (Андогский также являлся бывшим офицером, обладавшим присущим основной массе офицерства того времени мировоззрением и системой ценностей, и тоже тяжело переживал свою миссию). Более того, они считали начальника академии беспринципным приспособленцем, а впоследствии именно Андогский в наибольшей степени подвергся преследованиям в белом лагере за сотрудничество с большевиками.

Местные партийные лидеры обоснованно видели в академии угрозу безопасности красного Екатеринбурга и своей власти. Действительно, внутри академии существовали различные группы офицеров, участвовавшие в подпольной антибольшевистской работе. Руководство академии предпринимало попытки установить контакты с лидерами Белого движения и представителями союзников. Кроме того, среди имущества академии в Екатеринбург была привезена небольшая партия оружия, включая разобранные пулеметы. Несколько слушателей — выходцев из гвардейских частей и выпускников Пажеского корпуса разрабатывали различные планы помощи содержавшейся в Екатеринбурге семье бывшего императора Николая II. Среди этих планов был и замысел освобождения Романовых. Существовали и другие группировки. Наиболее сильной была группа слушателя К.Ю. Румши, которая объединяла антибольшевистски настроенных бывших офицеров в академии. С ней были связаны группы слушателей, направленных в советские штабы. Прежде всего, в штаб Северо-Урало-Сибирского фронта, откуда подпольщики в академии получали информацию, оружие и организационную поддержку.

Летом 1918 г. Екатеринбург неожиданно оказался в прифронтовой полосе разгоравшейся Гражданской войны. Из-за военной угрозы городу со стороны восставших чехословаков

²²⁶⁶ Этот термин в настоящее время нашел удачное, на наш взгляд, применение, например, в отношении деятельности Чехословацкого корпуса (*Васильченко М.А.* Чехословацкий корпус на территории Поволжья в 1918 г.: от нейтралитета к участию в Гражданской войне: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2014. С. 15).

и белогвардейцев в июле 1918 г. большевистское руководство добилось эвакуации части академии в Казань, однако сохранить академию красным не удалось. На сторону антибольшевистских сил практически в полном составе и со всем имуществом перешли обе части академии как в Екатеринбурге, так и в Казани и большинство слушателей, которые пополнили штабы антибольшевистских сил Востока России. С тех пор академия разделила судьбу Восточного антибольшевистского фронта.

Переход на сторону антибольшевистских сил в целом соответствовал настроениям преподавателей и большей части слушателей, что подтверждает идентичность случившегося с академией как в Екатеринбурге, так и в Казани. При этом те, кто хотел эвакуироваться из этих пунктов с красными, в основном смогли это сделать. Об антибольшевистских настроениях слушателей свидетельствует и их участие в деятельности екатеринбургского подполья, содействовавшего занятию города белыми и принимавшего участие в боевых действиях.

С переходом академии на сторону белых противники большевиков получили сложившееся учреждение для подготовки генштабистов на Востоке России. С осени 1918 по осень 1919 г. академия находилась в Томске, однако учебная работа велась лишь короткий промежуток времени с конца января по конец апреля 1919 г.

Ввиду противоречий между антибольшевистскими правительствами Поволжья и Сибири, касавшихся и военной сферы, преподаватели и слушатели академии как третья сторона осенью 1918 г. заняли руководящие посты в Ставке генерала В.Г. Болдырева, что вызвало недовольство офицеров, обладавших большим служебным стажем в антибольшевистском лагере и не желавших подчиняться новоприбывшим.

Академия и ее преподавательский состав стали значимым фактором внутривосточной борьбы в белой Сибири во второй половине 1918 – первой половине 1919 г. Академическое руководство во главе с А.И. Андогским уже осенью 1918 г. активно стремилось занять ключевые посты в антибольшевистском лагере на Востоке России. Слушатели курсов 3-й очереди академии, как и преподаватели, были распределены по многим штабам и фактически составили разветвленную агентурную сеть, работавшую на Андогского²²⁶⁷. Тем более что обучение их не считалось завершенным, и фактически они зависели в вопросе своего последующего статуса от академического начальства.

«Хитрый маклер»²²⁶⁸ Андогский и его окружение сыграли важную роль в организации переворота в Омске 18 ноября 1918 г. и прихода к власти адмирала А.В. Колчака. Некоторые участники переворота в качестве благодарности получили повышение. На благодарность рассчитывал, очевидно, и сам Андогский, которому Колчак пообещал пост начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего, однако обещание это выполнить не смог.

Вовлеченность академии в борьбу за власть привела к тому, что противники академической группировки предпринимали различные меры для устранения посягательств профессорско-преподавательского состава на руководящие посты в белой Сибири. Одним из способов такого противодействия (как раз в период рассмотрения кандидатуры Андогского

²²⁶⁷ Наглядным подтверждением этого являются сохранившиеся в архиве начальника академии письма верных ему офицеров с докладами о положении в различных военных сферах, а также свидетельства генерала С.А. Щепихина о перехвате некоторых подобных писем (см. Приложения). Поскольку Андогский публиковал в сибирских газетах свои военные обзоры, его информированность и сам факт сбора сведений в случае подозрений могли объясняться этой задачей.

²²⁶⁸ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака: в 2 кн. М., 2004. Кн. 1. С. 458.

на высокий пост) стали нападки на академию и педалирование, как кулуарно, так и в печати, вопроса о причастности академии к службе большевикам и к подписанию «похабного» Брестского мира. Непонимание вызывало и упорное стремление академического начальства спасти академию со всем ее имуществом, когда гибла страна.

Поскольку антибольшевистское руководство в Сибири было достаточно слабым, а упреки старших офицеров в предательстве корпоративных интересов и в большевизме считались весьма серьезными и приобретали резонанс, эта кампания имела успех.

Организованный Колчаком для перестраховки в конце 1918 г. беспрецедентный опрос старших начальников относительно кандидатуры генерала Андогского на пост начальника штаба Ставки был проявлением очевидной слабости пришедшего к власти белого диктатора, его несамостоятельности и зависимости от мнения фронтовых командиров и связанных с ними политиков. В гипотезу об интриге вполне укладывается и то, что во время опроса атаманом А.И. Дутовым была предложена альтернативная кандидатура полковника Д.А. Лебедева как подходящего кандидата на эту должность, несмотря на отсутствие у Лебедева должной подготовки. Лебедев в итоге и занял этот пост.

А.И. Андогский и некоторые его ближайшие сторонники оказались дискредитированы и на рубеже 1918–1919 гг. были на несколько месяцев устранены от влияния на Верховного правителя адмирала А.В. Колчака и от претензий на высокие военно-административные посты. Более того, в отношении причастности к большевизму состава академии в 1919 г. было проведено два специальных расследования, по итогам которых обвинения в целом не подтвердились.

Анализ академического дела 1918–1919 г. продемонстрировал его теснейшую связь с борьбой группировок генералов и политиков в высших кругах Омска. Дискредитация академии и ее руководства в связи с их сотрудничеством с большевиками через организованную травлю в печати, через кулуарные обсуждения представляла собой несомненную интригу с целью устранить с военно-политической авансцены Омска генерала Андогского, располагавшего довольно сплоченной группировкой связанных с академией сторонников в различных штабах.

Глубокое изучение борьбы военно-политических группировок в Омске и их влияния на Колчака остается задачей на будущее. Однако уже сейчас ясно, что эта борьба была неизменным фактором, осложнявшим военно-административную работу белого командования. Подтверждают это и радикальные кадровые перестановки в высших органах военного управления в мае–июне 1919 г., когда представители академии добились реванша.

Дефицит кадров Генерального штаба в белых армиях Востока России привел к тому, что преподаватели и слушатели академии, несмотря на упреки в большевизме, активно привлекались на военную службу в Сибири, а, кроме того, в Томске была организована ускоренная подготовка генштабистов. В период с января по апрель 1919 г. в академии прошли обучение слушатели ускоренных курсов 4-й очереди, пополнившие в мае 1919 г. штабы колчаковской армии. Однако на судьбу Восточного антибольшевистского фронта это не повлияло, так как именно в мае 1919 г. на фронте произошел перелом в пользу красных, в результате чего колчаковские войска начали практически безостановочное отступление на восток.

Белые на Юге России в связи с переизбытком кадров Генштаба не нуждались в организации подготовки генштабистов, а на других антибольшевистских фронтах такая подготовка не велась в связи с их слабостью и малочисленностью. При этом работа томских курсов,

на наш взгляд, была поставлена слабее, чем в созданной красными с нуля осенью 1918 г. в Москве академии Генерального штаба РККА. Академия не повысила боеспособность колчаковских войск — для этого были нужны новые энергичные организаторы, которых трудно было отыскать в старом Генштабе.

В дальнейшем академия не осуществляла учебный процесс и во второй половине 1919–1922 гг. функционировала лишь как научное учреждение. Преподаватели выполняли задания высших органов военного управления белой Сибири, предоставляя им различные справки и документы. За этот период академия переместилась из Томска в Харбин и далее во Владивосток, а после окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке была отправлена в Москву, где ее имущество распределили между советскими учреждениями.

Дальневосточный период истории академии также не был простым. Как и прежде, академическому руководству приходилось лавировать между различными, порой взаимоисключающими политическими режимами с целью выжить в сложной обстановке. Несмотря на трудности, Андогскому это удалось, хотя недоброжелателей у него прибавилось, поскольку начальник академии вел переговоры о дальнейшей судьбе академии и с представителями Советской России, и с представителями Японии. В конечном итоге академия осталась во Владивостоке и попала к красным, а те представители профессорско-преподавательского состава, которым было не по пути с большевиками, эмигрировали из России.

Даже в самые тяжелые времена Гражданской войны академия не прекращала свою научно-исследовательскую и собирательскую работу. Библиотека академии пополнялась новыми изданиями, готовились и защищались диссертации по новейшим направлениям военной мысли (достаточно отметить ставшую классической работу П.Ф. Рябикова о военной разведке, труд А.И. Андогского «Встречный бой»), разрабатывались новые учебные курсы, учитывавшие опыт Первой мировой войны, выходили труды профессоров и преподавателей. Наконец, академия сумела подготовить и издать книгу воспоминаний военного министра Д.А. Милютина. Все это свидетельствует о самоотверженном труде профессоров, преподавателей и служащих академии тех лет, оказавшихся верными своему делу. Вместе с тем академию периода 1914–1922 гг. трудно назвать крупным центром военно-теоретической мысли, рождавшим революционные идеи в сфере военной науки.

Начальник академии генерал А.И. Андогский был сложной и во многом трагической фигурой. Несмотря на обширную критику, метания, порой неискренность по отношению к властям предрежающим, он служил делу, а не лицам. Начальник академии при всех его недостатках предстает патриотом и государственным человеком, вынужденным спасти вверенное ему учреждение в переломное время и сохранившим свою честь, что не оставило ему перспектив ни в Советской России, ни в эмиграции.

За период 1914–1922 гг. через академию прошло около тысячи офицеров-генштабистов — более трети всей корпорации Генерального штаба на период Гражданской войны. Анализ их вовлечения в те переломные события, идейно-политического выбора позволяет приблизиться к пониманию сложной судьбы военной элиты России в лице кадров ее Генерального штаба на изломе отечественной истории.

История академии последних лет ее существования демонстрирует тщетность надежд на то, что учреждение такого уровня в условиях внутренней смуты может оставаться вне политики и воздерживаться от активной поддержки той или иной стороны. Сама логика событий Гражданской войны вела к кристаллизации сторон. Красные, очевидно, не устра-

ивали профессорско-преподавательский состав и большую часть слушателей из кадровых офицеров. Зыбкость положения представителей академии в Советской России показали разрушительный погром в здании академии матросских отрядов, чувствовавших свою власть, случаи арестов отдельных преподавателей и слушателей в первой половине 1918 г. (причем, по меньшей мере, один из арестов закончился расстрелом слушателя). Несомненно, гнетущее впечатление производили террор против бывших офицеров за пределами академических стен, стихийные расправы, о которых свидетельствовали сотрудники академии, разгул бандитизма. Но прием у белых также оказался довольно прохладным. Здесь не было анти-офицерского террора, но начались упреки в большевизме, организованная травля в печати, отстранение от должностей и целых два серьезных расследования прежней деятельности академии.

События показали, что академия в 1917–1922 гг. все время балансировала на очень тонкой грани. Продолжительные попытки уклониться от активной поддержки того или иного лагеря, лавирование, осторожность вызывали в лучшем случае упреки со стороны властей, а в худшем выливались в травлю и репрессии. Только чудом, во многом благодаря хитрости и изворотливости самого генерала А.И. Андогского, несмотря на колоссальные сложности, академия смогла уцелеть в такой обстановке, сохранив свои архивные, музейные и библиотечные сокровища для будущего России.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, АББРЕВИАТУР И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

- АВИМАИВиВС — Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург).
- ВГШ — Всероссийский главный штаб.
- вел. кн. — великий князь.
- военмин — военный министр.
- военрук — военный руководитель.
- вр. — временно.
- вр.и.д. — временно исполняющий должность, временное исполнение должности.
- ВСЮР — Вооруженные силы на Юге России.
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).
- ГАСБУ — Галузевий архів Служби безпеки України (Ведомственный архив Службы безопасности Украины, Киев, Украина).
- г. — год, город, господин.
- ген. — генерал, генеральный.
- генкварзап — генерал-квартирмейстер штаба Западного фронта.
- генкварм — генерал-квартирмейстер штаба армии.
- генкварфронт — генерал-квартирмейстер штаба фронта.
- Главковерх — Верховный главнокомандующий.
- главковосток — главнокомандующий Восточным фронтом.
- главком — главнокомандующий.
- г-жа — госпожа.
- г-н — господин.
- губ. — губерния.
- губЧК — губернская Чрезвычайная комиссия.
- ГУВУЗ — Главное управление военно-учебных заведений.
- ГУГШ — Главное управление Генерального штаба.
- д. — деревня.
- ДВР — Дальневосточная республика.
- и.д. — исполнение должности, исполняющий должность.
- Известия... — «Известия ВЦИК Советов крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов и Московского совета рабочих и красноармейских депутатов».
- ИН — «Известия Народного комиссариата по военным делам».
- и.о. — исполнение обязанностей, исполняющий обязанности.
- кап. — капитан.
- КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога.
- Комуч — Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания.
- м. — местечко.
- МВД — Министерство внутренних дел.
- МРК — Музей русской культуры в Сан-Франциско (Сан-Франциско, Калифорния, США).
- НАА — Национальный архив Армении (Ереван, Армения).
- НА ИРИ РАН — Научный архив Института российской истории РАН (Москва).
- нарком — народный комиссар.
- наркомат — народный комиссариат.
- Наркомвоен — Народный комиссариат по военным делам.
- начдив — начальник дивизии.
- наштаверх — начальник штаба Верховного главнокомандующего.

наштагруппы — начальник штаба группы.
наштадив — начальник штаба дивизии.
наштакор — начальник штаба корпуса.
наштарм — начальник штаба армии.
наштарум — начальник штаба Румынского фронта.
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел.
НРА — Народно-революционная армия.
обл. — область.
облЧК — областная Чрезвычайная комиссия.
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).
ПАФ — Приказ армии и флоту.
пос. — поселок.
проф. — профессор.
р. — река.
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (Москва).
РГВА — Российский государственный военный архив (Москва).
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва).
РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
ревком — революционный комитет.
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия.
РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевик).
РОВС — Русский общевоинский союз.
РСДРП(б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевик).
с. — село.
с.г. — сего года.
СНК, Совнарком — Совет народных комиссаров.
совдеп — совет депутатов.
с.-р., с.р. — социалист-революционер.
ст. — старшинство, степень.
т., тов. — товарищ.
УНР — Украинская народная республика.
устан. — установлен.
утв. — утвержден, утверждение.
штарм — штаб армии.
штакор — штаб корпуса.
экз. — экземпляр.
BAR — The Bakhmetteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University, USA (Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры, Колумбийский университет, Нью-Йорк, США).
BDIC — Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine, Nanterre, France (Библиотека современной международной документации, Нантер, Франция).
SAW — Centralne archiwum wojskowe im. majora Bolesława Waligory (Центральный военный архив Польши им. майора Болеслава Валигоры, Рембертов, Варшава, Польша).
HIA — Hoover Institution Archives, Stanford University, Palo-Alto, USA (Архив Гуверовского института, Стэнфордский университет, Пало-Альто, Калифорния, США).

П Р И Л О Ж Е Н И Я

БИОГРАФИИ УЧЕБНО-АДМИНИСТРАТИВНОГО СОСТАВА АКАДЕМИИ ПЕРИОДА 1918–1922 гг.

Андогский Александр Иванович (25.07.1876–25.02.1931) — из потомственных дворян Новгородской губ., сын действительного статского советника. Окончил Вологодскую гимназию, юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1898), выдержал офицерский экзамен при Павловском военном училище по 1-му разряду (1899), окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1905). Ефрейтор (с 04.02.1899). Младший унтер-офицер (с 25.03.1899). Подпрапорщик (с 29.06.1899). Подпоручик (с 06.09.1899 со ст. с 09.08.1899). Поручик (с 06.12.1903 со ст. с 09.08.1903). Штабс-капитан (за отличные успехи в науках в академии, с 28.05.1905). Капитан (с 02.12.1907). Подполковник (с 06.12.1911). Полковник (с 06.12.1914; Высочайший приказ 15.08.1916: даровано ст. с 06.12.1913; ПАФ 02.05.1917 устан. ст. с 06.12.1912; ПАФ 23.06.1917 устан. ст. с 06.12.1911). Генерал-майор (с 21.11.1917). На службе с 28.08.1898 рядовым на правах вольноопределяющегося 1-го разряда в лейб-гвардии Московском полку. Вр. командовал 15-й ротой (07–15.03.1900). Помощник заведующего полковой учебной командой (23.09.1900–14.04.1901). Причислен к Генеральному штабу и командирован в распоряжение начальника штаба главнокомандующего на Дальнем Востоке для ознакомления со службой Генерального штаба при войсках действующей армии взамен установленного законом прикомандирования к окружным штабам для отбытия лагерного сбора (13.07.1905). Участник Русско-японской войны. Командирован в распоряжение начальника штаба 2-й Маньчжурской армии (21.07.1905), прикомандирован к управлению генерал-квартирмейстера штаба армии (21.07.1905). Командирован в штаб Петербургского военного округа для двухгодичного командования ротой (с 02.10.1905, прибыл в штаб округа 27.10.1905). Командующий 9-й ротой лейб-гвардии Московского полка (06.11.1905–29.11.1907). Член полкового суда (01.02–13.08.1907). Переведен в Генеральный штаб (02.12.1907). Помощник старшего адъютанта штаба войск гвардии и Петербургского военного округа (02.12.1907, вступил в должность 05.12.1907). В полевой поездке офицеров Генерального штаба Петербургского военного округа в Санкт-Петербургской губ. (02–14.06.1908), в полевой поездке в Санкт-Петербургской и Псковской губерниях (20.09–05.10.1909). Вр.и.д. старшего адъютанта штаба войск гвардии и Петербургского военного округа (29.01–05.02.1909; 05–20.06.1909; 26.08–15.09.1909; 04–22.06.1910; 06–20.09.1910; 21.05–17.06.1911). В полевой поездке XXII армейского корпуса (22.06–08.07.1910). В комиссии для поверочной мобилизации в Новгороде (15–28.04.1911). Штатный преподаватель военных наук Императорской Николаевской военной академии (с 08.10.1911, прибыл 18.10.1911). Штаб-офицер, заведующий офицерами, обучающимися в Императорской Николаевской военной академии (с 14.03.1914). Командирован в штаб Варшавского военного округа для назначения на должность военного времени (23.07.1914). Участник Первой мировой войны. Помощник старшего адъютанта оперативного отделения штаба 2-й армии (с 26.07.1914). Помощник старшего адъютанта отдела генерал-квартирмей-

стера штаба 2-й армии (29.08.1914). Вр.и.д. старшего адъютанта оперативного отделения штаба 2-й армии (04–17.11.1914). И.д. старшего адъютанта общего отделения штаба 2-й армии (с 10.12.1914). И.д. старшего адъютанта оперативного отделения штаба 2-й армии (с 08.01.1915). Старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 2-й армии (с 20.01.1915). И.д. начальника штаба 3-й гвардейской пехотной дивизии (с 15.06.1915, назначен Высочайшим приказом 06.07.1915, в должности 10.07–30.09.1915; 15.10.1915–15.06.1916). Командир 151-го пехотного Пятигорского полка (с 27.04.1916, вступил в должность 16.05.1916). Командование полком зачтено за полный срок (18.01.1917). Правитель дел Императорской Николаевской военной академии (вр.и.д. с 07.12.1916; в должности 28.12.1916–21.03.1917; утв. 13.01.1917). И.д. начальника Николаевской военной академии (ПАФ 07.08.1917), принял должность (08.08.1917). Экстраординарный профессор академии (с 15.09.1917). Участник мирных переговоров в Брест-Литовске. Участник Гражданской войны. Вместе с академией перешел на сторону антибольшевистских сил в Казани (07.08.1918). Ординарный профессор академии (с 18.09.1918). Помощник управляющего Военным министерством по снабжению (с 18.09.1918). Отчислен от должности начальника академии в резерв чинов при штабе Иркутского военного округа (26.01.1919, отправился в Иркутск 04.03.1919). Во изменение приказа считался не отчисленным от должности, а командированным в распоряжение командующего войсками Иркутского военного округа (26.01–16.06.1919). Вступил в должность начальника академии (22.06.1919). 1-й генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем с оставлением в должностях начальника академии и ординарного профессора (18.06.1919, отправился в Омск 26.06.1919). И.д. 1-го помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего (с 12.08.1919). В распоряжении начальника штаба Верховного главнокомандующего (с 01.10.1919). Повелением Верховного правителя сохранены права командующего неотдельной армией, коими пользовался по должности 1-го помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего (07.10.1919). Прибыл в Томск, вступил в должность начальника академии (с 27.10.1919, руководил академией до 23.10.1922). В командировке в Омск (06.11–08.12.1919). Председатель комиссии по разработке штатов воинских частей, штабов, учреждений, заведений и управлений военного ведомства Временного правительства Дальнего Востока (27.04–04.05.1920). Член русско-японской согласительной комиссии (с 07.05.1920). Вр.и.д. председателя комиссии (28.06–15.07.1920; 01.10–13.12.1920). По собственному желанию вышел из состава комиссии (16.12.1920). Избран гласным Владивостокской городской думы от 7-го округа (27.09.1921). Возглавлял учебный отдел Владивостокской городской управы (до 07.1922). Избран городским головой Владивостока (05.07.1922). По поручению правителя Приамурского земского края генерала М.К. Дитерихса участвовал в переговорах с японцами о передаче складов с оружием во Владивостоке русским властям и о задержке вывода японских войск (08–09.1922). В эмиграции в Харбине (Китай). Читал лекции по стратегии японскому наследному принцу Хирохито. Директор 1-го реального училища. Заведующий кафедрой финансового и железнодорожного права в Институте ориентальных и коммерческих наук. Член комитета дальневосточного общества ревнителей военных знаний. Умер от грудной жабы в Харбине, похоронен на Новом (Успенском) кладбище. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (06.12.1908), Св. Анны 3-й ст. (06.12.1911), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом за выполнение ряда ответственных поручений командующего 2-й армией генерала Самсонова в бою под Нейденбургом 13–16.08.1914 под огнем немцев (Высочайший приказ 11.12.1914),

Св. Станислава 2-й ст. с мечами за боевые отличия в сражении под Варшавой 28.09–08.10.1914 (17.01.1915; утв. 26.08.1915), Св. Владимира 3-й ст. за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий (Высочайший приказ 20.05.1915), мечи к ордену Св. Владимира 3-й ст. за боевые отличия у Лодзи 04–22.11.1914 (Высочайший приказ 30.09.1915), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» за боевые отличия при отходе от Лодзи в ночь 22–23.11.1914 (09.03.1915, утв. — Высочайший приказ 01.02.1916), Св. Анны 2-й ст. с мечами за боевые отличия в бою у Сморгони 11.09.1915 (приказ командующего гвардейским отрядом № 54. 05.04.1916), мечи и бант к ордену Св. Анны 3-й ст. за отбитие атаки германцев у Понеvejской железной дороги 06.06.1916 (приказ командующего 5-й армией № 1050. 02.11.1916), год старшинства в чине полковника за исполнение должностей Генштаба в полевых штабах действующей армии в течение настоящей войны за год с 18.07.1914 по 18.07.1915 (Высочайший приказ 15.08.1916), темно-бронзовые медали за труды по первой всеобщей переписи населения (разрешено носить 28.09.1898), в память войны с Японией (22.09.1906), светло-бронзовые медали в память 200-летия Полтавской победы (30.09.1909), 100-летия Отечественной войны 1812 г. (25.01.1913), 300-летия царствования дома Романовых (31.03.1913), за труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 г. (25.05.1915). Женат на дочери дворянина Александре Петровне Игнатъевой, по первому браку Родцевич-Плотницкой. Дети: Вера (06.09.1910), Всеволод (29.03.1914), Татьяна (27.12.1916). На попечении дети супруги от первого брака: Любовь (17.08.1903), Леонтий (25.12.1904), Ирина (24.08.1906).

Соч.: Военно-географическое исследование Афганистана как района наступательных операций русской армии. СПб., 1908; Служба связи в бою пехотного полка СПб., 1908; 1909; 1911; Учебник элементарной тактики. СПб., 1909; Военно-исторические примеры к лекциям по «Службе Генерального штаба». СПб., 1914; Встречный бой. Пг., 1918; Как создавалась Красная армия Советской России: уроки недавнего прошлого. Критико-исторический очерк. Владивосток, 1921; Железнодорожное право: Лекции, читанные на железнодорожных курсах при службе эксплуатации. Харбин, 1926; Пути к разрешению тихоокеанской проблемы. Харбин, 1926.

Антонович Александр Трифонович (23.08.1877–1937) — из потомственных дворян Черниговской губ. Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус (1896), Константиновское артиллерийское училище три класса по 1-му разряду, Николаевскую академию Генерального штаба два класса по 1-му разряду и дополнительный курс «успешно» (1907). Унтер-офицер (с 13.08.1897). Портупей-юнкер (с 15.12.1897). Подпоручик (с 09.08.1899 со ст. с 13.08.1897). Поручик (с 06.12.1903 со ст. с 09.08.1903). Штабс-капитан (за отличные успехи в науках в академии, с 07.05.1907). Капитан (с 26.11.1909). Подполковник (с 06.12.1914 со ст. с 06.12.1913). Полковник (с 06.12.1915, даровано ст. с 06.12.1914 (ПАФ 22.03.1917), со ст. с 06.12.1913 (ПАФ 17.10.1917), со ст. с 06.12.1911 (приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего от 17.03.1919)). Генерал-майор (с 27.06.1919). На службе с 30.08.1896 (срок службы считается с 01.09.1896). Зачислен по полевой пешей артиллерии с прикомандированием к гвардейской запасной пешей батарее (с 09.08.1899). Прибыл в батарею (09.09.1899). Переведен в батарею (06.08.1900 со ст. с 09.08.1899). Помощник заведующего батареей учебной командой (28.09.1900–07.04.1902). Поступал в Николаевскую академию Генерального штаба, но по старшинству среднего балла не был принят (1902). Поступил в академию (04.10.1903). С разрешения начальника академии отчислен от академии по болезни с правом поступления через год на дополнительный курс по конкурсу (23.09.1905). Зачислен на дополнительный курс (01.01.1907). Причислен к Генеральному

штабу (09.05.1907) и откомандирован от академии к штабу Петербургского военного округа для отбытия лагерного сбора. Прибыл (22.05.1907). Прикомандирован к лейб-гвардии Егерскому полку для 2-годового цензового командования ротой (16.10.1907). Прибыл командующим 3-й ротой (17.10.1907, принял роту 27.10.1907, сдал роту 25.12.1909). Переведен в Генеральный штаб с назначением старшим адъютантом штаба 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии с переименованием в капитаны (26.11.1909). Отправился к месту службы (07.01.1910). Участвовал в полевой поездке офицеров Генерального штаба Иркутского военного округа (17.05–15.07.1910). Помощник старшего адъютанта штаба Иркутского военного округа (04.09.1910). Назначен помощником старшего адъютанта отчетного отделения (08.10.1910). Командирован в Харбин для сопровождения окружного генерал-квартирмейстера штаба Иркутского военного округа (26.11–07.12.1910). Старший адъютант штаба 32-й пехотной дивизии (с 29.12.1910). Прикомандирован к штабу Иркутского военного округа до отправления к месту службы (22.01–20.02.1911). Прибыл к месту службы (10.03.1911). Участвовал в дивизионной полевой поездке со строевыми офицерами 32-й пехотной дивизии (14–25.05.1911; 15–25.04.1912; 03–13.05.1913; 06–17.05.1914). Вр.и.д. начальника штаба дивизии (05–08.07.1911). В командировке в Житомире (26.03–04.04.1912). Участвовал в полевой поездке офицеров Генерального штаба Киевского военного округа (06–21.05.1912; 16–25.05.1913). Участвовал в полевой поездке офицеров ГУГШ (26.05–08.06.1912). В командировке в Кременчуг по секретному поручению (03–12.09.1912). В командировке в Киев по секретному поручению (05–08.01.1913). Участвовал в корпусной полевой поездке строевых офицеров XI армейского корпуса (20–29.04.1913; 23.04–03.05.1914). В командировке в Острог по секретному поручению (12–17.09.1913). В командировке в м. Белая Церковь по секретному поручению (19–27.09.1913). Участник Первой мировой войны. В бою у с. Скваржава (13.08.1914), у с. Бортково (14.08.1914), у с. Куровицы, Альфредовка, Лашки-Крулевские (15–17.08.1914), у с. Черношевицы и Германовка (18.08.1914), у с. Сосники (22.08.1914), у с. Бурукинталь, Поддубце, Униов, Михалувка (24–25.08.1914), у станции Зелена, с. Сенковцы, фольварка Гуйче, с. Заборце — бои за Раву Русскую (26–30.08.1914), в боях за переправу на р. Сан у м. Радымно (07–08.09.1914), в блокаде крепости Перемышль (12–18.09.1914). Назначен для занятия штаб-офицерской должности в армии генерала Селиванова, куда и отправился (22.09.1914). Прибыл в штаб Блокадной армии и назначен и.д. старшего адъютанта штаба (25.09.1914). Во временной командировке в распоряжение командира XXIX армейского корпуса (26.09–29.10.1914). И.д. начальника штаба XXIX армейского корпуса (27.09–28.10.1914). И.д. старшего адъютанта разведывательного отдела генерал-квартирмейстера штаба Блокадной армии (с 12.10.1914). И.д. старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии (с 16.11.1914). Вр.и.д. штаб-офицера для поручений при командующем 11-й армией (13.10.1914). Командирован в штаб 3-й армии для назначения на должность начальника штаба 61-й пехотной дивизии (07.02.1915). И.д. начальника штаба 61-й пехотной дивизии (с 29.01.1915, прибыл 16.02.1915). И.д. начальника штаба 49-й пехотной дивизии (с 11.05.1915, вступил в должность 13.05.1915, сдал должность 04.08.1916). Допущен к командованию 9-м Сибирским гренадерским полком (02.08.1916, вступил в должность 18.10.1916, утв. 19.10.1916). Участвовал в перестрелке с противником на позиции у м. Затурцы (19.10–13.12.1916) и у м. Шельвов (14–25.12.1916; 05.01–27.02.1917; 16–23.03.1917; 29.03–14.05.1917). И.д. начальника штаба 3-й гренадерской дивизии (13.05.1917, вступил в

должность 15.05.1917). Дивизия занимала позиции от северной опушки Шельвовского леса до Шельвовской лощины. Вр.и.д. начальника штаба XXV армейского корпуса (с 15.06.1917), утвержден. Вр. командующий XXV армейским корпусом (с 01.02.1918). Участник Гражданской войны. Прибыл в Николаевскую военную академию и допущен к и.о. заведующего слушателями (05.07.1918). Правитель дел академии (Приказ войскам Сибирской армии от 18.09.1918). Назначен начальником 1-х Томских пехотных военно-училищных курсов (29.03.1919). Назначен и.д. дежурного генерала при Верховном главнокомандующем (29.04.1919). Срочно командирован в распоряжение штаба Верховного главнокомандующего и сложил с себя обязанности (01.05.1919). Отправился в Ставку (06.05.1919). Штатный преподаватель военных наук Военной академии (с 06.10.1919). Начальник штаба сухопутных и морских сил Приморской области (с 09.04.1920). Уволен с военной службы, остался на Дальнем Востоке после ухода белых, арестован, освобожден. Умер в тюрьме в СССР. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (06.12.1903), Св. Анны 3-й ст. (06.12.1907) с мечами и бантом (09.08.1917), Св. Станислава 2-й ст. (04.03.1911), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (20.12.1914), Св. Анны 2-й ст. с мечами (27.03.1915), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (16.02.1915), Св. Владимира 3-й ст. с мечами (за отличия в делах против неприятеля, 26.08.1916), мечи и бант к ордену Св. Анны 3-й ст. (09.08.1917), светло-бронзовые медали в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. (15.08.1912) и 300-летия царствования дома Романовых (21.02.1913). Женат на дочери инженера-механика Антонине Федоровне Пелль (умерла в Петрограде 24.02.1917, погребена 08.03.1917). Дети: Георгий (04.10.1902), Евгения (07.10.1904), Сергей (22.02.1906). Супруга (на 1922) Анастасия Владимировна. Дети: Евгения (1904), Сергей (1906), Александр (1922).

Арнгольд 1-й Вальтер Эрнестович (05.08.1889–21.02.1969) — из потомственных почетных граждан Санкт-Петербурга. Евангелически-лютеранского вероисповедания. Окончил коммерческое училище В.Ф. Штюмера и военно-училищные курсы Тверского кавалерийского юнкерского училища по 1-му разряду (1910). Корнет (с 06.08.1910 со ст. с 06.08.1909). Поручик (с 10.09.1913 со ст. с 06.08.1913). Штабс-ротмистр (за боевые отличия, с 25.02.1916 со ст. с 19.07.1915). Ротмистр (с 11.05.1919 со ст. с 19.04.1917). На службе с 01.09.1908. В 1-м уланском Санкт-Петербургском полку (с 10.08.1910; 24.08.1914 полк переименован в 1-й уланский Петроградский генерал-фельдмаршала князя Меншикова полк). Предоставлено право ношения полкового знака (17.01.1911). Вр. командовал 5-м эскадронном (24.04–02.05.1912). Помощник начальника полковой учебной команды (15.10.1913–30.06.1914). Командирован для участия в скачках на императорском Царскосельском ипподроме (01–17.07.1914). Участник Первой мировой войны. Командирован в управление 1-й кавалерийской дивизии (25.07.1914). Летчик-наблюдатель 2-го Сибирского корпусного авиаотряда (с 01.02.1915). Адьютант командующего Особой армией (с 31.08.1916). В командировке в Ставке Верховного главнокомандующего (12.11.1916–23.02.1917). В командировке в штаб главнокомандующего Западным фронтом к месту нового служения бывшего командующего Особой армией генерала от кавалерии Гурко (с 18.04.1917). Личный адъютант при главнокомандующем армиями Западного фронта (с 16.04.1917). Отчислен от должности с назначением офицером в команду связи штаба армий Западного фронта (02.07.1917). Отправился в распоряжение главного начальника снабжений армий Западного фронта для назначения в конский запас (11.07.1917). Командирован в распо-

ряжение командира полуэскадрона при Николаевской военной академии (16.10.1917). Прибыл (20.10.1917). Полуэскадрон упразднен (09.03.1918). Квартирмейстер академии (с 01.04.1918). Участник Гражданской войны. Командирован в распоряжение дежурного генерала при Верховном главнокомандующем (06.05.1919). И.д. начальника 1-го отделения конского состава управления инспектора ремонтов и конских запасов (с 16.07.1919). Откомандирован в распоряжение начальника Военной академии (21.10.1919). И.д. заведующего хозяйством академии (с 01.06.1920), утвержден (13.10.1920). Вр.и.д. правителя дел (с 15.05.1921). Вр.и.д. заведующего типографией (20.12.1921–15.05.1922). Вр.и.д. правителя дел (на 10.1922). В эмиграции в Китае (Шанхай). Служил в муниципалитете французской концессии. Член Шанхайского офицерского собрания (1934–1946) — председатель ревизионной комиссии, хозяин собрания, член распределительного комитета. Переехал в США (Сан-Франциско). Член общества русских ветеранов Великой войны (с 12.12.1946), член правления общества. Умер во французском госпитале. Награды: Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (16.03.1915), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (04.05.1915), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (25.03.1914, утв. 1915), Св. Анны 2-й ст. с мечами, Св. Станислава 2-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, офицерский крест французского ордена Черной Звезды (01(14).07.1917), светло-бронзовые медали в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. (28.04.1912) и 300-летия царствования дома Романовых (21.02.1913). Женат на дочери потомственного дворянина Марии Андреевне Морозовой.

Архипов Михаил Николаевич (16.11.1885–10.02.1972) — родился в Гельсингфорсе, окончил 1-й кадетский корпус (1903), Павловское военное училище (1905), Санкт-Петербургский императорский археологический институт (1908), Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1911). Подпоручик (со ст. с 22.04.1905). Поручик (со ст. с 22.04.1909). Штабс-капитан. Капитан (со ст. с 07.05.1911). Подполковник. Полковник. На службе с 01.10.1903. В лейб-гвардии Измайловском полку. Командир роты лейб-гвардии Измайловского полка (01.11.1911–01.11.1913). Помощник старшего адъютанта штаба Омского военного округа (26.11.1913–15.04.1914). Старший адъютант штаба 4-й Финляндской стрелковой бригады (с 15.04.1914). Участник Первой мировой войны. В лейб-гвардии Волынском полку. И.д. штаб-офицера для поручений, начальник штаба XXII армейского корпуса. Старший адъютант штаба 4-й Финляндской стрелковой дивизии. И.д. начальника штаба 6-й Финляндской стрелковой дивизии. Командующий войсками Казанского военного округа. Заведующий слушателями Николаевской военной академии (04.1918). Участник Гражданской войны. Руководитель вербовочного бюро добровольцев в Стокгольме (1918). В антибольшевистских формированиях на Севере России (осень 1918–02.1920). Руководитель вербовочной комиссии в Стокгольме. Начальник штаба командующего русскими войсками Мурманского района (с 14.05.1919). В эмиграции в Финляндии. Первоначально в лагерях Лахти и Хермола. Представитель РОВС в Финляндии. С 1935 г. — в Хельсинки. Председатель объединения лейб-гвардии Измайловского полка. Сотрудник журнала «Военная быль» (с 1969). Умер в Фридрихсгаме (Финляндия). Награды: Георгиевское оружие (21.11.1915), орден Св. Георгия 4-й ст. (25.05.1917), Св. Владимира 3-й ст. с мечами (Постановление Временного правительства Северной области 01.12.1919). Супруга Лидия Павловна Ульянова. Дочь.

Баиов (Байов) Алексей Константинович (08.02.1871–08.05.1935) — из дворян Киевской губ., родился в Умани. Сын генерал-лейтенанта Константина Алексеевича Баиова. Окончил Владимирский Киевский кадетский корпус (1888), 2-е военное Константиновское училище (1890) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1896). На службе с 31.08.1888. Подпоручик гвардии (со ст. с 10.08.1890). Поручик (со ст. с 10.08.1894). Штабс-капитан гвардии (со ст. с 17.05.1896). Капитан Генерального штаба (со ст. с 17.05.1896). Подполковник (со ст. с 06.12.1900). Полковник (со ст. с 06.12.1905). Генерал-майор (со ст. с 06.12.1911). Генерал-лейтенант (с 23.12.1915 со ст. с 06.12.1915). В лейб-гвардии Егерском полку. Состоял при Виленском военном округе. Помощник старшего адъютанта штаба Виленского военного округа (04.02.1897–26.11.1898). Обер-офицер для поручений при штабе Виленского военного округа (26.11.1898–01.01.1901). Командир роты 105-го пехотного Оренбургского полка (03.10.1898–03.10.1899). Начальник строевого отделения штаба Брест-Литовской крепости (01.01–17.01.1901). Помощник делопроизводителя (17.01–24.11.1901), делопроизводитель (с 24.11.1901–16.11.1902) генерал-квартирмейстерской части Главного штаба. Штаб-офицер, заведующий обучающимися в Николаевской академии Генерального штаба (16.11.1902–14.12.1904). Правитель дел Императорской Николаевской военной академии (с 14.12.1904). Экстраординарный профессор академии (27.06–03.10.1906). Обыкновенный профессор академии (с 03.10.1906). Командир батальона лейб-гвардии Егерского полка (08.05–11.09.1908). Участник Первой мировой войны. Начальник штаба VI Сибирского армейского корпуса (с 06.09.1914). Начальник штаба XXIV армейского корпуса (с 30.09.1914). Генерал-квартирмейстер штаба 3-й армии (с 01.04.1915). И.д. начальника штаба 3-й армии (с 06.06.1915, утв. 23.12.1915). Начальник 42-й пехотной дивизии (с 18.04.1917). Обыкновенный профессор Николаевской военной академии (с 19.06.1917). Командир I армейского корпуса (с 22.10.1917). Обыкновенный профессор Николаевской военной академии (с 16.12.1917). Участник Гражданской войны. В РККА. Остался в Петрограде. На службе в Главархиве (1918–1919). В распоряжении Петроградского окружного комиссариата военно-учебных заведений (на 07.1919). Перешел на сторону белых при занятии войсками Н.Н. Юденича Гатчины. В Северо-Западной армии. Председатель ревизионной комиссии (до 01.03.1920). В эмиграции в Эстонии. Преподаватель военного училища и курсов Генштаба. Председатель объединения лейб-гвардии Егерского полка в Эстонии и объединения георгиевских кавалеров. Издавал газеты «Ревельское время» и «Ревельское слово». Умер в Ревеле. Крупный военный историк. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (1898), Св. Анны 3-й ст. (1905), Св. Станислава 2-й ст. (1908), Св. Владимира 3-й ст. (26.08.1912) с мечами (19.11.1914), Св. Станислава 1-й ст. с мечами (19.11.1914), Георгиевское оружие (24.02.1915), Высочайшая благодарность за труды в комиссии по организации празднования 200-летия Гангутской победы (16.03.1915), Св. Анны 1-й ст. с мечами (20.03.1915), Высочайшее благоволение (27.06.1915), Св. Георгия 4-й ст. (09.09.1915). Женат, сын (на 1914).

Соч.: Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Т. 1–2. СПб., 1906; Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1908. Вып. 1; Курс истории русского военного искусства. СПб., 1909–1913. Вып. 1–7; Генерал-фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский. М., 1911; Значение В.О. Ключевского для русской военно-исторической науки. СПб., 1911; Граф Дмитрий Алексеевич Милютин. СПб., 1912; История русской армии. Курс военных училищ. СПб., 1912. Вып. 1; Национальные черты русского военного искусства в романовский период нашей истории. СПб., 1913; Конспект по истории военного искусства в России. СПб., 1914 (в соавт. с С.Л. Марковым); Шелонская операция царя Иоанна III Васильевича и Шелонская битва в 1471 году 14 июля. Пг., 1915; Истоки великой мировой драмы и ее режиссеры. Таллин, 1927.

Богословский Борис Петрович (23.06.1883–18.07.1920) — уроженец Орловской губ. Из семьи врача, надворного советника, личного почетного гражданина Калужской губ. Окончил Орловский Бахтина кадетский корпус (1900), Михайловское артиллерийское училище по 1-му разряду (1903) и Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1912). Подпоручик (Высочайший приказ 10.08.1902 со ст. с 13.08.1901). Поручик (с 21.08.1905 со ст. с 13.08.1905). Штабс-капитан (с 01.09.1909 со ст. с 13.08.1909). Капитан (с 16.11.1914 со ст. с 13.08.1911). Подполковник (с 15.08.1916 со ст. с 06.12.1915). Полковник (06.12.1917). Генерал-майор (с 24.12.1918 со ст. с 06.12.1918). В службу вступил по окончании курса наук в Орловском Бахтина кадетском корпусе в Михайловское артиллерийское училище юнкером рядового звания (30.08.1900). Унтер-офицер (с 08.05.1901). Португей-юнкер (с 09.04.1902). Во 2-й гренадерской артиллерийской бригаде (с 10.08.1902). Отправился к месту служения с увольнением в 28-дневный отпуск (20.08.1902). Зачислен в списки 6-й батареи (23.08.1902). Прибыл (19.09.1902). Делопроизводитель 6-й батареи (29.10–01.12.1902). Вр. заведующий бригадным лазаретом (17.02.1903–20.03.1904). Заведующий бригадным лазаретом (с 19.03.1903). Прикомандирован к управлению бригады для письменных занятий (с 03.10.1903). Вр.и.д. бригадного адъютанта (21.10–05.12.1903). Отчислен от должности заведующего бригадным лазаретом (20.03.1904). Делопроизводитель батареи и заведующий учебной кузницей (с 20.03.1904). Назначен на должность 2-го старшего офицера 6-й батареи с отчислением от должности делопроизводителя (18.12.1904). Заведующий хозяйством батареи (16.03–18.07.1905). Заведующий ремонтной конюшней (05.10.1905–01.11.1907). Отчислен от должности 2-го старшего офицера 6-й батареи (30.09.1905). Помощник заведующего бригадной учебной командой (01.10.1905–31.03.1906). Адъютант 1-го дивизиона (07.12.1905). Переведен из 6-й батареи в 1-ю батарею (07.12.1905). Отчислен от должности адъютанта 1-го дивизиона с назначением бригадным казначеем (24.08.1906). Заведующий бригадными банями (с 07.08.1907). Назначен на должность 2-го старшего офицера 3-й батареи с и.д. бригадного казначея (01.12.1907). Отправился в штаб Московского военного округа для держания предварительного экзамена в Николаевскую академию Генерального штаба (01.03.1908). Прибыл из командировки (10.03.1908). Заведующий хозяйством 3-й батареи (с 01.06.1908). Вр. командующий 3-й батареей (09–30.09.1908). Член бригадного суда (с 06.09.1908). Командирован в Императорскую Николаевскую военную академию для держания экзамена на поступление в академию (20.08.1909). По выдержании экзамена приказом по Генеральному штабу № 36 зачислен в младший класс академии (04.10.1909). Отчислен от академии к своей части (28.05.1912). Отправился (29.05.1912). Прибыл (14.06.1912). Назначен 1-м старшим офицером 4-й батареи (14.06.1912). Командирован в Тверь для производства сообщения офицерам 8-го гренадерского Московского полка (02.12.1912). Вернулся (04.12.1912). Командирован в Москву для производства сообщения офицерам полков 2-й гренадерской дивизии (10.12.1912). Вернулся (13.12.1912). Приказом по Генеральному штабу № 7 причислен к Генеральному штабу и прикомандирован для подготовки к службе Генерального штаба к штабу Московского военного округа (21.03.1913). Назначен предписанием начальника штаба округа в штаб XXV армейского корпуса, куда и отправился (27.04.1913). Прибыл в 12-й гренадерский Астраханский полк для цензового командования ротой (01.10.1913). Назначен командующим 2-й ротой (с 09.10.1913). Принял роту, все имущество и аванс в размере 30 руб. (12.10.1913). Командирован в управление 2-й гренадерской артиллерийской бригады для исполнения возложенно-

го на него секретного поручения (с 02.03.1914). Прибыл из командировки (11.03.1914). Командирован в корпусную полевую поездку (20–29.04.1914). Командирован в г. Чухлому для исполнения возложенного на него секретного поручения (18–26.05.1914). Участник Первой мировой войны. Ввиду объявления в полку мобилизации откомандирован к штатному месту служения (17.07.1914). Выступил в военный поход против Австро-Венгрии и Германии со штабом XXV армейского корпуса (02.08.1914). Участвовал с ним во всех боях до 01.09.1915. С 05.09.1915 в составе штаба 4-й армии. Получил травму коленной чашечки при езде на автомобиле (26.08.1914). Обер-офицер для поручений при штабе XXV армейского корпуса с переводом в Генеральный штаб (16.11.1914). Старший адъютант штаба корпуса (Высочайший приказ 20.12.1914). Допущен к и.д. штаб-офицера для поручений при штабе 4-й армии (31.08.1915), куда и отправился (05.09.1915). Прибыл к новому месту службы (09.09.1915). Назначен и.д. штаб-офицера для поручений при штабе 4-й армии (02.10.1915). Утв. в занимаемой должности (15.08.1916). В командировке в штаб V армейского корпуса (19.02–02.04.1916). В командировке в штаб X армейского корпуса (с 18.06.1916). Возвратился из командировки в штаб III Кавказского армейского корпуса (03.07.1916). Находясь в X армейском корпусе для исполнения возложенного на него командующим армией поручения, при переходе с одного наблюдательного пункта на другой при разрыве неприятельского артиллерийского снаряда получил контузию в голову (25.09.1916). Вр.и.д. старшего адъютанта разведывательного отделения штаба 4-й армии и принял суммы отделения (16.11.1916). Допущен к и.д. старшего адъютанта разведывательного отделения штаба 4-й армии (19.11.1916). Перешел границу Румынии (03.12.1916). Старший адъютант разведывательного отделения (30.01.1917). Штаб-офицер, заведующий обучающимися офицерами в Военной академии (с 21.10.1917). Участник Гражданской войны. В феврале 1918 г. вступил в РККА и получил предложение сформировать генерал-квартирмейстерскую часть штаба Петроградского военного округа. Назначен начальником этой части. Откомандирован в Екатеринбург в распоряжение начальника Военной академии (17.04.1918). Командующий 3-й армией Восточного фронта красных (23.07.1918). Перешел к белым (не позднее 27.07.1918). Начальник штаба Средне-Сибирского корпуса (с 28.07.1918). И.д. начальника штаба Восточного отряда Р. Гайды вместо погибшего полковника Б.Ф. Ушакова (с 18.08.1918). Начальник штаба Екатеринбургской группы войск (12.10–24.12.1918). Вр.и.д. начальника штаба Сибирской армии (с 24.12.1918). Утв. (04.01.1919). Откомандирован в Омск в распоряжение штаба Верховного главнокомандующего (01.07.1919). Инспектор школ и пополнений Восточного фронта (с 02.08.1919). Штатный преподаватель Военной академии (с 22.07.1919 — приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего № 1132. 25.09.1919). Начальник управления генерала для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего (с 02.10.1919). Начальник штаба Восточного фронта (с 12.12.1919). Ранен на станции Ачинск при взрыве эшелона со снарядами (29.12.1919). Бросив главнокомандующего и штаб, прибыл по собственной инициативе в Красноярск, в штаб 30-й стрелковой дивизии РККА (06.01.1920). Получил предписание отправиться в Томск, в распоряжение разведывательного отделения штаба 5-й армии. Прибыл в Томск и прикомандирован к разведывательному отделению штаба (20.01.1920). Направлен в особую комиссию по регистрации военнопленных и перебежчиков, арестован сотрудниками особого отдела 5-й армии (23.01.1920). Направлен в Красноярскую тюрьму. В распоряжении полномочного представителя ВЧК по Сибири (с 23.06.1920). Содержался в Омской тюрьме, где президиумом полномочного пред-

ставительства ВЧК по Сибири приговорен к расстрелу (17.07.1920). Расстрелян. Реабилитирован прокуратурой Омской области (29.12.1991). Награды: Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (18.05.1915), Св. Анны 2-й ст. с мечами (30.01.1915), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (Высочайший приказ 07.01.1915), Св. Анны 3-й ст. (за отличные успехи в науках в академии, 19.05.1912), мечи и бант к ордену Св. Анны 3-й ст. (приказ войскам 4-й армии № 1888. 12.01.1916; утв. — дополнение к ПАФ 04.03.1917), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (приказ по 9-й армии № 37. 29.01.1915; утв. — Высочайший приказ 28.08.1915), Св. Станислава 3-й ст. (24.06.1907), мечи и бант к ордену Св. Станислава 3-й ст. (приказ по 4-й армии № 949. 27.06.1915), светло-бронзовые медали в память 100-летия Отечественной войны 1812 г., 300-летия царствования дома Романовых, Высочайшее благоволение за отличие в делах против неприятеля (06.02.1917), Георгиевское оружие за отличия в делах против неприятеля «за то, что, состоя старшим адъютантом штаба XXV армейского корпуса, во время боев под д. Эгерсдорф, с 6-го по 9-е июля 1915 года, своей доблестной и самоотверженной деятельностью, неоднократно подвергая свою жизнь явной опасности, действительно способствовал к достижению задачи, поставленной отряду, — удержать стремительный натиск противника, причем было захвачено в плен 16 офицеров и 1138 нижних чинов» (приказ войскам 4-й армии № 1524. 31.10.1915, утв. 16.08.1916), английский орден Св. Михаила и Георгия 3-го класса (1917), Св. Георгия 4-й ст. (06.01.1919, за взятие Перми), французский Военный крест (Croix de Guerre) с пальмовой ветвью (05.02.1919), Св. Владимира 3-й ст. с мечами (21.05.1919). Женат первым браком с бракоразведенной женой штабс-ротмистра Марией Иосифовной Альтман. Жена православного вероисповедания.

Болдырев Василий Георгиевич (05.04.1875–20.08.1933) — из крестьян Симбирской губ., сын купца, занимавшегося кузнечным производством, уроженец Сызрани. Окончил Пензенское землемерное училище, военно-топографическое училище по 1-му разряду (1895) и Николаевскую академию Генерального штаба два класса по 1-му разряду и дополнительный курс «успешно» (1903). Подпоручик корпуса военных топографов (с 23.09.1895 со ст. с 08.08.1894). Поручик (с 06.12.1898 со ст. с 08.08.1898). Штабс-капитан (за выслугу лет, 06.12.1901 со ст. с 08.08.1901). Капитан (за отличные успехи в науках в академии, с 23.05.1903). Подполковник (с 06.12.1908). Полковник (с 06.12.1911). Генерал-майор (с 08.1915 со ст. с 26.6.1915). Генерал-лейтенант (с 29.04.1917). На службе с 01.10.1893 в военно-топографическом училище юнкером рядового звания. Унтер-офицер (22.04.1894). Начальник отделения (28.09.1894). Португей-юнкер (16.03.1895). За каждый год обучения в училище обязан прослужить полтора года (01.10.1895–01.10.1898). Прикомандирован к лейб-гвардии Гренадерскому полку на 6 месяцев «для усовершенствования в строевом образовании и ознакомления с бытом войск» (15.10.1895–15.04.1896). На топографической съемке Финляндии (с 06.04.1896). Прикомандирован к 95-му пехотному Красноярскому полку на полтора года для предоставления права на поступление в Николаевскую академию Генерального штаба. Отправился и прибыл (10–11.02.1899). Командирован в Николаевскую академию Генерального штаба (20.08.1900). Зачислен в академию слушателем (12.10.1900). Причислен к Генеральному штабу и откомандирован от академии к штабу Петербургского военного округа для отбытия лагерного сбора (27.05.1903). Участник Русско-японской войны. Трижды ранен. Преподавал в Императорской Николаевской военной академии (1911–1914). Экстраординарный профессор (с 1914). Участник Первой мировой войны, генерал-

квартирмейстер штаба армий Северного фронта (с 08.09.1916), командир XLIII армейского корпуса (с 19.04.1917), командующий 5-й армией (с 09.09.1917). Арестован большевиками (12.11.1917), освобожден 02.03.1918. Один из руководителей «Союза возрождения России» (03.1918). Направлен для организации борьбы с большевиками в Поволжье (07.1918). Участник Государственного совещания в Уфе (08–23.09.1918). Избран членом Директории (Временного Всероссийского правительства). Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами России (24.09–18.11.1918). С приходом к власти адмирала А.В. Колчака уехал в Японию (формально 21.11.1918 командирован за границу). Вернулся 16.01.1920 во Владивосток, где 23.03.1920 назначен на должность председателя комиссии при Военном совете Приморской областной земской управы по разработке военных и военно-морских законопроектов. Прибыл в Военную академию (01.02.1920). Экстраординарный профессор. Командующий сухопутными и морскими силами Дальнего Востока (08.04–12.12.1920, Временное правительство Приморья). После установления советской власти арестован, находился в заключении (05.11.1922–08.1923, Новониколаевск). Освобожден после обещания служить большевикам. Полностью амнистирован в 1926 г. До осени 1928 г. работал в Сибгосплане (крайплане) консультантом, с 1927 г. — руководитель конъюнктурного бюро. С 1926 г. — член совета и правления Общества изучения Сибири. Научный сотрудник Западносибирского института промышленных экономических исследований (до 1933). Член редакции «Сибирской советской энциклопедии». Повторно арестован 23.02.1933, обвинен по сфабрикованному делу о контрреволюционном заговоре (всего по делу проходило свыше 1700 человек) и по решению Коллегии ОГПУ расстрелян в Новосибирске. Награды: Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1906), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1907), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1907), Св. Анны 3-й ст. (1907) с мечами и бантом (1915), Св. Анны 2-й ст. (1909) с мечами (1915), Св. Владимира 3-й ст. с мечами (1914), Св. Георгия 4-й ст. (1915), Георгиевское оружие (1915), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1915), Высочайшее благоволение (1915), Св. Владимира 2-й ст. с мечами (1916), Св. Станислава 1-й ст. с мечами (1917), Св. Анны 1-й ст. с мечами (1917). Супруга на 1921 г. Любовь Витальевна. Дети: Сергей, Всеволод, Василий, Константин.

Соч.: Бой на р. Шах. СПб., 1905; Осада и взятие Риги русскими войсками в 1709–1710 гг. Рига, 1910; Автомобиль и его тактическое применение. Лекции, читанные в Академии Генерального штаба. СПб., 1912; Атака укрепленной позиции. Действия артиллерии. СПб., 1912; Атака укрепленных позиций. Тактическое исследование на почве исторических примеров. СПб., 1914; Директория. Колчак. Интервенты. Новониколаевск, 1925; Сибирский край в цифрах. Новониколаевск, 1925 (в соавт. с П.А. Гуриновичем); Районированная Сибирь. Краткий культурно-экономический очерк округов. Новониколаевск, 1926; Энергетические ресурсы Ойротии. Новосибирск, 1932.

Витковский Василий Васильевич (01.09.1856–20.03.1924) — из дворян, уроженец крепости Новогеоргиевск Варшавской губ. Окончил Санкт-Петербургскую частную гимназию, Николаевское инженерное училище и геодезическое отделение Николаевской академии Генерального штаба по 1-му разряду (1885, малая серебряная медаль). Подпоручик (со ст. с 04.08.1875). Поручик (со ст. с 02.09.1878). Штабс-капитан (со ст. с 14.11.1882). Капитан (со ст. с 30.08.1885). Подполковник (со ст. с 24.04.1888). Полковник (со ст. с 05.04.1892). Генерал-майор (со ст. с 06.12.1900). Генерал-лейтенант (со ст. с 06.12.1909). На службе с 31.08.1872. В 1-м саперном батальоне. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Состоял в числе офицеров корпуса военных топографов (07.02–18.04.1885). Состоял на съемке в Финляндии (18.04–01.05.1885). Производитель геодезических работ на съемке

в Финляндии (01.05.1885–01.05.1889). Производитель астрономических работ на той же съемке (01.05.1889–08.02.1890). Помощник начальника геодезического отделения военно-топографического отдела Главного штаба (08.02.1890–01.03.1892). Экстраординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба (12.11.1897–27.12.1900). Штатный преподаватель высшей геодезии и топографии в Военно-топографическом училище (01.10.1891–27.05.1905). Ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба (27.12.1900–09.12.1907). Заслуженный ординарный профессор (с 09.12.1907). И.д. начальника академии (1915). В РККА (с 1918). Ординарный профессор Военно-инженерной академии РККА (с 24.01.1919). Умер в Петрограде. Похоронен на Смоленском православном кладбище. Выдающийся военный ученый-геодезист. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (1886), Св. Анны 3-й ст. (1890), Св. Станислава 2-й ст. (1895), Св. Анны 2-й ст. (1898), Св. Владимира 3-й ст. (1903), Св. Станислава 1-й ст. (1906), Св. Анны 1-й ст. (06.12.1913), Св. Владимира 2-й ст. (22.03.1915, «за отлично-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны», с 01.01.1915).

Соч.: Военная телеграфия. СПб., 1881 (2-е изд.: 1883); Пулковский горизонтальный круг. СПб., 1885; Формулы и таблицы для вычисления широт, долгот и азимутов. СПб., 1890; Геодезия. СПб., 1890; Записки высшей геодезии. СПб., 1891; Базисный прибор Едерина. СПб., 1892; О геодезических работах в Соединенных штатах Северной Америки. СПб., 1893; За океан. СПб., 1894 (2-е изд.: 1901); Мир планет. СПб., 1897; Картографические проекции. СПб., 1898; Практическая геодезия. СПб., 1898; Падающие звезды. СПб., 1900; Нивелирные рейки Штрауса. СПб., 1900; Топография. СПб., 1904; Записки топографии. СПб., б.г.; Картография. СПб., 1907; Практическая геодезия. СПб., 1911; Топография. Пг., 1915; Пережитое. Л., 1930; Топография. Л., 1940.

Волков Александр Николаевич — окончил бухгалтерские курсы. Коллежский секретарь, помощник заведующего бухгалтерской частью академии (на 1919–1921).

Вуич Борис Александрович (10.05.1881–?) — из потомственных дворян Херсонской губ. Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус, Елисаветградское кавалерийское училище по 1-му разряду (1903) и Офицерскую кавалерийскую школу «отлично» (1913). Корнет (с 10.08.1903 со ст. с 10.08.1902). Поручик (с 01.09.1906 со ст. с 10.08.1906). Штабс-ротмистр (с 01.09.1910 со ст. с 10.08.1910). Ротмистр (с 28.11.1914 со ст. с 10.08.1914). На службе с 01.09.1901. В 35-м драгунском (позднее — 12-м уланском) Белгородском полку (с 10.09.1903). Прикомандирован к придворной конюшенной части (22.08.1913–22.02.1914). Командирован в ГУГШ для занятий (10.04.1914). Участник Первой мировой войны. Младший офицер 12-го уланского Белгородского полка. Вр. командовал 1-м эскадром (18.08–23.10.1914). Принял 1-й эскадрон (06.11.1914). Участвовал в боях в Балиградской операции (12–21.12.1914), за обладание проходами в Карпатах (с 09.01.1915). Прикомандирован к Елисаветградскому кавалерийскому училищу сверхштатным младшим офицером (27.11.1915). Переведен в полуэскадрон Императорской Николаевской военной академии (15.12.1916). Взводный командир полуэскадрона при академии. Выбыл из полуэскадрона по его ликвидации на основании приказа по военному ведомству № 192. 09.03.1918 (01.04.1918). Участник Гражданской войны. Помощник преподавателя верховой езды академии (с 01.04.1918). Вр.и.д. квартирмейстера академии (с 07.05.1918). И.д. инструктора верховой езды (с 01.06.1918). Командирован в распоряжение дежурного генерала при Верховном главнокомандующем (06.05.1919). Награды: Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (за бой у д. Нагуевицы, 06.10.1914), Св. Анны 2-й ст. с мечами (за бой у Демнии, 29.08.1914), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (за бой у с. Руды,

17.08.1914), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (05.12.1914), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (05.12.1914), Св. Станислава 3-й ст. (за отличное окончание Офицерской кавалерийской школы, 08.11.1913) с мечами и бантом (за бои 17–20.01.1915, награжден 27.07.1915), медали в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. (26.08.1912) и 300-летия царствования дома Романовых (21.02.1913). Женат на дочери генерал-майора Леокадии Федоровне фон Герсдорф. Недвижимое имущество в Херсонской и Самарской губерниях.

Высогорец Евфимий Леонтьевич (20.01.1865–11.08.1921) — из крестьян Витебской губ. Окончил городское училище. Коллежский регистратор (с 09.05.1893). Губернский секретарь (с 07.07.1896 со ст. с 09.05.1896). Коллежский секретарь (с 18.06.1899 со ст. с 09.05.1899). Титулярный советник (с 23.06.1902 со ст. с 09.05.1902). Коллежский асессор (с 05.06.1905 со ст. с 09.05.1905). Надворный советник (с 15.08.1910 со ст. с 13.07.1910). Коллежский советник (с 03.08.1914 со ст. с 13.07.1914). Статский советник (с 23.10.1916 со ст. с 13.07.1916, на 1917). На службе с 14.12.1886. Делопроизводитель Велижского уездного воинского начальника (09.02.1893–29.11.1902). Чиновник для усиления Главного штаба (29.11.1902–21.03.1907) и ГУГШ (21.03.1907–13.07.1910). Столоначальник академии (13.07.1910–15.10.1914). Помощник делопроизводителя канцелярии начальника этапно-хозяйственного отдела штаба 10-й армии (15.10–19.12.1914). Помощник старшего адъютанта наградного отделения штаба 10-й армии (19.12.1914–10.06.1916). Делопроизводитель канцелярии этапно-хозяйственного отдела штаба 10-й армии (10.06–23.10.1916). Столоначальник академии (23.10.1916–12.10.1918). Секретарь академического комитета. Остался в Екатеринбурге по причине преклонного возраста и для охраны имущества академии (07.1918). Заведующий строевой канцелярией академии (12.10.1918–05.1919). Умер во Владивостоке. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (06.12.1905), Св. Анны 3-й ст. (1909), Св. Станислава 2-й ст. (06.12.1912), Св. Анны 2-й ст. (06.12.1914), Св. Владимира 4-й ст. (01.03.1915), Высочайшее благоволение (24.05.1915), чин статского советника (1916), болгарский орден Св. Александра 5-й ст. (разрешено принять и носить 10.01.1911). Супруга дочь губернского секретаря Вера Саввишна Ризо. Дети: Владимир (10.10.1900), Михаил (12.09.1902).

Гальченко Иван Иванович (27.05.1867–?) — окончил Санкт-Петербургскую народную техническую школу, выдержал экзамен при Санкт-Петербургском пехотном юнкерском училище на производство в классный чин. Коллежский регистратор (со ст. с 04.10.1898). Губернский секретарь (со ст. с 04.10.1901). Коллежский секретарь (со ст. с 04.10.1904). Титулярный советник (со ст. с 04.10.1907). Коллежский асессор (со ст. с 04.10.1910, на 07.1912). Надворный советник (со ст. с 04.10.1912, на 08.1914). Коллежский советник (с 09.10.1916 со ст. с 04.10.1916; на 1919). На службе с 18.11.1888. Чиновник на усиление Главного штаба с прикомандированием к Николаевской академии Генерального штаба для занятий (04.10.1898–28.08.1902). Казначей, столоначальник по квартирмейстерской части академии (с 27.08.1902, должность VI класса; на 1919). Самоотверженно работал в годы Русско-японской войны, первой русской революции и в годы Первой мировой войны, получал деньги из казначейства и государственного банка, в революционное время иногда с риском для жизни. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (06.12.1902), Св. Анны 3-й ст. (06.12.1906), Св. Станислава 2-й ст. (06.12.1910), Св. Анны 2-й ст. (01.01.1913), Св. Владимира 4-й ст. (06.12.1916).

Геруа Борис Владимирович (09.03.1876–28.02.1942) — сын генерал-майора, потомственного дворянина, уроженец г. Аулие-Ата. Окончил 1-й кадетский корпус, Пажеский корпус (1895), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1904). На службе с 01.09.1893. Подпоручик гвардии (с 12.08.1895). Поручик (с 12.08.1899). Штабс-капитан гвардии (с 12.08.1903). Капитан. Подполковник (с 29.03.1909). Полковник (с 25.03.1912). Генерал-майор (за боевые отличия, с 07.07.1916 со ст. с 30.08.1915 с утв. в должности). В лейб-гвардии Егерском полку. Участник Русско-японской войны (08.07.1904–22.11.1905). Старший адъютант штаба II армейского корпуса (с 10.06.1905). Обер-офицер для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем на Дальнем Востоке (с 25.08.1905). Старший адъютант штаба 42-й пехотной дивизии (с 02.01.1906). Командовал ротой в 168-м пехотном Миргородском полку (05.11.1906–07.11.1907). Приватный преподаватель военных наук в Киевском военном училище (с 01.09.1907). Прикомандирован к Киевскому военному училищу для преподавания военных наук (26.09.1908–07.12.1909). Член Императорского русского военно-исторического общества. Помощник делопроизводителя ГУГШ (с 07.12.1909). Приватный преподаватель военных наук Императорской Николаевской военной академии (с 01.02.1910). Экстраординарный профессор Императорской Николаевской военной академии (с 01.02.1912). Ординарный профессор Императорской Николаевской военной академии (с 18.02.1913). Командовал батальоном лейб-гвардии Егерского полка (07.05–29.09.1913). Участник Первой мировой войны (19.07.1914–22.09.1917). Начальник отделения управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (с 22.09.1914). Фактически (на основании приказа 3-й армии 23.09.1914) командовал 123-м пехотным Козловским полком (02.10.1914–02.04.1915). Начальник штаба 5-й пехотной дивизии (с 06.12.1914). Начальник штаба 31-й пехотной дивизии (с 23.02.1915). Командующий лейб-гвардии Измайловским полком (с 19.05.1915, утв. 07.07.1916). Генерал-квартирмейстер штаба войск гвардии (с 14.07.1916). Генерал-квартирмейстер штаба Особой армии (с 02.12.1916). И.д. начальника штаба 11-й армии (с 09.05.1917). Участник выступления генерала Л.Г. Корнилова. Ординарный профессор Николаевской военной академии (с 22.09.1917, на 1918). Участник Гражданской войны. В РККА. Ходатайствовал об увольнении от службы (14.09.1918). Начальник штаба Северного участка и Петроградского района (на 03–05.1918). Командирован для формирования революционной армии (17.05.1918). В распоряжении начальника ВГШ (с 28.09.1918). Пытался уволиться со службы по болезни (09–11.1918). Прикомандирован к организационному управлению ВГШ с назначением в распоряжение начальника ВГШ (с 28.11.1918). Прибыл по выздоровлению к месту службы (26.12.1918). Участник антибольшевистского подполья в Петрограде. Заболел в Петрограде (с 10.01.1919). Перешел из Советской России в Финляндию (01.1919). Председатель особой военной миссии по оказанию помощи белым армиям (в Великобритании, 1919–1920). Член объединения лейб-гвардии Егерского полка. Член учебного комитета Высших военно-научных курсов в Париже (1931). Председатель Измайловского союза (с 1939). Увлекался живописью. Умер в Культон-Сент-Мэре (Великобритания). Награды: Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1905), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1905), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1907), Св. Анны 2-й ст. (06.12.1910), Св. Владимира 4-й ст. (06.12.1913), Георгиевское оружие (Высочайший приказ 20.11.1915, за отличие в 123-м пехотном Козловском полку). Супруга София Эдуардовна. Дети: Владимир (умер в Великобритании 12.07.1977), Елена.

Соч.: Краткий путеводитель для ознакомления с Полтавским полем сражения и историческими памятниками г. Полтавы, относящимися к бою. Киев, 1909; Вооруженные силы Болгарии (по данным к 1 янв. 1911 г.). СПб., 1911; Маневр как средство достижения цели боя. СПб., 1912; Тактика технических войск. СПб., 1912; Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969–1970. Т. 1–2.

Гиссер Георгий Георгиевич (03.01.1872 – не ранее 1934) — реформатского вероисповедания. Окончил Санкт-Петербургскую частную классическую гимназию (1889), Михайловское артиллерийское училище (1892), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1899). Подпоручик (со ст. с 04.08.1892). Поручик (со ст. с 10.08.1894). Штабс-капитан (со ст. с 13.07.1897). Капитан (со ст. с 02.06.1899). Подполковник (со ст. с 28.03.1904). Полковник (со ст. с 13.04.1908). Генерал-майор (со ст. с 23.04.1915). На службе с 06.09.1889. В Динамюндской крепостной артиллерии. Состоял при Виленском военном округе. Старший адъютант штаба 30-й пехотной дивизии (26.11.1899–24.11.1901). Командир роты в 119-м пехотном Коломенском полку (01.10.1900–01.10.1901). Старший адъютант штаба IV армейского корпуса (24.11.1901–07.06.1902). Обер-офицер для поручений при штабе Виленского военного округа (07.06.1902–28.03.1904). Штаб-офицер для поручений при штабе Виленского военного округа (28.03–03.06.1904). Участник Русско-японской войны. Штаб-офицер для особых поручений при штабе VI Сибирского армейского корпуса (03.06.1904–18.06.1905). Начальник штаба 72-й пехотной дивизии (18.06.1905–11.11.1906). Командир батальона в 5-м Финляндском стрелковом полку (17.05–22.09.1906). Штаб-офицер для особых поручений при штабе XVII армейского корпуса (11.11.1906–02.03.1907). Помощник делопроизводителя (02.03.1907–06.04.1908), делопроизводитель (с 06.04.1908) ГУГШ. Участник Первой мировой войны. Командир 197-го пехотного Лесного полка (с 23.08.1914). Начальник штаба II армейского корпуса (10.11.1915–01.11.1916). Генерал-квартирмейстер штаба 11-й армии (с 01.11.1916). В распоряжении начальника Генерального штаба (с 25.02.1917). 2-й обер-квартирмейстер ГУГШ (с 22.06.1917). Экстраординарный профессор Николаевской военной академии (с 15.09.1917). Военный агент в Швеции (с конца 02.1918). Участник Гражданской войны. В РККА (02–10.1918). Откомандирован от занимаемой должности и вызван в Россию (приказ Наркомата 02.09.1918). В антибольшевистских формированиях Восточного фронта (1918–1922). В эмиграции в Швеции. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (1902) с мечами (03.06.1915), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1905), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1905), Св. Анны 2-й ст. с мечами (1906), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1906), Золотое оружие с надписью «За храбрость» (1907), Св. Владимира 3-й ст. (06.12.1911), Св. Станислава 1-й ст. с мечами (21.07.1916). Женат, 6 детей (на 1914).

Соч.: Военная география. Лекции. СПб., 1908 (в соавт. с Б.М. Колобакиным); Военная география России. СПб., 1910; Военная география. СПб., 1911; Швеция. СПб., 1912 (в соавт. с капитаном Пересвет).

Главацкий Николай Васильевич (15.01.1867 – не ранее 1931) — из дворян Волынской губ., уроженец Санкт-Петербурга. Окончил Ейское реальное училище, Одесское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду, два класса Николаевской академии Генерального штаба по 2-му разряду без перевода в Генеральный штаб (1895). Подпрапорщик (с 10.08.1885). Подпоручик (с 09.12.1885 со ст. с 01.09.1885). Поручик (с 06.05.1890 со ст. с 01.09.1889). Штабс-капитан (с 12.09.1900 со ст. с 06.05.1900). Капитан (с 06.12.1902 со ст. с 06.05.1901). Подполковник (с 09.12.1908). Полковник (с 06.12.1912 со ст. с 06.12.1912, устан. ст. с 06.07.1910). На службе в 134-м пехотном Феодосийском полку на правах вольноопределя-

ющегося 1-го разряда (с 12.07.1884). Прикомандирован к Одесскому пехотному юнкерскому училищу для и.о. младшего офицера (с 11.11.1898). И.д. помощника инспектора классов училища с переводом в него (с 17.11.1901). Инспектор классов Иркутского военного училища (с 06.02.1916). И.д. начальника Иркутского военного училища (с 26.06.1916, утв. 01.08.1917). Участник Гражданской войны. В антибольшевистских формированиях Востока России. Начальник штаба 1-й отдельной бригады (с 28.07.1918). Обер-квартирмейстер штаба IV Восточно-Сибирского армейского корпуса (с 04.10.1918). Начальник штаба отдельной Восточно-Сибирской армии (с 02.12.1918). Вр.и.д. начальника штаба Иркутского военного округа (с 25.12.1918). Вр.и.д. генерал-квартирмейстера штаба Иркутского военного округа (10.08–06.09.1919). Вр.и.д. начальника генерал-квартирмейстерского отдела штаба Иркутского военного округа. Преподавал тактику и топографию в офицерском батальоне Иркутской учебно-инструкторской школы и вел практические занятия по тактике и топографии в поле (06.05–25.09.1919). В распоряжении начальника Военной академии (с 01.09.1919). Штатный преподаватель черчения и съемки Военной академии (11.10.1919–15.06.1920). В резерве чинов при штабе войск (с 15.06.1920). С 02.1922 в НРА ДВР. Позднее — жил в СССР (Владивосток). Начальник школы среднего начальствующего состава милиции Дальневосточного края (1923–1925). Арестован ОГПУ (14.06.1927) по ст. 58-6 УК РСФСР, приговорен к году исправительно-трудовых лагерей, освобожден по амнистии. Вновь арестован (31.01.1931). Освобожден. Реабилитирован 26.04.2000. Награды: Св. Станислава 2-й ст. (1905), Св. Анны 2-й ст. (1911), Св. Владимира 4-й ст. (06.12.1914), Высочайшее благоволение (30.07.1915). Супруга Екатерина Гавриловна Токовенко. Дети: Николай (15.03.1901), Георгий (26.08.1907), Сергей (17.02.1917).

Доливо-Добровольский Борис Иосифович²²⁶⁹ (02.12.1873–19.09.1937) — из дворян, родился в Одессе в семье действительного статского советника, полковника гвардии в отставке И.Ф. Доливо-Добровольского (05.12.1824–1900). Окончил Морской кадетский корпус (1893). Мичман (с 17.09.1893). Лейтенант (с 05.04.1898). Капитан-лейтенант (с 11.06.1907). Капитан 2-го ранга (с 06.12.1907). Капитан 1-го ранга (за отличие по службе, с 06.12.1914). На службе с 1890. Назначен в Черноморский флот и зачислен в 34-й флотский экипаж (с 17.09.1893). Служил на эскадренном броненосце «Двенадцать Апостолов» (1894, 1896), учебном судне «Днестр» (1895), мореходной канонерской лодке «Черноморец» (1895–1896), крейсере 1-го ранга «Память Меркурия» (1896–1897) и крейсере 2-го ранга «Вестник» (1897–1898). Преподаватель в школе строевых квартирмейстеров (с 08.08.1898), состоял на крейсере 1-го ранга «Память Меркурия» (1898–1899), с учениками-квартирмейстерами совершил заграничное плавание на крейсере 2-го ранга «Джигит» (1899–1901). По возвращении на Черное море служил вахтенным начальником эскадренных броненосцев «Синоп» (1901), «Ростислав» (1901), ревизором строящегося эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический» (1902), вахтенным начальником учебного судна «Прут» (1902). Назначен заведующим царскими катерами и нижними чинами морских команд в Ливадии на время пребывания императора в Ялте (24.09.1902). Старший флаг-офицер штаба началь-

²²⁶⁹ Сведения о Б.И. Доливо-Добровольском любезно предоставлены к.и.н. А.Ю. Емелиным (Санкт-Петербург). Подробнее см.: *Денисов А.Н., Емелин А.Ю., Чистяков О.В.* Биографический справочник офицеров и морских чиновников Владивостокского отряда крейсеров (1904–1905 гг.) // Владивостокский отряд крейсеров 1904–1905 гг. (Биографический справочник и статьи) / под ред. В.Л. Ларина. Владивосток, 2012. С. 58–59.

ника учебного отряда Черноморского флота (1903). Флаг-офицер штаба командующего 1-й эскадрой флота Тихого океана вице-адмирала П.А. Безобразова (с 19.04.1904). На крейсерах 1-го ранга «Рюрик» (с 09.05.1904), «Россия» (с 11.05.1904), «Богатырь» (с 22.06.1904), «Россия» (с 04.09.1904), «Громобой» (с 02.10.1904). Старший флаг-офицер штаба командующего отрядом крейсеров Тихого океана контр-адмирала К.П. Иессена (с 01.01.1905). На крейсерах 1-го ранга «Россия» (с 01.04.1905), «Громобой» (с 20.11.1905). Убыл с крейсера в наличие экипажа (30.03.1906). Прикомандирован к Главному морскому штабу для занятий в военно-морском ученом отделе (с 17.04.1906). Прикомандирован к управлению Морского Генерального штаба (с 29.04.1906), обер-офицер штаба (с 24.05.1906). Штаб-офицер высшего оклада — начальник отделения иностранной статистики Морского Генерального штаба (с 08.09.1908). Старший офицер линкоров «Пантелеймон» (с 18.12.1909), «Слава» (с 25.04.1911). Отчислен от должности (16.09.1911). Уволен от службы по домашним обстоятельствам капитаном 1-го ранга с мундиром, пенсией и зачислением в морское ополчение по Петербургской губ. (15.11.1911). Определен на службу прежним чином капитана 2-го ранга (с 28.07.1914 со ст. с 19.08.1910) с зачислением во 2-й Балтийский флотский экипаж и прикомандированием к Морскому Генеральному штабу для занятий. Читал курс лекций по военно-морскому делу в Николаевской военной академии (1918). Продолжил службу в Рабоче-крестьянском Красном флоте (1918). Председатель русско-германской комиссии по морским вопросам (1918). Лектор военно-морского дела на курсах военной разведки при Наркомате морских дел (1919). Редактор Военно-морского отдела главной военно-научной редакции (1920). На преподавательской работе в военно-морской академии (с 1920). Преподаватель восточного отделения Военной академии РККА (с 1921). Профессор морской стратегии (с 1927). Заведующий кафедрой иностранных языков (с 1929). Уволен от службы в 1930-е гг., проживал в Орле, частный преподаватель английского языка. В 1937 г. арестован и расстрелян. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (06.12.1901), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом «за отличную распорядительность и мужество, проявленные во время крейсерства в Корейском проливе с 30-го мая по 7-е июня сего года» (16.06.1904, утв. 18.10.1904), Св. Станислава 2-й ст. с мечами «за оказанные мужество и распорядительность во время военных событий» (18.09.1905, утв. 14.11.1905), Св. Владимира 4-й ст. (29.03.1909), Св. Анны 2-й ст. (30.07.1915), Св. Владимира 3-й ст. (30.07.1916), Высочайшее благоволение (06.12.1916), кавалерский крест французского ордена Почетного легиона (разрешено принять и носить 09.08.1899), турецкий орден Меджидие 3-й ст. (разрешено принять и носить 17.02.1903), офицерский крест французского ордена Черной Звезды (разрешено принять и носить 01.03.1904), офицерский крест французского ордена Нишан-Эль-Ануар (разрешено принять и носить 12.06.1906), командорский крест французского ордена Черной Звезды (разрешено принять и носить 05.11.1909). Супруга (с 08.04.1909) Ксения Львовна (урожденная Брусилова; 03.08.1882), дочь вице-адмирала в отставке Л.А. Брусилова. Сын Лев (19.11.1910).

Дружинин Александр Сергеевич (24.05.1886–?) — окончил высшее начальное училище, выдержал экзамен во 2-й Ораниенбаумской школе прапорщиков, окончил пулеметный курс Офицерской стрелковой школы. Прапорщик (с 10.07.1915). Подпоручик (с 09.08.1916 со ст. с 06.02.1916). Поручик (с 09.11.1916 со ст. с 06.06.1915). Штабс-капитан (с 20.10.1917 со ст. с 24.01.1917). На службе с 19.07.1914. Участник Первой мировой войны. В пулеметном запасном полку. Младший офицер 9-й роты (14.08–15.09.1915). Младший офицер (до 14.02.1916),

начальник пулеметной команды 81-го пехотного Апшеронского полка (14.02–16.03.1916). Вр.и.д. начальника пулеметной команды (09.11.1916–30.01.1917). В командировке в школе младших офицеров при штабе III Кавказского армейского корпуса в качестве руководителя по ручному оружию и пулеметам (20.02–02.03.1917). Вр.и.д. полкового адъютанта (13.06–21.07.1917). Начальник пулеметной команды (09.02.1917–28.01.1918). Вр.и.д. заведующего складом учебных пособий академии (с 28.01.1918), и.д. библиотекаря академии (с 28.02.1918, по др. документам — с 01.07.1918). Остался в России (1922). Вр.и.д. заведующего хозяйством академии вместо эмигрировавшего В.Э. Арнгольда (с 04.11.1922) с и.о. библиотекаря. Награды: Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1916), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1916), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1917), Св. Анны 2-й ст. с мечами (02.07.1917). Женат, дочь.

Елчанинов Андрей Георгиевич (07.09.1868–1918) — окончил Симбирский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1894). Подпоручик (со ст. с 09.08.1888). Поручик (с 11.08.1890). Штабс-капитан (со ст. с 18.05.1894). Капитан (со ст. с 24.03.1896). Подполковник (со ст. с 06.12.1900). Полковник (со ст. с 06.12.1904). Генерал-майор (со ст. с 06.12.1910). Генерал-лейтенант. На службе с 29.08.1885. В 6-й артиллерийской бригаде. Состоял при Виленском военном округе. Обер-офицер для особых поручений при штабе IV армейского корпуса (07.03.1895–29.12.1899). Командир роты в лейб-гвардии Резервном пехотном полку (19.11.1898–19.12.1899). Помощник старшего адъютанта штаба Виленского военного округа (29.12.1899–14.09.1900). Штаб-офицер для поручений при штабе Виленского военного округа (14.09.1900–17.01.1901). Помощник делопроизводителя (17.01–24.10.1901), делопроизводитель (24.10.1901–01.05.1903) генерал-квартирмейстерской части Главного штаба. Командир батальона в лейб-гвардии Стрелковом полку (03.05–05.09.1902). Столоначальник Главного штаба (01.05–18.08.1903). Штаб-офицер, заведующий обучающимися в Николаевской академии Генерального штаба офицерами (18.08.1903–01.05.1906). Экстраординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба (06.02.1908–13.04.1909). Постоянный член главного крепостного комитета (20.01.1907–22.12.1909). Делопроизводитель ГУГШ (01.05.1906–14.09.1910). Ординарный профессор Императорской Николаевской военной академии (с 13.04.1909). Начальник крепостной части ГУГШ (14.09.1910–27.11.1913). Постоянный член крепостной комиссии при ГУГШ (22.12.1910–27.11.1913). Член артиллерийского комитета (16.11.1910–27.11.1913). Сопредседатель член инженерного комитета (18.11.1910–27.11.1913). Участник Гражданской войны. С 10.1917–1918, украинская армия, с 08.1918, РККА, на 08–09.1918, арестован как заложник. Исключен из списков Генштаба 12.10.1918 расстрелянным по постановлению Чрезвычайной следственной комиссии. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (1896), Св. Анны 3-й ст. (1902), Св. Станислава 2-й ст. (1906), Св. Анны 2-й ст. (1908), Св. Владимира 3-й ст. (06.12.1912). Женат.

Соч.: О самостоятельной коннице. СПб., 1907; Наш устав полевой службы. СПб., 1906; 1910; Тактика в действиях под крепостями: Опыт исторического исследования. СПб., 1910; Герои-офицеры в войну 1812 года. М., 1912; Герои-полководцы 1812 года. М., 1912; Народная война и герои из народа в 1812 г. СПб., 1912; Отечественная война. СПб., 1912; Современные взгляды на боевую подготовку и деятельность конницы. СПб., 1912; Державный дом Романовых. СПб., 1913; Царствование государя императора Николая Александровича. СПб., 1913.

Зиневич Александр Константинович (20.08.1869 – не ранее 1935) — из дворян Киевской губ. Окончил Киевское реальное училище, Киевское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду, два класса Николаевской академии Генерального штаба по 1-му разряду и дополнительный курс «успешно» (1903). Подпрапорщик (с 06.08.1889). Подпоручик (с 22.10.1889 со ст. с 01.09.1889). Поручик (с 01.08.1894 со ст. с 01.09.1893). Штабс-капитан (с 11.03.1901 со ст. с 06.05.1900). Капитан (с 23.05.1903, устан. ст. с 01.09.1901). Подполковник (с 06.12.1908). Полковник (с 06.12.1911, устан. ст. с 04.07.1909). На службе в 131-м пехотном Тираспольском полку на правах вольноопределяющегося 1-го разряда (с 20.08.1888). Переведен в 42-й резервный пехотный кадровый батальон (27.08.1889). Младший офицер Киевского пехотного юнкерского училища (с 06.02.1893). Отчислен от академии по окончании двух классов по домашним обстоятельствам в свою часть (05.12.1898). Командирован в 1-й кадетский корпус на должность воспитателя (30.01.1899). В запасе армейской пехоты (с 03.09.1899). На службе в охранной страже КВЖД (20.09.1899). Участник Китайского похода 1900 г. В 166-м пехотном Ровенском полку (с 07.07.1901). Командирован в Главный штаб для несения службы (08–12.08.1902). Командирован в Николаевскую академию Генерального штаба для прохождения дополнительного курса (29.11.1902–23.05.1903). Причислен к Генеральному штабу (05.06.1903). Командирован в 93-й пехотный Иркутский полк для командования ротой (23.10.1903). Командирован в штаб войск гвардии и Петербургского военного округа (05.11.1904). Переведен в Генштаб с назначением помощником старшего адъютанта штаба Одесского военного округа (с 16.01.1905). Командирован в м. Юзовку в распоряжение генерал-губернатора Юго-Горнозаводского района (11.11.1906–04.07.1907). Прикомандирован к Чугуевскому пехотному юнкерскому училищу для преподавания военных наук (06.09.1908). И.д. начальника войскового штаба Забайкальского казачьего войска (с 02.04.1912). Прикомандирован к 14-му Сибирскому стрелковому полку для цензового командования батальоном (29.04.1914). Участник Первой мировой войны (27.10.1914–04.03.1916). Начальник штаба 1-й Забайкальской казачьей бригады (с 18.09.1914). Начальник штаба 81-й пехотной дивизии (с 28.01.1915). Начальник штаба 18-й пехотной дивизии (с 03.04.1915). Командир 192-го пехотного Рымнического полка (с 23.06.1915). Директор 1-го Сибирского кадетского корпуса (12.02.1916–10.01.1918). Участник Гражданской войны. Поступил в Киеве на службу в Южную армию (31.08.1918). Командирован от Южной армии в Омск (31.08.1918). Прикомандирован к управлению дежурного генерала штаба Верховного главнокомандующего (с 01.01.1919). Командирован в Иркутское военное училище для преподавания военных наук (с 24.03.1919). Командирован в распоряжение 1-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем для назначения в действующую армию (с 24.09.1919). Прибыл в Военную академию для и.д. курсового штаб-офицера (с 01.12.1919). И.д. штаб-офицера, заведующего обучающимися в Военной академии офицерами (с 10.1919). В резерве чинов штаба войск во Владивостоке (с 15.06.1920). В эмиграции. Награды: Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, Св. Владимира 3-й ст. с мечами, Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом. Женат, 6 детей.

Иностранцев Михаил Александрович (26.07.1872–05.12.1938) — сын действительного статского советника, из дворян Санкт-Петербургской губ. Окончил Санкт-Петербургскую Ларинскую классическую гимназию, выдержал экзамен при 2-м военном Константиновском училище, окончил два класса и дополнительный курс Николаевской академии Генерального

штаба по 1-му разряду (1901). Ефрейтор (с 12.12.1891). Подпрапорщик (с 25.06.1892). Подпоручик (с 04.10.1892 со ст. с 04.08.1892). Поручик (с 06.12.1896 со ст. с 04.08.1896). Штабс-капитан (с 06.12.1900 со ст. с 04.08.1900). Капитан. Подполковник (с 06.12.1904). Полковник (за отличие по службе, с 06.12.1908). Генерал-майор (за отличие по службе). На службе с 12.09.1891. В лейб-гвардии Финляндском полку. Аdjутант 2-го батальона (02.05.1893–02.04.1896). Находился в составе коронационного отряда в Москве (28.04–02.06.1896). Зачислен в Николаевскую академию Генерального штаба (04.10.1897). По невыдержании экзамена отчислен (16.05.1898). Вновь зачислен в академию (07.10.1898). Причислен к Генштабу и назначен на службу в Петербургский военный округ (24.05.1901). За отличные успехи в науках в академии командирован во Францию с ученой целью (12.11.1901–04.06.1902). Переведен в Генштаб капитаном с назначением старшим адъютантом штаба I армейского корпуса (07.02.1902). Старший адъютант штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (04.06.1902). Прикомандирован к лейб-гвардии Финляндскому полку для командования ротой (01.10.1902–10.12.1903). Командирован в штаб войск гвардии и Петербургского военного округа (10.02.1904). Помощник старшего адъютанта штаба войск гвардии и Петербургского военного округа (с 08.03.1904). В полевой поездке офицеров Генштаба в Санкт-Петербургской и Выборгской губерниях (07–21.07.1904). Столоначальник 9-го отделения Главного штаба (с 13.12.1904). Помощник начальника отделения Главного штаба (с 28.03.1905). Помощник начальника отделения ГУГШ (25.06.1905–01.05.1906). Помощник делопроизводителя управления генерал-квартирмейстера ГУГШ (01.05.1906). В части 1-го обер-квартирмейстера (с 04.05.1906). Прикомандирован к Санкт-Петербургскому пехотному юнкерскому училищу для преподавания военных наук (11.03.1907, 01.09.1909 училище переименовано в Санкт-Петербургское военное, 31.05.1910 — во Владимирское военное училище). В лейб-гвардии Московском полку для цензового командования батальоном (20.05–21.09.1910). Откомандирован в Императорскую Николаевскую военную академию (12.05.1913). Экстраординарный профессор Императорской Николаевской военной академии (21.06.1914). Участник Первой мировой войны. Начальник штаба 67-й пехотной дивизии (с 08.11.1914). Командир 8-го Финляндского стрелкового полка (с 07.02.1915). Генерал для поручений при ГУВУЗе (с 02.1916). Ординарный профессор Николаевской военной академии (с 15.09.1917). Участник Гражданской войны. Генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем (09.1919–04.11.1919). Прибыл к 1-му эшелону академии в Иркутске (19.11.1919). Подал рапорт об отставке (17.03.1920). Уехал из России. Уволен в отставку (16.08.1920). Награды: Св. Анны 3-й ст. (01.01.1906), Св. Станислава 2-й ст. (06.12.1911), Св. Станислава 3-й ст. (06.12.1904), черногорский орден князя Даниила 3-й ст. (разрешено принять и носить 13.02.1912), медали: серебряные: на Александровской ленте в память царствования императора Александра III (26.02.1896), на Андреевской ленте в память священного коронования их императорских величеств (26.05.1896); светло-бронзовые: на Владимирской ленте в память Отечественной войны 1812 г. (05.11.1912) и 300-летия царствования дома Романовых (21.02.1913), темно-бронзовая за труды по всеобщей переписи населения Российской империи (05.04.1897), благодарность начальника Владимирского военного училища за приведение в порядок фундаментальной библиотеки училища (12.03.1913). Женат. Дети: Мария (03.09.1902), Александр (03.11.1903).

Соч.: Очерки быта и обучения французской пехоты. СПб., 1903; Отечественная война 1812 г. Операции 2-й Западной армии князя Багратиона от начала войны до Смоленска. СПб., 1914; Первое поручение адмирала Колчака

// Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1926. Т. 1. С. 95–108; История, истина и тенденция. По поводу книги ген[ерал]-лейт[енанта] К.В. Сахарова «Белая Сибирь» (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Прага, 1933.

Капустин Николай Яковлевич (30.04.1878–1927) — окончил Технологический институт императора Николая I (1902), выдержал офицерский экзамен и окончил Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1911). Прапорщик запаса (со ст. с 30.10.1903). Подпоручик (со ст. с 21.09.1904). Поручик (со ст. с 10.08.1906). Штабс-капитан (со ст. с 10.08.1910). Капитан (со ст. с 07.05.1911). Подполковник (с 10.04.1916 со ст. с 25.03.1915). Полковник (с 15.08.1917). На службе с 28.09.1902. В 22-й артиллерийской бригаде. Командир роты в 85-м пехотном Выборгском полку (01.11.1911–24.04.1913, зачтено за двухгодичное командование ротой). Старший адъютант штаба 46-й пехотной дивизии (с 06.04.1913). Участник Первой мировой войны. И.д. штаб-офицера для поручений при штабе XXV армейского корпуса. Штаб-офицер для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем (с 30.06.1916). Начальник оперативного отделения управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем. Начальник отделения 2-го отдела управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем. Участник Гражданской войны. В РККА. Штатный преподаватель военных наук Военной академии (Приказ по Генеральному штабу 19.03.1918). Из Казани уехал в отпуск в Москву к семье. Преподаватель Военно-инженерной академии РККА. Арестован (19.10.1920–11.1920). Старший руководитель групповых лекций Военной академии РККА (с 01.01.1922). Умер в Москве. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (1906) с мечами (12.03.1916), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1915), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (26.04.1915), Георгиевское оружие (02.06.1915), Св. Георгия 4-й ст. (11.12.1915), Св. Анны 2-й ст. с мечами (20.02.1917). Супруга Вера Афанасьевна. 2 детей (на 1914).

Касаткин Василий Николаевич (20.12.1885–31.03.1963) — родился в семье генерала в Каменце-Подольском. Окончил 1-й кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1902–1905), Императорскую Николаевскую военную академию (1911). Капитан. Подполковник. Полковник (с 1916). Генерал-майор (с 20.04.1919). В 18-м саперном батальоне. Старший адъютант штаба 50-й пехотной дивизии. Участник Первой мировой войны. В штабе 2-й армии. Старший адъютант штаба Западного фронта. Начальник общего отделения отдела генерал-квартирмейстера штаба Западного фронта. Назначен штаб-офицером, заведующим обучающимися в Николаевской военной академии офицерами (09.1917). Участник Гражданской войны. Штатный преподаватель Военной академии. В РККА (1918). В антибольшевистских формированиях на Восточном фронте. Главный начальник военных сообщений при Верховном главнокомандующем (до 12.08.1919). Предан военно-полевому суду (приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра № 887. 28.08.1919) за то, что «состоя в должности главного начальника военных сообщений при Верховном главнокомандующем, получив в мае месяце с.г. от служащего в комендатуре ст[анции] Омск поручика Еськова официальный доклад о вышеуказанных случаях злоупотребления (использование железной дороги с санкции коменданта станции Омск и начальника станции для частных нужд, взятки. — А.Г.), а равно сведения и от других лиц, будучи обязан по занимаемой должности и имея возможность принять немедленные меры к расследованию и пресечению таких злоупотреблений, он, генерал-майор Касаткин, никаких

мер не принял, вследствие чего таковые злоупотребления были обнаружены и расследованы лишь при возбуждении настоящего дела». Лишен некоторых прав и преимуществ по службе и приговорен к заключению в крепости на год и четыре месяца с исключением с военной службы, но по резолюции Верховного правителя адмирала А.В. Колчака «генерал-майору Касаткину, ввиду безукоризненной предшествовавшей его служебной деятельности и заслуг в деле июльской эвакуации фронта, заменяю определенное судом наказание заключением в крепости на шесть месяцев без исключения из службы и с отложением приведения этого наказания в исполнение до окончания войны» (02.09.1919). В эмиграции в Китае (Харбин). Служил на КВЖД (1920–1935). Владелец транспортной конторы (1935–1945). Преподаватель русского языка (1945–1952). Уехал из Азии (1959). Переехал во Францию. Умер в Шелль под Парижем, похоронен на местном кладбище. Награды: Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (04.04.1915), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (21.04.1915), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (07.05.1915), Св. Анны 2-й ст. с мечами (25.06.1915), Георгиевское оружие за бои под Варшавой (04.03.1917). Супруга скончалась 04.02.1952.

Соч.: На грани двух эпох (воспоминания, хранятся в Бахметевском архиве Колумбийского университета).

Кнященко Георгий Титович (04.04.1872–18.01.1940) — из потомственных почетных граждан г. Стародуба Черниговской губ. Окончил Киевскую военно-фельдшерскую школу (1889), Чугуевское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду (1897), Николаевскую академию Генерального штаба с дополнительным курсом по 1-му разряду (1908). Подпоручик (с 01.02.1898 со ст. с 01.09.1897). Поручик (с 15.05.1902 со ст. с 01.09.1901). Штабс-капитан (с 10.10.1905 со ст. с 01.09.1905). Капитан (за отличные успехи в науках в академии, с 02.05.1908). Подполковник (с 22.03.1915 со ст. с 06.12.1914; устан. ст. с 06.12.1912). Полковник (с 15.08.1916 со ст. с 06.12.1915; ПАФ 19.07.1917 устан. ст. с 06.12.1914; 17.03.1919 устан. ст. с 06.04.1914; 14.06.1919 устан. ст. с 06.06.1913). Генерал-майор (за особые отличия, с 27.06.1919). Младший фельдшер с прикомандированием для практических занятий к Киевскому военному госпиталю (30.05.1889). На службе с 22.06.1889. Младший медицинский фельдшер Киевского окружного военно-медицинского управления (с 18.07.1889). За отлично-усердную службу пожалован 6 руб. (01.08.1891). Старший медицинский фельдшер (с 01.12.1891). Переименован в кандидаты на классную должность (22.06.1892). Переведен во 2-й мортирный артиллерийский полк с тем же званием (02.09.1893), прибыл и зачислен (04.09.1893). Переведен в 17-ю конно-артиллерийскую батарею (с 15.10.1893), прибыл и зачислен (30.10.1893). Переименован по собственному желанию в строевые рядовые с переводом в 46-й пехотный Днепровский полк (22.06.1895). Прибыл и зачислен в 5-ю роту (08.07.1895). Младший унтер-офицер (с 23.07.1895). Отправлен в Чугуевское пехотное юнкерское училище для прохождения курса наук (23.08.1895), прибыл и зачислен в списки юнкеров младшего класса (28.08.1895). По выдержании экзамена переведен в старший класс (02.07.1896). Фельдфебель 1-й роты юнкеров (с 21.12.1896). Подпрапорщик с переводом в 130-й пехотный Херсонский его императорского высочества великого князя Андрея Владимировича полк (с 25.07.1897). Исключен из списков юнкеров (28.07.1897). Прибыл в полк (08.08.1897). Вр.и.д. батальонного адъютанта 1-го батальона (01–30.05.1898), 2-го батальона (14–23.06.1899). В составе войск на станции Низовка для охраны железнодорожного пути (20.09–10.10.1898). Участвовал в рекогносцировке районов для подвижных сборов (05–13.06.1898, 22–27.06.1900, 12–15.07.1900). Командирован в штаб 33-й пехотной дивизии для

вр.и.д. старшего адъютанта (28.08–13.09.1899), для письменных занятий (08.05–20.06.1900; 01.11.1900–06.01.1901; 03.04–03.09.1901). Вр.и.д. старшего адъютанта штаба 33-й пехотной дивизии (12.01.1902), утв. (09.04.1902) с оставлением в списках 130-го пехотного Херсонского полка. Командирован в полк для несения строевой службы (21.04.1903), прибыл (22.04.1903). Командирован в штаб Киевского военного округа для держания предварительного экзамена в Николаевскую академию Генерального штаба (01.06.1903). По невыдержании экзамена прибыл в полк (06.06.1903). Командирован в штаб 33-й пехотной дивизии, прибыл и вступил в должность старшего адъютанта (09.06.1903). Прибыл в полк (10.01.1904), отчислен от штаба дивизии (17.01.1904). Командирован в академию для держания вступительного экзамена и прибыл (20.08.1904). Вследствие невыдержания экзамена отчислен в свою часть (25.08.1904). Командирован в штаб XXI армейского корпуса для замещения должности старшего адъютанта (30.09.1904). Командирован в академию для держания экзамена (08.07.1905) и принят в академию. Причислен к Генеральному штабу (23.05.1908) и командирован в штаб Киевского военного округа для отбытия лагерного сбора. Присуждена премия имени генерала Зейфарта за лучшие съемки. Отбывал лагерные сборы при штабе XXI армейского корпуса (01–15.08.1908) и при штабе IX армейского корпуса (16.08–01.09.1908). Отправился в 48-й пехотный Одесский полк для цензового командования ротой (25.10.1908). Назначен командующим 15-й ротой (26.10.1908), принял роту (01.11.1908), сдал роту (03.03.1909). Прикомандирован к 130-му пехотному Херсонскому полку для командования ротой (29.01.1909), принял 15-ю роту (12.03.1909). В дивизионной полевой поездке (30.06–10.07.1910). Сдал роту по окончании двухлетнего срока командования (06.11.1910). Командирован в штаб XXI армейского корпуса (08.11.1910). Переведен в Генеральный штаб с назначением старшим адъютантом штаба I армейского корпуса (26.11.1910). Прибыл в штаб (23.12.1910). Командирован на поверочную мобилизацию 24-й артиллерийской бригады (05.1911), управления Люцинского уездного воинского начальника (09.1911), 148-го пехотного Каспийского полка (09.1912). Для ознакомления со службой во флоте командирован на 2 месяца на Балтийскую эскадру (06–07.1912). Для ознакомления с подрывным и телеграфным делом командирован в Усть-Ижорский лагерь (07.1913). Участник Первой мировой войны. В походе из Варшавы к Млаве (02–08.08.1914). В боях у Млавы (08.08.1914), Сольдау (12–15.08.1914), Нейденбурга (17.08.1914), Млавы (19.08.1914), Янова и м. Хоржеле (29–30.08.1914), в отходе корпуса к Бельску и в обратном движении к Варшаве (30.08–25.09.1914), в боях за Варшавой у с. Надаржин (27.09.1914), в боях под Варшавой (28.09–07.10.1914), в боях при преследовании германцев от Варшавы к р. Варте (08.10–02.11.1914), в боях под Лодзью и м. Брезины (05.11–01.12.1914), в отходе корпуса на р. Равка (02.12.1914), в боях I и IV армейских корпусов на Равке (02.12.1914–26.03.1915). И.д. штаб-офицера для поручений при штабе IV армейского корпуса (с 06.12.1914, назначен Высочайшим приказом 16.01.1915, утв. 22.03.1915). И.д. старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 5-й армии (с 27.03.1915), вступил в должность (28.03.1915, назначен Высочайшим приказом 14.04.1915). В рекогносцировке позиций на р. Пилице, а также Гроицких позиций (02–10.05.1915). Штаб переименован в штаб 12-й армии (27.05.1915), штаб расформирован (14.08.1915). В боях 12-й армии и отходе ее с Ломжинского и Остроленского направлений на Гродно (28.05–07.08.1915). И.д. начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Северного фронта (15.08.1915, назначен Высочайшим приказом 19.09.1915). Командирован в Ставку для вы-

яснения вопросов по службе Генерального штаба (13–22.02.1916). И.д. штаб-офицера для делопроизводства и поручений Ставки Верховного главнокомандующего (с 30.07.1916). И.д. начальника особого делопроизводства по службе Генерального штаба действующей армии управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем (04.10.1917). Штатный преподаватель Николаевской военной академии (с 16.12.1917) с зачислением по армейской пехоте. Прибыл в академию (14.02.1918). Преподаватель черчения и съемки академии. Начальник штаба округа I Средне-Сибирского корпуса с оставлением в должности штатного преподавателя (28.10.1918), вступил в должность (29.10.1918). Вследствие упразднения корпусного округа прибыл в академию после ликвидации штаба округа (01.03.1919). И.д. главного полевого интенданта при Верховном главнокомандующем (допущен 25.04.1919, назначен 19.05.1919). Начальник военных сообщений Дальневосточного района с оставлением в должности штатного преподавателя академии (с 27.06.1919). Член междусоюзного совета по воинским перевозкам, дальневосточного порайонного комитета и Дальневосточной комиссии по военным снабжениям. В эмиграции — в США. Редактор и издатель газет «Наша газета», «Наше слово», журнала «Вера и правда» (Сан-Франциско). Умер в Сан-Франциско. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (06.12.1911), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (17.11.1914), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (30.11.1914), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (06.02.1915), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (27.04.1915), бухарский орден Золотой Звезды 1-й ст. (1917), медали: в память 100-летия Отечественной войны 1812 г., 300-летия царствования дома Романовых и за труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 г. на ленте ордена Белого Орла (11.01.1916). Женат на дочери мирового судьи, потомственной дворянке Наталии Николаевне Лаханиной, уроженке Санкт-Петербургской губ. Дети: Евгений (19.02.1913), Нина (18.07.1917).

Князев Михаил Михайлович — уроженец Московской губ. Подполковник. Заведующий хозяйством в 5-м отдельном самокатном батальоне. Помощник бухгалтера академии (15.03–12.10.1918), помощник заведующего бухгалтерской частью (с 12.10.1918), заведующий академической лавкой (24.01–05.05.1919), командирован в распоряжение дежурного генерала Ставки Верховного главнокомандующего (06.05.1919). Попал в плен. В резерве чинов Московского военного округа (на 15.10.1920).

Колюбакин Борис Михайлович (12.06.1853–1924 (по др. данным, 04.1923)) — из дворян Симбирской губ., уроженец Казанской губ. Окончил 2-ю Московскую военную гимназию, 1-е военное Павловское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1885). Портупей-юнкер (с 01.04.1872). Подпоручик (с 12.09.1872). Поручик (за боевые отличия, с 26.12.1877 со ст. с 12.06.1877). Штабс-капитан (с 18.12.1880 со ст. с 18.12.1878). Капитан (с 29.03.1885). Подполковник (с 01.04.1890). Полковник (с 17.04.1894). Генерал-майор (с 14.04.1902). Генерал-лейтенант (с 06.12.1909). На службе с 05.08.1870. В 1-м стрелковом Кавказском полку (с 1872). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 38-й артиллерийской бригаде (с 28.12.1884). Причислен к Генеральному штабу и назначен в Одесский военный округ (01.04.1885). Переведен в Генеральный штаб с назначением для особых поручений при штабе VII армейского корпуса (18.01–19.06.1886). Старший адъютант штаба 38-й пехотной дивизии (с 19.06.1886). Прикомандирован к 149-му пехотному Черниговскому полку для командования ротой (31.10.1886–04.03.1887).

Помощник старшего адъютанта штаба Казанского военного округа (с 30.05.1887). Прикомандирован к 8-му Эстляндскому полку для командования ротой (24.09.1887–30.10.1888). Старший адъютант штаба XV армейского корпуса (с 21.01.1888). И.д. штаб-офицера для поручений V армейского корпуса (с 12.11.1889). Для поручений при штабе Варшавского военного округа (с 31.05.1890). Штаб-офицер при управлении начальника 45-й пехотной резервной бригады (с 10.04.1893). Назначен состоять при Главном штабе в числе положенных по штату офицеров Генерального штаба (21.02.1895). Экстраординарный профессор НАГШ (с 28.03.1897). Ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба (с 27.06.1898). Прикомандирован к 52-му пехотному Виленскому полку для командования батальоном (31.05–03.10.1900). Заслуженный ординарный профессор Императорской Николаевской военной академии (с 27.09.1907). Участник Первой мировой войны. И.д. начальника Военной академии (с 26.01.1919). Избран и.д. ординарного профессора Государственного Дальневосточного университета по кафедре всеобщей истории с 01.06.1921 (31.05.1921). По некоторым данным, умер в тюрьме. Награды: Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1877), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1877), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1879), Св. Станислава 2-й ст. (1889), Св. Анны 2-й ст. (1893), Св. Владимира 3-й ст. (1896), Св. Станислава 1-й ст. (1904), Св. Анны 1-й ст. (31.01.1912), Св. Владимира 2-й ст. (Высочайший приказ 22.03.1915, «за отлично-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны», с 01.01.1915), знак за 40 лет беспорочной службы в офицерских чинах (1915). Женат, сын 23 лет (на 1911). Аттестация за 1911 г.: «Серьезный ученый, обладает большой служебной опытностью, предан военному делу и науке, может работать с большим успехом, но медленно, так как утомлен продолжительной педагогической деятельностью. Специалист по военной истории, занимается специально изучением 1812 г. и один из лучших знатоков этой эпохи. Имеет твердые взгляды, добросовестен, исполнитель, дисциплинирован. Любит военное дело, предан науке. Имеет боевой опыт как участник войны 1877–[18]78 гг., хотя кроме цензового командования ротой и батальоном в строю давно не служил, но 10-летняя его служба в строю до поступления в академию вселила ему любовь к строевой службе, от чего, принимая во внимание его личные качества и служебную опытность, полагаю, что он достоин выдвижения по службе на военно-административную должность. Начальник Императорской Николаевской военной академии генерал-лейтенант Щербачев. 21 декабря 1911 г. № 30». Сын Николай — губернский секретарь, состоял при библиотеке Военной академии (на 12.1918).

Соч.: Эриванский отряд в кампанию 1877–1878 гг. СПб., 1893–1895. Ч. 1–2; Воспоминания офицера Кобулетского отряда в кампанию 1877–78 гг. СПб., 1897; Конспект курса лекций прикладной тактики по отделам организации войск и боевых действий пехоты, читанных ординарным профессором Николаевской академии Генерального штаба полковником Колобакиным в 1898–1899 гг. СПб., 1899; Набег Дорохова на Смоленскую дорогу с 9 по 14 сентября 1812 г. Эпизод из сентябрьских событий кампании 1812 г. СПб., 1900; Ведение боя на почве постановки вопроса в германской армии (Современные тенденции тактики ведения боя). СПб., 1903; 1906; 1909; Свойства и боевое употребление скорострельной артиллерии. СПб., 1905; Русско-турецкая война в 1877–1878 гг. на Кавказе и в Малой Азии. СПб., 1906–1908. Ч. 1–2; Сражение у Прейсиш-Эйлау 26-го и 27-го января 1807 года. СПб., 1907; Военная география. Лекции. СПб., 1908 (совм. с Г.Г. Гиссером); Конспект Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. СПб., 1908; Полтава. СПб., 1909 (совм. с Н.Л. Юнаковым); Учение о бое. СПб., 1910; Прейсиш-Эйлауская операция: Сражение у Прейсиш-Эйлау 26 и 27 января 1807 г. СПб., 1911; Война 1812 г. Бородинская операция и Бородинское сражение. СПб., 1912. Кн. 1–3; 1812 год: Бородинское сражение 26 августа. СПб., 1912; Последние дни командования Барклаем де Толли 1-й и 2-й западными армиями // Русская старина. 1912. № 6; Пушкин в Малой Азии. Пг., 1916; На малоазиатском театре всемирной войны 1914–1916 гг. Багдадская железная

дорога (очерк истории ее постройки, ее значение и современное состояние в связи с системой прочих железных дорог Малой Азии): Эрзерум, Битлис, Трапезонд и Моссул. Пг., 1917; Организация войск (отдел общей тактики). По лекциям прикладной тактики 1897–1903 гг. Пг., 1917; История военного искусства. Томск, 1919. Вып. 1; Кай Юлий Цезарь. Владивосток, 1922.

Коханов Николай Иванович (07.06.1875–1931) — уроженец Керчи Таврической губ. Военный инженер. Окончил Сибирский кадетский корпус (1895), Николаевское инженерное училище по 1-му разряду (1898), Николаевскую инженерную академию по 1-му разряду (1904) и Археологический институт. Юнкер с 28.08.1895. Подпоручик (с 02.08.1898 со ст. с 12.08.1896). Поручик (с 01.08.1901 со ст. с 12.08.1900). Штабс-капитан (с 31.05.1904 со ст. с 31.05.1904). Капитан (с 02.04.1906 со ст. с 02.04.1906). Подполковник (с 06.12.1910 со ст. с 06.12.1910). Полковник (с 28.01.1915 со ст. с 06.12.1914). Генерал-майор (с 19.12.1918). На службе с 01.09.1895. В гренадерском саперном батальоне (08.08.1898–11.06.1904). Участник Русско-японской войны. В распоряжении начальника инженеров Приамурского военного округа (01.06–07.09.1904). Производитель работ 3-го участка временного строителя Владивостокской крепости (27.01.1905–02.08.1906). Штатный преподаватель Николаевской инженерной академии (19.10.1910–28.08.1914). Участник Первой мировой войны (28.08.1914–10.11.1916). Экстраординарный профессор Императорской Николаевской военной академии (20.12.1913 его труд «Борьба за современную крепость (Тактико-фортификационное исследование)» был признан конференцией академии достойным защиты, а на заседании 06.06.1914 защита признана удовлетворительной). В распоряжении начальника инженерного снабжения Юго-Западного фронта (с 28.08.1914). Для поручений инженерного отдела Блокадной армии (с 25.09.1915). Отдельный руководитель работ 3-й строительной партии по укреплению тылового района Юго-Западного фронта (с 31.03.1916). Штаб-офицер для делопроизводства инженерного управления 11-й армии. Штатный преподаватель военных наук академии (Высочайший приказ 21.01.1917). Вместе с академией эвакуировался на Урал и в Сибирь. Участник Гражданской войны. Ординарный профессор Всероссийской академии Генерального штаба (с 18.09.1918). В комиссии по организации главного инженерного управления (с 26.09.1918). И.д. главного начальника снабжений армий Восточного фронта (с 01.08.1919). Вр.и.д. военного министра (28.09–05.10.1919). На службе в академии. При эвакуации белого Приморья остался во Владивостоке (1922). В РККА, профессор Военно-технической академии в Ленинграде. Арестован ОГПУ по делу «Весна» (1931). Умер во время следствия. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (06.12.1907), Св. Анны 3-й ст. (01.02.1911), Св. Станислава 2-й ст. (06.12.1913), Св. Анны 2-й ст. с мечами (26.12.1914, утв. 20.04.1915), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (15.03.1915), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (16.03.1915), Св. Владимира 3-й ст. с мечами (07.05.1915), Высочайшее благоволение (12.02.1916). Женат, 4 детей.

Соч.: Фортификационные постройки пещерного типа на пересеченной местности. СПб., 1909; Полевая фортификация. Часть элементарная. СПб., 1910; 1913; Пг., 1915; 1917; Полевая фортификация. Укрепление позиций. СПб., 1914; Борьба за современную крепость (Тактико-фортификационное исследование). СПб., 1914; Войсковое инженерное дело. Полевая фортификация. М., 1925–1926. Ч. 1–3; Инженерная подготовка государств к обороне. М.; Л., 1928; Подземные защитные постройки. М., 1931.

Лебедев (Люик) Дмитрий Капитонович (16.07.1872–08.01.1935) — уроженец д. Удудере Перновского уезда Эстляндской губ. Из семьи священника. Окончил Рижскую духовную

семинарию, Виленское пехотное юнкерское училище (1896) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1904). Подпоручик (со ст. с 17.05.1896). Поручик (со ст. с 01.09.1899). Штабс-капитан (со ст. с 01.09.1903). Капитан (со ст. с 31.05.1904). Подполковник (со ст. с 25.03.1909). Полковник (со ст. с 25.03.1912; со ст. с 25.03.1911 — Высочайший приказ 03.12.1916; со ст. с 25.03.1909). Генерал-майор (с 02.04.1917). На службе с 20.01.1891 вольноопределяющимся в 178-м пехотном Изборском полку. В 131-м пехотном Тираспольском полку. Участник Русско-японской войны. Помощник старшего адъютанта штаба Приамурского военного округа (04.06.1905–10.05.1906). Командир роты 169-го пехотного Миргородского полка (16.12.1905–16.12.1906). Старший адъютант штаба 18-й пехотной дивизии (10.05.1906–20.05.1908). Обер-офицер для поручений при штабе Варшавского военного округа (20.05.1908–08.10.1911). Штатный преподаватель военных наук Императорской Николаевской военной академии (с 08.10.1911). Преподавал в Пажемском корпусе, Николаевской инженерной академии. Участник Первой мировой войны. Штаб-офицер для особых поручений при штабе 2-й армии (07.1914). Начальник штаба 59-й пехотной дивизии (1915). Командир 26-го пехотного Могилевского полка (с 07.09.1915, на 1917). Ведал два года воздухоплавательной школой князя Любомирского в Варшаве. Штатный преподаватель военных наук Императорской Николаевской военной академии (с 08.10.1911). Старший адъютант разведывательного отделения штаба 2-й армии. Прикомандирован к Императорской Николаевской военной академии для и.д. штаб-офицера, заведующего обучающимися офицерами, утв. (Высочайший приказ 22.01.1917 с переводом в Генштаб). И.д. главного редактора журнала «Военный сборник» и газеты «Русский инвалид» (с 28.03.1917). Участник Гражданской войны. Делопроизводитель ГУГШ (с 12.03.1918). В РККА. Редактор журнала «Военное дело» (1918–1920). Уволен вовсе от военной службы (с 05.02.1921). В 1921 уехал в Эстонию, с 01.04.1921 в эстонской армии. Преподавал в Высшем военном училище и на курсах Генерального штаба. В отставке (с 01.04.1927). Занимался торговлей оружием. Арестован (22.01.1934), освобожден с лишением права носить мундир. Умер в Таллине после операции в частной клинике. Три года редактировал военно-научный журнал «Военное дело за границей». Переводил германские уставы. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (1905), Св. Анны 3-й ст. (06.12.1909), Св. Станислава 2-й ст. (06.12.1913), Св. Владимира 3-й ст. с мечами (03.04.1915), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (03.04.1915), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (26.05.1915), Св. Анны 2-й ст. с мечами (25.05.1916), Георгиевское оружие (09.06.1917). Женат.

Соч.: Война 1870–1871 гг. СПб., 1914.

Леонов Гавриил Васильевич (24.03.1879–?) — окончил Ливенское городское училище, Виленское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду (1904), Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1911). Подпоручик (со ст. с 09.08.1904). Поручик (со ст. с 10.08.1907). Штабс-капитан (со ст. с 07.05.1911). Капитан (со ст. с 06.12.1913). Подполковник (с 10.04.1916 со ст. с того же числа; 15.08.1916 пожаловано ст. с 22.03.1915). Полковник (с 15.08.1917). Генерал-майор (с 20.04.1919). На службе с 30.09.1900. В 1-м лейб-гренадерском Екатеринославском полку. В 13-м лейб-гренадерском Эриванском полку. Командир роты лейб-гвардии Преображенского полка (05.11.1911–07.11.1913). Старший адъютант штаба 8-й пехотной дивизии (с 26.11.1913). Участник Первой мировой войны. Старший адъютант штаба I армейского корпуса (1915). И.д. штаб-офицера для поручений

при штабе II Кавказского армейского корпуса (с 16.08.1915, утв. 10.04.1916). И.д. начальника штаба 132-й пехотной дивизии (с 02.12.1916). Штаб-офицер, заведующий обучающимися в Николаевской военной академии офицерами (с 17.12.1917). Преподаватель военных наук. Участник Гражданской войны. В РККА (1918). В антибольшевистских формированиях на Восточном фронте (1918–1920). Начальник отдела формирований ГУГШ Народной армии Комуча (1918). Вр.и.д. 2-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем (с 27.09.1918). Дежурный генерал при Верховном главнокомандующем. И.д. 1-го генерал-квартирмейстера (с 19.04.1919, утв. 28.05.1919). Генерал для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего (с 18.06.1919). Член Военно-экономического общества. Начальник штаба Степной группы войск (09.08–16.11.1919). Участник Сибирского Ледяного похода. Попал в плен под Красноярском (01.1920). Направлен в распоряжение Омского окружного военного комиссариата (01.1920). С 09.02.1920 в РККА. Арестован (на 02.1920, с 05–06.05.1920, на 30.10.1920, на 12.04.1921). В штабе Заволжского военного округа (на 1921). Сотрудник-составитель военно-исторической комиссии (1921). Исключен из списков РККА (приказ РВС СССР по личному составу армии № 338. 14.10.1924). Награды: Св. Станислава 3-й ст. (1907), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (26.01.1915), Св. Станислава 2-й ст. (27.02.1915), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (04.03.1915), Св. Анны 2-й ст. с мечами (19.01.1917). Женат, сын.

Мартынов Дмитрий Евсеевич (28.10.1883–?) — выдержал испытание при испытательной комиссии при Санкт-Петербургском учебном округе в знании курса уездного училища. Коллежский регистратор (со ст. с 02.02.1914). Губернский секретарь (со ст. с 02.02.1915). На службе с 29.10.1905. Чиновник для усиления ГУГШ с прикомандированием к академии для и.д. журналиста-архивариуса (17.09.1912–28.02.1916). В резерве чинов при штабе (22.02–20.04.1916), и.д. помощника старшего адъютанта (20.04–01.08.1916) штаба Двинского военного округа. И.д. столоначальника учебной части академии (20.08–01.11.1916). Журналист-архивариус академии (с 01.11.1916). Награды: Св. Станислава 3-й ст. (26.12.1916 со ст. с 05.10.1916).

Мартынов Федор Алексеевич (11.02.1867–?) — окончил Раненбургское духовное училище, выдержал экзамен при Санкт-Петербургском пехотном юнкерском училище. Коллежский регистратор (со ст. с 30.01.1894). Губернский секретарь (со ст. с 30.01.1897). Коллежский секретарь (со ст. с 30.01.1900). Титулярный советник (со ст. с 30.01.1903). Коллежский асессор (со ст. с 30.01.1906). Надворный советник (со ст. с 30.01.1910). Коллежский советник (со ст. с 30.01.1914). Статский советник (со ст. с 01.12.1915). На службе с 05.12.1888. Чиновник для усиления Главного штаба (30.01.1894–15.04.1898). Столоначальник академии (15.04.1898–12.10.1918). Заведующий учебной канцелярией академии (с 12.10.1918). Остался в России (1922). Награды: Св. Станислава 3-й ст. (1897), Св. Анны 3-й ст. (1901), Св. Станислава 2-й ст. (1905), Св. Анны 2-й ст. (1908), Св. Владимира 4-й ст. (1911). Сын Б.Ф. Мартынов, остался в России, и.д. квартирмейстера академии (на 11.1922).

Матвеев Владимир Павлович (1897–07.02.1938) — уроженец Перми. Окончил 3-ю Петергофскую школу прапорщиков. Сын революционера, член РСДРП(б) с августа 1917 г. Участник Гражданской войны. Руководил красногвардейскими отрядами в Перми. Комис-

сар Военной академии. Уполномоченный Уральского областного совета (07.1918), комиссар эшелона с золотым запасом. Участвовал в подпольной работе в белом тылу. Начальник политотдела 31-й стрелковой дивизии. Контужен при форсировании р. Белой у Красного Яра (06.1919) и демобилизовался (1920). В Кавказском бюро ЦК РКП(б), в Кубанско-Черноморском обкоме. Ответственный секретарь газеты «Известия» (1921). С 1920-х гг. проживал в Ленинграде. Сотрудник «Ленинградской правды», советского торгпредства в Финляндии, Госиздата. Управляющий ленинградским отделением Союзфото. Писатель. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР приговорен к 5 годам ссылки в г. Туруханск Красноярского края (15.01.1935). Реабилитирован (23.08.1957). Проживал в Енисейске (на 1936). Приговорен Особым совещанием НКВД СССР к 5 годам исправительно-трудовых лагерей (15.09.1936). Приговорен к расстрелу (03.02.1938). Расстрелян. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован 20.03.1989. Дети: Константин (24.06.1919), Лев (1920), Владимир (1925).

Соч.: Автобиографическая повесть «Золотой поезд» («Комиссар золотого поезда») (1928–1930). Л., 1930; 1931; Пермь, 1959; М.; Л., 1967; Последний день Хлябинского совнаркома. М.; Л., 1931; Разгон совнаркома. Повесть. Л., 1932; Необходимые замечания // Залп (Ленинград). 1932. № 1.

Матковский Алексей Филиппович (Фелицианович) (17.03.1877–04.06.1920) — из потомственных дворян Херсонской губ. Окончил 1-й кадетский корпус (1894), Михайловское артиллерийское училище по 1-му разряду (1897) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1903). Подпоручик (с 13.08.1897 со ст. с 12.08.1895). Поручик (с 12.08.1900 со ст. с 12.08.1899). Штабс-капитан (со ст. с 23.05.1903). Капитан (со ст. с 17.04.1905). Подполковник (со ст. с 06.12.1908). Полковник (со ст. с 25.03.1912). Генерал-майор (с 02.04.1917). Генерал-лейтенант (с 15.06.1919). На службе с 31.08.1894. В 7-й конно-артиллерийской батарее (с 13.08.1897). В отдельном конно-горном артиллерийском дивизионе (с 19.01.1899). Прикомандирован к Офицерской кавалерийской школе для изучения технической стороны кавалерийского дела (31.10.1903–21.10.1904). Старший адъютант штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (22.12.1904–25.05.1905). Помощник старшего адъютанта штаба Петербургского военного округа (25.05.1905–08.01.1910). Командир эскадрона лейб-гвардии Драгунского полка (23.10.1907–22.10.1908). Помощник делопроизводителя ГУГШ (08.01–22.05.1910). Правитель дел по учебной части Офицерской кавалерийской школы (22.05.1910–01.02.1912). Экстраординарный профессор Императорской Николаевской военной академии (с 01.02.1912). Ординарный профессор Императорской Николаевской военной академии (с 18.02.1913). Прикомандирован к лейб-гвардии Драгунскому полку для ознакомления с общими требованиями управления и ведения хозяйства в кавалерийском полку (04.05–05.09.1913). Участник Первой мировой войны. Начальник штаба Сводного кавалерийского корпуса (с 11.08.1914). Прикомандирован к штабу 8-й армии. В 1-й бригаде 1-й льготной кавалерийской дивизии участвовал в боях. Командир 12-го уланского Белгородского полка (04.09.1914–17.01.1915). Начальник штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (01.02–16.11.1915). Начальник штаба конного отряда генерала Н.Н. Казнакова (11.1915–10.1916). Командир 2-го лейб-уланского Курляндского императора Александра III полка (с 10.11.1916). Начальник штаба 11-й кавалерийской дивизии (с 17.01.1917). Начальник штаба V кавалерийского корпуса (с 05.05.1917). Отчислен по болезни в резерв при штабе Киевского военного округа (01.09.1917). Ординарный профессор Николаевской во-

енной академии (с 04.09.1917). Участник Гражданской войны. Назначен заведующим Суворовским музеем (с 26.02.1918). В РККА (1918). Не подчинился распоряжению об эвакуации с академией в Казань. Перешел на сторону антибольшевистских сил в районе Екатеринбург. Исключен из академии. В антибольшевистских формированиях Восточного фронта (30.08.1918–1920). Инспектор кавалерии Сибирской армии (с 05.09.1918). И.д. управляющего Военным министерством Временного Сибирского правительства (09.1918). Командир II Степного Сибирского отдельного корпуса (06.09–13.11.1918). Вр.и.д. командующего Сибирской армией (13.11.1918–20.01.1919), командующего войсками Омского военного округа и омского гарнизона (с 25.12.1918). Председатель постоянной Думы кавалеров Георгиевского оружия в Омске (с 15.05.1919). Попал в плен. Арестован на станции Байкал (21.01.1920). Иркутской облЧК приговорен к расстрелу (13.04.1920). Расстрелян в Николаевске-на-Амуре (по др. данным, в Омске). Реабилитирован 12.07.1995. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (1906), Св. Анны 3-й ст. (06.12.1911), Георгиевское оружие (24.02.1915), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (03.03.1915), Св. Анны 2-й ст. с мечами, Св. Станислава 2-й ст. с мечами, благодарность Верховного главнокомандующего (09.10.1918, 05.12.1918). Супруга Лидия Алексеевна Сахарова (в первом браке Логинова). Дети: Михаил (усыновлен, 1903), Анатолий (1906), Игорь (1912).

Соч.: Разведывательная деятельность конницы и взгляды на нее в России, Германии и Франции. СПб., 1910; Самостоятельные действия крупных сил конницы на крыльях и в тылу неприятельских армий. СПб., 1911; Конница. СПб., 1913–1914. Ч. 1–3.

Медведев Александр Иванович (22.07.1853–05.1925) — из казачьих детей, уроженец станицы Етеревской Усть-Медведицкого округа области войска Донского. Окончил Усть-Медведицкую классическую гимназию, обучался в течение года в Технологическом институте в Санкт-Петербурге, обучался в Харьковском университете, выдержал экзамен при Варшавском пехотном юнкерском училище, окончил Николаевскую академию Генерального штаба два класса по 1-му разряду и дополнительный курс «успешно» (1894). Подхорунжий (с 22.08.1884). Хорунжий (с 01.12.1884). Сотник (с 24.09.1889). Подесаул (с 15.04.1893). Есаул (за отличные успехи в академии, с 18.05.1894). Капитан (с 16.01.1895). Подполковник (с 06.12.1899). Полковник (с 06.12.1903). Генерал-майор (с 06.12.1911). Генерал-лейтенант (с 21.11.1917). На службе с 01.01.1872 казаком. Выслан в Шенкурск Архангельской губ. по подозрению в распространении революционной литературы (середина 1875). Скрылся из Шенкурска вместе с В.Н. Фрессером после 4 месяцев пребывания в ссылке и перешел на нелегальное положение. Жил в Ростове-на-Дону, работал в сапожной мастерской, в Таганроге под фамилией архангельского мещанина Л. Гартмана, в Астрахани, где обучался кузнечному ремеслу и жил под именем И.И. Шетунова, в Санкт-Петербурге, где сотрудничал с кружком донцов. Вместе с А.К. Соловьевым весной 1877 уехал в Самару, в 45 верстах от Самары организовал кузницу в с. Гвардейцы (Преображенское), где проработал с мая по август 1877 под именем И.И. Эрастова. Проживал в Самаре с А.К. Соловьевым под именем фельдшера И.И. Зверева (10.1877–01.1878). Обыскан и арестован (16.04.1879), заключен в самарскую тюрьму. Освобожден из-под стражи (30.04.1879), но 03.05.1879 вновь попал в тюрьму. Признал себя виновным в бегстве из ссылки и в проживании под чужими именами. Доставлен в Санкт-Петербург (01.1880) и привлечен к дознанию по делу о 58 лицах (пропаганда в Торопецком уезде). Содержался в доме предварительного заключения. По Высочай-

шему повелению дело разрешено в административном порядке с подчинением его гласному надзору и воспрещением проживать в столицах и университетских городах (08.07.1881). Выслан из Санкт-Петербурга в свою станицу (09.1881). По постановлению Особого совещания срок надзора продлен на 3 года с 09.09.1881 (10.05.1882). В Донском № 15 казачьем полку (с 05.05.1883) в Варшавском военном округе. Состоял под надзором военного начальства. Освобожден от надзора ввиду хорошего поведения (10.1883). Причислен к Генеральному штабу и назначен на службу в Московский военный округ (25.05.1894). Переведен в Генеральный штаб с производством в капитаны и назначением помощником старшего адъютанта штаба Московского военного округа (с 16.01.1895). Прикомандирован к Сумскому драгунскому полку для командования эскадрой (07.10.1896–07.11.1897). Прикомандирован к Александровскому военному училищу для преподавания военных наук (с 01.09.1899). Прикомандирован к 3-му драгунскому Сумскому полку для ознакомления с общими требованиями управления и ведения хозяйства (02.04–09.10.1902). Штаб-офицер, заведующий обучающимися в Николаевской академии Генерального штаба офицерами (с 21.02.1903). Заведующий мобилизационной частью Главного интендантского управления (с 28.01.1905). Штаб-офицер для поручений при начальнике Генерального штаба (с 09.11.1908). Экстраординарный профессор Императорской Николаевской военной академии (с 08.01.1910). Ординарный профессор Императорской Николаевской военной академии (с 08.10.1911). Получал пенсию за учебную службу по должности экстраординарного профессора с 08.01.1913. Участник Первой мировой войны. И.д. начальника штаба Двинского военного округа (с 30.09.1914). Помощник главного начальника снабжений армий Западного фронта (с 21.07.1916). Ординарный профессор Николаевской военной академии (ПАФ 20.04.1917). Участник Гражданской войны. В антибольшевистских формированиях на Востоке России. Главный начальник снабжений Западной армии (с 30.04.1919). Главный начальник снабжений Московской группы армий (1919). Командирован во Владивосток для занятия должности ординарного профессора Военной академии (18.10.1919). В.р.и.д. начальника академии (на 11.1922). Умер в Москве. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (1897), Св. Анны 3-й ст. (1901), Св. Анны 2-й ст. (1906), Св. Владимира 4-й ст. (1909), Св. Владимира 3-й ст. (1912), Св. Станислава 1-й ст. (1915), Св. Анны 1-й ст. (26.05.1915), Св. Владимира 2-й ст. (08.02.1917). Супруга (на 1918–1921) Антонина Иосифовна. Дети: Евгения (муж — мичман Василий Львович Медведев). 2 детей. На Дальний Восток с генералом эвакуировалась теща — вдова капитана Мария Михайловна Завадская с дочерью Софьей Иосифовной.

Соч.: Служба Донского войска в связи с его экономическим положением. М., 1899; Бой (сражение) в наполеоновскую эпоху и кампанию 1870–1871 гг. СПб., 1904; Дальний Восток. Краткий военно-стратегический очерк театра русско-японской войны. СПб., 1904; Военно-статистическое обозрение пограничных театров. СПб., 1908. Вып. 1; Персия. Военно-статистическое обозрение. СПб., 1909; Конспект курса военной статистики России. СПб., 1910; География России. Руководство для офицеров, поступающих в Николаевскую военную академию. СПб., 1910; Военная статистика России. Курс старшего класса Императорской Николаевской военной академии. СПб., 1913. Т. 1.

Менжинский Владимир Федорович (20.10.1876–10.1945) — уроженец г. Пултуск Ломжинской губ. Из дворян — сын военного врача 11-й пехотной дивизии, статского советника. Окончил 1-й Московский кадетский корпус (1895), Елисаветградское кавалерийское училище по 1-му разряду (1897), Офицерскую кавалерийскую школу (1901–1903). Ротмистр (с 07.11.1912 со ст. с 12.08.1908). Подполковник (ПАФ 02.04.1917 со ст. с 30.07.1916). В 4-м

драгунском Псковском полку (1897–1901; 1903–1907). Преподаватель верховой езды Императорской Николаевской военной академии (1907–1917). Цензовое командование эскадронам выполнил при 1-м уланском Санкт-Петербургском полку (15.12.1912–16.01.1914). Участник Первой мировой войны. В Ставке Верховного главнокомандующего (1914–1916), заведующий конским составом. И.д. командира полуэскадрона при Императорской Николаевской военной академии (с 25.12.1916). Участник Гражданской войны. С академией эвакуировался в Екатеринбург, затем вернулся в Петроград. В академии Генштаба РККА и Военной академии РККА (до 1924), командир учебного эскадрона. По совместительству заведовал испытанием лошадей на московском ипподроме (1920–1922). Уволен из академии по болезни на пенсию. Инвалид. Работал контролером в инвалидной кооперации (1925–1931). Контролер игрушечной секции Мосторгсина. Арестован по делу «Весна» (13.02.1931) по обвинению в участии в контрреволюционной офицерской группировке, осужден на 10 лет лагерей с конфискацией имущества и высылкой семьи (10.05.1931, срок считался с 13.02.1931). Содержался в Северных лагерях, в Беломорско-Балтийском лагере. За ударный труд имел около 3 лет зачетов, которые были в 1938 г. аннулированы в связи с изменением положения о лагерях. Отбыл срок целиком (1931–1941). По освобождении работал сторожем в инвалидной артели «Пролетарский труд» г. Александрова Ивановской обл. (14.03.1941–29.05.1943), болел (29.05.1943–01.05.1944), работал в Боровичевской госконюшне совхоза «Победа» (06.05.1944–23.10.1944), зоотехником-инспектором по коню в пос. Хвойная Новгородской обл. (с 01.11.1944), просил о снятии судимости (1944). Судимость снята посмертно (26.01.1946). Награды: Св. Станислава 3-й ст. (1904), Св. Анны 3-й ст. (1905), Св. Станислава 2-й ст. (1911), Св. Анны 2-й ст. (1914), подарок по чину (1915), Св. Владимира 4-й ст. (1916). Владел имением Ивонино в Дорогобужском уезде Смоленской губ. Имение национализировано (1918). Супруга (с 1904) дочь отставного чиновника Зинаида Алексеевна Гебель. Вдовец. Дочь Зинаида Хохлова (1910). Брат Иван — поручик, жил в Баку.

Наумов Константин Афанасьевич (10.09.1883–?) — из крестьян, уроженец Пермской губ. Окончил Екатеринбургское 4-классное народное училище, Тифлисское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду. Подпоручик (с 02.08.1907 со ст. с 24.03.1906). Поручик (с 20.11.1910 со ст. с 24.03.1910). Штабс-капитан (с 15.10.1914 со ст. с 24.03.1914). Капитан (с 27.06.1917 со ст. с 21.07.1913). Подполковник (с 31.08.1919 со ст. с того же числа). На службе с 27.09.1903. Вольноопределяющийся 2-го разряда в 14-м гренадерском Грузинском полку (с 27.09.1903). В 10-м Восточно-Сибирском стрелковом полку. И.д. полкового казначея (06.04–10.08.1910). Участник Первой мировой войны. Старший адъютант штаба 3-й Сибирской стрелковой дивизии (05.04.1916–08.01.1918), вр.и.д. начальника штаба (29.01–06.03.1917). Подвергся отравлению удушливыми газами на позиции господского двора Гузов на р. Бзура. Помощник заведующего хозяйством академии (08.01–20.03.1918). Заведующий хозяйством академии (20.03.1918–01.06.1920). В резерве чинов штаба Приамурского военного округа (с 01.06.1920). Заведующий типографией академии, переданной в штаб войск (с 17.06.1920). Награды: Св. Станислава 3-й ст. (1912) с мечами и бантом (1915), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1916), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1914), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 2-й ст. с мечами (1917, за бои 12.1916 на Бабитском языке Рижских укрепленных позиций).

Новицкий Василий Федорович (18.03.1869–15.01.1929) — из дворян. Родился в г. Радом. Окончил Полоцкий кадетский корпус (1886), Михайловское артиллерийское училище (1889), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду с малой серебряной медалью (1895). Подпоручик (со ст. с 10.08.1889). Поручик (со ст. с 07.08.1891). Штабс-капитан (со ст. с 20.05.1895). Капитан (со ст. с 13.04.1897). Подполковник (со ст. с 01.04.1901). Полковник (со ст. с 17.04.1905). Генерал-майор (со ст. с 07.08.1914). Генерал-лейтенант (с 31.03.1917). На службе с 31.08.1886. В Варшавской крепостной артиллерии. Состоял при Петербургском военном округе. Старший адъютант штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (17.12.1896–21.03.1897). Был за границей с ученой целью (1897). Старший адъютант штаба 1-й гвардейской пехотной дивизии (21.03.1897–03.04.1900). Обер-офицер для особых поручений при штабе I армейского корпуса (03.04.1900–01.04.1901). Командовал ротой во 2-м Туркестанском стрелковом батальоне (07.01.1900–10.01.1901). Младший делопроизводитель канцелярии военно-ученого комитета Главного штаба (01.04.1901–01.05.1903). Столоначальник Главного штаба (01.05.1903–01.08.1904). Помощник начальника отделения Главного штаба (01.08–12.10.1904). Участник Русско-японской войны. Штаб-офицер для особых поручений при командующем 2-й Маньчжурской армией (12.10.1904–01.05.1906). Делопроизводитель ГУГШ (01.05.1906–24.01.1911). Командовал батальоном в лейб-гвардии Гренадерском полку (12.05–15.09.1907). Командир 120-го пехотного Серпуховского полка (с 24.01.1911). Экстраординарный профессор Императорской Николаевской военной академии (с 21.06.1914). Участник Первой мировой войны. Командовал 1-й бригадой 30-й пехотной дивизии (на 08.1914). И.д. генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии (с 09.1914). Начальник 5-й стрелковой бригады (с 21.03.1915). Командующий 73-й пехотной дивизией (с 22.10.1915, на 1916). Помощник военного министра (с 20.03.1917). В распоряжении военного министра (с 09.05.1917). Командир II Сибирского армейского корпуса (с 17.07.1917). Командующий 12-й армией (15 дней в 11.1917). В резерве чинов при штабе Петроградского военного округа. Экстраординарный профессор Николаевской военной академии (с 16.12.1917). Участник Гражданской войны. В РККА (добровольно) с 1918. И.д. военрука Высшей военной инспекции (1918). Штатный преподаватель академии Генерального штаба РККА. Главный руководитель по военной истории академии Генерального штаба РККА (с 01.10.1919). Старший руководитель групповых лекций Военной академии (с 01.1922). Профессор РККА (1926). Заслуженный деятель науки и техники (1928). Умер в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище (участок 1, ряд 44, № 1). Известный военный ученый. Действительный член Императорского Русского географического общества. Один из редакторов «Военной энциклопедии» издания И.Д. Сытина. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (1896), Св. Анны 3-й ст. (1899) с мечами и бантом (1907), Св. Станислава 2-й ст. (1903), Св. Анны 2-й ст. с мечами (1904), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1904), Золотое оружие с надписью «За храбрость» (1907), Св. Владимира 3-й ст. (29.01.1909) с мечами (25.01.1915), Св. Станислава 1-й ст. с мечами (26.02.1915), Св. Анны 1-й ст. с мечами (09.04.1915), Св. Владимира 2-й ст. с мечами (22.12.1915). Женат, дочь (на 1914).

Соч.: Военные очерки Индии. СПб., 1899; 1901; Из Индии в Фергану. СПб., 1903; Поездка в хребет Петра Великого [летом] 1903 года. СПб., 1904; Сандепу. СПб., 1906; 1907; Февральские дни под Мукденом. СПб., 1907; По странам полуденным. СПб., 1908; Японцы в боях у Сандепу. СПб., 1908; На пути к усовершенствованию государственной обороны. СПб., 1909; Путешествие по Монголии в 1906 году. СПб., 1909; Военно-географический очерк Афганского театра военных действий с подробным обзором операционных путей, ведущих через Афганистан. СПб., 1910; Путешествие по Монголии, в пределах Тушетухановского и Цецен-хановского аймаков Халхи, Шилин-

гольского чигулгана и земель чахаров Внутренней Монголии, совершенное в 1906 году действительными членами Императорского Русского географического общества, Генерального штаба полковником В.Ф. Новицким и Корпуса военных топографов надворным советником М.О. Круковским. СПб., 1911; От Шахэ к Мукдену. СПб., 1912; Мировая война 1914–1918 гг. Кампания 1914 года в Бельгии и Франции. М., 1938. Т. 1–2.

Оберюхтин Виктор Иванович (31.10.1887 – не ранее 1950) — уроженец Воткинского завода Вятской губ. Получил домашнее образование, окончил Воткинское окружное училище Ижевской оружейной школы, Казанское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду (1908), Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1914) с первой премией за лучшую стратегическую работу имени генерала Леонтьева. Младший унтер-офицер (с 06.05.1907). Младший портупей-юнкер (с 21.05.1908). Подпоручик (с 15.06.1908 со ст. с 14.06.1907). Поручик (с 25.11.1911 со ст. с 14.06.1911). Штабс-капитан (с 10.09.1915 со ст. с 14.06.1915). Капитан (с 15.08.1916 со ст. с 14.06.1915; ПАФ 21.10.1917 даровано ст. с 14.06.1914). Подполковник (с 15.08.1917 со ст. с дня производства). Полковник (с 20.04.1919). Генерал-майор (с 13.09.1919). На службе с 29.08.1905 юнкером. В 215-м пехотном резервном Бузулукском полку (зачислен 19.06.1908, прибыл 25.06.1908), во 2-й роте с прикомандированием младшим офицером к полковой учебной команде. Участник лагерного и малого подвижного сбора в окрестностях Самары (25.06–30.09.1908). Вр. командовал 2-й ротой (17–27.08.1908; 28.01–03.02.1909), 6-й ротой (14–24.02.1910). Младший офицер учебной команды (27.08.1908–28.01.1909; 23.04–15.12.1909; 25.02–01.08.1910), младший офицер 8-й роты (04.02–02.03.1909), 2-й роты (02.03–22.04.1909), 6-й роты (с 15.12.1909). Заведующий обучением прапорщиков запаса в полку (03.05–03.06.1909). Участвовал в полевой офицерской поездке и разведке района маневров у станции Канадей Сызрано-Вяземской железной дороги (19–30.06.1909). Участвовал в лагерном сборе у Самары (01.05–07.08.1909; 01.05–10.07.1910). Участвовал в маневрах войск Казанского военного округа в Самарской губ. (07.08–01.10.1909). В составе полка отбыл в Саратов на укомплектование 186-го пехотного Асландузского полка (10.07.1910). Прибыл (15.07.1910). Поступил на укомплектование полка (01.08.1910). Младший офицер 1-й роты и учебной команды с исполнением обязанностей полкового библиотекаря (01.08–25.12.1910). Переведен в 186-й пехотный Асландузский полк (19.09.1910). Участвовал в лагерном сборе при станции Татищево (18.08–01.10.1910). Младший офицер 1-й роты (25.12.1910–23.04.1911), учебной команды (23.04–10.05.1911). Командирован в штаб Казанского военного округа для держания экзаменов в академию (02.1911). Причислен к Генеральному штабу и отчислен от академии к штабу войск гвардии и Петербургского военного округа (22.05.1914). Прикомандирован к штабу (с 25.05.1914). В полевой поездке офицеров Генерального штаба (02–14.06.1914). Прикомандирован к штабу I армейского корпуса (с 20.06.1914). И.д. обер-офицера для поручений при штабе I армейского корпуса (с 18.07.1914). Принимал участие в мобилизационных работах (18–27.07.1914). Участник Первой мировой войны (27.07.1914–20.02.1918). Выступил в поход из Петрограда в составе штаба корпуса (27.07.1914). Перешел границу с Германией у г. Млава и Сольдау (10.08.1914). Участвовал в боях под Сольдау, Нейденбургом, Млавой, Яновым, Хоржеле, Праснышем, в марш-маневрах в районах Рожаны, Остров, Чижев, Варшава, в боях под Варшавой, боях от Варшавы до р. Варты, в Лодзинской операции, в Савских боях и боях под Ломжей. На шоссе у Иллово в Восточной Пруссии получил сильные ушибы ступни левой ноги, следствием чего стали периодические боли в ноге (в ночь на 16.08.1914). Контужен

гранатой в бою под Казимержем в левую половину головы и левое ухо, следствием чего стали меньшая чувствительность левого уха, нервное подергивание век левого глаза, головные боли и головокружение (11.10.1914). В боях на Равских позициях, будучи командирован с экстренным поручением в штаб 24-й пехотной дивизии, наткнулся на телеграфный провод и получил ушибы и ссадины левой щеки, левого угла рта и вывих пальца левой руки (в ночь на 18.12.1914). Вр.и.д. помощника старшего адъютанта оперативного отделения штаба 2-й армии (07–30.01.1915). Переведен в Генеральный штаб с назначением обер-офицером для поручений при штабе I армейского корпуса (22.03.1915). И.д. старшего адъютанта штаба 3-й гвардейской пехотной дивизии (с 31.03.1915, вступил в должность 13.04.1915, утв. 21.04.1915). Участвовал в боях на Оржицких позициях, марш-маневрах и боях в Галиции в районах Радымно, Львов, станции Ходоров, на р. Днестр у Журавно, Голешов, Равы-Русской, Томашева, Комарова, Забарус-Щацко, на путях и в районах Кобрин, Барановичи, в Виленской операции с боями у Рубно, М. Быстрицы, Ныдзяны, м. Солы, Сморгонь, на Сморгонской позиции, в марш-маневрах в районах Браилова, Волочиска, Галиции, Луцка, в боях на Ковельском направлении в составе гвардейского отряда, в Трыстен-Стоходской операции, в боях у Вульки Порской, Шельвова, Звоняче на р. Липе, в переходах в район Трёмбовли, Галича, в отходных боях от Галича до Збруча, в боях на Збруче. Вр.и.д. начальника штаба 3-й гвардейской пехотной дивизии (30.04–11.05.1915; 04.06–10.07.1915; 28.09–14.10.1915; 15.01–07.02.1916; 14–18.03.1916; 20.04–06.05.1916; 09.05–13.06.1916; 24.11–26.12.1916; 31.12.1916–23.01.1917; с 02.05.1917). Вр.и.д. старшего адъютанта штаба Гвардейского корпуса (17–28.09.1915). Вторично контужен в голову у д. Звиняче (25.09.1916). Член президиума штабного дивизионного комитета 3-й гвардейской пехотной дивизии (1917). И.д. помощника старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии (с 04.07.1917). По пути к новому месту назначения распоряжением штаба Юго-Западного фронта откомандирован в штаб Западного фронта ввиду назначения помощником начальника отделения управления генерал-квартирмейстера (22.07.1917). И.д. помощника начальника оперативного отделения управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Западного фронта (с 26.07.1917). Командирован для осмотра позиций частей XXXVIII армейского корпуса к югу от м. Крево совместно с начальником штаба фронта (23–25.09.1917). И.д. начальника общего отделения управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Западного фронта (с 30.09.1917). Конференцией Николаевской военной академии единогласно признан достойным замещения должности штаб-офицера, заведующего обучающимися в академии офицерами (22.11.1917). Вр.и.д. помощника генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Западного фронта с и.д. начальника отделения и начальника связи фронта (13.11.1917–22.01.1918). Получил приказ выехать из Минска в связи с приближением противника, служащие считались уволенными (20.02.1918). В связи с нахождением в госпитале в Минске на излечении от болезни карбункулом попал в плен к германцам (21.02.1918). В плену в Минске и Новозыбкове (21.02–11.07.1918). Числился заведующим обучающимися Николаевской военной академии (с 25.02.1918). Отправлен через Москву и Казань в Екатеринбург в Военную академию на должность заведующего обучающимися и преподавателя (11.07.1918). Участник Гражданской войны. Прибыл в Казань и явился в штаб Восточного фронта (15.07.1918). Прикомандирован к штабу фронта с и.о. квартирьера академии, эвакуировавшейся в Казань (16–31.07.1918). Зачислен в академию (01.08.1918). Попал в плен к белым при захвате Казани

(06.08.1918). Направлен в Самару в составе академии (11.08.1918). И.д. помощника начальника канцелярии военного ведомства (начатого формированием ГУГШ) (13–26.09.1918). Начальник отделения по снабжению и оперативного управления генерал-квартирмейстера ГУГШ (26.09–10.10.1918). Начальник отдела снабжений при штабе Верховного главнокомандующего (10.10–16.11.1918). Начальник организационного отдела Главного штаба (16.11.1918–18.05.1919). Генерал-квартирмейстер штаба Западной армии (25.05–26.06.1919). Начальник штаба 3-й армии (26.06–09.11.1919). Начальник штаба Московской группы армий. Начальник штаба Восточного фронта (с 08.11.1919, по др. документам — 11.11–08.12.1919). Инспектор школ и пополнений фронта (11.12.1919–04.01.1920). По прибытии в Красноярск отказался следовать дальше на восток и добровольно перешел на сторону красных (05.01.1920). На учете штаба 5-й армии и коменданта Красноярска (05.01–07.03.1920). Арестован по ордеру Особого отдела при 5-й армии (07.03.1920), содержался в Красноярском доме лишения свободы. С эшелоном офицеров Генерального штаба направлен в Москву (21.03.1920). По прибытии в Омск направлен в распоряжение представителя ВЧК по Сибири с содержанием под стражей в губЧК (27.03–10.05.1920). Переведен в распоряжение ВЧК по Сибири (10.05–20.07.1920). За службу белым постановлением Коллегии при ВЧК по Сибири от 20.07.1920 приговорен к заключению в доме лишения свободы на 5 лет с принудительными работами и применением амнистии. Переведен в Омский губернский дом лишения свободы, где находился на принудительных работах (21–27.11.1920). По применению ноябрьской амнистии амнистирован и направлен в представительство ВЧК при Сибревкоме (27.11.1920). Полномочным представителем ВЧК по Сибири И.П. Павлуновским направлен в распоряжение помглавкома по Сибири (08.12.1920). В РККА. В распоряжении помглавкома (08–15.12.1920). Командирован в Москву в распоряжение ВГШ (15–23.12.1920). Откомандирован в распоряжение начальника академии Генерального штаба РККА для назначения (20.01.1921). Заведующий обучающимися слушателями и в распоряжении заведующего учебной частью академии (с 21.01.1921). Единогласно утвержден конференцией академии руководителем групповых практических занятий по тактике, военной администрации и военной топографии (18.02.1921). В командировке в Пекин (с 12.03.1921). Помощник начальника учебного отдела Военной академии РККА (с 01.1921, на 11.1924). Руководитель учебно-лабораторной части общеакадемического учебного отдела Военной академии РККА (с 01.11.1924). Руководитель кафедры общей тактики Военной академии им. М.В. Фрунзе (с 02.04.1934). Полковник (с 05.12.1935). Заместитель начальника учебного отдела академии (с 13.06.1936). Начальник кафедры ведения операций и организации службы тыла Военно-транспортной академии (с 27.12.1937), старший преподаватель кафедры тыла Военно-транспортной академии (с 23.04.1938). Уволен из РККА (11.06.1938). Арестован (1938). Ссылно-поселенец, этапирован из Канска в пос. Зимники на лесозаготовки (на 01.1950). Умер в лагерях. Реабилитирован 28.12.1991 прокуратурой Омской обл. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (за отличные успехи в академии, 25.05.1914), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (за отличия в боях под Сольдау, 17.11.1914), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (за отличия в боях под Варшавой 17.09–09.10.1914), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (за отличия в боях под Лодзью 05–25.11.1914, 27.04.1915), Св. Анны 2-й ст. с мечами (за отличия в боях под Хогиславом (Полаве) 12.08.1915, 29.05.1916), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (за отличия в боях на р. Вилии и на разведке под Сморгонью 05–11.09.1915, 12.07.1916), мечи и бант к ордену Св. Станислава 3-й ст. (за отличия в боях на Днестре под Журавно,

Журавковым и Рагузю 26.05–02.06.1915, 12.10.1916), Георгиевское оружие (18.08.1916 представлен к награждению за отличия в бою под Трыстеном 15.07.1916, представление отклонено 29.09.1916; вторично представлен за отличия в боях 12–30.07.1916 под Трыстеном и на Стоходе ввиду выяснения новых доказательств совершения подвига — 03.07.1917, награжден 15.12.1917), Св. Владимира 3-й ст. с мечами. Супруга Аделаида Иосифовна Шварц. Дети не имел.

Соч.: Барановичи 1916 год: военно-исторической очерк. М., 1935; Операция под Камбрэ в 1917 г. М., 1937.

Осипов (Осипов-Крыжановский) Павел Георгиевич (07.02.1887–18.04.1942) — окончил 6-ю Санкт-Петербургскую гимназию (1905), Пажеский корпус (1907), Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1913). Подпоручик гвардии (со ст. с 14.06.1907). Поручик (со ст. с 14.06.1911). Штабс-капитан (с 02.02.1915). Капитан (с 10.09.1915 со ст. с 14.06.1915). Подполковник (с 06.12.1916). Полковник (за выслугу лет, 19.12.1918). На службе с 01.09.1905. В лейб-гвардии саперном батальоне. Участник Первой мировой войны. Ранен в руку с раздроблением кости под Нейденбургом (15.08.1914). Переведен в Генштаб (с 02.02.1915). Старший адъютант штаба 6-й пехотной дивизии (с 02.02.1915). Старший адъютант штаба II гвардейского корпуса (с 1916). И.д. штаб-офицера для поручений при штабе того же корпуса (с 03.10.1916, утв. 16.02.1916). Штаб-офицер, заведующий обучающимися в Николаевской военной академии офицерами (с 04.11.1917, назначен ПАФ с 19.11.1917). Участник Гражданской войны. Оставлен в Екатеринбурге (07.1918) для охраны имущества академии. Вр.и.д. правителя дел академии (27.01–12.02.1919). И.д. штатного преподавателя с и.о. курсового штаб-офицера (с 20.02.1919). Предназначен на должность начальника организационного отдела штаба Верховного главнокомандующего (05.1919). Отбыл в Омск (06.05.1919). Начальник 1-го отдела управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем. И.д. штатного преподавателя академии (с 03.11.1919, прибыл 19.11.1919). Во Владивостоке (на 06.01.1920). В эмиграции в Эстонии. Сотрудничал с русскими газетами. Работал на сланцевых разработках в Силламяэ. Арестован органами НКВД в Силламяэ и вывезен в СССР. Решением трибунала приговорен к расстрелу (12.12.1941). Содержался в тюрьме Кирова. Расстрелян. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (08.05.1913) с мечами и бантом (25.05.1915), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (21.01.1915), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (23.04.1915), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (26.05.1915), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (29.08.1915), Св. Анны 2-й ст. с мечами (14.06.1915). Родители: Георгий Сергеевич и Ольга Павловна. Супруга (с 1917) Герта Мюллер. Супруга Ольга Васильевна, лютеранского вероисповедания, 26 лет на 1918 г.

Поляков Борис Петрович (01.11.1883–08.03.1956) — окончил Орловский Бахтина кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1904), Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1911). Подпоручик (со ст. с 21.05.1904). Поручик гвардии (со ст. с 21.05.1904). Капитан (со ст. с 10.08.1910). Подполковник (со ст. с 29.08.1914). Полковник (со ст. с 29.08.1915). На службе с 01.09.1901. В 6-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригаде. В лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригаде. Участник Русско-японской войны. Ранен и контужен. Командовал ротой в лейб-гвардии Павловском полку (20.11.1911–20.11.1913). Старший адъютант штаба 49-й пехотной дивизии (с 26.11.1913). Участник Первой мировой войны. Обер-офицер для поручений при штабе

XXVIII армейского корпуса (на 02.1915). Старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии (с 03.12.1915). Помощник начальника управления военного воздушного флота по административно-строевой части (с 18.11.1916). Штаб-офицер, заведующий обучающимися в Николаевской военной академии офицерами (с 21.09.1917). С 12.03.1918 в РККА. Руководил разработкой штатов и законоположений для РККА. Участник антибольшевистского подполья. При эвакуации академии в Екатеринбург остался в Петрограде. Арестован в Петрограде без предъявления обвинения (22.06.1918–01.02.1919). Освобожден после вмешательства председателя СНК В.И. Ленина. Прикомандирован к штабу Северного фронта. Выбыл неизвестно куда (06.1919). Перешел на сторону Северо-Западной армии. Занимался вопросами снабжения. В эмиграции в Польше и Германии. Член общества взаимопомощи офицеров бывших российских армии и флота (Германия, на 10.1921). Участник Рейхенгалльского монархического съезда (1921). В Югославии (на 1923–1924) и Франции. Член Общества русских офицеров Генерального штаба. Умер в эмиграции. Награды: Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1904), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1904), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1905), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1907), Георгиевское оружие (24.02.1915), Св. Георгия 4-й ст. (24.04.1915), Св. Анны 2-й ст. с мечами (12.05.1915), Высочайшее благоволение (25.06.1915).

Поляков Валерий Николаевич (26.04.1882–29.03.1961) — окончил Александровский кадетский корпус, Павловское военное училище (1901) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1908). Подпоручик (со ст. с 13.08.1901). Поручик (со ст. с 13.08.1905). Капитан (со ст. с 02.05.1908). Подполковник (с 22.03.1915 со ст. с 06.12.1914). Полковник (с 15.08.1916 со ст. с 06.12.1915). На службе с 31.08.1899. В лейб-гвардии стрелковом полку (позднее лейб-гвардии 3-м стрелковом). Командовал ротой лейб-гвардии в 3-м стрелковом его величества полку (25.11.1908–05.12.1910). Старший адъютант штаба XI армейского корпуса (26.11.1910–17.12.1911). Помощник старшего адъютанта штаба Киевского военного округа (17.12.1911–01.02.1912). И.д. помощника делопроизводителя старшего оклада канцелярии Военного министерства (с 01.02.1912). Участник Первой мировой войны. И.д. штаб-офицера для поручений отдела генерал-квартирмейстера штаба армии (1915). Помощник делопроизводителя канцелярии Военного министерства (с 09.10.1915), делопроизводитель (с 04.05.1916, на 01.1917). В штабе 9-й армии. Приватный лектор Николаевской военной академии (1917–1918). Участник Гражданской войны. В РККА (на 1918). Делопроизводитель законодательно-финансового управления при Военно-законодательном совете. От академии ездил в Донскую область в качестве квартирьера. По некоторым данным, назад не вернулся. Уволен от службы приказом наркомвоен (13.08.1918). Перешел в украинскую армию (1918). С 20.08.1918–1920 в Добровольческой армии, ВСЮР и Русской армии. Военный агент в Греции (с 04.06.1919). В эмиграции в Сербии (Земун) и Бельгии. Старейший стрелок объединения лейб-гвардии 3-го стрелкового полка (на 11.1951). Умер в Брюсселе. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (1911, утв. 04.03.1912), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (31.01.1915), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (31.01.1915), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (27.03.1915). Супруга Елена Чайковская (1890–1954). Сын Николай (1919–1987).

Рытов Дмитрий Иванович (03.08.1889–?) — казак станицы Атаманской 2-го военного отдела Сибирского казачьего войска. Вольноопределяющийся 1-го разряда. окончил военное училище (1915). Прапорщик армейской пехоты с назначением в 7-ю бригаду (01.07.1915). Хорунжий (с 31.05.1916 со ст. с 06.03.1916) с зачислением по Сибирскому казачьему войску. Сотник (с 26.04.1917 со ст. с 06.12.1916). Подъесаул с переименованием в штабс-ротмистры и зачислением по армейской кавалерии (с 08.01.1919 со ст. с 06.12.1917). Участник Первой мировой войны. Младший офицер 7-й роты 69-го пехотного полка (с 06.08.1915). Командующий 7-й ротой (с 15.09.1915). Командирован по собственному желанию в бригадную пулеметную команду для прохождения курса пулеметного дела, сдал роту (24.11.1915). Переведен на службу в 6-й Сибирский казачий полк (19.12.1915, прибыл 30.01.1916). Окончил курс пулеметного дела (04.01.1916). Младший офицер 4-й сотни полка (с 30.01.1916). Вр. командовал сотней (17.04–20.06.1916; 24.03–25.04.1917). Начальник команды связи полка (с 26.04.1917). Уволен в 2-месячный отпуск по болезни (10.02.1918), но из-за демобилизации армии не возвратился. По случаю демобилизации армии уволен в запас в войско (12.02.1918). Участник Гражданской войны. Начальник партизанского отряда, им сформированного для очищения станиц от большевиков (с 01.03.1918). По приказанию командира Степного Сибирского корпуса прибыл с отрядом в Омск (09.06.1918). Отряд переформирован в сотню, назначен командиром этой сотни (15.06.1918), находясь в распоряжении Степного Сибирского корпуса. Офицер для поручений при штабе дивизии (с 20.06.1918). Личный адъютант командующего Сибирской армией и военного министра Сибири А.Н. Гришина-Алмазова (с 04.08.1918). Уволен в связи с увольнением генерала Гришина-Алмазова (18.09.1918). Прикомандирован к штабу Западно-Сибирского военного округа (21.09.1918). Командирован в распоряжение 1-го генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего для назначения в общий отдел (19.10.1918). Командирован в качестве старшего адъютанта Особой миссии Верховного командования на Восток (27.11.1918). Прибыл из командировки и назначен в распоряжение генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего (28.12.1918). Обер-офицер для поручений при Особой канцелярии штаба Верховного главнокомандующего (с 01.02.1919). Офицер для поручений при морском техническом управлении Морского министерства (с 23.05.1919). Личный адъютант 1-го помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего А.И. Андогского. (с 20.08.1919). И.д. инструктора верховой езды Военной академии (до 01.01.1920). И.д. помощника инструктора верховой езды Военной академии (с 01.01.1920). Перевелся в охранную стражу КВЖД (01.1920). Награды: Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом.

Рябиков Павел Федорович (24.03.1875–27.08.1932) — из дворян Витебской губ., уроженец Владивостока (по др. данным — пос. Посыет Никольск-Уссурийского уезда Приморской обл.). Родился в семье подполковника. Окончил Полоцкий кадетский корпус (1893), Константиновское артиллерийское училище (до 24.08.1894 — 2-е военное Константиновское училище) по 1-му разряду (1895), 2 класса Николаевской академии Генерального штаба по 1-му разряду и дополнительный курс «успешно» (1901). Унтер-офицер (с 03.10.1894). Портупей-юнкер (с 18.12.1894). Подпоручик (с 12.08.1895 со ст. с 08.08.1894). Поручик (с 27.07.1899 со ст. с 08.08.1898). Штабс-капитан (за отличные успехи в науках в академии, с 23.05.1901). Капитан (со ст. с 06.04.1903). Подполковник (со ст. с 06.12.1907). Пол-

ковник (с 06.12.1911). Генерал-майор (с 31.03.1917). На службе юнкером рядового звания на правах вольноопределяющегося 1-го разряда с 31.08.1893. Разрешено носить очки при стрельбе (29.09.1894). В 13-й артиллерийской бригаде (с 08.1895), прибыл и зачислен в 4-ю батарею (18.10.1895). Адьютант 2-го дивизиона с перечислением в штат управления последнего (01.09.1896–01.05.1898). Причислен к Генеральному штабу и назначен на службу в Виленский военный округ (24.05.1901). Старший адъютант штаба III армейского корпуса (29.12.1901–07.11.1902). Обер-офицер для особых поручений при штабе III армейского корпуса (07.11.1902–07.07.1903). Помощник столоначальника Главного штаба (07.07.1903–06.07.1904). Правитель дел Офицерской стрелковой школы (06.07–19.10.1904). Участник Русско-японской войны. Обер-офицер для поручений при управлении генерал-квартирмейстера 2-й Маньчжурской армии (19.10.1904–14.08.1906). Командовал ротой в лейб-гвардии Финляндском полку (17.12.1905–17.10.1906). Помощник делопроизводителя ГУГШ (14.08.1906–01.08.1910). В прикомандировании к Владимирскому военному училищу для преподавания военных наук (01.08.1910–08.10.1911). Штаб-офицер, заведующий обучающимися в Николаевской военной академии офицерами (с 08.10.1911). Участник Первой мировой войны. Начальник штаба 59-й пехотной дивизии. Старший адъютант разведывательного отделения штаба 2-й армии (с 21.10.1914). Начальник разведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Северного фронта (с 15.08.1915). Командир 199-го пехотного Кронштадтского полка (с 16.02.1916). Штаб-офицер, заведующий обучающимися в Николаевской военной академии (с 22.01.1917 с переводом в Генштаб, прибыл 03.02.1917). И.д. штатного преподавателя военных наук Николаевской военной академии (с 10.05.1917). Помощник 1-го обер-квартирмейстера ГУГШ с оставлением штатным преподавателем академии (с 22.06.1917). 2-й обер-квартирмейстер ГУГШ с оставлением штатным преподавателем академии (с 04.10.1917). 2-й генерал-квартирмейстер ГУГШ с оставлением штатным преподавателем академии (с 11.01.1918). Отчислен от должности 2-го генерал-квартирмейстера с оставлением штатным преподавателем академии (с 01.05.1918). Участник Гражданской войны. Экстраординарный профессор Военной академии (с 07.05.1919). 2-й генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего (с 28.05.1919). Начальник штаба Восточного фронта (02.10–08.11.1919). В командировке в Китай и Японию в качестве представителя атамана Г.М. Семенова (1920). В эмиграции — в Чехословакии. Умер в Праге. Похоронен на Ольшанском кладбище. Теоретик и практик организации агентурной разведки. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (1903), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1905), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1905), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1905), Св. Анны 2-й ст. (1908) с мечами (1915, утв. 23.04.1916), Св. Владимира 4-й ст. (06.12.1912) с мечами и бантом (1915), Св. Владимира 3-й ст. с мечами (21.02.1915).

Соч.: Разведывательная служба в мирное и военное время. Томск, 1919. Ч. 1–2.

Саук Флориан Станиславович (17.08.1880–?) — из крестьян. Выдержал испытание на классный чин военного ведомства по программе пехотного юнкерского училища и в испытательном комитете Петроградского учебного округа в знании курса уездных училищ. Коллежский регистратор (с 23.09.1907). Губернский секретарь (с 23.09.1910). Коллежский секретарь (с 1912 со ст. с 23.09.1912). Титулярный советник (с 23.09.1914 со ст. с 23.09.1912). Коллежский асессор (с 27.08.1917 со ст. с 23.09.1915). На службе с 12.12.1901. Служил по линии МВД (17.04.1908–28.07.1914). Бухгалтер при канцелярии главного начальника Двин-

ского военного округа на театре военных действий (27.01.1915–14.11.1916). Помощник бухгалтера академии (14.11.1916–12.10.1918, должность VIII класса), помощник заведующего бухгалтерской частью академии (с 12.10.1918). Остался в России (1922). Помощник заведующего хозяйством академии (на 11.1922). Награды: чин коллежского секретаря (1912), Св. Станислава 3-й ст. (1914), Св. Анны 3-й ст. (1915), Св. Станислава 2-й ст. (1916), Св. Анны 2-й ст. (12.02.1917).

Сергиевский Дмитрий Дмитриевич (10.03.1867–04.06.1920) — из Воронежской губ., родился в семье священника. Окончил Воронежскую классическую гимназию, физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета по отделению чистой математики (1889), выдержал офицерский экзамен при Михайловском артиллерийском училище, окончил геодезическое отделение Николаевской академии Генерального штаба по 1-му разряду (1897). Подпоручик (со ст. с 09.08.1891). Поручик (со ст. с 12.03.1893). Штабс-капитан (за отличные успехи в науках в академии, с 19.05.1897). Капитан (со ст. с 18.04.1899). Подполковник (со ст. с 06.04.1903). Полковник (за отличие, с 1907 со ст. с 22.04.1907). Генерал-майор (с 14.04.1913). На службе с 23.11.1889. В Туркестанской артиллерийской бригаде (1890–1894). В корпусе военных топографов (01.03.1899–10.11.1900). Производитель астрономических работ военно-топографического отдела Главного штаба, возглавлял экспедицию для производства градусных измерений на Шпицбергене (22.03.1899–10.1900). Помощник начальника геодезического отделения военно-топографического отдела Главного штаба (10.11.1900–03.02.1905). Редактор 4 томов «Записок военно-топографического управления». Производил астрономо-геодезические работы, определял силу тяжести с использованием маятникового прибора Штернека в Санкт-Петербургской, Псковской и Новгородской губ. (1901–1902). Преподавал в 1-м кадетском корпусе, в Николаевском инженерном училище, в Николаевской инженерной академии, в Военно-топографическом училище. Делопроизводитель эмеритального отдела канцелярии Военного министерства (03.02.1905–01.09.1910). Экстраординарный профессор Императорской Николаевской военной академии (15.08.1908–14.01.1911) и Института инженеров путей сообщения императора Александра I (01.09.1910–06.03.1913). Ординарный профессор Императорской Николаевской военной академии (с 14.01.1911) и Института инженеров путей сообщения императора Александра I (с 06.03.1913). И.д. правителя дел профессор Императорской Николаевской военной академии (1914). Участник Первой мировой войны. Генерал для поручений при главном начальнике снабжений армий Юго-Западного фронта (04.11.1914–19.02.1915). Начальник канцелярии главного начальника снабжений армий Юго-Западного фронта (с 19.02.1915, на 01.1917). Ординарный профессор Николаевской военной академии (с 22.09.1917). С 1918 в РККА (добровольно). При эвакуации академии в Екатеринбург остался в Петрограде. Профессор геодезического отделения Военно-инженерной академии (23.01.1919–1920). Преподавал на первых советских топографических курсах (с 16.12.1918). Умер в Петрограде. Похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря в Петрограде. Член Императорского русского астрономического общества. Член Императорского русского географического общества (с 1918 — председатель отделения математической географии). Награды: серебряная медаль Императорского русского географического общества за исследование белгородского аномального района земного магнетизма (1889), Св. Станислава 3-й ст. (1901), нагрудный знак в память окончания градусного измерения на островах Шпицбергена (07.1902), Св.

Владимира 4-й ст. (09.1902) и пожизненная пенсия в 250 руб. в год по случаю окончания экспедиции на Шпицберген, малая золотая медаль Императорского русского географического общества за геодезические работы на Шпицбергене и в других местностях (1905), Св. Владимира 3-й ст. (06.12.1909), Св. Станислава 1-й ст. (06.12.1913), Св. Анны 1-й ст. (18.03.1915), Св. Владимира 2-й ст. (11.08.1915). Женат, 2 детей (на 1914).

Соч.: Маятники Штернека и некоторые опыты с ними, произведенные в Пулкове в 1898 году. СПб., 1902; Влияние на точность элементов земного сфероида, выведенных Кларком, позднейших градусных измерений. СПб., 1902; Геодезия. СПб., 1910; 1911; Высшая геодезия. СПб., 1913; 1915; Наставление для производства летней геодезической практики в 1914 году. СПб., 1914; Наставление для выполнения практических занятий по геодезии на курсах в младшем классе Николаевской военной академии. Пг., 1917.

Слижи́ков Аркадий Павлович (05.11.1882–19.05.1940) — из дворян, сын подполковника, уроженец Могилевской губ. Окончил Полоцкий кадетский корпус (1901), Павловское военное училище по 1-му разряду (1903), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду и дополнительный курс «успешно» (1909). Подпоручик (со ст. с 10.08.1903). Поручик (с 06.12.1907 со ст. с 10.08.1907). Штабс-капитан (со ст. с 30.04.1909). Капитан (со ст. с 09.01.1912). Подполковник (со ст. с 15.06.1915; позднее — с 06.12.1914). Полковник (со ст. с 06.12.1916). Генерал-майор (с 1920). На службе с 31.08.1901. В 183-м пехотном резервном Пултусском полку (с 10.08.1903), батальонный адъютант (02.11.1904–29.01.1905). Прикомандирован к лейб-гвардии Кексгольмскому императора Австрийского полку (31.12.1904, переведен в полк 12.04.1906). Командир роты лейб-гвардии Кексгольмского полка (18.08.1909–24.11.1911). Причислен к Генеральному штабу и откомандирован к штабу Петербургского военного округа (11.05.1909). Переведен в Генеральный штаб капитаном (09.01.1912). Старший адъютант штаба 7-й пехотной дивизии (09.01–03.03.1912). Помощник старшего адъютанта мобилизационного отделения штаба Варшавского военного округа (03.03.1912–18.07.1914). Участник Первой мировой войны. Помощник старшего адъютанта оперативного отделения штаба 2-й армии (с 18.07.1914). И.д. помощника старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 2-й армии (с 25.01.1915). И.д. старшего адъютанта военно-цензурного отделения штаба 12-й армии (21.05–14.06.1915). И.д. старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 5-й армии (с 14.06.1915, утв. 15.06.1915). В распоряжении начальника штаба XIX армейского корпуса (с 16.06.1915). И.д. начальника штаба 11-й Сибирской стрелковой дивизии (с 15.08.1915, на 1917). Штаб-офицер, заведующий обучающимися в Императорской Николаевской военной академии офицерами (с 20.10.1916). Штаб-офицер для поручений общего отделения отдела генерал-квартирмейстера штаба 2-й армии (на 01.1917). Штатный преподаватель военных наук Николаевской военной академии с оставлением в должности штаб-офицера, заведующего обучающимися в академии (ПАФ 10.05.1917). Правитель дел Военной академии (21.09–12.10.1917, по др. документам — с 16.08.1917) с оставлением в должности штатного преподавателя военных наук. Штаб-офицер, заведующий обучающимися в Николаевской военной академии, и штатный преподаватель военных наук (с 15.11.1917). Участник Гражданской войны. На службе в РККА (1918). Член комитета профессорско-преподавательского состава академии (с 22.05.1918). Вместе с Военной академией перешел на сторону антибольшевистских сил. Находился на Восточном антибольшевистском фронте (08.1918–1920). Вр.и.д. начальника Генерального штаба Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания

(с 13.08.1918). Помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего (27.09.1918–24.12.1918). Читал курсы тактики пехоты и истории мировой войны на ускоренных курсах 4-й очереди Военной академии (1919). И.о. курсового штаб-офицера Военной академии (с 03.1919). Участник разработки краткого курса тактики для школ прапорщиков (1919). Начальник военно-училищных курсов в Томске (с 04.1919). Вр.и.д. 1-го генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего (09.08–14.10.1919). И.д. правителя дел Военной академии (с 20.10.1919). Возложено формирование военного училища во Владивостоке (20.08.1920). Начальник военного училища (с 30.10.1920). Освобожден от должности правителя дел Военной академии с оставлением штатным преподавателем военных наук (14.04.1921). Утратил на 70% трудоспособность (на 12.1921). Делегат съезда представителей дальневосточных национальных организаций (09.1922). Избран вице-председателем совета национального съезда (09.1922). В эмиграции — в Харбине и Дайрене (Китай). Сотрудничал с Российским фашистским союзом (с 1935). Выступал с докладами. Участник поездки чрезвычайной делегации Российского фашистского союза во главе с К.В. Родзевским в Японию. Умер в Дайрене. Награды: Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1914), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1915), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1915), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1915), Св. Анны 2-й ст. (1916) с мечами (14.04.1917). Супруга (на 1919) Людмила Болеславовна. Дети: Константин (18.07.1909), Зоя (08.07.1911), Людмила (14.07.1917).

Смелов Иван Иванович (30.01.1884–?) — сын казака области войска Донского. Окончил Урюпинское реальное училище, слушал лекции в Императорском инженерном училище ведомства путей сообщения, окончил Московское военное училище по 1-му разряду, Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду с премией имени генерал-адъютанта Обручева за лучшую стратегическую задачу (1913). Унтер-офицер (с 02.09.1903). Младший портупей-юнкер (с 19.12.1903). Подпоручик (с 09.08.1904 со ст. с 10.08.1903). Поручик (с 01.10.1907 со ст. с 10.08.1907). Штабс-капитан (с 01.10.1911 со ст. с 10.08.1911). Капитан (с 02.02.1915 со ст. с 10.08.1913). Подполковник (с 06.12.1916 со ст. с 15.08.1916). Полковник (приказ по войскам Сибирской армии 17.09.1918 со ст. с 15.02.1918). На службе с 26.08.1902 юнкером рядового звания. В 9-м саперном батальоне (с 10.09.1904). Обучающий в унтер-офицерском классе (18.09.1904–01.09.1906). Отправился на Дальний Восток (с 26.02.1905), перешел границу (03.04.1905). Прибыл в состав войск Приморской обл. (13.04.1905–23.04.1906). Участник Русско-японской войны. В походе на Дальний Восток (26.02.1905–28.06.1906). В командировке в составе полуроты 2-й роты в урочище Славянка (26.04–13.05.1905). В Раздолинском отряде (с 13.06.1905). На работах по укреплению запасной позиции (21.05–13.06.1905). На работах по укреплению позиции на Лохматой горе (13–20.06.1905). В отдельной командировке со взводом 2-й роты в крепости Николаевск и заливе Де-Кастри (22.06–19.09.1905). Обучающий в 1-м саперном классе 1-го отделения (01.09.1906–10.04.1907). Поступил в Николаевскую академию Генерального штаба (1908). Отчислен со старшего курса академии в часть как получивший неудовлетворительный балл (05.05.1910). Прибыл в часть (25.05.1910). Обучающий в 1-м отделении саперного класса (17.08–15.10.1910). Поступил в старший класс академии (1911). Причислен к Генеральному штабу (18.05.1913) и откомандирован к штабу Московского военного округа. Прибыл (01.07.1913). В полевой поездке офицеров Генерального штаба Московского военного окру-

га в Брест (15.07–02.08.1913). В Любуцком лагере для участия в комиссии по производству экзамена сверхсрочнослужащим нижним чинам на чин прапорщика запаса (04–06.08.1913). На подвижных сборах 1-й гренадерской дивизии (23.08–09.09.1913). Преподавал в Алексеевском военном училище. Ценовое командование ротой в 3-м гренадерском Перновском полку (с 02.04.1914), командующий 10-й ротой. В особой командировке (02–08.06.1914). В командировке для рекогносцировки подвижных сборов (19–24.06.1914). Командирован в штаб 1-й гренадерской дивизии на должность старшего адъютанта 53-й пехотной дивизии согласно мобилизационного расписания (17.07.1914). Участник Первой мировой войны. Обер-офицер Генерального штаба для поручений штаба Гренадерского корпуса (с 17.07.1914). Отправился на театр военных действий (25.07.1914), прибыл (01.08.1914). Перешел австрийскую границу (03.09.1914), обратно перешел границу (05.09.1914). Командирован в Москву (18.01–02.02.1915). Обер-офицер при штабе Гренадерского корпуса с переводом в Генеральный штаб (с 02.02.1915). Командирован в распоряжение генерала Шварца (18–24.02.1915). Начальник кадровой команды разведчиков при штабе Гренадерского корпуса с правами ротного командира (с 15.01.1915). Командирован с командой для обучения Польского легиона (14–25.03.1915). Старший адъютант штаба 1-й гренадерской дивизии (с 10.09.1915, прибыл 23.10.1915). Вр.и.д. начальника штаба дивизии (01–17.11.1915; 28.01–05.02.1916). Вр.и.д. помощника старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 4-й армии (с 09.02.1916), прибыл и назначен в разведывательное отделение (14.02.1916). Командирован в штаб V армейского корпуса (19.02–02.04.1916). Помощник старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 4-й армии (29.02.1916), помощник старшего адъютанта общего отделения (с 26.05.1916), и.д. помощника старшего адъютанта оперативного отделения (штаб-офицерская должность, с 28.06.1916, утв. 26.07.1916), вр.и.д. старшего адъютанта оперативного отделения (14–23.07.1916), вр.и.д. старшего адъютанта общего отделения (02–23.10.1916). В командировке на повторительных курсах прапорщиков армии при штабе 4-й армии (08–22.11.1916). И.д. штаб-офицера для поручений при отделе генерал-квартирмейстера штаба 4-й армии (с 19.11.1916), утв. (Высочайший приказ 30.01.1917). Перешел границу Румынии (03.12.1916). В командировке в штабе румынской армии для связи со штабом 4-й русской армии (08.12.1916–02.01.1917). Заведующий обучающимися в Императорской Николаевской военной академии офицерами (Высочайший приказ 11.02.1917). Штатный преподаватель военных наук Николаевской военной академии с оставлением в должности штаб-офицера, заведующего обучающимися в академии (ПАФ 10.05.1917). Вр.и.д. правителя дел (с 12.10.1917). Правитель дел академии с оставлением в должности штатного преподавателя (с 15.11.1917). Отчислен от должности правителя дел (18.09.1918). Допущен к и.д. начальника штаба Сводного казачьего корпуса (11.04.1919), отправился к месту службы (28.04.1919). Попал в плен. Арестован Особым отделом ВЧК (на 10–11.1920, на 12.04.1921 в концлагере). Состоял в распоряжении штаба 5-й армии, исключен из списков РККА (приказ РВС СССР по личному составу армии № 338. 14.10.1924). Награды: Высочайшее благоволение за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий (06.02.1917), Георгиевское оружие (Высочайший приказ 06.01.1915 за отличие в бою 16.08.1914), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (Высочайший приказ 09.11.1914 за отличия в делах против австрийцев 11–18.08.1914), Св. Станислава 3-й ст. («за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий», 29.01.1906) с мечами и бантом (приказ войскам 4-й армии № 2282. 11.03.1916, за отличие в делах против непри-

ятеля), Св. Анны 3-й ст. (за отличные успехи в науках при окончании академии, 08.05.1913) с мечами и бантом (приказ войскам 4-й армии № 661 от 15.04.1915, за отличия в период боев 21.10–01.12.1914), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (Высочайший приказ 09.11.1914, за отличия в делах против австрийцев 19–30.08.1914), Св. Анны 2-й ст. с мечами (09.11.1914, за отличие в бою под Тарнавкой 27.08.1914), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (Высочайший приказ 26.02.1915, за отличия в боях против австро-германцев 08–21.10.1914), темно-бронзовая медаль в память Русско-японской войны, светло-бронзовые медали в память 300-летия царствования дома Романовых и 100-летия Отечественной войны 1812 г. Супруга вдова генерал-майора Ивана Зимина Александра Ивановна (25.06.1879). Удочерил детей супруги — Наталью (09.02.1897), Александру (30.03.1898). Дочь Вера (26.11.1914).

Смирнов Иван Андреевич (05.05.1873–?) — из мещан Псковской губ. Получил домашнее образование, выдержал экзамен при Санкт-Петербургском пехотном юнкерском училище на производство в классный чин. Коллежский регистратор (с 14.07.1902). Губернский секретарь (с 28.08.1905 со ст. с 14.07.1905). Коллежский секретарь (с 27.07.1908 со ст. с 14.07.1908). Титулярный советник (с 07.08.1911 со ст. с 14.07.1911). Коллежский ассессор (с 03.08.1914 со ст. с 14.07.1914). Надворный советник (с 06.12.1916 со ст. с 14.02.1914). На службе с 10.11.1894. Чиновник для усиления Главного штаба (14.07.1902–21.03.1907), ГУГШ (21.03.1907–13.07.1910). Помощник бухгалтера академии (13.07.1910–11.09.1914). Смотритель Калужского сводного эвакуационного № 3 госпиталя (11.09.1914–09.02.1915). Бухгалтер академии (с 09.02.1915, должность VII класса). Заведующий бухгалтерской частью академии (с 12.10.1918). Награды: Св. Станислава 3-й ст. (1906), Св. Анны 3-й ст. (1910), Св. Станислава 2-й ст. (22.03.1915).

Солдатов Григорий Васильевич (17.01.1876–08.04.1931) — уроженец хутора Чукарин станицы Вешенской Донецкого округа области войска Донского, сын казака. Окончил учительскую семинарию, Новочеркасское казачье юнкерское училище по 1-му разряду (за окончание курса награжден почетным оружием, 14.06.1901), Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1911), но без права производства в следующий чин и причисления к Генеральному штабу. Подхорунжий (с 18.06.1901). Хорунжий (с 02.12.1902 со ст. с 01.09.1901) с зачислением в комплект донских казачьих полков. Сотник (за выслугу лет, с 15.04.1906 со ст. с 01.09.1905). Подъесаул (с 05.10.1909 со ст. с 01.09.1909). Есаул (с 06.12.1914 со ст. с 01.09.1913). Переименован в капитаны (09.11.1915 со ст. с 01.09.1914; 15.08.1916 даровано ст. с 01.09.1910). Подполковник (ПАФ 01.10.1917, «за отлично-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны»). На службе с 31.08.1899 в Новочеркасском казачьем юнкерском училище по экзамену. В 8-м донском казачьем полку (с 15.08.1901). На льготе (с 20.12.1902). В 8-м Донском казачьем полку (с 28.12.1903). Командирован в мобилизованный 33-й Донской казачий льготный полк (28.06.1905). При демобилизации полка уволен на льготу (05.03.1908). Отчислен от академии в свой полк с прикомандированием к штабу Киевского военного округа (28.05.1911). Откомандирован в штаб 2-й казачьей сводной дивизии (21.06.1911), и.д. старшего адъютанта (с 23.06.1911), вр.и.д. начальника штаба дивизии (23.06–03.07.1911; 10–19.10.1911; 04–08.11.1911). Откомандирован в распоряжение атамана Донского округа (23.01.1912). Прикомандирован к Новочеркасскому казачьему училищу (31.01.1912), и.о. младшего офи-

цера. Предоставлено право преподавания топографии (18.04.1912). Предоставлено право преподавания тактики в военных училищах (04.05.1913). Участник Первой мировой войны (с 15.06.1915). И.д. старшего адъютанта штаба 10-й Сибирской стрелковой дивизии (с 19.05.1915). Вр.и.д. начальника штаба дивизии (01–28.08.1915; 12–15.01.1916; 23.01–02.03.1916; 09–20.05.1916). Причислен к Генеральному штабу (приказ по Генеральному штабу № 1. 1915). Участвовал в боях у д. Бернагы (03.07.1915), у д. Мамины Вышки (04–05.07.1915), у д. Крушева (06–13.07.1915), у д. Липянка-Тсиск (17–18.07.1915), у д. Бораве (19–20.07.1915), у д. Пшешки (21–24.07.1915), у д. Червин (25.07.1915), у м. Городок, д. Грибовцы, Эйминовцы, Терешки, Бобловский лес, м. России, Красный Груд (07–12.08.1915), на р. Неман у м. Мосты (23–28.08.1915), у фольварка Терездвор на озере Нарочь (04.11.1915), у фольварка Терездвор Посошки (05.12.1915), у Огинского канала (17–19.07.1916). Переведен в Генеральный штаб с переименованием в капитаны (09.11.1915). Ранен при господском дворе Хворосно (19.07.1916) осколком снаряда в голову. Прикомандирован к Императорской Николаевской военной академии (15.11.1916) для исполнения должности заведующего обучающимися офицерами. И.д. заведующего обучающимися офицерами академии. Штатный преподаватель съемки и черчения академии (с 08.09.1917) с зачислением по армейской пехоте и с переименованием в ротмистры. И.д. штаб-офицера, заведующего обучающимися в академии. Участник Гражданской войны. Выехал из Екатеринбурга в Казань (07.1918). Штатный преподаватель академии. Числился по армейской кавалерии. Командирован в распоряжение 1-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем (18.08.1919, выехал в Омск 23.08.1919). Допущен к и.д. начальника штаба отдельной Оренбургской казачьей бригады (с 26.08.1919 — приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего № 1026. 07.09.1919). Прибыл в распоряжение Походного атамана всех казачьих войск (31.08.1919). Совершил антидисциплинарный поступок в отношении руководства академии. Попал в плен. В РККА (с 26.02.1920). Начальник административной части Енисейского губвоенкомата. Арестован (15.03–16.11.1920). Числился под арестом за Особым отделом Восточно-Сибирского военного округа (с 14.05.1920). Учитель школы в Люберцах (на 1930). Проживал в Москве, в Бобруйских бараках. Арестован 14.08.1930. Приговорен Коллегией ОГПУ 03.04.1931 к расстрелу по обвинению в подготовке вооруженного восстания и шпионаже. Расстрелян. Место захоронения — Ваганьковское кладбище. Реабилитирован 01.1989. Награды: Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (Высочайший приказ 30.07.1915), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (Высочайший приказ 01.11.1915), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (приказ по войскам 2-й армии 02.01.1916, утв. — Высочайший приказ 04.01.1917), светло-бронзовые медали в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. на Владимирской ленте (26.08.1912), в память 300-летия царствования дома Романовых на национальной ленте (21.02.1913), год старшинства за исполнение должностей Генерального штаба в полевых штабах. Владел участком земли в размере 1390,25 квадратных сажень в Дальницком полицейском участке Одессы. Супруга Екатерина Васильевна Средняя, дочь капитана 1-го ранга. Сестра Анастасия. Детей не имел (на 1919).

Сторожев Илья Иванович (20.07.1882–1920) — сын отставного канцелярского служащего. Выдержал экзамен на вольноопределяющегося 2-го разряда, окончил Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду (1902), Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1913) и военную школу летчиков. Под-

прапорщик (с 10.08.1902). Подпоручик (с 01.12.1902). Поручик (с 20.11.1906). Штабс-капитан (с 10.09.1910). Капитан (с 02.02.1915 с переводом в Генштаб). Подполковник (с 06.12.1916 со ст. с 15.08.1916). Полковник (с 17.09.1918). На службе с 17.09.1899. В 146-м пехотном Царицынском полку (с 17.09.1899). В 148-м пехотном Каспийском полку (с 10.08.1902). Во 2-м пехотном Сибирском Читинском полку (с 12.05.1904). Прикомандирован к 1-му Читинскому запасному батальону (с 23.05.1904). И.д. начальника Читинской местной команды (с 19.09.1904). В 146-м пехотном Царицынском полку (с 18.03.1907). Причислен к Генштабу с откомандированием в штаб Варшавского военного округа (с 18.05.1913). Прикомандирован к штабу VI армейского корпуса (09.11.1913). И.д. старшего адъютанта (с 31.01.1914). Прикомандирован к 64-му пехотному Казанскому полку для цензового командования ротой (с 01.04.1914). Участник Первой мировой войны. Командирован в штаб VI армейского корпуса на должность и.д. обер-офицера для поручений (с 22.07.1914). Командирован в штаб 2-й армии на должность помощника старшего адъютанта (с 16.01.1915). Помощник старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 2-й армии (с 20.02.1915). Допущен к и.д. старшего адъютанта штаба VII кавалерийского корпуса (24.02.1916, утв. 01.03.1916). И.д. штаб-офицера для поручений при штабе 5-й армии (03.09.1916). Штаб-офицер для поручений по авиации (с 20.01.1917). Командирован в школу летчиков (с 01.03.1917). Откомандирован в штаб 5-й армии (13.04.1917). Удостоен звания летчика-наблюдателя (29.04.1917). Начальник штаба 20-й Сибирской стрелковой дивизии (с 01.07.1917). Штаб-офицер, заведующий обучающимися в Николаевской военной академии (20.11.1917). Участник Гражданской войны. Штатный преподаватель военных наук (с 27.05.1918). Начальник штаба Сибирского военного округа (с 10.09.1918). Пропал без вести (1920). Награды: Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1907), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1908), Св. Анны 3-й ст. (1908) с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст. с мечами (07.06.1916), Св. Анны 2-й ст. с мечами (26.10.1915), Св. Владимира 4-й ст. с мечами, Св. Георгия 4-й ст. (по др. документам — Георгиевский крест, установленный для офицеров, № 672392). Супруга (на 1921) Анна Алексеевна. Имеет пасынка.

Сурин Виктор Ильич (11.04.1875–18.03.1967) — из Бессарабской губ. Окончил Владимирский Киевский кадетский корпус (1893), Михайловское артиллерийское училище по 1-му разряду (1896), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1906). Подпоручик гвардии (со ст. с 12.08.1896). Поручик (со ст. с 12.08.1900). Штабс-капитан (со ст. с 12.08.1904). Капитан (с 1908). Подполковник (с 06.12.1912 со ст. с того же числа). Полковник (со ст. с 15.06.1915; 09.09.1917 устан. ст. с 15.06.1914; 11.10.1917 устан. ст. с 06.12.1912). Генерал-майор (с 24.08.1917). Генерал-лейтенант (с 15.06.1919). На службе с 29.08.1893. В лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригаде. Во 2-м Туркестанском стрелковом батальоне для цензового командования ротой (10.10.1906–10.10.1908). Старший адъютант штаба 45-й пехотной дивизии (26.11.1908–20.12.1909). Командирован во Францию с ученой целью (09.01–01.09.1909). Помощник старшего адъютанта штаба войск гвардии и Петербургского военного округа (20.12.1909–07.09.1910). И.д. помощника делопроизводителя старшего оклада канцелярии Военного министерства (07.09.1910–04.01.1912). И.д. делопроизводителя канцелярии Военного министерства (с 04.01.1912). Участник Первой мировой войны. Штаб-офицер для поручений при главном начальнике снабжений Северо-Западного фронта (с 07.1914; с 08.1915 — Западного фронта). И.д. начальника этапно-хозяйственного отдела штаба 2-й ар-

мии (с 17.10.1915). Командир 123-го пехотного Козловского полка (с 18.09.1916). Генерал-квартирмейстер штаба 3-й армии (18.04–13.06.1917). И.д. начальника канцелярии Военного министерства (с 13.06.1917). Участник Гражданской войны. Штатный преподаватель Военной академии. Прикомандирован к академии (с 03.05.1918). И.д. штатного преподавателя военных наук академии по кафедре военной администрации (с 08.05.1918). Главный начальник снабжений Сибирской армии (с 16.08.1918, вступил в должность 13.09.1918). Помощник военного министра по снабжению и технической части (с 04.11.1918). Вр.и.д. военного министра (21.11.1918–05.01.1919). Главный начальник снабжений действующей армии (с 05.06.1919) с оставлением в прежних должностях. Участник Сибирского Ледяного похода. В резерве чинов сухопутных и морских сил Временного правительства Приморской областной земской управы (с 17.06.1920). В отставке (с 01.09.1920). В эмиграции — в Китае (Харбин). Старший агент экономического бюро КВЖД. Приват-доцент юридического факультета по кафедре экономической географии (с 29.12.1931). Переехал в США. Умер в Сан-Франциско. Похоронен на Сербском кладбище в г. Колма под Сан-Франциско. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (06.12.1911), Св. Анны 3-й ст. (06.12.1913), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1916), Св. Анны 2-й ст. с мечами (13.12.1916), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (19.04.1917), светло-бронзовые медали в память 300-летия царствования дома Романовых (1913), за труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 г. (1915). Супруга Нина Владимировна (14.12.1888–05.01.1985). Дочь Валерия (27.11.1911–08.09.1989).

Соч.: Горные войска и действия в горах. По опыту французских специальных горных войск. СПб., 1912; Партизанская война. Владивосток, 1922; Северная Маньчжурия: Экономический обзор. Харбин, 1925. Вып. 1–2; Статистика. Харбин, 1927. Вып. 1–2; Тихоокеанская проблема и Северная Маньчжурия. Харбин, 1928; Промышленность Северной Маньчжурии и Харбина. Харбин, 1928; Лесное дело в Маньчжурии. Харбин, 1930; Маньчжурия и ее перспективы. Харбин, 1930; Железные дороги в Маньчжурии и Китае. Харбин, 1932.

Сурнин Александр Александрович (13.08.1877–1932) — сын капитана, уроженец Санкт-Петербургской губ. Окончил Александровский кадетский корпус (1896), Павловское военное училище по 1-му разряду (1898), Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1914). Подпоручик (с 08.08.1898 со ст. с 01.08.1897). Поручик (с 06.12.1902 со ст. с 08.08.1902). Штабс-капитан (с 06.12.1906 со ст. с 08.08.1906). Капитан (с 06.12.1911 со ст. с 08.08.1910). Подполковник (с 15.08.1917 со ст. с 06.12.1916). Полковник (со ст. с 06.06.1918). Генерал-майор (со ст. с 25.12.1918). На службе с 31.08.1896. В лейб-гвардии Павловском полку (прикомандирован с 08.08.1898, переведен 07.09.1899). В 34-м Восточно-Сибирском стрелковом полку с переименованием в штабс-капитаны (с 15.04.1904). Участник Русско-японской войны. Переведен в лейб-гвардии Павловский полк поручиком (10.11.1905). Причислен к Генштабу с отчислением к штабу Приамурского военного округа (с 22.05.1914). Прикомандирован к ГУГШ (с 22.08.1914). Обер-офицер для поручений при штабе VI Сибирского армейского корпуса (с 05.10.1914). Участник Первой мировой войны. Допущен к и.д. старшего адъютанта штаба 13-й Сибирской стрелковой дивизии (с 17.03.1915). Допущен к и.д. помощника старшего адъютанта штаба 5-й армии (28.09.1915). Начальник контрразведывательного отделения отдела генерал-квартирмейстера штаба 5-й армии (с 06.07.1917). Начальник контрразведывательного отделения штаба Петроградского военного округа (с 06.10.1917). В штабе Петроградского военного округа при демобилизации. Участник Гражданской войны. На службе в РККА. Начальник статистического отдела

мобилизационного управления штаба Уральского военного округа (с 10.05.1918). Вр.и.д. штатного руководителя практических занятий Военной академии (с 03.08.1918). И.д. штаб-офицера, заведующего обучающимися в академии (с 19.09.1918). И.д. начальника штаба I Средне-Сибирского отдельного корпуса (с 21.10.1918). И.д. начальника штаба Северной группы (с 28.04.1919). и.д. генерал-квартирмейстера штаба Иркутского военного округа (с 20.08.1919). И.д. курсового штаб-офицера Военной академии (1920). И.д. заведующего обучающимися слушателями. В резерве чинов при штабе войск (с 15.06.1920). В эмиграции — в Китае. Оглох в результате неудачного лечения. Умер в Шанхае. Награды: Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1904), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1904), Св. Анны 2-й ст. с мечами (1905), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1905), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1905), Св. Владимира 4-й ст. (1914) с мечами и бантом (1915), Высочайшее благоволение (16.02.1916), чин генерал-майора, французский Военный крест (Croix de Guerre) с пальмовой ветвью (05.09.1919). Супруга (с 1915) Евгения Витальевна (08.04.1884, г. Торжок — 04.04.1981, г. Санта-Барбара, Калифорния). Дети: Елена (1916), Георгий (1917).

Сыромятников Александр Дмитриевич (04.02.1886–27.08.1938) — уроженец Санкт-Петербурга. Окончил 1-й кадетский корпус (1903), Михайловское артиллерийское училище (1905), Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1913). Подпоручик (со ст. с 15.07.1905). Капитан (15.08.1916 устан. ст. с 09.08.1912). Подполковник (с 02.04.1917 со ст. с 06.12.1916). Полковник. На службе с 31.08.1903. В 4-й резервной артиллерийской бригаде. В 49-й артиллерийской бригаде. В 51-й артиллерийской бригаде. Командовал ротой в 188-м пехотном Карском полку (1914). Участник Первой мировой войны. Помощник старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 4-й армии. Старший адъютант штаба 41-й пехотной дивизии. Старший адъютант штаба 3-й Кавказской стрелковой дивизии. Старший адъютант штаба XIX армейского корпуса (с 09.05.1916). И.д. штаб-офицера, заведующего обучающимися офицерами Императорской Николаевской военной академии (прибыл 08.02.1917, утв. — ПАФ 04.03.1917). Руководитель практических занятий по тактике и военной администрации. Штатный преподаватель военных наук Николаевской военной академии с оставлением в должности штаб-офицера, заведующего обучающимися в академии (ПАФ 10.05.1917). Участник Гражданской войны. В антибольшевистских формированиях на Востоке России. Вр.и.д. 1-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем (на 10.1918). Участник переворота 18.11.1918 в Омске. Начальник штаба уполномоченного Верховного правителя и Верховного главнокомандующего, командующего войсками в Енисейской и части Иркутской губерний генерал-лейтенанта С.Н. Розанова (на 03.1919). Начальник штаба Приамурского военного округа (08.09–18.11.1919). Попал в плен. В РККА (с 1920, на 1923). Начальник Высшей военной школы в Сибири. Штатный преподаватель академии Генштаба РККА (с 01.12.1921). Старший руководитель по тактике Военной академии РККА (на 01.03.1923). В управлении военно-учебных заведений Штаба РККА. Преподаватель военного дела 1-го МГУ. Работал в учреждениях Наркомата обороны СССР (на 1938). Арестован 27.03.1938. Осужден 29.07.1938 комиссией НКВД и прокуратуры СССР по обвинению в принадлежности к офицерской контрреволюционной шпионской организации к расстрелу. Расстрелян на Бутовском полигоне. Реабилитирован 12.03.1956. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (08.05.1913) с мечами и бантом (1914, утв. 31.03.1915), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (06.12.1914), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бан-

том (06.12.1914), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (06.12.1914), Св. Анны 2-й ст. с мечами (03.04.1916), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1916).

Томашевский Владислав Леопольдович (10.04.1882–?) — из потомственных дворян Волынской губ. Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус (1899), Константиновское артиллерийское училище по 1-му разряду (1901), два класса Императорской Николаевской военной академии по 1-му разряду (1910). На службе с 31.08.1899. Унтер-офицер (с 06.05.1900). Подпоручик (с 13.08.1901 со ст. с 09.08.1900). Поручик (с 29.08.1904 со ст. с 09.08.1904). Штабс-капитан (с 29.08.1908 со ст. с 09.08.1908). Капитан (за боевые отличия, с 06.06.1915 со ст. с 09.08.1912). Подполковник (за боевые отличия, с 10.04.1916 со ст. с 28.12.1914). Полковник (за боевые отличия, с 17.04.1916 со ст. с 26.11.1915; ПАФ 07.07.1917 утв. ст. с 26.10.1914). Генерал-майор (с 26.11.1917 со ст. с 26.10.1917). На службе с 30.08.1899. В 28-й артиллерийской бригаде (с 13.08.1901), вр.и.д. делопроизводителя 6-й батареи (08–16.11.1901; 31.03–02.04.1903), учитель бригадной учебной команды (10.07.1902–03.04.1903; 10.09.1905–23.03.1906; с 10.08.1906), вр. заведующий хозяйством 6-й батареи (19.10–04.11.1903), для пользы службы переведен в 8-ю батарею (29.05.1904), во 2-ю батарею (30.05.1904), в 4-ю батарею (19.06.1904), делопроизводитель 4-й батареи (20.06–01.08.1904; с 19.10.1904; 06.04.1906–11.07.1907), член бригадного суда (с 08.1906). Участник Русско-японской войны. Участвовал в бою у д. Таву (25.02.1905), ранен ружейной пулей в правую ногу. В 44-й артиллерийской бригаде (с 20.05.1907). Переведен в 44-ю артиллерийскую бригаду (с 20.05.1907). Прибыл в бригаду и зачислен в 1-ю батарею на должность младшего офицера (25.07.1907). Бригада переименована в 42-ю (10.08.1910). 2-й старший офицер (05.06.1911–29.01.1914). Член бригадного суда (с 16.05.1911). Заведующий школой подпрапорщиков (с 25.09.1911). Командирован в Киев для производства сообщений в полки 42-й пехотной дивизии (14–26.01.1912). Член суда общества офицеров (с 29.04.1912). Переведен в 4-ю батарею (03.10.1912). В дивизионной полевой поездке (26.04–06.05.1912). Командирован в Санкт-Петербург на артиллерийский склад для приема конной амуниции (09.09–03.10.1912). Прикомандирован к Главному артиллерийскому управлению на 6 месяцев для письменных занятий (09.01–06.09.1913). Прикомандирован к Александровскому военному училищу для преподавания военных наук (24.01 (прибыл 23.02) – 01.09.1914). Участник Первой мировой войны. Откомандирован к штатному месту службы (01.09.1914). Прибыл и назначен 1-м старшим офицером в 4-ю батарею (09.09.1914). Переведен в 6-ю батарею и назначен заведующим хозяйством (25.09.1914). Вр. командующий 5-й батареей (24.10–02.11.1914). Переведен в 5-ю батарею с отчислением от должности заведующего хозяйством (28.11.1914). Вр. командующий 4-й батареей (12.12.1914–13.04.1915). Прикомандирован к штабу 42-й пехотной дивизии для вр.и.д. старшего адъютанта по строевой части (19.04.1915). Допущен к и.д. старшего адъютанта штаба 5-й Донской казачьей дивизии (с 02.10.1915, прибыл 01.11.1915, отчислен 11.10.1915). Причислен к Генштабу 29.09.1915. Допущен к и.д. старшего адъютанта штаба 42-й пехотной дивизии (11.03.1916). Оставлен в должности старшего адъютанта штаба 5-й Донской казачьей дивизии (16.03–15.06.1916). Вр.и.д. начальника штаба 5-й Донской казачьей дивизии (08.12.1915–07.03.1916; 07–31.05.1916). Командир 1-го дивизиона 46-й артиллерийской бригады (с 24.05.1916, прибыл 24.06.1916). Командир 2-го дивизиона 21-й артиллерийской бригады (с 02.08.1916, вступил в должность 03.08.1916). Командир 2-го дивизиона 5-й артиллерийской бригады (с 22.09.1916,

прибыл 20.10.1916). Командующий 5-й артиллерийской бригадой (с 27.11.1917). Прибыл в академию Генерального штаба и допущен к и.д. штатного преподавателя сведений по технике артиллерийского дела (27.07.1918). Командирован в штаб Сибирской армии для назначения на должность инспектора артиллерии (14.02.1919), отправился (21.02.1919). Награды: Св. Георгия 4-й ст. (26.09.1915, утв. 26.08.1916), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (15.05.1915), Св. Анны 2-й ст. (06.12.1912) с мечами (08.06.1915), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (16.04.1905, за бои 17–25.02.1905, Высочайше утв. 08.05.1906), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (03.04.1915), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (30.09.1905), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (07.07.1907), светло-бронзовая медаль с бантом в память Русско-японской войны (21.01.1906), светло-бронзовая медаль в память 300-летия царствования дома Романовых (03.05.1913), чины капитана, подполковника, полковника, три Высочайших благоволения (16.11.1915, 13.01.1916, 06.05.1916), французский Военный крест (Croix de Guerre) с пальмовой ветвью (05.09.1919). Супруга Мария Дмитриевна Муева — дворянка. Сын Дмитрий (26.08.1914).

Филатьев Дмитрий Владимирович (03.09.1866–21.09.1932) — из потомственных дворян Смоленской губ. Окончил 2-й Московский кадетский корпус (1885) и 3-е Александровское военное училище по 1-му разряду (1887), Николаевскую академию Генерального штаба два класса по 1-му разряду и дополнительный курс «успешно» (1898). В службу вступил из 2-го Московского кадетского корпуса в 3-е Александровское военное училище юнкером рядового звания (26.08.1885). Унтер-офицер (21.11.1881). Подпоручик (с 07.08.1887 со ст. с 11.08.1886). Поручик (с 21.08.1891 со ст. с 11.08.1890). Штабс-капитан (за отличие по службе, с 01.01.1894). Капитан (за отличные успехи в науках в академии, с 17.05.1898). Подполковник (с 14.04.1902). Полковник (за отличную службу, с 02.04.1906). Генерал-майор (с 25.03.1912). Генерал-лейтенант (за отличие, с 06.12.1916 со ст. с 25.03.1918). На службе с 26.08.1885. В 9-м Туркестанском линейном батальоне (с 07.08.1887, прибыл 03.10.1887). Командирован в Ташкент в состав телеграфно-гелиографной команды Туркестанского саперного полубатальона (09.11.1891–13.12.1892). С телеграфной командой Туркестанского саперного полубатальона участвовал в Памирской экспедиции (21.05–22.09.1892). Командирован в штаб Туркестанского военного округа (28.12.1892). Вр.и.д. помощника адъютанта штаба (с 10.02.1893). Помощник старшего адъютанта штаба Туркестанского военного округа с зачислением по армейской пехоте (16.03.1893). И.д. старшего адъютанта штаба Туркестанского военного округа (08–18.06.1894). Прибыл в Николаевскую академию Генерального штаба (20.08.1895), зачислен (07.10.1895). Отчислен от должности помощника старшего адъютанта штаба Туркестанского военного округа с переводом в 9-й Туркестанский линейный батальон (16.11.1895). Переведен на дополнительный курс академии (04.10.1897). Причислен к Генеральному штабу и назначен на службу в Виленский военный округ (23.05.1898). Прибыл в штаб округа (15.06.1898). Переведен в Генштаб с назначением старшим адъютантом штаба 43-й пехотной дивизии (26.11.1898). Прибыл (16.01.1899). Прикомандирован к 170-му пехотному Молодечненскому полку на год для командования ротой (с 05.10.1899). Обер-офицер для поручений при штабе Виленского военного округа (с 16.03.1900). Сдал роту и откомандирован (08.10.1900). И.д. штаб-офицера для поручений при штабе округа (26.09.1901–01.04.1902, назначен 01.04.1902). Утв. в должности (14.04.1902). Старший адъютант штаба Виленского военного округа (20.08.1902). Штаб-офицер для особых по-

ручений при командующем войсками Виленского военного округа (20.03.1904). Участник Русско-японской войны (с 18.11.1904). Старший адъютант управления генерал-квартирмейстера 2-й Маньчжурской армии (12.10.1904). По расформировании управления и на основании приказа по военному ведомству № 640. 1905 назначен в прикомандирование к штабу Виленского военного округа (12.11.1905). Делопроизводитель ГУГШ (01.05.1906). Назначен в часть 3-го обер-квартирмейстера ГУГШ (04.05.1906). Командирован в лейб-гвардии Гренадерский полк для командования батальоном на 4 месяца (03.05–12.09.1908). Вр.и.д. 2-го обер-квартирмейстера ГУГШ (17.09–29.11.1911). Делопроизводитель канцелярии Военного министерства (с 08.02.1912). Экстраординарный профессор Императорской Николаевской военной академии (24.02.1913–05.03.1914). Ординарный профессор Императорской Николаевской военной академии (с 05.03.1914). Участник Первой мировой войны. Помощник главного начальника снабжений армий Западного фронта. Помощник начальника канцелярии Военного министерства (10.06.1916–14.01.1917). Ординарный профессор Николаевской военной академии. Начальник канцелярии Военного министерства (с 14.01.1917). Член Военного совета (с 05.10.1917, на 11.1917). Помощник военного министра. Участник Гражданской войны. В Киевском центре Добровольческой армии. Начальник снабжения представителя Добровольческой армии в Киеве (11–12.1918). Начальник 6-й пешей дивизии, и.о. командира III Херсонского корпуса армии УНР (с 11.12.1918). В резерве чинов (с 02.02.1919). Выехал из Одессы в Париж (03.1919) для организации десантной армии для захвата Петрограда. В Ставке Верховного главнокомандующего (с 09.1919) на Востоке России. Ординарный профессор Военной академии. Помощник главнокомандующего Восточным фронтом по части снабжения (с 05.11.1919). Участник Сибирского Ледяного похода. Главный начальник снабжения вооруженных сил Российской Восточной окраины (с 29.02.1920). Руководитель комиссии пограничным заготовкам в Харбине (30.04–21.06.1920). Выехал из Харбина для закупки патронов для Дальневосточной армии (лето 1920). В эмиграции во Франции. Член особой испытательной комиссии при Зарубежных высших военно-научных курсах генерала Н.Н. Головина. Умер в Ницце, похоронен на кладбище Кокад. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (06.12.1901), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (приказ командующего 2-й Маньчжурской армией № 15. 17.01.1905; утв.— Высочайший приказ 11.05.1906), Св. Анны 3-й ст. (06.12.1904), Св. Анны 2-й ст. с мечами (приказ командующего 2-й Маньчжурской армией № 485. 08.09.1905; утв. — Высочайший приказ 07.01.1907), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (приказ главнокомандующего № 1622. 07.08.1905, утв.— Высочайший приказ 03.11.1906), Св. Владимира 3-й ст. (Высочайший приказ 06.12.1909), бухарский орден Золотой Звезды 2-й ст. (Высочайше разрешено принять и носить 05.05.1910), Св. Станислава 1-й ст. (06.12.1913), Св. Анны 1-й ст. с мечами (06.12.1914), Св. Владимира 2-й ст. (09.04.1915), медали: серебряная на Александровской ленте в память царствования императора Александра III (26.02.1896), бронзовая за походы в Средней Азии 1853–1895 (23.09.1897), светло-бронзовые на Андреевской ленте в память 200-летия Полтавской победы (31.10.1909), в память Русско-японской войны. Женат на дочери потомственного почетного гражданина девице Софии Александровне Захо (20.03.1872–1946). Дети: Наталия (25.09.1896), Александр (20.08.1899–19.09.1975), Владимир (06.10.1901), Вадим (31.08.1903–25.06.1953).

Соч.: Конспект по тактике для военных и юнкерских училищ. Вильна, 1901; Полевое управление войск. Наше «Положение» 1890 г. и применение его в войну 1904–1905 гг. СПб., 1912; Russia and Germany // The Russian Outlook. 1919. 9 Aug.; Катастрофа Белого движения в Сибири, 1918–1922 гг.: Впечатления очевидца. Париж, 1985.

Христиани Григорий Григорьевич (01.04.1863–1922?) — из дворян, сын действительного статского советника, уроженец Санкт-Петербургской губ. Окончил Пажеский его величества корпус (1881), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1887). Прапорщик (с 08.08.1881). Подпоручик (с 30.08.1884). Поручик (с 30.08.1885). Штабс-капитан гвардии (за отличные успехи в науках в академии, с 07.04.1887). Капитан (с 07.04.1887). Подполковник (с 05.04.1892). Полковник (с 24.03.1896). Генерал-майор (с 28.03.1904). Генерал-лейтенант (с 06.12.1913). На службе с 01.09.1879. В лейб-гвардии Егерском полку (с 08.08.1881). Переведен в Генеральный штаб с назначением для поручений при штабе Финляндского военного округа (с 26.01.1888). Прикомандирован к 95-му пехотному Красноярскому полку для командования ротой (29.09.1888–30.10.1889). Начальник строевого отдела штаба Выборгской крепости (с 09.04.1890). Младший делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба (с 05.04.1892). Старший делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба (с 20.02.1897). Прикомандирован на лагерный сбор к лейб-гвардии Финляндскому полку на 4 месяца (с 30.04.1899). Заведующий мобилизационной частью Главного интендантского управления (с 14.01.1903). Защитил диссертацию по теме «Военный обзор галицийского театра Австро-Венгрии». Экстраординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба (с 31.10.1903). Ординарный профессор академии (с 03.11.1904). Начальник военно-статистического отделения Главного штаба с оставлением в должности профессора (с 23.11.1904). Заслуженный ординарный профессор академии (с 05.11.1913). И.д. начальника екатеринбургской части академии (07–08.1918). И.д. правителя дел академии (с 29.04.1919). Преподавал в кавалерийской школе (1919). По представлению факультета общественных наук Государственного Дальневосточного университета избран советом университета и.д. ординарного профессора по кафедре экономической географии (с 01.02.1922; 14.02.1922). Остался во Владивостоке при эвакуации белого Приморья. Взят в плен красными. По некоторым данным, умер в красноярской тюрьме. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (1891), Св. Анны 3-й ст. (1894), Св. Станислава 2-й ст. (1901), Св. Владимира 4-й ст., Св. Владимира 3-й ст. (1906), Св. Станислава 1-й ст. (06.12.1910), Св. Анны 1-й ст. (06.12.1914), Св. Анны 2-й ст. (1915), Св. Владимира 2-й ст. (Высочайший приказ 30.07.1915, «за отлично-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны»), командорский крест австрийского ордена Франца-Иосифа (1895). Женат, сын.

Соч.: Австро-Венгрия. Военно-статистическое обозрение восточных областей. СПб., 1899. Ч. 1; Военный обзор восточных областей Германии и Австро-Венгрии. СПб., 1905–1906. Ч. 1–2; Военный обзор Северо-Западной Индии. СПб., 1906–1907. Вып. 1–2; Военный обзор Румынии. СПб., 1908; Военный обзор Австро-Венгрии. СПб., 1909; Военный обзор Германии. СПб., 1909; Конспект курса военной статистики иностранных государств. СПб., 1909; Военный обзор галицийского театра. СПб., 1910; Всеобщая география. Руководство для офицеров, поступающих в Николаевскую военную академию. СПб., 1912–1914. Вып. 1–5; Главнейшие вопросы международной политики и мирового хозяйства. Томск, 1919; Национальная проблема в Передней Азии. Томск, 1919; Славянская проблема средней Европы. Томск, 1919.

Цытович (Цитович) Владимир Николаевич (09.04.1858–?) — окончил Николаевское инженерное училище по 2-му разряду (1878). Подпоручик (с 16.04.1878 со ст. с того же числа). Поручик (со ст. с 06.08.1880). Штабс-капитан (со ст. с 27.07.1886). Капитан (со ст. с 30.08.1892). Штабс-капитан гвардии (со ст. с 19.12.1892). Капитан гвардии (со ст. с 02.04.1895). Полковник (за отличие, с 1901 со ст. с 06.12.1900). Генерал-майор (на 1916).

На службе с 01.09.1874. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Командир роты в Николаевском инженерном училище (1896–1900). Состоял при Главном инженерном управлении (11.09.1900–14.07.1902). Командир 11-го саперного императора Николая I батальона (с 14.07.1902). Уволен от службы с производством в генерал-майоры с мундиром и пенсией (1905). С началом Первой мировой войны вновь на службе. В резерве чинов при управлении инспектора инженерной части Петроградского военного округа (с 04.09.1915, на 1917) с зачислением по инженерным войскам. В составе псковского строительства на работах по укреплению позиций. Вр.и.д. начальника 2-й инженерной рабочей бригады. В отставке (1917). И.д. помощника библиотекаря Военной академии (12.08.1918–1922). В эмиграции. Награды: Св. Станислава 3-й ст. (1880), Св. Анны 3-й ст. (1887), Св. Станислава 2-й ст. (1893), Св. Анны 2-й ст. (1895), Св. Владимира 4-й ст. (1898). Женат, 3 детей (на 1903).

Чулков Николай Гаврилович (28.04.1858–21.02.1918) — надворный советник, заведующий складом учебных пособий академии, помощник библиотекаря. Прослужил в академии 42 года, от многолетнего вдыхания книжной пыли приобрел катаральное воспаление легких, от которого скончался. Сын Михаил (03.12.1899) — окончил шесть классов реального училища, не имеющий чина, и.д. заведующего складом учебных пособий академии (с 01.03.1919). Сын Николай (28.07.1903).

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ²²⁷⁰Космин В.Д.²²⁷¹**Двадцать один год тому назад**

Двадцать один год тому назад я расстался с Императорской Николаевской военной академией. Расстался с учебным заведением, которое наложило на меня свой известный отпечаток, оставшийся у меня на всю жизнь. Учебное заведение, исключительно способствовав-

²²⁷⁰ Расположены в хронологической последовательности (мемуары — по времени описываемых событий).

²²⁷¹ Космин (Косьмин) Владимир Дмитриевич (24.06.1884–25.04.1950) — родился в Курске. Сын учителя гимназии. Окончил Курскую духовную семинарию, Чугуевское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду (1904) и Императорскую Николаевскую военную академию (1911). Подпоручик (с 09.08.1904). Поручик (со ст. с 09.08.1908). Штабс-капитан (с 1912). Капитан (с 10.08.1915). Подполковник (с 11.01.1916). Полковник (с 1917). Генерал-майор (за боевые отличия, с 15.03.1919). На службе в 7-м гренадерском Самогитском генерал-адъютанта графа Тотлебена полку (с 09.08.1904, на 1914–1916). Участник Русско-японской войны. Участник Первой мировой войны. Переведен в Генеральный штаб (11.01.1916), назначен и.д. старшего адъютанта штаба 125-й пехотной дивизии, затем старший адъютант штаба 102-й пехотной дивизии. И.д. помощника старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба Особой армии (с 11.10.1916). Штаб-офицер для поручений при штабе IX армейского корпуса (с 12.01.1917). Проживал в с. Смородино Фатежского уезда Курской губ. В РККА. Командирован на Восточный фронт 30.09.1918, перешел к белым. Начальник штаба 1-й Уральской пехотной дивизии (впоследствии 6-й Уральской горных стрелков дивизии, 03.08.1918–07.01.1919), начальник 4-й Уфимской стрелковой дивизии (10.01–13.04.1919). Зачислен в почетные казаки по станции Арсинской 2-го военного округа Оренбургского казачьего войска. За невыполнение приказа о продолжении наступления отчислен от должности и отозван в штаб Западной армии. Во время Челябинской операции командовал Сводной группой, имевшей задачу атаковать город с востока (24.07–03.08.1919). Командующий Уральской группой войск (03.08–15.11.1919), участвовал в Тобольско-Петропавловской операции. Участник Сибирского Ледяного похода. В Дальневосточной армии генерал для поручений при командующем. И.д. начальника дивизии атамана Семенова броневых поездов (с 08.07.1920), с 30 июля вр.и.д. генерал-квартирмейстера штаба Дальневосточной армии. Эмигрировал в Китай. Активный член Антимоунистического союза в Тяньцзине, возглавлял особый отдел японской железнодорожной полиции, затем сотрудничал с секретными службами Японии в Шанхае. Претендовал на роль главы Российского эмигрантского комитета. Возглавлял отделение эмигрантской организации Братства Русской Правды. На 1-м съезде Русской фашистской партии избран председателем Союза русских рабочих фашистских синдикатов (26.05.1931), в 1932 исключен из него за пьяный дебош на станции Пограничная (на восточной линии КВЖД). Создатель и руководитель Военно-монархического союза в Харбине (с 1933). После роспуска Союза выехал на жительство в Шанхай (1936). После окончания Второй мировой войны уехал в Австралию. Умер в Сиднее. Награды: Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1904), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1906), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1914), Св. Георгия 4-й ст. «за то, что 22го августа 1914 года, будучи с вверенной ротой в головной заставе, подойдя к д. Ольшанке и узнав, что на холмах, находящихся на пути движения нашей колонны, укрепился противник, быстро подошел к названной деревне, атаковал правый фланг противника, вскочил первым в неприятельский окоп, причем было взято в плен 1 оф[ицер] и 48 нижних чинов» (Высочайший приказ 03.02.1915), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1915), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1915), Св. Анны 2-й ст. с мечами (1916), Св. Георгия 3-й ст. «за то, что, лично руководя войсками группы, искусно провел наступление совместно с другими группами [3-й] армии, выполнил задачи и вышел во фланг и тыл 26-й советской дивизии. После этого, оставив заслон, обрушился против подошедших на Петропавловском тракте частей 5-й и 35-й дивизий красных и нанес им на станции Пресновской решительное поражение, захватив свыше 2000 пленных, 12 орудий, 80 пулеметов и проч., чем совершенно обеспечил левый фланг операций [3-й] армии» (приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего 12.09.1919), благодарность Верховного правителя (13.09.1919), знак отличия Военного ордена «За Великий Сибирский поход» 1-й ст. (1920). Соч.: Солдатская памятная книжка. Харбин, 1934; Устав полевой службы. Боевые действия отряда из всех родов войск. Харбин, 1934.

шее окончательному оформлению характера и выработке окончательного мирозерцания, приучившее мыслить в широких масштабах и по определенным методам и, наконец, давшее громадную сумму познаний и не только в области чисто военной.

Двадцать один год! А то, что свершилось за этот период, дает право каждый год считать за десятилетие.

И эти давно минувшие годы, годы академической жизни, остаются одним из самых ярких воспоминаний моей жизни.

Наша старая академия и ее руководящий состав.

Многих уже давно нет на этом свете.

Многие угасли как догоревшие свечи — лютые годы безвременья ускорили этот процесс горения, иные умерли почтенной смертью храбрых на поле чести, иные погибли в большевистских застенках, иные доживают безрадостный остаток своей доблестной жизни на чужбине, в изгнании, но сохранившие свою солдатскую честь и незапятнанной свою шпагу...

Как статуя командира, вырисовывается из прошлого суровый по внешности облик свиты его величества генерал-майора Д.Г. Щербачева, начальника Императорской Николаевской военной академии. Одухотворенное характерное лицо времен 30-тилетней войны, ему недоставало только шлема соратников Тилли и Валленштейна, но все равно, и павловская гренадерка времен Суворова удивительно шла к нему.

С суровой внешностью соединялся характер рыцаря и джентльмена в полном смысле этого слова, начальника и в то же время доброго друга питомцев академии.

Счастливы были те офицеры, которым приходилось экзаменоваться в присутствии начальника академии. При малейшем недоразумении генерал не медлил спешить на помощь со своей мощной поддержкой.

Но в вопросах чести и воинской этики Дмитрий Григорьевич был неумолим, и офицер, хотя бы в самой незначительной мере погрешивший против этого принципа, в большинстве случаев должен был покинуть стены академии.

Генерал Щербачев, перед тем как принять должность начальника академии, командовал л[ейб]-гв[ардии] Павловским полком, — и полк и командир одинаково были доблестны в смутные дни 1905 года. Впоследствии Дмитрий Григорьевич командовал IX армейским корпусом, ему принадлежала честь первого штурма Перемышля, затем VII армией, и революция его застала в должности помощника главнокомандующего Румынским фронтом при главнокомандующем короле румынском.

Рядом с ним его неизменный сотрудник и правитель дел академии, профессор по кафедре истории русского военного искусства полковник А.К. Баиов. Невозмутимый, ровный в своих отношениях, скорее механизированный, никогда не знавший досуга и предела своей работе. Впоследствии талантливый и благородный начальник штаба III армии у генерала Радко-Дмитриева.

Профессор по кафедре военной истории и тактике пехоты генерал-майор Н.А. Данилов (Рыжий), не всегда аккуратный в посещении лекций — правда, ему несколько мешала в смысле аккуратности его чрезвычайно ответственная должность начальника канцелярии Военного министерства — но высоко даровитый лектор с громадной эрудицией, враг всякой рутины и шаблона. Много из того, что сообщил нам Николай Александрович в своих лекциях-беседах, осталось на всю жизнь и явилось основой для нашей дальнейшей работы. В частности, такого талантливого, проникнутого глубоким анализом разбора

франко-прусской кампании 1870–[18]71 г. мне более нигде в литературе встречать не приходилось.

Весьма снисходительный вообще, Николай Александрович был весьма суровым экзаменатором. Причем трудность ответа заключалась в том, что генерал Данилов совершенно не удовлетворялся даже превосходным знанием билета. Вслед за изложением билета неизменно следовал вопрос — а каково ваше личное мнение по этому предмету, как бы поступили вы в этом случае и т.д. Тут-то и следовала настоящая оценка знаний.

Сановитый генерал-лейтенант Б.М. Колюбакин²²⁷² и генерал-майор Г.Г. Христиани, профессор по кафедре военной статистики, изумлявший нас своей феноменальной памятью и исключительным знакомством с приграничными с Россией странами. Генерал Христиани в целях военной разведки в течение целого года в качестве пастуха пас стада где-то в Карпатах. Вероятный театр войны с Австро-Венгрией — Галицию Григорий Григорьевич знал наизусть и таких же познаний требовал и от нас. Но мы в Карпатах овец не пасли, и потому наши познания далеко не всегда удовлетворяли нашего требовательного профессора. Оба они, и Б.М. Колюбакин и Г.Г. Христиани, погибли в большевистском застенке в Новониколаевске.

Навсегда останется в памяти величавый красавец-старик, профессор геодезии и астрономии генерал Витковский, член многих ученых зарубежных обществ. Сколько участия и доброго отношения проявлялось им к своим слушателям, сколько исправленных отметок, раз это было необходимо для среднего балла (10). «Важно любить геодезию, а отметки — дело второстепенное» — то была обычная фраза генерала Витковского. Нужно сознаться, что слушатели не всегда разделяли этот взгляд уважаемого профессора и, кажется, все же более интересовались отметками, чем геодезией.

Старейшим из всех профессоров, прослужившим в академии более 50 лет, был генерал А.А. Зейфарт, участник кампании 1854 года, преподававший ситуацию и съемку. Маленький, худенький с длинной бородой, он напоминал Черномора. Беседы с ним, происходившие в аудитории за планшетом, на котором величайший мастер своего дела вычерчивал штрихами какой-нибудь орнамент, часто были весьма интересны. Кого только он не знал! Особенно доставалось от старика генералу М.Д. Скобелеву, которому, очевидно, ситуация совсем не давалась. К своему коллеге по преподаванию ситуации генералу Даниловскому²²⁷³, почтенному старику и добрейшему человеку, генерал Зейфарт относился как к молодому человеку. Он ведал выдачей пособий для черчения и заемным капиталом, и если в первой роли он был совсем незаметным, то вторая его выдвигала на пьедестал общего благодетеля и самого нужного человека, у которого можно было в нужные минуты перехватить две-три красненьких²²⁷⁴.

Одним из первых новаторов в смысле пересмотра академического курса был полковник Н.Н. Головин, профессор по кафедре службы Генерального штаба и тактике конницы. Н.Н. Головин прослушал курс французской военной академии и настоял на введении более жизненных методов преподавания, чем это было принято ранее. Выразилось это главным образом в том, что практическому элементу по сравнению с лекционным было отведено большее внимание.

²²⁷² Здесь и далее в документе ошибочно указаны инициалы Колюбакина: *Д.И.*

²²⁷³ В документе ошибочно: *Данилевскому*.

²²⁷⁴ «Красненькая» — 10-рублевая купюра.

Конечно, это новое породило некоторую «войну со старым». Я отлично помню, как «старики» Христиани и Колубакин искренне возмущались «революцией», произведенной Н.Н. Головиным.

Полковник Головин не был моим профессором, но у него я экзаменовался при поступлении в академию и по кавалерийскому уставу удостоился получить 2 (по 12-балльной системе), но я решительно не был в претензии на уважаемого Николая Николаевича, — на экзамене я действительно был нем как рыба.

Маленький щедушный человек, но великий знаток своего дела, инженер с мировым именем, профессор по кафедре инженерного искусства генерал Буйницкий, рядом с ним, мало уступающий ему в знании дела, несколько сумрачный, но милейший полковник Ипатович-Горанский. Оба были также профессорами в Николаевской инженерной академии. У меня лично как-то с инженерным делом всегда не ладилось, и я никак не мог получить отметки выше девяти. Очевидно, в моей природе есть что-то антиинженерное.

После падения Плевны был поднят вопрос о назначении шефом моего полка, Самогитского гренадерского, или Гурко, или Тотлебена. Был назначен инженер Тотлебен, но я лично предпочел бы кавалериста Гурко...

С особым чувством уважения вспоминаю преподавателя артиллерии полковника С.Л. Гобято, одного из выдающихся артиллеристов обороны Порт-Артура.

С.Л. был высокоталантливый лектор и доблестный офицер. Память о нем для меня особенно дорога еще и потому, что он мой преподаватель, во время Великой войны был и моим боевым соратником и убит на моих глазах под Перемышлем в роли начальника арьергарда.

С каким особым наслаждением мы слушали лекции по русской истории профессора С.Ф. Платонова. И хотя он читал только на младшем курсе, слушать его собирались все курсы. С.Ф. в буквальном смысле был нашим национальным воспитателем. С только одному ему присущим мастерством он развертывал перед нами картину за картиной родной старины плюс металлическая аргументация и несокрушимая диалектика. С особым талантом и колоритностью он обрисовывал эпохи Смутного времени и царя Алексея Михайловича. И нисколько не преувеличивая, я должен сказать, что благодаря ему мы полюбили свою историю, и не только полюбили, но и поняли ее.

Не менее блестящие лекции по истории русской литературы XIX в. читал профессор Н.А. Котляревский.

Наши «классные дамы» — выдержанный, всегда официальный, но отзывчивый и добрейшей души человек полковник А.Ф. Добрышин²²⁷⁵, — судьба его мне неизвестна, и полковник Комаров — энтузиаст, влюбленный в военное дело. Погиб со знаменем в руках под Инстербургом во главе 105 пех[отного] Оренбургского полка.

Подробности смерти полковника Комарова таковы:

По мобилизации 105 пех[отный] Оренбургский полк, квартировавший в Вильне, был укомплектован, главным образом, виленскими евреями. Полковник Комаров подал соответствующий по начальству рапорт, в котором заявил, что при таком укомплектовании он за полк не ручается.

Прогноз, увы, оказался правильным, и в трудную минуту полк, действительно, дрогнул. Чтобы спасти положение, Петр Дмитриевич бросился впереди полка со знаменем в руках,

²²⁷⁵ В документе ошибочно: И.Ф. Добрышин.

кадровые солдаты ринулись за своим командиром, — положение было спасено, но командир пал, сраженный вражеской пулей, и знамя покрыло собой его бездыханное уже тело.

А незабвенный хранитель и заведывающий складом учебных пособий Н.Г. Чулков²²⁷⁶.

Какое колоссальное терпение, когда в течение целого дня десятки офицеров осаждали его со всевозможными просьбами — тому нужна карта, тому — такое-то пособие...

Какая готовность каждому помочь, каждому услужить, найти требуемое, а то и посоветовать найти наиболее подходящее...

Я сознательно не упоминаю некоторых имен профессорского и преподавательского состава. Я не хочу омрачать того торжественно-благоговейного настроения, которое владеет мною, когда я пишу эти строки.

В семье не без урода — и среди профессоров академии нашлись люди, забывшие и воинскую честь солдата, и обязанности гражданина и пошедшие на службу большевистскому хаму. Пройдем мимо них²²⁷⁷.

И если когда-либо вновь «профессорский» коридор будет иметь на своих стенах портреты всех профессоров академии, то рамы этих отступников будут затянуты черным крепом в память и назидание потомкам, как государственных изменников, предавших свое отечество в черные годы.

Почтим память всех питомцев академии, доблестно погибших на своем посту в годы гражданской смуты.

Посылаем слово одобрения и сочувствия, слово надежды на лучшие дни всем, кто томится в изгнании и изнемогает под тяжестью непосильной работы, в нищете, но сохранил воинскую честь солдата и остался верным своему долгу и стране, чье оружие осталось безупречным и ждет лишь часа, когда оно вновь будет изъято из ножен за честь и достоинство России.

Космин В.Д. Двадцать один год тому назад // Георгиевский день (Харбин). 1932. 9 дек. С. 9–10 (ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 105–105об.).

Проект организации курсов военного времени Императорской Николаевской военной академии. 8 июля 1916 г.

Проект

Одобрено Военным министром и начальником штаба Верховного главнокомандующего.

Академические курсы военного времени Императорской Николаевской военной академии

Курсы предполагается открыть 1-го августа 1916 года.

Их цели.

1. Закончить в короткий срок академический курс (без курса дополнительного класса) с теми офицерами, которые прошли до начала войны младший класс академии, с тем, чтобы

²²⁷⁶ В документе ошибочно: *И.П.* Чулков.

²²⁷⁷ Очевидно, речь идет, прежде всего, о М.Д. Бонч-Бруевиче.

с возможною поспешностью пополнить (хотя бы отчасти) в действующих армиях большой некомплект офицеров Генерального штаба²²⁷⁸.

Выпуск таких офицеров намечен 1-го января 1917 года с наименованием — «1-й выпуск академических курсов военного времени».

2. В годовой срок проходить академический курс (без курса дополнительного класса) с офицерами, наиболее подготовленными к такому курсу, с тем, чтобы правильными периодическими выпусками пополнять недостаток офицеров Генерального штаба в действующих армиях.

В программы курсов предположено включить все новые вопросы, выдвинутые текущей войной, как в области техники, так и в области применения теории военного искусства.

Прием офицеров на курсы.

В первый прием в младший класс будут приняты без вступительных экзаменов:

1. Офицеры, выдержавшие предварительные испытания (письменные) в академию в 1914 году;

2. Офицеры, выдержавшие вступительные экзамены в академию в 1913 году и не попавшие в нее по конкурсу;

3. Офицеры, которые хотя и держали вступительные экзамены в 1913 г. или сдавали предварительные письменные испытания в 1914 г., но не были приняты в академию по той или иной причине; вопрос о принятии этой рубрики²²⁷⁹ офицеров будет решаться конференцией в каждом отдельном случае особо.

Первый прием в младший класс — 1-го августа 1916 года.

Во второй и последующий приемы на курсы будут приниматься обер-офицеры всех родов войск гвардии и армии, прослужившие в офицерских чинах не менее 3-х лет в строевых частях; прием по облегченным конкурсным экзаменам; программы таких экзаменов будут объявлены дополнительно.

Порядок назначения на курсы офицеров.

В каждый класс принимается не более 110 офицеров, по 30 офицеров от каждого из трех фронтов Европейской России и 20 офицеров от Кавказского фронта.

Главнокомандующие фронтами представляют за 2 недели до начала приема списки избранных ими офицеров в Ставку Верховного главнокомандующего, где списки окончательно выравниваются с тем, чтобы общее число командиремых на курсы офицеров не превышало 110 человек для каждого приема.

При таком расчете работа курсов выразится в следующих числах:

Откидывая 10 офицеров в каждом выпуске, как естественную убыль, получим:

1-го января 1917 г. будет выпущено	100 офиц[еров]
1-го августа 1917	“ ” 100 “ ”
1-го января 1918	“ ” 100 “ ”
1-го августа 1918	“ ” 100 “ ”
за два года работы	400 офиц[еров]

²²⁷⁸ Если окажется мало офицеров, окончивших младший класс академии в 1914 году, то вместе с ними будут приняты также те офицеры, которые прошли младший класс в один из предшествующих годов — в 1913 или в 1912 г.г. (*примеч. документа*).

²²⁷⁹ Так в документе.

Прохождение курсов.

Первый выпуск академических курсов, предположенный 1-го января 1917 года, окончит курсы без практических занятий в поле. Это не может составить существенного недочета, т.к. офицеры этого выпуска, в большинстве, уже исполняли обязанности штабных офицеров на войне; да кроме того проделали полевые практические занятия до войны, при переходе из младшего класса академии в старший.

Практические же занятия зимнего периода будут с ними пройдены по возможности полностью.

Выпуск — по экзаменным отметкам.

Продолжительность курса младшего класса — 5 месяцев, с 1-го августа по 1-е января или (для второго приема) с 1-го января по 1-е июня.

Продолжительность курса старшего класса — тоже 5 месяцев, с 1-го января по 1-е июня или (для второго приема) с 1-го августа по 1-е января следующего года.

Июнь и июль месяцы предназначаются для полевых практических занятий и для выпускных экзаменов.

В обоих классах — репетиционная система, по 2–3 репетиции по каждому предмету.

Переход из младшего класса в старший — без экзамена, по репетиционным отметкам.

В старшем классе репетиционные отметки включаются в окончательный средний балл на выпуск.

Права офицеров, оканчивающих курсы.

Все офицеры, успешно окончившие курсы военного времени, причисляются к Генеральному штабу и затем переводятся в названный штаб на тех же условиях, какие установлены для офицеров, окончивших два класса академии в 1914 году. Все означенные офицеры обязываются сдать темы дополнительного курса академии по окончании войны.

Довольствие офицеров во время прохождения курсов.

Офицеры, слушающие курсы, считаются в постоянной командировке от своих частей и получают полностью все то денежное довольствие, какое было им установлено в своей части (считая в том числе и суточные деньги).

Примечание. Для уменьшения расходов на жизнь в столице, при курсах, в помещении академии, будет открыто общежитие не меньше как на 100 офицеров.

Учебные предметы на курсах.

В программу курсов входят следующие предметы:

1. Краткий курс стратегии (в старш[ем] кл[ассе]);
2. Тактика;
3. Военная история (в старш[ем] кл[ассе]);
4. История военного искусства в России (в мл[адшем] кл[ассе]);
5. Военная администрация (особенное внимание на снабжение и устройство тыла);
6. Военная статистика;
7. Сведения по части артиллерийской;
8. Сведения по части инженерной (с отделом об автомобилях и авиации);
9. Военно-морское дело;
10. Теория съемки.

Распределение времени на курсах.

Ежедневное распределение часов следующее:

От 9 ч. у[тра] до 12 ч. дня — 3 лекции;

От 12 ч. дня до 1 ч. дня — перерыв;

От 1 ч. дня до 3 ч. дня — 2 лекции;

От 3 ч. дня до 6 ч. веч[ера] — 3 часа практических занятий или 3 часа репетиций.

При таком расписании, **в неделю** получится:

лекций — по 30 часов на каждом курсе, практическ[их] занятий и репетиций — по 18 часов.

Примерное распределение часов в неделю:

	Старш[его] класса		Младш[его] класса	
	Теория	Практика	Теория	Практика
			Число часов	
Стратегия	4	—	—	—
Тактика	8	6	8	6
Военная история	3	—	—	—
История военного искусства	-	—	2	—
Военная администрация	6	1	5	—
Военная статистика	4	—	6	—
Сведения по артиллерии	2	—	2	—
Сведения по инженер[ерной] части	3	2	2	—
Военно-морское дело	—	—	2	—
Теория съемки	—	—	3	2
Верховая езда	—	3	—	2
Всего в неделю	30	12	30	10
На репетиции	—	6	—	8

Генерал-майор *Петерс*

Петроград.

«8» июля 1916 года.

РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 373. Л. 181–182. Типогр. экз.

**Письмо Д.Г. Щербачева М.В. Алексееву.
26 августа 1916 г.**

Копия

Командующий
7-й
армией.
26 августа 1916 г.
№ 16922.
Д[ействующая] армия.

Милостивый государь,
Михаил Васильевич.

Ознакомившись с проектом академических курсов военного времени Императорской Николаевской военной академии, беру на себя смелость, как бывший начальник академии, принимавший близкое участие в пересоставлении ее программ в 1910–[19]11 гг., и как строевой начальник, имевший возможность в должности командира корпуса и командующего армией во время текущей войны проверить, насколько подготовка молодых офицеров Генерального штаба соответствует боевым требованиям, доложить Вам о тех изменениях, которые, по моему мнению, необходимо для пользы дела ввести в проект. С моим мнением вполне согласны бывшие профессора и преподаватели академии: генералы Головин, Незнамов, Кельчевский и Черемисов, командовавшие во время текущей войны полками и занимающие или занимавшие ответственные должности по Генеральному штабу.

Устанавливая годичный срок обучения вместо 2 1/2 лет и одновременно с этим вводя в программу занятий такие предметы, как история военного искусства, военная история, стратегия, военная статистика, военно-морское дело, составители проекта, по-видимому, с одной стороны, имели в виду возможно скорее пополнить некомплект офицеров Генерального штаба в действующей армии, а с другой — стремились подготовить офицеров, не только пригодных для службы в строевых штабах на младших должностях Генерального штаба, в каковых именно офицерах действующая армия и нуждается, но и способных по своей подготовке и военному развитию занять в будущем высшие командные и административные должности. Эта двойственность стремлений составляет слабую сторону проекта и приведет к тому, что ни та, ни другая цель не будут достигнуты, а именно:

Годичного срока обучения недостаточно для того, чтобы основательно пройти введенные в программу предметы, спешное же и поверхностное изучение их, и в особенности стратегии, внесет лишь сумбур в головы учеников, следовательно, цель широкого развития офицеров не будет достигнута. Вместе с тем, годичный срок обучения слишком велик для того, чтобы действующая армия могла своевременно получить недостающих ей офицеров Генерального штаба, некомплект которых ныне достиг такого размера, что больш[ую] часть обер-офицерских должностей Генерального штаба в строевых штабах занимают строевые офицеры, не имеющие специальной подготовки, а это несомненно неблагоприятно отражается на ведении операций, создавая лишние трения; проект предполагает привлечь слушателями в первый год офицеров, прошедших младший класс академии, а также выдержавших предварительные испытания в 1914 году или вступительные экзамены в 1913 году и не попавших по конкурсу, но почти все эти офицеры ныне работают в строевых штабах, замещая

недостающих штатных офицеров Генерального штаба, следовательно, возвращение их в армию по окончании курсов не пополнит существенного некомплекта, он будет несколько и притом очень незначительно пополнен лишь 1 января 1918 года, когда закончат обучение офицеры, поступившие на курсы из строя, т.е. по проекту при втором приеме (1-го января 1917 г.). Но к 1-му января 1918 года весьма вероятно кончится война, а если и не кончится, то во всяком случае действующая армия еще 16 с лишком месяцев будет испытывать острую нужду в офицерах Генерального штаба, причем до 1-го августа 1917 г. она будет еще в худшем положении, чем теперь, т.к. офицеры, занимающиеся ныне в штабах и до известной степени уже освоившиеся с делом, уедут на курсы. Таким образом и вторая цель не будет достигнута.

Позволю себе высказать следующее пожелание:

Так как в настоящее время главная задача заключается в возможно скорейшем удовлетворении потребности действующей армии в офицерах Генерального штаба, подготовленных к несению службы в строевых штабах на обер-офицерских должностях, то эта мысль и должна лечь в основу положения о курсах; в соответствии с ней и в программу обучения надлежит ввести лишь такие предметы и такие занятия, которые безусловно необходимы для твердого усвоения техники службы Генерального штаба и для расширения тактического кругозора офицеров настолько, чтобы они могли правильно оценить обстановку в пределах корпуса, понять оперативную идею своего начальника и разработать ее. Все же остальные предметы, имеющие целью дать офицерам военно-научную подготовку и широкое военное развитие, должны быть по недостатку времени исключены из программы. При таких условиях, я полагаю, можно было бы установить 4-хмесячный курс обучения без разделения на младший и старший классы, причем программа заключала бы следующие предметы:

I. Тактика. I. Пехота, артиллерия, конница и пр. II. Общая тактика (действия дивизии и корпуса со всеми приданными им техническими средствами). III. Изучение наставлений для боя наших и иностранных, вышедших во время войны.

Лекций — 50 часов. Практических занятий — 150 часов.

2. Сведения по артиллерии со включением сведений о химических снарядах и удушающих газах.

Лекций — 10 часов.

3. Сведения по инженерному делу со включением отдела авиации.

Лекций — 15 часов. Практических занятий — 20 часов.

4. Служба Генерального штаба со включением всех служб снабжений и устройства тыла.

Лекций — 25 часов. Практических занятий — 30 часов.

5. Военная администрация. Краткие сведения об организации армий.

Лекций — 5 часов.

6. Топографическая разведка. Приемы разведки местности. Чтение иностранных карт.

Лекций — 5 часов. Практических занятий 18 часов.

7. Изучение операций текущей войны.

Лекций — 20 часов.

На прохождение этой программы необходимо всего 348 учебных часов, распределение которых на 3 месяца дает 29 учебных часов в неделю, или 5 часов занятий в день. Такое расписание было бы не обременительно для обучаемых и дало бы им возможность кое-что

почитать дома, продумать лекции, выслушанные в течение дня, и подготовиться к практическим занятиям.

4-й месяц желательно было бы посвятить поездкам на фронт действующей армии с целью ознакомления с работой офицеров Генерального штаба в разных отделах штабов армий и в штабах корпусов и дивизий, осмотра позиций, взятых у неприятеля и построенных нашими войсками, а также артиллерийских позиций.

Экзаменов и репетиций, казалось бы, можно было вовсе не производить, оценивая приобретенные слушателями познания во время практических занятий.

Осуществление предлагаемого мною проекта в случае учреждения курсов в Петрограде встретит большие затруднения в отношении подбора преподавателей, каковыми необходимо назначить офицеров с хорошим боевым опытом и опытом не штабным, а строевым: офицеров Генерального штаба, командовавших в боях полками, артиллеристов, командовавших батареями или дивизионами, инженеров, руководивших укреплением боевых позиций и участвовавших в боевой работе войск. Отсутствие боевого прошлого у преподавателей, прежде всего, поставит их самих в неловкое положение перед учениками, подавляющее большинство которых явится на курсы с большим опытом, приобретенным за два года войны, хотя, быть может, опытом в узких рамках. Среди слушателей немало найдется командовавших в боях ротами и даже батальонами, участвовавших в штыковых атаках, раненых, принимавших близкое участие в работе строевых штабов, как в период побед, так и в тяжелые дни отступлений, — в их глазах преподаватель, не бывший на войне, не будет иметь никакого авторитета.

Но удовлетворяющие требованиям преподаватели, находясь в действующей армии, вряд ли пожелают уйти от живой работы в тыл, принуждение же их к этому, разумеется, не даст хорошего результата. Вот почему, мне кажется, было бы более соответственным учредить курсы при одной из армий на каждом фронте или при одном из фронтов. В этом случае можно было бы привлечь к преподаванию путем кратковременных командировок лиц, непосредственно стоящих у дела, не отрывая их, вместе с тем, от прямых обязанностей.

Казалось бы также, что офицеров, замещающих ныне в строевых штабах недостающих офицеров Генерального штаба, не следовало бы привлекать на курсы, чтобы не ставить действующую армию в тяжелое положение, увеличивая недостаток офицеров, знакомых со штабной работой. Этим офицерам можно было бы предоставить совершенствоваться на занимаемых ими должностях, а на курсы сразу привлечь офицеров из строя, причем, дабы обеспечить надлежащий выбор их, можно было бы гарантировать начальникам дивизий и командирам корпусов, что избранные ими офицеры вернутся по окончании обучения в подчиненные им штабы, где и останутся до конца войны.

В отношении прав по службе, офицеров, окончивших курсы, можно было бы поставить в одинаковые условия с офицерами, пробывшими в академии 1 год или выдержавшими вступительный экзамен и занимающими ныне должности по Генеральному штабу.

Подписал: Уважающий Вас, покорный слуга Д. Щербачев.

С подлинным верно:

Штаб-офицер для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем Генерального штаба полковник Киященко.

РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 373. Л. 74–77. Заверенная копия.

**Положение об ускоренной подготовке офицеров
в Императорской Николаевской военной академии
в течение настоящей войны**

Объявлено при приказе по воен[ному] вед[омству] 1916 г. № 627

На подлинном написано:

«Высочайше утверждено»

30 октября 1916 года

Подписал: генерал от инфантерии *Шуваев*.

Верно: И.д. начальника

Императорской Николаевской военной академии

генерал-майор *Камнев*.

*Копия
Проект*

**Положение
об ускоренной подготовке офицеров
в Императорской Николаевской военной академии
в течение настоящей войны**

Положения общие

1. Для ускоренной подготовки офицеров в Императорской Николаевской военной академии в течение настоящей войны открываются:

- а) 2 1/2-месячные подготовительные курсы 1-й очереди,
- б) 3-месячные подготовительные курсы 2-й (и если понадобится 3-й) очереди,
- в) старший класс академии 1-й, 2-й и 3-й очередей.

2. Командируемые в академию офицеры во всех случаях должны удовлетворять физическим условиям здоровья, требуемым для поступления в академию, а раненые должны быть пригодны к полевой службе в младших полевых штабах в условиях военного времени. Кроме сего, они должны иметь отличную во всех отношениях аттестацию.

3. Командируемые офицеры должны прибыть с аттестатами на себя и денщиков, коих брать с собою разрешается: собственных лошадей не брать. Офицеры получают в оба конца прогонные деньги и, во время прохождения курсов, все денежное довольствие, какое у них показано в аттестатах, привозимых из частей войск, и, кроме того, квартирные деньги по Петрограду.

4. Во всех случаях, — на командированных в академию офицеров незамедлительно высылаются послужные списки и боевые аттестации.

5. Чины административного и учебного состава академии, из числа находящихся на штатных должностях действующей армии, командуются в академию, по выбору начальника академии.

Такие чины во время прикомандирования к академии получают полностью все то денежное довольствие, какое им было положено по штатной должности военного времени, и квартирные деньги по Петрограду.

6. Оценка знаний обучающихся офицеров как на подготовительных курсах, так и в старшем классе производится по репетиционной системе; каждая репетиция оценивается от-

дельною отметкой. За практические занятия по предметам, где они положены, выставляется одна отметка за время прохождения подготовительного курса или старшего класса. За все занятия по каждому предмету курса или старшего класса выводится средняя отметка из всех репетиций и практических занятий этого предмета и затем средняя из всех предметов курса или старшего класса.

Окончившими успешно подготовительный курс считаются офицеры, получившие среднюю отметку за курс не менее 8 (причем по каждому из отдельных предметов должно быть не менее 6 баллов). Переходных экзаменов не производится.

Для окончания старшего класса назначаются выпускные экзамены по каждому предмету, причем средняя репетиционная отметка включается в средний балл на выпуск. Окончившими считаются офицеры, получившие в общем среднем за старший класс не менее 8 (причем по каждому из отдельных предметов должно быть не менее 6).

7. Вольнослушатели как на подготовительные курсы, так и в старший класс — не допускаются.

8. Все вопросы, не вошедшие в настоящее Положение, разрешаются применительно к Положению об Императорской военной академии, объявленному при приказе по воен[ному] вед[омству] 1909 г. № 344 и 1911 г. № 442, и согласно указаниям начальника Генерального штаба.

Отдел первый

2 1/2-месячные подготовительные курсы 1-й очереди

9. Цель учреждения — специальная подготовка некоторого количества строевых обер-офицеров к выполнению обязанностей офицеров Генерального штаба на младших должностях в полевых штабах действующих армий, дабы дать в эти штабы заместителей тем строевым офицерам, кои ныне временно несут там эти обязанности, не получив в мирное время полной подготовки офицера Генерального штаба. В настоящее время на младших должностях Генерального штаба временно состоят офицеры, прошедшие в мирное время младший класс академии или выдержавшие конкурсные или предварительные экзамены в академию.

10. Курсы 1-й очереди функционируют с 1-го ноября 1916 года по 15-е января 1917 года.

11. На курсы, распоряжением начальника штаба Верховного главнокомандующего, командированы в Петроград в Императорскую Николаевскую военную академию к 29-му октября 220 обер-офицеров из числа желающих, удовлетворяющих следующим условиям: 1) фактически бывавшие в офицерских чинах не менее двух лет, 2) имеющие образование полного курса военных училищ по программе мирного времени, 3) исключительно состоящие в строевых частях действующей армии; — притом в следующей постепенности: а) выдержавшие вступительные экзамены в академию, но не попавшие по конкурсу в 1913 году, и выдержавшие предварительные письменные испытания при округах в 1914 году, в обоих случаях — не прикомандированные еще к полевым штабам для исполнения вакантных штатных должностей Генерального штаба; б) не принадлежащие к этим категориям, но по вступительным экзаменам в академию или по бытности в ней в прежние годы все же причастные к академии; по этим двум пунктам (*a* и *b*), в виде исключения, допускаются те офицеры действующей армии, ныне не состоящие в строю, кои ушли из строя вследствие ран и увечий, полученных на войне; в) строевые офицеры, не имевшие никакого отношения к академии по пунктам *a* и *b*.

12. Во всех изложенных случаях предпочтение отдается офицерам, награжденным в текущую войну орденом Св. Георгия либо Георгиевским оружием, а также и раненым.

13. Выбор командруемых лежит на ответственности начальников дивизий и лиц, равных им по власти, имея в виду вероятное возвращение их на службу в свои же дивизии и корпуса.

14. Распределение общего числа 220 командруемых обер-офицеров между фронтами делается Ставкой Верховного главнокомандующего и далее — штабами фронтов, армий и корпусов, — по расчету: 5 офицеров от каждого гвардейского корпуса, 5 офицеров от каждого кавалерийского корпуса и по 2 офицера от каждого армейского корпуса; кроме того, по 10 человек от каждого фронта и 6 человек от Кавказской армии из строевых частей, не входящих в состав корпусов.

15. В программу обучения подготовительных курсов 1-й очереди включаются лишь те предметы и занятия, какие необходимы для твердого усвоения техники службы Генерального штаба и для расширения тактического кругозора офицеров настолько, чтобы они могли правильно оценить обстановку в пределах корпуса, понять оперативную идею своего начальника и разработать ее для передачи к исполнению войскам.

16. По окончании подготовительных курсов 1-й очереди офицеры получают от академии свидетельство о сем и обязываются возвратиться в свои части, откуда возвращаются для исправления младших должностей Генерального штаба в полевых штабах действующей армии взамен офицеров, отправляемых в академию к 1-му февраля 1917 года на подготовительные курсы 2-й очереди и на старший класс 1-й очереди. Исполнять указанные должности офицеры, окончившие курсы 1-й очереди, должны до тех пор, пока в них будет надобность. Выполнившие это обязательство офицеры курсов 1-й очереди: а) получают право, если война затянется, быть призванными без экзамена в старший класс академии 3-й очереди, с 1-го апреля 1918 года (см. ниже); б) получают право, если война окончится до 1918 года, — поступить без экзамена в младший класс академии в мирное время в течение 2 лет со времени открытия правильных занятий в ней по нормальной программе.

Отдел второй

3-месячные подготовительные курсы 2-й и (если понадобится) 3-й очереди

17. Цель учреждения — подготовить контингент слушателей старшего класса академии, если бы последний пришлось открыть во 2-ю очередь (см. ниже), с 1-го сентября 1917 года.

18. Курсы 2-й очереди открываются с 1-го февраля 1917 года (одновременно с открытием старшего класса 1-й очереди) и продолжаются 3 месяца до 1-го мая того же года.

19. На курсы без экзаменов командуются 125 желающих офицеров из числа *привлеченных лиц к исправлению вакантных должностей Генерального штаба в полевых штабах действующей армии*, в следующей последовательности: а) выдержавшие вступительные экзамены в академию, но не попавшие по конкурсу в 1913 году; б) выдержавшие предварительные письменные испытания при округах в 1914 году; в) выдержавшие вступительные экзамены в академию, но не попавшие по конкурсу в 1912 и 1911 годах. В каждой из этих категорий преимущество отдается имеющим орден Св. Георгия или Георгиевское оружие, а также раненым. При равенстве всех таких данных, — преимущество дается имеющему более высокий средний балл на экзаменах, согласно спискам, высылаемым академией в штаб Верховного главнокомандующего и в штабы фронтов и армий.

При недостатке желающих офицеров указанных категорий, уже ныне несущих службу на младших должностях Генерального штаба в полевых штабах, — добавляются до потребного числа (125) желающие офицеры тех же категорий, но не несущие ныне таковой службы в штабах и не попавшие почему-либо на курсы 1-й очереди, с соблюдением той же последовательности и продолжительности, как только что указано выше.

20. Все распоряжения по командированию офицеров в академию делаются штабом Верховного главнокомандующего, с расчетом, чтобы офицеры явились в Петроград в академию 29-го января 1917 года.

21. По окончании курсов, офицеры курсов 2-й очереди 1-го мая 1917 года получают свидетельство о сем и возвращаются на свои прежние места в полевые штабы действующей армии; заместители же их (окончившие курсы 2-й очереди) остаются в прикомандировании к штабам на усиление.

Если война окончится ранее осени 1917 года, то офицеры, окончившие подготовительные курсы 2-й очереди, сохраняют право поступить без экзамена в младший класс академии в течение 2-х лет со дня начала действия академии по нормальному порядку мирного времени. Если же война затянется, то эти офицеры будут командированы в старший класс академии военного времени 2-й очереди, открываемый с 1-го сентября 1917 года, если в открытии его будет надобность.

22. Программа обучения на курсах 2-й очереди аналогична той, какая указана для курсов 1-й очереди (см. § 15 отдела первого), причем 2 лишние недели назначаются для развития некоторых отделов преподавания в мере, выясняющейся во время курса надобности.

28. Если, при затяжке войны, признано будет нужным открыть подготовительные курсы 3-й очереди, то таковые предположительно будут открыты с 1-го сентября 1917 года (одновременно со старшим классом 2-й очереди, см. ниже). На эти курсы командировуются желающие офицеры по выбору начальников дивизий в количестве, определяемом штабом Верховного главнокомандующего, из числа тех, кои указаны в § 19 отдела второго, в том же порядке предпочтительности.

Отдел третий **Старший класс академии**

24. Цель открытия старшего класса — в первую очередь довершить подготовку находящихся ныне в армии офицеров, прошедших в мирное время младший класс академии; *во вторую* и, если понадобится, последующие очереди — довершить подготовку офицеров, окончивших во время войны подготовительные курсы 2-й и 1-й очередей, а если понадобится, то и 3-й.

25. Старший класс *1-й очереди* открывается с 1-го февраля 1917 года (одновременно с подготовительными курсами 2-й очереди) и действует в течение 7 месяцев, до 1-го сентября того же года: окончившие его офицеры считаются *выпуском 1916 года*. Старший класс *2-й очереди* (если понадобится) открывается с 1-го сентября 1917 года (одновременно с подготовительными курсами 3-й очереди, если в последних будет признана надобность) и действует до 1-го апреля 1918 года; окончившие его офицеры считаются *выпуском 1917 года*. Старший класс *3-й очереди* (если будет надобность) — с 1-го апреля 1918 года и действует до 1-го ноября того же года; окончившие его офицеры считаются *выпуском 1918 года*.

36. В старший класс *1-й очереди* принимаются без экзамена, но по удостоению начальства, — офицеры:

а) отчисленные из младшего класса академии в 1914 году по случаю мобилизации и признанные тогда же достойными перевода в старший класс;

б) выдержавшие весной 1914 года переходные экзамены для зачисления в старший класс;

в) успешно окончившие два класса геодезического отделения, хотя бы без летних практических занятий старшего класса;

г) отчисленные до 1914 года включительно из старшего класса или из дополнительного курса по разным причинам, кроме того случая, если офицер был отчислен от академии по распоряжению начальства за неодобрительные поступки;

д) отчисленные от академии при переходе из младшего класса в старший до 1914 года включительно по невыдержанию почему-либо переходных экзаменов, — однако по предварительному разрешению начальника академии о каждом из таких офицеров.

27. Офицеры, призванные из запаса, отставки или ополчения, а равно все не участвовавшие в боевых действиях текущей войны в составе всякого рода строевых частей и полевых штабов, — к приему в старший класс не допускаются.

28. Офицеры, служащие в настоящее время в учреждениях, частях и командах, не входящих в состав действующих армий, и не подходящие под условия пункта 27-го, — допускаются к приему в старший класс лишь при условии, если отчисление их от строя состоялось вследствие ранения или контузии.

29. Если среди имеющих право на командирование в старший класс будут штаб-офицеры, то из них разрешается командировать только тех, кто произведен в этот чин за боевые отличия и по Георгиевскому статуту, — но с обязательством по окончании старшего класса служить по Генеральному штабу.

Дальнейшее их движение по Генеральному штабу будет происходить, невзирая на чин, наравне со сверстниками по выпуску из академии.

30. Офицеры, желающие поступить в старший класс академии и удовлетворяющие всем вышеуказанным условиям, ходатайствуют о том по команде. При этом офицеры, указанные в § 28, в отношении поступления в академию военного времени, находятся в ведении тех штабов округов, на территории которых находятся их учреждения, части или команды.

31. Списки офицеров, назначенных к командированию в старший класс *1-й очереди*, представляются штабами фронтов в штаб Верховного главнокомандующего, а штабами округов — в Главное управление Генерального штаба, — за 2 недели до начала занятий в академии, т.е. к 15-му января: а отсюда доставляются в академию не позднее как за 1 неделю, т.е. к 22-му января 1917 года.

32. В старший класс академии *2-й очереди*, если в открытии такового встретится надобность, — командуются желающие офицеры, окончившие подготовительные курсы 2-й очереди (с 1-го февраля по 1-е мая 1917 года), а равно все желающие офицеры, удовлетворяющие всем условиям приема в старший класс 1-й очереди, но не попавшие в него.

33. В старший класс академии *3-й очереди*, если в открытии такового встретится надобность, — командуются желающие офицеры, окончившие подготовительные курсы 1-й очереди (с 1-го ноября 1916 года по 15-е января 1917 года), а равно все желающие офицеры, удовлетворяющие всем условиям, указанным для командирования в старший класс 1-й и 2-й очередей, но не попавшие в него.

34. Офицеры, успешно окончившие старший класс академии военного времени, получают академический знак, причисляются к Генеральному штабу и возвращаются в распоряжение начальников штабов своих армий и округов, а затем переводятся в Генеральный штаб на тех же условиях, какие установлены для офицеров, окончивших два класса академии в 1914 году. Все означенные офицеры обязываются сдать темы дополнительного курса академии по окончании войны.

Подлинное подписали: *Д. Шуваев, Н.Д. Артамонов, П.И. Щербов-Нефедович, К. Ставровский, В. Глазов, Ф. Гершельман, Н. Ашеберг, И. Романенко, В. Никитин, П. Ольховский, А. Брилевич, А. Маврин, А. Веденятин, В. Чернявский, П.А. Гейсманд, В.И. Покотило, Е.А. Радкевич* и и.д. начальника канцелярии Военного министерства генерал-майор *Филатьев*. Скрепил: делопроизводитель полковник *Поляков*.

Верно: и.д. начальника Императорской Николаевской военной академии генерал-майор *Камнев*.

Сверял: и.д. правителя дел академии коллежский советник *Мартынов*.

РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 15. Л. 3–9об. Типогр. экз.

Список чинов учебно-административного состава, приватных лекторов и руководителей практических занятий Императорской Николаевской военной академии с 1-го февраля 1917 г.

Список

чинов учебно-административного состава, приватных лекторов
и руководителей практических занятий Императорской Николаевской военной академии
(во время ускоренной подготовки офицеров с 1-го февраля 1917 года)

а) Штатный состав

И.д. начальника академии генерал-майор Владимир Николаевич Камнев.

1. Генерал-лейтенант Василий Васильевич Витковский.
2. Борис Михайлович Колюбакин.
3. Григорий Григорьевич Христиани.
4. Александр Александрович Зейфарг.
5. Анатолий Алексеевич Даниловский.
6. Дмитрий Владимирович Филатьев.
7. Генерал-майор Михаил Александрович Иностранцев.
8. Полковник Павел Федорович Рябиков.
9. Дмитрий Капитонович Лебедев.
10. Николай Иванович Коханов.
11. Александр Иванович Андогский.
12. Леон Павлович Дюсиметьер.
13. Аркадий Павлович Слижигов.
14. Подполковник Александр Федорович Гушин.

б) Прикомандированные

15. Подполковник Иван Иванович Смелов.

16. Капитан Григорий Васильевич Солдатов.
 17. Александр Дмитриевич Сыромятников.
 - в) Приватные лекторы
 18. Генерал-лейтенант Эраст Михайлович Лисенко.
 19. Капитан 1-го ранга Борис Иосифович Доливо-Добровольский.
 20. Полковник Валерий Николаевич Поляков.
 21. Полковник Михаил Васильевич Карханин.
 22. Подполковник артилл[ерии] Густав Густавович фон Шульман.
 23. Владимир Ричардович Руппенейт.
 - г) Руководители практических занятий
 24. Генерал-майор Василий Емельянович Мясников.
 25. Александр Сергеевич Пороховщиков.
 26. Яков Иванович Алексеев.
 27. Дмитрий Антонович Мельников.
 28. Сергей Петрович Михеев.
 29. Полковник Иван Сергеевич Свищев.
 30. Борис Петрович Поляков.
 31. Подполковник Георгий Михайлович Минюхин.
- РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1557. Л. 148–148об. Машинопись.**

Бодров А.С.²²⁸⁰

В академии (воспоминание)

Для офицера война есть лучшая из академий.
Скобелев

С объявлением мобилизации в 1914 году Императорская Николаевская военная академия прекратила занятия. Все преподаватели по мобилизационному плану были командированы для занятия разных должностей по штабам, а учащиеся офицеры по своим частям.

Это была ошибка, каковую пришлось потом исправлять.

Уже в середине 1915 года русская армия стала испытывать недостаток офицеров Генерального штаба — особенно для замещения младших должностей — в штабах дивизий и корпусов.

²²⁸⁰ Бодров Алексей Степанович (10.03.1886–?) — окончил подготовительные курсы 1-й очереди и старший класс 3-й очереди Военной академии. Подпоручик (со ст. с 30.11.1903). Поручик. Штабс-капитан. Капитан (со ст. с 16.08.1916, последний чин в старой армии). Подполковник. Полковник. Сдавал предварительные экзамены в Императорскую Николаевскую военную академию (1914). Участник Первой мировой войны. В 109-м пехотном Волжском полку. И.д. начальника штаба 28-й пехотной дивизии по выбору, старший адъютант того же штаба по назначению. Участник Гражданской войны. В РККА. В антибольшевистских формированиях Востока России (1918–1922). На Самарском фронте. Начальник штаба 3-й стрелковой дивизии Народной армии (на 08.1918). Вр.и.д. начальника штаба 8-й Пермской стрелковой дивизии (1919). Дивизия расформирована. Вр.и.д. начальника штаба II Уфимского армейского корпуса (на 08–09.1919). Причислен к Генеральному штабу (приказ главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины № 261. 02.04.1920). Переведен в Генеральный штаб с 12.02.1920 (приказ главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины № 262. 02.04.1920). Начальник штаба Сибирской группы (с 08.1922). В эмиграции.

За год войны одни из офицеров Генерального штаба погибли в боях, другие — получили высшее назначение, а формирование новых частей и новых штабов потребовало и новых офицеров Генерального штаба. А так как Военная академия была закрыта, то естественного пополнения не было. Вот почему в октябре 1916 года в Петрограде при Военной академии пришлось открыть так называемые «Ускоренные курсы 1-й очереди для подготовки младших офицеров Генерального штаба». На эти курсы были командированы со всех фронтов войны выдающиеся офицеры из строя, окончившие полные курсы военных училищ.

Собравшиеся в октябре в Петрограде в стенах Военной академии офицеры — слушатели 1-й очереди, принесли с собой богатый боевой опыт. Все они пробыли два с лишним года войны на разных строевых должностях со своими частями.

«Вы испытали радость побед и горечь поражений — закалили себя свистом пуль и шрапнелей, не страшны вам штыки и гранаты» — так говорил нам сам герой войны генерал Марков.

Да! Мы изучали войну не по книгам и планам, а на собственной крови: мы учились не на мирных лагерных полях, а на боевых полях Польши, Кавказа, Галиции, В[осточной] Пруссии, Турции и пр.

Мы были теми счастливыми, которых судьба войны пощадила и сохранила к концу 1916 года.

Радостные сознанием того, что впереди можно провести время 3–4 месяца в столичном городе, не страшась ни вражеских пуль, ни свиста и грохота снарядов, не думая о том, что судьба пошлет нам завтра, — приступили мы к занятиям — подготавливая себя к новым обязанностям по Генерального штабу.

С 8 часов утра до 7–8 час[ов] вечера проводили мы время в стенах академии — там же и питались.

Как живые встают в памяти и теперь передо мной:

Генерал-майор Марков, герой Великой и Гражданской войны — широкими мазками живо и оригинально излагал он нам сущность «Общей тактики», требуя не зубрежки, а «понимания сути войны». Методично и медлительно, отчеканивая короткие фразы каждого предложения, читал нам Службу Генерального штаба генерал-майор²²⁸¹ А.И. Андогский.

Генерал-майор Витковский, пересыпая анекдотами, оживлял сухой предмет «Геодезии».

Генерал-майор Камнев-Петерс²²⁸² — сам кавалерист — рисовал с кафедры «боевые действия конницы».

Полковник Коханов — заставлял нас строить земляные укрепления, на бумаге, чтобы до времени — «сохранить силы и дух войск».

Генерал²²⁸³ Плющик-Плющевский с кафедры громил нас тяжелой и легкой артиллерией — массируя ее на полях сражений — в наиболее ударных местах.

Генерал-майор²²⁸⁴ Даниловский²²⁸⁵ заставлял нас часами чертить условные знаки по топографии, требуя четкости и наглядности. Учил чинить для этого карандаши и каким именно карандашом чертить.

²²⁸¹ Тогда еще полковник.

²²⁸² В документе ошибочно: *Каменев-Петерс*.

²²⁸³ Тогда еще полковник.

²²⁸⁴ Так в документе, правильно: *генерал-лейтенант*.

²²⁸⁵ В документе ошибочно: *Данилевский*.

А после обеда, собираясь по группам, расходясь по обширным покоем академии, начинались так называемые «практические занятия». «Знаменитый» теперь Генерального штаба подполковник Гущин был руководителем нашей группы. Черный, нервный, он, захлебываясь, говорил нам о том, что офицер Генерального штаба — это рыцарь своего государя и Родины. Скорее должен погибнуть, чем изменить долгу чести. На подвиг решайтесь без колебания о потерях, не жалейте своей и чужой крови, если это ведет к победе. Государь и Родина — эти два слова были тогда для него священны. И что же — грянул гром революции и он же первый — председатель «Революционного союза офицеров». Первый сорвал с себя аксельбанты и погоны. Да и теперь оптом и в розницу торгует честью и продает Родину.

Но всему бывает конец. Кончились и наши занятия, кончились экзамены. Заготовлены предписания ехать опять туда — на фронт, где льется кровь, а не чернила, где окопы не на бумаге, а на полях, в лесах и на болотах. Где противник не обозначенный, а настоящий, упорный и настойчивый.

Нам 21 января 1917 года объявляют, что завтра — мы едем в Царское Село — представляться государю императору.

Тяжело теперь вспоминать [об] отеческом наставлении, которым нас напутствовал государь император 22-го января 1917 года.

«Я знаю вашу доблесть и ценю ее. Смерть каждого из вас мне принесет огорчение. Берегите себя, не рискуйте зря жизнью. Вы нужны России».

Не забудется этот день до гробовой доски.

К вечеру 22 января 1917 г. возвращаемся в академию, получаем предписания и с ними на вокзал. Опять на боевые поля, к родным своим частям. А потом, через несколько месяцев, началась всероссийская свистопляска.

Бодров А.С. В академии (воспоминание) // Георгиевский день (Харбин). 1932. 9 дек. С. 11 (ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 104).

Месснер Е.Э.²²⁸⁶

Мои воспоминания

III часть. Великая война

Глава «И». Академия и кампания 1917 года²²⁸⁷

(Все даты по старому стилю)

В Петроград мы с Милочкой прибыли 27 октября [1916 г.] — на поездку с фронта в Одессу, на сборы и на путь в столицу я потратил 4 дня. Благодаря тому, что у Милочки всегда гардероб

²²⁸⁶ Месснер Евгений Эдуардович (03.09.1891–30.09.1974) — сын коллежского асессора, уроженец Херсонской губ. Окончил 3-ю Одесскую гимназию, один курс математического отделения физико-математического факультета Новороссийского университета, по экзамену три класса Михайловского артиллерийского училища по 1-му разряду (1912), подготовительные курсы 1-й очереди Николаевской военной академии (1917). Прапорщик запаса легкой артиллерии (с 22.11.1911). Подпоручик легкой артиллерии (выдержал экзамен при Михайловском училище 22.04.1912; произведен в подпоручики с 25.09.1912 со ст. с 03.10.1910; устан. ст. с 03.10.1910). Поручик (с 10.04.1915 со ст. с 03.10.1914). Штабе-капитан (с 12.02.1916 со ст. с 09.12.1915). Капитан (с 25.12.1919, устан. ст. с 30.06.1915). Подполковник. Полковник (с 11.1920). На службе с 30.09.1910 вольноопределяющимся 1-го разряда

в 5-й батарее 15-й артиллерийской бригады. Срок службы считается с 01.10.1910. Командирован в бригадную учебную команду (с 02.10.1910). Бомбардир (с 12.12.1910). Окончил курс бригадной учебной команды (с 06.04.1911). Младший фейерверкер (с 31.05.1911). Выдержал экзамен на чин прапорщика запаса (с 01.09.1911). Уволен в запас армии (с 03.09.1911). Прикомандирован для отбытия лагерного сбора к 15-й артиллерийской бригаде (15.05–06.09.1912). Определен из запаса на службу в 15-ю артиллерийскую бригаду (03.10.1912). Зачислен в списки 5-й батареи (10.10.1912), прибыл (18.10.1912). Учитель бригадной учебной команды (13.03.1913). И.д. адъютанта 2-го дивизиона (30.01.1914), утв. (20.04.1915), отчислен от должности (02.10.1915). Командирован в Херсон членом приемной комиссии для приема лошадей, поступающих по воинской повинности от населения (17.07–01.08.1914). Участник Первой мировой войны. Младший офицер 5-й батареи (с 02.10.1915). Адъютант 2-го дивизиона (с 08.10.1915). Прикомандирован к управлению бригады для ознакомления с обязанностями бригадного адъютанта (30.12.1915). Бригадный адъютант 15-й артиллерийской бригады (с 31.12.1915). Делопроизводитель комиссии, заведующей офицерским заемным капиталом (22.03.1916). Вр.и.д. старшего офицера 6-й батареи (09–17.04.1916), 1-й батареи (28.04–06.05.1916). Старший офицер 1-й батареи (с 18.06.1916), 6-й батареи (18.06.1916). Переведен в 6-ю батарею для и.о. старшего офицера (07.07.1916). Переведен в 1-ю батарею (04.08.1916). Командирован для выема облигаций государственного кратковременного займа 1915 г., принадлежавших бригаде, из одесской конторы Государственного банка и сдачи их в петроградское казначейство (02–21.09.1916). Старший офицер 3-й батареи (с 21.09.1916). И.д. старшего адъютанта штаба 15-й пехотной дивизии (с 02.02.1917). Вр.и.д. начальника штаба дивизии (с 25.04.1917). Старший адъютант штаба 15-й пехотной дивизии. Начальник штаба дивизии (с 21.09.1917). В командировке в г. Роман для участия в комиссии по выяснению вопроса о причинах разоружения VIII корпуса (08–11.02.1918). Участвовал в боях у д. Вержбово (12.08.1914), под Желиборами (17.08.1914), под Николаевым (22–23.08.1914), в мшанском бою под Гродеком (27–30.08.1914), в бою под Хитровым (28.09–09.11.1914), у д. Радошице (02–09.11.1914), под Лимановым и Новым Сандецом (23–28.11.1914), у д. Громник (01–02.12.1914), под Щавне (высота 636) (25.12.1914–02.01.1915), в карпатских боях у Каманги, Смольник и Ославица (23.01–20.02.1915), у Воли-Миховой (14–20.03.1915), за проходы у Бальницы (20–30.03.1915), у Перемышля под д. Плящавице (04–20.05.1915), у Масциски (фольварк Юзефовка) (22–24.05.1915), под Бонувом (27.05–02.06.1915), под Вишенькой Велькой (05–06.06.1915), под Жолкиевом (08–10.06.1915), у г. Желдеца (10–14.06.1915), на р. Буг (14.06–02.08.1915), под г. Дубно (08.10.1915–30.03.1916), у д. Пелжи (22–23.05.1916), под Луцком (25.05.1916), под Блудовым (02–05.06.1916, 10.06.1916), под Блудовым, Уманцы (17.06.1916), под Блудовым, Пустомытами (02–04.07.1916), под Ощевом, Пустомытами (14–16.07.1916), под Корытницею (18–19.08.1916), под Пустомытами (02–04.10.1916), в позиционных боях у г. Паншу (Румыния, 02.02–27.03.1917, 25.04–06.05.1917), в позиционных боях у д. Гауриле (18.06–08.07.1917), в прорыве неприятельской позиции в направлении на д. Гауриле (09–16.07.1917). В позиционном расположении в районе р. Бекаш (29.10.1917–02.02.1918). Контужен под селением Громник шрапнелью пулей в левую щеку (03.12.1914). Контужен у д. Бальница осколком гаубичной шрапнели в левую часть головы в область височной кости и ушной раковины (23.03.1915). Участник Гражданской войны. В 1-й офицерской батарее Добровольческой армии (с 05.11.1918). И.д. штаб-офицера для поручений штаба формирований Одесского центра (10.11.1918). И.д. обер-офицера для поручений штаба командующего войсками Добровольческой армии Одесского района (с 02.12.1918). Участник взятия Одессы (05.12.1918). Вр.и.д. старшего адъютанта по строевой части штаба войск Добровольческой армии Одесского района (с 28.12.1918). При эвакуации Одессы выступил с частями отдельной Одесской стрелковой бригады из города (23.04.1919). Прикомандирован к штабу бригады (с 24.04.1919). Обер-офицер для поручений штаба бригады (с 27.04.1919). И.д. старшего адъютанта (по части Генерального штаба) штаба отдельной Одесской стрелковой бригады (с 05.05.1919). Бригада переименована в 7-ю пехотную дивизию (18.05.1919). Командирован в расположение Кавказской Добровольческой армии в качестве квартирмейстера (05–11.06.1919). И.д. старшего адъютанта (по части Генерального штаба) штаба Полтавского отряда с оставлением в той же должности штаба 7-й пехотной дивизии (с 10.07.1919). Штаб Полтавского отряда переименован в штаб войск Киевской группы (15.12.1919). Участник отхода отряда генерала Н.Э. Бредова к румынской границе на Днестре (27–29.01.1920). Участник флангового марша в составе отряда генерала Н.Э. Бредова (войска Киевской группы и Новороссийской области) для присоединения к польской армии (29.01–11.02.1920). В составе отряда перешел боевую линию польских войск у Новой Ушицы (12.02.1920). Участник обороны позиций на линии деревень Ломаченцы – Говоры – Калюсики – Дашковцы – Гоголи – Петраши – Охремовцы (13.02–14.03.1920). В составе штаба прибыл в лагерь Пикулице (Перемышль) для отбытия карантина (22.03.1920). Причислен к Генштабу (20.01.1920). Убыл в Крым (22.06.1920). Прибыл в Феодосию (25.06.1920). Вследствие расформирования штаба назначен членом

наш и белье были в образцовом порядке, она могла в один день изготавиться к путешествию на долгое время: я был ей плохим помощником, потому что был занят расспросами у тестя об обычаях и порядках в академии Генерального штаба²²⁸⁸.

Столичное комендантское управление отвело нам номер в гостинице на Знаменской площади, но предупредило, что я должен спешно позаботиться о постоянной квартире, т.к. комната в гостинице предоставляется лишь на несколько дней. Между тем занятия в

ликвидационной комиссии (11.08.1920). Отправился в распоряжение 1-го обер-квартирмейстера для усиления офицеров Генштаба Корниловской дивизии (16.09.1920). И.о. начальника штаба Корниловской дивизии (с 20.09.1920). В эмиграции — в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Работал в Белграде в городском кадастре, начальник землемерной секции, представитель по продаже пишущих машин Ремингтон. Член Общества русских офицеров Генерального штаба. Объявил о выходе из общества (25.06.1928 с 01.05.1928) при желании поддерживать с ним духовную связь. Вновь зачислен в общество (1930). Преподаватель Высших военно-научных курсов в Белграде (с 1931). Защитил диссертацию (1942). Профессор военных наук. Крупный военный мыслитель русской эмиграции. В годы Второй мировой войны работал в белградской газете «Обнова», руководил отделами вестей и военным, директор службы «Немецкое бюро сообщений», снабжал сербскую печать информацией, участник формирования Русского корпуса (1941), на службе в военно-пропагандном отделении вермахта «Юго-Восток», где руководил русской секцией. Служил в Русском корпусе и в 1-й Русской национальной армии (в чине майора начальник пропагандного отдела штаба). Интернирован в Лихтенштейне (05.1945–11.1947). Уехал в Аргентину (с 24.12.1947). Умер в Буэнос-Айресе. Супруга Людмила Эммануиловна Калнина (?–25.03.1966), дочь генерал-лейтенанта. Дети: Евгений, Георгий, Елена, Лидия, Павел, Анна. Награды: Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (19.02.1915), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (19.02.1915), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (19.02.1915), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (20.03.1915), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (08.09.1915, утв. 02.10.1916), Св. Анны 2-й ст. с мечами (дважды: 12.08.1916; 30.08.1916), Георгиевское оружие за то, что, заменяя начальника штаба 15-й пехотной дивизии в подготовительный период операции дивизии в районе Мерешешти, произвел ряд рекогносцировок под действительным ружейным и пулеметным огнем противника, сопряженных с явной опасностью для жизни, и добыл важные сведения, которые легли в основу плана боя за высоту «Мамья» 11 июля 1917 г., увенчавшегося полным успехом. В течение всего боя 11–15 июля 1917 г., неоднократно подвергая свою жизнь явной опасности, действительно содействовал начальнику 15-й пехотной дивизии в достижении поставленной дивизии задачи (24.02.1918), Георгиевский крест 4-й ст. за то, что, исполняя должность начальника штаба 15-й пехотной дивизии в течение всего подготовительного периода к операции 11 июля 1917 г., с явной личной опасностью под артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем противника много раз производил чрезвычайно ценные разведки всесторонние, до мельчайших подробностей изучая в передовых окопах участок позиций противника. Во время самой операции, не щадя своего здоровья, вконец расшатанного непрерывными трудами по разработке плана атаки, бесценно в течение 3 дней и 3 ночей находясь на наблюдательном пункте начальника дивизии, под сильным огнем противника с полным хладнокровием держал в своих руках управление связью дивизии и ориентировал начальника дивизии и командиров частей о ходе боевых действий, чем в сильнейшей степени способствовал нашему блестящему общему успеху (23.11.1917), орден «Корона Румынии» с мечами степени кавалера, светло-бронзовые медали в память 300-летия царствования дома Романовых, за труды по отличному выполнению мобилизации 1914 г. на ленте ордена Белого Орла (12.02.1915). Соч.: Великая Луцко-Черновицкая победа 1916 г. Буэнос-Айрес, 1966; Всемирная мятежевойна. Буэнос-Айрес, 1971.

²²⁸⁷ Воспоминания написаны Е.Э. Месснером в 1960 г. в Буэнос-Айресе. Публикуются те разделы воспоминаний, которые относятся к академии. Примечания к мемуарам вынесены Месснером в отдельный раздел и не имеют четкой привязки к тексту, в связи с чем добавлены публикатором по смыслу.

²²⁸⁸ В Петроград мы с женой приехали не для развлечения, а для работы: я для ученья в академии, а Милуша для помощи мне. Однако мы не могли себе отказать в удовольствии несколько раз — в праздники — прокатиться по нашей дивной столице. Побывали мы в Исаакиевском соборе (но на купол не взбирались, как в 1912 г.) и снова — в который уже раз! — выслушали объяснения: по высоте — третий собор в мире, вмещает 13 000 человек, на постройку пошло 300 тысяч тонн материала, в том числе 43 сорта камней.

Помолились в храме Спаса на крови — на месте убийства императора Александра II. Прекрасен был Петров град (*примеч. Е.Э. Месснера*).

академии не давали мне возможности уделять много времени приисканию подходящего крова. Столица была переполнена — найти квартиру или комнату было трудно. В отчаянии я снял комнату в ужасной квартире ужасного дома; хозяйка не хотела брать задатка, уверяя, что комната мне не подходит — действительно, вылезшие пружины дивана и разбитое зеркало и все прочее, этому соответствовавшее, мало подходило к офицерскому понятию о мебелированной комнате. Когда я привел Милочку, чтобы показать мою находку, на ее лице появилось такое выражение, что хозяйка со словами «Я же вам, господин офицер, говорила, что комната для вас не годится» возвратила мне задаток. На другой день я снял гостиную в квартире одной генеральши — комната была заставлена столиками, экранами, этажерками с тысячами безделушек и поэтому в ней нельзя было передвигаться. Но наконец удалось нам найти отличную комнату в квартире одного адвоката на Греческом проспекте. В 1 1/2 кварталах от академии. Адвокат только ночевал дома, его жена — тоже (она порхала по приятельницам); лишь по субботам вечером они принимали гостей; поэтому и квартира и горничная были всю неделю в распоряжении Милочки; девушка помогала готовить завтрак и ужин; Милочка могла пользоваться роялем, стоявшим в гостиной. Впрочем, она была так занята, помогая мне в учении, что ей было не до пения. По большинству предметов, преподававшихся в академии, не было учебников (война сделала устаревшими прежние учебники); приходилось поэтому записывать лекции.

Милочка научилась разбирать мою самодельную стенографию и переписывала лекции; она составляла таблицы цифровых данных для заучивания и ставила их перед моими глазами во время еды, одевания, бритья, и я без всякого усилия, одною лишь зрительной памятью запоминал такие таблицы, как, например, баллистические, весовые и проч. сведения о всех русских, союзнических и неприятельских пушках, гаубицах и мортирах.

Мы оба работали тяжело. За все время пребывания в Петрограде были один раз в гостях и сделали несколько прогулок (не считая поездок Милочки на Театральную площадь в кондитерскую Иванова для покупки земляничного торта и других неопикуемых изделий). Побывав в доме военного моряка Лебедева, мы пришли в восторг от сарафанов его жены, всегда, дома и в гостях, носившей национальные русские наряды. Она примерила на Милочке свои повседневные и парадные сарафаны и повойники и затем с удовольствием дала жене выкройку. Милочка закупила в Петрограде материал для сарафанов, а потом дома сшила и стала одеваться то крестьянкой, то боярышней.

Я знал однокашников в академии, которые с трудом учились, потому что их жены увлекали их в водоворот столичных развлечений. Милочка же отказалась от всего и трудилась не менее моего, чтобы помочь мне в усвоении трудного курса.

С трепетом преступил я порог академии, в здании которой витал дух знаменитого генерала Леера, величайшего из теоретиков стратегии, и из которой вышло столько славных полководцев и столько заслуженных тружеников на поприще Генерального штаба. Первый начальник академии, генерал Сухозанет, был того мнения, что «войско может существовать без науки, но без дисциплины — никогда», генерал Леер внушал веру в чудесные свойства знания, генерал Михаил Драгомиров выше всего ставил дух, генерал Щербачев, один из последних начальников академии, требовал от слушателей не столько знания, сколько интуиции. Сменялись начальники академии, изменялись программы, переменилось даже

название ее (из Императорской академии Генерального штаба она стала Императорской военной академией), но на протяжении восьми десятилетий она воспитывала и обучала сотни колонновожатых, которые несли свою ответственную службу, подвергаясь обвинениям не только в случае неудачи на войне, но и в случае успехов: Генеральный штаб всегда казался не на должной высоте, хотя чужеземцы — враги признавали его высокие качества (см., например, «Воспоминания» Людендорфа).

С вышеупомянутым переименованием академии была связана и перемена системы обучения в ней — от немецкого способа, имевшего целью заучивание фантастического количества географических, статистических и военно-административных данных, развить память и дать обширное знание, перешли к французскому способу развивать интуицию и способность к самостоятельному военному творчеству. По молодости своей, я не мог осмелиться дать предпочтение тому или иному способу, но сейчас склоняюсь к мысли, что Мольтке был прав, когда требовал, чтобы все офицеры Генерального штаба мыслили совершенно одинаково — тогда каждый знает, что в данной обстановке предпримет и подчиненный, оставшись без руководства, и сосед, с которым временно потеряна связь. Французы со своей интуицией проигрывали в 1914–[19]18 и в 1939–[19]40 годах все сражения, а немцы со своим шаблоном выигрывали их. А что немцы проиграли две войны, не значит, что Генеральный штаб был у них плох: плоха была дипломатия, не умевшая ограничить число врагов, с которыми приходится воевать одновременно, — дипломатия ставила стратегии невыполнимые задачи.

Реформа академии, произведенная в конце первого десятилетия этого века, ограничилась переменой системы преподавания и отчасти изменением программы учебных курсов (кроме того, заканчивавшие академию были лишены привилегии — производства в следующий чин: у них осталась возможность обогнать своих строевых сотоварищей и сверстников лишь более скорым удостоением к производству в обер-офицерские, штаб-офицерские и генеральские чины). Но в военной печати того времени раздавались голоса о необходимости более глубокого преобразования академии. В ней уже существовал как бы второй «факультет», геодезический, в котором, начиная со второго года обучения, несколько офицеров подвергалось прохождению математических наук и геодезии для замещения впоследствии должностей специалистов по геодезическим и топографическим работам. Мой тесть генерал Калнин выступал в военной печати с предложением сохранить звание офицера Генерального штаба лишь за теми, кто в академии подготовится к работе разведывательной и к работе стратегической в высших штабах, прочие же офицеры, по завершении академии, возвращаются в строй без какого бы то ни было особого звания, и они, будучи более образованны, нежели офицеры, в академии не обучавшиеся, продвигаются к полководческим должностям. Этим проектом достигнуто было бы то, что офицеры Генерального штаба перестали бы быть мастерами на все руки: работает в разведывательном отделении штаба округа, командует строевой частью (батальоном), становится на работу по передвижению войск, получает должность в крепостном штабе и, наконец, становится стратегом. Осуществление мысли генерала Калнина привело бы к созданию в академии «факультетов» строя, разведки и стратегии. Впоследствии я, ставши военным научным работником, развил мысли генерала Калнина, наметив разделение академии на факультеты: строевой, разведывательный, стратегический, передвижения войск, службы передач и связи и геодезический.

Но в 1916 г. я, хотя и ознакомившийся с проектом моего тестя, вступал в академию без мысли о несогласии с ее программой и системой — я решил приложить все усилия, чтобы подготовиться к службе Генерального штаба, о которой мечтал с юности.

В академии со времен генерала Михаила Ивановича Драгомирова соблюдался культ великого Суворова. Приходится, к сожалению, признать, что Суворовский дух испарялся из душ воспитанников академии, по мере продвижения их по иерархической лестнице: ни в Русско-японскую, ни в Великую войну наши полководцы не предпринимали операций в стиле Суворова.

Кстати, о генерале Драгомирове: о нем ходило множество анекдотов. Говорили, что однажды на вступительных экзаменах в академию он шутливо сказал одному срезавшемуся штабс-капитану: «Знаете ли вы песню — шла бы ты, бурёнушка, домой?» Обозленный этим офицер ответил: «Никак нет, но я знаю другую песню — ах ты, сукин сын, комаринский мужик». Драгомиров расхохотался и за находчивость принял срезавшегося в академию.

Он любил находчивость. На маневрах он подъехал к одной роте и говорит командиру ее: «Неприятель справа! Командуйте». Капитан правильно перестроил свою роту. «Неприятель сзади!» — сказал Драгомиров, и капитан опять правильно подал команды. «Неприятель сверху!» — и находчивый офицер скомандовал: «На молитву, шапки долой!» (в то время авиации еще не было).

Будучи командующим войсками Киевского военного округа, он позабыл послать государю телеграмму в день его тезоименитства. Вспомнил лишь на третий день и, чтобы выйти из положения, протелеграфировал: «Третий день пьем за здоровье Вашего императорского величества», на что последовал ответ: «Пора бы и перестать».

Во время войны 1877–[18]78 года ему представился один из трех поставщиков, которые с подряда взялись снабжать всю действующую армию (Греггер, Горвиц и Коган). Поставщик рекомендует: «Горвиц. Православный». А генерал отвечает, протягивая тому руку: «Драгомиров. Тоже не из жидов».

Он не был антисемитом, но позволял себе шутки над евреями. Однажды в Киеве он играл в винт с богатейшим сахарозаводчиком Бродским и еще двумя евреями. Как известно, за винтом во время «торга» принято говорить всякие присловки и словечки. Бродский и говорит: «Je dis: passe»²²⁸⁹. Второму партнеру это понравилось, и он свое назначение тоже произнес, как и Бродский: «Je dis: passe». И третий сказал: «Je dis: passe». Тогда Драгомиров говорит: «Ну, если жиды пас, то и я пас», что вызвало дружный смех всех четырех игроков.

Конечно, популярность Драгомирова не базировалась на анекдотах о нем: он был известен общественным кругам как человек, написавший приказ, который начинался словами «В армии дерутся» и в решительной форме воспрещал рукоприкладство, оставшееся с крепостных времен, — ему в значительной мере обязана армия и тем, что в мое время «мордобоя» не было (разве что иной фельдфебель тайком от офицеров кому-нибудь «начистит зубы»). В войсках же Драгомиров был известен как проповедник суворовской формулы «Пуля — дура, штык — молодец». Он подвергался нападкам со стороны тех, кого он обзывал «огнепоклонниками» и которые оспаривали полноценность этой формулы в эпоху все

²²⁸⁹ Я говорю — пропускаю (*фр.*).

большого нарастания силы огня, пехотного и артиллерийского. Но авторитет Драгомирова, после смерти всех героев-полководцев Русско-турецкой войны — Гурко, Скобелева, Радецкого, — был так высок, что драгомировская тенденция преобладала в армии. Не знаю, верно ли, что Драгомиров противился во время Русско-японской войны введению пулеметов, но знаю, что под влиянием Драгомирова мы вышли в 1914 году с тенденцией, не теряя времени на перестрелку («что толку в этакой безделке», как говорил Пушкин в «Бородино»²²⁹⁰), рваться к штыковому бою. Результатом этого были страшные потери в первых сражениях Великой войны, когда мы потеряли огромный процент кадрового офицерства и хорошо обученного унтер-офицерства.

Но к 1916 году дух Драгомирова выветрился из академии: горестный боевой опыт и французские наставления о борьбе за укрепленные полосы сделали то, что прекратилось недооценивание огня. Это мы почувствовали с первых дней нашего учения. Учение это производилось в ускоренном темпе.

Лекции начинались в 8 часов утра и длились до 12, от 2 до 5 шли практические занятия. Обедать ездили мы с Милочкой к половине шестого в собрание армии и флота на Литейном, а вечером я прочитывал для запоминания вчерашние, Милочкой переписанные лекции.

Во главе академических курсов был поставлен генерал Петерс (переименовавшийся в Камнева, по моде военного времени, требовавшей замены немецких фамилий русскими; так, например, московский градоначальник генерал Рейнбот стал называться Резвой; эта перелицовка вызывала насмешки, и один остряк из петербургского высшего чиновничества заказал себе визитные карточки: «Петр Николаевич Гордеев, урожденный тоже Гордеев»). Генерал Камнев читал тактику конницы. Правителем дел академии был Генерального штаба полковник Андогский; он читал «Службу Генерального штаба». Введение в курс военной администрации прочел профессор генерал Гулевич; военную же администрацию преподавал полковник Поляков — он, как пулемет, сыпал данными о штатном составе войсковых частей, причем давал с тою же скоростью и сведения о новейших формированиях (самокатные роты, прожекторные взводы, бронепоезда и т.п.), которые не фигурировали ни в каких учебниках. Общую тактику читал, интересно и красочно, генерал Марков. Начальник штаба 4-й стрелковой дивизии, а впоследствии командир Марковского полка. Тактику артиллерии преподавал полковник Плющик-Плющевский, отлично выявивший возросшее значение артиллерии. Знатком дела показал себя военный инженер полковник Коханов, читавший фортификацию. Престарелый профессор генерал Витковский нескучно преподавал скучную топографию²²⁹¹. Рекомендую при подсчете шагов во время съемки каждую сотую сажень отмечать для памяти расстегиванием одной пуговицы кителя, а потом пуговиц для подтяжек, он при смехе аудитории давал практический совет не расстегивать всех пуговиц, чтобы не потерять брюк. Если на практических занятиях офицер хватал теодолит не за колонку, а за трубу, то генерал в комическом ужасе вопил: «Стойте! Вы схватили его за глаз!»

²²⁹⁰ Конечно, слова «что толку в этакой безделке» принадлежат Лермонтову, а не Пушкину (*примеч. Е.Э. Месснера*).

²²⁹¹ Геодезию читал нам генерал Витковский, но 2 вступительные лекции прочел профессор генерал Даниловский, еще более заслуженный топограф, чем профессор Витковский (*примеч. Е.Э. Месснера*).

Полковник Гушин²²⁹² читал нам новую дисциплину «Топографические разведки». Мы наняли стенографа для записывания его лекций: тот записал бессмысленный набор слов; сменили стенографа, но и этот дал такой текст, из которого ничего нельзя было понять. Тогда поручили мне выправлять стенограмму, сравнивая ее с моими записями; этим способом мы получили брошюру с лекциями полковника Гушина. Он напрасно злился на стенографов: вина лежала на нем: он произносил фразы, совершенно не думая о синтаксисе; это были невозможнейшие сочетания придаточных и вводных предложений с незаконченным главным предложением.

Тактику инженерных войск читал толстый полковник Лебедев, называемый Купидоном (он впоследствии играл большую роль в Красной армии). Он задумал выпустить книгу по своему предмету и захотел снабдить текст примерами (с чертежами) из опыта войны. Поэтому он требовал на практических занятиях представления ему таких примеров. Мы, конечно, видели в действии и прожектор, и привязной воздушный шар, видели и полевую железную дорогу, но никто из нас не вникал в подробности их применения. Поэтому все примеры, нами предоставленные полковнику Лебедеву, были смесью маленького факта с большою фантазией. К счастью, задуманная книга не вышла в свет.

Из всех преподавателей лишь генерал-майор Марков оказался мне немного знакомым: в конце лета 1915 г. я по делу съездил в штаб 4-й стрелковой дивизии, стоявшей бок о бок с нашей, и там за обедом обратил свое особенное внимание на начальника штаба: Марков был в обращении сердечен и прост. Это обстоятельство и то, что он до войны состоял преподавателем Императорской военной академии, побудили меня на обратном пути в свой дивизион, подумать: «Марков с его бородкой похож на умного, остроумного преподавателя гимназии, но не на боевого офицера».

Ошибочность этого суждения мне стала очевидна еще до того, как я узнал о подвигах генерала Маркова в первом [Кубанском] походе (в Гражданскую войну): уже в 1916 г. в бытность мою в стенах академии легенда сопутствовала генералу Маркову, прибывшему с фронта, чтобы читать нам общую тактику. Его боевая деятельность вызывала восторг в нас, слушавших рассказы о боевых подвигах «учителя гимназии». В одном из этих рассказов повествовалось о том, как во время одного наступления в районе Полесья 4-я стрелковая дивизия, сбив врага, далеко продвинулась вперед, в то время как ее соседи или сильно отстали, или не двинулись с места. Полковник Марков чувствовал, что штаб корпуса или армии, тревожась за судьбу прорвавшейся и зарвавшейся дивизии, отдаст приказ об ее оттяжке на линию соседей. Предчувствуя также, что нач[альник] дивизии генерал Деникин выполнит такой приказ, Марков распорядился перерезать все телефонные провода в тыл и к соседям и воспретил починять их. В результате высшие штабы, не получая донесения от стрелков и не имея возможности приказывать им отступить, вынуждены были дать соседним дивизиям приказ во что бы то ни стало наступать, чтобы спасти 4-ю стрелковую дивизию. Те продвинулись вперед, подравнявшись со стрелками, и таким образом едва не проигранное сражение превратилось, благодаря Маркову, в победу.

²²⁹² Первоначально у Е.Э. Месснера ошибочно: *Пуцин*. В примечаниях сам Месснер отметил: «Преподаватель предмета “Топографические разведки” был полковник Гушин, а не Пуцин».

Когда я впоследствии опубликовал очерк о генерале Маркове и привел и эту легенду, то мне в печати возразила (в «Корниловце») вдова генерала Деникина, обидевшаяся за своего покойного супруга; она же побудила двух офицеров 4-й стрелковой дивизии написать, что такого факта не было. Я на это ответил, что легенду нельзя анатомировать, но надо ее понимать духовно; легендарные рассказы о генерале Маркове могли не отвечать реальной действительности, но они выявляли дух этого военачальника.

Преподавая нам общую тактику, он признавал лишь суворовский наступательный образ действий. Он ни словом не обмолвился о позиционной войне, и когда мы его настойчиво просили хотя бы одну лекцию посвятить ей, он брезгливо сказал: «Спеленутая тактика, спеленутая стратегия! Дрянь! И говорить о ней не хочу!» И не сказал. Генералу Буняковскому, профессору тактики пехоты, пришлось дать нам понятие об общей тактике позиционных боев.

Позиционный способ войны Марков пророчески считал «скоропроходящим увлечением» — следующая война, начавшаяся в 1939 г., подтвердила это мнение генерала Маркова: тактика, оператика и стратегия снова стали маневренными²²⁹³.

Свой предмет он читал интересно, увлекательно. Он внутренне горел, преподавая, и мы загорались, становясь горячими последователями его понимания благородной науки — тактики. На экзаменах он ставил 10 баллов за детальный, назубок выученный пересказ нескольких страниц учебника; и ставил 12 баллов тому, кто тремя-четырьмя чертами мелом на доске изображал решение тактической задачи — ставил высший балл, не потребовав никаких словесных пояснений к чертежу.

²²⁹³ Полковник Коханов продемонстрировал нам диковинку: автомобиль, могущий ходить по снежным сугробам. Действительно, на внешнем дворе академии большой, тяжелый шестиместный автомобиль без труда бегал по глубокому снегу и взбирался на сугробы высотой в полтора аршина. Его передние колеса были заменены на очень широкие и длинные лыжи, а вместо задних колес он имел сложную систему колесиков, по которым двигалась резиновая бесконечная лента, при помощи которой автомобиль получал поступательное движение и, вторых, распределял свою тяжесть на большую поверхность грунта (в данном случае снега): благодаря лыжам и ленте, автомобиль на каждый квадратный дюйм соприкосновения с грунтом ложился меньшей тяжестью, чем пешеход каждым квадратным дюймом своей ступни. Вследствие этого самоход становился вездеходом (если лыжи заменить колесами с очень широкими покрышками, то такой автомобиль мог ходить и по пахоте, и по грязи так называемой невылазной). Изобретателем вездехода был англичанин, заведующий царским гаражом, инженер. Как часто случается, творческая идея зарождается одновременно в разных точках земного шара (случай с электрической лампочкой): одновременно с изобретением «гусеницы» в царскоесельском гараже в Англии стали конструировать «танки», боевые машины на гусеницах. На фотографии справа [не публикуется] изображен первый тип танка. Он не умел поворачиваться, давая одной гусенице задний, а другой передний ход, и поэтому имел поворотный хвост в виде колеса. На крыше танка видны свернутые циновки: они предназначались для того, чтобы, будучи разостланы на очень топком месте, помочь сравнительно слабосильному мотору протаскать гусеницу. Танком, т.е. резервуаром для воды, эти боевые колесницы были названы во время их фабрикации в целях сохранения тайны создания нового боевого средства. Впрочем, все это мы узнали позже. А от полковника Коханова услышали только уверения, что вездеходу предстоит большое будущее — его можно было бы употребить, покрывши броней, для доставки пехоты к неприятельской позиции через зону огня и по взрытой воронками местности. Коханов оказался провидцем.

Еще большим провидцем оказался любимейший из наших преподавателей генерал-майор Марков: его пророчество о том, что позиционная война исчезнет, как болезнь на теле истинной стратегии и разумной тактики, полностью оправдалось во время 2-й всемирной войны. Мы радовались этому предсказанию, потому что нам претила позиционная война, противоречившая не только духу, привитому нам перед войной, но и совершенно не отвечавшая нашим российским возможностям: ни артиллерии, ни проволоки (колючей), ни цемента у нас не было в достаточных количествах (*примеч. Е.Э. Месснера*).

Он не любил знания, он любил и ценил находчивость. Он не любил методы, он ценил интуицию. Будучи сам чрезвычайно даровит в военном смысле, он старался развивать и в своих слушателях в академии, и в своих подчиненных в строю военные дарования. Трагично для российской армии, что она так рано лишилась генерала Маркова, наиболее даровитого из молодых генералов, наиболее приближавшегося к идеалу военного вождя.

Для практических занятий мы были разбиты на группы по 10 человек. Группу, в которой был я, вел молодой генерал-майор Пороховщиков, и вел очень умело.

Вследствие краткости времени, все преподавание и все занятия были поставлены на практическую базу. Начав прохождение курса 29 октября, мы приступили к экзаменам 12 января: в течение 60 учебных дней мы прошли чрезвычайно обширный и распространенный курс. Нас собралось 250 человек. От каждой пехотной дивизии по 1 офицеру, от кавалерийской — по 2 (конница всегда была на привилегированном положении), а гвардия прислала человек 20 и в их числе был великий князь²²⁹⁴ Гавриил Константинович. Последний держал себя просто по отношению к нам, дисциплинированно в отношении начальства и был старателен в учении²²⁹⁵.

Говорили, впрочем, что от нашей многострадальной пехоты нельзя было вытребовать на курсы больше, чем по одному офицеру на дивизию: во второй половине 1916 года уже и самые младшие кадровые офицеры командовали батальонами (командирами рот состояли офицеры из запаса и офицеры военного времени), и было бы неблагоприятно

²²⁹⁴ Так в тексте, правильно: князь императорской крови.

²²⁹⁵ На академических курсах гвардейские офицеры пожелали быть выделенными в особую группу. К этому пожеланию присоединился и князь Гавриил Константинович, и начальник академии согласился на это, хотя это и противоречило духу академии, требовавшему создания единомыслия и единодушия в будущих офицерах Генерального штаба.

Гавриил Константинович, вследствие своего положения, как князя императорской крови, и вследствие весьма слабого здоровья, не был полноценным офицером, кроме того, он вообще в жизни своей соприкасался с гвардейским офицерством. Поэтому, поддерживая желание своих сотоварищей на курсах, он не мог понимать, что оно неестественно и вредно. Не хочу сказать ничего дурного о Гаврииле Константиновиче, потому что он, как и его два брата, пошел, с началом войны, в строй и в бой, не то, что такие недостойные уважения великие князья, как, например, Борис Владимирович, который в мирное время числился лейб-гвардии в Семеновском полку, но службы в нем не нес и на войне пребывал в тылу.

Конечно, гвардейцы не замкнулись герметически, и я мог в разговорах с ними получить впечатление о боевой работе Гвардейского корпуса. В начале войны он находился в резерве Ставки. В конце августа 1914 г. дрался у Люблина (Галицийская битва), в октябре отстоял Ивангород, в феврале 1915 действовал у Прасныша, Ломжи и Нарева — все это были тяжелые сражения; летом 1915 г. оборонительные бои и отступления у Красностава, Вильно. В июле 1916 г., атакуя на Стоходе, понес страшные потери (бывший граф Игнатъев, бывший военный агент в Париже, в своей грязной книге «50 лет в строю» пишет, что эта атака была произведена в честь имени командира корпуса генерала Безобразова; это такая же ложь, как лживо и название его книги — в строю он, Игнатъев, был лишь несколько месяцев, а прочие 49 с лишним лет был в больших далеких от строя штабах или на привилегированных должностях в России и за границей). В сентябре гвардия дралась рядом с нашим VIII корпусом на фронте Шельвов, Свиноухи, Корытница. В это время она была развернута в два корпуса и образовала гвардейскую армию под командой того же генерала Безобразова. Но, по-видимому, обнаружилось, что нет достаточного количества боевых офицеров, и армию свернули опять в корпус.

Эта фраза о «боевых офицерах» кажется странной. Но в гвардии были особые порядки. Так, например, Семеновский полк при выступлении в 1914 г. на фронт имел 50 офицеров в ротах и 13 в штабе полка (пишу это со слов одного семеновца), где они занимали такие должности, как полковой историк, полковой поэт (!) или никаких должностей не занимали. Первая категория несла жестокие потери, а категория маменькиных сынков продолжала болтаться в штабах, не пополняя ряды боевых офицеров (*примеч. Е.Э. Месснера*).

ослаблять дивизии вызовом на курсы двух батальонных командиров. Кавалерия же, благополучно присутствовавшая на полях сражений, была так богата кадровыми офицерами, что без всякого ущерба могла выделить на курсы двух человек от дивизии. Я же думаю, что и пехотная дивизия могла бы дать двух офицеров — одного от пехоты и другого от артиллерии.

Подавляющее большинство училось с большим рвением, несколько ленивцев подали рапорт об отчислении. Но нельзя сказать, чтобы все обладали качествами, необходимыми офицеру Генерального штаба.

Наши преподаватели постарались дать нам в короткий срок максимум познаний. При выборе офицеров для отправки на курсы приказано было давать предпочтение георгиевским кавалерам. Иногда храбрость совмещается с отличными умственными способностями — конно-артиллерист поручик Соколовский, на груди которого красовался орден Св. Георгия 4 степени, окончил курсы первым, выказав высокое умственное развитие. Но одним из последних закончил георгиевский кавалер поручик Слезкин, получивший это высокое отличие за такое дело: левый фланг российской армии примыкал к румынской границе, а фронт был здесь оплетен проволокой, и нашей, и австрийской. Командиру Ингерманландского полка было приказано во что бы то ни стало выяснить, каковы резервы у врага за этим участком фронта: командир полка поручил поручику Слезкину произвести разведку. Тот стал было докладывать, что сквозь окопы и проволоку пройти невозможно. «Идите каким угодно путем, но сведения добудьте», — многозначительно сказал полковник, и тогда Слезкин взял в разъезд десяток гусар на отличнейших конях и поскакал в Румынию; обогнувши левый фланг фронта, он проскакал румынско-австрийскую границу — румынские пограничники опешили от такой дерзости. Слезкин произвел разведку — снова через Румынию возвратился к полку: кони едва выдержали эту скачку²²⁹⁶. Слезкин был человек решительный, но штабными свойствами не обладал. И много было на курсах офицеров, не обладавших штабными свойствами и не имевших понятия о штабной работе, а между тем большинству из них предстояло, по завершении курса, стать на ответственную должность старшего адъютанта в штаб дивизии или корпуса.

Было несколько лентяев, не напрягавшихся в учении, но предпочитавших развлекаться в Петрограде. Был один, который не мог учиться, потому что проводил в столице медовый месяц с женой, с которой только что обвенчался. Был один офицер, всю войну просидевший на аэростате и иначе как «с птичьего полета» не видевший войну, а поэтому совершенно не подготовленный к службе по Генеральному штабу. Но огромное большинство отнеслось к учению серьезно. И если в этом учении чего-либо не хватало, то это было преподавание практики штабной работы (мне эта практика была известна благодаря генералу Ломновскому, «натаскавшему» меня на полевую работу, и благодаря моему сотрудничеству со штабом дивизии в должности бригадного адъютанта).

²²⁹⁶ Забыл указать, что из-за дерзкого способа, избранного поручиком Слезкиным для производства разведки (пробег по румынской территории), возникло дипломатическое дело: Бухарестское правительство заявило протест, на который наш министр иностранных дел ответил, что разъезд по недоразумению зашел на территорию нейтральной страны и что командир разъезда наказан (конечно, не было сказано, что офицер был «наказан» пожалованием ему Георгиевского оружия) (*примеч. Е.Э. Месснера*).

Почти ежедневные практические занятия (после обеда) тренировали нас в решении тактических задач. Между тем старшие адъютанты почти никогда задач не решают — это делают начальники дивизий или начальники штабов, а старшие адъютанты должны уметь по готовому решению написать или частью устно, по телефону, сообщить общие и частные задания. Этому нас не обучали, и я думаю, что многие из моих коллег, получив штабные должности, по завершении курсов, чувствовали себя очень неуверенно.

Мы очень сожалели, что некоторые из профессоров Военной академии отказались приехать в Петроград для преподавания нам — одни, как генерал профессор Головин, считали, что не могут оторваться от своих обязанностей на фронте; другие были в принципе против допущения «недоучек» в привилегированную касту офицеров Генерального штаба, и поэтому они бойкотировали академические курсы.

Между тем в Генеральном штабе получилось ненормальное положение (сужу о нем, может быть, ошибочно, ибо видел его снизу): несмотря на сильное развертывание российской армии, получился затор для генштабистов, производимых в генералы — по-видимому, им закрывали путь к высшим должностям строевики, произведенные в генералы за боевые отличия (в одной нашей дивизии — Кушакевич, Стааль, Богаевский, Бочковский), поэтому пришлось объявить, что должность начальника штаба дивизии, кроме полковников, могут занимать и генерал-майоры; так образовался затор для генерал-майоров и полковников Генерального штаба: снизу напирала капитаны и подполковники, выслужившие право на производство; вследствие этого стало вакантным много обер-офицерских должностей по Генеральному штабу — на них оставалась сотня капитанов, которые весной 1914 г. закончили 2-й курс академии и осенью должны были продолжать учение на дополнительном курсе, но по мобилизации возвратились в свои полки. Этого количества было совершенно не достаточно, и к обер-офицерским должностям «воленс-ноленс» приходили штабные офицеры без высшего образования. Хуже того: когда я, по завершении курсов, прибыл в штаб 15-й пехотной дивизии, то там должность старшего адъютанта по строевой части, т.е. по Генеральному штабу, исполнял начальник связи капитан Львов из вольноопределяющихся, уже на войне произведенный в офицерский чин (общее образование: Высшая школа виноделия). Когда я весной 1917 г. вступил в должность начальника штаба, то тот же Львов по завершении войны был моим старшим адъютантом. Правда, можно поставить вопрос: нужны ли на должностях старшего адъютанта офицеры с высшим военным образованием? В позиционной войне без них можно обойтись, но в маневренной — невозможно (впрочем, думаю, что штабной штабс-капитан, пройдя особый, скажем, полугодовой оперативно-разведывательный курс, мог бы справиться с ролью старшего адъютанта). Трудность заключается не в сложности письменной работы, но в умении систематизировать накапливающиеся сведения для доклада их начальнику штаба или начальнику дивизии, а в подготовленности к столь ясному пониманию тактической обстановки, чтобы быть в состоянии давать полкам разъяснение приказов и приравнивать к приказам «отскакивающие» от предписанного плана практические детали исполнения приказа в полках.

Во всяком случае, заблуждались те «небожители» Генерального штаба, которые считали наши академические курсы ненужными. И ошибку сделали те из нас, слушателей, которые не постарались из стен академии унести возможно больше познаний — они пригодились если не в утихавшей в 1917 году внешней войне, то в войне гражданской, где многие добровольческие штабы держались на нас, курсантах, потому что офицеры Генерального штаба оказались, в большинстве, слишком учеными для неправильной (с точки

зрения военной теории) войны и слишком малоподвижными для предельно подвижной тактики этой войны.

Мы, армейские офицеры, почти не имели возможности соприкоснуться со столичным населением, но гвардейцы, прибыв в Петроград, возвратились в среду своих родных и знакомых; поэтому они приносили в академию вести о настроении в столице. Они рассказывали, что по селам и городам России скрывается полтора миллиона уклоняющихся от призыва в войска и дезертиров²²⁹⁷. Они нам сообщили слух, будто бы один раненый офицер стрелял в

²²⁹⁷ На протяжении двух лет пребывания на театре войны я был всегда так занят службой, что не отлучался в корпусный или армейский тыл, где можно было обменяться сведениями и мнениями с офицерами других дивизий. Теперь же, в академии, я соприкоснулся с 250 сотоварищами, как и я, молодыми офицерами, съехавшимися со всех фронтов. В перерывах между лекциями и практическими занятиями мы беседовали, и темой бесед всегда была война. Тут я от очевидцев получил подтверждение страшных слухов, донесшихся в нашу дивизию в июле–августе 1916 г. о том, что во время наших тяжелых боев на линии Конохи – Свинохи – Корытница – Пустомыты в дивизиях, так же тяжело дравшихся к северу от нас, были случаи отказа целых полков идти в атаку. Из всего мною виденного и слышанного на войне это было наиболее потрясающим: полки могли не подняться в атаку вследствие силы вражеского огня или тяжести собственных потерь, но чтобы полки отказывались идти в бой — этого еще не бывало!

Неповиновением солдат протестовал против непонимания генералами невозможности полевым способом вести позиционные бои. После первоначального прорыва у Ольки – Пелжи, где мы более или менее были снабжены артиллерией, все дальнейшие бои вели мы с ничтожной дотацией сверхштатной артиллерии. Да и под Пелжей наша артиллерийская мощность была ложной: если сопоставить число стрелявших там орудий с числом батальонов (16 в дивизии), то оказывалось, что у нас было по 4,9 орудия на батальон вместо штатных 2,6. Но вместо штатных 150 бойцов в роте наши роты имели в том бою по 250 бойцов при штатных 150 бойцах и штатных 48 орудиях на дивизию, каждое орудие (грубый подсчет) приходилось на 230 бойцов; при увеличении числа бойцов до 250, а числа орудий до 78, одно орудие приходилось на каждых 205 бойцов дивизии. Французы же тем же летом дрались на Сомме, имея чуть ли не по одному орудию на 40 бойцов! Дрались и едва прогрызали вражеский фронт, а мы не грызли фронт снарядами, а старались сделать его мягким, поливая своей кровью. Против этого протестовал наш солдат.

Во время моих поездок в Одессу и во время путешествия теперь в Петроград я поражаюсь обилию солдат на железнодорожных (преимущественно узловых) станциях и обилию прапорщиков в городах. Теперь, в академии, сопоставляя свои впечатления с впечатлениями моих однокашников и со сведениями, которыми обладали некоторые из них, я понял, что дезертирство приняло страшные размеры — мы на глазок определили число незаконно болтающихся в войсковом глубоком тылу и в России в миллион. Мне рассказывали о беспомощности комендантов станций и этапных комендантов, которые не могли справиться с беглецами: соберут их, составят команду, посадят в вагоны под начальством возвращающегося после ранения офицера и отправят в сторону фронта, а к месту назначения приходят пустые вагоны. Один из моих однокашников рассказал, как он, едучи в свою часть после излечения от ранения, на станции Шепетовка получил от коменданта станции приказание возглавить команду из 200 солдат, которую он направляет этапному коменданту в Ровно; прицепили к поезду пять теплушек с этими солдатами и поехали; на каждой станции офицер, выйдя из классного вагона, в котором он получил местечко, обнаруживал уменьшение численности его команды; в Ровно он не привез ни одного человека; этапный комендант рычал и кричал и сказал: «Через два часа я вас предам военно-полевому суду!» К обескураженному офицеру подошел стационный жандармский унтер-офицер и сказал, что этапный комендант только для вида шумит и что он всегда дает двухчасовую отсрочку предания суду: «За эти два часа мы, Ваше благородие, понасобираем здесь на питательном пункте да в Земской библиотеке 200 человек, и Вы их этапному коменданту и представите». Так было сделано, и офицер мог поехать в свой полк, не будучи расстрелянным и не интересуясь, где и когда разбежалась сданная им «команда» из 200 случайных человек.

Это свидетельствовало о падении дисциплины, об утомлении войной и о непонятной беспомощности тыловой военной администрации. Возмущаясь этим, мы в то же время обрадовались тому, что правительство поручило двум сенаторам обривизовать учреждения земского и городского союзов и выгнать оттуда всех скрывающихся от призыва в войска. Мы только думали, что не двум сенаторам, а двумстам офицерам надо было поручить это: тогда дело было бы сделано быстро и радикально.

Будучи на фронте, я думал, что эти «самаритяне» благодетельствуют войску на собранные у населения средства. Теперь же в академии нам стало известно, что земства и города дают ничтожные суммы, но что их финансирует

государыню при посещении ею госпиталя; они шепотом передавали о существовании среди гвардейцев заговора, имеющего целью устранить императрицу. Великий князь Гавриил Константинович одним утром принес известие об убийстве Распутина, что вызвало в офицерах столь радостное волнение, что в тот день на лекциях все были невнимательны, а на практических занятиях — бездеятельны²²⁹⁸.

правительство. Теперь нам стало очевидным, что все это абсурдно, раз деньги казенные, то не было никакого смысла давать этим вспомогательным для войска учреждениям «штатский» характер, тем более что и низший персонал их — обозные, повара, санитары и т.д. — им давало военное ведомство. Ему и надлежало, думали мы, формировать эти штатами не предусмотренные, но военной необходимостью вызванные к жизни учреждения. Было бы больше дисциплины. И, во всяком случае, не было бы пораженческой пропаганды, центрами которой стали эти организации...

На лекциях по администрации мы узнали, что в начале 1914 г. была намечена (в течение не знаю скольких лет) постройка 16 000 верст железных дорог и что к концу 1916 г. было построено 10 000 верст, а сверх того много колесных путей на театре войны.

Примечательно, что в обществе обращали внимание не на это интенсивное, несмотря на войну, строительство, а на постройку дворцовым комендантом Воейковым железнодорожной ветки к его имению «Кувака» (откуда он рассылал по России минеральную воду того же наименования) — все справедливо возмущались, что полковник Воейков побудил Министерство путей сообщения строить в спешном порядке эту «стратегическую» железную дорогу, но никто не хвалил это министерство за постройку многих тысяч верст дорог, необходимых и для войны, и для мира... (*примеч. Е.Э. Месснера*).

²²⁹⁸ Оппозиционность общества правительству стала мне в бытность в Петрограде очевидной. В Одессе я уже давно видел нарастающее оппозиционности, но особенного значения этому не придавал, потому, во-первых, что офицерское пренебрежение к «штатским», к «штроцким» мешало мне оценить значение общественных настроений, а, во-вторых, нервность Одессы я приписывал от природы ей данной экспансивности. Но в Петрограде дело было более серьезным, и об этой серьезности дела узнавал я не только от моих однокашников (преимущественно гвардейцев), находившихся в тесном контакте с петербуржцами, но и из газет, которые с каждой неделей становились резче и в которых все чаще появлялись белые «кляксы» — пустые места, умышленно никаким материалом не заполнявшиеся, чтобы показать людям, что военная цензура «зверствует» над печатью.

Помню нашумевшую речь Милокова, задававшего в Государственной думе вопросы: «Глупость или измена?»; помню менее яркую, но не менее антимонархическую речь Гучкова в Думе же. Помню кого-то из партийных главварей словечко, что «Правительство — под хлыстом» (остроумие этой фразы основывалось на игре слов: хлыст — прут и хлыст — сектант, в данном случае — Распутин). В сентябре состоялись съезды земского союза и союза городов. Газетные отчеты о них и словесные вести говорили о явной революционности этих организаций, прогнавших воинство на театре военных действий тысячами своих ячеек. Они теперь ставили своей главной целью «борьбу против постыдного режима».

Недовольство царем становилось очевидным и проникшим даже в «высший свет», где замышляли или только говорили, что замышляют, дворцовый переворот. Император Николай II никогда не находил себе сочувствия, даже и в тех случаях, когда его намерения были достойны сочувствия и поддержки. Мой отец, конечно, не показал мне, тогда восьмилетнему ребенку, те иностранные журналы, которые он привез из-за границы и в которых европейские карикатуристы высмеивали царя (см. картинку слева [не публикуется]) в связи с его инициативой в созыве международной конференции в целях уменьшения опасности войны и смягчения жестокости войны.

Но теперь в России уже не посмеивались, уже негодовали и даже ненавидели. Я не мог, конечно, судить, как велико было число ненавидевших, осуждавших или просто недовольных, но я и мои однокашники с тревогой констатировали, что дух Петрограда стал зловонным. Слухи раздражали и волновали. Прошел слух, что министра Хвостова государь уволил за то, что тот приказал охранке убить Распутина. Кто-то из гвардейцев принес слух, что какой-то из закавказских городских голов (помнится, тифлиский) сделал предложение наместнику на Кавказе великому князю Николаю Николаевичу свергнуть царя и самому стать царем.

К слухам можно было относиться презрительно, но факты презирать нельзя было. А фактом было, что моя жена ежедневно простаивала у булочной Филиппова на Суворовском проспекте в очереди за хлебом. Она не знала, почему становилась очередь: из-за недостачи хлеба или только из опасения, что хлеба не хватит. Но эта тонкость мало меняла дело: народ нервничал, народ ворчал. В конце года начались забастовки на петроградских заводах. То крупные, то мелкие, то однодневные, то длительные, то по причинам профессиональным, то по политическим.

Во время войны бастовать не годится. Но забастовки носили такой буйный характер, что полиция не была в состоянии поддерживать порядок. Были вызваны войска — казаки и роты гвардейских запасных полков. И тут произошла чудовищная вещь — гвардейцы не только не пожелали действовать против буйной толпы, но открыли огонь по казакам, когда те пошли в атаку на толпу.

Наши сконфуженные гвардейские сотоварищи лепетали, что ведь запасные полки только называются гвардейскими, что в них почти нет старых офицеров гвардии. На практических занятиях, когда характер работ наших «семинаров» допускал беседу слушателей с преподавателями, мы задали нашему генералу Пороховщикову вопрос: зачем наполнили Петроград запасными солдатами, поведение которых на улицах показывает, что они весьма мало дисциплинированы. Генерал, не обинуясь, сказал нам, что в столице находится 200 тысяч запасных (да еще, пожалуй, тысяч 100 в госпиталях и в командах выздоравливающих), что командующий 6-й армией генерал ван-дер-Флит (или, может быть, Ставка, не помню) настаивал на выводе этой «вольницы», но что правительство убоилось, что уход гвардейских запасных полков будет понят как начало эвакуации столицы.

Мысль о возможности революции не проникала в мою голову, несмотря на множество признаков серьезности положения. Я лишь опасался затруднений для воинства, которые влечет за собою антиправительственная кампания общественности и буйство рабочего класса, дерзость которого увеличивало сознание, что войска в столице не пойдут против него.

Убийство Распутина было на протяжении нескольких дней предметом толков «в кулуарах» академии. Казалось странным, что царь счел необходимым прибыть из Ставки в Царское Село — значит, действительно, Распутин был личностью большого государственного значения. Казалось еще более странным, что этого хама погребли в парке Царскосельского дворца. Казалось предельно странным, что никто из причастных к убийству не отдан под суд — ради памяти Распутина нарушена одна из основ государственности — никто не может избежать суда за противозаконный поступок.

Князь Гавриил Константинович поведал нам, что 16 великих князей и княгинь, а также князей императорской крови подписали письмо к государю, в котором просили не ссылать великого князя Дмитрия Павловича в отряд генерал Баратова (в Персии), по причине слабого здоровья князя. Мне показалась неуместной просьба избавить офицера от службы во время войны на театре войны, хотя бы этот офицер был и великим князем. Мне думалось, что царская семья могла бы как-нибудь иначе выразить свою солидарность с убийцами Распутина. Как-то странно прозвучала фраза в государевой резолюции на этом коллективном письме: «Никому не разрешается заниматься убийствами» (и об этой резолюции мы узнали через Гавриила Константиновича): один раз убить не значит «заниматься убийствами»: если же говорится в резолюции «заниматься», то не является ли это намеком, что замышлены и иные убийства. Кого? Не государыни ли?

Все это тревожило душу. И тревожило бы очень сильно, если бы не необходимость, с одной стороны, напряженнейшим образом учиться, а с другой стороны, если бы не поразительное спокойствие Милуши, не обращавшей внимания ни на слухи, ни на тяготы жизни: очереди, нехватку денег вследствие дороговизны и т.д.

На убийство Распутина государь реагировал тем, что сменил министров, склонных к каким-либо уступкам общественности. В начале 1916 г. вместо министерства непопулярного Горемыкина было создано министерство Штюрмера в надежде, что он сговорится с оппозицией. Весной был уволен военный министр Поливанов и на его место поставлен интендант Шуваев. Летом был уволен министр иностранных дел Сазонов, и его пост остался вакантным. Оппозиция требовала «министерства народного доверия». В ответ на объявление союзом городов борьбы «постыдному режиму», государь удалил из Совета министров сговорчивых министров. В ответ на убийство Распутина царь произвел реорганизацию Совета министров, поставивши на место сговорчивых людей таких, которые ему казались непреклонными и престолу преданными. Такая твердость импонировала мне и многим из моих сотоварщей. Мы еще не знали тогда, что твердость, не проистекающая от действительной духовной силы, является просто упрямством. Упрямство она является и в том случае, когда не оценивает свои возможности и не видит, что возможности противника возрастают, а собственные — уменьшаются...

Генерал проф. Буняковский на лекциях по общей тактике сделал экскурсию в стратегию (этого предмета в программе курсов, естественно, не было) и между прочим указал на трудности возглавления коалиционных вооруженных сил. Как пример привел он следующее: в начале нынешней войны армия Бельгии выполняла по доброй воле советы французского главнокомандующего генерала Жоффра, а британская армия даже и советов не принимала, чтобы, не дай Боже, генерал Френч, командующий английским экспедиционным корпусом на континенте, не оказался, хотя бы идейно, подчиненным иностранному генералу (было известно, что каждый британский адмирал

в заграничном плавании имеет в ящике своего письменного стола в карте подписанный морским министром, но не датированный приказ о производстве его в следующий чин: если бы на каком-либо рейде его эскадра встретила с иностранной эскадрой под командой адмирала старшего чином, то англичанин извлекал из конверта приказ и ставил на нем такую дату, чтобы быть по производству старше иностранного флотоводца).

Когда военные неудачи привели к сознанию, что необходимо единство союзного командования, то, кроме британской гордости, созданию должности Верховного главнокомандующего воспротивилась и бельгийская суверенность: главнокомандующий бельгийской армии, будучи королем, не может стать в подчинение какому бы то ни было генералу, хотя бы и иностранному. Решено было создать Верховный союзный военный совет. Эта форма стратегического возглавления приемлема оказалась и для России...

Как ни чужд я был (подобно всем офицерам кадрового состава) политических вопросов, но в Петербурге я почувствовал, что столица бурлит не политическими убеждениями, а политическими настроениями. Она была полна страстей: антиправительственных, антирежимных, антидинастических или ограничено-антидинастических — ненависть к государыне и недоверие к государственным способностям государя приводили к стремлению к дворцовому перевороту.

Конечно, можно меня заподозрить, что я мои нынешние, 40 лет вынашиваемые мысли выдаю (добросовестно заблуждаясь или недобросовестно рисуясь) за те, что проходили через мою голову в начале 1917 года. Но, действительно, я, покидая столицу, думал: дотянуть бы до победы. Я не предвидел революции, но я боялся, что столица потребует заключения мира прежде, чем мы одолеем врага. А одолеем ли при тех настроениях, какие бушевали в Петрограде?

Ко мне на курсах возымел особенную симпатию один капитан лет на 8 старше меня. Это был своеобразный человек: окладистая черная борода (таких бород офицеры не носили), шаровары «шириной в Черное море» (по Гоголю), медлительная, вдумчивая речь. Он служил в одном из прославленных Кавказских полков и имел Георгиевский крест. Он был убежден, что я первым — по экзаменационным баллам — окончу учение, и очень огорчился, когда я «подкачал».

В разговоре со мною он мне как-то сказал: «Обратите внимание на настроение офицеров на наших курсах. Гвардейские пажоны все шушукуются о каких-то политических переменах. Кавалеристы, мало нюхавшие пороха в эту войну, имеют еще немного воинственного задора. А общая масса — мы, “пехтура”, вы, господа артиллеристы, — не имеет и тени того военного подъема, с каким мы выступали в поход. Нас прислали сюда как лучших, как отборных. Если мы таковы, то каковы же все прочие, не отборные? Нас здесь тревожат столичные настроения, но мы сами-то привезли с фронта настроение утомленных войной людей». Я ему возразил: «Мы не приехали унылыми, уныние на нас нагоняет столица». Разговор наш на этом прервался, потому что в комнату вошел генерал Пороховщиков для ведения практических занятий по тактике.

* * *

При первых известиях о начавшихся в Петрограде беспорядках, я, имея в душе еще свежие столичные впечатления, живо перенесся мыслями на берег Невы и с ужаснувшей меня ясностью представил себе тот город в обстановке народного возмущения. Меня, южанина, одессита, привыкшего к веселой, жизнерадостной толпе в южной Пальмире (как называли Одессу), народ на улицах Петербурга и Петрограда всегда поражал угрюмостью, казавшейся мне злобностью. Во время пребывания в академии градус этой злобности, в связи с военными потрясениями и продовольственными затруднениями, а также в связи с левой пропагандой, весьма сильно возрос. Поэтому я себе живо представлял жуткий бунт в мрачном городе, но, конечно, мой прирожденный оптимизм говорил мне: образуется! Полковник Дроздовский был дальновиднее меня: он опасался, что не образуется. Это его опасение произошло от того, что он только что возвратился на фронт после длительного лечения раненой руки в госпитале в России: будучи не лежачим пациентом, он ходил по городу, встречался с людьми, и он пришел к заключению, что Россия устала воевать. Как и я, он думал: дотянуть бы до победы!

* * *

Генерал-адъютант Иванов Николай Иудович, назначенный государем для усмирения бунта войск в столице, имел опыт в подавлении бунтов: 25–27 октября 1906 г. он во главе двух батальонов Измайловского полка усмирил восставших в Кронштадте матросов.

Но что значил этот опыт по сравнению с дряхлостью этого генерала в 1917 г.? На пути к Царскому Селу он на промежуточных станциях ставил на колени бунтовщиков, словно провинившихся детей. Это ли — способ подавления военного бунта? (*примеч. Е.Э. Месснера*).

Во время войны я побывал в Одессе несколько раз, чтобы отдохнуть и подлечиться. И так как отдохнуть было одной из причин моего пребывания в тылу, то я развлекался и вследствие этого жизнь развлекающейся, почти как в мирное время, Одессы мне не казалась не соответствующей обстановке войны, в какой пребывала Россия. Но в Петроград я приехал не развлекаться, а учиться, т.е. служить в целях приобретения знаний, необходимых для дальнейшей службы на фронте. И Милочка приехала со мною в столицу, чтобы помочь мне учиться (помочь не только освобождением меня от всех забот о хлебе, и крове, и одежде, но и переписыванием моих стенографических записей прослушанных лекций и даже способствованием мне в заучивании множества цифровых таблиц). Мы оба трудились в Петрограде, не отвлекаясь от труда и не развлекаясь. И нам казалась неподобающей атмосфера, в которой жила столица: словно в мирное время прогулки по Невскому и поездки по Крестовскому, балы, переполненные театры и т.д. Надо отдать справедливость Ставке: она оградила прифронтовую полосу от безобразия, в каком погряз тыл в Русско-японскую войну. В Великую войну я не видел в прифронтовых городах (Львов, Луцк и др., Роман, Бырлад, Яссы и др.) ни игорных притонов, ни ресторанов для диких кутежей и вакханалий, ни множества проституток-одиночек или опекаемых бандершами, ни дельцов-спекулянтов, нагло наживающихся на поставках для армии, — все это было в Маньчжурии и этого не было в тылу нашего фронта в Великую войну. Не знаю, какими мерами была достигнута такая чистота тыла, но слышал, что за годы от 1905 до 1914 было подвергнуто «дезинфекции» интендантство: были удалены «казнокрады», было обращено внимание на воспитание и обучение интендантского офицерства, доступ к высшим должностям получили лишь лица, прошедшие курсы Интендантской академии (шутники утверждали, что для остратки академию поместили на Екатерининском канале в здании рядом с Главным военно-судебным управлением). Слышал я, что коменданты прифронтовых городов и железнодорожных станций безжалостно удаляли женщин, под видом сестер милосердия пытавшихся обосноваться в прифронтовой полосе.

Во всяком случае контраст между добродетельным фронтом и пристойным тылом, с одной стороны, и веселящимся Петроградом, с другой стороны, был для меня разителен.

Милуша не заметила веселящегося Петрограда — она так была занята заботой обо мне и помощью мне, что все соблазны шумной столицы оставались вне горизонта ее внимания. Что же касается политических слухов, то у нее было такое глубокое отвращение ко всему, что называлось политикой, что она не обращала никакого внимания на те тревожные разговоры, которые отрывками достигали ее ушей на улицах и в трамваях.

Недели бежали за неделями, и незаметно приблизилось время экзаменов.

Экзамены были проведены в таком же напряженном темпе, как и программа обучения. Мне на экзаменах не повезло: на испытании по тактике пехоты посторонний экзаменатор спрашивал меня то, что не входило в прослушанный курс; по администрации мне достался билет (единственный из шестидесяти), который я знал не безупречно; а по фортификации я сам себе испортил отметку: я всю доску исчертил всеми видами искусственных препятствий, но полковник Коханов сказал мне, что самое главное я упустил, а когда я не мог сообразить, что именно я позабыл начертить, то он сказал, что не хватает изображения в плане обыкновенного проволочного заграждения (т.е. пяти точек, соединенных четырьмя линиями); я обозлился на эту придирку, и поэтому когда меня он спросил, какие бывают типы пулеметов, то я ответил, что этот вопрос не относится к курсу фортификации; теперь в свою очередь обозлился полковник Коханов и поставил мне десятку.

Эта десятка и полученные по двум предметам по 11 баллов понизили мне средний балл до 11,40, вследствие чего я оказался не одним из первых, как предвидели генерал Пороховщиков и офицеры его группы, а в числе первых десяти (не помню точно, на каком месте стояло мое имя в списке окончивших).

Во время экзаменов случилась беда: Милочка слегла в страшнейшем бронхите. Она была в отчаянии, что, помоги мне в моем учении на протяжении 2 1/2 месяцев, выбыла из строя в последние дни. Приглашенный доктор потребовал, чтобы я в тот же день увез жену на юг — южане, заболев бронхитом в Петрограде, кончают плохо. Но жена, объяснив врачу ситуацию, добилась у него отсрочки на несколько дней. На счастье, за больной хорошо ухаживала горничная, да и мой брат заботился о ней.

Сдав 21-й последний экзамен, я пошел к правителю дел академии, прося разрешения в тот же день уехать. Он крайне поразился: «Вы ведь знаете, что через 2 дня все слушатели курсов будут в Царском Селе представляться его императорскому величеству?» Я ему объяснил, в каком положении находится моя жена. Полковник Андогский, качая головой, пошел к начальнику академии и возвратился с разрешением мне уехать.

Справившись о моих экзаменационных отметках, он предложил мне и настойчиво советовал принять назначение на должность преподавателя тактики в одном из московских военных училищ. Но я решительно ответил, что желаю возвратиться на театр войны.

Мне потом рассказывали однокашники, что в Царском Селе все 250 офицеров были во дворцовых каретах доставлены во дворец, где в большом зале построились по старшинству баллов на экзаменах. Государь медленно обошел фронт и каждого расспрашивал о его службе. На правом фланге вторым стоял гвардейский капитан — он по проходе царя потерял сознание от волнения и упал. Великие княжны, стоявшие вместе с наследником подле левого фланга строя, взволнованно спросили левофлангового офицера, почему тот упал, а спрошенный — кавалерист из «кавказских челоуеков» — ответил: «Нэ бэспокойтэсь — он только пэрэзубрил к экзаэнам». Великие княжны расхохотались. После царского обхода офицерам был предложен завтрак, во время которого на некоторое время появился царь и царица²²⁹⁹...

Не промедлив нимало в Одессе, я поехал в Яссы, в штаб Румынского фронта. Если на экзаменах счастье не сопутствовало мне, то здесь мне посчастливилось: в штабе 15-й дивизии оказалась свободной вакансия старшего адъютанта Генерального штаба. Я отверг соблазнительное предложение остаться на службе в штабе фронта (соблазнительное потому, что я мог бы познакомиться с работою большого штаба, а во-вторых, мог бы работать на виду у высокого начальства). Меня послали в штаб 4-й армии, в город Бырлад. И там меня уговаривали остаться в оперативном отделении.

Дело в том, что штабы в этот момент лишались последней академической «молодежи»: по завершении нами курсов в академию были направлены те офицеры, которые осенью 1914 г. должны были вступить во 2-й курс Военной академии, но учение которых прервала война; эти офицеры уезжали теперь в Петроград, и поэтому мы, курсанты, были нарасхват.

²²⁹⁹ 24 января 1917 г. офицеры, прослушавшие академические курсы, были в Александровском дворце (Царское Село) приняты его величеством. Я в этот день вез больную жену в Одессу. Мне было горько, что не удостоюсь царского рукопожатия и нескольких милостивых слов. Но потом я был рад, что не присутствовал на приеме: воспоминание о царской ласке усиливало бы во мне мучительные чувства, вызванные падением монархии (*примеч. Е.Э. Месснера*).

Но я отказался и от службы в штабе армии. В штабе VIII армейского корпуса (гор. Текучи) мне предложили на выбор — штаб корпуса или штаб 15-й пехотной дивизии? Конечно, я предпочел возвратиться в свою родную дивизию.

ВАР. Е.Е. Messner Collection. Вох 3. Месснер Е.Э. Мои воспоминания. Ч. 3. Л. 301–307, 335–337, 340–343, 359–360. Подлинник. Машинопись с рукописной правкой.

Распределение выпускников подготовительных курсов 2-й очереди по категориям выпуска и должностям

Части войск, чины и фамилии	Категория свидетельства об окончании подготовительных курсов	Распределение по должностям после младшего класса 2-й очереди
325-го пехотного Царевского полка подполковник Антипин		Отчислен по собственному желанию
Обер-офицер шифровального отделения управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем капитан Балабан		Отчислен по собственному желанию
47-го пехотного Украинского полка подпоручик Бауэр		Не прибыл на курсы
78-го пехотного Навагинского полка штабс-капитан Герасимов		Отчислен по собственному желанию
23-й артиллерийской бригады капитан Ильин		Отчислен по собственному желанию
17-го Донского казачьего полка есаул Карнеев		Отчислен по собственному желанию
Корпуса военных топографов инженерного управления в штабе 9-й армии штабс-капитан Карпекин		Отчислен по собственному желанию
И.д. обер-офицера для поручений при штабе XXXVI армейского корпуса, 68-й артиллерийской бригады штабс-капитан Кругликов		Отчислен по собственному желанию
115-го артиллерийского дивизиона капитан Ожаровский		Отчислен по собственному желанию
188-го пехотного Карского полка капитан Отрыганьев		Отчислен по болезни
Числящийся по полевой легкой артиллерии, обер-офицер для поручений при заведующем артиллерийской частью штаба 9-й армии поручик Плакса-Жданович		Отчислен по собственному желанию
Лейб-гвардии 1-го стрелкового полка поручик Побоевский		Отчислен по собственному желанию
Состоящий в резерве чинов Петроградского военного округа поручик Солодников		Не прибыл на курсы
79-го пехотного Куринского полка штабс-капитан Стадников		Умер
И.д. обер-офицера для поручений при штабе XXXIX армейского корпуса, 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка капитан Степанов		Отчислен по собственному желанию

Лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады штабс-капитан Тимашев		Отчислен по собственному желанию
Временно командующий 4-й батареей 55-й артиллерийской бригады штабс-капитан Шмидт		Отчислен по собственному желанию
Кавказского конно-горного дивизиона штабс-капитан Хеллен		Летчик-наблюдатель 2-го Кавказского авиаотряда
123-го пехотного Козловского полка подполковник Салимов	1	И.д. старшего адъютанта 11-й Сибирской стрелковой дивизии
Кавказского конно-горного артиллерийского дивизиона капитан Гарабурда	1	И.д. старшего адъютанта 1-й Кавказской казачьей дивизии
Лейб-гвардии конной артиллерии штабс-капитан фон Энден	1	И.д. обер-офицера для поручений штаба II гвардейского корпуса
3-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады штабс-капитан Симонов	1	И.д. старшего адъютанта штаба 120-й пехотной дивизии
6-й Донской отдельной казачьей сотни подъесаул Финицков	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XXXVII армейского корпуса
2-й артиллерийской бригады штабс-капитан Кривченко	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XLIV армейского корпуса
5-го уланского Литовского полка штабс-ротмистр Пятницкий	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XLII армейского корпуса
Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады штабс-капитан Гаврилов	3	
114-го пехотного Новоторжского полка штабс-капитан Иванов	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XX армейского корпуса
481-го пехотного Мещовского полка штабс-капитан Казаков	1	И.д. старшего адъютанта штаба XXXVII армейского корпуса
30-й артиллерийской бригады капитан Баранович	1	Вр.и.д. старшего адъютанта штаба IV армейского корпуса
Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады штабс-капитан Калишевский	3	
Числящийся по полевой конной артиллерии штабс-капитан Хитрово	?	И.д. обер-офицера для поручений штаба II армейского корпуса
11-й тяжелой артиллерийской бригады штабс-капитан Варфоломеев	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XXIV армейского корпуса

8-й тяжелой артиллерийской бригады штабс-капитан Исаев	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XXXVII армейского корпуса
1-го Сибирского стрелкового полка штабс-капитан Кук	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе IV армейского корпуса
2-го Донского казачьего полка подьесаул Дьяков	1	
4-го мортирного артиллерийского дивизиона капитан Доможиров	1	Прикомандирован к штабу 40-й пехотной дивизии
Лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады штабс-капитан Сумароков	3	
Числящийся по армейской кавалерии штабс-ротмистр Скрябин	3	
И.д. старшего адъютанта при штабе 48-й пехотной дивизии, 189-го пехотного Измаильского полка штабс-капитан Николаев	?	
12-й конно-артиллерийской батарее штабс-капитан Арванити	2	И.д. обер-офицера для делопроизводства и поручений управления дежурного генерала при Верховном главнокомандующем
16-й конно-артиллерийской батарее штабс-капитан Невядомский	3	
54-го пехотного Минского полка штабс-капитан Стрыхарь	1	Обер-офицер для поручений штаба XLI армейского корпуса
123-го пехотного Козловского полка штабс-капитан Бибиков	?	Вр.и.д. начальника штаба Сибирской казачьей дивизии
Кавказского конно-горного артиллерийского дивизиона капитан Скворцов	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе IV Кавказского армейского корпуса
14-й конно-артиллерийской батарее капитан Тарасов	1	
130-го пехотного Херсонского полка штабс-капитан Кныш	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XXI армейского корпуса
3-го Финляндского стрелкового полка штабс-капитан Сальников	3	
Флигель-адъютант его величества шаха персидского, Персидской казачьей бригады, подполковник персидский принц Аман-Улла-Мирза-Каджар	3, особое свидетельство	
59-й артиллерийской бригады штабс-капитан Цейтлин	1	Обер-офицер для поручений штаба I армейского корпуса
И.д. обер-офицера для поручений при штабе XIX армейского корпуса, 39-го Донского казачьего полка подьесаул Максимов	1	

20-го Сибирского стрелкового полка капитан Гришин	1	И.д. обер-офицера для особых поручений штаба V Сибирского армейского корпуса
2-го конно-горного артиллерийского дивизиона капитан Григорьев	1	Старший адъютант штаба 7-й кавалерийской дивизии
Лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады штабс-капитан Малиновский	3	
Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады штабс-капитан Скрыбин	3	
14-й артиллерийской бригады штабс-капитан Побыванец	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XXXII армейского корпуса
98-го пехотного Юрьевского полка штабс-капитан Кирпичников	1	И.д. обер-офицера для поручений штаба XIV армейского корпуса
8-го Финляндского стрелкового полка капитан Акутин	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XLI армейского корпуса
11-го пехотного Псковского полка капитан Боголепов	1	И.д. старшего адъютанта штаба 3-й пехотной дивизии
Лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады штабс-капитан Никифораки	3	Дивизионный адъютант 2-й дивизии
163-го пехотного Ленкоранско-Нашебургского полка штабс-капитан Стульба	1	Обер-офицер для поручений штаба XVI армейского корпуса
19-го драгунского Архангелогородского полка штабс-ротмистр Маслов	1	Обер-офицер для поручений при штабе V армейского корпуса
2-го Латышского полка капитан Клявин	2	
106-го пехотного Уфимского полка штабс-капитан Майгур	1	И.д. старшего адъютанта штаба XXXI армейского корпуса
5-го гренадерского Киевского полка поручик Громов	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе II Сибирского корпуса
Стрелкового полка Офицерской стрелковой школы (ранее — резерва Петроградского военного округа) поручик Иванов	3	Прикомандирован к штабу командующего флотом Балтийского моря
2-го Кавказского мортирного артиллерийского дивизиона капитан Любинский	1	И.д. старшего адъютанта штаба XXXVIII армейского корпуса
14-го драгунского Малороссийского полка штабс-ротмистр Маттис	1	И.д. старшего адъютанта штаба 136-й пехотной дивизии

И.д. старшего адъютанта штаба 2-й кавалерийской дивизии, 3-й конно-артиллерийской батареи штабс-капитан Леонов	1	И.д. старшего адъютанта штаба 2-й Кавказской дивизии
125-го пехотного Курского полка штабс-капитан Пирог	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XI армейского корпуса
7-й артиллерийской бригады штабс-капитан Кузнецов	1	Обер-офицер для поручений при штабе III Кавказского армейского корпуса
Лейб-гвардии Семеновского полка штабс-капитан Крылов	3	
Старший адъютант штаба 7-й Кавказской стрелковой дивизии штабс-капитан Легин	?	Старший адъютант штаба 7-й Кавказской стрелковой дивизии
61-го пехотного Владимирского полка подполковник Ржечицкий	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе II армейского корпуса
Лейб-гвардии Семеновского полка штабс-капитан Иванов-Дивов	2	Начальник команды связи штаба I гвардейского корпуса
13-го стрелкового полка капитан Ефремов	1	И.д. обер-офицера штаба XL армейского корпуса
Або-Аландской укрепленной позиции, отдельной телеграфной роты крепостного назначения штабс-капитан Сабир	3	
9-го Сибирского стрелкового полка капитан Зиверт	1	И.д. обер-офицера для поручений штаба XXIX армейского корпуса
И.д. старшего адъютанта при штабе 67-й пехотной дивизии, 20-го мортирного паркового артиллерийского дивизиона штабс-капитан Петров	1	И.д. старшего адъютанта штаба 67-й пехотной дивизии
Обер-офицер для поручений штаба XLVI корпуса, 4-го Финляндского стрелкового паркового артиллерийского дивизиона штабс-капитан Теодори	1	Обер-офицер для поручений при штабе XLVI армейского корпуса
5-го уланского Литовского полка штабс-ротмистр Трофимов	1	Обер-офицер для поручений при штабе III Сибирского армейского корпуса
7-го Уральского казачьего полка есаул Сидоровнин	?	Командир 5-й сотни
Обер-офицер для поручений при штабе XLIV армейского корпуса капитан Кухарь	1	Обер-офицер для поручений при штабе XLIV армейского корпуса
7-го Сибирского мортирного артиллерийского дивизиона штабс-капитан Македонский	1	Обер-офицер для поручений при штабе XLVI армейского корпуса
Старший адъютант штаба 8-й Сибирской стрелковой дивизии штабс-капитан Ораевский	1	Старший адъютант штаба 8-й Сибирской стрелковой дивизии

И.д. старшего адъютанта штаба 24-й пехотной дивизии, 24-й артиллерийской бригады капитан Поликарпов	1	
12-го гренадерского Астраханского полка капитан Колесников	3	
Лейб-гвардии саперного полка штабс-капитан (капитан) Стасевич	1	Обер-офицер для поручений штаба II гвардейского корпуса
2-й воздухоплавательной роты штабс-капитан Штюмер	?	И.д. помощника старшего адъютанта штаба XI армейского корпуса (?)
171-го пехотного Кобринского полка штабс-капитан Радзеиовский	2	
Обер-офицер для поручений при штабе гренадерского корпуса, корпуса военных топографов штабс-капитан Лейн	?	
Лейб-гвардии 4-го стрелкового полка капитан Зиновьев	3	
3-го Кавказского мортирного артиллерийского дивизиона капитан Величкин	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе III Кавказского армейского корпуса
68-й артиллерийской бригады капитан Чинтулов	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе IV Сибирского армейского корпуса
2-го Семиреченского казачьего полка подьесаул Куликов	2	
Вр.и.д. старшего адъютанта штаба 64-й пехотной дивизии, 146-го пехотного Царицынского полка капитан Максимович	2	Вр.и.д. старшего адъютанта при штабе 64-й пехотной дивизии
171-го пехотного Кобринского полка капитан Панкратьев	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XXII армейского корпуса
2-го Сибирского стрелкового полка штабс-капитан Мальшев	1	И.д. старшего адъютанта штаба 1-й Сибирской стрелковой дивизии
5-го Кавказского стрелкового полка капитан Чернышев	1	
272-го пехотного Гдовского полка штабс-капитан Мей	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XXXVI армейского корпуса
17-го пехотного Архангелогородского полка штабс-капитан Олейников	1	Обер-офицер для поручений при штабе XLIII армейского корпуса
9-й артиллерийской бригады штабс-капитан Скорняков	1	Вр.и.д. старшего адъютанта штаба XXVIII армейского корпуса
59-го пехотного Люблинского полка капитан Куновский	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XLV армейского корпуса

2-й стрелковой артиллерийской бригады штабс-капитан Борисов	1	И.д. обер-офицера при штабе XI армейского корпуса
2-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады штабс-капитан Савич	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе I Сибирского армейского корпуса
2-го Сибирского стрелкового полка штабс-капитан Сластенко	1	И.д. старшего адъютанта 28-й пехотной дивизии
10-го пехотного Новоингерманландского полка капитан Голицын	1	И.д. старшего адъютанта штаба Сводного корпуса
127-го пехотного Путивльского полка штабс-капитан Дроздовский	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XI армейского корпуса
11-го Сибирского стрелкового полка штабс-капитан Стецкий	1	Обер-офицер для поручений при штабе XIII армейского корпуса
15-го стрелкового полка поручик Третьяков	?	И.д. обер-офицера для поручений штаба VIII армейского корпуса
Числящийся по армейской пехоте, и.д. начальника общего отделения дежурного генерала штаба Западного фронта капитан Кесслер	3	
Обер-офицер для поручений при штабе XXIV армейского корпуса, 317-го пехотного Дрисского полка штабс-капитан Мараев-Ферулев	?	
34-го пехотного Севского полка подполковник Резвухин		
209-го пехотного Богородского полка капитан Лапшин	1	И.д. старшего адъютанта при штабе XXIII армейского корпуса
2-го Кронштадтского крепостного полка штабс-капитан Якименко	1	
48-го Донского казачьего полка подьесаул Кутырев	1	И.д. старшего адъютанта штаба 84-й пехотной дивизии
80-го пехотного Кабардинского полка подполковник Забегалов	1	Прикомандирован к штабу 20-й пехотной дивизии
42-й артиллерийской бригады капитан Киселев	1	И.д. старшего адъютанта штаба Польской стрелковой бригады
10-го Финляндского стрелкового полка штабс-капитан Захаров	1	И.д. старшего адъютанта штаба 4-й Туркестанской стрелковой дивизии
292-го пехотного Малоархангельского полка капитан Полковников	1	И.д. старшего адъютанта 3-й особой пехотной дивизии
Лейб-гвардии Волынского полка штабс-капитан Попов	3	

20-го драгунского Финляндского полка штабс-ротмистр Плюцинский	2	
98-го пехотного Юрьевского полка штабс-капитан Федоров	2	
1-го уланского Петроградского полка штабс-ротмистр Арнольд	3	
4-й артиллерийской бригады штабс-капитан Смирнов	2	
1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка поручик Гетманцев	?	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XXVI армейского корпуса
И.д. обер-офицера для поручений при штабе XVIII армейского корпуса штабс-ротмистр Боровский	1	
19-го стрелкового полка штабс-капитан Ивасиов	?	Обер-офицер для поручений при штабе III армейского корпуса
117-го пехотного Ярославского полка подполковник Долинский	1	И.д. старшего адъютанта штаба 40-й пехотной дивизии
31-го пехотного Бобруйского полка капитан Медель	1	И.д. старшего адъютанта штаба 6-й пехотной дивизии
4-го уланского Харьковского полка штабс-ротмистр Энглер	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе II Сибирского армейского корпуса
9-го пехотного Ингерманландского полка поручик Васильев	1	И.д. обер-офицера при штабе III Кавказского армейского корпуса
1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка поручик Ильин	1, с оговоркой	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XIV армейского корпуса
Лейб-гвардии Егерского полка штабс-капитан Руктешель	3	
14-го стрелкового полка штабс-капитан Андросов	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XLV армейского корпуса
7-го запасного кавалерийского полка штабс-ротмистр Климовецкий	?	
12-го Сибирского стрелкового полка штабс-капитан Либус	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XXIX армейского корпуса
2-го лейб-драгунского Псковского полка поручик Хрыпов	1	Старший адъютант штаба 8-й пехотной дивизии
22-го Сибирского стрелкового полка капитан Шилов	1	И.д. помощника старшего адъютанта (место службы не указано)
1-го гусарского Сумского полка ротмистр Никольский	1	И.д. старшего адъютанта 6-й особой пехотной дивизии

42-го Донского казачьего полка есаул Тюрморезов	1	И.д. старшего адъютанта 102-й пехотной дивизии
8-го Кавказского стрелкового полка капитан Рославцев	1	И.д. старшего адъютанта штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии
54-го Сибирского стрелкового полка штабс-капитан Жданов	2	
10-го пехотного Новоингерманландского полка капитан Шохов	2	Прикомандирован к XXXII армейскому корпусу
34-й артиллерийской бригады штабс-капитан Вышемирский	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе VIII армейского корпуса
13-го пехотного Белозерского полка штабс-капитан Полозов	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе VI армейского корпуса
131-го пехотного Тираспольского полка штабс-капитан Тераевич	1	И.д. старшего адъютанта штаба 33-й пехотной дивизии
276-го пехотного Купянского полка подполковник Томме	1	И.д. старшего адъютанта штаба XLVII армейского корпуса
8-го Донского казачьего полка подьесаул Диков	2	
20-го драгунского Финляндского полка подполковник Бернов	1	Старший адъютант штаба 137-й пехотной дивизии
Лейб-гвардии Гренадерского полка капитан князь Максутов	3	
Лейб-гвардии конно-гренадерского полка штабс-ротмистр Коптев	2	
50-го пехотного Белостокского полка штабс-капитан Самуйлов	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе VII армейского корпуса
Кабардинского конного полка штабс-ротмистр Сеоев	3	Прикомандирован к штабу 2-й особой пехотной дивизии
245-го пехотного Бердянского полка штабс-капитан Яковский	1	И.д. старшего адъютанта штаба 7-й Туркестанской стрелковой дивизии
1-го драгунского Московского полка штабс-ротмистр Срывалин	1	И.д. старшего адъютанта штаба 4-й кавалерийской дивизии
26-го пехотного Могилевского полка штабс-капитан Колесников	1	Обер-офицер для поручений при штабе V армейского корпуса
15-го гренадерского Тифлиского полка капитан Плюто	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе II Кавказского армейского корпуса

47-го Сибирского стрелкового полка капитан Попов	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе VII Сибирского армейского корпуса
153-го пехотного Бакинского полка штабс-капитан Иванов	1	
9-го Оренбургского казачьего полка подьесаул Афанасьев	2	И.д. старшего адъютанта V конного корпуса
139-го пехотного Моршанского полка подполковник Виноградов	1	И.д. обер-офицера для особых поручений при штабе XVII армейского корпуса
Кавалергардского полка штабс-ротмистр граф Старженский		
98-го пехотного Юрьевского полка штабс-капитан Лус	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XXXV армейского корпуса
13-й автомобильной роты штабс-капитан Сысоев	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XXVIII армейского корпуса
1-го уланского Петроградского полка штабс-ротмистр Баргельс	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе III армейского корпуса
Прикомандированный к военной школе летчик-наблюдатель, 197-го пехотного Лесного полка штабс-капитан Окулич-Казарин	3	
1-го Хоперского казачьего полка есаул Пегушин		И.д. начальника штаба Альдебильского отряда
80-й артиллерийской бригады штабс-капитан Сверчков	2	Обер-офицер для поручений при штабе XXX армейского корпуса
20-го Донского казачьего полка подьесаул Токарев	2	
Числящийся по армейской пехоте, помощник старшего адъютанта штаба 11-й армии штабс-капитан Сапуненко	2	
4-го саперного батальона капитан Скорняков	2	
Штаба 3-й Заамурской пограничной дивизии штабс-капитан Голубев	1	Прикомандирован к штабу 3-й Заамурской пограничной дивизии
Лейб-гвардии конно-гренадерского полка штабс-ротмистр Жадвойн	3	
97-го пехотного Лифляндского полка штабс-капитан Камкин	1	
Обер-офицер для поручений эскадры воздушных кораблей штабс-капитан Косилов	3	
137-го пехотного Нежинского полка штабс-капитан Макулович	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XXXII армейского корпуса
38-го пехотного Тобольского полка штабс-капитан Хрулев	1	

18-го гусарского Нежинского полка поручик Макаров	3	Старший адъютант 16-й кавалерийской дивизии
17-й артиллерийской бригады капитан Машин	1	И.д. помощника старшего адъютанта штаба XLII армейского корпуса
9-го Сибирского казачьего полка сотник Федоров	3	
430-го пехотного Валкского полка подполковник Соллогуб	2	
8-го Кавказского стрелкового полка штабс-капитан Дзаганя	1	И.д. старшего адъютанта штаба 5-й Кавказской казачьей дивизии
3-го стрелкового полка подполковник Молкочанов	1	Старший адъютант штаба XXIX армейского корпуса
268-го пехотного Пошехонского полка подполковник Юршевский	1	И.д. старшего адъютанта штаба 3-й Кавказской стрелковой дивизии
1-го Заамурского полка капитан Латышев	2	
12-го гусарского Ахтырского полка штабс-ротмистр Орел	2	Вр.и.д. старшего адъютанта штаба 49-й пехотной дивизии
234-го пехотного Богучарского полка штабс-капитан Скобьук	2	Прикомандирован к штабу 15-й пехотной дивизии
20-го драгунского Финляндского полка ротмистр Божко	1	Старший адъютант штаба 17-й кавалерийской дивизии
47-го Сибирского стрелкового полка капитан Михайлов	1	
184-го пехотного Варшавского полка капитан Стокальский	1	Обер-офицер для поручений при штабе XXV армейского корпуса
35-го пехотного Брянского полка штабс-капитан Терлецкий	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе X армейского корпуса
Сибирского телеграфного батальона поручик Стефанов	3	
307-го пехотного Спасского полка капитан Люттов	1	И.д. старшего адъютанта штаба 77-й пехотной дивизии
1-го Кавказского саперного батальона штабс-капитан Белецкий	1	Старший адъютант штаба VI Кавказского армейского корпуса
2-й Терской казачьей батарееи подьесаул Дмитрюков	1	Вр.и.д. старшего адъютанта штаба 5-й казачьей дивизии (?)
33-го саперного батальона поручик Менде	2	Прикомандирован к штабу 100-й пехотной дивизии
8-го Финляндского стрелкового полка капитан Кадников	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XVI армейского корпуса

Штаба XII армейского корпуса штабс-капитан Доготарь	?	Обер-офицер для поручений штаба XII армейского корпуса
Корпуса военных топографов штабс-капитан Лобик	3	
12-го гренадерского Астраханского полка капитан Дулов	1	И.д. старшего адъютанта штаба XXV армейского корпуса
2-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона есаул Тарасов	1	И.д. старшего адъютанта штаба 12-й кавалерийской дивизии
2-го Лабинского казачьего полка подьесаул Безладнов	1	И.д. старшего адъютанта штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии
3-го Прибалтийского конного полка поручик Дембицкий	3	
14-го стрелкового полка капитан Савельев	2	Прикомандирован к штабу 80-й пехотной дивизии
И.д. старшего адъютанта при штабе 76-й пехотной дивизии штабс-капитан Черниговский-Сокол	?	
1-го Хоперского казачьего полка подьесаул Соломахин	1	
48-го паркового артиллерийского дивизиона штабс-капитан Загребин	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XXIV армейского корпуса
1-го Читинского казачьего полка подьесаул Федосеев	2	
2-го Сибирского стрелкового полка поручик Морозевич	?	Прикомандирован к штабу I Сибирского армейского корпуса
Лейб-гвардии 2-го Кирасирского полка штабс-ротмистр Розенберг	1	Обер-офицер для поручений при штабе I Туркестанского армейского корпуса
2-го Семиреченского казачьего полка подьесаул Бедарев	?	
16-го пехотного Ладожского полка штабс-капитан Тюренков	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе VI армейского корпуса
33-го пехотного Елецкого полка поручик Матюшков	2	Прикомандирован к штабу 31-й пехотной дивизии
И.д. обер-офицера для поручений при штабе XXXIII армейского корпуса, корпуса военных топографов штабс-капитан Берг	?	
13-го Туркестанского стрелкового полка штабс-капитан Захаров	1	
И.д. обер-офицера для поручений при штабе IX армейского корпуса капитан Петренко	1	
10-го Оренбургского казачьего полка подьесаул Смирнов	1	
75-го пехотного Севастопольского полка поручик Моденов	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XII армейского корпуса

47-го Сибирского стрелкового полка подполковник Матьянов	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе VI Сибирского армейского корпуса
2-й стрелковой артиллерийской бригады капитан Колмаков	2	Прикомандирован к штабу 4-й стрелковой дивизии
117-го пехотного Ярославского полка штабс-капитан Гуртовенко	1	И.д. старшего адъютанта 10-й Сибирской стрелковой дивизии
161-го пехотного Александропольского полка штабс-капитан Ойнас	2	Командир 2-го батальона (место службы не указано)
1-го Читинского казачьего полка подьесаул Трухин	2	
327-го пехотного Корсунского полка капитан Латынин	1	Обер-офицер для поручений при штабе XXIII армейского корпуса
154-го пехотного Дербентского полка штабс-капитан Карганов	1	Старший адъютант штаба 5-й Кавказской стрелковой дивизии
Обер-офицер шифровального отделения управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем поручик Ростиславский	3	
2-го гренадерского Ростовского полка капитан Ляшко	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе V Сибирского армейского корпуса
23-го Донского казачьего полка подьесаул Дубинин	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XIV армейского корпуса
99-го пехотного Ивангородского полка штабс-капитан Воронин	2	
7-го Сибирского стрелкового полка штабс-капитан Ролько	1	
307-го пехотного Спасского полка штабс-капитан Бардинский	1	Старший адъютант штаба 27-й пехотной дивизии
Лейб-гвардии 3-го стрелкового полка штабс-капитан Глиндский	2	
14-го гренадерского Грузинского полка капитан Фалилеев	1	И.д. обер-офицера для особых поручений при штабе XLVII армейского корпуса
3-го тепловозного железнодорожного батальона поручик Плотников	2	
157-го пехотного Имеретинского полка штабс-капитан Полюшкин	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе IV армейского корпуса
24-го Сибирского стрелкового полка капитан Туров	1	Вр.и.д. старшего адъютанта штаба 106-й пехотной дивизии
3-го гренадерского Перновского полка капитан Алексеев	2	
Лейб-гвардии 4-го стрелкового полка штабс-капитан Дейтрих	3	

14-го гренадерского Грузинского полка штабс-капитан Вохмин	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе II Кавказского армейского корпуса
140-го пехотного Зарайского полка штабс-капитан Слицкоухов	1	
И.д. старшего адъютанта 128-й пехотной дивизии капитан Чечелашвили	1	
117-го пехотного Ярославского полка штабс-капитан Беличенко	3	Обер-офицер для поручений при отделе генерал-квартирмейстера штаба 6-й армии
160-го пехотного Абхазского полка штабс-капитан Косач	1	
Числящийся по армейской пехоте поручик Свидерский	?	Прикомандирован к штабу XXXVII армейского корпуса
304-го пехотного Новгород-Северского полка капитан Митрофанов	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XXVII армейского корпуса
20-го драгунского Финляндского полка штабс-ротмистр Червинский	1	Командир № 4 эскадрона стрелкового полка 17-й кавалерийской дивизии
3-го Финляндского стрелкового полка капитан Пахомов	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XXII армейского корпуса
114-го пехотного Новоторжского полка штабс-капитан Розанов	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XVIII армейского корпуса
149-го пехотного Черноморского полка поручик Биркан	1	Старший адъютант штаба 32-й пехотной дивизии
99-го пехотного Ивангородского полка капитан Сахаров	1	И.д. обер-офицера для поручений при штабе XXVI армейского корпуса
210-го пехотного Бронницкого полка штабс-капитан Коленцев	?	Обер-офицер для поручений при штабе XXXIX армейского корпуса

Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1583. Л. 42–46об., 148–152об.

Положение о комитетах слушателей Николаевской военной академии. 26 января 1918 г.

Утверждено конференцией Николаевской военной академии 26-го января 1918 года.
И.д. начальника академии профессор А. Андогский

Положение о комитетах слушателей Николаевской военной академии²³⁰⁰

I. Общие положения

1. Выборными организациями офицеров-слушателей академии, являющимися правомочными представителями их при сношениях с учебно-административным персоналом академии и регулируемыми все вопросы, связанные с пребыванием в академии и прохождением службы в ней, на основании существующих положений, в частях: а) учебной, б) прохождения службы, в) денежного довольствия, г) личного состава слушателей и д) столовой слушателей, — служат: а) соединенный комитет всех слушателей академии и б) курсовые комитеты слушателей.

2. Комитеты имеют право самостоятельного сношения со всеми общественными организациями, войсковыми комитетами, правительственными учреждениями и лицами по всем вопросам, за исключением вопросов политических и научных, подлежащих ведению одной конференции академии.

3. Комитеты в лице президиума руководят общим собранием слушателей академии и своих курсов.

4. Вопросы, касающиеся обоих курсов, проводятся обязательно через соединенный комитет всех слушателей академии.

5. Вопросы политического характера ведению комитетов слушателей не подлежат.

6. Вопросы вносятся на рассмотрение комитетов начальником академии, правителем дел и слушателями через любого члена соответствующего комитета в письменной форме.

7. Комитеты собираются на заседание по мере накопления дел; место и время созыва комитетов определяется председателем соответствующего комитета.

8. Начальнику академии предоставляется право собирать комитеты, когда он найдет нужным.

9. Комитеты по всем вопросам выносят постановления.

10. Заседаниям комитета ведутся журналы, которые по окончании заседаний подписываются всеми присутствующими членами комитета.

Вся текущая переписка подписывается председателем и скрепляется секретарем, а по вопросам денежной отчетности — и казначеем.

11. О всех своих постановлениях комитет объявляет курсу и доводит до сведения начальника академии через правителя дел. По усмотрению начальника академии выдержки из постановлений комитета отдаются в приказах.

12. В случае несогласия начальника академии с постановлением комитета курса вопрос переносится на рассмотрение соединенного комитета всех слушателей академии; в случае

²³⁰⁰ Карандашная надпись: Копия с расписками секр[етаря] кап[итана] Голубева и подп[олковника] Витоль передана 16 апр[еля] 1918 г. правит[елю] дел акад[емии] И.И. Смелову.

несогласия начальника академии с постановлением последнего рассмотрение переносится: а) по вопросам административно-учебным — в конференцию, б) по вопросам хозяйственно-бытовым — в хозяйственный комитет академии. В этом случае в конференцию и в хозяйственный комитет на обсуждение данного вопроса приглашается представитель от соединенного комитета всех слушателей с правом совещательного голоса.

13. Комитеты решают дела простым большинством голосов. Голосование в комитетах открытое или закрытое. При равенстве голосов производится новая перебаллотировка, после чего уже голос председателя имеет перевес.

14. Постановления комитетов обязательны для слушателей. В случае если постановление комитета вызывает протест в среде слушателей, выразившийся в письменном заявлении, поданном на имя председателя комитета за подписью 1/10 числа слушателей, то такое постановление вносится на утверждение общего собрания.

15. Постановления комитета, имеющие характер, обязательный для всех слушателей, вносятся на утверждение общего собрания.

На обсуждение общего собрания вносятся и все вопросы, за решение которых комитет, по своему постановлению, не может взять на себя ответственности.

16. Собрание комитетов считается состоявшимся, если присутствует на заседании не менее 2/3 членов.

17. Комитеты по мере надобности выделяют из своей среды комиссии, которым поручают ведение определенного вопроса.

18. Для расходов на надобности комитетов образуется особый фонд из ежемесячных вычетов из содержания слушателей, установленных общим собранием; при этом из размера вычета, установленного для каждого слушателя, 70% поступает в фонд комитета курса, а 30% в фонд соединенного комитета всех слушателей академии.

Для заведывания этими фондами каждый комитет выбирает из своей среды казначея. Расходы производятся по постановлению комитета.

II. Об общих собраниях

19. Общее собрание созывается для: а) обсуждения вопросов, которые не могут быть решены комитетом самостоятельно; б) для выборов; в) утверждения постановлений комитета, вносимых на утверждение общего собрания самим комитетом; г) осведомления слушателей о деятельности комитета и д) для решения денежных вопросов.

20. Общее собрание созывается по мере надобности.

21. Инициатива созыва общего собрания принадлежит: а) начальнику академии, б) комитету и в) группе слушателей в составе 1/10 списочного числа слушателей; самый же созыв делается комитетом общими повестками за подписями председателей и секретарей.

22. Собрание, созванное помимо комитета, считается частным.

23. Общее собрание считается состоявшимся, если на нем присутствует не менее 2/3 списочного числа слушателей.

24. Председательствование на общем собрании принадлежит президиуму комитета.

25. Вопросы на общем собрании решаются абсолютным большинством.

26. Голосование на общих собраниях производится открытой или закрытой баллотировкой. Выборы в комитет и решение денежных вопросов — обязательно закрытой баллотировкой.

27. Постановления общего собрания обязательны для всех слушателей.

28. Заседаниям общего собрания ведется журнал, который ведется секретарем и подписывается президиумом. Копии постановлений за подписями президиума сообщаются начальнику академии через правителя дел.

III. О курсовых комитетах слушателей

29. На каждом курсе академии избирается свой курсовой комитет.

30. В курсовой комитет избирается общим собранием курса 12 действительных членов и 3 запасных. Избранными считаются получившие абсолютное большинство голосов.

31. При выборах каждый выборщик лично кладет в избирательный ящик одну записку с 15 фамилиями слушателей; отсутствующие присылают такие же записки на имя председателя общего собрания.

[32.] Вынутые из ящика записки пересчитываются, после чего к ним прибавляются записки отсутствующих.

По определению числа записок производится подсчет голосов. Если 15-й и смежные с ним кандидаты получили равное число голосов, эти кандидаты перебаллотировываются.

33. О времени выборов в курсовые комитеты объявляется не позднее как за три дня.

34. Курсовой комитет из своей среды избирает председателя, его товарища и секретаря.

35. По постановлению курсового комитета для работ в комиссиях привлекаются слушатели курса, если встретится в этом надобность.

36. Состав курсовых комитетов объявляется в приказе по академии.

37. Курсовые комитеты избираются в начале учебного года сроком на один год. Досрочные перевыборы производятся по постановлению общего собрания.

Члены курсового комитета исключаются из состава комитета по постановлению общего собрания. Письменное мотивированное заявление о досрочном исключении члена комитета или о досрочном перевыборе комитета должно быть внесено не менее 25% списочного числа слушателей курса или же постановлением самого комитета.

38. Курсовому комитету предоставляется право приглашать на свои заседания как слушателей, так и представителей учебно-административного персонала академии.

39. За свои действия курсовой комитет и его члены ответственны перед общим собранием курса.

IV. О соединенном комитете слушателей академии

40. Соединенный комитет всех слушателей академии учреждается:

а) для рассмотрения дел, вносимых комитетами курсов; б) для рассмотрения вопросов, по которым у курсов не достигнуто соглашения с административным персоналом академии; в) для сношения по делам слушателей с посторонними учреждениями и лицами; г) для рассмотрения вопросов, имеющих значение для всех слушателей академии.

41. Соединенный комитет всех слушателей академии состоит из 12 членов. В состав комитета входят президиумы (председатель, его товарищ и секретарь) всех комитетов курсов, а остальное количество добавляется поровну из числа членов каждого из комитетов.

42. Председательствование в соединенном комитете всех слушателей академии возлагается на председателя комитета старшего курса или на лицо, его заменяющее. Остальные должности распределяются по усмотрению комитета.

И.д. начальника Николаевской военной академии

профессор А. Андогский

РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1580. Л. 9-9об., 10об.-11об., 16. Подлинник. Машинопись.

Письмо слушателей старшего курса в курсовой комитет академии. 2 апреля 1918 г.

В курсовой комитет²³⁰¹

Мы, слушатели старшего курса Военной академии, в настоящее время являемся единственным источником и хранителем доблести и высокого звания офицера. Судьба избрала нас основой и фундаментом, на котором будет строиться новая армия и создаваться ее душа — офицерство. Нам предстоит быть примером и образцом будущему офицерству. Само собою понятно, что чем выше и доблестнее офицерство, тем сильнее и могущественнее армия. Отсюда становится ясным, какими высокими нравственными качествами должны обладать мы, дабы наши будущие ученики и воспитанники, распространяя в армии высокое понятие о чести и доблести, создали мощную, непобедимую армию. А между тем мы с каждым днем распускаемся все больше и больше. Каждый день приносит нам все новые и новые доказательства нашего падения, распущенности.

Примеров к тому сколько угодно:

а) гуляние слушателя под руку с торговкой на вокзале, б) давание честного слова понапрасну, в) резкость и необдуманность слов и выражений, употребляемых в разговорах между собой (выражения: «сволочи квартиреры»), г) кошмарные предания о семейных, д) заявления, что в академии теперь очень хорошо именно потому, что «можно толкаться и не извиняться», е) необоснованные, голословные подозрения в неблаговидности действий выборных лиц, ж) погоня за дешевой популярностью и пр. [и] пр.

Стоит только взглянуть на неопрятность нашей одежды, как станет очевидным, куда мы идем и что может ждать от нас новое офицерство — наши будущие ученики: кокарды солдатские, офицерские и даже покрашенные! Наша распущенность находит полное отражение в нашей неопрятной одежде. Многие ходят в помещении (это в епархиальном-то училище, с иконами) в фуражках. Ясно, какое отвратительное впечатление должно произвести это на местных обитателей и обитательниц учреждения! А ведь здесь составляется о нас мнение, и стоустая молва несет все это по городу.

Местные жители нас слишком превозносят, а мы себя совершенно не ценим, но когда они убедятся, что мы не соответствуем их представлениям, — разочаруются, и явится у них другая крайность — пренебрежение к нам. Пора остановиться, иначе мы своей распущенностью пятнаем высокий авторитет академии.

Со времени снятия погон мы до сих пор роняем себя, роняем на каждом шагу, старательно и настойчиво разрушаем то высокое представление у интеллигенции об офицере Генштаба, который путем долгих лет огромного напряжения дисциплины и выдержки создавал его в обществе.

Скоро прибудут слушатели младшего курса. Они, пробыв долгое время в унижении и испытав на себе все грубости произвола и издевательств, опустились ниже нас, ибо мы счастливо избегли этой участи, своевременно ушедши в академию. Не трудно предвидеть, что если мы сами не будем примером выдержки, корректности, опрятности, если не проникнемся чувством уважения к себе и сознанием высокого звания офицера, то по прибытии младшего курса мы скоро узнаем об скандалах в его среде, которых еще не видывало офицерство,

²³⁰¹ Вписано от руки чернилами, на полях карандашная резолюция: «Вход. № 197. 2/IV/[1]918 г.».

и вся вина предстоящих тяжелых явлений в среде наших преемников всецело ляжет на нас. Наша прямая и святая обязанность всеми мерами облегчить и способствовать вновь прибывшим скорее организовать на основе высокого понятия о чести и взаимного уважения.

А что мы теперь можем дать ему (младшему курсу): растерзанный вид, возмутительные взаимоотношения, междоусобную перебранку, швыряние окурков и проч[ие] товарищеские тенденции.

Пора остановиться теперь же, во что бы то ни стало. Время не терпит, но пока еще есть полная возможность к восстановлению порядка, опасность велика и чем дальше, тем труднее будет справиться нам с своей собственной распушенностью.

Как это сделать?

Необходимо теперь же, во имя спасения престижа академии, создать Суд чести, которому и поручить разработку традиций на основе уважения, дисциплинарности отношений между собою, соблюдения всех правил приличия и вежливости.

Выработанные традиции, обязательные для всех и изученные как «Отче наш», являлись бы основным направлением и отправными данными каждому слушателю для решения вопроса, как поступить в том или ином случае, не роняя престижа академии.

Прибывший младший курс возьмет пример с нас в правильном направлении, а мы передадим ему наши традиции, как символ престижа офицера Генштаба.

Слушатели:

Серов?²³⁰²

Соколов

Слефогт

«2» апреля 1918 г.

Ек[атерин]бург

РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 28. Л. 32–32об. Машинопись с рукописной правкой.

Зуев И.В.²³⁰³

Первый этап тернистого пути академии Генерального штаба

Мрачные дни переживала Россия в конце 1917 и в начале 1918 года. Рушились вековые устои государственной и общественной жизни; аннулировались все правовые нормы, регламентировавшие жизнь культурного государства. Разгулявшаяся рука «великого хама» с корнем вырвала все то, чем держалось могущество великодержавной империи. Все и всё, что служило славе и величию России, уничтожалось и разрушалось; потоками лилась неповинная кровь невинных жертв Третьего интернационала. Среди этого хаоса и разрушения

²³⁰² Фамилия неразборчива, слушателя Серова на курсах 3-й очереди не было.

²³⁰³ Зуев Иван Васильевич — окончил ускоренные курсы 3-й очереди Военной академии (1918). Подпоручик (со ст. с 14.06.1907). Поручик. Штабс-капитан. Капитан. Участник Первой мировой войны. В 306-м пехотном Мокшанском полку. Участник Гражданской войны. В РККА. Вместе с Военной академией перешел на сторону антибольшевистских сил в Казани (07.08.1918). В антибольшевистских формированиях Востока России. Направлен в распоряжение капитана А.П. Степанова (08.1918). Начальник штаба 7-й Сибирской стрелковой дивизии (1919). В эмиграции — в Китае.

оазисом, уцелевшим от всеокрушающего урагана, оказалась академия Генерального штаба, в стенах которой в это время обучалось около 300 офицеров.

Она, по заявлению новых властей, была «гнездом контрреволюции», как бы по иронии судьбы, продолжавшим жить и работать в ближайшем соседстве с гнездом большевизма — Смольным.

Уже неоднократно раздавались в Смольном голоса, призывавшие и даже требовавшие срочной ликвидации академии; все чаще по адресу академии раздавались грозные выкрики разнuzданной и развращенной черни; грозные в сторону академии бряцали оружием с грузовиков, пронесившихся по Суворовскому проспекту к Смольному. В этой напряженной до пределов атмосфере продолжала жить и работать академия, как бы не замечая вакханалии, творившейся за пределами ее ажурной ограды. А на самом деле, все чины академии чутко ко всему прислушивались, выжидали лишь удобного момента, чтобы вырваться из окровавленных лап осквернителей Родины. Академию охраняла от разгрома трусость новых властей России и их боязнь остаться без военных специалистов.

Окончательный развал старой армии и, после разрыва Брестских переговоров, нависшая угроза нашествия немцев на Петроград явились побудительными причинами для большевиков к сохранению академии. Ее постоянный и переменный состав Смольный рассчитывал использовать, как военных руководителей, при попытке оказать сопротивление немцам и в будущем при создании Красной армии.

Очень долго офицеры, слушатели и профессорский состав продолжали носить офицерскую форму с погонами, и только 3-го декабря по старому стилю начальник академии генерал Андогский явился в аудиторию во время лекции и со слезами на глазах объявил требование большевистской власти снять погоны. Момент незабываемый! Этого распоряжения все с часу на час ожидали, но тем не менее объявленное распоряжение ошеломило всех. Долго сидели офицеры в полной тишине, переживая в душе величайшую трагедию.

Вторым шагом по адресу академии было распоряжение об отмене получаемого жалованья с 1-го февраля и переходе на солдатский паек в размере 5 рублей в месяц.

В конце декабря 1917 года в здание академии в аудиторию старшего класса и в зал конференции был введен отряд матросов около 150 человек. Цель прибытия матросов непосредственного отношения к академии, по-видимому, не имела. Вернее всего, здание занималось по тактическим соображениям, как удобный пункт. Занятий в академии в течение 2 недель — периода пребывания там матросов — не было.

После ухода матросов из академии — зал конференции представлял необычайную картину: все портреты, висевшие по стенам зала, — портрет царствующего императора, начальников академии, группы окончивших академию офицеров — были из рам вырезаны. Оставлен только нетронутым портрет императора Петра I.

Икона-киот Александра Невского также была вырезана, но изображение Св. Георгия Победоносца, помещавшееся на том же полотне внизу в правом углу иконы, было оставлено. Вид зала конференции был жуткий — посредине стоял стол для заседаний, покрытый зеленым сукном, а на стенах зияли пустые рамы из-под портретов и только один император Петр I — грозно смотрел со стены да Св. Георгий Победоносец поражал копьём змия.

В первых числах февраля 1918 года приказом Смольного часть слушателей академии была командирована в распоряжение генерала Величко, назначенного начальником инженерной обороны подступов к Петрограду.

В то же время, не веря в возможность оказать серьезное сопротивление германской армии, если бы таковая двинулась на Петроград, большевики начали из столицы эвакуацию правительственных учреждений и всего, что считали наиболее ценным. Поднят был вопрос и об эвакуации академии. В переполненной Москве невозможно было и думать расквартировать академию, и потому для нее намечен был Смольный район Поволжья или Урала. Сама академия, по причинам вполне понятным, тяготела к Дону. С этой целью один из преподавателей, Генерального штаба полковник Дрейлинг, был послан академией в качестве квартирьера на Дон. Последний сообщил о полной возможности расквартировать академию на Дону, но Смольный отклонил этот план, и военный комиссариат сделал распоряжение об эвакуации в Екатеринбург.

По настоянию начальника академии генерала Андогского все слушатели младшего класса, командированные в распоряжение ген. Величко, были возвращены из командировки, и в конце марта академия с имуществом, профессорами и слушателями младшего класса двинулась в путь, который оказался впоследствии тернистым и неизмеримо более далеким, чем предполагалось. Для переезда предоставлен был особый состав из классных вагонов. Уезжали с затаенной надеждой на большие возможности в далекой молчаливой Сибири.

Маршрут указан был через Вологду, Вятку, Пермь, Екатеринбург. Начальником эшелона был генерал Христиани, т.к. генерал Андогский должен был по требованию военного комиссара ехать в Москву для получения директив. Уже по выезде из Петрограда настроение у всех изменилось, исчез гнет бряцавшей оружием разнузданной массы.

Офицеры были в полном смысле беззащитны, рисовались перспективы работы на восстановление уничтоженной и поверженной во прах Родины. На поднятие настроения оказали влияние и материальные блага, в виде изобилия снеди на всех станциях, что после голодного Петрограда казалось сказочным.

Путь прошел без всяких приключений. В первых числах апреля эшелон академии прибыл в Екатеринбург. Для размещения предоставлено было здание женского Епархиального училища на окраине города, против монастыря. Там же временно было устроено общежитие для слушателей, впоследствии разместившихся на частных квартирах.

С приездом генерала Андогского академическая жизнь стала налаживаться. Началось чтение лекций. За ними последовали экзамены, заставившие всех уйти в работу.

Прибытие в небольшой городок значительного количества генералов и кадровых офицеров всполошило местный совдеп, посыпались тревожные запросы в центр, откуда, видимо, пришли успокоительные вести, и местная власть в жизнь и работу академии не вмешивалась, ограничившись назначением своего комиссара — скромного и незаметного молодого человека. Но это относительное благоденствие продолжалось недолго; прибытие царской семьи в Екатеринбург нервировало власть и вызывало подозрительное отношение к офицерам. Движение в Сибири и восстание чехов усугубляли эту подозрительность. Попытка одного из слушателей академии гвардейского полковника Слефогт[а] иметь свидание с императрицей вызвала уже явное недоверие властей к академии.

Были разговоры даже о ликвидации этого контрреволюционного гнезда в полном составе. Возможно, что академию спасло стремительное наступление из Сибири, вызвавшее эвакуацию из Екатеринбурга.

Академии срочно приказано было выехать в Пермь, куда стремительно бежал и весь екатеринбургский совдеп.

За отъездом академии из Екатеринбурга, там осталось тайно около 70 слушателей, которые по занятии города чехами присоединились к ним и организовали дальнейшую борьбу с большевиками.

По прибытии академии в г. Пермь, генералу Андогскому удалось выхлопотать отправление академии по р. Каме в Казань, куда она прибыла в конце июля 1918 года.

В Казани в это время большевистскими войсками командовал генерал Вацетис²³⁰⁴. В городе было напряженное положение — со стороны Симбирска к Казани приближались чехи.

Чекист Лацис²³⁰⁵ настаивал перед большевистской властью о расстреле офицеров академии, штаб же генерала Вацетиса, помещавшийся в номерах Щетинкина на Проломной ул., потребовал 10 слушателей для занятия должностей Генерального штаба.

Через несколько дней по прибытии академии в Казань, смешанный русско-чешский отряд под командой капитана Степанова почти без боя занял Казань. Большевистские части, заслышав орудийные выстрелы отряда капитана Степанова, поспешно оставили Казань.

Накануне оставления большевиками города генерал Вацетис конфиденциально объявил слушателям академии, находившимся в его штабе, что его войска ночью оставляют город и что они могут остаться в городе. Этот совет был выполнен.

С прибытием в Казань чехов, академия, оставив в штабе отряда капитана Степанова, переименованного в штаб Северной группы, 7 слушателей для занятия должностей Генерального штаба, выехала в г. Самару, а оттуда в г. Омск²³⁰⁶.

Итак, академия после 10-месячного пребывания во власти большевиков, наконец, вырвалась к тем, кто был для всего состава ее наиболее близким и желанным.

Беспристрастная история по заслугам оценит деятельность начальника академии генерала Андогского за этот десятимесячный период.

Что же касается всего личного состава академии, то прибытие около 200 кадровых офицеров, подготовленных к службе на должностях Генерального штаба, было ценнейшим вкладом, какой могла преподнести Военная академия русским войскам, дравшимся за имя, честь и процветание дорогой нам России.

Зув И.В. Первый этап тернистого пути академии Генерального штаба // Георгиевский день (Харбин). 1932. 9 дек. С. 11 (ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 104).

Задача по тактике, предложенная на письменном испытании в академии Генерального штаба. 11 мая 1918 г.

Бой 10-го мая южнее г. Гродны для 1 синей армии окончился успехом: правофланговый I корпус, несмотря на ожесточенные атаки красных, удержался по линии д.д. Балля Церковная – Мицкевичи – Тричи, средний II корпус к вечеру 10-го овладел д.д. Санники – Хворостяны – Кустинцы – Сауковцы, но понес значительные потери, а два левофланговых корпуса, отеснив красных с линии м. Кузницы – д. Сухиничи, к вечеру остановились на

²³⁰⁴ Так в тексте. Последний чин И.И. Вацетиса в старой армии: *полковник*.

²³⁰⁵ В тексте ошибочно: *Латис*.

²³⁰⁶ Так в тексте, правильно: в *Екатеринбург*, а затем в *Томск*.

следующей линии: III корпус — выс[ота] 93,2 (три версты западнее м. Кузница) — д. Волькуша — д. Задворяны и IV корпус — выс[ота] 109,3 — ок. Шишки — д. Ст. Каменка.

В резерве армии оставались: 72 дивизия — в г. Гродно и 73 дивизия — в районе д.д. Подлипки — Новоделя — Дубовая.

На 11-е мая приказано: I и II корпусам удерживаться на занятых позициях, а III и IV корпусам с рассветом 11-го мая продолжать наступление в общем направлении на северо-запад, на фронт м. Сидра — д. Нововоля.

72 дивизии в 5 часов выступить из г. Гродна в район д. Коробчица, где и поступить в распоряжение Комкора II.

73 дивизии с рассветом 11-го быть в полной готовности выступить из занимаемого района, оставаясь впредь до приказа в распоряжении Командарма I.

Исполнить накануне испытания: нанести на 2-хверстной карте схему обстановки к вечеру 10-го мая 1918 г.

В день испытания, в субботу, 11-го сего мая, задача будет продолжена на той же карте. Профессор М.А. Иностранцев, завед[ующий] слушат[елями] Б.П. Богословский Штат[ный] преподаватель И.И. Смелов, завед[ующий] слушат[елями] И.И. Сторожев РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1626. Л. 18. Типогр. экз.

Список вольнонаемных служащих Военной академии Красной рабочей и крестьянской армии. Июль 1918 г.

Список вольнонаемных служащих Военной академии
Красной рабочей и крестьянской армии

И. Эвакуирующиеся с академией

1. Фоминых Сергей Семенович
2. Рудзис Август Иванович
3. Деревянко Андрей Григорьевич
4. Стрельчук Афанасий Павлович
5. Левченко Феодосий Тимофеевич
6. Воробьев Петр Иосифович
7. Томецкий Станислав Валентинович
8. Бородько Василий Игнатьевич
9. Юзков Игнатий Адамович
10. Федоренко Никифор Архипович
11. Гринцевич Антон Павлович
12. Иванов Иван Иванович
13. Иванов Поликарп Иванович
14. Базис Осип Осипович
15. Пундис Иероним Петрович
16. Федоренко Корней Архипович
17. Кузьминцев Григорий Иванович

18. Волков Александр Николаевич
19. Гаврилов Василий Александрович

II. Остающиеся в Екатеринбурге при академии

1. Иванд Петр Юрьевич
2. Нис Петр Иванович
3. Павлов Михаил Павлович
4. Артемьев Иван Артемьевич
5. Сахаров Василий Матвеевич
6. Павлов Владимир Михайлович
7. Староверов Сергей
8. Дорофеев Петр
9. Анисимова
10. Крыченова Мария
11. Бучный Павел Федорович
- [12.] Якимов Селиверст

РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1629. Л. 3–3об. Машинопись с дополнением карандашом.

Семчевский К.В.²³⁰⁷

С академией Генерального штаба в Екатеринбурге в 1918 году²³⁰⁸

В сентябре 1917 года на фронте было получено из Петрограда предписание командировать в Николаевскую военную академию на подготовительные курсы третьей очереди по два офицера от каждого корпуса.

В отличие от первых двух подготовительных курсов, главным критерием при выборе кандидатов являлся не опыт работы в штабах, а боевой опыт и боевые награды и аттестации. Допускались только кадровые офицеры, т.е. прошедшие полный курс мирного времени военных училищ. Был слух, что мысль о вызове в академию офицеров с боевым опытом зародилась еще до революции и лишь по инерции была проведена в жизнь при Временном правительстве. До меня лично весть о возможности попасть в академию дошла с запозданием. Непосредственно перед этим нашей 4-й батарее л[ейб]-гв[ардии] конной артиллерии,

²³⁰⁷ Семчевский Константин Васильевич (06.05.1894–28.02.1978) — из потомственных дворян Киевской губ., уроженец Тифлиса. Зачислен в пажи — кандидаты высочайшего двора (09.04.1908). Определен в Пажеский его императорского величества корпус (24.04.1909). Переведен в специальные классы корпуса (01.09.1911). Переведен в старший специальный класс (01.09.1912). Произведен в камер-пажи высочайшего двора (01.08.1912). Назначен и.д. фельдфебеля (03.09.1912). Утв. в должности (03.10.1912). Окончил Пажеский его императорского величества корпус по 1-му разряду с занесением имени на мраморную доску. Обязан прослужить в войсках 3 года. По экзамену произведен в подпоручики с зачислением по полевой конной артиллерии (с 06.08.1913 со ст. с 06.08.1912). Поручик (Высочайший приказ 29.04.1916 со ст. с 19.07.1915). Штабс-капитан (Высочайший приказ 20.08.1916 со ст. с 19.07.1916). Капитан гвардии (с 19.09.1918 со ст. с 19.11.1917). Переименован в подполковники (1919, приказ Верховного главнокомандующего со ст. с 19.11.1917). Полковник (за отличия в делах против неприятеля, 1920 со ст. с 07.02.1920). Делопроизводитель 4-й наследника цесаревича батареи (01.10.1913). Участвовал в Первой мировой войне (21.07.1914–28.09.1917). Переведен в лейб-гвардии конную артиллерию (Высочайший приказ 06.08.1914). Командирован старшим офицером в нештатную батарею (13.08.1916). Эвакуирован в Луцк по болезни (26.08.1916). Возвратился по выздоровлении и назначен в 4-ю наследника цесаревича батарею (01.10.1916). Заведующий хозяйством (02.01–09.03.1917). Отчислен от должности старшего офицера (10.06.1917).

входившей в состав 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, было «свыше» приказано отправиться на участок второочередной пехотной дивизии — номера не помню — и сменить там полевую батарею. По слухам, там шло братанье с немцами.

Видимо, кого-то «наверху» беспокоило наличие частей, в том числе и нашей дивизии, где, как исключение, сохранилась дисциплина. Уже летом 1917 года стали приниматься меры для их разложения. Так, когда мы стояли в резерве, в нашу батарею неожиданно прислали прямо из Петрограда «пополнение» — десять человек. Мы в нем не нуждались и его не требовали. Сразу выяснилось, что это не обычные солдаты, а агитаторы, которые стали натравливать солдат на офицеров. В согласии с батарейным комитетом, где, как редкое исключение, были близкие нам по духу солдаты, «агитаторов» арестовали и отправили в штаб армии. Таким образом, первая попытка из Петрограда разложить нашу батарею не удалась.

Назначен старшим офицером (26.06.1917). Прибыл и зачислен на подготовительные курсы 3-й очереди Николаевской военной академии (16.10.1917). Прослушал курс младшего класса и имеет право поступить в старший класс без экзамена (постановление конференции 25.02.1918). Выдержал переходный экзамен в старший класс (15.06.1918). Участник Гражданской войны (с 20.07.1918 по 28.03.1920). Пробился из Екатеринбурга в составе офицерского отряда академии в 37 человек под командованием подполковника К.Ю. Румши на соединение с чехословаками и сибирскими отрядами в районе завода Северский (24.07.1918). Заведующий службой Генштаба в штабе по формированию армий в Екатеринбурге (28.07.1918). Командирован в штаб Сибирской армии (13.08.1918). Прибыл в Омск, зачислен в штаб Сибирской армии и.д. помощника начальника оперативного отделения штаба армии (штаб-офицер Генштаба 17.08.1918). Вр.и.д. начальника оперативного отделения (23.08.1918). Обратился к прямым обязанностям (27.08.1918). Командирован для сопровождения командующего Сибирской армией в служебную поездку в Челябинск и Уфу на Государственное совещание (18–27.09.1918). Вр.и.д. начальника оперативного отделения штаба армии (с 10.10.1918). Обратился к прямым обязанностям помощника начальника оперативного отделения (08.12.1918). Командирован во Владивосток в учебную инструкторскую школу (20.12.1918). Прибыл и зачислен в списки в постоянный состав (13.01.1919). Читал лекции по тактике в офицерском и унтер-офицерском батальонах школы (с 13.01.1919 по 06.1919). Командирован в Ставку Верховного главнокомандующего (06.1919). Прибыл и назначен в Походный штаб главнокомандующего Восточной группой армий на должность начальника оперативного отдела (18.06.1919). Сдал должность начальника оперативного отдела (05.08.1919). Вр. прикомандирован к Екатеринбургской учебной инструкторской школе (08.1919). Командирован в распоряжение 1-го генерал-квартирмейстера Ставки (09.1919). Назначен начальником штаба 1-й кавалерийской дивизии на фронте (27.10.1919). Прибыл (01.11.1919). Причислен к Генеральному штабу (21.11.1919). Участник Сибирского Ледяного похода. Когда дивизия была окружена большевиками на р. Кан (район д. Голопуповка) и начальник дивизии бросил ее, а прочие старшие начальники отказались принимать командование, вступил в командование дивизией и вывел ее из тяжелого положения (10.01.1920). Обратился к прямым обязанностям начальника штаба вследствие назначения нового начальника дивизии (21.01.1920). Назначен генерал-квартирмейстером штаба 3-й армии (02.02.1920). И.д. генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии (на 03.1920). С переформированием 3-й армии в корпус переименован в генерал-квартирмейстеры штаба 3-го отдельного стрелкового корпуса (01.03.1920). В эмиграции в Японии, Китае, Германии, Австрии и США. Умер в Пасифик-Гро. Награды: светло-бронзовая медаль в память 300-летия царствования дома Романовых, нагрудный знак в память 300-летия царствования дома Романовых, светло-бронзовая медаль в память 100-летия Отечественной войны 1812 г., бухарский орден Серебряной Звезды 3-й ст. (13.09.1913), медаль за труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 г., Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (13.03.1915), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (06.07.1915), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (13.09.1915), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (14.09.1915), Георгиевское оружие (Высочайшим приказом утверждено пожалование командующим 10-й армией — 12.11.1915), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (15.03.1916), Св. Анны 2-й ст. с мечами (05.10.1916), Св. Владимира 3-й ст. с мечами (приказ командующего войсками Российской Восточной окраины № 20. 11.03.1920), орден «За Великий Сибирский Ледяной поход 1919–20 гг.» (28.03.1920). Женат первым браком на Елене Васильевне Беляевой (1897–16.07.1977).²³⁰⁸ Воспоминания, за исключением некоторых фрагментов и с отличиями редакторского характера, публиковались в издании Союза чинов Русского корпуса — журнале «Наши вести» (США, Калифорния) (*Семчевский К.В.* В академии Генерального штаба в 1918 году // Наши вести. 1978. Май–июнь. № 370 (2671). С. 9–10; Июль–авг. № 371 (2672). С. 5–6; Сент.–окт. № 372 (2673). С. 4–5; 1979. Янв.–март. № 374 (2675). С. 5–6; Апр.–июнь. № 375 (2676). С. 8–10). В настоящем издании печатаются по оригиналу, сверенному с публикацией.

Но нас, видимо, не забыли: вопреки здравому смыслу отправили конную батарею в состав пехотной дивизии. Впрочем — скрытый смысл был — в район братанья.

Смена, как обычно, состоялась ночью. Командир пешей батареи, которую мы сменили, не скрывал своей радости. Он подтвердил нам, что здесь полным ходом идет братанье.

До рассвета я отправился на наблюдательный пункт на опушке леса на высоком дереве. К платформе на нем вела приставленная сзади примитивно сколоченная лестница. Все было хорошо замаскировано.

Когда начало рассветать, я увидел, что из наших окопов потянулись в сторону немцев какие-то фигуры. Навстречу им вылезали из своих окопов немцы. Впервые мне пришлось наблюдать братанье, с которым мы до этого были знакомы только по слухам.

Как правило, полагалось при смене батареи на позиции проверить несколькими выстрелами правильность полученных данных пристрелки. Но, принимая во внимание происходящее на участке, я решил проверку пристрелки ограничить до минимума. Выбрав цель, где не видно было немцев, я скомандовал огонь одним орудием. Впечатление получилось потрясающее. Немцы по всему фронту участка побежали в свои окопы. Оттуда заработали их пулеметы. Наши «герои» тоже попрятались в окопы. Таким образом, войну, которая на этом участке закончилась, воскресил не кто иной, как я.

С понятным интересом и волнением я ждал — что будет дальше. В ветках моего дерева прожужжала пуля. Конечно, шальная — решил я. Немцы не могут меня видеть. Вторая пуля — совсем близко от меня. Посмотрев на наш — русский — окоп, я увидел сидящего лицом ко мне на бруствере пехотинца. Я не дал ему шанса третьей пулей снять меня с дерева, а сам не слез, а почти скатился с него.

Вскоре ко мне с позиции батареи прибежал один из членов комитета. «Делегаты» от пехоты были у них и угрожали «посадить на штыки» и офицеров, и солдат, если будет еще хоть один наш выстрел. Я обещал больше не стрелять. В эту минуту война лично для меня психологически окончилась...

Я привел, как вступление, этот личный, типичный для того времени эпизод, чтобы показать, с какой «опустошенной» душой боевые офицеры уезжали в академию с фронта. Монархия, для нас неотделимая от России, ушла неожиданно и непонятно. Война, которая, благодаря жертвенности войск и ряду блестящих побед — и несмотря на несколько тяжелых, больших неудач, — была нами уже потенциально выиграна, кончилась нашим поражением. Наши жертвы в течение трех лет оказались ненужными... Армия, наша гордость и основа нашего существования, — обратилась в разнuzданную орду дезертиров... Отдушиной от крушения всего, чему мы служили, казалась тогда только личная жизнь, которой мы были лишены в течение трех лет на фронте.

Командиру батареи удалось вернуть батарею к нашей дивизии. Лишь тогда я узнал о «призыве» в академию. Но, как выяснилось, я пропустил срок подачи рапорта с желанием быть туда командированным. Все же я решил сделать попытку попасть в число кандидатов. Потерять этим я ничего не мог. А делать мне на фронте было уже нечего.

Не думая о том, какой практический смысл имеет, при существующих условиях, прохождение курса академии, мне — фанатику военного дела просто хотелось мой боевой опыт дополнить и расширить теоретическими обоснованиями. Но главной причиной моего желания попасть в Петроград было то, что я в мае женился и меня так тянуло к молодой любимой жене.

Взвесив мои шансы быть выбранным, да еще при моем опоздании, из многочисленных кандидатов от тринадцати полков гвардейской кавалерии, я призадумался. У меня были дан-

ные для подачи рапорта. Я не сомневался, что от командира батареи получу хорошую боевую аттестацию.

У меня были все боевые ордена, включая орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, который я получил, как мою первую награду, еще в 1914 году. Было у меня и Георгиевское оружие, заслуженное летом 1915 года. Но все же я не считал себя одним из «героев» гвардейского кавалерийского корпуса. Среди офицеров кавалерии было немало кавалеров ордена Св. Георгия. Помимо этого, «подвиги» кавалеристов гораздо убедительней боевых заслуг артиллериста.

Боевая аттестация от батареи оказалась еще лучше, чем я ожидал. Получив разрешение, ввиду срочности, отвезти рапорт лично в штаб дивизии, я был встречен там сочувственно и получил в запечатанном конверте «направление» в штаб корпуса. Там меня принял начальник штаба и сразу же обескуражил: командир корпуса уже назначил двух офицеров и им об этом сообщено. Все же он прочитал мою аттестацию и другие документы и решил пойти к командиру корпуса. Долго не возвращался. Тем временем я вспоминал, ведь корпусом командует генерал Арсеньев. Бывший улан ее величества и флигель-адъютант. В первую половину войны он командовал кирасирами ее величества. Блестящий кавалерийский начальник, он часто со своим полком получал отдельные ответственные боевые задания. И как-то получилось, что всегда, по-видимому не без его желания, полку придавался взвод 4-й батареи, которым я командовал. Он неоднократно видел меня в бою и даже бывал у меня на наблюдательном пункте. Может быть, он вспомнит меня?

Начальник штаба вернулся с радостным для меня известием: генерал Арсеньев решил в исключение из правила назначить от корпуса не двух, а трех офицеров, третьим — меня.

Когда было все решено и подписано — мне вдруг взгрустнулось: батарея стала моей второй семьей. С ее офицерами и солдатами я пережил и славные дни побед, и тяжелые дни отступления 1915 года, а теперь развал армии после революции. Как-то грустно было покидать батарею в эти такие трудные для нее дни...

Дивизия наша была в это время в резерве. Батарея расположилась в большом селе. Офицеры дивизиона устроили мне теплые, трогательные проводы накануне моего отъезда. Вечером я сказал вахмистру, что я уезжаю.

Утром, выйдя из хаты, я увидел батарею, построенную на улице. Вахмистр скомандовал: «Смирно!» Я поздоровался, как и до революции. Дружно, хором, ответили мне так, как будто вовсе и не было проклятого «Февраля». Сказав несколько прощальных слов, я обошел строй и трижды поцеловался с каждым солдатом. А было это за три недели до «Октября».

Прибыл я в Петроград в середине октября 1917 года. 16 октября приказом № 29632 по Николаевской военной академии был зачислен на подготовительные курсы 3-й очереди.

Всего на нашем курсе оказалось около 170–180 офицеров. Точной цифры я не знаю. Общего списка нам не сообщали и его не вывешивали. Такого состава слушателей в академии раньше не было и не могло быть: в большинстве это были кавалеры ордена Св. Георгия или Георгиевского оружия, а то и того и другого вместе. А у одного, кроме этого, был еще британский «Викторья Кросс». Хотя по возрасту мы не так уж отличались от состава академии мирного времени — мне, например, было тогда двадцать три с половиной года — за три года на фронте мы все возмужали. Были среди нас и молодые подполковники и даже один полковник.

Занятия начались без промедления. Состав профессоров был, частично, тот же, что и до революции. Некоторые из них побывали на фронте и сделали кое-какие поправки к своим

довоенным установкам. Но были и такие, которые продолжали читать нам свой курс мирного времени.

Заставший нас врасплох «Октябрь» мы приняли как естественное продолжение «Февраля». Мы тогда не придали ему того значения, какое он сыграл и в истории России, и в нашей личной жизни. Нам, боевым офицерам, и в голову не приходило защищать Керенского, которого мы презирали.

Формального признания «новой» власти никто от нас не требовал. Не так, как в «Феврале», когда все воинские части должны были присягать Временному правительству.

Сразу после «Октября» выяснилось, что новая власть решила сохранить академию в полном составе и дать нам закончить курс. Это нас удивило, но мы не сочли это для себя компромиссом. Раз мы принуждены были — не по своей воле — признать Временное правительство, разницы в перемене власти мы не особенно чувствовали. В стенах академии все оставалось по-прежнему. Те же профессора и руководители групп. Начальника академии генерала Андогского и профессоров-генералов мы продолжали называть «Ваше превосходительство», а штаб-офицеров — лекторов и руководителей семинаров — по чину, с прибавлением «господин». Слово «товарищ» в академию не проникло.

Единственная разница была в распоряжении снять погоны. Но это у нас объясняли тем, что появление офицера на улице в погонах грозило ему растерзанием разнuzданной толпой и солдатами. Одновременно нам было разрешено ходить в академию в штатском, чем я и воспользовался.

Постепенно до нас стал доходить слух о причине «покровительства» новой власти. Говорили, что генерал Андогский имел какой-то «ход» к Подвойскому, комиссару по военным делам. По-видимому, заинтересовавшись тем, что в академии находится «отбор» русского боевого офицерства, большевики решили сохранить нас для будущего

В то время у нас не было выбора. Мы считали, что, занимаясь в академии, мы ничем не поддерживаем большевиков, зато выигрываем время, чтобы разобраться в обстановке и принять какое-то решение. Андогский почему-то пользовался среди нас авторитетом и доверием. Мы считали, что он «наш» и сумеет найти в решительную минуту честный для нас выход.

Вместо подготовительного, мы стали проходить курс младшего класса, но значительно измененный по сравнению с довоенным. Сохранены были только военные «дисциплины».

Самой интересной и продуктивной частью курса были, за исключением немногих, не лекции профессоров, а групповые занятия под руководством более молодых офицеров Генерального штаба. Тут было много импровизации, и успех зависел и от руководителя, и от состава группы.

Я был в группе подполковника Богословского, в будущем начальника штаба армии, которой командовал недоброй памяти чех Гайда. Богословский, живой и толковый офицер, умел, не доминируя, организовывать дискуссии и даже споры, кончавшиеся всегда положительными результатами.

Лекции были на разных уровнях. Иногда — интересные, освещающие нам что-то новое. Иногда же они являлись отбытием номера и почти что потерей времени для нас. Некоторые из лекторов, побывавших на фронте, любили иллюстрировать их примерами из личного опыта. Иногда это кончалось конфузом: присутствующий среди слушателей участник того же боя в корректной форме задавал вопрос, из которого становилось ясно, что лектор подгоняет пример к теме лекции.

Настоящего организованного террора в Петрограде еще не было. Но постепенно мы начинали чувствовать разницу между режимами до и после Октября. Начинались обыски и аресты. Не избегли ночного посещения и мы лично. Жили мы с женой в квартире родителей. К этому времени с фронта вернулся и мой младший брат. В квартире оказалось три офицера. Как-то, глубокой ночью, раздался настойчивый стук в дверь. В переднюю вышел в халате мой отец, полковник. Открыл дверь и увидел трех матросов с винтовками.

— Есть оружие?!

Оружие у нас было. По револьверу у каждого из нас и две винтовки, спрятанные в гостиной.

Мы слышали об обысках, но почему-то не подготовились и не решили, как мы будем реагировать. Отец ответил сразу:

— Оружия нет. Войдите и посмотрите сами.

Сказал он это, по-видимому, так спокойно и убедительно, что матросы поверили. Сказали друг другу что-то и смылись. Вероятно, они ходили по квартирам без плана и к нам заглянули, не подозревая, что здесь офицеры.

Начинало казаться, что наше временное «благополучие» подходит к концу, что надо решить — как быть нам дальше. Вопрос этот мы, конечно, открыто в академии не обсуждали. Не то что не доверяли другим слушателям курса. Просто считали недопустимым ставить и себя и других под удары. Поэтому начинали осторожно, с глазу на глаз, обсуждать положение только с теми, с кем или были раньше, или же создались более близкие отношения.

С Юга России стали просачиваться туманные сведения о движении против большевиков. Казалось, что это чисто местное явление. Доносилось имя Корнилова. Но оно не увеличивало нашего доверия к серьезности происходящего. Мы знали, что Корнилов был выдвинут на высший пост, как убежденный антимонархист, Временным правительством. Да его неудачное выступление тоже не внушало доверия к его имени. Тогда мы не думали, что на Юге зарождалось начало общего Белого движения.

Продовольственный кризис в Петрограде все усиливался. Начинался настоящий голод. В академии стали выдавать нам время от времени селедки. Мы заворачивали эту остро пахнущую выдачу в газеты и несли домой, стараясь, по возможности, не пропахнуть ею. Это не всегда удавалось. Зато дома мой мокрый пакет вызывал настоящий восторг.

Поразительно, как скоро многие, в том числе и мы, приспособились к непривычным условиям жизни. Банковские счета были закрыты. Сейфы экспропрированы. Мы стали в буквальном смысле слова нищими. Но как-то продолжали жить, частично пробавляясь жалованьем, которое я получал в академии, и продажей вещей.

В начале 1918 года, когда наметилась опасность Петрограду со стороны немцев, началась разгрузка города от ненадежных элементов. Таковыми, видимо, считались и мы, слушатели академии. Неожиданно всему составу академии — профессорам и слушателям с семьями — приказано было грузиться в эшелоны для эвакуации. Куда — нам сказано не было.

У нас возник вопрос: наступают как будто критические для советской власти дни, а мы уезжаем куда-то вглубь страны, отрываемся от центра. Но администрация академии осторожно, как-то окольно, внушала нам, что в Петрограде мы капля в море, ну а в провинции больше свободы и возможностей. Доверие к Андогскому помогло нам решить, что эвакуация с академией ни к чему нас не обязывает.

Наспех попрощались с родителями, не допуская мысли, что расстаемся навсегда.

Погрузились и отправились. Дали нам вагоны третьего класса. С нами же эвакуировалась и библиотека академии.

Выехав из голодного Петрограда, мы жадно раскупали на станциях такие давно невиданные вещи, как масло, молоко, жареные куры, привозимые туда крестьянами.

В пути выяснилось, что едем в Екатеринбург. В Екатеринбурге для нас, слушателей, реквизировали комнаты у «буржуев», которые продолжали там жить почти как до революции. Красивый, чистый город, с прекрасными домами и особняками — резиденция уральских промышленников — произвел на нас большое впечатление.

Нас с женой вселили в кабинет одного из таких промышленников, сначала хозяева стонились нас, вселенных к ним большевиками, но вскоре убедились, что мы что-то вроде пленников, и с нашим присутствием в их особняке не только примирились, но даже создались между нами почти дружеские отношения. Так, их горничная — прислугу «буржуи» там еще сохранили — убирала и нашу комнату.

Сразу по прибытии в Екатеринбург возобновились занятия. Это и личная жизнь, которой мы были лишены в течение трех лет войны, помогало нам хоть временно не думать о пережитом нами так недавно и потере всего, чему мы безоговорочно верили и служили. Впрочем, была и другая причина для нашего серьезного отношения к работе в академии — любовь к военному делу, желание расширить свои горизонты, а также, до известной степени, и соревнование друг с другом. Ведь каждый из нас был избран своим полком, своей дивизией, поэтому не хотелось оказаться хуже других и, таким образом, не поддержать чести своей части, уже не существующей, но не забытой и не забываемой...

Лично я это особенно чувствовал. Окончивший Пажеский корпус в 1913 году фельдфебелем и личным камер-пажом государя, записанный на мраморную доску корпуса за учение, я не хотел окончить академию кое-как, как бы подтвердив этим существовавшее прежде в некоторых кругах несправедливое мнение, что бывшие пажи легче продвигались по службе по протекции, а не по заслугам.

В конце февраля мы окончили курс младшего класса. Занятия — уже по курсу старшего класса — возобновились без перерыва.

Постепенно нам становилось ясней, почему нас отправили именно в Екатеринбург. Он был цитаделью большевиков на Урале. Местный совет считался лучше других организованным. Прочность власти обеспечивалась значительными интернациональными частями, главным образом латышами и отчасти военнопленными.

Но, как ни странно, несмотря на это, вся «атмосфера» в Екатеринбурге была совершенно иной, чем в Петрограде. Гнеба почти не чувствовалось. Жизнь в городе протекала как-то нормально. Не то что голода, вообще недостатка в продуктах не было. Мы смогли даже послать своим в Петроград продовольственные посылки. Об обысках в квартирах мы ничего не слышали, поэтому спали спокойно. Никого в городе не останавливали и не допрашивали. Начинало даже казаться, что «новая» власть, после начальных эксцессов в Петрограде, мало чем отличается от предыдущей, «февральской».

С началом весны, в хорошие солнечные дни, по праздникам, жители города беспрепятственно выходили на прогулки и пикники за его пределы. Мы, слушатели академии, пользовались такой же относительной свободой.

Наши инструментальные съемки происходили в окрестностях города, причем никакого специального наблюдения за отдельными группами не было.

Первым предупреждением, что на нас начинают обращать внимание, явилось наше неожиданное «разоружение». Нам были, по требованию властей, розданы формуляры для регистрации имеющегося у нас оружия, точнее — револьверов, которые предполагались у каждого офицера, с целью якобы выдачи нам удостоверений на право обладания ими. Игнорировать эту анкету казалось невозможным. Поэтому, насколько я могу судить, большинство это требование выполнило. Мне лично не верилось, что нам оставят наши револьверы. После совещания с женой я решил анкету не подавать. Я не ошибся: всем, зарегистрировавшим свои револьверы, было приказано их сдать. Я же сохранил мой наган, но он оказался причиной нашего с женой постоянного волнения. Сначала мы ждали, что заметят, что я не сдал анкеты. Прошло некоторое время — значит, не обнаружили. Но что, если будет у нас обыск? Куда бы мы его ни прятали, все казалось, что его найдут. И тогда ареста не миновать. Но избавиться от него, хотя бы бросить в реку Исеть, протекающую недалеко от нашего дома, я так и не решился. Опасения наши не оправдались, но это стоило нам много нервов.

В конце апреля или начале мая по городу разнеслась весть, что из Тобольска привезли государя, государыню и одну из дочерей и поместили их, под строжайшей охраной, в доме Ипатьева. Одновременно стало известно, что любая попытка освободить их повлечет за собой их немедленную казнь.

Обстановка в городе после прибытия высоких узников продолжала оставаться спокойной и не внушающей опасений. В голову не приходило, что величайшее преступление было предрешено. Логичным казалось, что для этого незачем было бы перевозить их из Тобольска. Еще казалось, что если бы казнь царя была предрешена, то большевики не везли бы его и всю семью в течение полугода, а выполнили бы это злодеяние сразу после захвата власти, «под горячую руку».

Таким образом, попытка — с негодными средствами — освободить их — не только была обречена на провал, но сделала бы нас фактическими виновниками их гибели. Но даже если бы случилось невероятное и удалось бы освободить их из заточения — не было ни малейшего шанса вывезти их за пределы власти большевиков.

Как мало некоторые из нас тогда сознавали, что такое большевики, и предполагали у них все же хоть какие-то остатки человечности, показывает случай с одним из слушателей академии полковником Слефогт[ом]. Офицер одного из пехотных полков варшавской гвардии, кавалер ордена Св. Георгия, тяжело раненный — ему ампутировали ногу, — он лежал во время войны в лазарете в Царском Селе, где за ним ухаживала, как сестра милосердия, государыня Александра Федоровна. Слефогт пошел в екатеринбургский совет — просить разрешения на свидание с императрицей, объясняя желание ее видеть глубокой благодарностью, которую он к ней испытывает. Ему не только отказали в его просьбе, но оставили там в заключении.

Моя жена и жена барона Деллингсгаузена, стрелка императорской фамилии, пошли просить о свидании с Слефогтом. Их допустили, и они могли даже передать ему пакет с бельем и едой и поговорить с ним. Никаких последствий для наших жен этот их «поход» не имел. О дальнейшей службе Слефогта мы больше ничего узнать не смогли.

Иллюзия, что большевизм, может быть, не так страшен, начала постепенно исчезать. Противоречило этому, однако, казавшееся до какой-то степени гуманным и непонятым отношением большевиков к членам императорской фамилии.

О том, что они здесь, в одном с нами городе, я узнал, встретив случайно на улице камердинера великого князя Сергея Михайловича. Хотя я был у великого князя всего два раза —

при производстве в офицеры л[ейб-]гв[ардии] конной артиллерии в 1913 году, а затем в день Нового года, — камердинер узнал меня. Он мне сообщил, что великого князя привезли сюда. Поселили его вместе с камердинером в маленькой комнате в частном доме. Им дают небольшое пособие на жизнь. Великий князь пользуется относительной свободой и может выходить из дому.

На мой вопрос — можно ли его навестить — мой собеседник, подумав, ответил утвердительно. Попросив его доложить великому князю, что на другой день к вечеру я явлюсь к нему, я с ним расстался.

Великий князь встретил меня очень приветливо, даже радостно. По-видимому, я оказался первой для него «отдушиной» за последнее время, человеком, с которым он мог говорить откровенно.

Он вспоминал с большой любовью лейб-гвардии конную артиллерию, в которой служил с молодости и затем командовал ею до назначения его инспектором артиллерии российской армии. Интересовался судьбой наших офицеров.

От него я узнал, что в Екатеринбург привезли тоже великую княгиню Елизавету Федоровну, князей Иоанна, Константина и Игоря Константиновичей и князя Владимира Палей, двоюродного брата императора Николая Второго. Он мне дал название гостиницы, где их поселили, и сказал, что они так же «свободны», как и он сам. На мой удивленный вопрос — каким образом им предоставляют такую относительную свободу, он ответил: «Государь — наш заложник».

Просидев у великого князя часа два, я случайно сказал, прощаясь с ним, что единственное место в Екатеринбурге, где все почти как при старом режиме — это рысистые бега. Комиссары любят играть на бегах, поэтому рысаков не реквизируют. Великий князь заинтересовался: «Я так любил бега. Как бы мне хотелось еще хоть раз попасть на них». Я предложил ему, что в ближайшее воскресенье мы с женой возьмем ложу и будем ждать его. Он согласился.

На другой день после посещения великого князя, я, после занятий в академии, отправился в гостиницу, где жили князья. Иоанна и Константина Константиновичей я не видел. С ними я не был лично знаком, поэтому не имел основания добиваться свидания. Впрочем — может быть, Иоанн Константинович меня бы и вспомнил. Когда я перешел из 7 класса Пажеского корпуса в младший специальный, летом, во время каникул, когда все камерпажи отсутствовали, я был проездом в Петербурге. Неожиданно меня назначили быть на свадьбе князя Иоанна Константиновича с Еленой Петровной Сербской в качестве пажа при его матери, великой княгине Елизавете Маврикиевне.

С князем Игорем Константиновичем я был на «ты». Он поступил в младший специальный класс Пажеского корпуса, когда я был фельдфебелем, значит — его «начальством». А князь Владимир Павлович Палей был в Пажеском корпусе товарищем по классу, другом и постоянным соседом по парте моего младшего брата и бывал у нас дома, когда собиралась молодежь. С ними обоими я вспоминал казавшиеся уже такими далекими счастливые дни. В разговоре с ними я затронул вопрос о возможности их побега. Хотя великий князь и говорил мне накануне о недопустимости даже мысли об этом, мне хотелось знать — было ли такое же предупреждение сделано князьям. Не успел я и заикнуться об этом, как оба категорически заявили, что ставить под угрозу жизнь царской семьи было бы с их стороны безумием. Но им, как и нам, и в голову не приходило, что большевики предрешили убийство

царя и его семьи. Ведь следственная комиссия Временного правительства старалась найти «преступления» царя и царицы перед Россией, но принуждена была признать, что никаких преступлений не было.

Прощаясь, я предложил Игорю Константиновичу и Володе Палей прийти к нам на дру-гой день к ужину. Игорь Константинович отказался: «Не хочу подводить тебя». Мои воз-ражения, что за мной все равно будут следить после посещения великого князя, на него не подействовали. Это была последняя моя с ним встреча. Зато Палей охотно согласился.

В условленное время мы с женой и приглашенными нами к ужину бароном Деллингсгаузеном с женой ждали появления Палея. Деллингсгаузен был тоже слушателем нашей академии. Как и я в 1913 году, он был в 1911 фельдфебелем Пажеского корпуса и личным камер-пажом государя. С ним я мог говорить обо всем совершенно откровенно.

Из окна мы увидели, как Палей подошел и подъезду, сопровождаемый двумя чекистами. Я спустился, чтобы впустить его в дом. Чекисты остались у подъезда.

Моя жена до замужества встречалась с Палеем у нас дома. Почувствовав себя среди друзей, в нашей уютной комнате, Палей, видимо, наслаждался. «Вечер под зеленой лампой», мечтательно сказал он, смотря на стоящую на столе лампу под зеленым абажуром. С грустной иронией констатировал он, что его, сына великого князя и двоюродного брата императора, не считали при монархии принадлежащим к дому Романовых, т.к. брак его отца был мorganатическим. Теперь же, когда монархия рухнула, его причислили к императорской фамилии...

Еще в младших классах Пажеского корпуса он писал стихи. Моей жене они нравились. Одно она даже запомнила и начала декламировать. Володя был тронут. Исправлял неко-торые неточности. На вопрос жены — пишет ли он теперь — он ответил утвердительно. Прочитал нам на память несколько своих последних стихотворений. На нас они произвели большое впечатление. В них уже была глубина и зрелость. Жена просила его переписать стихотворения и принести ей. Он обещал. Условились о дне.

Прощание было трогательным и грустным, как будто чувствовалось, что это наша с ним последняя встреча. Я проводил его до улицы. Чекисты, простоявшие у подъезда около трех часов, безмолвно двинулись за ним...

В воскресенье мы с женой приехали на бега заблаговременно, взяли ложу и стали ждать великого князя.

Вскоре мы увидели его высокую фигуру в штатском пальто и серой офицерской папаше. За ним по пятам шли два чекиста. Я представил Сергию Михайловичу мою жену. Чекисты, как парные часовые, стали позади нашей ложи.

На бегах был офицер-артиллерист, слушатель академии. Он через меня выразил желание представиться великому князю. Сергей Михайлович согласился, но с условием, что тот про-сто пожмет ему руку и без титулований. Забыв от волнения мои наставления, он стал навью-тяжку перед великим князем и представился так, как это делалось в старое время.

Когда бега кончились, Сергей Михайлович тепло распрощался с нами и направился к выходу. Чекисты, как мрачные тени, побрели за ним...

Моя связь, на глазах у всех, с членами императорской фамилии не имела для меня ни-каких последствий. Меня никуда не вызывали, никто меня ни о чем не спрашивал. Слабая надежда, что царской семье ничего, кроме заключения, не грозит, начала переходить почти в уверенность.

В условленный день и час мы ждали у нас Палея и не дождались. На другой день я пошел в гостиницу и выяснил, что их всех увезли. Мне дали понять очень решительно, что дальнейшие вопросы неуместны... Все же ничего ужасного я не допускал, считая, что их просто не хотели оставлять в одном городе с царской семьей. Лишь позже, после освобождения белыми Урала, выяснилось, что их зверски умертвили, засыпав их, некоторых еще живыми, в заброшенных шахтах Алапаевска.

Моей жене запомнились две последние строчки стихотворения, которое прочитал нам Владимир Палей в Екатеринбурге:

«Родные, близкие так жутко далеко,
А недруги так жутко близко...»

В двадцатых годах, когда мы были эмигрантами в Берлине, моя жена записала на свежую память наши встречи с великим князем Сергием Михайловичем и князем Владимиром Палей в Екатеринбурге. Это было напечатано в журнале «Двуглавый орел». Впоследствии мать Володи Палея, княгиня Палей, перевела на французский язык часть рассказа, относящуюся к встрече с ее сыном, и опубликовала ее в своих воспоминаниях, изданных отдельной книгой «Souvenirs de Russie». Книгу эту, с любезной надписью, она прислала моей жене. К сожалению, и журнал, и книга остались в Вене, когда нам спешно пришлось «бежать» оттуда при входе советских войск.

В начале июля мы держали в академии выпускные экзамены. Вскоре выяснилось, что во главе, голова в голову, идут двое: Л.К. Гершельман, офицер л[ейб-]гв[ардии] 3-й артиллерийской бригады... и я.

За все экзамены мы получали высший балл — 12. Остальные далеко отстали от нас. Все с интересом следили за нами.

Последний экзамен был легкий для нас, артиллеристов. Не тактика артиллерии, а общие понятия, на уровне, доступном другим родам войск. Вытянул я мало выигрышный билет и узнал, что получил не 12 баллов, а только одиннадцать с половиной. Гершельман же получил 12 и оказался первым, а я вторым.

Не могу не упомянуть, что единственный из всех слушателей академии, с которым, после долгого перерыва восстановилась связь, это Лев Карлович Гершельман. Иммигрировав в Америку в 1950 году и попав в Калифорнию, я узнал, что он в Сан-Франциско. С тех пор и до настоящего — 1975 года — наша личная связь не прекращалась²³⁰⁹.

Ко времени окончания академии нашим курсом в Сибири выступили против большевиков чехи и русские партизаны. Против них большевики начали создавать Восточный красный фронт. Так как намечалась некоторая угроза Екатеринбургу, начиналась уже подготовка к эвакуации советских учреждений. Решено было эвакуировать и академию со всеми только что окончившими курс офицерами в Казань. Этот город считался большевиками наиболее безопасным. Недаром там они держали весь российский золотой запас.

Часть наших офицеров, в их числе и я, считали, что отъездом в Казань мы свяжем себя навсегда с советской властью. Не было сомнения в том, что теперь, когда мы окончили курс академии, все мы будем назначены в Красную армию. Тех из нас, кто по линии наименьшего сопротивления примирился с мыслью эвакуации вглубь советской территории, я и некоторые

²³⁰⁹ Приложение № 1 (примеч. К.В. Семчевского). Речь идет о письме Л.К. Гершельмана, публикуемом после мемуаров Семчевского.

другие считали чуть ли не предателями... Теперь, когда прошло больше полувека с тех судьбоносных дней, я не вполне уверен в моей правоте. Возможно, что у некоторых из уезжавших в Казань были свои планы. И даже те, которые — может быть — примирились с мыслью попасть в Красную армию, могли считать, что инфильтрировав ее, они «изнутри» могут лучше послужить России? Кто знает?... Но тогда я и другие были к ним непримиримы.

Для нас, считавших службу в Красной армии неприемлемой, наступала решительная минута. Надо было действовать без промедления К этому времени часть офицеров, абсолютно доверявших друг другу, объединилась, чтобы принять совместное решение. Как-то само собой получилось, что во главе нашей небольшой группы оказался один из слушателей, подполковник Румша, поляк, но определенный русский патриот. Ему было уже за 30 лет, его прошлое до некоторой степени объяснило наше к нему доверие. Во время войны он, будучи раненым, попал в плен к немцам. Из плена бежал, но был схвачен на границе с Швейцарией и посажен в особо охраняемый лагерь. Оттуда снова бежал и смог перейти швейцарскую границу. Вернувшись в Россию, он опять оказался в действующей армии.

Руководителем мы его не выбирали. Был ли у него какой-то особый магнетизм, вызывавший доверие к нему? По-видимому, был. Мы без критики принимали его указания, которые могли бы казаться фантастическими. Как показало ближайшее будущее — мы не ошиблись. Все его действия и решения, похожие на приключенческий роман, оказались обоснованными. Все, с начала до конца, прошло согласно его плану. То, что мы смогли соединиться с «белыми» вместо эвакуации, заслуга не наша, а его. Забегая вперед, скажу, что после нашей успешной операции Румша занялся организацией польских частей и возглавил созданную им польскую дивизию, которая честно боролась с красными наравне с русскими частями. Как и когда, после крушения Белого движения в Сибири, дивизия эвакуировалась через Владивосток в Польшу, я не знаю. Впоследствии, будучи в эмиграции, я никогда, при известиях из Польши, его имени не слышал. Возможно, его убеждения не соответствовали духу молодой польской республики.

А теперь возвращаюсь назад, к нашим последним дням в Екатеринбурге. Списки наши с результатами экзамена были посланы в Москву Троцкому. Вскоре после этого мне сказали в академии, что меня метят на ответственную должность в Красной армии. От перспективы стать чем-то вроде «красного генерала» мы с женой пришли в ужас. Решили, что так или иначе, но эвакуироваться в Казань я не могу.

Наша тайная организация состояла из пятерок. Старшие, верней, связные в пятерках поддерживали связь с Румшей. Я был связным в одной из пятерок, поэтому раньше других узнавал о его планах.

Вербовкой в нашу группу мы, естественно, заниматься не могли. Румша требовал от нас исключительной осторожности. Никаких собраний мы не устраивали, чтобы не вызвать подозрения. Связные в пятерках поддерживали связь со своей пятеркой в одиночном порядке. Все правила конспирации соблюдались.

Из обмена мнений между пятерками и Румшей выяснилось, что открытое выступление кучки офицеров в городе — даже если бы удалось как-то достать оружие — по общему убеждению обречено на провал. Оно вызвало бы кровавые репрессии не только против нас. Пострадали бы наши семьи и заключенные в доме Ипатьева.

Другой выход был — достать оружие, соединиться как-то с белыми партизанами, захватить город вместе с комиссарами и обменять их на заключенных.

Самым тяжелым был вопрос — как быть с женами. Румша считал, что пробиться к белым через красный фронт могут только опытные бойцы. Да и женщины физически не выдержат такого похода.

Для меня это было самым трудным решением моей жизни. Пробиваться к белым, оставив жену у большевиков, может быть, на растерзание ими? Или пожертвовать своими убеждениями, своей честью — и остаться у большевиков? И то, и другое я считал для себя невозможным. Но третьего выхода я не видел.

За эти два-три дня мучительных попыток найти выход из казавшегося безвыходным положения я еще больше — если это было возможным — полюбил жену. К моей любви прибавилось преклонение перед ее бесстрашием, патриотизмом и несокрушимым оптимизмом.

Румша знал и об этой нашей проблеме и включил ее в свой план. Он показался мне сначала фантастическим. В этом плане было разработано, даже предreshено, все: как добыть оружие; как обеспечить жен и семьи, остающиеся в городе; как незаметно нам выйти из города и собраться там, где будет спрятано оружие; где и как легче будет подойти к фронту и пробиться через него; и, наконец, как вместе с партизанами окружить и захватить Екатеринбург.

Основой плана Румши были его отношения с одним из слушателей нашей академии, капитаном Буровым.

Буров — талантливый и честолюбивый офицер — сразу же после экзамена добровольно пошел служить большевикам. Вскоре был назначен начальником разведки в екатеринбургском штабе войск. По городу он ездил в пролетке в красной кожаной куртке, обвешанный пулеметными лентами. Справа и слева на подножках стояло по красноармейцу — охрана от покушения на него со стороны врагов советской власти.

Румша знал Бурова лучше, чем мы, и верил, что, несмотря на этот маскарад, — Буров — «наш». Мы в этом далеко не были уверены.

Где и как они встречались — я не знаю. Буров сообщил Румше, что есть списки «неблагонадежных» слушателей академии и что могут быть аресты. Он обещал помочь достать оружие и указать — как легче пробиться к белым.

Сразу же все начало исполняться по плану. Буров дал Румше письменный приказ для какой-то красноармейской части, с печатью штаба войск, на получение со склада 40 винтовок, двух пулеметов Люиса и патронов. Но как получить оружие, чтобы не вызвать подозрений? Румша выбрал трех офицеров. Двум он приказал не бриться и одеться в старые шинели. Они должны были походить на красноармейцев. Третий — в штатском — должен был играть роль комиссара. Им предстояло «реквизировать» за городом подводу с лошастью и в полдень, по главной улице города, ехать за оружием. Тут Румша делал ставку на психологию: кому придет в голову, что безобидная подвода, в разгар дня, по главной улице везет «врагов народа»? Благополучно добравшись до склада, они получили два больших ящика с винтовками, ящик с пулеметами и ящик с патронами.

Куда везти оружие, верней, забытые ящики? Движение в сторону фронта может привлечь внимание. Поэтому Румша приказал — на запад, в обратную от фронта сторону, и спрятать ящики в лесу, недалеко от дороги, верстах в восьми от города. Место это разведка сам Румша.

Одного я не знаю — почему Румша не приказал им вскрыть в лесу ящики, чтобы убедиться, что в них действительно винтовки, а не камни или кирпичи? Может быть, он боялся,

что, разбивая эти прочные ящики, они привлекут непрощеное внимание? Или, может быть, он настолько доверял Бурову, что не боялся предательства?

Мы же до последней минуты не были уверены, не идем ли мы в западню.

Трудной частью плана было — как обеспечить семьи от опасности быть арестованными и ликвидированными, если наше отсутствие будет замечено. И это было продумано Румшей. Ясно, что если мы просто исчезнем из города, наше отсутствие обнаружат самое позднее при посадке академии в эшелон для эвакуации. По совету Румши, мы — женатые и семейные — отправились к начальнику академии и сообщили ему о желании добровольно вступить в части армии на Восточном фронте. Мы знали, что там абсолютный недостаток офицеров Генштаба, и думали, что наше назначение может состояться без задержки. Генерал Андогский, может быть, догадывался о причинах нашего «энтузиазма», но сделал вид, что принимает все за чистую монету. Каждый из «добровольцев» получил от штаба предписание отправиться к месту службы на Восточном фронте, как мы и хотели. Для устройства личных дел было дано несколько дней. Затем, ввиду расстройств транспорта, еще несколько дней могло потребоваться, чтобы добраться до места службы. А если мы там не появимся — пройдет еще два-три дня, пока сведение об этом дойдет до Екатеринбурга. Значит — у нас будет 10–12 дней, в течение которых наше отсутствие не вызовет вопросов. За это время мы не только должны пробиться к белым, но и взять вместе с ними Екатеринбург. Иначе нашим женам, как возмездие за «предательство» мужей, грозит неминуемая смерть.

Курьезно одно обстоятельство: получив назначение, мы отправились в казначейство и получили прогонные деньги. Так большевики невольно обеспечили наших жен на время нашего отсутствия.

Моя жена решила остаться в нашей комнате. Спешное переселение могло показаться подозрительным. И я не буду знать — где искать ее по возвращении...

Чтобы не вызывать внимания к нашему выходу из города, Румша назначил каждой пятерке особый маршрут к сборному пункту, где было спрятано оружие. Выходить за черту города должны были по одиночке или по два, а затем соединяться в пятерки. Тут он немного перемудрил: мне, например, он дал такой сложный путь, что мне пришлось действовать по-своему. Согласно плану, моя пятерка должна была выехать из города на лодке по реке, а затем идти через поля и пашни к сборному пункту. Накануне я должен был произвести разведку пути, чтобы на другой день, в сумерках, не ошибиться направлением. Шел дождь. Брать лодку на «прокат» могло бы вызвать подозрение. Поэтому я решил идти по кратчайшему направлению.

Погода 17 июля была хорошая. Чтобы создать впечатление пикника при выходе в лес за черту города, жена предложила пойти до опушки леса со мной и капитаном Мягковым, одним из нашей пятерки. В корзиночке жены, под бутербродами, которые она заготовила для меня, был мой злосчастный наган в кобуре. Когда мы вошли в лес, мы наткнулись на сидевших там нескольких красноармейцев. Мягков стал с ними заговаривать, стараясь подделаться под народный говор. «Молчите, — прошептала жена, — вы нас погубите, несчастный. Ведь сразу видно, что вы офицер».

Пройдя еще немного, мы остановились. Перекрестили друг друга с женой. Я надел кобурю на поясной ремень. Жена одна, минуя красноармейцев, пошла медленно обратно в город...

В лесу, как было условлено, к нам присоединились остальные три члена нашей пятерки. Шли лесной дорогой. Вечер стал переходить в ночь, но направления мы и в темноте не

теряли. Когда оставалось, по нашим расчетам, около версты до сборного пункта, раздалась частая стрельба. Казалось, прямо с места сборного пункта. Предательство? Ловушка? Буров спровоцировал нас, чтобы сразу переловить всю организацию?! Что делать? Идти назад?... Решили — продолжать. Когда сборный пункт должен был быть совсем близко, сошли с дороги. Когда услышали голоса — поползли. Я, как единственный «вооруженный», полз впереди, держа наган в вытянутой руке. Слышу шорох. Как будто кто-то ползет навстречу. Сползлись нос к носу. Свой! «Что случилось?» — «Не знаю. Поблизости стреляют. Румша здесь».

Вскочили. В темноте различили фигуры. Румша нас построил. Пересчитал. Тридцать семь с ним вместе. Не хватает пятерых. Вероятно, наткнулись на советский дозор, и это по ним стреляли. Но времени терять нельзя.

Румша — высокий, сильный, здоровый — взял принесенный им топор и стал расколачивать ящики, а мы с напряжением ожидали — что в них. Сначала первый ящик, большой. Винтовки!!! Значит — Буров не предатель! Дальше. Опять винтовки, затем пулеметы, патроны.

Разобрали оружие. Некоторым пришлось нести по две винтовки. Оставлять оружие в лесу не хотели.

— Ну, с Богом! Пошли! — сказал Румша. Двинулись по компасу и по звездам. Настоящей карты не было.

Шли лесной дорогой. Впереди — дозорный. В случае опасности должен был свистеть как птица. До рассвета надо было пройти как можно больше. Днем придется лежать в чаще, укрывшись в высоком папоротнике.

Критическим местом была река Чусовая. Ее можно было перейти только по мосту. Но Буров предупредил, что около моста заимка и в ней несколько красноармейцев — охрана моста.

Румша решил — раз до фронта еще далеко — едва ли ночью на мосту будет часовой. Да, но на заимке, вероятно, есть собаки. Вскочат. Залают. Разбудят охрану. Даже если удастся их ликвидировать — мы себя слишком рано обнаружим. До фронта не дойдем.

Когда ночью подошли к Чусовой, увидели несколько изб у моста. «Теперь будем дразнить собак», — сказал Румша. Выслал одного к мосту. Действительно, собаки почуяли и залились лаем. Потом затихли. В темноте различили какие-то фигуры. Когда они скрылись, к мосту пополз другой, опять собаки залаяли. Так продолжалось несколько раз. «Ну, а теперь пойдём. Надеюсь, охрана решила, что собаки — просто пустолайки», — сказал Румша.

Прошли мост на цыпочках. Собаки тявкали, но никто не вышел из домов.

Когда начало светать, сошли с лесной дороги и углубились в тайгу. Расположились на привал, укрывшись под папоротниками. Предполагалось, что мы должны выспаться, чтобы быть бодрыми к следующему ночному походу и готовыми к возможным неожиданностям. Но нам было не до сна. Спать днем было вообще непривычно. Но, главное, слишком мы были возбуждены от всего произошедшего за последние дни, от мыслей и страха за своих близких, оставшихся в Екатеринбурге, и от первого знакомства с сибирскими комарами, которые нас буквально сжирали. Оказавшись среди несомненных единомышленников и вне пределов власти чекистов, мы впервые могли открыто обсуждать все, что нас волновало последнее время. До некоторых, перед самым нашим уходом, дошел слух, что что-то произошло в Ипатьевском доме. Были и ужасные предположения. Но большинство склонялось к тому, что в ходе эвакуации увезли и царскую семью. А что мрачные слухи распускали, чтобы замести следы увоза.

Дальше шли только по ночам, а днем скрывались в лесной чаще. Комаров стали чувствовать меньше, образовалось что-то вроде иммунитета. Зато за страдания от комаров тайга компенсировала нас массой земляники, которая помогла каждому растянуть до конца похода свой «запас» продовольствия.

Один раз, когда шли ночью, услышали свист нашего дозорного. Сойдя с дороги, мы легли в чаще, затаив дыхание. Видели в темноте, как в нескольких шагах от нас шли пешие — очевидно, красноармейцы — подвода и несколько пушек. У меня, а возможно, и у других, был соблазн попользоваться этот исключительный шанс и, пользуясь внезапностью, уничтожить небольшой большевистский отряд. Но мы все помнили строгий наказ Румши избегать каких-либо боевых действий до достижения линии красного фронта, т.к. иначе мы не сможем выполнить нашу основную задачу.

Когда, по нашим расчетам, мы были уже недалеко от фронта, рассвет застал нас около большого села на открытом месте. Идти дальше нельзя, нас сразу обнаружат. Залегли в небольшом перелеске около села. На опушке выставили охранение.

Через некоторое время охранение увидело, что к селу подходит разъезд. Судя по посадке — казаки. Мы выползли на опушку и стали наблюдать. Действительно — казаки. Красные? А может быть, и нет?

Капитан Политковский, военный летчик, уже при получении оружия в Екатеринбурге игравший роль комиссара и бывший и теперь в штатском, вызвался пойти в разведку. Окольным путем, чтобы не обнаружить нашего места, пошел в деревню. Мы с напряжением ждем. Наконец, из села, направляясь прямо к нам, появились казаки. Между двумя, едущими впереди, Политковский. Когда подошли совсем близко, он закричал: «Свой!»

Мы радостно высыпали из перелеска, решив, что, каким-то чудом, мы незаметно прошли линию фронта.

Румша построил нас, против нас построился казачий разъезд. Оба командира скомадовали: «Смирно!» Старший в разъезде казак спешился и пошел навстречу Румше. Они обменялись крепким рукопожатием. Мы прокричали «ура». И тут выяснилось, что никакого фронта мы еще не перешли. Казачий разъезд, действительно «белый», пробрался в советский тыл. Вероятно, еще можно без боя проскочить через линию фронта там, где совсем недавно прошли казаки.

Не теряя времени, они реквизируют в селе для нас подводы. Мы «под конвоем» казаков помчались в сторону фронта. Часа через полтора мы были уже у белых — чехов и казаков, в районе завода Северский.

Командующий чехами, прапорщик Чилла, не хотел сначала верить, что мы тоже «белые». Однако он скоро убедился в этом. Даже выставил каждому из нас удостоверения, помеченные 24 июля²³¹⁰. Румша, на основании данных, полученных от Бутова, ориентировал чехов и казаков о положении на красном фронте. Мы стали настаивать на немедленном общем переходе в наступление.

Наше наступление началось утром 25 июля. Красные отходили, не принимая боя.

28 июля рано утром наш маленький офицерский отряд вошел впереди чехов в Екатеринбург. Немного раньше, с другой стороны, в город вошли чехи под «водительством» полковника Войцеховского, в будущем командующего одной из сибирских армий.

²³¹⁰ Приложение № 2 (примеч. К.В. Семчевского). Документ опубликован в основной части книги.

Войдя в город и не зная обстановки, мы не могли разойтись по домам. Увидав на площади какого-то мальчишку, я дал ему адрес дома и сказал: «Беги, скажи барыне, что муж пришел и будет на площади».

Вскоре примчалась жена и мы бросились друг другу в объятия. Что она пережила за пять дней моего отсутствия, ожидая каждую минуту, особенно ночью, что за ней придут, — это особая страница нашей личной жизни, и я не в силах ее написать.

Казалось, ничто не может затмить наше личное счастье. Мы ошиблись: по городу ходили слухи, что царскую семью не эвакуировали, а случилось что-то непоправимое. Надежда, что их увезли в процессе общей планомерной и законченной до освобождения Екатеринбурга эвакуации, не оправдалась. Следы в подвале дома Ипатьева — еще до нахождения следов в Коптяках — оставляли мало сомнения в тайном изуверском убийстве всей царской семьи, казавшемся до этого невероятным и даже невозможным....

К тому, что было позже выяснено и написано об этой великой трагедии нашей истории, я ничего нового прибавить не могу.

Сразу по нашем возвращении в Екатеринбург к нам присоединилось небольшое число бывших слушателей академии, сумевших избежать эвакуация. Некоторые ушли в лес, другие укрылись где-то в городе. Появилась и наша «пятерка», которая не дошла до сборного пункта. Как мы и думали, они наткнулись на красный дозор, открывший по ним огонь. Считая, что нас предали, они скрывались в лесу все эти дни. В городе оказался и Буров, так много сделавший для нас. Он сразу занялся писанием каких-то политических проектов, которые, кажется, отправлял в Омск, от лица «белой» Сибири. В каком духе он писал — не знаю. Вероятно, его проекты не встретили сочувствия, т.к. в Омск его не вызвали.

Из администрации академии в Екатеринбурге остался полковник Бангерский. Он объединил нас и объявил себя начальником гарнизона города. Я получил назначение, которое так записано в моем послужном списке: «Назначен заведующим службой Генерального штаба в штабе по формированию армии в городе Екатеринбурге 1918 июля 28. Приказ по штабу № 1». Срочной моей задачей явилась регистрация находящихся в городе б[ывших] слушателей академии с данными об их предыдущей службе. Списки эти отправлялись в Омск, в штаб армии. Одним из первых оказался вызванным в Омск я сам. 17 августа я был назначен помощником начальника оперативного отделения штаба Сибирской армии (штаб-офицер Генерального штаба).

О судьбе академии мы узнали еще в Екатеринбурге. В Казани неожиданно произошло восстание, руководимое полковником Каппелем. В числе захваченных восставшими оказалась и академия Генерального штаба. По слухам, генерал Андогский сумел убедить «белых», что он не противился эвакуации академии в Казань, имея данные, что там будет переворот.

Лично я и многие из нас, тридцати семи, считали тогда — может быть, огульно и поэтому несправедливо, — что все уезжавшие в Казань психологически связали свое будущее с советской властью и что нам с ними не по пути. Это вызвало в дальнейшем известный раскол среди «новых» офицеров Генштаба в Сибири. Эвакуировавшиеся в Казань попали «наверх», в Ставку адмирала Колчака, с генералом Андогским в роли 1-го генерал-квартирмейстера Ставки и несколькими профессорами академии на ответственных постах. Но это уже выходит из темы данных моих воспоминаний.

Константин Семчевский

Написав мои воспоминания об Екатеринбурге, я послал копию Л.К. Гершельману с просьбой сообщить мне, есть ли в них какие-либо неточности или ошибочные мнения.

Гершельман не только был близок мне, как «конкурент» в академии — он кончил ее первым, а я вторым, — но и дальнейшая его роль в Сибири до известной степени идентична с моей.

Он, как и я, был в офицерском отряде 37, пробравшемся из Екатеринбурга к белым. Как свидетельство — прилагаю его подлинное письмо от 28 марта 1975 года²³¹¹.

Константин Семчевский

Дополнение к воспоминанию об Екатеринбурге, написанное Е.В. Семчевской²³¹²

Как только муж вошел в комнату, я сразу поняла по его лицу, что все было решено. Мне оставалось только услышать подробности.

Он схватил меня за плечи, сказал тихо:

— Да, все решено. Наш отряд попытается пробиться через фронт и затем вместе с другими освободить город. Тебя я не могу взять, — прибавил он еще тише. — Румша считает, что женщины не выдержат.

Я попыталась остаться спокойной хоть для виду. Это, вероятно, мне плохо удалось.

— Ну, что ж, — сказала я, — раз другого выхода нет...

— Некоторые жены пойдут в женский монастырь. Они думают, что монашки согласятся их приютить. А как ты?

— Нет, — ответила я решительно, — я останусь здесь. Буду ждать тебя дома.

Видя, как он страдает, я прибавила:

— За меня не беспокойся. Все будет хорошо. И я помогу тебе выйти из города. Сделаем вид, что идем на пикник.

В назначенный день лихорадочно готовилась к «пикнику». Заготовила столько еды, что только часть поместилась в небольшую корзинку, на дне которой лежал револьвер.

Мы благополучно добрались до опушки леса. Я передала мужу корзинку. Мы простились...

Солнце уже садилось, когда я вернулась в свою тихую комнату. Заперла дверь на ключ и наконец смогла предаться своему отчаянию.

Как сквозь сон помню, как я долго стояла на коленях перед образом и молилась все той же привычной с детства молитвой: «Господи, Боженька, помоги нам. Господи, сохрани мне его. Господи, помоги нам....»

²³¹¹ Текст письма был следующим: «Дорогой Константин Васильевич.

С большой благодарностью возвращаю твой манускрипт.

Прочитали его с захватывающим интересом. В нем ты дал так много истинных, исторических ценностей, что опубликовать его считаю обязательным. Если это сделаешь и у тебя будет лишняя копия, будь добр, пришли ее мне.

Надеюсь, Елена Васильевна и ты здоровы и у вас все благополучно.

Пожалуйста, поцелуй ручку Елене Васильевне.

Крепко жму твою.

Искренне твой Лев Гершельман».

²³¹² Далее К.В. Семчевским отмечено: «Мне трудно писать о том, что пережила жена за последние дни в Екатеринбурге, до освобождения города. Поэтому привожу ее рассказ». Опубликовано в: *Семчевская Е.* Последние дни в Екатеринбурге // Наши вести. 1979. Янв.–март. № 374 (2675). С. 7–8.

Потом, как была, бросилась на кровать, чувствуя страшную слабость.

В дверь раздался стук. Приглаживая на ходу волосы и вытирая распухшее от слез лицо, я впустила свою неожиданную и в эту минуту особенно нежелательную гостью.

Это была одноглазая старуха, мать коллеги мужа по академии, довольно злая сплетница.

Так как ее сын, которого она властно держала в полном подчинении, был в какой-то командировке, она, оставшись одна, уделяла нам слишком — по-нашему — много внимания и «заботы».

Она уселась в кресло, оперлась короткими толстыми руками в свои толстые колени и впиалась в меня своим круглым, пронзительным единственным глазом.

— Я вижу, вашего мужа тоже нет, — сказала она.

— Ушел... по делу, — промямлила я.

— Удивительно. Все мужья куда-то разбежались. По-ра-зительно.

— Я... я тоже собиралась пойти погулять... Такая чудная погода.

— Тут не в погоде дело. Тут... тут что-то другое. Должна сказать — не ожидала, что вы все будете какие-то секреты от меня иметь... Нет того, чтобы посоветоваться с опытной, старой женщиной. Ах, эта молодежь.

На минуту в комнате воцарилось напряженное молчание.

— Сегодня утром я зашла в комиссариат, — начала старуха снова, — по своему делу. Пока ждала очереди, дверь кабинета комиссара распахнулась. Оттуда вышел его помощник. Комиссар ему что-то сказал. Я не разобрала всего, но расслышала конец фразы — арестовать и взять заложницами. В четыре часа утра.

Что-то злорадное, мстительное было в выражении ее глаза. Я еще крепче впиалась руками в ручки своего кресла. «Только бы не выдать своего волнения... Только бы сохранить спокойствие хоть по виду...»

— Почему заложницами? А где мужья? Куда скрылись? — сама себе задавала вопросы моя мучительница отдельно и беспощадно, и острый ее глаз испытующе пронизывал меня.

— Они, вероятно, каждый день арестовывают, — пробормотала я, — и к этому придется привыкать.

— Ну, я пошла. С вами сегодня, вижу, уютно не поболтаешь. И мне еще ко многим надо заглянуть.

Как только она ушла, я заметалась по комнате. Кто знает — не касается ли подслушанная фраза комиссара именно нас, жен?

В который раз я достала из-под кровати разодранную и связанную узлами простыню. Мы жили во втором этаже с окнами на улицу. Мой план был — если услышу звук подъезжающего «черного ворона», помчаться в кухню, оттуда спуститься в сад и бежать к реке. Там еще сегодня утром была старая лодка. На ней спуститься вниз к слободе, где у нас были знакомые. В узелке тут же была уложена смена белья, самые дорогие письма родных и фотографии.

В доме было жутко тихо. Хозяйева «буржуи» опять куда-то скрылись. Прислуга тоже разбежалась. Я была одна, совсем одна...

Когда позже, в белой армии, я оставалась спокойной даже в самые опасные минуты, мне часто говорили: «Вы просто не понимаете опасности, поэтому можете смеяться и острить».

О, нет, я понимала все. Я знала, что каждая минута могла быть нашей последней. Но я тоже знала, что я, во что бы то ни стало, должна сохранять самообладание и бодрость.

И теперь мне казалось, что я действую разумно и логично. Надела теплое платье, пальто, повязала голову платком. Прилегла на кровать. Потушила свет, попыталась заснуть, но не смогла. Часы на площади беспощадно отбивали — час... два... три... четыре... Если старуха сказала правду, если сейчас приедут — что я скажу им?..

Один раз услышала звук автомобиля. Подкралась к окну. Нет — проехал мимо. На улице стало опять темно, по-ночному тихо.

Не приехали. Так прошла неделя мучительной тревоги, ожидания и полного одиночества.

На восьмой день, рано утром, я услышала детский пронзительный голос «Те-тя-а!»... Подбежала к окну. Внизу стоял карапуз. Увидел меня: «Скорей иди на площадь! Там твой муж».

Кое-как приведя себя на ходу в порядок, я помчалась туда. И там был он — осунувшийся, небритый, но сияющий.

Эта минута была одной из самых счастливых в моей жизни.

Елена Семчевская

BAR. K.V. Semchevskii Collection. Box 1. Подлинник. Машинопись.

Список лиц, подлежавших командированию на младший ускоренный курс академии. Лето 1918 г.²³¹³

Ф.И.О., бывший чин	Дата подачи рапорта о прибытии в академию (если есть). Не прибывшие на курсы рапортов не подавали	Местонахождение в августе 1918 г. после перехода академии в антибольшевистский лагерь
Азен-Азан Ян Густавович		
Алексеев		
Алексеев Михаил Васильевич	20.06.1918	В отпуску
Андерс Донан Иванович, капитан	04.06.1918	В Сибирской армии
Анисимов Алексей Порфирьевич	03.08.1918 (поступил уже в Казани)	В Народной армии
Аплок Юрий Юрьевич	07.06.1918	В РККА
Афанасьев В.М.		
Баданин Николай Терентьевич	22.06.1918	В Народной армии
Балаш (Болаш) Евсей Романович	07.07.1918	В Народной армии
Балод (Баллод) Карл Иванович	25.06.1918	В Народной армии
Бальчевский Станислав Казимирович	27.06.1918	В Народной армии
Белицкий Семен Маркович		
Белицкий Фаддей Казимирович	21.06.1918	В отпуску
Белобродский Иван Иустинович, штабс-капитан	24.06.1918	В Народной армии
Белоусов (Белоус) Николай Афанасьевич, штабс-капитан	25.06.1918	В Народной армии
Берзин Альфред Янович	?	

²³¹³ Впервые опубликовано в: *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. Справочные материалы. М., 2009. С. 520–524. Для настоящего издания список уточнен и дополнен данными о местонахождении слушателей после перехода академии на сторону антибольшевистских сил.

Богданов Алексей Васильевич	21.06.1918	В отпуск
Бойцов Яков Родионович	02.07.1918, по другим докумен-там — 08.07.1918 ²³¹⁴	В Народной армии
Боровков А.М.		
Брежнев Иван Петрович, поручик	21.06.1918	В Народной армии
Брезнев М.П.		
Бресме Роберт Индрикович	08.07.1918	В Народной армии
Брицин С.В.		
Бурин Петр Петрович	14.07.1918	В Народной армии
Вайнян Роберт Петрович	04.06.1918	В РККА
Васильев М.В.		
Винников И.И.		
Вишневецкий (Вишневецкий, Вишневский) Илья Романович		
Войтковский Б.В.		
Волков Аркадий Абрамович	13.07.1918, в командировке	?
Восканов Гаспар Карапетович		
Вывицкий Антон Марцианович	06.06.1918	В Народной армии
Высоцкий Болеслав Петрович, капитан	24.06.1918	В Народной армии
Вяткин Дмитрий Ильич	18.07.1918	В Народной армии
Гамбурцев Анатолий Николаевич, полковник	11.07.1918 ²³¹⁵	В Народной армии
Георгенберг		
Голиков Николай Андреевич (Карлович)	29.06.1918	В Народной армии
Голубятников Андрей Николаевич, ротмистр	21.06.1918	В Народной армии
Горский Николай Михайлович, подполковник	30.06.1918	В Народной армии
Григорович В.М.		
Григорьев Д.Д.		
Гридин Н.М.		
Данильчик (Данильченко) Иосиф Викентьевич	22.06.1918	В Народной армии
Дворкин Давид Абрамович	24.06.1918	В Народной армии
Дектер Ян Артур Иванович	23.06.1918	В отпуск
Длужневский Юлиан Георгиевич	21.06.1918	В РККА
Дмитриев П.Г.		
Дмитриев Павел Павлович	25.06.1918	В отпуск
Дозит К.М.		
Дьяконов И.З.		
Егоров Д.А.		
Егоров Федор Васильевич		
Елпатьевский Сергей Федорович	19.06.1918	В Народной армии
Ефимов Валентин Александрович	04.07.1918	В Народной армии
Ефимов Николай Алексеевич		
Жейнов Филипп Кириллович, подполковник (?)	23.06.1918	В Народной армии
Засецкий С.П.		
Иванов Василий Алексеевич	24.06.1918	В отпуск
Иванов Григорий Семенович	27.06.1918	В отпуск

²³²⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1643. Л. 9.

²³²⁵ Там же.

Ивановский Николай Михайлович	21.06.1918	В Сибирской армии
Изофов Павел Александрович	25.06.1918	В Народной армии
Иосифов Федор Семенович	21.06.1918	В Народной армии
Истомин Александр Андреевич	22.06.1918	В Народной армии
Казаков Н.П.		
Калининко Юрий Григорьевич	25.06.1918	В Народной армии
Кальнен Я.Я.		
Каляскин		
Кареев Борис Александрович	25.06.1918	В Народной армии
Катышев Семен Васильевич	06.07.1918	?
Кашицын В.П.		
Кашкин Михаил Яковлевич	30.06.1918	В РККА
Кибельчик М.Ф.		
Климовских Владимир Ефимович		
Клочков Владимир Николаевич		Переведен в старший класс
Козерадский Георгий Анастасович	21.06.1918	?
Кольчевский Александр Константинович	21.06.1918	В РККА
Коновалов Александр Никитич	09.07.1918	В отпуску
Кривцов Борис Гурьевич, капитан	21.06.1918, вычеркнут из списка	В Народной армии
Крылов Павел Никанорович, сотник	05.07.1918	В Сибирской армии
Кудалько		
Лапташевский Виктор Александрович	21.06.1918	В Народной армии
Лапшов Михаил Михайлович	07.07.1918	В Народной армии
Лацис Освальд-Август Петрович	25.06.1918	В РККА
Лебедев Сергей Петрович	17.06.1918	В Народной армии
Леви Лев Николаевич	21.06.1918	В отпуску
Лелин М.Ф.		
Липеровский Владимир Михайлович	21.06.1918	В Народной армии
Лобз Карл Иванович	22.06.1918	В Народной армии
Ловушкин-Ратихин (Ратихин (Ловушкин)) Александр Иванович	25.06.1918	В Народной армии
Львов Василий Васильевич	07.07.1918	В Народной армии
Любович Константин Адрианович (Андреанович)	20.06.1918	В Сибирской армии
Максимов Иван Федорович	21.06.1918	В РККА
Мантлевич Аркадий Петрович		
Масленников Иван Иванович	11.07.1918 ²³²⁶	?
Матасов И.И.		
Мевратник Л.И.		
Меднис Ян Яковлевич	08.07.1918	В Народной армии
Межевой Никон Николаевич	27.06.1918	В Народной армии
Микеладзе Владимир Давидович	23.06.1918	В РККА
Митрович Георгий Николаевич, поручик сербской армии	17.06.1918	В Народной армии
Монтлевич (Мантлевич) Аркадий Петрович	20.06.1918	В Народной армии

²³²⁶ Там же. Л. 10.

Морозов А.П.		
Музалевский В.М.		
Недоспасов Федор Иванович, полковник	22.06.1918	В Народной армии
Нейман К.А.		
Никонов Федор Павлович, подпоручик	16.07.1918, в командировке в Перми	В РККА
Новиков Иван Михайлович	21.06.1918	В Народной армии
Овчинников Георгий Иванович	08.07.1918	Попал в плен к чехословакам, арестован, сумел бежать
Оглоблин К.И.		
Орлов Георгий Алексеевич, гвардии капитан	19.06.1918	В Народной армии
Павишич Иосиф Маркович	24.06.1918	В Народной армии
Павлов М.А.		
Павлуновский		
Перлитов Н.И.		
Петровский Эдуард Фрицевич	21.06.1918	В Народной армии
Петухов Роман Платонович		
Пименов Павел Николаевич	25.06.1918	В Народной армии
Писарь-Писарев В.И.		
Погодин Петр Эрастович	01.07.1918	В Народной армии
Погосян Р.П.		
Поздняков Николай Семенович	29.06.1918	В Народной армии
Поляков Александр Алексеевич	25.06.1918	В Народной армии
Полянский Сергей Сергеевич	21.06.1918	В Сибирской армии
Разумовский Виктор Сергеевич, капитан	08.07.1918	В Народной армии
Рудник		
Русаков Петр Петрович (в документах также Русан, Русак)	14.07.1918	В отпуску
Рутин Василий Васильевич	25.06.1918	В РККА
Рыбаков Николай Павлович, капитан	21.06.1918	В Народной армии
Савельев Алексей Алексеевич	25.06.1918	В Народной армии
Савельев Сергей Георгиевич	25.06.1918	В РККА
Савинов П.Я.		
Самеруков К.И.		
Самойлович Семен Федорович	21.06.1918	В Народной армии
Сергеев Иван Федорович, штабс-капитан	25.06.1918	В отпуску
Сковронский Виктор Адольфович, капитан	28.06.1918	В Народной армии
Скуле Я.К.		
Слефогт (Слефохт) 2-й Иван Густавович	04.07.1918	?
Случевский Иван Васильевич, штабс-капитан	05.07.1918, отчислен	В Сибирской армии
Смирнов Михаил Всеволодович, поручик	25.06.1918	В Сибирской армии
Соловьев Сергей Валентинович, поручик	21.06.1918	В Народной армии
Ступин И.И.		
Судраб Петр Анджеевич (Андреевич), подпоручик	19.06.1918	В Народной армии
Сыцяно Алексей Александрович, штабс-капитан	24.06.1918	В отпуску

Тер-Арутинянс (Тер-Арутюнянц) Мкртич Карапетович, прапорщик		
Тимаев Петр Иванович, капитан	14.07.1918	В Народной армии
Трампедах Константин Карлович, полковник	30.06.1918	В Народной армии
Трейберг (Трейнберг), фон, Борис Эдуардович, штабс-капитан	07.07.1918	В Народной армии
Третьяков Михаил Николаевич, поручик	23.06.1918	В Народной армии
Трифонов Афанасий Павлович	?, в командировке	
Трутко Ф.И.		
Тынкевич Леонид Иванович	14.07.1918	В Народной армии
Уверский Федор Данилович, поручик	08.07.1918	В Народной армии
Углов Иван Алексеевич, поручик	01.07.1918	В Народной армии
Угрюмов	05.07.1918	В РККА
Уореня В.И. (возможно, Юреня)		
Уралов Дмитрий Николаевич, штабс-капитан	22.06.1918	В Народной армии
Урвнцев А.В.		
Усачев В.П.		
Федорков Яков Яковлевич	07.07.1918	?
Фиол Карл Иванович, подпоручик	20.06.1918	В Народной армии
Фирсов Иосиф Евдокимович, подполковник	05.07.1918	В Народной армии
Флеров П.А.		
Харченко Александр Иванович		
Цыкин И.В.		
Чернов Д.Д.		
Черняев П.В.		
Чиж Константин Станиславович	27.06.1918	В Народной армии
Шарангович Петр Михайлович, поручик	23.06.1918	В отпуску
Шарангович Семен Михайлович, подпоручик	23.06.1918	В отпуску
Шишко Вильгельм	прибыл, рапорта нет	В Народной армии
Шкурин А.И.		
Шлекин Иван Петрович, капитан	13.07.1918	В Народной армии
Эглит Эгле И.К.		
Юреня Владимир Максимилианович, поручик	21.06.1918	В Народной армии
Яковлев Николай Николаевич, подпоручик	07.07.1918	В отпуску
Якубовский Николай Константинович, штабс-капитан	21.06.1918	В Народной армии
Янсон Вернер Карлович	20.06.1918	В Народной армии
Янсон Кирилл Иванович	24.06.1918	В Народной армии
Ярмонкин Евгений Владимирович, подпоручик	21.06.1918	В отпуску

Сост. по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1625. Л. 3–281; Д. 1634. Л. 6–60б.; Д. 1643. Л. 9–11; РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 213–214; Д. 12. Л. 9–100б. Местонахождение на август 1918 г. дополнено по: Список лицам, прибывшим в Военную академию Красной Рабочей и Крестьянской армии для зачисления на ускоренный курс (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1623. Л. 33–340б.). Данные уточнены по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1558. Л. 120б.–14.

**Заявление слушателя капитана П.Н. Соколова²³¹⁷
председателю суда чести Военной академии.
13 августа 1918 г.**

Председателю суда чести академии Генштаба
«13» августа 1918 г.
гор. Екатеринбург

Заявление

Слушатель ст[аршего] класса академии кап[итан] Федоров, неоднократно роняя офицерское достоинство поступками, недопустимыми в офицерской среде, совершенно потерял понятие об офицерской доблести и не может служить ни примером, ни, тем более, руководителем истрадавшегося офицерства, от достоинства которого всецело зависит мощь будущей армии. Для характеристики образа действий кап[итана] Федорова, а также его нравственного содержания, привожу следующее:

1. В течение зимы 1917–1918 г., находясь в составе 19^и тактической партии (полков[ника] Станиславского), неоднократно в присутствии старшего партии самочинно докладывал руководителю партии по вопросам, лежавшим на обязанности старшего, чем производил неприятное впечатление выскочки, человека, желающего обратить на себя внимание, с явными наклонностями прислужиться.

2. При выборах в академический комитет II^{го} состава (председатель сл[ушатель] Витоль) позволил себе просить офицеров 19 партии о выборе его (Федорова) в комитет, обещая за это всякое содействие и заботы о благе офицеров, такой способ действий, достойный членов солдатских комитетов, не соответствует звания офицера.

3. Во время следования первого эшелона в гор. Екатеринбург не разделял общей участи офицеров в теплушках, а следовал в вагоне II класса (администрации) на правах каких-то привилегий члена комитета, обнаруживая тем свою бестактность в отношении хотя бы дам, следовавших в вагоне III класса.

²³¹⁷ Соколов Павел Николаевич (06.09.1884–?) — уроженец Санкт-Петербурга, из дворян, родился в семье военнослужащего. Окончил кадетский корпус (1901), Константиновское артиллерийское училище (1904), ускоренные курсы 3-й очереди Военной академии (1918). Подпоручик (с 09.08.1904). Поручик. Штабе-капитан. Капитан (последний чин в старой армии). Подполковник (на 1919, со ст. с 19.07.1917). На службе с 31.08.1901. Участник Первой мировой войны. Командир 2-й батареи 3-го отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона «А». Старший адъютант штаба дивизии. Участник Гражданской войны. В РККА (1918). В антибольшевистских формированиях Востока России (1918–1919). В штабе V Приамурского корпуса. Вр.и.д. начальника штаба 7-й Уральской стрелковой дивизии (1919). Причислен к Генеральному штабу и переведен в Генеральный штаб (11.1919). Попал в плен к красным. На службе в РККА (добровольно, с 03.04.1920). Для поручений при Енисейском губвоенруке (с 03.04.1920). Начальник мобилизационно-оперативного отдела (с 07.05.1920), помощник начальника (с 01.11.1920) штаба Сибирского военного округа. Начальник строевого отдела штаба 5-й армии (с 12.1920). Преподаватель (с 12.01.1921), заведующий учебной частью (с 09.03.1921) 6-х пехотных Иркутских курсов. Заведующий учебной частью 9-х пехотных Иркутских курсов (с 07.05.1921). Начальник учебного отдела (с 01.08.1922), заместитель начальника (с 09.1922) управления военно-учебных заведений Сибирского военного округа. Инспектор главной инспекции военно-учебных заведений Сибирского военного округа (с 10.1922). Преподаватель 2-й Московской пехотной школы им. М.Ю. Ашенбреннера (с 18.01.1923). Преподаватель (с 10.09.1925), вр.и.д. руководителя (с 01.10.1926), вр.и.д. начальника учебной части (с 11.12.1926), и.д. руководителя (с 02.02.1927) Московской артиллерийской школы. Свободно владел немецким языком. Женат.

4. По прибытии в г. Екатеринбург кап[итан] Федоров, не обладая тактом в отношении профессорского состава, всячески стремился, выражаясь грубо, втереться в среду профессоров, причем своей услужливостью производил впечатление лакейства и заискивания, что не совместимо со званием офицера. Далее, вращаясь все время среди профессорского состава и пользуясь, по-видимому, доверием его, кап[итан] Федоров на последнем общем собрании офицеров III очереди по поводу вопроса о выборе членов конференции от слушателей допустил новую бестактность, доходящую до понятия низости: Он, желая заручиться расположением собрания и имея конечную цель попасть в число избранных членов конференции, выступил с речью, в которой в самых недопустимых выражениях обрушился на тот же профессорский состав, который, по словам кап[итана] Федорова, якобы обеспечил себя от всяких случайностей и неприятностей, плюет на слушателей и их семьи, представляя их самим себе. Такой способ действий невольно напоминает т[ак] наз[ываемого] «двойника», работающего на две стороны, исключительно из личных выгод, на том же собрании кап[итан] Федоров прочел составленную им резолюцию, явно направленную к раздору между очередями, совершенно упустив из виду твердое намерение общего собрания слиться дружно с I и II очередью, чтобы облегчить положение ген. Андогского и не создавать ему, и без того чрезмерно занятому работой по спасению академии, новые заботы по слиянию очередей. Эта речь и резолюция кап[итана] Федорова вызвала единодушное негодование слушателей, наконец раскусивших и понявших способ действий и намерения кап[итана] Федорова, после чего последний уже никуда не прошел на выборах. Этот офицер, пропитанный насквозь исканием кривых путей, является отрицательным примером и ни в каком случае не может быть допущен распоряжаться жизнями людей, работая в штабах.

Насколько мне помнится, кап[итан] Федоров не имеет боевого ценза и всю войну провел в штабах, т[аким] обр[азом,] он не имел права на поступление в академию. Кроме вышеизложенного докладываю, что кап[итан] Федоров при командировании офицеров-слушателей в штабы красных, где они во имя спасения академии жертвовали своей жизнью (кап[итан] Кондаков, убитый на Уфалейском направлении), в это же время кап[итан] Федоров был личным адъютантом какого-то проходимца Анучина! Каким же это образом? Не по жребию же?

Нельзя руководствоваться жалостью к человеку, который в погоне за своим личным благополучием способен безжалостно сеять раздор среди людей, пользоваться доверием и расположением профессоров, чтобы затем чернить их для достижения своих тщеславных замыслов. Истинного офицера никто не смеет жалеть, ибо это унижает званье офицера, которому можно сочувствовать, но сочувствия менее всего заслуживает кап[итан] Федоров.

Слушатель старшего класса
академии Генштаба

П. Соколов

1918 г. 13 августа

гор. Екатеринбург

РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1627. Л. 1–2об. Подлинник. Автограф.

**Приказ штабу по формированию Народной армии (Екатеринбург) № 3.
27 августа 1918 г.**

Приказ
штабу по формированию Народной армии²³¹⁸
№ 3
«27» августа 1918 года

Объявляю список офицеров Генерального штаба, зачисленных в резерв по штабу формирования Народной армии с 29 июля 1918 г.

1. Генерал-майор Матковский
2. Полковник Богословский
3. Капитан Симонов
4. Капитан Иванов
5. Генерал-лейтенант Христиани
6. Генерал-лейтенант Медведев
7. Полковник Осипов
8. Полковник Киященко
9. Полковник Антонович
10. Штабс-капитан Агапеев
11. Капитан Аргунов
12. Есаул Афанасьев
13. Штабс-капитан Березин
14. Капитан Бируля
15. Ротмистр Большаков
16. Штабс-капитан Буров
17. Капитан Белкин
18. Капитан Белов
19. Капитан Гайко
20. Капитан Глазков
21. Капитан Грабовский
22. Штабс-капитан Дмитриев
23. Подполковник Егоров
24. Капитан Когутницкий
25. Капитан Кравец
26. Капитан Кронковский
27. Капитан Кугушев
28. Подполковник Крузе
29. Поручик Лаговский
30. Штабс-капитан Леонов
31. Штабс-капитан Люба
32. Капитан Маевский

²³¹⁸ Речь идет о формированиях в Екатеринбурге, а не о Народной армии Комуца.

33. Ротмистр Матвеев
34. Штабс-капитан Мауринг
35. Подъесаул Новиньков²³¹⁹
36. Капитан Новицкий
37. Ротмистр Овчинников
38. Капитан Орлов
39. Капитан Петровский
40. Подполковник Сабельников
41. Подъесаул Семенов
42. Ротмистр Соболев
43. Штабс-капитан Соловьев
44. Штабс-капитан Сотников
45. Штабс-капитан Триук
46. Капитан Турбин
47. Капитан Федоров
48. Капитан Хлусевич
49. Капитан Чапля
50. Штабс-капитан Шибаев
51. Подполковник Рютель
52. Капитан Крестьянов

Подлинный подписал: начальник штаба
полковник Бангерский.

Верно: старший адъютант
штабс-капитан²³²⁰

РГВА. Ф. 39465. Оп. 1. Д. 4. Л. 6–6об. Машинописная копия.

Оборонец Военная академия и ее реформа (к организации армии)

В прошлой статье (см. № 137 «Изв[естий] Ц.И.К.») была обрисована та несостоятельность, которую проявил наш Генеральный штаб в последнюю войну, и, разбираясь в причинах этой несостоятельности, было отмечено, что «очевидно, Военная академия стояла не на должной высоте. Очевидно, условия комплектования, обучения и морального воспитания в ней были поставлены ложно».

Теперь следует разобраться в этих условиях. Прежде всего — комплектование.

Кто попал в академию? Наиболее ли развитые, талантливые, интересующиеся военным делом и способные к самостоятельному мышлению офицеры?

Отнюдь нет!

Таким ходом в прежней армии не было, такие попадали в академию только в виде редких исключений.

²³¹⁹ В документе ошибочно: *Новеньков*.

²³²⁰ Подпись неразборчива.

Ведь для поступления в академию, прежде всего, требовалось иметь «отличную аттестацию» от начальства за все годы службы в строю.

А в старой армии, построенной на полном подавлении всякой свободы и самостоятельности, «отличные» аттестации, открывавшие дорогу в академию, получали только те офицеры, которые умели слушаться, обезличиваться, подлаживаться к начальству. Получали те, кто умел быть «тихим и скромным», как овечка, и умел «ползти ужом». И вот такие, главным образом, и пополняли академию.

Кроме аттестаций отбору слушателей академии способствовали еще экзамены (как предварительные при штабе округа, так и вступительные в академию).

На экзаменах всякое признание самостоятельного мышления, всякое желание иметь свое мнение считалось преступлением и вело к «провалу».

Естественно, что после такого отбора через сита начальственных аттестаций и вступительных экзаменов большинство слушателей академии составлялось из безличных, безынициативных, покорных и послушных людей, единственными положительными качествами которых являлись «хорошие манеры» и умение быстро угадывать, «что нравится начальству».

Кроме того, добрая половина из них была людьми, попавшими по протекции, для которых «хвостик тетеньки» зачастую заменял все необходимые для экзамена знания.

Ясное дело, что у подобранной таким образом публики не могло быть ни интереса к военной науке, ни желания приобрести действительные знания, ни стремления служить боевому делу²³²¹.

У них было только одно желание: как можно безболезненнее протянуть эту скучную трехлетнюю ленту академической учебы и потом устроиться на теплое местечко в штаб или в управление к какому-нибудь важному дядюшке.

Радужные мечты об ожидающих их теплых местечках всегда были главной темой всех разговоров слушателей академии.

Вот тут-то и распухался пышным цветом тот «арривизм» и карьеризм, пагубные последствия которого так ярко сказались на войне.

Редкие талантливые и действительно любящие военную науку люди, попавшие в академию ценой притворного обезличения, чувствовали себя в этой среде белыми воронами, и им надо было быть очень сильными духом, чтобы не поддаться общему направлению, не быть заеденными карьеризмом.

Такие результаты давала принятая система комплектования академии.

Теперь что же давала академия собранным таким образом слушателям?

Она подносила им науку, запечатленную всеми отрицательными признаками «настоящей академичности».

Отвлеченность, теоретичность, схоластичность, удаленность от жизни и опыта являлись главными чертами академической науки.

В основу ее были положены два утверждения: 1) что принципы военной науки вечны и неизменны и 2) что в России военное дело всегда стояло на образцовой высоте и прошлое русской армии озарено немеркнущим сияньем боевой славы.

В соответствии с этими основами первое место в программе академии отводилось военной истории.

²³²¹ Эти суждения не соответствуют действительности.

Русская военная история изучалась от времен Гостомысла, а всеобщая с того момента, как Каин убил Авеля, причем главное внимание обращалось именно на древнейшие периоды.

Русская история была проникнута нестерпимой фальшью «ура-патриотизма» и казенного утверждения, что все и всегда у нас обстояло благополучно и приводило к блестящим результатам.

Новейшие войны России не изучались совсем, во-первых, потому, что к ним труднее было применить такое утверждение, а во-вторых, считалось неудобным разбирать и указывать ошибки наших полководцев, еще находящихся в живых.

Опыт новейших войн оставался совершенно не использован, уроки современности игнорировались.

На всем преподавании академии лежала печать безнадежной отсталости.

Инженерное и артиллерийское дело изучалось по старинным образцам (чуть ли не по кампании 1870–1871 г.).

На технические рода войск и их боевое значение почти не обращалось внимания, результатом чего и явилось наше вступление в войну 1914 г. с малым, до смешного, количеством технических войск и технических приспособлений.

Военная статистика занимала огромное место в программе, но она пользовалась устарелыми данными и давала совершенно ложное представление о современной действительности: даже положение иностранных армий изучали по прежнему, давно изменившемуся состоянию. На таких же устарелых данных основывалась и военная география.

Программы многих курсов не менялись десятки лет, и почтенные старцы — заслуженные профессора — из года в год повторяли одно и то же, совершенно не считаясь с тем, что жизнь и наука идут вперед.

Преподавание сводилось лишь к чтению лекций и к сдаванию зачетов и экзаменов.

Практики не было никакой, и даже штабная работа, столь необходимая офицеру Генерального штаба на младших должностях, практически не изучалась, и слушатели не выносили из академии даже методов этой работы. Разработка самостоятельных тем насильно вводилась в рамки устарелого, безнадежного шаблона.

Самостоятельность и инициатива слушателей систематически убивались.

Программа академии поражала своей узостью и односторонностью.

Военное дело изучалось как нечто совершенно обособленное, совершенно не связанное с жизнью страны и состоянием государства.

Никогда не указывалось, что стратегия зависит от степени культурности государства и конструкции его власти, а тактика от уровня развития народных масс и выучки их военному делу. Никогда не указывалось на связь военного дела с финансами. Государствоведение, социология и другие общественные науки считались излишними для военного специалиста. Точно так же изучение психологии масс и ее законов считалось ненужным для людей, которые предназначались для управления этими массами.

Для наших будущих полководцев военная психология не существовала.

Такова была постановка образования в военной академии. Если к этой постановке образования прибавить еще постановку воспитания, основанную на преследовании всякого самостоятельного мышления, свободной мысли, критики, инициативы и прочего «вольномыслия», на беспощадном удалении всего яркого, талантливого, самобытного, прибавить

еще жандармский надзор, сыск и шпионаж, царившие в академии, то картина жизни нашей высшей военной школы будет полна.

И зная эту картину, становится ненужным искать другие объяснения того, почему наш Генеральный штаб выказал в течение последней войны «полную несостоятельность».

Разве такая школа Генерального штаба, какой была академия, могла дать своим питомцам что-нибудь кроме... несостоятельности в боевом и общественном отношении!

Реформу нашего Генерального штаба, переработку его из несостоятельного в «состоятельный», надо было начинать с реформы Военной академии, с коренной переработки даваемых ею воспитания и образования.

Советское правительство поняло это и, приступая к созданию новой армии, приступило и к реформе Военной академии.

Проект этой реформы выработан нач[альником] сов[етской] латыш[ской] дивизии Вацетисом (б[ывшим] полковником Генерального штаба) и принят особым совещанием при военно-учебном управлении.

Согласно этому проекту коренным образом изменяется комплектование академии. Доступ в нее открывается каждому служащему Красной армии, обладающему боевым и командным опытом. Кроме того, всем служащим Красной армии предоставляется право, и не слушая лекций, держать экзамен за полный курс академии и, выдержав его, поступать прямо на дополнительный (3-й) курс.

Такой мерою широко открываются двери к высшему военному образованию всем способным к нему. Учебная программа академии изменяется коренным образом.

В основу ее кладется взгляд, что современная мировая война использовала все данные военной науки настоящего и прошедшего и является всеобъемлющей энциклопедией военной мысли и военной техники.

Поэтому академическое образование строится исключительно на опыте и образцах внешней мировой войны.

Истории прежних войн отводится лишь соответствующее ее практическому значению очень скромное место, слушатели освобождаются от излишней потери времени над изучением почтенных образцов древности.

Опыт нынешней последней войны вплотную приближается к академической кафедре, а это вызывает необходимость приближения к академической кафедре людей, объемлющих этот боевой опыт в академическом стаже.

Почтенные старцы-профессора, из года в год читавшие один и тот же курс, не связанный с жизнью, удаляются на покой, и на их место призываются наиболее способные военные деятели, выдвинувшиеся своими действиями в последнюю кампанию.

Сокращение курса военной истории дает возможность ввести в академию целый ряд общеобразовательных предметов.

В новой академии, кроме специальных военных наук:
стратегии,
тактики,
военной администрации,
военной географии,
военной топографии,

военной истории мировой войны 1914–1919 гг.²³²²,
инженерного дела,
службы Генерального штаба,
предположены к преподаванию раньше не преподававшиеся предметы, как то:
государствоведение,
история цивилизации,
социология,
политическая экономия,
логика и методы научного исследования,
военная психология.

Такая программа уничтожает былую односторонность высшего военного образования и ставит военные науки в связь с прочими общественными дисциплинами.

Для того чтобы не позволить профессорам спускаться в неподвижность и рутину, проект вводит периодическое повторение защиты диссертаций, а кроме того, предоставляет право любому лицу, совершенно не принадлежащему к профессорской коллегии, читать необязательные для слушателей курсы и циклы не периодических лекций.

Таким образом, для талантливых и любящих военные науки людей открывается возможность не только учиться им, но и учить желающих. Свободная творческая мысль получает широкий доступ к своему прославлению и распространению. Воспитание слушателей академии по проекту, конечно, также подвергается коренному преобразованию, и вместо былого подавления инициативы и самостоятельности основным принципом воспитания ставится именно наиболее широкое развитие инициативы, самостоятельности и свободного творчества.

Таковы основные начала предполагаемой реформы академии.

Мы не знаем, когда в вихре современных катастрофических событий удастся провести эту реформу в жизнь и какие результаты даст ее проведение, но мы знаем, что старая академия привела к полной «несостоятельности» Генерального штаба и этим, даже с чисто военной точки зрения, утратила всякое право на существование, и потому всем, стремящимся к созданию боеспособной армии и боеспособного Генерального штаба ее, следует горячо приветствовать всякую реформу Военной академии, кладущую конец ее существованию в прежнем архаическом виде.

Оборонец

Оборонец. Военная академия и ее реформа (к организации армии) // Известия... 1918. 20 авг. № 178 (442). С. 2.

Критика необходима, но нужна и добросовестность

В № 178 (442) «Известий Центрального исполнительного комитета Советов» в статье «Военная академия и ее реформа» г. Оборонец пишет о «причинах несостоятельности, которую проявил наш Генеральный штаб в последнюю войну» и видит их, прежде всего, в академии. «Очевидно, — говорит он, — условия комплектования, обучения и морального воспитания в ней были поставлены скверно».

²³²² Так в тексте.

Не касаясь пока деталей критики работы нашего Генерального штаба в целом (№ 137 «Известий»), — их разберет приступающая на днях к своей работе комиссия по описанию войны, — мы считаем долгом сейчас осветить лишь высказанное г. Оборонцем относительно академии.

Первый вопрос — комплектование академии слушателями. «Кто попадал в академию?» — спрашивает г. Оборонец. — «Наиболее ли развитые, талантливые, интересующиеся военным делом и способные к самостоятельному мышлению офицеры?» «Отнюдь нет», — отвечает он сам себе и объясняет это аттестациями и экзаменами (в округах и академии). «Кроме того, — говорит он, — добрая половина из них была людьми, попавшими по протекции, для которых “хвостик тетеньки” зачастую заменял все необходимые для экзамена знания». «Ясное дело, что у подобранной таким образом публики не могло быть ни интереса к военной науке, ни желания приобрести действительные знания, ни стремления служить боевому делу»... Г. Оборонец или плохо осведомлен по этому вопросу, или... заведомо сказал неправду.

Если он так хорошо и детально знает результаты работы особого совещания при военном учебном управлении по реорганизации академии, то он, несомненно, мог *там же* узнать и о том, что есть на самом деле. Прежде всего, для получения права держать экзамены требовалась не «отличная аттестация за все годы службы в строю», а всего лишь отсутствие порочащих недостатков. И только. Кроме того, может быть, г. Оборонцу известно, что «аттестация» в армии не носила единоличного характера и аттестуемому объявлялась. Второе и главное: экзамен в штабе округа назначался по всей территории государства одновременно и состоял в письменном ответе на заданную академией одну для всех тему. Задания эти вскрывались на самом экзамене, а в академии содержание их могли знать только начальник академии, да, может быть, правитель дел, которые *лично* их запечатывали и отправляли.

Экзаменуемый получал специально заготовленную бумагу с №№ на листе в отрывном клапане; фамилию свою писал на последнем.

Начальник академии, получив работы, *лично* отрывал эти клапаны и хранил секретно; комиссия же (каждую работу прочитывали не менее 2 лиц, а чаще 3) не знала даже, какого округа она читает работы; тем более она не могла знать, кому именно та или другая из них принадлежит.

Отметки проставлялись *номеру*, а не лицу, и лишь когда все работы были оценены, тогда только по клапанам делалась сводка баллов в форме списка.

Как же при этих условиях можно говорить о «тетенькиных хвостиках»? Утверждать это значит бросать обвинение *лично* начальнику академии в... «мошеничестве».

Это, пожалуй, уже слишком, г. Оборонец?!

Не останавливаясь на «красивых фразах» о «результатах» очерченного г. Оборонцем комплектования и «характеристики» преподавания, *ради одной только правды* считаю нужным указать, что:

1. Академия далеко не считала, что «все у нас благополучно»; для этого довольно прочитать издавшиеся ее пособия и «Известия академии».
2. Новейшие войны изучались; был специальный курс Русско-японской войны.
3. Инженерное и артиллер[ийское] дело изучалось не по старым образцам «чуть ли не по кампании 1870–[19]71 г.» (по словам г. Оборонца); кто не знает, пусть прочтает труды Келчевского, Гобяты и Коханова.

4. Оборонец утверждает, что «преподавание сводилось лишь к чтению лекций и к сдаванию заметок²³²³ и экзаменов». «Практики не было никакой»... Это тоже неверно, кроме работ на дому, каждый обучаемый имел 12–15 часов практич[еских] занятий под руководством преподавателя в классе.

То, что пишет г. Оборонец (сгущенными красками), правда, в известной мере имело место до 1908 года, после чего, особенно в смысле практического направления обучения, сделано было очень много.

Не все уцелело, правда; с устранением г[енерала] Щербачева (на корпус) началось выжимание «новаторов» профессоров, и реформа остановлена. Но «сделанного» за 1908–[19]12 годы замалчивать нельзя: за эти 4 года академия дала печатных трудов (и именно по практике военного дела) больше, чем десятилетиями давала раньше.

Про «ускоренные курсы» говорить не приходится. К ним нельзя прилагать тех же требований, что к академии...

Академия нуждается в реформе, и в реформе очень серьезной, но... не по программе г. Оборонца; он или не осведомлен, или... недостаточно правдив.

Критика необходима, но нужна и добросовестность // ИН. 1918. 28 авг. № 100. С. 4.

Ильменский

Академия Генерального штаба перед войной 1914–1917 гг.

В № 178 «Изв[естий] Всерос[сийского] центр[ального] исп[олнительного] ком[итета] Сов[етов]» была напечатана статья «Военная академия и ее реформа», где автор г. Оборонец, разобравшись в вопросах несостоятельности нашего Генерального штаба в минувшую войну, приходит к выводу, что, очевидно, военная академия стояла не на должной высоте.

Задавшись вопросом комплектования академии, автор утверждает, что наиболее развитые, талантливые, интересующиеся военным делом и способные к самостоятельному мышлению офицеры попадали в академию только в виде редких исключений, так как от них требовалась «отличная аттестация, а в старой армии эти аттестации получали только те, которые умели слушаться, обезличиваться, подлаживаться». Кроме того, отбору слушателей мешали протекция и экзамены в штабе округа и в академии.

Несправедливость этих обвинений была уже доказана в статье «Критика необходима, но нужна и добросовестность» в № 100 «Изв[естий] Наркомвоен».

Мне хотелось бы к этому добавить, что поступлению в академию мешал, главным образом, колоссальный конкурс, так как число желающих поступить в академию ежегодно в 10 и более раз превышало число имеющихся вакансий.

Это обстоятельство давало возможность, с одной стороны, хорошего выбора, а с другой стороны, высшее военное образование в царской армии было редким исключением.

По словам г. Оборонца, на экзаменах всякое проявление самостоятельности в мышлении, всякое желание иметь свое мнение, отойти от установленных шаблонов считалось преступлением и вело к «провалу».

Здесь, очевидно, или недоразумение или полное незнание фактических условий поступления в академию: к «провалу», большею частью, вела простая неподготовленность

²³²³ Так в тексте. В критикуемой статье: *зачетов*.

к экзамену, — незнание даже этих установленных «шаблонов», требуемых академической программой, не говоря уже об общем развитии, на которое, главным образом, и обращалось внимание при экзамене.

Самостоятельность мышления может быть проявляема только развитым человеком, что именно и требовала академия.

«В основу военной науки, — пишет далее г. Оборонец, — были положены два утверждения, что: 1) принципы ее вечны и неизменны и 2) в России военное дело всегда стояло на образцовой высоте и прошлое русской армии озарено немеркнущим сиянием боевой славы».

Принципы военной науки действительно вечны и неизменны, и только приложение их в жизни подвержено бесконечным изменениям. Что же касается второго утверждения, то никто с академической кафедры не говорил, что военное дело в России всегда стояло на образцовой высоте.

Наоборот, слушателям академии внушалось и для них совершенно было ясно, что русское военное искусство со времен Павла I шло к упадку и простою в течение XIX и XX столетия [прогресс?] почти не наблюдался, что и доказали результаты Русско-турецкой и Русско-японской войн.

Военная история изучалась в академии с точки зрения критики, а не «ура-патриотизма», как утверждает автор статьи.

Главное внимание обращалось на выводы из «русско-японской» и «болгаро-турецкой» войн, а не на древнейший период, который если и изучался, то только для того, чтобы показать, как слагались и проводились принципы военного искусства с древнейших времен.

Действия вождей «русско-японской войны» свободно критиковались в стенах академии.

Военная статистика занимала большое место в программе, но как цифровые данные, так и выводы ее не были устаревшими, а составная часть военной статистики — военная география изучалась настолько детально и основательно, что фактическое ознакомление во время последней войны с изучаемыми театрами (Галиция, Вост[очная] Пруссия) только подтвердило правильность полученных в академии сведений.

Изучение иностранных армий, которое ни в коем случае не касается статистики, а входит в курс администрации, — было поставлено настолько высоко, что фактическая организация этих армий, обнаруженная в течение минувшей войны, не внесла почти ничего нового.

«Штабная работа» проходила практически по окончании академии во время прикомандирования к окружным штабам.

Теоретическое ознакомление с ней получалось путем слушания лекций по «службе Генерального штаба».

Что же касается жандармского надзора, шпионажа, сыска, то если он и осуществлялся в действительности, в чем мы искренно сомневаемся, то во всяком случае на слушателях не отражался, и они его совершенно не чувствовали.

Если уже говорить о недостатках академической программы, то стоит лишь указать на отсутствие в ней политических и общественных наук, — большой, правда, пробел, имевший большие и последствия.

В интересах исключительно правды должен сказать, что не оторванность академии от жизни, как утверждает г. Оборонец, а оторванность армии от академии была причиной, хотя и не единственной, наших неудач в последнюю войну. Академия в своих выводах шла далеко впереди жизни армии, но

последняя при всем старании академии не могла или, вернее, не хотела воспринять те принципы и «нововведения», о которых громко говорилось с академической кафедры и настойчиво рекомендовалось провести в жизнь.

Насколько действительность была далека от «академической теории», доказывает хотя бы и то, что мы, слушатели, решали тактические задачи в предположении, что в каждом корпусе имеется соответственно тяжелая артиллерия, тогда как, на самом деле, она если имелась, то только в Германии, а у нас как исключение при некоторых корпусах.

Укажу еще на те факты, что офицеры, возвращавшиеся после окончания академии в свои части, зачастую встречали там антагонизм при первых же попытках ввести «академические новости».

Многие склонны думать, что и после «русско-японской» войны академия «почивала на лаврах» и сама не пыталась идти вперед.

На самом деле, несмотря даже на выжимание «новаторов»-профессоров и препятствия реформе со стороны высшей власти, боявшейся всюду революции и своих «младотурок», молодое поколение Генерального штаба проходило курс академии в период ее, правда, постепенной, но настойчивой реорганизации, построенной, главным образом, на п р и к л а д н ы х м е т о д а х обучения, сообразно новым взглядам на военное дело в полном его объеме.

В академии учитывалось не только руководство массами в связи с прогрессирующим развитием технологии, но и приемы и методы обучения по усовершенствованию боевой подготовки этих масс.

Мне кажется, что для нас, представителей последних перед минувшей войной выпусков из академии, эта война ничего необыкновенного и чрезвычайного, не учитываемого теоретически ранее академией, не дала.

Я не говорю, что война не внесла ничего нового, но существенного, производящего известный переворот в военном деле она, действительно, ничего не дала.

Основные принципы военного искусства остались, конечно, те же, и в аудитории «Военного дела», в одном из последних сообщений проводилась аналогия между такими отдаленными по времени и способам борьбы сражениями, как «Канны» и Таненберг (поражение армии Самсонова).

Что же нового дала академия?²³²⁴

Уж не газы ли? Но травить газами массы почти то же самое, что поить эти массы отравленной водой, что наблюдалось при прежних войнах со стороны некультурных народов.

Наконец, кто же мог предусмотреть, что Германия, культурная нация, состоя в войне с не менее культурными народами, применит столь варварские способы, запрещенные «конференциями»?

К тому же разве уж такие решительные результаты дало применение газов?

От отравления ими выбывало из строя namного десятков, а может быть, и сотен тысяч, меньше, чем в предшествовавшие войны от различных эпидемических заболеваний, с которыми в свое время не умели бороться.

Мне могут возразить, что газы действовали непосредственно во время боя, лишали боеспособности целые части сразу, в то время, как болезни выводили из строя постепенно.

²³²⁴ Так в статье, правильно: что же нового дала война?

Но ведь газы применяли только в глубоко позиционной войне, причем имелась полная возможность заранее обнаружить подготовку к их применению, а следовательно, принять известные меры противодействия, что ограждало сражающихся от возможности отравления.

Неужели дальше говорить о бомбометах, минометах и пр.?

Тогда уж почему не говорить о «катапультах» и «франдиболах», назначение и результат действия которых давным давно известны.

Остаются «танки», но ведь это есть продукт зарывшейся в землю и забетонировавшей себя армии, которая была вынуждена к этому недостатком живой силы, по-современному и в огромном количестве снабженной боевыми припасами.

Да и «танки» появились лишь на исходе третьего года войны, когда даже огромной мощности орудия неспособны были разбить окаменевший за три года войны бетон так называемых «полевых укреплений».

В заключение должен сказать, что о «большем масштабе войны», о громадном значении тяжелой артиллерии, о способах борьбы за укрепленные позиции, об аэропланах и, вообще, о значении техники в современном бою настолько много и настойчиво читалось в академии, что мы, слушатели ее, выйдя на войну, нисколько не были удивлены, увидя в действительности, на опыте, то, к чему нас готовила академия перед последней войной.

Ильменский

Ильменский. Академия Генерального штаба перед войной 1914–1917 гг. // ИИ. 1918. 4 сент. № 105. С. 4.

Кин²³²⁵

Мытарства старой академии Генерального штаба

Нашему военному корреспонденту удалось собрать сведения об участии академии после отъезда ее из Екатеринбурга, захваченного белыми.

Переезд академии в Казань

Когда вопрос об эвакуации учреждений из г. Екатеринбурга был решен, академию приказано было эвакуировать в г. Казань.

Поспешное оставление позиций советскими войсками не позволило вывезти упакованные и приготовленные к вывозу многочисленные ящики богатейшей в мире фундаментальной военной библиотеки, большая часть которых была не распечатана, т.к. они недавно прибыли из Петрограда.

В последних числах июля²³²⁶ академия прибыла в Казань; из учебных пособий было привезено только то, что находилось на руках у служителей, и ничтожное количество принадлежностей для съемок, все остальное осталось в здании академии, и дальнейшая участь этого многомиллионного имущества неизвестна.

Выезд из Екатеринбурга был совершен через три дня после приказа командующего Урал-Сибирским фронтом, за два дня до занятия города чехословаками.

²³²⁵ Кин — партийный работник с Украины, комендант Казани (Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредительской интервенции в 1918 г. Казань, 1924. № 1. С. 30).

²³²⁶ Так в тексте, правильно: *1 августа*. Здесь и далее все даты в воспоминаниях передвинуты мемуаристом на несколько дней.

Поспешность выезда, неожиданность разыгравшихся событий в районе Екатеринбурга — причины, не позволившие произвести правильную эвакуацию.

Многие из профессорского и преподавательского состава едва успели вывезти самое необходимое.

Некоторые из профессоров и преподавателей в силу семейных и личных обстоятельств (болезнь) отказались от преподавания в академии и остались на месте, но число таких незначительно. Большинство же, и притом те, от которых зависело правильное функционирование академии, выехали во главе с начальником академии профессором Андогским.

Называют фамилии прибывших в Казань 2 августа профессоров и преподавателей Генерального штаба: Рябикова, Слижикова, Касаткина, Сыромятникова, Смелова и многих других.

Академия разместилась в 1-м казанском коммерческом училище.

Но едва только успели разгрузиться, как в городе стали ходить упорные слухи об окружении Казани.

Занятие Казани чехословаками

Взятие Казани для слушателей было полной неожиданностью. Бежавшие из чехословацкого плена слушатели, недавно прибывшие в Самару, рисуют последние дни академии в следующих чертах:

Слушатели подготовительного курса А. П-в (коммунист) и П. Г-ч (беспартийный), давая одинаковые показания, говорят, что начиная с 5-го августа в городе чувствовалась какая-то растерянность и отсутствие информации о боевых действиях.

Растерянность и отсутствие ориентировки имели место и в академии.

Политический комиссар академии, несмотря на *пять дней после переезда академии в Казань, ни разу не появился среди слушателей*; бежавшие из плена слушатели не могли даже назвать его фамилию, не видели никогда его в лицо и о существовании комиссара знали только по подписям его на бумагах.

Ни одна из существовавших в академии организаций (курсовые советы, совет курсовых старост) не позаботилась об информации слушателей в создавшейся обстановке.

Этот же упрек ставят слушатели и начальнику академии. «Впрочем», добавляют они, «тогда создалась в городе такая неразбериха и паника, что трудно было добиться каких-либо сведений не только о войсках белых, но и о действиях своих войск».

7-го августа утром над городом видны были разрывы шрапнелей; с какой стороны стреляют и кто, в городе вообще, в частности в академии, никто не знал.

Началась паника, увоз имущества некоторых учреждений, бегство жителей.

В этот же день в академии было вывешено объявление за подписью курсовых старост, чтобы никто из слушателей на улицу не выходил. Причина не указывалась.

Среди слушателей циркулировали разговоры, что якобы чехословаки, прорвав фронт, сделали набег на Казань, который, по сведениям, будет ликвидирован подошедшими советскими войсками.

Слушатели нервничали, собирались кучками, нервно настроенные, обсуждали положение дел.

Наблюдалась обособленность слушателей старшего класса.

8 августа вечером из Казани выехал находящийся там штаб армии²³²⁷.

Стало всем понятно, что город осаждается.

Некоторые слушатели-коммунисты, в том числе и рассказавший нижеприведенное т. А. П-ов, участвовали в обороне города.

Нервность слушателей, находящихся в стенах академии, ввиду полной неопределенности положения достигла крайнего напряжения, собирались разрозненными кучками, выжидая распоряжений руководителей.

На дверях профессорской появилось объявление, что всех профессоров, преподавателей и администрацию начальник академии приглашает «в 3 часа собраться на *тактическое совещание*». Объявление было подписано правителем дел Смеловым.

«Тактическое совещание» обстановки не осветило, а предложило слушателям не делать выступлений ни в ту, ни в другую сторону.

Эта резолюция была передана словесно курсовым старостой слушателям подготовительного курса.

Вечером 8-го августа началась гроза с проливным дождем, усилилась канонада, разрывы шрапнелей участились над городом.

В ночь на 9 августа в клубе местных коммунистов появилось известие, что чехословаки ворвались в город.

На окраине города уже было слышно татаканье пулеметов и частая ружейная стрельба.

Никакой перестрелки в районе расположения академии не происходило.

9 августа, рано утром, со всех сторон в город входили чехословацкие части, имея на руках белые повязки. Около 9 часов в здание академии вошел «белый» и спросил, есть ли оружие, но так как такового у слушателей не было, то он быстро удалился. Начальник академии проф. Андогский поехал к старшему из войсковых начальников «белых», занявших город, для представления и получения распоряжений.

После возвращения через курсовых старост профессор Андогский передал, что властями, занявшими город, академия Генерального штаба признается «государственным экстерриториальным учебным заведением».

Это вызвало массу толков.

Старший класс устроил совещание (постановление его неизвестно), младший (подготовительный) после многочасового обсуждения вынес ему резолюцию:

«Сговориться с властями, занявшими город, и выяснить следующие вопросы:

- 1) Будут ли слушатели арестованы?
- 2) Как будут власти считать слушателей — гражданами или военнослужащими?
- 3) Каково будет отношение властей к академии: как вообще к учебному заведению или военно-учебному?

4) Избрать для выяснения этих вопросов делегацию и послать ее, помимо начальника академии Андогского, к помощнику управляющего Военным министерством на территории Комитета членов Учредительного собрания».

В делегацию выбрали двух бывших подполковников, которым поручено было выполнить миссию так, чтобы избавить от тюрьмы и расстрела слушателей-коммунистов.

²³²⁷ Мемуарист неточен, Казань была оставлена красными в ночь на 7 августа. Оставление города штабом фронта подробно описано в мемуарах командующего фронтом И.И. Вацетиса, который был вынужден уходить из Казани с несколькими бойцами (РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 440–444).

Делегация по неизвестным причинам не являлась пом[ощнику] управляющего Военным министерством.

9 августа, вечером, на общем собрании всех слушателей н[ачальни]к академии проф. Андогский заявил, что помощник управляющего Военным министерством от имени членов Комитета Учредительного собрания подтвердил экстерриториальность академии на территории *государства всероссийского*.

В отношении слушателей никаких репрессий применено не будет.

Между прочим, проф. Андогский указал на то, что [В.И.] Лебедев (пом[ощник] упр[авляющего] Воен[ным] мин[истерством]) принял его весьма холодно и спросил: «Правда ли, что младший класс состоит из солдат Красной армии — большевиков, не имеющих вообще образования и специально-военного образования, в частности, а лишь только отличившихся на внутренних фронтах?»

Проф. Андогский разубедил в этом Лебедева, указав, что 50% слушателей младшего класса — кадровые офицеры.

Лебедев, по словам проф. Андогского, переменял тон и добавил, что «старший класс должен быть выпущен в ряды формируемой “Народной армии”, младший же класс как сомнительный в своем политическом прошлом должен быть распущен».

Относительно прикомандирования к частям «Народной армии» слушателей младшего класса Лебедев считал вопрос пока открытым.

Академия должна быть открыта через 2–3 месяца.

Слушатели будут вновь набраны и должны удовлетворять следующим условиям:

- 1) Иметь аттестацию от строевого начальства.
- 2) Иметь боевой стаж.
- 3) Общее — среднее образование.
- 4) Военное — не ниже ускоренных курсов военных училищ.
- 5) Своею службой в рядах Народной армии «смыть позорное пятно совместной работы с советской властью».

Академия по приказанию Лебедева должна быть немедленно эвакуирована в Самару, где будет распущена.

Н[ачальни]к академии предложил слушателям решить самим и представить списки тех, кто считает себя способным служить в «Народной армии», для назначения в войсковые части, предназначаемые не для действий на *внутреннем* фронте, а для борьбы с немецкими войсками, якобыдвигающимися на Самару и Казань.

Те же, кто считает неприемлемым служить в «Народной армии», могут остаться в Казани на правах граждан и получают документы, удостоверяющие, что данные лица отчислены от академии за расформированием ее.

С утра 10 августа поставлен был караул у дверей академии, в здание коей допускались только слушатели и принадлежащие к ее составу.

Началась слежка за слушателями. Вечером 10 августа академия была погружена на пароход для отправления в Самару²³²⁸.

На пароходе была вооруженная охрана (с пулеметами) из слушателей старшего класса.

²³²⁸ На самом деле это произошло вечером 8 августа, а 10 августа академия уже прибыла в Самару.

На пароходе выдавались удостоверения всем слушателям такого рода, как образец приведем одно из них.

Всероссийск[ая]
академия
Генерального штаба.
По части строевой.
12 августа 1918 г.
№ 5264.
г. Самара.

Удостоверение

Дано сие слушателю ускоренного курса *Всероссийской* академии Генерального штаба подпоручику Александру Алексеевичу П-ву, откомандированному от академии вследствие закрытия курса для формирования Народной армии, что подписью и приложением печати удостоверяется.

Правитель дел академии Генерального штаба подполковник Смелов.

За делопроизводителя капитан (подпись).

Печать: Императорская Николаевская военная академия. Российский двуглавый орел.

На пароходе выданы были анкетные листы для заполнения с надписью: «Для поступающих *добровольцами* в Народную армию» (причем слово «добровольцами» в них было зачеркнуто).

13-го августа академия прибыла в Самару. Всем слушателям приказано было явиться в отдел формирования «Народной армии», где каждому из них давались назначения в строевые части — младшему классу и в штабы и управления — старшему классу. По прибытии в части восемь человек из слушателей младшего класса, сочувствующих советской власти, были арестованы, препровождены в «штаб охраны» (вроде нашей чрезвычай[айной] комиссии), тщательно обысканы, у них были отобраны все вещи, деньги, после чего их препроводили на гауптвахту.

В числе арестованных были слушатели, давшие вышеуказанное показание. По их мнению, арест явился результатом слежки и допроса самих же слушателей, товарищей по курсу.

Без предъявления обвинения слушателям пришлось просидеть на гауптвахте в обществе грабителей и воров до 4-го сентября, когда их погрузили с той же компанией в грязные товарные вагоны и повезли в Уфу.

В ночь с 7 на 8-е сентября три слушателя (из них два коммуниста) во время следования, на перегоне, не доезжая Уфы, бежали, выпрыгнув через люк вагона.

После 8 дней пути они добрались до Самары и затем явились в штаб N-й армии, где и в настоящее время находятся.

Из достоверных источников известно, что в настоящее время Всероссийская академия открылась в Томске, по непроверенным слухам н[ачальни]к академии профессор Андогский отдан под суд за умышленное и преднамеренное вовлечение выпускников академии 1917 и 1918 годов в службу советской власти.

Есть и другая версия, что он попросту уволен и находится сейчас не у дел.

Кин

Самара, 14 ноября.

Кин. Мытарства старой академии Генерального штаба // ИИ. 1918. 23 нояб. № 170. С. 4.

Белоруссов²³²⁹ Красное офицерство

От одного лично мне хорошо известного, очень достойного, очень храброго и очень преданного интересам России офицера я получил рукопись, которая, к моему сожалению, не появится на страницах «Отечественных ведомостей». Не появится потому, что в ней названы лица, имена которых я не считаю себя вправе предавать позору. Но тема статьи заслуживает внимания, и на ней я позволю себе остановиться. Эта тема — участие русских офицеров в качестве начальников, руководителей, инструкторов и членов различных штабов в армии большевиков.

Русское офицерство, так ужасно пострадавшее от революции вообще, от большевиков, в особенности, тем не менее, поставило Красной армии множество своих членов, и не только прапорщиков запаса, которые были или увлечены потоком революции, или были с самого начала ее активными деятелями, но генералов, полковников etc., составивших свое положение при старом режиме, служащих ему верой и правдой, а затем по разнообразнейшим мотивам совершивших решительный *volte-face*²³³⁰ и оказавшихся в рядах Красной армии.

— Как дошли они до жизни такой?

Ответ часто горестный и мучительный. Одни прошли через тяжкие и унижительные страдания. Я знал достойных, долго служащих, геройски дравшихся во время войны, много раненных офицеров, которые работали потом как чернорабочие, а так как и работа во дни социалистической революции является привилегией — то в конце концов **просивших милостыню**. Когда Троцкий решил обратиться за технической помощью к бывшим офицерам, они пошли на службу к большевикам, гонимые голодом и нищетой семей. Жить ведь надо!

Другие пошли с мыслью таким образом одолеть большевиков. В начале нынешнего года, когда в долгих переговорах с большевиками решался вопрос об участии офицерства в деле формирования Красной армии, вопрос этот обсуждался много и долго и в московских общественных организациях совместно с офицерством. Из этих собеседований выяснилось с полной очевидностью, что генералитет, приглашенный большевиками, если и склонен был идти к ним на службу, то в надежде, получив в свои руки нужное орудие — организованную им армию, — взорвать большевиков. Аргументация при этом была такова: не имея в

²³²⁹ Беларуссов — литературный псевдоним А.С. Белевского. Белевский Алексей Станиславович (17.03.1859–09.1919) — из дворян, уроженец Могилева. Окончил кадетский корпус и Санкт-Петербургскую сельскохозяйственную академию. Участник революционных кружков. Член петербургской «группы народолюбцев» (1894). Правый народник. Арестован по делу Лахтинской типографии (1896). После тюремного заключения выслан в Восточную Сибирь на 8 лет. Из ссылки уехал за границу. Жил во Франции. Журналист. Сотрудничал с социалистическими изданиями. Парижский корреспондент кадетской газеты «Русские ведомости». В период Первой мировой войны на оборонческих позициях. Казначей Общества русских комбатантов, воевавших во французской армии (1916). Член кассы политических эмигрантов из России. Вернулся в Россию (1917). Член Совета общественных деятелей. Сотрудничал с Б.В. Савинковым. Член московского отделения подпольной организации «Национальный центр». По заданию организации уехал на Восток России. Издатель газеты «Отечественные ведомости» (Уфа, Екатеринбург). Указом Верховного правителя А.В. Колчака назначен председателем подготовительной комиссии по разработке вопросов о всероссийском представительном собрании учредительного характера (16.05.1919). Умер в Иркутске.

²³³⁰ Поворот (*фр.*).

руках вооруженной силы, одолеть большевиков нельзя; создать конспиративно вооруженную силу — дело безнадежное. Надо, следовательно, идти к большевикам, но выговорить себе право назначения командного состава вплоть до взводных унтер-офицеров; имея же командный состав в своих руках, можно смело рассчитывать и на войсковую часть и повернуть ее против кого угодно, против самих большевиков в том числе. Генералитет таким образом надеялся и рассчитывал провести и обыграть большевиков в начинавшейся игре. Из среды общественных организаций возражали, что обыграть большевиков едва ли удастся. Может случиться, напротив, что большевики провести себя не позволят и, воспользовавшись профессиональными знаниями офицеров, укажут им на дверь, как только заподозрят их лояльность. Полного соглашения на совещаниях общественных организаций и офицерства не последовало. Тем не менее весной прошлого года по команде дан был совет: офицерам входить в Красную армию. Конечно при этом умалчивалось о том, что входить надо с целью овладеть армией и бросить ее на большевиков. Умалчивалось, но подразумевалось... теми, кто знал. А так как нужда теснила, бездействие томило, а жизнь приучила ко всем ужасам и спутала все карты, то сотни и сотни офицеров шли и шли на службу, обучали солдат, восстанавливали артиллерию, приводили в порядок обозы, снабжение, штабы работали, топографические бюро, разведки и контрразведки тоже, и постепенно руками офицеров создавалась Красная армия. Одни при этом вздыхали и надеялись, что наступит наконец день реванша. Но день не приходил. Лично я знаю офицера одного из гвардейских полков. Он взял на себя видную командную должность в одной из большевистских армий и рассчитывал передать всю эту армию белым. Чтобы достигнуть этой цели вернее, он созывал лично ему знакомых офицеров и уговаривал служить с собою. Знаю доблестного гвардейского офицера, алексеевца, который летом еще ушел к нему. Но армия до сих пор еще не передалась, а до сих пор дерется с нами. Следовательно, и эти гвардейские офицеры мечтаний своих не осуществили.

Немало было офицеров, которые шли к большевикам по другим мотивам. Одни по равнодушию к «политике». Платят, и платят хорошо. Требуют работы и работу получают. Чего еще нужно?

Многим нравилась легкая, богатая и разнузданная жизнь, возможность которой открывалась для большевистских любимчиков. Сколько этих красных офицеров гарцует и форсит по улицам Москвы!

Мотивы, таким образом, были различны, начиная от понятных и допустимых и кончая низкими и гнусными. Но каковы бы ни были мотивы, участие и работа офицерского корпуса позволили г.г. Троцким и Ко создать Красную армию. Не генералитет провел г. Троцкого, но г. Троцкий провел и обернул вокруг пальца г.г. генералов, подавших пример, и г.г. офицеров, примеру следовавших.

И теперь мой корреспондент, участник взятия у большевиков Казани²³³¹, с гневом, презрением и возмущением рассказывает, как он принимал участие в занятии гостиницы «Волга», где помещалась красная академия Генерального штаба; как он арестовывал генералов и профессоров, имевших на околыше красную пентаграмму большевиков и отдававших свои знания в распоряжение последних. И он спрашивает теперь: почему одних за измену расстреливают, почему другие, несмотря на измену, благоденствуют? Потому, я думаю,

²³³¹ Речь идет о Ф.Ф. Клепикове.

что самый факт измены трудно установить. Одно присутствие в рядах Красной армии не говорит непременно об измене, так как в нее шли с разными целями. Но конечно, теперь у самых наивных людей глаза должны были раскрыться. И если и теперь офицеры русской армии продолжают служить у красных и руководить действиями их войск, пусть даже под давлением комиссаров, то, конечно, они совершают ничем не оправданное преступление против Родины. И преступление это может быть прощено им только при наличии особых обстоятельств, действительно способных парализовать их добрую волю, если таковая имеется.

Итак, мы стоим перед грустным и возмутительным фактом: большевистская армия, сражающаяся против патриотов, руководится и командует русскими офицерами. Она создана ими...

И теперь вопрос: что же? Эти предатели Родины, носившие еще недавно мундир офицера (без пентаграммы), теперь, когда внутренняя война скоро кончится, — опять войдут в ряды русского офицерства, чтобы лишить нас, русских граждан, возможности знать, кому, подавая руку русскому офицеру, свидетельствуем мы свое уважение: лучшему ли защитнику Родины или ее предателю? Это невозможно, здесь поставлена на карту честь не только мундира, хотя и она ведь не лишена цены, но честь всей нации.

Из этого трудного положения я знаю один лишь выход. Должен быть создан чрезвычайный военный суд чести. И все без исключения русские офицеры, служившие у большевиков, должны предстать перед ним. Все поведение их, все обстоятельства, толкнувшие их на службу в Красной армии, должны быть освещены до дна; и все те, кто не докажет чистоты своих намерений и невинности своих действий, должны будут снять мундир.

Ибо мундир офицера обновленной русской армии должен быть чист от грязи.

Белоруссов

Белоруссов. Красное офицерство // Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1918. 26 (13) дек. № 38. С. 2.

Белоруссов Необходимое объяснение

Моя статья «Красное офицерство», помещенная в № 38 «Отечественных ведомостей», произвела, к величайшему моему сожалению, тяжелое впечатление на многих офицеров русской армии, сражающихся с большевиками за воссоединение Родины и льющих кровь свою за дело наиболее для нас дорогое.

Я хотел бы рассеять это тяжелое впечатление. Не мне, в течение всего 17-го и 18 г. близко наблюдавшему борьбу, которую офицерский корпус в его целом вел с силами, разлагавшими сначала армию, а затем Россию; не мне, в качестве журналиста не раз отмечавшему те неисчислимые жертвы и исключительные обиды и страдания, которые выпали на долю офицерства, не мне хотеть умалить его достоинства и заслуги перед Родиной или нанести ему лишний и ненужный удар.

В течение всей революции я, где мог и насколько мне позволяли мои слабые силы, был всегда на стороне борющегося за Родину офицерства, и я горжусь тем, что в героической инициативе генерала Корнилова, в защите Москвы Александровским училищем и сгруппировавшимся вокруг него офицерством в октябрьские дни, в деле создания алексеевской До-

бровольческой армии, наконец, в деле защиты национальной идеи, одушевляющей офицерский корпус в его целом, есть капля, как бы скромна она ни была, и моего усилия. На весах истории, когда будут взвешиваться наши общие вины и заслуги, это не подлежит для меня ни малейшему сомнению, — определится, что из всех сословий и организованных групп русской нации офицерство было самым верным и надежным оплотом государственности и национального достоинства. Стихия революции пошатнула все устои, заставила поколебаться все умы; но раньше всех опомнилось и деятельно принялось за дело спасения России именно офицерство. Этого актива офицерского корпуса, записанного деяниями на страницах истории, никто не может и никто не сможет изменить. Но совершенно немислимо и мне приписать желание затемнить этот актив указанием на пятна, имеющиеся ведь и на солнце.

Не указать на никому не ведомые и никем не замеченные пятна хотел я, а найти практическое средство очистить от них корпорацию, которую я не только хотел бы видеть безупречной, но которая и должна быть безупречной в национальных интересах.

Вероятно, я не сумел этого сделать, раз эффект получился неожиданно отрицательный. Выражаю в таком случае мое искреннее сожаление.

Но развивая мысль моей первой статьи, посвященной этому вопросу, я все-таки укажу на то, что факт существования «красного» офицерства, — чем меньшую часть офицерского корпуса оно составляет, тем отраднее, — выдумал ведь не я. Это такой же факт, каким является факт заслуг офицерского большинства перед страной. И заговорил об нем не я первый. За день до появления статьи моей в «Отечественных ведомостях» редакцией был получен № тюменской газеты, где за подписью офицера была помещена статья с именами. А в настоящую минуту передо мной лежит номер «Свободного слова» с большим фельетоном офицера русской армии, кажется, капитана К. Язвицера, где все, о чем я старательно умолчал, воспроизведено *en toutes lettres*²³³². Наконец, [от] офицера, вернувшегося из Омска после напечатания моей статьи, я узнал, что в омских военных кругах вопрос о службе офицеров у большевиков поставлен на очередь и получил большую остроту.

Я, следовательно, только перенес его на обсуждение и в «Отечественных ведомостях», полагая и в качестве служителя честного печатного слова будучи убежден, что открытое, спокойное и благожелательное обсуждение всякого общественного несчастья или порока есть лучшее и наиболее действительное средство избавиться от него. Я рекомендовал создание офицерского суда чести. Я полагаю, что это и есть единственное могущественное средство ликвидировать вопрос, поставленный самой жизнью и выдвинутый самим офицерством. Ибо ликвидировать, а не замолчать его необходимо.

Я позволю себе закончить это мое объяснение выражением уверенности, что как солнце не чернеет от того, что астрономы изучают и исследуют его пятна, так и офицерский корпус не потеряет ни в своем достоинстве, сомнению не подлежащем, ни в своем престиже, необходимым не ему одному, но и всем нам, от того, что будут обследованы язвы, образовавшиеся на теле его в процессе революции, которая не пощадила ведь никого из нас.

Белоруссов

Белоруссов. Необходимое объяснение // Отечественные ведомости. 1918. 31 (18) дек. № 42. С. 2.

²³³² Целиком (фр.).

«Красное офицерство» и «Необходимое объяснение»(размышления над статьями А.С. Белоруссова)²³³⁴

Когда строят новое здание — пользуются или совершенно свежим материалом, или оставшимся от старой постройки, но совершенно не тронутыми ни «грибком», ни сыростью. Иначе в новую постройку перенесут заразу старого здания. То же и при учреждении новых общественных установлений. Никто не захочет в общественное установление, обслуживающее интересы общества, вводить элементы, заведомо вредные обществу.

Руководителями в общественные учреждения нельзя назначать убийц, воров и предателей, какими бы почтенными мотивами ни оправдывали они свои преступления. Введенные в состав общественных установлений, они, по вполне понятным причинам, будут продолжать проявлять свойственные им способности, притом тем разностороннее и шире, чем обширнее круг их деятельности.

Еще хорошо, если эти способности проявятся непосредственно в окружающей ближайшей сфере. Хуже, и что, однако, гораздо чаще, когда они не только проявляют свои свойства, но, пользуясь определенным положением, подбирают и агентов, подобных себе, обращая общественное установление в общество преступников.

Не многим лучше будет и тогда, когда в общественное установление допускаются лица, совершившие преступление, но или оправдавшиеся, или прощенные. В их поврежденной психике все равно остается сознание, что они отличаются от безупречных людей, и поэтому вполне естественно их тяготение к себе подобным; средою оправдывается преступление. И в этом отношении прощенные и исправившиеся окажутся мало чем лучше преступников непрощенных: разве только что первых можно испытывать на безответственных постах, а последних не следует совершенно допускать к общественной работе.

Это положение особенно твердо и неуклонно должно проводиться тогда, когда дезорганизована государственная жизнь; когда пало значение нравственных принципов, а для весьма многих мораль потеряла обязательность.

При таких условиях для всех почти авторитетом становится успех, какими бы нечистыми путями он ни был достигнут. Ловкий прохвост, фальсифицируя свои чувства и убеждения, при общей бессистемности и растерянности легко может вздуться в крупную величину, и тогда его случайный успех буквально растлеивает общество. Масса, всегда невежественная, замечает и судит только по положению лица, а не по нравственному облику.

И когда общественные силы, в лице организующейся власти, борющиеся против определенного течения, допустят в число своих агентов подобных прохвостов, они никогда не поборят течения и не уменьшат его: только еще больше увеличится путаница, так как сами

²³³³ Клепиков Флегонт Фирсович — член боевой организации партии эсеров. Обучался в Павловском военном училище. Прапорщик. Участник Первой мировой войны. Соратник, личный секретарь, казначей и телохранитель Б.В. Савинкова (1917–1918). Участник Гражданской войны. Член подпольной антибольшевистской организации «Союз защиты Родины и свободы» (1918). Участник восстания в Рыбинске (1918), взятия Казани Народной армией (07.08.1918). Тяжело ранен. В антибольшевистских формированиях на Востоке России. Адьютант генерала В.В. Рычкова. Командирован в Томск (1919). В заключении в китайской тюрьме в Харбине (около трех месяцев, до 05.1921). Освобожден при содействии Б.В. Савинкова через французскую миссию. Во Владивостоке (на 1921). Выехал в Европу.

²³³⁴ Текст статьи публикуется по архивной копии.

органы власти, руководимые прохвостами, будут умышленно способствовать вредному направлению, до тех пор пока это направление им лично выгодно. С переменой условий они сразу меняются и перекрашиваются в защитный цвет; с показною страстностью доказывают неизбежность перемены, необходимость и обязательность ее; с азартом ругают тех идолов, которым только что кланялись, и, стремясь наивыгоднее для себя использовать новые условия, будут непрерывно кричать о себе, о своих заслугах, совершенно оттирая и затушевывая все честное и нравственное, с громкой наглостью лъстя вновь возникающим идолам.

Эти люди — типичнейшие представители преступников, и если они лично еще не совершили преступления, то не по тому, что это несогласно с их моралью, а потому, что либо не подвергнулся подходящий случай, либо мешала трусость.

Существование подобных людей в общественной жизни аморально, а потому они должны быть осуждены на политическую или физическую смерть в зависимости от рода совершенного преступления. Иметь их на службе в общественных установлениях значит подвергать опасности самое общество.

Если опасно развращающее влияние преступного или предательского элемента в таких учреждениях, в которых особенно высоко должно быть поставлено сознание долга и чести; в учреждениях, предназначенных добывать обществу значение и право и отстаивать их, хотя бы пришлось за это заплатить жизнью.

Нахождение предателей и шулеров мысли в подобных установлениях поведет к тому, что в самую опасную и роковую минуту, когда нужна особенная стойкость и неизменность, предатели, почуяв опасность, во имя личных интересов предадут общее дело, подведя на гибель самых лучших, доблестных и преданных долгу людей. Мало того, что предадут и погубят, но еще глумиться будут, называя людей чести и долга донкихотами и ограниченными дураками, не умеющими использовать условия времени.

Такие растлители душ, нередко люди с уголовным прошлым или наверно с уголовным будущим, — тип, особенно распространенный в революционную эпоху, когда на гребне волн разбушевавшегося народного моря выплывает вся нечисть, скрывавшаяся в его безднах.

И сколько видели мы за проклятый период русской революции этой нечисти, на время выплывавшей на поверхность бушующей стихии. Сколько против тех временных или долговременных предателей Родины, народной чести и народного блага; сколько имен, одним своим существованием навеки опозоривших тот народ, класс или корпорацию, которые могли в недрах своих таить подобную низость.

Мысли эти невольно возникают у меня по прочтении статьи А.С. Белоруссова «Красное офицерство», являющейся ответом на посланную в «Отечественные ведомости» мою рукопись²³³⁵ с воспоминаниями моими при занятии г. Казани, и последующей статьи А.С. Белоруссова «Необходимое объяснение».

Первая статья, касающаяся вопроса об офицерах армии, обслуживающих большевиков и Красную армию, заканчивается очень гуманным и примирительным предложением: «Должен быть создан чрезвычайный военный суд чести, и все без исключения русские офицеры, служившие у большевиков, должны предстать пред ним. Все поведение их, все обстоятельства, толкнувшие их на службу Красной армии, должны быть освещены до дна; и все те, кто не докажет чистоты своих намерений и невинности своих действий, должны будут снять мундир...»

²³³⁵ В тексте несогласованно: *моей рукописи*.

Бывшие красноармейские генералы и полковники и другие офицерские чины должны были быть благодарны А.С. Белоруссову за его крайне мягкое предложение. Напротив, мы, офицеры, не только не служившие, а боровшиеся против большевиков, выносившие от них, а следовательно, и от примкнувших к ним и обслуживающих их генералов и штаб-офицеров, всяческие заушения, издевательства и насилия, искренне упрекнули автора в слишком большой терпимости, тем более что А.С. Белоруссов в своей статье «Красное офицерство» привел выражения, высказанные мною в моих воспоминаниях, а именно: «почему одних за измену расстреливают; почему другие, несмотря на измену, благоденствуют».

Я знаю многих моих товарищей, которых большая терпимость автора к предателям глупо задела... Однако оказалось, что гласно обиделись те господа, бывшие совдеповские генералы и штаб-офицеры, некогда обслуживавшие добровольно большевиков и создавшие им Красную армию. Увы, такова природа преступления и преступников: им мало того, что преступление прощено или почти прощено; им необходимо обязательное гласное признание, что самое их преступление не есть преступление... а подвиг, добродетель.

И напрасно огорчается А.С. Белоруссов в своей статье «Необходимое объяснение», что статья его «Красное офицерство» произвела тяжелое впечатление на «офицеров русской армии, сражающихся с большевиками за воссоздание Родины и льющих кровь свою за дело, наиболее для нас дорогое»; нет, она произвела не на «сражающихся и льющих кровь» офицеров тяжелое впечатление, а на тех, кто служил большевикам, с ними вместе разорял и губил Россию и народ и сейчас не сражаются, а сидят на теплых местечках в штабах и учреждениях вблизи мест издания газет, проливая не кровь, а чернила.

Содержание и заключение статьи «Красное офицерство» не понравилось тем господам, которые действительно обслуживали Бронштейна-Троцкого, направляли красных разбойников против врагов советской власти, и если сами лично не совершали преступлений и не сражались [, то] только потому, что, не отличаясь храбростью, обладают большой трусостью и подлостью.

Я знаю одного генерала, который был военным руководителем у большевиков в г. Казани. Когда нами была взята Казань, он, как мне известно, падал в обморок от трусости, прятался у своего знакомого и, в конце концов, удрал в г. Самару, избежав наказания. Я знаю, где он сейчас, но, может быть, он сам откликнется...

Подобные господа и сейчас не сражаются, а «направляют» и «руководят», хотя стараются всех уверить, что они кровь проливают, сражаясь с красными разбойниками; они все силы употребляют, чтобы направить в ложную сторону общественное мнение: поэтому-то они кричат, что их оправдала история и они гордо пойдут вперед! Они хотят задушить голос печати и даже частное мнение, при первой попытке осветить их гнусную предательскую деятельность: поэтому они прикрываются званием «людей бьющихся и проливающих свою кровь»; пытаются захватить в лапы спрутов важнейшие органы управления, как то: штабы, цензуру, контрразведки, учебные заведения, газеты и прочее, чтобы иметь возможность не только скрыть, но облагородить свое поведение предателей.

Генералы и штаб-офицеры, особенно Генерального штаба, артиллеристы, инженерных войск, юристы и педагоги, служившие не по принуждению, а добровольно Бронштейну-Троцкому и Ленину, не допустимы в восстанавливаемой государственности, не только потому, что «здесь поставлена на карту честь мундира, хотя и она не лишена цены», но потому, что:

1. они своим присутствием будут растлевать душу армии — дисциплину, верность долгу и чести, без которых не только армия, но всякая организация не мыслима;

2. они воцарят недоверие, так как власть, поручающая ответственное дело бывшим красноармейцам, не может быть уверена в том, что при малейшем изменении выгодных для них условий они не перебегут туда, где им выгоднее;

3. наличие бывших красноармейских работников, попавших в плен, грозит тем, что власть не в состоянии проводить систематическую твердую политику, ибо красноармейцы, занимающие важные посты, будут вокруг себя создавать такие условия, которые не выставят в невыгодном освещении их прежнюю деятельность и, следовательно, будут покровительствовать и мирволить красным.

Если бывшие красноармейские генералы и полковники искренне сожалеют о том, что они обслуживали большевиков, и, так или иначе, помогали «пускать кровь из буржуазии и контрреволюционных попов и офицеров», то элементарная порядочность должна была бы подсказать им вступить в ряды вновь создающейся армии в качестве простых бойцов, чтобы, подвергаясь личной опасности в непосредственном бою, искупить свое преступление перед Родной.

Но ожидать этого — большая наивность. Напротив, все эти господа стараются сразу подалее забраться от линии боя, чтобы там, в далеком тылу, захватить какую-либо должность и на территории, освобожденной от советов и комитетов, собирать такие же сливки, как и [в] совдепии.

Вместо суда чести я предложил бы иной прием: обязать всех генералов, полковников и другие офицерские чины, ныне служащих в восстанавливаемой армии, прислать в центральный штаб, где нет бывших на службе у большевиков офицеров, письма с честным изложением обстоятельств, побудивших их служить советской власти. Эти письма должны быть опубликованы для всеобщего сведения.

Из всех лиц, приславших письма, сформировать войсковую часть и послать ее на фронт, чтобы все, невзирая на чины и возраст, лично и непосредственно сражаясь как рядовые бойцы с бывшими красными сослуживцами, искупили свое преступление. Срок может быть установлен сообразно с числом дней, проведенных на службе у Бронштейна-Троцкого. После отбытия срока им возвращаются права, и они зачисляются кандидатами на соответствующие должности.

Те же, кто, состоя на службе в восстанавливаемой армии, писем не пришлет и будет обнаружен в своей прежней службе большевикам, должен быть предан военно-полевому суду, и приговор должен быть приведен в исполнение без всяких послаблений и исключений.

Флегонт Клепиков

Клепиков Ф. «Красное офицерство» и «Необходимое объяснение» (размышления над статьями А.С. Белорусова) // Свободное слово (Тюмень). 1919. № 15 (BAR. V.F. Klement'ev Papers. Box 1).

Андогский А.И.

Академия Генерального штаба в 1917–[19]18 гг.

За последнее время в тюменской газете «Свободное слово» и в № 38 газеты «Отечественные ведомости» появились статьи, указывающие на стремление некоторой определенной группы лиц начать систематический поход против Всероссийской академии Генерального штаба в лице меня, как ее начальника, членов конференции и слушателей.

Понятно, что ни в какую полемику с этой группой лиц мы вступать не будем; это — ниже нашего достоинства, как учреждения государственного, деятельность которого по документам может судить история и компетентные государственные учреждения, а не отдельные безответственные лица, стремящиеся свести с академией свои мелкие личные счета.

Настоящим изложением я пользуюсь для того, чтобы осветить в глазах государственно мыслящих кругов военного и гражданского общества истинную картину жизни и деятельности академии за время с большевистского переворота.

Переворот в октябре 1917 года застал академию в Петрограде в период занятий по усиленной подготовке офицеров к службе Генерального штаба. Всего на старшем и младшем классах было свыше 300 старых кадровых офицеров, прошедших на фронте тяжелую боевую школу в течение 2–3 лет Великой войны и командированных из действующей армии с тщательным выбором.

Определенно выразившееся стремление большевиков разрушить старую боевую русскую армию побудило конференцию академии сразу же принять меры к тому, чтобы спасти от разгрома как самую академию, так и три сотни старых кадровых офицеров и сохранить их до лучших дней для борьбы за возрождение России. Принято было решение эвакуировать академию из Петрограда в направлении к тем окраинам, куда, по слухам, начинали стекаться русские люди для борьбы с большевиками. Мне, как председателю конференции, была поставлена задача — изыскать пути и средства к достижению указанной конференцией цели.

Подходящим предлогом для выезда академии из Петрограда являлась опасность захвата Петрограда германцами. Районом эвакуации конференция наметила Донскую и Кубанскую области, куда в начале декабря 1917 года и был командирован член конференции — Генерального штаба полковник Дрейлинг, — вошедший в сношения с генералами Алексеевым и Калединым (в Новочеркаске) и с Кубанским атаманом полковником Филимоновым (в Екатеринодаре). Последовавшие вскоре затем события не позволили академии эвакуироваться в казачьи земли и удержали ее в Петрограде до конца марта 1918 года.

Материальные нужды академии за этот период удовлетворялись из сумм, в избытке оставшихся по смете 1917 года и заблаговременно полученных в денежный ящик ее. Большевики до этого времени не трогали академию и не предъявляли к ней никаких требований. К марту же месяцу со стороны их стали появляться притязания ко всем академиям в связи с формированием Красной армии. Так как открытая борьба грозила разгромом академии, то решено было уклониться путем эвакуации в Сибирь под тем же предлогом — опасности занятия Петрограда германцами и недопустимости академии попасть в руки врагов. Понятно, что в стремлении эвакуироваться из Петрограда мне приходилось соприкасаться с представителями советской власти, так как дело касалось не отдельных лиц, кои каждый в отдельности могли бы бежать из Петрограда скрытно; дело шло о вывозе целого государственного учреждения с его многомиллионным имуществом и 300 обучавшихся старых офицеров прежней армии.

Решение эвакуироваться в Сибирь обуславливалось стремлением продвинуться возможно дальше в направлении к Дальнему Востоку, где, по слухам и имевшимся сведениям, — крепили элементы, выступившие на борьбу с большевиками.

Ценою больших усилий и порою унижений удалось произвести эвакуацию академии в Екатеринбург, где нашлось достаточное помещение для расположения ее. Эвакуация была

закончена к июлю 1918 года, до какого времени никаких занятий в академии не было, за исключением экзаменов со старыми офицерами, приехавшими с академией.

К этому времени стали крепнуть слухи относительно решения союзников выступить на поддержку уже боровшихся с большевиками чехословаков и молодых сибирских войск. Так как это вполне совпадало со стремлениями академии и ее постоянной союзнической ориентацией, то с ведома конференции мною в конце июня 1918 года был командирован в Москву во французскую миссию член конференции Генерального штаба подполковник Сыромятников, который уполномочен был заявить для доведения до сведения маршала Фоша, что академия имеет непреклонное решение служить делу возрождения России при дружеском взаимодействии с союзниками и приложит все усилия к тому, чтобы содействовать успехам чехословаков и сибирских войск, уже надвигавшихся на Урал, — и при первой к тому возможности перейти на их сторону. С тем вместе подполковник Сыромятников должен был передать разработанную профессором генералом Иностранцевым записку с планом создания фронта при помощи союзников на территории России против Германии и ее пособников — большевиков. Подполковник Сыромятников выполнил данное ему поручение в Москве в июле 1918 года, передав все сказанное во французскую миссию генералу Лаверн и полковнику Корбейль.

К июлю месяцу большевики решили свои притязания на академию облечь уже в осязательную форму. Конференция получила уведомление, что в Москве будет произведен набор бывших офицеров для назначения на младший класс в академию с целью создать деятелей Генерального штаба для Красной армии. Я немедленно отправился в Москву, дабы отпарировать этот удар. Удалось настоять на соблюдении определенных требований приема, вследствие чего к приему были назначены бывшие офицеры прежней армии, старые кадровые, искавшие выхода из Москвы. Георгиевские кавалеры, запечатлевшие свою верность России ранами в Великую войну. Они явились в Екатеринбург, но занятия с ними не могли налажаться, так как чехи и сибиряки уже наступали на Екатеринбург.

20 июля конференция получила требование от большевистского штаба — немедленно эвакуировать академию из Екатеринбурга ввиду приближения чехословаков. Пунктом эвакуации назначена Казань. Мне было сказано, что в случае нежелания выехать — мы будем принуждены к тому силою, а академия подвергнется разгрому. Идти на это в то время, когда цель наша — передача академии на сторону сибирских войск — близилась к осуществлению, было невозможно. Решено было: выехать, уступая насилию, — членам конференции, наперечет известным большевистскому штабу, и необходимому количеству слушателей и имущества, чтобы создать впечатление эвакуации академии; часть членов конференции, почти все имущество ее, наши семьи и большая половина слушателей были оставлены в Екатеринбурге; выезжавшие имели задачу — при малейшей возможности перейти на сторону чехословаков.

Из оставшихся в Екатеринбурге слушателей, — я направил 70 офицеров, под руководством подполковника Румшо²³³⁶ (ныне командир польского полка на Уфимском фронте), — в сторону чехословаков и возложил на него задачу выяснить первому же встреченному штабу причину выезда из Екатеринбурга меня, конференции и части слушателей.

Выехавшая часть академии погрузилась в поезд под наблюдением латышского батальона, пришедшего на станцию, и отправлена принудительно за несколько часов до вступления

²³³⁶ Так в тексте.

в город чехословаков. Как затем выяснилось, оставленные мною слушатели принесли большую пользу при занятии Екатеринбурга чехословаками и явились сотрудниками полковника Войцеховского и генерала Голицына.

Выехавшая часть академии доехала до Казани, не имея возможности осуществить общее стремление — перебраться на сторону чехословаков. В Казани мне было предъявлено требование немедленно выезжать далее вглубь страны, в Муром. Затянув под разными предлогами этот вопрос, мы рассеялись по городу на частные квартиры, на которых и скрывались до взятия города войсками капитана Степанова и капитана Каппеля. В это время комиссаром по борьбе с контрреволюцией Лацисом было отдано распоряжение о расстреле членов конференции и слушателей — и большевики приступили к розыску нас, но быстрое приближение к городу чехословаков и войск Народной армии и вооруженное выступление отряда офицерской организации спасло нас. Сами же мы были совершенно безоружные.

Капитаны Степанов и Каппель — оба питомцы академии — встретили меня и академию с полным доверием. Оставив им в помощь для штабной службы 30 слушателей — офицеров, — члены конференции с остальными слушателями выехали по Волге в Самару. Никаких арестов профессоров и слушателей в гостинице «Волга», как о том написано в № 38 «Отечественных ведомостей», — не было. Никаких красноармейских отличительных знаков мы не носили. Сведение об этом тоже совершенно ложно.

По прибытии в Самару я явился управляющему военным ведомством полковнику Галкину, и по его просьбе для службы в центральных управлениях и штабах подчиненных ему войск были оставлены несколько членов конференции и 70 слушателей академии.

Из Самары остальная часть академии направилась через Челябинск в Екатеринбург, где воссоединилась со второю половиною ее. Из Екатеринбурга, по приказу командующего Сибирскою армиею и управляющего Военным министерством Сибирского Временного правительства ген[ерал]-майора Гришина-Алмазова, — академия была эвакуирована в Томск. Как генерал Гришин-Алмазов, так и председатель Совета министров П.В. Вологодский, а равно другие министры встретили академию с полным доверием, как всероссийское государственное учреждение, и приветствовали ее прибытие.

До настоящего времени занятия в ней не были открыты, так как все слушатели ее, за полным почти недостатком офицеров Генерального штаба в Сибири, — немедленно же были призваны в штабы действующей армии на должности Генерального штаба (всего 150 офицеров), а многие члены конференции заняли ответственные посты в Военном министерстве и действующей армии. В настоящее время нет ни одного войскового штаба в Сибирской армии, в казачьих войсках и в тыловых округах, где не было бы слушателей академии на должностях Генерального штаба. Члены конференции занимают следующие высокие посты: генерал-майор *Сурин* — помощника военного министра по снабжениям, генерал-майор *Богословский* — начальника штаба Сибирской армии в Екатеринбурге у ген. Гайды, генерал-майор *Коханов* — начальника главного инженерного управления, полковник *Сурнин* — начальника штаба корпуса генерала Пепеляева, овладевшего Пермью, полковник *Сторожев* — начальника штаба Западно-Сибирского военного округа в Омске, полковник *Киященко* — начальника штаба Средне-Сибирского округа в Томске, полковник *Леонов* — 2-го генерал-квартирмейстера Ставки, полковник *Оберюхтин* — начальника организационного отдела Главного штаба, полковник *Касаткин* — главного начальника военных сообщений Ставки. Кроме того, до последнего времени занимали посты: полковник

Слижиков — помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего и полковник *Сыромятников* — 1-го генерал-квартирмейстера Ставки.

Из этого краткого объяснения видно, что основною задачею академии после большевистского переворота было освободиться от власти большевиков и перейти на сторону их противников; что, стремясь этого достигнуть в качестве целого государственного учреждения, академия принуждена была входить в неизбежный контакт с представителями советской власти; что переход ее в Казани на сторону противников советской власти является не случайным событием, а результатом долгого и настойчивого стремления.

Встреченная в Сибири генералом Гришиным-Алмазовым с полным доверием академия **сразу же активно выступила на службу в борьбе против большевиков**, заполнив своими сочленами (членами конференции и слушателями) **4/5 всех должностей Генерального штаба**. Эту работу она выполняет и поныне, дав возрождающейся России две сотни полезных штабных деятелей, без которых армия обойтись в настоящее время не в состоянии и которых заменить некем. На высших военных постах в центральных органах государственного управления, а равно и на ответственных оперативных постах, — всюду стоят ныне члены конференции академии, работая как по созданию армии, так и по руководству ее боевыми действиями. Продуктивность их работы и польза ее для дела возрождения России, — по общему отзыву, — неоспоримы.

Академия Генерального штаба является ныне единственным общегосударственным учреждением дореволюционной России, которое в полном составе, с имуществом, прорвалось с большевистской территории на территорию возрождающейся России, — сохранив полную способность приступить к выполнению своих государственных задач — по подготовке офицеров Генерального штаба, громадный недостаток коих чувствуется весьма сильно.

Поднятый определенной группой лиц поход против академии имеет несомненную антигосударственную цель: 1) **лишить государственную власть — ценных военных сотрудников**, из коих некоторые на своих специальных постах (как, напр., ген. *Сурин* — пом[ощник] воен[ного] мин[истра] по снабжениям) незаменимы вообще, а других некем заменить по недостатку офицеров Генерального штаба; 2) **дискредитировать корпорацию офицеров Генерального штаба**, — в среде которой на службе в настоящее время чины постоянного и переменного состава академии составляют 4/5 всех офицеров, несущих службу Генерального штаба в армии возрождающейся России в Сибири. Так как решительно все войсковые штабы укомплектованы чинами академии, то дискредитирование ее ведет к дискредитированию штабов в глазах войск и к дискредитированию исходящих из них боевых распоряжений, т.е. к подрыву боевой дисциплины; 3) **лишить государственную власть возможности вести подготовку новых офицеров Генерального штаба из среды войск возрождающейся России**.

Предъявлять ныне к чинам академии обвинение в том, что они соприкасались с органами советской власти, служили ей и получали от нее жалованье, — несвоевременно. Все почти ныне находящиеся на территории возрождающейся России лица служилого класса, которые были застигнуты на своих постах большевистским переворотом, продолжали оставаться на этих постах и при большевистской власти в течение некоторого времени, борясь за остатки разрушаемой государственности, и получали жалованье из государственной казны. Судить всех этих лиц — является задачею общегосударственной. По мере продвижения наших

войск на запад, таких лиц будет все больше и больше. Наконец, после изгнания большевиков из Европейской России и из столиц, встанет во весь рост вопрос относительно личного состава всех государственных учреждений дореволюционной России, застигнутых большевистским переворотом как в столицах, так и в провинции. В частности, все остальные военные академии (Николаевская инженерная, Михайловская артиллерийская, Военно-медицинская), а равно переформированные военные училища (почти везде с прежним составом преподавательского персонала) — в настоящее время открыты в Петрограде и Москве и работают.

Академии же Генерального штаба, стремившейся во исполнение решения ее конференции прорваться на территорию возрождающейся России, удалось осуществить это решение.

Она сразу же выступила на активную борьбу с большевиками частью в войсках на фронте, частью на ответственных постах в центральных управлениях, частью подготавливаясь к открытию занятий для ускоренной подготовки новых офицеров Генерального штаба, столь необходимых молодой армии.

Враги Родины стремятся остановить всю эту ее государственную работу нелепым обвинением в большевизме, правильно учтя, что этим самым они могут нанести верхам армии сильный и непоправимый вред и тем подорвать ее боевую работу. Это тем более ясно, что к весне армия разворачивается, количество потребных штабных работников увеличивается сильно. Дискредитирование академии и невозможность продолжать работу наносят армии и делу ее воссоздания и увеличения непоправимый удар. Дойти до такого безумного поступка могли только враги Родины, заинтересованные в разложении боевой мощи армии и в победничестве большевикам.

Судить состав академии, равно как и всех лиц, вынужденных соприкоснуться с советскою властью по тем или иным причинам, а также в будущем — и весь личный состав всех государственных учреждений Петрограда и Москвы, застигнутый на своих постах большевистским переворотом и, в борьбе за разрушаемую государственность, не покинувший их, — есть задача общегосударственная, — и не дело отдельных лиц, прикрываясь ею, вредить работе государственного строительства, а попутно — сводить свои личные счеты.

В заключение коснусь обвинений и упреков, направленных персонально по моему адресу:

1) Все обвинения, касающиеся общего поведения академии, не могут быть отнесены исключительно ко мне. Я действовал как председатель конференции, с ее ведома, во исполнение ее решений или с ее одобрения, а равно и при дружной поддержке всех слушателей-офицеров.

2) Мне делается упрек, что я попал на должность начальника академии неправильно, благодаря будто бы дружбе с Керенским, и что избран будто бы был генерал Алексеев. Все это сплошной вымысел. Фактически вопрос назначения начальника академии был выполнен следующим порядком. Во исполнение приказа военного министра *А.И. Гучкова*, — офицеры Генерального штаба как фронта, так и тыла наметили общим голосованием 4 кандидатов, из числа коих военный министр должен был утвердить одного по представлению начальника Генерального штаба или по собственному выбору. Общим голосованием были намечены 4 кандидата, получившие: генерал *Головин*: — 413 голосов, я — 373 голоса, третий — генерал *Алексеев* — 86 голосов и четвертым — генерал *Абрам Михайлович Драгомиров* — 73 голоса. Бывший тогда начальником Генерального штаба генерал *Ю.Д. Романовский* (ныне

представитель российского верховного командования при представителях союзных держав на территории России и находящийся ныне во Владивостоке) избрал меня и представил на утверждение тогдашнему военному министру Керенскому, который и утвердил меня. Никакой дружбы с Керенским у меня не было. Я даже никогда не видал его в натуре и даже не представлялся ему после своего назначения.

3) Самое тяжкое обвинение, возводимое на меня, — это то, что я будто бы подписал Брестский мир. Это тоже ложь. Я был отправлен в Брест по принуждению и по категорическому приказу и[сполняющего] об[язанности] начальника Генерального штаба генерала *Н.М. Потанова*. Такой же участи до меня подвергались и другие офицеры Генерального штаба, а совместно со мною подверглись: Ген. штаба генерал от инф[антерий] *Ю.Н. Данилов* и Ген. штаба капитан *В.А. Липский*²³³⁷. Мы вовсе не уполномочивались подписывать мирный договор. Наша задача была не от Совнаркома, а от Главного управления Генерального штаба и заключалась в следующем: принять все меры к тому, чтобы хоть отчасти улучшить условия договора в военном отношении, так как таковые ставили Россию в чрезвычайно тяжелое положение в стратегическом отношении. Наша деятельность заключалась в протестах против отдельных пунктов договора и, наконец, против всего договора и против самого факта заключения позорного мира.

Я подписал не мирный договор, а протест против заключения Брестского мира.

Поданные нами протесты в копиях имеются у меня.

Предъявляемое мне обвинение есть наглая ложь.

Начальник Всероссийской академии Генерального штаба, ординарный профессор Генерального штаба генерал-майор **Андогский**.

6-го января 1919 года.

г. Омск.

Андогский А.И. Академия Генерального штаба в 1917–18 гг. (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–7об.). Типогр. экз.

Клепиков Ф.Ф.

Красная паутина

**(Ответ начальнику Всероссийской академии Генерального штаба,
ординарному профессору, Генерального штаба
ген[ерал]-майору Андогскому)**²³³⁸

«Свободное слово» № 167

Тюмень, 1919 г.

Представьте, что в вашу квартиру проникли разбойники; что они лишили вас возможности сопротивляться; испытывая вашу беспомощность, злодеи глумятся, оскорбляют и насилуют то, что для вас самое дорогое, что составляет цель вашей жизни или самую жизнь... Вообразите состояние вашей души, вашего чувства к насильникам...

Многие из нас, за время пребывания в большевистской Москве, в Петрограде, Казани, Екатеринбурге и т.д., испытали насилия бандитов и хорошо помнят то чувство непримире-

²³³⁷ В тексте ошибочно: В.В. Липский.

²³³⁸ Текст статьи публикуется по архивной копии.

мой ненависти и гадливости, которые клекотали²³³⁹ в нашей душе к злодеям, растлившим жизнь страны.

Под влиянием спокойной и свободной жизни в Сибири напряженность этой ненависти и гадливости, может быть, несколько ослабела. Но вот статья «Академия Генерального штаба в 1917–[19]8 г.г.», вновь сполохнула начинавший было затихать огонь ненависти к проклятым насильникам. Огонь, который не горел в душе автора статьи, а, наоборот, он сам в нас его поддерживает.

Я до военной службы и во время ее привык с уважением относиться к военным начальникам. В нашем представлении непрофессионалов-военных понятие об офицере, а особенно о генерале или полковнике, как-то тесно слилось с представлением о доблести, мужестве и непоколебимой верности долгу.

Названная выше статья «Академия Генерального штаба в 1917–[19]18 г.г.» подписана полным званием автора — «Генерального штаба генерал-майор Андогский», следовательно, и автор, и единомышленники его, которых он перечислил в статье, — считают содержание ее всецело отвечающим требованиям, которые могут быть предъявлены к генерал-майору Генерального штаба и начальнику академии.

И что же. В статье «Академия Генерального штаба в 1917–[19]18 г.г.» не только не восхваляется доблесть или сознание долга, а, напротив, восхваляется совершенно противоположное. Автор не возмущается тем фактом, что часть генералов, штаб-офицеров и обер-офицеров служила у большевиков; что около трехсот молодых и здоровых офицеров задерживалось составом учреждения на той же службе под предлогом «сохранения их до лучших дней», тогда как при других условиях эти лица давно могли бы увеличить активную силу борцов за восстановление Родины. Не возмущается тем, что все они — профессора и прочее — авторитетом своего знания, опыта и положения поддерживали и, так сказать, санкционировали преступления против страны и народа. Напротив, статья предательство клятвопреступников пытается выдать за некий подвиг.

Воистину мракобесие. Когда Господь хочет покарать — он лишает разума, и потому-то автор, сляясь обелить черное дело — государственное преступление, — опозорил и оплевал то звание, которое он носит; гласно и публично показав, что он его недостойн и носить права не имеет.

Всякий, имеющий элементарную порядочность, знает какое различие существует между генералами и офицерами, прислуживавшими Бронштейну-Троцкому, и офицерами — врагами Бронштейна и Ленина. Но это различие, по-видимому, не ведомо автору или авторам статьи: «Академия Генерального штаба в 1917–[19]18 г.г.», а потому я для них приведу параллель между двумя группами военнослужащих: одна — боровшаяся с большевиками; другая — прислуживавшая большевикам.

Первая — «выгнанная» со службы, разжалованная в солдаты, лишена была не только жалования, но даже и гражданских прав; вторая — не только пользовалась всеми пролетарско-батрацкими правами, но и получала красноармейское содержание довольно крупных ставок.

Первая жила под постоянной угрозой лишиться прав даже на гражданский четвертьфунтовой хлебный паек; вторая получала красноармейский рацион в полном размере.

²³³⁹ Так в тексте.

Первая, скрываясь и прячась, ютилась, зачастую в углах и подвалах; другая жила комфортабельно, и для нее реквизировались лучшие «буржуйные» особняки в Москве, в Казани, в Екатеринбурге и проч.

Первая не могла собираться в группу из трех-четыре человек без риска быть обнаруженной и расстрелянной; вторая нагло заседала в совдепах, в комитетах, в театрах, в кинематографах, за табльдотами и проч.

Первая, если условия заставляли перемещаться из одного города в другой, бросала семью и имущество на произвол судьбы и часть пути совершала, не имея возможности пользоваться железной дорогой, пешком с мешком за плечами; вторая эвакуировалась в классных вагонах с чадами и домочадцами и с имуществом.

Первая, презирая советскую власть, не имела легальных видов на жительство; ежечасно угрожаемая арестами и расстрелами, преследуемая как дичь, сумела уберечь, носить и кое-где употреблять оружие; вторая, имея все виды охранительных федеративно-батрацких грамот, оберегающих личную неприкосновенность, оказалась «совершенно безоружной».

Первая тайно организовалась и, всячески, доблестно и честно боролась против Ленина, Бронштейна, Нахамкеса, Кина, Милха, Лациса и проч.; другая явно раболепствовала и прислуживала этим бандитам и прохвостам.

Первая, тайно и явно борясь с врагами до подхода освобождающих сил, оказывала всяческое им содействие, а в случае их прибытия немедленно вливалась в ряды их едва не рядовыми бойцами, несмотря ни на чин, ни на возраст; вторая, попадая в плен, когда красные подвергались разгрому, полагает, что она «прорвала фронт», и сразу, не присоединяясь к активным борцам, стремится подалее в глубину для захвата безопасных мест.

Которая же группа руководствуется принципами доблести и чести, обязательными для военнослужащего: боровшаяся, но страдавшая или унижающаяся, но наслаждающаяся[?] Для меня, как не начальника академии и не профессора, ясно, что первая группа действовала с полным сознанием долга, чести, любви к Родине и ненависти к ее врагам; вторая группа действовала без малейшего сознания долга, без любви к Родине и без ненависти к врагам ее, во имя сохранения личных благ, потеряв элементарное понятие о чести.

Эти две группы — два совершенно противоположные мира: свет и тьма, добро и зло, они друг друга никогда не поймут, как не понимает Генерального штаба генерал-майор Андогский и его единомышленники, что для их званий и положений совершенно недопустимо гласно подписываться под статью такого содержания, как помещенная в газете «Наша заря» и других газетах (Омск, январь 1919 г.).

В самом деле:

1. Допустимо ли для Генерального штаба генерал-майора смешивать и в одно соединять академию, как учреждение, и лиц, обслуживающих это учреждение[?] Учреждения могут быть почтенны, но персонал учреждений — зачастую морально убог.

2. Допустимо ли для Генерального штаба генерал-майора и совместимо ли с понятием о воинской чести и достоинстве добиваться разрешения задач путем унижения не только личного, но и профессионально-военного, пред заведомыми губителями Родины, как наивно сознается автор, возвышая свое раболепство пред Бронштейном в подвиг[?]

3. Допустимо ли для Генерального штаба генерал-майора и профессора академии удерживать при себе триста здоровых молодых людей, кадровых офицеров, вместо того чтобы преподав им систему тайной организации, объединить их огнем ненависти к большевикам

и, разослав их по различным участкам группами, увеличить число активных врагов советской власти[?]

Впрочем, генерал-майор говорит, что он «три сотни старых кадровых офицеров “сохранил” до лучших дней для борьбы за возрождение родины», т.е. очевидно хотя бы в полном контакте с большевиками.

4. Допустимо ли для Генерального штаба генерал-майора, имея все виды охранных пролетарско-батрацких грамот, не озаботиться о том, чтобы 350 человек, состоящих под его начальством, не оказались «совершенно безоружными», когда многие из нас, враги большевиков, неоднократно подвергавшиеся обыскам и арестам, сумели сохранить оружие[?] Или военный профессор забыл старый афоризм ландскнехтов: «Ты не уберег своего оружия, значит, не уберег своей чести».

5. Допустимо ли для Генерального штаба генерал-майора быть столь наивным и ожидать, что его «большие усилия и порою унижения» увенчаются успехом, когда он будто бы убеждал «представителей советской власти эвакуировать» состав академии с семьями и имуществом в лагерь врагов советской власти «в Донскую и Кубанскую области», потом «путем эвакуации в Сибирь», наконец «эвакуации академии в Екатеринбург»[?] Неужели нужно быть академиком и профессором, чтобы понять, что враг не старается увеличить число своих врагов, а старается уменьшить их. Поразительное терпение выказал он, ожидая эвакуации с ноября месяца 1917 года по июль 1918 года.

6. Допустимо ли для Генерального штаба генерал-майора, военного профессора и начальника академии считать пленение свое и своих сотрудников при занятии города Казани добровольцами и чехами равносильным «прорыву с большевистской территории на территорию возрождающейся России»[?] Если его питомцы сдачу врагу и пленение будут считать прорывом, то ведь они все при первой опасности сдадутся в плен. Шутник «великий и маститый Александр Иванович».

7. Допустимо ли для Генерального штаба генерал-майора, военного профессора и начальника академии вменять себе в заслугу, что под видом эвакуации, в мечтах и в действительности кочуя по большевистской территории, получая от большевиков приказания и жалование, он в то же время посылал чинов академии «к генералу Алексееву, к генералу Лаверню, к первому встречному штабу»[?] Иначе говоря, на всякий случай, одновременно он заискивал перед врагами тех, которых сам, ради денег и личной безопасности, обслуживал добровольно. Неужели это — заслуга[?] Тогда за что же история и народ в 1606–1612 г.г. клеймили тушинцев названием «ворами»[?]

Я знаю, что все люди с психикой, не поврежденной большевизмом, на вышеперечисленные положения, взятые из статьи «Академия Генерального штаба в 1917–[19]18 г.г.», скажут — недопустимо.

Но не так смотрит Генерального штаба генерал-майор Андогский и его единомышленники: они не поймут, почему недопустимо. Для них это так же допустимо, как вновь перебежать на нашей территории на территорию красных и последних уверять, что они вырвались из нашего плена, «прорвав фронт» и т.д.

Это типичнейшие представители той категории людей, о которой я уже писал, отвечая А.С. Белоруссову на его статьи: «Красное офицерство» и «Необходимое объяснение».

После этого необходимого вступления перейду к скорпионам автора, направленным против фактов и положений, высказанных мною в моих воспоминаниях при занятии г. Казани.

Прежде всего сознаюсь, что нас, лиц, единых со мною в прямоте и честности взглядов, немного, и потому мы находимся не в таких роскошных условиях, чтобы «отказаться от всякой полемики» с нашими врагами. Нас мало, а господ, противоположных нам по взглядам, за проклятый период революции расплодилось много. Кроме того, когда мы думаем принести посильную пользу стране, мы «не унизим наше достоинство» честного человека, когда ответом разоблачим ложь и откроем читателям глаза на истину.

Впрочем, и автор, вначале самодовольно заявив, что «ни в какую полемику» вступать не будет и что настоящим изложением «пользуется, чтобы осветить картину жизни и деятельности академии», посвятив, однако, «картине и жизни» академии с длинными лирическими отступлениями всего одну треть статьи, а две трети ее посвящены исключительно полемике, наветам и науськиваниям.

Итак, автор дважды повторил, что «некоторая определенная (кем?) группа лиц» подняла (!) поход против академии, стремясь «свести свои мелкие счета».

Утверждаю, что ни к какой «определенной группе» не принадлежу; с академией никаких счетов и никакого отношения к ней не имею. Писал свои воспоминания о занятии г. Казани, о событиях, в которых мне лично приходилось принимать участие. Не моя вина, что г. Андогский оказался одним из объектов, против которого мне пришлось применить силу и потому припомнить его в моих воспоминаниях. В гостинице «Волга» я его арестовал: если бы я тогда знал, что это — он, то лицо, которое принимало участие в заключении предательского «похабного» Брест-Литовского мира, я бы застрелил его там же, на месте, не считаясь ни с какими записками капитана Степанова. Подтверждаю, что он, Андогский, и сопутствовавшая ему клика трусливо под дулом моего револьвера сбились в кучу в коридоре гостиницы и не были сразу направлены в казармы сербского отряда майора Благодича только по отсутствию со мною конвоиров. Участники ареста — офицеры. По освобождении г. Казани предъявлено и других свидетелей, знающих г. Андогского и оказавших мне содействие.

Что генерал Андогский участвовал в комиссии, заключившей изменческий Брест-Литовский договор, известно почти всей России: в марте и апреле месяцах 1918 года все советские газеты об этом писали. Тогда г. Андогский не выступал с опровержением и не заявлял о том, что он подписал какой-то протест. Вынужденный необходимостью, теперь, спустя год, он это отрицает, забывая, что подобный протест можно написать когда угодно и где угодно. Важно то, что начальник академии Генерального штаба генерал-майор Андогский участвовал в комиссии по заключению изменческого Брест-Литовского обязательного мира, а не в подписании не обязательного протеста.

Заявление автора статьи, что предъявленное ему обвинение «наглая ложь», меня несколько не удивляет и не обижает, ибо я знаю, с кем имею дело. Знакомый мне судебный следователь, рассказывая свои воспоминания, несколько раз подтверждал, что квалифицированные преступники особенно склонны отрицать очевиднейшие улики.

Достаточно удивления [вызывает] и то обстоятельство, что, несмотря на заключенный мир, автор все же опасался занятия Петрограда немцами. Это будто бы и побудило его «ценою больших усилий (?) и порою унижений» просить Бронштейна-Троцкого об эвакуации. Однако нам известно, что вообще с апреля месяца 1918 года большевики начали разгружать Петроград от учреждений, т.к. городу грозила голодовка. Тогда и были эвакуированы в Москву — Государственный банк, Главное казначейство, Главный штаб и проч., а в Екатеринбург — академия Генерального штаба. Главный мотив эвакуации в этом, а не «в долгом и

настойчивом стремлении» перейти «на сторону врагов советской власти в качестве целого государственного учреждения». Вообще автор придает какое-то мистическое и кабалистическое значение выражению «целое общегосударственное учреждение». Погибай мир — и да живет академия.

Не могу обойти молчанием еще одно заявление автора о том, что «по прибытии в Казань мы рассеялись на частные квартиры и скрывались» и что комиссаром Лацисом было отдано «распоряжение о расстреле членов конференции и слушателей»... Я в качестве разведчика нашей тайной организации ежедневно посещал гостиницу «Волга». За таблодом я видел до последних дней г. Андогского и его сотрудников, восседавших за обедами и завтраками. Квартира для него реквизирована была на улице Гоголя, а визитная карточка его красовалась на номерной доске в гостинице «Волга». Без ведома большевистского учреждения по отводу комнат ни один домовый комитет в Казани комнат не уступал, а потому и для других чинов комнаты были предоставлены по способу красной реквизиции.

Для академии было реквизировано здание Коммерческого училища. Распоряжения комиссара Лациса мне известны, и из них не было ни одного, в котором он специально угрожал членам конференции и слушателям. Хотя автор статьи в этом пункте несколько погрешил против прежних своих сослуживцев, однако в общем он все же относится к ним очень политично: никаких резких выражений, а только «большевики» и «представители советской власти». Может быть, такая мягкость пригодится. Зато совершенно беспощаден он по отношению врагов советской власти, т.е. к той предполагаемой им «определенной группе лиц», которая приподняла занавеску над делишками и осветила истинным светом тот уголок, в котором сидели «на банкете 26 ноября» бывшие красноармейцы, превознося один другого в величавых тостах... Против этой группы лиц, в том числе и меня, автор не скупится выражениями.

Страшен черт, но милостив — Бог.

Меня не пугают науськивания совдепского генерала, и я твердо повторяю, что:

1. Выбросить из среды командного и управляющего персонала заведомых перебежчиков, бывших добровольных красноармейцев, не значит «лишить государственную власть ценных военных сотрудников», но, наоборот, значит укрепить морально государственную власть и избавить ее от возможной измены;

2. Назвать предателей, изменивших долгу офицера, не значит «дискредитировать корпорацию офицеров Генерального штаба», а значит избавить эту корпорацию от того негодного элемента, который ничего общего с доблестью и честью не имеет и свой истинный душевный уровень только незаслуженно прикрывает званием офицера Генерального штаба;

3. Открыть аморальные факты из жизни лиц, которым доверено дело государственной важности, не значит «лишить государственную власть возможности вести подготовку новых офицеров Генерального штаба», а значит оказать честное содействие этой власти по передаче дела в более надежные, верные, не замазанные большевистскими деньгами руки. Иначе они подготовят деятелей с такой же гибкой совестью, какую имеют сами.

Иначе ведь всех этих проклятых генералов: Бонч-Бруевича, Черемисова, Клембовского, Балтийского, Надежного, Болховитинова, Новицкого, Гришинского, Пневского, Незнамова, Парского и проч., которые в настоящее время ведут операции против наших войск, придется считать «стремящимися прорваться из большевистской территории на территорию возрождающейся России».

В том, что многие из служивших красноармейцев «вступили в активную борьбу с большевиками на фронте, частью на ответственных местах», ничего удивительного нет: им ничего не оставалось делать, как получать содержание из другого, хотя бы противоположного источника. Другое дело, если бы эти господа вступили в борьбу с красными разбойниками, не заседа в безопасных местах, а рядовыми бойцами, лицом к лицу с врагом, лично подвергаясь опасности боя. Многого можно было бы им простить. Но этого они не сделают.

Поэтому не враги Родины открывают предательское поведение красноармейцев, а истинные сыны Родины, не лобызавшие рук Бронштейна и Нахамкеса...

Когда мне, арестовавшему врагов Родины в гостинице «Волга» в Казани, эти самые враги ныне сладкоречиво напевают о благе и спасении Родины, я всегда вспоминаю льстеца и предателя Иуду: он предал своего Учителя не чем иным, а знаком выражения любви — поцелуем. Поэтому я повторяю: не верь предателям.

Флегонт Клепиков

Клепиков Ф. Красная паутина (Ответ начальнику Всероссийской академии Генерального штаба, ordinarily профессору, Генерального штаба ген.-майору Андогскому) // Свободное слово (Тюмень). 1919. № 167 (ВАР. V.F. Klement'ev Papers. Box 1).

Щепихин С.А.²³⁴⁰

Беседа с начальником Военной академии Александром Ивановичем Андогским

«Если вас, С[ергей] А[рефьевич], интересует судьба нашей общей с вами Alma mater, я с удовольствием поделюсь моими данными», — начал А.И. Андогский.

«В последнее время, да, вероятно, и на долгое будущее столько слышишь всевозможных инсинуаций по адресу академии и ее руководителей, что прямо совестно иногда становится за авторов.

В частности, я, как последний по времени начальник академии, должен был принять на себя главную массу всех обвинений, без возможности оправдаться, так как печать мне была заказана, а мои официальные доклады кладутся под сукно.

Я лично являюсь наиболее ответственным, а поэтому и наиболее пострадавшим лицом во всей этой эпопее: как вы знаете, до сих пор мне не дают никакого назначения, не доверяют и одно время меня даже подвергли остракизму — я был удален в Шанхай

²³⁴⁰ Щепихин Сергей Арефьевич (01.10.1880–18.03.1948) — из обер-офицерский детей Уральского казачьего войска. Уроженец станицы Январцевской Уральского уезда Уральской обл. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1898), Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду (09.08.1900) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1908). На службе с 01.09.1898. Хорунжий (с 09.08.1900 со ст. с 09.08.1899). Сотник (за выслугу лет, с 01.07.1904 со ст. с 09.08.1903). Подъесаул (за боевое отличие, с 30.12.1906 со ст. с 18.04.1905). Есаул (за отличные успехи в науках в Николаевской академии Генерального штаба, с 02.05.1908). Переведен в Генеральный штаб с переименованием в капитаны (Высочайший приказ 11.05.1911). Подполковник (с 06.12.1914). Полковник (со ст. с 06.12.1915; на 1917 даровано ст. с 06.12.1914). Генерал-майор (за боевое отличие, приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего 24.12.1918 со ст. с 06.12.1918). Во 2-м Уральском казачьем полку (09.08.1900–13.10.1903; с 22.05.1904). Участник Русско-японской войны в 4-м Уральском казачьем полку (с 10.10.1904), вр. командующий 1-й сотней (02.02–20.03.1905; 10.06–27.09.1905). Участник набегов на Инкоу и Фукумынь, сражений под Сандепу и Мукденом. Командир сотни 1-го Уральского казачьего полка (28.10.1908–18.11.1910). Обер-офицер для поручений при штабе Омского военного округа (11.05.1911–15.01.1914). Летом 1912 г.

В то же время мои сотрудники по академии, профессора, как старшие, так и младшие, получили возможность работать, даже на очень ответственных постах. Правда, высота занимаемого ими ныне положения находится в открытой зависимости от степени теплоты моих с ними отношений: кто меня из бывшей профессуры наиболее поносит (да, не удивляйтесь,

совершил рекогносцировочную поездку в Тарбагатайский округ Синьцзянской провинции Китая для сбора сведений о китайских вооруженных силах в приграничной с Россией полосе, о военно-политической обстановке после китайской революции 1911 г., о положении национальных меньшинств округа (казахов, монголов, уйгуров) и описания путей сообщения между Семиречьем и Синьцзяном. Ober-офицер для поручений при штабе Киевского военного округа (с 15.01.1914). Участник Первой мировой войны. Вр.и.д. штаб-офицера для поручений при отделе генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии Юго-Западного фронта (с 01.08.1914), вр.и.д. старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии Юго-Западного фронта (с 25.11.1914), старший адъютант общего отделения отдела генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии Юго-Западного фронта (06.12.1914–1917), вр.и.д. генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии (11–28.05.1915). Командир 2-го Уральского казачьего полка (с 13.03.1917, по другим документам — с 10.04.1917). Участник Гражданской войны. Начальник штаба Уральской армии (17.02–06.1918), начальник войскового штаба Уральского казачьего войска. В Народной армии самарского Комитета членов Учредительного собрания начальник полевого штаба Поволжского фронта (с 15.08.1918), начальник штаба Самарской группы войск (12.10–25.12.1918). Вр.и.д. начальника штаба Западной армии (приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего 24.12.1918). Начальник штаба Западной армии (01.01–21.05.1919). Под его непосредственным руководством разработана наступательная операция Западной армии на Уфу и далее к р. Волге. Допущен к и.д. начальника снабжения Южной армии (с 20.05.1919 — приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего № 538. 20.06.1919). Начальник снабжения Южной (впоследствии Оренбургской) армии (с 16.06.1919). Зачислен в распоряжение генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армией Восточного фронта (07.10.1919). Участник Сибирского Ледяного похода. Начальник штаба 2-й армии (с 12.11.1919–27.01.1920). Начальник штаба главнокомандующего Восточным фронтом (с 27.01.1920), затем начальник штаба войск Российской Восточной окраины. Оставил свой пост (05.1920) и выехал из Читы в Китай (05.05.1920). Затем отправился в Константинополь, куда прибыл в день эвакуации Русской армии генерала П.Н. Врангеля из Крыма. В качестве эмигранта проживал в Турции, Чехословакии, где занимался литературным трудом. Автор ряда военно-географических трудов и обширных воспоминаний о Гражданской войне. В апреле 1933 г. часть своих рукописей передал в архив Гуверовского института войны, революции и мира при Стенфордском университете (США). Другая часть — в Русском заграничном историческом архиве (ныне — в ГАРФ). Умер после тяжелой болезни в больнице в Праге, похоронен на Ольшанском кладбище. Награды: 1905 — Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст. с мечами, чин подьесаула; Св. Анны 2-й ст. (06.12.1912), светло-бронзовые медали в память 300-летия царствования дома Романовых, за труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 г., мечи к ордену Св. Анны 2-й ст. (23.12.1914, Высочайший приказ 13.01.1915), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (23.12.1914, Высочайший приказ 13.01.1915), объявлена благодарность (приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего 14.01.1919), знак отличия военного ордена «За Великий Сибирский поход» 1-й ст. № 4 (27.04.1920; знаком отличия 2-й ст. награждена супруга Щепихина). Супруга вдова штабс-капитана Александра Киприановна Ерофеева. Сын Вадим (28.03.1922–10.10.1987, Прага, в действительности, по данным потомков, его отцом являлся генерал С.Н. Войцеховский, но ни Щепихин, ни Войцеховский об этом не знали). Послужной список: РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 41456 (на 01.11.1915 г.). Соч.: Отчет о поездке в Тарбагатайский округ Западного Китая летом 1912 г. Омск: Изд. штаба Омского военного округа, 1913; Омский военный округ. Военно-географическое и статистическое описание. Тыловой район. Отд. 1–2: Орография и гидрография района. Омск: Изд. штаба Омского военного округа, 1913; То же. Отд. 3: Пути сообщения. Ч. 1: Железные дороги; Ч. 2: Водные пути; Ч. 3: Грунтовые дороги. Омск: Изд. штаба Омского военного округа, 1914; Тридцать два месяца в штабе 3-й русской армии. На фронте мировой войны (1914–1917) (б/д., машинопись); Штаб 3-й армии в Великую войну (Галицийский период) (1928, рукопись); Уральское казачье войско в борьбе с коммунизмом (рукопись); Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака. Июль–октябрь 1919 г. (б/д., рукопись); Конец Белого движения в Сибири (б/д., рукопись); Капшелевцы в Чите в 1920 г., или Японская интервенция (1928, машинопись); Сибирь при Колчаке (1930, рукопись); Под стягом Учредительного собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г. Прага, 1930. Вып. 1; Рец. на кн.: ген. П.П. Петров. «От Волги до Тихого Океана в рядах белых». Рига, 1930 // Сибирский архив. Прага, 1930. Вып. 3. С. 134–138.

есть, к сожалению, и такие), тот получает и более высшее назначение. Так, например, генерал Матковский — командующий войсками Омского военного округа, т.е. на посту весьма ответственным и ближайшем Колчаку. Почему? Он, видите ли, перед захватом Екатеринбургa белыми, когда академия находилась в этом городе, невзирая на мой приказ, покинул академию и удрал в Омск, где и распускал всю эти невероятные инсинуации об академии, и в частности обо мне, в результате которых, с одной стороны, он, оболгав себя, получил ответственный пост при Колчаке, а, с другой, на мою репутацию пало несмыслаемое пятно. По его совету, поддержанному генералом Лебедевым, и была произведена та знаменитая анкета обо мне, в которой большинство моих однокашников, к сожалению, плохо осведомленных, высказались отрицательно о моей кандидатуре.

Теперь я перейду к описанию тех мытарств, через которые прошла академия под моим начальством²³⁴¹.

I. Мобилизация

С момента общей мобилизации императорской армии Военная академия была закрыта. Эта громадной важности ошибка осознана была лишь через два года войны, когда организм армии начал остро ощущать «мозговой» голод. Действительно, наша армия к началу войны имела в своих рядах около 1000 офицеров Генштаба; цифра эта, вполне достойная при армии в 1 1/2 – 2 миллиона, являлась каплей в море при 7–8 миллионах.

Прежняя тактическая ошибка расходования генштабистов не по прямому назначению оставалась в силе: по моему мнению, с самого начала войны надлежало, не закрывая академию, наоборот, усилить прием в нее молодежи, отнюдь не сокращая программу, а лишь освежая профессорский состав новыми, умудренными событиями текущей войны лицами.

Вторая организационная ошибка нашего Военного министерства в том, что он[о] оставил[о], сохранил[о] прежнюю систему прохождения службы генштабистами, сократив лишь некоторые сроки для стажа в строевых частях. Эти последние отнимали у Генерального штаба около 35–40% его состава, не считая того вреда, который наносила такая система общему делу, сопровождаясь беспрестанными перемещениями генштабистов.

II. Открытие академии

В ноябре 1916 года, т.е. за три месяца до революции, академия возобновила прием. Но это уже не была академия в прежнем значении — это были военные курсы с сильно урезанной программой и значительно сниженными требованиями. Слушатели академии нового созыва, правда, были выше похвал: это в большинстве боевые офицеры с огромным опытом, но программы, к сожалению, были весьма узки, а потому академия могла давать лишь недоучек.

В академии было всего два курса, длительность которых всего по 4 месяца. Таким образом, и программа, и длительность учебного периода не давали возможности выпускать действительно готовых офицеров Генштаба²³⁴².

²³⁴¹ В дальнейшем параллельно с изложением Андогского я в особых примечаниях считаю нужным для ясности и объективности дать свои дополнения (*примеч. С.А. Щетихина*).

²³⁴² Кроме того, и состав профессоров был число случайный: с одной стороны, устаревшие, не бывшие давно в строю и не появлявшиеся на фронте, а с другой, их недавние ученики — «молодняк» без опыта профессорского и зачастую и без опыта войны, так как при выборе царствовал, как всегда, протекционизм. Настоящие профессора, ушедшие на фронт при мобилизации, остались там и не вернулись (*примеч. С.А. Щетихина*).

III. Академия при Временном правительстве

Первым шагом Временного правительства было проведение выборного начала. В выборах приняли участие все офицеры нашего Генерального штаба и слушатели академии. Кандидата было два — я (Андогский) и Николай Николаевич Головин. Я был в то время правителем канцелярии академии, а генерал Головин — начальником штаба Румынского фронта у генерала Щербачева. Выбор пал на меня²³⁴³.

Внутренний порядок жизни академии мало изменился. Лишь реорганизован был высший совещательный орган — конференция, в ее состав вошли и слушатели академии.

Бывший начальник академии ген. Петерс получил высшее назначение, а его действия по прежней должности подверглись незначительной критике со стороны комитета академии, введенного в ней по образцу комитетов в армии. Комитет, рассмотрев деятельность г[енерала] Петерса, ничего преступного не нашел, указав лишь (по настоянию членов комитета от писарской команды академии) на неправильное пользование начальником академии автомобилем²³⁴⁴.

²³⁴³ Личность начальника академии царского режима, при наличии конференции профессоров, не играла той роли, которая этой должности присвоена была в последующий военный период. Конечно, если во главе академии ставилось лицо с высоким, неоспоримым авторитетом, как, например, генерал Леер, то превалирующая роль начальника академии выпукло выступала, но это всецело зависело от личности, а не от должности. В военный период при молодом составе профессуры личность н[ачальника] академии всегда импонировала, а при выборной системе начальник академии сразу выдвигался на первый план.

Постепенно академия из ученого учреждения обратилась в строевую часть. Выборность н[ачальника] академии (дань времени) была бы понятна при царском режиме, когда из равных членов конференции избирался достойнейший. Выборность в этот, революционный период, при общем упадке дисциплины, была безусловно вредна: во-первых, в выборах почему-то приняли участие слушатели академии, во-вторых, выборы при фронтовом расположении трудно было провести нормально: многие уклонились от подачи голосов, некоторые отписались или дали свой голос, не обдумавши серьезно кандидатуры; кроме того, и поле выбора было ограничено двумя всего кандидатами; если Н.Н. Головин был в то время уже фигурой, то облик Андогского представлял загадку, да и знакомство с ним в широких кругах Генштаба было весьма ограничено. Отсюда мы вправе назвать избрание Андогского случайным, а его положение при участии в выборах и слушателей (т.е. подчиненных) — весьма ложным (*примеч. С.А. Щепихина*).

²³⁴⁴ Личность А.И. Андогского вполне обрисовалась при большевиках, но и при Врем[енном] правительстве он сделал, по-моему, два ложных шага:

Во-первых, допустил в конференцию выборных от слушателей академии (по настоянию свыше, как заметил Андогский), которые были этим фактом поставлены в положение судей своих же товарищей. Это могло и должно было внести лишь нездоровую атмосферу. Правда, по замечаниям Андогского, «слушатели своим правом не пользовались и в заседания конференции не являлись». Но это надо отнести уже к такту самих слушателей, а не начальника академии. Начальник академии имел выход сформировать особый комитет слушателей, где они решали бы свои дела, курсовые, но отнюдь не смешивая их в общеакадемический комитет, где представлены были и писаря, и служители академии.

Второй промах Андогского — допущение на обсуждение комитета, т.е. тех же писарей и служителей, вопроса о правомерности действий прежнего, не выборного начальника академии.

По этим двум фактам уже можно себе составить определенное мнение о фигуре первого выборного начальника академии: ни твердости характера, при всех данных к тому по обстановке, ни такта, ни соблюдения азбучных понятий об этике (суд своего предшественника) Андогский не проявил.

Не проявили этих качеств и профессора академии, совершенно и полностью солидаризируясь со своим начальником.

Чего было ожидать от такого возглавления академии? По-моему, одного — академия отныне должна катиться по той наклонной плоскости, наверх которой стал отважно и сначала необдуманно поставил, возвел ее Андогский. Оппортунизм, видимо, был присущ натуре Андогского, и им он заразил остальную профессуру.

IV. Академия при большевиках

При большевиках академия получила комиссара, весьма приличного господина, который в учебную часть не вмешивался.

Состав слушателей оставался прежним, и красных офицеров мы не видали.

Правда, против самого существования академии велся весьма солидный напор, как пережитка царского режима, и мне больших усилий стоило укреплять позиции академии. В этом мне много помог Троцкий, отлично понимавший значение спецов и важность иметь их на своей стороне.

В дальнейшем я как начальник академии всю свою энергию расходовал на улаживание трений с центральным правительством, в чем мне, правда, существенно помогал Троцкий, а также на скольжение между Сциллой и Харибдой в образе комиссара и комитета.

По существу, занятия в академии протекали по инерции, и у начальника ее не было фактически возможности серьезно отнестись к делу: период был переходный, временный.

Чтобы избавиться от гнета централизма, мне пришла в голову блестящая идея — добиться перемещения академии вглубь России, и таким пунктом мной был намечен Екатеринбург: удален от центра, от ж[елезно]д[орожной] магистрали и вообще от всяческих влияний и в то же время сравнительно культурный пункт. “Вырваться из-под гнета большевиков” — стало нашим девизом.

Вот данные о составе профессоров:

В момент мобилизации: 1. Колюбакин, 2. Баиов, 3. Елчанинов, 4. Юнаков, 5. Головин, 6. Незнамов, 7. Келчевский, 8. Иностранцев, 9. Болдырев, 10. Геруа, 11. Матковский, 12. Филатьев, 13. Христиани, 14. Медведев, 15. Коханов, 16. Гобято, 17. Витковский, 18. Сергиевский, 19. Свищов, 20. Зейфарт, 21. Даниловский, 22. Черемисов, 23. Измestьев, 24. Марков, 25. Лебедев, 26. Андогский, 27. Кривенко, 28. Бонч-Бруевич, 29. Рябиков, 30. Балтийский, 31. Савельев, 32. Буняковский, 33. Златолинский, 34. Алексеев, 35. Енгальчев²³⁴⁵.

При мобилизации ушли из академии и в нее не вернулись совершенно:

- а) расстреляны большевиками на фронте — Елчанинов (1);
- б) ушли на белые фронты: Юнаков, Келчевский, Болдырев, Марков, Савельев (5);
- в) ушли к большевикам: Незнамов, Измestьев, Лебедев П.П., Бонч[-Бруевич], Балтийский (5);
- г) неизвестно где находились (за границей?): Головин, Геруа, Гобято, Черемисов, Кривенко, Буняковский, Златолинский, Алексеев, Енгальчев (9).

Остальные 15 человек остались при академии или вернулись в нее.

В ноябре 1916 г. с фронта прибыли в академию нового состава: 36. Сурин, 37. Слижи-ков, 38. Дюсиметьер, 39. Поляков, 40. Леонов, 41. Антонович, 42. Осипов, 43. Богословский, 44. Капустин, 45. Гушин, 46. Смелов, 47. Сторожев, 48. Сыромятников, 49. Дрейлинг, 50. Плющевский, 51. Киященко, 52. Солдатов (17).

Итого 32 чел. плюс начальник академии Петерс.

Академия в Екатеринбурге. В первой половине марта академия прибыла в Екатеринбург (1918 год) в составе следующих профессоров: 1. Колюбакин, 2. Матковский, 3. Филатьев, 4. Христиани, 5. Медведев, 6. Коханов, 7. Андогский, 8. Рябиков, 9. Иностранцев, 10. Су-

И это в тот период, когда данных с такой поспешностью переходить на «новые рельсы» еще не было, когда офицерство армейской массы еще способно было и склонно к сопротивлению (*примеч. С.А. Щепихина*).

²³⁴⁵ Здесь и далее сведения о профессорско-преподавательском составе ошибочные. Точные данные см. в основной части книги.

рин, 11. Слижиков, 12. Леонов, 13. Антонович, 14. Осипов, 15. Богословский, 16. Касаткин, 17. Смелов, 18. Сторожев, 19. Сыромятников, 20. Киященко, 21. Солдатов.

Из 32 человек — 21.

Баиов, Сергиевский и Свицов — скрылись из академии до ее переезда и перешли на нелегальное положение. Витковский (расстрелян²³⁴⁶), Зейфарт и Даниловский остались в Петрограде легально ввиду преклонного возраста.

Дюсиметьер, Поляков, Дрейлинг и Плющевский ушли к белым.

Гущин — перешел на службу к большевикам²³⁴⁷.

²³⁴⁶ Эти данные неверны.

²³⁴⁷ Итак, тихо и безболезненно академия перешла на службу большевикам и покатила по той наклонной плоскости, на вершину которой ее столь искусно возвел Андогский. Сначала это была лишь шкурная необходимость — надо было кормиться. Правда, Андогский все это сильно завуалировал, говоря, что он спасал, должен был спасти ученое учреждение и ценнейшее его имущество (библиотеку). Этот мотив давно известен: еще на фронте Великой войны был все оппортунисты Генштаба прикрылись этим мотивом: кто спасал имущество (как будто что-либо можно было спасти тогда!), кто проводил демобилизацию в рамках порядка (как будто не ясно было, что шла не демобилизация, а уход, дезертирство с фронта, которое разрушало на своем пути все преграды и ставило вверх ногами все демобилизационные расчеты штабов). А позже все эти господа очутились на действительной службе у Советов. Так было всегда, так будет.

Самооправдания, шитые белыми нитками, совершенно не убедительны. Конечно, в Петрограде в первые дни «приобщения» к большевикам более естественно: профессора растерялись, вокруг шли репрессии, террор.

Но и здесь мы должны выделить тех более сильных духом, которые изыскивали все средства, чтобы вырваться из плена.

Это был действительно по тому времени героический поступок.

Бросить обвинение в большевизме, оппортунизме всему профессорскому составу академии в 32 человека, бывших в Петрограде, нельзя.

Да, они «кормились» у большевиков, но для большинства это было несчастьем. Но ведь академия переводится в Екатеринбург, и мы видим, что из 32^х человек одинадцать исчезло. Из этих только один (Гущин) решил откровенно поставить на красного коня, остальные с риском для жизни перешли на нелегальное положение (Витковский был расстрелян).

Можно предположить, что это и все, кто не мирился с новой властью, ни при каком положении на компромиссы не шел.

Остальным 21 человеку мы с чистой совестью уже должны предъявлять обвинения в оппортунизме, так широко расцвешем в Генеральном штабе. Подведем итог: из 35 старых профессоров до Екатеринбурга докатились всего 9 человек; из них четыре человека заслуженных профессора (Колобакин, Христиани, Медведев и Филатьев), за преклонностью лет, не нашли в себе, подобно Витковскому, достаточно силы сопротивления и покатились со всей более молодой компанией. Эти последние пять во главе с Андогским (Андогский, Иностранцев, Рябиков, Матковский и инженер военный Коханов) никак не могут быть оправданы в оппортунизме, которым они заразили и 12 человек молодняка. Матковский и Богословский искупили свой, быть может, невольный грех перед Россией и Белым движением переходом в Екатеринбурге на сторону белых и запечатлев память о себе своей мученической смертью от большевиков.

Но трем из старых профессоров Генерального штаба плюс военный инженер Коханов — нет никакого оправдания, невзирая на службу их впоследствии на общее Белое дело. Какая цена такому служению?!

Из остальных 26 человек — шестеро служили и, б[ыть] м[ожет], до сих пор служат у большевиков. Итог (9 + 6) [=] 15 чел[овек] из 35, т.е. 40% или явных большевиков, или явных, неоспоримых оппортунистов.

Что же ожидать от молодежи?

А она, также как и некоторые из старых профессоров, служит в стане белых!!

Как они служили!!

Вот где сказалось влияние г. Андогского, как начальника академии, от к[ото]рого уже по первым шагам еще при Врем[енном] прав[ительстве] нельзя было ожидать стойкости убеждений, а только одну сплошную эгоистичность! (*примеч. С.А. Щетихина*).

В Екатеринбург профессора прибыли со своими семьями, взяв лишь самое необходимое²³⁴⁸.

Екатеринбург — хлебное место, и здесь нам жилось неплохо.

Здесь, в Екатеринбурге, был произведен первый выпуск красных генштабистов, а также впервые мы приняли из Красной армии слушателей, которые, прослушав всего несколько лекций, были отозваны в войска²³⁴⁹.

Однако наше спокойное житье вскоре было нарушено: к Екатеринбург приближались чехи. Надо было принимать какое-то решение.

Безусловно, все наши симпатии были на стороне чехов и белых войск, но надо было строго взвесить все обстоятельства: у нас были семьи, имущество ценное академии (вывезена была вся библиотека, несмотря на то, что библиотекарь чиновник Масловский, сын бывшего профессора нашей академии, сбежал к большевикам!).

Большевики очень косо на нас посматривали, чувствуя наши скрытые симпатии к врагам советской власти.

Скоро мы получили приказ о переброске академии в Казань.

Мне удалось семьи оставить в Екатеринбурге, — у всех нас было определенное убеждение, что мы расстанемся ненадолго; кроме того, нам представлялось, что легче будет ударить от большевиков, когда мы не будем связаны семьями, которые автоматически попадут в руки белых.

Я собрал всех профессоров и слушателей прежнего состава (не красных) и обрисовал обстановку. Если мы уйдем к белым сейчас же, то семьи останутся в руках большевиков и против них последние примут репрессивные меры. Значит, надо оставаться и подчиниться насильственной эвакуации в Казань. Так и было постановлено²³⁵⁰.

Кроме того, все предупреждались, что никакие частные исключения не допустимы, так как тайный уход одного навлечет репрессии против всех остальных, оставшихся во власти большевиков.

К сожалению, не все так думали, и не все подчинились постановлению конференции: два профессора (Матковский и Богословский) и тридцать человек слушателей академии с поляком офицером кадра царской армии Румша (георгиевский кавалер) ушли тайно к белым.

Большевики окончательно озверели и большого труда стоило отклонить карающий меч. Большевики сразу заспешили и чуть не с револьверами в руках посадили нас в скотские вагоны и спешно вывезли на Пермь и далее в Казань.

Все имущество было оставлено в Екатеринбурге, в здании Епархиального училища под присмотром проф. Христиани.

По пути профессора много натерпелись от большевиков. Наиболее активные из них (большевиков) предлагали, требовали полной ликвидации головки академии (в Алапаевске), но Бог нас спас²³⁵¹.

²³⁴⁸ Профессора семейные выехали из Петрограда с полными удобствами: многие вывезли всю обстановку и впоследствии возили ее, заботливо опекая, по всей Сибири. Лишь крах под Омском заставил их лишиться этого имущества. Я сам дважды встречал проф. Медведева, путешествующего со всем домом (хозяйством) из Екатеринбурга в Томск в отдельном вагоне, даже невзирая на закупорку жел[езных] дорог (*примеч. С.А. Щепихина*).

²³⁴⁹ Значит, недаром кушали горький большевистский хлеб господина профессора! Правда, некоторые с гордостью заявляли (проф. Рябиков), что они ни одной лекции не читали красным курсантам, но ведь это была чистая случайность (*примеч. С.А. Щепихина*).

²³⁵⁰ Казалось бы, чего проще было уйти всем, если все симпатии всех к белым налицо (*примеч. С.А. Щепихина*).

²³⁵¹ Революционное чутье главарей большевиков верно подсказывало, с кем они имеют дело! (*примеч. С.А. Щепихина*).

В Казани. 10/7 выехали²³⁵² из Екатеринбурга и с мрачными предчувствиями направились к Казани.

В Казани академия была очень тепло встречена главкомом Вацетисом. Последний уговорил Москву, в частности Троцкого, оставить академию в Казани, не переводя в голодающий центр.

Здесь, в Казани, академия доживала свои последние дни: ни о каких занятиях не могло быть речи. Многие профессора и слушатели жили на конспиративных квартирах.

Наконец, в августе, Казань пала под ударами белых, и академия очутилась в плену.

V. Академия на службе белых

В половине августа, на особом, правда очень неказистом пароходе, академия прибыла в Самару²³⁵³.

Я решил удержать от распыления²³⁵⁴ академии, к которому были склонны в Самаре. Мои доводы победили: академия — ученое учреждение; мы ведь знаем тот вред, который был нанесен армии роспуском академии в начале Великой войны. Нельзя повторять ошибок: должно сейчас же всю академию отправить в безопасное место, спокойное и удаленное от фронта, и немедленно приняться за работу.

Кроме того, сам “Комуч” в Самаре не внушал нам, профессорам, особых симпатий, и нам всем без исключения хотелось отсюда вырваться. Это мне блестяще удалось: оставив несколько человек в Самаре, остальной персонал срочно выехал в Екатеринбург, где оставлено было ценное имущество.

²³⁵² Точные даты см. в основной части книги.

²³⁵³ Свидетелем самарской эпопеи академии я был, а потому многое могу прибавить к сказанному освещению Андогского.

Вскоре после приезда в Самару Андогский попросил у меня (как начальника штаба войск на Волге) разрешения получить ориентировку военную.

Допустить кого-либо из профессуры к документам штаба я не решился, а пригласил всю профессуру к себе и сделал краткий доклад о положении на фронте. Я тогда, каюсь, был на 100% уверен, что в академии мы приобрели себе союзника и отличную рабочую силу.

У нас на фронте чувствовался недостаток в опытных офицерах Генерального штаба: я надеялся, что среди персонала академии найдутся хотя бы единицы для роли войсковых начальников, быть может, не менее блестящие, чем Капель.

Увы, я быстро разочаровался! А если бы я знал истинный смысл всех путешествий академии во главе с Андогским по матушке-России, то, само собой, вероятно, отменил [?] бы и мой доклад, а отношение к академии также, вероятно, сильно бы изменилось не только в военных кругах, но и в правительстве.

В назначенный день и час в штаб прибыл Андогский и наиболее видные из профессоров. Я сделал короткий доклад, а затем один из младших офицеров (Сыромятников) выступил с критикой действий наших на Волге с точки зрения чистого военного искусства.

Андогский покраснел за своего собрата, заявив, что это личное мнение [?] Сыромятникова, а что он и остальные профессора отлично понимают обстановку, тяжелую и революционную, а потому ни в какие детали разбора, даже если бы это и было допустимо, входить не могут.

Затем мной был освещен вопрос с личным составом генштабистов на фронте, и я выразил надежду, что академия нам пойдет навстречу и выделит из своей среды все самое талантливое.

Профессора встретили мое заявление гробовым молчанием, Андогский же выразил готовность всех и каждого служить на пользу общего дела, но что это вопрос ближайшего, быть может, но все же будущего, и что он, Андогский, будет иметь при предстоящей беседе с военным министром на Волге [полковником] Галкиным ввиду мое пожелание. Все поведение и тон профессоров отнюдь не указывал[и] на угнетенное состояние духа. Они лишь наперебой жаловались на неудобное размещение на пароходе (*примеч. С.А. Щетихина*).

²³⁵⁴ В тексте, видимо, ошибочно: *то распыление*.

Много помог мне военный министр Сибири Гришин-Алмазов, вызвавший меня к себе телеграммой²³⁵⁵.

²³⁵⁵ Перед Андогским в Самаре дилемма: передать себя в распоряжение «Комуча» или ускользнуть в глубокий тыл, в Екатеринбург и дальше.

Самара полуголодная; здесь господа профессора немедленно должны будут приняться за работу черную, строую: возможно и даже вероятно, многим из молодых профессоров придется стать в строй рядовыми офицерами.

Свидание с семьями откладывается на неопределенное время. И, это главное, придется наконец в том или ином виде обнажить свой меч против большевиков — дальше прикрываться фирмой ученого учреждения не удастся.

Наоборот, Сибирь рисуется в самых радужных цветах: семьи, «научная» работа (попросту — безделье) и имуществу (свое личное, конечно).

Из бесед со мной и военным министром «Комуча» Галкиным Андогский отлично понял, что на академию стремятся наложить свою руку. Угроза такого шага прищипоривает Андогского, и он решает окончательно ориентироваться на Сибирь.

Гришину-Алмазову, военному министру Сибири, послана слезница и от него в достаточно определенной форме получена телеграмма — приказ всему составу академии прибыть в Екатеринбург. Назревал бой двух министров, двух правительств из-за академии.

Галкин никогда не отличался особым упорством, кроме того, он не вполне отдавал себе отчет в важности пополнения армии на Волге специалистами и офицерами вообще. «Комуч» и чешское командование всегда относились с большим недоверием к офицерству кадровому, считая его недемократично настроенным; выбор, особенно на ответственные должности, всегда производился весьма осмотрительно — гнались не за качеством специально военного характера, а за политической окраской данного лица. Только этим и можно объяснить наличие на посту военного министра такого, в сущности, ничтожества, каким являлся Галкин. «Комуч» совершенно не был склонен настаивать на задержке академии, хотя бы в ущерб своему авторитету. Ген. Чечек, командующий фронтом на Волге, на мой доклад также ответил довольно определенно: «Ну их ко всем чертякам! Они захотят здесь командовать, и все равно не удастся выставить их на фронт!»

При таком давлении на Галкина было принято компромиссное решение: академию, как целое, не задерживать, выбрав из ее состава несколько человек для работы на Волжском фронте.

После такого решения Андогский немедленно смылся в Сибирь, а за ним и остальная публика. В Самаре остались, так сказать, на «съедение “Комуча”» четыре профессора: Сурин, Слижииков, Сыромятников и Касаткин. Последний получил должность заведующего передвижением войск, а остальные трое... их положение было щекотливым. На фронт они не желали, а в тылу не было таких «постов», которые их удовлетворяли. Тогда начался поход на Галкина: ему Суриным был представлен проект формирования центральных учреждений Военного министерства; в этой чисто академической схеме с начальником Главного штаба и начальником штаба Генерального во главе было предусмотрено широкое развертывание тыловых учреждений с имперским размахом.

Теоретичность, непрактичность этой схемы говорили сами за себя.

Сурина удалось убедить Галкина принять эту схему и тут же, хотя бы предположительно, наметить и лиц для замещения этих высоких постов.

Галкин был смущен и вызвал меня под предлогом предложить и мне одну из проектируемых должностей.

Помню, Слижииков подступался ко мне с предложением занять должность начальника Генерального штаба, но я наотрез, к его великому изумлению, отказался.

Свой отказ я повторил и Галкину, прося его ознакомить меня со схемой.

Дело в том, что, состоя в должности начальника штаба войск Волжского фронта при командующем фронтом иностранце [генерале] Чечек, я никак подчинен не был Галкину, но сохранял, благодаря хорошим личным с ним отношениям, постоянную живую связь. Поэтому Галкин очень охотно пошел мне навстречу, и я прослушал доклад Сурина о предлагаемой схеме.

«А знает ли [полковник] Сурин, сколько мы имеем на фронте русских бойцов?»

«Не более десяти тысяч, а потому поднимать вопрос о формировании громоздких учреждений я считаю не только несвоевременным, но и вредным!»

Когда профессора вышли, Галкин добродушным тоном сознался, что авторитетность профессоров его так подавила, что он против своей совести согласился на схему. Тем паче, что он не знает, чем и как занять профессоров!

«Если вы, Николай Александрович, передадите их в распоряжение фронта, то я им немедленно найду работу!»

В Омске Андогский успешно закончил вопрос с академией: академия переводилась в Томск и немедленно приступила к занятиям, которые продолжались до мая 1919 года.

Ввиду того что курс академический намечался в сокращенном виде, слушателей было ограниченное число, то я нашел возможным несколько разредить профессорский состав, добившись назначения некоторых из профессоров на должности в штабах белых армий.

Это уже произошло при адм[ирале] Колчаке.

Затем против меня лично начались интриги, и я должен был покинуть район армии белых и выехать в Шанхай²³⁵⁶.

О дальнейшей судьбе академии уже всем известно: начальником ее я уже не состою с отъезда в Шанхай. Начальником академии является проф. Колнобакин. Из числа профессоров многие получили назначения, как, например, Сурин — нач[альник] снабжения, Сторожев — интендант, Леонов — II ген[ерал]-квартирмейстер Ставки, Иностранцев — для поручений при Колчаке, Сыромятников при Розанове во Владивостоке, Антонович — нач[альник] Главного штаба, Касаткин — нач[альник] военных сообщений, Рябиков — заведует в Ставке разведкой, а младшие профессора получили должности в Ставке, Военном министерстве, Главном штабе.

Меня вызвали и очевидно предполагают, наконец, дать назначение, но какое, мне еще неизвестно»²³⁵⁷.

«Нет, нет, это исключено. Против этого и чехи, и “Комуч”».

«Ну, тогда отошлите их в Сибирь — они только довольны будут».

Так и сделали, оставив одного Касаткина, который, впрочем, тоже удрал задолго до эвакуации Самары, хотя по своей должности обязан был оставаться в Самаре до конца эвакуации.

Итак, вопрос с академией был ликвидирован, и мы все облегченно вздохнули (*примеч. С.А. Щетихина*).

²³⁵⁶ Изумительно! Покинув Омск, Андогский сохранил самую тесную связь со всеми чинами академии и был изумительно осведомлен обо всем на фронте и в первую голову, конечно, о настроениях в Ставке, где он имел очень влиятельные связи.

Эти связи и помогли Андогскому выплыть вновь на поверхность, даже вопреки всесильному тогда Лебеву.

Сеть, раскинутая Андогским по всей армии, была образцовая.

Вот пример.

В штаб Уральского фронта, которым командовал Галкин, в Южной армии был назначен из академии п[одполковник] Симонов. Тот самый Симонов, который в Екатеринбурге при большевиках был назначен в один из штабов Красной армии.

Факт назначения этого, так же как и назначения других слушателей академии в Красную армию на должности Генерального штаба (большевики старых профессоров избегали приглашать на службу в войска, естественно и не без основания не доверяя им. Как они были правы и осмотрительны в противоположность нам, белым, принявшим с распростертыми объятиями и на ответственные должности всех академических оппортунистов), — лишний раз доказывает фактическое обслуживание академией Красной армии.

Когда в корпусе Галкина произошли неполадки среди частей, укомплектованных пленными красноармейцами, Галкин сурово, жестоко расправился с зачинщиками, застрелив без суда некоторых из них.

Об этом факте его начальник штаба п[одполковник] Симонов немедленно послал донесение Андогскому. Андогский никакой официальной должности тогда не занимал.

Галкин подозревал Симонова в этой тайной корреспонденции и приказал письмо перехватить.

В результате п[одполковник] Симонов был изгнан с позором из Южной армии и выехал спешно в Омск.

Полагаю, не без основания, что и в моем штабе Западной армии были такие же соглядатаи Андогского. Сахаров, принимая от меня штаб этой армии, браво заявил, что он быстро разделается с «этими милостивыми государями», а в результате взял себе начальником штаба п[олковника] Оберюхтина. Тип, подобный п[одполковнику] Симонову! Так жизнь ломала и низводила к нулю лучшие начинания (*примеч. С.А. Щетихина*).

²³⁵⁷ В скором времени после нашего разговора Андогский получил ответственный пост II (так в документе, на самом деле — I-го. — А.Г.) генкварма при Ставке, т.е. лица, ведающего всей оперативной частью белого фронта.

Заключение: В ожидании нового назначения я весь июнь месяц пробыл в Омске, и на моих глазах завершился вопрос об академии. Очевидно, под влиянием профессоров, наводивших Ставку, Лебедев стал на сторону академии, в частности Андогского, благодаря чему последний и получает назначение. Лебедев считал, что теперь он, Андогский, ему не опасен; ему угрожала опасность с другой стороны, со стороны Гайды, и, вполне естественно, Лебедев вербовал союзников.

Когда была комиссия по разбору столкновения Гайды с Лебедевым, то в эту комиссию были включены два профессора, Матковский и Иностранцев, — и дело Лебедева выплыло. Он остался на своей должности. Лишь последующие неуспехи на фронте окончательно закопали Лебедева.

Реабилитируя академию, естественно, искали виновника всех на нее «инсинуаций». Конечно, инициатор последних, Лебедев, оказался в стороне, а всю вину приписали начальнику Главного штаба ген. Марковскому.

Я ничего не хочу сказать плохо об этом назначении и думаю, что в хороших руках Андогский был бы ценным работником и безвредным в атмосфере интриг.

Но вот один факт.

Когда Южная армия оторвалась от общего фронта и взятие большевиками Челябинска положило предел связи Юж[ной] армии со Ставкой, помедля, на запрос Белова, что делать дальше, [Ставка] ответила телеграммой лаконической, но не вразумительной: «Верховный главнокомандующий предоставил Южной армии свободу действий. Андогский».

Впечатление от этой телеграммы было, помню, потрясающее.

Предоставление свободы действия, т.е. без связи с общим фронтом и центром, фактически отбрасывало целую армию из орбиты адм[ирала] Колчака, сбрасывало ее с общего счета и походило на клич «Спасайся, кто может!».

История выяснит, какие мотивы руководили при посылке такого ответственного распоряжения и почему оно подписано до некоторой степени второстепенным персонажем. Неужели у штабс-аверха и даже у самого Колчака не нашлось свободной минуты, чтобы подписать лично распоряжение колоссальной важности[?]

Не было ли это единоличным шагом Андогского? Вот в чем вопрос.

Не было ли такое решение и ответ подсказано недрогом?

Знаменательно, что почти одновременно с получением этого распоряжения, отсекающего Южную армию, как сухую ветку, клевреты Андогского, находившиеся в Южной армии, начали, как крысы с тонущего корабля, понемногу просачиваться в тыл.

Такой ответ мог дать либо дурак, либо подлец.

Андогского дураком назвать никак нельзя.

Мое мнение было всегда таково: если Андогский в подозрении, то нельзя его профессоров привлекать на ответственные посты. Это всегда небезопасно, а с Андогским тем паче.

Отторгнув от себя Андогского, но привлекая к работе академиков, Колчак тем самым сильно рисковал: в лучшем случае он приобретал группу лиц, желающую лишь хорошо устроиться, но вряд ли искренно преданных делу адмирала; в худшем случае Колчак окружал себя неблагонадежным элементом, разводя в Ставке и далеко за ее пределами очень вредный микроб оппортунизма.

Наоборот, привлекая к себе Андогского, автоматически получали на свой плюс всю академическую группу, которая была послушно предана Андогскому. Последний в своих личных интересах заставил бы их работать не за страх, а за совесть.

Назначение Андогского на высокий пост штабс-аверха сильно ослабило бы те побуждения, которые двигали иногда Андогским в отрицательной части его деятельности.

Будучи штабс-аверхом при Колчаке, т.е. фактическим распорядителем судьбой белых армий Восточного фронта, Андогский из самолюбия профессионального на совесть работал бы на стороне белых, из желания померяться силами со своими одноклассниками по академии на стороне большевиков (Самойло, Каменев, Балтийский и другие).

Помимо всего, избрание Андогского на пост штабс-аверха исключало кандидатуру случайного человека — Лебедева (*примеч. С.А. Щетихина*).

Так как в это время Лебедев проводил сложный вопрос — объединение в своих руках Ставки и Военного министерства, то естественно, что Марковский ему мешал. Академия была одним из предложений к удалению Марковского с должности: ему, помимо «инсинуаций» на академию, приписывали, за кулисами, в Ставке протест против несвоевременного, незаконного производства в генералы молодых профессоров академии — Леонова, Касаткина и других. ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 38–42. Подлинник. Автограф.

**Проект Временного положения
о причислении к Генеральному штабу
и о переводе в таковой офицеров, окончивших
подготовительные курсы 1-й, 2-й и 3-й очередей
при Военной академии
и перешедших на старший класс академии.
Апрель 1919 г.**

Копия

Утверждаю.
Верховный правитель
и
Верховный главнокомандующий
адмирал
« » апреля 1919 года.
г. Омск

К № 40741

Копия проекта
Временное положение
о причислении к Генеральному штабу и о переводе в таковой офицеров, окончивших подготовительные курсы 1-й, 2-й и 3-й очередей при Военной академии и перешедших на старший класс академии

Положения общие

1. Все офицеры, окончившие подготовительные курсы 1-й, 2-й и 3-й очередей и перешедшие на старший класс академии и, по назначению соответствующих начальников, успешно несущие службу Генерального штаба, должны быть представлены и, по удостоении, причислены к Генеральному штабу.

2. Ввиду того что на фронте ощущается крайняя нужда в офицерах Генерального штаба и отозвать из полевых штабов офицеров, окончивших подготовительные курсы 1-й, 2-й и 3-й очередей, в академию для окончания старшего класса в настоящее время не представляется возможным, офицерам названной категории предоставляются на местах темы для разработки и успешно выполнившие эти темы считаются окончившими старший класс академии, приобретают право ношения ученого знака, а затем переводятся в Генеральный штаб на тех же условиях, какие установлены для офицеров, окончивших старший класс военного времени согласно приказа [по] в[оенному] в[едомству] 1916 года за № 627.

3. К Генеральному штабу могут быть причислены все офицеры, окончившие подготовительный курс 1, 2 и 3 очередей и перешедшие на старший класс академии, при условии наличия:

а) достоинства ближайшего начальника,

б) обязательного заключения всех прямых начальников штабов (дивизии, корпуса, армий, округов) о специальных способностях по службе Генерального штаба представляемого, причем начальники, дающие заключение, должны быть Генерального штаба и не моложе выпуска из академии 1914 года,

в) заключения генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем или помощника начальника Главного штаба, по принадлежности,

г) при условии несения причисляемым службы на должностях Генерального штаба в полевых штабах, до Ставки включительно, не менее 4-х месяцев во время настоящей войны 1918–1919 года,

д) при условии выдержания всех переходных на старший класс экзаменов, со средним баллом за курс не менее 8 (причем по каждому из отдельных предметов должно быть не менее 6).

4. Мнение корпоративного порядка, данное коренными офицерами Генерального штаба, имеет первенствующее значение, даже в том случае, если оно расходится с мнением ближайшего начальника.

5. Мнение генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем для фронта, помощника начальника Главного штаба для внутренних округов является окончательным в вопросе причисления офицеров к Генеральному штабу.

6. По представлении списков удостоенных причисления к Генеральному штабу начальником Главного штаба отдается соответствующий приказ.

7. Офицеры, кои не держали вовсе переходных на старший класс экзаменов или держали не все экзамены, командуются в академию к 15-му апреля для держания таковых вместе с 4-й очередью подготовительных курсов, но по программе курсов своей очереди.

8. Причисленные к Генеральному штабу продолжают числиться в списках своих строевых частей сверхштатными, считаясь в постоянной командировке.

9. Для причисленных к Генеральному штабу офицеров, выше указанной категории, устанавливается ношение аксельбанта и погон Генерального штаба, но последние без красного канта.

Отдел второй

10. Офицеры окончившие подготовительные курсы 1, 2 и 3 очередей и перешедшие на старший класс академии, при условии успешного выполнения предоставленных им для разработки тем, считаются окончившими старший класс академии военного времени и получают право ношения ученого знака.

11. Конференции Военной академии к 15 мая сего года представить помощнику начальника Главного штаба предназначенные для разработки испытываемыми темы в количестве, какое будет конференцией академии признано достаточным, сообразуясь с наличным числом слушателей старшего класса академии.

12. Помощник начальника Главного штаба, по использовании присланных академией тем для раздачи офицерам внутренних округов, препровождает их генерал-квартирмейстеру при Верховном главнокомандующем, коим они и распределяются, по его усмотрению, между фронтовыми штабами.

13. Темы для разработки даются лишь офицерам, удовлетворяющим условиям причисления к Генеральному штабу, согласно отдела первого сего Положения, остальным же по мере выполнения условий.

14. Через 3 месяца по получении офицерами вышеуказанной категории тем на местах, темы в разработанном виде препровождаются по команде на заключение генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем и помощника начальника Главного штаба, по принадлежности, а по заключении в конференцию академии на рассмотрение.

15. Каждая разработанная испытуемым тема, препровождаемая на рассмотрение в конференцию академии, должна сопровождаться соответствующим заключением ближайшего начальника — офицера Генерального штаба как о ее существовании, так и об условиях ее выполнения, что и должно быть учтено при оценке тем конференцией.

16. Ввиду отсутствия на местах соответствующих источников, задаваемые темы должны быть приурочены к кругу служебной деятельности испытуемого.

17. Темы для разработки получают только те слушатели академии, кои во время раздачи их будут занимать штатные должности Генерального штаба.

18. Исполненные темы могут быть сдаваемы и ранее указанного срока.

19. Испытуемым предлагаются две темы, одна — по вопросам, касающимся службы Генерального штаба, вторая — по вопросам тактики и стратегии.

20. Темы для разработки испытуемым даются по указанию генерал-квартирмейстеров штабов армий (округов).

21. Из баллов за младший класс, включая сюда и балл по статистике, и среднего балла за темы выводится средний балл за окончание старшего класса академии, который и явится баллом, определяющим старшинство по выпуску.

22. Офицеры, имеющие средний балл по вышеуказанному расчету не менее 8 и по каждому из отдельных предметов, в том числе и за каждую выполненную тему, не менее 6, считаются успешно окончившими два класса академии военного времени, получают знак и затем переводятся в Генеральный штаб на тех же условиях, какие установлены для офицеров, окончивших академию в 1917 году (приказ [по] в[оенному] в[едомству] 1916 года № 627).

23. Если срок выполнения тем совпадает с перерывом занятий в академии, ввиду чего допустимо отсутствие в академии членов конференции, последняя, для оценки исполненных работ и удостоения окончания слушателями двух классов академии, может быть составлена из находящихся в Омске членов конференции с дополнением офицерами Генерального штаба по назначению военного министра.

Военный министр генерал-майор

Начальник Главного штаба

Генерального штаба генерал-майор

Помощник начальника Главного штаба

Генерального штаба полковник

С копией верно:

Заведывающий учебной канцелярией

статский советник Мартынов

ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 174–175об. Заверенная машинописная копия.

Характеристики слушателей ускоренных курсов 4-й очереди академии

Офицер	Составитель характеристики	Характеристика
Штабс-капитан Андреев	Полковник И.И. Смелов, 05.04.1919	«Умный, развитой, но работает поверхностно; к тактике склонности особой, по-видимому, нет»
Штабс-ротмистр Л.Н. Канабеев		«Серьезный, интересующийся военным делом, но работает медленно; рассеян»
Штабс-капитан Кандауров		«Способный работник, но есть пробелы в общем образовании, самоуверен»
Поручик К.В. Кашперов		«Способный, нервный, чуткий. Работает хорошо»
Поручик Ф. Кашпарек		«Способный и развитой. Отличный работник»
Капитан Е.С. Кира-Донжан		«Выдающийся офицер; отличный работник»
Есаул А. Белов		«Способный, но мало подготовлен к сл[ужбе] Ген. штаба»
Капитан М.Н. Руссет		«Выдающийся офицер; прекрасный тактик; отличный работник»
Штабс-капитан Смирнов		«Серьезен, самолюбив, несколько односторонен; работает усердно»
Штабс-капитан К.Г. Соломаха		«Вдумчивый, прекрасный работник»
Штабс-ротмистр Соловьев		«Тактически мало развит, но при руководстве может работать»
Штабс-капитан С.С. Солдатов		«Серьезный работник, интересуется военным делом. Хорошо развит, но несколько неуверен в себе»
Капитан В.Е. Сотников		«Очень способный, развитой. Работает отлично, но страдает “загулами” — пьет»
Подполковник И.В. Случевский	«Усердный и исполнительный работник — несколько нерешительный»	
Капитан Г.П. Автономов	Генерал-майор М.А. Иностранцев	«Познания хорошие. Смелость и энергия в решении. Не боится ответственности. Исполнителен в выполнении работ»
Капитан Андерс		«Познания очень хорошие. Склонность к метафизическому мышлению. Энергичен. Обладает инициативой. Срочные работы выполнял аккуратно»
Штабс-капитан Д.Г. Атабеков		«Познания удовлетворительные. Робок и несколько нерешителен. Легко сбить в решении. Исполнителен»
Поручик А.Н. Бакулевский		«Тождествен с предшественником»
Поручик Н.А. Безобразов		«Познания очень хорошие. Решителен. Обладает инициативой. Исполнителен»
Капитан А.Н. Благонадеждин		«Познания хорошие. Склонность к пассивному решению. Исполнителен»

Майор Э. Вернер	«Познания хорошие. Несколько вял, почему энергии в решениях мало. Охотно соглашается с другим решением, хотя бы и весьма отличающимся от собственного. Исполнителен»
Хорунжий М. Карчевский	«Познания удовлетворительные. <u>Совершенно не был на</u> большой войне. Крайне осторожен в высказывании своего мнения, а подчас неуловим в выяснении окончательного решения. <u>Многokrатно отсутствовал на занятиях</u> . Подозрительный, в общем, тип»
Офицер-аспирант М. Май	«Познания отличные. Крайне энергичен в решении и исполнении. Обнаружил глубокий интерес к делу. Свое мнение и решение отстаивает с убеждением и решительностью. Несмотря на далеко не совершенное знание русского языка и отсутствие знакомства с организацией нашей армии, является <u>безусловно выдающимся офицером</u> »
Штабс-капитан Мануйлов	«Знания удовлетворительные. Робок и охотно отказывается от своего мнения и решения. Очень исполнительен и подчас угодлив. Старание громадное»
Капитан А.А. Маркевич	«Познания хорошие. По-видимому, замкнутый, самолюбивый офицер. Энергичен и настойчив в отстаивании своего мнения и решения. Способен к проявлению инициативы. Исполнителен»
Капитан Мельников	«Познания очень хорошие. Энергичный и склонный к инициативе. Свое решение отстаивает упорно. Очень дисциплинирован и исполнительен, но подчас способен на опрометчивое решение. В общем, прекрасный офицер и может быть очень хорошим работником в штабе»
Поручик В.Г. Митрофанов	«Познания удовлетворительные. Вял и, по-видимому, малорешителен. Исполнителен»
Гвардии есаул Н.А. Михайлов	«Познания очень хорошие. Решителен и энергичен. Свое решение защищает упорно и логично. Очень дисциплинирован и исполнительен. Может быть очень хорошим работником в штабе»
Поручик В. Чума	«Знания хорошие. Несколько вяловат. Легко соглашается с противоположным мнением. Очень исполнительен и аккуратен»
Поручик А. Скотников	«Познания удовлетворительные. Вял. Мало инициативы. По-видимому, болезнен. Исполнителен»

Сост. по: РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 59. Л. 11–13об.

Лебединая песнь Военной академии (4-я ускоренная очередь)

Мысленно даю я задний ход машине времени Уэллса и несусь в прошлое.

Перед утомленными глазами замелькал тернистый путь русского офицера. Засверкали на экране моей памяти то яркими, то бледными огнями станции и полустанки пережитого и суровые этапы испытаний в борьбе за поруганную честь Родины.

Встает передо мной 1918 год.

Вдохновенная, обвешанная верой и пафосом страница белого движения. Красавица Волга и крошечный отряд Генерального штаба подполковника В.О. Каппель²³⁵⁹, обороняющий подступы к г. Симбирску. Чаша весов военного успеха фатально склонялась на сторону превосходящих сил красных, брошенных Троцким на Волжский фронт. Каппель оставляет г. Симбирск, и в мареве предрассветного тумана взрывают саперы громадный железнодорожный мост через р. Волгу. Крякнула средняя стальная ферма и изуродованная повисла в воздухе, отразившись в зеркале спящей реки. Эхом горечи отозвался взрыв в душе. Начался наш отход от реки. Со звуком, напоминающим разрывание коленкора, провожают снаряды красных жиденькие цепи офицерской роты, отходящей на ст[анцию] Часовая!..

Чехи, наши боевые соратники, в то время дерутся с нами плечом к плечу, и чешская кровь льется за Россию...

Конец ноября 1918 года застаёт части Волжской группы войск под командованием произведенного в генералы Каппеля в районе Миасского завода, куда они были отведены на отдых после ряда упорных, кровопролитных боев.

Телефонограммой из штаба Волжской группы, впоследствии переименованной в 1-й Волжский корпус, предписывается начальникам дивизий наметить от своих частей достойнейших с соответствующим образовательным и боевым стажем офицеров, для командования в академию Генерального штаба.

Выбор начальника Симбирской дивизии генерала Подрядчика²³⁶⁰ остановился на мне и на старшем адъютанте штаба дивизии, георгиевском кавалере. Запросили мое согласие, которое я не задумываясь дал, так как Военная академия, эта сокровищница российской военной-научной мысли, была идеалом каждого офицера, посвятившего жизнь свою военной службе. Сердце наполнялось гордостью от сознания близкой возможности приобщиться к этому храму высших военных наук.

Наступает тяжелая минута прощания с полком и с офицерами-соратниками. Ведь война всегда сближает бойцов, а гражданская в особенности.

²³⁵⁸ Предположительно, Б.Э. фон Трейберг. Трейберг Борис Эдуардович, фон (?–01.01.1942) — окончил Павловское военное училище (1914), младший класс 4-й очереди ускоренных курсов Военной академии в Томске (1919). Штабс-капитан. Капитан. Подполковник. Полковник. Участник Гражданской войны. В антибольшевистских формированиях Востока России. Командир 1-го батальона 24-го сводного Симбирского полка. В эмиграции в Китае (Харбин) и Германии (Берлин). Умер в Берлине. Супруга Елизавета Александровна Литвинцева (?–05.01.1934, Харбин).

²³⁵⁹ В документе ошибочно: В.Р. Каппель.

²³⁶⁰ В документе ошибочно: Подрядчикова.

Теплушка воинского эшелона кажется уютной гостиней после грязи и усталости от непрерывных походов. В полутемном вагоне разместились 6 офицеров из частей генерала Каппеля, следующих в Ставку Верховного правителя в гор. Омск.

Ставка утверждает нашу командировку и дает нам предписание явиться начальнику эвакуированной в г. Томск академии для прохождения курсов военных наук 4-й ускоренной очереди.

Промелькнула ст[анция] Тайга, а вот и г. Томск, этот крупный научный центр Сибири.

Мороз в 40 град[усов] захватывает с непривычки дыхание, и быстро скользят санки по пушистому снегу на Главную улицу, где в фешенебельном отеле «Европа» комендатура отвела помещение для прибывающих в академию офицеров. Академия разместилась в стильном здании «Дома науки» с эффектным громадным глобусом, украшающим его сверху. Дом был построен миллионером Кухтериным для Народного университета.

С разных концов обширного фронта прибыло в академию около 150 офицеров — отфильтрованный отбор из разных войсковых соединений. Обращает на себя внимание большое число георгиевских кавалеров, а также отдельные офицеры чешских, югославских и польских частей разных армий адмирала Колчака.

Правитель дел академии полковник Антонович выполняет с нашими документами необходимые формальности, и все прибывшие офицеры в назначенный день и час представляются начальнику академии генералу Андогскому, построившись в зале по старшинству чинов. После представления был отслужен торжественный молебен перед началом занятий. К занятиям приступили в январе 1919 года, и, как встревоженный улей, гудит аудитория в ожидании первой лекции.

Слушатели сразу же втянулись в напряженную академическую работу.

Цикл теоретических лекций сменялся решением на картах разнообразнейших тактических задач. Подгоняли по номерам двухверстки, склеивали в большие простыни и бороздили их синими и красными карандашами, отмечая движения и маневры дивизий, корпусов и целых армий.

Особенно увлекательны были лекции начальника академии генерала Андогского, читавшего службу Генерального штаба и встречный бой. Спокойным ровным голосом в весьма живой форме излагал он свой предмет. Мастерски была им исследована природа встречного боя, и каждый слушатель считал своим долгом приобрести в собственность капитальный труд генерала Андогского книгу «Встречный бой».

В интересном изложении знакомил нас с разведкою недавно умерший в Праге генерал Рябиков, иллюстрируя свои лекции воспоминаниями из своей многолетней службы в роли военного агента за границей и руководителя по ведению разведки в высших штабах как в военное, так и в мирное время.

Блестящий лектор профессор Коханов читал инженерное дело так увлекательно, что своей экспрессией очаровывал аудиторию, и часы его лекций казались минутами.

Немного философски подходил к стратегии профессор Иностранцев, открывая перед слушателями совершенно новые горизонты и углубляя человеческую мысль в тайники этого искусства ведения войны. Стратегия сочеталась постоянно с политикой и с искусством ведения боя — тактикой, что делало предмет особенно интересным для изучения.

Немного скучноват был маститый старик профессор Колюбакин, пребывающий в то время уже 35 лет в профессорском звании. Постоянно он копался в примерах седой, глубокой

старины, читал нам военную историю, недолюбливая все новейшие течения в военной науке. Во всей его оригинальной фигуре как бы воплощалась эпоха времени Очакова и покорения Крыма. Тоскливый мир цифр и цифр без конца — это был непревзойденный никем конек профессора статистики старого генерала Медведева. Мне кажется, что последний в любой момент мог безошибочно ответить на вопрос, какое количество папуасов проживает на земном шаре и на сколько процентов понизился урожай какао и риса в африканских владениях Англии.

Монотонным голосом преподавал слушателям военную географию известный научный авторитет профессор Христиани, и слегка дремалось на скучных сухих лекциях геодезии, которую читал штатный преподаватель академии полковник Киященко.

Талантливый лектор, готовящийся к профессорскому званию и с весьма импозантной внешностью, полковник Сыромятников, читал нам тактику артиллерии. Материальная часть артиллерии излагалась ученым артиллеристом генералом Томашевским.

Конница изучалась по лекциям генерала Матковского, в то время командующего войсками Омского военного округа.

Штатными преподавателями академии состояли: полковник Смелов, читавший общую тактику, подполковник Солдатов, читавший разведку местности, и полковник Слижиков, читавший тактику пехоты.

В перерывах между лекциями слушатели с напряженным вниманием следили по громадной карте за передвижениями противобольшевистских армий и аккуратно ежедневно отмечали флажками занимаемые нашими войсками рубежи.

Больно в сердцах наших детонировали наши неудачи, и по-детски радовались мы военным удачам и победам, когда моментами кольцо наших армий готово было сомкнуться и конечное торжество белых идей казалось таким близким.

Все слушатели занимались напряженно, никто не ловчился, никто не болел и поэтому многие даже ни разу не посетили приемный покой и в глаза не видали академического врача добрейшего В.А. Казем-Бека.

Был короткий период времени, когда в городе ожидалось выступление темных элементов и в стенах академии наряжалась ежедневно дежурная часть из среды слушателей, выдавались патроны и винтовки на случай беспорядков.

Как-то проездом через г. Томск посетил академию генерал Нокс, высокого роста породистый бритт, который заходил к нам в аудиторию по приглашению начальника академии.

Памятен мне и блестящий академический бал, о котором много говорил Томск как о самом выдающемся в сезоне.

Красиво и четко вырисовывались на фоне гирлянд и разных украшений балного зала туалеты дам и разнообразные формы офицеров. Мазурка, вальс и русские танцы затянулись до утра. Фокстрот еще не родился.

Незаметно приблизилась экзаменационная пора. Все переживают волнения школьников. Кое-кто срезался. На некоторых экзаменах присутствовал высокий комиссар Франции, убежденный сединами генерал Жанен, прекрасно владевший русским языком и слышавший горячим русофилом. Не думалось мне тогда, что год спустя на голубом мундире этого французского героя заалет кровь преданного им Верховного правителя.

Экзамены закончились в начале мая 1919 года, после чего состоялся прощальный банкет в большом зале академии.

Вакансии выбирали по штабам действующих армий, по военным округам, в Ставку Верховного правителя и в Военное министерство.

Я решаю ехать обратно к Каппелю и беру 3 армию генерала Ханжина, в состав которой входил 1-й Волжский корпус. Слушатели академии, назначенные в 3 армию, представляются ген. Ханжину, и через два дня я уже строчу на полевой книжке проект первого оперативного приказа дивизии, получив туда назначение старшим адъютантом штаба.

Дивизией командовал герой Ярославского восстания генерал Перхуров.

С этого дня началась моя служба по Генеральному штабу. Волжский корпус обожал и беспредельно верил генералу Каппелю, как вождю, способному или победить, или умереть.

С окончанием 4-й ускоренной очереди оборвалась деятельность Военной академии для России. Ценное имущество академии было перевезено в г. Владивосток, где и осталось на Русском острове при отходе из города войск Приамурского правительства, возглавлявшего С. Меркуловым²³⁶¹.

Т....г Б.Э. Лебединая песнь Военной академии (4-я ускоренная очередь) // Георгиевский день (Харбин). 1932. 9 дек. С. 11 (ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 104).

Рычков В.В.²³⁶¹

Как они оправдываются?

Сами боги не могут сделать бывшее — небывшим.

Древние греки

В семье не без урода. Были отдельные случаи, что офицеры шли в ряды большевиков.

Они поступали сознательно и активно работали в Совдепах. Это — *явно предатели*.

Другие несознательно из-за нужды и за отсутствием работы поступали на службу к большевикам. Это — *малодушные*.

Между этими двумя категориями большая разница, но как первые, так и вторые заслуживают кары.

Предатели должны быть осуждены — их место в тюрьме.

*Из приказа по войскам Сибирской армии генерала
Иванова-Ринова № 69*

В №№ 10, 11 и 13 газеты «Новая заря» и «Сибирская речь» за № 13 напечатана статья н[ачальни]ка академии Генерального штаба генерал-майора Андогского под заглавием: «Академия Генерального штаба в 1917 и 1918 гг.».

²³⁶¹ Так в тексте, правильно: *Земской рати, которой руководил генерал М.К. Дитерихс*.

²³⁶² Рычков Вениамин Вениаминович (12.12.1867–22.08.1935) — из дворян Саратовской губ. Родился в Тифлисе. Окончил Тифлисский кадетский корпус (1885), 3-е военное Александровское училище по 1-му разряду (1887) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1900). Подпоручик (с 07.08.1887). Поручик (с 11.08.1890). Штабс-капитан (с 25.07.1895). Капитан (с 06.05.1900). Подполковник (с 28.03.1904). Полковник (с 13.04.1908). Генерал-майор (с 27.11.1914). Генерал-лейтенант (с 20.05.1917). На службе с 25.08.1885. В Варшавской крепостной артиллерии. В 39-й артиллерийской бригаде. В Кавказской резервной артиллерийской бригаде. Старший адъютант штаба 39-й пехотной дивизии (18.12.1900–02.02.1904). Командовал ротой 153-го пехотного

Статья эта — живой документ величайшего значения. В ней не только отчет о деятельности академии за 1917–1918 гг., но, что самое главное, — в ней до известной степени отражается идеология руководителей нашего высшего военного образования, их взгляды на переживаемые события и на позицию, которую, по их мнению, должна занять академия в исключительно тяжелое время нашей государственной жизни.

Статья эта в некоторые газеты были прислана вместе с постановлением конференции академии, в котором излагалось требование непременно ее напечатать. Таким образом, есть основание полагать, что статья эта если и не коллективное творчество, то, во всяком случае, прежде напечатания обсуждалась членами конференции академии, в нее вносились сообщения поправки, добавления, изменения и пр. Словом, она отражает или, вернее, выражает не личный взгляд начальника академии, но всех членов конференции ее.

В ней щедрой рукой рассыпаны перлы и алмазны академической мудрости, которые особенно ярко характеризуют нравственный облик как «маститого» начальника академии, так и членов конференции ее.

Я старательно собрал все эти жемчужины, и вы, читатели, увидите во весь рост и начальника академии, и его ближайших помощников.

Приступим к делу.

Статья генерала Андогского по существу является ответом на тот, как он говорит, поход против Всероссийской академии Генерального штаба, который открыла группа лиц на страницах газет «Свободное слово» и «Отечественные ведомости». Генерал Андогский заявляет,

Бакинского полка (07.11.1901–18.11.1902). Начальник штаба крепости Карс (02.02.1904–07.04.1908). Командир батальона 154-го пехотного Дербентского полка (08.05–08.09.1907). Штаб-офицер при управлении 1-й Туркестанской стрелковой бригады (07.04.1908–13.07.1910). Начальник штаба 1-й Туркестанской стрелковой бригады (с 13.07.1910). Участник Первой мировой войны. Командир 202-го пехотного Горийского полка (с 10.1914). Генерал-квартирмейстер штаба 1-й армии (с 13.04.1915). Начальник 45-й пехотной дивизии (13.12.1916–20.05.1917). Командир XXVII армейского корпуса (с 20.05.1917). Отстранен от командования Верховным главнокомандующим Н.В. Крыленко (11.1917). Участник Гражданской войны. Член подпольной антибольшевистской организации «Союз защиты Родины и свободы» (с 04.1918). Участник Ярославского восстания (1918). После взятия Казани частями Народной армии начальник гарнизона Казани, руководил формированиями частей Народной армии в Казани и Казанской губ. (07.08–25.10.1918). Командир Казанского армейского корпуса (с 15.08.1918). Главный начальник Тюменского военного округа на театре военных действий (с 29.10.1918). Главный начальник снабжений Сибирской армии. Отстранен от должности с назначением расследования его деятельности (08.07.1919). У атамана Г.М. Семенова в Забайкалье. В эмиграции — в Китае (Харбин, с 1920). Начальник 1-го отделения железнодорожной полиции на станции Маньчжурия. Во внутренней охране КВЖД (до 1925). Давал частные уроки, корректор типографии. Председатель Общества русских офицеров Генерального штаба и Общества окончивших кадетские корпуса. Товарищ председателя Общества Александровцев. Первый начальник Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (28.12.1934–22.08.1935). Глава военного отдела Русской фашистской партии (1934–1935). Болел экземой на нервной почве. Умер от паралича дыхательных путей. Похоронен на Новом (Успенском) кладбище Харбина (25.08.1935). Награды: Св. Станислава 3-й ст. (1896), Св. Анны 3-й ст. (1904), Св. Станислава 2-й ст. (1907) с мечами (1915), Св. Анны 2-й ст. (10.02.1912) с мечами (1915), Св. Владимира 4-й ст. (19.05.1914) с мечами (1915), Св. Владимира 3-й ст. с мечами (21.02.1915), Св. Станислава 1-й ст. с мечами (1915), Георгиевское оружие (21.06.1915) «за то, что в бою под гор. Лыком 30-го сентября и 1-го октября 1914 года, будучи начальником штаба 1-й Туркестанской стрелковой бригады, неоднократно подвергая жизнь свою явной опасности, отдавал все распоряжения, касающиеся развития боя и организации связи в бою между частями бригады, находившейся в весьма тяжелом положении, выполнил блестяще все распоряжения по отходу и лично руководил отходом и действиями арьергарда, вследствие чего части бригады после тяжелого и кровопролитного боя спокойно отошли к Граево», Св. Анны 1-й ст. с мечами (1916), Св. Владимира 2-й ст. с мечами (1917). Супруга Мария Александровна. Дети: Петр (1898–14.10.1972) — офицер-артиллерист, Николай.

что он «ни в какую полемику с этой группой лиц вступать не будет; это — ниже нашего достоинства как учреждения государственного, деятельность которого может судить история и компетентные государственные учреждения, а не отдельные безответственные лица, стремящиеся свести с академией свои мелкие личные счета».

Несомненно, История скажет свое веское слово о деятельности академии, и равно и компетентные государственные учреждения разберутся в вопросе, какова была роль и деятельность ответственных лиц нашей академии Генерального штаба в революционную эпоху.

Пока же постараемся подействовать правильному освещению известных фактов и событий, чтобы и История и «компетентные государственные учреждения» могли бы легче разобраться в вышеуказанном сложном вопросе.

Генерал Андогский в статьях, направленных против него и членов конференции, видит лишь сведение с ним известной группой лиц мелких личных счетов.

Я не знаю, имеются ли у него определенные данные, чтобы бросать подобный неблагоприятный упрек авторам статей, которые, конечно, не могли понравиться генералу Андогскому. О себе лично скажу, что никаких личных и служебных не только счетов, но даже соприкосновений ни с генералом Андогским, ни с членами конференции у меня не было. Лично я генерала Андогского видел в своей жизни всего два раза, каждый раз не более 1–2 минут. Я пишу просто как офицер, по вопросу, который глубоко волнует меня и, знаю, многих других офицеров без различия чинов и возрастов.

Вопрос этот один из тех проклятых вопросов, который еще *долго будет мучить совесть и душу нашего офицерства*, он еще не раз будет подниматься в общей и военной прессе и не скоро еще разрешится.

Вопрос о вас, генерал Андогский, и членах конференции академии — это вопрос величайшей государственной важности, так называемый вопрос о «красном офицерстве», и напрасно вы так легко сводите все к личным нападкам на вас.

Как относиться к «красному офицерству»? Должны ли они нести какую-либо кару или нет?

Можно ли их допускать вообще на службу в нашу новую возрождающуюся армию и ко всем ли без исключения должностям до самых высших или же только до определенных?

В отношении солдат-красноармейцев уже имеются указания, как с ними поступать. Относительно «красных офицеров» у нас есть один любопытный приказ генерала Иванова-Ринова № 69. Выдержки из этого приказа приведены в эпиграфе к настоящей статье. Приказ этот, несомненно, отражает взгляд всего нашего честного офицерства, но, кажется, он не везде приводится в исполнение. Что касается начальника академии Генерального штаба генерала Андогского и членов конференции, то вопрос этот носит еще более болезненный характер. Генерал Андогский и члены конференции не только офицеры Генерального штаба, но они, в силу своего положения, идейные руководители нашего Генерального штаба. Теоретически — это сливки от сливок. Само собой понятно, что и *требования морали к ним должны применяться строже*, чем к обыкновенным офицерам.

«*Все силы: умственные, физические и жизнь — Родине; честь — мне*», — говорили в былое время офицеры Генерального штаба.

Академия дала за время своего существования много известных государственных деятелей и талантливых вождей армии.

Но... наступил в России сплошной кошмар, который зовется большевизмом.

Армия развалилась совершенно: наша Родина повержена в прах, истерзана, залита кровью и неслыханно унижена в Бресте. Но, как ни ужасен большевизм, в нем все-таки есть и одна положительная сторона. Именно большевизм дал возможность каждому *выявить свою нравственную физиономию, самоопределиться*. И вот мы видим, что, когда проходимцы и бандиты стали управлять нашей страной, все, что было честного в России, стало в оппозицию к этой проклятой власти. В рядах этой оппозиции самое почетное место заняло наше офицерство. Без всяких постановлений, истерических воплей оно, в огромном своем большинстве, не пошло в Красную армию, несмотря на высокие большевистские оклады. Одни бросились на юг в Добровольческую армию генерала Алексеева, другие начали вступать на местах в различные военные противобольшевистские организации; третьи, никуда не вступая, стали зарабатывать себе хлеб на частной службе, а кому это не удалось — добывать себе пропитание тяжелым физическим трудом.

Но в семье не без урода. Нашлись предатели генералы и просто офицеры, которые личную карьеру и материальное благополучие поставили выше интересов Родины. В то время как их товарищи сражались в Добровольческой армии или, загнанные в подполье, вели жизнь, полную тревог и опасностей, добывая себе хлеб продажей газет и папирос, эти сытно ели, разъезжали в автомобилях и вели веселый образ жизни. Но предатели понимали, что их беспечальное существование не может длиться вечно.

Большевизм рано или поздно должен пасть. Отрезвеет русский народ, проснется, Добровольческая армия генерала Деникина и Сибирская рассеят красные банды, и тогда настанет час расплаты для предателей. Это, конечно, их беспокоит. И вот для оправдания своей гнусной деятельности они придумывают различные теории «здоровых ячеек», «взрыва большевизма изнутри», «спасения государственных учреждений» и т.п. В своих теориях, шитых белыми нитками, силятся доказать, что они, получая жирные большевистские оклады, не предавали Родины, а, наоборот, спасали ее. Они сами, конечно, не верят в убедительность своих доводов и надеются, главным образом, что общество не будет особенно глубоко вникать в их хитрые теории.

Среди большевистского лагеря оказалась и наша академия Генерального штаба.

В статьях газет «Свободное слово» и «Отечественные ведомости» указывалось, что почетный начальник академии генерал Андогский и уважаемые члены конференции — красноармейцы. О генерале Андогском, кроме того, говорилось, что он вместе с Иоффе и другими бандитами ездил в Брест для заключения мира, который опозорил нашу Родину.

Возражая на эти статьи, генерал Андогский говорит, что он не служил большевикам, а только «соприкасался с представителями советской власти и унижался, чтобы спасти от погрома как самую академию, так и три сотни старых кадровых офицеров и сохранить их до лучших дней для борьбы за возрождение России».

Посмотрим же, как он «соприкасается с представителями советской власти» и спасал академию.

Оказывается, что еще в первые месяцы 1917 г. принято было решение эвакуировать академию из Петрограда в направлении к тем окраинам, куда по слухам начинали стекаться русские люди для борьбы с большевиками.

Генералу Андогскому «как председателю конференции, была поставлена задача изыскать пути и средства к достижению указанной конференцией цели». Районом эвакуации конференция наметила Донскую и Кубанскую области.

Раз принято было такое патриотическое решение, то, казалось, следовало немедленно же приступить к выполнению его.

Прямые и честные сердцем люди просто разрешили бы этот вопрос, благо, что и денежные средства были в избытке, как указывает генерал Андогский. Взяли бы деньги и небольшими партиями, по разным путям двинулись на Дон или Кубань к заранее намеченному пункту.

Мы, читатель, были бы свидетелями пленительной картины. *Представьте*: начальник академии, члены конференции и 300 слушателей небольшими партиями, разными дорогами железными, грунтовыми, водой, часто, может быть, и пешком через холмы и доли, леса и реки пробираются, скажем, в Новочеркасск. Правда, вероятно, не все добрались бы благополучно. Им приходилось бы преодолевать массу препятствий, становиться лицом к лицу к опасности, быстро принимать определенные решения и немедленно же приводить их в исполнение, т.е. как раз упражняться в том, что именно нужно офицеру-начальнику. Все это в академии проходят теоретически, а жизнь давала возможность преподавать это практически. Какой бы это был великолепный курс для слушателей академии!

Сколько красоты и поэзии было бы в этом подвиге! Со временем сложились бы об этом событии целые легенды, и генерал Андогский отошел бы в потомство как великий педагог и легендарный герой.

Правда, для выполнения такой программы нужно иметь высокую душу и львиное сердце. Но тем не менее в моей программе нет ничего фантастического. Мне известны случаи продвижения именно таким порядком нескольких сотен офицеров, но, конечно, не в одном поезде и не одной колонной, а небольшими партиями.

Генерал Андогский разрешил ту же задачу иначе.

Вопрос об эвакуации академии оказался не так прост. Генерал Андогский пишет: «Дело касалось не отдельных лиц, из которых каждый в отдельности мог бежать из Петрограда скрытно; дело шло о вывозе целого государственного учреждения с его многомиллионным имуществом и 300 обучавшихся офицеров». Таким образом, вы видите, что генерал Андогский и члены конференции решили не более, не менее эвакуироваться на Дон в пулмановских вагонах, захватив с собой обширнейшую академическую библиотеку и, как мы узнаем ниже, жен и детей, а быть может, еще сторожей и полотеров. Что же, если спасать государственное учреждение, так спасать как следует. Поистине колоссальное предприятие.

Но вот вопрос — следовало ли так осложнять дело, являлась ли необходимость везти с собой библиотеку и проч.? Я отвечаю — нет. И вот почему. Россия гибнет. Бандиты заливают ее кровью, распродают оптом и в розницу, подвергают неслыханному унижению. В такой момент государственного бедствия каждый честный гражданин, а воин и подавно, *просто берется за оружие, бросает жену, детей, имущество и идет биться с врагом, попирающим высшую для него ценность — Родину.*

Действительно, если России суждено погибнуть, то для чего нам библиотека академии Генерального штаба? Если же, в чем мы все глубоко убеждены, она возродится, то библиотеку (пусть даже она погибнет до последней книги) вновь соберем. Ведь публичные библиотеки в Петрограде и Москве существуют, и большевики, несмотря на свое варварство, их не трогают. Словом, жила бы Россия, а книги найдутся.

Быть может, по мнению генерала Андогского и членов конференции, генералу Алексеву, отправляющемуся на Дон для формирования Добровольческой армии, следовало захва-

тить с собой и весь Главный штаб с его архивом и библиотекой, еще более обширной, чем академическая. Но чудак-старик взял да поехал один, а библиотеку оставил в Петрограде.

Так делают простые честные люди, для которых Родина не пустой звук.

Так сделал великий патриот, гордость нашей армии Михаил Васильевич Алексеев, имя которого каждый честный русский будет произносить с непокрытой головой.

Но генерал Андогский, как я уже говорил, решает вопрос иначе. От академии командируются член конференции полковник Дрейлинг к генералу Алексееву и полковнику Филимонову. Какой доклад сделал по возвращении из командировки полковник Дрейлинг, автор статьи умалчивает. Тем не менее с уверенностью можно сказать — неутешительный. У генерала Алексеева денег мало; формирование Добровольческой армии идет не так быстро, как бы следовало ожидать; главный контингент добровольцев — офицеры; из последних формируются целые роты, батальоны и даже полки. Небольшая по численности Добровольческая армия несет большие потери. Это формирование офицерских частей генералом Алексеевым противоречило программе, выработанной членами конференции. Чего доброго, Михаил Васильевич еще прикажет из 300 слушателей кадровых офицеров сформировать роту, членов конференции поставить за отделенных и взводных, а начальника академии — командовать этой ротой. Но ведь при этих условиях возможны и потери среди академиков. А конференция твердо решила сохраниться до лучших дней для борьбы за возрождение России.

Теперь мы знаем, что «лучшими днями» конференция считала то, когда чехословаки и сибиряки отбросят большевиков за Урал, сформируется армия, а главное, сформируются штабы.

Тогда члены конференции займут высшие штабные должности, а «две сотни полезных штабных деятелей» (понимай слушателей, прошедших 4-хмесячные курсы) заполнят все прочие штабные места.

Академия поехала в... Екатеринбург. В этот город она прибыла со всем своим имуществом, семьями членов конференции и 300 слушателей.

Но вот чехословаки приближаются к Екатеринбургу. Они уже совсем близко. Вы думаете, что генерал Андогский стихийно ринулся навстречу своим освободителям? Ничуть не бывало.

За несколько часов до вступления чехов в Екатеринбург генерал Андогский печатает приказ большевистского штаба эвакуировать академию в Казань. «Мне было указано, — пишет г[енерал] Андогский, — что в случае нежелания выехать мы будем принуждены к тому силою, а академия подвергнется разгрому». Начальник академии решает: «Выехать, уступая насилию, членам конференции, наперечет известным большевистскому штабу, и необходимому количеству слушателей и имущества, чтобы создать впечатление эвакуации академии; часть членов конференции, почти все имущество ее, семьи и большая половина слушателей была оставлена в Екатеринбурге».

Таким образом, многомиллионное имущество, которое не позволило членам конференции просто выехать на Дон, ради спасения которого генерал Андогский так часто унижался перед Бронштейном, брошено; брошены также семьи и большая половина слушателей.

Что это такое, читатель?

Высокий подвиг мужества и любви к Родине или просто паническое бегство «членов конференции, наперечет известных большевистскому штабу», причем они второпях забыли даже своих жен и детей, с которыми раньше не расставались. Полагаю — последнее.

В Казани, говорит генерал Андогский, академии было предъявлено требование выезжать вглубь страны, в Муром. В этот город академия не поехала, потому что чехи и части Народной армии внезапно нагрянули на Казань. В Казани находился я лично, сам. Мне отлично известны все подробности падения этого города. Именно внезапность, а не что другое, была причиной того, что академия вместо Мурома попала в плен. Если бы большевики были лучше ориентированы в движении чехов, то они так же, как и в Екатеринбурге, приказали бы генералу Андогскому выезжать в Муром. Сила для принуждения была налицо: бригада латышей. И академия, уступая насилию, поехала бы далее на запад.

Где же тогда, читатель, «настойчивое стремление на сторону противников советской власти»? Это так же непонятно, как и то, что академия все время стремилась на восток, *а ехала на запад*.

В Сибири, говорится в рассматриваемом отчете, академия была принята с полным доверием, как генералом Гришиным-Алмазовым, так равно и членами Совета министров. Что же особенного, когда, не зная прошлого деятелей академии, их встретили с доверием.

Затем генерал Андогский победоносно перечисляет членов конференции, которые занимают высокие посты. Но ведь никто и не отрицает, что члены конференции ловкие господа.

Приведенный список членов конференции очень интересен, но только с другой стороны. В этом списке нет ни одного имени, хотя бы чем-нибудь заявившего себя в области науки или получившего известность на ратном поприще. Боюсь, нет ли в числе членов конференции обыкновенных старших адъютантов из числа любителей комфортабельной жизни и ничего не имеющих общего с наукой. Теперь вам делаются совершенно понятными слова: «член конференции», которые пестрят почти на каждой строчке статьи генерала Андогского. «Член конференции» был командирован туда-то, «член конференции такой-то вручил записку».

Член конференции — это звучит гордо, но что за ним скрывается? Вы полагаете, что это убеленный сединами, известный всей России и даже Европе ученый муж вроде генералов Драгомирова, Леера, Сухотина? Ничуть не бывало. Это, быть может, Генерального штаба капитан Симонов.

Чем замечателен этот капитан? Вы начинаете рыться в своей памяти. Вы где-то слышали эту фамилию. А, вспомнили. Он знаменит тем, что на банкете 26-го ноября прошлого года в своей речи сравнил генерала Андогского с Дмитрием Донским. «Как некогда, — сказал этот член конференции²³⁶³, — Дмитрий Донской спас Россию от разгрома, подвергаясь сам постоянным нападкам и унижениям, так и наш маститый начальник академии Александр Иванович (г[енерал] Андогский), ведя государственный корабль по бурным волнам “красного моря”, не побоялся унижений». Эта экскурсия в область истории не удалась члену конференции. Он забыл, что Дмитрий Донской унижался перед Мамаем, а генерал Андогский перед Бронштейном. Первый унижался для спасения России, а второй для спасения, как он говорит, академии, а в действительности, жирного большевистского оклада, т.е. своей утробы. Это далеко не одно и то же. Ну, на то он капитан. Послужит и будет более осторожен в исторических аналогиях.

Другой член конференции — полковник Касаткин. Чем замечателен этот штаб-офицер? Вы начинаете также припоминать и наконец находите. Полковник Касаткин известен тем, что на том же банкете произнес знаменательные слова: «Теперь нам не страшен суд. Исто-

²³⁶³ А.Л. Симонов членом конференции академии не состоял.

рия нас оправдала, и мы гордо можем нести головы по пути созидания России (приложение к № 18 газеты «Русская армия»)). Почтенный член конференции поторопился с Историей. История не произносит опрометчиво свои приговоры. Пока она могла слышать одних совдепцев, т.е. заинтересованную сторону. Пусть выслушает она и нас. Во всяком случае, если деятельность ваша, генерал Андогский, и членов конференции была чиста и безупречна, то как прикажете понимать вышеприведенные слова полковника Касаткина?

Почему вы страшились суда и в чем История вас оправдала?

Очевидно, было что-то в деятельности лиц, руководивших академией, что нуждалось в оправдании.

Таким образом, читатель, мы познакомились и с теорией спасения государственного учреждения, и как это государственное учреждение прорывалось с большевистской территории на территорию возрождающейся России.

Если все доводы, приведенные в отчете, неотразимы по своей убедительности, то на этом можно бы и кончить. Лица, поднявшие поход против генерала Андогского, посрамлены. Правда восторжествовала. Но начальник академии этим не ограничивается. Чтобы доказать чистоту своих помыслов, намерений и поступков, он прибегает к новым аргументам, которые должны если не уничтожить его противников, то... зажать им рот.

Я привожу их.

Генерал Андогский пишет: «Поднятый определенной группой поход против академии имеет несомненно антигосударственную цель: 1) лишить государственную власть ценных военных сотрудников; 2) дискредитировать корпорацию офицеров Генерального штаба, что ведет к подрыву боевой дисциплины; 3) лишить государственную власть возможности вести подготовку новых офицеров Генерального штаба».

И далее: «Дойти до такого безумного поступка (т.е. указать, что генерал Андогский со всеми присными служил раньше большевикам) *могли только враги России, заинтересованные в разложении боевой мощи армии и в пособничестве большевикам*».

Как вам нравится этот полемический прием?

Вам пришлось, вероятно, видеть такой фокус.

На один столик ставится чашка с водой, на другой — букет цветов. Фокусник накрывает их цилиндрами, дотрагивается до них своей волшебной палочкой и снимает их. И вот, к удивлению публики, оказывается — на столике, где стояла чашка с водой, стоит букет цветов, а где букет — чашка с водой. Но то чашка с водой и букет цветов.

Полюбуйтесь, что теперь проделывает ординарный профессор магии генерал Андогский.

На одной стороне стоят офицеры всех рангов и возрастов. Они жили в подполье, голодали, служили дворниками, продавали газеты, разгружали вагоны, словом, добывали тяжелым физическим трудом себе пропитание, но не шли на службу к большевикам. Они фанатически любили Россию и дорожили честью. Они работали в тайных противобольшевических организациях, подымали восстания, как, например: в Рыбинске, Ярославле, Муроме и других городах. Они с опасностью для жизни пробирались в Добровольческую армию генерала Алексеева или в Сибирь. Когда чехословаки приближались к какому-либо пункту, они стихийно бросались к ним навстречу, брали винтовки, становились в ряды и бились с предателями. *Словом, здесь честь.*

На другой стороне определенная группа лиц, которая в годину неслыханных народных бедствий и унижений России, прикрываясь громкими фразами о необходимости спасти не

Родину, а государственное учреждение с его имуществом, вкусно ела и пила, весело жила, получая деньги, хотя и «из остатков 1917 года», но по большевистским жирным окладам, колесила истерзанную Россию в пульмановских вагонах с запада на восток и обратно, унижалась и всячески берегла себя для «лучших дней».

Тут предательство.

И вот, совдепский генерал берет перо, то бишь волшебную палочку, и говорит: «Eins, zwei, drei. Passez!» И оказывается там, где была честь — стоит предательство, а где предательство — честь. Разве это не великий престижитатор? Каким надо обладать бесстыдством, чтобы печатно заявить, что лица, которые не шли ни на какие компромиссы со своей совестью, заинтересованы в разложении боевой мощи армии и помогают большевикам, а те, кто в течение почти целого года ежедневно продавали свою честь и совесть — укрепляют боевую мощь армии! Что дискредитируют корпорацию офицеров Генерального штаба не те, кто обслуживал большевиков, унижался перед Бронштейном и ездил в Брест, а те, кто указывает на определенную группу лиц, которая запятнала честь офицера Генерального штаба службой у бандитов!

Хотя вы, генерал Андогский, обладаете и неслыханным проворством рук, но этот фокус ваш не удастся. И напрасно вы пытались его проделать. Им вы ничего не опровергли, но себя дискредитировали окончательно.

В заключение я коснусь тех доводов, которые приводит генерал Андогский в опровержение обвинений, направленных персонально на него.

Вот они:

1) «Все обвинения, касающиеся общего поведения академии, не могут быть отнесены исключительно ко мне. Я действовал, как председатель конференции... с ее одобрения, а равно при дружной поддержке всех слушателей-офицеров».

Успокойтесь, мы и не относим все обвинения исключительно к вам. Нам известно трогательное единодушие, царившее между председателем и членами конференции, равно и дружная поддержка слушателей. Но к вам, как начальнику, по нашим военно-уголовным законам, будет применена высшая мера наказания.

2) «Мне делают упрек, что я попал на должность начальника академии неправильно, благодаря будто бы дружбе с Керенским, и что избран был будто бы генерал Алексеев».

Таким образом, смысл обвинения такой: большинством голосов офицеров Генерального штаба был избран другой, а назначен генерал Андогский. Посмотрите, как опровергает эти обвинения начальник академии. Очень любопытно. Оказывается, об этом пишет сам же генерал Андогский, что избран был не генерал Алексеев, а... вы ждете, что генерал Андогский, нет — генерал Головин. Керенского генерал Андогский никогда не видел. Его избрал генерал Ю.Д. Романовский, невзирая на то, что большинство голосов было за генерала Головина, причем с генералом Ю.Д. Романовским, добавим от себя, генерал Андогский был уже хорошо знаком. Вот как опровергается обвинение, что генерал Андогский неправильно занял должность начальника академии.

Перехожу теперь к самому важному.

3) «Самое тяжкое обвинение, возводимое на меня, — пишет генерал Андогский, — это то, что я будто бы подписал Брестский мир. Я был отправлен в Брест по принуждению и по категорическому приказу и.о. начальника Генерального штаба генерала Н.М. Потапова».

Но ведь вы же не малолетний, а зрелый муж, генерал? Как могли вас принудить ехать, если вы того искренно не желали? Ведь вы же могли просто скрыться из Петрограда. Прав-

да, пришлось бы расстаться с хорошим окладом содержания, присвоенным начальнику академии. Это, конечно, неприятно.

Вы поехали в Брест по категорическому приказу начальника Генерального штаба генерала Потапова. Но, позвольте, генерал Потапов со времени большевистского переворота и по сей день состоит на службе большевиков, следовательно, он такой же бандит, как Бронштейн и генералы Бонч-Бруевич, Черемисов и др[угие] предатели. Почему вы считали для себя обязательным приказ бандитовского²³⁶⁴ генерала? Подчинившись этому приказу, вы только засвидетельствовали, что вы именно служили советской власти и никому больше. А ведь в начале своей статьи вы утверждали, что только соприкасались с представителями советской власти. Хорошо соприкосновение, нечего сказать.

«Участи ехать в Брест», — повествует генерал Андогский, — «совместно со мной подверглись: Генерального штаба генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов и Генерального штаба капитан В.А. Липский²³⁶⁵». Да, если бы в Брест поехали не один, а тысяча генералов от инфантерии и столько же капитанов, что же, от этого ваш поступок делается чище?

«Мы вовсе не уполномочивались подписывать мирный договор. Наша задача была не от Совнаркома, а от Главного управления Генерального штаба».

Но, позвольте, Главное управление Генерального штаба, начиная от начальника его генерала Потапова до последнего сторожа, состояло в то время на службе у Совнаркома. При этих условиях, мы думаем, совершенно безразлично, откуда исходили задачи.

Указывая, что вы получили задачу от большевистского генерала или учреждения, вы не только ничего не опровергаете, но опять-таки самым решительным образом подтверждаете, что лично вы и ваша академия были на службе у Совнаркома.

Затем, неужели же вы так до сих пор не понимаете, для чего советская власть приказала командировать вас в Брест?

Главная цель вашей поездки была вовсе не подписание договора, а нечто другое.

Совнаркому необходимо было показать, что он не узурпировал власть, а является общепризнанным правительством всей России. Что от этой власти не отвернулись все честные люди, но что ей служат такие почтенные лица, как генералы дореволюционной России.

Это обстоятельство подчеркивалось всеми официальными и частными органами советской печати. Хотя к тому времени большевики уже упразднили чины, но вас и генерала Данилова везде величали генералами, даже без добавления «бывший».

Вспомните, наконец, что за компания была делегирована в Брест для заключения мирного договора.

С Иоффе ехали «пьяные, растрепанные матросы, сутенеры и публичные женщины». Большевики боялись, что немцы не пожелают с ними даже разговаривать, а не то, что вести переговоры. И вот, чтобы придать более приличный облик этой гнусной компании, в состав ее включили: бывшего командующего армией генерала Ю. Данилова, вас, начальника академии Генерального штаба, и генерала Скалона, о котором вы предусмотрительно умалчиваете²³⁶⁶.

«Задача командированных генералов», — пишет генерал Андогский, — «заклучалась в следующем: “Принять все меры к тому, чтобы хоть частично улучшить условия договора в военном отношении, так как таковые ставили Россию в чрезвычайно тяжелое положение

²³⁶⁴ Так в тексте.

²³⁶⁵ В тексте ошибочно: В.В. Липский.

²³⁶⁶ На самом деле генерал Скалон участвовал в предыдущем раунде переговоров.

в стратегическом отношении”. Наша деятельность заключалась в протестах против отдельных пунктов договора и, наконец, против самого факта заключения позорного мира».

Генералу Андогскому, как офицеру Генерального штаба, должно быть хорошо известно, что всякого рода протесты при заключении мирного договора могут иметь лишь тогда какое-либо значение, когда за ними стоит реальная сила.

К моменту заключения Брестского мира, Германия имела великолепную армию, воодушевленную непрерывными победами в течение почти 3-х лет. Во главе этой армии стоял талантливый генерал Гинденбург. У нас к тому времени армии совершенно не было. Во главе же распущенных, разнузданных красноармейских банд стоял Главковерх прапорщик Крыленко.

И при этих условиях совдепские генералы, командированные в Брест, собирались частично улучшать условия договора в военном отношении!

Ясно, что ничего они не улучшили. Договор подписан был на условиях, которые продиктовали немцы, а генералы запятнали мундир, который носили, и покрыли себя несмысленным позором.

«Я подписал не мирный договор», — гордо заявляет генерал Андогский, — «а протест против заключения Брестского мира». «Поданные нами протесты в копиях имеются у меня».

Лучшим протестом, конечно, было бы, если бы начальник академии просто уклонился от поездки в Брест. И затем, интересно знать, где и когда были подписаны протесты? В Бресте, Петрограде, Москве или другом каком-либо пункте? Об этом говорится очень неясно. Были ли подписаны еще какие-либо документы военными экспертами? И кто вообще может знать, что они там еще подписали? Одно можно сказать, что, очевидно, дело не ограничилось подписью одних протестов. Обстановка переговоров была настолько унижительна и тяжела, что малодушный, но несомненно честный генерал Скалон предпочел пустить себе пулю в лоб, чем подписывать протесты.

Таким образом, генерал Андогский — участник преступной комиссии по заключению Брестского мирного договора, покрывшего нашу Родину неслыханным позором. И если он не подписал названного договора, то фактом участия в этой комиссии он морально скрепил акт, униживший истерзанную Россию.

Поэтому предъявленное ему обвинение остается непровергнутым, несмотря на целый ряд допущенных им подтасовок и умышленных недомолвок.

Я утруждал ваше внимание, читатели, указывая самые мелкие черточки знаменательного отчета о деятельности академии Генерального штаба в 1917–1918 годах. Это утомительно, но необходимо. Ведь из черточек составляются буквы, а из букв слова. И вы видите составилось слово: *предатели*.

Так вот каков, читатели, начальник академии Генерального штаба, ординарный профессор генерал-майор Андогский, и, несомненно, все, кто его дружно поддерживал и одобрял, т.е. члены конференции.

Не будучи в состоянии привести честные доводы, оправдывающие их преступное прошлое, они вопят: «Как смеете вы указывать на наше прошлое; наши сочлены заполняют четыре пятых всех должностей Генерального штаба; вы подрываете боевую дисциплину, вы разлагаете армию, вы пособничаете большевикам».

Вот каковы наши новые «Ермаки Тимофеевичи, покорители Сибири», эти воспитатели и руководители нашей военной молодежи, будущих офицеров Генерального штаба, этого мозга армии!

Рычков В. Как они оправдываются? // Свободное слово (Тюмень). 1919. 7 февр. № 26. С. 1–3.

**Доклад генерал-лейтенанта Г.Е. Катанаева
по делу о прикосновенности бывшего начальника
академии Генерального штаба генерал-майора А.И. Андогского
и подведомственных ему чинов академии к противогосударственным
(большевистским) организациям.
20 сентября 1919 г.**

Доклад

генерал-лейтенанта Катанаева. «По делу о прикосновенности бывшего начальника академии Генерального штаба генерал-майора Андогского и подведомственных ему чинов академии к противогосударственным (большевистским) организациям».

В Центральную следственную комиссию при военном министре.

История возникновения дела о генерале Андогском и его подчиненных по академии Генерального штаба в общих чертах такова:

После государственного переворота в Омске (в ночь с 17 на 18 ноября 1918 г.), когда Директория, избранная Государственным совещанием в Уфе, пала, а вместо нее верховная власть в государстве перешла в руки адмирала Колчака, последний, призвав к себе вечером 19-го ноября генерала Андогского, объявил ему о своем желании иметь его при себе начальником штаба по званию Верховного главнокомандующего. Принимая, однако же, во внимание, что около имени Андогского, ввиду его причастности к заключению с немцами Брестского мира, носится масса всевозможных слухов, большею частью неблагоприятных для Андогского, он, Верховный правитель, прежде отдания приказа о новом его назначении приказал сделать предварительный [опрос] начальников строевых частей фронта о том, как таковое назначение лица, связанного с Брестским миром, на высокий руководящий пост в армии будет принято чинами самой этой армии. До получения же ответов по этой анкете поручил генералу Андогскому заняться составлением проекта организации Военного министерства и Главного управления Генерального штаба и доложить по приезде с Дальнего Востока генерала Степанова, предназначавшегося на пост военного министра.

Секретная анкета эта дала возможность многочисленным (как увидим ниже) недругам, а может быть, и завистникам Андогского секретно же высказать против него и академии Генерального штаба вообще немало компрометирующих кандидата на высокий пост мнений. В находящемся на рассмотрении Центральной следственной комиссии «Деле» имеется 26 анкетных отзывов (« » за и « » против). В числе их 10 безусловно против назначения генерала Андогского наштаверхом (между ними генералы: Дутов, Сукин, Ханжин, Романов, Эллерц-Усов, Рычков и Панов), четверо ни «за», ни «против» (в числе их генералы Дитерихс и Козлов), не решившиеся высказать определенного заключения без подробного обследования обстоятельств всего дела, и 12 человек высказалось «за» Андогского (в числе их генералы: Люпов, Богословский, Голицын и Ионов).

Нельзя не остановиться на двух наиболее резких отзывах, по-видимому, сыгравших видную роль в дальнейшем ходе дела о назначении генерала Андогского на высокий пост. Это секретные отзывы генерал-лейтенантов Рычкова и Панова.

Первый из них писал: «Докладываю свое совершенно откровенное мнение: в борьбе с большевизмом корпус офицеров в своем огромном большинстве оказался, как и следовало

ожидать, государственно мыслящим. Все доблестное, благородное, возвышенное, героическое сразу же стало в открытую оппозицию с большевиками, и если не все выступили активно в оппозицию с большевиками, то уходом с должностей и фактом бойкотирования Красной армии они, конечно, не только не способствовали укреплению, но разложению физическому и моральному.

Среди генералов-негодяев, обслуживающих Красную армию, вы не найдете ни одного имени, которое пользовалось бы уважением старой армии. Если Родина вправе предъявлять, чтобы рядовой офицер, в силу своей профессии, всегда был государственным и был готов пожертвовать за нее своей жизнью, то для людей высшего командного состава это является сугубо обязательным. Генерал Андогский попал начальником академии по выбору Керенского, невзирая на то, что корпус офицеров Генштаба, которому было предоставлено право избрать начальника академии, высказался за другого. При захвате власти большевиками у него не хватило мужества отказаться от поездки в Брест и приложить свою руку к подписи позорнейшего для России договора: между тем [были] благородные генералы и офицеры, которые предпочли тюрьму и смерть участию в позоре России. Мало того, генерал Андогский все время при большевиках был начальником академии, т.е. обслуживал эту проклятую власть и подготовлял красных офицеров [Генерального] штаба, которые теперь сражаются с возрождающейся нашей армией. В Сибирскую армию генерал Андогский явился не добровольно, чтобы искупить свою вину, а случайно был захвачен с красноармейскими частями и учреждениями в Казани при падении ее. На основании изложенного, я, как офицер Генерального штаба, полагаю, что генералу Андогскому не только не может быть предоставлена такая высокая должность, как наштаверха, но и вообще место в рядах новой армии. 7-го декабря 1918 года».

Не менее резок отзыв и генерала Панова из Тюмени: «Названное в телеграмме 10 лицо (т.е. генерал Андогский), если искренне жаждет восстановления надежной армии, не может само согласиться на занятие даже незначительной должности, ибо всем офицерам, а не только офицерам Генштаба, хорошо памятна роль и поведение генерала Андогского: первое — большую часть войны с Германией он провел в Петрограде; второе — вопреки голосу запрошенных офицеров Керенским, назначен начальником академии; третье — участием в комиссии по заключению Брестского мира не только на себя наложил клеймо позора, но замарал звание русского офицера, показав, до какого низкого уровня может пасть человек, преступными средствами творящий личную карьеру, не останавливающийся перед преступлением, влекущим к гибели Родину; четвертое — обслуживал Бронштейн-Троцкого и Красную армию, подготовляя образованием и воспитанием офицеров-врагов против всего доблестного и благородного, боровшегося с советской властью; пятое — в Казани, захваченный в плен, не постарался искупить свои преступления и не вступил в ряды открытых борцов против красных, а уклонился в Самару и далее вглубь, чтобы избежать опасности встретиться с его бывшими сотрудниками — красными; шестое — кроме того, никаких способностей, выдвигающих генерала Андогского из ряда других, им не обнаружено, а потому назначение на какую-либо не только высокую, но и вообще ответственную должность пользы не принесет» (все анкетные отзывы находятся при «Деле»).

Одновременно и параллельно, очевидно, в связи с анкетой, в тюменской и екатеринбургской газетах «Свободное слово» и «Отечественные ведомости» появился ряд статей, частью анонимных, под псевдонимами, а частью и под действительными фамилиями, как

бы отвечающих на ту же анкету. Общий тон этих статей неблагоприятен как генералу Андогскому, так и возглавляемой им академии Генерального штаба вообще. Что, впрочем, и не удивительно, так как большинство этих статей принадлежит тому же генералу Рычкову и его адъютанту поручику Клепикову. Почти все эти статьи приобщены к «Делу», находящемуся на рассмотрении следственной комиссии. Заглавия их: «Герои и предатели нашей родины» ст[атья] К. Язвина (Отеч[ественные] вед[омости] 1918 г. № 98), «Красное офицерство» ст[атья] Белоруссова (Отеч[ественные] вед[омости] № 38), «Воспоминания о событиях при занятии города Казани» ст[атья] Фл. Клепикова (Свободное слово 1918 г. № 147), «Красная паутина» ст[атья] Ф. Клепикова (Своб[одное] слов[о]), «Размышления над статьями А.С. Белоруссова» ст[атья] Ф. Клепикова (Своб[одное] слов[о] 1919 г. № 15), «Как они оправдываются» ст[атья] ген. Рычкова (Своб[одное] слово 1919 г. № 26), «Что это такое» ст[атья] В. Рычкова (рукопись), «Наша заря», «Красноармейцы» ст[атья] Клепикова (Св[ободное] сл[ово] за 1919 г.), «По поводу статьи Академия Генерального штаба в 1917– [19]18 гг.» ст[атья] Стеклова (Св[ободное] сл[ово] 1919 г. № 25), «По поводу праздника академии Генерального штаба» ст[атья] Стеклова (Св[ободное] сл[ово] 1918 г. № 149). Содержания этих статей, равно как и благоприятных для генерала Андогского анкетных отзывов я коснусь подробнее в последующих местах настоящего доклада, излагаемых ниже.

По приезде с Дальнего Востока в Омск, вновь назначенного военным министром, генерал-майора Степанова подведены были итоги анкетного опроса и в связи с тем, что писалось в газетах и ходило в публике в виде слухов, генералу Андогскому было через военного министра объявлено 7-го января сего года пожелание на некоторое время уехать (из Омска) подальше и переждать, пока улягутся страсти. Благоприятным предложением для сего являлась командировка на Дальний Восток в Шанхай «для выяснения вопросов об устройстве постоянных военно-информационных бюро в Харбине и Шанхае» (см. подробное изложение в показаниях генерала Андогского на стр. 92, 93, 94 и 95 «Дело о нем»). Исполнить это поручение по разным более или менее уважительным причинам генералу Андогскому не пришлось, он в г. Шанхай не поехал. Это было принято за неисполнение данного приказания, и, как следствие сего, 26-го января последовало от военного министра уведомление генералу Андогскому, что он отчислен от должности начальника академии с зачислением в резерв чинов Иркутского военного округа.

28-го января сего же года от генерал-майора Степанова последовало на имя и.д. председателя соединенного присутствия главного военного и морского судов (ген[ерал]-майора Менде) уведомление, что «Верховный правитель повелел ему произвести расследование о прикосновенности в своей деятельности к советской власти начальника академии Генерального штаба генерал-майора Андогского, а также о причинах отказа генерала Андогского от выезда в командировку за границу».

В исполнение такового повеления Верховного правителя генерал-майор Менде выехал в гор. Томск, где в это время находился удаленный из Омска генерал Андогский и многие из оставшихся в то время не у дел профессоров академии Генерального штаба, эвакуированных туда же из Петрограда и Екатеринбурга.

Результатом опроса в Томске и других действий генерала Менде явилось находящееся теперь на рассмотрении Центральной следственной комиссии «Дело» на 165-ти пронумерованных, прошнурованных и припечатанных листах.

При особом «Докладе» генерала Менде дело представлено было к Верховному правителю, от которого поступило к военному министру генералу Степанову, а этим последним по воспоследованию постановления Совета министров об образовании Центральной следственной комиссии передано в следственную комиссию. Ни докладов генерала Менде, ни чьих-либо резолюций и предписаний при деле и в самом деле не имеется. Где в настоящее время находится «Доклад» — остался ли у Верховного правителя или задержан у себя генералом Степановым, за отъездом последнего за границу, остается не выясненным.

Таким образом, для комиссии остается неизвестным, кто собственно, в чем именно и по каким данным обвиняет генерала Андогского и его бывших подчиненных по академии Генерального штаба.

Приняв на себя ближайшее рассмотрение дела генерала Андогского, я прочел его несколько раз и к настоящему времени усвоил, полагаю, достаточно хорошо. Независимо от этого я имел продолжительный разговор по существу всего дела с производившим расследование генерал-лейтенантом Менде и дополнил имевшиеся уже в деле данные сведениями, истребованными мною от разных лиц непосредственно. Все это (в связи с тем, что получение других данных, необходимых для всестороннего освещения, при настоящих политических и военных обстоятельствах является невозможным, а между тем по тем же обстоятельствам скорейшее выяснение степени прикосновенности к противогосударственным организациям генерала Андогского и его бывших подчиненных по академии, занимающих в большинстве весьма видные воинские посты, неотложно) — дает мне основания теперь же высказаться по существу всего дела, формулировав (по имеющимся в деле данным) предъявляемые (обвинения) к генералу Андогскому и его сотрудникам обвинения в нижеследующие пункты:

I.

Лично к генерал-майору Андогскому предъявляются обвинения:

1-е. В захвате власти над Военной (Генерального штаба) академией, благодаря личной дружбе и политическому единомыслию с бывшим в 1917 году военным министром А.Ф. Керенским, вопреки избранию на пост начальника академии большинством офицеров Генерального штаба не его, Андогского, а генерала Головина.

2-е. В подписании, совместно с представителями правительства большевиков, позорного для Великой России Брестского мирного договора с Германией и Австро-Венгрией.

3-е. В неисполнении²³⁶⁷ повеления Верховного правителя и приказа военного министра отправиться за границу для исполнения секретного военно-политического поручения.

4-е. Во вредном воздействии на штаб Верховного главнокомандующего в исполнении лежащих на этом штабе важных обязанностей.

II.

К генералу Андогскому непосредственно, а через него и к прочим чинам академии в том, что:

5-е. После октябрьского переворота 1917 года Андогский и подведомственные ему чины академии не только подчинились большевистскому самозванному правительству, но и выдали письменное обязательство на верность служения ему.

6-е. Исполняя желание и волю большевиков, академия Генерального штаба в полном составе служащих и слушателей во главе со своим начальником эвакуировалась (бежала)

²³⁶⁷ В документе ошибочно: в неиспользовании.

из Петрограда в Екатеринбург вглубь тогдашней территории Советской России, дабы не попасть в руки наступающего на столицу неприятеля и тем самым не лишить себя возможности продолжать служить большевикам в деле борьбы с «контрреволюцией».

7-е. Прибыв в Екатеринбург, со своим, весьма ценным имуществом — библиотекой и учебными пособиями, академия, руководимая своим начальником генерал-майором Андогским, немедленно открыла свои действия, начав не только чтение лекций в подновленном большевиками составе офицеров-слушателей и по новой согласованной с пожеланиями советской власти программе, но и переименовавшись в «академию Красной рабочей и крестьянской армии».

8-е. Не ограничиваясь подготовкою офицеров для будущей службы в Генеральном штабе Красной армии, академия, водворившись в Екатеринбург, по требованию большевистских властей не отказывалась в течение самого курса, время от времени, командировать своих слушателей и даже профессоров в ряды красноармейцев для исполнения штабных и фронтовых поручений.

9-е. В июне 1918 года академия, ввиду приближения к Екатеринбургу чехословаков и сибирских войск, сбросивших уже к этому времени большевистское иго в Азиатской России, вновь эвакуировалась (сбежала) из угрожавшего неприятелем города внутрь большевизии в Пермь и далее по Каме и Волге в Казань.

10-е. Находясь в Казани, чины академии и сам генерал Андогский не только ничем не проявили своего сочувствия к тайным офицерским организациям, борющимся с большевиками, но даже, напротив, видимо, сочувствовали последним, в силу чего, по слухам и уверению некоторых «очевидцев», были даже арестованы в гостинице «Волга» занявшими Казань «белыми» и насильно в качестве пленников препровождены под конвоем в Самару, также уже освободившуюся от большевиков.

11-е. Поневоле вступив в Самаре в ряды «Народной» армии, возглавлявшейся тамошним правительством, чины академии и офицеры-слушатели после краткого здесь пребывания вновь в большинстве своего состава во главе с генералом Андогским эвакуируются частью опять в Екатеринбург, а частью еще далее вглубь Сибири на службу сибирскому правительству, взявшему не только верх над самарским, но и перешедшему в успешное наступление в военных действиях против большевиков Европейской России.

Перехожу к выяснению степени основательности этих обвинений, насколько то оказывается возможным по данным, которые имеются в деле о генерале Андогском и прочих чинах академии Генерального штаба.

По первому пункту обвинения, относящемуся лично к генералу Андогскому по поводу якобы неправильного захвата им должности начальника академии Генерального штаба, в «Деле» независимо от объяснений самого обвиняемого и его брошюры «Академия Генерального штаба в 1917–1918 гг.» имеются показания бывших профессоров названной академии: генерал-лейтенанта Христиани (стр. 5 и 6), полковника Киященко (стр. 15, 16 и 17), генерал-майора Рябикова (стр. 25), генерал-майора Иностранцева (стр. 31), полковника Сыромятникова (стр. 38), полковника Слижикова (стр. 41), полковника Смелова (стр. 51 и 52), генерал-лейтенант Колубакина (стр. 73 и на обороте (ее)). Особенно подробны и обоснованны показания двух последних и полковника Киященко. Все показания в общем сходны, разница лишь в большей или меньшей подробности и обоснованности этих показаний. Все единогласно утверждают, что приписываемая генералу Андогскому дружба его с Керенским

(если допускать, что таковая существовала) никакого отношения или влияния на дело назначения генерала Андогского начальником академии не имела, а некоторые (Смелов, Колюбакин), как и сам Андогский, положительно утверждают, что он не только не состоял в дружбе или единомыслии с Керенским, но и не был с ним знаком, никогда его не видел и по назначении начальником академии даже не представлялся ему и не бывал ни разу с докладами по делам академии, как то бы следовало по принятому Керенским после Гучкова званию военного и морского министра.

До генерала Андогского начальники академии Генерального штаба, как и других военных академий, не избирались коллегиями профессоров, как то делается в университетах, а назначались военным министром по представлениям надлежащих начальников главных управлений. А.И. Гучков, вступив в управление Военным министерством, приказал изменить этот порядок применительно к таковому же в университетах, оставляя за собою лишь право утверждения в должности вновь избранного. Не успели еще произвести выборов согласно нового порядка, как Гучкова заменил новый военный министр Керенский, приказавший установленный его предшественником порядок избрания начальника академии еще более расширить, привлекая к избранию не только членов профессорской конференции этой академии, но и весь корпус генералов, штаб- и обер-офицеров Генерального штаба, которые голосованием должны были наметить четырех кандидатов, из числа которых военный министр по своему усмотрению имел утвердить одного. Большинство голосов согласно этого получили: генерал-майор Головин — 410 голосов, полковник Андогский — 373 гол[осов] генерал-майор Алексеев — 76 и генерал-майор Драгомиров — 36 голосов. За первого из них, судя по показаниям генерал-лейтенанта Колюбакина, высказались главным образом офицеры фронта, знавшие его по штабным должностям, главным образом, Юго-Западного и Румынского фронтов, а за второго вся конференция академии Генерального штаба, как высоко образованного человека, выдающегося профессора, представившего блестящий труд — диссертацию на тему «Встречный бой». За него же были и старшие генералы Государственного и Военного советов и весь состав Главного управления Генерального штаба во главе с тогдашним главным начальником этого штаба генералом Романовским, по представлению которого Керенский, не зная Андогского лично, предпочел его Головину, утвердив Андогского начальником академии на время войны.

Показаний и сведений, опровергающих эту историю назначения Андогского, в «Деле» нет.

По второму пункту обвинения генерал-майора Андогского в участии в работах Брестской конференции в «Деле», кроме показаний самого Андогского, имеются показания полковника Сторожева (стр. 10), полковника Осипова (стр. 21), генерал-майора Рябикова (стр. 29 на обороте), генерал-майора Иностранцева (стр. 32 и на обороте), полковника Слижикова (стр. 43 и 44), полковника Смелова (стр. 54 и 55) и ген[ерал]-лейт[енанта] Колюбакина (стр. 75).

Сам генерал Андогский описывает свое участие в Брестском деле так (стран[ицы] 82 и 83): «24-го февраля 1918 года около половины седьмого часа вечера, во время моего обеда, дома на моей квартире в здании академии я был вызван к телефону начальником Генерального штаба генералом Потаповым, который просил меня немедленно приехать в дом военного министра (Мойка, 67) для того, чтобы высказать свое заключение относительно предъявленного германским правительством ультиматума касательно проекта новой нашей западной границы. Заключение это требовалось для Главного управления Генерального штаба».

«На мою просьбу (по телефону же) разрешить мне окончить обед, генерал Потапов сказал, что предстоящая работа потребует у меня самое большее полчаса, а так как она спешна и автомобиль за мною уже послан, то он просил меня, не оканчивая обеда, немедленно же приехать в бывший дом военного министра, с тем, чтобы после скорого окончания указанной работы возвратиться домой оканчивать прерванный обед. Почти вслед за этими словами прибыл посланный за мною автомобиль, кроме шофера в нем находилось двое вооруженных матросов. Когда я совершенно налегке прибыл через несколько минут на Мойку и вошел в (бывший) кабинет министра, где, как мне было указано, находился генерал Потапов, то в нем я застал несколько незнакомых мне людей в штатском платье, а также генерала Потапова, генерала Лукирского и еще несколько военных, фамилий которых не припомню».

«Генерал Потапов, увидев меня, быстро подошел ко мне и объявил, что я назначен (кем?) для поездки в Брест в качестве консультанта по военным вопросам при мирной делегации и что отказа с моей стороны не может быть допущено. На мой отказ и протест против того, что я был вызван из дому обманом, а равно и заявление мое, что если бы я мог предполагать что-либо подобное, то меня не нашли бы в Петрограде, генерал Потапов ответил, что раз этого не случилось и я уже нахожусь здесь, то отговорок не может быть и я должен ехать; поезд отходит через час (т.е. в 8 час. вечера). На мой вторичный отказ ген. Потапов уже настойчиво повторил свой приказ, предупредив, что неисполнение его повлечет за собою чрезвычайно невыгодные для меня и академии последствия и что мне все равно придется ехать, так как приказано меня и других назначенных военных консультантов при нежелании их ехать отвезти на вокзал в автомобиле с конвоем».

«Пока я, совершенно пораженный услышанным, собирался с мыслями, в кабинет вошел генерал Юр[ий] Никиф[орович] Данилов, также вызванный с квартиры (в д. № 67), с теми же уловками. Ему было объявлено то же, что и мне. Затем в таких же условиях был привезен капитан В.А. Липский²³⁶⁸».

«Никаких разработанных письменных инструкций нам не было дано. Генерал Потапов лишь на словах дал указание, что задачей нашей является выторговать у немцев все, что возможно, так как наше военное положение чрезвычайно серьезно».

Очень торопились нас отправить: генерала Данилова, меня и капитана Липского на автомобилях с конвоем завезли по квартирам для того, чтобы мы могли взять необходимые дорожные вещи, и затем мы были доставлены на Варшавский вокзал в вагон экстренного поезда, с которым и отправили из Петрограда».

«При таких условиях отправления, я лишен был всякой возможности уклониться от поездки и вынужден был до конца нести невыразимо тяжелую обязанность. Единственным утешением было то, что наша задача была от Главного управления Генерального штаба и что выполнения ее требовала польза Родины, так как по заверению ген. Потапова (да это мы воочию увидели и сами) других, кроме нас, военных консультантов, никаких защитников интересов России не оказалось в Бресте в этот ужасный исторический момент».

В брошюре своей «Академия Генерального штаба в 1917–1918 гг.» генерал Андогский к сказанному добавляет (стр. 14–15 брошюры и стр. 104 «Дела»). «Наша задача была не от Совнаркома, а от Главного управления Генерального штаба и заключалась в следующем: принять все меры к тому, чтобы хоть отчасти улучшить условия договора в военном отно-

²³⁶⁸ В документе ошибочно: В.В. Липский.

шении, так как таковые ставили Россию в чрезвычайно тяжелое положение. Наша деятельность заключалась в протестах против отдельных пунктов договора и против самого факта заключения позорного мира. Я подписал не мирный договор, а протест против заключения Брестского мира».

Из прочих опрошенных генералом Менде профессоров двое были свидетелями обстановки, при которой генерал Андогский вынужден был отправиться в Брест. Полковник Слижигов пишет: «В феврале месяце 1918 года я зашел около 7-ми часов вечера к генералу Андогскому по служебным делам, но, узнав, что он обедает, я решил зайти несколько позже. Вторично я зашел около 8-ми часов вечера и был крайне изумлен, что приехал автомобиль с вооруженными людьми за А.И. Андогским, который, выходя из квартиры с маленьким саквояжем в руках, на ходу поздоровался со мной в коридоре».

«Бледное измученное лицо свидетельствовало о чем-то чрезвычайном. Бросив мне на ходу фразу: “Меня предал начальник Генерального штаба (ген. Потапов); я должен ехать в Брест”, — он сел в автомобиль и в сопровождении конвоя выехал с академического двора».

Другой свидетель, полковник Смелов, пишет: «Не помню точно, какого числа вечером меня вызвал к телефону генерал Андогский и приказал немедленно явиться к нему. Когда я вошел в кабинет ген. Андогского, он ходил из угла в угол, одетый по-походному. Он сказал мне приблизительно следующее: “Сейчас я от Потапова, который приказал мне ехать в Брест в качестве эксперта-консультанта при мирной делегации. Я протестовал, но приказание было подтверждено угрозой... Я повинуюсь... В Брест кроме меня также по приказанию едут генерал Юрий и Николай Даниловы²³⁶⁹ и кап[итан] Липский. Через час за мной приедет на автомобиле Липский...” Генерал Андогский пробыл в отсутствии около 3-х недель. По возвращении он сделал публичное сообщение в аудитории академии в присутствии всех слушателей, членов конференции и служащих. Сколько помнится, сообщение носило характер резкий, подчас обличительный в отношении правительства».

«Причем неоднократно было подчеркнуто, что он, генерал Андогский, вместе с Юрием Даниловым опротестовали в Бресте как отдельные пункты мирного договора, так и весь договор в целом и что их подписей под мирными условиями нет».

Все прочие опрошенные по этому пункту обвинения профессора, не будучи свидетелями отъезда генерала Андогского и не имея никаких данных о деятельности его в самом Бресте, дали показания, ссылаясь лишь на только что помянутое публичное сообщение генерала пред профессорами и слушателями академии. Генерал-лейтенант Колюбакин к этому присовокупляет от себя лично: «На эту командировку, как тогда, так и теперь, я смотрел и смотрю как на вынужденную, под угрозой, и было бы совершенно нелепо видеть в ней что-либо другое, как исполненное в условиях насилия поручение, в котором к тому же он видел средство хоть что-нибудь выторговать для продаваемой России. Я смотрел тогда на А.И. Андогского как на жертву, глубоко сожалел, видел в этой командировке известное самопожертвование. Неужели нужно еще доказывать, насколько тяжело было ему это поручение. Многочисленные недоброжелатели его и в этой тяжелой обязанности, исполненной по приказанию своего непосредственного начальника г[енерал-]м[айора] Потапова, склонны видеть желание выгод и прославить себя или угодить большевикам. Это чудовищно несправедливо (подчеркнуто самим генералом Колюбакиным). Одно это обвинение доказывает, насколько еще

²³⁶⁹ Так в тексте. На самом деле речь идет об одном человеке — Ю.Н. Данилове.

рановременно судить о событиях и лицах и по наветам таких ограниченных ничтожностей, как, например, Рычков и компания. Подобные обвинения только ослабляют нас в период борьбы с большевиками, и только большевикам же это и выгодно».

Других показаний и данных, касающихся Брестского действия, в следственном деле не имеется, если не считать упомянутых уже в начале «Дела» отзывов о генерале Андогском, данных некоторыми из старших чинов Генерального штаба по требованию Верховного правителя в связи с участием Андогского в Брестской конференции и предполагавшимся в ноябре 1918 года назначением его на пост наштаверха. В деле, как сказано, имеется 26 отзывов (особо приложенных). Несмотря на свежесть ходивших еще тогда фантастических слухов о Брестском «предательстве» вообще и «службе» у большевиков чинов академии Генерального штаба во главе с генералом Андогским, анкета в общем оказалась довольно благоприятною для него. Безусловно против Андогского, как сказано выше, высказалось только 10 человек, и то не столько потому, чтобы они считали генерала Андогского не подходящим для высокого назначения по его способностям и знаниям, сколько ввиду неудобства иметь во главе штаба Верховного главнокомандующего человека, имя которого связано с участием в заключении позорного Брестского мира. Наиболее резкие и определенные отзывы генералов Рычкова и Панова приведены мною выше, в начале настоящего доклада. Четверо из опрошенных, как тоже сказано выше, уклонились от определенного ответа до выяснения роли Андогского в Брестском договоре путем расследования. Двенадцать человек подали голоса в пользу Андогского. Некоторые из отзывов лиц этой категории поражают преклонением их перед личностью генерала Андогского. Один из них, например, пишет: «Генерала Андогского считаю выдающимся, талантливым [генералом] Генштаба, с богатым боевым прошлым, который с полным успехом может работать на ответственном посту наштаверха. Глубоко уважая личность генерала Андогского, я верю, что под твердым руководством (Главковерха) он поведет нашу армию к победам... Докладываю: В настоящее тяжелое время не может быть сведения старых счетов». Другой генерал пишет: «Зная генерала Андогского как моего руководителя еще в академии, считаю своим долгом заявить, что лучшего наштаверха не найти». Третий заявляет: «Я знаю генерала Андогского лично. Могу только от всей души приветствовать его назначение». Четвертый свидетельствует: «Выбор Андогского безусловно пал на достойнейшего, самого талантливого из всех офицеров Генштаба... Генерал Андогский наша гордость, он спас академию, как опытный кормчий, ведя ее, среди бушующего моря, в гавань... он надежда и слава нашего Генерального штаба». Пятый, считая участие генерала Андогского в Брестской конференции вынужденным, относительно роли его как начальника академии отзываясь: «Самоотверженную деятельность его при большевиках можно уподобить деятельности Александра Невского, ездившего в Орду к татарам, чтобы спасти свое княжество от разорения и гибели, чтобы Великий Новгород мог сыграть свою роль в будущем».

В конце концов, однако же, как сказано в начале настоящего доклада, противники Андогского, подкрепленные антагонистами из других соперничающих лагерей, взяли верх. Андогский остался «в подозрении», до самого последнего времени оставаясь «в резерве», не получал не только обещанного высокого, но и никакого назначения.

По третьему и четвертому пунктам обвинений, предъявленным лично к генералу Андогскому и по существу не относящимся к кругу ведения и обязанностей нашей следственной комиссии, Верховному правителю представлен председателем главного военно-морского

суда генерал-лейтенант[ом] Менде особый исчерпывающий доклад, сколько мне известно, в оправдательном для обвиняемого смысле, а потому я оставляю их без особого рассмотрения в настоящем докладе.

По пятому пункту обвинений генерала Андогского, касающемуся, как и все последующие пункты, деятельности его как начальника академии Генерального штаба совместно с членами конференции этой академии, все показания как самого Андогского, так и подчиненных ему лиц сходятся в полном отрицании каких бы то ни было письменных с их стороны обязательств по отношению к верности службы советскому правительству. Генерал-лейтенант Колубакин по этому поводу пишет: «Никаких подписей кому-либо из большевиков мы не давали, да об этом не может быть и речи. Самое подозрение мне кажется нелепостью» (см. стр. 74 дела). Профессор генерал-майор Коханов пишет: «Подписки служить в Красной армии у нас никто не требовал, об этом я слышу первый раз» (стр. 162). В этом же роде ответы всех прочих опрошенных профессоров академии. По-видимому, слух о такой подписке возник вследствие того, что, как увидим ниже, в объяснениях по пункту седьмому настоящего доклада, для принятия в академию (за время пребывания ее в Екатеринбурге) слушателей на младший ускоренный курс от них требовалось советскими властями удостоверения в принадлежности к Красной армии или подписки на служение в таковой по выходе из академии (стр. 59 на обороте). Ни профессора, ни слушатели старшего класса таких подписок не давали.

Что касается отношений между академией и большевиками, установившихся с первых дней переворота после 25-го октября 1917 года, то показания по сему как самого Андогского, так и прочих чинов академии в общем сходны и разнятся лишь в подробностях. В брошюре своей «Академия Генерального штаба [в] 1917–[19]18 гг.» Андогский пишет: «Переворот в октябре 1917 года застал академию в Петрограде в период занятий по усиленной подготовке офицеров к службе в Генеральном штабе. Всего на старшем и младшем классе было свыше 300 старых кадровых офицеров, прошедших на фронте тяжелую боевую школу в течение 2–3-х лет Великой войны и командированных из действующей армии с тщательным выбором. Определенно выразившееся стремление большевиков разрушить старую боевую армию побудило конференцию академии сразу же принять меры к тому, чтобы спасти от разгрома как самую академию, так и три сотни старых кадровых офицеров и сохранить их до лучших дней для борьбы за возрождение России. Принято было решение эвакуировать академию из Петрограда в направлении к тем окраинам, куда, по слухам, начинали стекаться русские люди для борьбы с большевиками. Материальные нужды академии за этот период удовлетворялись из сумм, в избытке оставшихся по смете 1917 года, и заблаговременно полученных в денежный ящик ее. Большевики пока не трогали академию и не предъявляли к ней никаких требований. Готовясь к борьбе с ними, конференция академии к этому времени сплотилась в тайную антибольшевистскую организацию, державшуюся осторожно и выжидательно. К марту месяцу (1918 г.) со стороны большевиков стали появляться притязания ко всем академиям в связи с формированием Красной армии. Так как открытая борьба грозила немедленным разгромом академии, то решено было уклоняться путем эвакуации в Сибирь под предлогом опасности занятия Петрограда германцами. Понятно, что в стремлении эвакуироваться из Петрограда мне приходилось соприкасаться с представителями советской власти, так как дело касалось не отдельных лиц, кои каждый в отдельности могли бы бежать из Петрограда скрытно, — дело шло о вывозе целого государственного учреждения с его многомиллионным имуществом и 300 обучившихся старых офицеров прежней

армии». Член конференции академии генерал-лейтенант Христиани о том же периоде жизни академии пишет (стр. 5, на обороте 6-й): «После большевистского переворота конференция академии поставила себе задачей сохранить для родины до лучших времен: 1) весь состав профессуры, преподавателей и служащих в академии; 2) весь переменный состав обучавшихся офицеров кадровых, надежных, с большим боевым опытом и 3) все свое многомиллионное имущество, главным образом, библиотеку, музей и все делопроизводство. Все последующие действия как конференции, так и начальника академии были направлены исключительно к достижению этой главной задачи. Занятия в академии шли своим чередом, и никаких требований к академии большевики не предъявляли. Протестов против советской власти академия не заявляла, так как всякий протест мог повлечь за собою разгром академии и, следовательно, невозможность достижения главной задачи — спасения академии как учреждения государственного. Комиссар в академию был назначен, но я видел его, кажется, всего один или два раза, присутствие его не замечалось; в конференции он не показывался и, кажется, вообще держал себя довольно скромно» (это показание о петроградском комиссаре подтверждают и прочие опрошенные профессора и офицеры-слушатели академии). Полковник Слижилов о том же начальном периоде взаимоотношений между академией и большевиками пишет (стр. 42): «Полное разложение армии на фронте и народных масс, поощрение и развитие самых грубых, низменных инстинктов толпы, избивание офицеров, разрушение экономических и государственных устоев страны наряду с имевшимися в Главном управлении Генерального штаба секретными документами, устанавливавшими предательскую работу большевиков на немецкие деньги, выяснило настоящее лицо политики советской власти, предавшей нашу Родину в руки врагов, окончательное поражение которых (казалось) было обеспечено с весны 1917 года, но осуществление которого было задержано вспыхнувшей революцией в феврале 1917 года. Для конференции академии было ясно, что оставлять академию Генерального штаба в Петрограде при наличности в ней около 300 человек отличного русского офицерства значило бы сознательно подвергнуть академию или разгрому, или истреблению, или же в крайнем случае подвергнуть академию Генерального штаба участи пленника в руках немце-большевиков²³⁷⁰» (как то и случилось в академии артиллерийской, инженерной, военно-юридической и военно-медицинской, своевременно не эвакуировавшихся из Петрограда):

«На начальника академии возлагалась задача отыскать приемы и способы проведения в жизнь намеченной цели».

В основу своих действий как конференция академии, так и начальник ее, по свидетельству полковника Слижилова, ставили: «Осторожность, выжидательность и временное сопротивление ради необходимости усыплять бдительность большевиков» и далее: «Предрешая вопрос о необходимости быть готовыми на неизбежные жертвы, идя временно на компромиссы, оправдывавшиеся основной поставленной целью перейти на сторону истинной России целым государственным учреждением и дать ей оплот для возрождения боевой ее мощи. Только становясь на эту точку зрения, можно понять и просто разъяснить все, на первый взгляд, кажущиеся противоречия».

Полковник Смелов по тому же поводу пишет (страницы 52, 53 и 54): «С победой большевиков пред академией предстало два пути — один путь решительного протеста и за-

²³⁷⁰ Так в тексте.

тем неизбежного разгрома большевиками государственного военного учреждения; другой путь — осторожного поведения, затяжка времени, с надеждой на скорое падение большевиков или освобождение от них, и тогда открытая борьба за возрождение армии, во всеоружии накопленных сил в лице 300 кадровых, отборных офицеров и профессуры. Принят был последний путь, и академия после октябрьского (переворота) перерыва вновь приступила к занятиям. Однако же в ноябре месяце, когда определился затяжной характер большевизма, решено было добиваться эвакуации академии на юга. До половины декабря никакого вмешательства большевиков в академическую жизнь абсолютно не было.

Из отдельных лиц пострадало несколько слушателей, попавших в крепость, и штатный преподаватель полковник Дюсиметьер, вынужденный бежать во Францию. Большевиков не интересовала академия, а мы стремились до поры до времени ничем не привлекать внимание противника. В конце декабря в академии появился комиссар, но без политических полномочий, специально для проведения нового квартирного закона, по которому часть занимаемых нами казенных квартир должна была быть предоставлена “демократии” — слушателям и дворникам. В начале января 1918 года в академию был введен сводный отряд матросов до 600 человек, который оставался в академии, несмотря на наши многочисленные жалобы начальнику Генерального штаба генералу Потапову, около 3-х недель, уничтожив всю портретную галерею и ограбив академический музей. В течение всего этого времени академия была закрыта, вслед за этим насилием определенно почувствовался большевистский сыск за академией. К этому же времени относится первая попытка большевиков стеснить нас в получении средств из государственного казначейства на содержание слушателей. Один из трех комиссаров по военным делам, Склянский, настойчиво проводил мысль, что слушатели академии, как и студенты, не должны получать особого содержания (жалованья) от государства. Путем личных переговоров и убеждений начальника академии удавалось получать содержание, но каждый раз с предупреждением, что это в последний раз. С каждым днем академии становилось все труднее избежать общения с большевистской властью».

О том же времени пишет генерал-лейтенант Колюбакин (страница 73 на обороте 74 пп. 2 и 3): «Когда у власти оказались большевики, конференция академии в смущении и беспокойстве собиралась несколько раз для обсуждения того, что делать? Сколько помню, предположений делалось много, вплоть до ее закрытия. По этому поводу мы собирались не раз, и, сколько помню, на первом же или на втором заседании решено обратиться за указаниями к непосредственному начальству — начальнику Генерального штаба г[енерал-]м[айору] Потапову (Романовский тогда сдал должность). Потапов на все запросы академии обыкновенно предлагал «пока сидеть смирно и выжидать, оставаясь вне политики, уповая, что господство большевиков недолговечно». Так думало тогда все общество в столице, и тем же руководилось большинство ученых и учебных учреждений. Будучи непосредственно подчинена генералу Потапову, академия сама не могла ничего предпринять. В этом неопределенном и вынужденном положении, ожидая указаний непосредственного своего начальства, академия пребывала продолжительное время; большевики временно ее не трогали; мы жили тихо и только уже порядочно голодали; а слушатели, сколько помню, как тогда говорили, после лекций занимались на работы (до чистки улиц включ[ительно]). Большинство жило уверенностью в близости свержения большевиков и удивлялось, что еще продолжается их господство. Заседания конференции производились довольно часто, много говорилось о том, откуда последует освобождение, принимались меры скрытности заседаний, и самая конференция постепенно и все

более и более складывалась в тайную антибольшевистскую организацию, ограничивавшуюся ориентациею и выжиданием — неизбежною пассивностью».

Относительно комиссара, назначенного большевиками в академию, генерал Колубакин говорит то же самое, что и прочие чины академии. По его словам, «это был очень скромный человек, бывший сельский учитель, большой поклонник науки. Он читал наши учебники и лекции и, как мне говорили, посещал тайно лекции. Вообще, сколько я знаю, он зла академии не принес».

Сказанного, полагаю, вполне достаточно для уяснения тогдашнего положения академии Генерального штаба и политики всех ее чинов по отношению к большевистской власти.

Показаний посторонних академии лиц за означенный в настоящем пункте период в деле не имеется; да едва ли их в настоящее время можно и получить ввиду исключительного положения Петрограда и того, что дело, в данном случае, касается внутренней жизни академии, которая известна не по слухам, а воочию только лицам, принадлежащим к ее составу или непосредственно имевшим в то время дела с академией.

По пункту шестому обвинений.

Остановившись на мысли о неизбежности эвакуации личного состава академии и всего ее имущества из Петрограда куда-либо в более безопасное место, от всяких покушений на ее достояние и свободу действий, как государственного учреждения, администрация ее по показаниям всех опрошенных, прежде всего, обратила внимание на юго-восток Европейской России (Дон и Кубань), где в это время казачество во главе с Калединым и бывший начальник штаба Верховного главнокомандующего ген. Алексеев с государственно мыслящими людьми России организовали вооруженный оплот для ниспровержения большевиков. Туда от академии был командирован со специальною задачею избрать место для размещения всего эвакуируемого и открытия занятий член конференции полковник Дрейлинг (см. стр. 2, 6, 7, 20, 26, 32, 42, 53, 74 и на обороте и брошюра генерала Андогского стр. 2 середина). Встреченный на юге весьма дружелюбно, Дрейлинг выбрал местом эвакуации академии город Екатеринодар, где ему были уже отведены и подходящие для размещения академии здания. Последовавшие, однако же, вскоре после этого события, совершенно оторвавшие юг (от России от севера, заставили отказаться от фактического осуществления мысли о переводе академии Генерального штаба из Петрограда в Екатеринодар. Стали искать другого места. Мысль невольно остановилась на эвакуации в далекую Сибирь, где, по слухам, уже зарождалась заря предстоящего освобождения от большевиков. Тайным образом, в партикулярном одеянии посланы были туда в качестве квартирьеров полковник Слижигов и капитан Сыромятников. Выбор их остановился на Екатеринбурге.

Рождался вопрос: как туда перебраться в полном составе служащих, слушателей и со всем многомиллионным и ценным в научном отношении имуществом (одна из первых в столице по размерам и значению библиотека с Екатерининским и Милютинским отделами; редчайшими рукописями; масса картографического и инструментально-топографического материала, учебные пособия; военно-исторический музей с многими ценнейшими униками екатерининской эпохи, суворовских походов, Суворовской Кончанской церкви; уцелевшие от матросского разгрома остатки портретной галерей и проч., и проч.). Предлогом для эвакуации всего этого сначала служило приближение к Петрограду немцев и стремление спасти от увоза за границу нужного для русских служебно-военного имущества, а затем и начавшаяся эвакуация в Москву и советских учреждений. Местом эвакуации выставлялась Пермь, на-

ходящаяся на наиболее обеспеченном от всяких захватов (месте) — железнодорожном пути из Петрограда. Кое-как удалось исплопотать сначала один путевой эшелон, отправившийся из Петрограда с академическим имуществом и частью служащих 17-го марта 1918 года. Минуя Пермь, он благополучно прибыл в Екатеринбург 25-го марта. Следующие три эшелона с академическим имуществом и личным составом академии прибыли и разместились в здании Епархиального училища, один 1-го апреля, другой 12 апреля (по показанию ген[ерал-]лейтенанта Сурина 21-го мая, стр. 2 на обороте) и третий последний — 1-го июня (см. стр. 56 и на обороте и 57). Вывезено было, как выражается один допрошенный, «все до последнего гвоздя» (стр. 13). Из профессорского состава временно остались в Петрограде ген[ерал]-майор Байов для окончания какого-то начатого военно-исторического труда и четыре–пять других (в том числе г[енерал]-л[ейтенант] Колнобакин) по болезни, семейным обстоятельствам и невозможности²³⁷¹ при данных обстоятельствах производить практические полевые работы, руководителями которых они состояли при академии. Сам начальник академии генерал-майор Андогский за хлопотами по укладке академического имущества, наряду путевых эшелонов и другим обстоятельствам мог прибыть в Екатеринбург только во второй половине мая месяца.

По пункту седьмому обвинений о пребывании академии в Екатеринбурге полковник Смелов пишет в своем показании (стр. 57 и на обороте 58): «Местная советская власть, городская екатеринбургская и областная Урала, встретила академию с самого начала враждебно, так как от Совнаркома никаких распоряжений здесь не было» (лучшее доказательство того, что эвакуация академии из Петрограда была произведена не по приказу Совнаркома, а по инициативе самой академии и даже больше — явочным порядком).

«В Екатеринбурге академия была взята под подозрение: каждый шаг слушателей и особенно профессоров и администрации был известен в совдепе. Большевистский сыск облегчался тем, что город был небольшой, а слушатели не всегда умели молчать».

«Первым испытанием явилось посещение академии двумя военными комиссарами. Ссылаясь на то, что занятий в академии нет и слушатели свободны, военный комиссариат области предложил академии помочь ему в организации работы. Учитывая, что нас испытывают и от того или иного ответа зависит дальнейшая судьба академии в Екатеринбурге, было обещано выслать в комиссариат несколько слушателей — специалистов по вопросам административным, финансовым и хозяйственным, что касается оперативной работы, то от таковой нам удалось тогда счастливо отделаться, может быть, потому, что нам не доверяли и операциями против Дутова руководил военный комиссар Анучин (бывший прапорщик, командовавший при Керенском одной из армий на Западном фронте). Атмосфера враждебности и сыска за академией усилилась с момента перевода царской семьи из Тобольска в Екатеринбург. Одним из слушателей, а именно полковником лейб-гвардии Волынского полка Слефогтом, сделана была попытка свидания с бывшей государыней. Результат был такой: Слефогта посадили в тюрьму, а в Совнарком была послана телеграмма об академии как “организованном гнезде контрреволюции”. Тогда же было отобрано оружие у всех слушателей и учебно-административного состава и в академию был назначен комиссар от Уральского областного совета. Впрочем, комиссар этот, студент Пермского университета, мало интересовался академией и скоро уехал куда-то в другой город» (стр. 58). Это обстоятельство, т.е.

²³⁷¹ В тексте: *невозможностью*.

бдительный надзор за «организованным гнездом контрреволюционеров» в небольшом городе и обезоружение этого (гнезда) в полном составе, служит достаточно убедительным ответом и на выступления двух екатеринбургской и тюменской газет с обвинением слушателей академии, что они не выступили защитниками злосчастной семьи Николая II во время выходящей из ряда вон зверской расправы остальных большевиков. По этому же поводу генерал Андогский пишет в своем показании (стр. 91 на обороте): «Все чины ее (академии) были обезоружены и о каком-либо выступлении на защиту императора и речи быть не могло, в особенности еще потому, что о событии, происшедшем в ночь на 18-е июля²³⁷² 1918 года мы все узнали (только) через несколько дней».

Приблизительно таковы же о времени пребывания академии в Екатеринбурге «вообще» показания и других непосредственных свидетелей того, что творилось в то время с академией в Екатеринбурге.

В частности, по отношению к пособничеству академии большевикам в борьбе их с «контрреволюционерами» на почве проповеди с академической кафедры, как о том ходили тогда слухи, основанные, по-видимому, на статьях Клепикова, никакими фактическими данными, не подкрепленными в «Деле», прямых указаний нет ни «за», ни «против». Вопросных пунктов об этом профессорам и слушателям генералом Менде очевидно не задавалось, да это едва ли было бы и уместно, так как кроме экзаменов за время пребывания академии в Екатеринбурге других занятий с кадровыми офицерами старшего курса не производилось, чтения лекций вновь набранному ускоренному младшему курсу не начиналось. В «Деле» есть лишь сведения о поднятом советским правительством вопросе об изменении программ академического курса и порядка приема в академию слушателей в целях пополнения войск «Красной армии» подходящим составом офицеров. «Как только это сделалось известным, — пишет в своей брошюре генерал Андогский (стр. 5), — как я немедленно отправился в Москву, дабы отпарировать этот удар. Удалось настоять на соблюдении определенных требований приема, вследствие чего к приему были назначены бывшие офицеры прежней армии, старые кадровые, искавшие выхода из Москвы георгиевские кавалеры... Они явились в Екатеринбург, но занятия с ними не могли быть налажены, так как чехи и сибиряки уже наступали на Екатеринбург».

О том же времени полковник Смелов пишет (стр. 58 на обороте): «В середине мая прибыл в Екатеринбург генерал Андогский и на первой же конференции заявил, что, находясь в Петрограде, он получил сведения из Москвы о готовящемся проекте главного комиссара военно-учебных заведений Дзевялтовского об устройстве при академии “красных” курсов. Прибыв в Москву с целью если не отразить этот удар по академии, то всемерно смягчить его, генерал Андогский застал там уже целую комиссию, разработавшую идею “красных” курсов. Войдя в состав комиссии, генерал Андогский, по его словам, употребил все усилия сначала, чтобы избавиться от курсов, а затем, чтобы в противовес красным открыть расширенный старший класс; наконец, ввести возможный корректив в положение о новых курсах, обратив особенное внимание на представление в отношении их администрации и конференции академии, возможно более широких прав²³⁷³». В конечном итоге работ этой комиссии появился «приказ Народного комиссариата по военным делам от 3-го мая 1918 года № 316».

²³⁷² В документе ошибочно: *июня*.

²³⁷³ В документе несогласованно: *широкие права*.

Приказ этот имеется в деле (страница 132 и на обороте) и состоит из 9-ти параграфов. Подписан Троцким, Мехоношиным и Склянским (членами военного комиссариата). Важных перемен в строй и занятия академии он не вносит. Насколько в этом сказалось участие генерала Андогского и в чем заключались те коррективы, о которых он и полковник Смелов упоминают в своих объяснениях, отметить трудно. 1-й параграф приказа говорит: «Для теоретической военно-научной подготовки кадра лиц из среды Красной армии, намеченных на должности инструкторов, и для работы в штабах вновь создаваемой армии с 15/2 мая с.г. открываются ускоренные курсы Военной академии Генерального штаба сроком на 1 год». 2-й параграф: «Образуются испытательная комиссия, задачей которой является допущение (а не вообще прием) в состав слушателей младшего курса академии выставленных “советом” кандидатов, которые обладают достаточной боевой подготовкой и достаточным кругозором для усвоения (академического курса). Испытательная комиссия не связывается никаким формальным критерием». 3-й параграф: «Слушатели, прошедшие во время войны подготовительные курсы (1-й, 2 и 3 очереди) и еще не призванные в старший класс академии, зачисляются в старший класс (без ограничений) и должны явиться в Екатеринбург не позже 27-го мая». «Организуется аттестационная комиссия, обязанностью которой является сохранение в составе слушателей старшего курса академии всех тех лиц, которые действительно стремятся содействовать строительству рабочей и крестьянской армии на новых началах». Параграф 4-й: «Занятия академии производятся по программе, пересмотренной и выработанной смешанной комиссией в соответствии с новыми условиями жизни и устройства армии: три представителя Народного комиссариата по военным делам, три представителя преподавательского состава академии и с правом совещательного голоса правитель дел академии».

Параграф 5-й: «Для управления внутренней жизнью академии организуется комитет, состоящий из трех представителей преподавательского состава, трех представителей старшего курса, трех представителей младшего курса, комиссара и начальника академии и правителя дел академии с правом совещательного голоса». Параграф 6-й: «Всею учебною частью академии ведает конференция в составе — начальника академии, правителя дел академии, профессоров, штатных преподавателей, заведывающих курсами (офицеров Генерального штаба) и трех представителей от каждого курса слушателей с правом совещательного голоса». Параграф 8-й: «Отчисляются от курса “без права вновь быть принятым на него”: а) не исполняющие правил внутреннего порядка, установленного в академии (как видно из п. 5 конференции), и тем нарушающие ее учебную жизнь; б) замеченные в неодобительном для гражданина и воина поведении; в) неисправно посещающие лекции или практические занятия или небрежно и неаккуратно их выполняющие». Параграф 9: «Отчисляются от курса с правом быть назначенными на новый курс лица с недостаточной образовательной подготовкой, отставшие от курса. Отчисление производится или комитетом академии, или конференцией ее и о них сообщается в Народный комиссариат по военным делам с точным указанием причины отчисления».

Мною подчеркнуты те места приказа, включение которых в него не обошлось, по всей вероятности, без воздействия генерала Андогского и составило те коррективы, о которых выше упоминалось.

Приказ этот, по словам полковника Смелова, произвел на всех членов конференции самое неблагоприятное впечатление, решено было всеми возможными способами обезвредить его (страница 58 на обороте). «В двадцатых числах мая, — пишет он далее, — была получена

телеграмма из Москвы с вызовом начальника академии и двух членов конференции для производства испытания командиремым “советами” на курсы при комиссариате военно-учебных заведений в Москве. Выбор конференции остановился на ген. Иностранцеве и мне. Через несколько дней, оттянув по возможности день отъезда, выехали в Москву (только) генерал Андогский и я. Генерал Иностранцев с разрешения начальника академии, до сих пор для меня непонятного, с вокзала вернулся домой» (об этом, не имеющем для дела особого значения, возврате ген. Иностранцева с вокзала см. его объяснение на странице 34). «По прибытии в Москву мы узнали, что испытания уже закончены, не ожидая нашего прибытия, комиссией под председательством комиссара Дзевалтовского и членов генерала Беляева, полковника Вацетиса, полк[овника] Толмачева (?) и преподавателей бывших Александровского и Алексеевского военных училищ. Наше участие в комиссии ограничивалось лишь протестом против тех выдержавших испытания, которые не удовлетворяли представлению о них как бывших офицерах, и безусловно об отводе тех, кто не имел боевого и командного стажа на внешнем фронте. Просматривая анкетные листы поступающих на курсы, мы обратили внимание, что в графе “принадлежность к социалистической партии и членский номер” — из очень небольшого числа офицеров стояло — “строго на платформе существующей власти”, “сочувствую демократическим реформам”; большинство же смело показали “беспартийный”. В связи с другими данными о боевой службе этих офицеров мы делали вывод, что громадное большинство из них настоящие боевые кадровые офицеры. Оставалось только непонятным, каким образом они попали в “Красную армию”, но это скоро разъяснилось путем личного знакомства со многими явившимися к нам на квартиру и встречавшимися в Москве. Все они спасались от неизбежной мобилизации и принудительной службы в Красной армии. Узнав, что для поступления на курсы нужна была принадлежность к Красной армии, кадровые офицеры шли в комиссариаты и записывались в Красную армию буквально накануне испытаний, что считалось совершенно достаточным (стр. 59 и на обороте)».

О составе этих вновь поступивших в академию офицеров приблизительно то же самое пишут и прочие опрошенные генералом Менде профессора академии (см. показания генерал-лейт[енанта] Сурина стр. 2 и на обороте, ген[ерал-]л[ейтенанта] Христиани стр. 8, полк[овника] Сторожева стр. 10 на обороте, полковника Киященко — стр. 13 на обороте и 14, полк[овника] Осипова — стр. 21 на обороте, ген[ерал-]майора Рябикова стр. 26 на обороте, ген[ерал-]майора Иностранцева — на стран[ице] 34 и на обороте ее, полковника Слижикова на странице 76).

Всего, как видно из списка, имеющегося в «Деле», на стран[ицах] 137, 138 и 139, число всех поступивших на ускоренный младший курс равнялось — 164 человекам. Были ли эти лица офицеры и в каких чинах, где обучались и к каким политическим партиям принадлежали — из списка не видно, ибо в то время чины во всей русской армии советским правительством были отменены, все именовались «гражданами», часто даже не считая себя обязанным иметь христианское или иное имя и величание. Приходится ограничиваться верою в слова г.г. профессоров академии — что на 75–90% это были действительно боевые офицеры, и притом «беспартийные», записывались в Красную армию, не будучи большевиками, ради поступления в академию. В действительности, по словам полковника Смелова, число слушателей младшего класса, прибывших в Екатеринбург, далеко не достигло того числа их, которое было зачислено в академию в Москве, явилось их не более сотни. На старший курс явилось из числа уже состоявших ранее в академии офицеров до 200, итого — 300.

Одновременно с этим в исполнение приказа Совнаркома от 3-го мая № 316, под председательством генерал-майора Андогского в Москве была образована так называемая «сместанная комиссия» для выработки новых основ существования академии и ее программы. В состав этой комиссии кроме ген. Андогского вошли: от академии полковник Смелов, от Народного комиссариата по военным делам начальник Латышской советской стрелковой дивизии бывший полковник Вацетис, от Всероссийского главного штаба А. Белой и В. Лазаревич и от комиссариата военно-учебных заведений бывший ген[ерал-]майор Н. Беляев.

На заседаниях комиссии, происходивших с 4-го по 8-е июня, установлены, между прочим, следующие основные положения (смотри стр. 71 и 72):

1) «Академия Генерального штаба должна давать не только высшее и исчерпывающее специальное, но и по возможности широкое общее образование, дабы лица, окончившие ее, могли занять штабные и командные должности и являлись людьми, способными откликнуться на все вопросы политической, общественной и международной жизни.

Ввиду этого в программу введены, помимо чисто военных предметов старого академического курса, таковые: стратегия, военная философия, тактика всех родов войск, военная психология, история военного искусства, история великой всемирной войны 1914–[19]18 гг., служба Генерального штаба, военная география (статистика), военная администрация, военно-морское дело, геодезия (топография), военное-инженерное дело, сведения по технике артиллерийской части, сведения по технике воздухоплавания и авиации, также: государственное право, международное право и вопросы современной международной политики, политическая экономия и вопросы мирового хозяйства, история цивилизации народов, социология, логика и методы научного исследования, иностранные языки: немецкий, японский, китайский, турецкий, шведский, румынский, английский и французский (обязательное изучение 2-х языков, в том числе немецкого как основного).

Нормальный курс трехлетний. Распределение читаемых предметов по основным классам и выработка подробных программ для них, тем и проч[ее] возлагается на конференцию академии».

Для одногодичного курса число предметов определено всего 13-ю. «Определение объема каждого данного предмета, равно и распределение их по времени принадлежит всецело конференции академии».

Практическое осуществление этих программ, как сказано выше, не могло состояться, так как ввиду приближения с Востока чехословацких и сибирских войск с июля мес[яца] советскому правительству пришлось хлопотать уже не о чтении лекций в Екатеринбурге, а о выводе академии из этого города.

«Около 15-го июля, пишет полковник Смелов (стр. 60 на обороте), в академии был получен номер газеты с приказом военного комиссариата о переименовании Николаевской военной академии в академию “рабочей и крестьянской Красной армии”. Конференция приняла этот приказ как новое оскорбление; но не протестовала, ибо надежда на близкое освобождение близилась к осуществлению. В приказе по академии это переименование во всяком случае не должно было объявляться».

В этом месте своих показаний, в общем весьма обстоятельных и обоснованных на точных фактических данных, заявление полковника Смелова расходится с действительностью и по времени действительного переименования академии Генерального штаба в рабоче-крестьянскую, и по крайней мере по формальному исполнению московского совдепского

приказа. В деле имеется десять приказов «Военной академии рабоче-крестьянской Красной армии», уже начиная с 27 июня № 135 (стр. 116) — по 20-е июля № 160 (стр. 129), все за подписью начальника академии ген[ерал-]майора Андогского и скрепою правителя дел академии полковника Смелова и частью полковника Антоновича.

По восьмому пункту обвинений.

О «службе» на фронте чинов академии Генерального штаба большевикам в деле имеются только указания, хотя и не особенно много. Профессора академии, не отрицая таковой, вообще оговаривают это участие кратко «неизбежностью» такового ввиду занятого академией выжидательно-оборонительного положения ее по отношению к большевикам, «малопользностью» этой службы, «скрытым противодействием большевикам посланных в их распоряжение офицеров», «непродолжительностью» таких командировок, их «неважностью» и т[ому] под[обное] (стр. 7 и на обороте, 10 на обороте, 14, 22, 27, 45, 46, 55 и на обороте).

Из копий с приказов по академии, имеющих в деле, видно, что за период с 17-го апреля по 22 мая за время исп[олнения] должн[ости] начальника академии профессором академии Медведевым, в исполнение предписаний советских властей, из постоянного и переменного состава академии были командированы: 17-го апреля заведывающий слушателями академии Ген. шт[аба] Поляков — для исполнения поручения наштаверха, 18-го апреля — библиотекарь академии Масловский — для исправл[ения] должн[ости] начальника штаба партизанских войск. 16-го мая командировано в распоряжение начальника штаба Кавказского фронта 28 слушателей академии. Приказом от 22-го мая, подписанным генерал-майором Андогским, в исполнение помянутого выше приказа народного комиссариата от 3-го мая за № 316 объявлено: для пересмотра и выработки программы занятий академии соответственно новым условиям жизни и устройства армии конференцией академией избраны членами в смешанную комиссию: «Профессора: Коханов, Сурин и Сыромятников». Для управления «внутренней жизнью» академии профессора: Матковский, Слижиков и Леонов и по три представителя с каждого из курсов слушателей академии. За время исполнения обязанностей начальника академии профессором Христиани с 12 июня по 22-е июня, приказом от 18-го июня командировано в распоряжение Уральского областного военного комиссариата 3 слушателя академии и 5 слушателей в распоряжение штаба Уральского военного округа. Приказами по «Военной академии Красной рабочей и крестьянской армии» за подписью генерал-майора Андогского 28-го июня командированы: в распоряжение военного комиссара Уральской области — 3 слушателя, в распоряжение штаба Уральского военного округа с 17 по 26 июня 4 слушателя, в распоряжение Уральского областного военного комиссариата с 7-го по 24-е июня 4 слушателя. Приказом от 4-го июля объявлены числящимися в командировке в распоряжении штаба Северо-Урало-Сибирского фронта с 29-го июня — старшего курса 6 слушателей и ускоренного 2 слушателя; в распоряжение главнокомандующего Восточным фронтом — старшего класса 9 слушателей. Приказом от 6-го июля на основании п. 5 приказа народного комиссариата назначено заседание академического комитета под председательством начальника академии в составе комиссара академии «гражданина Смилга», правителя дел Смелова и представителей конференции профессоров Матковского (заместителя его Коханова), Слижикова (замест[ителя] его Солдатова) и Леонова (замест[ителя] Богословского) при представителях от старшего и ускоренного курсов по 3 слушателя от каждого. По приказу от 13-го июля числятся находящимися в командировке в распоряжении командующего Северо-Урало-Сибирским фронтом с 8-го июля — 7 слушателей и 2 слушателя в распоряжении того же фронта. Тако-

выми же приказами от 15, 16, 17, 18 и 20 июля зачисляются находящимися в командировке в распоряжении штаба Северо-Урало-Сибирского фронта и главнокомандующего Восточным фронтом 10 слушателей академии. Продолжительность командировок не везде означена, но судя по тому, что имеются приказы и о возврате командированных, нужно думать, что они продолжались в среднем от 7 до 10 дней, у одних с обязательством посещения за это время академических лекций, у других без этой оговорки.

Были и другого рода командировки. Из показания полковника Смелова (страница 55 на обороте ее) усматривается, что 26-го февраля (т.е. еще во время нахождения академии в Петрограде) на имя начальника академии поступило обращение Ставки в лице наштаверха генерала Бонч-Бруевича, гласившее: «Германцы, видимо, стремятся отрезать Петроград, перехватив железные дороги и шоссе, подходящие к Петрограду. Армии у нас нет. Однако и в этом тягостном положении не может быть и речи об отказе сопротивляться намерениям германцев захватить столицу... Ходатайствую перед академией во имя блага Родины о составлении групп из лучших офицеров-слушателей академии (по 5–6 человек каждая) для придания по одной группе начальникам — Нарвского, Невского, Дновского и Старо-Русского районов в качестве штабных работников». Кроме того, для защиты ближайших подступов к Петрограду требовалось в распоряжение генерала Величко 20 офицеров и ген. Зейца — 12 офицеров-слушателей. Конференция академии живо откликнулась на призыв для борьбы с внешним врагом, и требуемое число слушателей было дано. Через несколько дней Ставка приказала командировать на Кавказ всех слушателей, прибывших в академию с Кавказского фронта, для защиты Кавказа от вторжения турок (?). Это приказание также охотно было исполнено. Параллельно с этим возникли партизанские формирования, в которых академия также приняла участие.

В таком же роде, как видно из нескольких показаний академических профессоров, оказана была помощь нашим фронтам и в последние дни пребывания академии в Екатеринбурге.

20-го июля, по словам полковника Смелова, получена была телеграмма главнокомандующего советских войск Вацетиса и членов военно-революционного совета при нем о немедленной эвакуации академии из Екатеринбурга в Пермь и одновременно с этим о назначении профессора академии полковника Богословского командующим Северо-Урало-Сибирским фронтом большевистских войск, а от Троцкого приказ выслать 40 слушателей в Казань для образования так называемого резерва. Богословский немедленно принял предложение Вацетиса и, ориентируясь в расположении большевистской армии Уральского фронта, 23-го июля тайно бежал из Екатеринбурга на фронт сибирских войск и чехов, приближавшихся уже к этому городу с востока. Вместе с ним скрылись и те 37–40 офицеров-слушателей, что должны были следовать по приказу Троцкого в Казань. Генерал Богословский, как известно, вскоре же после этого назначен был начальником штаба Сибирской армии, в какой должности состоит и теперь, равно как и помянутые офицеры-слушатели с того же времени состоят в рядах войск, сражавшихся с большевиками.

«Независимо от этого, — пишет в своей брошюре генерал Андогский (страница 6), — из оставшихся в Екатеринбурге слушателей я направил 70 офицеров под руководством подполковника Румши²³⁷⁴ в сторону чехословаков, чтобы выяснить первому же встречному штабу причину оставления нами Екатеринбурга. Кроме того, слушателю подполковнику Сабель-

²³⁷⁴ В документе ошибочно: *Румже*.

никову поручено было, пробравшись в сторону сибирских войск, лично о том же доложить генералу Гришину-Алмазову».

По девятому пункту обвинения.

По вопросу о том, добровольно или по принуждению чины академии Генерального штаба выбыли из Екатеринбурга сначала в Пермь, а потом в Казань, в деле также имеются достаточно полные сведения. Как генерал Андогский, так и все опрошенные профессора утверждают, что эвакуация академии совершилась не только по принуждению, но и под усиленным конвоем большевиков (см. печатную брошюру ген[ерал-]майора Андогского стран[ицы] 4, 5, 6, показания в деле ген[ерал-]л[ейтенанта] Сурина стран[ица] 3, ген[ерал-]л[ейтенанта] Христиани стр. 8, полковн[ика] Сторожева стр. 10 на обороте, полк[овника] Киященко стр. 14 на обороте, полковника Осипова стр. 22 и на обороте и 23, ген[ерал-]м[айора] Рябикова стр. 27 и 28, ген[ерал-]м[айора] Иностранцева стр. 35 и на обороте, полковника Смелова стр. 63, 64 и 65, полковн[ика] Антоновича стр. 77 на обороте, ген[ерал-]м[айора] Коханова стр. 163 и 164).

Наиболее подробно и обстоятельно дни эвакуации академии из Екатеринбурга описаны полковником Смеловым. Выпискою из его показания я и ограничусь в настоящем докладе. «Получив предписание о немедленном выезде из Екатеринбурга, собравшаяся конференция решила противодействовать эвакуации, ссылаясь на невозможность в столь краткий срок уложить все имущество, а в общем мы стремились выиграть, хотя бы несколько дней, ибо чехословаки были уже близко. Однако, после получения телеграммы Троцкого, категорически требовавшего немедленного выезда академии, хотя бы одного личного состава, по его словам, могущего послужить готовым кадром для формирований “врагов Советской республики”, — решено было, в крайнем случае, подчиняясь насилью, эвакуировать часть конференции, часть слушателей, некоторое имущество для видимости эвакуации и верховых лошадей на случай бегства с пути. Все остальное имущество и денежные суммы академии, часть членов конференции по избранию последней и наши семьи должны были остаться в Екатеринбурге. В этом решении можно усмотреть как бы покорность большевикам; но что мы, обезоруженные, могли сделать в маленьком городке, кипящем красноармейцами и вооруженными рабочими, при условии, что за каждым из нас зорко следила комиссия по борьбе с контрреволюцией. Мы могли бежать в одиночку, но мы бросили бы слушателей и подвергли бы их избиению, а имущество академии разграблению; наконец, наши семьи, в лучшем случае, их взяли бы заложниками, а в худшем просто перебили бы. Оставив свои семьи и личное имущество, мы развязали себе руки для бегства с пути или позже в зависимости от обстановки. 22-го июля генерал Андогский сообщил в конференцию свой разговор с начальником снабжения фронта полковником Стоговым, работавшим вместе с Симоновым и Буровым (бывш[ие] слушатели академии, находившиеся в распоряжении большевистских властей и державшие академию в курсе дел), что он примет все меры к тому, чтобы на станции не могли составить наш эшелон, и разбрасывает свободные вагоны по путям. На станцию был выслан полковник Осипов с задачей всячески тормозить погрузку, дабы выиграть несколько часов. Несмотря на то что к 12 часам академии был подан состав, тем не менее погрузку удалось затянуть до полуночи. В течение ночи эшелон возили по всей станции, и к утру 24-го мая мы еще были в Екатеринбурге. В эту ночь к чехословакам бежал полковник Богословский. Около 10–12 часов 24-го июля генерал Андогский, я, полковник Сурин, генерал Рябиков и другие лица отправились в город. Из разговора с комендантом станции и начавшихся столкновений с красноармейцами, отобравшими у нас из эшелона походную кухню, мы убедились, что на станции еще много красных и что

наш эшелон “охраняется” и наблюдается батальоном латышей, имеющих “специальную задачу”. Возвращаясь по дороге мимо штаба фронта, я предложил генералу Андогскому зайти к Симонову и получить от него последнюю ориентировку, сам же вместе с полковником Суриным остался ожидать генерала Андогского на извозчике. Вернувшись через несколько минут, генерал сказал нам по-французски: “Все потеряно, все надежды погибли, чехословаки не идут, рабочие отказались от выступления (против большевиков), мы должны ехать”.

Около 16 часов 24-го июля эшелон академии был отправлен из Екатеринбурга по маршруту на Егоршино – Алапаевск – Тагил – Пермь. Состав эшелона: 11 членов конференции: генералы Андогский, Иностранцев, Рябиков, Сурин, полковники Коханов, Капустин, Леонов, Касаткин, Сторожев, Солдатов и я, около 80 слушателей старшего и столько же ускоренного курса. Остались в Екатеринбурге, по моим расчетам, всего до 80 слушателей, считая часть в штабе фронта и его “резерве”, больных и скрывшихся. Из членов конференции по ее постановлению остались генералы Христиани и Медведев, полковник Киященко, Антонович и Осипов и, кроме того, вопреки постановлению конференции, генерал Матковский. В Перми мы (пишет далее полк[овник] Смелов) узнали, что Екатеринбург взят чехословаками 25 июля (т.е. на другой день после отбытия академического эшелона). Местный совдеп и комиссары к нашему прибытию в Пермь уже узнали о бегстве полковника Богословского и что весь штаб фронта во главе с Симоновым, Буровым и нашими слушателями передался на сторону чехословаков. Отношение к академии здесь было настолько враждебное, что задерживаться здесь было невозможно. Между тем дальнейший путь на Вятку нас совершенно не устраивал. Еще на пути в Пермь решено было во что бы то ни стало держаться ближе к фронту. Таким образом, наша задача была добиться эвакуации по Каме, тем более что по слухам в Сарапуле и Чистополе бывали уже вспышки восстаний против советской власти, наконец, устье Камы находилось под ударами чехословаков от Самары. В это время в Пермь прибыл народный комиссар Мехоношин, к которому обратился генерал Андогский, прося отправить академию водою. В пути пароход неоднократно останавливался, угрожая осмотров и обыском²³⁷⁵. На всех пристанях о нас получено было предупреждение и всюду рыскали шпионы и комиссары, особенно враждебная встреча нам была приготовлена в Сарапуле. Пароход еще издали был остановлен криками в рупор, несмотря на очень ранний час, весь берег оказался усеян красноармейцами и матросами с пулеметом²³⁷⁶. О бегстве с парохода не могло быть и речи. Устье Белой и Камы охранялось специальными сторожевыми судами красных и о чехословаках здесь ничего не было слышно. В Казань академия прибыла 1-го августа».

По десятому пункту обвинений.

О пребывании академии в Казани и условиях, при которых она вновь эвакуировалась в Самару, в деле имеются противоречивые показания двух групп свидетелей и участников тогдашних событий; с одной стороны, генерала Рычкова, его адъютанта добровольца Клепикова и других лиц, откликнувшихся на тогдашние события путем печати, и с другой — самих профессоров академии, прибывших в Казань из Екатеринбурга с присоединившимися к ним свидетелями из лиц, независимо от них находившихся в те дни в Казани: бывшего управляющего казанскою Казенною палатою действ[ительного] статск[ого] советника Штенгера, находящегося теперь в Омске, полковника Петрова (командира одного из полков тайной

²³⁷⁵ Так в документе.

²³⁷⁶ В документе: с пулеметам. Возможно, имеется в виду — с пулеметами.

офицерской организации) и генерал-лейт[енанта] Колюбакина, профессора той академии, прибывшего в Казань ранее прочих своих сослуживцев из Петрограда.

Лица первой группы, указывая на нецелесообразность вообще эвакуации академии из Петрограда и на недопустимость, граничащую с преступностью, всех действий генерала Андогского и конференции профессоров академии за то время, останавливаются на казанском эпизоде их бегства из столицы как на ярко фактическом примере основательности их обвинений. Привожу три выписки из их статей, напечатанных в екатеринбургской газете «Отечественные ведомости» и тюменской «Свободное слово» и подписанных подлинными фамилиями их авторов, как образчики того, в каком тоне писались эти обвинительные статьи офицерами русской армии, насколько они были обоснованны и до какой парадоксальности в пылу полемики они доходили.

Вот, что пишет генерал Рычков в своей большой статье, озаглавленной «Как они оправдываются», помещенной в «Свободное слово» (см. приложение к «Делу» о генерале Андогском):

«В семье не без урода. Нашлись предатели генералы и просто офицеры, которые личную карьеру и материальное благополучие поставили выше интересов Родины. В то время как их товарищи сражались в Добровольческой армии или, загнанные в подполье, вели жизнь, полную тревог и опасностей, добывая себе хлеб продажей газет и папирос, они сытно ели, разъезжали в автомобилях и вели веселый образ жизни. Но предатели понимали, что их беспечальное существование не может длиться вечно. Большевизм рано или поздно должен пасть. Отрезвет русский народ, проснется. Добровольческая армия генерала Деникина, растущая не по дням, а по часам, и Сибирская армия рассеют красные банды, и тогда настанет час расплаты для предателей. Это, конечно, их беспокоит. И вот для оправдания своей гнусной деятельности они придумывают различные теории: “здоровых ячеек”, “взрыва большевизма изнутри”, “спасения государственных учреждений” и т.п. В своих теориях, шитых белыми нитками, селятся доказать, что они, получая жирные большевистские оклады, не предавали Родины, а, наоборот, спасали ее. Они сами, конечно, не верят в убедительность своих доводов и надеются, главным образом, что общество не будет особенно глубоко вникать в их хитрые теории.

Среди большевистского лагеря оказалась и наша академия Генерального штаба.

В статьях газет “Свободное слово” и “Отечественные ведомости” указывалось, что почтенный начальник академии генерал Андогский и уважаемые члены конференции — красноармейцы. О генерале Андогском, кроме того, говорилось еще, что он вместе с Иоффе и другими бандитами ездил в Брест для заключения мира, который позорил нашу Родину.

Возражая на эти статьи, генерал Андогский говорит, что он не служил большевиком, а только соприкасался с представителями советской власти и унижался, чтобы спасти от погрома как самую академию, так и три сотни старых кадровых офицеров и сохранить их до лучших дней для борьбы за возрождение России.

Посмотрим же, как он “соприкасался к представителям советской власти” и спасал академию.

Оказывается, что еще в первые месяцы 1917 года принято было решение эвакуировать академию из Петрограда в направлении к тем окраинам, куда, по слухам, начинали стекаться русские люди для борьбы с большевиками.

Генералу Андогскому как председателю конференции была поставлена задача — изыскать пути и средства к достижению указанной конференцией цели.

Районы эвакуации конференция наметила Донскую и Кубанскую области.

Раз принято было такое патриотическое решение, то, казалось, следовало немедленно же приступить к выполнению его.

Прямые и честные сердцем люди просто разрешили бы этот вопрос, благо, что и денежные средства были в избытке, как указывает генерал Андогский. Взяли бы деньги и небольшими партиями по разным путям двинулись на Дон или Кубань к заранее намеченному пункту.

Мы, читатель, были бы свидетелями пленительной картины. Представьте: начальник академии, члены конференции и 300 слушателей небольшими партиями, разными дорогами — железными, грунтовыми, водой, часто, может быть, и пешком — через холмы и доли, леса и реки пробираются, скажем, в Новочеркасск. Правда, вероятно, не все добрались бы благополучно. Ведь приходилось бы преодолевать массу препятствий; становиться лицом к лицу к опасности; быстро принимать определенные решения и немедленно же приводить их в исполнение, т.е. как раз упражняться в том, что именно нужно офицеру-начальнику. Все это в академии проходят теоретически, а жизнь давала возможность преподавать это практически. Какой бы это был великолепный курс для слушателей академии. Сколько красоты и поэзии было бы в этом подвиге. Со временем сложились бы об этом событии целые легенды, и генерал Андогский отошел бы в потомство как великий военный педагог и легендарный герой.

Правда, для выполнения такой программы нужно иметь высокую душу и львиное сердце. Но тем не менее в моей программе нет ничего фантастического. Мне известны случаи продвижения именно таким порядком нескольких сотен офицеров, но, конечно, не в одном поезде и не одной колонной, а небольшими партиями.

Генерал Андогский решил ту же задачу иначе.

Вопрос об эвакуации академии оказался не так прост. Генерал Андогский пишет: “Дело касалось не отдельных лиц, кои каждый в отдельности могли бы бежать из Петрограда скрытно, дело шло о вывозе целого государственного учреждения с его многомиллионным имуществом и 300 обучавшихся офицеров”. Таким образом, вы видите, что генерал Андогский и члены конференции решили не более, не менее эвакуироваться на Дон в пульмановских вагонах, захватив с собой обширнейшую академическую библиотеку и, как мы узнаем ниже, жен и детей, а быть может, сторожей и полотеров. Что же, если спасти государственное учреждение, так спасти как следует. Поистине колоссальное предприятие. Но вот вопрос — следовало ли так осложнять дело, являлась ли надобность везти с собой библиотеку и прочее. Я отвечаю — нет. И вот почему. Россия гибнет. Бандиты заливают ее кровью, распродают оптом и в розницу, подвергают неслыханному унижению. В такой момент государственного бедствия каждый честный гражданин, а воин и подавно, просто берется за оружие, бросает жен, детей, имущество и идет биться с врагом, попирающим высшую для него ценность — Родину.

Если России суждено погибнуть, то для чего нам библиотека академии Генерального штаба. Если же, в чем мы все глубоко убеждены, она возродится, то библиотеку (пусть даже она погибнет до последней книги) вновь соберем. Ведь публичные библиотеки в Петрограде и Москве существуют, и большевики, несмотря на свое варварство, их не трогают (?)²³⁷⁷. Словом, жила бы Россия, а книги найдутся.

Быть может, по мнению генерала Андогского и членов конференции, генералу Алексееву, отправляющемуся на Дон для формирования Добровольческой армии, следовало захва-

²³⁷⁷ Вопросительный знак в скобках вписан в текст цитаты, вероятно, составителем документа в связи с сомнениями в сохранности библиотек в Советской России.

тить с собой и весь Главный штаб с его архивом и библиотекой, еще более обширной, чем академическая. Но чудак-старик взял да поехал один, а библиотеку оставил в Петрограде (!!!)²³⁷⁸

Так делают простые честные люди, для которых родина не пустой звук».

Другой свидетель и участник казанских событий, поручик Клепиков, описывает свою прикосновенность к «аресту» генерала Андогского и прочих членов академии Генерального штаба в следующих выражениях (смотри в «Деле» начало обширной статьи Клепикова «Воспоминания о событиях при занятии города Казани отрядом Народной армии и чехословаками»): «День 6-го августа начался прекрасным, ясным солнечным утром. Вскочив еще до рассвета, я вместе с отрядом полковника Каппеля из казарм Каргопольского полка через Суконную слободку и Рыбнорядскую площадь прошел в центр города, а далее, отделившись от отряда, с двумя офицерами, бросился к тем помещениям, которые были особенно облюбованы советской привилегированной челядью. Эти помещения были на Грузинской улице, названной большевиками “улица Карла Маркса”, — дом Оконишниковца и на Лядской улице гостиница “Волга”. Последняя была реквизирована большевиками для жительства персонала красной академии Генерального штаба, и в лучшем ее номере, по-видимому, обитал сам глава ее, бывший русский генерал Александр Иванович Андогский. Эта гостиница постоянно была полна советскими офицерами, которые с особенной кичливостью носили бронштейновскую эмблему — красную пятиконечную звезду. Среди этих офицеров, подготавливающихся своим начальником академии и профессорским составом, как лучше продать и предать свою Родину и бывших товарищей по службе, постоянно слышались рассказы о подвигах красноармейцев и об их доблестной службе. Особенно распространено было это во время обедов, на которых присутствовал Андогский. Вот к этому-то центру большевистской военно-государственной мысли, гнезду предателей, бросился я со своими товарищами. В гостиницу мы вошли в 9 час. 20 мин. утра.

Низ гостиницы был полон красноармейским Генеральным штабом; некоторые еще не успели сорвать с околышей своих красных звезд, все они суетливо толкались, готовясь стремглав броситься к Арскому полю, вслед за своими доблестно удиравшими красноармейцами, но еще не вполне ориентированные в истинном положении дел.

Не обращая на них внимания, мы бросились на верхний этаж, ворвались в коридор и криками заставили обитателей апартаментов выйти в коридор вместе с их дамами. Вышли и начальник академии, и его достойнейшая профессура. Все они были в величайшем смущении и в полнейшем упадке духа: кончились золотые дни Аранжуеца. Отделив дам, мы направили револьверы на г.г. руководителей победной мысли, которых было человек пятнадцать, и загнали их всех в угол коридора. И эти господа, готовившие боевых героев красноармейских предателей, не имели даже настолько мужества, чтобы хотя бы видимое оказать сопротивление или протест.

Покорно, как бараны, сбились они в одну кучу и по предъявленному требованию показали свои документы. Из документов я имел удовольствие убедиться, что известный Александр Иванович Андогский, генерал русской службы, участник Брестского мира, ввергнувшийся вместе с Бронштейном и Лениным Россию в бездну позора и бедствий, — здесь, налицо, что предатель не успел бежать вместе со своими приспешниками на Красную гор-

²³⁷⁸ Восклицательные знаки добавлены, вероятно, составителем документа.

ку. Объявив этим героям, что они арестованы, и оставив для окарауливания их двух своих товарищей, бросился за конвоем, чтобы препроводить в тюрьму. По пути мне предъявили записку командующего Северной группой войск капитана Степанова, по которой надлежало арестованных освободить. Я принужден был повиноваться. Жаль, что далеко не всех изменников-предателей постигает одинаковая участь: иные расстреливаются, а иные преблагополучно благоденствуют. Но... история еще не сказала своего последнего слова. Я слышал, что впоследствии Андогский постарался проскользнуть в Самару, чужая опасность от близкого соседства со своими соратниками».

Тот же автор в другой статье, озаглавленной «Красная паутина» (см. в «Деле» эту статью, помещенную полностью), между прочим пишет: «Воистину мракобесие. Когда Господь хочет покарать, он лишает разума, и потому-то автор, силясь обелить черное дело — государственное преступление, — оговорил и оплевал то звание, которое он носит; гласно и публично показав, что он его недостойн и носить права не имеет.

Всякий, имеющий элементарную порядочность, знает, какое различие существует между генералами и офицерами, прислуживавшими Бронштейну-Троцкому, и офицерами-врагами Бронштейна-Ленина. Но это различие, по-видимому, неведомо автору или авторам статьи: «Академия Генерального штаба в 1917–1918 годах», а потому я для них приведу параллель между двумя группами военнослужащих: одна боровшаяся с большевиками; другая прислуживающая большевикам.

Первая “выгнанная” со службы, разжалованная в солдаты, лишена была не только жалованья, но даже и гражданских прав, вторая — не только пользовалась всеми пролетарско-батрацкими правами, но и получала красноармейское содержание довольно крупных ставок.

Первая жила под постоянной угрозой лишиться права даже на гражданский четвертьфунтовый паек, вторая получала красноармейский рацион в полном размере.

Первая, скрываясь и прячась, ютилась зачастую в углах и подпольях; другая жила комфортабельно; и для нее реквизировались лучшие “буржуазные” особняки в Москве, в Казани, в Екатеринбурге и проч.

Первая не могла собираться в группу из трех–четырёх человек без риска быть обнаруженной и расстрелянной; вторая нагло заседала в совдепиях, в комитетах, в театрах, в кинематографах, за табльдотами и проч.

Первая, если условия заставляли перемещаться из одного города в другой, бросала семью и имущество на произвол судьбы и часть пути совершала, не имея возможности пользоваться железной дорогой, пешком с мешком за плечами; вторая эвакуировалась в классных вагонах с чадами и домочадцами и с имуществом.

Первая, презируя советскую власть, не имела легальных видов на жительство; ежечасно угрожаемая арестами и расстрелами, преследуемая, как дичь, сумела уберечь, носить и кое-где употреблять оружие; вторая, имея все виды охранительных федеративно-батрацких грамот, оберегающих личную неприкосновенность, оказалась “совершенно безоружной”.

Первая тайно организовывалась и всячески доблестно и честно боролась против Ленина, Бронштейна, Нахамкеса, Свердлова, Кина, Милха, Лациса и проч.; другая явно раболепствовала и прислуживала этим предателям.

Первая, тайно и явно борясь с врагами до подхода освобождающих сил, оказывала всяческое содействие им, а в случае прибытия немедленно вливалась в ряды их едва не рядовыми бойцами, несмотря ни на чин, ни на возраст; вторая — попадая в плен, когда красные

подвергались разгрому, полагает, что она “прорвала фронт”, и сразу, не присоединяясь к активным борцам, стремится подалее в глубину для захвата безопасных мест...

Которая же группа руководствуется принципами доблести и чести, обязательными для военнослужащего: боровшаяся, но страдавшая, или унижающаяся, но наслаждавшаяся!

Для меня, как не начальника академии и не профессора, ясно, что первая группа действовала с полным сознанием долга, чести, любви к родине и ненависти к ее врагам; вторая группа действовала без малейшего сознания долга, без любви к Родине и без ненависти к врагам ее; во имя сохранения личных благ, потеряв элементарное понятие о чести.

Эти две группы — два совершенно противоположные мира — свет и тьма, добро и зло — они друг друга никогда не поймут, как не понимает Генерального штаба генерал-майор Андогский и его единомышленники, что для их званий и положений совершенно не допустимо подписываться под статьюю такого содержания, как помещенная в “Нашей заре” и других газетах».

Почти в том же роде выступления и прочих «писателей» о недостойном поведении чинов академии Генерального штаба, «продавшейся» большевикам. Некоторое исключение представляет подполковник Язвин, обрушившийся проклятиями генералу Андогскому и его товарищам по академической конференции за такое недостойное поведение их в борьбе с большевиками. Его выступление имело бы большое значение, если бы было основано на фактах, а не на одних слухах и непроверенных предположениях (см. в «Деле» его статью — «Герои и предатели нашей Родины»).

Показания профессоров академии о пребывании в Казани изложены в «Деле» генерал-лейтенантом Суриным (на обороте стр. 3), ген[ерал]-майором Томашевским (на стр. 18), ген[ерал]-майор[ом] Рябиковым (на стр. 28 и на обороте), ген[ерал]-м[айором] Иностранцевым (на обороте страницы 36 и на стр. 37), полк[овником] Слижиковым²³⁷⁹ (на обор[оте]стр. 76, стр. 77 и ее обороте), полк[овником] Смеловым²³⁸⁰ (на обор[оте] стр. 65, стр. 66 и 67), генерал-лейт[енантом] Колюбакиным (на стр. 75, ее обороте и стр. 76), ген[ерал]-майором Кохановым (на стр. 164 и 165). В брошюре генерала Андогского о пребывании в Казани посвящены²³⁸¹ страницы 7 и 8. В частности, по отношению к заверениям екатеринбургских и тюменских газет, что академия в Казани подверглась аресту чехословаками в гостинице «Волга» и препровождена была в Самару в качестве большевистской организации, генералы Сурин, Иностранцев, Колюбакин и полковник Смелов относятся как к «наглой лжи».

Продолжаю опять по наиболее обстоятельному показанию полковника Смелова.

«В Казань академия прибыла 1-го августа. На другой день генерал Андогский был у главнокомандующего советским фронтом Вацетиса, который, сообщив ему военную обстановку, предложил эвакуировать академию в Муром. Генерал Андогский отклонил эту мысль, и 2-го августа начался переезд академии с парохода в город. К нашему прибытию случайно находившийся в Казани полковник Слижиков подготовил помещение для академии, а именно для слушателей в Коммерческом училище, а для членов конференции в гостинице “Волга”. В Казани к составу академии присоединились следующие члены конференции: генерал Колюбакин, подполковники Слижиков, Сьромятников, Оберюхтин, все они следовали (из Петрограда) в Екатеринбург и были задержаны в Казани ввиду эвакуации академии. Первое,

²³⁷⁹ В документе несогласованно: *Слижикова*.

²³⁸⁰ В документе несогласованно: *Смелова*.

²³⁸¹ Так в документе.

что было сделано нами по прибытии в Казань, это разыскать частные квартиры, адреса которых хранились в строжайшем секрете. Совершенно ложно утверждение, что мы не могли поселиться на частных квартирах иначе как через большевиков. Ко мне лично, как правилу дел, на другой же день явились несколько человек, предложивших поселиться у них, например — Баратынский, Штенберг. У первого, сколько помню, поселились — полковник Касаткин и полковник Солдатов, у второго — генерал Андогский. Другой квартирой для генер[ала] Андогского явилась скромная в глухом месте квартира священника Писарева, где поселился я. Напротив была старая церковь с огромными подвалами, где можно было скрыться, разведку которых производил слушатель Кривцов. Генерал Коллюбакин, ген. Толмачевский²³⁸², Сурин, Иностранцев жили во дворе профессора Казем-Бека (флигель), ген. Рябиков и полковник Сторожев поселились у своих родственников. В общем, к 4-му августа в гостинице “Волга” остался жить только один, кажется, заболевший полковник Коханов. Расселение наше по городу имело целью остаться в Казани и далее не эвакуироваться несмотря ни на что, скрываясь здесь до прибытия чехословаков или восстания. 4-го августа было получено первое известие о начавшейся операции на Казань — чехословаки взяли Богородск. Около 15 часов 5-го августа раздались первые орудийные выстрелы — началась бомбардировка казанской пристани флотилией капитана Степанова. В городе паника. Штаб Вацетиса обнаружил полную растерянность, не ожидая столь быстрого прихода чехословаков. Около 20 часов стрельба стихла, флотилия ушла вниз, а десант чехословаков занял Верхний и Нижний Услонь²³⁸³. Около 9-ти часов 6-го августа началась усиленная канонада. Чехословаки обстреливали артиллерийским огнем пристани и южную окраину города. Красные ответили беспорядочным огнем. Около 22–23 часов первыми ворвались в город чешские и сербские части, наступавшие вдоль левого берега Волги. Несколько позже, опрокинув красных, вошли в город по Лаишевской дороге добровольцы Народной армии из отряда Ген. штаба полковника Каппеля. На рассвете 7-го августа город Казань был взят, и академия была спасена. Немедленно все без исключения собрались на конференцию в доме Казем-Бека, и первое же решение наше было отдать все силы академии на борьбу с большевиками. С этим решением отправился ген. Андогский вместе со мною к героям-освободителям капиталу Степанову и [под]полковнику Каппелю.

Никаких арестов членов конференции в гостинице “Волга” или где-либо в Казани не было, и утверждение “очевидцев” является гнусной клеветой. В тот же день 7-го августа даны были слушатели капитану Степанову и подполковнику Каппелю для формирования их штабов. 8-го августа по распоряжению помощника управляющего военным ведомством самарского правительства В. Лебедева предложено было академии эвакуировать в Самару. Погрузка академии на пароход началась с вечера 9-го августа. В 4 часа 10 августа академия отбыла из Казани, оставив 32 лучших слушателей. Так как местами правый берег Волги оставался в руках красных, то нам наконец дано было вооружение — пулеметами и винтовками. 13-го августа академия благополучно прибыла в Самару».

Совершенно тождественны с этим показания прочих профессоров, единогласно утверждающих, что все они жили в Казани по разным квартирам, скрытно от большевиков и никакому аресту ни с чьей стороны не подвергались. Генерал Коханов, единственный из про-

²³⁸² Так в документе, правильно: *Томашевский*.

²³⁸³ В документе ошибочно: *уклоны*.

фессоров, который во время прихода наших войск в Казань проживал в гостинице «Волга» (в которой, по словам газетных «очевидцев», была арестована вся конференция академии), так повествует по этому поводу: «В Казани я был единственным профессором, который оставался в гостинице “Волга” при занятии города Народной армией. Вышло это так: сперва в гостинице “Волга” жило много членов конференции, но когда стало ясно, что нас могут забрать сразу и опять куда-либо эвакуировать, то все уехали по частным квартирам, а я имел документ на свое прямое звание “военного инженера”, что меня и избавило от непосредственного увоза в качестве члена академии Генштаба. Я был в гражданском платье. Таким образом, никаких арестов офицеров Генерального штаба в гост[инице] “Волга” не могло быть произведено. Это наглая ложь газеты» (стран[ицы] 164 и 165).

Генерал-лейтенант Колюбакин по этому же поводу пишет о генерале Коханове и подполковнике Солдатове, числившихся на жительстве в гост[инице] «Волга»: оба были одеты так, что в них нельзя было признать военных; оба целые дни проводили у нас во флигеле (в доме профессора казанского университета Казем-Бек[а]), и ген. Рычков, Степков и Клепиков явно и нагло лгут, что они арестовывали членов конференции в гостинице «Волга».

Весьма ценное подтверждение справедливости показаний членов академической конференции о пребывании их в Казани и отношении к большевикам находится в особой записке действительного статского советника Штенгера, проживающего в то время в Казани и имевшего у себя на квартире в качестве временного жильца генерала Андогского (см. его показания в «Деле»).

По словам г. Штенгер[а], генерал Андогский до самого отъезда его из Казани проживал у него (Штенгера) и столовался у него же; также по частным квартирам проживали и прочие профессора академии, за исключением Коханова, проживавшего в гост[инице] «Волга». Об аресте профессоров в последней он ничего не слышал.

То же самое подтверждает и полковник Петров, участник местной тайной офицерской организации. Об аресте в гостинице «Волга» также ничего не слышал, было известно о слухе совершенно противоположного значения. В своем рапорте он пишет: «Насколько мне известно, весь состав академии не пользовался доверием и покровительством большевиков, наоборот — за ними наблюдали и относились подозрительно. По рассказам, которые я слышал уже после прихода чехословаков, в день занятия чехами г. Казани, большевиками был послан латышский отряд в Коммерческое училище с предписанием расстрелять всех профессоров и слушателей академии. Этот отряд был случайно перехвачен офицерским патрулем нашей организации и уничтожен. У начальника отряда нашли список всех профессоров и слушателей академии и приказ о расстреле их».

Об «участнике» ареста профессоров академии в гостинице «Волга» Клепикове — полковник Петров пишет: «Клепикова, до прихода чехословаков в Казань, видел всего два раза; один раз — на квартире у генерала Рычкова, куда я приходил по делам офицерской организации, в другой раз — в день занятия г. Казани чехословаками, на конспиративной квартире нашей организации на второй горе, где мне как командиру полка дана была задача. Потом я его встречал уже как личного адъютанта генерала Рычкова. При первом свидании у генерала Рычкова Клепиков в разговоре с генералом Пановым упоминал, что он участвовал в покушении на жизнь покойного государя императора Николая Александровича (как и где не сказано); из этого разговора я заключил, что передо мной член какой-нибудь партийной социалистической организации. Когда же позже пришлось однажды встретиться с Клепи-

ковым у генерала Панова, последний сказал Клепикову следующую фразу: “Хороший ты, Флегонт, человек, но, к сожалению, эсер”. Прапорщик Клепиков горячо ответил: “Какой я эсер, никогда им не был”» (смотри в «Деле» рапорт полковника Петрова от 10 сентября 1919 года № 256).

По одиннадцатому пункту обвинений.

О пребывании чинов академии в Самаре за время господства здесь правительства учредителей показания в общем довольно кратки, да и не все профессора и слушатели академии по прибытии сюда из Казани здесь и остались (см. стр. 3, 4, 11, 19, 23, 29, 37, 48, 78, 89, 165). По словам полковника Смелова (стр. 67 на обороте, 68 и 69): «Еще в Казани присматриваюсь к Лебедеву (при Керенском был морским министром), и в особенности прибыв в Самару и переговорив с офицерами Генштаба Народной армии, члены конференции пришли к заключению, что если чисто военный момент, интересы единого фронта потребуют от нас работы и в рядах Народной армии, то наши политические симпатии принадлежат только Сибирской армии, где по полученным сведениям царил здоровая дисциплина и не было политики. 13-го же августа генерал Андогский и я были у управляющего военным ведомством полковника Галкина, туда же явился и полковник Слижилов. От имени конференции было заявлено полковнику Галкину наше стремление прежде всего вернуться в Екатеринбург и воссоединиться с оставшимися там, а затем академию эвакуировать в Сибирь. После небольших возражений, главным образом, в области опасений, что Сибирское правительство присвоит себе академию и не позволит ей обслуживать Народную армию, полковник Галкин дал свое принципиальное согласие на нашу эвакуацию в Сибирь. Тогда же возникла идея переименования академии во “Всероссийскую” академию Генерального штаба, указывая этим на общегосударственный, а не областной характер нашего учреждения. Как бы в виде компенсации за наш отъезд в Сибирь Галкин потребовал помощи академии в лице ее конференции в деле создания центральных органов Народной армии, а именно — Главного управл[ения] Генерального штаба, снабжения и полевого штаба. В отношении слушателей, прибывших в Самару, было принято решение укомплектовать ими штаб Народной армии. 14-го августа конференция постановила: 1-е. Ускоренный (красный) курс в числе 70 человек расформировать, передав его в распоряжение Народной армии для назначения в строй; 2-е. Оставшихся 48 человек старшего курса предоставить в распоряжение Народной армии для укомплектования штабов и центральных военных органов; 3-е. Назначить персонально по требованию управляющего воен[ным] ведомством полковника Галкина — на должность главного начальника снабжений генерала Сурина и на должность начальника Генерального штаба полковника Слижилова и 4-е. Избрать на различные должности полковников Леонова, Касаткина, Сыромятникова, Смелова и Оберюхтина. 14-го же августа полковник Галкин дал от имени самарского правительства окончательное согласие на дальнейшую эвакуацию и отдал приказ о переименовании академии во “Всероссийскую”. 15-го августа эшелон академии отбыл из Самары в Екатеринбург. В Самаре остались полковники Леонов, Касаткин, Сыромятников и Оберюхтин. Ген. Сурин, полк[овник] Слижилов и я были отпущены на 1 месяц для устройства семьи. Прибыв в Екатеринбург, мы узнали, что академию посетили Сибирского правительства военный министр Гришин-Алмазов, Михайлов, Иванов-Ринов и друг[ие] — что имеется уже распоряжение об эвакуации академии вглубь Сибири и приказ о даровании нашей академии как учреждению Всероссийскому особого нарукавного щитка с трехцветной лентой.

Через несколько дней первый эшелон со всем имуществом академии уже выступил из Екатеринбурга по маршруту на Омск и Томск. В Челябинске мы представлялись военному министру. Генерал Гришин-Алмазов выразил конференции свое глубокое уважение, доверие и благодарность за нашу самоотверженную преданность идее освобождения от большевизма и служения государству. Вместе с тем в частной беседе с генералом Андогским военный министр предлагал ему такие вопросы, которые свидетельствовали о существующем недоверии к академии некоторых кругов и лиц. В результате этой беседы генерал Андогский там же, в Челябинске, подал генералу Гришину-Алмазову рапорт с просьбой назначить расследование».

Вот достаточно полная картина деятельности конференции академии Генерального штаба во главе с начальником академии генералом Андогским за революционно-большевистский период ее существования, насколько то оказалось возможным выяснить по тем данным, которые имеются в «Деле» о генерале Андогском и его сотрудниках. Нельзя не пожалеть лишь о том, что данные эти ограничиваются почти исключительно показаниями одной стороны, заинтересованной в оправдании действий генерала Андогского и конференции профессоров академии, а с другой — ссылками на не имеющиеся в деле газетные статьи и несколькими приказами по академии, приобщенными к делу ген. Менде в качестве обвинительного материала. Нейтральными свидетелями являются лишь действ[ительный] статск[ий] сов[етник] Штенгер, проживавший в гор. Казани во время пребывания чинов академии после эвакуирования их туда из Екатеринбурга. Там и полковник Петров, случайно находившийся в Казани. Дополнить эти показания другими исходящими от сторонних свидетелей при современных условиях, когда почти вся территория, на которой приходилось действовать академии за революционно-большевистский период, находится вне нашей досягаемости теперь, — невозможно.

Едва ли не прав поэтому генерал Андогский, говоря в своей брошюре, что: «Предъявлять ныне к членам академии обвинение в том, что они соприкасались с органами советской власти, служили ей и получали от нее жалованье, — несвоевременно. Все почти ныне находящиеся на территории возрождающейся России лица служилого класса (пишет он далее), которые были застигнуты на своих постах большевистским переворотом, продолжали оставаться на своих постах и при большевистской власти в течение некоторого времени, боясь за остатки разрушаемой государственности, и получали жалованье из государственной казны. Судить всех этих лиц является задачей общегосударственной».

По мере продвижения наших войск на запад, таких лиц будет все больше и больше. Наконец, после изгнания большевиков из Европейской России и из столиц станет во весь рост вопрос относительно личного состава всех государственных учреждений дореволюционной России, застигнутых большевистским переворотом, как в столице, так и в провинции. В частности, все остальные военные академии (Инженерная, Артиллерийская, Медицинская), а равно и реформированные военные училища (почти все в том же составе преподавательского персонала) в настоящее время открыты в Петрограде и Москве и работают».

Это последнее обстоятельство нужно особенно не упускать из вида, ибо где же в самом деле теперь все наши военные академии, военные училища, кадетские корпуса внутренней России, на кого теперь они работают. Где и что делают их преподаватели, кому служат их многомиллионные библиотеки, музеи, учебные пособия[?] Это нам в подробностях неизвестно, но все они остались там, в Совдепии. Одна только академия Генерального штаба

уцелела и со всем своим драгоценным в научном и военном отношении имуществом при личном составе до 300 генералов, штаб- и обер-офицеров, которые уже более года занимают видные посты в военной организации нашей армии, борющейся с большевиками.

Для более или менее правильного суждения и оценки прикосновенности к противогосударственным организациям не только в данном случае по отношению к академии Генерального штаба, но и в других, как в настоящее время, так и на будущее время, нужно твердо установить, что именно следует считать преступною прикосновенностью к противогосударственным организациям, ибо в разные периоды переживаемого нами революционно-большевистского времени понятия о преступности, противогосударственности и пользах Отечества существенно менялись. Нужно не забывать, что революционный период истории современной России еще не закончился; Россия еще не сплотилась в мощное целое, и воля народа или народов России еще не облеклась в определенное постановление Национального собрания о форме государственного управления и основных законах. Но все то, что считалось и считается преступным при нормальных условиях жизни государства, преступно было и за революционно-большевистский период, вышедший из колеи нормальной жизни России. Приходится считаться с той обстановкой и с теми возможностями борьбы с аномальностью, в которых то или иное действие совершилось. Нужно отчетливо отличать период власти т[ак] наз[ываемого] Временного правительства, следовавший непосредственно после падения императорской власти, от такового же периода керенщины, а этот последний от большевизма; да и самый большевизм до Брестского мира и большевизм после этого позорного мира далеко не одно и то же. И самая воинская служба, пока наша армия (до издания знаменитого приказа № 1 и даже после него) боролась с немцами за единую великую Россию и когда эта же армия или часть ее, назвавшаяся «Красной», стала биться против своих же русских людей, ради интернационально-коммунистических целей, — две непримиримые противоположности. Не всегда поэтому и участие офицера в том или ином общем с солдатами комитете, не только за время керенщины, но и в первый (добрестский) период большевизма, служило «патентом на подлость».

По этому же самому и прикосновенность к той или иной противогосударственной организации иногда была не только не преступна, но и прямо-таки обязательна для военнотружущего, не имеющего права без особо уважительных причин покинуть свой ответственный служебный пост во время угрожающей ему опасности.

В частности, по отношению к делу «прикосновенности генерала Андогского и подчиненных ему по академии лиц», для меня совершенно ясно представляется, что:

1-е. Обвинение генерала Андогского в незаконном захвате власти над академией Генерального штаба является плодом клеветы, основанной на зависти к быстрому служебному повышению молодого талантливого профессора. Не подлежащими сомнению, совершенно тождественными данными, находящимися в «Деле», клевета эта опровергается.

2-е. Обвинение генерала Андогского в преступном сообщничестве с большевиками по заключению и подписанию позорного Брестского договора никакими фактическими данными, кроме ходячих, по-видимому, злостных слухов, не подтверждается.

Сам генерал Андогский и некоторые из опрошенных профессоров академии, не отрицая факта его поездки в Брест, называют ее вынужденной (под вооруженным конвоем) и то не в качестве члена конференции от советской власти, а только как эксперта-консультанта от управления Генерального штаба. Самого мирного договора, по словам генерала Андогско-

го, как он сам, так и насильственно командированные с ним вместе ген. Данилов и капитан Липский не подписывали и подписывали лишь протест против него в качестве военных экспертов. Проверить справедливость этого последнего заверения при современных политических и военных обстоятельствах оказывается невозможным. Обвинение, таким образом, остается, по меньшей мере, недоказанным и потому не может быть вменено генералу Андогскому в преступление против Родины.

3-е. Обвинения по 3-му и 4-му пунктам в неисполнении повеления Верховного правителя о поездке за границу и неподлежателном вмешательстве в дела штаба Верховного главнокомандующего, по-видимому, также отпадают, ввиду отказа в квалификации таковых производившим по поручению Верховного правителя расследование по сему генерал-лейтенантом Менде и за воследованием ныне повеления Верховного правителя о назначении генерала Андогского первым помощником начальника его штаба по званию Верховного главнокомандующего.

4-е. Заверение в том, что после октябрьского переворота чины академии Генерального штаба во главе с генерал-майором Андогским не только охотно признали советскую власть над собою, но и дали подписку на верность служения ей, также оказывается, по меньшей мере, голословным. Верно лишь одно, что академия Генерального штаба официально не опротестовала советскую власть, а подобно другим академиям, ученым и учебным заведениям всех ведомств столицы осталась немой свидетельницей перехода власти к большевикам в надежде на их скорое падение. Было ли бы открытое непризнание одной академией советской власти и сопротивление ее велениям заслугой перед Россией в смысле сохранения целостности академии как государственного учреждения, более чем сомнительно.

5-е. Нельзя также признать эвакуацию академии Генерального штаба из Петрограда в Екатеринбург совершившеюся якобы не по инициативе самой академии, а по приказу большевиков, увезших ее из Петрограда вовнутрь большевизии будто бы в целях наилучшего и безопаснейшего использования ее для нужд Красной армии.

Все данные, заключающиеся в «Деле», и единогласные показания профессоров академии свидетельствуют, наоборот, что эвакуация эта была делом не большевиков, а почти исключительно самой академии, бежавшей из тогдашнего административного центра большевизии на ее окраину, где она вскоре же (что и имелось в виду) поступила в распоряжение государственных организаций, борющихся с большевиками. Нужно благодарить, а не порицать академию Генерального штаба за то, что она единственная из всех академий и других военно-учебных заведений, очутившихся во власти большевиков, нашла способы в полном составе ее профессоров и офицеров-слушателей со всем многомиллионным имуществом освободиться от большевиков для службы возрождающейся России.

6-е. Очутившись на окраине тогдашней Советской России, академия, однако, же не получила тотчас же полной свободы в своих действиях, а целых полтора месяца вынуждена была не только наружно и формально, но отчасти и фактически подчиняться влияниям советских властей до служебных нарядов в Красной армии включительно. Установлено (как то видно из настоящего доклада по пунктам седьмому и восьмому обвинений), что начальник академии генерал-майор Андогский и правитель дел академии полковник Смелов, первый дважды, а второй один раз ездили в Москву для участия в советской комиссии по вопросу об установлении нового порядка приема слушателей в академию и переработке основных о ней положений в связи с изменением программ академического курса соответственно новым

требованиям; установлено, что положения, выработанные московской смешанной комиссией, не только утверждены Троцким и объявлены в приказе по военному ведомству советской федеративной республики, но отчасти уже были проведены в жизнь академии, и сама академия 23 дня именовалась «Военной академией рабочей и крестьянской армии». В качестве таковой академия неоднократно, в исполнение приказаний советского военного начальства, командировала в распоряжение этого начальства большего или меньшего состава (от 4–6-ти и более человек) группы своих слушателей для временного отнесения штабных служб как в месте нахождения академии, так частью и вне ее. Правда, по показаниям опрошенных лиц командировки не имели важного значения и большею частью исполнялись не только не с должной производительностью, но и прямо-таки во вред Красной армии; но факт остается фактом: академия не только наружно подчинилась советской власти, но временами и фактически работала по ее указке. Насколько это должно быть поставлено в вину конференции академии и ее начальству, подлежит суждению следственной комиссии.

7-е. По вопросу о том, добровольно или по принуждению большая часть личного состава академии и ее слушателей вторично эвакуировались из Екатеринбурга в Казань, двух ответов быть не может: по принуждению и даже местами под конвоем. Из настоящего доклада по 9-му пункту обвинений ясно видно, при каких условиях эта эвакуация произошла. Можно лишь возбудить вопрос: не следовало ли или не обязаны ли были чины академии и ее слушатели вместо того, чтобы совокупно ехать и плыть в качестве арестованных за тысячу верст в Казань — бежать в Сибирь одиночно врассыпную из самого Екатеринбурга, как то сделано профессором Богословским с частью слушателей и многими офицерами, бежавшими из Петрограда и других мест внутренней России, одиночным порядком на Дон и Кубань к Алексееву, Деникину, Краснову. Из «Дела» и показаний опрошенных лиц видно, что разбежаться в одиночку при желании они могли удобнее всего и с наименьшим риском еще из Петрограда, но не сделали этого по единогласному постановлению конференции, принципиально ради сохранения академии для работ по возрождению русской армии не персонально каждым, а в совокупности и всеоружии как государственное учреждение по прямому своему назначению.

Насколько они были правы в этом отношении, судить в настоящее время, более чем через год после событий сидя в Омске, трудно, тем более что их тактика по воле обстоятельств оправдалась, все они теперь, равно как и многомиллионное имущество академии, находятся вне Советской России и служат на пользу не большевикам, а армии, борющейся с большевиками.

8-е. Столько же не основательными оказываются по показаниям профессоров академии и двоих из обывателей города Казани, которых удалось допросить в Омске, обвинения «очевидцев» и «участников» в том, что профессора и слушатели академии, проживая в Казани открыто в гостинице «Волга», находились как бы под покровительством большевиков в качестве «своих» и только благодаря аресту их в названной гостинице г.г. Клепиковым и Стекловым не эвакуировались добровольно куда-либо дальше вглубь Совдепии, а были сплавлены вниз по Волге в Самару для службы вне советских войск и учреждений.

Все профессора академии и очевидцы пребывания их в Казани действительный статский советник Штенгер и полковник Петров единогласно утверждают, что все чины академии, окончательно решив так или иначе развязаться с большевиками, проживали в Казани по частным квартирам, большею частью в партикулярной одежде, скрываясь от надзора боль-

шевиков; аресту чинами Народной армии, когда последние овладели городом, где бы то ни было не подвергались, а явились к старшему их начальству, открыто заявив о желании своем служить вне Советской России, вследствие чего и были на пароходе отправлены в Самару в распоряжение тамошнего правительства, а по прибытии туда частью там же и остались, частью уехали в Екатеринбург для присоединения к оставшимся там товарищам, а частью отправлены прямо в Сибирь, куда вскоре эвакуировались из Екатеринбурга и все прочие чины академии со всем находившимся там академическим имуществом.

Все легенды о пребывании их в Казани и аресте «белыми» в гостинице «Волга» они называют «наглою ложью». Наоборот, по свидетельству полковника Петрова, как сказано выше, предполагался арест и расстрел их «красными», но не удался по не зависящим от них причинам.

Подводя итоги всему вышеизложенному, мне кажется, нельзя не прийти к заключению что:

Пункты обвинения: 1-й) о захвате генералом Андогским власти в академии Генерального штаба; 5-й) о подписке на верность служения большевикам; 6-й) эвакуация в Екатеринбург не по инициативе самой академии, а по приказу большевиков; 9-й) эвакуация в Казань не по принуждению большевиков, а по собственному желанию; 10-й) пленение академии добровольцами Народной армии и 11-й) вынужденный переход на службу правительству вне Советской России, — совершенно отпадают как ни на чем не основанные и представляющие в большинстве лишь беззастенчивые попытки небольшого круга лиц и личных врагов (вероятнее всего завистников) генерала Андогского скомпрометировать в глазах интеллигентного общества и правительства корпус офицеров Генерального штаба, занимающий руководящее положение в командном составе армии.

Пункт 3-й) неисполнение приказа высшего начальства и 4-й) вмешательство в распоряжение Ставки Верховного главнокомандующего — как не имеющие отношения к прикосновенности генерала Андогского к противогосударственным организациям — ведению и оценке нашей комиссией не подлежат.

Пункт 2-й, наиболее серьезный, обвиняющий генерала Андогского в подписании совместно с большевиками позорного Брестского мира, нужно признать пока не доказанным и требующим подробного рассмотрения, когда политические и военные обстоятельства позволят обследовать этот вопрос всесторонне, не ограничиваясь голословным обвинением, с одной стороны, и неподкрепленным фактами (за невозможностью документальной проверки) заверением невинности, с другой.

Остаются в достаточной силе лишь обвинения по пунктам: 7-му и 8-му — деятельность академии и, в частности, генерала Андогского за время пребывания в городе Екатеринбурге. Нет надобности повторяться в изложении и разборе того, что уже с достаточной обстоятельностью сказано по этим пунктам выше в настоящем докладе (недовольствующиеся сказанным могут дополнить и проверить это данными самого «Дела», ссылки на подлежащие страницы, которые также имеются в докладе). Можно и следует спросить лишь об одном: могли ли или имели ли возможность чины академии не подчиниться и не исполнить те требования советских властей, исполнение которых ставится этим чинам в вину, и какие были бы последствия для академии и для дела борьбы с большевиками, если бы обвиняемые, не исполнив предъявленных к ним требований, скрылись бы поодиночке, оставив в исключительном распоряжении большевиков не поддающееся оценке по своему научному значению

государственное имущество, вверенное их попечению. Показания по сему опрошенных чинов академии определенно дают материал для ответа на эти вопросы, и не нам, конечно, находящимся здесь и через год обсуждающим тогдашние события, судить о том, как наиболее целесообразно следовало поступить в той исключительной обстановке, в которой тогда академия находилась. Нужно не забывать, что, как-никак, а следствием всего (формально — мало допустимого) образа действий генерал-майора Андогского и конференции г.г. профессоров академии Генерального штаба явилось спасение вверенного им государственного учреждения высокой важности и вступление всего личного состава академии на службу в ряды русской армии, борющейся с большевиками. Служба эта открыто продолжается уже более года и притом не на рядовых, а на руководящих должностях.

Из числа бывших слушателей академии 32 штаб- и обер-офицера занимают теперь должности не ниже полковых командиров и начальников штаба дивизий. Бывший начальник академии генерал-майор Андогский ныне получил (после многих колебаний) высокий пост первого помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего.

Генерал-лейтенант Колюбакин — и.д. начальника академии (в Томске).

Генерал-лейтенант Матковский — командующий войсками Омского военного округа.

Генерал-лейтенант Медведев — главный начальник снабжения Западной армии.

Генерал-лейтенант Сури — помощник военного министра по снабжению.

Генерал-лейтенант Христиани — и.д. правителя дел академии Генерального штаба (в Томске).

Генерал-майор Богословский — начальник штаба Сибирск[ой] армии.

Генерал-майор Рябиков — 2-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего.

Генерал-майор Коханов — начальник главного инженерного управления.

Генерал-майор Леонов — дежурный генерал Ставки Верховного главнокомандующего.

Генерал-майор Иностранцев — генерал для поручений при Верховном главнокомандующем.

Генерал-майор Томашевский — командир корпуса Сибирской армии.

Полковник Сторожев — главный интендант.

Полковник Киященко — и.д. главного полевого интенданта Верховн[ого] главнокомандующего.

Генерал-майор Антонович — 3-й генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего.

Полковник Смелов — начальник штаба Сводного казачьего корпуса.

Полковник Осипов — начальник организационного отдела 3-го генерал-квартирмейстера штаба Верховн[ого] главнокомандующего.

Полковник Слижигов — и.д. 1-го генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего.

Полковник Оберюхтин — генерал-квартирмейстер Западной армии.

Полковник Сыромятников — начальник штаба Приамурского военного округа.

Уже один голый перечень этих фамилий двенадцати генералов и восьми полковников, большею частью известных в русской военной литературе в связи с теми высоко ответственными и руководящими постами, которые они занимают в настоящее время в нашей армии, заставляет в суждениях об их поступках и действиях, в исключительных переживаемых

нами обстоятельствах, быть крайне осмотрительными. Лично я не решаюсь выступить с безусловным порицанием поведения их не только за весь революционный период современной истории России, но и за время пребывания академии в Екатеринбурге.

Достаточно сопоставить литературно «патриотические» иеремиады писателей газеты «Современное слово» (за исключением выступления подполковника Язвина) с глубоко спокойными и обоснованными показаниями генерала Андогского и его соратников, чтобы составить себе ясное представление о том, насколько было близоруко и неуместно, в смутное время, публичное выступление «пылких (но.....) патриотов» нашего злополучного Отечества против обвиняемых ими «предателей» этого Отечества.

Ввиду этого я полагал бы и всей нашей комиссии, не входя в ближайшую оценку прикосновенности генерала Андогского и прочих чинов конференции академии Генерального штаба к большевистским организациям, в целях определения степени предосудительности таковой, представить заключительные выводы комиссии по всем пунктам обвинений (предполагаю, что комиссия разделяет мой взгляд на дело) вместе с настоящим моим докладом на усмотрение Верховного правителя и главнокомандующего, прося его высокопревосходительство решить вопрос, насколько заботы названных генералов и полковников по эвакуации академии Генерального штаба из пределов Советской России и более чем годичная служба во главе борющейся с большевиками нашей армии дают им право остаться не только вне обвинений, но и подозрений в умышленном противогосударственном сотрудничестве с большевиками.

Генерал-лейтенант Катанаев

«20» сентября 1919 года.

г. Омск

ГАРФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–39об. Подлинник. Машинопись.

Сатовский-Ржевский Г.Г.²³⁸⁴

[Воспоминания]

Вполне естественны многочисленные протесты против японского выступления, выносимые русскими общественными организациями Д[альнего] В[остока].

Нет ничего удивительного, что не только социалистические группы заявляют свое отрицательное отношение к новому шагу союзников в области русского вопроса, но и такие организации, как совет профессоров высших учебных заведений (и даже Военной академии) или комитет партии народной свободы...

Советы профессоров высших учебных заведений — это звучит действительно гордо, хотя я затруднился бы сказать, с какого времени эти коллегии приобрели монополию политической мудрости и патриотизма.

Но указание на профессоров военной академии более чем рискованно, ибо вплотную подводит нас к таким проблемам нравственного порядка, анализировать кои возможно, только зажав нос и надев гуттаперчивые перчатки.

²³⁸⁴ Сатовский-Ржевский Григорий Григорьевич — редактор-издатель газеты «Свет» (Харбин). Текст статьи печатается по архивной копии.

Из состава совета профессоров Военной академии я имел несчастье быть знакомым лишь с председателем совета и начальником академии генералом Андогским, но начну не с него, а с другого «ученого патриота» Г.Г. Христиани, имя коего стало популярно у нас в Харбине в связи с историей возникновения у нас юридических и экономических курсов.

Читатели, вероятно, помнят, что после появления в «Н[овостях] ж[изни]»²³⁸⁵ первой их статьи г. Устрялова коллегия профессоров вынесла ему порицание, и Г.Г. Христиани отказался читать лекции на курсах.

Статья трактовала о неизбежности примирения с большевиками, которые-де стали националистами. А через месяц с небольшим в нарушение приказа атамана Семенова, которому профессора академии, в бытность свою в Чите изъявили полную покорность и подчинение, академия из Харбина двинулась во Владивосток, подчинившись Вр[еменно]му правительству [Приморской областной земской управы].

Эта историческая справка подводит нас к персоне ген. Андогского и к его роли с переменной академией политического фронта.

Генерал Андогский, неумолимый в течение пребывания в Харбине сотрудник «Света», явился в редакцию по совету из Читы, где тоже сотрудничал в газете «Восточное обозрение», органе совершенно непримиримого антибольшевистского направления.

Ранее чем принять предложение ген. Андогского услуги в качестве сотрудника, я старался прозкзаменовать его по части политических взглядов и остался вполне удовлетворенным.

Затем, незадолго до ж[елезно]д[орожной] забастовки, генерал Андогский уехал в Пекин, по его словам, по поручению атамана Семенова. Возвратившись в наш богоспасаемый град, профессор поздно вечером пожаловал ко мне за получением гонорара, так как в ту же ночь собирался выехать во... Владивосток.

Сначала я не поверил своим ушам. Лишь из уважения к старому русскому военному мундиру я не буду здесь повторять всего того, что я высказал ген. Андогскому. От него же я услышал следующее:

- 1) Что беседа с Кудашевым²³⁸⁶ убедила его в безнадежности положения атамана Семенова.
- 2) Что он, «генерал», совершенно потерял голову.
- 3) Что решение об отъезде вынесено советом профессоров, которого он является лишь председателем.
- 4) Что решение вызвано требованием наборщиков академической типографии.
- 5) Что он, «Андогский, не изменник», так как принял даже в Мукдене письма для передачи ген. Малиновскому.

Усмотрев из речей своего собеседника, что он не только напуган Кудашевым, но и терроризован своей собственной революционной демократией в лице типографских рабочих, я, потеряв надежду получить от Андогского вызов к барьеру и, таким образом, задержать его в Харбине, попытался использовать еще одно средство.

В тот день распространился слух, будто бы японцы заняли Владивосток и Никольск-Уссурийск. Ознакомив с этой молвой ген. Андогского, я спросил его, не найдет ли он более

²³⁸⁵ Харбинская газета.

²³⁸⁶ Кудашев Николай Александрович — князь, русский посланник в Пекине.

удобным отложить свой отъезд на несколько дней, чтобы не попасть со всей коллегией в щекотливое положение.

— Напротив, — возразил ген. Андогский, — если я еду в японские объятия, то тем лучше.

За стенографическую точность последних слов генерала я готов дать какой угодно ответ, и словом я никогда не играл и не шутил.

Теперь я, предлагая г. Н. Устрялову решить, какую убедительность может иметь ссылка на авторитет профессора В.У.З. (даже военной академии). Какую веру в искренность политических убеждений лиц вроде ген. Андогского и Ко можем питать мы, простые смертные, на глазах которых разыгрываются подобные трагикомичные фарсы, подобные вышеизложенному.

Какую цену имеют протесты интервенции со стороны лиц, на другой же день жаждущих «японских объятий»[?]

Г.Г. Сатовский-Ржевский

Сатовский-Ржевский Г.Г. [Воспоминания] // Свет (Харбин). 1920. 22 апр. (ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 53–54. Машинописная копия).

Список личного состава академии, эвакуируемой в Москву. 1922 г.

№ по порядку	Наименование лиц²³⁸⁷
1.	Христиани Григорий Григорьевич жена Елена Васильевна
2.	Коханов Николай Иванович жена Александра Орестовна дети Валерий, Николай, Раиса, Александра
3.	Слижиков Аркадий Павлович ²³⁸⁸ жена Людмила Болеславовна дети Константин, Зоя, Людмила
4.	Арнольд Валентин Эрнестович ²³⁸⁹ жена Мария Андреевна дочь Елена
5.	Саук Флориан Станиславович
6.	Мартынов Дмитрий Евсеевич жена Анна Семеновна
7.	Иванд Петр Юрьевич

²³⁸⁷ Графа «Примечание» вынесена в сноски.

²³⁸⁸ Бежал с Зем[ской] ратью.

²³⁸⁹ Бежал с Зем[ской] ратью.

8. Андогский Александр Иванович²³⁹⁰
жена Александра Петровна
дети Любовь, Леонтий, Ирина, Всеволод, Татiana
9. Максимова Пелагея Григорьевна²³⁹¹
10. Винналь Мария Гансовна²³⁹²
11. Базис Иосиф Иосифович
жена Ирина Архиповна
12. Гринцевич Антон Павлович
13. Артемьев Иван Артемьевич
14. Староверов Сергей Кириллович
жена Матрена Алексеевна
дети Евлампий, Елена, Надежда
15. Рузас Августин Иванович
16. Стрельчук Афонасий Павлович
17. Купинский Эдуард Войцехович
18. Павлов Михаил Павлович
сын Владимир
19. Касьяненко Павел Степанович
20. Федорова Прасковья
21. Правдинский Петр Флегонтович
жена Ольга Михайловна
дети Валентин, Анатолий
22. Федоренко-Федорец Корней Архипович
23. Мартынов Федор Алексеевич
жена Елена Николаевна
дети Евгения, Алексей
24. Свиридова Вера Михайловна
25. Никоноров Василий Никонорович
26. Литвин Иосиф Иосифович
27. Гаврилов Василий Александрович
жена Любовь Андреевна
28. Филатов Арсений Яковлевич
жена Клавдия Михайловна
дочь Александра
29. Волков Александр Николаевич
жена Александра Дмитр[иевна], дочь Галина
30. Высогорец Вера Саввишна
31. Медведев Александр Иванович
жена Антонина Иосифовна
32. Завадская Мария Михайловна
33. Завадская София Иосифовна

²³⁹⁰ Бежал с Зем[ской] ратью.

²³⁹¹ Бежала с Зем[ской] ратью.

²³⁹² Бежала с Зем[ской] ратью.

34. Бучный Павел Федорович
жена Мария Васильевна
дети Николай, Анна
35. Колюбакин Борис Михайлович
жена Александра Николаевна
36. Ганин Иван Яковлевич
жена Александра Андреевна
37. Гальченко Иван Иванович
жена Екатерина Михайловна
дети Нина, Раиса, Николай
38. Смирнов Иван Андреевич
жена Анна Георгиевна
39. Злоказов Илья Александрович
40. Риккертсен Аделаида Андреевна
дочь Зинаида
41. Васильева Вера Михайловна
42. Медведева Анастасия Дмитриевна
43. Дружинин Александр Сергеевич
дочь Наталия
44. Наумов Константин Афанасьевич
Гиль Ян
45. Чулков Михаил Николаевич
46. Чулкова Татяана Исаевна
сын Николай
47. Клеменьев Александр Александрович
жена Наталия Ивановна
дети Вера, Мария
48. Ситчихин Григорий Иванович
жена Евдокия Константиновна
50. Цытович Владимир Николаевич
51. Кузьминцев Григорий Иванович
52. Поутайн Мария Ивановна
53. Лавриченко Сергей Павлович
54. Солдатова Анастасия Васильевна
55. Меланьин Василий Александрович
жена Татьяна Яковлевна
дети Николай, Клавдия, Александра, Виктор
56. Сторожева Анна Алексеевна
57. Бородько Василий Игнатъевич
58. Калинина Прасковья Григорьевна
59. Авксентьев Михаил Андреевич
60. Мерная Федосия Павловна
61. Рак Борис Иванович
62. Зайцев Василий Павлович

63. Ван-Хин

64. Ван-Шин

Вр.и.д. заведывающего хозяйством Воен[ной] академии А. Дружинин
РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 85. Л. 165–166. Подлинник. Машинопись.

Н.Р. [А.П. Слижиков]
Андогский — советский деятель

По сведениям, полученным из различных источников, оказывается, что в период эвакуации рати генерала Дитерихса из Приморья генерал от революции Андогский 23-го октября 1922 года отдал приказ во Владивостоке об оставлении Военной академии (Генерального штаба) на Русском острове для передачи ее в распоряжение советской власти.

Не зная, как отнесется советская власть в г. Москве к такому самопожертвованию Андогского, наш дипломат «на всякий случай» убрался подобра-поздорову своевременно, но с деньгами и со своей семьей из Владивостока в Дайрен, для поправления своего расстроенного здоровья расположился в выжидательном положении на богатой даче у морского пляжа.

В начале декабря месяца 1922 года Военная академия с имуществом и личным составом профессуры, администрации и служительского персонала по распоряжению советской власти отправилась в г. Москву под начальством профессора Александра Ивановича Медведева.

В личном составе профессуры, отправленной в Советскую Россию, кроме прочих лиц и их семейств находились старейшие профессора академии Генерального штаба, приобретшие себе военно-научную известность по всей Европе учеными трудами и работой довоенного времени.

1. Заслуженный ординарный профессор по кафедре военной истории Борис Михайлович Колубакин — старик 72 лет.

2. Заслуженный ординарный профессор по кафедре мировой географии, статистики и экономики Григорий Григорьевич Христиани — старик 62 лет.

3. Ординарный профессор по кафедре статистики России Александр Иванович Медведев — старик 60 лет.

Советская власть вправе гордиться «приобретением» высоко ценного академического имущества и научных сил. Дай Бог, конечно, чтобы подлинная Россия сохранила бы эти реликвии истинно военно-научного метода и систематизацию военных знаний для пользы будущих своих поколений. Однако надежды едва ли осуществимы, принимая во внимание условия жизни в Советской России. Но для Андогского совершенно все это ничего не значит, ибо они, эти старики, являются лишь очередной жертвой его личных вожделений.

В конце декабря академия двинулась из Хабаровска через Амур на Читу, куда, предположительно, могла прибыть в средних числах января. Движение до Хабаровска было медленное вследствие порчи путей и дорожных неисправностей.

С выездом на главную магистраль академия двигалась быстрее и прибыла в Москву в средних числах или в конце февраля месяца.

По имеющимся сведениям, прибытие академии в Москву было встречено с огромным интересом. С нескрываемым злорадством представители советской власти забрали в свои руки любезно предоставленные им Андогским многомиллионные ценности имущества Военной академии.

В воздание заслуг по передаче Военной академии в распоряжение советской власти, Андогский, по слухам, уже присужден к ордену «Красной Звезды»²³⁹³ московскими властями... Имеются указания, что помимо этого Андогскому послано предложение принять пост советского представителя на Дальнем Востоке.

Резиденция Андогского намечена пока в Харбине.

Предвкушая сладость заслуженной награды перед советской властью, Андогский уже приступил к подготовке и развитию своих военно-политических связей. Не теряя времени, он завязывает нужные ему «узелки» и уже вошел в тесное отношение с противоположными советам группировками военно-беженцев в Харбине, Гензане, Мукдене, Гирине и отчасти даже в Шанхае. В этом вопросе он действует под видом оказания «помощи» беженцам.

В результате предпринятых им «очередных шагов», вслед за «узелками», Андогский установил постоянные рейсы между беженскими группами и Японией, конечно, за счет грошей этих же беженцев, с надеждой прихватить очередной куш от генерала Подтягина и для «государственного дела».

Говорят, есть чудачки, которые идут на удочку этого опытного деятеля советской власти и одновременно самого горячего поборника правых группировок. Что делается? Ничего не поймешь! Какая-то сплошная ложь и клубок подлой интриги из-за денег, должностей, почестей и наживы?! «Молодец, тонкая бестия этот Андогский!» — так назвал его, шутя, Троцкий на одном из заседаний в Москве, после возвращения Андогского к Иоффе, по заключении ими Брестского мира...

Разделавшись с академией, Андогский 18 марта появился на горизонтах Гензана и Мукдена и начал свою «привычную» работу с беженцами, одновременно озабочиваясь получением паспорта и визы для проезда в Харбин.

Поведение Андогского весьма осторожное, что не мешает, однако, в его отличному душевному настроению. Вкрадчивость и кошачья поступь отлились в изящные формы, за которыми скрывается волчья натура «очаровательного» Андогского. Предлагая вам чашку²³⁹⁴ ароматного кофе, он с удовольствием поделится с вами своей глубокой грустью судьбы академии, и, обронив случайную слезинку, он вам расскажет, что только несчастное совпадение обстоятельств заставило отделиться от академии, которую не успели подготовить ему для эвакуации в Японию, и что в этом, с одной стороны, виноваты профессора, не выполнившие его задачи в 4-хдневный срок, а с другой, генерал Дитерихс, который ему якобы отказал в содействии по эвакуации академии. Вообще, в этом виноваты все кто угодно, только не он — Андогский, уверявший в свое время генерала Вержбицкого, что только он, Андогский, единолично отвечает за судьбу академии... Но дело свершилось: заветная мечта Андогского-наконец выполнена. Академия в г. Москве.

Нужно признаться, что раньше ему в этом вопросе как-то не везло.

По дороге из Екатеринбурга в г. Казань Андогский телеграфировал Троцкому из Перми, чтобы он вызвал его с докладом об академии, но Троцкий не вял мольбам Андогского и приказал ему не показываться в Москве и оставаться с академией.

В начале 1920 г. по прибытии академии в г. Харбин, на семеновские деньги Андогский устроил себе «очередную» поездку в Пекин и смастерил там вызов академии во Владиво-

²³⁹³ Такой награды тогда еще не существовало.

²³⁹⁴ В тексте нарушен порядок слов: *чашку Вам*.

сток. Вскоре в Харбине была получена телеграмма из Владивостока, что если Андогский не привезет академии туда, то ему «угрожает» смертная казнь. Академия с Андогским отправилась во Владивосток. По прибытию туда Андогский одел красную звезду и явился генералу Болдыреву, который немало был этим смущен. 5-го апреля произошел переворот, и Андогскому пришлось снять красную звезду и перерядиться в генеральскую форму, в которой он, не смущаясь, снова предстал перед очами того же генерала Болдырева, встретившего Андогского с молчаливой, но саркастической улыбкой. Будучи более стойким в своих убеждениях, Болдырев, на оправдания, высказанные хамелеоном Андогским, что все это он делает для спасения академии, даже ничего не ответил.

Спустя некоторое время Андогский ведет переговоры с командармом чехо-войск генералом Чечекон о переброске академии обратно в Читу, но здесь что-то сорвалось, и дело не вышло. Это не смутило Андогского, он вошел в сношение с Цейтлиным, а потом и с Кожевниковым и, обеспечив себе получение должности в Чите, выторговал гарантии личной безопасности и соответствующий куш на проезд, он преисполнился порывом двинуться в Читу. К расположению академии подкатили баржи для ее погрузки. Андогский уверяет всех, что ничего не знает про наряд барж и эвакуация академии в Читу является для него сплошной «неожиданностью». Тем не менее он разослал запросы всему личному составу академии, кто согласен и не согласен ехать в Читу. Несогласные на третий день приказом советского главкома Лепехина были исключены из состава академии. Однако и здесь дело отправки академии на запад снова сорвалось: японцы помешали вывезти имущество академии с Русского острова. При решении этого вопроса в Русско-японской согласительной комиссии Андогский хранил гробовое молчание

В 1921 году случился новый переворот во главе с каппелевцами, и академия из Владивостока не двинулась. Готовому снять генеральские регалии и лампы для поездки в Читу, ему, бедному, опять пришлось переоблечься в контрреволюционную форму...

Растерянность Андогского длится не долго. Он втирается в «доверие» к новому комвойскам Вержбицкому, подавая ему мудрые советы по осуществлению Хабаровского похода против «исконных своих врагов большевиков».

Бесконечная игра судьбою академии ради личных достижений ее начальника наконец надоела конференции академии, и она решила избавиться от присосавшегося к ней спрута и сместить его с должности начальника академии. К этому времени истекал 4-хлетний срок выборных полномочий Андогского на должности начальника академии. Но Андогский после Бреста видал и не такие виды. Воспользовавшись борьбой генерала Семенова с генералом Вержбицким, он обвинил конференцию академии в поддержке Семенова и предстал перед Вержбицким как истинный спаситель его положения. В результате этих хитросплетений Вержбицкий, игнорируя постановления конференции, отдал Андогскому приказ оставаться в должности начальника академии «впредь до наступления успокоения в России». Андогский торжествовал.

Но в академии положение его было все же непрочным. На всякий случай нужно было искать новой опорной базы, и он быстро ее нашел. Что стоит? Андогский записался в «Крестьянский союз» и искусным подсчетом голосов провел себя в члены городской думы. Объявив войну старому городскому голове, при помощи всегда недовольных засельщиков, Андогский превратился в городского голову, одновременно сохраняя за собой и должность начальника академии. На этот раз Андогский уже не жаловался на «горемычную жизнь», имея

две казенных квартиры, два содержания, два автомобиля с придачей двойного отопления, освещения и прочих мелочей жизни по двум должностям. Все же для усиления своего личного бюджета он отдал в частную аренду типографию академии.

В это время профессура академии буквально нищенствовала.

Но разве что-либо могло смутить «чистую совесть» Андогского? Потом пошло все своим чередом: кончился Хабаровский поход, и Андогский стал работать против Вержбицкого, входит в полное доверие к братьям Меркуловым. С появлением Дитерихса братья Меркуловы ему уже не понравились, и он стал работать против них, но с Дитерихсом. Каждый этап смены власти ему давал несколько тысяч на поездку в Японию. От каждого власть «берущего» он также аккуратно брал.

От Вержбицкого он получил командировку в Японию для выяснения некоторых специальных вопросов, равно и по академическим делам, успев урвать от генерала Подтягина солидный денежный куш на «академические» нужды. Из этих денег «кое-что» попало и в академию, но собственно размер отпуска денег генералом Подтягиным на академию остался не выясненным и по сие время.

В Японии попутно разрешался [вопрос] об отпусках денег на академию на случай ее эвакуации. Говорят, даже был поднят на ноги Париж, который благоприятно реагировал на возможность более широких отпусков на академию. Но ясности, к сожалению, пока добиться нельзя было, поэтому о получении Андогским денег из Парижа приходится говорить лишь предположительно: но ведь и это все выяснится рано или поздно. Так или иначе, но Андогский заверял правые круги, что он эвакуирует академию в Японию и что она обеспечена там по крайней мере на полгода ресурсами, находящимися в его распоряжении.

В период Земского собора Андогский получил политическую командировку в Японию: на эту поездку городская дума отвалила ему несколько тысяч рублей. Тут он, говорят, здорово нагадил красным, для «видимости».

Наконец, верно служа правым, он получил командировку в Японию и в третий раз, но уже от генерала Дитерихса, заполучив снова солиднейший куш на поездку. Вообще он не зевал и работал, как умел.

На всякий случай, в этот третий раз Андогский предпочел задержаться дольше в Японии, чтобы не торчать на должности городского головы и начальника академии в последние часы Приморья и не принимать на себя удары одновременно по двум должностям. Проще было оставить в последний критический период существования Приморья на своих должностях заместителей, которым и надлежало испить последнюю чашу страданий до конца.

Андогский не ропотился ехать во Владивосток, но прислал 17-го октября из Японии телеграмму с приказом «подготовить академическое имущество к вывозу за границу». А 21-го он приехал во Владивосток, через два дня отдал упоминаемый в начале сего приказ о «передаче академического имущества и личного состава в распоряжение советской власти» и, потирая руки, отбыл со своей семьей на отдых от трудов праведных в Дайрен.

Итак, академия отправлена в Москву. Сделав реверанс вправо, он отвесил почтительный поклон и влево. Все великолепно удалось! Но зато ведь и советская власть сумела его отблагодарить знаком отличия красной звезды и предложением должности комиссара Дальнего Востока. «Тонкая бестия этот Андогский»...

Однако очевидцы утверждают, что на торжествующем лице Андогского временами все же мелькает тень грусти и какого-то беспокойства. Мучают ли его жертвы алчных стремле-

ний его к богатству, должностям, почестям и славе, мучает ли его бесконечная плеяда собственных недвусмысленных поступков на протяжении 5-тилетнего периода революции или волнует его какая-то неудовлетворенность? — трудно сказать. Но что-то есть. Конечно, и его нужно понимать. Столько старался, а тут Троцкий не может пожать его товарищеской руки при личном помпезном представлении академии в Москве. Но время не прошло, и это будет. В бытность Иоффе в Дайрене Андогскому не удалось установить с ним старых дружеских отношений. То был 1918 год, а теперь 1923 год, люди за это время поумнели. К тому же немножко было и поздно, так как дайренская конференция уже закончилась. И Иоффе не был склонен разговаривать с Андогским.

Все это, однако, исправимо. Можно пожелать привычного Андогскому «честного» служения на новой должности советского комиссара Дальнего Востока.

Таковы в сумме материалы об Андогском, поступившие от многих лиц из Владивостока и Шанхая, а частно и от зарубежных беженцев.

Нет дыма без огня, и если бы даже одна десятая во всем этом была правда, то и этого было бы совершенно достаточно, чтобы в конечном выводе можно было иметь определенное суждение об этом человеке. Увы, к сожалению, изложенное выше не фельетон, а документальная история!!!....

Факт совершен. Да хранит Бог академию, ибо она неповинна в деяниях Андогского. Андогский же рано или поздно должен будет дать ответ.

Его фигура понятна и левым, и правым, и средним, и каким угодно. Она до чрезвычайности проста и обнажена фактами действительности. Справедливость требует осудить безудержную спекуляцию на доверии людей и непрерывную позорную двойную игру для личных целей Андогского.

Такие люди не нужны ни правым, ни левым: они не нужны никому. Эта категория лиц, могущих быть отнесенными к категории «лишних людей», т.н. психологических дегенератов, легко и свободно выходящих в каждый данный момент за рамки общественной морали, корпоративной этики и взаимных обязательств, даже в личных отношениях: все ради личных выгод — вот девиз, и для этих людей нет ничего святого, кроме личной жизни для себя, хотя бы для того нужно было идти через трупы людей и торговать своей совестью.

Эти люди представляют из себя злокачественный нарост на теле человеческой среды, пышно расцветший в революционный период, и как паразит, высасывающий соки, он должен быть устранен решительным приемом. Такие лица заслуживают единственно справедливой формы наказания общественного ostracisma и гражданской смерти, оставаясь в живых.

Несмотря на полученные нами сведения, хотелось бы, чтобы слухи о назначении Андогского комиссаром, равно и награждение его орденом красного знамени не подтвердились. Трудно верить, чтобы советская власть не усмотрела бы в действиях и поступках Андогского деяний, которые заслуживают отвращения даже и со стороны Москвы.

Н.Р. [А.П. Слижиков]

12 марта 1923 года.

Гирин

Н.Р. [Слижиков А.П.] Андогский — советский деятель // ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 55–58об. Машинописная копия.

Рябиков П.Ф.
Воспоминания об академии Генерального штаба²³⁹⁵

I. Академия перед началом Великой войны

Николаевская академия Генерального штаба десятки лет весьма консервативно держалась своих программ и порядка ведения практических занятий, являясь, главным образом, высшим научным²³⁹⁶ учебным заведением, стоявшим несколько далеко от жизни и прикладного дела службы Генерального штаба.

Академия Генерального штаба — эта alma mater всех российских офицеров Генерального штаба — давала им широкое научное образование военное и общее, развивала колоссальную работоспособность, впитывала твердые и прочные традиции, делавшие корпус офицеров Генерального штаба особой и несколько в себе замкнутой кастой.

Но академия стояла далеко от армии, а офицеры, окончившие академию, мало были знакомы с войсковой службой и техникой тактики родов войск.

Обладая громадным научным фундаментом, офицеры Генерального штаба, приехав по окончании академии в округа, уже на первых маневрах убеждались, что многого и многого они не знают и многому надо вновь учиться на практике...

То же, несомненно, чувствовалось и в штабной работе мирного времени.

Первым шагом к реформе академии, ставшей слишком консервативной, было переименование ее в «Императорскую Николаевскую военную академию».

Целью этой перемены названия было приближение академии ко всей армии и желание, чтобы академия оказывала свое влияние уже не только на офицеров Ген. штаба, но и на армию, прививая ей необходимые современные доктрины.

Но перемена названия почти ничего не изменила в духе и программах академии, и она продолжала оставаться застывшим научно-теоретическим учебным заведением.

Период возглавления академии генералом Глазовым²³⁹⁷ к тому же и характеризовался некоторым упадком дисциплины и воинского духа в академии, ставшей приближаться как бы к «штатскому» высшему учебному заведению.

Назначение после генерала Глазова²³⁹⁸ в 1907^m году начальником академии ген. Дмитрия Григорьевича Щербачева, опытного и твердого строевого начальника, сразу же влило в дух и жизнь академии новую, бодрую и свежую струю.

Начался пересмотр программ по кафедрам и программ и порядка ведения практических зимних и летних занятий.

Была подготовлена реорганизация программ и порядка ведения практических занятий, получившая одобрение военного министра и начальника Ген. штаба. Эта реорганизация

²³⁹⁵ Краткие воспоминания П.Ф. Рябикова об академии, как и подробный мемуарный очерк, хранятся в ГАРФ в личном фонде Рябикова, куда они попали из Русского заграничного исторического архива в Праге. В Пражский архив материалы Рябикова поступали в 1925–1930 гг. (Русский заграничный исторический архив в Праге — документация. Каталог собрания документов, хранящихся в пражской Славянской библиотеке и в Государственном архиве Российской Федерации. Прага, 2011. С. 113, 117, 120, 165, 172, 173, 175, 188, 195, 206). После смерти генерала в 1932 г. материалы в архив передавала его вдова Евгения Николаевна (Там же. С. 243, 367). В итоге образовался обширный архивный фонд, включающий 266 единиц хранения.

²³⁹⁶ Здесь и далее подчеркивания сделаны П.Ф. Рябиковым.

²³⁹⁷ В.Г. Глазов руководил академией в 1901–1904 гг.

²³⁹⁸ Мемуарист ошибается, после генерала Глазова академию в 1904–1907 гг. возглавлял генерал Н.П. Михневич.

имела целью придачу программам более жизненного и практического характера, причем некоторые предметы, как излишний научный балласт²³⁹⁹, были совсем исключены (астрономия, геология); программы же некоторых других предметов (администрация, статистика...) были сокращены и изменены в духе их прикладного значения.

Практическим занятиям был придан прикладной метод по образу таковых же занятий во франц[узской] École de guerre.

В зависимости от изменений программ был несколько изменен и штат академии, увеличенный числом преподавателей военных наук и штаб-офицеров, принявших более широкое и живое участие как в работе по кафедрам, так и в практических занятиях²⁴⁰⁰.

После назначения ген. Щербачева в 1912 году командиром IX корпуса нач[альником] акад[емии] короткое время был ген. Янушкевич, а затем до Великой войны ген. князь Енгальчев, продолжавшие работу по принятой новой системе.

Состав профессоров, преподавателей и штаб-офицеров за период с 1911 по 1914 гг. почти не менялся.

Состав этот был таков:

Кафедры военного искусства:

Профессора:

Ген[ерал]-лейт[енант] [Б.М.] Колюбакин

Г[енерал]-майор А.К. Баиов

“ А.Г. Елчанинов

Полковник (затем г[енерал]-м[айор]) [Н.Л.] Юнаков

Полковник Н.Н. Головин

“ [А.А.] Незнамов

“ А.К. Келчевский

“ М.А. Иностранцев

“ В.Г. Болдырев

“ Бор. Влад. Геруа

“ [А.Ф.] Матковский

Военная администрация

Генералы [Н.Н.] Янушкевич и [Д.В.] Филатьев

Военная статистика

Генералы [Г.Г.] Христиани и [А.И.] Медведев

Военно-инженерное дело инж[енер] полк[овник] [Н.И.] Коханов

Артиллерия полк[овник] арт[иллерии] [Л.Н.] Гобято

Геодезия ген[ералы] [В.В.] Витковский и [Д.Д.] Сергиевский

помош[ник] полк[овник] [И.С.] Свищев

Черчение ген. [А.А.] Зейфарт и [А.А.] Даниловский

Нем. язык гг. Прейс и Шульц

²³⁹⁹ Весьма полезный для широкого общего образования, но отнимавший много времени от прямого дела (*примеч. П.Ф. Рябикова*).

²⁴⁰⁰ Одним из энергичных и деятельных помощников ген. Щербачева по проведению в жизнь реформы был проф. полк[овник] Ник[олай] Ник[олаевич] Головин; большими сторонниками реформы были полк[овники] Юнаков, Незнамов, Келчевский, Геруа, Болдырев и др. (*примеч. П.Ф. Рябикова*).

Франц. язык подполк[овник] Елагин²⁴⁰¹

Преподавателями военных наук были:

Полк[овник] [В.А.] Черемисов, [П.И.] Измestьев, подполк[овник] Сергей Леонидович Марков²⁴⁰², Дмитрий Капитонович Лебедев, Александр Иванович Андогский²⁴⁰³, подп[олковник] [В.В.] Кривенко.

Штаб-офицеры, завед[ующие] обуч[ающимися] в акад[емии] офицерами

Полковники: М.Д. Бонч-Бруевич, [П.Ф.] Рябиков, [А.А.] Балтийский, [В.З.] Савельев²⁴⁰⁴, [В.В.] Буняковский, [В.А.] Златолинский и Н.Н. Алексеев.

Распределение профессоров по кафедрам было таково:

Г[енерал-]л[ейтенант] Колюбакин — История древнего военного искусства.

Полк[овник] Иностранцев: Революционные и наполеоновские войны.

Ген. Байов История русского военн[ого] искусства.

Ген. Юнаков Русско-японская война

Ген. Елчанинов Стратегия

Полк[овник] Головин. Служба Генерального штаба

Кафедра, введенная по вышеуказанной реорганизации.

Читал части оператив[ную] и разведыв[ательную].

Общая тактика²⁴⁰⁵ полк[овник] Незнамов (общ[ие] положения)

Тактика корпуса полк[овник] Черемисов

“ дивизии полк[овник] Измestьев

Тактика пехоты полк[овник] Геруа

“ артиллерии полк[овник] Келчевский

“ кавалерии полк[овник] Матковский

Тактика технич[еских] войск полк[овник] Лебедев

Практические занятия по тактике

Практические занятия по тактике были организованы так:

Старший класс решал задачи на корпус, младший — на дивизию.

Кроме того, на младшем классе велись отдельные занятия по тактике пехоты, артиллерии и кавалерии.

Периодически решались отчетные классные задачи, причем весь класс под контролем деж[урного] штаб-офицера решал одну задачу.

Затем одним из руководителей эта задача решалась на доске в виде показательной²⁴⁰⁶ с чтением всех составленных руководителем приказов и распоряжений.

После доклада показного решения (отнодь не незыблемого шаблона, а лишь как одного из возможных) производился разбор задач слушателей с указанием на наиболее часто встречающиеся ошибки, как в идейном решении, так и в технике дела.

²⁴⁰¹ Ныне в Праге (примеч. П.Ф. Рябикова).

²⁴⁰² Герой Гражданской войны на Юге России (примеч. П.Ф. Рябикова).

²⁴⁰³ Выборный начальник академии после Февральской революции (примеч. П.Ф. Рябикова).

²⁴⁰⁴ Получ[ил] Георгия 3^я ст. во главе кавал[ерийского] полка во время Великой войны (примеч. П.Ф. Рябикова).

²⁴⁰⁵ После реорганизации курс тактики был разделен на курс «общей тактики» и по родам оружия. В старшем классе по общей тактике читался «корпус», в младшем — «дивизия» (примеч. П.Ф. Рябикова).

²⁴⁰⁶ Предварительно разбиралась и утверждалась на собрании руководителей под председательством старшего руководителя по данному отделу (примеч. П.Ф. Рябикова).

Практические занятия по администрации и статистике велись по-старому, но лишь со стремлением и им придать более жизненный и практический характер.

Старшими руководителями в занятиях по тактике были:

Общая тактика — полк[овник] Незнамов

Тактика пехоты — полк[овник] Геруа

“ кавалерии — полк[овник] Матковский

“ артиллерии — полк[овник] Келчевский

Все преподаватели и штаб-офицеры имели своим партии по тактике, администрации и статистике.

Дух и дисциплина в академии стояли на должной высоте.

«Новая система» очень нравилась слушателям, допуская гораздо большее живое общение руководителей, со слушателями и давая им столь необходимые практические указания по службе Генерального штаба.

Летние практические занятия по тактике проводились очень живо и с большим напряжением и руководителей, и слушателей.

Старший класс проходил полевые занятия на корпус в полосе между Гатчиной и Ямбургом. Практиковались и занятия ночью.

Задача велась группой с распределением различных ролей (ком[андир] корпуса, нач[альник] штаба, нач[альник] дивизии, бригад, нач[альник] артиллерии, ком[андир]ы полков и пр.).

Младший класс решал задачи по общей тактике на дивизию и отдельно ряд задач по тактике пехоты, артиллерии и кавалерии.

В задачах по родам оружия г.г. офицеры практиковались в деталях техники ведения войны (расположение на позиции пех[оты] и артиллерии, проведение наступления, ведение разездов, бои в конном строю, кавалерии и т.д.).

Съемки велись по-старому.

Темы дополн[ительного] курса — по-старому, но с некоторым оживлением тем.

II. Мобилизация перед Великой войной

Мобилизация застала академию в разгар летних полевых практических занятий, которые были приостановлены в начале июля 1914 года.

Насколько мне известно, распределение по должностям офицеров Ген. штаба штатного состава академии в мобилизационном плане предусмотрено не было.

Большинство более молодых профессоров, а также преподаватели и штаб-офицеры, зав[едающие] обучающимися офицерами, получили должности начальников штабов второчередных дивизий (полк[овники] Незнамов, Келчевский, Иностранцев, Рябиков, Балтийский, Буняковский, Савельев, Алексеев, Златолинский).

В виде исключения полк[овник] Болдырев получил вакантную должность нач[альника] штаба 2^й гвардейской пех[отной] дивизии.

Подполк[овник] Лебедев — нач[альник] развед[ывательного] отд[еления] 2 армии

Подполк[овник] Марков — шт[аб-]оф[исер] для пор[учений] в штабе Ю[го]-Зап[адного] фронта.

Подполк[овник] Андогский — пом[ощник] ст[аршего] ад[ъютанта] штаба 2 армии.

Академия была закрыта, что явилось несомненной ошибкой ввиду громадной потребности в офицерах Ген. штаба, скоро выявившейся во время войны.

III. Открытие академии в ноябре 1916 года

Большой недостаток в офицерах Ген. штаба заставил открыть академию в ноябре 1916 года в виде двух ускоренных курсов (старшего и младшего), каждый курс, насколько помню, продолжался 4 месяца.

На старший курс приняли офицеров, окончивших перед войной младший курс. Начальником академии был назначен генерал Петерс²⁴⁰⁷.

Находившиеся на разных должностях фронта профессора, преподаватели и штаб-офицеры были вызваны в академию. Старые профессора (ген. Коллюбакин, Христиани, Витковский, Сергиевский (?) и нек[оторые] другие[и]) были на месте, не получив назначения на театр войны.

Вместо некоторых не приехавших преподавателей и штаб-офицеров было вызвано несколько новых лиц: подп[олковники] Сурин, Слижиков, Дюсиметьер, Поляков, Леонов, Капустин, Гущин, Смелов, Сторожев, Сыромятников, полк[овник] Дрейлинг, полк[овник] Плющевский-Плющик, полк[овник] Кияшенко и подп[олковник] Солдатов.

Правителем дел академии был назначен полк[овник] Ген. шт[аба] Андогский.

Академия сразу же заработала весьма интенсивно, применительно к последним довоенным программам, но, конечно, с большим сокращением.

Службу Генерального штаба стали читать по операт[ивной] части полк[овник] Андогский и по разведке полк[овник] Рябиков.

К кафедре разведки был отнесен курс воздушных средств, который читал полк[овник] Ген. шт[аба] Дюсиметьер, прошедший школу «летчика» и заведовавший во 2^й армии воздушными отрядами.

Курс стратегии был поручен генералу Иностранцеву.

Тактика пехоты полк[овник] Слижиков

Тактика артиллерии полк[овник] Плющевский-Плющик и подполк[овник] Сыромятников

Тактика кавалерии — ген. Матковский

Тактика техн[ических] войск — полк[овник] Леонов

Историю военного искусства по-прежнему читал ген. Коллюбакин.

Петровская эпоха снова читалась подп[олковником] Г[енерального] шт[аба] Марковым.

Так работа вполне спокойно и с большим напряжением продолжалась до революции.

Состав слушателей, уже исключительно боевых офицеров, был выше похвалы.

Работа академии после мартовского переворота 1917 года до появления большевиков

В разгар занятий грянула первая революция²⁴⁰⁸.

Занятия ввиду уличных демонстраций и беспорядков были на несколько дней прекращены, а затем продолжались без всяких изменений и влияний на них со стороны нового правительства.

Ввиду полученных указаний о необходимости выбора нового начальника академии было приступлено к организации выборов, в которых приняли участие все офицеры Генер[ального] штаба России и слушатели академии.

Главнейшими кандидатами были генерал-м[айор] Головин и полк[овник] Андогский.

²⁴⁰⁷ Получивший высочайшее соизволение именоваться Камневым (*примеч. П. Ф. Рябикова*).

²⁴⁰⁸ Имеется в виду Февральская революция 1917 г.

Незначительным большинством голосов оказался выбранным полк[овник] Андогский²⁴⁰⁹. Во внутренней жизни академии почти никаких перемен не произошло и только было приказано свыше ввести в конференцию и представителей от слушателей.

Ввиду полной лояльности и дисциплинированности слушателей никаких недоразумений с ними не было.

На конференции по существу работы представители слушателей никогда не приглашались, а лишь в некоторых редких случаях призывались для решения тех или иных вопросов внутренней жизни.

Писаря и служители академии вели себя в общем вполне лояльно и дисциплинированно.

Неприятным инцидентом был лишь таковой: из среды писарей на н[ачальни]ка академии ген. Петерса был подан донос о некоторых его неправильностях в хозяйственных делах (покупка не положенного по штату автомобиля, расходование сумм не по точному соблюдению §§ сметы и пр.).

По приказанию свыше была организована комиссия, в которую было приказано включить и по одному представителю от писарей и от эскадрона академии.

Комиссия эта заседала вполне спокойно, не открыв в действиях ген. Петерса ничего преступного, а лишь усмотрев нек[оторые] упущения по службе в проведении сметы — как известно, бывавшие зачастую в частях войск.

Попечением нового выборного начальника академии вопрос постепенно заглох.

Академию в период первого Временного правительства однажды посетил военный министр А.И. Гучков, обошедший помещение академии и сказавший речь о новом строе, важности работы академии и пр.

Встреченный ритуалом, положенным для встречи воен[ного] мин[истра] — г. Гучков имел довольно смущенный вид.

Работа академии без каких бы то ни было нарушений продолжалась заведенным порядком до большевистского переворота, причем старший класс, окончив его, был выпущен, а младший класс переведен на старший после соотв[етствующих] экзаменов.

На младший класс приехали новые офицеры, поступившие по представлениям своего начальства.

Вновь прибывшие были все боевые кадровые офицеры, ничем по духу и дисциплине не отличавшиеся от офицеров довоенного времени — полученный ими боевой опыт, наоборот, давал им серьезные преимущества.

V. Академия при большевиках в Петрограде

Большевистский переворот крайне тяжело отразился, прежде всего, на духе преподавательского состава, конечно, всем своим существом бывшего против нового строя, навязанного России захватчиками власти.

Академия без всякого изменения в составе профессоров, преподавателей и слушателей, скрепя сердце, продолжала свою заведенную работу.

Писарской и служительский составы по-прежнему не вмешивался в учебное дело, интересуясь лишь, гл[авным] образом, «кооперативной лавкой» при академии, правильной раздачей хлеба, сахара и пр. мелочами внутренней жизни.

²⁴⁰⁹ Мемуарист неточен. В результате голосования наибольшее число голосов получил Н.Н. Головин, на втором месте был А.И. Андогский, однако решением министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского академию возглавил Андогский.

Никаких эксцессов, оскорблений или серьезных нарушений дисциплины не было. Не было и каких-либо давлений на работу и жизнь академии со стороны большевистских главарей.

Был назначен какой-то комиссар, человек весьма тихий и незаметный, присутствие которого не чувствовалось.

Я лично никогда его даже не видел. Академия как бы законсервировалась в своем помещении на Суворовском и по инерции жила и работала, не вызывая к себе ни интереса, ни внимания.

Конференция академии собиралась вполне свободно без присутствия комиссара и представителей низшего состава служащих, что уже, кажется, испытывали некоторые высшие учебные заведения.

Тяжелым моментом для академии было ее занятие на несколько дней каким-то морским отрядом.

Когда можно было вновь начать занятия, помещение академии оказалось в загаженном виде, все портреты и картины изрезанными²⁴¹⁰, группы всех выпусков, висевшие в собрании, были уничтожены, музей гр[афа] Милютина разграблен... Тащили, глав[ным] образом, медали. К счастью, дневники гр[афа] Милютина и его фельдмаршальский жезл оказались в исправности.

Рябиков П. Ф. Воспоминания об академии Генерального штаба // ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–8об. Подлинник. Автограф.

Рябиков П. Ф. **В Военной академии**

Петроград – Екатеринбург – Томск – Владивосток
В Военной академии со времени ее вновь открытия в конце 1916 года
в Петрограде и до мая 1919 года (Томск)

1) Петроград (до революции)

Большой недостаток в офицерах Генерального штаба заставил вновь открыть академию в ноябре 1916 года в виде двух ускоренных²⁴¹¹ (старшего и младшего), каждый курс, насколько помню, должен был продолжаться четыре месяца. На старший курс были приняты офицеры, окончившие перед войной младший курс.

Начальником академии был назначен генерал Петерс, получивший с высочайшего соизволения, не помню тоже когда, — право носить фамилию Камнева.

Находившиеся на разных должностях фронта профессора, преподаватели и штаб-офицеры получили предложения прибыть по желанию в академию.

Старые профессора (генерал Колюбакин, Христиани, Витковский...), не получив никаких назначений на фронте, были уже на месте.

²⁴¹⁰ Оставили лишь портрет Петра Великого, так как он был «без погон» (*примеч. П. Ф. Рябикова*).

²⁴¹¹ Здесь и далее подчеркивания сделаны П. Ф. Рябиковым.

Вместо некоторых не приехавших преподавателей и штаб-офицеров было вызвано несколько новых лиц, полковники и подполковники²⁴¹² Сурин, Слижиков, Дюсиметьер, Поляков, Леонов, Капустин, Гущин, Смелов, Сторожев, Дрейлинг, Сыромятников, Плющевский-Плющик, Киященко, Солдатов. Правителем дел академии был назначен полк[овник] Генштаба Андогский.

Академия работала весьма интенсивно применительно к сильно сокращенным программам довоенного периода и с всесторонним использованием опыта войны, как на теоретических курсах, так и на практических занятиях.

Главнейшие дисциплины были распределены так:

История военного искусства — ген. Колюбакин.

Петровская эпоха — полк[овник] С.Л. Марков²⁴¹³

Стратегия — ген. Иностранцев

Тактика пехоты — полк[овник] Слижиков

Тактика кавалерии — ген. Матковский

Тактика артиллерии — полк[овник] Плющевский-Плющик и подполковник Сыромятников

Тактика технических войск — полк[овник] Леонов

Служба Генерального штаба — полковник Андогский (часть оперативная) и полковник Рябиков (часть разведывательная), подп[олковник] Дюсиметьер читал специальный курс воздушной разведки.

Состав слушателей — исключительно боевых офицеров — был выше похвалы.

II. Петроград (после революции до большевиков)

Во время самых интенсивных занятий, когда вся работа шла уже вполне налаженно и систематически — грянула первая революция.

В этот день я, как обычно, отправился на лекции с моей квартиры на Петербургской стороне; так как трамваи не ходили, пришлось идти пешком через Троицкий мост; часовые у входа на мост отдали честь и меня пропустили; когда я вышел на Кирочную улицу, — услышал выстрелы и увидел у церкви Козьмы и Дамиана (у инженерных казарм) толпу солдат, движение дальше уже было невозможно; солдаты очень любезно предупредили меня, что идти дальше опасно, предложили зайти в казарму.

Постояв несколько минут в воротах, где были и младшие офицеры-саперы²⁴¹⁴, я решил возвращаться домой, соединившись где-нибудь по пути по телефону с академией.

Это мне удалось в ближайшей парикмахерской — поговорив с делопроизводителем, весьма благополучно дошел до своей квартиры.

Часовые на мосту опять меня вежливо пропустили; на Петербургской стороне было еще весьма спокойно и «революция» еще не чувствовалась, так что у меня создалось впечатление, что в районе Знаменской — Кирочной были лишь какие-то беспорядки местного значения. Постоянно соединяясь по своему домашнему телефону с сослуживцами по академии, скоро выяснил картину всего происшедшего...

Занятия в академии ввиду беспорядков на улицах, демонстраций и общего невыясненного положения были на несколько дней прекращены.

²⁴¹² Не помню точно чинов всех (примеч. П.Ф. Рябикова).

²⁴¹³ Скоро опять уехал на фронт (примеч. П.Ф. Рябикова).

²⁴¹⁴ Никаких враждебных против них и меня выступлений не было (примеч. П.Ф. Рябикова).

По возобновлении занятий учебная и внутренняя жизнь академии потекла своим прежним характером при полной дисциплинированности и лояльности обучающихся, писарского и служительского составов; некоторая расшатанность и разложение среди писарей и нижних чинов эскадрона стала замечаться уже несколько позднее²⁴¹⁵.

Первыми знаменами нового режима было приказание выбрать начальника академии и ввести в состав конференции представителей от обучающихся офицеров.

По выборам начальника академии приняли участие все офицеры Генерального штаба и обучающиеся в академии офицеры.

Главнейшими кандидатами на должность начальника академии были генерал Головин и полковник Андогский.

Насколько помню, порядок выборов был такой: фамилии трех кандидатов с наибольшим числом голосов представлялись начальнику Генерального штаба, который по своему усмотрению назначал начальника академии.

После окончания предвыборной кампании, которая активно велась некоторыми членами конференции, и довольно продолжительного сбора записок с фронта начальником академии были назначен полковник А.И. Андогский.

Приказами о привлечении делегатов от обучающихся на конференции ввиду дисциплинированности офицеров и, вероятно, и их не сочувствия этой мере, — проводились лишь формально.

На конференции по существу учебной работы представители обучающихся не приглашались, а вызывались лишь на те конференции, когда надо бы решать те или иные вопросы внутренней жизни, близко касающиеся интересов обучающихся. Академию в период первого Временного правительства однажды посетил военный министр А.И. Гучков.

Встреченный рапортом дежурного штаб-офицера, караулом от эскадрона академии и всеми собравшимися членами конференции и слушателями, Гучков сказал речь о новом строе, о значении академии, важности ее работы и пр. Обойдя помещения, министр скоро уехал, имея в общем какой-то неуверенный и даже смущенный вид.

Занятия в академии шли совершенно спокойно по заранее выработанной программе, и велась подготовка к организации экзаменов — выпускных и переходных на старший класс.

В писарском составе и эскадроне уже появились признаки разложения, выявлявшиеся в довольно некрасивых поступках. Так, например, некоторые писаря стали проявлять беспокойство, не получают ли профессора и преподаватели из академической кооперативной лавки больше, чем им следовало по установленной норме.

Выяснение этого вопроса проводилось весьма некрасиво секретными расспросами на наших кухнях... После выяснения одного из таких «агентов» эта работа с заднего крыльца прекратилась...

Гораздо более крупным и неприятным инцидентом был донос на начальника академии генерала Камнева²⁴¹⁶, указывавший на некоторые его неправильности и незаконные действия в хозяйстве академии (покупка не положенного по штатам автомобиля, излишне дорогой ремонт казенной квартиры и вообще расходование казенных сумм не по точным параграфам утвержденной академической сметы).

²⁴¹⁵ Не принимая уж слишком уродливых форм или явно антидисциплинарных поступков (*примеч. П.Ф. Рябикова*).

²⁴¹⁶ Еще до назначения начальником полковника Андогского (*примеч. П.Ф. Рябикова*). В документе ошибочно: Камнева.

По приказанию свыше была организована комиссия из одного члена конференции в роли председателя, заведующего хозяйством и офицера эскадрона. В комиссию было приказано включить по одному представителю от писарской команды и эскадрона академии.

К моему большому неудовольствию, председателем комиссии был назначен я.

По всем пунктам обвинения пришлось детально проверить все хозяйство академии, рассмотреть все хозяйственные приказы, книги и имущество академии.

Члены комиссии — солдаты держали себя вполне прилично и дисциплинированно, причем представитель эскадрона был совершенно пассивным и с большим напряжением и смущением «отсиживал» заседания. Представитель же писарей, бывший по всем данным главным бродильным элементом и я, думаю, и инициатором доноса, сохранял полную внешнюю корректность, принимал все меры к тому, чтобы найти в действиях генерала Петерса состав преступления.

Самое детальное и объективное расследование нашей комиссии, — в действиях генерала Петерса обнаружила лишь некоторое упущение по службе, выразившееся в неточном выполнении параграфов сметы и использование некоторых сумм не по сметным назначениям, — что, как известно, бывало в штабах и частях войск.

Ничего позорного, никаких злоупотреблений с казенными деньгами в личную пользу комиссия не обнаружила.

[С] назначением нового начальника академии вопрос этот утратил свою остроту и постепенно заглох.

«Комиссия» оставила в членах конференции и особенно у нас, членов комиссии, очень горький осадок, так как уже знаменовала явный подрыв дисциплины, когда подчиненные принуждены рассматривать действия своего начальника. Дабы не дать пищи самым нелепым слухам, создание комиссии было необходимо, но, мне кажется, было бы гораздо тактичнее со стороны высшего начальства назначить комиссию не из состава академии, а из посторонних начальников, старших генерала Петерса.

По окончании экзаменов в академии был устроен банкет, на который, насколько помню, по инициативе слушателей²⁴¹⁷, были приглашены военный министр Керенский, начальник Генерального штаба генерал Юрий Дмитриевич Романовский, председатель Государственной думы Родзянко, Авксентьев, Чхеидзе, князь Кропоткин и некоторые другие.

Военный министр не приехал, прислав академии через начальника Генерального штаба поздравление с окончанием учебного года. Все почти речи отмечали значение офицерского состава в армии вообще и офицеров Генерального штаба в частности; в речах выступали надежды на светлое будущее, говорилось о военном единении офицеров и солдат, о единении армии с народом и пр. и пр.

Весьма прочувственную речь сказал председатель Государственной думы Родзянко, причем во всей его речи на первый план выступал старый офицер, а не политик.

С большим подъемом сказал слово Авксентьев; в выступлении престарелого князя Кропоткина, такого добродушного и ласкового по виду, совсем не сквозил крайний революционер-анархист, и речь его была проникнута симпатией и к армии и к офицерам...

Прослушав речи, хотелось верить, что, быть может, и действительно будет понят офицер и его значение и примут меры к оздоровлению армии, к поднятию дисциплины и боеспособности.

²⁴¹⁷ И организовавших банкет (примеч. П. Ф. Рябикова).

Но «хорошие слова» остались словами — и Родина наша и армия уже неудержимо катились к большевизму.

III. Петроград (академия при большевиках)

Большевистский переворот крайне тяжело отразился на духе преподавательского и учащегося состава. Подъем в работе и вера в ее пользу для России и армии при данной обстановке пропали, и работа уже пошла больше по инерции, скрепя сердце. Продолжение работы в академии явилось результатом решения чинов Главного управления Генерального штаба и Военного министерства — работу продолжать, оставаясь на своих местах.

Обучающиеся в академии офицеры и при большевиках сохраняли полностью свою дисциплину, усердно работая по своему прямому делу. Держались вполне прилично и писарской и служительский составы; никаких серьезных нарушений дисциплины, оскорблений, неприятных инцидентов не было.

Совершенно не давили на учебную и внутреннюю жизнь академии и главари большевицкой власти. Был назначен какой-то весьма тихий и нерешительный комиссар, влияния которого ни в чем не чувствовалось.

Академия как бы законсервировалась в своем помещении на Суворовском и по инерции жила и работала, не вызывая к себе ни особого интереса, ни внимания.

Конференция академии собиралась вполне свободно без присутствия комиссара и представителей низшего состава служащих.

Весьма тяжелым испытанием для академии было ее занятие на несколько дней каким-то отрядом моряков.

После ухода этих «моряков» помещение академии оказалось разгромленным и загаженным до невозможности; все портреты царей, цариц, великих полководцев были изрезаны; пощадили лишь портрет Петра Великого, который, вероятно, не тронули, потому что император написан «без погон», согласно формы той эпохи.

Портрет наследника вел[икого] князя Алексея Николаевича служил бандитам в виде стола для еды; он был весь изрезан и залит пищей. Все группы выпусков академии, висевших в офицерском собрании академии, были изорваны.

Кое-что было украдено и из академического музея, но большой ценности фельдмаршальский жезл генерала гр[афа] Милютина и некоторые другие ценные вещи каким-то чудом спаслись от этого чисто вандалского налета в тихие помещения нашей академии.

Когда началась угроза наступления немцев на Петроград, а одновременно и пошли слухи о движении на Юге, конференция академии подняла вопрос об эвакуации из Петрограда, причем первые мысли были о Юге — насколько помню, Екатеринодаре.

Под видом отпуска в Екатеринодар для выяснения обстановки на Юге был послан штаб-офицер, заведующий обучающимися в академии офицерами, полковник Генерального штаба Дрейлинг.

Начальник академии полковник Андогский, человек умный, хитрый и умевший весьма искусно вести переговоры с большевицким начальством, начал поднимать вопрос об эвакуации академии в целях спасения дорогого имущества от захвата немцами.

Насколько стало известно, в эвакуации на Юг было категорически отказано, но все же удалось добиться права эвакуации на Восток — в Екатеринбург.

И эта эвакуация уже вселяла много надежд; прельщая к переходу в более свежий²⁴¹⁸, спокойный и, как говорили, менее почувствовавший большевиков край.

По получении официального разрешения на эвакуацию стали сильно к ней готовиться. Академия должна была переехать с профессорами, преподавателями, штаб-офицерами, служащими, со всеми пособиями, библиотекой и милютинским музеем.

Никаких «красных» офицеров в академии еще не было, а все слушатели были отличные боевые и дисциплинированные вполне офицеры.

В начале марта 1918 года академия, получив соответственные вагоны и погрузившись, выехала, имея начальником эшелона профессора генерал-лейтенанта Медведева.

Часть профессорского и преподавательского состава и часть обучающихся выехала частным порядком, сговорившись ехать в одном поезде.

Некоторые профессора и преподаватели эвакуироваться с академией не пожелали, именно — генералы Витковский и Елчанинов, потом расстрелянные большевиками²⁴¹⁹, не выехали они по неизвестным мне причинам, во всяком случае не из-за сочувствия большевикам; ген. Витковский все время ездил в пальто с красной подкладкой и, несмотря на уговоры, не хотел снимать погон; как говорили потом, был арестован в своей вилле «Геодезия», где очень резко встретил большевиков, и был расстрелян²⁴²⁰.

Генерал Филатьев, тоже не выехавший с нами, должен был приехать позже, но не приехал, и уж не знаю каким способом уйдя от большевиков, приехал в Омск незадолго перед ноябрьской [1919 г.] эвакуацией.

Генерал В.Ф. Новицкий ехать с академией не захотел.

Не выехали полковники Поляков и Дюсиметьер, т.к., как говорили, они оба работали в антисоветской организации, связывавшей их свободу действий.

Не эвакуировался и полковник Гущин, весьма деятельно работавший во время Временного пр[авительства] в Офицерском союзе; не помню точно, но, кажется, он в это время находился в отпуску на Дону. По дошедшим потом сведениям, будто бы поступил на службу большевиков.

Также остался в Петрограде и библиотекарь академии Масловский — сын покойного почтенного профессора, оказавшийся ярым социалистом, а теперь большевиком, работающим под псевдонимом «Мстиславский». Библиотеку принял кап[итан] Дружинин.

Выехали с академией следующие чины постоянного состава: начальник академии генерал²⁴²¹ Андогский, генералы Колюбакин, Медведев, Христиани, Иностранцев, Матковский, Рябиков, полковники и подполковники Сурин, Коханов, Слижиков, Леонов, Сыромятников, Капустин, Смелов, Киященко (преподаватель топографии), Богословский, Сторожев и Солдатов (преподаватель черчения).

Также преподаватели верховой езды ротмистры Б.А. Вуич, Арнгольд; заведующий хозяйством капитан Наумов и чиновники Мартынов, Гальченко и Высогорец²⁴²².

²⁴¹⁸ Слово неразборчиво.

²⁴¹⁹ Рябиков неточен, расстрелян был только Елчанинов.

²⁴²⁰ В действительности умер своей смертью.

²⁴²¹ А.И. Андогский и после большевицкого переворота был еще полковником, но затем уже появился в генеральской форме. Вероятно, приказ о производстве состоялся при Вр[ременном] пр[авительстве], но не успел выйти (*примеч. П.Ф. Рябикова*).

²⁴²² В тексте ошибочно: *Высокогорец*.

Часть поехала в специальном поезде, предоставленном академии, а часть в скором прямом поезде, тогда еще ходившем.

Ехавшие частным порядком взяли с собой лишь несколько пудов багажа (нормированно-го начальником академии), бросив все имущество на квартирах.

Переезд в скором поезде состоялся без каких-либо инцидентов и насилий, но, конечно, с «обысками» на некоторых станциях, производившимися еще довольно вежливо.

По мере продвижения на Восток обстановка на станциях все улучшалась — выносились для продажи хлеб, живность...

В Екатеринбурге

По прибытии в Екатеринбург академия расположилась в большом и удобном здании женского епархиального училища на окраине города рядом со старым женским монастырем.

Профессорско-преподавательский состав разместился по комнатам²⁴²³ в частных домах, в большинстве принадлежавших местным богатым купцам.

В академии работами энергичного заведующего хозяйством капитана Наумова была устроена общая столовая, где за дешевую плату все могли получать простой, но вполне сытный и здоровый обед.

В местной домовый церкви служились по праздникам службы (не всегда) и там же была торжественно отслужена заутреня, на которой некоторые носившие мундиры были в них, — но уже без погон...

В городе большевики еще чувствовались мало, они были как-то не видны, не бросались в глаза и лишь изредка проходили какие-то их части...

Хлеба (и белого) и всевозможных продуктов и товаров было вначале в изобилии; хлеб большими ковригами продавался на базарах, но постепенно хлеб стал уменьшаться, но все же в продовольственном отношении в Екатеринбурге было неизмеримо лучше, чем в Петрограде.

Конференция выработала на своем заседании программу занятий; были распределены кафедры и лекции, и работа началась, но опять-таки как-то по привычке, по инерции, без ясного сознания, зачем все это делается, для кого готовятся офицеры Генерального штаба... Были пройдены даже небольшие полевые занятия топографией у самой окраины Екатеринбурга.

Практические занятия велись по тактике и службе Генерального штаба, по военной администрации и по военной статистике. Старшими руководителями были соответственно: г[енерал] А.[И.] Андогский, п[олковник] В.И. Сурин²⁴²⁴ и генер[ал] Г.Г. Христиани.

Руководителями, кроме штатных служащих, были: офицеры Ген. штаба, находившиеся в Екатеринбурге: ген. Ю.М. Тихменев, полк[овник] Сурнин, Артемьев, Борицкий, Чернышев, Касаткин и полк[овник] артиллерии Томашевский (приложение № 1²⁴²⁵); полк[овник] Сурнин, Касаткин и Томашевский были назначены в штат академии.

Слушатели в списках числились без чинов, но с наименованием их частей по старой армии и сохранением титулов (приложение № 2²⁴²⁶).

²⁴²³ По полученным через канцелярию «мандатам», причем профессора по какому-то сов[етскому] закону могли иметь лишнюю комнату для занятий (*примеч. П.Ф. Рябикова*).

²⁴²⁴ В списке ст[аршим] р[уководителем] по адм[инистратии] был назначен ген. Филатов, ожидавшийся в Екатеринбурге, но не приехавший (*примеч. П.Ф. Рябикова*).

²⁴²⁵ Не публикуется.

²⁴²⁶ Не публикуется.

В академию был назначен какой-то комиссар, совершенно ни во что не вмешивавшийся и только сидевший в своей комнате.

Надо отдать справедливость начальнику академии полковнику²⁴²⁷ Андогскому, что он умел так обставить дело, что академию совершенно оставляли в покое — и нам никому и никогда не приходилось иметь каких-либо дел с местным советским начальством.

Местные жители, в частности наши квартирные хозяева, относились к нам с полным доверием, никогда не скрывая своего истинного отношения к большевикам.

Постепенно давление на них стало проявляться все больше и больше, начались кое-какие «реквизиции» (помню, напр[имер], библиотек), стали требовать выдачи определенных сумм денег, а при невыплате сажать в тюрьмы.

Сидело в тюрьме и несколько «заложников», в число которых попал и сын хозяина моей квартиры миллионера хлеботорговца П... Потом он был расстрелян.

Первым неприятным распоряжением для академии было приказание местного совета дать несколько слушателей для усиления местного штаба; если не ошибаюсь, пришлось командировать нескольких офицеров и в некоторые другие города (напр[имер], в Казань) (из таких командированных помню фамилию капитана Бурова и Симонова).

Вторым и уже еще более неприятным приказом было распоряжение пополнить академию «красными» слушателями.

Постепенно они стали прибывать; сравнительно небольшое их число имело вид типичных большевиков, увешанных оружием; большинство же были настоящие офицеры, которые, поймав кого-либо из нас в коридоре наедине, тихо докладывали, что они не большевики, а настоящие дисциплинированные офицеры...

Но уже академия потеряла характер, который еще носила до последнего времени, — характер дружной офицерской и военно-походной семьи. Пришлось уже все время в разговорах быть осторожным, тем более что уже стали указывать на «подозрительных», чувствовалось, что за нами начался уже незаметный сыск.

Лекций для нового «красного» набора почти читать не пришлось, так как скоро назрели новые события, всколыхнувшие всю жизнь Екатеринбургa и срочно нас из него временно выбросившие.

Судьбе было угодно, что, в частности, мне не пришлось для «красных» прочитать ни одной лекции...

В июне (или конце мая) по Екатеринбургу поползли слухи, которые явно волновали большевиков и вселяли надежды в нас.

Стало известно о восстании чехов, ехавших по Сибирской железнодорожной магистрали, и говорили, что началось их наступление и на Екатеринбург. В гарнизоне города стало значительно больше оживление, какие-то части иногда передвигались по улицам; среди большевистских элементов в городе стало замечаться беспокойство...

Академию пока не трогали, и она тихо и, по возможности, незаметно жила в надежде, что, если настанет час эвакуации, о ней в суматохе могут забыть...

Но все же члены конференции начали между собой секретные разговоры о том, что делать, если академия получит приказ об эвакуации.

²⁴²⁷ Так в тексте, правильно: *генерал-майору*.

Отмечу, кстати, что начальник академии, бывший, между прочим, весьма популярным у большинства слушателей, вел с ними какие-то таинственные разговоры... Нас же в свои планы и намерения почти не посвящал.

Не помню точно когда, конференция собралась на секретное совещание, в котором после обсуждений решили, что в случае приказа об эвакуации профессорско-преподавательский состав поедет без семей²⁴²⁸, дабы иметь большую свободу действий и большую возможность за свой риск и страх «исчезнуть» от большевиков.

Кажется, числа 8 июля старого стиля был получен приказ спешно погрузить в вагоны состав преподавателей и слушателей, а также необходимые пособия, чтобы иметь возможность сразу же открыть в новом месте занятия.

На заседании конференции было решено (путем голосования) просить профессоров ген. Христиани и Медведева остаться в Екатеринбурге для наблюдения за остающимся имуществом; должны были остаться также заведующий хозяйством и чиновники. Неожиданно генерал профессор Матковский довольно резко заявил, что он эвакуироваться не будет, а останется также в Екатеринбурге. Так он и не поехал.

Конечно, с громадным удовольствием остались бы и все мы, но это было невыполнимо, так как отсутствие многих членов и слушателей на вокзале на погрузке могло бы повести к репрессиям и не только по отношению к нам, но и по отношению к нашим семьям.

В это время начальник академии вел переговоры со слушателями, часть которых решила раздобыть оружие и затем исчезнуть в лес, которым и идти навстречу чехословакам. Во главе этого «отряда» встал выдающийся офицер, кавалер ордена Св. Георгия 4 степени подполк[овник] Румша. Уйти опять-таки всем слушателям (конечно, кроме «красных») было также невозможно.

Уйти решительно всеми с семьями было просто невозможно, так к[ак] попытка незаметного ухода даже и ночью при условии, что академия, несомненно, наблюдалась, была бы обречена на явную неудачу и напрасную гибель и женщин и детей.

Уход же «группы» вооруженных слушателей мог рассчитывать на успех, т.к. собирались они по одному или малыми группами в лесу в условленном месте.

Скорейшая для нас связь с чехами обещала и скорейшее наступление, давала чехам всю ориентировку, а в случае если бы нас уже увезли, была надежда, что конные отряды нас могут «отбить» во время нашего движения в поезде.

Начальник академии благословил образами подп[олковника] Румшу — и слушатели его «боевой» группы расплылись.

Винтовки и патроны группа раздобыла хитростью, причем офицеры, добывавшие оружие, действовали под видом красноармейцев. К сожалению, подробности рассказа по нашем соединении о действиях группы, захвате ружей, движению лесом ночью, встрече с отрядом полк[овника] Войцеховского — у меня из памяти выветрились — и ждут описания кого-либо из непосредственных участников.

8 июля (если не ошибаюсь) был получен приказ о погрузке.

Примерно в эти же дни было получено приказание командировать в местный штаб полк[овника] Богословского, которому немедленно принять в командование армию, назначенную для отпора наступавших чехов. Полковник Богословский должность принял и сде-

²⁴²⁸ Конечно, кто желал взять семьи, мог брать, но таких оказались единицы (*примеч. П.Ф. Рябикова*).

лал даже ряд распоряжений, ухудшавших положение красных, а затем исчез в лесу, где в заранее условленном месте встретился с женой и с ней благополучно лесами пробрался к чехам.

После такой «измены» одного из членов конференции отношение к нам стало еще более подозрительным, и за нашей погрузкой следили на вокзале какие-то латышские отряды.

9 июля вечером погрузка была произведена, причем посадили нас в совершенно не приспособленные грязные товарные вагоны.

Задачей начальника академии теперь было возможно дольше затягивать отъезд, надеясь, что чехи вот-вот подойдут. На помощь нам пришел полковник Стогов, игравший какую-то довольно большую роль в передвижении войск; целую ночь, которую мы провели в вагонах, наш поезд то маневрировал, то переставлялся, — и так до 10 июля ст[арого] ст[илia] и не двинулся. В этот день поезд, наконец, пошел в направлении на Пермь. Дату отъезда помню совершенно точно, так как это день рождения моей дочери, и я утром 10го еще успел на извозчике съездить домой, поздравить дочь и еще раз с семьей проститься. К счастью, перед отъездом наш личный состав не поверяли и исчезновение группы слушателей прошло незамеченным... Поезд и ст[анция] охранялись латышами.

Вероятно, ввиду большой заботности путей нас повезли не прямым путем, а горной веткой через Алапаевск, получивший такую печальную известность²⁴²⁹.

В Алапаевске стояли долго, пропуская ряд поездов самого грозного вида: прошел какой-то бронированный поезд, проезжали матросы, латыши, анархисты... Вид у всех был озлобленный и озабоченный; ясно, что торопились удирать от «белых». После уже говорили, что нас в Алапаевске чуть не «ликвидировали», так как боялись, что нас не успеют пропустить. Чем дальше от Екатеринбурга, тем меньше надежд, что нас «отобьют», что нам путь пережут белые... Многие из нас в это верили и, прощаясь с семьями, искренне утешали их, что скоро увидимся; мне лично такая удача казалась маловероятной, и мои надежды были на более далекое будущее...

При дальнейшем пути и настроение большевиков на станциях стало более спокойным.

Наши «красные» слушатели, ехавшие в нашем поезде, проявляли к профессорскому составу должное уважение и на станциях, где можно было достать горячую пищу, заботились, чтобы мы были накормлены, и некоторые из них даже сами приносили нам порции, так как добиться их при страшном переполнении станционных буфетов было очень трудно.

Приехали в Пермь, где выгрузились. Пойдя в церковь, встретил там моего товарища по академии генерала Юрия Михайловича Тихменева, храброго и выдающегося командира полка во время Великой войны, а теперь занимавшего должность чуть ли не начальника штаба округа²⁴³⁰. Поговорив на очень невеселые темы, расстались, чтобы больше уже никогда не встретиться...

При погрузке на пароход выяснилось, что на пароходе мы будем устроены куда комфортабельнее, чем это было в поезде.

Пароход даже оказался очень чисто содержимым с хорошей столовой и вежливой прислугой, с радостью нам подававшей и явно довольной, что опять приходится послужить «господам» (что по секрету и заявлялось).

²⁴²⁹ В связи с убийствами представителей дома Романовых.

²⁴³⁰ Тихменев занимал пост начальника штаба Уральского военного округа.

Без всяких инцидентов доехали до Казани, которая должна была быть нашим временным этапом, так как, к сожалению, ходили слухи, что нас повезут куда-то дальше (называли Муром).

По пути по Каме, в Елабуге, я посетил жившую там с детьми мою двоюродную сестру, муж которой — старик, как большой «буржуй», был еще зимой арестован и спущен на Каме в прорубь.

Так как мы — члены конференции — уже сговорились, что в Казани разведемся по частным, так сказать «конспиративным» квартирам, я просил сестру дать мне на случай несколько адресов ее знакомых в Казани, где бы мог устроиться.

Освобождение от большевиков в Казани

По выгрузке в Казани пешком двинулись в город, наняв для наших скромных чемоданчиков подводу.

Для размещения академии было предоставлено весьма хорошее и большое здание какого-то училища, где должны были поместиться и слушатели.

Я сейчас же начал искать квартиру, которую мне особенно рекомендовала сестра. Мой приход, конечно, прежде всего, сильно напугал милейшего помещика Л... и его семью, так как я, благодаря своей военной форме без погон, был, вероятно, принят за «красного». Скоро договорились, — и мне была любезно предоставлена комната, в которой я и прожил, окруженный приятно родственным вниманием хозяев до освобождения от большевиков.

Несколько профессоров и преподавателей (ген. Колубакин, полк[овник] Сурин, полк[овник] Томашевский, подп[олковник] Сыромятников) поместились в доме известного казанского профессора Казем-Бека; эта квартира была как бы нашим сборным пунктом. Некоторые, не имея знакомых, поместились в гостинице. Нач[альник] академии нашел комнату, кажется, у кн[язя] Кропоткина (местного общественного деятеля).

В один из первых дней начальник академии передал распоряжение всем собраться в помещении, отведенном для академии, для представления командующему войсками Вацетису, окончившему в свое время нашу академию по 2^{му} разряду. Представление состоялось и прошло очень быстро, так как каждый называл лишь свою фамилию, а Вацетис, имевший довольно смущенный вид, почти ничего не говорил. Он даже сказал, что напрасно все беспокоились, так как он не имел в виду этого «представления», а только хотел посетить академию.

Никаких распоряжений о том или ином более прочном устройстве академии в Казани нач[альник] академии не делал, не было и предположений о начале работы.

Все пребывание в Казани имело целью возможно менее себя выявлять и о себе напоминать и выжидать событий, которые должны были развиваться и в Казани.

Первые дни в городе было совсем тихо. Мы — члены конференции — в помещение академии не ходили, а изредка встречались; из сведений, которые мы получали от наших слушателей, находившихся в штабе округа, мы были в общем ориентированы и о положении чешских и русских добровольческих отрядов.

Начальником разведывательного отделения штаба был тоже наш офицер. Эти офицеры, докладывая сводки своему «красному» начальству с упоминанием ряда деревень, не подчеркивали их сравнительно близкую угрозу Казани²⁴³¹, военное командование которой не

²⁴³¹ Говорю по воспоминаниям [в] [«]Нов[ом] слове[е]». При постоянном наличии в сводках разных деревень, занятых противником, некомпетентный начальник, не следящий по карте, действительной картины событий не получает (примеч. П. Ф. Рябикова).

принимало мер эвакуации, даже такого известного имущества, как крупный золотой запас, бывший в Казани.

В начале двадцатых чисел июля старого стиля стали слышаться какие-то выстрелы. На мой вопрос на улице, что такое происходит, отвечали: «Наверное, маневры».

Но это были не «маневры», а начались уже бои.

Зона артиллерийского обстрела подходила все ближе и ближе, и, наконец, сам город стал обстреливаться шрапнелью.

Все дни боев я оставался в своей квартире, наблюдая из окна за настроением и каким-то передвижением красных отрядов.

Сын моего хозяина — студент — все время ходил «на разведки» и приносил нам сведения о творящемся в городе, о том, где идет бой, и т.д. По освобождении он сразу вступил в Народную армию.

Наконец, падение Казани, уже явно было видно, что красные в панике куда-то неслись на извозчиках, проходившие группы уже имели вид бегущих.

На душе было и радостно и беспокоино, так как мелкая случайность в виде, например, обыска или просто вторжения в дом красноармейцев²⁴³² могла сразу же нарушить все расчеты и надежды...

Особенно напряженно переживалась последняя ночь... Наконец, рано-рано утром 25 июля ст[арого] ст[илия] слышу мерный звук движения пехоты и вижу в окно отряд чехов с красно-белыми значками, в полном порядке проходящих мимо дома.

Немедленно выбегаю, бросаюсь к чехам со словами приветствия и присоединяюсь к ликующим группам населения; кто-то мне сунул винтовку, с которой я и пошел разыскивать начальника академии.

На улице же встретил генерала Ю.Д. Романовского, стоявшего во главе местной белой организации и уже формировавшего отряд.

Радостно с ним расцеловавшись, пошел дальше. У А.И. Андогского уже был кое-кто из наших, выяснилось, что еще совсем недавно недалеко от квартиры Андогского был небольшой бой.

Спешно в квартире проф. Казем-Бека была собрана конференция, на которой было постановлено приложить все силы к служению на пользу Родины в возрождающейся армии.

Начальником академии, кажется, в тот же день было получено распоряжение назначить в распоряжение полк[овника] Каппеля слушателей в числе, кажется, 40 человек.

Академия с остальными слушателями²⁴³³ должна была грузиться на пароход для следования в Самару.

На пути в Самару были на пароходе приняты военные меры — выставлены пулеметы и велось постоянное дежурство, так как было предупреждение о возможных действиях банд с берега.

В Самаре мы зашли познакомиться с начальником чешских войск генералом Чечеком, который по карте пояснил нам все положение, в котором пока мы очень смутно разбирались, находясь пока, волею обстановки, в пассивном положении.

²⁴³² Помню, напр[имер], что при начавшемся ливне у дверей нашего дома стояла группа красных, и мы с волнением ждали, что ворвутся к нам «обсуживаться», «попить чаю»... (примеч. П.Ф. Рябикова).

²⁴³³ Все «красные» слушатели, конечно, исчезли... (примеч. П.Ф. Рябикова). П.Ф. Рябиков неточен, с красными ушли лишь некоторые слушатели ускоренного курса.

Зашли мы и в штаб сформированного самарским правительством Военного министерства, причем военный министр полк[овник] Галкин оказался юнкером Владимирского военного училища, где мы с ген. проф. Иностранцевым в свое время преподавали.

Полк[овник] Галкин просил и в его распоряжение назначить несколько членов конференции и слушателей.

Конференция, собранная на пароходе, постановила выделить в распоряжение штаба «Народной армии» полковника Сурина, подп[олковников] Слижикова, Леонова, Сыромятникова, Смелова и Оберюхтина²⁴³⁴. Весь остальной состав поехал в Екатеринбург.

Отмечу, что из всего состава конференции выбыл в Сов[етскую] Россию из Казани один полк[овник] Капустин, уехавший вначале в отпуск, кажется в Москву, для свидания с оставшейся там семьей²⁴³⁵.

Академия в Томске

После радостной встречи с семьями и оставшимися профессорами в Екатеринбурге выяснилось, что мы через несколько дней должны переехать в Томск, выбранный как место пребывания академии военным министром Сибирского правительства полк[овником] Гришин[ым]-Алмазовым.

Еще штабом «Народной армии» академии было присвоено звание «Всероссийской», причем награжденным отличием служил русский национальный флаг на бархате²⁴³⁶.

Новое переселение теперь уже всей академии с фундаментальной библиотекой произошло весело, бодро, так как избавившиеся от большевицкого кошмара, — мы все стремились скорее приступить к работе, столь теперь нужной и имевшей такой ясный, определенный и идейный смысл.

На пути в Томск в Челябинске наш поезд встретился с поездом военного министра Сиб[ирского] правительства полк[овника] Гришин[а]-Алмазова. Члены конференции представили ему в его вагоне.

Молодой, энергичный и простой в обращении, Гришин-Алмазов произвел на нас очень хорошее впечатление.

Приветствовав нас с избавлением от большевиков и подчеркнув значение академии, Гришин-Алмазов высказал взгляд, что зима должна быть использована для формирования боеспособной армии и создания офицерского кадра; говорил о необходимости проведения демократического начала, подчеркнув, между прочим, несвоевременность введения наплечных погон, вызвавших такое гонение.

Говоря о выборе им для нас Томска, министр указал, что он считает его для спокойной академической работы очень подходящим, тем более что Томск является и центром высшего гражданского образования с Томским университетом.

Все условия для нашей учебной работы действительно оказались в Томске прекрасными.

²⁴³⁴ Полк[овник] Сурин был скоро вызван на службу в Сибирской армии; подп[олковники] Слижиков и Сыромятников по выбору на Уфимском совещании ген. Болдырева гл[авнокомандующим] были назначены для работы с нач[альником] шт[аба] ген. Розановым в сформированной первой «Ставке». Там же остались подп[олковники] Леонов и Оберюхтин (*примеч. П. Ф. Рябикова*).

²⁴³⁵ Далее вычеркнуто: *Во время дальнейшего следования по железной дороге в Екатеринбург — на ст[анции] Челябинск членов конференции.*

²⁴³⁶ В этот период офицеры погон не носили, а, как и в чешских отрядах, чины различались по наркувавшему знаку (*примеч. П. Ф. Рябикова*).

Маститый Макушин предоставил академии его «Дом науки»; как преподавательский состав, так и слушатели академии могли хорошо и удобно разместиться; с профессорами университета установились весьма добрые отношения и постепенно стали развиваться личные отношения.

Академия постепенно устраивалась, а в конференции разрабатывался учебный план²⁴³⁷, составлялись программы и разрабатывался проект условий приема на младший курс.

По получении сведений о назначении Директорией ген. Болдырева главнокомандующим ему была послана как профессору академии приветственная телеграмма и было решено послать для личного поздравления в Омск делегацию во главе с нашим маститым старейшим профессором генерал-лейтенантом Колюбакиным²⁴³⁸, был назначен в состав делегации и я.

В Омске пришлось присутствовать и на встрече членов Директории на городской станции (на «ветке»), а также на торжественном молебствии и параде войск омского гарнизона.

Толпа народа, собравшаяся у станции, встретила появление членов Директории как-то сухо, вяло и равнодушно...

Парад прошел в общем гладко, если не считать неприятного инцидента с генералом Болдыревым, который, как довольно неважный ездок, долго не мог справиться с лошастью, которая не шла...

Прием нашей делегации произошел так. Генерал Болдырев жил еще в вагоне, куда мы утром и направились.

После заявления адъютанту о нашем желании представиться прошло очень много времени, пока мы были приняты, пришлось на сильном ветре²⁴³⁹ сидеть у вагона на каких-то бревнах.

Мы были приняты, и довольно сухо, генералом Болдыревым в его салоне, причем в ответ на приветствие начальника академии главнокомандующий сказал несколько общих фраз, а потом, усадив нас вдоль стен, недолго поговорил, обращаясь к отдельным профессорам.

Из этого приема осталось довольно тягостное впечатление, вероятно, особенно обидное нашему старейшине генералу Колюбакину, учеником которого был генерал Болдырев. Казалось, что с нами говорил не наш старый товарищ и сослуживец, с которым некоторые были на «ты», а человек, едва нас вспоминающий и слишком далеко и высоко от нас стоящий... Как уже много, много позднее мне рассказывали со слов самого Болдырева, такой «сухой» прием был будто бы из-за генерала Андогского, с которым еще с петербургских времен до войны у генерала Болдырева были неважные и натянутые отношения. Казалось, что генералу Болдыреву, как главнокомандующему и старому профессору, кроме ничего не значивших формальных фраз высокого лица, можно было найти и серьезные темы для разговора со старыми и опытными профессорами, поинтересоваться намеченной работой академии, нарисовать нам обстановку и его работы и планов...

Я лично посетил и начальника штаба генерала Болдырева генерала Сергея Николаевича Розанова²⁴⁴⁰, моего старого сослуживца и начальника во время Русско-японской войны.

²⁴³⁷ Приложение № 3 (примеч. П.Ф. Рябикова). Не публикуется.

²⁴³⁸ Насколько помню, ген. Андогский был в это время в Омске (примеч. П.Ф. Рябикова).

²⁴³⁹ Был, как помню, октябрь месяц (примеч. П.Ф. Рябикова).

²⁴⁴⁰ Генерал Розанов пробрался в переодетом виде с женой в район Волги и был, кажется, в Уфе во время заседаний Учр[едительного] собрания [мемуарист неточен, речь идет о Государственном совещании. — А.Г.] назначен начальником штаба главнокомандующего (примеч. П.Ф. Рябикова).

Генералу Розанову я представил разработанный еще в Томске доклад о положении наших военных агентов за границей во время Великой войны и о необходимости вновь завязать с ними сношения. Генерал Розанов держал себя удивительно просто, что сквозило и в его костюме, почти не отличавшемся от солдатского...

Ближайшими помощниками генерала Розанова были преподаватели нашей академии полк[овники] Слижигов и Сыромятников.

Если генерал Розанов и относился к генералу Болдыреву вполне искренно, то казалось, по нескольким признакам, что среди некоторых чинов Ставки этой искренности не существует, а уже ведется против главнокомандующего какая-то тайная интрига...

По возвращении в Томск приступили к продолжению своей прямой работы, будучи совершенно далеки от «политики» в центре — Омске.

Во время переворота 18 ноября 1918 года²⁴⁴¹ начальник академии, насколько помню, был в Омске, выехав туда для решения ряда академических дел и, в частности, для выяснения условий приема на младший класс академии.

Разговор по прямому проводу между генер[алом] Андогским и правителем дел академии полк[овником] Антоновичем прилагаю (Приложение 4)²⁴⁴².

Не могу уже вспомнить точно, когда именно в академии начались вполне правильные и систематические занятия. Чехословацкие и польские войска прислали в академию и несколько своих офицеров для прохождения курса. Офицеры эти, будучи всегда в высшей степени дисциплинированными, проявили большой интерес и усердие к работе, которая для них была много сложнее из-за недостаточного знания русского языка.

Так, академию прослушали следующие чешско-словацкие офицеры: майоры Моравец, Грабчик²⁴⁴³, Косина, капитан (б[ыть] м[ожет,] поручик) Камм, Каня, Шоурек и другие.

Из польских офицеров помню майора Куликовского и капитана Котвич-Добжанского.

Почти всю зиму начальник академии генерал Андогский отсутствовал и обязанности начальника академии исполнял заслуженный профессор генерал-лейтенант Борис Михайлович Колубакин.

Точных причин отсутствия ген. Андогского не помню, но во всяком случае они происходили из-за какого-то недовольства им высшим начальником в Омске (думаю, что не на почве академических дел). Одно время ему предложено было жить в Иркутске.

В апреле 1919 года был представлен Верховному правителю проект «Временного положения о причислении к Генеральному штабу и о переводе в таковой офицеров, окончивших подготовительные курсы 1, 2 и 3 очереди²⁴⁴⁴ при Военной академии и перешедших на старший класс академии» (Приложение № 5²⁴⁴⁵).

Это «Временное положение» вызывалось тем, что крайняя нужда в офицерах Генерального штаба не позволяла отвлечь офицеров, окончивших младший курс, с фронта. При выполнении известных условий они могли быть причислены к Генеральному штабу, а по выполнении двух тем и переведены в Генеральный штаб.

²⁴⁴¹ Выдвинувшего адмирала Колчака на пост Верховного правителя и Верховного главнокомандующего (*примеч. П. Ф. Рябикова*).

²⁴⁴² См. основную часть книги.

²⁴⁴³ Оба уже генералы (*примеч. П. Ф. Рябикова*).

²⁴⁴⁴ 1 и 2 очереди — Петроград. 3 очередь — Петроград — Екатеринбург. 4 очередь — Томск (*примеч. П. Ф. Рябикова*).

²⁴⁴⁵ См. документ в Приложениях.

Получил ли этот «проект» утверждение Верховного правителя, не помню.

Занятия в Томске все время протекали весьма систематично и с большим напряжением и преподавательского и слушательского состава.

Отсутствие ряда преподавателей на разных служебных должностях в Омске приводило к тому, что наличный состав был очень загружен работой, стремление же дать обучающимся в короткий срок возможно больше знаний делало нам работу очень напряженной. Мною читался курс разв[едывательной] службы по прилагаемой программе (Прил[ожение] № 6²⁴⁴⁶).

На практические занятия по тактике обращалось очень большое внимание, причем принимались все меры к тому, чтобы они носили действительно практический, прикладной характер²⁴⁴⁷.

В частности, мною (я думаю, и другими) задания для тактических занятий брались, главным образом, из действительных боевых положений Великой войны, пережитых мной в должности командира пехотного полка.

Весной были проведены экзамены, причем во время них академию посетил генерал Жанен²⁴⁴⁸, побывавший на некоторых из экзаменов.

По окончании экзаменов офицерами, обучавшимися в академии, был устроен прощальный ужин, на который были приглашены все члены конференции, весьма тепло чествованные слушателями.

Впечатления от учебной работы в академии в Томске являются у меня самыми светлыми, отрадными воспоминаниями из всей работы в Сибири. Ключом кипела деловая жизнь, спокойно выполнялась своя прямая работа, так далекая от интриг, политиканства и в общем засилья той весьма нездоровой атмосферы, которую потом пришлось испытывать в Омске.

Сильно облегчал академическую работу и прекрасный состав обучающихся офицеров, дисциплинированных и усердных, прилагавших все усилия к получению возможно больших знаний и с большим интересом и вниманием относившихся и к лекциям и к практическим занятиям.

Для меня лично Томск был знаменателен и тем, что я там мог закончить свою диссертацию на тему «Разведывательная служба в мирное и военное время» на звание экстраординарного профессора (Прил[ожение] № 8²⁴⁴⁹).

Ввиду того что материалами для разработки темы послужили и секретные инструкции по разведке, диссертация считалась секретной; с целью дать обучающимся в академии офицерам к экзаменам пособие по службе разведки, которую я читал по кафедре «службы Генерального штаба», мною попутно с разработкой диссертации была на средства академии напечатана книга-пособие «Разведывательная служба в мирное и военное время».

Книга эта (тоже «секретная») была разослана всем старшим начальникам и штабам фронта.

№ 1^й книги был мною представлен Верховному правителю адмиралу Колчаку.

²⁴⁴⁶ Не публикуется.

²⁴⁴⁷ Некоторые указания по ведению практич[еских] занятий см. в Приложении 7 (*примеч. П.Ф. Рябикова*). Приложение не публикуется.

²⁴⁴⁸ Французский генерал М. Жанен сам проходил стажировку в Николаевской академии и даже имел академический знак (ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 22об.).

²⁴⁴⁹ Не публикуется.

Публичная защита диссертации при оппонентах профессорах генералах Колубакине, Христиани и Иностранцеве была проведена в присутствии старших чинов томского гарнизона, иностранных представителей и, насколько помню, и некоторых профессоров Томского университета.

По защите диссертации приказом Верховного правителя от 7 мая 1919 г. я был назначен экстраординарным профессором академии.

Во время пребывания в Томске мне довелось читать курс тактики и в школе, организованной для усовершенствования молодых строевых офицеров; школа эта, имевшая обиход военного училища, с классами, общежитием, столовой, распорядком дня по сигналам и пр., оставила у меня самые лучшие воспоминания, представляя весьма дисциплинированную, усердную и внимательную аудиторию, стремившуюся набраться знаний для предстоящей работы на фронте.

Кроме лекций по главным военным предметам с офицерами проводились и практические занятия по карте на мелкие тактические единицы.

Гарнизон Томска составляли некоторые части I^{го} Средне-Сибирского корпуса, который был сформирован по приказанию еще военного министра Сибирского правительства полковника Гришин[а]-Алмазова. Формирование корпуса, командиром которого был назначен очень популярный среди сибиряков полк[овник] Пепеляев, началось в половине июня 1918 года, вскоре после бегства большевиков из Томска (29 мая 1918 г.).

Начальником штаба корпуса был назначен²⁴⁵⁰ преподаватель академии полк[овник] Сурнин.

Корпус, выйдя на фронт, вошел в состав Сибирской армии сначала генерала Гайды, а потом генерала Пепеляева.

Кстати, напомним, что II Средне-Сибирский корпус был сформирован в Омске.

Находились в Томске и некоторые чехо-словацкие части.

В смысле дисциплины и войскового распорядка в гарнизоне академия руководствовалась приказами штаба (управления?) корпусного округа I^{го} Средне-Сибирского округа²⁴⁵¹, находившегося в Томске.

Из таковых приказов общего значения первым был приказ осенью 1918 года, передававший распоряжение военного министра генерала Иванова-Ринова, назначенного вместо ген. Гришин[а]-Алмазова²⁴⁵², о введении наплечных погон.

Вскоре после «переворота» 18 ноября, т.е. по переходе всей власти в Сибири в руки Верховного правителя адмирала Колчака, по войскам корпусного округа I^{го} Средне-Сибирского корпуса был отдан новый строгий приказ, подтверждавший требования ношения погон (Приложение № 9²⁴⁵³).

Вся жизнь в Томске проходила в общем вполне спокойно, и только раз при ожидании, по сведениям местной контрразведки, какого-то восстания или беспорядков, было довольно напряженное состояние, когда и служащим академии, вооруженным винтовками, было приказано организовать патрули в районе «Дома науки» и квартала, занятого квартирами учебно-преподавательского состава академии.

Никакого «восстания» не состоялось...

²⁴⁵⁰ Даты назначения не помню (*примеч. П.Ф. Рябикова*).

²⁴⁵¹ Так в тексте, правильно: *корпуса*.

²⁴⁵² Уволенного, как говорили, благодаря интригам того же Иванова-Ринова (*примеч. П.Ф. Рябикова*).

²⁴⁵³ Не публикуется.

После назначения в мае 1919 года нескольких профессоров и преподавателей в штаб Верховного главнокомандующего в Омск, в связи с крупной там реорганизацией военного управления, академия по приказанию Верховного правителя была закрыта.

Академия уже в бездействии под начальством и[сполняющего] обязанности начальника академии ген. Б.М. Колюбакина с генералами Христиани и Медведевым и административно-хозяйственным составом оставалась в Томске.

В связи с последней эвакуацией Омска Верховный правитель приказал академии эвакуироваться во Владивосток, что и было выполнено.

Во Владивостоке академия в свернутом виде и оставалась, сначала при власти генерал-губернатора ген. Розанова, затем «медведевского» правительства²⁴⁵⁴, «меркуловского» правительства, при периоде главнокомандования ген. Дитерихса — и так до захвата власти большевиками...

Из состава учебно-преподавательского персонала во Владивостоке были: начальник академии генерал Андогский (бывший в известный период²⁴⁵⁵ городским головой г. Владивостока), генералы Колюбакин, Христиани, Медведев, Иностранцев, Антонович, Коханов, полковники Слижиков, Сурнин, прикомандированный к академии полк[овник] Зиневич, Осипов, библиотекарь капитан Дружинин, заведующий хозяйством подп[олковник] Наумов и чиновники Мартынов, Гальченко и Высогорец.

Благополучно до большевиков успели выехать из Владивостока: ген. Андогский (в Харбин), генерал Иностранцев (с чешским эшелонам в Европу), полковник Слижиков (успевший выехать в Шанхай, а потом в Харбин, но без семьи), а также и полк. Осипов (уехавший в Нидерландскую Индию на Яву²⁴⁵⁶).

Остальные, а также генерал Болдырев при захвате Владивостока большевиками снова подпали под их власть; захвачено было и имущество академии с библиотекой.

Почему чины академии, попавшие под власть большевиков, не успели выехать, сказать определенно не могу, не имея точных данных.

Слышал, что наши уважаемые старейшие профессора были настолько измучены всеми переживаниями, что в крайне нервной обстановке эвакуации на японском пароходе не сумели и не успели себе и своим семьям найти места...

Генерал Болдырев, как опять-таки мне рассказывали, не захотел уезжать, будто бы заявлял, что он ни в чем не виноват перед Родиной и считает ниже своего достоинства бежать...

О причинах, побудивших не уезжать генерала Коханова, не слышал. Ген. Антонович, не выносивший японцев, неоднократно уже предававших, — не пожелал, как говорили, воспользоваться их пароходом и предпочел остаться...

Большевики, погрузив оставшихся чинов академии и имущество, отправили их, очевидно, по Амурской железной дороге в Москву, как мне говорили потом, на «суд».

В Новониколаевске с поезда были сняты генералы Болдырев, Христиани и Антонович, которые были там арестованы и, насколько слышал, долго там ходили под надзором Чека; о дальнейшей их судьбе не знаю.

²⁴⁵⁴ Когда военная власть была в руках ген. Болдырева (примеч. П.Ф. Рябикова).

²⁴⁵⁵ В «меркуловский» период (примеч. П.Ф. Рябикова).

²⁴⁵⁶ В Харбин успел уехать и зав[едующий] верх[овой] ездой подполк[овник] Вуич. Также выехал в Шанхай и другой руководитель верховой езды ротмистр Арнгольд (примеч. П.Ф. Рябикова).

Генералы Колюбакин и Медведев, уже больные от всех испытанных моральных и физических страданий и переживаний, скоро умерли.

Коханов, как видно из его современных трудов в советской военной печати, служит в военно-технической академии.

Старая академия Генерального штаба, пережив столько тяжелых испытаний и проделав путь Петроград – Екатеринбург – Томск – Владивосток, умерла...

Не могу еще не упомянуть и о попытках генерала Андогского эвакуировать академию в Японию или Китай еще во время пребывания во Владивостоке тех или иных последних «белых» и «полубелых» правительств.

Все эти попытки встретились с какими-то непреодолимыми затруднениями или же они не проводились достаточно активно, в постоянной, почти до последней минуты, надежде, что хоть в Приморье белая власть удержится...

Еще во время командировки ген. Андогского весной 1920 года в Пекин²⁴⁵⁷, генерал Андогский обсуждал этот вопрос с покойным послом в Пекине князем Кудашевым, но положительного результата не добился.

Из всех этапов, которые мне пришлось пережить с академией со времени большевицкого переворота, наиболее тяжелым и унижительным было наше беспомощное пребывание в Екатеринбурге в пункте, где томилась и семья царственных мучеников.

Приходилось слышать обвинения академии в том, что она не приняла мер к спасению царской семьи...

Но справедливость требует отметить, что условия местной обстановки совершенно исключали такую возможность...

Царская семья содержалась совершенно изолированно в доме г. Ипатьева за большим сплошным деревянным забором под постоянной охраной самых заядлых и зверски настроенных коммунистов; подходить к этому дому было совершенно невозможно, так как всюду были вооруженные караулы.

В городе находился сильный красный гарнизон против горсточки невооруженных чинов и слушателей академии, несомненно все время зорко наблюдаемой не только переодетыми чекистами, но и внутренними в академии «красными» слушателями.

Организация подготовки «восстания», для чего было необходимо раздобыть оружие и расширить «отряд» академии добровольцами, — пройти незамеченной не могла; но если даже допустить, что нашлась бы группа самоотверженных героев, готовых пойти на смерть для освобождения царской семьи, такое «восстание» могло бы привести к еще более раннему убийству царской семьи, которая и была злодейски убита 16/3 июля при сведениях о наступлении чехословаков; можно с уверенностью сказать, что всякая попытка освободить царскую семью или организовать внутри города восстание антисоветскими элементами, даже еще в момент сравнительного спокойствия в Екатеринбурге, была бы жестоко и кроваво подавлена, окончившись полным разгромом академии и ни в чем неповинных семейств.

Приближение же чехословаков вызвало, конечно, еще бóльшую бдительность большевиков и нашу насильственную эвакуацию в Казань; царская же семья уже за несколько дней до этой эвакуации была злодейски убита...

²⁴⁵⁷ Одновременно со мной, решавшим задачи по связи через военного агента в Китае с нашими военными агентами в Европе (*примеч. П.Ф. Рябикова*).

Наиболее светлой и яркой точкой всех переживаний академии был момент освобождения от большевиков в Казани.

Из более длительных периодов — большая плодотворная работа академии в Томске служила большим моральным удовлетворением для чинов академии, столько переживших и перестрадавших со времени большевицкого переворота.

Генерал Рябиков

Приложения

№ 1. Список руководителей практическими занятиями на старшем курсе в 1918–[19]19 уч. году.

№ 2. Список слушателей II-й тактической партии (1918 г. Екатеринбург).

№ 3. Повестка конференции 28/XI 1918. Томск.

№ 4. Разговор по прямому проводу начальника академии ген. Андогского с правителем дел полк[овником] Антоновичем.

№ 5. Временное положение о причислении к Генеральному штабу.

№ 6. Программа лекций по курсу «разведки».

№ 7. Указания по военно-практическим занятиям по тактике (восемь).

№ 8. Повестка конференции академии 26/IV 1919 г. г. Томск.

№ 9. Приказ Всероссийской академии Генерального штаба № 242.

№ 10. Сношение правителя дел академии об избрании генерала Рябикова в состав Томского губернского комитета помощи армии.

№ 11. Выписка из приказа Всероссийской академии Генерального штаба № 27.

№ 12. Черновик доклада генерала Рябикова, представленный в комиссию, расследовавшую действия академии во время большевиков.

Доклад составлен по вопросным пунктам, написанным на первой странице.

Как видно из вопросов комиссии, уделено почти главное внимание расследованию действий начальника академии генерала Андогского.

Поясняю 3 вопрос о «расписках». Было обвинение, что члены конференции дали какие-то расписки в «верности большевикам». Этого, безусловно, не было.

Ген. Рябиков

Рябиков П. Ф. В Военной академии // ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 107–135. Подлинник. Автограф.

Оглавление воспоминаний генерала А.И. Андогского²⁴⁵⁸

Революция и Гражданская война. Мемуары генерала Андогского Оглавление

стр.
1

Введение

Глава I. Освобождение академии Генерального штаба от большевиков. Самарское правительство. Направление академии в распоряжение самарского правительства. Оставление части преподавателей в Самаре. Генерал Гришин-Алмазов. Заключенные большевики. Прибытие в Томск. Характер противобольшевистского переворота в Томске. Сибирские эсеры. Сибирская дума. Отношение жителей. Голландский консул Станг. Свержение Сибирского правительства. Генерал Иванов-Ринов. Новое правительство. Первые его меры. Учредительное собрание и Директория. Их роль. Генерал Болдырев. Вызов меня в Омск. Предложение Иванова-Ринова. Мой отказ. Прибытие Директории в Омск. Впечатление от него. Смотр войскам. «Ставка»

2

Глава II. Первая встреча с Колчаком и впечатления от нее. Возвращение в Томск. Академическая работа. Назначение адмирала Колчака военным министром. Восстание большевиков в Томске. Свержение Директории и провозглашение диктатуры Колчака. Состав кабинета. Отношение населения к перевороту. Генерал Степанов. Предложение его мне. Мой отказ и его причины. Поручение конференции академии мне. Отношение к академии. Общее впечатление от Омска. Ставка и атмосфера в ней. Успехи Сибирской армии и их причины. Снабжение армии. Ижевцы и воткинцы. Характер большевизма в Сибири. Представление академической делегации Верховному правителю и впечатление от него

29

Глава III. Ускорение темпа академической работы. Взятие Перми. Томский гарнизон. Чехословаки. Югославянский полк. Чествование чехов. «Комитет помощи армии». Приезд в Томск генерала Жанена. Приостановка наступления Сибирской армии. Приезд генерала Леонова. Основная стратегическая идея наступления. Общее впечатление от его рассказов. Вызов в Омск академических профессоров и преподавателей. Предложение мне должности редактора газеты «Русская армия». Прибытие в Омск весной 1919 г. Более подробное ознакомление со Ставкой. Главнейшие ее деятели. Военный министр генерал барон Будберг. Начальник снабжений генерал Сурин. Общее впечатление от Ставки и ее работы. Назначение генералом для поручений при Верховном правителе

57

Глава IV. Представление Колчаку и его слова мне. Совет министров. Его главнейшие деятели. Канцелярия Совета министров. Личный обиход Колчака. Секретари и адъютанты. Слухи о неладах между крупными лицами армии. Первое поручение Верховного правителя. Генерал Дитерихс. Генерал Гайда. Расследование комиссии. Решение ее. Вечер у Верховного правителя. Реквизиции и их результаты. Внутренние фронты. Командировка в Томск, Иркутск и Новониколаевск. Генерал Нокс. Большевики в Томске и его окрестностях. Охрана Сибирского пути. Станция Тайшет. Возвращение в Омск

85

²⁴⁵⁸ 27 января 1950 г. из Института русской революции в Гуверовскую библиотеку было передано машинописное оглавление воспоминаний начальника Военной академии генерала А.И. Андогского. Сами воспоминания, судя по записи сотрудников Гуверовского института на титульной странице, получены не были. Тем не менее их развернутое оглавление чрезвычайно интересно, поскольку освещает некоторые прежде неизвестные сюжеты, дает определенное представление об основных переживаниях Андогского в период 1918–1919 гг. и показывает, какое место занимали те или иные события в памяти начальника академии. Название дано в соответствии с наименованием в Гуверовском архиве, авторское название отсутствует как в машинописном оглавлении, так и в сопроводительных документах.

Глава V. Отступление Сибирской армии к Уралу. Причины его. Доклад Верховному правителью. Взрыв в доме Колчака. Поездки его на фронт. Приезд Бандидо-Хамбо-Ламы. Оживление на внутренних фронтах. Тасеевский район. Успехи Деникина и Юденича. Юденич под Петроградом. Его просьба к Колчаку. Значение этого. Мои старания добиться доклада. Подготовительные мероприятия по доставке в Петроград хлеба. Мой двухчасовой доклад Колчаку. Его решение. Ночная беседа с Ноксом. Окончательное решение Колчака. Вторичная командировка в Иркутск. История генерала Оглоблина и ее значение. Генерал Артемьев. Расследование комиссии. Решение ее. Замена генерала Лебедева на должности начальника штаба генералом Дитерихс[ом]. Замена генерала Будберг[а] на должности военного министра генералом Ханжиным

141

Глава VI. Новая организация Ставки. Общее положение на театре военных действий. Приезд генерала Головина. Его предложение мне. Детали организации. Предложение мне Дитерихсом должности начальника штаба. Болезнь Головина. Его отъезд. Назначение меня генерал-квартирмейстером Верховного главнокомандующего. Совмещение Дитерихсом двух должностей. Доклады об операциях в Совете министров. Организационные работы. Оперативные доклады Колчаку и его отношение ко мне. Изменение Колчака. Отношение к чехам и [к] другим иностранцам. Эпизод с Георгиевской думой. Знамя Ижевцев. Приезд генерала Н. Поручение, данное ему. Певича Каринская. Генерал Хрещатицкий. Октябрьское заседание Совета министров

211

Глава VII. Новые неудачи армии. Отношение населения к красным. Его причины. Непопулярность Колчака и его правительства. Поездка Дитерихса на фронт и его доклад. Общеземское сибирское совещание и его судьба. Беседа с Колчаком после очередного доклада. Падение боеспособности армии. Развал санитарной части. Прием адмирала Рихтера. Анархия в тылу. Самозванец лже-Алексей. Решение поднять добровольческое движение. Сибирское казачество. Патриотический концерт. Неудача призыва добровольцев. Отправление на фронт конвоя Колчака. Морской батальон. Отношение к Колчаку чехословаков. Эпизод с полком карпаторуссов. Известия от Дитерихса с фронта. Мои стремления добиться экстренного доклада

253

Глава VIII. Тяжелое положение армии. Мой решительный доклад Колчаку о спасении положения. Беседа с Дитерихсом по его возвращении с фронта. Неизбежность катастрофы. Вызов Колчаком генералов Сахарова и Иванова-Ринова. Мое решение оставить должность. Доклад в Совете министров. Подготовительные меры к эвакуации Омска. Неудачи на других фронтах. Разрыв Колчака с Дитерихсом. Мой последний доклад Верховному правителью. Моя просьба об освобождении от должности. Мои прощальные беседы с генералами Жаненом и Ноксом. Их отношение к перемене в составе главных лиц Ставки. Мой отъезд к академии. Что я слышал о происшедшем дальше

295

Заключение

349

Содержание

Введение	5
Глава 1. Императорская Николаевская военная академия накануне Первой мировой войны.	11
Глава 2. Военное время. Возобновление учебного процесса и ускоренная подготовка кадров Генерального штаба.	22
Глава 3. Выборы начальника академии	76
Глава 4. Под большевиками (Петроград – Екатеринбург)	104
Глава 5. Академическая одиссея (Екатеринбург – Пермь – Казань – Самара – Челябинск – Екатеринбург – Томск).	189
Глава 6. В сибирских Афинах. Травля академии. Последний выпуск	249
Глава 7. Дальневосточный финал (Томск – Харбин – Владивосток – остров Русский)	322
Глава 8. Профессорско-преподавательский состав и служащие в 1914–1922 гг.	371
Глава 9. «Недоноски»? Выпускники ускоренных курсов 1916–1919 гг.	429
Глава 10. Научно-исследовательская, издательская и музейная деятельность академии в 1914–1922 гг.	445
Заключение	477
Список сокращений, аббревиатур и условных обозначений.	483

Приложения

Приложение 1. Биографии учебно-административного состава академии периода 1918–1922 гг.	487
Приложение 2. Документы и материалы	
<i>Космин В.Д.</i> Двадцать один год тому назад	541
Проект организации курсов военного времени Императорской Николаевской военной академии. 8 июля 1916 г.	545
Письмо Д.Г. Щербачева М.В. Алексееву. 26 августа 1916 г.	549
Положение об ускоренной подготовке офицеров в Императорской Николаевской военной академии в течение настоящей войны.	552
Список чинов учебно-административного состава, частных лекторов и руководителей практических занятий Императорской Николаевской военной академии с 1-го февраля 1917 г.	557
<i>Бодров А.С.</i> В академии (воспоминание)	558
<i>Месснер Е.Э.</i> Мои воспоминания	560
Распределение выпускников подготовительных курсов 2-й очереди по категориям выпуска и должностям.	578
Положение о комитетах слушателей Николаевской военной академии. 26 января 1918 г.	592
Письмо слушателей старшего курса в курсовой комитет академии. 2 апреля 1918 г.	595

<i>Зуев И.В.</i> Первый этап тернистого пути академии Генерального штаба	596
Задача по тактике, предложенная на письменном испытании в академии Генерального штаба. 11 мая 1918 г.	599
Список вольнонаемных служащих Военной академии Красной рабочей и крестьянской армии. Июль 1918 г.	600
<i>Семчевский К.В.</i> С академией Генерального штаба в Екатеринбурге в 1918 году . . .	601
Список лиц, подлежащих командированию на младший ускоренный курс академии. Лето 1918 г.	620
Заявление слушателя капитана П.Н. Соколова председателю суда чести Военной академии. 13 августа 1918 г.	625
Приказ штабу по формированию Народной армии (Екатеринбург) № 3. 27 августа 1918 г.	627
<i>Оборонец.</i> Военная академия и ее реформа (к организации армии)	628
Критика необходима, но нужна и добросовестность.	632
<i>Ильменский.</i> Академия Генерального штаба перед войной 1914–1917 гг.	634
<i>Кин.</i> Мытарства старой академии Генерального штаба	637
<i>Белоруссов.</i> Красное офицерство.	642
<i>Белоруссов.</i> Необходимое объяснение.	644
<i>Клетиков Ф. Ф.</i> «Красное офицерство» и «Необходимое объяснение» (размышления над статьями А.С. Белоруссова)	646
<i>Андогский А.И.</i> Академия Генерального штаба в 1917–[19]18 гг.	649
<i>Клетиков Ф. Ф.</i> Красная паутина (Ответ начальнику Всероссийской академии Генерального штаба, ординарному профессору, Генерального штаба ген[ерал]- майору Андогскому).	655
<i>Щепихин С.А.</i> Беседа с начальником Военной академии Александром Ивановичем Андогским	661
Проект Временного положения о причислении к Генеральному штабу и о переводе в таковой офицеров, окончивших подготовительные курсы 1-й, 2-й и 3-й очередей при Военной академии и перешедших на старший класс академии. Апрель 1919 г.	672
Характеристики слушателей ускоренных курсов 4-й очереди академии	675
<i>Т...г Б.Э.</i> Лебединая песнь Военной академии (4-я ускоренная очередь)	677
<i>Рычков В.В.</i> Как они оправдываются?	680
Доклад генерал-лейтенанта Г.Е. Катанаева по делу о прикосновенности бывшего начальника академии Генерального штаба генерал-майора А.И. Андогского и подведомственных ему чинов академии к противогосударственным (большевистским) организациям. 20 сентября 1919 г.	691
<i>Сатовский-Ржевский Г.Г.</i> [Воспоминания]	727
Список личного состава академии, эвакуируемой в Москву. 1922 г.	729
<i>Н.Р. [А.П. Слижиков]</i> Андогский — советский деятель	732
<i>Рябиков П. Ф.</i> Воспоминания об академии Генерального штаба	737
<i>Рябиков П. Ф.</i> В Военной академии	743
Оглавление воспоминаний генерала А.И. Андогского	763

Научное издание

Ганин Андрей Владиславович

Закат Николаевской военной академии
1914–1922

Художник

О.В. Комарова

Компьютерная верстка

П.А. Сандомирский

Корректор

Н.С. Самбу

Подписано в печать 12.12.2014.
Формат 80x100/16. Тираж 1000 экз.

ООО «Книжница»
125009, г. Москва, Газетный пер., д. 1/12, стр. 6, кв. 65
Тел.: (495) 629-04-82
Сайт книжного магазина: www.kmrz.ru

ISBN 978-5-903081-24-0

9 785903 081240

Отпечатано в типографии «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6